

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08190877 8

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

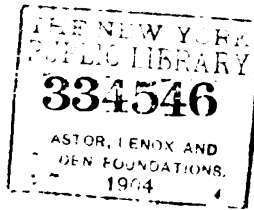
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

СЕНТЯБРЬ.

4 - САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 ноября 1864 г.

ПРОГРЕССЪ ВЪ МІРѢ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологіи, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности, думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелляционно вопросъ о достоинствѣ теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растений измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Если, наиримѣръ, волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жизни, должны показать намъ скелетъ этого родоначальника, и кромѣ того, скелеты его потомковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это, повидимому, очень естественно и законно; кость можетъ сохраняться очень долго, а лишь бы только найдти двѣ-три кости животнаго — и палеонтологи тотчасъ опредѣляютъ, къ какому роду, къ какому виду оно принадлежало, и какова была его внѣшняя фигура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнувшей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы, и насчетъ его видоизмѣняющихся потомковъ, можетъ показаться вполне справедливымъ, не только какому-нибудь профану, вродѣ меня или моего читателя, но даже и натуралисту, не успѣвшему взглянуть въ дѣйствительныя затрудненія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ поръ пристають къ Дарвину съ такими требованіями и возраженіями. Если, говорятъ они, различные

породы животных развиваются одна из другой, то докажете намъ скелеты или, по крайней мѣрѣ, кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то, значить, породы не измѣняются, значить, исчезнувшія животныя и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и значить, вся ваша теорія есть ничто иное, какъ произведеніе блестящей, но бесполезной фантазіи. Все это приставаніе и весь этотъ процессъ доказательствъ очень неосновательны. *Во первыхъ*, только Европа и Соединенные Штаты изслѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ отношеніи хоть сколько нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть, слишкомъ четыре пятахъ всего существующаго материка, совершенно не тропуты. *Во вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фактами, которые производятъ радикальные перевороты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твердыя части животныхъ и растительныхъ организмовъ, не смотря на свою твердость, все-таки разлагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благоприятныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остатковъ; а эти существующіе остатки въ свою очередь составляютъ также очень ничтожную частицу изъ всей массы существовавшихъ организмовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи откроютъ всѣ окаменелости, лежащія въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *всѣ* существующія окаменѣлости никогда не будутъ отрыты и собраны, но, если бы даже это и случилось, то и тогда было бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музей, обладающій всѣми этими палеонтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое понятіе обо всемъ историческомъ развитіи органической жизни. О теперешнемъ же положеніи нашихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологіею, обнаруживаютъ изумительную проникаемость, и довели точность своихъ научныхъ приѣмовъ и строгость своихъ наблюденій и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, не смотря на это обстоятельство, геологія и па-

леонтологія, по недостаточному количеству наличныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенствѣ, и, какъ подроставшіе дѣти, постоянно измѣняютъ свою фязіономію.—Сто лѣтъ тому назадъ, геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человекъ очень не глупый, но, когда онъ начинаетъ разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Клею Мокиевича. Ему говорятъ, напримѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу, представляетъ соображеніе, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну и обронили раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ специалистомъ, по его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ, и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; поэтому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земнаго шара, и даже не подозрѣвали возможности возсоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры, и по различнымъ окаменѣлостямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Выводя на сцену своихъ пилигримовъ, обронившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что, можетъ быть, Альпы были, въ доисторическія времена, покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока, и начинаетъ хохотать самымъ искреннимъ и не умышленнымъ смѣхомъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденнаго ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ, великій Кювье, стали толковать о катак-

двухъ и переворотахъ, и начали изъ открытыхъ костей и раковинъ строить хитрейшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Бювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительно, но къ сожалѣнію, нашлись ископаемые обезьяны и даже ископаемые люди. «Только двадцать лѣтъ тому назадъ, говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о челоѣкѣ, учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: Первичныя образованія, палеозойскія форманціи = царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся, и не могло ихъ быть, потому что это было бы противно плану мірозданія; — вторичныя образованія (тріасъ, юра, мелъ) = царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ, и не могло ихъ быть, по той же самой причинѣ; — третичныя пласты = царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть; — нынѣшнее твореніе = царство челоѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ — прощай царство рыбъ! — Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ меловой форманціи — до свиданія царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ намынныхъ слояхъ — приходи въ другой разъ царство млекопитающихъ!» (2-й томъ, стр. 269). Открытіе ископаемыхъ людей было особенно жестокимъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азіи, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англій, то есть, какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательно, чѣмъ всѣ остальные мѣстности земнаго шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то, повидимому, систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ, и произносить какіе-бы то ни было приговоры насчетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отда-

землемъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Лайбелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполне сознають бесиліе своей науки, и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣють ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи находятся его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи *нѣтъ* его костей», — это была бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значитъ: *мы не нашли*. Чтожь изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и со всѣмъ не найдете, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются въ теченіе цѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ, такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть, конечно, на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна понасть въ одно изъ такихъ водовѣстия и покрыться минеральнымъ осадкомъ, прежде, нежели ее истребитъ разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть, такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого-нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она *случайно* попадетъ, уже послѣ смерти животного, въ ложе рѣки или озера; или же тогда, когда она, такъ или иначе, будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора по не-

многу покроетъ занесенную кость, и предохранить ее отъ разложе-
 нія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ
 исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ таяхъ пе-
 щерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ,
 пещерный медвѣдь (*Ursus Spelaeus*), пещерная гиена (*Hyena Spe-
 laea*). Понятно, что только очень незначительное количество костей
 могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное же большинство погиб-
 ло безъ остатка, то есть, пошло опять въ общій круговоротъ жи-
 зни, и превратилось въ составныя части новыхъ растений и новыхъ
 животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Кюва Мокіевичъ спо-
 собенъ былъ бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, су-
 ществовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ со-
 храниться въ цѣлости. На земаомъ шарѣ, въ теченіи неизмѣримаго
 ряда тысячелѣтій, жили и умирали неисчислимые милліоны и миллі-
 арды животныхъ; ихъ кости, въ общей сложности, составляютъ та-
 кую груду, которая навѣрное въ нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ
 объемъ всей нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умер-
 шихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ
 организмовъ. Недавно въ Англии случился очень извѣстный примѣръ
 такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ
 начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать
 причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ недостаетъ
 нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаютъ изъ
 пищи; стали анализировать пищу, и нашли наконецъ, что вся бѣда
 происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутъ-
 ся честерскія коровы. Разыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ,
 и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ва-
 терлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человѣ-
 ческихъ и лошадиныхъ костей, смололи все это на паровыхъ мель-
 ницахъ, и этимъ костянымъ порошкомъ усыпали истощившіеся луга.
 Честерскій сыръ немедленно исправился, но сама природа съ неза-
 памятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились толь-
 ко въ нынѣшнемъ столѣтіи. «Кажется, говорятъ Лайелль, въ планѣ
 природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о зна-
 чительномъ количествѣ растений и животныхъ, которыя жили на по-
 верхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состо-
 итъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверх-
 ность земли, покрытую или не покрытую водою, отъ этихъ мириадъ

плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволовъ, которые, безъ этого, вскорѣ бы запрудили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствию множества безпозвоночныхъ животныхъ.»

(*Ляйелль*. Древность человѣка. Русскій переводъ г. Ковалевскаго. Стр. 136). Къ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупныя и мелкія, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно, и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружило въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологии и палеонтологій. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній, и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка, но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной человѣческой кости. Неправда ли, какъ остроумно было бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не попадаетъ въ такой же точно просакъ. Въ сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ диалювіальныхъ или намывныхъ пластахъ, рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ, найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи? — Люди современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей? — Костей нѣтъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формациі отыскалась человѣческая челюсть. Ну, а если бы эта челюсть не нашлась, тогда что? — И тогда ничего бы не во-слѣдовало. Все таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значить, присутствіе или отсутствіе человѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень пріятно, если человѣческія кости найдутся, потому что тогда можно будетъ сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но хоть бы

не осталось ни одной человеческой кости, все таки существование человека в эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ. «Между тѣмъ, говоритъ Ляйелль, отсутствие всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ поразительный урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу несуществованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это—новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства нашихъ геологическихъ данныхъ, несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе.» (Стр. 135). «По нашему незнанію геологій иныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, говоритъ Дарвинъ, и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствахъ ея естественныхъ произведеній.» (Стр. 242). «Развивая метафору Чарльза Ляйелля, говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, я считаю нашу геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчій. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава, и изъ каждой страницы лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.» (Стр. 246). Такимъ образомъ, для насъ становится ясною та истина, что геологія не имѣетъ никакого права, и ни малѣйшей возможности произносить надъ теоріею Дарвина, въ ту или въ другую сторону, окончательный приговоръ. Мы должны только рассмотреть вопросъ, примираются-ли съ теоріею Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и неотъемлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной, то есть, къ древнѣйшей формации. Пре-

жде всѣхъ другихъ рыбъ появляется такъ называемыя *ганойды* рыбы, которыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются, и наконецъ достигаютъ высшей ступени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формаціи. Затѣмъ, въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юровою пачвою, ганойды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ, и, наконецъ, въ настоящее время, порядокъ ганойдныхъ рыбъ, наполнявшій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ размноженіи и въ вымирании породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другого порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно непримично. Онѣ появляются внезапно, цѣлою группою видовъ и родовъ, въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Никитъ, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ же ихъ постепенное развитіе? Значитъ, онѣ *все одруги* были созданы въ началѣ мѣловаго періода. И совсѣмъ не «значитъ.» Тутъ опять пушено въ ходъ отрывчатое доказательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствительныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣловаго періода, и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формаціи. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ которыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много другихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ неизслѣдованы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слишкомъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ, порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться, и раздѣлаться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онѣ могъ наконецъ, во время мѣловаго періода, проникнуть и въ тѣ мо-

ря, которыя омывали тогдашніе берега Европы. *Во вторыхъ* намъ необходимо помнить, что отдѣльныя геологическія формаціи ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей, мѣловой формаціи. Если бы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было бы никакой возможности отличить мѣлъ отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны, то есть, когда во всей совокупности растений и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій. Вотъ примѣръ изъ книги Ляйелля «Древность человѣка:» «Мы уже видѣли, говоритъ Ляйелль, что всѣ растения и прѣсноводныя и морскія раковины «лѣснаго слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолка совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложилась бы морская или прѣсноводная формація настоящаго періода, она бы расположилась соотвѣтственными слоями, и содержала бы, какъ ту же фауну безпозвоночныхъ, такъ и ту же флору. Расположенныя такимъ образомъ пласты назывались бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащія къ той же эпохѣ, но и какъ относящіяся къ тому же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ.» (Стр. 275.) Въ геологическомъ отношеніи мордъ Пальмерстонъ, и самъ сэръ Чарльзъ Ляйелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣловаго періода. Стало быть, антрактъ между юрою и мѣломъ, то есть, между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формаціями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Что происходило въ этомъ антрактѣ—этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиться, или онѣ могли переселиться въ

сѣверныя моря въ южныя, а потомъ, когда началось напластованіе мѣловой формациі, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. Въ третичныхъ, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испыталъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пикте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали, *даже въ Европѣ*, раньше мѣловой эпохи. Кромѣ того, есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеонтологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы — костистыя, другіе находятъ, что это — ганонды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благопріятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка, и еще не возвысившаяся до другаго. Но, разумѣется, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда съумѣютъ обойти это неприятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность, *varietas*. А уклонилась посильнѣе — ну, значить — это новый видъ — *species*, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, но его нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ, на примѣръ, такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формациі, находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говоритъ, что это одни и тѣже раковины; но другіе первоклассные авторитеты, на примѣръ, Пикте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе, дѣйствительно, существуетъ, а раковины, то есть, породы моллюсковъ тѣже самыя; потомукъ не вполне похожъ на своего предка, точно также, какъ англійская лошадь не вполне похожа на арабскую, какъ теперешняя груша не вполне похожа на грушу временъ Плинія, или какъ курносый турманъ не вполне похожъ на диваго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше перемѣнъ, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытными

специалистами. Если бы была возможность определять совершенно точно различіе между разновидностью и видомъ, то натуралисты давно установили бы неизблемую границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе значитъ принять теорію Дарвина со всеми ея неизбежными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ также внезапно, какъ костистыя рыбы, но, во всѣхъ этихъ случаяхъ, внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недоуміе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимою защитой противъ всякихъ геологическихъ иллюзіій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительные факты, добытые современною геологіею, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь, значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то мы замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополяется въ значительной степени, или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (*Sirenia*) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (*Pachydermata*), то есть, отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотеріевъ* и *токсодонтовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей *динотерій* былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожіе рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство, въ самомъ дѣлѣ, можно найти между свиньею и овцою, между слономъ и оленемъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аномтеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ, навѣрное, къ какому порядку должно быть отнесено это семейство. Такимъ образомъ

китъ, сленъ и баранъ оказываются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Дщерицы рѣзко отдѣляются отъ ищущъ, во въ юрскомъ періодѣ жили крылатыя ящерницы (ptero-dactylia), и въ солонгобенскихъ пластахъ найдена даже ящерница, покрытая перьями. Но словамъ Дарвина, можно было бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вымершія животныя занимаютъ средину между нынѣ живущими группами.» И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежать къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ.» Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и если каждая разновидность возникла и развилаь изъ незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явленія, подмѣченнаго Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно, и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формаций вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось — конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіе неизмѣримаго ряда тысячелѣтій, и въ каждой изъ тридцати шести, извѣстныхъ намъ, громадныхъ, геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложенный ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ, и согласный со всею совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга, такой отвѣтъ, говорю я, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры *) различныхъ геологическихъ эпохъ, то мы увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ сильнѣе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ, животныя и растенія третичныхъ формаций ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пластъ, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растений; чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формации, лежащія одна на другой, напримѣръ, силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ, формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается, въ буквальномъ смыслѣ слова, дочерью другой формы, болѣе древней, если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей, громадной драмы, не прерывавшейся ни разу, съ самаго своего начала,—тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему, напримѣръ, вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей. Но, если каждый видъ возникъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если, такимъ образомъ, каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченною пьесю, съ своею особенною завязкою и развязкою,—тогда для насъ становится необъяснимою причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ. Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются, и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь, и создаются животныя и растенія каменноугольной формации, и такъ далѣе,

.) Не знаю есть, ли надобность пояснять, что фауною называется совокупность животныхъ, а флорою совокупность растений. На великій случай поясню.

вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ, напримеръ, на теперешніе виды животныхъ и растеній? Потому, что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурскою? Но какая же связь существуетъ между простою хронологическою послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непроходимую бездною, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Если бы девонскіе организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клигъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, находящіяся въ австраійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ, кромѣ того, родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи. И наконецъ, тотъ же Оуэнъ, «распространилъ то же обобщеніе и на млекопитающихъ стараго свѣта». Вотъ сколько незбвенныхъ услугъ этотъ драгоценный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему, напримеръ, ископаемыя животныя Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австраійскія животныя похожи на австраійскихъ, ново-зеландскія на ново-зеландскихъ, южно-американскія на южно-американскихъ, и такъ далѣе,—потому, что живыя формы этихъ мѣстностей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство переродилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе, но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другаго отвѣта тутъ и быть не можетъ, и, такимъ образомъ, даже геологія,

при всей недостаточности своихъ матеріаловъ, выдѣлываетъ въ пользу Дарвина три ряда многозначительныхъ фактовъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азіи и въ Африкѣ, и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгальскій тигръ замѣняется въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны стараго свѣта принадлежатъ къ семейству узконосыхъ и короткохвостыхъ, а обезьяны новаго свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Климатическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровно ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жжетъ съ одинаковою силою, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растеній и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ, конечно, не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутробки, и почему черепъ австралийскаго человека похожъ на рѣдну хвостомъ къ верху.— Великобританское королевство есть группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, и японская имперія есть также группа острововъ, лежащихъ въ сѣверномъ, умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому ни приходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи *habeas corpus*, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія; и таже самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапажу, и безхвостость узконосаго, азіятскаго орангутанга. Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англій и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоян-

но продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растеній и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человечества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія нибудь сношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихкихъ; африканскіе—особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ стараго свѣта. Тоже самое явленіе «особнячества» въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлага совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, то есть, всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Каждая отдѣльная часть, то есть, каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области*, и шлифуется посредствомъ этой борьбы, то есть, приобретаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія*. Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, то есть, всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Сообщая борьбѣ то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который, такимъ образомъ, оказывается непремѣнно продуктомъ известной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны, и, наконецъ, останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, черезъ которыя не можетъ перейти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ бы найти себѣ въ тро-

пачеткой Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; Бенгальскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился бы тамъ въ ягуара; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ южную Америку, по всѣй вѣроятности не приобрѣло бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но, такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Старога Свѣта. Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно, и въ Старомъ свѣтѣ, и въ Новомъ?— На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было бы необходимо, чтобы, въ теченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій, на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности, борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, приписывающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непременно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только изъ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльных материкахъ.— На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ящерицъ. Почему? Потому, что всѣ эти животныя не могутъ переселяться за море. Лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало быть, лягушка, жаба или ящерица можетъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ нечаянно помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Асорскіе острова и на островъ св. Мавривіа, и лягушки такъ отлично припаровились къ мѣстнымъ условіямъ, и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, то есть, именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населенъ тѣми растеніями и животными, которыя, такъ или иначе, могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому, населеніе

этихъ острововъ большею частію очень бѣдно, то есть, на нихъ живетъ сравнительно съ ихъ пространствомъ, очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣсколько разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіяся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятся днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ, въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому вовсе не трудно предположить, что какая нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но, если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это, въ самомъ дѣлѣ, для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагаются ни крысы, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ? И почему же мать—природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благопріятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмена различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствию морской воды? Между тѣмъ, вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе, и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія, могутъ ли зрѣлыя сѣмена, находившіяся на этихъ вѣткахъ,

пустить корень, и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣеть важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣмянками, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмяна ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе вполне. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42, и даже, для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣмянамъ, которыя, при первой возможности, тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленныя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣже самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ, сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмяна пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растеній десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выброситъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмяна этихъ растеній могутъ пустить корень, и основать такимъ образомъ новую колонію, вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берега океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы приготавливаютъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаются между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаютъ въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалію. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, лежащія иногда за камнями или между ними, совершенно защищены отъ воды, и не могутъ быть размыты, не смотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли-заключаются иногда сѣмяна различныхъ растеній, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрез-

вычайно далекія растоянія. Дарвинъ видѣлъ, между корнями пятидесятилѣтняго дуба, кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растеній, потому что многія сѣмяна долго сохраняютъ свою жизненность въ зобу этихъ птицъ. — Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сома, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу, и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наѣлась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ, и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не даетъ ей справиться, и уноситъ ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета, при такихъ условіяхъ, можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ сѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ, она видитъ берегъ, и опускается въ совершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ невольную привычку подстергать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника, и раздираетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба, и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу, и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмяна, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопля, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмячка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ, и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растеній должно быть очень значительно. Хищныя птицы,

витающіяся рѣчною рыбою, такъ же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растений, потому что рыба глотаетъ сѣмяна, а птица глотаетъ рыбу. — Къ ланамъ птицъ пристають иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмяна. Цапли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію прѣсноводныхъ растений. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту, и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непремѣнно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громадныя количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ, говоритъ Дарвинъ, взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ илъ, высушенный, вѣсилъ всего $6\frac{3}{4}$ унцій; я держалъ его прикрытымъ въ моемъ кабинетѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій илъ весь помѣшался въ чайной чашкѣ.» — Дикія утки, и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣки на другую, могутъ переносить съ собою прѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ перенесеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріе утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалась множество молодыхъ моллюсковъ, только что вылупившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу, и началъ ее отряхивать; моллюски не пошевелились; послѣ этого, лапа пролежала внѣ воды больше двѣнадцати часовъ, и моллюски остались въ живыхъ. Стало бытъ, утка очень легко могла бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними за нѣсколько десятковъ миль, и потомъ опуститъ ихъ въ какойнибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще не достаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣже виды прѣсноводныхъ моллюсковъ попадаютъ въ различныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собою никакого водянаго сообщенія. — Сами собою моллюски эти, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую. — Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя насѣкомыя. «Сэръ Чарльзъ Лайелль, говоритъ Дарвинъ, извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ *Dytiscus* (плавунецъ—водяной жукъ) съ прѣсноводною раковиною *An-*

одна, крѣпко присосавшеюся къ нему; а водяной жукъ *Colymbetes*, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль Батъа, когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго берега.» — Очень можетъ быть, что этотъ *Colymbetes*, при попутномъ вѣтрѣ, пролетѣлъ бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ бы и тотъ моллюскъ, который присосадылся бы съ его тѣлу. — Въ природѣ существуютъ, вѣроятно, многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты, конечно, сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣже дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морскаго уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то поднимались, то опускались во время всего постъ-плиоценоваго періода, примыкающаго непосредственно къ той эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы, всѣ британскіе острова соединялись въ одну массу, и сросались съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно, и, можетъ быть, даже все нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціею, а на Востокъ съ Норвегіею и Даніею. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась, кромѣ того, на множество мелкихъ острововъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю, и размножиться въ ней, во время періода поднятія. Такъ какъ, во время постъ-плиоценовой эпохи, теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему одни и тѣже породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова. — Несмотря на эти послѣдствительныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли посто-

янно оставались на тѣхъ же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ, Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадныя массы твердой земли занимали постоянно тоже положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямые переселенія животныхъ и растений изъ Франціи въ Соединенные штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи пліоценовая и постъ-пліоценовая дѣйствовали на расселеніе животныхъ и растений не только колебаніями уровня, но еще, кромѣ того, значительными колебаніями климатическихъ условій. Въ пліоценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время постъ-пліоценовой эпохи, холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться, и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія. — Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на расселеніе животныхъ и растений. Возьмемъ сначала теплый періодъ пліоценовой эпохи, и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главныя очертанія великихъ материковъ во все это время не испытали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошною корою вѣчнаго льда, подавляющаго, въ настоящее время, всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время, сѣверныя оконечности Стараго свѣта и Америки населены совершенно одинаково, именно потому, что эти оконечности находятся въ самомъ ближайшемъ соседствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ, сѣверный олень,

бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, вѣты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода пліоценовой эпохи, на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей, и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ изслѣдателямъ; и, *во вторыхъ* тѣ животныя и растенія умѣреннаго пояса, которыя, въ то время, жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Беринговъ проливъ, по всей вѣроятности, исчезалъ иногда, подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчные льды обложили полюсъ, и медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, подвигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплектъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія, въ свою очередь, стали напирать на тѣхъ, которые жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ, вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры, далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній, вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступить было некуда. Во первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины, и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса, и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земнаго шара лежатъ громадныя ледники, спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледяныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ, и тамъ, поддаваясь дѣйствию теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега, каменныя глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиринеевъ, и даже про-

никаютъ въ Испанію. Тѣже самыя полярныя формы живутъ, во время ледоваго періода, во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе, то есть все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода плиоценовой эпохи, жило отъ береговъ Баффина моря до крайней оконечности Огненной земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, во первыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во вторыхъ, жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ, жители того жаркаго пояса, который во время теплаго плиоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежнихъ* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода, и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ *прежнихъ* жителей погибаетъ, и жаркій поясъ, во время крайняго развитія холода, представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры, начинается обратное движеніе всего живаго отъ экватора къ обимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, въ ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолоднѣе, то есть, съ юга на сѣверъ, и, кромѣ того, снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во первыхъ, жарко, а во вторыхъ, тропическія формы не даютъ имъ пощады; онѣ выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ, и заставляютъ ихъ бѣжать; куда же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса? Туда, гдѣ прохладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если же оно, во время крайняго развитія холода, успѣло перешагнуть черезъ

эваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропикъ Козерога, и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ, если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усмливается; если же гора достаточно высока, то растеніе, по мѣрѣ усиленія теплоты, лѣзетъ все выше и выше, и наконецъ усложняется на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагоприятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ, высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса — растеніями полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пиринейхъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. Тоже самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ, и растеніями сѣверной Сибири. Кромя того, всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту же самую породу въ Испаніи и въ сѣверной Америкѣ, не смотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ, вовсе не одинакова, и вовсе не похожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земнаго шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокіхъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторыя чисто-европейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ таинни, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, независимыя на мысѣ Доброй Надежды человѣкомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остъ-Индіи, на высокіхъ горахъ острова Цейлона, и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледоваго періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса перебра-

лись через экваторъ, и ушли на югъ, на мысъ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ. — Растенія и животныя Соединенныхъ штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растениями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліоцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обояхъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Старога Свѣта, другія съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія — въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ распредѣленіи организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи съ идеями Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ до сихъ поръ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наука наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется ежедневно, и что открытія и наблюденія будущихъ натуралистовъ должны пополнить то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда устранятся и тѣ неизбѣжныя затрудненія, которыя каждая новая и плодотворная идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

ЭМБРИОЛОГІЯ И СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНАТОМІЯ.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримѣръ, у человѣческаго зародыша нога похожа на руку, у зародыша летучей мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впоследствии должна превратиться въ крыло. Кроме того, зародыши различныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ раннія фазы своего развитія, бываютъ очень похожи другъ на друга. Въ началѣ своего существованія, зародыши птицъ, мле-

копитающихъ, ящерицъ, змѣй, рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другаго. Видно только, что это зародышъ позвоночнаго животнаго, но какого класса — это неизвѣстно. Потомъ, въ болѣе поздній періодъ развитія, видно, что это млекопитающее—или птица, или ящерица, но еще нельзя опредѣлить къ какому порядку или семейству относится это возникающее существо. Потомъ обозначаются признаки семейства, рода и вида. Новорожденный жеребенокъ уже отличается отъ новорожденнаго осленка, но тѣ подробности тѣлосложенія, которыя характеризуютъ ломовую и скаковую лошадь, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются уже черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенествѣ умногихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя свойственны цѣлой группѣ родственныхъ формъ, и которыя потомъ исчезаютъ, замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримѣръ, у молодыхъ птицъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, хотя впослѣдствіи цвѣтъ перьевъ у различныхъ видовъ этой группы отличается значительнымъ разнообразіемъ. Въ семействѣ кошечъ большая часть породъ носить полосатую или пятнистую шкуру; левъ и пума, принадлежащіе также къ группѣ кошечъ, отличаются отъ своихъ родственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются. Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери, птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и не смотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ, во время ихъ зачаточнаго состоянія, артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впослѣдствіи исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ, и дышетъ этими жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, змѣи или черепахи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя скважины все таки существуютъ, и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ приходится поставить два вопроса: во первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ заро-

слыя животныя? И во вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторые органы, совершенно безмелсныя для самаго зародыша, и не нѣбющіе ни малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослого животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родители передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами приняли отъ своихъ предковъ, и во вторыхъ, тѣ особенности, которыя родители выработали себѣ въ теченіе своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, большею частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно, напримѣръ, что многія наслѣдственныя болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое нибудь животное, совершенно приспособленное къ водной жизни, незначительно пріучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды, и отправляется въ хлѣбныя поля, иногда на нѣсколько дней. Ракъ *Birgus latro* по ночамъ выходитъ на берегъ, вылазаетъ на кокосовыя деревья, и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовыя орѣхи для своего продовольствія. Рыба *Anabas scandens* ползаетъ по землѣ, и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ. Если подобныя явленія возможны теперь, при существованіи огромнаго количества ящерицъ, змѣй, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумѣется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время одно, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. И такъ, мы можемъ предположить, что, въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ, какое нибудь рыбообразное животное *A* повадилось вылазть изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря или рѣки. Каждое животное изъ породы *A* начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно, не тотчасъ послѣ своего выхода изъ яйца, а напримѣръ, черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питатель-

ныхъ соковъ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того, прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдѣльныя животныя породы *A*, у которыхъ эти медленные измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество, и, въ силу этого преимущества, оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ.

Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное *B*, прямой потомокъ животнаго *A*, — получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: *A* доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ, и измѣнилъ свою организацию самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти *A*, въ полуторагодовомъ возрастѣ наследовали это измѣненіе, и увеличили свое наследство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наследство, и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальные поколѣнія. Но если бы, напримѣръ, двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и если бы эти видоизмѣненія происходили въ немъ такъ же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ, можетъ быть, не хватило бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества, въ потомствѣ животнаго *A* установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яицъ въ первобытной рыбообразной формѣ; проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное *B*, и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на нихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки *B* имѣютъ уже двѣ пары оконечностей, и, вслѣдствіе этого, получаютъ отъ натуралистовъ отдѣльное видовое названіе *C*. Тутъ и процессъ развитія усложняется.

Изъ яйца выходитъ *A*; потомъ у него вырастаетъ одна пара оконечностей — оказывается *B*; потомъ другая пара и животное *C* готово. Не останавливайтесь на точкѣ *C*, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастикъ или рыбообразное животное *A*, потомъ одна пара оконечностей — *B*; потомъ другая — *C*; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ, и жабры замѣняются легкими—вотъ вамъ и лягушка готова. Развитіе лягушки представляетъ намъ просто портретную галерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечей породы былъ рыбою, — оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ, и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбьяго типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснились въ одну кучку, и уложились цѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ, конечно, изгладились и исказились, но, несмотря на то, даже и теперь, жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами нисшихъ, и во вторыхъ, между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ.—Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы принаровлены въ особеннымъ условіямъ жизни, эти припаровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основнаго типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія принаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу, и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матери, ему безполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуется только взрослыхъ, и касается зародыша настолько, насколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущою формою взрослага животнаго. Рыбы, и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силур-

ской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не имѣя надобности приравляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего девонскаго или смалурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, повзвочныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По этой же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другаго. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора въ теченіе многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разныя другіе сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда онѣ возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было перевернуть эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались въ теченіе нѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть, въ зародышѣ, они шлифуются въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое мѣро молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Также точно объясняются полосы или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы. Большая часть насѣкомыхъ выходятъ изъ яйца въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу, и, слѣдовательно, должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, не смотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ бесполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другаго животнаго, или чуждающему раку, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно бесполезны органы зрѣнія. Такие бесполезныя органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти переищбы, по обыкновенію, не относятся къ зародышу. По

этому, зародыши сохраняют черты прежнего типа, и вследствие этого, организация его оказывается выше и совершеннее, чѣмъ въ дозреломъ взрослаго животного, демонстрирующую регрессию перемѣну. Семейство усконогихъ раковъ (*Cirripedia*) очень замѣчательно на этомъ своеобразнымъ отношеніемъ между зародышцами и взрослыми формами. «Ихъ личинки, говоритъ Дарвинъ, въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ, и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ котораго онѣ обычно питаются, потому что растутъ быстро. Во второй, соответствующей мучильному стадію бабочекъ, онѣ имѣютъ шесть паръ самаго неуклюжаго устройства, два великолѣпныхъ сложныя глаза, и чрезвычайно сложные усики; но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправление въ этомъ стадіи состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ высокоразвитыхъ органовъ чувства, отыскать удобное мѣсто для дальнѣйшихъ превращеній, и чтобы доплыть до этого мѣста, при помощи своего высоко-развитого, плавательнаго аппарата. По совершеніи окончательнаго метаморфоза, они прикрепляются на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательные органы; они снова приобретаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усконогихъ раковъ при послѣднемъ метаморфозѣ помпажются еще сильнее: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это — простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, съѣсть не принимаетъ нища, и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитого существа, въ которому онъ прикрепленъ. Усконогіе раки до такой степени замѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышкахъ, и когда различныя фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усконогихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усконогихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно, нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ, почти все самцы, носятъ на груди или на животѣ зачаточные сосисы. У птицъ кости крыла заначиваются небольшою костью, которая называется крылушкою (alula, ala spuria), и составляетъ зачаточный палецъ. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла, и нисколько не помогаетъ полету птицы. У многихъ змѣй развито и приснособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно бесполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйствіи, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состояніи, и змѣя, въ теченіи всей своей жизни таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный ибичокъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ костей и заднихъ омонечностей. Чѣмъ вы объясните существованіе этихъ бесполезныхъ органовъ? Зачѣмъ природа поставила къ тѣлу животныхъ эти негодныя и безсмысленныя брелки? Въ военныя мундираты всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много бесполезныхъ пуговицъ и разводовъ, но, если вы только справитесь объ историческомъ происхожденіи этихъ штукъ, то вы увидите, что почти все онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначеніе. Эполеты, аксельбанты, темляки, шпурки — все это возникло изъ переходныхъ или боевыхъ потребностей солдата, и только впоследствии превратилось въ бесполезное украшеніе. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человѣкъ иногда дѣйствуетъ по внутреннимъ свободной фантазіи, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обуславливается какою нибудь необходимою причиною. Если же человѣкъ, въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданіяхъ, въ крой и украшенія своего платья, руководствуется реальными побужденіями, стремленіями къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было бы думать, что цѣлая порода живыхъ организмовъ постоянно носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, но имѣющія достаточной причины существованія. Причина, разумеется, есть, и читатель ее знаетъ; она единична, какъ для украшеній военного

мупдира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живаго тѣла. Эта причина—наслѣдственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носить по старой привычкѣ. Въ природѣ роль старой привычки играетъ сила наслѣдственности, и органы, существующіе въ настоящее время въ зачаточномъ или неразвитомъ состояніи, были прежде развитыми и дѣятельными, и приносили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практическую пользу. Зачаточные сосцы самцовъ, по всей вѣроятности, называютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформированы по одному общему типу, и самецъ вслѣдствіе этого, сохранилъ сосцы, потерявшіе въ его организмѣ всякое практическое значеніе. Я долженъ признаться читателю, что это предположеніе принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ такихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣятельнымъ, и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и понемногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицъ, заглухшее легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣй объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполне, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими, и, быть можетъ, былъ похожъ на ящерицу, по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, вырастаетъ въ каждой челюсти около сотни зубовъ, которые впоследствии выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роговыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Кита зубы совершенно бесполезны, но предку этого животнаго они, по всей вѣроятности, были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылія спаены наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ сросшимися щитками все таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянуть на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправление уже прекратилось. Тоже самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ кротовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому нибудь новому назначенію. Напримеръ, плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется

на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; за то онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и нырканія. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточные, возникающіе, заглушенные или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наследственности. «Зачаточные органы, говоритъ Дарвинъ, могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологию этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайною иѣткостью, и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другаго; сходство это ослабѣваетъ, по мѣрѣ того, какъ животное зрѣетъ и складывается, но любопытно замѣтить, что, даже въ зрѣломъ возрастѣ, животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно ли найти какое нибудь сходство между жизнью крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ удовольствій и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и оцупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходьбѣ; ласть моржа — къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ, всѣ эти оконечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ оконечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ ихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пасть. Относительная величина и форма этихъ

отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до бесконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ же порядкѣ. Оуэмъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, не смотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими либо особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное, и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ, и приспособленныя въ различнымъ отправленіямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ, переднія и заднія оконечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, не смотря на то, что, по своимъ отправленіямъ, рука не похожа на ногу, и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большого количества различныхъ костей, которыя срастаются вполнѣ только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ срастаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа, и для большей сохранности головного мозга было бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости, или по крайней мѣрѣ, изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всемъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупиваются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что не нужно, а между тѣмъ, у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соответственныхъ или *гомологичныхъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спиннаго хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спиннаго хребта. Гёксли при этомъ замѣчаетъ, что было бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости черепа и позвонки выработались параллельно изъ ка-

кого нибудь общаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйстви-
тельно у зародыша. У многихъ ракоу переднія пары ногъ превра-
щаются въ челюсти, и называются жевательными ногами. Тутъ опять
таже исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоя-
щихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ
члениковъ, снабженныхъ наружными придатками; одни изъ этихъ при-
датковъ приспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, дру-
гіе къ измельченію пищи, третьи превратились въ жаберы или органы
дыханія. Все это понятно, но чтобы понять все эти факты, необхо-
димо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны
измѣняться, и что онѣ, съ начала органической жизни, уже испы-
тали множество превращеній.

З а к л ю ч е н і е .

Работа моя окончена, и я могу сказать, по чистой совѣсти, что
она стоила мнѣ очень много труда, и что, не смотря на то, она
все таки очень неудовлетворительна. Если бы я обладалъ литера-
турнымъ талантомъ Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то
эти громадные средства были бы только-что достато-чными для того,
чтобы вполне удовлетворительно изложить теорію Дарвина для рус-
ской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ нау-
кахъ. Но развѣ же у насъ на Руси есть люди съ талантами Вол-
тера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ
посвящать все свои силы на умственную пользу во тѣмъ ходящихъ
сотражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ,
то, стало быть, идеи европейскихъ гениевъ должны оставаться для
нашей публики тарбарскою грамотою? Такъ, что-ли? Или, можетъ
быть слѣдуетъ ѣсть не деревянною ложкою, когда не на что купить
серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе обратиться къ дере-
вянной, чѣмъ голодать, въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому
я и рѣшился изобразить своею особою такую деревянную ложку,
которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда
на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дар-
винѣ есть, по всей вѣроятности, недожовки, неясности, неудачныя
выраженія; можетъ быть, есть даже и фактическіе промахи. Что же
дѣлать? Я не специалистъ, и читалъ я до сихъ поръ очень мало
по естественнымъ наукамъ. Стараюсь выразиться яснѣе, я, можетъ
быть, впадалъ въ ошибки. Но я все таки повторяю: что же дѣлать?

Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашею публикою наши спеціалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбежнымъ желаніямъ читателей, вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что спеціалистъ живетъ гдѣ нибудь на звѣздѣ Оріона, и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство ээира, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ ли его кто нибудь, или пойметъ ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающіе звуки. По моему мнѣнію полезнѣе прочитать статью вполне понятную хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукоризненными диссертаціями, недоступными чековѣческому пониманію. Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ спеціалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русскою публикою. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій». Значить, спеціалистъ! раскрываете книгу — ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. Зачѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смотреть на нее «профессоръ московскаго университета» — все это остается для русскаго читателя глубокою тайною. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ налету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному спеціалисту. Далѣе, переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оказывается что эти черные рабы сдѣлались бурными. Эта нелѣпость создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжчатый муравей (*Formica rufescens*) захватываетъ въ плѣнъ бурога (*F. fusca*), а кровавый (*F. sanguinea*) чернаго. Г. Рачинскій все это заблагодарсудилъ перепутать. На стр. 288 Дарвинъ рассказываетъ, «что онъ «извлекъ изъ лапы куropатки двадцать два зернышка суха глинистой земли». Что за неслыханная чепуха! Кто же это измѣ-

рлетъ глину зернинками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово *grain*, и надо было перевести *двадцать два унции*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что это значить. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка*, и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина. — На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса, съ ихъ исчерченными слонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣлствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнявшихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся* — это, видите-ли, переводъ слова *эратическіе*. *Errare* значить бродить, шататься; ну и чудесно! Пускай валуны *шатаются*! — *А ледяные потоки* — это что такое? Это красивое выраженіе замѣняющее, по мнѣнію г. специалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русскомъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой книгѣ много опечатокъ, и при томъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримеръ, «метаэорическихъ» вмѣсто «меаморфическихъ» (стр. 284) «старого свѣта» вмѣсто «новаго свѣта» (стр. 275). и другія въ томъ же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бываютъ, а любопытно вотъ что. Въ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ списокѣ я не нашелъ *ни одной* изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбопытствовалъ посмотреть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаютъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и при томъ ни одной. Въ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русскою публикою великое твореніе гениальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей. Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже въ *деревянной ложкѣ* должны отнестись съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ, мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли, и разгоняли, хоть немного, вашу умственную дремоту. А теперь довольно говорить о *деревянной лож-*

кѣ. Обратимся еще разъ къ Дарвину, и особенно къ слѣдующему слову о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ его идеѣ на Европу. Впечатлѣніе сильное, и, вѣроятно, оно еще долго будетъ усмиваемо, но кѣрѣ того, какъ защитники различныхъ стѣнновъ мысли будутъ пристальнѣе вглядываться въ громадное мировое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе эллистеры уже пустили въ ходъ слово «*Дарвинисты*», придали этому слову ругательное значеніе, и усмиваются доказывать, что теорія Дарвина, во первыхъ, пустая мечта, а во вторыхъ, самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ мнѣній давно извѣстны, и ихъ могли бы высказывать съ нарочитымъ усмивкомъ Плякерея Ивановна и мучиха Кабанова. Иногда тенденція этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ эллистеровъ, прикрывается благообразною мантіею: мы доскаты ратуемъ за строгую точность науки, и требуемъ отъ нея, чтобы она не мусналась въ обаятельные мечтанія и красивыя гипотезы. Такими эллистерскими тенденціями пропитана рѣчь доктора Шивса, читанная въ прошломъ году въ какомъ то Зинкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльною брошюрою, называется; «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ въ Россіи, великій естествоиспытатель г. Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ такомъ же родѣ. Но въ западной Европѣ есть люди и другаго закала. Въ Англіи творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Лайбелль склонился къ теоріи Дарвина. Гексли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллсъ, Батсъ пришли къ тѣмъ же результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карлъ Фохтъ, бывший прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фохтъ — пожилой человекъ, извѣстный ученый — отказывается отъ всего своего прошедшаго, и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человекѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слѣдующимъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина, и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому, Фохтъ замѣчаетъ, между прочимъ,

что два первоначально ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ последнее время, двумя совершенно самостоятельными путями, пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благоприятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучать различные виды клуба, а Ноденъ занимается скрещиваніями видовъ и разовидностью растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другаго посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фокъ совершенно согласенъ съ тою мыслью Дарвина, что геологія при теперешней бѣдности своихъ матеріаловъ, не имѣетъ ни малѣйшей возможности превзойти окончательной пріобрѣтеніе надъ теоріею перерожденія видовъ. Фокъ самъ приводитъ несколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ предположенны были попытки геологовъ построить систему ширежанія изъ немногихъ собранныхъ или обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой* природы.

Въ 1863 году извѣстный етнологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру, подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языковѣдѣ». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть применены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различныя стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соответствующіе разовидностямъ органическаго міра; эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки—это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, причѣмъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли, на примѣръ, санскритскій, греческій, латинскій и древне-еврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго человѣка, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полного вниманія: «Я горячо желаю, говоритъ онъ, чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть можетъ, слѣдующія ступени убѣдятъ кого нибудь изъ начинающихъ етнологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я, по крайней мѣрѣ, знаю очень хорошо, чѣмъ я обя-

занъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, физиологическія письма Карла Фохта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь въ этихъ книгъ я узналъ впервые, что такое *исторія развитія* (Entwickelungsgeschichte).—Даже Шлейхеръ съ замѣчательною вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе, говоритъ онъ, составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбежный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ случаѣ остроумною забавою, но для науки все это — бесполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящіе въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдованія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь, составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюденіе въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упорчили за исторію развитія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія.—Важность исторіи развитія (эмбриологій) для изученія индивидуальнаго организма не подлежитъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Лайелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты, какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ не существуетъ скачковъ. И Лайелль также ссылается прежде всего на наблюденіе. Такъ какъ наблюденіе новѣйшаго періода земной жизни—періода, правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и, сравнительно, очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткий періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимою достовѣрностью, что жизнь словесныхъ ор-

ганизмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ, въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами: не только отдѣлили животную жизнь, но и виды и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ исследователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюденіе, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткій періодъ времени, также, какъ и наблюденіе надъ жизнью земли, и надъ жизнью животныхъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, можетъ считаться доказанною. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно, краткость періода, подлежащаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными. Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету въ теченіе очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію,—привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Дарвина, дѣйствительно, представляется намъ, какъ необходимый результатъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи, и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Что Ляйелль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнялъ Дарвинъ для исторіи обитателей земнаго шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дѣло нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельною потребностью времени.» Вотъ какими глазами смотреть на произведеніе Дарвина люди умные и совершенно беспристрастные.

Въ прошломъ году вышла небольшая (274 страницы) но очень дѣльная книга *Ролле*, подъ заглавіемъ: «Ученіе Чарльза Дарвина о происхожденіи видовъ въ царствѣ животныхъ и растеній, приложен-

*) Окевъ, Гете, Ламаркъ, Этьеннъ, Жоффруа-Севь-Илеръ.

мою историю мірежденія.» Я прочтала Ролле тогда, когда моя статья о Дарвинѣ была почти окончена, и когда первая часть этой статьи была уже напечатана. Въ это время, я уже знала книгу Дарвина вдоль и поперекъ, а между тѣмъ, Ролле все-таки высказалъ мнѣ очень многое, и, главное, далъ мнѣ множество фактовъ, подтверждающихъ тѣ идеи, которыя у Дарвина высказаны почти мимоходомъ, и следовательно, голословно. Вообще, эта книжка, при своей незначительномъ объемѣ, удивительно богата содержаніемъ.

Въ первой главѣ, Ролле излагаетъ историю науки до Дарвина; здѣсь очерчены Линней, Ламаркъ, Жофруа, натуралисты, Бюве, Лайель, Агассизъ и Форбесъ. Во 2-й главѣ — история домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растений. Въ 3-й борьба за жизнь и естественный выборъ. Въ 4-й — постепенное усовершенствованіе организмовъ. Въ 5-й — геологическая история мірежденія. Современемъ я надѣюсь познакомить читателей съ идеями Чарльза Лайелля, и тогда постараюсь нарисовать геологическую историю органической жизни, какъ понимаетъ ее Дарвинъ.

Д. Шварцъ.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЬ».

III.

ВАРСКІЯ МИЛОСТИ КЪ БОЛЬНОМУ.

Вдоль дворянской улицы раздались звуки колокольчика и все ближе и ближе.

У воротъ затопали кони. Марфуша объявила больному: «баринъ!» — Вася и Ваня бросились на дворъ встрѣтить барина.

Асафъ *) отворилъ ворота. Усталая тройка ввалилась. Баринъ, кряхтя, вошелъ на крыльцо, а «петербургскій человѣкъ», съ дорожной сумкой, выпрыгнулъ изъ тарантаса.

— Фу, дьявольщина, какая жара! привѣтствовалъ баринъ пустой свой домъ. — А!... Васька-козелъ, гдѣ отецъ?

— Тамъ-съ, лежитъ-съ.

— Лежить! гмъ!

Вася и Ваня молча смотрѣли на барина.

— Ступайте-ко, велите поставить матери самоваръ.

Вася и Ваня побѣжали съ приказаніемъ. А баринъ задумался надъ тѣмъ: отчего это Павелъ такъ долго лежитъ?

Пока баринъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, мы успѣемъ познакомиться нашего читателя съ этою, забытою всѣми, личностію.

*) Асафъ Бутылкинъ-лакей, сапожникъ, — первый учитель Васи.

Василій Ивановичъ Куроѣдовъ, тысячедушный помѣщикъ Темногородской губерніи. Это существо миролюбивое, это тотъ *батюшка*-баринъ, котораго за доброту и простоту любить нашъ простой человѣкъ. Онъ глупъ и невѣжа относительно природы и истинной жизни, но онъ учевъ, уменъи даже образованъ по своему,—относительно пустоты, бесполезности. Для Василія Ивановича нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ слово: «дѣлать».—«Человѣкъ, выгони мухъ изъ роту!» кричитъ онъ слугѣ послѣ обѣда; и вы хотите, чтобы Василій Ивановичъ послѣ этого хоть что нибудь дѣлалъ? онъ вамъ усердно разчиститъ бриллиантовый родничекъ, который по всей деревнѣ извѣстенъ подъ именемъ «Василь-ванычевскаго родника»; онъ поставитъ надъ нимъ дорогую часовню въ лѣсу, на обвалѣ, хоть пусть его весь свѣтъ увѣряетъ, что ее завтра подмоетъ и она упадетъ;—но чтобы этотъ же Василій Ивановичъ сдѣлалъ что нибудь *полезное* или придумалъ, какъ его сдѣлать — никогда! И такова-то жизнь Василія Ивановича, и наклонится она въ сторону, и постарѣетъ, и похилѣетъ, какъ избушка вмѣстѣ съ нимъ, и рухнетъ она сразу, или разломается, какъ старое никуда не годное строеніе при дѣтияхъ, и не увидятъ, и не вспомнятъ о ней внуки его даже и по картинкѣ, особенно послѣ 19 февраля!.. А между тѣмъ жилъ человѣкъ, и еще такая замѣчательная личность, какъ баринъ Куроѣдовъ; и кажется грѣшно было бы мнѣ, знающему ближе многихъ этого барина, грѣшно и непростительно, не написать его настоящаго образа и не передать его внукамъ! Миръ твоему праху глупо-бесполезный Василій Ивановичъ! Помню я, какъ ты сосѣду своему Длинногубову, въ день его ангела пожелалъ сто лѣтъ жить да двѣсти на корачкахъ ползать, дюживы двѣ дѣтей, да сотню-другую чертей на придачу.—«Это, говоритъ, въ услугу тебѣ вмѣсто дворни». Пожалуй такая услуга для друга была бы и кстати, особенно послѣ 19 февраля, тѣмъ болѣе, что сосѣдъ твой Длинногубовъ...—но объ немъ въ свое время. Не дай только Господи, чтобы онъ жилъ еще *мѣсяцъ сто* на Руси-святой; довольно, очень довольно и того, что онъ у насъ—простячковъ набѣдокурилъ!.. Помню я какъ ты лежа училъ твоего глупаго Трошку:—«Трошка поди сюда! Ты у меня смотри, дуракъ, и

не думай касаться до моихъ зажигательныхъ спичекъ;— вонъ что пишутъ въ Сѣверной Пчелкѣ, — въ Гамбургѣ такой отъ этого былъ ужасный пожаръ, просто страсть! — понимаешь?». — «Слушаю-сь!» — «То-то слушаю-сь, дуракъ! Гамбургъ — это городъ въ иныхъ земляхъ, — иностранныхъ — понимаешь?».. — И Трошка, слушая твои невинныя поученія, теперь еще, крестясь, говоритъ: — «а добрый былъ баринъ, дай Богъ ему здоровья, — простоватъ только маненько».. Эхъ, простодушныя тѣни непорочно-глупыхъ Васильевъ Иванычей, миръ вашему праху, бесполезные и безвредные трутни трудолюбивыхъ нашихъ помѣщичьихъ ульевъ! Забавно было смотрѣть, когда ты любовался складною шляпой гостя и препростодушно твердилъ ему разъ пять: «а славная, братецъ ты мой, придумана эта штучка — шляпа? Подумаешь до чего дойдетъ человѣкъ. Просто теперь смотрѣть на нее — думаешь: чертъ знаетъ что такое: блюдечко не блюдечко и тарелка не тарелка — блинъ какой-то. А тутъ вотъ: трахъ! только этакъ... и вышла, вишь, шляпа.» И Василій Иванычъ препростодушно; захочетъ надъ шляпою гостя. Уймется Василій Иванычъ только въ ту минуту, когда черезъ полчаса вывяжетъ изъ замшеваго кошелька часы и, посмотрѣвъ на нихъ очень серьезно, еще серьезнѣе выговорить: — «а ѣдетъ чижики въ лодочкѣ, въ адмиральномъ чинѣ, по этой причинѣ... Эй, Макариха, дай-ка намъ по единой.» — Помню я тебя простодушный баринъ Василій Иванычъ и въ ту минуту, когда ты... Ну, да объ этомъ мы еще поговоримъ, а теперь будемъ продолжать рассказъ.

— А что, Асафій, шелъ бы ты къ Павлу: — позвалъ его ко мнѣ.

Асафъ пошелъ и тоже объявилъ барину, что Павелъ лежить.

— Ужъ будто не ходитъ? спросилъ удивленный Василій Иванычъ.

— Какая, судырь, ходьба — не встаетъ.

— Глупо! — Ну, такъ закрой-же въ кабинетѣ окна, я тоже лягу отдохнуть.

Баринъ напился чаю, потребовалъ со льдомъ квасу и, отдохнувъ часокъ-другой съ дороги, отъ нечего дѣлать, пошелъ къ больному слугѣ.

— Ай, ай, какой ты стал! привѣтствовалъ онъ дворецкаго.

— Да, сударь, вотъ какой! — Павелъ поцѣловалъ барскую ручку.

— Больно, больно плохо! — И не находя болѣе разговора, баринъ сѣлъ у постели, закурилъ трубку и повторялъ отъ бездумья: «больно, больно плохо!»

— Да скажите на милость: что это значить? — обратился онъ къ Марфѣ: — отчего онъ захворалъ?

— Богъ его знаетъ, сударь, — простудился, вишь знать...

— Да отчего же ему простудиться, когда онъ отъ роду не студился? спросилъ удивленный баринъ.

Марфуша молчала. Ей самой казалось, что она невѣрно отвѣтила барину: слово «простудился» она выговорила въ первый разъ въ жизни и на нее напало сильное сомнѣнiе, какъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ простудиться это желѣзо — барскiй человѣкъ.

— Да какъ это было, хогь расскажи?

— Да какъ было: пошелъ онъ тогда, сударь, на базаръ, зимой, а были трескучiе, сами знаете? На немъ былъ вотъ этотъ шушунъ... Марфуша указала на барскую шинель.

— Ну!... нукнулъ баринъ, узнавъ подарокъ.

— Ну, вотъ отъ нее, знать тогда и хизнулъ. Вонъ она проклятая, настоящее рѣшето!... Марфуша распялила передъ баринкомъ подаренную имъ шинель-рѣшето.

— Вретъ она, батюшка-сударь, что вы ее слушаете! баба, такъ баба и есть; — онъ вѣдь и въ Петровки мервнутъ, какъ паршивый поросенокъ — прости меня, Господи; согрѣшишь съ ней! день-то у меня сегодня такой, эхъ!

— Да отчего же наконецъ?

— Да я и самъ не знаю, отецъ.

— Ну, да причина должна быть, безъ причины ничего не бываетъ.

— Да причина теперича только та, что прозябъ тогда, а тутъ вотъ и пошло все хуже да хуже.

— Плохо, очень плохо! — И Василiй Иванычъ опять не нашелся что говорить, — посильнѣе только началъ курить.

— Ну, чтожь мнѣ дѣлать съ тобой?

— Да что, сударь, теперича дѣлать со мной? — ничего!

— Какъ ничего? этого нельзя: тебя надо лечить.

— Какое, сударь, леченье передъ смертью! Пословица говоритъ: «отъ смерти нѣтъ лекарства.»

— Тутъ-то и лечуть у насъ, какъ смерть на носу.

Павель на это только вздохнулъ, а Марфуша осталась съ сердитымъ выраженіемъ лица.

— Свинья ты, братъ! закричалъ кто-то на улицѣ, незнаю кому, и за тѣмъ опять воцарилась мертвая тишина.

Баринъ задумался о прошломъ и передъ нимъ раскинулась не шуточная картина Павловыхъ заслугъ.

Вспомнилъ Василий Ивановичъ, какъ отецъ еще этого Павла носилъ его на рукахъ, лелѣялъ и нянчилъ, какъ кормилица, а въ пансіонѣ мосье-Фильу выносилъ отъ него насмѣшки, обиды, оскорбленія и пинки. Вспомнилъ Василий Ивановичъ, какъ молодой слуга Павлушка два раза спасалъ его отъ смерти, на охотѣ или болотѣ, и самъ всегда бросался за барина на явную опасность. Непонятнымъ казалось Василью Ивановичу, какъ одинъ и тотъ же Павлушка въ дорогѣ или нуждѣ былъ у него и поварь, и лакей, и кучеръ, и умѣлъ все подать, и принять, и дворъ подмести, и навозъ барскій съ него свезти. Наконецъ непостижимо казалось Василью Ивановичу, какъ при такой суматохѣ и суетѣ Павель успѣвалъ еще запрягивать подъ замокъ всякую барскую рухлядь, и такъ бережно и цѣльно ее хранить, что стоило только спросить у него, — хоть для опыта, лѣтъ черезъ десять, — какой-нибудь ржавый барскій гвоздь, — онъ тотчасъ представлялъ его барину съ словами: «въ цѣлости и сохранности, судырь.» — И вотъ теперь только понялъ Василий Ивановичъ Курофдовъ, что этимъ удивительнымъ человѣкомъ и держался весь его барскій домъ! Какъ ни глупъ былъ баринъ, однако подумалъ: «а хорошій былъ человѣкъ, этотъ Павель, надо его полечить, звось...»

— Эй, Миронъ!... крикнулъ онъ, какъ будто проснувшись.

Васька побѣжалъ за дядей.

— Какъ однако тутъ у васъ душно да темно, заговорилъ баринъ, желая отдѣлаться отъ бесѣды въ молчанки, и потянувшись на всѣхъ, выбранилъ «мухъ проклятыми», «таракановъ усатыми» — и ушелъ.

Павелъ покашлялъ, словно для приступа:

— Говорилъ я тебѣ: — эй, прикуси язычекъ! — началъ Павелъ съ укоромъ.

— Да я-то что?

— Ты все ничего!... Я только хотѣлъ-было съ нимъ одѣяться, а тебя тутъ и дернуло съ шинелью.

— Да я-то что!... развѣ не самъ онъ началъ?... — Рассказывай-вишь ему притчину, дьяволу, точно онъ не знаетъ ее?

— Ну, жена, спохватишься, какъ съ горы скатишься.

— Э, грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ, муженекъ-другъ!

— Эй, сгубишь дѣтей!

— Ну!... и затѣмъ она рѣшительно махнула рукой.

Павелъ заснулъ; Марфуша спугнула мухъ съ запекшихся губъ больного, накрыла лицо шинелью и прогнала своихъ ребятшекъ на улицу — встрѣчать «суботку», да лекаря.

Вечеръ надвигался на городъ. Старая «суботка» давно уже прошла мимо Васи и промычала что-то знакомое, наматывая слюну на ноги и пожевывая свою жвачку. Милое солнышко, позолотивши крыши, деревья и кресты, превратило дорожную пыль въ золотой, мелкій дождь и улеглось вмѣстѣ съ ней недалеко за рѣчкой Сибиркой. Румяная красавица-зорька перестала смотрѣть сквозь частую зелень Оленькина сада. Матюшка-разбойникъ, прошелъ мимо съ удочкой и двумя карасями; Залотухинъ въ густыхъ сумеркахъ отшагалъ на такихъ страшныхъ ходуляхъ, которыя были выше прокурорскихъ воротъ. Самъ Вася наконецъ отъ скуки пропѣлъ въ кулакъ: «куку-реку!» а дяденька съ лекаремъ все нейдетъ! Поздно ужъ возвратился «петербургскій человекъ» одинъ и, спотыкаясь и покачиваясь, объявилъ Васѣ: что лекаря ога не нашелъ! — «Такъ матери и скажи: *завтра...*» и тутъ же приткнувшись у калитки какимъ-то комомъ, заснулъ до завтра.

Завтра! какое, манящее къ жизни, слово. Не сама-ли жизнь выражена въ этомъ звукѣ завтра? Половина земнаго шара засыпаетъ въ полной надеждѣ на это загадочное завтра и всѣмъ оно летитъ на встрѣчу, какъ корабль, полный золота и сокровищъ, разбиваясь и разсыпаясь въ прахъ передъ очами человека. Туманно и загадочно оно, какъ ночь и мгла, измѣнчиво и переменчиво, какъ вѣтеръ и морская волна, приман-

чиво и обманчиво, какъ радуга и заря, волшебено и очаровательно, какъ фата моргана и миражъ,—но также и не надежно и быстро исчезающе, какъ всякій призракъ, дымъ, мечта! Кто не убавлявалъ себя подъ это волшебное журчаніе, вѣчноидущихъ завтра? Кто наконецъ и совсѣмъ не заснетъ подъ ренотъ того же завтра, такъ мѣрно повторяемаго въ жизни, какъ ударъ маятника, какъ пульсъ руки, какъ жизнь сама!

Лепечеть въ постелькѣ дитя: «ты доскажешь мнѣ сказочку завтра?» Шепчетъ надъ книжкой своей гимназистъ: «какъ-то отвѣчу я завтра?» Плюетъ кадетъ въ потолокъ: «буду-ли дома я завтра?» Душаетъ думу студентъ: «что-то онъ скажетъ намъ завтра?» А что оно скажетъ кому?—мы не знаемъ никто!

Есть впрочемъ избранники, которымъ суждено было по глубже заглянуть въ пучину жизни, есть наблюдатели, которые зорко шли по этой дорогѣ съ оглядомъ, есть добрыя души, которыя сочувствуютъ скорбямъ человечества, есть наконецъ мученики, которые принесли себя на жертву за вѣчную истину, — тѣ очень твердо знаютъ: какой глубокой смыслъ лежитъ въ этомъ загадочномъ *завтра*.

Съ какой надеждой выговорила Марфуша мужу своему: «завтра;» съ какой бессонницей ждать она обманчиваго завтра и съ какой ноющей тоской, благословляя своихъ ребятшекъ, шепчетъ надъ ихъ войлочникомъ: «эхъ дѣтки, дѣтки, что-то скажетъ намъ завтра?»

А завтра сказало вотъ что.

Широкія дрожки, запряженныя парой сѣренькихъ лошадокъ, называемыхъ въ городѣ «лекарскими мышатками», не торопясь прѣехали на дворъ. Сильно погнутый впередъ Богданъ Богданычъ Клейстермейстеръ, завернутый въ теплую іюльскую бекешъ на ватѣ, аккуратно посмотрѣлъ въ обѣ стороны, какъ будто разрѣшая вопросъ: «а на право или на лѣво выльзаты мнѣ изъ моей гробницы?» Съ правой стороны на высокомъ крыльцѣ стоялъ Асафъ и, сильно махая руками, оралъ во всю мочь: «не сюда, сударь, туда проходите на сырозь, — большой не здѣсь!» а съ лѣвой — Марфуша съ кислотовой улыбкой

приглашала лекаря: «сюда, сударь, пожалуйста, батюшка, онъ у меня въ сѣндахъ лежитъ».

Богданъ Богданычъ сошелъ съ дрожекъ. Марфуша подѣлвала у него ручку и еще таки прибавила въ дверяхъ: «пожалуйте-съ».

Расширивъ широкія ноздри, Клейстермейстеръ прежде всего нюхнулъ воздухъ, потому что въ печи у Марфуши въ это время пеклись хлѣббы, жарилось баринново жаркое, да парилась еще калица, отъ которой Богданъ Богданычъ ужь только почесалъ плешь.

— Ну што, лешашь? спросилъ онъ Павла; а тотъ молчитъ, какъ будто соображая, что въ самомъ дѣлѣ отвѣтить на это лекарю: «лежу или хожу я на постелѣ?»

Богданъ Богданычъ, съ нѣмецкой аккуратностью, велѣлъ вынуть больному языкъ, щелкнулъ даже его раза два въ грудь, какъ будто допрашивая: «неужели до сихъ поръ звучитъ?» и наконецъ на жалобу Марфуши: что Павлу подкатываетъ въ бокъ клубокъ, величиною съ мѣсяцъ, отвѣтилъ: «Угу!»

— А какъ онъ дафно подкатываетъ?

— Да съ самаго Алексѣя, божьяго человѣка, подкатываетъ, батюшка.

— Ого!

Въ это время любопытные звѣрки Вася и Ваня зорко разсматривали узкое лицо нѣмца, обклеенное бакенбардами, какъ шерстяною рамой. Самые усатые прусаки, выглядывая изъ щелей, какъ будто хотѣли спросить: что же это Богданъ Богданычъ какъ задумался надъ «божимъ человѣкомъ?» Ванька прицѣлился было указать брату на лекарскую палку съ звѣриной головой, но въ это время Богданъ Богданычъ вышелъ вонъ.

— А что, прикажете доложить барину? спросилъ «петербургскій», поигрывая Сѣверной Пчелой, свернутой въ пачильотку.

Лекарь такъ опять уставился въ землю, какъ будто тамъ искалъ лекарства для больного, и молчитъ.

— Баринъ велѣлъ васъ спросить Богданъ Богданычъ: не переправить-ли его въ больницу: можетъ быть ему душно здѣсь?

— О, нейтъ! зашемъ больнуса, онъ замъ мирантъ завтры! Клейстермейстеръ махнулъ еще рукой.

Марфуша двинулась объ косякъ; Вася завылъ у крыльца: «ай, не умирай, тятинька!» а Ванька, ничего не понимая, испуганно посмотрѣлъ на всѣхъ.

Клейстермейстеръ такъ опять осторожно началъ зализать на свои дрожжи, какъ у насъ лазять только одни воры въ окошки. Усѣвшись, онъ ткнулъ пальцемъ кучера въ спину, что въ переводѣ на русскій языкъ означало: «пошелъ къ другимъ больнымъ, здѣсь намъ съ тобой лечить нечего».

— Что ты? что съ тобой? спрашивалъ дядя племянника!

— Умреть! выговорилъ ребенокъ, рыдая.

— Да врешь! съ чего ты взялъ?

— Ле-ка-рь ска-а-а-залъ!

— Совралъ, братецъ, совралъ! Черта съ два знаетъ эта колбаса. Вѣдь ты и не понялъ, что онъ говорилъ.

— Я слыхалъ, выговорилъ Вася горько.

— Э, полно! Будешь слушать этихъ разбойниковъ, такъ на дню-то по три раза придется умирать.

Васька утеръ кулакомъ слезу.

Весь этотъ день баринъ Василій Ивановичъ былъ въ гостяхъ. Самъ сказывалъ, что обѣдалъ у предсѣдателя гражданской палаты, ужиналъ у какой-то вдовы почмейстерши и возвратился отъ нея за полночь.

— Что лекаръ? спросилъ сытый и здоровый баринъ, когда Асафъ раздѣвалъ его,— пріѣзжалъ?

— Пріѣзжать-то, сударь, пріѣзжалъ; — да проку мало; завтра, говоритъ, умреть.

— Э, э! серьезно?

— Должно быть, сударь, сурьезно, — такъ сказалъ!

— Это худо...

— Не совѣмъ, сударь, хорошо; пожить бы надо: старикъ-отъ крѣпкой еще былъ. (Асафъ сапогъ съ барина стащилъ).

— Ну, жить не жить—это какъ ему угодно — вольному, говорятъ, воля; да вотъ какъ завтра-то хватить—это скверновато: завтра я пригласилъ человѣкъ десятковъ пообѣдать. Обѣщался уже кой-кто... Скотлиревскій вотъ будетъ... а онъ тутъ... Экой какой, право!

— Да это, сударь, ничего-съ! можно ставнями поприкрыть.

Не докладывать же будемъ гостямъ, что тамъ покойникъ — кушайте на здоровье!

— Какъ же, — на здоровье! А супруга-то? она на весь домъ заголоситъ.

— Это, сударь, ничего-съ! Марфѣ сказать можно, что у васъ гости: посмолчить часъ-другой, послѣ поприбавитъ-съ.

— Нѣту, нѣту; я ужъ думаю лучше не отказать-ли? Скотлиревскій такой прихотникъ, брезгунъ петербургскій, — онъ пожалуй и ѣсть не будетъ!

— Это, сударь, ничего-съ! кушать все будутъ-съ.

— Нѣтъ ты не говори! это столбичная штица, я его знаю — онъ не будетъ ѣсть, — онъ очень привередливъ на счетъ покойниковъ. Да ты согласишься: какой тутъ, чертъ, аянетить, когда рядомъ мертвый лежить? вскричалъ наконецъ баринъ.

Асафъ, озадаченный такимъ доказательствомъ, уже не возражалъ; а звонкое эхо, какъ живой человѣкъ, такъ и захотало по всему пустому, барскому дому.

— Эхъ Павелъ, Павелъ! какую ты штуку заправилъ, выговаривалъ съ укоромъ Василій Ивановичъ и тоже замолчалъ.

Мертвая настала тишина. Сальный огарышекъ чуть пилъ-калъ на столѣ и уже понадвинулъ шапочку, чтобы спокойнѣе подремать. Дѣдовскіе, нортонскіе часы въ углу еще не отвязчивѣе и строже отхватывали середь ночи: часъ-два, часъ-два.

Асафъ только было двинулся къ косяку, чтобы по крѣпче пристроиться передъ бариномъ и вздремнуть, какъ баринъ закричалъ:

— Нѣтъ постой, погоди,—я вотъ подумаю маленько:

И опять мертвая тишина.

— Повара чьего завтра прикажете, сударь?..

— Да не о поварѣ я,—молчи! Повара никакого не нужно.

— Что онъ городить тутъ? думаетъ Асафъ; какъ же это онъ безъ повара хочетъ ухитриться приготовить обѣдъ?

А лицо барина принимало въ это время такое выраженіе, какъ будто оно всему миру хотѣло сказать: «а я такъ вотъ, господа, не думаю умирать,—пообѣдать завтра пожалуйста ко мнѣ». Василій Ивановичъ чрезвычайно здорово потянулся и сѣлъ.

— Слушай-ко ты вотъ что: винца ты намъ позаготовь, это вотъ нужнѣе всего. Бургоніи, шампаніи—этихъ въ яду,

развѣ такъ чѣмъ бутылочкѣ на случай всякой, да и то я полагаю обойдемся безъ нихъ; народъ все будетъ, братъ, простячекъ — не мудрищій народъ: налатскіе все больше, такъ ты намъ по хересамъ чтобы этакъ можно было пройтись хорошенячю! Понимаешь? Ну, мадеры что-ли возъмешь тамъ по больше; водокъ этакихъ разныхъ по заборастѣе, чтобы знаешь пробраю этихъ господъ. Это вѣдь, братъ, все закаленные.

— Слушаю-сь!

— Надобно бы вотъ удружить бутылочку этому барину; онъ только одно это вино и пьетъ, да какъ его, чертъ, называется забылъ; а вертится, дьяволь, на умѣ. Шабли, шабли проклятое! Ну вотъ его бутылочку другую прихвати для Скотлиревскаго. Это, братецъ, человекъ больной (заговорилъ баринъ жалостливо); онъ вѣдь ничего другаго и пить-то не можетъ, — да! Ты такъ тамъ ужь и въ погребѣ скажи, чтобы для него собственно отпустили хорошенячю. Онъ ничего не можетъ пить!

— Слушаю, сударь, скажу-сь!

— Будетъ правда тутъ еще порядочный человѣчекъ у меня: совѣтникъ Пьерсиковъ, да тотъ, братъ, на всѣ руки, «я, говоритъ, человекъ русскій, такъ мнѣ подавай русскаго, чтобы хватало за горло, какъ, говоритъ, на большой дорогѣ». Ему и ромъ гольемъ такъ ни почему; онъ все воротитъ черезъ край, — этотъ молодецъ! Да ты вѣдь его знаешь?

— Извѣстенъ, сударь.

— Ну, а извѣстенъ, такъ нечего рассказывать. Такъ вотъ ты, братецъ Асафушка, и сдѣлай, какъ я тебѣ приказалъ. Закусочекъ тамъ прихвати этакихъ всякихъ по разношерстѣе, ну, сырцу, икорки, знаешь, какъ тамъ это... Да, да, да! — вѣдь чуть было не забылъ, канальство, главнаго — нѣмца-то. Нѣмцу-то надо же чтонибудь взять? не годится не взять. Ты ужь сдѣлай милость не забудь ему; возьми какой-нибудь кислотинки нѣмецкой; — этотъ вѣдь тоже патриотъ; онъ ничего не пьетъ кромѣ своего нѣмецкаго. Ну бѣльнякаго, тамъ красненькаго чегонибудь, ну, рейнвейнцу бутылочку прихвати ему, пожалуй; рейнвейнъ онъ тоже любить: «это, говоритъ наше».

— А какъ же, сударь, повара?

— А такъ же говорятъ тебѣ: не нужно повара никакого, да и дѣло съ концомъ. Почтмейстерша завтра, чѣмъ свѣтъ, пришлетъ намъ повара своего, — у этой барыни поваръ вотъ какой... (баринъ аппетитно чмокнулъ губами).

— А вотъ тоже завтра, изволите говорить, — обѣдать; вотъ съ утра-то нужно бы позаготовиться тоже: хрусталь вонъ перебрать, ну серебро перетереть, — одинъ то ужъ, сударь, съ базаромъ-то и не тово... не разорваться стать. Сами изволите знать: Павелъ завтра не пойдетъ.

— Еще бы!..

Баринъ и слуга замолчали.

Кажется пустое слово: «Павелъ не пойдетъ», а оно начало барина теревить. — «Потеря все-таки, думалъ Василій Ивановичъ, и потеря не маленькая». — «Вотъ этакой хахала (баринъ взглянулъ на Асафа, тыкающаго носомъ) тоже человѣкомъ называется: и дакаетъ, и соглашается, и удивительно услужливъ на словахъ, а на дѣлѣ?...»

— Пошелъ, спи! приказалъ баринъ на дѣлѣ.

— «Другой вонъ тоже грамотнымъ называется и счетную, говоритъ, часть знаю по книгамъ, а попробуй-ко такую арифметику поднустить къ денежкамъ, такъ онъ тебѣ ихъ сочтетъ, — ухъ, какъ сосчитаетъ собака! — Охъ, эта мнѣ грамота въ барскомъ человѣкѣ, ой, эти мнѣ книжные счета въ крѣлостномъ! это чистѣйшая карманная холера для нашего брата — помѣщика. Что онъ за человѣкъ? а еще ротъ открываетъ, «въ Петербургѣ, говоритъ, научился скоро смекать на счетахъ». Чортъ тебя тамъ училъ петербургское смекало; — карманная выгрузка ты, больше ничего, лапу только тебѣ запускать въ баринову шкатулку!» — и баринъ плюнулъ.

— «А Павелъ мой человѣкъ не такой! Надобно бы его чѣмъ нибудь тово... а то я противъ него»... — Но баринъ не додумалъ до конца, — заснулъ.

— Скот-ни-на! выговорилъ удушливо Асафъ во снѣ. Но бреду этого никто не слышалъ: ибо баринъ еще крѣпче спалъ нежели слуга.

IV.

СМЕРТЬ ПАВЛА.

— А что Кузьмичъ? спросилъ «петербургскій» Лестинный утромъ.

— Да что Кузьмичъ!.. я ужь, братъ, на этотъ счетъ про-рокъ; я еще вчера, какъ онъ только попросился на дворъ, подумала: душенька тоскуеть на мѣстѣ, значить не къ добру; нѣтъ, ужь не жалець этотъ человекъ на вольномъ свѣтѣ, нѣтъ! безпремѣнно умереть, хошь не теперича, а ужь умереть, это я ужь знаю!

— Будто?

— А лопни мои глазыньке, умереть! Смотри-ко вонъ онъ и тепера словно кончается: все отряхается; глазами таково во-стро поводитъ; страшный такой сталъ!

— Пойди полюбопытствовать.

— Лестя, матушка, поди сюда! вскрикнула изъ сѣней Марфуша, такъ жалобно, какъ кричатъ только осенью журав-ли, прощаясь съ полями, на которыхъ получали жизнь.

— Знать ужь тово?.. Лестя бросилась въ сѣни.

«Петербургскій» пошелъ за ней полюбопытствовать, какъ отряхается кумъ.

Въ самомъ дѣлѣ больной былъ уже при послѣднемъ изды-ханіи. Глаза его зорко озирались на всѣхъ; видно было, что онъ искалъ одного только человекъ, который могъ облегчить его предсмертное страданіе, и которому онъ хотѣлъ передать, съ послѣднимъ вздохомъ, судьбу своихъ дѣтей. Человекъ этотъ уже намъ извѣстенъ.

— Что, куманекъ, или не узнаешь? спросилъ «петербургскій», причесанный на этотъ день какимъ-то кляномъ.

Умирающій совершенно его не узналъ; онъ такъ зорко смотрѣлъ на кума столичнаго, какъ будто хотѣлъ спросить: свой, или чужой этотъ человекъ?

— А! и своихъ не узнаеть? заключилъ «петербургскій.»

— Мамынька, баринъ идетъ! выговорилъ Вася, смотря въ окно, и отскочилъ.

Марфуша только махнула рукой. Въ суетѣ она поправила лохмотье шинели, которою прикрывалась больной, и въ головѣ только мелькнуло: «помести бы? да ну-ужь!..»

Баринъ бодро вошелъ.

Вася и Ваня встали по угламъ съ завернутыми назадъ руками, какъ великопостные жаворонки. Марфуша забыла даже поклониться барину.

— Ну, что у васъ тутъ дѣлается?

— Ничего, сударь! отвѣтила чуть слышно жена!

Послѣдовало молчаніе.

— Здорово Павелъ!

Послѣдовало длинное молчаніе.

— Что, онъ безъ языка?

— Нѣтъ, сударь, недавно со мной говорилъ. Его вотъ только не узналъ, прибавила Марфа, указывая на «петербургскаго.»

— А! не узнаетъ ужь?..

Баринъ подошелъ ближе и наклонился надъ умирающимъ.

— А меня узнаешь?

— Да! отвѣтилъ Павелъ отрывисто.

— Я пришелъ поговорить съ тобой.

Въ отвѣтъ на это больной хотѣлъ было приподняться, оперся даже на локоть, но безсильно упалъ.

— Не нужно, не вставай!

Но Павлу и въ эту минуту казалось невозможнымъ лежать передъ баринѣмъ; онъ знаками упросилъ жену, подставить подушку за спину, и выпрямился-таки передъ господиномъ своимъ, какъ хорошо дрейсованный ланей.

Василій Ивановичъ сѣлъ и началъ торжественно:

— Павелъ! мы всё ходимъ подъ Богомъ. Ты вотъ такъ тяжело боленъ и Богъ знаетъ встанешь-ли?..

Павелъ слушаетъ краснорѣчіе барина.

— Я, братецъ, принимаю исполнить мое обѣщаніе.

Павелъ сильно затрепеталъ.

— Я обѣщаль тебѣ отпустить сына на вѣлю...

Лицо умирающаго мгновенно вспыхнуло полною жизнію; тихія слезы заструились по щекамъ, быстро поднявъ онъ руки къ небу и почти вскричалъ:

— Вотъ, чего я ждалъ!

— Котораго же тебѣ?

Мертвая блѣдность покрыла лицо, судорожно искривило руку, которая хотѣла указать на Васю, и Павелъ отчаянно взглянулъ на маленькаго.

— Котораго же? повторилъ баринъ.

Умиравшій кротко взглянулъ на всѣхъ. Въ отвѣтъ только глухо заклокотали мокроты, закрывались глаза.

Судорожно рванулась Марфуша, чтобы принять послѣдній вздохъ умирающаго, но баринъ, отстранивъ ее рукой, еше-таки въ третій разъ повторилъ настойчиво:

— Павелъ, скажи?..

Отвѣтъ былъ одинъ глубокий вздохъ.

— Не мучьте, сударь, его, онъ умеръ! вскрикнула обезумѣвшая жена, и поспѣшно выхвативъ изъ темнаго угла испуганнаго и дрожащаго Васю, отвѣтила за мужа: «вотъ котораго?»

— Этого? ну, будь ты вольнымъ. Баринъ поставилъ Васю передъ закрытыми глазами отца.

И удивительно: еще разъ свернула жизнь въ умирающемъ! Съ судорожнымъ движеніемъ сложилъ онъ руки, какъ подъ благословеніе, и протянулъ къ барину. Не посоветился Василій Иванычъ и въ эту минуту положить свою бѣлую пухлую руку на костяной остовъ слуги, и Павелъ прижалъ ее, къ запекшимся кровію, сухимъ и черствымъ губамъ раба!.. Въ послѣднемъ судорожномъ вздохѣ онъ усиливался еще выговорить: «я былъ вашъ вѣрн... пр!!» но не договорилъ несчастный! Голова его опрокинулась, руки вытянулись, оловянные глаза такъ и остались смотрѣть на барина.

— Умираетъ, умираетъ! зашептала дрожащая Марфуша.

— Кажется кончается, заключилъ «петербургскій.»

Баринъ отдернулъ руку, оттолкнулъ Васю, и взглянувъ Павлу въ лицо, договорилъ за всѣхъ: «да, онъ умеръ!»

Василій Иванычъ всталъ, перекрестился и, поспѣшно вышелъ.

Послѣдовали вздохи и всхлипыванья, фырканья и рыданья... Дѣтей увели.

«Петербургскій человекъ» еще разъ пошелъ было полюбопыт-

сировать, что дѣлается въ темныхъ сѣняхъ, но не выдержалъ: обезображенный смертію, трупъ кума лежалъ на сѣнѣ; обрѣшенное худое лицо искривилось такимъ искаженіемъ, что трудно было понять: смѣется или плачетъ этотъ человѣкъ надъ всѣмъ его окружающимъ; мутные, оловянные глаза такъ смотрятъ на кума столпчанаго, какъ будто хотятъ выговорить: «а ты, братъ, здѣсь смѣшишь всѣхъ!» такъ что фуфлыга петербургскій, при всемъ его нахальствѣ, тихо притворилъ за собою дверь и ушелъ на улицу посвистать.

Около покойника точно по секрету шепчутся и возятся со свѣчей Лепестинья и Вавло, а надъ ними одурѣвшая Марфуша только всплескиваетъ руками да выводитъ плачевно: «ахъ, ты, голубчикъ, какъ онъ излежался-то! Ахъ, ты сизенькій, какія пролежи-то на бокахъ!»

Вася и Ваня, постоявши въ тупомъ положеніи около скотной избы, куда отвела ихъ Лепестинья, тоже пошли полюбопытствовать; но дверь изъ сѣней была заперта. Черезъ полчаса только изъ этой двери бросилась на нихъ мать, прижала къ груди своихъ дѣтушекъ и завопила на весь барскій дворъ: «сиротнушки вы мои горемычные!» Съ тѣмъ и проводила ихъ въ избу.

Въ сѣняхъ уже не было ни тетеньки Лепестиньи, которая бывало моталась, какъ маятникъ съ тряпочкой отъ мухъ. Тятенька лежалъ въ избѣ въ переднемъ углу, въ томъ самомъ мутно-зеленомъ сюртучкѣ, который Вася видалъ на немъ только на пасхѣ и считалъ за самый торжественный нарядъ.

— Вотъ онъ, вашъ тятенька! выговорила мама отрывисто, и принялась голосать.

А Вася и Ваня осматриваютъ отца; Вася замѣтилъ, что руки тятеньки теперь сложены уже не такимъ крестомъ, какъ въ то время, когда онъ цѣловалъ у барина ручку, Ванька разсмотрѣлъ какой веревочкой связаны носки сапогъ, чтобы они не разбѣжались въ разныя стороны, а стояли чинно, какъ у солдата во фронтѣ, а оба со страхомъ посмотрѣли на черные гроши, прикрывающіе глаза, которые въ самомъ дѣлѣ придавали тяжелый и непріятный видъ покойнику: Ванька-шлемецъ даже привсталъ на цыпочки и, заглядывая въ ротъ

покойнику, задалъ вопросъ: «неужели этотъ тятя? этотъ и не шевелится. А глаза-то какіе большіе, ухъ! страсть!..»

Лепестинья, какъ полная хозяйка, распоряжается и приказываетъ Вавилѣ пригнать новую свѣчичку къ образамъ: «эта вишь догорѣла.» Афросимовна совѣтуетъ спросить у Семеновны бѣленькаго платочка: подвязать покойнику уши, пока онъ не остылъ, чтобы закрылся ротъ. «А то, говорить, страшно больно смотреть ротъ-отъ.» «Не трожьте его бабы, совѣтуетъ глухо Вавило: чаво еще мудрить надъ мертвымъ. Богъ съ нимъ. Чай вотъ ужъ саваномъ прикроется, невидно будетъ скоро?» «Ну, да все ужъ», шипитъ свое Афросимовна: «то же подойдетъ кто-нибудь, посмотрѣть захочется — негодится!» И Вавила махнулъ наконецъ рукой, видя что Афросимовнѣ ничего не докажешь. А Павелъ лежитъ да смотритъ своими темными кругами.

Велика эта минута торжественнаго молчанія передъ покойникомъ. Въ близкихъ сердцу онъ еще пребываетъ, какъ живой: такъ и видятся сидящимъ и говорящимъ. Вотъ онъ смѣется или плачетъ, груститъ или улыбается, а размечтавшемуся воображенію такъ и слышится изъ угла его голосъ или смѣхъ. И въ этомъ полномъ образѣ, ново-представленнаго въ воображеніи человѣка, такъ и отпечатывается каждое слово покойника, каждое его движеніе, каждый поворотъ. Переживаете вы въ себѣ самомъ въ эту минуту все его любимыя мечты и завѣтныя думы; переберете въ памяти, какъ знакомы вамъ давно старое его платье, характерное выраженіе покойнаго, привычки, вкусъ и самыя слова! Такъ въ нѣмомъ молчаніи стоитъ Марфуша передъ покойникомъ и слышится ей томный его голосъ, который говоритъ: «день за день, время все утекало, а дѣло-то неподвигалось, такъ все и осталось!» — «И иконки-то не успѣлъ посеребрить, мой голубчикъ! Такъ вѣрно и моя барская жизнь пройдетъ безъ оглядки! Какъ-то я буду мыкать горе съ моими сиротамъ?..» И Марфуша опять обливается горячими слезами вдовы.

— Перестань, кума,—не воротись его.

Вася обернулся, чтобы узнать, кто утѣшаетъ маму, а утѣшалъ ее «петербургскій человѣкъ».

— Вотъ ты и не узналъ, когда умретъ мой тятя, а нѣ-

мечь узналъ, думаетъ Вася. А передъ нимъ такъ и стоитъ, какъ живой, высокій и худой Богданъ Богданъичъ, въ соломенной шляпѣ и длинномъ тепломъ сюртукѣ, такъ и видится ясно, какъ онъ, заговоривъ о смерти тятя, не испугался и не заплакалъ, какъ мама. Что это за штука такая ибмечь? думаетъ еще неотвязчивѣ Вася; отъ чего онъ знаетъ это? Отъ чего онъ знаетъ даже, когда умретъ мой тятенька? Отъ чего не знаетъ этого дяденька питерскій, который всему учился въ Питерѣ и знаетъ все?...

А вотъ и Парамонычъ вошелъ крестясь и выговорилъ басомъ: «миръ вашей бесѣдѣ!» хотя въ это время бесѣды никакой не было;—одна только Марфуша стояла передъ покойникомъ, да говорила мужу: «эхъ, Павелъ, Павелъ, зачѣмъ ты ихъ оставилъ?»..

А дьячка Парамоныча вызвалъ нарочно баринъ Василій Иванычъ и прислалъ въ избу съ Асафомъ читать псалтырь надъ покойникомъ. Марфуша поставила ему въ передній уголъ на лавку три коробки одна на другую въ видѣ колокольни. Парамонычъ положилъ на эту башню свою книгу и сталъ почитать, приговаривая глухо: «э-эхъ, упокой Господи душу усопшаго новопредставленнаго раба-а!..» А Марфуша кланяется въ землю да думаетъ: «ты знать, Господи, самъ принеси барина-то въ это время, гдѣ бы мнѣ еще набраться столько денегъ, Парамоныча нанимать? Вотъ тецерь его душенька и не будетъ ходить по мытарствамъ!..»

Къ вечеру Василій Иванычъ пріѣхалъ отъ кумы и тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ въ кабинетъ Марфу со старшимъ сыномъ, а самъ сѣлъ противу двери въ свои большія, волте-ровскія кресла.

— Ну, вотъ это тебѣ, за службу твоего покойника мужа! Василій Иванычъ подалъ вдовѣ какую-то тряпочку и листъ обыкновенной бумаги.—Это вотъ тебѣ на похороны; а это вотъ вольная твоему сыну!

Тутъ только глупая Марфа поняла, что въ одной рукѣ у ней были деньги а въ другой полная жизнь и счастье ея сына-любимца.

Съ благоговѣніемъ она ткнула въ шею Васю, чтобы онъ облобызалъ ту ручку, которая въ одно время даетъ и деньги

и вѣлю человѣку, а сама уже прищѣлилась было повалиться въ землю и прошептатъ надъ бариновымъ сапогомъ: «благодѣтель!» Но въ это мгновеніе, богъ знаетъ по какому случаю, ей припомнилась баринова шинель, и Марфуша только, молча, приложила къ рукѣ.

— А что, Васька-козелъ, какъ ты объ этомъ помышляешь: хочешь что-ли ты быть вольнымъ? спросилъ баринъ.

— Не знаю-съ! отвѣтилъ Васька-козелъ машинально, и дѣйствительно не зналъ: хотѣлъ или не хотѣлъ онъ быть вольнымъ;—такъ былъ дикъ и страненъ для него бариновъ вопросъ.

— Вотъ какъ! ай-да дуракъ! И баринъ захохоталъ.

— Заставлю, сударь, его Богу молиться за васъ, проговорила Марфа такимъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ у насъ подвальные рѣчи надъ могилами тѣхъ господъ, о которыхъ помышляютъ въ душѣ: «а хорошо ты сдѣлалъ, что провалился сквозь землю!»

— Ну, ступай! Пригласи тамъ попа что-ли отпѣть, или какъ знаешь, а я сейчасъ уѣду; я не могу больше здѣсь оставаться, ни-ни!

Дѣйствительно Василій Ивановичъ не любилъ ночевать въ одномъ домѣ съ покойникомъ. Даже дорогой, если онъ останавливался на ночлегъ, то посылалъ впередъ человѣка узнать: вѣтъ-ли въ избѣ таракановъ, и всегда почти кричалъ ему во слѣдъ: «да эй! не забудь, смотри, взглянуть, вѣтъ-ли покойника?»

Неудивительно послѣ того, что Василій Ивановичъ, открывшись передъ Асафомъ: «а не пойду, братъ, и проститься: говорить, страшень?..» отдалъ заразъ два спѣшныя приказанія: събраться въ дорогу и бѣжать за почтовыми, а самъ не ужинавши выѣхалъ въ путь.

— Теперь ты у меня ломоть отрѣзанный, сынокъ! сказала грустно мама надъ Васей и о чемъ-то глубоко задумалась. А это вотъ твое счастье, сынокъ! прибавила она весело, указывая на бумагу; вотъ я тебѣ и положу ее на первую-то вѣчьку подъ голову, а ты и усни съ Богомъ спокойно.

— «А кто же это меня отрѣзалъ отъ мамы?» думаетъ Васька и не спится ему покойно. «А кто же это завернулъ мое

счастіе въ бумагу?» рѣшаетъ безтолковый и не спитса ему еще дальше!

А Парамонычу такъ вотъ спитса. Поужинавши вплотную, чтобы ужъ читать всю ночь напропалую, онъ прилежъ было маленько прикурнуть противу дядюшки Вавилы да такъ и про-свисталъ вплоть до заутрени.

— А вотъ и гости на дворъ, бѣда на столъ! заговорилъ скороговоркой Емельянушка Пырочкинъ, который появлялся почти на всѣхъ похоронахъ въ городѣ и имѣлъ какое-то особенное чутье на покойниковъ.

— А нутко я посмотрю, какой онъ у васъ? У! да какой онъ знатный, гляди-тко!.. Емельянушка посмотрѣлъ въ лицо покойника и улыбнулся.

Веселый былъ человѣкъ этотъ Емельянушка. Куда не придетъ онъ на похороны—вѣчно улыбается на свою шутливую рѣчь: или покойникъ ему покажется смѣшонъ, или тѣ, которые надъ нимъ плачутъ, а ужъ не утерпять, чтобы не посмѣяться. Видали его иногда и плачущимъ, какъ напримѣръ въ то время, когда онъ продавалъ своихъ бѣдныхъ собаченокъ въ неволю на барскій дворъ, но за то никто и никогда не видывалъ, чтобы Емельянушка плакалъ о покойникѣ, особенно если покойникъ былъ барскій человѣкъ. Говорилъ онъ всегда отрывисто и разбросанно, какъ человѣкъ въ хмѣлю, но не всегда онъ былъ въ хмѣлю. Рѣчь его была какое-то равное ключье: то очень умное, то очень глупое—всего понемногу.

— Идетъ гулять Федотъ у шабровыхъ воротъ,—болтаетъ веселый Емельянушка и чуть не пляшетъ передъ покойникомъ;—а Емельянушка гуляетъ, у всѣхъ побываетъ, и хозяинъ радъ, что пріѣхалъ свать. А я-то думаю: ну добренькій сосѣдъ Ермишка найдетъ мнѣ вишишка, а онъ вонъ куда залегъ! Эхъ, ты чудака-покойникъ, умеръ а глядитъ!

— Отойти отъ него, батюшка Емельянушка, заговорила тоскливо Марфа.

— Отойду, матюшка, отойду! А слыхала ты, какъ кума изъ Сибири въ рѣшетѣ приплыла, веретенами гребла, юбкой парусила? Не слыхала? Ну то-то, мать моя, живитко ты смѣючись!

Емельянушка погладилъ Марфу и Васю по спинѣ, въ знакъ

утѣшенія и тотчасъ побѣжалъ на задній дворъ рассказывать Вавилѣ: какъ на могилахъ бабы воютъ, а кутейники блины ловятъ, на могилахъ бабы плачутъ, а кутейники блины прячутъ. И послѣ того такъ еще дико захохоталъ, что Вавило приподнявъ метлу, вразумительно сказалъ шуту-Емельянушкѣ: «ну, ну, братъ, убрайся отсель, пока ты цѣлъ, а то вотъ твоей же собакой и затравлю!» И Емельянушка пошелъ на улицу, напѣвая громко пѣсню.

Пришедшій навѣстить больнаго, кумъ Онуфричъ, не мало дивился тому: какъ это умеръ кумъ Павелъ? Вдовѣ онъ сказалъ: что «легче семь разъ горѣть, нежели разъ овдовѣть,» и тутъ же тихо распросилъ ее: когда умеръ покойникъ, утромъ или вечеромъ и въ которомъ часу, какъ будто не все равно въ восьмомъ или девятомъ? Изъ обстоятельства настоящаго вывелъ заключеніе такое, что «двухъ смертей не бывать, а одной не миновать», такъ знать написано ему на роду, раньше насъ умереть. И потуживши надъ покойникомъ, и поклонившись ему въ землю, кумъ Онуфричъ пошелъ еще на задній дворъ потолковать съ дядюшкой Вавилой: когда будутъ отпѣвать? Дядюшка Вавило отвѣтилъ: что у попа онъ былъ, но попъ хоронить нейдетъ: «потому вишь, боялъ, што какой-то, такой праздникъ — хоронить, говорить, нельзя. Нетроште, говорить, покойника до завтра. Завтра я вамъ его и отпою». На это кумъ Онуфричъ возразилъ было, что въ такую жарыщу оставлять тѣло не годится, но дядюшка Вавило объ этомъ уже не разсуждалъ: онъ только махнулъ рукой да глухо прибавилъ: «а какое намъ, другъ, дѣло до чужаго тѣла?» Похоронимъ, когда придетъ пора, сташимъ еще на мазарки. Сказано тебѣ: «попъ не велѣлъ!» ну значить вишь не можно: вѣрно и въ самомъ дѣлѣ праздникъ какой запретный на мертвыхъ. — На томъ разсуждающіе и остановились.

А вотъ и черный гробъ принесли со стружками, вмѣсто перины, да вѣнникомъ вмѣсто подушки. Въ гробу этомъ подкинули лоскутокъ холста подъ головы, покурили и уложили раба божія Павла на вѣчный покой. Парамонычъ ушелъ, потому что Василій Иванычъ навиналъ его читать только одинъ день, а тутъ, вишь, оказывается два; Парамонычъ и самъ не зналъ,

что подвернется еще лишній праздничекъ, а за условную плату читать никакъ не соглашался. Около покойника на всю ночь осталась только мертвая тишина. Сама, сильно истомленная, Марфуша, и та спала спокойно, не слыхала даже, какъ пошелъ по избѣ сильный смрадъ отъ свѣчи, упавшей на лавку. Отъ свѣчи этой во время ночи выгорѣла такая круговина, смотря на которую, сосѣднія бабенки только ужъ спрашивали: «какъ это, дѣвынька, покойникъ-отъ у ней не изжарился весь?»

А тутъ и батюшка Степанъ Макарычъ пришелъ вынести тѣло и тоже не мало дивился тому: «какъ-это умеръ Павелъ?»

Вавило съ здоровыми парнями взворотили себѣ на плеча домовину и поволокли вонъ изъ избы. Двѣ нищія распахнулись въ дверяхъ и поклонились гробу. Марфуша рванулась впередъ и завизжала на всю Дворянскую: «въ послѣдній разочикъ ты, мой батюшка, уходишь изъ барскаго домушки, не-придешь ты больше съ базарушки!..» и пр. Изъ оконъ высунулись-было головы спросить: «кого хоронять?» но на этотъ вопросъ Емельянушка отвѣтилъ всѣмъ лаконически: «человѣка, вишь...»

Друзья и знакомые покойнаго кинули по горсткѣ землицы въ могилу, сказали единодушно; «прощай Павелъ Кузьмичъ!» и побрѣли домой, думая про себя: «поди, я чай вѣдь и насъ туда же оттащутъ?»

Нищія-старушонки, разнюхавъ, что покойникъ былъ барскій человѣкъ, тотчасъ рѣшили: что тутъ толковать много нечего — необлизнешся! — «Идти знать домой?» — и ушли.

Надъ могилою Павла остались: только мать съ сиротами, Степанъ Макарычъ, Емельянушка да Вавило, вмѣсто могильщика. Марфуша молча смотреть въ могилу. Вася и Ваня слушаютъ, какъ тяжелыя комья гудятъ въ гробовую доску да смотрятъ какъ остальной краешекъ гроба засыпается мать-сырой землей, а дядюшка Вавило, не жалѣя притоптываетъ покойника въ грудь. Большой бугоръ наворотилъ дядюшка Вавило надъ могилой и началъ его такъ аккуратно обтачивать, какъ будто это дѣло требовало самой изящной отдѣлки!

— Ну, будетъ, хорошо и такъ! сказала убитая горемъ Марфуша, желая скорѣе прервать удары въ стонущую землю.

— Нельзя Семеновна, нельзя матушка! Самъ онъ былъ большой радѣльникъ до всякой малости, самъ все любилъ покойникъ дѣлать въ аккуратъ. Съ этой вѣтъ еще сторонки маненько. И Вавило замечъ съ этой сторонки и ввалилъ еще Павлу въ другой бокъ лопатой.

— Не бей могилку-то, христа-ради! Дайте ему покой хоть на томъ-то свѣтъ, Господи!.. и рыданія Марфуши раздались далеко.

— Ну, полно, полно, Господь съ тобой! кто же плачетъ такъ о покойникахъ? На-ко вотъ тебѣ живыхъ...

Священникъ, Степанъ Макарычъ, въ утѣшеніе матери подставлялъ было ей сиротъ; но мать такъ зарыдала надъ ними, что всѣ трое, обнявшись, такъ и ринулись на свѣжую могилу отца.

— Эко, Господь съ ней, надрывается какъ! (Священникъ самъ поднялъ съ могилы дѣтей). И не вразумишь ее ничѣмъ, Боже ты мой! Да ты слышишь, что-ли старуха! — говорятъ тебѣ толкомъ: «старое старится» и умираетъ — этому такъ и быть должно, ну, за то вотъ — «молодое растетъ»...

— Растетъ оно!!.. взвизгнула мать раздирающимъ душу голосомъ.—Вонъ они какіе маненькіе! выговорила она въ совершенномъ отчаяніи, и упала опять на могилу.

V.

Вдовья заботы.

Разъ вечеркомъ старушонки сидѣли у воротъ. Юнихѣ захотѣлось посмотрѣть на городскую улочку. Улицы нашихъ городовъ въ лѣтній вечеръ полны народу;—все гуляетъ или сидитъ у воротъ. Вдали показалась старуха съ посошкомъ и вѣтомочкой.

— А смотри, Юновна, ровно Чудиха наша, братъ?

— А и въ самъ помахиваетъ на Сидоровцу?

— Поди она?..

— Она и есть! Ахъ ты наше красное солнышко, свиной распекъ, откуда тебя несеть?

— Изъ Кеева, матынька, прамехонько отъ угодниковъ; къ тебѣ вотъ ползла, Семеновна, отдохнуть.

— Милости просимъ.

— А ты какъ здѣсь очутилась, какъ мѣдный грошъ? спросила странница Ионику.

— А ты ужь пойдѣмъ въ избу-то, и неспрашивай!

Старухи вошли въ избу.

— Приѣхала вотъ меня съ сиротками провѣдать, матушка Сидоровна, проговорила плачевнымъ голосомъ вдова.

— Ой-ли?

— Да; Господь по душу послалъ моего-то.

— Господи Иисусе!.. да какже это?

— Да такъ, мать моя, померъ совсѣмъ...

— Владычица Казанская! да какже это померъ-то; давно?

— Нѣтъ, не давно, матушка, шесть недѣлюшекъ еще не вышло.

— Микола милосливый!—и сиротокъ тебѣ оставилъ?

— И сиротокъ, матушка Сидоровна, что съ нимъ будешь дѣлать?

— Господи Иисусе! да какже теперича съ сиротками-то?

— Да также, матушка; сидимъ да горюемъ.

— Вотъ какъ, матынька, и Павла Кузьмича нашего не стало! Экое чудушко-то, а?

И Сидоровна, вздыхая начала снимать свои тряпичныя вериги: сумочки, котомочки до дорожный мѣшечекъ съ буракомъ.

— Благословилъ что-ли дѣтокъ-то? начинаетъ Сидоровна свои допросы.

— Благословилъ, Сидоровна, какъ ужь безъ этого.

— Ну, а какже, мать моя, благословлялъ-то онъ ихъ: весело, али скучалъ, родимый?

— Какое, матушка, веселье! Предчувствовала, знать, тоже душенька кончинушку; такъ самъ и попросился: «благословить, говорить, хочу.»

— Са-амъ?

— Самъ, матушка Сидоровна, самъ.

— Экое чудо, такъ и благословилъ?

— Такъ взялъ да и благословилъ, матушка, обонхъ.

— Ну-ко, сядько, матка, да расскажи мнѣ: какъ онъ, мой золотой, благословлялъ-то ихъ?

— Ну, такъ знаешь вотъ: лежалъ онъ у меня тутъ въ сѣнцахъ; я такъ иконку-то поднесла къ нему, а онъ вотъ этакъ-то перекрестился да и принялъ ее матушка на ручки.

— Перекрестился? а, а, а? Владычица!..

— Да, мать моя, перекрестился и приложился. Я знаешь подвела вонъ Васю-то,—сама дрожу таково; а онъ и наднесъ этакъ иконку-то да и поставилъ ее крестъ на крестъ на головку-то.

— И поставилъ? а, а, а? Микола милосливый! Ну?

— Ну, такъ и благословилъ его; и молитовку самъ прочиталъ.—«Приложись», говорить.

— Значить съ языкомъ былъ, matka, до конца?

— Съ языкомъ, матушка, съ языкомъ, до самой кончинушки съ языкомъ.

— Ну слава-те Господи! А я ужь думала не благословилъ? Грѣхъ-отъ бы еще на душеньку какой!

И вдова еще должна была разъ другой поплакать отъ разпросовъ новой собесѣдницы и утѣшительницы.

— Ну, вотъ,—начинаетъ опять плавно и степенно таково Марфуша: этакъ-то онъ теперича сидитъ, мой батюшка, въ субботушку со мной.—«Воскресенье, говорить, завтра Христово, затепли-ко мнѣ, говорить, свѣчку, да поди сюда на постелюшку, побесѣдуемъ съ тобой?»

— На постелюшку? а, а, а?

— Да, такъ и сказалъ, матушка Сидоровна. Ну, я знаешь, этакъ-то подсѣла на краишекъ, а онъ и взялъ меня за руку.

— Взялъ?

— Да, матушка Сидоровна, взялъ да и говорить: вотъ что, говорить, я тебѣ хотѣлъ сказать... Вотъ, баринъ, говорить, хотѣлъ мнѣ одного-то отпустить на волю...

— А, а, а! гляди-тко, голубчикъ, голубчикъ!.. бредить вишь сталъ?

— Нѣтъ, матушка Сидоровна, не бредилъ онъ, а на самомъ дѣлѣ такъ было дѣло—такъ и обѣщался баринъ-отъ.

- Обѣщался? Владычица! неужели, матка, обѣщался? —
 — Да, Сидоровна, и отпустилъ ужь мѣ старшинькаго-то.
 — Отпустилъ? а, а, а! Вотъ чудо-то!
 — Отпустилъ, матушка, совсѣмъ, и вошьная ужь дана.
 — Ну, слава тебѣ, Господи! Ну какже оно тово... matka было, а ты расскажи!.. Это вотъ больно умилительно слушать конецъ-отъ...

— Ну, вотъ онъ мой золотой голубчикъ сидитъ такъ-то насупротивъ, какъ ты вотъ теперича, да и говорить: котораго говорить мнѣ сдѣлать счастливымъ?

— Гляди-тко ты, а! такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, родная: котораго говорить? у меня, знаешь, этакъ-то ноги ходенемъ и заходили—испужалась я, крѣпко больно; сижу да думаю: что я ему, голубчику, скажу?

— Да, да! что говорить матушка! Чего ужь тутъ скажешь окромѣ молитвы? — молитву только сотворить.

Сидориха въ этомъ мѣстѣ перекрестилась, а Марфуша съ подробностями начала рассказывать гостѣ, какъ умиралъ мужъ, какъ посѣтилъ ихъ баринъ. Сидоровна слушала, дивилась чудушкамъ и продолжала допрашивать всю подноготную, обрадываясь повременамъ къ Ионихѣ.

— А ты слуу-шай-ко, глухая, не перебивай! Чудеса-то въдь какія рассказываетъ, а!.. Самъ вишь все обдумалъ, человекъ доподлинно палата-голова. Вотъ за это Господь и сподобилъ его христіанской кончанушки...

И Сидоровна окончательно успокоилась и въ третій разъ помянула покойнаго Павла. Спросила только кстати: въ какой день умиралъ? кричалъ или не кричалъ передъ кончанушкой? И получивъ отвѣтъ, что покойникъ былъ тихъ какъ овечка, при смертномъ часѣ, Сидоровна успокоила вдову, что душенька Кузьминча по мытарствамъ ходить не станетъ никакимъ образомъ: «по этому самому, что здѣсь ужь нами-тарствовался человекъ — шутка сказать: отъ самаго крещенья до страды все лежалъ, не встаючи съ постелюшки!»

Сидоровна въ этотъ день понедѣльничала, поэтому обсто-ятельству вмѣсто молочка съѣла только луковку и отжаловав-шаясь окончательно, что разломилло спинушку, — улеглась. Сдѣ-

лила только одну вещь вопросъ на сонъ грядущій: гдѣ положили покойника, а получивъ отвѣтъ, что его положили рядышкомъ съ плешлянницей ея Фитиньей Роговной сквозь дрему пробурчала: «ну, это слава Богу!»

— «Вольному, знать, воля, — ходячему путь», — заключила Юниха, надъ спящей Сидоровной. — Нинакъ и намъ отдохнуть?

— А что, matka, забыла я тебя вчера спросить, заговорила Сидоровна, открывая утромъ глаза, крестикъ-отъ поставили-ли покойнику? Изъ ума вонъ вышелъ у меня крестикъ-отъ вчера.

Но когда Сидоровна узнала, что нѣтъ, еще не поставили, то это обстоятельство, такъ мучило ее цѣлый день, что она впросто охала, какъ больная.

— Эко грѣхъ-отъ какой, мать моя, крестикъ-то, а?.. шутка сказать: покойникъ легъ безъ креста! да какъ вѣдь это грѣшно-то, кабы ты знала?..

— Да мы, дѣвка Юниха, съ тобой уже сами закатимся къ этимъ вертопрахамъ! Да какъ это маять человѣка безъ креста? что ужъ это такое?..

— Выставить надо крестикъ на могилу!.. подхватываетъ Ионовна.

Словомъ вдвоемъ они принялись усердно хлопотать о крестикѣ. Работники Богдана Иваныча просто не смѣли носу показать на улицу, не только пробраться мимо съ удочкой: непременно Юниха или Чудиха высовывалась въ окно и кричала рыболову: крестикъ-отъ, батюшка, покойникъ дожидается! — Ну, рыболовы, почувствовавъ наконецъ, что такъ надобадетъ имъ самъ покойникъ, посовѣстились и сдѣлали крестъ. А Сидоровна въ это время успѣла уже разокъ сходить съ Семеновной на могилки; сказала ей въ утѣшеніе: «въ бѣдѣ не унывай, на Бога уповай,» и опросила ее кругомъ: какъ хоронили, да что говорили, плакали-ли или не плакали, больно или не больно, что дѣлали знакомки ея Аэросимовна и Описимовна, ходили-ли они на могилки? и пр.—словомъ не было упущено ни малѣйшаго обстоятельства. И когда Сидоровна окончателно убѣдилась, что безъ нее тутъ никакого большаго грѣха не случилось: и въ гробу покурили, и правую

ручку покойнику сложили, и образокъ въ церковь поставили,—она перешла на кануны да сорокоусты, и окончатально допросила вдову: подаю-ли было сорокъ ломтиковъ милостыни, да не общитались-ли, не подали-ли только тридцать девять? — это опять грѣхъ великій! Поминаютъ-ли покойника дѣтки на сонъ грядущій?—да непременно на ночь;—утромъ еще не такъ грѣшно, можно и не помянуть иной разъ, а на ночь, не помянуть—это великій грѣхъ и покойнику приключится тоска!—«А ты сама-то, matka, какъ его больше поминаешь: по утрамъ что-ли, али по ночамъ?» допрашиваетъ еще Сидоровна вдову и совѣтуетъ ей непременно вспоминать мужа покойника тоже по ночамъ.

А тутъ еще такъ жалостливо и благочестиво подбавитъ Сидоровна: «что хозяинъ въ дому, все единственно, что Адамъ въ раю». И что безъ хозяина домъ примѣрно теперича,—что «церковь безъ попа». И опять пойдутъ утѣшительныя соболѣзнованія о покойникѣ, вдовѣ и сиротахъ ея.

А вотъ и Левушка-балагуръ принесъ вѣсть Семеновѣ отъ сосѣдей, что завтра покойнику ея будетъ готовъ крестъ.—Онъ ужъ, говорить, и сегодня готовъ, да тамъ что-то еще маленько не совсѣмъ вишь готовъ, а завтра будетъ совсѣмъ!

Эта вѣсть надѣлала опять сильныхъ хлопотъ старухамъ. Практическая Іониха цѣлый день толковала о томъ: когда лучше, утромъ, или вечеркомъ отнести крестъ на кладбище? и даже рѣшила, поэтому случаю: «пожалуй говорить, я сама сброжу съ дядюшкой Вавилой на могилки». А религіозная Сидоровна настаивала на одномъ: что на крестѣ непременно слѣдуетъ выставить надпись: —«Кто же безъ надписанія помянетъ человѣка? Сами вы посудите?» говорить онъ съ жаромъ Іонихѣ и вдовѣ.—«Какже помянешь его душеньку, когда на крестѣ не будетъ прописано крещенаго имени? Какъ же теперь узнаемъ, кто тутъ лежитъ? сами вы-посудите. Ну, а надпись совсѣмъ дѣло другое: — по надписи можно узнать теперича, что хошь въ свѣтѣ» и т. д. И остановилась только на томъ: на кого бы ей напасть: «кто бы прописалъ ей хороше ничко мертваго на крестѣ?»

— Да вотъ я къ кому схожу, дѣвыньки, съ крестомъ-то! вскричала вдова, которую это дѣло занимало не меньше ея собесѣдницъ,—къ дьячку Парамонычу!—Онъ чай мастеръ на этотъ счетъ? Онъ поди знаетъ: какъ по мертвому-то пишутъ.

— Ну, когда ужъ чай не знаетъ Парамонычъ, чего еще!.. Кабы взялся только, а то матушка, это вышло бы больно хорошо.

— Ахъ мать моя, да отчего это не взяться ему? Это дѣло такое церковное, за это онъ возмется.

— А я ему яичекъ десяточекъ хошь отнесу, съ первоначалу-то—задобрить, ну, а тамъ ужъ коли на то пойдетъ, деньжонокъ что-ли...

— Ну, за крестикъ-отъ чай, много-то не возьметъ?— Безъ крестика, дѣвка, грѣхъ; ставь ты его ради-христа поскорѣе. Молчаніе.

— Вотъ теперъ никакъ и сходить къ дьячку съ яичками-то. Что-то онъ мнѣ скажетъ?

— Сходи-ко, matka, сходи, чего еще ждатель. Напишетъ чай?

— Сюда что-ли придетъ, али туда велить его притащить?

— Ну, тамъ ужъ какъ ему угодно,— а ты сходи!

Парамонычъ велѣлъ крестъ притащить къ себѣ и продержалъ его еще три недѣли: то у него краски не доставало, то кисточки не хватало, то нужны были еще какія-то справочки.

За справочками этими Парамонычъ повадился ходить къ Семеновнѣ.

— Здорово, matka! говоритъ онъ обыкновенно Семеновнѣ безъ церемоніи: ну-тко, напои меня кваскомъ, а нѣтъ, такъ молочкомъ, не осержусь! Вотъ шелъ да зашелъ,—жарища такая, Господь съ ней, просто мочи нѣтъ. Думаю: дай-ко зайду къ старухѣ: молочишкомъ отдуеть.

Марфуша принесетъ цѣлую крынку молока. Парамонычъ приложится, какъ теленокъ, и только крякнетъ на половинѣ.

— А ты погоди, мать моя, не утаскивай; я вотъ отдохну, да еще примахну,—приударю во всѣ.

— А что крестикъ-отъ, Парамовичъ? спроситъ тихо Семеновна, задобривъ дьячка.

— Да вотъ я съ крестикомъ-то и пришелъ спросить тебя: какъ писать-то не знаю?

— Ну, коли ты не знаешь, батюшка, кому ужъ и знать-то по-божески какъ не тебѣ:— это по вашему, по церковному,— подхватываетъ Ионовна.

— Да ты, баушка, по церковному-то меня не учи: на церковномъ-то я самъ собаку съѣлъ. Я не объ этомъ теперича, а вотъ какой казусъ со мной приключился: это-то я все прописалъ: «подъ симъ крестомъ» тамъ... «покоится»... и пр.— да вотъ штука-то въ чемъ: кто покоится? какъ его звали-то? Думалъ, думалъ, да и забылъ!

— Павель, батюшка, Кузьмичъ, отецъ!

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! вотъ мы такъ теперича и писемъ его.— Бумажка-то есть что-ли у тебя? записать бы, а то пожалуй забудешь опять?.. память-то у меня дѣвушка.

Маруша побѣжитъ за Васей и у этого дѣловаго человѣка отыщетъ бумажки, а пожалуй еще и чернильницу съ плесенью въ барскомъ кабинетѣ, я запишутъ на бумажку Павла Кузьмича, дворецкаго, съ которымъ Парамовичъ лѣтъ двадцать сидѣлъ рядомъ въ лакейской и разяохивалъ табачекъ, да только забылъ спросить, какъ зовутъ дворецкаго.

— Прозвище пожалуй, я выпишу ему крупными азами? Какъ у него прозвище-то?

— Да какъ ему прозвище-то—постой-ко?.. «Оглашенный», кажись?

— Экъ его, какое промыслилъ, прозвище-то! А ты другаго какого поищи,—нѣтъ-ли? Это ужъ больно не ладно на крестъ-отъ?

— Чего, батюшка, искать? этакъ его всѣ и звали. Посмѣются бывало маленько съ первоначалу-то, а тамъ и пойдеть опять за «оглашеннаго».

— Ну, это, матка, на крестъ не годится!— это просто ругань какая-то человѣческая?

— Какже теперича, отецъ? значить, нельзя ему поставить крестикъ-отъ съ этимъ?

— Съ этимъ не годится! отвѣтилъ дьячекъ рѣшительно и серьезно.

— А какъ же годится-то, батюшка, наставь ты меня?

— Да какъ годится-то?—поставлю вотъ просто Кузьмичъ! вотъ и прозвище. Кличутъ же у насъ вонъ просто воиновъ по батюшкѣ, да нечего: откликаются и идутъ, куда ведутъ. Это у насъ только вонъ въ семинаріяхъ ухищряются такъ надъ человѣкомъ.

— Такъ Кузьмича-то ужъ проставь, сдѣлай милость, не забудь.

— Ладно, ладно старуха, Кузьмича проставлю—не забуду! И Парамонычъ допьеть молоко и уйдетъ.

Старушки иной разъ бесѣдуютъ поды вечерокъ и тиха ихъ задушевная бесѣда, люющая, какъ ручеекъ. Сидоровна распросгранится о томъ, какъ она бѣжала весь послѣдній денекъ и больно ужъ захотѣлось ей къ Семеновнѣ отдохнуть.

— Ухъ!... Раздается изъ окна, такъ что старушонки отскочатъ .

— Кой тамъ лѣшій! вскрикнетъ нетерпѣливо горячая Семениха,—и поговорить-то по душѣ не дадутъ.

— А это я! миръ честной компаніи! — И въ окно всунется опять дьячекъ Парамонычъ.

— Прости, батюшка, не въ домекъ, не видала, — засеменить Семеновна.

— Ну, ладно, ничего! А каково я ухнулъ?—Зайти что-ли?

— Милости просимъ.

— А ну-тко, мать, молочка-то? больно молоко-то твое хорошо глотку всю перехватило: все оралъ.

Семеновна бросить бесѣдушку по душѣ и уйдетъ за молокомъ.

— Али помѣшалъ, баушка?

— А ничего касатикъ; вечеръ-то длиненъ, еще наговоримся.

— А гдѣ это пѣнье ангельское, у насъ что-ли? спрашиваетъ дьячекъ, подслушавъ послѣднія слова разговора.

— Въ Кеевѣ? отецъ! отвѣчаетъ не совѣмъ довольная Сидоровна, которой помѣшали.

— А въ Кіевѣ. А я думалъ у насъ!

— Нѣтъ; въ Кеевѣ, кормилецъ!

— Въ какомъ же это тамъ мѣстѣ?

— Да тутъ на Угорьѣ, какъ подынешься на горку, на лѣвую-то ручку, стоитъ женскій монастырь; мудрено таково прозванье-то ево; — золотая маковка на церквѣ...

— А знаю, это *ставропигія*, кажется?.

— Такъ кажись, батюшка, звали-то ее, не знаю вѣдь я, отецъ, по вашему-то, по книжному.

— Да, ставропигія,— я знаю!

И вовсе не зналъ Парамонычъ, что за штука такая ставропигія; просто ему хотѣлось блеснуть своею ученостью передъ Сидоровной.

— А что же крестикъ-то мнѣ, батюшка? спросить Семеновна.

— Да признаться, я съ крестикомъ-то и забрелъ опять; съ нимъ все вожусь, мать! писать-то какъ не знаю?

— Да чего ужъ писать-то, отецъ: чай ужъ все ты ему прописалъ?

— Ну вотъ, то-то и есть, все да не все. Я вѣдь, мать, человекъ-то акуратный, люблю, чтобъ у меня все было толково. Рапъ-то я, братъ, написалъ — знаю, что онъ рапъ, да какой: крѣпостной, или вольный? Вотъ тутъ-то и заковычка вышла?

— Какой, отецъ, вольный? барскій онъ былъ.

— Ну, то-то барскій. Я вотъ на барскомъ-то и сбился совсѣмъ: я вотъ, знаешь, читалъ это псалтырь по мертвомъ у твоего покойника, да и слушалъ все, а вы сзади бормотали о какой-то волѣ; мнѣ и втемяшилось въ голову, — думаю теперича: не его ли ужъ отпустили покойника? Такъ это у меня и засѣло въ головѣ.

— Нѣтъ, батюшка Парамонычъ, вотъ *этого* тогда отпустили на волю! Марфуша указала на вольнаго Васю.

— А! ну теперь я смѣкаю, а тогда, братъ старуха, не раскусилъ.

— Когда же совсѣмъ будетъ готовъ крестикъ-отъ?

— Да приходи, хошь завтра; денегъ только больше пещи,— вотъ и будетъ готовъ.

— Да гдѣ мнѣ, батюшка, денегъ-то много взять?

— Изъ корчаги.

- Какія ужь у меня корчаги безъ мужа-то?
 — Ну да, виляй хвостомъ-то: знаю я вашего брата. А кони-ко иную, такъ смотришь и звякнетъ мошонка-то.
 — Какія у нее деньги, косатикъ, вступится Юниха, а ты такъ песни...
 — Таа-къ? какъ бы не такъ! зудкая какая! На широмыгу?.. Ну ты давай!..

— Да я бы не жалѣючи дала Павлу Кузьмичу, да у меня нѣту теперича, вѣрь Христу Богу!

— Э, да вы всё тутъ, знать кто изъ-подъ борка, кто изъ подъ сосенки, значить и толковать съ вами много нечего. Дунуть вотъ еще молочишка, да и къ домамъ!..

И дубоватый Парамонычъ, послѣ своихъ посконныхъ шуточекъ,— ушелъ. А крестъ и завтра остался не готовъ: были какіе-то богатые похороны купца, гдѣ Парамонычъ читалъ трое сутокъ безъ отдыху и не показывался.

Черезъ недѣлю онъ еще разъ пришелъ.

— Ну, теперь, мать, давай больше молока въ послѣдній разъ. Лихой я тебѣ крестище навалялъ: красными словами!

Семеновна поклонилась; собесѣдницы перекрестились?

— Только вотъ покойника-то не помянули, это скверно, блинцами ты меня не кормишь, это не подобаетъ.

— А милости прошу, хошь завтра: я тебѣ пухленькихъ напеку—съ пылку, съ огонечка.—Кстати-же суббота.

— Ну, нѣтъ, братъ, завтра дудки! Завтра у меня своя родительская:—безъ твоихъ будетъ прорва цѣлая! Принеси коль хошь на погостъ, такъ я тамъ у просвирни помяну, пожалуй,—хвачу блинокъ другой.

— Да на погостѣ ужь какіе, свѣтъ, блины;— холодны будутъ чай? здѣсь-бы горячннкихъ, со сковородки,—подбавила заманчивая Юниха.

— Э? прямо значить?— Ну, ладно! Винцомъ попотчуете?

— Ну, пожалуй, ужь купимъ,—выговорила кисковато вдова.

— А я тебя съ обновкой проздравлю. Славный, братъ, вышелъ крестъ,—веселый такой! Слѣпой можетъ читать: такіе знатные я тебѣ азы выворотилъ,—въ четверть, ей богу!

— А что, батюшка, ты вымаралъ что-ли мнѣ новорожденнаго-то Петра? подѣхала ласково Іониха.

— Вымаралъ, баушка, вымаралъ совсѣмъ!

— А поминанье-то у тебя что-ли, али въ церкви?

— А тамъ гдѣ-то, въ церкви валяется.

— Не затеряется?

— Ну, куда это ему затеряться-то? полъ-отъ каменный, чай не провалится скрозь.

— Сохрани его Господи! подбавляетъ Чудиха: въ немъ дуня покойницкіе, куда еще имъ провалиться?

— Ты ужь мнѣ, батюшка, приставь тоже новопредставленнаго Павла, подѣхала опять Іониха.

— Пожалуй приставлю; а гривну когда?..

— Принесу косатикъ.

— Ну, то-то принесу: безъ гривны ничего не приставлю.

Къ чести Парамоныча я долженъ здѣсь сказать, что блиновъ онъ ѣсть не приходилъ, вѣрво забылъ или пощутилъ; молочка и ерофеича больше не просилъ; новопредставленнаго Іонихѣ приставилъ даромъ, а крестъ за какой-то пятанъ черезъ три дня дѣйствительно написалъ и такими еще огромными буквами, которыя въ самомъ дѣлѣ могъ читать, если не слѣпой, то всякій близорукій. Такъ надъ всѣмъ кладбищемъ и красовалась ею огненная надпись: «здѣсь покоится крѣпосной рапъ.»

А старухамъ опять новая забота—ставить.

— Къ тебѣ я батюшка Вавилушка, съ крестникомъ... начала Семениха.

— А что развѣ тово ужь,—готовъ?

— Да, совсѣмъ ужь, и прописанъ теперича, какъ слѣдуетъ быть.

— Ну, ладно, коли прописанъ, дай вотъ только поѣмъ маленько, а то ничего отташу ужо.

— По тверже ты ужь его... чтобы не упалъ кой грѣхъ,—подбавляетъ Іониха.

— Ладно закрѣплю! Чего тутъ толковать;—поглубже запущу.

— Да на всходъ ты смотри надписью-то къ церкви. А то

ужь ставить кое-какъ на могилкѣ-то грѣшно еще... подбавляеть Сидоровна.

— Ладно, и надпись ни всходъ утрафлю—чего ужь!.. Васю вонъ возьму съ собой: онъ и укажетъ мнѣ, на которой сторонкѣ прописана надпись-то. По ней значитъ въ линію и тово..

— Да ужь сдѣлай милость, смотри, заключаетъ Семеновна.

Вавило дѣйствительно уставилъ крестъ дворецкаго въ ту сторону, въ которую смотрѣли прочіе кресты, — не ошибся и въ этомъ дядюшка Вавило! И повѣяло отъ бесѣды этихъ добрыхъ дѣтей природы 'могилой да скукой, да той безотрадной тоской, которая зовется жизнію этихъ людей. Съ какими жаромъ и какими горькими слезами проговорятъ они долго еще, о томъ простомъ, немудрящемъ крестѣ, который наконецъ удалось имъ поставить надъ могилою Павла. Хлопочать эти простодушныя дѣти о вѣчной памяти того человека, котораго при жизни никто не помнилъ и не зналъ, а во смерти и подавно всякій забыть! А бѣдныя ребятишки Вася и Вавя лежатъ въ колѣняхъ мамы, Іоновны или Чудихи. И видятъ они, только слезы матери, да глубокіе вздохи Іоновны да сокрушенія о грѣхахъ благочестивой Чудихи. И это—жизнь!..

А должно быть очень далеко несло могилой отъ ихъ тоскливой бесѣды, потому что запахъ могилъ и тлѣнья слышалъ даже юродивый Емельянушка. Словно изъ земли очутился опять этотъ странный человекъ тутъ же у воротъ барскаго дома. Но на этотъ разъ на лицѣ его не выразилось веселаго ничего. Грустно посмотрѣлъ онъ на заплаканную Марфу и съ глубокимъ вздохомъ проговорилъ только «аминь!»

Марфа испугалась нежданнаго посѣтителя, тѣмъ больше, что дѣло было къ ночи. Но, вспомнивъ что-то, она весело сказала ему.

— Ахъ, пойдѣмъ-ко, Емельянушка,—вѣдь я тебѣ подарочекъ принасла.

— Пойдемъ, пойдѣмъ, матка, домой, заговорилъ весело сумасшедшій. А мертвый тамъ есть?

— Что ты, христось съ тобой! али накликаешь еще кого? выговорила Марфа блѣднѣя, однако, сотворивъ крестное знаменіе, вошла въ чуланъ, и вынесла шинель.

— На-тко вотъ тебѣ, помяни моего Кузьмича!

Емельянушка улыбулся.

— Бери, это тебѣ.

Дуракъ погладилъ воротникъ.

— Бери ничего! Это хорошая шинель,—барская...

— Уа! закричалъ съумасшедшій, и хохотъ его разнесся по всему барскому двору.

— Эко, Господь съ нимъ, какой блажной! проговорила въ договку Іониха.

— И чѣмъ это матушки я обидѣла его? Вѣдь не принялъ шинельку-то!

— Чудо-то, чудо-то, дѣвьяньки! подивилась Чудиха.

— Эхъ ты, matka Семениха, добавилъ въ заключеніе Левушка-балагуръ,—и не знаетъ дарить-то кому! Подари-ко мнѣ: я такъ вотъ помяну твоего покойника!

И въ тотъ вечеръ Левушка, развеселая-головушка заложилъ шинель въ дерябу, и возвратясь оттуда въ припляску, съ какимъ-то горькимъ укоромъ сказалъ самому себѣ: «И помянуть-то не съумѣлъ покойника,— эхъ, т-ты, шутъ гороховый!»

Г. Потанинъ.

БОЛѢЗНИ ЧУВСТВУЮЩАГО ОРГАНИЗМА.

I.

Явленія, извѣстныя подъ именемъ экзальтаціи, меланхоліи, сумасшествія и т. п., не составляютъ отдѣльныхъ и исключительныхъ фактовъ въ жизни народовъ, а вытекаютъ прямо изъ общаго характера ихъ соціальнаго положенія. Въ исторіи не мало встрѣчается такихъ мрачныхъ эпохъ, когда умодокъ умственныхъ силъ общества близко граничилъ съ полнѣйшимъ сумасшествіемъ, когда нормальныя отправленія мозга и здраваго понятія были величайшей рѣдкостію среди повальнаго туноумія. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи находился древній Римъ въ эпоху своего паденія. Тацитъ очень метко назвалъ эти времена горячечнымъ бредомъ, въ которомъ дѣйствительная жизнь уступила мѣсто какому-то тяжелому сновидѣнію; въ головѣ людей все спуталось до такой степени, что всемірная имперія скорѣе походила на домъ умалишенныхъ, чѣмъ на правильно-организованное государство. Причина этого явленія заключалась въ огромной суммѣ страданій, пережитыхъ гражданами Рима и ступѣвшихъ подъ вліяніемъ всевозможныхъ общественныхъ золъ. Тому же обстоятельству одолжены своимъ происхожденіемъ вытѣшній идиотизмъ и кретинизмъ въ долинахъ Шамуни и Аосты. Крестовые походы противъ альбигойцевъ, каторговъ, со всѣми ужасами звѣрства и насмія; кровавые инквизиціонныя суды и тысячи погибшихъ жертвъ; общее возбужденное состояніе, вызванное этими преслѣдованіями; страхи, заботы, оскорбленіе и униженіе, испытанные побѣжденными и наконецъ постоянная подавленность духа,

въ какой находились несчастные въ теченіе почти трехъ столѣтій, обезобразили людей и создали ту скудоумную и болѣзненную породу, которая составляетъ переходную форму отъ человѣка къ животному. Конечно не этого хотѣли сильные люди. Многіе изъ нихъ имѣли самыя чистыя и благородныя намѣренія; а въ результатѣ между тѣмъ явился кретинизмъ и идиотизмъ.

Факты подобнаго рода составляютъ самое обыкновенное явленіе въ исторіи и чтобы судить правильно о характерѣ и умѣ какого либо народа нужно знать, что терпѣлъ его чувствующій организмъ въ былые года, какіе ужасы и нравственныя потрясенія пришлось ему пережить, и что затупляло его мысль и чувство.

Вопросы этого рода при всей ихъ важности, только въ послѣднее время начали обращать на себя вниманіе и сдѣлались предметомъ серьезнаго изученія. Болѣзни чувствующаго организма и какъ слѣдствіе ихъ — расстройство ума; экзальтаціи отдѣльных лицъ или цѣлыхъ массъ населенія, особенности умственнаго состоянія людей думающихъ и чувствующихъ, повидимому, нормально; постепенные, едва замѣтные переходы изъ одной степени ума въ другую; обстоятельства, влияющія вредно или полезно на умственную дѣятельность народовъ — вотъ тѣ вопросы, безъ знанія которыхъ въ наше время не можетъ обойтись ни одинъ частный человѣкъ и ни одинъ общественный дѣятель, если они имѣютъ притязаніе на образованность.

Переходъ отъ ума къ безумію совершается та къ просто, постепенно и легко; а временное восторженное состояніе, въ видѣ экзальтаціи, составляетъ такое обыкновенное явленіе въ жизни отдѣльных лицъ и цѣлыхъ массъ или слоевъ общества, что никто не можетъ считать себя застрахованнымъ отъ него. Къ сожалѣнію исторія до сихъ поръ представляетъ факты такого рода, когда именно подобныя экзальтаціи встрѣчали наиболѣе сильное и жестокое преслѣдованіе. Въ средніе вѣка, на примѣръ, преобладала преимущественно религіозная экзальтація массъ, возбужденная собственно преслѣдованіями. При этомъ врачвый, кровавый и беспощадный фанатизмъ служителей римскаго престола и преданныхъ ему людей, видѣвшихъ во всемъ ересь, грѣхъ, связь съ нечистой силой, отличался всеми признаками сильнаго пораженія мозговой дѣятельности. Времена, повидимому, измѣнились; энергія казней ослабла, религіозное преслѣдованіе уже не существуетъ, по крайней мѣрѣ въ своей прежней кровавой видѣ; но 19 вѣкъ если и не сожигаетъ людей, тѣмъ не менѣе представляетъ явленія аналогическія, когда нравственный экстазъ, созданный

стремленіями другаго рода, встрѣчаетъ такое же энергическое сопротивленіе, довольно мрачнаго характера, какое испытывали энтузіасты средних вѣковъ.

Прежде всего я буду говорить о тѣхъ болѣзненныхъ формахъ односторонняго мышленія, которыя называются съумасшествіемъ въ строгомъ смыслѣ, а за тѣмъ перейду къ окончательнымъ формамъ, встрѣчающимся въ жизни здоровыхъ или почти здоровыхъ людей, и которыхъ не можетъ избѣгнуть и не избѣгаетъ почти ни одинъ человѣкъ въ своей жизни, какъ бы онъ ни былъ, повидимому, далекъ отъ настоящаго помѣшательства.

II.

Прежде чѣмъ говорить о частныхъ формахъ болѣзненнаго состоянія чувствующаго организма, сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній.

Особенности психическихъ болѣзней заключаются въ томъ, что больные или совсѣмъ не чувствуютъ ни малѣйшаго физическаго разстройства или оно представляется имъ въ преувеличенномъ видѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ видахъ безумія, именно въ съумасствіи больные чувствуютъ не только полное здоровье, но даже избытокъ силы. Тоже самое замѣчается и при мозговыхъ болѣзняхъ, напримѣръ въ воспаленіи мозга или въ тифѣ, когда больной, спрошенный о своемъ здоровьѣ въ минуты самаго сильнаго страданія, отвѣчаетъ, что ему совершенно хорошо и даже старается увѣрить въ этомъ различными способами. Съумасшедшіе же, если усумниться въ ихъ увѣреніи, нерѣдко сердятся и приводятъ въ доказательство своего здоровья свой превосходный аппетитъ и силу.

Въ другихъ формахъ безумія замѣчается противное. У ипохондриковъ слишкомъ усиленное чувство болѣзненности составляетъ главную основу ихъ помѣшательства.

Чаще другихъ встрѣчаются примѣры, когда съумасшедшій думаетъ, что онъ превратился въ животное, именно въ волка, что онъ рыскаетъ по лѣсу и разрываетъ и пожираетъ дѣтей. Точно также часты случаи, когда больной считаетъ себя мертвымъ, а свое мѣсто принадлежащимъ другому. Такъ одинъ солдатъ считалъ себя мертвымъ со времени Аустерлицкой битвы, гдѣ онъ былъ тяжело раненъ. Если его спрашивали о здоровьѣ, онъ отвѣчалъ: «вы спрашиваете, какъ поживаетъ дядя Лам-

беръ? Но вѣдъ дяди Ламбера уже болѣе нѣтъ, пушечное ядро убрало его подъ Аустерлицомъ. Что вы видите здѣсь; это не онъ, а плохо поддѣланная подъ него машина; сдѣлайте другую.» — Когда онъ говорилъ о себѣ, то никогда не говорилъ я, а всегда *это*. — Одному эпилептическому юношѣ всѣ его члены и все тѣло казались такъ необычайно велики, что онъ считалъ совершенно невозможнымъ пройти въ дверь.

Нѣкоторые больные, у которыхъ половина тѣла ослабла или сдѣлалась совершенно безчувственной, думаютъ, что они состоятъ изъ двухъ лицъ, или что рядомъ съ ними лежитъ въ постели другой человекъ или даже покойникъ.

Очень часто замѣчается у съумасшедшихъ совершенная нечувствительность къ боли, особенно перѣдка нечувствительность кожи у меланхоликовъ и ипохондриковъ.

Такъ въ Бисетрѣ (съумасшедшій домъ близъ Парижа) одинъ больной, когда никого не было въ его комнатѣ, приложилъ свою голову къ раскаленной до красна желѣзной печкѣ, а руку засунулъ въ самый огонь. На сильный запахъ, распространившійся отъ этой остроумной выдумки, прибѣжали люди; больной былъ совершенно спокоенъ и равнодушенъ, какъ будто бы съ нимъ ничего не случилось и не показывалъ ни малѣйшаго признака боли, хотя его рука сгорѣла до самыхъ костей. Другой меланхоликъ вздумалъ предать себя самосожженію, и не смотря на то, что его ноги, бедра и заднія мягкія части обуглились до костей, онъ былъ совершенно веселъ и доволенъ собой. Меланхолики переносятъ очень часто изувѣченіе безъ всякихъ признаковъ боли.

У меланхоликовъ замѣчается еще и другаго рода ослабленіе чувствительности. Они жалуются часто: «я смотрю, слушаю, чувствую, но предметы не достигаютъ до меня, я не могу принять впечатлѣній, точно будто бы между мной и внѣшнимъ міромъ находится стѣна.»

Въ Экстазѣ вмѣстѣ съ ослабѣвшей, или совершенно изчезнувшей, внѣшней чувствительностью, замѣчается сильное внутреннее сосредоточеніе извѣстныхъ представленій, чувствъ, изображеній.

Но наиболѣе важныя обманы чувствъ, встрѣчающіяся почти у всѣхъ больныхъ, составляютъ галлюцинаціи и иллюзіи.

Подъ галлюцинаціями понимаютъ субъективныя, т. е. самимъ больнымъ созданныя изображенія или предметы, которыя онъ переноситъ внѣ себя и принимаетъ за дѣйствительно существующія.

Такимъ образомъ, если больной бѣлой горячкой видитъ мышей, кошекъ, когда ихъ нѣтъ подлѣ него, это будетъ галлюцинація.

Иллюзія же есть ошибочное представленіе дѣйствительно существующаго. Иллюзіей будетъ, — если кто нибудь, глядя на блестящее облако, приметъ его за дракона, или незнакомаго, вошедшаго въ комнату, за своего стараго друга. Сюда же слѣдуетъ причислить фальшивое значеніе, придаваемое дѣйствительнымъ страданіямъ. Эскороль приводитъ случай, гдѣ сумасшедшій, у котораго болѣло колѣно, колотилъ по немъ кулакомъ и постоянно говорилъ при этомъ: «подожди чудовище, ты отъ меня не уйдешь».

Галлюцинаціи бывають со всѣми чувствами. У нѣкоторыхъ больныхъ являются галлюцинаціи то зрѣнія, то слуха, то вкуса, то обонанія или чувствительности кожи.

Галлюцинаціи не есть пустая мечта; онѣ дѣйствительныя ощущенія; больной видитъ, слышитъ, обоняетъ въ дѣйствительности, а не думаетъ, что онъ видитъ или слышитъ. Если убѣждать больного въ томъ, что это обманъ чувствъ, то убѣжденія не ведутъ ни къ чему и больной отвѣчаетъ обыкновенно, въ такомъ родѣ: «я слышу голоса, потому что я ихъ слышу. Какъ они возникаютъ—я того не знаю; но они для меня также ясны, какъ вашъ голосъ (больной говорилъ со своимъ докторомъ). Если я долженъ вѣрить въ дѣйствительность того, что вы говорите теперь со мной, то вы должны оставить меня вѣрить и въ дѣйствительность говорящихъ со мной голосовъ, потому что, то и другое, а чувствую совершенно въ одинаковой степени».

Поэтому-то галлюцинаціи слуха приводятъ больныхъ къ разнымъ насиліямъ, напр. къ убійству, или къ мести за услышанную брань. Наибольшее число преступленій, сдѣланныхъ безумными, бывали слѣдствіемъ галлюцинацій, и подобные обманы чувствъ очень часты, потому что изъ 100 сумасшедшихъ 80 галлюцинантовъ. Юноша Штапсъ, хотѣвшій убить Наполеона I, въ Шенбрунѣ, видѣлъ генія Германіи, который приказалъ ему освободить отечество.

Галлюцинаціи составляютъ какъ бы овеществленіе мыслей больного въ влѣшнихъ впечатлѣніяхъ: больной слышитъ и видитъ то, что онъ думаетъ. Одинъ меланхоликъ отвѣтилъ Эскарролю, когда тотъ убѣждалъ его въ ошибочности его представленій, слѣдующее:—«Думаете ли вы, докторъ, иногда?—Разумѣется.—Прекрасно; вы думаете совершенно тихо; а я—я думаю вслухъ».

Галлюцинаціонное состояніе не рѣдкое явленіе и въ обыкновенной

жизни; оно часто бывает у людей вовсе непомѣшанныхъ; напримѣръ галлюцинаціи являются во снѣ, въ опьяненіи, при головокруженіи. Кромѣ того онѣ бываютъ и у людей, пользующихся вполне здравымъ разсудкомъ. Известный книгопродавецъ въ Берлинѣ, Николай, видѣлъ два мѣсяца сряду, и совершенно ясно, сотни лицъ живыхъ и мертвыхъ, которые двигались, говорили между собой и съ нимъ. И опытъ показалъ, что подобныя галлюцинаціи являются именно у людей весьма развитыхъ, умныхъ, съ сильнымъ воображеніемъ. Такъ галлюцинаціи имѣли Тассо, Гёте, Вальтеръ-Скоттъ, Жанъ Поль, Бенвенуто-Челлини, Паскаль, Спиноза, Тальма. Послѣдній могъ дѣлать по произволу, что вся театральная публика казалась ему со сцены скелетами.

Къ подобнымъ явленіямъ здоровый человѣкъ относится или какъ спокойный наблюдатель, вполне понимая ихъ субъективность, какъ напр. Николай; или же, они принимаютъ галлюцинаціи за дѣйствительныя явленія духовъ, домовыхъ, людей и т. п.

Многіе факты галлюцинацій, у людей, повидимому, вполне здоровыхъ, показываютъ, какъ далеко могутъ простираться подобные обманы чувствъ. Напр. одинъ господинъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и совершенно здоровый, посѣтилъ разъ своего сосѣда. Только что онъ отворилъ дверь, какъ мимо его проскользнула женщина въ бѣломъ платьѣ, за ней другая, а потомъ и третья, и, какъ только онъ хотѣлъ схватить послѣднюю, она исчезла.—Вскорѣ послѣ этого тотъ же господинъ шелъ по парку и увидѣлъ множество ословъ, которые напались. Ему захотѣлось похлопать одного по спинѣ и онъ былъ очень удивленъ, когда рука его повисла въ воздухѣ. Онъ повторилъ нѣсколько разъ тотъ же самый опытъ и постоянно напрасно.—Явленія привидѣній, разныхъ духовъ злыхъ и добрыхъ у Спиритовъ объясняются, вполне галлюцинаціей чувствъ.

Но, чтобы могли явиться галлюцинаціи, необходимы известныя, ближайшія причины. Мѣстомъ возникновенія всѣхъ галлюцинаціонныхъ представленій служить головной мозгъ и развѣтвляющіеся изъ него нервы чувствъ, и потому понятно, что известныя мѣстныя болѣзни, или поврежденіе мозга, служатъ источникомъ подобнаго помѣшательства. Точно также производитъ галлюцинаціи или благоприятствуетъ имъ сильное умственное или физическое истощеніе. Одна госпожа, у которой была снята часть черепа, и до мозга которой дотронулись разъ довольно сильно, закричала, что она видитъ многія тысячи свѣчей. Солдаты Наполеоновой арміи, истощенные лишеніями и холодами въ московскій походъ 12-го года, видѣли разныя видѣнія, то веселыя, то печальныя.

Мучительныя видѣнія политическаго писателя Бацко возникли путемъ органическихъ страданій. Такъ, разъ во время писанія онъ почувствовалъ, что ему давить что-то ляшки; посмотрѣвъ вокругъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя темно-желтаго ефіопа, который грозилъ отрубить ему голову, и когда Бацко хотѣлъ его оттолкнуть, то ефіопъ сжалъ ему крѣпко верхнюю часть руки. Въ другой разъ, лежа въ постели, онъ увидѣлъ подлѣ себя исполинскаго негра съ свиной головой. Или, онъ видѣлъ, какъ громадная змѣя ползла по его комнатѣ, обвилась около его ноги и положила къ нему на колѣни голову, такъ что ему казалось, что онъ чувствуетъ ея жало. — Обманы чувствъ бываютъ обыкновенно непріятнаго и страшнаго характера при болѣзни печени.

Подобныя галлюцинаціи могутъ имѣть иногда и коллективный характеръ, т. е. одно и тоже явленіе представляется сразу многимъ. Явленіе это объясняется общимъ ужасомъ и возбужденіемъ суевѣрной боязни. Въ каждой исторической хроникѣ можно найти подобныя же свидѣтельства. Кромѣ того галлюцинаціи могутъ быть вызваны сильнымъ утомленіемъ, тѣснотой помѣщенія, вредными, заразительными испареніями, чему такъ часто подвергаются военные, особенно во время походовъ. Одинъ французскій батальонъ, измученный ходьбой и голодомъ, пришелъ въ калабрійскій городъ Тропеа и расположился на ночлегъ въ пустомъ аббатствѣ, слишкомъ тѣсномъ для такого большого числа людей. Въ полночь солдаты вскочили съ ужаснымъ крикомъ со сна, увѣряя, что въ аббатствѣ чортъ; что онъ въ видѣ огромной черной собаки вошелъ въ одну дверь, пробѣжалъ по солдатамъ и исчезъ въ другую. На вторую ночь повторилась таже сцена; но полковникъ и докторъ, оставшіеся на караулѣ, не видѣли рѣшительно ничего. Сильная физическая боль, напр. пытка, создаетъ также галлюцинаціи.

Обманъ чувствъ можетъ быть вызванъ разными ядовитыми препаратами изъ гашиша, белладоны, дурмана. Было даже время, когда искусственное возбужденіе галлюцинацій и иллюзій служило предметомъ изученія. Существовали многочисленныя мази, куренья и втиранья, которыми возбуждались по желанію галлюцинаціонныя явленія вѣдьмъ; а тѣ, кто считалъ себя вѣдьмами, выпивъ извѣстный напитокъ уносились въ міръ фантазіи и видѣній, гдѣ они танцовали съ лѣшими и всякой нечистой сволочью или мирно проводили съ ними время въ остроумной бесѣдѣ.

Извѣстная восточная секта, наводившая ужасъ на крестоносцевъ, — ассасины или гашишины, — сдѣлалась страшною, благодаря гашишу. Приготовленіе изъ него напитка составляло тайну только немногихъ

посвященныхъ, остальныхъ, низшимъ, давали его, чтобы привести ихъ въ состояніе галлюцинаціи; видѣнія были такъ пріятны и наслажденіе такъ велико, что каждый ассасинъ, изъ низшихъ, рѣшался на всякое безразсудное дѣло, на всякое ужасное злодѣяніе, когда только давали ему обѣщаніе или надежду доставить еще разъ это небесное блаженство.

Содержаніе или предметъ галлюцинаціи бываетъ вообще согласенъ съ направлениемъ мыслей и стремленій того, кто имъ подвергается. Меланхолику слышится брань, угрозы или голоса, побуждающіе его на какое нибудь ужасное, отвратительное дѣло; сумасшедшій видитъ или слышитъ то, чѣмъ заняты его мысли, сообразно тому воображаетъ ли онъ себя всесвѣтнымъ императоромъ, или великимъ полководцемъ, или челоукомъ, сдѣланнымъ изъ масла, или представляетъ себѣ землю въ видѣ стекляннаго шара.

Иногда галлюцинаціи служатъ выраженіемъ укора совѣсти; такъ Карла IX преслѣдовалъ, въ минуты уединенія, крикъ и рыданія убитыхъ имъ гугенотовъ.

Въ положеніи сильнаго ослабленія, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни, или незадолго до смерти, послѣ изнурительныхъ тяжелыхъ страданій, замѣчаются часто пріятныя, блестящія галлюцинаціи. Умиравшимъ услаждаются ихъ послѣднія минуты очень часто образами или голосами существъ ими любимыхъ. Сынъ Людовика XVI въ минуты смерти говорилъ: «музыка тамъ на верху такъ хороша»; потомъ онъ вдругъ закричалъ: «я слышу голосъ моей матери». За этимъ послѣдовало продолжительное молчаніе, потомъ еще разъ веселыя представленія и—послѣдній вздохъ. Пріятныя галлюцинаціи бываютъ обыкновенно въ послѣднія минуты у больныхъ грудью, чахоточныхъ.

Извѣстныя органическія состоянія — голодь, жажда, раздраженіе половыхъ органовъ,—способствуютъ въ высшей степени появленію представленій аналогическаго свойства. Такъ, умирающій съ голоду, въ послѣднія минуты своего безумія видитъ роскошный столъ; умирающій отъ жажды—слышитъ журчаніе ручьевъ или звукъ воды, бьющей фонтаномъ. Путешественники, истомленные зноемъ и лишениями, и особенно жаждой, въ продолжительномъ странствованіи по пустынѣ, видятъ роскошныя, зеленые оазисы, свѣтлые источники, тѣнистые луга. Все это только галлюцинаціи, соответствующія желаніямъ и стремленіямъ истомленнаго, погибающаго организма.

Точно также и другія особенныя состоянія организма производятъ свои спеціальныя галлюцинаціи. Въ бѣлой горячкѣ, отъ пьянства боль-

ному являются разные звѣри: мыши, крысы, пауки, птицы большею частью чернаго цвѣта. Очень часто представляются такимъ большимъ и большіе звѣри: лошади, собаки, нерѣдко даже цѣлыми стадами. Одинъ больной выдѣлъ «цѣлый миллионъ быковъ».

Галлюцинаціи, создаваемые дурманомъ, белладонной и въ особенности гашишемъ, имѣютъ свои совершенно особенныя спеціальности. Другія вещества производятъ точно также свое особенное дѣйствіе. Вдыханіе водороднаго газа вызываетъ привидѣнія и мертвецовъ; при вдыханіи сѣрнаго эфира и хлороформа, человѣкъ уносится воображеніемъ въ воздушныя пространства; азотистая окись вызываетъ ощущеніе гармоническихъ звуковъ и располагаетъ человѣка къ радостному душевному настроенію; отъ белладонны является двойное зрѣніе и всѣ предметы представляются въ увеличенномъ видѣ; при употребленіи гашиша является ощущеніе совершеннаго счастья и полнаго довольства, сопровождаемое конвульсивнымъ смѣхомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ развивается особенно сильно чувство собственного достоинства.

Употребленіе подобныхъ веществъ для возбужденія разнородныхъ галлюцинацій извѣстно было еще въ глубокой древности.

Плиніи и Теофрастъ говорятъ о жидовской вишнѣ или можжухѣ (*Physalis samnifera*), одна драхма которой, принятая внутрь, приводила человѣка въ восхищеніе и рисовала ему прекраснѣйшія картины; отъ двухъ драхмъ являлось уже бѣшенство; отъ трехъ — неизлечимое бѣшеное безуміе; отъ четырехъ — смерть.

Плиніи въ своей натуральной исторіи описываетъ два растенія — аконтъ или медвѣжья лапа (*Aglaophotis*), которой римскіе кудесники вызывали изображенія боговъ и *Achaemenis*, растеніе золотаго или янтарнаго цвѣта, безъ листьевъ, котораго корни, нарѣзанные въ шарики и выпитые днемъ съ виномъ, вызывали ночью картины ада и мучили грѣшника до того ужаснѣйшими видѣніями, что онъ сознавался въ своихъ преступленіяхъ. Это же растеніе называлось еще и *Hipporhobas* т. е. лошадинымъ страхомъ, потому что его боялись особенно кобылы.

Гассенди сообщаетъ объ одномъ пастухѣ изъ Прованса, который впалъ въ экстазъ, если ѣлъ не много дурмана. Чуди рассказываетъ объ авдскихъ индѣйцахъ, что если они хотятъ вступить въ непосредственное сношеніе съ своими умершими родственниками и друзьями, то ѣдятъ *Datura sanguinea*. Они называютъ его могильнымъ растеніемъ, потому что оно открываетъ тайны могилъ.

При приѣмѣ гашиша и подобныхъ наркотическихъ веществъ огромное

число впечатлѣній смѣняютъ одно другое въ одно мгновеніе, и это мгновеніе кажется какъ бы цѣлымъ столѣтіемъ. Сюда принадлежитъ небесное путешествіе Магомета, созданное гашишемъ. Путешествіе это, по вѣсму семи небесамъ и обратно, было такъ быстро, что постель на которой спалъ пророкъ не успѣла еще простыть и вода, изъ опрокинутой Магометомъ кружки, не успѣла вытечь.

Въ галлюцинаціяхъ различаютъ: галлюцинаціи зрѣнія или видѣнія, принадлежащія къ числу самыхъ обыкновенныхъ. Очень часты случаи, когда больные видятъ огонь или цѣлыя массы свѣта. Молодые сумасшедшіе, особенно женщины, видятъ часто пожары домовъ своихъ родителей или другихъ зданій, и галлюцинаціи эти продолжаются не рѣдко до самой смерти, такъ что послѣднимъ словомъ умирающей бываетъ: «огонь, огонь!»

Галлюцинаціи слуха рѣже видѣній. Онѣ замѣчаются чаще у меланхоликовъ и больныхъ безуміемъ; у первыхъ они даютъ поводъ къ припадкамъ бѣшенства, и показываютъ сильное страданіе мозга. Больнымъ кажется, что голоса выходятъ то издали, то вблизи, то изъ земли, изъ мебели, а иногда даже и изъ ихъ собственнаго тѣла. Иногда онѣ продолжаются непрерывно, такъ что больной приходитъ наконецъ въ отчаяніе. Нерѣдко голоса побуждаютъ больныхъ на равныя нецѣлостности и странности, а иногда на поступки весьма опасные.

Одинъ молодой человѣкъ послѣ припадка безумія не произносилъ шесть мѣсяцевъ ни одного слова, не сдѣлалъ ни одного произвольнаго движенія и только разъ бросилъ бутылку въ голову сторожа. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ больной выздоровѣлъ. Когда его спросили, зачѣмъ олъ бросилъ бутылку, онъ отвѣтилъ, что слышалъ голосъ, который ему сказалъ: «если ты убьешь кого нибудь, то выздоровѣешь». Но я не убилъ того, въ кого кидаль, продолжалъ онъ, слѣдовательно моя судьба измѣниться не могла, и я лежалъ неподвижно и не говоря ни слова, потому что тотъ же самый голосъ говорилъ не переставая «если ты пошевелишься, то умрешь», и я—не шевелился.

Другой больной слышалъ въ каждомъ деревѣ, къ которому онъ приближался, звуки, слова и фразы; экипажи и подковы лошадей сообщали ему цѣлыя исторіи; свиньи, собаки, куры, пѣтухи, гуси и утки все это говорило или отдѣльные слова, или цѣлыя фразы или даже рассказы. Каждый ударъ кузнечнаго молота, каждое движеніе мѣховъ создавало множество именъ, словъ или фразъ, «даже перо, которымъ я пишу, говорилъ больной, издастъ отдѣльные тоны, слова и рѣчи»

Случается часто, что больные, находясь совершенно одни, танцуютъ въ тактъ. Если спросить такого больного, какъ это онъ танцуетъ безъ музыканта, то онъ указывая на голову отвѣчаетъ: «тамъ внутри сидятъ музыканты; развѣ вы не слышите какой они играютъ превосходный вальсъ?»

Галлюцинаціи обонянія еще рѣже и встрѣчаются больше въ началѣ умственнаго расстройтва больныхъ. Это бывають обыкновенно неоприятные запахи, которые слышатъ больные повсюду. Вслѣдствіе этого больные думаютъ, что они живутъ въ отравленной атмосферѣ и нерѣдко въ нихъ являются постоянная боязнь отравленія и стараніе отъ пищи. Другимъ больнымъ кажется, что у нихъ гниють внутренности, потому что они слышатъ вездѣ отвратительный запахъ или запахъ трупа. Одинъ больной такого рода убѣгалъ каждаго встрѣчнаго, говоря: «я не хочу губить никого своимъ гнилымъ запахомъ.»

При особенныхъ ощущеніяхъ кожи, или внутренностей, галлюцинаціи совпадаютъ съ иллюзіями, потому что больные дѣйствительному ощущенію даютъ совсѣмъ иное значеніе. Въ началѣ ипохондрикъ говоритъ сравнительно напр., что ему кажется, какъ бы по кожѣ ползетъ змѣя или какъ бы лягушка сидитъ внутри; но потомъ эти образныя сравненія по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія ипохондріи превращаются въ совершенную галлюцинацію или иллюзію и больной уже убѣжденъ вполне, что змѣя ползетъ по его тѣлу, что у него на сердцѣ лежитъ камень, что собака пьетъ у него въ головѣ воду и т. д. Одинъ больной, у котораго былъ зудъ на спинѣ, увѣрялъ, что у него свади скребетъ за-ацъ, а потомъ онъ уже сталъ видѣть этого зайца бѣгающимъ.

Во многихъ случаяхъ ненормальныя ощущенія кожи или внутренностей принимаются за присутствіе нечистой силы, или какъ дѣйствіе вѣдскихъ враждебныхъ силъ, чужаго магнетизма и т. п.

Одинъ больной, строгій католикъ, имѣвшій частыя, тяжелыя, головныя боли, увѣрялъ: что его враги протестанты сжимають его черепъ магнетическимъ прессомъ и описывалъ эту машину весьма подробно. У другихъ отъ мѣстныхъ болей кожи является убѣжденіе, что ихъ бьютъ, держатъ за руки, связываютъ и т. д.

Необыкновенныя аномаліи ощущеній въ нижней части живота порождаютъ часто у больныхъ мысли о томъ, что у нихъ въ желудкѣ поселился чертъ. Одинъ молодой человекъ увѣрялъ, что чертъ въ гнѣвъ и въ злобѣ пробѣжалъ къ нему внутрь черезъ горло; другой за-

тыкала себѣ на ночь ноздри, потому что ему ползуть въ носъ злокачественные черви.

Вообще галлюцинаціи и иллюзіи имѣютъ чрезвычайно разнообразный характеръ; они соотвѣтствуютъ всемъ чувствамъ и могутъ принимать формы на столько прихотливыя, на сколько достаеетъ силы у человѣческаго воображенія. Чтобы имѣть галлюцинаціи и иллюзіи совсѣмъ не нужно быть настоящимъ сумасшедшимъ и различіе безумнаго въ этомъ отношеніи опредѣляется тѣмъ, что для перваго міръ галлюцинацій есть нормальная форма существованія, а для здороваго они являются въ видѣ случайныхъ обстоятельствъ, впрочемъ довольно обыкновенныхъ въ жизни каждаго человѣка.

III.

Каждый можетъ легко составить себѣ весьма ясное представленіе о состояніи сумасшествія, такъ какъ оно имѣетъ чрезвычайно много общаго съ тѣмъ положеніемъ чувствующаго организма, въ которомъ находится человѣкъ во время сновидѣній, или при сильномъ раздраженіи головного мозга и нервовъ въ опьяненіи.

Во время сна разумокъ прекращаетъ свою дѣятельность; представленіе времени и пространства исчезаетъ и предъ нами возникаетъ совершенно новая жизнь. Прежде чѣмъ человѣкъ заснетъ вполнѣ, т. е. въ полудремотномъ состояніи, ему начинаютъ уже представляться разные образы и картины, совершенно независимо отъ его воли. Прекрасныя, идеальныя образы смѣняются безобразными карриатурами въ какой-то фантазмагоріи; засыпающій, то чувствуетъ, что онъ совершенно отдѣлился отъ земли и унесенъ въ пространство, то быстро несется или падаетъ внизъ; тѣло для него какъ будто бы не существуетъ и вся жизнь его сосредоточивается въ фантастическомъ, неземномъ мірѣ. Передъ пробужденіемъ являются подобныя же ощущенія, и прежде чѣмъ человѣкъ проснется вполнѣ, и чувствами и мыслями вступитъ въ окружающую его жизнь, онъ уносится далеко въ міръ фантазіи и переживаетъ нную жизнь иногда совершенно непохожую на его дѣйствительность.

И языкъ соннаго совсѣмъ не тотъ, что языкъ человѣка бодрствующаго. Въ немногія мгновенія мы переживаемъ нѣсколько ощущеній и мыслей, въ короткое время сновидѣнія мы испытаемъ, выскажемъ и сдѣлаемъ столько, для выраженія чего на обыкновенномъ языкѣ не стало бы иногда цѣлаго дня, и даже болѣе.

Сонъ бываетъ то совершенно ясенъ, какъ дѣйствительность, то смутенъ, наполненъ противорѣчiami и дикими представленіями. То мы испытываемъ неземное наслажденіе, то смертельныя муки и страданія совершенно намъ незнакомыя въ обыкновенной жизни. Сонъ нерѣдко измѣняетъ человѣку, обнаруживая его тайны, или является тайнымъ судомъ и укоромъ совѣсти спящаго.

«Когда мы не спимъ, говорить Давидсонъ, мы имѣемъ всѣ одинъ общій міръ, во снѣ же у каждаго свой особенный.»

Замѣчательно, что человѣкъ дѣлаетъ иногда во снѣ то, чего онъ не могъ бы сдѣлать на яву. Вольтеръ сочинилъ во снѣ одну пѣсню въ Генриадѣ совершенно иначе, чѣмъ она была у него написана раньше; Кребильонъ и Массильонъ писали въ припадкѣ сомнамбулизма значительныя сочиненія; Тартини написалъ во снѣ свою знаменитую чертову сонату, надъ которой онъ трудился напрасно нѣсколько мѣсяцевъ. Сардини придумалъ во снѣ теорію флажолетныхъ тоновъ; Маньякъ разрѣшалъ во снѣ трудныя математическія задачи.

Сомнамбулизмъ, въ припадкѣ котораго дѣлались многія подобныя вещи, потерялъ уже нынче многое изъ своей прежней чудесности. Обыкновенно мы удивляемся тому, къ чему мало привыкли. Но строго говоря, нѣтъ особенной чудесности ни въ томъ, что человѣкъ ходитъ во время сна, ни въ томъ, что онъ спитъ во время хожденія. Никто не удивляется, что человѣкъ говоритъ во снѣ, потому что это случается ежедневно; но если человѣкъ сталъ бы во снѣ писать, то объ этомъ стали бы трубить во всѣ языки. А между тѣмъ писать гораздо легче, чѣмъ говорить. Если дѣлается одно, почему же не дѣлается другому?

Въ чемъ же, однако, заключается сходство сновидѣній съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся безумные?

Прежде всего это надо выслушать отъ самихъ выздоровѣвшихъ сумасшедшихъ. Они говорятъ, что все время ихъ безумія представляется имъ какъ длинный тяжелый сонъ. Въ подобномъ же родѣ т. е. въ видѣ пріятнаго или непріятнаго сна представляется многимъ безумнымъ и ихъ прежнее здоровое состояніе. Далѣе, во время сна работаетъ преимущественно воображеніе; всѣ фантастическія образы и представленія принимаются безъ всякой провѣрки, какъ вполне прѣвѣльныя, дѣйствительно существующія и находящіяся въ порядкѣ вещей; каждая фантазія получаетъ немедленно кровь и плоть, такъ что человѣкъ, какъ въ галлюцинаціи, видитъ и слышитъ дѣйствительныя лица, но-

этому сонъ есть галлюцинаціонное состояніе, въ которомъ наши мысли представляются намъ въ видѣ чувственныхъ предметовъ. Это будетъ еще понятнѣе, если обратить вниманіе на то, что всѣ вещества, производящія галлюцинаціи, какъ гашишъ, опій, эфиръ, белладонна, дурманъ, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ средства для произведенія искусственнаго сна. Следовательно совершенно въ порядкѣ, что производя сонъ, они вызываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его спутника— сповидніе.

Ослабленіе дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, потеря сознанія и неподвижность тѣла приближаютъ сонное состояніе къ экстазу. Очень часто спящій слышитъ, какъ его зовутъ и хотѣлъ бы отвѣчать; но голосъ не повинуется ему и мускулы отказываются служить. Подобное состояніе очень обыкновенно въ меланхоліи.— Или, какъ часто мы хотѣли бы бѣжать отъ нападеній или ужасовъ, грозящихъ намъ во снѣ, или защищаться отъ нихъ; но руки, ноги и все тѣло рѣшительно не хотятъ насъ слушаться, потому что мы потеряли власть надъ своими мускулами. Тоже бываетъ и въ нѣкоторыхъ видахъ меланхоліи и въ экстазѣ.

Главнѣйшее сходство имѣетъ сумасшествіе съ полудремотнымъ состояніемъ. У дѣтей, особенно въ легкихъ болѣзняхъ, замѣчается, что они хотя и спятъ, но говорятъ, напр. узнаютъ мать, понимаютъ ее, отвѣчаютъ и въ то же время продолжаютъ спать и видѣть сонъ и никакъ не могутъ отдѣлаться особенно отъ непріятныхъ грезъ. — Появленію иллюзій способствуетъ особенно то переходное состояніе, въ которомъ находится человѣкъ между полнымъ сномъ и бодрствованіемъ.

Наблюденія показываютъ, что галлюцинаціи, какъ болѣзнь, начинаются очень часто во снѣ, и что сонъ, превращенный въ дѣйствіе и являющийся при малыхъ промежуткахъ времени, какъ лунатизмъ, при большихъ становится помѣшательствомъ.

Сонъ, какъ и помѣшательство, получаетъ свой цвѣтъ, характеръ и содержаніе для фантастическихъ представлений въ господствующемъ настроеніи человѣка. Сонный не получаетъ своихъ впечатлѣній извнѣ, потому что его чувства притуплены, глаза его не видятъ, носъ не обоняетъ, уши не слышатъ; но всѣ образы создаются въ немъ его внутреннимъ нервнымъ существомъ, согласно общему настроенію его чувствующаго организма. Совершенно тоже самое происходитъ и въ сумныхъ.

Во снѣ, какъ и въ безуміи, всевозможныя субъективныя чувства преобразуются въ внѣшнія представленія (галлюцинаціи) обыкновенно

драматической формы. И какъ безумный представляетъ себя и свое сознание очень часто въ ошибочномъ видѣ, тоже самое бываетъ и во снѣ. Многія вещи, которыя мы знаемъ отлично кажутся намъ совершенно не знакомыми; мы напрасно пытаемся разрѣшать интересующіе насъ вопросы и не можемъ; тогда мы создаемъ себѣ другое лицо, выгаемъ отвѣты въ уста этого другаго, споримъ съ нимъ и часто бываемъ имъ убѣждены—и оба эти диспутирующія лица заключаются въ одномъ нашемъ собственномъ я. Наше воображеніе измѣняетъ во снѣ не только нашу индивидуальность, но и индивидуальности всѣхъ остальныхъ предметовъ. Оно соединяетъ многіе города въ одинъ, заставляетъ животныхъ говорить, и все это кажется намъ въ порядкѣ вещей.

Тѣлесныя ощущенія даютъ обыкновенно во снѣ поводъ къ преувеличеннымъ представленіямъ, соответствующимъ однако вполне самимъ ощущеніямъ. Незначительное препятствіе къ свободному положенію тѣла или давленіе на грудь, руки, ноги создаютъ картины ужасовъ, битвы, смертоубійства, казни, разныхъ видовъ опасности. Жаръ въ ногахъ вызываетъ представленіе о какомъ нибудь путешествіи по раскаленнымъ пескамъ или огнедышащимъ горахъ или истомленіе отъ сильной ходьбы. Тяжелое дыханіе производитъ боязливое чувство и дѣлаетъ страшныя исторіи или трагическія сцены; въ которыхъ сонный играетъ, разумѣется, главную роль. Это состояніе соннаго чрезвычайно близко къ состоянію меланхолика. И сонный и меланхоликъ теряютъ сознание личнаго я—или частью, или вполне—и всѣ картины, созданныя ихъ воображеніемъ, принимаютъ за дѣйствительныя. Въ обоихъ случаяхъ рассудокъ работаетъ не такъ: у соннаго онъ подавленъ, а у меланхолика сбивъ съ пути галлюцинаціями.

Во снѣ представляются обыкновенно всякія странности и невозможности и величайшія безсмыслицы служатъ предметомъ серьезныхъ заботъ и размышленій. Иногда сонный разрѣшаетъ какую нибудь трудную научную проблему, разрѣшить ее вполне и доволенъ какъ великимъ открытіемъ; но проснувшись находитъ, что его великое открытіе совершенная чепуха. Тоже самое бываетъ и у помѣшанныхъ. Сумасшедшій придумаетъ напр. *regretium mobile* или подобную же невозможную штуку и совершенно счастливый носится съ своимъ изобрѣтеніемъ какъ съ кладомъ, а потомъ, выздоровѣвъ, удивляется, какъ это онъ не могъ понять раньше, что несъ чепуху.

Многіе сны бываютъ такъ ясны, въ особенности передъ пробужденіемъ, что видѣнія продолжаются даже тогда, когда человекъ проснулся совершенно. Спиноза, проснувшись разъ уже среди бѣлаго дня, видѣлъ свой сонъ на яву. Въ особенности преслѣдовалъ его черный, отвратительный бразилецъ. Когда Спиноза уставляивалъ глаза на книгу или на другой предметъ, бразилецъ большею частью исчезалъ; но какъ только онъ отводилъ глаза, бразилецъ являлся опять въ первоначальной своей ясности.

Утренніе сны, вслѣдствіе ихъ ясности, принимаются нерѣдко за дѣйствительность и люди воображаютъ, что видѣнное во снѣ они видѣли на яву. Суевѣрные принимаютъ подобные сны за предназначенія съ того свѣта, за явленіе духовъ и т. д.

Содержаніе сновъ зависитъ обыкновенно отъ послѣднихъ впечатлѣній и представленій, съ которыми человекъ погружился въ сонъ. Тоже самое замѣчено и у сумасшедшихъ, у которыхъ темой болѣзненныхъ представленій служитъ именно то, что занимало ихъ особенно сильно предъ самымъ помѣшательствомъ. Это обстоятельство дало между прочимъ поводъ думать, будто бы идеи, около которыхъ вращаются мысли больного, были причиной помѣшательства, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ роль совершенно случайная.

Въ 1848 году, когда политія занимала все умы, многимъ казалось, что она была причиной усилившихся помѣшательствъ. Это ошибочно. Флеммингъ приводитъ примѣры того, какъ люди, занимавшиеся охотой предъ самымъ помѣшательствомъ, въ припадкѣ безумія носились долгое время въ охотничьемъ мірѣ. Одинъ больной, читавшій предъ болѣзнию путешествіе на Гималаи, сдѣлалъ изъ него центральный пунктъ, около котораго вращалась его фантазія. Тоже самое бываетъ и у больныхъ горячками. Такъ одинъ тифозный въ послѣднее время своего здороваго состоянія читалъ о крымской войнѣ и въ припадкѣ болѣзни все его мысли вертѣлись около прочитанныхъ имъ событій. Скуальпаторъ Данневеръ, также Леонардо-де-Винчи, Гвидо Рени и другіе обыкновенно видѣли во снѣ тѣ личности или фигуры, которыя они хотѣли изобразить и которыми было занято ихъ воображеніе.

Люди, страдающіе физически или нравственно, видятъ большею частью во снѣ то, чѣмъ не пользуются въ дѣйствительности. Счастье, довольство, богатство убавкиваютъ бѣдника и проснувшись тѣмъ же бѣдникомъ, какимъ заснулъ, онъ всеми силами желаетъ, чтобы сновидѣніе

продолжалось. Понятно, почему люди, живущіе среди лишеній, любятъ одурить себя виномъ, или почему восточный рабъ такъ счастливъ, когда ему удастся достать кусочекъ опиума, и потрузиться въ сонъ полный отраднѣхъ видѣній.

Какъ бѣдный видитъ во снѣ бочки золота, какъ человекъ, лишившійся тѣхъ, кого онъ любитъ, видитъ дорогіе для него образы, такъ точно сумасшедшій создаетъ себѣ міръ пріятныхъ ощущеній и картинъ, вызывающихъ въ немъ счастье и довольство. Человекъ, помѣшавшійся отъ потери состоянія, воображаетъ себя богачемъ, думаетъ что онъ владѣетъ горами золота; мать, лишившаяся любимаго дитяти, создаетъ себѣ новое дитя и носится съ полѣномъ или съ соломенной чучелой; обманутая дѣвушка считаетъ себя любимой нѣжно, искренно и т. д.

Другія явленія сна и безумія идутъ точно также параллельно. Больные и спящіе теряютъ всякое чувство мѣры; цѣлые года проживаются во снѣ иногда въ нѣскольکو минутъ; усыпленные сѣрными эфиромъ или хлороформомъ воображаютъ, что они пережили въ какіе нибудь четверть часа десятки лѣтъ. Во снѣ проявляются въ насъ тѣже страсти, возбужденія и состоянія, какія вызываетъ въ насъ и дѣйствительность; мы смѣемся во снѣ отъ радости, плачемъ съ горя. Тоже самое бываетъ и въ состояніи безумія. Наконецъ, подготовленное уже разстройство организма переходитъ очень часто во снѣ, вслѣдствіе какого нибудь сновидѣнія, въ настоящее помѣшательство. И переходъ отъ сумасшествія къ здоровью имѣетъ совершенное сходство съ пробужденіемъ отъ сна. Во многихъ случаяхъ выздоровленіе совершается внезапно, или же у сумасшедшаго исчезаютъ фальшивыя представленія постепенно. Тоже самое происходитъ и съ соннымъ, который освобождается послѣдовательно или болѣе или менѣе быстро отъ своихъ фантастическихъ сонныхъ образовъ. Замѣчательно, что больные, бывшіе цѣлые года сумасшедшими, передъ самой смертью получаютъ иногда внезапно ясность разума и чувства, точно будто бы они проснулись отъ тяжкаго продолжительнаго сна.

Горяточное состояніе есть уже полное помѣшательство, отличающееся отъ безумія не въ своей сущности, а только продолжительностью. Многие горячечные, особенно молодые люди, видятъ разные фантастическіе образы. Тоже самое и въ обычной горячкѣ, въ которой галлюцинаціи развиваются въ такой степени, что всякая фантазія больного кажется ему полной дѣйствительностью. Больной, напримеръ, гонимся

по комнатам за воображаемыми мышами; он смотрит в окно и описывает подробно погребальную процессию, которой нѣтъ; онъ видитъ на себѣ пауковъ, или ему кажется, что пчелы летать къ нему въ ротъ; онъ кашляетъ, выплевываетъ ихъ, гонитъ васъ изъ комнаты.

Причины всего этого лежатъ въ особенномъ состояніи и въ измѣненіяхъ дѣятельности мозга, этого основнаго источника нашихъ чувствъ и представлений. Малѣйшее нарушение въ его дѣятельности производитъ головную боль, головокруженіе, бессонницу, а болѣе сильныя ведутъ къ помѣшательству, къ галлюцинаціямъ и т. п. Правда, что вскрытіе череповъ и изслѣдованіе мозговъ помѣшанныхъ не показываетъ, болѣею частью, никакого измѣненія въ ихъ состояніи; но при этомъ необходимо упускать изъ виду, что какихъ нибудь грубыхъ перемѣнъ и ожидать не слѣдуетъ, и что для нарушенія правильнаго отправленія мозга совершенно достаточно самаго легкаго количественнаго или качественного измѣненія въ его питаніи или въ притокѣ крови; въ этомъ можетъ удостовѣриться каждый, кому приходится видѣть сны, или кому случается предаваться съ любовью служенію бахусу.

IV.

Обстоятельства, располагающія къ разстройству умственныхъ способностей, бываютъ или внѣшнія и къ нимъ причисляютъ: національность, климатъ, время года, полъ, возрастъ; или личныя: наследственность, воспитаніе, сложеніе, характеръ, вредныя привычки.

Кто имѣетъ личное расположеніе къ разстройству мозга, тотъ, разумеется, легко можетъ подвергнуться помѣшательству; но за то люди не имѣющие такого расположенія переносятъ безъ вреда даже самыя тяжелыя житейскія столкновенія и неудачи. Здѣсь повторяется тоже, что и вообще въ жизни, — что выносить сильный, того не выносить слабый.

Въ числѣ общихъ предрасполагающихъ обстоятельствъ первое мѣсто занимаетъ національность, какъ совокупность многихъ разнообразныхъ вліяній и особенностей, именно: климата, плодородія страны, главныхъ занятій народонаселенія, степени цивилизаціи и матеріальнаго благосостоянія, общественной нравственности, прежней судьбы народа, — все это дѣйствуетъ вмѣстѣ при выработкѣ извѣстныхъ національныхъ особенностей, которыя потомъ и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Очевидно, что совокупности такихъ сильныхъ факторовъ, и то или другое ихъ взаимное отношеніе должно обнаруживать и обнаруживаетъ большое влияніе на образованіе и развитіе извѣстныхъ душевныхъ состояній и болѣзней чувствующаго организма; но къ сожалѣнію вопросъ этотъ, какъ слишкомъ обширный, до сихъ не могъ быть еще въ точности разслѣдованъ и по своей запутанности, и по недостатку статистическихъ данныхъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что никакая національность, никакой возрастъ, полъ, родъ занятій или сложеніе не представляютъ безусловной гарантіи противъ душевныхъ болѣзней, хотя несомнѣнно, что нѣкоторыя страны, возрасты или состоянія представляютъ сравнительно большее число больныхъ.

Относительно національности замѣчено, что на востокѣ болѣзни чувствующаго организма являются рѣже, чѣмъ въ цивилизованной Европѣ. Впрочемъ вѣроятно многіе сумасшедшіе не поступали въ общій счетъ, потому что числа для сравненія брались изъ свѣдѣній сумасшедшихъ домовъ. Но не смотря и на эти пропуски и на болѣе полныя данныя новѣйшаго времени число больныхъ оказывается на востокѣ все-таки сравнительно менѣе.

По свѣдѣніяхъ Пруннеръ-Беа на 300,000 жителей Каира приходится 70 сумасшедшихъ, и изъ нихъ многіе принадлежать сосѣднимъ мѣстностямъ. Въ Иерусалимѣ въ то же время (1854) было найдено только 2, въ Александріи тоже 2 безумныхъ, при населеніи перваго въ 20,000 и второй въ 50,000. Въ Мальтѣ въ 1836 г. приходился 1 сумасшедшій на 800 человекъ; во Франціи и въ Голландіи приходится 1 на 1,000 жителей; въ Австріи на 10,000 жит. 8 сумасшедшихъ; въ Ирландіи 1 на 700 ч., а въ Соединенныхъ американскихъ штатахъ 1 на 4—500 жит. Въ Германіи въ 1852 г. содержалось въ сумасшедшихъ домахъ 12,000 больныхъ.

По мѣрѣ развитія цивилизаціи увеличивается число больныхъ душевными болѣзнями, потому что индустрія, искусство, знанія возбуждаютъ большую мозговую дѣятельность и число подобныхъ людей постоянно увеличивается. Кроме того большая тонокость въ умственныхъ и тѣлесныхъ наслажденіяхъ возбуждаютъ раздраженіе и страсти, каковыхъ не знаютъ люди въ полудикомъ быту. Развитіе разныхъ честолюбивыхъ стремленій промышленнаго, политическаго и вообще національнаго характера и тѣхъ требованій, которыя пылкій умъ нашего времени

выставляя доупомъ XIX вѣка, во многихъ случаяхъ не находятъ себѣ не только удовольствія, но еще хуже—большинство пылкихъ людей не встрѣчаютъ ничего кромѣ обманутыхъ стремленій, надеждъ и ожиданій. Къ этому присоединяется еще денежная лихорадка, охватывающая всѣ сословія, но преимущественно мѣщанство; все живетъ скорѣе, все гонится горячо за прибылью и наслажденіемъ, и эта смѣсь денежныхъ и политическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ держитъ неотменно Европу въ напряженномъ состояніи, создаетъ, разумѣется, ту чувствительность мозга и нервовъ, которыхъ не знали наши почтенные отцы и дѣды, и не знаютъ жители востока. Раснутство большихъ городовъ увеличиваетъ еще больше населеніе сумасшедшихъ домовъ; въ Лондонѣ, напримѣръ, считается 150,000 пьяницъ, 36,000 воровъ и преступнодержателей и 150,000 человекъ обоаго пола, ведущихъ развратную жизнь. А извѣстно, что люди, истощившіеся преждевременно въ разныхъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, представляемыхъ въ особенноти столичной жизни, — и число которыхъ въ городахъ увеличивается во всѣхъ сословіяхъ и находятъ себѣ ревмостныхъ поклонницъ даже между женщинами; — такіе истощившіеся люди, убившіе всѣ свои силы въ безпутствѣ, пошлости и развратѣ очень легко попадаютъ наконецъ въ желтый домъ, если не умрутъ ранѣе отъ какой нибудь болѣзни, порожденной пьянствомъ и безпутствомъ. Въ такихъ городахъ приходится нѣрвдко 1 сумасшедшій на 300 человекъ, и въ Англии въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ число безумныхъ увеличилось въ девять разъ.

Народы, у которыхъ развита сильнѣе промышленность и торговля, получаютъ вмѣстѣ съ ними и большое расположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Въ особенноти помогаетъ этому промышленность, такъ рѣзко разделяющая людей на слишкомъ богатыхъ и на слишкомъ бѣдныхъ. Это несчастное распредѣленіе имуществъ обнаруживаетъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на увеличеніе самоубійствъ и на увеличеніе числа страдающихъ душевными болѣзнями. Интересенъ слѣдующій фактъ, подтверждающій эту мысль: — настоящій нищій, нищій по рожденію т. е. человекъ съ самыми ограниченными стремленіями, съ слабо развитой чувствительностью и умственными способностями почти никогда не попадаетъ въ сумасшедшій домъ; но пролетарій т. е. человекъ, нитющій ремесло, желаніе работать, исполненный чувства собственнаго достоинства, человекъ съ болѣе или менѣе высшими стремленіями и развитымъ умомъ—составляетъ весьма обыкновенное явленіе въ сумасшедшемъ до-

иде. Первый доводит грязью, въ которой онъ живетъ и какъ какой нибудь турокъ или хивидецъ не желаетъ никакихъ измѣненій, считая свое настоящее совершенно удовлетворительнымъ. Но пролетарій чело-вѣкъ другого закада;—ему чужень не только обезпеченный кусокъ хлѣба, но и общественныя права. Горизонтъ его широкъ, стремленія цѣлы, энергій много; но за то и разочарованіе, убивающее всякую надежду достигнуть счастья, тоже сильно въ случаѣ неудачи. Кто довольно крепкокъ тѣломъ—вынесетъ ударъ, кто нѣтъ—попадаетъ въ сумасшедшій домъ или умираетъ преждевременно. Все это отъ того, что надежды и стремленія народовъ къ счастью и благополучію сильнѣе насущныхъ средствъ добыть себѣ это счастье. Желанія не соответствуютъ еще силамъ.

Относительно пола замѣчено, что мужчины сходятъ съ ума чаще, чѣмъ женщины; впрочемъ не вездѣ. Такъ во Франціи и въ Бельгіи женщины берутъ перевѣсъ надъ мужчинами. Къ сожалѣнію, статисти-ческія данныя по этому предмету разработаны еще весьма слабо. По старымъ свѣдѣніямъ въ Германіи приходилось на 100 сумасшедшихъ мужчинъ 75 женщинъ. Такой значительный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами можетъ быть объясненъ частію тѣмъ, что женщина въ сумасшествіи смирнѣе мужчины, съ ней легче справиться, и потому боль-нцы женщины оставляютъ чаще въ семействахъ.

Между мужчинами сходятъ съ ума болѣе холостые, чѣмъ женатые, у женщинъ же напротивъ—замужнія, и между ними наибольшее число вдовъ. Объяснять это пожалуй можно частью зависящимъ и нерѣдко весьма тяжелымъ положеніемъ женщины въ семьѣ и безпомощностью, въ какую впадаютъ вдовы.

Хотя ни одинъ возрастъ не спасаетъ чело-вѣка отъ душевныхъ болѣзней, тѣмъ не менѣе есть лѣта, въ которыхъ замѣтно преимуще-ственное расположеніе къ растройству чувствующаго организма.

Въ дѣтствѣ чаще та форма сумасшествія, которую зовутъ безуміемъ или идиотизмомъ; но и другія формы встрѣчаются тоже до зрѣлаго во-зраста. Такъ бывали случаи бѣшенства и сумасшествія у шестилѣтнихъ дѣтей. Сильное безпокойство, скитанье (ходьба) безъ цѣли, спутан-ность мыслей и особенная раздражительность развиваются въ этомъ возрастѣ нерѣдко съ такой силой, что переходятъ въ сильную умствен-ную слабость. Такія дѣти не бываютъ почти никогда въ покоѣ, они бол-таютъ много и безъ смысла, смѣются, кричатъ, не обращаютъ ни на что вниманія; часто впадаютъ въ припадки настоящаго бѣшенства—ку-

саютъ, все бьютъ и ломаютъ. Рамбергъ описываетъ одинъ случай подобнаго шестилѣтняго больнаго, у котораго было настоящее бѣшенство съ страстью къ разрушенію;—онъ выбѣгалъ на улицу съ ножомъ и едва можно было съ нимъ справиться. Подобные припадки бывали даже съ дѣтьми 3—4-хъ лѣтними.

Припадкамъ эпилепсіи, сомнамбулизма, пляскѣ св. Витта предшествуетъ почти всегда психическое разстройство, выражающееся въ безпричинномъ плачѣ, смѣхѣ, горячности, галлюцинаціяхъ, и такое состояніе можетъ перейти въ хроническое съумасшествіе.

Меланхолія и ипохондрія въ дѣтскомъ возрастѣ рѣдки; но въ послѣднее время замѣчено однако появленіе и между дѣтьми меланхоліи, сопровождаемой чувствомъ непонятной боязни и тоски; на это указываютъ дѣтскія самоубійства. Въ Англии изъ 5,415 случаевъ самоубійства (1852—56 г.) было 33 случая самоубійства дѣтей до 10 лѣтъ. Дюранъ-Фардель собралъ 24 примѣра самоубійствъ въ возрастѣ отъ 5 до 14 лѣтъ. Причины его довольно разнообразны, но мотивы ихъ совершенно тѣже какъ и у взрослыхъ—огорченіе, печаль, боязнь, страхъ наказанія, обманутая надежда. Одинъ мальчикъ повѣсился потому что отецъ запретилъ ему покупать вѣщу. Другой 9-ти лѣтній мальчикъ лишилъ себя жизни потому, что у него пропала птица; 11-ти лѣтній мальчикъ убился изъ за отверженной любви; 13-ти лѣтній ученикъ красильщика повѣсился, изъ боязни быть наказаннымъ или уволеннымъ, за 6 украденныхъ имъ копѣекъ; 5-ти лѣтнее дитя бросилось въ воду вслѣдствіе дурнаго обращенія матери.

Ближайшими причинами душевныхъ болѣзней у дѣтей служатъ или наследственное расположеніе, или дурное обращеніе и воспитаніе, возбуждающее слишкомъ сильное напряженіе мысли и чувствительности, а также и тѣлесныя поврежденія. Очень часты случаи раздраженія мозга вслѣдствіе раздраженія половыхъ частей и онанизма, который усилился нынче чрезвычайно между дѣтьми обоаго пола. Слишкомъ быстрый ростъ, болѣзни, напримѣръ тифъ, корь бывають тоже причинами помѣшательства дѣтей.

Съ 15 до 25 лѣтъ душевныя болѣзни встрѣчаются уже гораздо чаще; у холостыхъ дѣвушекъ и мужчинъ самый опасный періодъ—время зрѣлости; а у женщинъ и женатыхъ мужчинъ—пора ихъ наиболѣе напряженной умственной и физической жизни т. е. отъ 25 до 50 лѣтъ. У мужчинъ самое опасное время отъ 20—30 лѣтъ; у женщинъ отъ

30 до 40. Съ 50 лѣтъ расположеніе къ психическимъ страданіямъ уменьшается у обоихъ половъ:

Хотя съ 50 лѣтъ расположеніе къ помѣшательству значительно уменьшается, но не прекращается совсѣмъ, и продолжается до конца чело-вѣческой жизни; старческое слабоуміе составляетъ финалъ дѣятельности чувствующаго организма.

Бывали случаи, когда мужчины и женщины впадали въ бѣшенство и въ меланхолію въ 80 и 84-хъ лѣтнемъ возрастѣ. Разумѣется, это исключеніе.

Родъ занятій обнаруживаетъ несомнѣнное вліяніе на большее или меньшее разстройство душевной дѣятельности. Но трудно сказать, какая именно специальность ведетъ къ тому или другому роду помѣшательства и создаетъ болѣе больныхъ, потому что наблюденія по этому предмету еще слишкомъ незначительны. Что матросы, предающіеся пьянству, бываютъ расположены къ маниі и что у нихъ является бѣлая горячка, со всѣми ея послѣдствіями, причина этого конечно лежитъ въ ихъ неумѣренной жизни. Бѣдные сходятъ съ ума чаще, чѣмъ люди обезпеченные и высоко стоящіе. Между нищими по профессіи, — какъ было уже сказано, — съумасшедшихъ нѣтъ, что должно зависѣть конечно отъ ихъ полного равнодушія и довольства своимъ положеніемъ. Но другіе писатели утверждаютъ, что нищія-женщины составляютъ значительное населеніе съумасшедшихъ домовъ. Причину этого нужно искать въ томъ, что отжившія и истощившіяся женщины извѣстнаго сорта предаются вполнѣдствіи пьянству и попадаютъ въ заведенія для умалишенныхъ уже въ видѣ нищихъ. Не столько бѣдность, сколько прежняя ихъ жизнь и пьянство разстроиваютъ ихъ нервный организмъ. Вообще замѣчено, что женщины, предающіяся разврату, кончаютъ весьма часто психическими болѣзнями.

Печальный фактъ замѣченъ въ Англіи: въ десять лѣтъ, съ 1846—56 годъ, попало въ Бэдлэмъ 110 молоденькихъ гувернантокъ и учительницъ. Нужда, ночной трудъ, изнуреніе, разныя неудачи, неудовлетворенная любовь играли въ этомъ, конечно, главную роль.

Въ тюрьмахъ соединяются наиболѣе условія благоприятныя для развитія и образованія помѣшательства, и вообще разстроивающія душевное здоровье. Сосредоточеніе на немногихъ мысляхъ, тоска, страстное стремленіе къ свободѣ, укоры совѣсти, нерѣдко дурная пища, испорченный воздухъ, недостатокъ въ движеніи — все это дѣйствуетъ весьма

разрушительно на здоровье заключенныхъ. Между отрастными преступниками—убійцами, зажигателями, грабителями—случаи душевнаго разстройства чаще, чѣмъ между ворышками, плутами и мошенниками. Очень часто попадаютъ въ тюрьмы преступники, которые уже были значительно разстроены ранѣе,—ни одинъ уголовный преступникъ не бываетъ здоровъ совершенно,—нерѣдко даже полудураки и полубезумные; эти, впрочемъ, сходятъ съ ума очень легко.

Время года имѣетъ тоже замѣтное вліяніе. Весной и лѣтомъ случаи сумасшествія гораздо чаще.

Нужно обратить вниманіе также и на вліяніе мѣсяца. Люди, склонные къ мечтательности, знаютъ, какое дѣйствіе имѣетъ однообразный, серебряный, вѣдальный свѣтъ луны. Поэты своими стихами къ лунѣ—на которые въ былые годы они были очень щедры—еще полнѣе констатировали этотъ фактъ. Свѣдательно вліяніе луны на здоровыхъ отвергать нельзя; но оно еще сильнѣе на больныхъ, страдающихъ часто бессонницей, занятыхъ вѣчно своими особенными мыслями и живущихъ въ мірѣ галлюцинацій. Эскарпаль замѣтилъ, что въ лунныя ночи безумные бываютъ обыкновенно безпокойны. Онъ устранилъ это опусканіемъ на ночь шторъ.

У.

Къ личнымъ причинамъ сумасшествія принадлежатъ:

Наслѣдственность:—въ трети до четверти вѣсѣ случаевъ помѣшательства можно доказать съ точностью вліяніе наследственности. Прирожденные наклонности къ болѣзнямъ ума и чувствъ чаще всего тамъ, гдѣ браки свершались постоянно въ кругѣ извѣстныхъ фамилій или между родственниками. Такіе браки ослабляютъ до того породу, что кромѣ расположенія къ помѣшательству передаются еще нѣзрѣлыя въ поколѣніе, непрерывнымъ рядомъ, разныя нервныя, неизлечимыя болѣзни какъ эпилепсія, пляска св. Витта, каталепсія и т. д. Наслѣдственную передачу подобныхъ болѣзней можно остановить вѣрнѣе всего такимъ скрещиваніемъ, при которомъ была бы вредена совершенно новая, посторонняя кровь.

Наслѣдственность нервическихъ болѣзней, стоящихъ ближе всего къ помѣшательству, или особенностей, ведущихъ къ этого рода страданіямъ, встрѣчается преимущественно въ тѣхъ фамиліяхъ, гдѣ по предразсудкамъ

рожденія, изъ гордости, браки заключаются обыкновенно между родственниками; потомъ у евреевъ, гдѣ дядя можетъ жениться на своей родной племянницѣ,—что и случается зачастую, далѣе у квакероѡвъ, вслѣдствіе ихъ религіозныхъ убѣжденій; наконецъ у богатыхъ крестьянъ, заключающихъ браки изъ экономическихъ соображеній, а также и по тщеславію постоянно въ одномъ извѣсномъ кругу, разумѣется, богатомъ. Въ сумасшедшемъ домѣ въ Йоркѣ, назначенномъ исключительно для квакероѡвъ, наследственность составляла причину ровно въ половинѣ случаевъ. Подобная постоянная передача болѣзней выражается наконецъ въ идиотизмъ и имъ прекращается, потому что идиоты вообще не производятъ потомства.

Относительно наследственности Лаутаръ рассказываетъ слѣдующій любопытный фактъ. Мужъ и жена, первый 42 лѣтъ, а вторая 36, захворали разстройствомъ умственныхъ способностей и накончили самоубійствомъ: мужъ повѣсился, жена утопилась. Они оставили троихъ дѣтей. Старшая дочь отравилась 24 лѣтъ, живя долгое время развратомъ. Сынъ, обвиненный въ смертоубійствѣ, задушился; а младшая дочь бросилась на 6 мѣсяцѣ беременности съ крыши. Сынъ ея уже въ ранней молодости попадалъ нѣсколько разъ въ тюрьму и наконецъ отправился въ Египетъ искать приключеній.

Въ наследственной передачѣ умственныхъ болѣзней или расположеній къ нимъ, вліяніе матери гораздо сильнѣе вліянія отца, и вообще всѣ нервныя особенности матерей передаются дѣтямъ гораздо чаще, чѣмъ болѣзни отцовъ. Между дѣтьми легче воспринимаютъ наследственность дѣвочки, чѣмъ мальчики.

Воспитаніе, послѣ наследственности, составляетъ едва-ли не сильнѣйшую причину психическихъ болѣзней. Невниманіе къ дѣтямъ или родительское тупоуміе создаютъ черѣдкю въ дѣтскомъ организмѣ начало будущихъ его нервныхъ и мозговыхъ страданій; а дурныя привычки, являющіяся или отъ недосмотра, или вслѣдствіе дикихъ убѣжденій отцовъ и матерей, даютъ рѣшительное направленіе всей будущей жизни ребенка.

Первый вредъ заключается въ дурномъ примѣрѣ. Сила подражанія такъ велика въ дѣтяхъ, что ихъ воспитаніе въ молодости свершается почти единственно этимъ путемъ. Безпутные, полусумасшедшіе родители, у которыхъ кромѣ грубости, глупости, пьянства, драки и ругани

встрѣтить нечего, создаютъ въ молодомъ дѣтскомъ умѣ и сердцѣ такое мировоззрѣніе, въ которомъ безпутство займетъ, разумѣется, первое мѣсто.

Но и тѣ родители, которые по своимъ матеріальнымъ средствамъ и по понятіямъ не имѣютъ ничего общаго съ этими жалкими людьми, бываютъ нерѣдко причиной психическихъ болѣзней своихъ дѣтей, потому только, что дѣйствуютъ по ошибочнымъ убѣжденіямъ. Одна изъ ошибокъ воспитанія заключается въ слишкомъ раннемъ возбужденіи умственной дѣятельности дѣтей, при чемъ задерживается развитіе тѣла и раздражается излишне мозгъ. Въ этомъ первое начало будущихъ болѣзней. Какъ часты случаи, когда самолюбивые родители, желая создать изъ своихъ дѣтей чудо ума и знаній, заучиваютъ ихъ до того, что вмѣсто гениевъ выходятъ идиоты съ какой нибудь нервной болѣзью; другіе просвѣщенные родители, убѣжденные, что строгость есть не только необходимый элементъ воспитанія, но и единственное вѣрное средство воспитать дѣтей въ сердечной чистотѣ и, держать ихъ въ такомъ нравственно подавленномъ состояніи, что или убиваютъ личную дѣятельность ума и чувства, или же ребенокъ создаетъ свой фантастическій міръ, въ которомъ и отдыхаетъ отъ родительскихъ тисковъ. Эта жизнь въ мірѣ фантазіи развиваетъ преждевременно дѣтское воображеніе и очень часто такъ ослабляетъ всю нервную и мозговую систему, что даже самое ничтожное нравственное потрясеніе производитъ умственное разстройство.

Какъ ни худа система строгаго воспитанія и холодныхъ, торжественныхъ отношеній родителей къ своимъ дѣтямъ, но излишняя слабость и податливость мягкосердечныхъ и безхарактерныхъ родителей чуть ли не хуже. Дѣти, предоставленные полной свободѣ дѣлать все, что имъ угодно, развиваются въ необузданность и самодурство, приучаются къ исполненію всякаго ихъ желанія, прихоти и каприза и вырастаютъ въ слабохарактерныхъ людей, неспособныхъ владѣть собой, и переносятъ никакое противорѣчіе, никакую неудачу. Люди этого сорта, обыкновенно, раздражительные до крайности, въ случаѣ серьезныхъ житейскихъ потрясеній рѣдко имѣютъ довольно силы встрѣтить и вынести ихъ спокойно; они или впадаютъ въ отчаяніе и малодушіе или еще хуже — сходятъ съ ума. Если же обстоятельства позволяютъ имъ прожить спокойно весь свой вѣкъ, то они бываютъ обыкновенно мучителями всѣхъ, кто ихъ окружаетъ.

Вообще, какъ не хороша медвѣжья свирѣпость родителей, такъ не хо-

роша и обезьянья любовь слабосердечных матерей и тупоумных отцовъ. Такъ извѣстный психіатръ Пинель приводитъ примѣръ одного господина воспитаннаго слабой матерью, который, привыкнувъ дѣлать, что ему вздумается, не перепосылъ ни малѣйшаго противорѣчія, затѣвая ссоры и драки, оплачивался за нихъ процессами и денежными штрафами и наконецъ попалъ по приговору суда въ сумасшедшій домъ за то, что одну женщину, сказавшую ему что-то непріятное, бросилъ въ воду. Это происходило во Франціи 50 лѣтъ назадъ и, какъ видно, казалось и тогда французамъ дѣломъ крайне возмутительнымъ.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣти вырастаютъ въ дурныхъ примѣрахъ своихъ родителей, когда они тупѣютъ отъ излишняго и ранняго ученья, когда они уходятъ въ міръ фантазій, вслѣдствіе отталкивающей строгости родителей или разнуздываются отъ излишняго баловства, есть случаи, имѣющие еще болѣе пагубное вліяніе на каждый дѣтскій организмъ, — раннее чтеніе разныхъ книжонокъ фантастическаго содержания и любовныхъ романовъ. Тѣ и другія дѣйствуютъ крайне вредно на воображеніе, возбуждая или мрачныя мысли и неправильный взглядъ на жизнь или создавая любовный міръ и преждевременную половую зрѣлость, а съ нею зачастую и вредную привычку, разстроивающую позвоночный хребетъ. Раннія и неумѣренныя половыя сношенія кончаются тѣмъ же.

Конечно всѣ эти вліянія не всегда ведутъ прямо въ сумасшедшій домъ, потому что иначе миллионы людей пришлось бы запереть въ больницы для умалишенныхъ; но они всегда дѣйствуютъ разрушительно на нервную систему и отправленія головного мозга, ослабляютъ организмъ, ослабляютъ умственные способности, создаютъ разные нервныя болѣзни и сильнѣе всего располагаютъ къ настоящему безумію. Въ сумасшедшихъ домахъ бываетъ обыкновенно половина больныхъ такъ называемаго нервнаго сложения. Разумеется, не всѣ эти нервосложные люди образовались тѣмъ путемъ какъ сказано выше; многіе имѣли нервность наследственную, другіе разстроили себя излишними умственными трудами, но во всѣхъ этихъ случаяхъ виновато больше всего воспитаніе, потому что и наследственная нервность создавалась тѣмъ же путемъ.

Темпераментъ имѣетъ тоже больше или меньше предрасполагающее вліяніе на душевныя болѣзни, потому что опредѣляетъ характеръ умственной и сердечной дѣятельности людей.

Въ сангвиническомъ (многокровономъ) темпераментѣ находили аналогію съ дѣтствомъ. При немъ всякое нарушение психическаго равновѣсія свершается быстро и съ особенной живостью. Сангвиникъ обыкновенно очень самодоволенъ, но за то и чувствителенъ и легко предается разнымъ крайностямъ: впадаетъ въ восторгъ, въ экзальтацію, или же въ другую крайность—недовольство, душевную подавленность, отчаяніе. Обыкновенно тѣ и другія впечатлѣнія не бываютъ продолжительны и не оставляютъ въ сангвиникѣ глубокихъ слѣдовъ, потому что его живая, впечатлительная натура отдается довольно легко внѣшнимъ вліяніямъ и быстрой смѣнѣ чувствъ и мыслей.

Въ сангвиникахъ всегда есть стремленіе къ задору и склонность къ разрушенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ талантливость и остроуміе. Образчикомъ сангвиниза между людьми служатъ французы. Въ царствѣ же животныхъ представителями сангвинизма являются обезьяны и собаки.

Сангвиникъ живетъ минутой и внѣшней жизнью; онъ отдается весь впечатлѣнію, чувству, наслажденію, фантазіи, остроумію, юмору. Если онъ дѣлаетъ что нибудь, то дѣлаетъ всѣми силами души и тѣла и потому живетъ всегда напряженной, усиленной жизнью, переживая многое въ короткое время.

Какъ дитя, не зная заботъ, онъ не заглядываетъ далеко въ будущее и потому нерѣдко весьма легкомысленъ. Сангвиникъ не можетъ быть одинъ, ему нужно всегда общество, люди, чтобы дѣлиться впечатлѣніями, мыслями, чувствами; поэтому сангвиникъ легокъ на дружбу и всегда богатъ пріятелями. По своимъ наклонностямъ и стремленіямъ сангвиникъ охотно идетъ въ солдаты, въ кучки, въ доктора, и самоубивъ къ искусствамъ.

Изъ извѣстныхъ людей имѣли сангвиническій темпераментъ: Гёте, Моцартъ, Гайдель, Францискъ I, Людовикъ XIV, Карлъ II англійскій.

И въ душевныхъ болѣзняхъ сангвиникъ не измѣняетъ своего темпераменту: у него менѣе всего расположенія къ меланхоліи, но за то онъ впадаетъ легко въ сѣмшество и въ экзальтированное безуміе. Всѣ больные бѣлой горячкой носятъ на себѣ печать сангвинизма: Сѣмшествіе сангвиническаго темперамента имѣютъ голлюцинаціи обыкновенно веселаго характера и даже въ безуміи отличаются тщеславіемъ; они воображаютъ себя въ дворцахъ, среди роскоши и блеска жизни; слышать женскіе голоса и т. п. По замѣчаніямъ Эскароля самоубій-

ства у сангвиниковъ являются часто. Лучшее обращеніе съ больными сангвиникомъ—возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ надежду.

Меланхолическій темпераментъ имѣетъ аналогію съ періодомъ юности. У меланхоликовъ господствуетъ преимуществу фантазія, тогда какъ въ другихъ темпераментахъ она составляетъ подчиненную способность. Такое крайнее развитіе воображенія ведетъ къ одностороннимъ, произвольнымъ и преувеличеннымъ ожиданіямъ, а слѣдовательно къ обманамъ и разочарованіямъ; но за то въ представленіяхъ меланхолика преобладаетъ элементъ творчества въ пріятныхъ, а иногда, и въ мрачныхъ картинахъ. Впечатленія проникаютъ въ меланхолика медленно, но за то глубоко, и вообще темпераментъ этотъ можно назвать пассивнымъ, чувствительнымъ, нѣжнымъ, страдающимъ.

Эскаротъ причисляетъ къ меланхоликамъ злодѣевъ, а Аристотель—гениальныхъ людей. Изъ національностей къ меланхоликамъ принадлежатъ англичане. Изъ животныхъ—грызуны. Изъ отдѣльныхъ историческихъ личностей типомъ меланхолика считается Магометъ. Также—Табарій, Людовикъ XI, нашъ Иванъ IV, по нимъ недоверію, подозрительности и страстной мстительности. Изъ гениальныхъ людей—Шекспиръ, Руссо, Байронъ, Юнгъ, Тассо, Шиллеръ.

Въ меланхоликахъ встрѣчаются очень часто крайнія противорѣчія—легкомысліе съ педантизмомъ, слѣпая отважность и вершительность и эти крайности опредѣляютъ обыкновенно и характеръ меланхолика въ жизни. Онъ считаетъ себя наиболее счастливымъ, когда можетъ жить въ собственномъ своемъ фантастическомъ мірѣ; грусть и печаль составляютъ у меланхоликовъ довольно нѣрдкое явленіе.

Творческая фантазія создаетъ изъ меланхоликовъ гениальныхъ личностей, великихъ ораторовъ, людей и предводителей политическихъ партій.

По мнѣнію Эскарота темпераментъ этотъ располагаетъ къ тому виду съумасшествія, который зовется меланхолическимъ; другіе же врачи находятъ, что къ инволюціи и къ отращенію отъ жизни. У меланхоликовъ сильное расположеніе къ галлюцинаціямъ; они слышатъ страшные звуки, видятъ черныхъ людей, считаютъ себя одержимыми бѣсами, рисуютъ себѣ могилы и покойниковъ, и имѣютъ по преимуществу галлюцинаціи зрѣнія. Самоубійство и мизантропія у нихъ нѣрды.

Въ холерическомъ темпераментѣ, соответствующемъ зрѣлому возрасту, всѣ силы направляются къ дѣятельности, къ осуществленію задуманнаго.

манныхъ плановъ. Изъ народовъ представителемъ этого темперамента служатъ итальянцы и испанцы. Въ животныхъ—хищные звѣри и кошки.

Въ числѣ историческихъ личностей къ холерикамъ причисляютъ: Александра Македонскаго, Цезаря, Брута, Наполеона I, Фридриха II, Петра I, Ришельё, Карла XII, Робеспьера, Филиппа II, Генриха VIII, Кромвеля, Валленштейна, Кориолана.

Дѣятельности холерика придаетъ особенный характеръ его стремленіе установить и поддержать значеніе своей личности и общественныхъ учрежденій и порядковъ. Изъ холериковъ образуются законодатели, управляющіе и полицейскіе и въ особенности военные предводители. Этотъ общій цвѣтъ ихъ наклонностей разумѣется не служить еще порукой благотѣльности на практикѣ ихъ порядковъ, что необходимо и слѣдуетъ ожидать, если обратить вниманіе на непреклонность и страстность холериковъ, на неспособность ихъ переносить противорѣчія и возраженія, на легкость, съ какой они предаются гнѣву, когда что нибудь дѣлается не по ихнему; наконецъ на тѣ насилія и жестокости, которымъ они легко отдаются, когда видятъ къ тому возможность и не боятся отвѣтственности. Впрочемъ, не смотря на эту крайнюю страстность, доходящую нерѣдко до звѣрства, холерики обыкновенно друзья порядка, они идутъ прямымъ путемъ, ненавидятъ ложь и обманъ и большею частью отличаются открытымъ характеромъ. Въ частной, домашней жизни холерикъ совершенная кротость и доброта.

Если холерикъ ограниченъ умомъ, то особенности его темперамента становятся обыкновенно недостатками и холерическая дѣятельность съ ея непреклонностью превращаются въ смѣшное упрямство и въ глупую односторонность. Такимъ человекомъ былъ Яковъ II англійскій, которому его холерическій темпераментъ стоилъ трона.

Въ холерикахъ замѣчается постоянно стремленіе уничтожать старое и созидать новое; вѣчное недовольство существующимъ составляетъ большую часть обыкновенную черту ихъ характера.

Изъ психическихъ болѣзней холерика расположены преимущественно къ бѣшенству и безумію. Въ сумасшествіи холерики легко раздражаются и наклонны къ насиліямъ. Въ меланхоліи они приписываютъ обыкновенно свои страданія известнымъ лицамъ или событіямъ. Галлюцинаціи слуха бываютъ у нихъ чаще другихъ видовъ галлюцинаціи. Самоубійства у холериковъ часты.

Въ флегматическомъ темпераментѣ находятъ аналогію со старостью. У флегматиковъ замѣчается вообще перевѣсъ разсудочности, рефлексіи. У нихъ страсти дѣйствуютъ рѣдко съ силой и обыкновенно приводятся легко въ равновѣсіе спокойнымъ размышленіемъ. Отъ этого флегматики расположены менѣе другихъ къ сьумасшествію.

Темпераментъ этотъ называютъ иногда мужицкимъ, что относительно нѣкоторыхъ народовъ совершенно справедливо. Зависимое положеніе крестьянина, его полное безсиліе во многихъ случаяхъ предъ тѣмъ, что называется общественнымъ порядкомъ, необходимость подчиняться обстоятельствамъ, съ которыми онъ бороться не въ состояніи, создаютъ крестьянину свой особенный искусственный темпераментъ въ той практической философіи, которой онъ долженъ держаться, если желаетъ прожить спокойно свой вѣкъ и сохранить свою собственность, здоровье и жизнь. Разумѣется, всѣ эти обстоятельства, создавая общія народныя черты и общій характеръ «мужицтва,» въ частности представляютъ исключенія и особенности, такъ что не каждый мужикъ имѣетъ мужицкій темпераментъ. Но не смотря на такое спеціальное проявленіе личныхъ особенностей отдѣльныхъ мужиковъ — жизнь и на нихъ кладетъ печать флегматичности, въ той затупленности мысли и чувства, какая неизбежна при низкомъ уровнѣ развитія, матеріальнаго благосостоянія и гражданской подавленности, гдѣ она существуетъ. Какъ только обстоятельства даютъ больше свободы отдѣльной личности — и мужицкая флегматичность уступаетъ свое мѣсто другимъ болѣе живымъ темпераментамъ, которые создаются какъ бы внезапно, и преобразуютъ цѣлый народъ. Такъ нѣмцы, считаемые вообще чистыми представителями флегматизма, въ извѣстныя эпохи своей исторіи становились сангвиниками, не хуже французовъ, и холериками, не хуже итальянцевъ.

Флегматикъ, вообще медленный въ восторгахъ и слабо подчиняющийся порывамъ и вспышкамъ, отличается продолжительностью и постоянствомъ чувства въ такъ называемыхъ хроническихъ ощущеніяхъ. Поэтому флегматики отличаются особенно сильной любовью къ отечеству, къ дѣтямъ; они постоянны въ дружбѣ; они чувствуютъ прочіе другихъ благодарность. Вообще чувства ихъ гораздо консервативнѣе и спокойнѣе, безъ порывовъ, шуму и декламаций; ихъ поступки послѣдовательнѣе; они охотно избѣгаютъ душевныхъ движеній и волненій и стремятся болѣе къ спокойной, безмятежной жизни. Темпераментъ этотъ многіе называютъ счастливымъ.

Въ царствѣ животныхъ представителемъ его служатъ жвачкожующіе и мѣлвѣди.

Флегматики посвящаютъ себя охотнѣе всего духовному званію, медицинѣ, дѣлаются судьями, ремесленниками. Но хотя они въ искусствахъ могутъ дойти до большей лѣткости, однако рѣдко идутъ дальше хорошихъ компиляторовъ и почти не возвышаются до творчества. Молчаливые, сосредоточенные флегматики особенно способны быть наблюдателями; гениальнымъ представителемъ ихъ служить Георгъ Форстеръ. Флегматики мало способны для политической дѣятельности; они не могутъ быть людьми партій, потому что лишены страстности и увлеченія; но за то они охотно подчиняются существующему, выносливы, и трудны на подъемъ. Вообще они избѣгаютъ крайностей.

Къ флегматикамъ причисляютъ Канта и Конфуція.

Флегматики расположены болѣе всего къ меланхоліи и ипохондріи. Если флегматикъ недостаточно богатъ умственной пищей, чтобы защититься отъ скуки, если въ немъ образуется душевная пустота, если ослабѣваетъ его любовь къ жизни, то этимъ уже сдѣланъ первый шагъ къ меланхоліи. Но флегматикъ въ этихъ случаяхъ напоминаетъ болѣе ипохондрика, потому что долѣе противустойтъ своему душевному разстройству.

Нѣкоторые психіатры утверждаютъ, что флегматики въ сумасшествіи имѣютъ мало расположенія къ галлюцинаціямъ. Эскароль находитъ, что они подвергаются чаще всего безумію.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, что хотя темпераментъ есть собственно особенность въ физическомъ устройствѣ чловѣка, именно преимущественное развитіе кровеносной, лимфатической или нервной системы; но именно поэтому-то онъ и проявляется въ такъ называемой душевной дѣятельности. И такимъ образомъ каждый темпераментъ соответствуетъ всегда главнѣйше одной изъ сторонъ чловѣческой духовной дѣятельности: — чувству, фантазіи, разсудку, волѣ.

Но темпераменты не бываютъ никогда чисты въ такой степени, чтобы одинъ какой нибудь исключалъ всѣ остальные. Напротивъ, людямъ вполне чистаго темперамента совершенно не встрѣчаются, какъ не можетъ существовать чувство безъ фантазіи, или разсудокъ безъ чувства или воли. Чистый темпераментъ съ односторонней душевной дѣятельностью были бы уродствомъ и полнымъ несчастіемъ того, надъ кѣмъ бы подшутила такъ природа. Темпераменты бываютъ постоянно смѣшанные,

причемъ одинъ изъ нихъ беретъ перевѣсъ и опредѣляетъ главнѣйшимъ образомъ характеръ интеллектуальной дѣятельности человѣка. Такимъ образомъ у сангвиниковъ преобладаетъ чувство, у меланхоликовъ во-
ображеніе, у холериковъ разсудочность. Этотъ перевѣсъ однихъ спо-
собностей надъ другими замѣчается уже ясно у дѣтей и указываетъ
на характеръ воспитанія, которое слѣдуетъ имъ давать. Поэтому вос-
питатели и родители должны обращать весьма серьезное вниманіе на
темпераментъ своихъ дѣтей и направлять дѣтское развитіе такимъ обра-
зомъ, чтобы не могла явиться вредная односторонность и крайній пере-
вѣсъ однихъ наклонностей надъ другими. Ребенокъ съ сильнымъ во-
ображеніемъ, впечатлительный и увлекающійся, можетъ быть легко сдѣ-
ланъ если не кандидатомъ сумасшедшаго дома, то человѣкомъ, въ ко-
торомъ излишнее развитіе фантазіи убьетъ весь практической смыслъ
создастъ ему исключительное, недѣльное міровоззрѣніе и сдѣластъ его
веспособнымъ или бесполезнымъ въ дѣйствительной жизни. Неудобства
этого избѣгнуть весьма легко, если обратить вниманіе на то, что тем-
пераменты не бываютъ никогда чистыми и что слѣдовательно очень удоб-
но налечь на развитіе полезныхъ способностей и задержать тѣ, кото-
рыя своимъ перевѣсомъ общають больше вреда чѣмъ пользы. Какъ,
такъ называемыя обстоятельства, въ видѣ національныхъ и климатичес-
кихъ вліяній, создаютъ народу «мужицкій» темпераментъ съ примѣсью
сангвиническихъ или меланхолическихъ наклонностей, такъ точно вос-
питаніе и особенности семейной жизни могутъ измѣнить и темпе-
раментъ ребенка. Это нужно знать и помнить тѣмъ родителямъ,
которые способны любить своихъ дѣтей, кромѣ обезьянной, еще и че-
ловѣческой любовью.

Пьянство принадлежитъ къ весьма сильнымъ вспомогательнымъ сред-
ствамъ открывающимъ человѣку двери сумасшедшаго дома. Излишнее
употребленіе спиртныхъ напитковъ дѣйствуютъ или прямо на разстрой-
ство мозга или разштыываетъ весь организмъ и создаетъ болѣзни, ве-
дущія къ сумасшествію. Съ другой стороны пьянство разрушаетъ се-
мейное довольство, разстроиваетъ экономическій бытъ, ведетъ къ бѣд-
ности, со всѣми ея печальными послѣдствіями и нравственными стра-
даніями, неизбѣжными у людей, которымъ нечего ѣсть. Подобныя по-
трясенія, при свершившемся уже разстройствѣ здоровья или дѣятель-
ности мозга, кончаются легко сумасшествіемъ. Но нужно замѣтить, что
очень часто не психическое разстройство есть слѣдствіе пьянства, а

напротивъ пьянство является слѣдствіемъ психическихъ страданій. Такъ домашнее горе, заботы, нужды, разныя неудовольствія заставляютъ уже разстроеннаго человѣка искать утѣшеній и радости въ одурающемъ пьянствѣ. При совокупномъ вліяніи этихъ причинъ сумасшествіе развивается весьма быстро.

Пьянство разумѣется великое несчастіе для того, кто имъ боленъ. И если нѣкоторые строгіе моралисты смотрятъ на горькихъ пьяницъ съ презрѣніемъ, то они неправы, потому что презирать больного нельзя; если моралистъ не имѣетъ возможности вылечить пьяницу, то пусть оставляетъ его въ покоѣ и проходитъ мимо безъ гримасъ и декламацій, на которыя такъ щедры добродѣльные люди. Пьяница знаетъ не хуже ихъ, — пожалуй еще гораздо лучше, — какъ пьянство разстроиваетъ ему весь его домашній бытъ, его здоровье и т. д. Онъ и самъ бы радъ не пить, и можетъ быть давалъ себѣ зарокъ десятки разъ, — и все-таки пьетъ, потому что отуманенный виномъ онъ чувствуетъ себя лучше и крѣпче.

Пьянствомъ страдаютъ не одни мужчины, но и женщины, особенно изъ предавшихся проституціи; и занимаются пьянствомъ не одни мужики, но и господа и барыни, даже изъ высшихъ слоевъ, именно истерическія женщины.

Delirium tremens, или бѣлая горячка, составляетъ обыкновенное слѣдствіе пьянства. Больной страдаетъ бессонницей, дрожаніемъ членовъ, галлюцинаціями. Паралитичное безуміе приписываютъ также пьянству. Въ потомствѣ пьяницъ очень часты физическая слабость, безуміе, преждевременная смерть отъ нервныхъ страданій, или же — пьянство, психическія растройства и преступленіе.

Нигдѣ пьянство не имѣетъ такого сильнаго вліянія на развитіе душевныхъ болѣзней, какъ въ Америкѣ. Вообще пьянство бываетъ причиною сумасшествія въ $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{9}$ случаевъ; въ Ганноверѣ $\frac{1}{6}$, а въ Пенсильванскомъ госпиталѣ $\frac{1}{3}$.

Излишнее употребленіе опиума и табаку, въ куреніи или нюханьи, разстроиваетъ тоже мозгъ и подготавливаетъ душевныя болѣзни. Разумѣется, это относится до табаку очень крѣпкаго.

Неправильная, распутная жизнь, разныя неприятности, превратности судьбы, бѣдность очень часто разстроиваютъ физическое и душевное здоровье людей и, если человѣкъ не въ силахъ вынести горе жизни, — то

самоубійство или помѣшательство кладутъ обыкновенно конецъ его страданіямъ.

Половые излишества приносятъ еще болѣшій вредъ, чѣмъ пьянство и горе жизни, потому что гораздо сильнѣе истощаютъ тѣло и ослабляютъ нервы и мозгъ. Но особенно страшенъ онанизмъ. Каждый сумасшедшій домъ богатъ этими несчастными.

Къ часто тѣлеснымъ страданіямъ, ведущимъ къ сумасшествію безъ всякаго вліянія моральныхъ причинъ, какъ горе, заботы и т. п. относятся нѣкоторыя нервенныя и мозговые болѣзни, головныя раны. Бывали случаи помѣшательства отъ поврежденія глаза, болѣзней слуховаго нерва, отъ попавшаго въ подошву ноги осколка стекла, отъ сильнаго зуда. Истерика ведетъ тоже нерѣдко къ сумасшествію. Изъ другихъ болѣзней, дающихъ поводъ къ психическимъ страданіямъ, извѣстны: тифъ, перемежающаяся лихорадка, горячечныя сыпи, оспа, корь, скорлатина, воспаленіе легкихъ, острый ревматизмъ.

Еще сильнѣе дѣйствуютъ хроническія, постоянныя болѣзни и ослабленіе организма напр. отъ потери крови, послѣ изнурительной болѣзни, послѣ трудныхъ родовъ, отъ голоду.

У мужчинъ причиной меланхоліи и ипохондріи бываетъ очень часто такъ называемая импотенція или мужское безсиліе. Состояніе это такъ ужасно и дѣйствуетъ такъ убійственно на духъ человека, что доводитъ нерѣдко до самоубійства.

У женщинъ время прекращенія періодовъ тоже очень богато случаями безумія; точно также женщины впадаютъ легко въ помѣшательство отъ неправильныхъ или нарушенныхъ очищеній, или болѣзней внутреннихъ половыхъ органовъ, во время беременности, въ родахъ, во время кормленія дѣтей.

Бывали случаи помѣшательства отъ глистовъ.

VI.

Все, что говорилось до сихъ поръ о причинахъ болѣзней чувствующаго организма не производитъ еще само по себѣ настоящаго сумасшествія, кромѣ рѣдкихъ, немногихъ случаевъ. Темпераментъ, дурное воспитаніе, дурная жизнь, бѣдность, нравственныя страданія только готовятъ почву для будущей болѣзни. За тѣмъ нужно еще особен-

ное обстоятельство, или вліяніе, чтобы вся подготовительная работа перешла въ формальное безуміе. Горючій матеріалъ готовъ, сложенъ, но чтобы вышелъ пожаръ, нужно его поджечь. Такимъ огнемъ, или искрой въ порошокъ, служатъ внезапныя, сильныя нравственныя потрясенія.

Радость и счастье, какъ извѣстно, никого не убиваютъ; убиваетъ горе и несчастіе. Тоже и въ сьумасшествіи. Никто не сходитъ съ ума отъ довольства, и внезапное благополучіе не дѣлало почти никого безумнымъ. Страсти, неудовлетворенныя стремленія, честолюбіе, отверженная любовь, досада, забота, угрызеніе совѣсти, оскорбленная честь, неожиданное несчастіе, внезапный ударъ судьбы или говоря проще — потеря состоянія, любимыхъ людей и т. п., страхъ — все это въ нервно-растроенныхъ людяхъ производитъ сильное потрясеніе, вызываетъ душевныя бури и сламываетъ нравственный организмъ. Въ особенности страшно дѣйствуютъ подобные удары, когда въ человѣкѣ убивается всякая надежда на лучшее будущее. Въ этихъ случаяхъ, если человѣкъ не сходитъ съ ума, то онъ лишаетъ себя жизни.

Поэтому названія душевныхъ болѣзней—сьумасшествіе, безуміе, умопомѣшательство, постоянно указывающія на какую-то перемѣну въ умѣ, какъ способности мышленія, совершенно ошибочны. Умъ продолжаетъ свое дѣло у самыхъ сильныхъ безумныхъ и работаетъ совершенно потому же логическому закону, какъ и у всякаго здороваго человѣка. Не разумокъ и разумъ бывають поражены у больнаго, у него поражено чувство и ощущеніе,—то что обыкновенно называютъ сердцемъ. Человѣкъ помѣшанный есть человѣкъ съ подавленнымъ или разбитымъ сердцемъ, существо, постигнутое великимъ несчастіемъ, котораго организмъ его не могъ перенести безъ расстройства. Счастливы тотъ, у кого нервы довольно крѣпки, а мозгъ не раздраженъ и легко выносить всякія невзгоды и превратности судьбы; но только напрасно многіе люди этого сорта смотрять на сьумасшествіе и душевныя страданія, какъ на нѣчто достойное сожалѣнія и доказывающее слабость ума и воли. Слабость тутъ въ одномъ—въ физическомъ организмѣ. Поэтому нечего ни скорбѣть о душевной слабости людей, постигнутыхъ безуміемъ, ни гордиться своей нравственной силой, потому что она не можетъ быть поставлена въ заслугу человѣку.

Что корень сьумасшествія находится обыкновенно въ душевной подавленности и въ сердечномъ пораженіи, въ этомъ убѣждаютъ и отвѣты самихъ сьумасшедшихъ. Еще Пинель зналъ это очень хорошо, и потому

онъ обращался къ каждому больному съ слѣдующимъ вопросомъ:—«Что вы встрѣтили горе, заботы, превратности судьбы?» и на подобный вопросъ и нынче постоянно получается тотъ же утвердительный отвѣтъ. У съумасшедшихъ причины однѣ и тѣ же.

Ударъ, поразившій больного, дѣйствуетъ особенно сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда надежды и желанія челоуѣка были сосредоточены сильно на одномъ предметѣ, и когда совершенно неожиданное обстоятельство останавливаетъ сразу всѣ его стремленія, убиваетъ всѣ интересы, уничтожаетъ послѣднюю искру надежды. Неизвѣстно, есть-ли люди способные выносить подобное положеніе, предполагая разумѣется, что надежда совершенно уже умерла? Конечно, у людей совершенно разстроенныхъ самое ничтожное обстоятельство производитъ сильное потрясеніе. Одинъ богатый крестьянинъ повѣсился, потому что счетъ, представленный ему докторомъ, показался ему высокъ. Другой господинъ, страдавшій нервами (онанистъ), которому было запрещено курить въ день болѣе одной трубки, умеръ отъ того, что его лакей подалъ ему вторую трубку.

Вообще обстоятельства, обнаруживающія роковое вліяніе на душевное настроеніе, зависятъ совершенно отъ особенностей субъекта, отъ его характера, наклонностей, стремленій, образованія. Крестьянинъ, повѣсившійся, потому что счетъ доктора показался ему дороговать, конечно вынесъ бы спокойно потерю близкихъ ему людей, жены, дѣтей или любовницы. Другіе же опять равнодушно переносятъ потери сотенъ тысячъ, но впадаютъ въ отчаяніе, а въ крайности и въ безуміе отъ обманутой любви, обманутаго честолюбія или оскорбленной чести.

Подобныя потрясенія бывають особенно вредны и дѣйствуютъ съ наибольшей силой на всю нервную систему, если сердечная болѣзнь или страданія остаются сосредоточенными; когда горе маскируется фальшивымъ смѣхомъ, когда пораженный имъ челоуѣкъ хочетъ скрыть его и глотаетъ свои слезы: въ этихъ случаяхъ почти всегда обнаруживается хроническое разстройство, за которымъ слѣдуетъ болѣзнь мозга. Къ подобнымъ страданіямъ принадлежитъ несчастная любовь.

Въ психическихъ болѣзняхъ обманутая любовь играетъ весьма важную роль. Жертвой ея дѣлаются большею частью женщины. Не слабость женскаго организма причиной этого, а то что женщина любитъ сильнѣе и глубже, чѣмъ мужчина. Или, какъ Жанъ Поль говорить:

«если женщина любить, то она любить все дальше и дальше; у мужчины же въ промежуткѣ есть и другія дѣла.»

Обманутая любовь — страшное страданіе, поражающее человѣка какъ ударъ палкою по головѣ; она потрясаетъ весь организмъ и кончается полнѣйшимъ его истощеніемъ и смертью. Поэтому «смерть отъ переломленнаго сердца», какъ говорятъ англичане, не есть вовсе фраза. Психическія страданія: высокая скорбь, тоска, постоянное сердечное щемленіе, убиваетъ сердце въ буквальномъ смыслѣ; его сокращенія становятся менѣе упруги и слабѣе; пульсъ медленнѣе и тише; упругость сосудовъ постепенно уменьшается и наконецъ сердце перестаетъ биться. Постоянное горе обманутой любви убило его.

Въ сумасшествіи отъ любви бывають случаи, когда чувство подавленности такъ сильно, что больной теряетъ совершенно сознаніе своего я и воображаетъ себя другимъ. Такъ одна обманутая дѣвушка принимала себя за своего вѣроломнаго возлюбленнаго и припяла даже его имя. Она звала себя Генрихомъ и любила, чтобы ее звали такъ и другіе; она была спокойна и весела, смотрѣла на все добродушно и совершенно не чувствовала своихъ нравственныхъ страданій, потому что пережила первый періодъ болѣзни и вступила въ тотъ, изъ котораго уже нѣтъ возврата къ выздоровленію. Но этотъ переходъ совершился не скоро. Сначала она въ каждомъ мужчинѣ видѣла своего Генриха и только съ большимъ усиленіемъ безумія пришла къ этой новой формѣ помѣшательства.

Гдѣ сердечное положеніе не на столько сильно, чтобы заслонить рассудокъ и потрясенное чувство не перешло изъ симпатіи въ антипатію и наконецъ въ апатію, тамъ замѣтна еще борьба человѣка съ міромъ, тамъ является иногда отчаяніе, порождающее ненависть къ жизни и желаніе смерти.

Сумасшествіе отъ любви нерѣдко бываетъ и у мужчинъ и въ той же сильной степени. Такъ одинъ молодой купецъ, при вербованіи въ солдаты, получилъ отъ родителей предмета своей страсти отказъ. Смущенный, пришелъ онъ домой, впалъ въ задумчивость и помѣшался. Полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ составляло особенность его безумія. Бѣда, питье и нюхательный табакъ были для него всемъ; только въ нихъ сосредоточились все его желанія, только ихъ онъ и любилъ въ теченіе своего 30-лѣтняго сумасшествія. Были впрочемъ у него и другія склонности: онъ одѣвался и переодѣвался, онъ собиралъ разныя

лоскутки, бушажки, щепочки и т. п.; онъ наматывалъ тесемку или нитку на палецъ, и потомъ разматывалъ ее, или завязывалъ и развязывалъ узелки и этимъ, стоя гдѣ нибудь особнякомъ, занимался онъ цѣлые дни.

Конечно съумасшествіе отъ любви не принимаетъ всегда подобный печальный характеръ;—человѣкъ не всегда бываетъ подавленъ окончательно; въ нѣкоторыхъ случаяхъ разумокъ беретъ еще перевѣсъ надъ чувствомъ, такъ что только одна сторона сердечная находится въ страдательномъ положеніи.

Но чаще обманутой любви ведетъ къ съумасшествію страхъ и испугъ. Они дѣйствуютъ именно какъ ударъ молніи, съ той же быстротой и безпощадностью. За неожиданностью слѣдуетъ въ чувствахъ и въ мысляхъ какъ бы мипутная пустота, а за тѣмъ или временное ослабленіе умственной дѣятельности, или же постепенная, полная потеря сознанія. Впрочемъ бывали случаи и мгновеннаго помѣшательства отъ испуга. Такъ, одна мплодая замужняя женщина, видя какъ черезъ ея дѣтей, игравшихъ на улицѣ, прошла лошадь, тутъ же упала безъ чувствъ, и когда пришла въ себя—была совершенно помѣшана. Всѣ способности ума и чувства оставили ее вполнѣ;—она только пила и ѣла, сидѣла смирно на одномъ мѣстѣ, въ собственной нечистотѣ, и такой развальной прожила много лѣтъ. Одинъ молодой человѣкъ сдѣлался внезапно неизлечимымъ дуракомъ, когда возвращаясь на родину, послѣ долгаго отсутствія, и не ожидая ничего дурнаго, встрѣтилъ не далеко отъ своего дома, на анатомической телѣжкѣ, трупъ своего отца, лишившаго себя жизни самоубійствомъ.

Вообще внезапность имѣетъ роковое вліяніе на душевную дѣятельность только въ томъ случаѣ, когда поражаетъ неприятно, т. е. если составляетъ неожиданное несчастіе. Очень часты примѣры того, что люди сходятъ съ ума отъ внезапной потери состоянія или лишившись мѣста, дававшаго средства существованія. Случаи этого рода представляются въ быту чиновничьемъ, гдѣ нерѣдко произволь или капризъ старшаго рѣшаетъ разомъ судьбу человѣка. Отставленный, видя себя выброшеннымъ на улицу съ голодной семьей, сначала «задумывается», а потомъ кончаетъ съумасшествіемъ. Такъ одинъ чиновникъ способный, смирный и трудолюбивый лишился своего мѣста по интригамъ. Это «несчастіе» сдѣлало его въ одинъ день съумасшедшимъ. Два года былъ онъ боленъ и хотя безуміе его произошло

именно отъ того, что онъ сталъ нищимъ, но онъ воображалъ себя Кре-
зомъ и раздаривалъ все.

VII.

Всякое психическое страданіе обнаруживается вначалѣ задумчивостью, уныніемъ, меланхоліей.

Въ чувствѣ, въ томъ, что на обыкновенномъ языкѣ называется сердечными ощущеніями, кроется, какъ было уже сказано, корень всѣхъ душевныхъ болѣзней, поэтому всѣ виды помѣшательства, — отъ самой слабой его степени, когда человѣкъ начинаетъ останавливаться долѣе обыкновеннаго на одной и той же мысли, и до полного безумія, до совершеннаго упадка всѣхъ силъ—совершенно правильно назвать болѣзнями чувствующаго организма. Разсудокъ въ началѣ бываетъ совершенно здоровъ, и только, потомъ уже, при сильномъ разстройствѣ всей центральной нервной системы нарушается и его дѣятельность.

Общій характеръ меланхоліи заключается въ постоянствѣ и безпричинности непріятнаго душевнаго состоянія. Это есть непрерывная, внутренняя, сердечная боль, исключающая всякое радостное, пріятное чувство;—постоянное болѣзненное уныніе, вѣчная тоска. Сердце знаетъ только страхъ, ему не достаетъ способности противоположнаго чувствованія; всякую радость оно превращаетъ въ горе, и во всемъ вѣдѣнномъ находитъ новую пищу для своихъ страданій.

Меланхолику все противно; онъ сердится и раздражается, разстроивается каждой мелочью и выражаетъ во всемъ и противъ всего глубокое недовольство. Или же онъ старается защитить себя отъ всякаго вѣдѣннаго впечатлѣнія, бѣжитъ съ ужасомъ людей и общества и остается одинъ въ своемъ мрачномъ мірѣ.

Очень часто вѣдѣнные предметы, поняты совершенно правильно, производятъ на меланхолика какое-то особенное впечатлѣніе, такъ что нѣкоторые, образованные больные говорятъ: «разумѣется, повидимому, все вокругъ меня происходитъ также, какъ прежде, а между тѣмъ должно быть произошло что-то другое; все имѣетъ прежнюю форму, все смотритъ по старому, а между тѣмъ все-таки случились во всемъ большія перемѣны.» Въ этомъ измѣненномъ отношеніи больного къ вѣдѣнному міру заключается начало ошибочныхъ представленій; дѣйстви-

тельное для него исчезло и осталось только кажущееся, дѣлающееся для него источникомъ постоянныхъ мученій.

Перемены въ чувствахъ не имѣютъ въ началѣ ничего объективнаго, никакой постоянной точки или извѣстнаго, опредѣленнаго представленія. Поэтому-то больной не можетъ дать въ началѣ отчета въ причинахъ своихъ страданій. Онъ говоритъ: «я боюсь»; и на вопросъ—«чего?» отвѣчаетъ:—«я и самъ не знаю; но боюсь.»

Такъ какъ болѣзненные, печальныя душевныя движенія составляютъ основу всѣхъ ощущеній чувствующаго организма, то, разумѣется, они должны отразиться наконецъ и на дѣятельности разсудка и воли, которые постепенно болѣе и болѣе ослабѣваютъ, потому что меланхоликъ отдается весь своимъ страданіямъ:—онъ думаетъ, знаетъ, чувствуетъ только боль и ничто другое.

Если меланхолией страдаютъ живописецъ, музыкантъ, поэтъ, то всѣ ихъ произведенія носятъ на себѣ черты ихъ душевнаго страданія. Живописецъ избираетъ сюжеты болѣе или менѣе мрачнаго характера, музыкантъ пишетъ въ минорномъ топѣ грустную мелодію или какой нибудь похоронный маршъ, поэтъ сочиняетъ элегію или описываетъ страданія своей пораженной, больной души.

Такое настроеніе, гдѣ человѣкъ погруженъ весь въ сердечную боль и всѣ его мысли вращаются въ очень тѣсномъ кругу, принимаетъ и во всѣхъ произведеніяхъ человѣка, во всемъ, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, характеръ однообразія и монотонности. Большой сосредоточивается на не многихъ представленіяхъ, онъ уходитъ въ міръ своихъ страданій и вѣчныхъ жалобъ, его общительность ослабѣваетъ и многіе меланхолики проводятъ нерѣдко цѣлыя годы въ молчаніи. Но бываетъ, что больные отличаются большею живостью; но и эта живость имѣетъ тотъ же вѣчно монотонный, однообразный характеръ; безконечныя жалобы, стenanія, вздохи, просьбы, мольбы. И не смотря на эту, вѣчно одну и ту же музыку, больной никогда не скучаетъ, потому что ему слишкомъ много дѣла съ самимъ собой.

Образчикомъ чистой меланхоліи можетъ служить слѣдующій примѣръ:

Восьмнадцатилѣтній венгерецъ сильнаго здороваго сложенія, любимый всѣми за кротость, честность и веселый нравъ, обходя дозоромъ лѣсъ, въ которомъ онъ былъ сторожемъ, встрѣтилъ вора дичи. Спасая свою жизнь, онъ застрѣлялъ вора, и былъ потребованъ къ суду. Убѣжденный вполне, что поступилъ правильно, юноша откровенно, съ пол-

нынѣ чистосердечіемъ разсказаль случай и наставляль на томъ, что застрѣлиль вора по праву. Во время слѣдствія онъ велъ себя тихо и былъ спокоенъ; но когда ему, убѣжденному въ своей правотѣ, объявили приговоръ суда, обрекавшій его пятилѣтнему тюремному заключенію, то неожиданность этой несправедливости такъ поразила бѣднаго, что уже въ первые дни заключенія обнаружилась въ немъ ясныя признаки меланхоліи, съ отсутствіемъ воли. Несчастнаго отравили въ сумасшедшій домъ.

Разсудокъ, чувство, воля оставили, повидимому, больнаго вполнѣ. Убитый, съ неподвижными чертами, съ глазами безъ всякаго выраженія, уставленными внизъ, стояль онъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ его оставять, какъ статуя. Скоро больной пересталь самъ одѣваться и раздѣваться; силѣй нужно было стаскивать его съ кровати, мыть, одѣвать, кормить, водить для удовлетворенія натуральныхъ потребностей и не оставлять безъ надзора, потому что иначе онъ проводиль цѣлые дни въ одномъ положеніи—сидя, стоя или лежа. На прогулкахъ въ саду его волочили съ мѣста на мѣсто, подъ руки, два сумасшедшихъ, которымъ онъ поручался на это время.

Ничто не могло вывести этого несчастнаго изъ его глубокой, душевной подавленности; никакой шумъ, никакое тѣлесное страданіе, ни голодь, ни жажда, ни ласка. Въ началѣ онъ еще говорилъ одно слово: «прошу», но потомъ замолчалъ совершенно, лишился, повидимому, всѣхъ душевныхъ силъ и впалъ въ полное, глубокое тупоуміе.

Но и въ этомъ крайнемъ разстройствѣ чувствующаго организма нашлись еще силы для реакціи. Внезапно стали проявляться въ больномъ проблески воли: онъ началъ одѣваться, мыться, спрашивалъ пить и ѣсть и сталъ скоро ходить самъ къ столу. Съ каждымъ днемъ положеніе больнаго улучшалось, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ исчезль, наконецъ, постепенно всѣ слѣды душевныхъ страданій отъ поразившаго его несправедливаго приговора. Больной выздоровѣль.

Случаи подобныхъ внезапныхъ, неприятныхъ поражений очеь обыкновенцы въ повседневной жизни. Человѣкъ, ошеломленный неожиданностью, какъ обухомъ топора, впадаетъ въ столбнякъ и ходить какъ въ туманѣ. Конечно сила потрясеній бываетъ не всегда одинакова, и не всѣ пораженные неожиданнымъ несчастіемъ дѣлаются глубокими или неизлечимыми меланхоликами. Тѣмъ не менѣе фактъ дѣйствительной жизни въ томъ, что почти каждому приходится испытывать тѣ трудныя

минуты, когда глубокое сердечное потрясеніе поражаетъ всѣ чувства и мысли, и дѣлаетъ человѣка похожимъ на сѣмсаздешаго. Есть правда исключенія, между тѣми, кто родился въ хлопчатой бумагѣ, или кто отличается чувствительностью желѣзной печки; но такихъ счастливцевъ не много. Одинъ изъ нерѣдкихъ фактовъ внезапныхъ неприятныхъ поражений представляетъ любовь. Такъ одинъ молодой женихъ, получивъ извѣстіе, что его невѣста выходитъ за другаго, впалъ въ есвершенный столбнякъ; только когда пришла другая, болѣе радостная, вѣсть, — что возлюбленная осталась ему вѣрна, — больной сталъ выздоравливать. Подобныхъ фактовъ, гдѣ любовь играетъ главную роль, очень много; чувства этого, его радостей и страданій, избѣгнуть никто не можетъ,

Es ist' ne alte Geschichte, — doch bleibt sie ewig neu, —
 Und wem sie just passiret, — dem bricht sie's Herz entzwei!
 Какъ сказалъ Гейне.

Очень часто сердечныя потрясенія кончаются совсѣмъ не такъ печально, какъ въ приведенныхъ выше двухъ случаяхъ; вообще меланхолія представляетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ, гдѣ отъ легкой сердечной или душевной царапины дѣло можетъ доходить до глубокихъ, кровавыхъ, неизлечимыхъ ранъ, кончающихся безвыходнымъ разстройствомъ чувствующаго организма. Меланхолія, какъ болѣзнь, заключаетъ въ себѣ понятіе о цѣлой массѣ подавляющихъ впечатлѣній, внѣшнимъ образомъ выражающихся въ грусти, сумрачности, недовольствѣ, раздражительности, досадѣ, въ чувствѣ постоянного страха безъ понятной, для больного, причины. Изъ недовѣрія ко всему окружающему, меланхоликъ стѣмится къ уединенію, онъ бѣгаетъ людей, — даже своихъ друзей и домашнихъ, — потому что недоволенъ всѣмъ и всѣми. Этотъ мрачный взглядъ на все развивается вслѣдствіе болѣзненного ошущенія въ груди и въ сердцѣ. Больному кажется, что грудь его какъ будто перетянута и сердце сжато. «Здѣсь, — говоритъ меланхоликъ, указывая на грудь или на животъ, — здѣсь лежитъ точно камень; если бы его спихнуть.» И это ошущеніе сердечной боли бываетъ иногда такъ сильно, такъ невыносимо, что доводитъ больного до отчаянія и бѣшенства.

Въ меланхолія страдаетъ сильнѣе всего воля т. е. энергія дѣйствій. Тупо смотритъ больной цѣлые дни на какое нибудь пятно; стоитъ или лежитъ неподвижно какъ статуя, и только недовѣріе, страхъ или болѣзнь заставляютъ его иногда двигаться, чтобы скрыться отъ вообра-

жаемых враговъ. Въ одномъ видѣ меланхоліи, больные рѣшительно не хотятъ двигаться, оставаясь въ одномъ какомъ нибудь положеніи;— такъ нѣкоторые не хотятъ ни за что сѣсть, другіе стоятъ постоянно на колѣняхъ. Одинъ ирландскій священникъ, страдавшій меланхоліей, отъ постоянного стоянья на колѣняхъ, получилъ сростаніе въ суставахъ, такъ что колѣни не могли уже болѣе никогда разгибаться. Въ другомъ видѣ меланхоліи больные отличаются, напротивъ, большой подвижностью.

Въ сзрѣемъ постоянномъ сердечномъ страданіи больной ищетъ однако связи съ внѣшнимъ міромъ, ищетъ причинъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній. Если ему удастся найти объясненіе, которое его удовлетворитъ, его страданія кажутся ему уже легче, и болѣзнь получаетъ опредѣленный характеръ. Но объясненія эти не бываютъ никогда правильны, потому что больной не удовлетворяется ближайшей, истинной причиной, а останавливается именно на томъ, что менѣе всего правдоподобно и что по этому-то именно и получаетъ для него всю силу убѣдительности.

Придумавъ какія нибудь небывалыя причины, онъ сообразно имъ сочинитъ цѣлое міровоззрѣніе и даже цѣлую связь несуществовавшихъ происшествій. Такъ, напр. находясь въ положеніи душевнаго страха, въ какомъ бы находился человекъ, совершившій преступленіе, больной впадаетъ въ расположеніе духа, какъ будто бы онъ самъ сдѣлалъ преступленіе и не можетъ отдѣлаться отъ этой мысли, потому что она вполне гармонируетъ съ его чувствами. Но какъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ не находитъ никакого преступленія, то онъ ухватывается за какое нибудь незначительное обстоятельство, ошибку, неосмотрительность, которую онъ сдѣлалъ когда нибудь, или только могъ сдѣлать, и это обстоятельство служитъ уже для него исходной точкой всѣхъ его ложныхъ представленій и страховъ.

При этихъ попыткахъ объясненія играютъ главную роль: степень образованія больного, его характеръ, приключенія и обстоятельства прежней его жизни и иногда случайныя впечатлѣнія. Всѣмъ этимъ опредѣляется содержаніе и цвѣтъ представленій больного.

Человекъ благочестивый или религіозный воображаетъ въ своемъ чувствѣ страха, что онъ оставленный и наказанный богомъ грѣшникъ, что онъ обреченъ дьяволу и аду; въ своемъ отчаяніи, онъ сомнѣвается въ милосердіи Божиемъ, вѣра его уже не утѣшаетъ, и онъ смотритъ на себя, какъ на осужденнаго. Нѣкоторые изъ религіозныхъ меланхоли-

ковъ объясняли свое безвыходное положеніе тѣмъ, что Богъ умеръ, и что, слѣдовательно, для нихъ исчезла всякая помощь, на которую они прежде надѣялись.

Человѣкъ ученый приписываетъ свои страданія вліянію электричества, животнаго или земнаго магнетизма, химіи или интригамъ. Полуобразованный ищетъ объясненія въ какихъ-то постороннихъ, таинственныхъ силахъ. Суевѣрный поступаетъ еще проще: у него виноватыми являются вѣдьмы, колдуны, привидѣнія и черти.

Вообще въ объясненіяхъ меланхоликовъ играетъ важную роль, такъ называемый, духъ вѣка. Въ средніе вѣка всѣ злыя вліянія приписывались большими вѣдьмамъ и оборотнямъ; а въ наше время ужасомъ многихъ меланхоликовъ служатъ полицейскія постановленія и служители порядка.

Когда болѣзнь уже устоялась, то и наружныя чувства больного приходятъ въ гармонію съ его внутреннимъ міромъ. Съ этихъ поръ для него начинается пора галлюцинацій и иллюзій.—«Я слышу, что я думаю», говорятъ многіе больные. Одинъ утверждалъ, что всѣ люди знаютъ, что онъ думаетъ, что его мысли слышны за 35 верстъ, потому что подъ нимъ лежатъ въ землѣ трубы, которыя проводятъ его мысли; другіе чувствуютъ пламя и жаръ адскаго огня и слышатъ его трескъ; третьи обоняютъ сѣрную адскую вонь; четвертые слышатъ свой судебный приговоръ и т. д.

Аномалии чувствительности очень не рѣдки между меланхоликами. Иногда кажется больнымъ, что у нихъ нѣтъ головы, или какихъ нибудь членовъ, даже всего тѣла; то вообразятъ, что нѣкоторые органы наполнены водою или отвратительными животными—лягушками, змѣями, пауками. Фантазія больныхъ въ изобрѣтеніи разныхъ чудовищностей достигаетъ вообще такой удивительной силы, что вонечно весь сонмъ современныхъ русскихъ поэтовъ, воспѣвавшихъ равныя несообразности, не придумаетъ вкупъ такой невозможной вещи, какую легко сочинить всякій меланхоликъ въ припадкѣ галлюцинаціи.

Въ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ меланхолика отражается всегда его душевное настроеніе. Онъ видитъ приготовленіе къ казни, или слышитъ, какъ за нимъ идутъ полицейскіе, если вообразаетъ себя преступникомъ; грѣшникъ видитъ преисподнюю, разверзшуюся подъ его ногами и привидѣній, зовущихъ его на послѣдній судъ. Рядомъ съ галлюцинаціями идутъ иллюзіи. Въ своемъ докторѣ, сторожѣ, въ постороннихъ, больной видитъ убійцъ, чертей, палачей, сгражу, полицейскихъ

и т. д. -въ шумѣ топящейся печки онъ слышитъ, убивающій его, громъ. И всѣ эти несообразности кажутся больному такими непогрѣшимыми истинами только потому, что онъ самъ ихъ выдумалъ. Совершенно также дѣйствуютъ и люди здоровые. Они подобнымъ же образомъ сочиняютъ себѣ разныя убѣжденія и представленія, и вѣрятъ также въ ихъ истинность, какъ меланхоликъ въ свои галлюцинаціи.

Ощущенія боязни, страха и тоски проявляются у меланхоликовъ нерѣдко въ стремленіи выразить ихъ внѣшними дѣйствіями; въ подобныхъ случаяхъ безумные порывы меланхолика принимаютъ всегда мрачный, отрицательный, враждебный, разрушительный характеръ. Дѣйствія его направляются или противъ самаго себя, или противъ другихъ людей, или противъ неодушевленныхъ предметовъ. Эти, такъ называемыя, монomanіи выражаются иногда въ опредѣленныхъ извѣстныхъ стремленіяхъ къ убійству, самоубійству, къ зажигательству.

Подробнѣе объ этомъ я скажу въ концѣ статьи, а теперь перейду къ нѣкоторымъ частнымъ формамъ меланхоліи.

VIII.

Въ обыкновенной меланхоліи человекъ впадаетъ въ малодушное отчаяніе, дрожитъ и боится, самъ не зная чего, и, только когда болѣзнь его установится, онъ создаетъ въ своемъ воображеніи небывалыя причины, которыми и объясняетъ свои страданія. У ипохондрика другое. Онъ дѣйствительно чувствуетъ физическую боль, и чувствуетъ ее такъ сильно, что все его вниманіе устремлено на болѣзнь. Поэтому-то ипохондрическая форма меланхоліи заключается почти исключительно въ ошибочномъ представленіи больнымъ своей болѣзни, и въ постоянной боязни тяжкѣхъ страданій.

Ипохондрики, не смотря на ошибочное пониманіе своей болѣзни и упадокъ духа, сохраняютъ долго внѣшнюю разсудительность. Даже свои ошибочныя ощущенія и представленія они связываютъ и перерабатываютъ логически и послѣдовательно, и выводятъ заключенія, непереходящія за предѣлы возможнаго.

Постоянная дума о своей болѣзни проявляется у ипохондриковъ въ грусти, упадкѣ духа, утомленіи, досадѣ, недовѣрчивости, въ охлажденіи ко всему, или даже въ отвращеніи отъ жизни, а иногда даже и въ

боязни, доходящей нерѣдко до отчаянія. Болѣзнь ипохондрика заключается въ разстройствѣ нервовъ, и потому его болѣзненные ощущенія, иногда чрезвычайно сильныя, принимаютъ весьма разнообразную форму и кончаются галлюцинаціями. Особенная чувствительность нервовъ представляетъ больному самое пустое болѣзненное явленіе въ крайне преувеличенномъ видѣ. Больной весь погруженъ въ себя. Нѣтъ на свѣтѣ такой болѣзни, которой бы онъ не былъ боленъ, разумѣется изъ тѣхъ, о которыхъ онъ читалъ или слышалъ. Одинъ смотритъ каждую минуту на свои руки и ему кажется, что онѣ сохнутъ; другой, съ руками полными, воображаетъ, что у него водяная, и что онъ долженъ умереть. Сегодня ипохондрикъ ѣлъ съ аппетитомъ,— это кажется ему признакомъ сухотки, завтра онъ ѣлъ мало,—и онъ объясняетъ это ослабленіемъ пищеваренія. Спять-ли онъ хорошо,—то признакъ приближающагося паралича; спать худо,—значить у него неизлечимая головная боль. Однимъ словомъ, нѣтъ такого незначительнаго и повседневнаго обстоятельства, которое бы ипохондрикъ не ухватился объяснить въ дурную для себя сторону. Обыкновенный кашель кажется ему чихоткой, пустой прыщикъ—опасной заразой. Разсудительный во всемъ, что не касается его болѣзни, ипохондрикъ безъ смущенія переходитъ границы чудовищности въ изобрѣтенія, если обстоятельство можетъ имѣть какую-нибудь связь съ его помѣшательствомъ. Одинъ ипохондрикъ находясь въ обществѣ, на гуляньи, внезапно, въ смущеніи бѣжитъ домой и посылаетъ за докторомъ. Докторъ застаётъ его блѣднымъ, взволнованнымъ. — «Что съ вами? — Ахъ, представьте докторъ! — Что же? — Одна дама... Ну! — Одна дама прошла мимо меня и задѣла меня кринолиномъ.» — Подобнаго обстоятельства совершенно достаточно, чтобы заставить больного совсѣмъ упасть духомъ, и даже придумать какую-нибудь новую болѣзнь. Грамотность приноситъ ипохондрикамъ особенный вредъ. Они любятъ читать медицинскія сочиненія и, разумѣется, нѣтъ такой вычитанной ими болѣзни, которой бы не было у нихъ, или которая, по меньшей мѣрѣ, не могла бы сдѣлаться. Эта любовь къ медицинскимъ книгамъ является у ипохондрика вслѣдствіе той страстности, съ какой онъ желаетъ быть здоровымъ. Вездѣ и во всемъ онъ ищетъ средствъ противъ своей болѣзни; онъ перечитываетъ всевозможные лечебники, патологіи, физиологіи; онъ мѣняетъ докторовъ, мѣняетъ методы леченія, наконецъ мѣняетъ безпрестанно свои собственные взгляды на свою болѣзнь.

Эти постоянныя думы о своемъ здоровьи разстраиваютъ наконецъ

совершенно чувства, волю и разумь больного. Сосредоточиваясь исключительно на одной мысли, больной становится не только равнодушенъ ко всему остальному, но въ немъ исчезаетъ способность постороннихъ представлений, неотносящихся до его болѣзни и память его совсѣмъ ослабѣваетъ. Отъ этого ипохондрики въ высшей степени разсѣяны и забывчивы.

Ипохондрія, какъ и обыкновенная меланхолия, начинается съ слабыхъ, незначительныхъ признаковъ. Человѣкъ, который безпрестанно смотритъ на свой языкъ, шупаетъ пульсъ, опредѣляетъ биепіе сердца или другимъ образомъ изслѣдуетъ самъ себя, есть несомнѣнный ипохондрикъ или, по крайней мѣрѣ, находится на пути къ этой болѣзни. Въ этомъ положеніи больной можетъ быть еще способенъ и для другихъ дѣлъ, кромѣ размышлений о своей болѣзни; онъ не покидаетъ общества, не оставляетъ своихъ занятій и вообще не обнаруживаетъ никакихъ рѣзкихъ признаковъ душевнаго расстройства. Но вотъ больной становится все мрачнѣе и мрачнѣе, душевныя страданія его усиливаются, вмѣстѣ съ усиленіемъ физическихъ болей; способности души ослабѣваютъ, въ припадкахъ галлюцинацій онъ считаетъ себя на половину мертвымъ или окаменѣлымъ, нервы его—раскаленное желѣзо, его кровь — кипящее масло, сердце его разорвано и т. п. и больной впадаетъ наконецъ въ полное, глубокое безуміе, сопровождаемое верѣдко совершеннымъ расстройствомъ душевной дѣятельности.

Ипохондрія является или отъ болѣзни кишекъ, печени, половыхъ частей, а въ особенности сильныхъ задержанныхъ вѣтровъ и общей слабости вслѣдствіе распутства и т. п. при чемъ раздраженіе головного и спиннаго мозга постепенно создаетъ общее чувство болѣзненности, вызывающее ипохондрію. Или болѣзнь эта является преимущественно психическимъ путемъ изъ боязни или страха сдѣлаться дѣйствительно больнымъ. Конечно для этого нужно имѣть уже довольно раздраженный головной и спинной мозгъ. Ипохондрики послѣдняго сорта бываютъ преимущественно между людьми, читающими много медицинскихъ книгъ, или водящими знакомство съ ипохондриками. Излишнія умственные занятія, при обстоятельствахъ, дѣйствующихъ подавляющимъ образомъ на душу, ведутъ верѣдко къ ослабленію пищеваренія, циркуляціи и образованія крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ ипохондріи.

Въ дѣтскомъ возрастѣ ипохондрія встрѣчается рѣдко, въ періодѣ зрѣлости чаще и особенно часто между молодыми людьми. Въ старости болѣзнь эта опять гораздо рѣже. Мужчины хвораютъ ипохондріей

много чаще женщинъ. Болѣзнь эта принадлежитъ къ числу упорныхъ и продолжительныхъ. Замѣчательно, что бывають отдѣльные случаи, когда больной выздоравливаетъ, повидимому, чисто психическимъ путемъ. Такъ одна дѣвушка 21 года, весьма крѣпкаго сложенія, вдругъ стала печальной и искала уединенія. Цѣлый годъ напрасно добивались отъ нея причины ея меланхоліи. Наконецъ, краснѣя отъ стыда, она объявила доктору, что чувствуетъ сильную боль въ правомъ бѣдрѣ, и увѣряла со слезами на глазахъ, что она должна умереть, потому что ея внутренности выходятъ изъ полуоткрытыхъ брюшныхъ покрововъ. Докторъ осмотрѣлъ больную, сказалъ ей, что мускулы въ больномъ мѣстѣ дѣйствительно ослабли и что все кончится хорошо, если это слабое мѣсто поддержать поясомъ. Какъ только дѣвушка начала носить бандажъ исчезла и ея ипохондрія. — Другая дѣвушка въ припадкахъ ипохондріи увѣряла, что въ ней сидятъ пауки. Постоянно раздраженная, она приходила въ отчаяніе отъ мысли, что болѣзнь ея неизлечима. Разъ въ ея судно подлѣжили тихонько трехъ пауковъ и сдѣлали такъ, чтобы дѣвушка сама ихъ увидѣла, и хоть она и была убѣждена, что пауки эти вышли изъ нея, но въ тоже время увѣряла, что молодые пауки остались въ ней и что она чувствуетъ ихъ въ животѣ. Еще два раза повторили съ ней подобный же опытъ; но она оставалась постоянно въ той мысли, что молодые пауки ее не оставляютъ. Тогда ей предложили операцію. Дѣвушка очень обрадовалась предложенію, въ полной увѣренности въ совершенное выздоровленіе. Операцію дѣлали нарочно съ особенной торжественностью, чтобы подѣйствовать на воображеніе больной; — приготовили заранѣе пауковъ, сдѣлали у ней въ спинѣ разрѣзъ и выпустили пауковъ на кровать. Больная увѣряла, что она чувствовала, какъ изъ нея вытаскивали пауковъ и была совершенно счастлива такимъ удачнымъ результатомъ операціи. Шумъ въ ушахъ сталъ у нея уменьшаться, головныя боли прошли и больная выздоровѣла. — Въ другихъ случаяхъ ипохондрія проходитъ отъ излеченія тѣхъ болѣзней, которыя ее произвели.

Ипохондріи подвергаются наиболѣе люди богатые, живущіе въ довольствѣ, недѣятельные.

Одна изъ любопытнѣйшихъ формъ меланхоліи есть демоно-меланхолія или одержимость. Въ этой болѣзни больной полагаетъ, что страдаетъ отъ внѣшней враждебной силы — отъ демоновъ или злыхъ духовъ, которые поселились въ немъ и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

онъ чувствуетъ боль. Бѣсы сидятъ, то во всемъ тѣлѣ больного, то въ одной какой нибудь половинѣ его, или въ головѣ, въ желудкѣ, въ груди и т. п.

Такъ какъ въ припадкахъ этой болѣзни являюся нерѣдко судороги въ дыхательномъ горлѣ, въ груди и въ животѣ, то голосъ больного измѣняется иногда совершенно особеннымъ, страннымъ образомъ, такъ что когда больной говоритъ въ пароксизмѣ, то слышится какой-то другой голосъ, выходящій изнутри, какъ и у чревоушателя. Съ этимъ видомъ меланхоліи соединяется большею частью нечувствительность кожи и галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Иногда она является періодически или попеременно, то въ припадкахъ съ судорогами, то безъ нихъ.

Вполнѣ развитая одержимость является почти исключительно у женщинъ и именно у истерическихъ и страдающихъ судорогами, а также у дѣтей.

Большею частью боязнь одержимости бываетъ слѣдствіемъ галлюцинаціи и илюзіи.

Въ припадкахъ вполнѣ развитой одержимости въ мысляхъ больного замѣчается двойной порядокъ, такъ что вслѣдъ за одной мыслью, или представленіемъ, является другое — противоположное. Эта противоположная мысль дѣйствуетъ тоже на органъ рѣчи и, какъ бы независимо отъ больного, приводитъ его въ движеніе. Такимъ образомъ, выражаясь словомъ, она является чѣмъ-то постороннимъ, и какъ бы совсѣмъ чуждымъ больному. Въ какомъ видѣ выразится эта вторая мысль, больной и самъ не знаетъ; она является, какъ вдохновеніе поэта или композитора, которые тоже не могутъ опредѣлить заранѣе, что именно они создадутъ. Поэтому неудивительно, что необразованные или суевѣрные принимаютъ эту вторую собственную рѣчь за слова нечистой силы. Иногда второе я говоритъ въ одержимыхъ совершенныя безумства и неѣпости, но иногда оно ведетъ себя прилично и дѣйствуетъ въ томъ же поэтическомъ родѣ, какъ это бываетъ и съ каждымъ зловрымъ человѣкомъ во время сна.

Благоразумные больные въ припадкѣ одержимости говорятъ, что они не вѣрятъ, что въ нихъ сидитъ посторонняя или нечистая сила; но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряютъ, что второй, злой голосъ принадлежитъ не имъ. Одна больная объясняда, что въ началѣ болѣзни голосъ, выходявшій изъ нея, совершенно независимо отъ ея воли, мало противорѣчила, даже говорилъ вещи вполнѣ сообразныя, напр.—«ступай къ доктору, къ священнику!» Но потомъ онъ сталъ критиковать, оуждать и даже бранить слова и дѣйствія больной. Если напр. одержимая говорила что-

либо совершенно правильное или справедливое, то второй голосъ отвѣчать:—«эй, ты!—это ложь.» Бѣсъ начиналъ говорить обыкновенно басомъ, потомъ переходилъ въ болѣе и болѣе высокій тонъ и кончалъ звѣтельнымъ смѣхомъ или острымъ, прозвѣтельнымъ крикомъ. Если фальшивыя представленія до того усилились въ больномъ, что онъ потерялъ всякую способность правильного сужденія, то онъ принимаетъ свои галлюцинаціи или за вдохновеніе, или за наущенія злаго духа. Такіе больные обыкновенно ведутъ въ слухъ двойной разговоръ съ воображаемымъ духомъ. Напр.—«оставь меня въ покоѣ», говорить больной сводимъ голосомъ и затѣмъ самъ же отвѣчаетъ голосомъ измѣненнымъ:—«что же я тебѣ дѣлаю?»—«Какъ!»—отвѣчаетъ первый голосъ—ты мнѣ ничего не дѣлаешь?! Ты хочешь меня испортить.» Второй голосъ:—«молчи! ты лжешь!» Первый голосъ:—«я лгу?!» и т. д.

Замѣчательно, какъ велика бываетъ сила больныхъ этого рода и, вообще, меланхоликовъ и та безвредность, съ какой они переносятъ иногда сильнѣйшія физическія потрясенія.

Одинъ протестантскій учитель, молодой человѣкъ 22 лѣтъ, задумавъ посвятить себя духовному званію, пришелъ въ сомнѣніе на счетъ спасительности протестантскаго крещенія. Онъ думалъ, что крещеніемъ этимъ невозможно сдѣлаться христіаниномъ и ничѣмъ нельзя было убѣдить его въ противномъ. Наканунѣ своего посвященія онъ слышитъ голосъ, который велитъ ему, для убѣжденія въ томъ, точно-ли онъ пользуется милостью божіею, выскочить изъ окна. Юноша тотчасъ же послѣдовалъ этому приказанію, и выскочилъ на улицу изъ второго этажа. Прыжекъ совершился безъ всякаго вреда. Бѣсъ однако не унимался и приказалъ ему сдѣлать еще одно salto mortale, и на этотъ разъ съ крѣпостнаго вала въ ровъ. Высота эта была вдвое больше первой; къ счастью, дно рва было болотисто и, слѣдовательно, мягко, но, не смотря и на это благопріятное обстоятельство, прыгуна несчастнаго нашли съ окровавленнымъ лицомъ, безъ чувствъ и голоса. Больной вскорѣ однако выздоровѣлъ.

Въ религіозной меланхоліи, составляющей независимую отъ предыдущей болѣзненную форму, содержаніемъ помѣшательства служатъ божественныя или религіозныя предметы. Больной имѣетъ ошибочныя представленія о Богѣ, сильное чувство страха о своей грѣховности и мученій ада и т. п. Постоянное безпокойство, безграничное сомнѣніе, угрызенія совѣсти, потеря энергіи и способностей ума составляютъ главнѣйшіе признаки этого вида болѣзни. Часто простая случай-

ность дает иногда поводъ къ обнаруженію подобнаго помѣшательства. Такъ, — и эти случаи бывали не разъ, — послѣ проповѣди, гдѣ проповѣдникъ говоря о людской грѣховности, указывалъ пальцами на кого нибудь изъ своихъ слушателей, дѣлая это совершенно невинно; тотъ на кого падало такое указаніе, — разумѣется, если онъ уже былъ подготовленъ къ меланхолиі, — принималъ жестъ проповѣдника за личное указаніе, впадалъ въ задумчивость, а съ нею являлись галлюцинаціи, разныя видѣнія нечистой силы и т. п. и болѣзнь развивалась вполне. — Изувѣченіе половыхъ частей перевязываніемъ и даже костраціа, чтобы наказать себя за грѣхи тѣла или сдѣлать ихъ невозможными, являлись очень часто у подобныхъ больныхъ.

Въ *melancholia metamorphosis* больной теряетъ сознаніе своего я и воображаетъ себя превращеннымъ во что нибудь другое. Обманъ чувствъ и ошибочность ощущеній составляютъ основу этой болѣзни. Нѣкоторые меланхолики воображаютъ себя превращенными въ звѣрей, именно въ волка, что называлось прежде оборотнемъ, или въ собаку. Въ средніе вѣка болѣзнь эта дѣйствовала эпидемически. Другіе думаютъ, что они сдѣлались трупами, или что ихъ тѣло превратилось въ масло, дерево, стекло, воскъ, бумагу. Инымъ кажется, что они сдѣлались очень малы, а все остальное несоразмѣрно велико. Такъ, одинъ больной отказывался упорно отъ пищи, потому что онъ считалъ себя слишкомъ малымъ сравнительно съ кушаньями, и увѣрялъ, что совершенно невозможно, чтобы какой нибудь изъ этихъ громадныхъ кусковъ могъ пройти въ его узенькое, крошечное тѣло. Но еще интереснѣе тѣ случаи, когда больные считаютъ измѣненными свой полъ, и мужчины воображаютъ себя женщинами, а женщины мужчинами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти ошибочныя представленія являются вслѣдствіе болѣзни половыхъ частей и половой чувствительности. Одинъ юноша, котораго половые органы были измѣнены болѣзненнымъ образомъ, считалъ себя женщиной и писалъ письма къ воображаемому любовнику.

Ошибочныя представленія въ больныхъ этого рода бываютъ такъ сильны, а ихъ ощущенія такъ измѣнены, что подобный больной представляетъ самыя сильныя логическія доказательства дѣйствительности того положенія, въ которомъ онъ себя воображаетъ. Одинъ больной увѣрялъ, что онъ оборотень, и что онъ рыскаетъ по лѣсу. Когда ему стали доказывать, что онъ ошибается, и что онъ не можетъ быть волкомъ, потому что волкъ покрытъ шерстью, то больной весьма дерзко возразилъ, что онъ нарочно волосаную сторону обращаетъ внутрь.

Ностальгія, или тоска по родинѣ, есть тоже видъ меланхоліи. Главный характеръ ея заключается въ тоскливомъ стремленіи больного домой; мысль о домѣ вытѣсняетъ въ больномъ всё остальные мысли и желанія. Въ припадкахъ этой болѣзни являютя галлюцинаціи родныхъ мѣстностей и любимыхъ, оставленныхъ дома, людей.

Въ ностальгіи больной рѣшается, нерѣдко, на отчаянныя, преступныя средства, лишь бы только достигнуть своей цѣли. Этой болѣзнию страдаютъ въ большей или меньшей степени обыкновенно плѣнные и заключенные, въ особенности если кормить ихъ дурно, держать въ сырыхъ помѣщеніяхъ, и заключенные предаются половымъ порокамъ.

Убіеніе маленькихъ дѣтей и поджогъ, дѣлаемые прислугой, преимущественно дѣвочками или дѣвушками, страдающими ностальгіей, вытекаютъ изъ того-же стремленія, какъ и у заключенныхъ,—освободиться изъ своего неприятнаго положенія во что бы то ни стало и, кромѣ того, изъ весьма обыкновеннаго у меланхоликовъ влеченія, какимъ нибудь страшнымъ поступкомъ облегчать нѣсколько свои страданія.

Самоубійство у больныхъ этого рода вещь тоже нерѣдка.

Въ нѣкоторыхъ видахъ меланхоліи являютя стремленія къ насмѣлять—къ самоубійству, къ убійству и разрушенію, къ поджогамъ.

Эскарроль утверждаетъ, что всё самоубійства совершаются въ припадкахъ душевныхъ болѣзней и что, следовательно, каждый самоубійца есть больной, не отвѣчающій за свои дѣйствія. Къ сожалѣнію юристы разсуждаютъ иначе, и упорно отсылаютъ въ кодексахъ статьи о наказаніи людей за самоубійство т. е. разумѣется, за неудачную попытку, потому что кто не хочешь съ собой, того наказывать нѣсколько странно и нерассудительно, хотя случается и это.

Самоубійство совершается или въ юномъ развитіи меланхоліи, или въ томъ состояніи душевной подавленности и тоски, которая составляетъ границу здоровья и болѣзни. Человекъ стоитъ на распутьѣ:—или самоубійство, или окончательная меланхолія. И тщательныя изслѣдованія всегда подтверждали правильность того заключенія, что прежде, чѣмъ человекъ пришелъ къ мысли о самоубійствѣ, онъ уже былъ тученъ и задумчивъ, страдалъ ипохондріей или меланхоліей. Привожу два факта. За столомъ сидитъ женщина повидимому вполне здоровая; вдругъ она вскакиваетъ, бѣжитъ къ окну, готова уже выброситься; но ее сиватываютъ и радуются, что спасли. Да, спасли,—у женщины вскакивается, внезапно явившееся, бѣшенство.—Человекъ, тоже повидимому еще здоровый, съ состояніемъ въ 10,000 гульденовъ, запраетъ-

ся въ своемъ кабинетѣ, пишетъ своей матери, которую онъ содержалъ, прощальное письмо, составляетъ въ пользу ея завѣщаніе и объясняетъ, что онъ долженъ лишиться себя жизни, потому что его средства недостаточны для нихъ двоихъ, и что онъ, какъ фабрикантъ, остается въ настоящее время безъ хлѣба. За тѣмъ отправляется въ садъ и въ-пашается. Можно-ли утверждать, что этотъ человекъ былъ здоровъ? А юноша, прыгавшій изъ окна и съ крѣпостнаго вала? Если бы убился, — кто бы зналъ, что онъ дурачился по приказанію бѣса? А самоубійства въ востальгіи, въ заключеніяхъ и т. д.? Въ припадкахъ галлюцинаціи больные слышатъ очень часто голосъ:—«убей себя, убей!»

Но не всегда мрачное настроеніе или недовольство бываетъ причиною самоубійствъ. Иногда поводы бываютъ довольно добродушнаго и наивнаго свойства. Вдругъ больной воображаетъ, что его желудокъ и кишки заперты, и что въ нихъ нѣтъ нисколько мѣста ни для пищи, ни для питья; или ему кажется, что онъ не въ состояніи заплатить за обѣдъ, или онъ боится уморить своихъ дѣтей голодной смертью, съѣдая ихъ порцію. Одинъ больной отказывался отъ ѣды, потому что зналъ, что его кормятъ человѣческимъ мясомъ. Есть однако и такіе, которые отказываются отъ ѣды съ прямою мыслью о самоубійствѣ.

Стремленіе къ нанесенію вреда другимъ или къ разрушенію бездушныхъ предметовъ является обыкновенно вслѣдствіе галлюцинацій, иллюзій. Насилія этого рода слѣдуетъ разсматривать какъ месть за обиды, брань, оскорбленія, преслѣдованія и т. п. неприятности, представляющіяся больному въ его галлюцинаціяхъ. Сюда же принадлежатъ и тѣ случаи, когда ипохондрикъ бѣдается на своихъ докторовъ, чтобы ихъ убить.

Въ другихъ случаяхъ стремленіе къ убійству вытекаетъ изъ того основанія, что на свѣтѣ все скверно, порочно и что все должно погибнуть и, чтобы избавить людей отъ житейскихъ напастей, меланхоликъ приходитъ къ благоразумному рѣшенію убивать всякаго. Одна дѣвушка въ припадкѣ меланхоліи пришла къ мысли о дѣтоубійствѣ путемъ слѣдующаго размышленія:— «дѣтя это единственная дочь, и я тоже единственная дочь своей матери;— я всю жизнь свою была несчастна;— подобную же судьбу встрѣтить вѣроятно и это дѣтя, слѣдовательно — будетъ хорошо его убить».

Иногда больной чувствуетъ себя гораздо лучше, если онъ сдѣлаетъ какое нибудь насиліе; а бываютъ случаи, когда меланхоликъ, считая себя великимъ злодѣемъ, ищетъ возможности убить кого нибудь или сдѣлать что нибудь подобное, лишь бы навлечь на себя смертный при-

говоръ, который онъ, какъ ему кажется, заслуживаетъ. Вообще, фантазія больныхъ неистощима и причины ихъ всегда остроумны.

Болѣзненная склонность меланхоликовъ къ разрушенію неодушевленныхъ предметовъ обращается на все, что подлѣ нихъ, или чѣмъ они могутъ располагать. Они кроютъ или щиплютъ платье, постель, или ломаютъ и выбрасываютъ въ окно все, что попадетъ подъ руку. Одна больная ухитрилась разъ достать ножницы, проткнула свой матрацъ и покрывало миллионами дырокъ. Она говорила совершенно добросердечно, безъ всякой тѣни гнѣва, что у ней ужъ такое стремленіе и что противъ него она никакъ не можетъ устоять.

Въ пироманіи, или въ страсти къ поджогамъ, больные чувствуютъ непреодолимое влеченіе раскладывать огонь. Разумѣется, не всякій поджогъ есть пироманія и мошенникъ, зажигающій домъ, чтобы воровать, не можетъ быть принятъ за меланхолика, хотя и очевидно, что и у него голова не совсѣмъ въ порядкѣ. — Есть множество случаевъ, когда пожары дѣлались молоденькими дѣвучками въ припадкахъ дѣйствительной душевной болѣзни, во время усвоенныхъ пароксизмовъ ностальгіи, сопровождаемой серьезными физическими расстройствами въ особенности въ половыхъ органахъ. Душевное страданіе увлекаетъ, въ этихъ случаяхъ, больного на какое нибудь грандіозное вѣтшее дѣло, чтобы успокоиться хотя на время. «Мы не можемъ— говорить часто такіе больные— помочь себѣ иначе; мы должны предпринять что нибудь, чтобы отвлечь свое вниманіе отъ этой вѣчной душевной муки».

Многими, несомнѣнно вѣрными наблюденіями, доказано, что поджоги дѣлались чрезвычайно часто мальчиками и дѣвочками, изнѣженными домашнимъ воспитаніемъ, попавшими отъ своихъ родителей въ ученіе или въ услуженіе и очутившимися въ трудныхъ, непривычныхъ для нихъ, обстоятельствахъ. Въ своей неволѣ и тоскѣ по дому, такіе дѣти приходятъ къ мысли, что поджогъ есть вѣрнѣйшее средство улучшить свое положеніе, и добиться свободы и очутиться наконецъ дома. Разсужденіе конечно ошибочное; но здѣсь дѣло не въ правильности дѣтскаго разсужденія, а въ тѣхъ, общихъ всемъ больнымъ этого рода, мотивахъ, которые приводятъ ихъ къ такимъ дикимъ умозаключеніямъ. Дѣти разсуждаютъ такъ: «если сгоритъ ненавистный для меня домъ, то мнѣ разумѣется жить болѣе будетъ негдѣ, какъ у милого папеньки и маменьки, въ кругу братьевъ, сестрицъ и товарищей, и опять пойдетъ наша прежняя веселая жизнь, игры и шалости». Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы сочинить непременно пожаръ, а чтобы

избавиться от тоски; если бы стаканъ воды могъ устранить все горе, больной не сталъ бы поджигать, а напился бы воды. Избранное средство есть только результатъ вызвавшихъ его причинъ и, если оно не хорошо,—виновата большая логика и неумѣнье придумать что нибудь болѣе дѣйствительное. Изъ этого понятно, что о злодѣяніи тутъ не можетъ быть и рѣчи и что такихъ больныхъ слѣдуетъ лечить, а не называть.

Иногда пожары дѣлаются меланхоликами, или безумными вслѣдствіе галлюцинацій. Известный Ионатанъ Мартинъ поджогъ Юрскій соборъ потому, что слышалъ голосъ, который ему велѣлъ: «очистить домъ божій отъ недостойныхъ святителей, уклонившихся отъ евангельской правды». Подобныя же галлюцинаціи побуждаютъ больныхъ къ насиліямъ и другаго рода. Одинъ меланхоликъ, мельничный работникъ, убилъ хозяйскаго осла, потому что тотъ кричалъ ему безпрестанно. «воръ, воръ». Какъ только оселъ былъ убитъ явился его «духъ» и началъ кричать тоже самое. Рабочій съ отчаянія утопился.

И. Исагушевъ.

(Окончаніе будетъ въ слѣд. книжкѣ).

СВИДѢТЕЛИ.

(Изъ Лонфелло.)

Въ широкихъ степяхъ океана,
Зарыты въ зыбучихъ пескахъ
Скелеты людскіе; оковы
У нихъ на ногахъ и рукахъ.

Невольничье черное судно
Надъ темной водою плыветь,
И члены людскіе въ оковахъ,
Безъ мяса и крови, везеть.

То кости невольниковъ бѣдныхъ;
Изъ душной, подводной тюрьмы
Сверкаютъ онѣ и зываютъ:
«Свидѣтели грозные мы!»

Въ широкихъ владѣніяхъ суши,
На рынкахъ вывозятъ людей;
Ихъ шея, и руки, и ноги,
Избиты желѣзомъ цѣней.

Убіиства, страданія, пытки,
Позоръ, и гоненье, и гнѣтъ,
И все, что на душу и тѣло
Печать отверженья владеть, —

То доля невольниковъ бѣдныхъ;
Подъ сводами мрачной тюрьмы,
Въ могилахъ они восклицаютъ:
«Свидѣтели грозные мы!»

II.

РАБОВЛАДѢЛЬЦУ.

О, берегись! Когда силачь — Самсонъ
 Рукой враговъ былъ зрѣнїя лишень
 И, слѣпъ и слабъ, приставленъ къ жерновамъ
 И, наконецъ, къ язычникамъ во храмъ
 Былъ приведенъ на муку и позоръ, —
 Тогда возвелъ онъ свой потухшїй взоръ
 На небеса, — и полный свѣжихъ силъ,
 Дрожа, столбы руками обхвативъ,
 И самъ погибъ, и уничтожилъ тѣхъ,
 Въ комъ вызывалъ онъ беспощадный смѣхъ...
 Такъ бѣдный рабъ, безпомощный, слѣпой,
 Гонимый злой, бездушною толпой,
 Возсталъ, погибъ — и въ гибели своей
 Увлекъ толпы несмѣтныя людей...

У насъ въ странѣ есть тоже свой Самсонъ:
 Онъ также слѣпъ и также скованъ онъ.
 Но мщенья часъ и для него пробьетъ,
 И мощными руками потрясетъ
 Онъ всѣ столбы Америки своей,
 Раздавить въ прахъ онъ тысячи людей,
 И этотъ храмъ, что гордо такъ стоитъ,
 Въ развалину на вѣки превратить!

III. Вейсбергъ.

БЕЗПРІЮТВІЕ.

I.

ПТИЧКА.

Ходить птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Никакихъ послѣдствій
и проч.

На Вагулинской станціи, одиноко торчавшей среди большой дороги, поворачивающей съ Кромъ на Кіевъ, въ пустынной и сырой комнатѣ для *пропѣвающихъ*, сидѣла на диванѣ какая-то солидная особа мужескаго пола, лѣтъ 45—6-ти. У' притолки липнулъ козачекъ, крѣпостной человекъ особы, съ красными нашивками на груди и разорванными сапогами, изъ которыхъ глядѣли синіе отъ холоду и мокроты пальцы. Особа была одѣта въ шинель толстѣйшаго сянга сукна, застегнутую у шеи массивными пряжками, изображавшими двухъ сѣпившихся зубами львовъ. Про подшинельный костюмъ—достоверно сказать невозможно ничего, но если судить о немъ по *концамъ* панталонъ, выглядывавшимъ на свѣтъ божій своими безчисленными зубами, то этотъ костюмъ, окончательно разрушалъ первое впечатлѣніе, производимое *физиономіей* особы, которая, дѣйствуя на зрителя *глубокомысліемъ* глазъ, широкимъ лбомъ, бакенбардами, какія носятъ статскіе генералы,—заставляла непременно питать къ особѣ всякаго рода уваженіе, такъ какъ все выше означенные *аксессуары*, въ общей сложности, говорятъ о *жизненномъ опытѣ*, о трудахъ понесенныхъ и проч. и проч. Вотъ это-то первое впечатлѣніе, укрѣпленное въ *станціонномъ*

смотрителѣ кромѣ того косицами зачесанными на виски, — что говорить о степенности, — и отсутствіемъ усовъ, — ясно утверждающимъ, что особа не-военная, — все это, говорю, никакъ не ютилось въ головѣ зрителя съ поведеніемъ особы, съ нѣкоторыми ея фразами, заставлявшими, если не подозрѣвать ее въ чемъ либо, то, во всякомъ случаѣ, размышлять надъ этимъ вопросомъ; положимъ, что и размышлять тутъ приходилось не много, — но съ непривычки это вѣдь — куда трудно!..

Появившись на станціи дня два тому назадъ, съ казачкомъ и чемоданомъ, похожимъ на неудавшуюся кулебягу, у которой провалилась середка, — особа, не снимая шинели, засѣла на диванъ, закурила трубку и съ этой трубкой сидѣла здѣсь другія сутки, — здѣсь на диванѣ она и спать ложилась. Говорить, — особа говорила мало; въ безмолвіи станціонныхъ комнатъ, иногда только слышатся громкій кашель, кряхтѣнье и опять тишина. Но если случался проѣзжій и если этому проѣзжему приходилось здѣсь пробыть хоть пять минутъ, — особа умѣла всегда затянуть разговоръ, и смотритель только хлопалъ глазами, слушая, какъ одному — она докладывала, что ѣдетъ изъ Перми, другому изъ Кіева, третьему изъ Тифлиса. Не мало дивился смотритель также и тому несчетному количеству друзей особы, которое было у него розсыпано по всей Руси; всѣ эти друзья вотъ ужъ пятый годъ молятъ особу вернуть къ нимъ въ помѣстья; — но особа занята какими-то дѣлами, которыя рѣшаются для однихъ въ Ковно, для другихъ въ Харьковѣ, для третьихъ въ Уфѣ... Что за профессія особы, — смотритель не могъ понять, но изъ тѣхъ же разговоровъ съ проѣзжими узналъ, что особа служила въ военной и въ гражданской службѣ, потомъ была въ ратникахъ, дралась при Синопѣ и т. д. и т. д. Когда особа бросала какойнибудь служебный постъ, всѣ самыя высшія власти и знатныя «персоны» бросались, въ свою очередь, къ ней и начинали умолять — остаться.

— «Не хочу!» говорила она на это. «Я не нуждаюсь, я не нищій, я усталъ и т. д. И, нужно было поминутно удивляться твердости особы, рѣшившейся идти противъ знати, — ибо это была первая и богатѣйшая знать... Впослѣдствіи только станціонному смотрителю приходило на мысль, — какимъ это обра-

зомъ всякое знакомство особы съ этою знатью случалось непременно во время какого нибудь обширнаго кутежа, попойки, въ какомъ нибудь изъ лучшихъ московскихъ трактировъ, при чемъ всегда пиршество доходило до мордобитія и лучшія персоны не обходились безъ сняжковъ...

Если бъ станціонный смотритель нѣсколько больше былъ знакомъ съ жизнью, и вслѣдствіе этого былъ убѣжденъ, что жизнь эта даетъ тысячи типовъ и картинъ, и еслибы онъ видѣлъ хоть частицу этихъ типовъ,— то, при видѣ особы, непременно бы вспомнилъ, про нѣкоторую личность, безпріятно проживающую въ какомъ нибудь трактирѣ въ биллиардной и обладающую невыразимою ловкостію присосѣдваться къ ватагѣ загулявшихъ купчиковъ, и вообще къ числу пьющихъ, исключительно ради того только обстоятельства, что у нихъ въ карманѣ деньги, и, стало быть, разные по этому случаю колѣнца—необходимы. Сначала эта темная личность закуритъ у одного изъ пирующихъ папирску и извинится въ нанесенномъ безпокойствѣ, потомъ поощритъ громкимъ хохотомъ глупѣйшую остроту пьяной головы, голова почувствуетъ потребность благодарить и поэтому кричитъ: «шинпанскава!» и т. д. А въ эпилогѣ потасовска и «караулъ!»

Но станціонный смотритель не зналъ этого и продолжалъ хлопать оглупѣвшими глазами. А особа, оставаясь снова безъ разговоровъ и ожидая другаго проѣзжаго,—сидѣла молча на ишванѣ и курила. Съ смотрителемъ она не входила въ пространные разговоры, и только слегка перекидывалась словами, когда возвращала опустѣвшій полштофъ.

— Эй, кто тамъ! говорила при этомъ особа. Какъ бы расчесться... Смотритель выходилъ изъ другой комнаты и, остановившись передъ проѣзжимъ, начиналъ откладывать среднимъ пальцемъ лѣвой руки на счетахъ, приговаривая: «да за чай», «да еще водки» «да мальчику» «да три полштофа», стало быть два рубля и т. д».

— Сколько?

Особа брала счета, пробѣгала по костьяжкамъ своими круглыми пальцами и пропозносла:

— Всего два съ полтиной,—да вамъ рубль за труды...

— Чувствительнѣйше васъ благодарю-съ...

— Вы мнѣ только мелочишки сдайте...

— Сколько угодно...

— Съ пяти рублей? а?

— Есть-съ...

Особа рылась подъ шинелью...

— Впрочемъ ступайте... послѣ... позову...

Смотритель уходилъ, будучи одержимъ большимъ недоумѣ-
нiемъ. А проѣзжая особа, по прежнему сидѣла на диванѣ, по
прежнему вела разговоры съ проѣзжающими и потомъ опять
замолкала, похрипывая своимъ чубукомъ. Этотъ хрипъ чубука,
напоминалъ предсмертное хрипѣнье умирающаго, и вмѣстѣ съ
шумомъ и шелканьемъ на дворѣ ливня, наводилъ тоску и
грусть... Осень подкралась, и полчищами самыхъ мокрыхъ и
дождливыхъ облаковъ, безконечно поднимавшихся изъ за гори-
зонта, хотѣла отпировать свое пришествіе. Небо, даль и поле
смотрѣли серьезно, заставляя торопиться къ работѣ, къ труду.

— Эй кто тамъ? возглашала особа опять... Примите это...
Да того... какъ бы разсчесться...

Опять выступалъ смотритель со счетами и, повторивъ счетъ
прибавлялъ только: «да за четыре полштофа». Теперь особѣ
приходилось получить сдачи съ десяти цѣлковыхъ и она говорила:

— Вы мнѣ, отецъ родной, дайте двѣ трешки, а тамъ ме-
лочишки...

— Мы, ваше высокородіе, говорилъ смотритель, дадимъ
вамъ мелочи отличной... гривенничками.

— Вотъ и спасибо!

Особа начинала пробираться рукой подъ шинель...

— Только наврядъ, чтобы, прибавлялъ смотритель, я вамъ
трехрублевыхъ-то нашель... Рублями ежели-бы?

— Ну, рублями...

— Совсѣмъ по новѣйшему времени трех-рублевыхъ ма-
лость стало...

Особа дѣлаетъ подъ шинелью какіе-то энергическіе жесты
и говорить:

— Такъ рублями?

— Рублями-съ...

Молчаніе...

— Гм... Впрочемъ я позову... ступайте.

Смотритель шире разѣваетъ глаза и уходитъ.

— Да... того, прибавляетъ особа вслѣдъ, приплите-ко... полштофъ.

И т. д.

Такъ прошелъ одинъ день, тянется и другой...

Мальчишка, лишившій у приюлка, старался не встрѣтиться съ глазами барина, и поэтому смотрѣлъ въ потолокъ или полъ, перебѣгая взоромъ снизу вверхъ и назадъ по изодраннымъ станціоннымъ стѣнамъ, лавируя при этомъ между физиономіею барина и какой-то таблицей въ рамкѣ. Мальчуганъ видимо тосковалъ; эту тоску, возбужденную житьемъ впроголодь, поддерживала и невеселая фигура барина, и неизвѣстность впереди. Выходилъ онъ въ переднюю,—въ окно разстлалось пожелтѣлое, скошенное поле... Колеи на дорогѣ наполнены водой; вѣтеръ ломится въ окно и, подъ его напоромъ, трещитъ рама, и бьется ставня. Выходилъ онъ въ сѣни,—въ крылечную дверь налеталъ съ поля такой сорванецъ-вѣтеръ, такъ толкалъ и пихалъ все попадавшееся на пути, что мальчишка самъ сторонился отъ этихъ пинковъ, ибо, кромѣ того, ему казалось, будто этотъ сорванецъ очень ясно пропзнесъ: «ахъ вы прахосты подлые». А это мальчуганъ припаялъ на свой счетъ.

Тоска вездѣ!

А особа сидѣла на диванѣ и ждала погоды...

Къ крыльцу станціи подѣхала перекладная, и изъ телѣги вылѣзъ купецъ. Онъ вошелъ въ комнату, помолился образамъ и, дожидаясь пока привесутъ ему погребецъ, разстегивалъ чуйку и потомъ доставалъ изъ за воротника бороду, которая по дѣлннотѣ своей была спрятана за галстухъ подъ рубашку, и покаялось на мохнатой груди. Принесли погребецъ. Проѣзжіи вынулъ водку и икру, налилъ рюмку, и сказавъ:

— «Господи благослови», перекрестился и выпилъ.

— Это у васъ какая? спросила особа.

— Московская-съ.

О! Московскія водки превосходны!.. Звѣрскія водки... Выборъ огромный...

— Не прикажете-ли?

— Поль-рюмки... побольше. Купецъ началъ наливать. Вотъ-вотъ... довольно.

Отд. I.

Особа выпила и фыркнула.

— Да! Москва!.. Продолжала особа съ розстановкой; какъ тамъ не говорите,— а ни шпша не возмешь! Столица!

— Столица, ваше высокородіе, — примѣрная...

— Еще бы!..

Молчаніе.

— Вы, почтенный, куда путь держите?

— Въ Кіевъ-съ.

— Въ Кіевъ? Превосходно! вотъ-бы намъ того... вмѣстѣ...а?

— Счаво же-съ.

— Ей Богу... Прогонны пополамъ,— и вамъ разсчесть и мнѣ?

— Я съ нашимъ удовольствіемъ! Мнѣ что? Конечно, какъ мнѣ сестрица отписала, гыть—помираю! долженъ я прахъ ее уважить. Такъ али нѣтъ? А ежели тутъ по совѣсти разсудить:— всѣ мы померемъ,.. дѣло нехитрое...

— Конечно.

— А то треплемся понапрасну... Изъяснимся... деньги даромъ пдутъ... Окромья того, сестрица съ муженькомъ насъ ловко поддѣли при жизни-то... можно сказать, какъ разбойники денные, вѣчная имъ память,—давно померли ужъ теперь.

Между тѣмъ особа слѣзла съ дивана, бодро встряхнула плечами шпнель, поприжала на вискахъ косицы, — ибо сразу восприняла духомъ; и въ эту минуту, по слишкомъ бойкому проявленію радости, можно было заключить, что, во время двухдневнаго сидѣнья на станціи, у особы начало появляться уныніе, отчаяніе за будущую минуту, за слѣдующій день.

— Такъ мы, любезный, вотъ какъ: мы въ Глуховѣ разсчесть сдѣлаемъ; до Глухова—вы, отъ Глухова я буду платить.

— Очень хорошо-съ... Съ Богомъ, стало быть.

— Съ Богомъ! Да того, будете отдавать прогонны, скажите, чтобы тамъ вычли два рублишка, добавила особа, называвшаяся господиномъ Трущенко.

— Только, чтобъ это ужъ вѣрно? сказалъ купецъ.

Трущенко, жевавшій булку, утвердилъ это, ткнувъ концами пальцевъ всей пятерни въ грудь, и вздернувъ плечи.

Скоро лошади были поданы; все готово. Трущенко выходитъ на крыльце, и выражаетъ въ фигурѣ великую сановитость.

— Стулъ! пронзосить онъ; старосты, ямщики, смотритель бросаются въ комнату, и каждый вытаскиваетъ по стулу.

Особа становится одной ногой на стулъ, другую заноситъ въ телѣгу, при чемъ всѣ окружающіе мгновенно проникаются потребностью подсадить, поддержать ихъ степенство подъ мышку, и хривить молчаніе.

Сѣли всѣ. Мальчишка рядомъ съ ямщикомъ. Но телѣжка не трогается:—особа усаживается, встаетъ и опять садится; поправляетъ картузь безъ подкладки, кашляетъ и, вонзивъ каблукъ въ самую середину спины ямщика, громко и ухарски буйствуетъ:

— Пашшолъ!

И кони и ямщикъ, почуявъ этотъ возгласъ, произнесенный богатырскимъ голосомъ, вздрогнули и полетѣли стрѣлой...

... Путники давно мчались по мокрой столбовой дорогѣ; комки грязи, отрываясь отъ заднихъ колесъ телѣги, словно ракеты, безпрестанно взвивались вверхъ и щедро сыпались на капюшонъ шинели особы, и на широкую спину лисей шубы купца. Телѣжка подпрыгивала, и вмѣстѣ съ тѣмъ у купца дрожали концы воротника; у мальчишки, державшагося одной рукой за край повозки, тряслись плечи, а у господина Трущенко, словно языкъ, болталось тулье картуза, вымокшее и закрывавшее ухо. По сторонамъ бѣжали мокрыя поля... съ боку торчала курчавая вѣтла: вѣтеръ забрался въ самую середину между ея листьями и, какъ съумасшедшій, трепаль ихъ въ разныя стороны, и нагибалъ вѣтку въ сторону...

Одна промчавшаяся станція и пять рюмокъ водки, выпитые Трущенко, развязали ему языкъ; онъ все время солидно рассказывалъ купцу о своихъ московскихъ пашняхъ...

— Ваше высокородіе! сказалъ купецъ: вы бы это ради субботы оставили?

— Два слова и я молчу: такъ это, я вамъ скажу, женщина!.. Смерть! адъ!.. Купчиха...

— Какая-съ? ляпнулъ серьезно купецъ...

— Купчиха, миллионерша.

— Ну это наврядъ, чтобы изъ купеческаго званія, которая вѣбудь для плоти въ мораль пошла...

— Вотъ пошла!... Да это что? ко мнѣ на Лубянку ѣздило двѣнадцать купчихъ.

— Никогда не повѣрю.

— Двѣнадцать женщинъ! Трущенко поднималъ палець.

— Совершенно баснословіе пуцаете!

— Кляцусь!

Трущенко упираетъ концами пальцевъ въ грудь и вскидываетъ плечами.

Купецъ чувствуетъ обиду, и недовольнымъ окомъ смотритъ на попутчика, который если и замолкаетъ на минутку, то не упускаетъ случая, въ это время, толкать ямщика ногой и кричать:

— Пашшоль!..

Купецъ инстинктивно сознаетъ, что попутчикъ ему не ровня, — начинаетъ смотрѣть изъ-подлобья, и когда приходится платить за него, нѣсколько времени, молча, держится за бумажникъ, и тогда только платитъ; и тѣмъ болѣе неохотно дѣлаетъ онъ это, что видитъ, какъ водка и всякое съѣстное рѣвкой льется въ утробу попутчика... Купцу начинаетъ казаться, что этому жванью конца не будетъ.

На одной станціи купецъ захотѣлъ переѣмѣнить рубашку.

— Ахъ, чертъ возьми, — воскликнулъ попутчикъ, — славная мысль!.. Мы кажется одного росту... Дайте-ка и я...

— У меня ситцевыя, .. съ букетами... Можетъ благороднымъ людямъ непристойно?

— Ничего, .. я люблю Россію... Давайте...

Попутчикъ начинаетъ переѣмѣнять рубаху, и, при видѣ дыръ, узловъ и лохмотьевъ, которыя исполняли у Трущенко должность рубашки, у купца сжалось сердце.

— «Прахвость!» рѣшилъ онъ.

А прахвость съ большимъ величіемъ и граціею садился въ телѣгу и кричалъ:

— Пашшоль!..

Купецъ былъ въ отчаяніи; — и отчаяніе это росло съ каждой минутой, съ каждой станціей. Вслѣдъ за первой рубашкой попутчикъ попросилъ вторую, и, пихая грязную въ свой чемоданъ, разсѣянно говорилъ:

— Такъ тово... пріѣзжаетъ она ко мнѣ, говорить: Ангелъ мой! я безъ тебя умру... Я говорю: что ты? зачѣмъ...

— Вы-бы ужь съ этой станціи... начинаетъ купецъ, глядя, какъ его ситець съ букетами прячется подъ кожей барскаго чемодана; потому я болѣ сорока цѣлковыхъ...

— А она бросилась на шею — кричитъ, плачетъ... Я, понимаю ли,—въ страхѣ, потому—сейчасъ прійдутъ еще три,—рѣшительно не знаю куда дѣваться... умоляю... клянусь...

— Нѣтъ, ваше благородіе,—какъ угодно... Я не въ сплахъ.. Мы такъ до Глухова не доѣдемъ...

Трущенко понималъ, что тутъ прогрышъ. Онъ считалъ нужнымъ разсердиться:

— Я вамъ тысячу разъ говорю,—въ Глуховѣ! Стало быть, что же? У меня, славу Богу, князь Лампасовъ сейчасъ тысячу повѣритъ... только слово сказать...

— Хорошо, какъ повѣритъ...

Тутъ Трущенко даже не говорилъ «клянусь», а просто вздергивалъ плечами, бралъ шапку и первый садился въ телѣгу... Кряхтя, взлѣзалъ за нимъ и купецъ.

Попутчикъ поправлялъ картузь, кашлялъ и беззаботно командовалъ.

— Пашшоль!...

На границѣ двухъ губерній стоялъ столбъ.

— Конецъ Орлу! сказалъ ямщикъ.

— Стой! Ненстovo брякнулъ Трущенко, хватая ямщика за воротъ. Новая губернія была его родина. Винные пары и, можетъ быть, слишкомъ плохая и безнадежная будущность, шевельнули какую-то позабытую струнку въ его груди, и онъ соскочилъ съ телѣги и на колѣняхъ стоялъ на родной землѣ. Онъ хваталъ руками эту сырую землю, цѣловалъ ее молча и плакалъ. Правда, онъ былъ пьянъ, но по чемъ знать, что кромѣ вина, эти слезы возбуждены были тихою и совершенно неизмѣнившеею картиною родной земли; она была такая-же тридцать лѣтъ тому назадъ; а въ то время ея блудный сынъ, быть можетъ, былъ счастливъ... А теперь на ея кроткія глаза онъ явился разбитый, пзувѣченный... Въ эти минуты воспаленный мозгъ мгновенно припомнилъ самые скорбные эпизоды горькой жизни... Въ эти минуты въ спинѣ отчетливо чувствовались всѣ тычки и удары кіевъ... На щекѣ горѣла оплеуха... Въ волосахъ чувствовалась могучая рука, родившая на свѣтъ

эту лысину, заставившую насъ почувствовать уваженіе и пр. и пр. А родная земля кроткими глазами смотрѣла на свое дѣтище, не подозрѣвая въ немъ такой бездны гадостей.

Впрочемъ, не эта-ли же земля и провинилась тутъ прежде всего?

Купецъ, почувствовавшій себя на свободѣ, нашелъ, что теперь самое удобное время расквитаться съ попутчикомъ.

— «Пропадай сорокъ дѣлковыхъ»,—подумалъ онъ, и вдругъ схватилъ мальчишку за воротъ и сталъ пихать изъ телѣги.

Мальчишка отчаянно заголосилъ и старался въ поклажѣ запутать крѣпче ноги... Трущенко вскочился: онъ былъ опять тѣмъ же; растроганная скорбная струна замолкла; надо было жить, — «авось случай!»

— Что вы дѣлаете? грозно спросилъ онъ. .

Купецъ оробѣлъ.

— Я, ваше высокородіе, одинъ поѣду...

— Какъ? а честное слово? Да знаете-ли миле...ссдарь...

— Я на Мглинъ... Я на Глуховъ не поѣду...

— Такъ вѣдь и я же на Мглинъ!.. Царица небесная! развѣ я вамъ не говорилъ?

— Э, вѣтъ... Я можетъ и такъ сколько убытковъ несу.. Наказалъ Господь за сестру,—обозвалъ ее дурнымъ словомъ...

— Это чертъ знаетъ, что такое!

— Какъ угодно! Съ васъ не видно, чтобъ получить... Извините меня...

. Трущенко пораженъ. Опять засада...

— Ну, Богъ съ вами! Довезите хоть до станціи.

Поѣхали.

— Наказалъ Господь! твердилъ купецъ... Прогнѣвалъ Царицу небесную... Ахъ ты Господи, вотъ и не было печали, анъ черти накачали, прости Господи... тьфу!

Попутчикъ что-то соображалъ, потомъ вдругъ, словно опомнившись, началъ одинъ за другимъ посылать толчки въ спину ящика, кричалъ «Пашшолъ!»—и этотъ возгласъ пересыпалъ вопросами:—Чья станція? Гдѣ баринъ? Кто староста?

Ящикъ почему-то счелъ пужнымъ испугаться, и въ этомъ перепугѣ вовсе не думалъ соображать, за что его тузятъ. Въ замѣнъ этихъ соображеній, онъ считалъ нужнымъ, послѣ каж-

даго толчка, посылать лошадямъ десятки ударовъ кнута. Лошади неслись какъ вихрь. Купецъ держался за телѣгу обѣими руками. Трущенко выпрямился, согнулъ кольцемъ руку и уперся ею въ колѣно, такъ что видъ выходилъ очень воинственный... Колокольчикъ не звенѣлъ: у него тоже словно захватило духъ, и только по временамъ онъ издавалъ какой-то судорожный звукъ, словно икалъ слегка... У мальчика заломило въ груди.

— Пашшолъ!.. Бушевалъ попутчикъ,—и скоро тройка, какъ ополоумѣвшая, стала у станціоннаго крыльца. Лошади широко раздуваютъ животы; коренная качается взадъ и впередъ; парь валить столбомъ; у крыльца толпа мужиковъ...

— Стой! произносить, не слѣзая, Трущенко, такимъ голосомъ, какого купецъ не слыхалъ отродясь:—очень страшный...

— Здѣсь Миронъ Фоминъ?

— Я в. с-родіе! робко произносить староста.

— Здорово! Это Гусевка?

— Такъ точно .. Гусевская...

— Ну такъ! Баринъ твой прислалъ тебѣ изъ Петербурга поклонъ...

Староста кланялся.

— Другъ и пріятель мой... съ одной посуды ѣдимъ... Поддержите-ко братцы, я слѣзу...

Толпа ямщиковъ акуратно предоставила его на землю, словно какую хрупкую посудину. Трущенко велъ себя солидно и старался представить изъ себя человѣка ветхаго...

— Такъ ужъ ты мнѣ Миронъ тово... лошадокъ-то припаси поскорѣй, да получше.

— Будьте спокойны...

— Да, чтобы, понимаешь, съ градомъ... а?..

Миронъ опрометью бросился распоряжаться на счетъ лошадей... Купецъ все время молчалъ, боясь затрогивать особу, изъ опаски, чтобы она не привязалась опять, и утѣпалъ себя тѣмъ, что въ этомъ дѣлѣ достанется и на долю гусевского старосты.

А Трущенко, поддерживаемый мужиками, ходилъ по двору, осматривая хозяйство, и говорилъ.

— Скажу, скажу барину, все ему расскажу, какъ Миронъ,

для него старается... Онъ заходилъ въ амбары, конюшни, лазилъ въ погребъ, наконецъ, для того, чтобы при проходѣ черезъ станціонныя сѣни не встрѣтить купца, прямо черезъ ворота вышелъ на улицу и сѣлъ въ запряженную телѣгу.

— Благодарю братцы, говорилъ онъ съ высоты своего сѣдалища. Я вамъ доволенъ...

— Ради стараться в. с.—родіе. А какже на счетъ... ежели бы прогопы... робко занюхалъ староста.

— Ахъ старина, старина, нагибаясь къ нему, чуть слышно шепталъ Трущенко; какъ же это ты рѣшился, напримѣръ, съ гостя?.. Баринъ меня знаетъ; я его люблю; понимаешь-ли, что ты сказалъ? положимъ что и такъ; но ежели мы съ другой стороны... Пашшоль! гаркнулъ онъ.

Тройка рванула; купецъ увидавъ это въ окно, что есть мочи толкнулъ раму, высунулъ голову, покраснѣвъ какъ ракъ, и во всю мочь заоралъ вслѣдъ попутчику:

— Подлая душа! воръ! грабитель!. Провались-ты и т. д.

А въ воздухѣ взвились, взорванные лошадиными ногами, куски грязи, и у крыльца стоялъ, растопыривъ вверхъ руки, староста...

...Черезъ мѣсяць Трущенко очутился въ г. Н, въ гостинницѣ «Прохлада». Тошій чемоданъ былъ развязанъ, и всѣ его сокровища, заключавшіяся, кромѣ купеческихъ рубашекъ, въ нѣсколькихъ кускахъ мыла, завернутыхъ въ фольговія разноцвѣтныя бумажки, нѣсколькихъ, будто-бы пѣнковыхъ трубкахъ,—переселились на столъ, и были разложены такъ мастерски, съ такимъ вкусомъ, что, съ непривычки, посторонній зритель приходилъ въ умиленіе и удивленіе необыкновенному уму Трущенко. Обладая такимъ незначительнымъ имуществомъ, могущимъ только породить одно недовѣріе и неуваженіе невѣжественныхъ трактирныхъ лакеевъ и половыхъ, пріѣзжій баринъ какъ-бы предвидѣлъ это, и, съ перваго же дня своего пріѣзда въ трактиръ, позаботился о возбужденіи къ себѣ уваженія, пустивъ для этого въ ходъ сначала мощь своего горла, и показавъ силу топающей ноги; такъ что скоро всѣ обитатели гостинницы ходили передъ нимъ на дыпочкахъ; лакеи сообщали шопотомъ другъ другу, что баринъ запустилъ въ Семена посудой, утверждая, что изъ лоханей и корытъ онъ

не ѣлъ, и ѣсть не намѣренъ. Попададась-ли ему гдѣ нибудь въ углу у потолка паутина, онъ тащилъ *самого* хозяина, до котораго рѣшительно все боялись дотронуться, и кричалъ на него, какъ на мальчишку...

А когда въ трактирѣ, между половыми и прочимъ лакейственнымъ народомъ, начали попадаться субъекты съ разбитыми скулами, распухшими глазами, украшенными синякамъ, — тогда рѣшительно въ гостинницѣ не было человѣка, который бы не уважалъ Трущенко отъ всего сердца, самымъ искреннимъ образомъ.

Оставалось теперь только задобрить публику городка. Это было не трудно; городокъ былъ маленькій, съ утра до ночи скучавшій, и поэтому сплетничавшій и пересыпавшій изъ пустаго въ порожнее. Достаточно было двумъ чпповипкамъ, явившимся въ *Прохладу*, поиграть на бильярдѣ, мимоходомъ увидѣть конецъ чубука новаго пріѣзжаго, видѣвшійся въ полуотворенную дверь, слышать его густой кашель, два-три слова, и потомъ рассказать это двумъ-тремъ пріятелямъ, чтобы на другой день вечеромъ публика цѣлаго города шлялась мимо гостинницы, подслушивала подъ окнами и проч. Слѣдовательно, публика должна была интересоваться непременно; должна была сгорать нетерпѣніемъ видѣть новаго гостя, узнать, — брюнетъ онъ пли блондинъ и пр. И стоило только днемъ, двумя позатыянуть исполненіе этого желанія публики, то есть, дня два не показывать ей глазъ, какъ желаніе это возрастетъ во сто разъ. И поэтому вѣтъ ничего удивительнаго, что публика разинула ротъ отъ изумленья, когда наконецъ Трущенко предсталъ передъ ея глаза. Снабженный костюмомъ на прокатъ, конечно, съ обязательствомъ уплатить деньги на той недѣлѣ, новый гость ѣхалъ на лучшемъ извозникѣ, направляясь къ прокурору, про котораго Трущенко разузналъ, что это — холостякъ и любитъ выпить, стало быть, въ компаніи нуждается.

У прокурора онъ отрекомендовался старымъ товарищемъ.

— Я, ей Богу, не помню васъ!

— Константинъ! другъ!

— Совершенно изъ головы вонъ!

— Благодарю... Я всей душой а онъ.. Варваръ! цѣлуй...

— Извините, ради Бога, я васъ оставляю, — я ѣду на пирогъ.

— А! ну, не смѣю задерживать.... Такъ вы не объдаете?

— Нѣтъ.

Въ два часа Т. позвонилъ опять у прокурора.

— Барина нѣту, сказалъ лакей.

— Знаю!.. Накрывай на столъ... Что у васъ?

— Холодное, щи, компотъ...

— Холодное—поросенокъ?

— Говядина-съ.

— Эхъ, чортъ возьми... Ну ладно давай, давай!

Гость раздѣлся, напялилъ на плечи прокурорскій халатъ, плюхнулся на диванъ и запѣлъ: «огонь, огонь запылалъ».

... Въ одно утро, благородный гость появился въ городской больницѣ. Онъ скромно объявилъ себя постороннимъ посѣтителемъ изъ Петербурга;—но для губернскихъ эскулаповъ довольно было фразы «изъ Петербурга», чтобы во первыхъ, перепугаться на смерть, а во вторыхъ сообразить, что тутъ не безъ подвоха; что тутъ подослано... и что, стало быть, если теперь хоть на минуточку развѣситъ уши, то угодить въ Сибирь—совсѣмъ плевое дѣло. Герой нашъ зналъ это, и для большаго эффекта прицѣпилъ въ петличкѣ какую-то ленточку, которую, повидимому, хотѣлъ спрятать... Это еще болѣе убѣдило врачей въ ихъ мысляхъ, и заставило внимательнѣе смотрѣть на особу, которая очевидно притворяется и хочетъ поймать въ расилохъ,—на откровенномъ словѣ.

А посѣтитель, между тѣмъ, ходилъ по палатамъ, весьма вѣжливо требовалъ показать бѣлье, простыни, колпаки;—заглядывалъ подъ кровати... и проч.

— Ну чтожъ, спрашивалъ онъ, ноги вы отпиливаете?

«Притворяйся!» — Пилимъ и ноги-съ.

— Гм!.. Скажите, отчего это у васъ такой воздухъ?

Посѣтитель морщить носъ.

— Людно-съ. Народъ больной... Изъ иного какая гадость льется...

— Курилъ бы... что-ли...

— Куримъ-съ... Кромѣ того, всякій человекъ свой воздухъ имѣетъ въ окружности...

— Это такъ!.. А что все у васъ благополучно?

— Благодареніе Богу-съ!

— Выговоры вы не получали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство...

— И подъ судомъ не были?

— Сохрани Царица небесная...

— Я такъ....

— Осмѣливаюсь покорнѣйше просить откушать, чѣмъ Богъ послалъ.

— Ахъ помиуйте... Не стѣсню-ли?

Черезъ пять минутъ герой нашъ въ залѣ у лѣкаря. Онъ одинъ; хозяинъ юркнулъ въ дальнія комнаты; вездѣ шепчуть... Въ это время, сквозь узенькую щель, между отворенными слегка дверями, нѣсколько десятковъ рукъ пропихнули въ залу нѣкоторую дѣвицу, и послышалось вслѣдъ за тѣмъ:

— Займи!...

Трушенко замѣтилъ, что при пиханіи, дѣвицы пинки прямо направлялись ей въ шею.

Дѣвица присѣла, и тутъ-же помѣстилась на стулѣ. Отъ волненія у ней прыгали на груди какіе-то кисейные банты и мохры лентъ. Нашъ герой подсѣлъ къ ней; уперся локтемъ въ подоконникъ, загналъ ногу подъ стулъ и, слегка постукивая дномъ шляпы въ колѣно, говорилъ:

— Вы любите природу?

— Люблю-съ...

— Но, можетъ быть, чтонибудь и больше природы любите?

— Папашу и мамашу...

— А!.. Сыграйте чтонибудь... Вы поете?... Вы этимъ доставите мнѣ великое наслажденье...

Барышня сѣла за фортепьяно и спѣла:

Мой амурчикъ

Мой агурчикъ, и пр.

— Прекрасно! Необыкновенно.

Барышня переводила духъ, и продолжала:

И я прямо,

Точно мама,

Качаю дятя...

Гость опять разсыпался въ похвалахъ, а дѣвица опять пѣла...

Ахъ Анета!
Что же это?

— Ахъ,-вотъ!.. прервалъ гость, очень похоже, — есть то-же такая поговорка: «Акулина! Это что?»—Превосходно!

Барышня хотъ и краснѣла, но дѣйствительно думала, что поетъ необыкновенно.

Обѣдъ и ухаживанье, которымъ былъ окруженъ нашъ герой въ продолженіи двухъ часовъ, совершенно соотвѣтствовали его сановитости и многочисленнымъ достоинствамъ. Когда онъ уѣзжалъ, вся семья высыпала на крыльце; въ это время, сквозь толпу провожавшихъ, плечомъ пробился фельдшеръ, и произнесъ:

— Ваше превосходительство! позволю забыть вашъ портомонетъ...

— Ахъ, да... спасибо!..

Герой нашъ, оцупавъ боковой кармагъ, въ который былъ засунуть по всей вѣроятности, лѣкарскій бумажникъ, съ болъшей энергіей крпкнулъ извоцпку:

— Пашшоль!..

Безъ денегъ Трущенко умѣлъ быть героемъ, а съ деньгами—вдвое... Весь потасный арсеналь средствъ—разнообразить скромное и благородное существованіе—пришелъ въ дѣйствіе, и поэтому нетрудно понять, что мирные чиновники, которымъ случалось зайти въ трактиръ до знакомства съ нашимъ героемъ, ограничивавшіеся скромнымъ желаніемъ выпить бутылку—двѣ кислыхъ щей, сыграть на биліардѣ безъ интересу и потомъ уйти въ какой нибудь глухой переулокъ, — эти полумертвыя особы, послѣ недѣли знакомства съ Трущенко, вдругъ воспріяли всѣ ухватки и обычаи лучшихъ московскихъ трактирныхъ львовъ: какъ и тѣ, они начали *спускать* другъ-друга съ лѣстницы, начали по настоящему понимать честь и благородство, получая о послѣднихъ понятіе тотчасъ же по полученіи оплеухи, и вслѣдъ за тѣмъ мстить, удовлетворять себя за оскорбленіе, пуская другъ въ друга бутылками...

Какъ бы то ни было, но городская скука, питаемая только сплетнями, добралась и до солидного Трущенки, и моремъ сплетней хлынула въ публику. Все было ясно; герой оставался снова безъ пути, безъ дорогъ; домохозяева не приказали пускать его въ дома, а ежели окажется буйство, — гнать метлой. Половые потеряли уваженіе, — лягали раненнаго льва, какъ ослы, а скоро и самаго льва *спустили* съ лѣстницы.

Настали тяжкія времена; герой будто исчезъ. Носились слухи, что онъ ходилъ по городскимъ монастырямъ, обѣдалъ съ монахами въ трапезѣ, усердно ходилъ въ церковь и помпунтно клалъ земные поклоны, стараясь дѣлать это на виду пгумена, чтобы такимъ образомъ заслужить его довѣріе... Однажды у всеночной, передъ нашимъ героемъ стоялъ старичекъ-чиновникъ и подтягивалъ пѣвчимъ...

Трущенко тоже началъ подпѣвать...

— Экое пѣніе, сказалъ чиновникъ, Господи, заступнича!..

— Кіевскій напѣвъ, — самый трогательный, подбавилъ нашъ герой...

— Д-да...

Чиновникъ стоялъ съ закрытыми глазами.

— Такъ, такъ, твердилъ чиновникъ...

Послѣ всеночной и чиновникъ, и нашъ герой вышли вмѣстѣ; шли, толковали, и подъ конецъ чиновникъ попросилъ его къ себѣ на чай... Благородная особа пошла, — и живетъ другую недѣлю... Это крайне сердитъ семью, но самъ чиновникъ — доволенъ; это былъ странный человекъ, жившій совершенно отдѣльною жизнью отъ своей семьи: онъ не зналъ, сколько ему приходилось получать пенсін, зналъ, что ему дадутъ поѣсть и больше ничего; лѣтомъ ходилъ ловить рыбу и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на какойнибудь баркѣ съ удочкой въ рукахъ; страстно любилъ пѣніе и проповѣди. Семья не слушала его разсказовъ.

— Заголосилъ свое! съ сердцемъ прерывала его рассказы жена...

— Невѣжа! произносилъ чиновникъ, уходя.

Поэтому - то онъ былъ очень радъ знакомству съ человекомъ, которому все это можно было повторить въ сутки двадцать разъ, не боясь заставить скучать...

— А проповѣди вы любите? спрашивалъ чиновникъ.

— Смертельно люблю...

— Гм... мычалъ улыбаясь чиновникъ... Я когда-то вдревле... какъ молодъ былъ, самъ сочинялъ...

— А-а-а...

— Любилъ! Страсть какъ любилъ!.. Вотъ позвольте я вамъ.. того.. Чиновникъ нырнулъ въ другую комнату, шуршалъ бумагами и наконецъ вынесилъ тетрадку. Но прежде нежели начиналъ читать, онъ считалъ нужнымъ сдѣлать какое нибудь предисловіе:

— По моему, говорилъ чиновникъ, главное дѣло въ проповѣдѣ,—публику озадачить.

— Такъ, такъ.

— Надо слово такое сначала подобрать,—да и грянуть... Напримѣръ: выхожу я говорить къ публикѣ... молчать; ты въ это время духъ-то позатаи да вдругъ: «огнь!»

— Страсть!..

— Или-бы: «громъ!» Да изо-всѣхъ грудей!.. Вѣдь этакъ публику можно шаркнуть—мое почтеніе!..

— И-и-и...

— То-то.

И чиновникъ начиналъ читать проповѣдь.

Однажды онъ ходилъ по комнатѣ съ рѣчью въ рукахъ, начинавшеюся словомъ «пеплъ» или «адъ», и ожидалъ своего друга, сгорая жаждою повѣрить свое новое сочиненіе..

— Аристархъ Лукичъ! произнесла входя жена. Не видаль-ли ты тутъ салопа моего лисьяго?—онъ на гвоздѣ въ передней висѣлъ...

— Нѣтъ, не видѣлъ...

Жена поблѣднѣла и выпучила глаза. Супругъ счелъ нужнымъ сдѣлать тоже...

— Господи Иисусе Христе!.. Что такое? продолжала жена. Марья говоритъ, будто шесть столовыхъ ложекъ пропало?..

Супруги долго молча и изумленно смотрѣли другъ на друга, а потомъ вмѣстѣ закричали:

— Караулъ! Это онъ воръ! Это онъ салопомъ одѣвался!..

— Батюшки милые! заступники наши усердные, заголосилъ весь домъ.

А герой нашъ мчался на тройкѣ борзыхъ коней, и, толкая ямщика въ спину, покрикивалъ весело:

— Пашшоль!

И сытые кони бодро подхватывали и уносили сѣдока...

Онъ былъ одинъ;— мальчишка исчезъ неизвѣстно куда...

.... Незамѣтно пробѣжали два, чуть-ли даже не три года. Гдѣ былъ, что дѣлалъ нашъ герой,—вовсе неизвѣстно; но нетрудно заключить, что прежнее мироѣдство не оставляло его ни на шагъ, какъ не оставляли вмѣстѣ съ тѣмъ и неудачи,—ибо иначе, что же заставило его пѣшкомъ плестись въ одну вьюжную зимнюю ночь, по большой дорогѣ къ какому-то городу; морозъ безжалостно рвалъ его тѣло, плохо прикрытое пальтишкомъ и дамской шалью, и Трущенко то и дѣло принужденъ былъ останавливаться и поджимать, словно журавль, то одну, то другую ногу. А кругомъ парила лютая зима, и пировала мятель... Безконечныя бѣлыя равнины сливались съ небомъ, и на нихъ съ визгомъ бѣсился свѣжные вихри:—они рвали другъ-друга на части, взвизгивали и исчезали... Тусклыми, осоловѣлыми, совершенно безжизненными глазами смотрѣла вьюга въ лице прохожаго, и, стиснувъ свои безобразные зубы, шипѣла и выла сквозь нихъ... а вытѣе это подхватывали тысячи вихрей, носившихся по полямъ, и перебѣгавшихъ дорогу...

Пустынно и страшно было кругомъ...

Вдали, изъ непроницаемой тучи, гулявшего повсюду, вмѣстѣ съ вѣтромъ, свѣга, по временамъ выныряли черной точкой мужичьи дровни. Въ нихъ помѣщался, стоя на колѣняхъ, до безумія пьяный мужикъ, пятую версту догонявшій кого-то, такъ искусно улететывавшаго отъ него вмѣстѣ съ вихрями... Остервеневшійся мужикъ сиплымъ, словно замерзшимъ голосомъ оралъ на лошадь; та неслась сломя голову; сани раскатывались, и лошадь скакала поперекъ оглоблей. Вдругъ мужикъ изо-всей силы натянулъ возжи, откинулся при этомъ назадъ, такъ что уперся спиной въ пятки своихъ огромныхъ сапогъ. Лошадь остановилась... Шумъ полозьевъ замеръ, и въ уши врывается глухой шумъ лѣса... Кажется, что изъ глубины этого лѣса, богъ знаетъ за сколько отсюда верстъ, доносятся какіе-то вопли... Страшные крики... вотъ

они будто дѣлаются слышнѣе... слышнѣе... Кажется, что сейчасъ они побѣдятъ преграду лѣсной опушки и забушуютъ, здѣсь надъ вашими ухомъ... Но шумъ по прежнему идетъ въ глубинѣ лѣса...

И снова съ поля налетаютъ вихри...

— Коли!.. Мерзлымъ горломъ надсаживается мужикъ, снова догоняя кого-то...

— Зноби! оретъ онъ издалека...

А лошаденка вскачь неслась, и неслась безъ оглядки; она сама перепугалась горлодерства своего хозяина.

Трущенко собралъ послѣднія силы и бѣгомъ ударился за саями... Задыхаясь, широко раздувая ноздри, — онъ догналъ ихъ и, не говоря ни слова, упалъ на самое дно... Ополоумѣвшій мужикъ не замѣчалъ сѣдока...

Туча снѣга, налетѣвшая на нашихъ путешественниковъ, скрыла ихъ въ бѣлой, но не проникаемой дали ночи...

Вьюга пировала...

— Пошелъ! Донесла она издали, и умчала этотъ крикъ Богъ вѣсть куда...

II.

ТЕМНЫЙ ТРУДЪ.

.... И опять вокругъ меня старая знакомка — Москва! Въ несстерпимомъ зноѣ лѣтняго полдня, въ тучѣ раскаленной, и повисшей въ воздухѣ пыли — потонула кривая московская улица; трескомъ, грохотомъ осадила она меня со всѣхъ сторонъ, отуманила, почти отвыкшую отъ этого грома, голову и надѣлила тысячами пинковъ, щедро посылаемыхъ въ мои бока и грудь богатырскими московскими локтями... Это именно обстоятельство и заставило меня пристальнѣе разглядѣть, что дѣлается кругомъ, не рушится-ли что нибудь, и потомъ, если нужно, спастись бѣгствомъ отъ этого содома... Дѣйствительно, спустя немного ухо, начинаетъ различать среди всеобщаго, кажущагося крушенія, крики разнощиковъ и кучеровъ, трескъ тысячи колесъ, визгъ шарманокъ, грохотъ акомпанирующихъ имъ бубновъ, грохотъ желѣза, которое выдаютъ на

каменный тротуаръ... А свежую дубасить колокоць — сегодня праздникъ... Желаніе остаться въ живыхъ, разрѣшаетъ самому дѣйствовать локтями и пробовать себя дорогу... Сколько людей, сколько лицъ...

— Кажется знакомое? соображаю я, по поводу мелькнувшей въ толпѣ физиономіи. Физиономія опять повелась...

— Она! рѣшаю я, кричу:

— Черепковъ! Г-нъ Черепковъ!..

Это действительно онъ; я узналъ его; и чрезъ минуту мы выпускаемъ вполне радостные и весьма приличные случаю восклицанія. «Какими судьбами?» — «давно ли?» — «Ну, что какъ дѣла?» — сыпались вопросы среди нашей бесѣды, и не могу похвастаться, чтобы я особенно точно отвѣчалъ на такіе возгласы Черепкова. Кромѣ вытаращенныхъ глазъ, мѣрившихъ пріятеля снизу вверхъ и сверху внизъ, едва ли что нибудь было во всемъ моемъ существѣ, что-бы могло въ эту минуту дѣлать свое дѣло... А не вытаращить глазъ, — я немогъ; потому что, вмѣсто рубища и рванн, въ которой пребывалъ Черепковъ въ мою бытность въ Москвѣ, я теперь видѣлъ на немъ красную рубашку, бархатную поддевку и шаравары, сапоги съ бураками и шляпу съ маленькимъ павлинымъ перушкомъ... Онъ франтилъ. Черезъ пять минутъ мы были въ трактирѣ.

— Какъ же это ты братъ разжился? пыталъ я... Уроки что ли хорошіе подыскалъ?

— Подыскалъ! улыбаясь, произнесъ онъ. Тутъ вотъ какой урокъ, — гляди:

При этомъ онъ согнулъ указательный палецъ и придвинулъ его къ своимъ глазамъ; — на пальцѣ горѣлъ перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ.

— Видѣлъ.

Черепковъ согнулъ палецъ на другой рукѣ, и я увидалъ другой перстень.

— Видѣлъ? спросилъ онъ опять.

— Видѣлъ.

— То-то!.. Вотъ-те урокъ!.. Объ этой мелюзгѣ, прибавилъ онъ, я и не говорю, при этомъ онъ вдругъ заболталъ передъ моими глазами всѣми десятью пальцами, сразу сверкнувъ, та-

кимъ образомъ десятками; колець менѣе значительныхъ, и заключилъ...

— Вотъ какъ! Это — угроза!

Измученный и недоумывающій откуда сіе, сидѣлъ я въ шумной трактирной закусочной. Барабанила машина, отхватывая фолишонъ, и подъ тѣнью какихъ-то судорогъ и вздергиваній въ этой пьесѣ, опытный купецъ, опустивъ голову къ столу, тыкала вверхъ вилкой, на которой сидѣла котлета; скоро въ котлетѣ образовалась дыра... Вообще, вся окрестная картина вовсе не говорила о томъ, что народъ, собравшійся сюда, пришелъ за тѣмъ, чтобы закусить, подкрѣпиться,—виднѣлось, что все это онъ найдетъ дома, а здѣсь желаетъ ахнуть или грохнуть. Было какое-то пиршество, напоминавшее торжество пировъ блуднаго сына, чему, кромѣ безобразія, способствовалъ костюмъ половыхъ,—бѣлыя длинныя рубашки. Половые напоминали библейскихъ рабовъ.

— Однако Черепковъ... началъ-было я что-то, но Черепковъ перебилъ меня:

— Ты меня тутъ называй Вьюгинъ.

— Какъ?

— Я тутъ такую фамилію ношу... Меня такъ всѣ тутъ знаютъ...

Оказалось дѣйствительно, что всѣ половые величали его по имени по отчеству, кланялись въ поясъ, и вообще, видно было, что онъ здѣсь не въ первый разъ.

Это подтвердилъ и самъ пріятель мой:

— Я братъ всѣ трактиры прошелъ вдоль и поперекъ.. вездѣ почетъ... Ёшь!..

Я ёлъ.

Вьюгинъ упорно молчалъ, повидимому, доискиваясь—что бы сообщить?..

— Ахъ да! палку мою видѣлъ? наконецъ радостно произнесъ онъ.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Эге братъ! Что же ты послѣ этого видѣлъ? На-ка!..

Палка дѣйствительно была хороша...

— Двѣ во всей Москвѣ было...

— Ну?

— Будь я подлец!!

Эта клятва была произнесена какимъ-то юнкерскимъ то номъ. Такъ прежде Черепковъ не говорилъ.

— А вотъ булавка,— посмотри... Вслѣдъ за тѣмъ Вьюгинъ показалъ булавку, ключикъ отъ часовъ, посвисталъ въ него, повертѣлъ такъ, что ключъ издалъ нѣкоторый трескъ,—это составляло одно изъ его многочисленныхъ достоинствъ! Видно было, что въ настоящіе годы Черепковъ только и жилъ этимъ счастьемъ обладанія кольцами, цѣпочками и проч.; отнять бы это. и Черепковъ, можетъ быть, считалъ бы полный прогрышъ во всѣхъ статьяxъ.

Выпивъ какого-то вина, мы рѣшились ѣхать къ нему, въ домъ; въ дверяхъ онъ остановился передъ половымъ, отвѣщивавшимъ ему земной поклонъ, и произнесъ:

— Знаешь?

При этомъ онъ показывалъ себѣ въ грудь.

— Какъ не знать, батюшка, Семень Гаврилычъ... Очечно вашу милость знаемъ-сь.

— Семену Гаврилычу! произнесъ буфетчикъ, протягивая Вьюгину руку. Сколько лѣтъ — сколько зимъ...

— Да, давненько...

Мы пошли.

— Видѣлъ? спросилъ меня Черепковъ, показывая пальцемъ черезъ плечо, и намѣкая, какъ видно, на этотъ разговоръ.

— Видѣлъ.

— Уважають... Пойдемъ.

Мы неслись на отличнѣйшемъ извозчикѣ и, мало по малу, забирались въ такіе извилистые и невѣдомые переулки, въ которыхъ я во всю бытность свою въ Москвѣ не бывалъ ни разу; вдали виднѣлось Ходынское поле. Наконецъ, среди лачугъ, передъ нами выросъ обширный деревянный домъ съ мезониномъ. Такіе дома изображали наши романисты, поселяя въ нихъ семью столбовыхъ. Въ мезонивъ жила героиня;— здѣсь она плакала, молилась, мечтала... А когда любовь начинала требовать послѣдняго слова, и авторъ дописывалъ, стало быть, послѣднія страницы,—героиня начинала бѣгать сюда все

чаще и чаще, и отсюда посылала сказать ожидающему герою что у нея болитъ голова.

— Я братъ живу въ мезонинѣ, говорилъ Вьюгинъ, когда мы шли съ нимъ по двору... У меня все отдѣльно... внизу *сама*.

Тутъ Вьюгинъ быстро поднесъ свои губы къ моему уху, защитилъ рукою и мое ухо и губы, и шопотомъ произнесъ:

— Полковница... помѣщица... вдова...

— А!.. тянуль я...

Мы вошли въ мезонинъ.

Вьюгинъ помѣщался въ трехъ комнатахъ, устланныхъ коврами, уставленныхъ диванами. На стѣнахъ висѣли картинки, изображавшія женщинъ, занимавшихся исключительно постановкою себя въ разнообразныя позы; каковыхъ позъ, и женщинъ, по всей вѣроятности, ни въ какомъ царствѣ отыскать не возможно.

Вьюгинъ отодвинулъ отъ стола кресло, пихнулъ кулакомъ въ сидѣнье и произнесъ:

— Все братъ на пружинахъ... Садись! и самъ повалился на диванъ.

— Ну что жъ? ѣсть что-ли будемъ?

— Я сытъ.

— Ну пить? Эй!

При этомъ Вьюгинъ стучалъ каблукомъ въ полъ и говорилъ:

— У меня братъ безъ церемоніи, что хочешь... всего по горло.

Явился лакей.

— Скажи барынѣ, что у меня гость... Посмотри, какъ разугостить, добавилъ онъ, когда ушелъ лакей. Она у меня добрая... и богатая... Стара шельма; а влюбилась по уши... Почему-жъ ее и не обирать?..

Вьюгинъ улыбался.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Я тутъ, управляющимъ для виду считаюсь—понимаешь, какъ-то неловко...

Молчимъ.

Въ головѣ моей шумѣли размышленія о судьбѣ Вьюгина. Какимъ образомъ такъ скоро охватила его эта цыганская

пляска, постоянная ярмарка, и какой будетъ конецъ этому счастью?

Вьюгинъ снова не находилъ, что сказать.

— Ахъ да! вотъ,—я тебѣ хотѣлъ показать еще халатъ...

Вслѣдъ за этимъ началось показыванье платья — всего во множествѣ экземпляровъ: и лѣтнее и зимнее и осеннее — для дня, для ночи, для вечера... Потомъ показывались опять кольца, медальоны, табакерки, своей внѣшностью говорившія длинныя исторіи разрушающихся теперь столбовыхъ гнѣздъ. Выѣстъ съ тѣмъ, снизу таскали подносы съ разнообразнѣйшими яствами.

Барыня дѣйствительно разугостила,

Толковать оставалось ровно не о чемъ; Вьюгинъ запѣлъ:

Но когда полюбя,
Ты обманешь меня,
То клянусь я т. д.

Но и это надоѣло. Машинально взявъ онъ яблоко, подошелъ къ окну, открылъ форточку, и выжидалъ случая, въ ко-го бы запустить этимъ яблокомъ. Посреди дороги шель разнощикъ съ лоткомъ на головѣ. Вьюгинъ попалъ въ лотокъ, который, круто закружившись, брякнулся на-земь. Мужикъ заоралъ во все горло, а Вьюгинъ хохоталъ, хватаясь за животъ, и не забывъ тотчасъ же захлопнуть форточку.

На минуту онъ остановился, прислушался,—мужикъ ругался попрежнему; Вьюгинъ подкрался къ окну, заглянулъ однимъ глазкомъ на улицу и произнесъ:

— Подбираетъ семгу... всю въ пыль своротилъ...

И покатился снова со смѣху...

— И это тебѣ доставляетъ удовольствіе? спросилъ я.

— Доставляетъ. Я недавно что: тутъ въ одной библіотекѣ бабы сидятъ, торгуютъ книжками, — я забрался съ пріятелями, да такую штуку отмочилъ, — ахъ ти мнѣ... Это что? Хочешь, я сейчасъ эту вазу на дворъ шаркну.

— Не хочу...

— Нѣтъ ты скажи откровенно? можетъ быть, ты не вѣришь?

— Не вѣрю.

— Такъ я тебѣ докажу; Вьюгинъ схватился за вазу.

— Вѣрю, вѣрю, кричалъ я.

Но ваза уже грохатала по крышѣ и потомъ дребезгами зазвенѣла на дворѣ, спугнувъ куръ и собаку. Вьюгинъ покраснѣлъ, и смѣхомъ хотѣлъ это спрятать.

Лакей принесъ изъ низу записку. Вьюгинъ пробѣжалъ ее и завопилъ:

— Эге-ге... Нѣтъ братъ, шалишь!.. Скажи барынѣ, что гость ушелъ...

Въ запискѣ было: у тебя молодой человекъ; отчего не познакомишь?..

Черезъ нѣсколько минутъ я прощался съ Вьюгинымъ; проходя по двору, я въ окнѣ увидалъ женскую фигуру. Это была старуха, съ сѣдыми локонами на вискахъ. Она грозилъ, провожавшему меня, Вьюгину и улыбалась.

— *Сама*—сказалъ Вьюгинъ.

Мы разстались.

Эти сцены, такъ быстро пронесшіяся другъ за другомъ, напомнили мнѣ сцены другія,—сцены печальныя. Мнѣ вспомнился Черепковъ въ бѣдной каморкѣ на Бронной; вспомнилась поголовная пицета всего нищенскаго населенія конуръ съемщицы Василисы. Здѣсь царствовала тѣснота, о чемъ свидѣтельствуетъ потолокъ, на которомъ волоса Черепкова, во время ходьбы, расчистили копоть и нарисовали млечные пути. Здѣсь царствовалъ голодъ, который только изрѣдка побѣждала Василиса, занимая у сосѣдки черезъ улицу тарелку—другую шей... И хоть щи эти, къ концу своего путешествія, едва не замерзали, все-же доброе дѣло Василисы цѣнилось вполне.

При такой обстановкѣ застаемъ мы Черепкова. Положеніе его было печальное; тоска и неопредѣленные, сумбурныя думы, одолевали все его существо, и въ этой-то неопредѣленности заключалась вся невыносимость этихъ думъ... Не хватило у него заплатить въ университетъ... Сознавай онъ, что университетъ разрѣшитъ его завѣтные вопросы, — можетъ быть, пустился-бы онъ на урокъ за десять верстъ, принялся-бы переписывать бумага по гривеннику за листъ... Но вопросовъ этихъ не было. Ихъ не было очень давно; въ гимна-

зін зубрилось и учились все потому, что впереди видѣлась послѣдняя страница книги, дальше которой зубрить нечего было; за концемъ этой книги видѣлся университетъ. А здѣсь,— все! Что такое это было *все*,— неизвѣстно....

А университетъ такимъ образомъ уходилъ и уходилъ... Кругомъ была смерть или, по крайней мѣрѣ, медленное замерзаніе; ничто не подзадоривало, ничто не побуждало торопиться бѣжать;—некуда было бѣжать, нечего искать... Всѣ обитатели квартиры Василисы, отъ самой хозяйки, до темной личности, проживавшей безъ прописки, все это жило на авось. Но въ пользу этихъ людей нельзя не сказать, что и они когда-то хотѣли чего-то, и боролись за что-то. У нихъ было, изъ рода-въ-родъ переходившее, горе и, можетъ быть теперешнее положеніе и возможность прокормиться—ижъ конечное счастье. Быть можетъ, эти грязные ухваты, сломанные самовары, даже званіе съемщицы и хозяйки,—все это детали, обставляющіе, когда-то мечтаемую, но теперь вполне осуществленную картину счастья.. У Черепкова существовало одно желаніе—не быть въ такомъ подломъ положеніи, въ какомъ онъ находился теперь. Есть *идь-то* такое житье, думалось ему тогда, гдѣ не можетъ быть этихъ терзающихъ думъ. Гдѣ такое житье? Сказать не возможно... Но есть... Кто-то долженъ придти и дать счастье, или вообще, счастье это придетъ само... Идти за нимъ некуда; да и не видать, откуда начинается дорога туда...

Счастье иногда рисовалось ему въ формѣ толстыхъ, сытныхъ пироговъ, и, являсь въ такомъ соблазнительномъ видѣ, терзало Черепкова еще страшнѣе. Голодъ и нищета играли имъ, —какъ кошка мышью; въ то время, когда у него мерзли отъ холоду ноги, и въ дырки сапогъ глядѣли пальцы, стоило ему пройти по улицѣ, чтобъ не встрѣтить ни одной особы, которая страдала бы тѣми же недугами. Всѣмъ казалось было тепло... Когда желудокъ его неумолкаемо говорилъ трогательные монологи о помощи, и когда Черепковъ выходилъ на улицу развлечь сердитаго оратора, съ первато же шага, если не попадался ему господинъ, что нибудь жевавшій, то, какъ на зло, казалось, что вся улица увѣшана вывѣсками: съѣстная, и

«сѣбѣстная». Черепковъ начиналъ окончательно убѣждаться, что все вооружилось противъ него.

Между тѣмъ этотъ *кто-то*, отъ кого ждалось счастье — не приходилъ... И борьба Черепкова съ несмѣтнымъ полчищемъ враговъ, продолжавшихъ являться въ образѣ незнакомыхъ и терзающихъ думъ, росла, росла и становилась наконецъ невыносимою.

Въ эти минуты нѣкоторые начинаютъ запивать...

— Что вы все лежите? спрашивала разъ Черепкова Василиса.

— Да чтожь дѣлать-то?

— Какъ что? местѣчка бы себѣ поискали... Баринъ вы молодой... ножки авось молоденькія, — побѣгали-бы, поспросили.

— Куда же бѣжать?.. гдѣ, какія мѣстечки?..

— Мѣстовъ много... Вотъ позвольте, спрошу я, есть тутъ одна полковница... Любить она книжки читать... Старушка она, видитъ-то плохо — ну и, ищетъ такого челбвѣчка, который-бы читалъ ей... Я поспрошу.

— Спросите пожалуйста.

— Вотъ вамъ-бы... Она молоденькихъ любить...

Василиса разузнала, распросила... Сходилъ Черепковъ и вернулся. Онъ недоумѣвалъ...

— Ужъ больно гадко, думалъ онъ... Эту фразу шепнуло ему сознание той убогой роли, на которую онъ рѣшился... Но ученіе еще не такъ пробралось въ кости. Другая сторона теперь толкала на другую жизнь, которая побѣждала всѣхъ враговъ не дававшихъ ему покоя... И Черепковъ рѣшился читать книжки полковницѣ...

Остальное сдѣлала пустота, а за ней — апатія...

Глазъ Успенскій.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шелли

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I.

Комната въ замкъ Петреллы.

Входитъ ЧЕНЧИ.

ЧЕНЧИ.

Все нѣтъ ея. Однако побѣжденной
И слабою оставилъ я ее
Еще за мигъ до этого. Извѣстно
Ея хорошо, какое наказанье
Медлительность такая навлечетъ...
Но что, когда угрозы всѣ напрасны?...
Ну, чтожъ! Вѣдь мы теперь окружены
Окопами Петреллы; здѣсь бояться
Мнѣ нечего глазъ Рима и ушей;
Здѣсь я могу за кудри золотыя
Ее таскать, топтать ее пятой,
Сонъ отымать на столько, чтобъ разсудокъ
Затмился въ ней, смирять ее цѣпами
И голодомъ... И меньшихъ даже мукъ
Достаточно для укрощенья было-бъ...
Но винуть такъ несовершеннымъ то,
Къ чему стремлюсь я жадною душою, —
Нѣтъ, никогда! Ея строптивый нравъ
Унизиться обязанъ добровольно, —
И быть тому.

(Входитъ *Луcreція*).

Ты что сюда пришла,
Тварь гнусная?... Вонъ съ глазъ моихъ скорѣе!
Пошла!... Постой... Скажи, чтобъ Беатриче
Пришла сюда сейчасъ же.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, супругъ!

Молю тебя, хоть для спасенья жалкой
Твоей души, подумай наконецъ,
Что сдѣлалъ ты! Вѣдь человѣкъ, живущій
Какъ ты, среди преступныхъ дѣлъ, и въ нихъ
Встрѣчающій опасность ежечасно,
Вдругъ можетъ пасть въ могилу. Ты старикъ;
На головѣ твоей видны сѣдины;
Твой близокъ часъ. Коль хочешь ты спастись
Отъ адскихъ мукъ за гробомъ,—сжался, Ченчи,
Надъ дочерью, дай друга—мужа ей;
Тогда ты самъ отъ искушеній страшныхъ
Избавишься и худшаго уже
Не сдѣлаешь, когда возможно только
Быть худшему...

ЧЕНЧИ.

Ты хочешь, чтобъ она,
Какъ дочь моя другая, поступила?
Чтобъ и она, въ другой странѣ найдя
Себѣ пріютъ, оттуда издѣвалась
Спокойствіемъ и счастіемъ своимъ
Надъ злобою моею? Пропадайте
Вы всѣ—она, и ты, и остальные!
Пускай меня и скоро смерть возьметъ—
Ея судьба еще скорѣй рѣшится!
Ступай, зови сейчасъ ее сюда...
Да пусть идетъ, пока еще я въ духѣ;
А то потомъ я притащу ее
За волосы.

ЛУКРЕЦІЯ.

Она меня послала
Къ тебѣ, супругъ. Ты видѣлъ, какъ въ твоемъ

Присутствіи она вдругъ чувствъ лишилась.
 И въ обморокъ этомъ голосъ ей
 Послышался: «Погибнуть долженъ Ченчи!
 «Скажи ему, чтобъ онъ въ грѣхахъ своихъ
 «Покаялся,—что ангель-обвинитель
 «Желаеть знать, совѣмъ ли затворилъ
 «Для добрыхъ дѣлъ Всевышній душу Ченчи,
 «Чтобъ наказать его за всѣ грѣхи
 «Ужасные.»

ЧЕНЧИ.

Ну, чтожъ! Такія вещи
 Случаются. Сомнѣнья нѣтъ, что Богъ
 Являть себя чрезъ откровенье можетъ.
 Что небеса ко мнѣ благоволятъ—
 Въ томъ спору нѣтъ: вѣдь только что я провляялъ
 Двухъ сыновей, какъ умерли они.
 Бываетъ, да... А правда и неправда—
 Одни слова и больше ничего...
 Раскаянье... оно ничто иное,
 Какъ дѣло двухъ или трехъ пустыхъ минутъ
 И болѣе отъ Господа зависить,
 Чѣмъ отъ меня... Да, правда... хорошо...

(Луcreція боязливо подходитъ къ нему и съ ужасъ отступаетъ по мърь тою, какъ онъ говоритъ).

Одинъ и два... Кристофано и Рокко
 Провлятиемъ своимъ я умертвилъ.
 Дѣлаю жизнь, какъ мнѣ сдается, будетъ
 Вести въ такомъ аду, какого нѣтъ
 Навѣрное за гробомъ. Беатриче,
 Коль дѣло я искусно поведу,
 Въ отчаяннѣ, съ проклятыми погибнетъ.
 Бернардо... онъ невиненъ, и ему
 Въ наслѣдство я отдамъ воспоминаше
 Всѣхъ дѣлъ моихъ; изъ юности его
 Я сотворю суровую гробницу
 Живыхъ надеждъ, и на гробницѣ той
 Всегда рости дурныя мысли будутъ,

Какъ надъ простой, заброшенной въ степи
 Могилою растеть трава дурная...
 Окончивъ все, въ Кампаніи костеръ
 Я разложу и съ наслажденьемъ брошу
 Въ его огонь все золото свое,
 И серебро, и цѣнныя одежды,
 Пергаменты, картины и ковры, —
 Всѣ признаки огромнаго богатства.
 Погибнетъ все, но имя лишь мое
 Останется, — и будетъ это имя
 Позорнѣйшимъ и тягостнымъ наслѣдствомъ.
 Затѣмъ мой духъ, служившій на землѣ
 Заложникомъ, я передамъ въ десницу
 Того, кто имъ такъ долго управлять...
 Моей семьѣ, мнѣ самому-ли въ кару,
 Но за душой моей пошлетъ Господь
 Не ранѣ, чѣмъ нанесетъ она
 Последнюю, ужаснѣйшую рану
 И ненависть свою всю истощить.
 Теперь, чтобъ смерть не помѣшала сдѣлать
 Что я хочу, мнѣ надо поспѣшить.
 (*Хочетъ идти.*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Остановись! тебя я обманула!
 Нѣтъ, никого не видѣла она,
 Ни чьихъ рѣчей не слышала. Все это
 Придумала я только для того,
 Чтобъ ужасомъ объять тебя.

ЧЕНЧИ.

Прекрасно!

О, гнусная обманщица! Вѣдь ты
 Играла здѣсь священнымъ словомъ Бога...
 Пусть эта ложь преступная убьетъ
 Дыханіе твое!.. Для Беатриче
 Есть ужасы похуже у меня,
 Чтобъ подчинить ее моимъ желаньямъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, Господи! Какими же еще

Страданьями жестокими ты хочешь
Ее терзать?

ЧЕНЧИ.

Андреа! дочь мою
Зови сюда; скажи, что если только
Она ко мнѣ не явится, я самъ
Приду за ней.

(Андреа уходитъ)

Ты хочешь знать, какими
Страданьями? За шагомъ шагъ, ее,
Сивозъ дѣлый рядъ неслыханныхъ позоровъ
Я проведу, я сдѣлаю ее
Открытою и беззащитной жертвой
Людской молвы и злобы, протрублю
Я про дѣла, въ числѣ которыхъ дѣло
Такое есть... Что хочешь ты сказать?
Иль ты о немъ догадываться можешь?
Она должна въ глазахъ своей души
Тѣмъ сдѣлаться, чѣмъ будутъ всѣ другіе
Ее считать; и если умереть
Придется ей, — умереть безъ покаянья,
Какъ злобный врагъ и Бога, и отца.
Добычей псамъ послужить это тѣло,
Всѣхъ будетъ жечь названіе ея,
И духъ ея придетъ къ престолу Бога,
Запятнанный проклятіемъ моимъ.
Ея душа и тѣло превратятся
Моей рукой въ чудовищный кусокъ
Развалины.

(Входитъ Андреа).

АНДРЕА.

Синьора Беатриче...

ЧЕНЧИ.

Ну, говори скорѣе, блѣдный рабъ,
Какой отвѣтъ?

АНДРЕА.

Синьора отвѣчала:

«Скажи отцу, что между мной и имъ

«Раскрылася широко бездна ада;
 «Боль хочеть онъ, пускай перешагнеть,
 «Я-жь не хочу.»

(уходитъ).

ЧЕНЧИ.

Луcreция, не медля
 Ступай за ней; совѣтуй ей прийти
 И объяви, что за отказъ вторичный
 Я проклянну.

(Луcreция уходитъ)

Проклятіе отца

Всесильно! Имъ Господь всеялетъ ужась
 Въ ряды солдатъ, готовыхъ побѣдить,
 И города цвѣтушіе блѣднѣютъ
 Отъ этого проклятія. Творецъ,
 Отецъ земли, не можетъ не услышать
 Мольбы отца, возставшаго на дочь,
 Хотя бъ онъ былъ преступникомъ такимъ-же,
 Какимъ меня считаютъ люди всѣ.
 Ужели смерть ея мятежныхъ братьевъ,
 Проклятыхъ мной, ее не устрашить?
 Вѣдь и для нихъ молилъ я скорой казни. —
 казнь пришла.

(Луcreция возвращается).

Ну, что, какой отвѣтъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

«Я не приѣду — она мнѣ отвѣчала;
 «Скажи отцу, что между мной и имъ
 «Его же кровь течетъ потокомъ быстрымъ.»

ЧЕНЧИ (становясь на колѣни).

О, Господи, услышь меня! Когда
 Ты присудилъ, чтобъ эта масса плоти
 Прелестная, которую назвалъ
 Ты дочерью моею,—частица эта
 Моей души и тѣла, кровь моя,
 Или скорѣй болѣзнь моя, отравя,
 Чей видъ одинъ въ меня вливаетъ ядъ,—

Злой этотъ духъ, изъ нѣдръ моихъ испещрѣнъ
 Какъ будто бы изъ мрачныхъ, адскихъ безднъ, —
 На что нибудь хорошее былъ годенъ; —
 Коль ты судилъ, чтобъ чудной красотой
 Она всю тьму земную разгоняла;
 Когда въ душѣ, напитанной росой
 Твоей любви, должны разцвѣсть тѣ свойства
 Прекрасныя, которыя дадутъ
 Ей жизни миръ, — когда тобой все это
 Назначено, — молю тебя, Господь,
 Отецъ ея, и мой, и всѣхъ живущихъ, —
 Переимѣни рѣшеніе свое!
 Ты, мать — земля, ва имя Бога, ядомъ
 Ее корми, — корми, пока она
 Не упадетъ, покрытая заразой!
 Ты, сводъ небесъ, лей на ея главу
 Росу мареммъ нечистыхъ, зачумленныхъ, —
 Лей эту грязь, пока она сама
 Съ поганою лягушкой не сравнится!
 Любовію горящія уста
 Ты иссуши; прелестнѣйшіе члены
 Безжалостно и гадко изувѣчь!
 Свѣтило дня, всевидящее солнце! —
 Изъ зависти навѣки ослѣпи
 Ея глаза, сверкающіе жизнью!

ЛУКРЕЦІЯ.

Молчи, молчи! Ужасныхъ этихъ словъ
 Не говори, когда себя жалѣешь.
 Хоть можетъ Богъ такой молитвѣ внять,
 Но и того, кто молится объ этомъ,
 Караетъ онъ.

ЧЕНЧИ.

Богъ дѣлаетъ свое,
 А я — свое. Но я еще не кончилъ.
 Коль суждено ребенка ей родить...

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая мысль ужасная!

ЧЕНЧИ.

Коль это

Ей суждено,—о чемъ отъ всей души
 Я каждый день природу умоляю,—
 То пусть дитя, рожденное отъ ней,
 Подобиемъ ея гнуснѣйшимъ будетъ;
 Пусть въ немъ она, какъ въ зеркалѣ кривомъ,
 Испорченномъ, вездѣ свой образъ видитъ,
 Съ тѣмъ смѣшанный, что болѣе всего
 Противно ей; пускай ея ребенокъ,
 Отъ первыхъ лѣтъ и съ каждымъ новымъ днемъ
 Становится все гаже, безобразнѣй,
 Уродливѣй, и матери любовь!
 Въ тяжелое страданье превращаетъ;
 Пусть мать и онъ живутъ до той поры,
 Пока за всю заботливую пѣжность
 Ей не воздастъ онъ ненавистью злой,
 Иль, что еще противнѣе природѣ,
 Не станетъ гнать ее сквозь ѣдкій смѣхъ людей,
 Сквозь грамъ и стыдъ, къ безвременной могилѣ!
 Я все сказалъ. Но время есть еще:
 Пускай придетъ, пока не начерталось
 На небесахъ проклятіе мое.

(*Лукреція уходитъ*).

Въ моей душѣ не человѣка чувство,
 А демона, готоваго казнить
 Грѣхи еще невѣдомаго міра.
 То вверхъ, то внизъ струится кровь моя,
 И радостью, исполненной боязни,
 Она горитъ и бьется;—странный страхъ
 Я чувствую, и сердце въ ожиданьи
 Веселія ужаснаго, въ груди
 Колотится тревожно...

(*Лукреція возвращается*).

Ну?

ЛУКРЕЦІЯ.

Проклятье

Ей ни по чемъ, и говорить она,

Что если бы и духъ ея проклятье
Могло убить...

ЧЕНЧИ.

Не хочеть? Хорошо.

Теперь могу я сдѣлать оба дѣла:
Во первыхъ, взять, что нужно мнѣ, а тамъ
И пыткою ее заставить сдаться...
Вонъ съ глазъ моихъ, пока еще тебя
Пинками я не выгналъ; — нынче ночью
Не попадись на встрѣчу мнѣ, смотри!
Мнѣ помѣшать опаснѣй, чѣмъ у тигра
Отнять его добычу... Ну, ступай!

(*Лукреція уходитъ*)

Должно быть, часъ не ранній... Непривычной
Дремотою смыкаются глаза...
О, совѣсть! ты, нахальнѣйшая сказка!
Всѣ говорятъ, что сонъ, роса небесъ,
Не льетъ свою цѣлительную влагу
На мозгъ того, кто признаетъ тебя
Обманщицей... Пойду, и сномъ глубокимъ,
Спокойнѣйшимъ, я докажу, что ты
Дѣйствительно обманщица... А послѣ...
О, мрачный адъ! Всѣ демоны твои
Сводъ потрясуть веселымъ ликованьемъ,
А по небу глубокой скорби звукъ
Вдругъ пролетитъ, какъ будто возвѣщая
Смерть ангела святаго; на землѣ
Все доброе зачахнетъ и завянетъ,
А злое все подъ дуновеньемъ злымъ,
Противнымъ всей природѣ, оживится
И зацвѣтетъ, какъ я теперь цвѣту.

(*уходитъ*).

СЦЕНА II.

Передъ замкомъ Петреллою.

На стѣнѣ показываются *Беатриче* и *Лукреція*.

БЕАТРИЧЕ.

Не видно ихъ.

ЛУКРЕЦИЯ.

Еще вѣдь только полночь.

БЕАТРИЧЕ.

Какъ медленно проносятся часы!

ЛУКРЕЦИЯ.

Пронесется!.. Что, если опъ проснется,
Пока еще не все совершено?

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, не долженъ онъ проснуться
Ужъ никогда! Разсказъ твой убѣдилъ
Меня вполнѣ, что мы ничто иное
Здѣсь дѣлаемъ, какъ злого духа тьмы
Спѣшимъ прогнать изъ тѣла человѣка.

ЛУКРЕЦИЯ.

Да, правда, онъ о смерти и судѣ
Такъ говорилъ, какъ говорить не можетъ
Такой злодѣй, — какъ говорить лишь тотъ,
Кто вѣруеть въ Всевышняго и вмѣстѣ
Не думаетъ о злѣ и о добрѣ...
Но умереть, увы, безъ покаянья!...

БЕАТРИЧЕ.

О, вѣрь, что Богъ и справедливъ и добръ
И нашего ужаснаго поступка
Не занесетъ въ огромное число
Его грѣховъ.

(Внизу появляются *Олимпіо* и *Марціо*).

ЛУКРЕЦИЯ.

Они идутъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ такъ-то
Земное все цѣль мрачную свою
Спѣшить достигъ. Сойдемъ туда скорѣе.

(*скрываются*)

ОЛИМПІО.

Товарищъ, что ты чувствуешь теперь?

МАРЦІО.

Что чувствуетъ тотъ человѣкъ, который

Мнѣ много монеть отличною цѣной
За жизнь убійцы стараго считаетъ.
Какъ блѣденъ ты!

ОЛИМПИО.

То отблескъ лишь одинъ
Той блѣдности, которою покрыто
Твое лице.

МАРЦИО.

Я блѣденъ отъ того,
Что ненависть моя и жажда мщенья
Всю кровь въ лицѣ заставили остыть.

ОЛИМПИО.

Такъ значитъ ты берешься съ наслажденьемъ
За этотъ трудъ?

МАРЦИО.

О, такъ доволенъ я,
Какъ будто бы мнѣ тысячу червонцевъ
За то дають, чтобъ раздавить змѣю,
Убившую мое дитя родное!
(Входятъ *Лукреція* и *Беатриче*)

ОЛИМПИО.

Почтенныя синьоры!

БЕАТРИЧЕ.

Чтожъ, совсѣмъ
Рѣшились вы?

ОЛИМПИО.

Уснулъ онъ?

МАРЦИО.

Все спокойно?

ЛУКРЕЦІЯ.

Въ его питье я опиумъ влила;
Онъ крѣпко спитъ.

БЕАТРИЧЕ.

Такъ крѣпко спитъ, что будетъ
Смерть для него лишь переменной сновъ
Преступнѣйшихъ и продолженьемъ ада,

Живущаго въ его душѣ,—огня
 Нечистаго, который Богъ потушить...
 Но твердо-ль вы рѣшились? Предстоитъ
 Вамъ важное, священнѣйшее дѣло.

ОЛИМПЮ.

Рѣшились мы.

МАРЦЮ.

Конечно, на себя
 Отвѣтственность за это вы берете.

БЕАТРИЧЕ.

И такъ за мной!

ОЛИМПЮ.

Постойте, что за шумъ?..

МАРЦЮ.

Сюда идутъ...

БЕАТРИЧЕ,

Болѣзненные трусы!

Разсѣйте страхъ ребяческій. То дверь,
 Которую вы затворять забыли,
 Качается, и вѣтеръ сивозъ нее
 Летитъ, свистя, какъ будто издѣваясь
 Надъ трусостью. Ну, слѣдуйте за мной!
 Впередъ, и пусть вашъ шагъ съ моимъ сравнится:
 Пусть будетъ онъ отваженъ, легокъ, быстръ.
(уходить)

СЦЕНА III.

Комната въ замкѣ.

(Входятъ БЕАТРИЧЕ и ЛУКРЕЦІЯ).

ЛУКРЕЦІЯ.

Они теперь за дѣломъ.

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ужъ вѣрно

Все кончено.

ЛУКРЕЦІЯ.

Но не слыхали мы

Хрипѣнія.

БЕАТРИЧЕ.

Хрипѣнія не будетъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что тамъ за шумъ? Послушай...

БЕАТРИЧЕ.

То шаги

Разбойниковъ вокругъ его постели.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, Господи! быть можетъ, онъ теперь
Холодный трупъ...

БЕАТРИЧЕ.

Не конченнаго дѣла

Намъ слѣдуетъ бояться, а того,

Что можетъ вдругъ остаться несвершеннымъ.

(входятъ *Олимпіо* и *Марціо*).

Исполнено?

МАРЦІО.

Что?

ОЛИМПІО.

Вы не звали насъ?

БЕАТРИЧЕ.

Когда?

ОЛИМПІО.

Теперь.

БЕАТРИЧЕ.

Я спрашивала только,

Исполнено-ль?

ОЛИМПІО.

Не смѣемъ умертвить

Мы спящаго, сѣлаго человѣка,

Простите мнѣ. Сѣдые волоса,

Высокій лобъ, серьезный и почтенный,

Скрещенныя на сердцѣ руки, сонъ,

Исполненный невиннаго покоя, —

Все это страхъ нагнало на меня.

Я не могу, я не могу рѣшиться!

МАРЦІО.

А я такъ былъ смѣлѣе и бранилъ

Олимпію; къ морщинистому горлу
 Уже свой ножъ приставилъ я, какъ вдругъ
 Старикъ во снѣ проговорилъ: «О Боже,
 Услышь, услышь проклятіе отца!
 Ты самъ Отецъ!» Потомъ онъ засмѣялся.
 И понялъ я, что это говорилъ
 Духъ моего отца его устами,—
 И не посмѣлъ...

БЕАТРИЧЕ.

О, жалкіе рабы!

Вы умертвить уснуvшаго не смѣли,
 А духу въ васъ хватило, чтобъ съ такимъ
 Извѣстіемъ мнѣ на глаза явиться?
 Измѣнники и трусы! Подлецы!
 Смѣшно и жаль смотрѣть на эту совѣсть,
 Которую вы рады продавать
 За золото и изъ желанья мести:
 Вѣдь спитъ она спокойно каждый день
 При тысячѣ взорнѣйшихъ поступковъ,
 А тутъ, когда должны вы то свершить,
 Въ чемъ чувствовать раскаяніе, значить
 Небесную правдивость оскорблять,—
 Вы... Но къ чему все это говорю я?

(Вырываетъ у одного изъ нихъ кинжалъ и поднимаетъ его).

Коль твой языкъ посмѣетъ произнестъ:
 «Она отца роднаго умертвила!»—
 То я рѣшусь!—Но только не мечтай,
 Что оба вы его переживете!

ОЛИМПИО.

Остановись, о, ради Бога...

МАРЦИО.

Я

Сейчасъ иду и совершу убійство.

ОЛИМПИО.

Дай мнѣ кинжалъ. Желаніе твое
 Исполнить мнѣ обязанъ.

БЕАТРИЧЕ.

Возьмите...

Скорѣй туда... и поскорѣй назадъ...

(Олимпіо и Марціо уходятъ).

Какъ ты блѣдна! О, матушка, подумай,
Вѣдь мы съ тобой теперь свершаемъ то,
Что не свершить грѣхомъ ужаснымъ было-бъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, кончить бы скорѣе!

БЕАТРИЧЕ.

Между тѣмъ

Какъ эта мысль въ умѣ твоемъ проходить,
Ужъ на землѣ пережнялось все.
Тьма адская навѣки поглотила
Тотъ злой туманъ, что ею посланъ былъ,
Чтобъ зачернить свѣтъ жизни благодатный.
Я чувствую, что легче мнѣ дышать
И кровь бѣжить свободнѣе по жиламъ.
Но, чу! Идутъ...

*(Входятъ Олимпіо и Марціо).*БЕАТРИЧЕ *(бросался къ нимъ на встрѣчу).*

Онъ...

ОЛИМПЮ.

Мертвъ!

МАРЦІО.

Мы зарушили

Его затѣмъ, чтобъ кровь не потекла;
Потомъ его тяжелый трупъ стацили
Въ садъ, подъ балконъ. Пусть думаютъ, что онъ
Самъ внизъ упалъ.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ деньги, и ступайте

Скорѣй домой. Ты-жь, Марціо, за то,
Что ужасомъ и трусостью объяло
Тебя лишь то, предъ чѣмъ дрожала я, —
Возьми, падѣнь.

(Надвываетъ на него роскошный плащъ).

Еще мой дѣдъ въ дни счастья
 Высокаго, на зависть всѣхъ людей
 Носилъ его; пусть и тебѣ всѣ люди
 Завидуютъ. Ты былъ въ рукахъ Творца
 Оружіемъ для праведнаго дѣла.
 Прощай! живи счастливо много лѣтъ,
 И если ты отягощенъ грѣхами,
 Покайся въ нихъ; — а то, что совершилъ
 Ты здѣсь теперь, совѣмъ не преступленье.
(Слышится звукъ роговъ).

ЛУКРЕЦІЯ.

Послушайте... вѣдь это здѣсь трубать...
 О, Господи!... мнѣ эти звуки — точно
 Труба суда послѣдняго...

БЕАТРИЧЕ.

Сюда,
 Должно быть, гость какой-нибудь пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Подъемный мостъ опущенъ и въ дворѣ
 Ржутъ лошади. Бѣгите, скройтесь, скройтесь!
(Олимпіо и Марціо уходятъ).

БЕАТРИЧЕ.

И мы уйдемъ и притворимся тамъ,
 Что вѣрно спимъ. Мнѣ, впрочемъ, притворяться
 И нѣтъ нужды; душа моя полна
 Спокойствіемъ какимъ-то страннымъ; даже
 Мнѣ кажется, что я уснуть могу
 Спокойнымъ сномъ... Все злое пролетѣло!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Другая комната въ замкѣ.

Въ одну дверь слуга вводитъ легата САВЕЛЛУ, въ другую входятъ
 ЛУКРЕЦІЯ и БЕРНАРДО.

САВЕЛЛА.

Почтенная синьора! Службы долгъ
 Предъ вами мнѣ послужить оправданьемъ

ЧЕНЧИ.

Тому, что васъ въ такую пору я
Тревожу здѣсь. Я долженъ съ графомъ Ченчи
Поговорить. Онъ вѣрно спитъ теперь?

ЛУКРЕЦІЯ *(въ смущеніи и въ страхѣ)*.

Да, кажется... Но не будите графа,
Я васъ прошу хоть ради моего.
Спокойствіа; онъ золъ и бѣшенъ въ гнѣвѣ.
Повѣрьте мнѣ—быть худа, если мы
Сегодня сонъ его нарушимъ: аду
Ужасныхъ грезъ подобенъ этотъ сонъ.
Хоть до зари повремените.

(всторону). Боже!

Отъ страха я мертвѣю!

САВЕЛЛА.

Крайне мнѣ

Прискорбно васъ тревожить, но обязанъ
Немедленно графъ Ченчи отвѣчать
На цѣлый рядъ важнѣйшихъ обвиненій.
Такой приказъ мнѣ данъ.

ЛУКРЕЦІЯ *(въ сильномъ волненіи)*.

Не смѣю я

Его будить— и никого не знаю,
Кто взялся бы за это дѣло; въ немъ
Опасности не мало; безопаснѣй
Будить змѣю, иль трупъ, въ которомъ спитъ
Злой адскій духъ.

САВЕЛЛА.

Почтенная сеньора,

Мои часы сосчитаны. Когда
Изъ васъ никто его будить не смѣетъ,
Такъ я пойду.

ЛУКРЕЦІЯ *(въ сторону)*.

О, ужасъ! гибну я!

(Къ Бернардо) Сведи къ отцу почтеннаго легата.*(Савелла и Бернардо уходятъ. Входитъ Беатриче.)*

БЕАТРИЧЕ.

Изъ Рима къ намъ посолъ пріѣхалъ съ тѣмъ,

Чтобъ взять въ тюрьму преступника, который
Теперь стоитъ предъ Господа лицомъ.
Ты видишь, мать, что судъ земли и неба
Невинными насъ признаеть.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, страхъ

Мучительный! О, отчего онъ умеръ?
Я только что слыхала, проходя,
Какъ межъ собой товарищи легата
Шепталися, что есть у нихъ приказъ
Казнить его немедленно. Такъ, значить,
Законный путь самъ приготовилъ то.
За что теперь такъ дорого придется
Намъ заплатить. О, въ этотъ самый мигъ
Тамъ поиски... вотъ трупъ они находятъ...
Вотъ истину подозрѣваютъ.... вотъ
Сюда идутъ, чтобъ страшнымъ обвиненьемъ
Насъ поразить... увы! открыто все!

БЕАТРИЧЕ.

О, матушка, что сдѣлано разумно,
То хорошо. Будь точно такъ смѣла,
Какъ праведна. Какое малодушье,
Ребичество— бояться, чтобъ другой
Не вывѣдалъ черезъ твою-же совѣсть
Всего того, что сдѣлано тобой,—
И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ оцѣпенѣвшемъ взглядѣ
И на лицѣ испуганномъ писать
Все то, что скрыть желаешь ты. Старайся
Не измѣнять себѣ и никакихъ
Свидѣтелей не бойся, кромѣ страха
Своей души. Пусть даже чтонибудь
Вдругъ противъ насъ возстанеть обвиненьемъ —
Хоть этого никакъ не можетъ быть —
Мы выкажемъ такое изумленье
Глубокое, такую гордость нашей
Невинности, мы притворимся такъ,
Какъ никогда не можетъ притвориться

Убийца. Да, поступокъ совершенъ,
 А до его послѣдствій нѣтъ мнѣ дѣла.
 О, съ этихъ поръ, какъ воядухъ я вольна
 И такъ тверда какъ средоточье міра.
 Послѣдствія не страшны мнѣ; они
 То для меня, что вѣтеръ для утеса:
 Онъ воетъ лишь, но никогда скалу
 Не сокрушить...

(За сценой крики и шумъ).

ГОЛОСА.

Разбой! Разбой! Убийство!

(Входятъ *Бернардо* и *Савелла*.)

САВЕЛЛА (*своей свить*).

Бѣгите же, обшарьте замокъ весь
 И все кругомъ; тревогу бейте; стражу
 Ко всѣмъ дверямъ приставьте, чтобъ никто
 Не могъ уйти... скорѣе!

БЕАТРИЧЕ.

Что случилось?

БЕРНАРДО.

Не знаю, какъ сказать тебѣ... отецъ...
 Онъ... умеръ!

БЕАТРИЧЕ.

Что? Онъ умеръ? Ты ошибся,
 Онъ только спитъ такимъ глубокимъ сномъ,
 Что вы сочли его умершимъ... Странно!
 Такой тиранъ спокойно можетъ спать...
 Нѣтъ, милый братъ, отецъ не умеръ. .

БЕРНАРДО.

Умеръ!

Убить!

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сильномъ волненіи*).

О, нѣтъ, о нѣтъ! онъ не убитъ,
 Хотя бъ его нашли вы даже мертвымъ!
 Вѣдь я одна имѣю всѣ ключи
 Отъ комнатъ тѣхъ...

САВЕЛЛА.

А! вотъ что!

БЕАТРИЧЕ.

Извините,

Синьоръ,—но мы уйти къ себѣ должны.
 Такъ матушку все это испугало
 И потясло, что съ ней нехорошо.

(Уходитъ съ матерью).

САВЕЛЛА.

Кого нибудь вы можете-ль въ убійствѣ
 Подозрѣвать?

БЕРНАРДО.

Ахъ, что и думать мнѣ

Не знаю я!

САВЕЛЛА.

Быть можетъ, назовете

Кого нибудь, кому бы смерть его
 Была нужна...

БЕРНАРДО.

Увы, увy! не знаю

Я никого, кому бы не пужна
 Она была,— и больше всѣхъ желали
 Той смерти тѣ, которые теперь
 Сильпѣе всѣхъ встревожены убійствомъ;
 Моя сестра, и мать моя, и я.

САВЕЛЛА.

Гмъ!... странно все... Насилья знаки ясны...
 Трупъ старика нашелъ я подъ окномъ
 Въ его саду; тамъ онъ при лунномъ свѣтѣ
 Лежалъ въ вѣтвяхъ сосны. Что самъ туда
 Онъ не упалъ,—въ томъ нѣтъ сомнѣнья: тѣло
 Не такъ лежитъ... однако крови нѣтъ...
 Синьоръ, и вы и ваше все семейство
 Должны желать, чтобъ было это все
 Уяснено; поэтому просите
 Почтенныхъ дамъ пожаловать ко мнѣ.

*(Бернардо уходитъ).**(Стражи вводятъ Марціо).*

СТРАЖЪ.

Одинъ въ рукахъ.

ОФИЦЕРЪ.

Синьоръ, бездѣльникъ этотъ

Съ другимъ своимъ товарищемъ межъ скалъ
 Тайнственно куда-то пробирался;
 Сомнѣнья нѣтъ, что ими графъ убитъ.
 У одного нашли мѣшокъ червонцевъ,
 А на другомъ, вотъ этомъ самомъ, былъ
 Богатый плащъ, весь золотомъ покрытый;
 Его шитье блестяло при лунѣ
 Межъ темныхъ скалъ и выдало мерзавца.
 Другой убитъ въ отчаянной борьбѣ.

САВЕЛЛА.

Чтожъ, этотъ вамъ хоть въ чемъ нибудь сознался?

ОФИЦЕРЪ.

Нѣтъ, онъ молчитъ упорно; но на немъ
 Записку мы нашли, и эти строки
 Молчаніе его вознаграждать.

*(Подаетъ записку).*САВЕЛЛА *(читаетъ)*.

«Синьора Беатриче! Для того, чтобы ты могла скорѣе отомстить
 «за то, о чемъ я страшусь даже думать, посылаю къ тебѣ, по же-
 «ланью твоего брата, людей, которые поговорятъ съ тобой и судъ-
 «лаютъ больше, чѣмъ я смѣю писать. Твой преданный слуга Орсино.»

(Входятъ Лукреція Беатриче и Бернардо).

САВЕЛЛА.

Знакомъ ли вамъ, синьора, этотъ почеркъ?

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ.

САВЕЛЛА.

И тебѣ?

ЛУКРЕЦІЯ *(въ сильномъ волненіи)*.

Гдѣ это вы нашли?

Что это?... Да, рука его, Орсино!...
 Онъ говоритъ о страшномъ дѣлѣ томъ,
 Котораго словами человѣка
 Не выказать, — о страшномъ дѣлѣ томъ,
 Что межъ отцемъ и дочерью несчастной
 Поставило злой ненависти бездну!

САВЕЛЛА.

Ужели такъ? Ужели вашъ отецъ
Вамъ наносилъ такія оскорбленья,
Что ощутить въ душѣ своей могли
Вы ненависть, прстивную природѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не ненависть, а больше и сильнѣй
Чѣмъ ненависть;— все это справедливо.
Но для чего допросы эти?

САВЕЛЛА.

Здѣсь

Случилось то, что требуетъ допроса.
Какую-то вы тайну отъ меня
Скрываете...

БЕАТРИЧЕ.

Синьоръ, вы слишкомъ дерзки!

САВЕЛЛА.

Отъ имени святѣйшаго отца
Всѣхъ здѣшнихъ я беру и арестую.
За мною въ Римъ вы слѣдовать должны.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ, не въ Римъ! Клянусь вамъ, мы невинны!

БЕАТРИЧЕ.

Кто говорить здѣсь смѣетъ о вишѣ?
Синьоръ, я такъ грѣшна въ отцеубійствѣ
Какъ безъ отца рожденное дитя.
О, матушка, твое терпѣнье, кротость
Не могутъ быть защитой отъ суда
Неправедныхъ, отъ обоюдо-острой
И дерзкой лжи. Нѣтъ, не людской законъ,
А вы одни, — вы, этого закона
Служители, желаете сперва
Не допускать людей до воздаянья;
А послѣ, да, когда ужъ небеса
То сдѣлаютъ, чего вашъ судъ не дѣлалъ,
И изберутъ простаго бѣдняка
Орудіемъ отплаты преступленью

Великому и страшному;—тогда
 Несчастныхъ жертвъ, желавшихъ этой мести,
 Спѣшите вы преступными назвать!
 Нѣтъ, сами вы преступники! Предъ вами
 Стоитъ бѣднякъ, блѣднѣя и дрожа;
 Но если онъ убійца графа Ченчи,
 То вы должны считать его мечомъ
 Судящаго и праведнаго Бога!

САВЕЛЛА.

И такъ, теперь вы сознаетесь въ томъ.
 Что смерть его была желаньемъ вашимъ?

БЕАТРИЧЕ.

О, если бъ хоть на мигъ одинъ
 Въ моей душѣ желанье этой смерти
 Угаснуло,—была бы я большой
 Преступницей. Да, правда, я молилась,
 Надѣялась и вѣрила,— и мысль,
 Что благъ Господь и праведенъ, вселяла
 Въ моей душѣ увѣренность, что онъ
 Окончить жизнь внезапной, странной смертью.
 Да, это все, все правда; но еще
 Правдивѣе, что только въ этой смерти
 Я видѣла спокойствіе свое
 Здѣсь, на землѣ, и свѣтлую надежду
 Тамъ, въ небесахъ. Но для чего веду
 Я эту рѣчь?

САВЕЛЛА.

Загадочныя мысли

Даютъ ключъ вѣрный къ объясненью дѣлъ
 Загадочныхъ. Здѣсь есть и то, и это.
 Я не хочу судьбою вашимъ быть.

БЕАТРИЧЕ.

А между тѣмъ, меня арестовавши,
 Вы явитесь судьей и палачомъ
 Того, что есть жизнь жизни. Обвиненье
 Разить на смерть дышащемъ своимъ
 Чистѣйшее, невиннѣйшее имя,

А безъ него жизнь бѣдная людей
 Есть маска лишь. Что я отцеубійца —
 То клевета, хоть радоваться я
 Тому должна, что здѣсь другія руи
 Отправили духъ моего отца
 Испрашивать той милости, въ которой
 Онъ мнѣ всегда отказывалъ. Теперь,
 Оставьте намъ свободу; не пачкайте
 Нашъ чистый домъ сомнѣніемъ пустымъ
 И мыслію о гнусномъ преступленіи.
 Довольно мы страдали; для чего
 Хотите вы усилить наши муки
 И собственный вашъ промахъ?

САВЕЛІА.

Не могу,
 Не смѣю я исполнить вашу просьбу.
 Пожалуйста, готовьтесь ѣхать въ Римъ.
 Тамъ папа вамъ свою объявитъ волю.

ЛУКРЕЦІА.

О, нѣтъ, не въ Римъ! Я васъ молю — не въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Да отчего ты такъ боишься Рима?
 Вѣрь, матушка, невинность наша тамъ,
 Какъ здѣсь, попретъ ногой вооруженной
 Всѣ клеветы. Всевышній тамъ, какъ здѣсь,
 Десницею своею осѣняетъ
 Того, кто слабъ, невиненъ и гонимъ,
 Какъ мы съ тобой. Приободрись, родная!
 Поди ко мнѣ, приди въ себя. Синьоръ,
 Какъ только вы немного освѣжитесь,
 Закусите и кончите осмотръ
 Подробѣйшій на мѣстѣ преступленія —
 Что для суда необходимо вамъ —
 Вы насъ вполне готовыми найдете.
 Ну, матушка, пойдемте.

ЛУКРЕЦІА.

О, они
 Привяжутъ насъ къ орудьямъ страшной пытки

И пыткой насъ заставить обвинить
 Самихъ себя. Орсино и Джіакомо,
 И Марціо, всё будутъ тамъ, и всѣмъ
 Дадутъ они очную ставку... Каждый,
 Смотри въ лице другого, будетъ въ немъ
 Искать отвѣтъ на то, что скрыто въ сердцѣ
 У каждаго... О, горе мнѣ!

(падаетъ въ обморокъ, ее выносятъ.)

САВЕЛА

Она

Лишилась чувствъ; то признакъ нехорошій.

БЕАТРИЧЕ.

Синьоръ, она не свѣдуща совсѣмъ
 Въ мірскихъ дѣлахъ. Въ правительственной власти
 Ей видится какой-то хищный звѣрь
 Терзающій на смерть свою добычу, —
 Какая-то свирѣпая змѣя,
 Которой взглядъ всё вещи превращаетъ
 Въ тяжелый грѣхъ, что служить пищей ей.
 Она еще не знаетъ, какъ читаютъ
 Слѣпыхъ властей лѣнивые рабы
 Всю истипу, начертанную ярко
 На чистомъ лбу невинности; она
 Не вѣдаетъ, что чистая невинность,
 Все побѣдивъ, въ судилищѣ людей
 Стоитъ сама, какъ грозный обвинитель
 И какъ судья преступнаго судьи! —
 Готовьтесь въ путь, синьоръ легать; мы скоро
 Внизу, въ дворѣ васъ будемъ ожидать.

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА I.

Комната въ домѣ Орсино.

(Входятъ ОРСИНО и ДЖІАКОМО.)

ДЖІАКОМО.

Вотъ быстро какъ къ концу приходятъ злыя,
 Преступныя дѣла! о, отчего

То самое раскаянье, что дѣло
 Преступное казнить, когда оно
 Совершено, — не предостерегало
 Такъ громко насъ, какъ быстро мститъ теперь!
 О, отчего въ минуту преступленья
 Оно съ себя таинственный покровъ
 Не сорвало и намъ не показало
 Тотъ страшный видъ, въ которомъ вновь теперь
 Является, травя свою добычу
 Собаками злой совѣсти! Увы!
 Въ недобрый часъ задумали мы дѣло —
 Убить отца, сѣдаго старика.

ОРСИНО.

Дѣйствительно, все очень неудачно
 Покончилось.

ДЖІАКОМО.

Войти насильно въ дверь
 Святую сна, — обманомъ у природы
 Благой ту смерть спокойную отнять,
 Которую она приготовляетъ
 Для старости уставшей, — у небесъ
 Похитить вдругъ грѣховнѣйшую душу
 Въ тотъ самый мигъ, какъ, можетъ быть, она
 Молитвами раскаянья тушила
 Жизнь, полную огня преступныхъ дѣлъ!...

ОРСИНО.

Ты упрекнуть меня никакъ не можешь,
 Что я тебя на это подстрекнулъ.

ДЖІАКОМО.

О, лучше бы въ твоемъ лицѣ спокойномъ,
 Услужливомъ не видѣть никогда
 Мнѣ зеркала моихъ мрачнѣйшихъ мыслей!
 О, лучше бы, Орсино, никогда
 Вопросами, намеками своими
 Не открывалъ ты взору моему
 Чудовища всѣхъ думъ моихъ тревожныхъ.

ОРСИНО.

Вотъ такъ всегда въ дѣлахъ съ плохимъ концемъ
 Радъ человекъкѣ вину всей неудачи
 Свалить на всѣхъ другихъ и оставлять
 Нетронутей лишь собственную слабость.
 А между тѣмъ, сознайся, ты теперь
 Лишь потому въ раскаяньи блѣднѣешь
 И мучишься, что все грозитъ тебѣ
 Опасностью; сознайся откровенно,
 Что только страхъ, себя же устыдясь,
 Себя прикрылъ раскаянья покровомъ...
 Но еслибы намъ удалось спастись...

ДЖИАКОМО.

Спастись нельзя. Ты знаешь, Беатриче,
 Лукреція и Марціо въ тюрьмѣ.
 Сомнѣнья нѣтъ, что и меня съ тобою
 Возьмутъ сейчасъ.

ОРСИНО.

Я приготовилъ все
 Для бѣгства. Мы спастись отлично можемъ,
 Коль случая не выпустимъ изъ рукъ.

ДЖИАКОМО.

Нѣтъ, лучше я погибну въ мукахъ пытки,
 Чѣмъ убѣгу. Мы этимъ обвинимъ
 Самихъ себя и винемъ Беатриче
 На жертву имъ; а вѣдь она одна
 Стоитъ теперь какъ будто ангелъ Божій
 Въ кругу чертей— прислужниковъ; ее
 Повинемъ мы, возставшую для мщенья,
 За то, чему пазванья даже нѣтъ,
 Что дѣлаеть богоугоднымъ дѣломъ
 Ужаснаго отцеубійства грѣхъ?
 И мы уйдемъ изъ-за презрѣнной цѣли?...
 О, знаешь-ли, Орсино,— эти всѣ
 Слова твои и это предложенье.
 Меня теперь приводятъ къ мысли той,
 Что ты подлець. Скажи, съ какою цѣлью

Въ опасное такое дѣло ты
 Меня втянулъ? Съ какою цѣлью къ безднѣ
 Меня привелъ намеками, словами,
 Улыбками? Ты не обманщикъ, нѣтъ,
 Ты ложь сама. Измѣнникъ! трусъ! убійца!
 Презрѣнный рабъ!

(обнажаетъ мечъ)

Но защищайся! Пусть
 Мой мечъ тебѣ то скажетъ, чѣмъ не хочеть
 Пятнать себя языкъ мой...

ОРСИНО.

Уложи

Свой мечъ въ ножны. Отчаянье и ужась,
 Я думаю, виной тому, что ты
 Такъ вспыльчиво выдаешься на друга,
 Погибшаго теперь изъ за тебя.
 Коль честный гнѣвъ тебя взорвалъ такъ сильно,
 То знай, тебѣ я бѣгство предложилъ
 Лишь для того, чтобъ испытать, какъ станешь
 Ты поступать. Привязанность моя,
 Снискавшая такую благодарность,
 Меня теперь къ той точкѣ привела,
 Откуда мнѣ нельзя уже вернуться,
 Хотя-бъ и могъ мой непреклонный духъ
 Покаяться. Да, знай, что въ то же время,
 Какъ мы съ тобой бесѣдуемъ— внизу
 Стоять и ждуть служителя закона:
 Я уприсялъ хоть нѣсколько минутъ
 Мнѣ подарить. Теперь, когда ты хочешь
 Увидѣться съ несчастною женой
 И что нибудь сказать ей въ утѣшенье,
 Такъ, чтобъ тебя не видѣли,— пройди
 Вотъ въ эту дверь.

ДЖІАКОМО.

О, другъ великодушный!
 Прости меня. Я радъ бы жизнь отдать,
 Чтобъ приобрѣсть твое спасенье.

ОРСИНО.

Поздно

Ты пожелалъ... Но слышишь — въ коридорѣ
Шаги... Спѣши, Джакомо, и прощай!

(Джакомо уходитъ.)

Мнѣ очень жаль, но у его квартиры
Ужъ стража ждетъ, а я и отъ него
И отъ нея отдѣлался искусно.
Комедию торжественную я
Хотѣлъ сыграть на пестрой сценѣ міра
И думалъ цѣль свою осуществить
Добра и зла искуснымъ соплетеньемъ;
Но сила, вдругъ возставшая, пришла,
И нити всѣхъ предначертаній
Разорвала и сдѣлала изъ нихъ
Сѣть гибели...

(На улицѣ слышны крики.)

Чу! не мое ли имя

Народъ кричитъ на улицѣ? Но я
Ихъ не боюсь: переодѣтый въ платье
Бѣднѣйшее, съ лохмотьями на тѣлѣ,
Съ невинностью фальшивой на лицѣ,
Я проберусь спокойно сквозь толпу,
Судящую о людяхъ лишь по виду.
А тамъ уже не трудно будетъ мнѣ
Сыскать себѣ и новое названье,
Жизнь новую на старомъ образцѣ
И новое отечество, — п это
Все промѣнять безъ горести большой
На почести покинутого Рима.
Но что, когда случившееся здѣсь
Въ моей душѣ вставать укоромъ будетъ?
Нѣтъ, пустяки. Вѣдь о дѣлахъ моихъ
Неправедныхъ извѣстно будетъ только
Мнѣ одному; такъ неужли меня
Моей души презрѣніе встревожитъ?
Какъ будто бы не въ силахъ я бѣжать
Отъ собственныхъ упрековъ? Неужели

Я сдѣлаюсь рабомъ... Рабомъ чего?
 Смѣшно сказать,— простаго слова, слова,
 Которое въ семь жалкомъ мѣрѣ мы
 Противъ другихъ всегда употребляемъ
 И никогда противъ самихъ себя,—
 Да, точно такъ какъ посимъ мы кинжалы,
 Чтобъ не себѣ удары наносить...
 Но что, когда я только заблуждаюсь?
 Гдѣ я найду тогда покровъ, чтобъ скрыть
 Себя отъ глазъ своихъ же, какъ скрываюсь
 Я въ этотъ мигъ отъ глазъ другихъ людей!

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Зала суда.

КАМИЛЛО и СУДЬИ сѣдятъ на своихъ мѣстахъ; стража вводитъ МАРЦЮ.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ (къ Марціо).

И такъ, вы все сознаться не хотите?
 Вы слышите; я спрашиваю васъ,
 Виновы ль вы, иль нѣтъ? Кто въ этомъ дѣлѣ
 Сообщникъ вашъ? Скажите правду намъ,
 Всю истину скажите, безъ утайки.

МАРЦЮ.

О Господи!... не я его убилъ.
 Я ничего рѣшительно не знаю.
 Олимпіо мнѣ продалъ этотъ плащъ,
 Въ которомъ вы находите улику
 Моей вины.

ВТОРОЙ СУДЬЯ.

На эшафотъ его!

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

И лгать при насъ вы смѣете губами,
 Которыя лобзаньемъ пытки злой
 Еще горять. Ея допросы, видно,
 Такъ сладостны, что вамъ до той поры
 Съ ней хочется бесѣдовать любовно,
 Пока изъ васъ не вытащитъ она,
 И жизнь, и духъ... Эй, взять его!

МАРЦЮ.

О, сжаьтесь;— во всемъ сознаюсь я.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ

Мы слушаемъ сознанье.

МАРЦЮ.

Графа Ченчи

Я задушилъ во время сна его.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ,

Кто подстрекнулъ на это васъ?

МАРЦЮ.

Въ Петреллу

Послали насъ Джакомо, сынъ его,
И молодой прелать Орсино; въ замкѣ
Его жена и дочь прельстили насъ
Червонцами, — и я и мой товарищъ
Немедленно убили старика.
Я все сказалъ. Теперь меня ведите
На смерть.

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ.

Его признаніе звучитъ

Какъ истина... Эй, стража; арестантовъ.
Вести сюда!

(Стража входитъ *Луcreцію, Беатриче и Джакомо*).

ПЕРВЫЙ СУДЬЯ (обращаясь къ нимъ и указывая на Марціо).

Взгляните на него,

Отвѣтствуйте: гдѣ вы его видали
Въ послѣдній разъ?

БЕАТРИЧЕ.

Ни разу мы его

Не видѣли.

МАРЦЮ.

Синьора, слишкомъ близко

Я вамъ знакомъ.

БЕАТРИЧЕ.

Гы мнѣ знакомъ? Когда?

И гдѣ?
— Ахъ! и какъ?

МАРЦЮ.

Вы знаете отлично —

Тот самый я, котораго убить
Родителя подбили вы своими
Угрозами и деньгами. Когда
Свершилось все, вы на меня надѣли
Богатый плащъ, и прожелали мнѣ
Преуспѣвать... вотъ видите, какъ славно
Я преуспѣлъ... Вы, добрая синьора
Лукреція, синьоръ Джакомо, вы
Вѣдь знаете, что говорю я правду.

*Беатриче подходитъ къ нему; онъ закрываетъ лицо руками и состра-
хомъ отступаетъ отъ нея.)*

О, отвори скорѣе отъ меня
Ужасный гнѣвъ очей твоихъ. Наноситъ
Онъ раны мнѣ... Здѣсь пыткой меня
Заставили сознаться... Все, синьоры,
Я вамъ сказалъ; ведите-же на смерть.

БЕАТРИЧЕ.

Бѣднякъ, бѣднякъ, я о тебѣ жалѣю.
Но погоди минуточку здѣсь.

КАМИЛЛО (*стражъ*).

Пускай

Онъ подождетъ.

БЕАТРИЧЕ.

О, кардиналъ Камилло,

Вы славитесь душевной добротой
И мудростью; такъ неужли на этотъ
Постыдный фарсъ вы можете смотрѣть, —
На этотъ фарсъ, въ которомъ темный, жалкій,
Дрожащій рабъ къ отвѣту привлеченъ
Страданьями, способными растрогать
Железный духъ, — и общащемъ мукъ
Ужаснѣйшихъ, какими не караетъ
Богомъ проклятыхъ, — принужденъ
То говорить, чего желаютъ судьи,
Что нужно имъ... Скажите-мнѣ теперь,
Что было бы, когда бы ваши члены

Нѣжнѣйшіе вдругъ началъ кто нибудь
 Колесовать и вамъ сказаль: «сознайся,
 «Что ты убилъ отравой своего
 «Племянника, прелестнаго ребенка,—
 «Твою звѣзду и полюсь жизни всей!»
 Конечно, вы, хоть даже всѣ бы знали,
 Что съ той поры, какъ такъ внезапно онъ
 Погибъ,— для васъ все въ жизни измѣнилось:
 И день, и ночь, и небо, и земля,
 И ходъ годовъ, и свѣтлыя надежды,—
 Вы все таки сказали-бъ: «сознаюсь»,
 И точно такъ, какъ этотъ рабъ несчастный,
 Молили-бы мучителей своихъ,
 Послать вамъ смерть позорную, какъ милость.
 Я васъ прошу, почтенный кардиналь,
 Признать меня невиною.

КАМІЛЛО (*сильно растроганный*).

Снѣборы

Почтенные, какъ думаете вы?
 Какъ, плачу я?.. Фи, стыдъ какой! Я думаль,
 Что у меня въ замерзнувшей душѣ
 Слезамъ давно нѣтъ мѣста... Я погляжусь
 Готовъ душой въ невиности ея.

СУДЬЯ.

Мы все таки ее подвергнуть пыткѣ
 Обязаны.

КАМІЛЛО.

За что?.. О, своего.

Племянника — (будь живъ теперь несчастный,
 Онъ былъ-бы ей ровесникъ и имѣлъ бы
 Такіе же глаза и волоса)—
 Я точно такъ рѣшился-бъ мучить пыткой,
 Какъ и ее, — ее, чистѣйшій образъ
 Любви Творца, какой когда нибудь
 Въ слезахъ тоски сходилъ на эту землю.
 Она чиста, снѣборы, какъ дѣтя
 Безгласное!

СУДЬЯ.

Когда вы не хотите

Ее пытать, то пусть на васъ падеть
 Отвѣтственность. Вы знаете, что папа
 Намъ приказалъ строжайше разобрать
 Подробности чудовищнаго дѣла,
 И перейти — коль будетъ предстоять
 Въ томъ надобность — за точный смыслъ закона.
 Противъ нея являются теперь
 Свидѣтельства такія, при которыхъ
 Безъ пытки намъ никакъ не обойтись.

БЕАТРИЧЕ.

Свидѣтельства? но чьи? его?

СУДЬЯ.

Конечно.

БЕАТРИЧЕ (*къ Марціо*).

Поди сюда поближе. Отвѣчай,
 Кто ты такой, — ты, избранный судьбою
 Изъ массы всѣхъ живущихъ для того,
 Чтобъ умертвить чистѣйшую невинность?

МАРЦІО.

Я Марціо, служитель твоего
 Родителя.

БЕАТРИЧЕ.

Смотри въ глаза мнѣ прямо

И отвѣчай.

(Обращаясь къ судьямъ).

Прошу васъ замѣчать

Его лице; вы видите, боится
 Смотрѣть онъ такъ, какъ дерзкій клеветникъ,
 Не смѣющій по временамъ словами
 То подтверждать, что видитъ глазъ его, —
 Его глаза на землю боязливо
 Устремлены. *(къ Марціо).*

И такъ ты говоришь,

Что я отца родного умертвила.

МАРЦІО.

О, пощади!.. Мой мозгъ идетъ кругомъ...
 Я говорить не въ силахъ... Только пыта

Признаніе исторела изъ меня...
 О, пусть скорѣй ведутъ меня вѣсело...
 Пусть взглядъ ея не смотритъ въ душу мнѣ!
 Преступникъ я и жалкое созданье!...
 Я все сказалъ, что знаю... Дайте-жь мнѣ
 Скорѣе смерть!

БЕАТРИЧЕ.

Синьоры! еслибъ въ сердцѣ
 Могла вѣсть на столько силъ я,
 Чтобъ изобрѣсть и сдѣлать преступленье,
 Въ которомъ я обвинена работою,
 Сказавшимъ ложь изъ опасенья пытки, —
 То неужли оставила бы жизнь
 Я этому орудью злого дѣла?
 И неужли, когда бы для меня
 Молчаніе такъ странно нужно было,
 Не приняла-бъ я мѣръ простыкъ къ тому,
 Чтобъ спряталась въ нѣмой могилѣ тайна
 Разбойника... Но видите, вѣдь онъ
 Еще живеть...

(обращаясь къ Марціо).

А ты...

МАРЦІО.

О, пощадите!

Я васъ молю со мною не говорить.
 Сильнѣй ножа, сильнѣй колесовальи
 Меня сѣчетъ, терзаетъ этотъ взглядъ
 Суровости и состраданья полный,
 И голосъ вашъ торжественный.

(Судьямъ).

Я все

Теперь сказалъ. Изъ радости ведите
 Меня на смерть.

КАМИЛЛО (стражъ).

Къ синьорѣ Беатриче

Подвиньте-ка поближе вы его.

Предъ ней дрожить онъ, точно листъ осенній
 Предъ вѣяншемъ суровѣйшей земы.

БЕАТРИЧЕ.

О, Марціо, ты, съ трепетомъ стоящій
 Надъ бездною, что отдѣляетъ жизнь
 Отъ вѣчнаго покоя, — хорошенько
 Обдумай все предъ тѣмъ какъ отвѣчать
 На мой вопросъ; — тогда и съ меньшимъ страхомъ
 Предстанешь ты къ всевышнему на судъ.
 Скажи мнѣ, что мы сдѣлали дурного
 Тебѣ? Увы! еще немного лѣтъ,
 Печальныхъ лѣтъ, мной прожито на свѣтѣ,
 И съ первыхъ дней былъ жалокъ мой удѣлъ:
 Минуты всѣ едва встававшей жизни
 Отецъ мой бралъ и въ капли превращалъ,
 Которыхъ ядъ сладчайшія надежды
 Всей юности мучительно губилъ.
 И послѣ онъ нанесъ ударъ смертельный
 Моей душѣ, и отнял у меня
 Еще ничѣмъ не тронутое имя
 И тотъ погой, что снить на днѣ души.
 Такъ несправедливая глубокая возникла
 Въ моей груди, и лишь ее могла
 Я повергать передъ престоломъ Бога,
 Отца всѣхъ насъ, который изъ любви,
 И благодати, и жалости къ несчастнымъ,
 Послалъ тебя чтобъ умертвить его.
 И чтожь? его виновность обвиняемъ
 Послужить мнѣ? И обвинитель мой
 Ты будешь, ты? Когда души спасенье
 Надѣешься ты на небѣ найти,
 То вырази сначала справедливость
 Здѣсь на землѣ: жестокая душа
 Ужаснѣ руки, покрытой кровью.
 Коль въ жизни ты убійства совершалъ
 И попиралъ безжалостно ногами
 Законы всѣ и Бога и людей, —
 То упади во прахъ передъ Верховнымъ
 Своимъ Судьей и такъ скажи ему:
 «Создатель мой! я сдѣлазъ это дѣло

«И болѣе чѣмъ это! На землѣ
 «Была одна чистѣйшая невинность;
 «И вотъ за то, что вынесла она
 «Мученія, какихъ никто на свѣтѣ
 «Не выносилъ; за то, что этихъ мукъ
 «Ни мысленно представить невозможно,
 «Ни выразить словами; и за то,
 «Что наконецъ десницею своею
 «Ты спасъ ее, — я, клеветой своей,
 «Убилъ ее и все ея семейство.»
 Подумайте, я умоляю васъ,
 Что значить быть убійцей уваженья,
 Которымъ свѣтъ нашъ старый, честный домъ
 И доблестное имя окружаетъ!
 Подумайте, что значить убивать
 Невиннаго младенца — состраданье
 Въ груди людей, — душить его, пока
 Страданіе не станетъ преступленьемъ;
 Подумайте, что значить кровь и срамъ
 Бидать на то, что кажется невиннымъ
 И таково дѣйствительно, — о, да,
 Я въ томъ клянусь, — будь мнѣ свидѣтель, Богъ!
 (обращаясь къ Марціо)
 Ты выслушалъ... ну, отвѣчай теперь,
 Виновна-ль я, или нѣтъ въ отцеубійствѣ?

МАРЦІО.

Нѣтъ.

СУДЬЯ.

Это что?

МАРЦІО.

Я объявляю здѣсь,
 Что обвинилъ ее несправедливо.
 Она чиста, — виновенъ я одинъ.

СУДЬЯ.

Эй, взять его и вновь подвергнуть пыткѣ!
 Придумайте мученья похитрѣй
 И подлиннѣй, чтобъ вырвать съ корнемъ сердце;

Не отпускать, пока всю правду онъ:
Не скажетъ намъ.

МАРЦЮ.

Терзайте, какъ хотите!

Страданіе — сильнѣе этихъ явъ: —
У моего послѣдняго дыханья
Исторгнуло ту правду, — выкину всёхъ:
Возможныхъ правдъ... Она вполнѣ невинна,
Я вамъ сказалъ!... О, вы, не люди — всмъ.
Голодные, насмѣте вашу алчность
Мной, мной однимъ. А это дорогое
Сокровище природы ни за что
Я не отдамъ на жертву разрушенью
И грабежу. *(Страха увидитъ Марцію.)*

КАМИЛЮ.

Синьоры, что теперь
Вы скажете?

СУДЬЯ.

Пусть пытка тянетъ правду,
Пока она не поблѣветъ такъ,
Какъ снѣгъ полей, взметенный вѣтрѣмъ.

КАМИЛЮ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ запачканный въ крови,

СУДЬЯ *(къ Беатриче.)*

Знакомы-ль вамъ, синьора, эти строки?

БЕАТРИЧЕ.

Къ чему меня хотите вы поймать
Вопросами? Кто здѣсь мой обвинитель?
А, это ты явиться хочешь имъ,
Ты, мой судья! — Такъ вотъ что! обвинитель,
Свидѣтели и судьи — это все
Въ одномъ лицѣ! — *(Смотря на записку.)*

Подписано: Орсино.

Кто онъ такой? Пусть на очную ставку
Придетъ сюда... Что можно заключить?
Изъ этого марабря? Ахъ, вы сами
Не знаете, и только потому

Что, можетъ быть, оно свидѣтель дѣла
Преступнаго — хотите насъ убить!

(Входитъ офицеръ).

СУДЬЯ.

Что Марціо?

ОФИЦЕРЪ.

Онъ умеръ.

СУДЬЯ.

И сознался?

ОФИЦЕРЪ.

Ни въ чемъ. Едва его мы привязали
У колеса, — онъ улыбнулся намъ
Какъ человѣкъ, искусно обманувшій
Противника, и, крѣпко затаивъ
Дыханіе, онъ умеръ.

СУДЬЯ.

Остается

Теперь одно: подвергнуть пыткѣ ихъ,
Скрывающихъ съ такимъ упорствомъ тайну.

КАМИЛО.

Нѣтъ, властію мнѣ данною прошу
Повременить съ процессомъ этимъ. Прежде
Поговорить я съ папою хочу
Объ этихъ трехъ особахъ благородныхъ,
Исполненныхъ невинности.

СУДЬЯ.

Пускай

Все будетъ такъ, какъ пожелаетъ папа.

(къ стражѣ)

А между тѣмъ, сведите ихъ въ тюрьму,
По комнатамъ отдѣльнымъ разсадите
И пусть у васъ готовы будутъ всѣ
Орудія допроса: если папа
Захочетъ здѣсь явиться, какъ всегда,
И набожнымъ, и мудрымъ, и правдивымъ, —
То въ эту ночь, изъ этихъ нервовъ я
Стенаньями и криками исторгну
Признаніе полнѣйшее во всемъ.

СЦЕНА III.

Комната въ тюрьмѣ.

БЕАТРИЧЕ спитъ; входить БЕРНАРДО.

БЕРНАРДО.

Какъ сладко сонъ поκειται на миломъ
 Ея лицѣ! Подумаешь, что онъ —
 Остатокъ дня, прошедшаго въ весельи,
 И въ тѣмъ ночной, среди блаженныхъ грезъ,
 Живущаго послѣднiя минуты!
 Еще вчера такъ много мукъ она
 Перенесла, — и дышетъ такъ спокойно
 И такъ легко!.. О, горе, горе!.. Мнѣ
 Казалось, что никогда ужъ больше
 Я не усну... Но съ этого цвѣтка
 Прекраснаго, уснувшаго, — я долженъ
 Спокойствiя небесную росу
 Страхнуть... Вставай, сестра моя! Ужели
 Ты можешь спать?

БЕАТРИЧЕ (*просыпаясь.*)

Мнѣ снилось въ этотъ мигъ,
 Что мы въ раю. Ты знаешь, братъ, что раемъ
 Темница намъ является, когда
 Мы думаемъ объ участи, постигшей
 Отца.

БЕРНАРДО.

Сестра, любезная сестра!
 О, отчего твой сонъ остаться долженъ
 Лишь сномъ простымъ!.. О, милосердый Богъ!
 Какъ я скажу?..

БЕАТРИЧЕ.

А что сказать ты хочешь,
 Мой милый братъ?

БЕРНАРДО.

О, не смотри, сестра,
 Спокойно такъ и счастливо! При мысли
 О томъ, что я пришелъ тебѣ сказать,
 Душа моя готова разорваться.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ видишь, ты доведъ меня до слезъ...
 Дитя мое, какъ будешь ты несчастенъ,
 Безпомощенъ, когда меня не станеть!..
 Ну, что же ты имѣешь мнѣ сказать?

БЕРНАРДО.

Они во всемъ сознались... Дольше пытку
 Переносить имъ не хватило силъ.

БЕАТРИЧЕ

Сознались! А!.. Да развѣ сознаться
 Имъ было въ чемъ?.. Нѣтъ, вѣрно чтобъ польстить
 Мучителямъ своимъ, они сказали
 Постыдную, преступнѣйшую ложь!
 Какъ! и они себя назвать рѣшились
 Преступными?.. О, чистый, бѣлый ликъ
 Певинности! и ты скрываться долженъ
 Подъ маскою виновности, и все
 Что есть въ тебѣ высокаго, святаго,
 Таить отъ всѣхъ, незнающихъ тебя!
 (Входитъ Судья; за нимъ стража вводитъ Лукрецію и Джакомо).

БЕАТРИЧЕ.

О, низкія и жалкія созданья!
 Изъ за того, чтобъ нѣсколькихъ минутъ
 Мученій злыхъ избавиться,—мученій,
 Которыя вѣдь смертны точно такъ,
 Какъ ими же терзаемое тѣло,—
 Рѣшились вы стереть съ лица земли
 Столѣтія блестящаго величья
 И превратить въ насмѣшку, въ звукъ пустой
 Ту вѣчную, неизблемую славу,
 Что высоко, какъ солнце, вознеслась
 Надъ призракомъ земной, непрочной славы!
 Вамъ хочется, чтобъ привязали насъ
 Къ ногамъ коней и бѣшено тащили
 По улицамъ; чтобъ наши волосы
 И грязь и пыль тѣхъ улицъ заматали;
 Чтобъ грубая, безчувственная чернь

На нашъ позоръ стекалась любоваться,
 Изъ всѣхъ домовъ, театровъ и церквей:
 Вамъ хочется, чтобъ вѣтреная масса
 Проклятій изъ вялыхъ слова
 Участвія обиднаго кидала
 На трупъ живой въ тотъ часъ, какъ будемъ мы
 Въ ней проходить... (чтобъ больше не вернуться...)
 И остаглатъ, какъ память о себѣ,
 Отчаянье, позоръ, и кровь, и ужась!
 О ты, о ты, въ комъ сирота нашла
 Вторую мать, — не убивай, родная,
 Свое дитя! Не допусти ее
 Пастъ жертвою неслыханныхъ страданій!
 А ты, мой братъ, со мною вмѣстѣ лягъ
 Подъ колесо, и будемъ въ этой пыткѣ
 Безмолствовать, какъ тѣло мертвеца!
 Мы скоро тамъ найдемъ покой, какъ въ гробѣ...
 Боязнію исторгнутая ложь
 Одна придать способна ужась пыткѣ!

ДЖАКОМО.

О, и тебя заставитъ наконецъ
 Она сказать всю истину. Сознайся
 Въ своей винѣ изъ состраданья къ намъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О милая, сознайся! Дай скорѣе
 Намъ умереть! А послѣ смерти мы
 Судью найдемъ въ Создателѣ, не въ людяхъ;
 Онъ сжалятся надъ нами.

БЕРНАРДО.

О, сестра
 Любезная, коль это точно правда,
 Сознайся имъ; — а послѣ папа васъ
 Проститъ и все уладится.

СУДЬЯ.

Сознайтесь,
 Или мы такой подвергнемъ пыткѣ васъ,
 Что...

БЕАТРИЧЕ.

Пыткъ? Нѣтъ, ужь лучше превратите
 Вы колесо свое въ веретено;
 Пытайте пса, чтобъ вынудить признаше,
 Что пилъ онъ кровь проллатую его
 Хозяиномъ, — да, пса терзайте пыткой,
 Но не меня! Мои мученья — всѣ
 Въ моемъ умѣ и въ сердцѣ, — въ самомъ тайномъ
 Убѣжищѣ души моей; она
 Рыдаеть вся слезами жгучей желчи
 При мысли той, что въ этомъ мѣрѣ зломѣ,
 Гдѣ всюду ложь, мои родные также
 Себѣ самихъ рѣшились измѣнить;
 При мысли той, что я всю жизнь страдаю
 И съ ней теперь, страдаю, расстаюсь;
 Что я суда правдиваго не вижу
 Ни на землѣ; ни на небѣ; что ты,
 Стоящій здѣсь — тирантъ, а эти люди —
 Твои рабы. Вотъ муни, у меня
 Отвѣтъ на все способная истергнуть.
 Что хочешь ты услышать отъ меня?

СУДЬЯ.

Виповна-ль ты, или нѣтъ, въ отпѣубійствѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не хочешь ли ты лучше обвинить
 Верховнаго судью всего мірскаго
 За то, что онъ свершиться допустилъ
 Тому, что мнѣ всю душу истерзалъ
 И этому поступку послѣ даль
 Одинъ псходъ, который называешь
 Ты смертію отца?.. Но съ этихъ поръ
 Ты говорить все можешь, что желаешь; —
 Я ничего не стану отрицать.
 Хотите вы, чтобъ было такъ, — пусть будетъ;
 На этомъ все покончится. Теперь
 Вы можете все дѣлать, что хотите;
 А изъ меня ни слова больше вы
 Не вырвете какой угодно пыткой.

СУДЬЯ.

Довольно съ насъ и этихъ словъ, хотя
 Въ нихъ нѣтъ еще признація прямого.
 Теперь, пока послѣдній приговоръ
 Произнесутъ,— никто не долженъ съ ними
 Въ сношеньяхъ быть. Васъ, молодой спябрь,
 И попрошу сейчасъ же удалиться.

БЕАТРИЧЕ.

О, Боже мой!... оставьте мнѣ его!...

СУДЬЯ,

Обязанность свою исполня, стража.

БЕРНАРДО (*обнимая Беатриче*).

Такъ тѣло вы хотите разлучить
 Съ его душой?

ОФИЦЕРЪ.

То дѣло палача.

(Уходятъ всѣ кромѣ *Луcreціи*, *Беатриче* и *Джіакомо*).

ДЖІАКОМО.

Сознался я!... Ужели это правда?
 Ужели все погибло и нигдѣ
 Надежды намъ, исхода не осталось?
 О, злой языкъ, ты погубилъ меня!
 Зачѣмъ тебя не вырвалъ я изъ горла
 И не швырнулъ собакамъ?... Умертвить
 Сперва отца, а послѣ гнусно выдать
 Сестру,— обречь погибели ее,
 Которая въ преступномъ, черномъ мірѣ
 Одна изъ всѣхъ невинна и чиста!
 Жена моя!... малютки дорогія!...
 Покинуты, безпомощны... Отецъ,
 Создатель мой! даешь ли ты прощенье
 Преступнику, когда его душа,
 Какъ здѣсь моя, отъ мукъ на части рвется?

(*Закрываетъ лице и плачетъ*).

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое! какъ страшно это все
 Окончилось!... Зачѣмъ я признавалась?
 Зачѣмъ, зачѣмъ я пытку поддалась?

БЕ АТРИЧЕ.

Поступокъ вашъ былъ слабостью; но плакать
 О сдѣланномъ—вѣдь значитъ поступать
 Еще слабѣй... Отрите эти слезы...
 Какъ видно, Богъ, который зналъ мои
 Страданія, и въ нашемъ смѣломъ дѣлѣ
 Явилъ свой гнѣвъ,—теперь покинулъ насъ;
 Но это намъ лишь кажется; и думать
 Мы не должны, что онъ караетъ насъ.
 Братъ, сядь ко мнѣ поближе; дай мнѣ руку;
 Ты прежде былъ душою твердъ и смѣлъ.
 Прибодришь!... О, матушка родная,
 Склонись ко мнѣ въ колѣни головой
 И задремать немного постарайся!
 Твои глаза совсѣмъ утомлены
 Безсонницей и скорбью безысходной.
 Поди ко мнѣ; я пѣсенку тебѣ
 Спою; она не изъ веселыхъ пѣсней,
 Но вмѣстѣ съ тѣмъ и не совсѣмъ грустна,
 Поди же, лягь... Вотъ такъ... Не позабыла-ль
 Я словъ ея?... Нѣтъ, помню... О, они
 Печальнѣе, чѣмъ я воображала!...

(поетъ).

О, мой коварный другъ! Улыбкой или слезою
 Меня проводишь ты, когда свои глаза
 Навѣки я сомкну? Для трупа подь землю
 Не все-ль равно: улыбка или слеза?

Прощай!.. Послушай: что-то тамъ,

Какъ будто глухо шепчетъ намъ!..

Въ улыбкѣ у тебя, о милый мой, — злѣя;

Въ слезахъ твоихъ, мой другъ, отраву слышу я.

О, сопъ! когда бы смерть была, какъ ты, отрадна,

Иль еслибъ ты давалъ забвеніе навсегда, —

Усталые глаза сомкнула бы я жадно,

Чтобъ не вставать для жизни никогда!

О, міръ, прости!.. Но слышишь звонъ

Колоколовъ? Какъ грустенъ онъ!

Онъ говоритъ, что мы должны разстаться, другъ,

Съ душой исполненной и радости, и мукъ!..

СЦЕНА IV.

Залъ въ тюрьмѣ.

Входятъ КАМИЛЛО и БЕРНАРДО.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, папу намъ ничѣмъ не умолить.
 Безчувственно онъ смотритъ, какъ машина,
 Которая и мучить, и казнить,
 Своихъ злодѣйствъ совѣмъ не сознавая.
 Онъ мраморъ, онъ обычай, онъ законъ,—
 Не человѣкъ. Когда отъ адвокатовъ
 Онъ получилъ въ защиту вашу рѣчь,
 То гнѣвно лобъ наморщилъ, и бумагу
 Порвалъ въ клочки, и грубо проворчалъ:
 «Когда бъ у васъ родителя убили
 «Во время сна, вы стали-бъ защищать
 «Его убійцъ?» Другому адвокату
 Сказалъ онъ: «ты по должности своей
 «Ихъ защищаль, и это справедливо.»
 Потомъ ко мнѣ повернулся онъ,
 И съ строгими упреками во взглядѣ
 Сказалъ всего три слова: «Умереть
 Они должны.»

БЕРНАРДО.

Однако, не отстаи

Вы отъ него и послѣ этихъ словъ?

КАМИЛЛО.

Да не отсталъ. Доказывалъ я долго,
 Что, сколько я догадываюсь, вы
 Подвинуты на это преступленье
 Какимъ нибудь поступкомъ адскимъ. Онъ
 На это мнѣ отвѣтилъ: «Санта-Кроче
 «Еще вчера родную мать убилъ
 «И убѣжалъ. Отцеубійства нынче
 «Такъ въ ходъ пошли, что, право, скоро насъ,
 «Всѣхъ стариковъ ребята молодые
 «Во время сна задушать и себя
 «Законою причиною оправдаютъ.

«Значеніе и сила старыхъ лѣтъ
 «И волосы сѣдые преступленьемъ
 «Ужаснѣйшимъ считаются теперь.
 «Камилло, ты племянникъ мой; ты просишь
 «Меня за нихъ; побудь съ минутою здѣсь...
 «Вотъ приговоръ; не долженъ ты являться
 «Мнѣ на глаза, пока не будетъ онъ
 «Исполненъ весь и съ точностью буквальной.»

БЕРНАРДО.

О, Господи! А я увѣренъ былъ,
 Что ваши всѣ слова служили только
 Вступленіемъ печальнымъ къ новостямъ
 Всерадостнымъ... Но есть слова и взгляды,
 Способные смягчить и измѣнить
 Строжайшее рѣшеніе! Когда-то
 И я ихъ зналъ, но позабылъ теперь,
 Когда они мнѣ такъ ужасно нужны...
 Не броситься-ль мнѣ самому къ отцу
 Святѣйшему, и горькими слезами
 Его стопы и мантію облить,
 И надоѣсть молениями, и крикомъ
 Отчаянья такъ раздражить его,
 Чтобъ началъ онъ жезломъ своимъ удары
 Мнѣ наносить, и голову мою
 Согбенную нецстово погами
 Топтать, пока не хлынетъ кровь, и въ немъ
 Раскаянье не вызоветъ прощенья?
 Да, я пойду!.. Дождитесь здѣсь меня!

(убираеть)

КАМИЛЛО.

Бѣднякъ, бѣднякъ! Скорѣе мореходецъ
 Разжалобитъ бездушный океанъ!
 (Входятъ Лукреція, Беатриче и Джіакомо подь стражею)-

БЕАТРИЧЕ.

О, кардиналъ, я даже опасаться
 Боюсь, что ты приносишь намъ отказъ
 Въ прощеніи.

КАМИЛЛО.

Пусть Богъ къ молитвамъ папы
 Не будетъ такъ неумолимъ и строгъ,
 Какъ онъ— къ моимъ молснїямъ. Вотъ смертный
 Вашъ приговоръ.

БЕАТРИЧЕ *(съ дикимъ отчаянїемъ.)*

О, боже! умереть

Внезапно такъ! въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ
 Сойти въ сырой, холодный, мрачный гробъ —
 Приютъ червей! Тѣснѣйшее пространство
 Избрать себѣ жилищемъ! Никогда
 Не видѣть свѣтъ ласкающаго солнца
 И не слышать веселыхъ голосовъ
 Живыхъ существ; все потерять... Ужасно!
 И сдѣлаться ничѣмъ, вль... Чѣмъ?.. Кто я?..
 О, Господи, не дай мнѣ помѣшаться!
 Прости мнѣ мысль безумную мою:
 Что если тамъ, въ широкомъ, мрачномъ мірѣ,
 Лишенномъ звѣздъ, бездонномъ и пустомъ, —
 Нѣтъ ни земли, ни Господа, ни неба?
 Что если въ немъ живетъ лишь мой отецъ,
 И буду я его дыханьемъ, взглядомъ
 И голосомъ вездѣ окружена,
 И станетъ онъ въ моей умершей жизни
 И воздухомъ и свѣтомъ? Что, когда
 По временамъ, въ томъ образѣ, въ которомъ
 Онъ гналъ меня и мучилъ на землѣ,
 Почтенными сѣднами прикрытый,
 Ко мнѣ, дрожа, онъ будетъ подходить
 Хватать меня, и устремлять свой взоръ
 Въ мои глаза, и къ низу, къ низу, къ низу
 Тащить меня?.. Вѣдь былъ же онъ одинъ
 И всемогущъ, и вездѣсущъ на свѣтѣ.
 Да и теперь, когда ужъ умеръ онъ,
 Все духъ его живетъ во всемъ, что дышетъ, —
 Живеть, и мнѣ и всѣмъ моимъ несетъ
 Отчаянье, и смерть, и посрамленье!
 Еще никто изъ царства смерти въ мірѣ

Не приходилъ, чтобъ тамошнимъ законамъ
Учить людей, — законамъ, можетъ быть,
Неправеднымъ, какъ тѣ, что насъ уносятъ...
Куда, куда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Надѣйся на любовь
Создателя и вѣруй въ обѣщанье
Спасителя: до вечера еще
Мы увидемъ въ рай.

БЕАТРИЧЕ.

Спокойствіе вернулся
Опять ко мнѣ. Что бъ ни было теперь, —
Уныніе не овладѣетъ мною.
Но все таки, не знаю почему,
Отъ вашихъ словъ я точно холодѣю...
Какъ холодно, фальшиво, скучно все
Мнѣ кажется! Не разъ незаслуженно
Страдала я; съ дней дѣтства моего
Отторгнута была отъ жизни, свѣта,
Святей любви; вы правы, говоря,
Что я должна надѣяться на Бога,
Да, на него падѣюсь я, въ него
Я вѣрую. Ни на кого другого
Надежды нѣтъ... Но отчего же все
Моя душа холодной остается?

*(Во время этого монолога, Джуакомо разговаривалъ въ глубинѣ сцены
съ Камилло, — по окончаніи его, Камилло уходитъ, а Джуакомо вы-
ходитъ на авансцену).*

ДЖУАКОМО.

О, мать, сестра, — сказать ли новость вамъ?
Бернардо нашъ пошелъ недавно къ папѣ
Вымаливать прощенье.

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя,
Быть можетъ, онъ успѣетъ... Намъ позволятъ
Не умереть и долго будемъ мы

Развешивать объ этихъ всѣхъ страданьяхъ...
 Какая мысль!.. Ахъ, въ сердцѣ слышу я
 Какъ будто бы потоки теплой крови...

БЕАТРИЧЕ.

А между тѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ,
 И кровь твоя, и сердце охладѣютъ...
 Брось эту мысль! Надежда хуже, влѣй
 Отчаянья и истязаній смерти...
 Смагчай морозъ, готовый истребить
 Цвѣтокъ земли; смагчай землетрясенью,
 Когда она проснется, и подъ нимъ
 Дрожить большой, свободный, сильный городъ;
 Смагчай чуму, летящую какъ вихрь,
 И голодъ злой, и бѣшеное море;
 Все, все смагчай,—но только не людей,
 Холодныхъ, злыхъ, бездушныхъ формалистовъ,—
 Правдивѣйшикъ созданій на словахъ
 И Канновъ на дѣлѣ!.. Нѣтъ, родная,
 Брось эту мысль; мы умереть должны:
 Ужъ такова награда чистой жизни!
 Смерть лечитъ насъ отъ самыхъ страшныхъ мукъ.
 И между тѣмъ какъ наши всѣ убійцы
 Живутъ себѣ спокойно на землѣ,
 А черствые, безчувственные люди,
 Сквозь этотъ міръ страданія и слезъ
 Съ улыбкою идутъ на встрѣчу смерти,
 Какъ будто бы встрѣчая жизни сонъ,—
 Мы съ искреннимъ и страннымъ наслажденьемъ
 Открытый гробъ привѣтствовать должны.
 Смерть мрачная, я жду тебя! Скорѣе
 Возьми меня въ объятія, къ груди
 Прижми какъ мать и нѣсней колыбельной
 Навѣй мнѣ сонъ — твой непробудный сонъ!
 А вы, — вы всѣ живущіе, живите
 Покорные, подвластные другимъ,
 Какъ нѣкогда и мы существовали,
 Мы, въ этотъ мигъ...

БЕРНАРДО (*объезал*).

О, ужасъ! Тщетно все —

Рыданія, моленья и надежды!
 Служителя суровой смерти ждуть
 Тамъ у дверей... Мнѣ кажется, замѣтили
 Я на лицѣ у одного изъ нихъ
 Какъ будто кровь... О, скоро обагрится
 Онъ кровью всѣхъ, кто только дорогъ мнѣ,
 И черезъ мигъ какъ воду дождевую
 Ее сотреть... О мръ! о жизнь! меня
 Сокройте вы, навѣки истребите!
 Нѣтъ силъ смотрѣть, какъ въ дребезги летитъ
 То зеркало невинности чистѣйшей,
 Въ которое съ любовію глядятся,
 Я дѣлался и добрымъ и счастливымъ!
 Смотрѣть, какъ въ гробъ ложишься, гаснешь ты —
 Ты, жизни свѣтъ, ты, ангель Беатриче,
 Бросавшая прелестный свѣтъ на все,
 На что твой взглядъ прелестный обращался!
 Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ подумать, что когда
 Скажу: сестра, — «сестры ты не имѣешь»
 Отвѣтять мнѣ. И ты, о мать моя,
 Ты, чья любовь насъ всѣхъ соединяла, —
 И ты умрешь! Порвется эта связь
 Прекрасная!

(Входятъ *Камилло* и *Стража*).

Они идутъ! О, дай-же

Въ послѣдній разъ прильнуть къ твоимъ губамъ,
 Пока онъ еще не побѣгѣли,
 Пока еще ихъ холодъ не покрывъ.
 Скажи: прости! пока не заглушила
 Навѣки смерть прекрасный голосъ твой!
 Сестра, сестра! Позволь его услышать
 Еще хоть разъ!

БЕАТРИЧЕ.

Прощай, мой милый братъ:

Объ участи плачевной нашей думай
 Ты съ кроткою печалью, какъ теперь,

И мыслями и чувствами благими
 Свою тоску старайся облегчать.
 Свершай свой путь не въ гнѣвъ и проклятыяхъ,
 Свершай его въ терпѣннн и слезахъ.
 Еще одно, дитя мое, запомни:
 Всегда, всегда будь вѣренъ той любви,
 Которую ты къ намъ теперь питаешь,
 Той честности, которую всегда
 Хранила я ненарушимо, свято,
 Хотя суждено мнѣ было скрыть ее
 Подъ тучею позора и убійства!
 Будь вѣренъ ей!.. Пусть злые языки
 Наносятъ мнѣ жестокіе удары,
 Пусть на твоёмъ певниномъ, чистомъ лбу
 Стоять клеймомъ позорнымъ наше имя,
 Пусть на него въ присутствіи твоёмъ
 Насмѣшливо указываютъ люди, —
 Ты все сноси, не шли проглядятій тѣмъ,
 Кто, можетъ быть, тебя въ могилѣ любить.
 Тогда и ты умрешь, какъ я умру —
 Не преклонясь предъ муками и страхомъ.
 Прости, мой братъ! Прости, прости, прости!

КАМПИЛЮ.

О, бѣдная!

БЕАТРИЧЕ.

Мой добрый кардиналъ,
 Не мучь себя печалью бесполезной.
 Ну, матушка, скорѣ застегни
 Ты поясъ мой и завяжи мнѣ кудри
 Простымъ узломъ... Вотъ такъ... А у тебя
 Совсѣмъ коса, я вижу, распустилась...
 Бывало, мы такъ часто волоса
 Одна другой причесывали... Больше
 Ихъ не чесать... Сипьоръ, готовы мы! —

И. Вейбергъ.

ВИНОВАТА—ЛИ ОНА?

ГЛАВА XXVII

БОРГО ФИЦЖЕРАЛЬДЪ.

Вечеромъ, наканунѣ рождественскаго сочельника, два человека сидѣли на квартирѣ Джоржа въ улицѣ Сесилъ. Было уже за полночь и они курили сигары. Столъ передъ ними былъ заставленъ бутылками со спиртными напитками и кружками съ холодною и горячею водою. Одинъ изъ собесѣдниковъ, по-видимому, такъ частенько прибѣгалъ въ теченіи вечера къ нектору этихъ бутылокъ; но Джоржъ Вавазоръ еще не пилъ и, казалось вовсе не намѣревался пить. Передъ нимъ, правда, стоялъ стаканъ съ довольно слабою водкой, разбавленной водою, но онъ къ нему и не прикасался за послѣдніи двадцать минутъ. За то его собесѣдникъ успѣлъ въ этотъ промежутокъ времени два раза опорожнить свой стаканъ, и затягивался своей сигарой, выпуская клубы дыма съ ожесточеніемъ локомотива, въ который только что подвалили свѣжихъ угольевъ. Человекъ этотъ былъ Борго Фицжеральдъ. Онъ былъ все такъ же прекрасенъ, какъ когда либо, но глаза его и ввалившіяся щеки носили слѣды той распутной жизни, которая и самому ему давно успѣла опостылѣть. У большей части людей, проводящихъ ночи вплоть до пѣтуховъ въ безобразныхъ оргіяхъ, лице принимаетъ багровый оттѣнокъ, щеки покрываются прыщами и глаза подергиваются мутною влагой. Первое появленіе красноты на носу, нежеланіе предстать пе-

редь друзьями женскаго пола съ глазами, какъ бы утопающими въ грогъ, остановили не одного гуляку на пути разврата. Но Борго Фицджеральду провидѣнне, какъ бы во гнѣвѣ своемъ, отказало въ этомъ предостереженіи. Временами онъ являлся блѣдный и истомлѣнный; съ каждымъ днемъ онъ становился все худѣ и худѣ; но красота его оставалась неизмѣнною; онъ сохранялъ и безукоризненно правильныя очертанія богоподобнаго лица, и блескъ голубыхъ глазъ.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, онъ пришелъ къ Вавазору съ двойною цѣлью: ему нужна была помощь, нуженъ былъ отчасти и совѣтъ. Но, въ отношеніи послѣдняго, онъ былъ настроенъ подобно большей части людей, подыскивающихъ себѣ такихъ совѣтчиковъ, которые поддержали бы ихъ въ преступномъ замыслѣ; совѣтъ совпадающій съ его личнымъ мнѣніемъ, имѣлъ бы на него успокоивающее и поощряющее дѣйствіе, тогда какъ совѣтъ противоположнаго свойства былъ бы имъ оставленъ безъ вниманія. Эти два человѣка знали другъ друга съ давнихъ поръ и было время, когда между ними существовало самое тѣсное общеніе. То было еще до помолвки лэди Гленкору за мистера Паллизера. Когда лэди Гленкора искала содѣйствія Алисы и, какъ намъ извѣстно, потерпѣла отказъ, нашлись люди, которые завѣрили Борго, что въ этой бѣдѣ ему можетъ помочь двоюродный братъ Алисы. И что касалось Джоржа, дѣло стало не за готовностью помочь; онъ снабдилъ своего пріятеля деньгами, такъ какъ онѣ у него въ то время еще водились, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, обнадежилъ Борго возможностью открыть влюбленной четѣ доступъ въ домъ на улицѣ Королевы Анны, откуда они могли бы осуществить свой планъ бѣгства. Но надежда эта рушилась и лэди Гленкора Мэккльюзки сдѣлалась лэди Гленкорою Паллизеръ, а не Фицджеральдъ. Настали иныя времена, появились иныя надежды и снова Борго обратился за помощью къ своему пріятелю.

— Мнѣ вѣжется, что она согласится, проговорилъ Борго, поднося свой стаканъ къ губамъ. Конечно, это такое дѣло, въ которомъ можно только гадательно предсказывать результатъ, пока не попытаешь счастья на дѣлѣ. Я знаю, что она съ нимъ несчастна и я рѣшился на худшій копецъ, спросить ее.

— Но состояніе ея все же останется за нимъ? Google

— Право не знаю, я объ этомъ, не наводилъ справокъ, да и не намѣренъ наводить. Вы мнѣ конечно не повѣрите, если я вамъ скажу, что на этотъ разъ не деньги я имѣю въ виду, а между тѣмъ это такъ. Правда, одишь Богъ вѣдаетъ, какъ я нуждаюсь въ деньгахъ, но все же я не рѣшился бы взять чужую жену изъ за денегъ.

— Ужъ не потому ли, что вы считаете это за грѣхъ? А я было думалъ, что вы стоите выше подобныхъ предразсудковъ.

— Вамъ-то хорошо молоть вздоръ.

— Это совсѣмъ не вздоръ. Про себя я откровенно скажу, что ни съ чьей бы женой не рѣшился бѣжать. Я придерживаюсь того отсталого мнѣнія, что если человѣкъ обзавелся женою, то не надо ее отнимать у него. Я знаю что общественное мнѣніе со мной не согласно.

— Это онъ похитилъ у меня жену, съ жаромъ воскликнулъ Борго; вотъ какъ я смотрю на это дѣло. Ея рука была мнѣ обѣщана первому, она меня дѣйствительно любила, тогда какъ она его и въ грошъ не ставила.

— А все же бракъ остается бракомъ и законъ противъ васъ. Но ужъ еслибы я, паче чаянія, пошелъ на такое курьезное дѣло, то ужъ конечно не упустилъ бы денегъ изъ виду.

— Что мнѣ въ деньгахъ?

— А что вамъ было въ нихъ, когда вы прежде за нее сватались?

— Тогда было другое дѣло. Моя родня хлопотала свести насъ вмѣстѣ, потому что у нея было большое состояніе, а у меня ничего не было. Дѣло, какъ видите, было ясное. Да что! Скажу вамъ больше: мнѣ кажется, что это старая вѣдьма, моя тетюшка, не прочь и теперь приложить свою руку къ тому же дѣлу. Конечно, на словахъ она этого не показываетъ, не смѣетъ; но въ душѣ она право не прочь, старая грѣховодница.

— Ай да, благодарный племянникъ!

— Говорю вамъ по чести, я ненавижу ее. Тутъ главную роль играетъ не расположеніе ко мнѣ, а желаніе насолить Паллизеру, который помышлялъ осуществленію ея тогдашняго плана. Она преразвратная старушенка. Ужъ мы ли съ вами не отпѣтые развратники, а все же...

— Покорно благодарю. Ну, мнѣ то до васъ еще, кажется, далеко.

— А все же мы, просто, ангелы въ сравненіи съ этою старою чертовкой. Вѣрьте мнѣ въ томъ, что я вамъ скажу или не вѣрьте, какъ хотите. Конечно, вы почтете своимъ долгомъ усомниться...

— Ну допустимъ, на всякій случай, что я вамъ безусловно вѣрю.

— И такъ, дѣло въ томъ, что я домогаюсь ея, отчасти, потому, что я ее люблю, отчасти же потому, что я въ душѣ убѣжденъ, что она меня любитъ.

— Такъ это вы объ ней хлопчете! Вы готовитесь принести себя въ жертву, ради одного удовольствія сдѣлать ей пріятное.

— Какія тутъ жертвы! Я и безъ того пронацій чловѣкъ, и не задумался бы всадить себѣ пулю въ лобъ, и избавить такимъ образомъ свою родню отъ посрамленія, еслибы мнѣ только вообще до моей родни побольше было дѣла. Какъ будто я не ясно вижу свое положеніе! Я въ конецъ разбитый корабль и мнѣ ничего болѣе не осталось, какъ идти ко дну.

— Въ обществѣ лэди Гленкоры, конечно?

— О, нѣтъ! сохрани богъ! Но порой, когда я раздумаюсь объ этомъ, — а я по возможности избѣгаю думать о подобныхъ вещахъ, — мнѣ кажется, что я сталь бы другимъ чловѣкомъ, если бы мнѣ посчастливилось на ней жениться.

— Оно еще могло бы быть такъ, если бы вы женились на ней, когда она была свободна располагать собою и своимъ состояніемъ.

— Мнѣ кажется, тоже самое будетъ и теперь. Если бы мнѣ только удалось уѣхать съ нею куда нибудь въ Италію или въ Грецію, мнѣ кажется, я сумѣлъ бы доставить ей мирную, счастливую жизнь. Покрайней мѣрѣ, я бы попытался.

— И прожили бы безъ водки и безъ сигаръ?

— Да.

— И безъ денегъ?

— Съ очень небольшими деньгами. Я знаю, вы будете смѣяться надо мною. Но, право, я только и мечтаю объ этой тихой жизни, которая, я знаю, удовлетворила бы насъ обоихъ;

эта цыганская безобразная жизнь до того мнѣ опротивѣла, что меня берегъ отвращеніе къ самому себѣ.

— Одна бѣда, что Плэнти Поль нагрязнулъ бы на васъ и растроилъ бы ваше пидлическое счастье.— Подъ этимъ уменьшительнымъ именемъ Джоржъ подразумѣвалъ супруга лэди Гленкоры.

— Онъ, конечно, выхлопоталъ бы разводъ, и тогда мы стали бы мужемъ и женою. Мнѣ сдается, что когда все дѣло уладилось бы такимъ образомъ, онъ не слишкомъ бы горевалъ о потерѣ жены. Мнѣ говорили, что онъ ее не любитъ.

— Вы видѣлись съ нею послѣ ея замужества?

— Видѣлся, два раза.

— И говорили съ нею?

— Такихъ разговоровъ, которые не вращались бы на общихъ мѣстахъ, у насъ всего былъ одинъ, и то онъ продолжался не болѣе двухъ минутъ.

— Что же она вамъ сказала?

— Она сказала мнѣ, что намъ всего лучше болѣе не встрѣчаться. Какъ только она сказала мнѣ это, я тотчасъ же понялъ, что она меня не разлюбила. Я способенъ былъ въ эту минуту упасть къ ея ногамъ, жаль только, что комната была полна народа. Да, я положительно убѣжденъ, что она меня все еще любитъ.

Вавазоръ подумалъ съ минуту и потомъ отвѣчалъ:

— Не мудрено, что она васъ все еще любитъ, но достанетъ ли у нея смѣлости на такой рѣшительный шагъ, этого никакъ нельзя сказать съ опредѣлительностью. Вѣроятно, что нѣтъ. А если бы и въ самомъ дѣлѣ достало, то врядъ ли вамъ удалось привести вашъ планъ въ исполненіе.

— Прежде всего, мнѣ нужно достать немного денегъ.

— А эта процедура по мѣрѣ того, какъ вы старѣетесь, съ каждымъ днемъ становится для васъ труднѣе.

— Легка-то она никогда не была. Былъ я у Мэрграйна и нашелъ его, какъ нельзя болѣе сговорчивымъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, хотя я и долженъ ему три тысячи фунтовъ, тѣмъ не менѣе онъ готовъ снабдить меня деньгами.

— Сколько вы у него, въ самомъ дѣлѣ, забрали за все это время?

— Да чистыми деньгами, сколько помню, я у него ни разу не бралъ. Изъ нему въ руки попало одно заемное письмо, данное мною портному, который потомъ обанкрутился. Онъ возобновлялъ его каждый срокъ, вотъ оно и разрослось у него въ цѣлую кучу заемныхъ писемъ. Разъ, кажется, я занималъ у него фунтовъ двадцать, вотъ и все.

— И онъ обѣщается дать вамъ денегъ теперь? Вы, конечно, сказали ему, на что онѣ вамъ понадобятся?

— Я не назвалъ ея по имени, но намекнулъ ему, что собираюсь бѣжать съ одной дамой, у которой много презрѣннаго металла. Я просилъ у него двѣсти пятьдесятъ фунтовъ. Онъ даетъ мнѣ сто пятьдесятъ подъ заемное письмо въ пятьсотъ фунтовъ, срокомъ въ два мѣсяца и за вашимъ поручительствомъ.

— За моимъ поручительствомъ! Вотъ такъ раздолжили вы меня оба!

— Само собою разумѣется, я не въ состояннн буду заплатить въ срокъ.

— Думается мнѣ, что такъ, проговорилъ Вавазоръ.

— Но онъ васъ черезъ два мѣсяца не стапетъ тѣснить, а подождать и годъ и больше. Вы конечно не забыли, что когда я прежде бралъ у васъ деньги, я отдавалъ ихъ исправно.

— Это правда. Въ этомъ отношеннн вы были со мной не въ примѣръ любезнѣе, чѣмъ съ другими.

— И вы увидите, что въ настоящемъ случаѣ я постараюсь не посадить васъ въ петлю. Если меня ожидаетъ неудача, мнѣ все равно, одинъ копецъ, а послѣ моей смерти мои родные заплатятъ за меня долги.

Разговоръ кончился тѣмъ, что Джоржъ Вавазоръ обѣщался сдѣлать то, о чемъ его просили. Онъ зналъ, что ручается своимъ именемъ за человѣка, разорившагося въ пухъ и отдаетъ себя въ руки другого человѣка, котораго никакія нравственныя соображеннн не остановятъ въ дѣлѣ собственной выгоды. Онъ зналъ, что подвергаетъ себя большимъ непрнятностямъ, и, по всемъ вѣроятнямъ, убыткамъ, которые будутъ для него очень чувствительны. Но поступокъ подобнаго рода входилъ въ циклъ признаваемыхъ имъ обязанностей. Онъ и самъ могъ нуждаться въ подобнаго рода помощи; и не разъ ему дѣйствительно случалось обращаться за нею къ другимъ и тѣ не отказы-

вались его выручать. Поступокъ этотъ былъ опрометчивъ, но и всѣ его поступки были таковы. Онъ вполне согласовался съ цѣлымъ складомъ его жизни.

— Я зналъ, что вы меня попріятельски выручите, проговорилъ Борго, вставая съ своего мѣста. Можетъ статься, кривая меня и вывезетъ на этотъ разъ; быть можетъ, часть ея состоянія отойдетъ вмѣстѣ съ нею, а тогда вы ничемъ не рискуете.

— Дай богъ, чтобъ такъ было. Но слушайте, Борго, вы не давайте ему векселя въ руки, пока не получите денегъ.

— На счетъ этого не беспокойтесь. Мнѣ-ли незнать всѣ ихъ продѣлки. Проклятый старый разбойникъ! Ей богу же, я считаю его хуже себя самого. И отпивъ еще глотокъ водки съ водою, онъ вышелъ изъ комнаты.

Въ ту пору онъ жилъ въ домѣ одного изъ своихъ родственниковъ. Дяди, тетки и всѣ близкіе ему по крови выказывали въ отношеніи его непостижимое долготерпѣніе, непостижимое тѣмъ болѣе, что самъ онъ никогда не любилъ ихъ и вовсе не считалъ нужнымъ скрывать это. Отецъ его, съ которымъ онъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ въ открытой ссорѣ, давно умеръ; у него были сестры, мужа которыхъ продолжали принимать его въ домѣ, позволили ему ѣздить на своихъ лошадахъ и давали ему возможность удовлетворять всѣмъ прихотямъ, отгазывая ему только въ наличныхъ деньгахъ. Только въ крайнихъ случаяхъ платили они за него долги, отводя такимъ образомъ слишкомъ уже близко подступавшую бѣду. Такъ перебивался Борго. Никто уже и не думалъ читать ему нравоученія. Всѣ знали, что это только потеря словъ и напрасный трудъ. Родные никакъ не могли разлюбить его, за то-ли, что онъ былъ такъ прекрасенъ и такъ мало тщеславился своей красою; за то-ли, что при всемъ своемъ безпутствѣ, онъ сохранялъ какое-то добродушіе, которое невольно влекло къ нему окружающихъ. Онъ былъ кротокъ и ласковъ съ дѣтьми и рыцарски любезенъ съ своими кузинами. Всѣ знали, что, какъ человѣкъ, онъ никуда негодится, и все же любили его. Быть можетъ, главная тайна его обаянья лежала въ томъ, что самъ онъ видимо очень мало о себѣ думалъ.

Но на этотъ разъ, направляясь во мракъ домой, онъ много передумалъ о своей собственной личности. Каждый человѣкъ какъ

бы ни былъ опрометчивъ его внѣшній образъ жизни, служить самому себѣ центромъ, вокругъ котораго вращается для него остальной міръ. Все, что называется знаніемъ, любовью, заботливостью о благѣ другихъ, сводится на его личныя представленія объ окружающихъ предметахъ, на его личную способность отзываться на чужія потребности и дѣлать оцѣнку чужимъ достоинствамъ.

Борго и самъ сознавалъ, что онъ изъ числа самыхъ бесплодныхъ паразитовъ на землѣ. Онъ понималъ, что человѣкъ долженъ такъ или иначе зарабатывать свой хлѣбъ и часто упрекалъ себя въ томъ, что цѣлый вѣкъ свой былъ дармоѣдомъ. Онъ понималъ тоже, что прогрессъ цѣлаго міра зависитъ отъ того, какъ люди будутъ исполнять свои обязанности въ отношеніи другъ друга, что прогрессъ одного поколѣнія зависитъ отъ исполненія этихъ обязанностей предшесствующимъ и сознавалъ, что самъ онъ, какъ представитель своего поколѣнія, ничѣмъ не способствовалъ этому прогрессу. Онъ глубоко презиралъ себя, если только это зачтется ему въ оправданіе. Но бывали минуты, когда, выведенный виномъ изъ апатіи отчаянья, онъ задавалъ себѣ вопросъ: не существуетъ ли и для него надежда искупленія, возможность лучшей жизни? Онъ былъ еще молодъ, ему не было и тридцати лѣтъ. Неужели и впрямь ему не оставалось выхода изъ этой пропасти?

Мы уже знаемъ, въ чемъ онъ искалъ этого выхода. Единственную свою надежду спасенія онъ видѣлъ въ похищеніи мужней жены. То, что онъ сказалъ Джоржу Вавазру о своемъ равнодушіи къ богатству лэди Гленкору, была сущая правда. Когда онъ, въ былое время, за нее сватался, онъ не упускалъ изъ виду тѣхъ выгодъ, которыя были для него соединены съ успѣхомъ этого сватовства. Онъ рассчитывалъ на возможность держать своихъ собакъ, лошадей и избавиться отъ свиданій съ Мэрграйномъ, передъ которымъ не разъ по мучительному часу ему приходилось, въ грязной каморкѣ, дожидаться появленія стараго плута. Таковы были его корыстные расчеты; но мало по малу онъ привязался къ самой дѣвушкѣ и она стала ему дороже денегъ. Въ тотъ день, когда рушились его надежды и она объявила ему, что между ними все кончено потеря возлюбленной была ему, въ первое время, чувствительнѣе потери денегъ.

Послѣ этого онъ не питалъ уже никакой дальнѣйшей надежды и считалъ ее безвозвратно потерянной для себя. Но мало по малу до него стали доходить слухи, что она несчастна въ замужествѣ; объ этомъ поусердствовали извѣстять его добрые люди, въ интересѣ которыхъ было преувеличивать подобнаго рода слухи. Цѣлая ватага его родственницъ, хлопотавшая о томъ, чтобы женить его на богатой наследницѣ, не могла позабыть претерѣннаго ими поражения. Когда до свѣденія этихъ людей дошло, что бракъ мистера Паллизера остается бездѣльнымъ и люди Гленнора несчастна, онѣ не могли удержаться отъ выражений злородства. Я не хочу сказать, чтобы онѣ готовы были съ одобреніемъ отнести къ тому нагу, который задумалъ теперь Воргю, но онѣ шептались между собою, что подобныя дѣла не разъ уже случались и что они не болѣе, какъ естественное послѣдствіе такихъ браковъ, какъ бракъ мистера Паллизера.

Дорогою Воргю придумывалъ всевозможные софизмы, чтобы завѣрить себя, что онъ доброе дѣло сдѣлаетъ, отнявъ люди Гленнору у ея мужа. Чѣмъ упорнѣе укрѣплялся онъ въ своемъ намереніи, тѣмъ явнѣе выступала передъ нимъ преступность задуманнаго дѣла. Оно уже вовсе не казалось ему забавною шалостью, могущею вызвать улыбку добрыхъ людей. Но онъ старался завѣрить себя, что, въ настоящемъ случаѣ, особня обстоятельства могутъ послужить ему и ей въ оправданіе. Они любили другъ друга и обмѣнялись клятвами вѣрности. Чувства и желанія обонхъ остались неизмѣнными: но бездушные люди стали между ними съ своими бездушными расчетами и разлучили ихъ. Ее насильно выдали за челоуѣка, котораго она не любила. Не лучше ли было любящей четѣ снова сойтись. Не простится ли имъ грѣхъ, ради сдѣланной имъ несправедливости? Чего же мистеръ Паллизеръ былъ вправе и ожидать отъ женщины, которая шла за него не по своей волѣ? И снова передъ нимъ вставала картина той жизни, о которой онъ говорилъ Вавазору, жизни, наполненной одной любовью подъ благодатнымъ небомъ какой нибудь южной страны. Вавазоръ смѣялся надъ нимъ и называлъ эти мечты идилліею. — Но что за бѣда? разсуждалъ онъ съ самимъ собою. Вавазоръ челоуѣкъ холодный, характеръ чуждый и гордый

романтизма. Не дастъ онъ поколебать себя въ своемъ намѣреніи подобными насмѣшками; не страшило его и появленіе мстителя въ образѣ оскорбленнаго мужа или какого нибудь негодующаго дядюшки.

На поворотѣ въ Оксфордскую улицу его остановила жалкая дѣвушка, одѣтая въ легкое платье, которое видимо плохо защищало ее отъ мороза, и попросила у него милостыни. Она просила у него на выпивку, которая лишь на минуту воскресила бы жизненную дѣятельность въ ея коченѣющихъ членахъ.

Во время своихъ ночныхъ странствованій, онъ успѣлъ уже прислушаться къ подобнаго рода просьбамъ и шель своею дорогой, не обращая на нее особаго вниманія. Но дѣвушка просила неотвязно и схватила его за руку.— Ради бога, проговорила она, дайте мнѣ хоть пенни и стаканъ джину. Дотроньтесь до моей руки, она оледенѣла.— И она сдѣлала движеніе, чтобы коснуться рукою его щеки.

Онъ поднялъ на нее глаза и увидѣлъ, что она еще очень молода; ей казалось не болѣе шестнадцати лѣтъ и личико ея хранило слѣды очень недавней красоты. Въ глазахъ ея еще свѣтился послѣдній отблескъ той невинности и чистой вѣры, которая была ея достояніемъ еще какой нибудь годъ тому назадъ. И эта-то дѣвушка въ полночь, посреди улицы выпрашивала себѣ, Христа ради, хоть одинъ пенни на джину, въ которомъ было всѣ ея утѣшеніе.

— А что иззябла? началъ онъ, силясь заговорить съ ней въ веселомъ тонѣ.

— Иззябла! повторила она, кутаясь, какъ могла, въ свои лохмотья и дрожа всѣмъ тѣломъ. Господи! кабы вы знали, какъ я иззябла. У меня ничего нѣтъ, ни одного пенни денегъ, ни даже норы, куда бы я могла забиться для ночлега.

— А коли такъ, то мы съ тобой пара, проговорилъ Борго, и тихо захохоталъ. У меня также ничего нѣтъ. Бѣднѣ меня ты не можешь быть.

— Вы-то бѣдный! сказала она и поглядѣла ему въ лице.— Боже мой! какой вы красавецъ! Такие люди, какъ вы, никогда не бываютъ бѣдны.

Онъ снова засмѣялся, но уже не тѣмъ смѣхомъ. Онъ всегда смѣялся, когда ему говорили о его красотѣ.— Я много

бѣди тебѣ, дитя мое, отвѣчалъ онъ. У тебя ничего нѣтъ, а у меня на тридцать тысячъ фунтовъ меньше поля. Но пойдемъ со мною, я дамъ тебѣ поѣсть.

— Въ самомъ дѣлѣ, воскликнула она одушевляясь, и, снова поглядѣвъ на него, добавила: ахъ! какой вы красавецъ!

Онъ свелъ ее въ ближайшую харчевню и велѣлъ подать ей хлѣба, мяса и пива, и не отходилъ отъ нея, пока она ѣла. Но онъ замѣтилъ, что при немъ она стѣсняется ѣсть, и повернулся къ ней спиною, продолжая перекидываться съ ней изрѣдка двумя-тремя словами. Женщина, стоявшая за прилавкомъ, съ изумленіемъ выпучила на него глаза; слуга страхнулъ послѣдніе остатки дремоты, чтобы хорошенько разсмотрѣть Борго; женщины, являвшіяся въ харчевню за джиномъ, почти съ нѣжностью заглядывали ему въ лице. Что касается до него, то онъ ни на кого изъ нихъ не обращалъ вниманія и держалъ себя просто, безъ тѣни жеманной брезгливости. Когда дѣвочка поужинала, онъ спокойно рассчитался по счету и вышелъ съ нею изъ харчевни. — Что же мнѣ съ тобою дѣлать теперь? проговорилъ онъ. Если я дамъ тебѣ шиллингъ, довольно съ тебя будетъ, чтобы заплатить за ночлегъ? Она отвѣчала ему, что можно и за шесть пенсовъ достать постель. — Такъ остальные шесть пенсовъ пойдутъ тебѣ на завтракъ, отвѣчалъ онъ. Только общайся мнѣ, что въ нынѣшнюю ночь больше не станешь покупать джину. — Она общалась и онъ протянулъ ей на прощаньи руку, ту самую руку, которую когда-то такъ пламенно желала лэди Гленнора назвать своею. Она взяла ее и прижала къ губамъ. — Молю бога, чтобы мнѣ довелось еще разъ васъ увидѣть, проговорила она: вы такой добрый и такой красавецъ! На это онъ снова весело засмѣялся и пошелъ своею дорогою. А она все глядѣла ему въ слѣдъ, пока онъ не скрылся изъ виду, и тогда только отиравилась, можетъ быть и не въ кабакъ, а на ночлегъ, возможность котораго онъ ей доставилъ, и всю дорогу повторяла про себя: боже мой, боже мой, какъ же онъ прекрасенъ! — Онъ вѣрно добрый баринъ, замѣтила по его уходѣ женщина, стоявшая за прилавкомъ харчевни. А ужъ красавецъ какой! въ жисть свою я такого не видывала.

Бѣдный Борго! Не было человѣка, которому бы онъ не по-

любился съ пергаго же взгляда. Но не на радость была ему дана эта чарующая сила. Быть можетъ, если бы лазурь его глазъ не была такъ ярка и очертанія его лица были менѣе правильны, жизнь его сложилась бы иначе. Трудно было найти человѣка съ болѣе мягкимъ сердцемъ. У него въ настоящую минуту и, едва хватало денегъ, чтобы доѣхать до замка его тетки въ Монкшэдъ, куда онъ обѣщанъ быть до рождества, такъ что ему надо было выѣхать на слѣдующій же день, прежде чѣмъ могла подоспѣть денежная помощь, обѣщанная Мэграйномъ. И при всемъ томъ онъ не задумался удѣлить изъ своего скуднаго капитала цѣлую полкрану на вспоможеніе жалкому созданію, извѣстному и голодному на роскошной улицѣ Лондона.

ГЛАВА XXVIII.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО.

Одинокое сидя въ своей комнатѣ по уходѣ Фицджеральда, Вавазоръ предавался воспоминаніямъ о той порѣ, когда самъ онъ игралъ дѣятельную роль въ романѣ своего пріятели съ лэди Гленкорою, или вѣрнѣе воспоминаніямъ объ Алисѣ и ея тогдашнихъ словахъ и поступкахъ. Алиса на отрѣзъ отказала любилцей четъ въ свой помощи, да и безуміемъ было съ самаго начала рассчитывать на ея содѣйствіе въ подобномъ дѣлѣ. А между тѣмъ, она не переставала съ глубокою искренностью убѣжденія настаивать на томъ, что долгъ лэди Гленкору — сдержать слово, данное сю Борго.— Но вѣдь онъ отчаянный кутила, возражала на это Кэтъ Вавазоръ.— Такъ пускай она его образумитъ, отвѣчала Алиса. Обстоятельство это могло бы быть приведено, какъ уважительная причина отказа, когда онъ впервые сдѣлалъ ей предложеніе; но, если она уже отвѣчала ему, что любитъ его, то что же можетъ оправдать ея измѣну.— Если женщина, продолжала она, не рѣшается для любимаго человѣка поставить свое состояніе на карту, то самая любовь ея выѣденнаго яйца не стоитъ. Эти-то рѣчи припомнились теперь Джоржу Вавазору и при этомъ онъ задавалъ себѣ вопросъ, способна ли и теперь эта жен-

щина, когда-то любившая его, поставить, ради его, свое состояние на карту.

Несмотря на внушения сестры, неотступно преслѣдовавшей его съ этимъ вопросомъ, онъ и до сихъ поръ не умѣлъ себѣ выяснить, желаетъ онъ или нѣтъ жениться на Алисѣ. Въ немъ за послѣднее время развились какіе-то цыганскіе вкусы, онъ до того дорожилъ своею независимостью въ мысляхъ и поступкахъ, что женитьба пугала его. Онъ склонялся на сторону того воззрѣнія, что бракъ не болѣе какъ устарѣвшій обычай, пожалуй и удовлетворяющій рутиннымъ потребностямъ большинства, но отнюдь негодный для людей передовыхъ, къ которымъ онъ себя причислялъ. Если только на свѣтѣ существовала женщина, которую бы онъ любилъ и уважалъ, то женщина эта была его кузина Алиса. Но ему ненавистна была самая мысль о томъ, что ему надо будетъ разстаться съ холостою волею и повести осѣдлую жизнь.

— Вся душа возмущается, признавался онъ одному пріятелю, вполне раздѣлявшему его воззрѣнія, когда подумаешь, что человекъ даетъ право соединить его съ другимъ существомъ на подобіе сіамскихъ близнецовъ, такъ что онъ на вѣки утрачиваетъ право отдѣльной, одиночной дѣятельности. Да твари безсловесныя лучше поступаютъ другъ съ другомъ! Тѣ не напиваются до безчувственности, не объѣдаются до оступѣнія, не заключаютъ между собою неразрывныхъ союзовъ, которые неизбежно должны стать подъ конецъ невыносимымъ ярмомъ для обоихъ.—Въ подраженіе философіи тварей безсловесныхъ Джорджъ придерживался довольно оригинальныхъ воззрѣній на эти вещи. Но, тѣмъ не менѣе, думая въ этотъ вечеръ объ Алисѣ, онъ пришолъ къ тому заключенію, что ужъ если необходимо ему связать себя съ кѣмъ нибудь на подобіе сіамскихъ близнецовъ, то ни одной женщины не избралъ бы онъ для этого, кромѣ Алисы.

Но, думалъ онъ, если уже онъ рѣшился на это дѣло, то когда къ нему и приступитъ какъ не теперь? Уступая его вліянію и вліянію его сестры (такъ покрайней мѣрѣ думалъ онъ и, быть можетъ, не безъ основанія), Алиса разошлась съ мистеромъ Грессомъ. Не было ничего невероятнаго въ томъ, что она

возьметъ это рѣшеніе назадъ, если ее предоставитъ самой себѣ. А между тѣмъ, на зло высокому умственному развитію, заставлявшему его съ философской точки зрѣнія относиться ко всевозможнымъ внѣшнимъ обрядамъ и формальностямъ, онъ сохранялъ еще достаточную долю общечеловѣческихъ слабостей, чтобы вовсе не быть равнодушнымъ къ удовольствію перебитъ у Джона Грея призь, который тотъ чуть было не отпаялъ у него самого.

Конечно, всего удобнѣе было бы для него, еслибы онъ могъ привить Алисъ свое возрѣніе на неразрывность брачныхъ узъ, какъ на нелѣпность. Но объ этомъ нечего было и думать. Джоржъ Вавазоръ былъ не трусъ и на многое у него доставало отваги; но онъ не посмѣлъ бы и заикнуться Алисъ о подобной сдѣлкѣ.

За тѣмъ онъ пришелъ къ разсматриванію своего собственнаго, настоящаго положенія. Онъ былъ честолюбивъ и мѣтилъ высоко, но ему улыбалась надежда удовлетворить этимъ честолюбивымъ стремленіямъ, если только ему удастся отстоять себя противъ нужды еще на годъ, или около того. Пока онъ былъ все еще бѣденъ, а было время, когда онъ чуть не сдѣлался богатымъ. Но теперь и то было хорошо, что это богатство, ускользнувшее у него изъ подъ рукъ, расчистило ему дорогу въ парламентъ. За первую свою попытку попасть туда онъ расплатился чистыми деньгами, черезъ это ему представлялось возможнымъ возобновить ее въ долгъ. Въ случаѣ удачи, передъ нимъ открывалась возможность занять пріятное и почетное положеніе. Но до этого надо было еще дотянуть годъ, другой, а какъ тутъ перебится? Дѣдъ его все еще былъ живъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, могъ прожить добрыхъ два года и болѣе. Впрочемъ у него и въ мысляхъ не было жениться на Алисъ съ тѣмъ, чтобы попользоваться ея деньгами обманомъ. Онъ рѣшился не скрывать отъ нея, да онъ и прежде не скрывалъ всю рискованность предпріятія. Но онъ зналъ, что, тамъ гдѣ дѣло коснется только денегъ, Алиса не задумается ни передъ какою рискованностью, хотя никакія соображенія не могли ее и на волосъ подвинуть тамъ, гдѣ ставилось на карту доброе имя. У него не доставало духу подступиться къ ней съ тѣми возрѣніями, о которыхъ было говорено выше, но

онъ готовъ былъ смѣло высказать ей, что собирается растратить всѣ ея деньги въ первый же годъ послѣ женитьбы.

Размышляя объ этихъ предметахъ, онъ засидѣлся въ своемъ креслѣ съ нетронутымъ стаканомъ водки передъ собою, пока отдаленный бой часовъ, донесшійся съ того берега рѣки, не возвѣстилъ ему, что уже три часа. Тогда онъ всталъ, взялъ свѣчу и пересѣлъ на противоположный конецъ комнаты, къ письменному столу.—Чтожь? проговорилъ онъ самъ про себя, если я и напишу письмо, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я его непременно пошлю; вѣроятно же то, что я его разорву. Онъ досталъ бумаги и написалъ слѣдующее письмо:

«Милая Алиса!

«Было время, когда я пользовался правомъ начинать мои письма инымъ, болѣе душевнымъ воззваніемъ и могъ называть васъ моею дорогою Алисою. Я утратилъ это право по своей собственной винѣ, и вы впоследствии передали его другому. Но побуждаемая высокою добросовѣстностью, передъ которой я могу только преклоняться, вы сочли за лучшее и его лишитъ этого права. Нужно ли говорить вамъ, что я не позволилъ бы себѣ написать того, что я пишу теперь, если бы вамъ не разсудилось поступить такъ, какъ вы поступили?

«Я снова прошу васъ сдѣлаться моею женою. Не смотря на все, что произошло между нами, не смотря на эгоизмъ и безуміе, которыми я омрачилъ наше счастье въ быломъ, я не переставалъ любить васъ; мнѣ кажется, вы это знаете теперь, знали и тогда. Я смѣло могу сказать, что любовь моя къ вамъ ни разу не пошатнулась и вы должны мнѣ повѣрить. Впрочемъ я и не думаю, чтобы вы когда либо сомнѣвались въ искренности моей привязанности.

«Тѣмъ не менѣе, когда вы объявили мнѣ, что не будете моею женою, у меня не нашлось ни одного слова, которымъ бы я могъ протестовать противъ вашего приговора. Вы поступили такъ, какъ на вашемъ мѣстѣ поступила бы и всякая другая женщина, которую любовь не лишила разсудка. Потомъ вы сдѣлались невѣстою мистера Грея. Какъ ни тяжело у меня было на душѣ, во все продолженіе этого эпизода, я ни однимъ словомъ не позволилъ себѣ стать между вами и избран-

ною вами долею. Утверждая это, я не забылъ сказаннаго мною прошлымъ лѣтомъ въ Базелѣ, когда, сколько мнѣ извѣстно, вы еще оставались при намѣреніи выйти за него за мужъ. Но то, что я говорилъ тогда, было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, о чемъ мнѣ не малыхъ успій стояло умолчать. Не знаю, остались ли у васъ въ памяти тѣ немногія слова, которыя сорвались у меня въ тотъ вечеръ съ языка, но знаю, что вы не сохранили бы ихъ въ памяти, не обратили бы на нихъ даже вниманія, если бы сердце ваше было въ Петербургѣ.

«Но теперь, все это не имѣетъ значенія. Вы снова стали свободны и я снова прошу вашей руки. Оба мы съ вами успѣли возмужать съ той поры, какъ впервые полюбили другъ друга; и вы и я сдѣлаемъ теперь нѣсколько иначе взглянуть на бракъ. Тогда на первомъ планѣ для насъ стояла наша личная любовь. Сохрани богъ, чтобы она и теперь не была для насъ дѣломъ величайшей важности! Быть можетъ, я самъ себя обманываю, утверждая, что она не перевѣшиваетъ во мнѣ, даже и теперь, всѣхъ остальныхъ соображеній. Но мы съ вами достигли уже того возраста, когда въ дѣлѣ брака мы, по всѣмъ вѣроятіямъ, станемъ строже, чѣмъ прежде, допрашивать себя: годится ли мы другъ для друга. Что до меня касается, я знаю, что многое въ моемъ характерѣ и наклонностяхъ дѣлаетъ меня неподходящимъ мужемъ для женщины обыкновеннаго закала. Вы знаете мой образъ жизни, мои надежды, мои речительства за успѣхъ. Послѣдній далеко не вѣренъ. Очень можетъ случиться, что на мѣсто ожидаемыхъ мною славы и почестей, меня ожидаетъ конечное раззореніе. Но каковы бы ни были превратности, угрожающія мнѣ въ будущемъ, я не остановлюсь, пока въ рукахъ у меня будутъ хоть какія нибудь средства продолжать борьбу. Если бы вы хоть завтра сдѣлались моею женою, я не задумался бы воспользоваться вашими деньгами въ этой борьбѣ за представительство и за почетное положеніе въ парламентѣ. Я не унижусь до увѣренія, что не изъ разсчета на эту помощь, прошу я васъ сдѣлаться моею женою; но, если вы дѣйствительно ею сдѣлаетесь, я стану рассчитывать на ваше полное содѣйствіе; вы должны будете помогать мнѣ, быть можетъ, вашими деньгами, но навѣрное всею теплотою вашего сочувствія.

«А теперь еще раз спрашиваю васъ, Алиса, дорогая Алиса! согласны ли вы быть моею женою? Я былъ достаточно жестоко наказанъ и смирился передъ наказующею рукою, какъ никогда въ жизни ни передъ кѣмъ не смирился. Въ невѣрности вы меня не можете упрекнутьъ. Съ той поры, какъ я имѣлъ право сидѣть возлѣ васъ и обвивать вашу талию рукою, рука эта не прикасалась къ талии другой женщины; съ той поры, какъ я утратилъ право цѣловать ваши губы, я ни кого болѣе не цѣловалъ. Послѣ васъ у меня не было ни совѣтника, ни друга, если не считать бѣдняжку Кэтъ, которая почти также пламенно, какъ и я, желаетъ видѣть васъ моею женою. Не думаю, чтобы вы стали заподозрѣвать искренность моего раскаянья. Я не ставлю себѣ это раскаянье въ заслугу потому, что оно естественнымъ образомъ вытекаетъ изъ понесенной мною потери. Провидѣніе, во благости своей ко мнѣ, не допустило, чтобы потеря эта сдѣлалась безвозвратною черезъ ваше замужество съ мистеромъ Греемъ. Теперь я попросить бы васъ зрѣло обдумать это дѣло и отвѣтить мнѣ, можете ли вы простить мою вину и любить меня по прежнему. Или я подаюся самообольщенію, рѣшаясь скорѣе сомнѣваться въ нашемъ прощеніи, чѣмъ въ вашей любви?»

«Я желалъ бы, чтобы вы прежде чѣмъ отвѣтите мнѣ, подвергли это дѣло всестороннему разсмотрѣнію; я желаю этого такъ сильно, что даже и не буду ожидать отвѣта раньше недѣли, считая отъ нынѣшняго дня. Не думаю, чтобы вы дѣйствительно желали навсегда остаться въ дѣвушкахъ; мнѣ кажется, что при нашемъ честолюбіи вы не можете не желать соединить свою участь съ участію другого человѣка, стремленія котораго согласовались бы съ вашими собственными. Не этотъ ли недостатокъ гармоніи въ стремленіяхъ заставилъ васъ разойтись съ человѣкомъ, котораго вы едва не назвали своимъ мужемъ? Позволяете ли вы мнѣ сказать, что между нами подобнаго рода разногласіе невозможно? Потому-то я снова и прошу васъ сдѣлаться моею женою, что я сознаю, что въ этомъ отпущеніи мы сходимся такъ, какъ рѣдко сходятся мужчина и женщина.

«Письмо это застанетъ васъ въ Ваззорѣ, гдѣ вы теперь конечно находитесь въ обществѣ Кэтъ и стараго сквайра. Се-

стру я ни словомъ не предупредилъ о настоящемъ моемъ письмѣ. Если отвѣтъ вашъ будетъ таковъ, какого я желаю, то я воспользуюсь нашей вторичной помолвкой, чтобы помириться съ дѣдомъ. Онъ не умѣлъ понять меня и поступилъ со мною не хорошо. Но я все это готовъ простить ему, если онъ съ своей стороны не воспротивится. Въ такомъ случаѣ вы съ Кэтъ сладите это дѣло и, если будетъ возможно, я приѣду въ Вавазоръ такъ, чтобы еще застать васъ тамъ. Но что за ребячество съ моей стороны такъ забѣгать впередъ; я высчитаваю свои будущіе барыши и совершенно забываю, что корзина моя наполнена хрупкимъ товаромъ; одно ваше слово рѣшить, донесу ли я его благополучно до рынка. Если это слово будетъ отказъ, тогда не хлопочите устраивать свиданіе между мною и старымъ сквайромъ; при подобныхъ обстоятельствахъ оно не будетъ имѣть смысла. Но, Алиса, вѣдь вы не захотите, чтобы слово это было отказъ? Мнѣ кажется, что вы меня любили. Въ вашей строгой неприступности въ отношеніи меня много было прекраснаго, женственнаго и достойнаго всякаго уваженія; но довольно, вы потѣшили свою гордость; пора вамъ положить гнѣвъ на милость, если вы только дѣйствительно меня любите. Милая Алиса будете ли вы моею женою? Но, чтобы ни случилось я всегда останусь любящимъ васъ

Джоржемъ Вавазоромъ.»

Окончивъ это письмо, Вавазоръ возвратился на свое прежнее мѣсто передъ каминомъ и просидѣлъ тамъ болѣе часу. Письмо близехонько лежало возлѣ него; не разъ онъ бралъ его въ руку и держалъ за одинъ уголь между большимъ пальцемъ и указательнымъ, передъ самымъ каминомъ, какъ бы предоставляя на волю случая устроить такъ, чтобы письмо выпало изъ рукъ и попало въ огонь. Но случай не выручалъ его и онъ снова клалъ письмо на столъ. Просидѣвъ такимъ образомъ около часу, онъ снова перечиталъ письмо.—Пари готовъ подержать, что она растаетъ, проговорилъ онъ, складывая его въ конвертъ. Всѣ женщины такія отпѣтыя дуры.—И съ этими словами онъ взялъ свѣчу, письмо, и отправился въ спальню.

Слѣдующее утро былъ сочельникъ. Часовъ около девяти къ

нему въ комнату вошелъ мальчикъ, являвшійся обыкновенно каждое утро за порученіями.—Джемъ, обратился онъ къ этому мальчику, на зеркаль лежитъ полкроны.—Джемъ заглянулъ куда ему указывали и точно увидѣлъ означенную монету. — Скажи-ко, Джемъ, которой стороною лежитъ она кверху, головой или хвостомъ? Джемъ осмотрѣлъ монету и объявилъ, что на верхней плоскости ея изображенъ хвостъ.—А коли такъ, то возьми это письмо и снеси его на почту, проговорилъ Джоржъ Вавазоръ. И Джемъ, ни мало не любопытствуя разъяснить себѣ смыслъ этого загадочнаго приказанія, снесъ письмо на почту. Сообразно съ установленнымъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ порядкомъ, оно пришло въ Вавазорскій замокъ и было получено Алисою въ утро Рождества.

Не веселые рождественскіе праздники выпали въ этотъ годъ на долю Джоржа Вавазора. Раннимъ утромъ получилъ онъ своеобразный, праздничный подарокъ въ видѣ записки отъ Борго, видимо писанной въ торопяхъ.—«Эти строки вручить вамъ Стиклингъ», говорилось въ запискѣ, но кто такой былъ Стиклингъ, Джоржъ и понятія не имѣлъ. Посылаю вамъ вексель. Не можете ли вы достать деньги и прислать мнѣ ихъ, потому что мнѣ самому не хочется ѣхать въ городъ, прежде чѣмъ не состоится то, о чемъ мы говорили. Вы я знаю, молодецъ и сдѣлаете все, что только будетъ въ вашей власти. Не миритесь съ этимъ мошенникомъ на сумму меньшую ста двадцати фунтовъ. Вашъ. Б. Ф.» — И такъ, Вавазоръ, за неимѣніемъ другаго дѣла, посвятилъ праздничное утро свиданію съ мистеромъ Мэрграйномъ.

— Эхъ, мистеръ Вавазоръ, отвѣчалъ мистеръ Мэрграинъ, не такой нынче день, чтобы денежныя дѣла дѣлать.

— Да время то не терпитъ, мистеръ Мэрграинъ; деньги эти нужны моему пріятелю завтра же.

— Какъ же это, мистеръ Вавазоръ, завтра?

— Да такъ же, завтра. Коли время не терпитъ, то любовь и подавно. Ну ка, мистеръ Мэрграинъ, будетъ вамъ толковать пустяки; раскошеливайтесь.

— Да можно ли на красавицу положиться, мистеръ Вавазоръ, съ безпокойствомъ освѣдомился мистеръ Мэрграинъ.

— На красавицъ никогда полагаться нельзя, отвѣчалъ Джоржъ; это такой же ненадежный товаръ, какъ и росписки, выдаваемые ростовщикамъ. Однако, я не намѣренъ здѣсь дожидаться до вечера. Согласны вы или не согласны дать ему денегъ?

— Какъ быть, мистеръ Вавазоръ; нынче день такой, нигдѣ въ Сити денегъ не достанешь.

Тѣмъ не менѣе Джоржъ Вавазоръ вышелъ отъ мистера Мэграйна, унося въ карманѣ 122 фунта, 10 шиллинговъ, за которые имъ была выдана росписка въ 500 фунтовъ. — Ужь вы, пожалуйста, скажите ему, чтобы онъ былъ поакуратнѣе въ уплатѣ, говорилъ мистеръ Мэграйнъ, провожая своего посетителя. Я такъ люблю, чтобы молодые люди платили акуратно, а этого, право, не водится за мистеромъ Фицджеральдомъ.

— Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ не водится, отвѣчалъ Джоржъ, уходя.

Онъ пообѣдалъ для праздника совершенно одинъ въ сосѣдней кухмистерской. Полагаю, что нѣтъ ни одного человѣка, который отважился бы въ первый день Рождества обѣдать въ своемъ клубѣ. По крайней мѣрѣ у Джоржа ни стало на это духу. Послѣ обѣда онъ пошелъ безцѣльно шататься по улицамъ, причемъ изъ головы у него не выходила мысль о томъ, какъ-то подставить онъ свою шею подъ ярмо супружеской жизни. И въ томъ же скучномъ однообразіи тянулось его существованіе еще цѣлую недѣлю, въ продолженіи которой онъ не слишкомъ-то нетерпѣливо дождался отвѣта на свое письмо. Къ концу недѣли пришелъ ожидаемый отвѣтъ.

ГЛАВА XXIX.

Въ деревнѣ.

Когда утромъ, въ первый день Рождества, Алиса сошла къ завтраку въ замкъ своего дѣда, по лицу ея никакъ нельзя было угадать, что утро это ознаменовалось для нея какимъ нибудь, изъ ряду вонъ, выходящимъ событіемъ. Общество, собравшееся въ Вавазорѣ, состояло изъ ея дѣда, отца, кузины Кэтъ и ея са-

мой. Какъ ни въ чемъ не бывало, объѣнялась она со всѣми обычными праздничными поздравленіями; Кэтъ объявила, что получила въ это утро извѣстіе отъ тетушки Гринау и общалась послѣ завтрака показать ея письмо Алисѣ. Про свое письмо Алиса не сказала ни слова.

— Отчего твоя тетка не пріѣхала сюда встрѣтить Рождество? спросилъ старый сквайръ.

— Быть можетъ потому, сэръ, что вы не пригласили ее, отвѣчала Кэтъ.

— Отчего жъ ты этого не сдѣлала за меня, ужъ если она дожидается непременно приглашенія, чтобы пріѣхать въ свое родимое гнѣздо?

— Этого, сэръ, я не могла сдѣлать, не имѣя отъ васъ положительнаго приказанія. Вѣдь у насъ Вавазоровъ, должно быть въ крови, вцѣпляться другъ другу въ глаза при каждой встрѣчѣ.

— Молчать, Кэтъ! Я знаю про кого ты говоришь, и ужъ тебѣ то бы меньше всѣхъ слѣдовало говорить. Алиса, голубушка, подойди ко мнѣ поближе и сядь-ко возлѣ меня. Спасибо тебѣ, что пріѣхала провѣдать о рождествѣ своего старика дѣда; большое спасибо! Жаль вотъ только, что съ возлюбленнымъ-то твоимъ у тебя не ладно вышло.

— Она еще одумается, сэръ, вмѣшался ея отецъ.

— Къ чему вы это говорите, папа? Не захотите же вы, чтобы я вышла за мужъ противъ своего убѣжденія.

— Не знаю, какія тамъ у молодыхъ дѣвушекъ убѣжденія бывають, замѣтилъ старикъ; мнѣ такъ сдается, что когда порядочная женщина дастъ слово, то она должна его держать.

— По вашему выходитъ, что если бы я была помолвлена за человѣка и вдругъ бы открыла, что онъ убійца, то я все же должна бы была сдѣлаться его женою? вмѣшалась Кэтъ.

— Но мистеръ Грей не убійца, возразилъ старый сквайръ.

— Прошу васъ, оставьте этотъ разговоръ, проговорила Алиса. Право я не въ состояніи его равнодушно слушать.

— Я ужъ давно рукою махнулъ на это дѣло. Что: слова тратить по напрасну, замѣтилъ Джонъ Вавазоръ съ таинвымъ видомъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ петочилъ по этому поводу весь запасъ своего родительскаго краснорѣчія. А

между тѣмъ всѣ увѣщанія ограничилися извѣстнымъ уже читателю разговоромъ.

Владѣтель Вавазорскаго замка былъ коренастый старикъ съ румянымъ лицомъ, сѣрыми, свирѣпо глядѣвшими глазами, длинными сѣдыми волосами и жесткою сѣдою бородой. Эта борода и эти волосы придавали что-то львиное его старческой наружности. Нравъ у него былъ вспыльчивый до бѣшенства; онъ былъ безразсуденъ въ своихъ требованіяхъ и не выносилъ и тѣни сопротивленія; но при всемъ томъ онъ имѣлъ любящее сердце, не помнилъ зла и охотно прощалъ обиду тому, кто являлся къ нему съ повинною головою. Къ тому же онъ строго придерживался извѣстныхъ правилъ, которыя для него олицетворяли понятіе о справедливости. Внуку его Джоржъ оскорбилъ его глубоко и не подумалъ попросить у него прощенія. И онъ далъ себѣ слово не прощать его до тѣхъ поръ, пока онъ не повинится передъ нимъ чуть не коленно-преклоненно, но тѣмъ не менѣе этотъ внукъ долженъ былъ сдѣлаться его наслѣдникомъ. Таково было его твердое намѣреніе. Право первородства по его понятіямъ нисколько не утрачивало своей силы оттого, что оно, въ настоящемъ случаѣ, не могло опереться на букву закона. Владѣтель Вавазорскаго замка могъ завѣщать его кому заблагоразсудится; но ему казалось, что онъ и въ гробѣ не будетъ знать покоя, если передастъ свое помѣстье кому нибудь другому, а не старшему сыну своего собственнаго старшаго сына. При всей своей вспыльчивости и даже суровости онъ былъ болѣе склоненъ любить, чѣмъ ненавидѣть; и, хотя никто изъ окружающихъ не смѣлъ произносить при немъ имени его внука, тѣмъ не менѣе въ душѣ онъ радъ бы былъ случаю съ нимъ помириться.

По случаю праздника все общество отправилось въ церковь. Маленькая, деревянная приходская церковь, самой незатѣливой архитектуры, находилась на разстояніи полуторы мили отъ замка. Вообще все помѣстье, раскинувшееся по уступу, составлявшему посредствующее звено между гористою страной и низменностью, не могло похвалиться особою красотою мѣстности. Почва была бѣдная, плохо обработанная, и недостатокъ этотъ не окупался тою живописностью, которая привлекаетъ

туристовъ. Знакомые съ мѣстностію могли наслаждаться живописнѣйшими видами въ цѣлой Англіи, отстоявшими отъ замка всего на какой нибудь часъ ходьбы; но для остальныхъ, страна эта представлялась голою, однообразною, печальною степью. По цѣлымъ милямъ однообразіе это не прерывалось не однимъ предметомъ, на которомъ могъ бы остановиться глазъ. Необозримо растилалась эта степь, слегка покатая къ югу и ей казалось конца краю не было.

Невесела была обыденная жизнь замка для такого человѣка, какъ сынъ стараго сквайра, для человѣка, считавшаго Лондонъ единственнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ, гдѣ можно жить съ комфортомъ. Домъ, правда теплый, былъ тѣсенъ и построенъ въ старинномъ вкусѣ; поваръ сквайра былъ почти ровесникомъ своему господину. Джонъ Вавазоръ ѣздилъ къ отцу скорѣе изъ чувства долга, чѣмъ для своего удовольствія. Совсѣмъ иначе смотрѣла на эти поѣздки Алиса. Славно ей жилось въ старомъ замкѣ, въ обществѣ Кэтъ, которая, подобно ей самой, была хорошии ходокъ и любила горы. Дружба ихъ впервые завязалась и созрѣла во время этихъ дальнихъ прогулокъ, которыя онѣ предпринимали вдвоемъ во всякую погоду, не обращая вниманія на всѣ тѣ неудобства, которыя многимъ другимъ дѣвушкамъ мѣшаютъ наслаждаться красотами природы.

Въ церковь отправились попарно: старый сквайръ ѣхалъ съ Алисою въ старомодномъ, тряскомъ экипажѣ, а Джонъ Вавазоръ шелъ съ племянницей пѣшкомъ. Тотчасъ по окончаніи богослуженія молодыя дѣвушки сговорились идти гулять; цѣлью своей прогулки онѣ назначили одинъ изъ замковъ, окружавшихъ Вавазорскій замокъ. Обѣдали въ замкѣ постоянно въ пять часовъ, что было имъ не совсѣмъ на руку; но такъ какъ церковная служба должна была отойти часовъ въ двѣнадцать, то имъ оставалось добрыхъ четыре часа для прогулки. Планъ этотъ былъ задуманъ у нихъ еще до полученія Алисою знаменитаго письма; но въ послѣднемъ событіи не было ничего такого, что могло бы побудить Алису отказаться отъ прогулки

— А что, Алиса, голубушка, вѣдь надо же тебѣ выдти за мужъ, говорилъ дорогою старый сквайръ.

Старикъ былъ глухъ на ухо, да и тряскій экипажъ, въ которомъ, при каждомъ шагѣ лошадей, зубы ваши немилосердно стучались другъ о друга, не благоприятстволь разговорю; Алиса ничего не отвѣчала и только слегка улыбалась. На возвратномъ пути изъ церкви старикъ снова изъявилъ желаніе, чтобы Алиса ѣхала съ нимъ, такъ какъ объявилъ онъ, что ему нужно поговорить съ нею.— Дорогое дитя мое, началъ онъ, я много о тебѣ думалъ и пришель къ тому заключенію, что тебѣ непременно надо выдти за мужъ.

— Что жъ, сэръ, можетъ статья, я когда нибудь и выйду.

— Врядъ ли, если ты со всѣми своими женихами будешь кончать ссорою, отвѣчала старикъ. Ты разсорилась съ своимъ двоюроднымъ братомъ Джоржемъ, теперь ссорись съ мистеромъ Греемъ; да этакъ ты вѣкъ въ дѣвкахъ просидишь, душа моя.

— Съ какой стати мнѣ думать о замужествѣ болѣе, чѣмъ вусинѣ Кэтъ?

— Кэтъ совсѣмъ другое дѣло. Сколько мнѣ извѣстно, за нее никто не сватается. А, право, подумай о томъ, что я тебѣ говорилъ. Если ты не поторопишься выдти за мужъ теперь, то пожалуй такъ и останешься на бобахъ. Не вѣкъ же будутъ тебѣ джентльмены спускать твои причуды.

Обѣ дѣвушки запаслись, каждая съ своей стороны, ломтемъ цирога и отправились въ путь.— Намъ не дойти до озера, замѣтила Кэтъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Алиса, но мы можемъ взобраться на Свиндальскій холмъ, присѣсть тамъ на большомъ камнѣ и издали полюбоваться озеромъ.

— Помнишь ли ты, когда мы сидѣли на этомъ камнѣ въ послѣдній разъ? спросила Кэтъ. Этому почти уже три года; на самомъ этомъ мѣстѣ ты мнѣ сказала, что между тобою и Джоржемъ все кончено. Помнишь ли, какъ я тогда съумаспешествовала и громко рыдала съ отчаянья? Подчасъ я сама дивилась своей глупости. Ну какъ это мнѣ до самой себя и дѣла нѣтъ и я вся отдалась интересамъ другихъ? Помнишь ли, какъ мы на возвратномъ пути промокли до костей.

— Какъ же, я все это хорошо помню.

— А какая темень была въ тотъ вечеръ. Дѣло было въ сен-

тябрь, но мы вѣдь вздумали прогуляться послѣ обѣда. Однако, если мы дойдемъ до Свиндэля, то на возвратномъ пути будетъ темно. Ну да я не боюсь; мы воротимся Баканскимъ лѣсомъ, каторый я знаю, какъ свои пять пальцевъ. Тебѣ не страшно будетъ, если мы захватимъ полчаса темноты?

— О, вѣтъ, отвѣчала Алиса.

— Да, не забуду я этотъ день. Ну да, можетъ быть, оно и къ лучшему, что такъ случилось. А теперь, я прочитаю тебѣ письмо тетушки Гринау.— И пока онѣ медленно взбирался на холмъ, Кэтъ прочитала вслухъ это письмо. Изъ него было видно, что ни одинъ изъ поклонниковъ вдовы не успѣлъ еще добиться отъ нея рѣшительнаго отвѣта. О мистерѣ Чизсакерѣ она писала въ такомъ тонѣ, какъ будто этотъ джентльменъ былъ безутѣшенъ въ отсутствіи Кэтъ, и серьезно уговаривала племянницу вернуться въ Норфолькъ, чтобы не упустить такую выгодную партію.—А надо тебѣ сказать, Алиса, замѣтила Кэтъ, что почтенный этотъ мужъ никогда не давалъ мнѣ ни малѣйшаго повода предполагать, что онъ ко мнѣ равнодушенъ, между тѣмъ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что онъ проситъ ея руки регулярно два раза въ недѣлю, т. е. не пропуская ни одного базарнаго дня. Ты не должна упускать это изъ виду, а то самая-то соль комедіи для тебя пропадетъ. Алиса обѣщалась не упускать это изъ виду и Кэтъ продолжала чтеніе письма. «Бѣдный Бельфильдъ въ потѣ лица своего продолжаетъ обучать волонтеровъ, писала мистрисъ Гринау. Онъ работаетъ такъ много, что право боюсь, что это напряженіе ему не по силамъ. Онъ заѣзжаетъ ко мнѣ иногда по вечерамъ на чашку чая, большею частью по понедѣльникамъ и по четвергамъ; — т. е. въ небазарные дни, въ избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ, пояснила Кэтъ. — Онъ входитъ, выпиваетъ нѣсколько чашекъ чаю, и того и гляди, упадетъ безъ чувствъ къ моимъ ногамъ.»

— Что онъ большую часть этихъ вечеровъ проводитъ у ея ногъ и тоже повторяетъ ей предложеніе по два раза въ недѣлю, въ этомъ я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія.

— И ты думаешь, что она подъ конецъ согласится за него выйти?

— Право не знаю, какъ тебѣ сказать. Подъ часъ мнѣ кажется, что ее только забавляетъ вся эта процедура и что она слишкомъ себѣ на умѣ, чтобы отдать себя въ руки кому бы то ни было. Я не сомнѣваюсь, что она даетъ ему денегъ взаймы, потому что онъ находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, а она отъ природы щедра; но я убѣждена, что она преспокойно беретъ съ него росписки въ этихъ деньгахъ до послѣдняго шиллинга; это совершенно въ ея характерѣ.

Далѣе говорилось о томъ, что пишущая эти строки, рѣшилась пробыть въ Норвичѣ остатокъ зимы и весну и очень желала бы, чтобы милая ея Кэтъ вернулась къ ней.— «Ну прѣзжай хоть за тѣмъ, чтобы еще разокъ взглянуть на Олимпиадъ, писала мистрисъ Гринау. Если ты послѣ этого придешь къ окончательному заключенію, что ни помѣстье, ни владѣлецъ его тебѣ не по сердцу, тогда я не стану къ тебѣ болѣе приставать. А право, мнѣ кажется, что онъ прекраснѣйшій человекъ.»—Послѣ этого пойми ты эту женщину, воскликнула Кэтъ. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, она, мнѣ кажется, не задумалась бы броситься за меня въ огонь и въ воду. Мнѣ кажется даже, что она можетъ дать мнѣ денегъ взаймы безъ росписки. — За тѣмъ письмо мистрисъ Гринау было спрятано въ карманъ. Дѣвушки успѣли уже достигнуть голой вершины холма.

Славная выдалась имъ зимняя прогулка! Воздухъ былъ прозраченъ и свѣжъ, но не морозенъ. Есть что-то особенное въ зимнемъ освѣщеніи, что-то придающее каждому предмету отчетливыя очертанія и сообщающее необыкновенную прелесть каждой подробности пейзажа. Но есть что-то грустное въ этомъ свѣтѣ. Въ немъ уже какъ будто носятся тѣни быстро приближающихся раннихъ сумерекъ. Пока дорога шла лѣсомъ, дѣвушки весело болтали между собою о тетушкѣ Гринау, о достоинствахъ Олимпиады и его владѣльца. Но, по мѣрѣ того, какъ онѣ подвигались впередъ, онѣ подавались полупечальному величію дикой мѣстности и подъ конецъ совсѣмъ притихли.

Письмо Джоржа все еще было у Алисы въ карманѣ; она не разставалась съ нимъ съ самаго утра. До сихъ поръ она еще не пришла ни къ какому рѣшенію относительно своего отвѣ-

та и колебалась, показать ли ей это письмо кузинѣ или нѣтъ. Она всегда смотрѣла на Кэтъ, какъ на лучшаго своего друга и ничего не скрывала отъ нея въ подобныхъ дѣлахъ. Мы знаемъ, что Кэтъ обманула ея довѣріе, но Алиса этого не подозрѣвала. Ей не рѣдко случалось ссориться съ кузиной, но ссоры эти не имѣли никакого отношенія къ нарушенію обязанностей дружбы. Она безусловно вѣрила своей кузинѣ, хотя ей и случалось рѣзко расходиться съ нею во мнѣніяхъ. — Отчего же бы и не показать ей письмо и не посовѣтоваться съ нею прежде чѣмъ послать отвѣтъ? думала Алиса, молча взбираясь на гору.

Читатель, конечно, изъ этого заключить, что Алиса уже на половину рѣшилась уступить и соединить свою судьбу съ судьбою Джоржа. Увы! Читатель будетъ правъ въ своей догадкѣ. А между тѣмъ не любовь къ этому человѣку заставляла ее подвергаться такому страшному риску. Любовь еще могла бы ей служить извиненіемъ. Но дѣло въ томъ, что она начинала склоняться на сторону того мнѣнія, что любовь, по крайней мѣрѣ та, о которой она мечтала когда-то, вовсе не составляетъ необходимаго условія брака. Что толку было въ этой любви? Что дала она ея другу лэди Гленкорѣ? Что дала она ей самой? Она ли не любила Джона Грея, а между тѣмъ это не мѣшало ей чувствовать, что жизнь съ нимъ не дастъ ей счастья. Конечно, она не согласилась бы выйти за человѣка, который былъ бы ей противенъ; но кузенъ Джоржъ былъ ей не противенъ. олъ даже ей нравился, какъ она признавалась самой себѣ довольно равнодушно.

Въ эту пору ея жизни она жестоко мучилась вопросомъ: что ей сдѣлать изъ себя, куда бѣжать отъ пустоты и суетности своего существованія? Съ своимъ молодымъ мечтамъ о любви и счастья она распростилась давѣки. Теперь ее занималъ вопросъ, какъ сдѣлать свое существованіе полезнымъ, какую дѣятельность избрать, которая удовлетворяла бы ея честолюбію?

Письмо ея двоюроднаго брата было хитрою ловушкой; оно было написано съ тонкимъ знаніемъ всѣхъ особенностей ея характера. Собственно женитьба была въ глазахъ Джоржа дѣломъ второстепеннымъ, — до того второстепеннымъ, что онъ

самую отправку письма предоставилъ на волю случая. Но, разъ уже случай рѣшилъ, что ему жениться, его самолюбіе было заинтересовано полученіемъ того, о чемъ онъ снизошелъ просить. Его письмо къ ней было умно и хитро задумано.— По крайней мѣрѣ онъ отдаетъ мнѣ справедливость, подумала Алиса, читая то мѣсто письма, гдѣ онъ говорилъ о ея деньгахъ и о томъ, что онъ намѣренъ ими воспользоваться. Будетъ ли онъ мнѣ мужемъ или останется просто другомъ, я рада отдать ему все свое состояніе, если оно понадобится ему для достиженія его цѣлей. Она вспомнила, что Кэтъ обѣщавалась пожертвовать свою послѣднюю лепту и дала себѣ слово не уступать кузинѣ въ великодушіи. Къ тому же ее плѣняла мысль стать примирительницей между Джоржемъ и его дѣдомъ. Вѣдь Джоржъ былъ представителемъ рода Вавазоровъ, рода до того древняго, что происхожденіе его терялось во мракѣ временъ. Еще у Чаусера упоминается о какихъ-то Вавазорахъ, занимавшихъ весьма почетное положеніе въ своемъ графствѣ. Много думала объ этомъ Алиса и рѣшила, что ея долгъ позаботиться о томъ, чтобы позднѣйшіе представители этого имени занимали въ свѣтѣ положеніе, по крайней мѣрѣ равное тому, которое занимали ихъ предки.

Лишь изрѣдка перекидываясь какимъ нибудь бѣглымъ замѣчаніемъ, кузины быстро приближались къ цѣли своей прогулки. Вскорѣ передъ ними встала крутая вершина Свиндѣльскаго холма; минутъ черезъ пять ходьбы онѣ достигли этой вершины и тутъ только раскрылось передъ ними во всей своей красѣ небольшое озеро, лежавшее между холмовъ. Озеро это напоминало своею формою цифру 3, верхняя половина которой окаймлялась самою причудливою и утесистою частью Уэстюрландскихъ горъ. Оно имѣло не болѣе трехъ миль въ окружности и съ высоты, на которой стояли дѣвушки, легко можно было обозрѣвать всю его поверхность. Неподвижно и холодно, какъ самая смерть, чернѣли его воды. Только облака, медленно проносившіяся надъ нимъ, отражались въ немъ постепенно измѣнявшимися тѣнями. Поверхность озера казалась совершенно гладкою, только гдѣ — гдѣ вѣтерокъ пробѣгалъ по ней едва замѣтною рябью и оставлялъ по себѣ серебристый отблескъ въ волнахъ.

— Какъ я довольна, что мы пришли сюда, проговорила Алиса, садясь на камень;— для меня и поѣздка сюда не въ поѣздку, если я не побываю, по крайней мѣрѣ, въ виду озеръ.

— Надо намъ будетъ какъ нибудь собраться въ Уильчестеръ, замѣтила Кэтъ.

— Врядъ ли это намъ удастся. Мнѣ нельзя здѣсь долго оставаться.— Кэтъ! я получила письмо, которое должна показать тебѣ.

Въ голосѣ Алисы было что-то такое, разомъ возбуждившее любопытство ея кузины.

Кэтъ усѣлась возлѣ нея и протянула руку за письмомъ.

— Это мистеръ Грей тебѣ пишетъ? спросила она.

— Нѣтъ, не мистеръ Грей, отвѣчала Алиса, передавая ей письмо.

Прежде еще, чѣмъ Кэтъ прикоснулась къ бумагѣ, она угадала, что письмо отъ ея брата.—Онъ оскорбилъ тебя! спросила она, вынимая письмо изъ конверта.

— Прочитай прежде, что онъ пишетъ, проговорила Алиса, а тамъ мы дорогою поговоримъ съ тобой.

И съ этими словами она встала съ камня и сдѣлала шагъ къ обрыву холма, гдѣ и простояла, глядя на озеро, пока Кэтъ читала письмо.

— Что? проговорила она, возвращаясь на свое прежнее мѣсто.

— Да что, повторила Кэтъ. Алиса, Алиса! хорошо бы ты сдѣлала, еслибъ склонилась на его просьбу. О, Алиса! позволишь ли ты мнѣ надѣяться? Алиса, другъ мой, милая, дорогая! скажи, что ты согласна. И она опустила возлѣ нея на колѣни и глазами, полными слезъ, заглянула ей въ лице. Загадочное созданье была эта женщина, способная въ тоже время и выдать своего лучшаго друга, и любить съ такимъ постоянствомъ и самоотверженіемъ.

Алиса не торопилась отвѣчать, и продолжала глядѣть на озеро черезъ голову Кэтъ.

— Алиса, продолжала послѣдняя, я не ожидала такой радости для нынѣшняго праздника. Вѣдь не за тѣмъ же ты привела меня сюда, и показала мнѣ его письмо, чтобы объявить мнѣ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Это бы-

ло бы жестоко съ твоей стороны. Я такъ счастлива, Алиса! Съ нынѣшняго дня я буду любить это мѣсто; я ненавидѣла его до сихъ поръ.

И она бросилась ничкомъ на камень, и покрывла его поцѣлуями. Алиса все еще хранила молчаніе, но она начинала понимать, что зашла далѣе, чѣмъ предполагала. Теперь ей почти уже невозможно было сказать, что отвѣтъ ея на письмо Джоржа будетъ отказомъ.

— Скажи, продолжала Кэтъ, что можетъ быть умнѣе, благороднѣе его письма? Сознайся Алиса, если бы онъ былъ твоимъ братомъ и другая дѣвушка показала бы тебѣ это письмо, развѣ въ тебѣ не дрогнуло бы чувство гордости? Я такъ горжусь имъ; я знаю, что онъ у меня молодецъ и совершитъ еще много прекрасныхъ дѣлъ. Послушай! здѣсь мы съ тобою однѣ передъ лицомъ самой природы; отвѣтъ мнѣ, положи руку на сердце, любишь ли ты его?

— Люблю ли я его? повторила Алиса.

— Да любишь ли ты его такъ, какъ женщина должна любить своего мужа. Развѣ твое сердце не принадлежитъ ему, Алиса? Къ чему теперь притворство. Если ты его любишь, ты можешь съ гордостью признаться мнѣ въ этомъ теперь, съ подобнымъ письмомъ въ рукахъ.

— Я не имѣю права на эту гордость, отвѣчала Алиса. Я всегда любила моего двоюроднаго брата, но не тою страшною любовью, которую ты предполагаешь.

— Въ такомъ случаѣ ты не способна на страстную любовь.

— Быть можетъ, это правда, Кэтъ. Порой я бы охотно повѣрила, что это такъ. Однако пойдемъ; мы опоздаемъ къ обѣду, да и ты озябнешь, сидя на одномъ мѣстѣ.

— Я готова бы была всю ночь просидѣть здѣсь, лишь бы твой отвѣтъ былъ таковъ, какого я желаю. Но, по крайней мѣрѣ, Алиса, прежде чѣмъ я встану, ты должна мнѣ сказать, въ чемъ будетъ заключаться твой отвѣтъ. Я знаю, что ты не откажешь ему, но, порадуй меня, дай мнѣ услышать это отъ тебѣ самой.

— Я ничего не могу сказать тебѣ, Кэтъ, пока ты не встанешь съ этого камня.

— Это почему?

— Потому что я и сама еще ни на что не рѣшилась.

— Быть не можетъ! Это дѣло сущей невозможности. Въ этихъ вещахъ рѣшаются съ разу. Ты уже, я знаю, рѣшилась, прежде чѣмъ пробѣжала его письмо до половины, хотя тебѣ, быть можетъ и не хочется въ этомъ сознаться.

— Ты совершенно ошибаешься. Пойдемъ, однако, домой, дорогою я тебѣ все расскажу.— Кэтъ встала и онѣ направилась домой.— Я еще и сама не рѣшила, какой отвѣтъ я ему дамъ; показала же я тебѣ его письмо съ тою цѣлью, чтобы быть у меня человѣкъ, съ которымъ я могла бы откровенно поговорить о немъ. Я знала напередъ, что ты станешь торопить меня отвѣтомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ я не хочу торопить тебя отвѣтомъ.

— Но мнѣ было бы слишкомъ тяжело отказать себѣ въ твоей дружбѣ.

— Будь спокойна, Алиса, я не стану торопить тебя. Я ничего не сдѣлаю противъ твоего желанія. Но ты не должна удивляться, что я такъ горячо принимаю этотъ вопросъ къ сердцу. Вѣдь то была мечта всей моей жизни. Вѣдь у меня только и заботы было, чтобы какъ нибудь устроить это дѣло. Легко ли мнѣ было, когда Джоржъ по своей винѣ потерялъ право называть тебя своею? Ты не знаешь, что я вынесла, пока этотъ уродъ изъ Кембриджшейра былъ твоимъ женихомъ; для меня это было чисто адскою мукою, а между тѣмъ, я, говоря вообще, ни не была терпѣлива? Такъ вовсе не удивительно, что теперь, когда все обѣщаетъ устроиться по моему, я себя не помню отъ радости; а что оно устроится по моему,— это вѣрно. Очень можетъ статься, что ты еще не рѣшилась принять его предложенія, но если бы ты желала отказать ему, ты съ разу бы такъ и рѣшила.

За тѣмъ, остальную часть пути онѣ прошли почти молча. Только подходя къ дому, Кэтъ снова заговорила.—Ты не отвѣтишь на его письмо, не переговоривъ еще разъ со мною?

— По крайней мѣрѣ я не отошлю отвѣта, не предупредивъ тебя, отвѣчала Алиса.

— И ты мнѣ покажешь его?

— Этого я не могу тебѣ обѣщать. Но, въ случаѣ, если онъ будетъ не благопріятный, обѣщаюсь тебѣ показать его.

— Ну, такъ мнѣ его никогда не видать, смѣясь воскликнула Кэтъ. Впрочемъ, съ меня и этого довольно. Я вовсе не домогаюсь чести ценсировать тѣ нѣжныя, любовныя рѣчи, въ которыхъ ты скажешь ему, что всѣ его вины предаются забвенію. Могу себѣ представить, что это будутъ за рѣчи! Боже! какъ я завидую ему.

Между тѣмъ, онѣ успѣли придти домой. На крыльцѣ ихъ дожидался старикъ, и гнѣвно сверкалъ на нихъ своими львиными глазами, потому что ростбифъ успѣлъ пережариться. Въ рукѣ онъ держалъ свои большіе, серебряные часы, походившіе на кострюлю, и вѣчно уходившіе на четверть часа впередъ; онъ сердито указывалъ на минутную стрѣлку, передвинувшуюся на десять минутъ отъ урочнаго, обѣденнаго часа.

— Но, дѣдушка, ваши часы вѣчно бѣгутъ впередъ, отвѣчала Кэтъ.

— А вы, сударыня, вѣчно опаздываете.

— Еще пяти нѣтъ; не такъ ли Алиса?

— А сколько вы провозитесь за своимъ туалетомъ?

— Черезъ десять минутъ мы будемъ готовы; не такъ ли, Алиса? Впрочемъ, дѣдушка, вы насъ, пожалуйста, не дожидайтесь.

— Не дожидайтесь. За все про все у нихъ одинъ отвѣтъ: не дожидайтесь! Точно кто и впрямь станетъ ихъ дожидаться, когда кушанье подано.

Но внучки не разслышали этихъ послѣднихъ словъ, потому что убѣжали уже въ свои комнаты.

Во все продолженіе вечера между Алисою и Кэтъ о письмѣ болѣе не было и помину. Только, прощаясь съ Алисою, на порогѣ ея спальни, Кэтъ сказала ей: помолись за него нынче, какъ ты молишься за самыхъ близкихъ тебѣ людей.— Алиса ничего не отвѣчала, но должно думать, что она исполнила эту просьбу.

ГЛАВА XXX.

ОТВѢТЪ НА ЛЮБОВНОЕ ПОСЛАНІЕ.

Алиса имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлую недѣлю на обдумыванье своего отвѣта; но отвѣтъ ея былъ отправленъ до истеченія этого срока. — Я не хочу томить его неизвѣстностью, порѣшила она. Ужь если этому суждено случиться, то лучше разомъ объявить ему. Къ тому же, она считала это лучшимъ способомъ выйдти изъ своего фальшиваго положенія относительно мистера Грея. Она сознавала, что поступила съ нимъ дурно, очень дурно и чувствовала, что, воспоминаніе о нанесенной ему обидѣ, отравитъ всю ея жизнь. Но прямою ея обязанностью, въ отношеніи его, было, какъ можно скорѣе извѣстить его о своемъ намѣреніи. Въ успокоеніе своей совѣсти она старалась завѣрить себя, что онъ утѣшится легко.

— И въ немъ, какъ и во мнѣ, нѣтъ и тѣни страсти, твердила она про себя.

Но она ошибалась. Человѣкъ этотъ умѣлъ любить страстно и, что всего хуже, могъ любить только разъ.

Каждое утро Кэтъ приставала къ ней съ вопросомъ, готовы ли ея отвѣтъ.

На третій день послѣ праздника Алиса объявила ей, что отвѣтъ написанъ и отправленъ на почту.

— Но вѣдь нынче не почтовый день, сказала Кэтъ. Почта заглядывала въ Вавазоръ только три раза въ недѣлю.

— Я наняла за шесть пенсовъ мальчишку, который снесъ мое письмо въ Шень.

— Что же ты въ немъ пишешь, спросила Кэтъ, хватая ее за руку.

— Я сдержала свое обѣщаніе; будь же и ты вѣрна своему слову, и не спрашивай меня болѣе ни о чемъ.

— Сестра моя, родная моя! воскликнула Кэтъ, кидаясь обвинять ее. Алиса отвѣчала на ея поцѣлуи, и послѣ этого у нея не осталось и тѣни сомнѣнія относительно содержанія письма.

За тѣмъ кузины приступили къ обсужденію того, какія даль-

нѣйшія мѣры имъ принять. Кэтъ настаивала на томъ, чтобы кузина ея немедленно написала мистеру Греку, и слегка перетревожилась, когда Алиса объявила ей, что намѣрена прежде дожидаться отвѣта Джоржа. — Ужь не поставила ли ты ему казія нибудь чудовищныя условія, воскликнула Кэтъ.

— Не знаю, что по твоему можетъ считаться чудовищнымъ условіемъ, отвѣчала Алиса серьезно; мои условія были не слишкомъ-то тягостны и, мнѣ кажется, ты бы сама ихъ одобрила.

— Но онъ! вѣдь ты знаешь, что это за горячка. Можетъ быть, они ему не понравятся?

— Я сказала ему... Но, Кэтъ, вѣдь это противъ нашего уговора съ тобой.

— Къ чему эта скрытность между нами? замѣтила Кэтъ.

— Хорошо, ея не будетъ. Я написала ему, что не могу согласиться на немедленную свадьбу; пускай онъ дастъ мнѣ еще годъ отсрочки, въ продолженіе котораго миновалась бы у меня первая горечь раскаянья и тоски.

— Цѣлый годъ, Алиса?

— Да, цѣлый годъ; но выслушай меня до конца. Далѣе, я написала ему, что, если онъ только пожелаетъ, я теперь же объявлю отцу и дѣдушкѣ, что дала ему слово; я хочу это сдѣлать въ удостовѣреніе того, что я готова дать ему всѣ ручательства въ прочности нашего союза, какія только въ моей власти. Предложила я ему и еще кое-что, Кэтъ, продолжала она послѣ небольшой паузы; объ этомъ я могу сказать только тебѣ и болѣе никому. Отъ тебя мнѣ нечего таиться, потому что ты поступила бы, да и намѣрена поступить точно также. Я написала ему, что сколько бы моихъ денегъ не понадобилось ему для достиженія его цѣлей, я прошу его воспользоваться ими до истеченія этого года.

— Алиса! Нѣтъ, нѣтъ, этому не бывать! Это уже слишкомъ великодушно съ твоей стороны: Кэтъ какъ будто поняла въ эту минуту, что братъ ея не такой человѣкъ, чтобы ему можно безнаказанно сдѣлать подобнаго рода предложеніе.

— Но это ужъ дѣло сдѣланное. Мой посланный съ шестью пенсами въ кармаиѣ быть можетъ въ эту самую минуту сдать мое великодушное предложеніе на почту. И, скажу тебѣ от-

кровенно, Кэтъ, я считаю это не болѣе какъ справедливымъ. Онъ откровенно мнѣ высказалъ, что, пока старый сквайръ живъ, онъ будетъ нуждаться въ моихъ деньгахъ для осуществленія плановъ, которымъ я вполне сочувствую. Мнѣ всегда хотѣлось видѣть его въ парламентѣ; теперь это будетъ самымъ пламеннымъ желаніемъ моего сердца, единственнымъ дѣломъ, въ которомъ я буду имѣть живой интересъ. Послѣ этого станетъ ли у меня духу сказать ему, чтобы онъ еще ждалъ цѣлый годъ того, что ему дозарѣзу будетъ нужно черезъ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ! Такая помощь напоминаетъ рабочіе дома, которые такъ долго мѣшляютъ доставленіемъ бѣдняку насущнаго хлѣба, что тотъ между тѣмъ успѣваетъ умереть съ голоду.

— Но я позабочусь, чтобы нашъ бѣднякъ не умеръ съ голоду, возразила Кэтъ. Мои деньги, хоть онѣ и не велики, выручатъ его изъ этой крайности. Я уже сказала ему, что онъ можетъ на нихъ рассчитывать. Къ тому же, ту сумму, которая ему нужна, я могу достать у тетушки Гринау.

— Но я не желала бы, чтобы онъ занималъ у тетушки Гринау. Ты сама говоришь, что она даетъ деньги не иначе какъ подъ заемное письмо, да и она вездѣ стала бы объ этомъ болтать.

— За то моими деньгами ничто не мѣшаетъ ему воспользоваться.

— А ты кто такая? спросила Алиса, смѣясь. Ты ему не нарѣченная жена.

— Я не допущу, чтобы онъ дотронулся до твоихъ денегъ, пока ты дѣйствительно не станешь его женою, отвѣчала Кэтъ съ очень рѣшительнымъ видомъ. Я бы очень рада была, если бы ты отмѣнила эту скучную годовую отсрочку; тогда, пожалуй, дѣлай какъ знаешь. Я увѣрена, что дѣдушка, какъ только зайдетъ рѣчь о свадьбѣ, согласится упрочить за нимъ помѣстье какимъ нибудь формальнымъ актомъ такъ, что тогда ты окончательно обезпечена.

— И ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что я очень дорожу этою увѣренностью, что я окончательно обезпечена. Милая Кэтъ! Какъ же ты ошибочно меня понимаешь!

— А между тѣмъ мнѣ казалось, что я знаю тебя вдоль и поперекъ. Оказывается, что я ошибалась.

— Потому-то именно, что я не дорожу этою обеспеченностью, о которой ты хлопчешь, я и выхожу за твоего брата. Или, ты думаешь, я не вижу, что я подвергаюсь большому риску?

— Ты предпочитаешь сильныя ощущенія лондонской жизни, сказать ли чему?... тишинѣ Кэмбридашейра.

— Именно такъ; а потому я и сказала Джоржу, что мои деньги къ его услугамъ.

Кэтъ продолжала протпворѣчить въ этомъ дѣлѣ Алисѣ пока не пришелъ отвѣтъ Джоржа. Въ письмѣ его къ Алисѣ было вложено другое письмо къ сестрѣ, послѣ котораго Кэтъ уже не говорила болѣе ни слова о денежномъ вопросѣ. Должно полагать, что въ душѣ она не измѣнила своего твердаго намѣренія, — не допустить Алису жертвовать своимъ состояніемъ для ея брата; но въ письмѣ Джоржа было что-то такое, заставившее ее до поры до времени замолчать. Прежде, чѣмъ снова начать этотъ разговоръ съ Алисой, она должна была повидаться съ братомъ.

Отвѣтъ Джоржа Алисѣ былъ очень немногословенъ и дышалъ, повидимому, полною искренностью. Онъ пенялъ ей за слишкомъ долгую отсрочку и писалъ, что не теряетъ еще надежды уговорить ее—сыграть свадьбу скорѣе. Онъ совѣтовалъ ей немедленно же написать мистеру Грею; относительно же стараго сквайра онъ давалъ ей *carte blanche* дѣйствовать какъ ей заблагоразсудится. Въ случаѣ, если сквайръ потребуетъ извиненій, Джоржъ изъявлялъ полную готовность снизойти къ его требованью, на которое въ такомъ случаѣ посмотрѣлъ бы какъ на пустую формальность. Что же касалось Алисинихъ денегъ то онъ горячо благодарилъ ее за довѣріе и общался въ случаѣ необходимости воспользоваться ея предложеніемъ. Таково было письмо Джоржа къ Алисѣ; содержаніе его письма къ сестрѣ осталось тайною для Алисы. Теперь надо было подумать о томъ, какъ извѣстить отца и дѣда объ этой помолвкѣ, уже третьей по числу на вѣку бѣдной Алисы. Задача была не легкая. Еще не такъ боялась она говорить объ этомъ дѣлѣ съ

дѣдомъ, какъ съ отцомъ, а потому и рѣшилась взвалить объясненіе съ отцомъ на Кэтъ, предоставляя себѣ переговорить только съ старымъ сквайромъ.

— Дѣдушка, начала она на слѣдующее утро, по полученіи письма Джоржа, вы какъ-то говорили мнѣ, что по вашему мнѣнію мнѣ надо выйдти замужъ.

— Какъ же, какъ же, милая, я говорилъ это. И точно, ты непременно должна выйдти замужъ, само собою разумѣется, за этого мистера Грея.

— Это дѣло невозможное, сэръ.

— А коли такъ, то съ какой стати ты затѣваешь со мною этотъ разговоръ?

Разговоръ принималъ оборотъ неблагоприятный для Алисы; тѣмъ не менѣе, она продолжала.

— Я пришла, дѣдушка, сказать вамъ, что я невѣста другого.

— Еще другого! И въ этомъ восклицаніи слышалась Алисѣ укоризна въ томъ, что она ужъ больно многимъ поклонникамъ наобѣщала свою руку. Положеніе ея было незавидное, но отступать было уже поздно.

— Вамъ извѣстно, заговорила она, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ я была помолвлена за кузена Джоржа... На этихъ словахъ она запнулась.

— Ну! сказали старикъ.

— Я помню, что тогда вы выразили мнѣ свое одобреніе.

— И точно, я тогда одобрялъ этотъ бракъ. Дѣла Джоржа въ то время шли хорошо, или, вѣрнѣе, онъ завѣрилъ насъ, что они идутъ хорошо. А развѣ вы съ нимъ опять поладили?

— Да, сэръ.

— А потому ты и считала себя въ правѣ надуть мистера Грея. Такъ, что ли?

Какъ громомъ поразило это выраженіе бѣдную Алису; не разъ въ глубинѣ ея собственной совѣсти поднимался голосъ, называвшій ее обманщицей; но никогда еще слухъ ея не поражался этимъ обвиненіемъ, произнесеннымъ посторонними устами.

— Дѣдушка! проговорила она, и въ голосѣ ея было что-то такое, смягчившее стараго сквайра.

— Ну ладно, ладно, я не хочу тебя обижать, внучка. Такъ ты выходишь замужъ за Джоржа? Дай-то Богъ, чтобы онъ былъ тебѣ хоронимъ мужемъ; больше я ничего же скажу. А что говорить на это твой отецъ?

— Я вамъ первому сообщила объ этомъ, сэръ, потому что мнѣ хотѣлось испросить у васъ позволеніе Джоржу пріѣхать сюда на правахъ вашего внука.

— Этому никогда не бывать, прорычалъ старикъ.

— Если онъ былъ виноватъ передъ вами, онъ попросить у васъ прощенія.

— Если онъ былъ виноватъ! А кто собирался спустить все имѣнье до послѣдняго шиллинга, имѣнье, которое и не думало ему принадлежать, имѣнье, которое завтра же могу отдать Тому или Дибу или Гарри, если мнѣ заблагоразсудится! Это, вишь, онъ не виноватъ.

— Я и не берусь его защищать, сэръ. Но мнѣ казалось, что по случаю такого событія...

— Про дураковъ законъ не писанъ. У тебя есть свои деньги. Вотъ онъ протретъ имъ теперь глаза.

— У него будетъ поводомъ меньше это сдѣлать, если вы признаете его своимъ наслѣдникомъ. Повѣрьте, сэръ, онъ сталъ теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ.

— Знаю только, что человѣкъ онъ долженъ быть очень ловкій, коли ему удалось перебить тебя у такого жениха, какъ Джонъ Грей. Для меня это просто непостижимо! И добро бы онъ изъ себя былъ красавецъ, а то вѣдь, ни кожи, ни рожи... Ну, да что толковать. Если отецъ твой согласенъ и Джоржъ попроситъ у меня прощенія... только вѣдь онъ навѣрное не попроситъ...

— Попроситъ, сэръ, ручаюсь вамъ. Онъ самъ просилъ меня быть посредницей въ этомъ дѣлѣ.

— А! самъ просилъ! Въ такомъ случаѣ ты можешь написать ему отъ моего имени, что, для тебя, я позволяю ему пріѣхать въ мой домъ. Я знаю, что онъ въ первый же день

изгубить мнѣ, ну, да тань и быть, я принесу тебѣ эту жертву и потерплю. Только, само собою разумѣется, я прежде долженъ знать, что думаетъ объ этомъ твой отецъ.

Попытка Кэтъ была еще менѣе удачна, чѣмъ попытка Алисы — Я напередъ зналъ, что это такъ будетъ, воскликнулъ Джонъ Вавазоръ, ударяя кулакомъ по столу, когда племянница сообщила ему великую новость. Ужь я съ самаго начала видѣлъ, въ чему идетъ дѣло.

— А почему бы этому и не быть, дядя Джонъ?

— Онъ тебѣ братъ и я не хочу тебѣ высказывать свое мнѣніе о немъ.

— Вы считаете его за мота.

— Я считаю его за самаго ненадежнаго человѣка, и ушь ему-то бы ни подъ какимъ видомъ я не довѣрилъ судьбу молодой дѣвушки.

— Однако, дядя, вы слишкомъ строго о немъ судите.

— Можетъ быть; но скажите отъ меня Алисѣ, что, такъ какъ мнѣ никогда не удавалось склонить ее на сторону моего мнѣнія, то я и хлопотать объ этомъ не стану теперь. Скажу только одно, что никогда не признаю Джоржа Вавазора своимъ зятемъ.

Кэтъ исполнила порученіе мистера Вавазора, и нельзя сказать, чтобы она исполнила его съ большимъ прискорбіемъ. Она знала, что сопротивленіе отца ни подъ какимъ видомъ не заставитъ Алису отступить назадъ. Да и странно было бы думать иначе. Мистеръ Вавазоръ въ теченіи столькихъ лѣтъ пренебрегалъ обязанностями, связанными съ родительскимъ званіемъ, что смѣшно было бы съ его стороны теперь предъжить родительскія права.

Теперь мы переселимся на квартиру Джоржа Вавазора въ улицѣ Сесиль, гдѣ онъ получилъ письмо Алисы. Онъ одѣвался, когда ему подали это письмо. Взглянувъ на адресъ, написанный слишкомъ знакомымъ почеркомъ, онъ положилъ его нераспечатаннымъ на туалетный столъ. Затѣмъ онъ продолжалъ заниматься своимъ туалетомъ, какъ бы желая доказать самому себѣ, что содержаніе письма не слишкомъ-то его затрагиваетъ. Должно полагать, что это было не совсѣмъ такъ.

Отъ времени до времени взглядъ его устремлялся на лежавшее возлѣ него письмо, но у него достало духу не распечатывать его до тѣхъ поръ, пока горничная, подавшая ему завтракъ, не удалилась. — А теперь, проговорилъ онъ, откидываясь въ своемъ креслѣ, посмотримъ, что мнѣ пишетъ моя возлюбленная. Его возлюбленная писала ему слѣдующее:

«Мой милый Джоржъ!

«Я сильно затрудняюсь отвѣчать на ваше письмо. Всего охотнѣе, если бы это только было возможно, я повременила бы мѣсяцевъ шесть, а тамъ отвѣтила бы, соображаясь съ обстоятельствами. Въ этомъ мало лестнаго для васъ, но еще менѣе лестнаго для меня. Каковъ бы ни былъ мой отвѣтъ, должно сознаться, что во всей этой исторіи мало лестнаго для насъ обоихъ. Мы вели себя какъ дѣти, которые поссорились за игрою, а потомъ подъ вечеръ своего маленькаго праздника, подходятъ другъ къ другу въ слезахъ и сознаются, что даромъ прошелъ для нихъ этотъ день и не принесли имъ ожидаемыхъ радостей.

«Кэтъ, которая тоже гоститъ въ Вавазорѣ, толкуетъ мнѣ про страстную любовь; но этой любви во мнѣ не уцѣлѣло и слѣда, да и въ васъ тоже, мнѣ кажется. Намъ нечего уже болѣе и думать сойтись съ вами на подобныхъ условіяхъ. Супружеское счастье возможно для насъ только въ томъ случаѣ, если мы оба допустимъ, что страстная любовь не составляетъ необходимое условіе подобнаго счастья.

«Изъ всего сказаннаго мною вы можете видѣть, что я не отвергаю ваше предложеніе. Я не люблю васъ страстно, но питаю къ вамъ глубокую привязанность, заставляющую меня живо интересоваться вашими успѣхами. Само собою разумѣется, что когда я сдѣлаюсь вашею женою, ваши интересы сдѣлаются моими, какъ оно и должно быть между мужемъ и женою.

«И такъ, если вы хотите, я буду вашею женою, но не торопите меня свадьбою. Превратности моей прошлой судьбы не прошли для меня безслѣдно и многое въ этомъ прошломъ лежитъ упрекомъ на моей совѣсти. Я знаю, что поступала дурно; хуже того, мое поведеніе въ глазахъ свѣта должно казаться не женственнымъ. Вы поймете, что все это должно бы-

ло тягостно отозваться на мнѣ; потому-то я и прошу васъ дать мнѣ время оправиться. Совершенное изцѣленіе врядъ ли когда для меня настанетъ, но мнѣ кажется, что, по проше- ствіи года, мое обычное настроеніе и спокойствіе духа возвра- тятся ко мнѣ на столько, что я въ состояніи буду посвятить себя заботѣ о вашемъ счастьи. Милый Джоржъ! если вы сог- ласны взять меня на этомъ условіи, я готова сдѣлаться вашею женою и постараюсь честно исполнить свои обязанности въ отношеніи васъ.

«Я уже сказала вамъ, что даже теперь, какъ кузина, принимаю живое участіе въ вашихъ интересахъ; подъ этимъ я, ко- нечно, разумѣю ваши политическіе интересы и ваше стрем- леніе попасть въ парламентъ. Я, какъ мнѣ кажется, хорошо поняла то мѣсто вашего письма, гдѣ вы говорите о моемъ состояніи и отдаю полную справедливость вашей искренности и откровенности. Если бы у меня не было никакого состояніи вы не могли бы въ вашемъ положеніи жениться на мнѣ. Знаю я, также, что подспорье моихъ денегъ нужно вамъ немедлен- но, а не въ отдаленномъ будущемъ. Можетъ такъ случиться, что деньги мои понадобятся вамъ до истеченія этого года, раньше котораго, какъ я вамъ сказала, я положительно не мо- гу принудить себя растаться съ своимъ дѣвичествомъ. Но день- ги моя будутъ податливѣе меня самой. Сколько бы вамъ не понадобилось ихъ для вашихъ политическихъ цѣлей, вамъ сто- ить намекнуть и онѣ будутъ у васъ въ рукахъ; надѣюсь, что вы примете это предложеніе такъ же просто, какъ я его дѣ- лаю. Милый Джоржъ! Пускай же на мою долю выпадетъ гор- дость и честь ийти къ олтарю съ человѣкомъ, облеченнымъ въ званіе представителя великобританскаго народа. Нѣтъ зва- нія, которое, въ моихъ глазахъ, стояло бы выше этого.

«Я подожду новаго письма отъ васъ, чтобы объявить о на- шей помолвкѣ моему отцу и дѣдушкѣ. Если вы напишете мнѣ, что принимаете мои условія, я тотчасъ же начну хлопотать о вашемъ примиреніи съ старымъ сквайромъ. Я думаю, что это еще скорѣе мнѣ удастся, чѣмъ заставить отца благосклонно смотрѣть на нашу свадьбу. Но считаю излишнимъ увѣрять васъ, что, какъ бы оба они ни взглянули на это дѣло, мое рѣ- шеніе отъ этого не измѣнится.

«Я дожидаюсь тоже вашего отвѣта, чтобы написать въ послѣдній разъ мистеру Грею.

Любящая васъ кузина
Алиса Вавасоръ.»

Прочитавъ это письмо, Джоржъ небрежно бросилъ его на столъ и принялся за свой завтракъ. — Ладно, проговорилъ онъ, пусть такъ и будетъ. Для меня это лучшее, что я могъ придумать, чтобы изъ этого для нея ни вышло. И онъ погрузился въ свою газету. Но въ теченіе этого дня много у него созрѣло предположеній, предположеній, которыя онъ дѣлалъ почти безсознательно о томъ, какъ онъ воспользуется ея деньгами. Вечеромъ того же дня онъ написалъ два письма: одно въ Алисъ, содержаніе котораго намъ уже извѣстно, другое къ сестрѣ, которое Катъ сохранила въ глубокой тайнѣ.

(Продолженіе будетъ.)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ
ПОСЕЛЕНІЙ ВЪ РОССИИ.

III.

Въ первой статьѣ мы бросили общій взглядъ на характеръ русской колонизаціи и рассмотрѣли вліяніе климата на движеніе и распространіе населеній; теперь займемся другимъ великимъ факторомъ развитія колонизаціи—почвой. Законы почвы, такъ же какъ и законы метеорологическихъ, обусловливаютъ географическое распространеніе, агрикультурный характеръ и развитіе земледѣльческихъ поселеній. Почва, составляющая главную и самую жизненную основу всѣхъ поселеній, плодородіемъ своимъ обусловливаетъ ихъ развитіе и умноженіе, а вслѣдствіе истощенія своего доводитъ цѣлыя государства и области до опустѣнія или паденія. Во времена древняго Лаціума, когда почва Италіи была чрезвычайно плодородна, совершалась цвѣтущая этрусская колонизація Ломбардіи; на мѣстѣ нынѣшнихъ болотъ устроено было до 23 сильно населенныхъ городовъ; племена самнитскія густо заселяли страны хребта Аппенинскаго и воздѣлывали въ нихъ поля. Такого было состояніе тогда—и что же послѣ, что же теперь? Въмѣсто садовъ съ розами и роскошныхъ хлѣбныхъ полей, храмы Пестума окружены теперь пустыней, на которой растетъ тощая трава и чертополохъ. Римъ палъ отъ истощенія почвы! Исторія земледѣльской колонизаціи въ Сѣверной Америкѣ представляетъ подобный же грустный результатъ истощенія почвы. Въ нижней палатѣ конгресса въ Вашингтонѣ, депутатъ Морель Вермонтъ статистическими данными показалъ, что въ штатахъ Коннектикутъ, Массачусетъ, Родъ-Айландъ, Нью-Гемпширъ, Мэнъ и Вермонтъ, вмѣстѣ взятыхъ, въ теченіи 10 лѣтъ (съ 1840 — 1850) урожай пшеницы уменьшился на поло-

вину, а урожай картофеля — на одну треть; въ Теннесси, Кентуки, Георгіи и Алабамѣ и въ Нью-іоркскомъ штатѣ урожай пшеницы также уменьшились на половину противъ прежнихъ. Въ 1850 г. средній урожай пшеницы въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ составлялъ на акръ только 7 бушелей (26 четвериковъ съ десятины), а въ Алабамѣ только 5 бушелей (18 четвериковъ съ десятины). На новыхъ земляхъ въ Техасѣ и Арканзасѣ собираютъ съ акра, среднимъ числомъ, отъ 700 до 750 фунтовъ хлопка (почти 2,080 фунтовъ съ десятины), тогда какъ на старыхъ поляхъ въ южной Каролинѣ только половину этого количества. «При переѣздахъ по странѣ, говорить депутатъ Алабамы Клей, часто попадаются опустѣлые дома фермеровъ, нѣкогда жилища трудолюбивыхъ, дѣятельныхъ, свободныхъ людей. Они оставлены и преданы разрушенію; поля, нѣкогда плодородныя, покрыты сорною травою. Мохъ растетъ по стѣнамъ, нѣкогда оживленныхъ мѣстностей, и въ рукахъ одного владѣльца соединяется теперь вся собственность, на которой нѣкогда въ довольствѣ жили до 15 бѣлыхъ семействъ. Страна, не пережившая еще своего дѣтскаго возраста, уже носить на челѣ своемъ признаки старости и упадка силъ; такъ въ Алабамѣ, въ Виргиніи и въ Каролинѣ. «Повсюду, — замѣчаетъ по этому поводу Лябихъ, — во всѣхъ частяхъ и странахъ свѣта внимательный взоръ открываетъ, въ состояніи почвы, дѣйствіе одного и того же могущественнаго закона природы. Тамъ, гдѣ прежде цвѣли могущественныя государства и плотное народонаселеніе почерпало изъ почвы свою пищу и богатства, теперь поля производятъ такъ мало, что обработка не окупается»^{*)}). Обращаясь въ русской земледѣльческой колонизаціи и культурѣ, мы и здѣсь находимъ подобные результаты истощенія почвы. Нѣкогда цвѣтушій, вольный Новгородъ великій, какъ мы уже раскрыли въ другомъ мѣстѣ, сильно былъ подорванъ истощеніемъ своею, и безъ того, не очень плодородной почвы. Лѣтописныя цифры о неурожаяхъ и цѣнахъ на хлѣбъ, съ XI по XIV столѣтіе, служатъ краснорѣчивыми цифрами постепеннаго упадка плодородія почвы. Цифры хлѣбныхъ цѣвъ начинаются 3-мя гривнами за кадъ, переходятъ въ 4, 5, 6, 8, 10 и доходятъ до 20, 25 или 30 и наконецъ до 40 гривенъ за кадъ. При этой послѣдней цѣвѣ, когда почва уже была сильно истощена, самъ Новгородъ былъ при концѣ своего существованія, и только подвозомъ хлѣба изъ-за моря, еще

*) Лябихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлю и физиологія растений, стр. 75—76.

спасенья былъ на время отъ послѣдняго надеянiя. Съ тѣхъ поръ, какъ почва истощилась на тонкихъ поляхъ новгородскихъ, — задержка со стороны Москвы низовано подвоза хлѣба окончательно рушила само-бытное развитіе Новгорода и его колоній, и вѣчевой колоколъ на берегахъ Волхова замолкъ печально и на вѣки. И въ позднѣйшее время, даже на новыхъ земляхъ Сибири, истощеніе почвы, въ связи съ неблагоприятными климатическими контрастами, доводило нѣкоторыя колоніи до опустошенія и запущенности. Такъ въ Семипалатинскомъ округѣ, гдѣ почва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и чернозема, толщиною въ 2 ф., подъ которымъ лежитъ сплошная глина, и гдѣ прохлада, господствующая на значительной высотѣ мѣста, защищаетъ почву отъ согреванія лучами солнца, отъ засухи, съ самаго начала колонизаціи, съ 1718 года, съ большимъ успѣхомъ сѣяли пшеницу польскую, китайскую, казмыцкую (*Triticum polonicum, tricosson, kalmanka*) и обыкновенную (*Trit. vulgare*), также ячмень, яровую рожь, овесъ и просо. Поля прежде давали самъ-35, а нынѣ даютъ гораздо меньше. Отъ расхищающаго хозяйства поля истощились, и, какъ замѣчаетъ Риттеръ, «многолѣтніе неурожаи въ странѣ, гдѣ господствуютъ самыя большіе климатическіе контрасты, превратили обширныя, прежде обрабатываемыя, пространства — въ пустыни.» *) Съ другой стороны, законы почвы обуславливаютъ переселенія народныя. «Для великаго цѣлаго, говоритъ Либихъ, окончательно все равно, вымираетъ ли извѣстная нація постепенно въ странѣ, которой производительность уменьшается, или, будучи болѣе сильною, насильственно умерщвляетъ другую, слабѣйшую націю въ плодородной странѣ и занимаетъ ея мѣсто. Всѣ великія передвиженія народовъ направлялись изъ странъ, сдѣлавшихся неплодородными, въ плодородныя». Послѣ голодныхъ годовъ 1816 и 1817, когда почва въ европейскихъ государствахъ была уже сильно истощена расхищающимъ хозяйствомъ, начинаются громадныя выселенія изъ Европы. Тотъ же законъ почвы вышуждалъ многія переселенія и въ Россіи. Когда почва великорусской земли, во многихъ сѣверныхъ и центральныхъ областяхъ, къ XVII вѣкѣ уже значительно истощилась отъ расхищающаго хозяйства, — тогда началось обширное и вѣковое переселеніе народа въ Сибирь, и стали колонизоваться ея обширныя, пустынные пространства: русскіе люди тамъ искали зе-

*) Землевѣд. Азін. Т. III, стр. 186—187.

млицы, или *земель хлѣбородныхъ*. На сѣверѣ великорусской земли, почва и такъ была худая, каменистая, болотистая и мшистая, а къ XVII-му столѣтію и та истощилась, вслѣдствіе чего были частые неурожаи, особенно при тамошнемъ суровомъ климатѣ. И вотъ, сѣверные Поморцы, въ XVII вѣгѣ, первые толпами устремились въ Сибирь на новыя, непочатыя, хлѣбородныя земли. Такъ въ указѣ 1647 года сказано, что «съ Руси, съ поморскихъ городовъ, съ Устюга великаго, отъ Соли Вычегодской, изъ Перми великой, с Вятки, съ Кевроли, изъ Мезени и пзъ другихъ русскихъ городовъ, посадовъ и уѣздовъ, сошли въ Сибирь посадскіе люди и многіе пашенные крестьяне съ женами и дѣтьми отъ хлѣблага недороду, и тамъ устроились на папши на новыхъ земляхъ *)». Въ грамотѣ 1670 г. читаемъ: «пріѣзжаютъ въ Солн Камской и на Устюгъ и въ уѣзды изъ Тобольска, съ Тюмени, съ Верхотурья и иныхъ городовъ, изъ уѣздовъ поморскихъ городовъ бѣглые крестьяне по отцовъ своихъ и по братій и по сродниковъ; изъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ пахатные многіе крестьяне, покиня свои деревенскіе жеребьи впускъ, выѣхали въ уѣзды сибирскихъ городовъ и нынѣ ѣдутъ, и учинилась въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ великая пустота. Во 178 году, въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числахъ, ѣхало мимо Верхотурья изъ русскихъ разныхъ городовъ, съ Тотмы, съ Устюга великаго, съ Ваги, съ Мезени и съ Соли Вычегодской и Яренскаго городка, съ Сысолы и съ Кайгорода, по тобольскимъ и тюменскимъ проѣзжимъ, тяглыхъ людей съ женами и дѣтьми 2054 человекъ **)». Вообще истощеніе почвы во многихъ великорусскихъ областяхъ было главною причиною того характеристическаго факта русской земледѣльческой колонизаціи и исторіи, что какъ только была открыта Сибирь, такъ крестьяне массами устремились туда, и сѣдлись тамъ на папши, строились въ пашенныя слободы, на свѣжихъ, хлѣбородныхъ земляхъ сибирскихъ. Акты XVII вѣка наполнены извѣстіями объ этихъ добровольныхъ и даже самовольныхъ переселеніяхъ крестьянъ въ Сибирь. И доселѣ, какъ извѣстно, каждый годъ, отъ ранней весны до поздней осени, тянутся по сибирской дорогѣ вереницы крестьянскихъ семействъ, добровольно переселяющихся изъ малоземельныхъ и худоземельныхъ мѣстъ Россіи на новыя, непочатыя,

*) Доп. къ А. И. т. III, № 14.

**) Доп. т. VI, № 19.

хлѣбородныя землицы Сибири. И въ самой Сибири колонисты часто принуждены бывали переселяться изъ неудачно-выбранныхъ, бесплодныхъ мѣстъ на новыя, хлѣбородныя земли. Истощеніе почвы въ одномъ мѣстѣ немедленно передвигало культуру, а за нею и колонизацію въ другія, непочатыя мѣста. Такъ, напримѣръ, въ 1658 г. архіепископъ сибирскій Симеонъ, вслѣдствіе истощенія почвы на пашняхъ новоустроенныхъ, тобольскихъ, софійскихъ слободъ, билъ челомъ о дозволеніи занять новыя земли: «въ Софійскихъ слободахъ,—писалъ онъ,—учинился хлѣбу недородъ, *пашенныя земли выпахалися*, да отведены были подъ пашни неугодныя мѣста и небольшіе межъ ограней и боровъ, пашенныя мѣста худыя, и софійскіе крестьяне отъ хлѣбнаго недороду обнищали и одоужали великия долги, а людей въ слободахъ прибываетъ у отцовъ дѣти и братья и племянники, и пашенныя-де земли въ Софійскихъ слободахъ становится мало; а есть-де по Пышмѣ рѣкѣ вверху по обѣ стороны пашенныя земли пустыя, никто ими не владѣеть, лежать впустѣ, и ту бы землю пожаловать, дать софійскимъ крестьянамъ на пашни и устройство *)». Какъ въ древней Россіи, такъ и въ Сибири переселенія съ худыхъ земель на хлѣбородныя происходили весьма часто. Такъ, въ Алтайскомъ краѣ, на нижнемъ теченіи Чарыша, при впаденіи въ него р. Березовки, на низменности, устроилась прежде деревня Арапова. Здѣсь отъ Харлова къ С. и СЗ., по словамъ Палласа**), растилается одна только обнаженная степь; холмистыя высоты состоятъ уже изъ однихъ только глинистыхъ наносовъ. Степи, подверженныя сухимъ вѣтрамъ и палящимъ лучамъ солнца, давали плохіе урожаи хлѣба. И вотъ поселяне деревни Араповой должны были переселиться потомъ ближе къ горамъ, на земли болѣе удобныя для хлѣбопашества. Многія деревни еще прежде, по той же причинѣ, получили позволеніе переселиться въ болѣе возвышенныя горныя долины, близь Чагирскаго форпоста и вокругъ него, между рр. Туляпой и Иней. Въ этихъ долинахъ известковыя породы покрываютъ черноземомъ, а потому также, какъ и въ Харловѣ, лежащей на известковой почвѣ, земли въ нихъ довольно удобны для произрастанія хлѣбовъ. Всѣ травы растутъ въ этихъ известковыхъ горахъ, въ туманномъ и сыромъ горномъ воздухѣ, также гораздо лучше, краси-

*) Доп. къ А. И. т. IV, № 55.

**) Pallas, Reise th. III p. 577.

вѣе и роскошнѣе, нежели въ степяхъ, подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ и палящимъ солнечнымъ лучамъ. Вотъ почему горная и степная колонизація и культура противоположны между собою такъ же, какъ—горная и степная флоры. Даже въ болѣе холодныхъ алгайскихъ долинахъ, лежащихъ еще выше, до Тигерцакаго форпоста на новой линіи, казаки собираютъ болѣе хлѣба, нежели въ жаркихъ степяхъ страны, и потому селятся тамъ охотнѣе *). Точно также съ иртышской степи крестьяне переселяются въ горныя долины по р. Чарышу, въ плоскогорье коргонское и т. п. Такъ въ 1824 г. заложена была крестьянами, пришедшими съ Иртыша, деревня Чечулиха, при впаденіи рѣчки Чечулихи въ Чарышъ. Это самое крайнее русское поселеніе со стороны кочующихъ калмыковъ. Окрестности деревни, расположенной очень живописно, окруженной высокими горами, по причинѣ плодородной земли, хорошо воздѣланы, и населеніе, въ продолженіи двухъ лѣтъ, значительно увеличилось. Дер. Чечулиха лежитъ, по измѣреніямъ Ледебера, на высотѣ 2,300 ф., по измѣренію Бунге — 2,314 ф. надъ ур. моря. Не смотря на свое высокое положеніе, эта пустынная полоса земли отличается мѣстами превосходною для земледѣлія почвою, и потому привлекаетъ населеніе съ неплодныхъ или истощенныхъ почвъ. Глядя на чечулинскихъ переселенцовъ, и другіе крестьяне, живущіе на иртышской степи, точно также испрашиваютъ, отъ времени до времени, разрѣшеніе губернатора строить тамъ новыя деревни и избирать новыя мѣста **). Такъ законы почвы и земледѣлія, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ, двигаютъ массы народа. Почва главнымъ образомъ обуславливаетъ возможность и успѣхи земледѣльческой колонизаціи. Поэтому, когда началась колонизація Сибири, правительство предписывало сибирскимъ воеводамъ, а воеводы служилымъ людямъ—разыскивать, развѣдывать, измѣрять и описывать «добрыя пашенныя земли» въ Сибири, чтобъ на нихъ устроить крестьянъ. И служилые люди составляли подробныя «росписи пашенныхъ мѣстъ доброй земли», опредѣляя, гдѣ сколько десятинъ ея, и сколько можно устроить крестьянъ***). Хорошая плодородная почва сильно привлекала населеніе: такія мѣста быстро

*) Pallas. Reise III, p. 263; II, p. 28.

**) Землев. Азіи III, 293.

***) Такова, напримѣръ, подробная роспись пашеннымъ мѣстамъ, добрыя земли, въ верховыхъ Лены. Дополн. къ А. И. т. II, № 89, стр. 243—248.

заселялась *). Какъ обильная, плодородная почва, производя богатые урожаи, способствуетъ умноженію народонаселенія, такъ худая, бесплодная или истощенная почва частыми неурожаими подрываетъ въ самыхъ основахъ земледѣльческія поселенія. Въ какой области часто были неурожаи, тамъ рѣдѣло и убывало народонаселеніе. Въ сѣверныхъ областяхъ древней Россіи, по лѣтописямъ, насчитывается, среднимъ числомъ, по 8 неурожаевъ на столѣтіе, повторившихся почти чрезъ каждые 13 лѣтъ. И каждый изъ нихъ сопровождался большою убылью народонаселенія; множество народа умирало съ голоду, большая часть расходилась врознь; по выраженію новгородской волости, «разъидеся градъ нашъ и волость наша, и полии быша чужія грады и страны братьи нашей и сестеръ, а останокъ почаша мерети» **). Въ актахъ и писцовыхъ книгахъ часто также упоминается, что отъ хлѣбнаго недорода цѣлыя деревни расходились врознь. Вообще, физическіе законы земледѣлія въ древней Россіи противопоставляли сильныя препятствія развитію и распространенію земледѣльческихъ поселеній, особенно ощутительными при тогдашней низкой степени культуры, при отсутствіи рациональныхъ средствъ бороться съ ними. Да и теперь еще физическія силы, управляющія плодородіемъ почвы и вообще земледѣліемъ, до такой степени преобладаютъ надъ земледѣльческою культурой, что каждый неурожай сопровождается страшною смертною и большою убылью земледѣльческаго населенія. Напримѣръ, съ 20-тыхъ до 50-тыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, было 9 неурожаевъ, именно: въ 1820, 1821, 1832, 1835, 1839, 1844, 1846, 1848, 1850 годахъ, и вслѣдствіе ихъ было такое движеніе народонаселенія:

	Число родившихся.	Число умершихъ.	Разность чисель.
Въ 1820 г.	1.570,399	917,680	652,719
— 1821	1.545,679	945,088	600,591
— 1822	1.539,988	977,253	562,735

*) Доп. III, №№ 17, 167.

***) Новгород. лѣт. стр. 46. Или: „ови ихъ взмоша, а друзи разъидошася по чужимъ землямъ. Новгородъ 1, 5, 43 и др. Отъ неурожая 1230 г., въ Новгородѣ похоронено было 6530 труповъ, не считая тѣхъ, которые зарыты были въ общей могилѣ, безъ числа; въ Смоленскѣ умерло до 32,000. Въ Псковѣ, въ голодный 1422 г., трупами *пустотыльхъ*, т. е. захожихъ бѣдняковъ наполнены были 4 скудельницы. Псковъ 11, 23, 24; Новгородъ 11, 129.

Въ 1824 г.	1.646,224	1.032,301	713,923
— 1825	1.705,615	1.072,206	634,409
— 1829	1.922,695	1.216,708	705,987
— 1832	1.925,105	1.210,647	714,458
— 1835	1.869,842	1.482,533	387,309
— 1837	2.091,911	1.338,203	753,708
— 1839	2.309,672	1.642,635	667,037
— 1840	2.002,858	1.688,385	314,473
— 1842	2.125,090	1.814,119	310,971
— 1844	2.378,230	1.538,670	839,560
— 1846	2.280,005	1.718,194	561,811
— 1848	2.508,078	2.840,354	332,276
— 1849	2.337,668	1.875,858	461,810
— 1850	2.517,601	1.799,322	718,281
— 1851	2.399,558	1.805,740	593,818
— 1853	2.672,154	2.094,677	577,477
— 1854	2.557,890	1.907,749	650,141

Изъ этихъ цифръ видно, что послѣ каждаго неурожая смертность усиливается страшно въ самые годы неурожая и въ слѣдующіе за ними. По отдѣльнымъ мѣстностямъ, эта убыль населенія, вслѣдствіе неурожая, была еще сильнѣе. Такъ, напримѣръ, за неурожай 1839 г., въ тульской и рязанской губерніяхъ, слѣдовало огромное увеличеніе смертности въ ихъ епархіяхъ въ 1840 и 1841 годахъ. Противъ 1839 года число умершихъ было болѣе.

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской епархіи на	13%	21%
» тульской » »	20%	39%

Число родившихся противъ 1839 года также уменьшилось:

	1840 г.	1841 г.
Въ рязанской епархіи на	30%	19%
» тульской » »	26%	29%

Тоже было во многихъ другихъ губерніяхъ. Въ псковской епархіи въ 1845 г. родилось 26,402, умерло 39,057, а въ 1846 г. родилось 19,453, умерло 41,040 челов., т. е. въ теченіе двухъ неурожайныхъ лѣтъ сряду умирало болѣе, чѣмъ рождалось. *) Само

*) См. цифры помѣе въ Статист. Кольба 1, стр. 174—175.

собою разумѣется, что при такомъ гибельномъ дѣйствіи неурожаевъ земледѣльческія поселенія не могли скоро поправляться, полнѣть населеніемъ и усиливать производительность. Подрывая, такимъ образомъ, посредствомъ неурожаевъ, развитіе и размноженіе земледѣльческихъ поселеній, почва, естественно, обуславливаетъ также густоту или рѣдкость поселеній. На бесплодной или не хлѣбородной почвѣ поселенія всегда были рѣдки и малолюдны. Такъ, во всемъ сѣверномъ Поморьи еще въ XVI в. деревни состояли изъ 1, 2, 6, 7, 8, много 11 и 12 дворовъ, а наибольше — изъ 1 двора *). «Живуть на рѣкѣ Волгѣ крестьяне, — сказано, напри- мѣръ, въ одномъ актѣ 1623 года, — а то мѣсто пришло въ пусты, отъ иныхъ волостей поудалло верстъ на 70, и на 80, и больше, а мѣста пришли непроходимыя зимою и лѣтомъ, дороги и проѣзду никогда не живеть» **). Такъ рѣдко было населеніе въ томъ краю, гдѣ колонизація началась раньше XIV столѣтія, и Соловецкій мона- стырь дѣятельно распространялъ свои поселенія. На каждый погостъ на сѣверѣ приходилось обыкновенно отъ 150 до 300 и болѣе де- ревень, но многія десятки деревень были и писались *опустъ* или *пустыми*; въ каждомъ погостѣ, среди *живущихъ* деревень, было деревень 20, 30, 40 и болѣе пустыхъ. И теперь, тогда какъ въ хлѣбородныхъ мѣстахъ, напри- мѣръ, въ Венгріи есть деревни съ 20,000 жителей, а въ южной Россіи — съ 2,000 и даже съ 7— 8000 д.***), въ сѣверныхъ не хлѣбородныхъ мѣстахъ Россіи, напри- мѣръ, въ Ярославской губерніи на деревню приходится только сред- нимъ числомъ 13 дворовъ и 91 житель. Или, на бесплодной почвѣ архангельской губерніи, на пространствѣ 16,025,39 кв. м., пахот- ные земли занимаютъ только $\frac{1}{1,000}$ всей поверхности, и на 1 кв. м. приходится только 17 жителей, между тѣмъ какъ въ югозападныхъ и большей части среднихъ губерніяхъ, на хлѣбородныхъ почвахъ, пахотныя земли занимаютъ болѣе половины всей поверхности, или пропорція ихъ колеблется между 40 и 50%, и жителей приходится на 1 кв. м. отъ 1400 до 2700 человекъ. — Неравенство почвъ также, какъ и неодинаковость климатическихъ условій, производило, въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и неравенство экономическое и бы-

*) Лешкова Рус. Нар. и Госуд. 248, 271.

** Собран. архіер. грам. Собрн. Солов. № 20. 40.

***) Kohl's, Reise II, S. 68. 72. 299.

товое. Потому что, при отсутствіи рациональной культуры, при невооруженности нашихъ земледѣльцевъ естественно-научными знаніями и указываемыми наукою механическими средствами, при полной пассивной зависимости отъ непосредственныхъ дѣйствій природы, — наши земледѣльческія поселенія тамъ только и развивались и были богаты, гдѣ почва и климатъ благоприятствовали ихъ развитію; а въ другихъ мѣстностяхъ, хоть бы рядомъ, коль скоро песчанья и климатическія условія, безъ рациональной энергіи и знанія, отягивались служить агрикультурѣ, — тутъ и земледѣльческія поселенія коснѣли въ полуразвалинахъ и бѣдности, если бѣдность не наводила умовъ и мыслей на другую промышленность. Такъ различіе почвъ въ верховьяхъ и низовьяхъ Волги, преобладаніе въ верховыхъ земляхъ — песчанистой и глинистой почвы, а въ понизовыхъ, волжскихъ земляхъ — чернозема, имѣло вліяніе на экономическое и бытовое различіе низовыхъ и верховыхъ земледѣльческихъ поселеній. Одно только общее было — то, что зависитъ собственно отъ ума или отъ вѣковыхъ обычаевъ, а не отъ природы — способы паханія и посѣва, которые испоконъ вѣка почти вездѣ были одинаковы. Лепехинъ такъ писалъ объ этомъ: «Проѣзжая отъ Москвы до Арзамаса толь многія села и деревни, я нигдѣ въ хлѣбопашествѣ не замѣтилъ никакой отжѣны, но вездѣ одинакій способъ паханія и посѣва. Одно только различіе: песчанья, хрящевья и иловатая пашни (въ верховьяхъ Волги) повстанѣ крестьянъ дѣлаютъ тружениками: ибо гдѣ кучка навозу, тамъ и кучка хлѣба, какъ говорятъ крестьяне. Въ то время, когда низовые мужики, посѣявъ яровое, отдыхаютъ, верховые удобряютъ свою озимую пашню навозомъ, за которымъ удобреніемъ слѣдуетъ сѣнной покосъ и жатва. Низовый крестьянинъ во всю зиму даже до яроваго посѣва бываетъ свободенъ, и отправляетъ только домашнія надобности; верховой напротивъ того удобряетъ въ великой постъ свою яровую пашню. Низовый довольствуется однимъ паханіемъ и борошеніемъ; верховой дважды сію работу отправляетъ принужденъ бываетъ, первый подъ паръ, а другой подъ посѣвъ.»*) Да какой степени различіе почвъ, въ одной и той же области, имѣло вліяніе на промышленный и умственный складъ населенія, — это всего яснѣе можно видѣть, напримѣръ, при общемъ взглядѣ на характеръ и промышленное направленіе земледѣль-

*) Лепехина, Дневн. Записки 1795 г. ч. I, стр. 61—62.

ческих поселеній рязанской губерніи. «Земля,— говоритъ Барановичъ—описатель рязанской губерніи,— есть основной элементъ естественнаго богатства. Промышленная дѣятельность населенія въ совершенной отъ нея зависимости. Тамъ, гдѣ земли много и гдѣ, при томъ, она плодородна, жители занимаются земледѣіемъ и живутъ среди своихъ семействъ, гдѣ же земля не въ состояніи прокормить живущихъ на ней, вся масса свободнаго населенія, заботясь о средствахъ существованія, ищетъ себѣ работы въ какихъ-нибудь другихъ, прибыльныхъ занятіяхъ, если они существуютъ въ краѣ; въ противномъ случаѣ жители выходятъ въ другія мѣста для заработка. Такимъ образомъ въ самомъ поземельномъ богатствѣ страны кроются начала особенностей характера народнаго труда. Рязанская губерніа относительно поземельнаго богатства представляетъ разнообразіе, рѣдко встрѣчаемое въ другихъ мѣстахъ. Земля ея весьма не равномѣрно распределена между поселянами и притомъ необыкновенно разнообразна въ своихъ качествахъ. Въ уѣздахъ данковскомъ, раненбургскомъ и южныхъ частяхъ рязкаго и сапожковскаго жители обильно надѣлены землею, дающею урожай даже при посредственномъ удобреніи. Гораздо бѣднѣе землей остальные части степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій, при томъ же почва этихъ мѣстъ уже не столь производительна и не всегда вознаграждаетъ труды земледѣльца. Еще менѣе благодарна земля къ трудамъ поселяны въ прочихъ уѣздахъ рязанской стороны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея приходится пропорціонально еще менѣе. Наконецъ въ мещерской сторонѣ почва песчаная, боровая, отличающаяся бесплодіемъ, да и въ этой дурной землѣ крестьяне терпятъ явный недостатокъ. Общій выводъ тотъ, что чѣмъ земля лучше, тѣмъ ея болѣе, и обратно, чѣмъ хуже качество земли, тѣмъ бѣднѣе надѣлъ ея. Ясно, что поземельное богатство, до такой степени неравномѣрно распределенное, должно было сильно отразиться на самомъ характерѣ промышленной дѣятельности населенія рязанской губерніи; и дѣйствительно, едва ли найдется другая губерніа, въ которой промышленная жизнь проявлялась бы въ такихъ разнообразныхъ формахъ. Въ южной части степной стороны, какъ было уже сказано, земли много и притомъ черноземной, отличающейся плодородіемъ; населеніе здѣсь сосредоточивается въ небольшомъ числѣ довольно обширныхъ селеній, и потому земляныя дачи заключаютъ въ себѣ иногда по нѣскольку тысячъ десятинъ, растянутыхъ къ тому же по причинѣ чрезполосно-

сти. Здѣсь нужно много времени крестьянищу, чтобы управиться съ нѣсколькими десятинами тяжелой, черноземной земли, отдаленной очень часто на большое разстояніе от селенія, и потому не удивительно, что земледѣліе поглощаетъ въ этихъ мѣстахъ всю дѣятельность народа. Съ ранней весны и до глубокой осени крестьяне заняты обработкою земли и собираніемъ жатвы; въ остальное же время производится молотба, разныя другія занятія по сельскому хозяйству, наконецъ отправленіе излишка хлѣба на продажу большею частію въ отдаленныя мѣста сбыта. Такимъ образомъ самая южная часть губерніи можетъ быть названа земледѣльческой въ полномъ смыслѣ слова; всѣ руки заняты обработкою земли, вездѣ встрѣчаются мельницы, крупорушки, маслобойни и т. п.; самые заводы въ этой мѣстности имѣютъ тѣсное отношеніе къ земледѣлію; таковы, напримѣръ, випокурные, свеклосахарные, крахмальные и другіе; зимой, по дорогамъ изъ Раненбурга и Данкова, тянутся непрерывно тяжелые обозы съ хлѣбомъ. Однимъ словомъ, здѣсь все живетъ и дышетъ земледѣліемъ; вся дѣятельность устремлена на сельское хозяйство; ни мануфактурная промышленность, ни промыслы и ремесла не могутъ здѣсь существовать и развиваться. Сѣверная часть степной стороны и уѣзды михайловскій и пронскій тоже земледѣльческіе по преимуществу; но земледѣліе преобладаетъ въ этихъ мѣстахъ уже не такъ исключительно, какъ въ южной части губерніи. Земли здѣсь менѣе, дачи не такъ обширны и мѣста сбыта ближе. Вслѣдствіе этого является небольшой досугъ времени, а въ мѣстѣ съ нимъ и разныя промыслы. Гораздо въ большихъ размѣрахъ сельскіе промыслы и ремесла въ сѣверной части рязанской стороны. Земледѣліе въ этихъ мѣстахъ все еще составляетъ главное занятіе жителей и ему посвящается все лѣто; но такъ какъ земли здѣсь не много, дачи мелкія, а рынки подъ рукою, то жители, исполнивъ земледѣльческія занятія, имѣютъ еще много свободнаго времени, чтобы заняться на дому какими-нибудь ремеслами или отправиться на заработки въ сосѣднія мѣста московской губерніи. Заводовъ и фабрикъ въ рязанской сторонѣ почти не существуетъ, но выгодное положеніе этой части губерніи вблизи отъ Москвы и въ сосѣдствѣ такихъ пунктовъ, гдѣ торговая и мануфактурная жизнь имѣетъ большое развитіе, служитъ причиною, что здѣсь, и въ особенности въ уѣздѣ зарайскомъ, расчеты на заработки отъ промысловъ являются уже важнымъ и непремѣннымъ условіемъ существованія жителей. За Окой

въ мещерской сторонѣ, мануфактурная и промысловая жизнь въ полномъ развитіи; здѣсь сосредоточены почти всѣ фабрики и заводы губерніи, здѣсь на каждомъ шагѣ встрѣчаются самыя разнообразныя сельскіе промыслы и ремесла. Земледѣіемъ въ мещерской сторонѣ занимаются лишь для домашняго обихода и вообще сельское хозяйство служить уже подспорьемъ другимъ занятіямъ, болѣе прибыльнымъ. Промышленность приняла здѣсь такое направленіе не вслѣдствіе личнаго расчета нѣсколькихъ семействъ, а вслѣдствіе общей потребности всего народонаселенія. Недостатокъ земли и ея бесплодіе отвлекаютъ жителей отъ земледѣлія; хлѣба, собираемаго съ полей, недостаетъ имъ для пропитанія, и они должны пріобрѣтать его покупкою въ хлѣбородныхъ мѣстахъ; все это поневолѣ заставило ихъ снискивать себѣ другія средства для существованія и направило къ промысламъ... Здѣсь, при многочисленныхъ внутреннихъ фабрикахъ и заводахъ, развились не столько земледѣльческія, сколько торговыя села—Дѣдново, Левцы, Любичи и Бѣлоомуть, при населеніи въ 15,000 душъ, не имѣющія десятины пахатной земли. Въ Егорьевскомъ, напримѣръ, уѣздѣ на каждого крестьянина не приходится и $2\frac{1}{2}$ десятинъ земли самой легкой, песчаной и размежеванной на мелкія дачи. Не много нужно времени, чтобы управиться съ такимъ хозяйствомъ, и потому здѣсь $\frac{4}{5}$ работающаго населенія обращается къ разнымъ промысламъ. Такимъ образомъ, отъ самыхъ южныхъ границъ, къ которымъ прилегаютъ хлѣбороднѣйшіе и вполне земледѣльческіе уѣзды тамбовской и тульской губерній, и до сѣверныхъ предѣловъ, пограничныхъ съ мануфактурными московской и владимірской губерніями, совершается въ рязанской губерніи съ замѣчательною послѣдовательностію переходъ отъ земледѣльческой промышленности къ мануфактурной и ремесленной. По мѣрѣ приближенія къ сѣверу, все болѣе и болѣе стѣсняется кругъ земледѣлія; различныя промыслы и ремесла, только появляющіеся у береговъ Прони, за Окой, уже становятся господствующимъ занятіемъ жителей и если степная сторона имѣетъ всѣ качества страны земледѣльческой, то мещерская можетъ быть названа вполне промышленною. Рязанская сторона, по мѣстному положенію своему, по качеству почвы и характеру народнаго труда, служитъ переходною отъ земледѣльческой къ промышленной. И эта постепенность въ измѣненіи промышленнаго характера поселеній, вполне сообразная съ качествомъ почвы, является результатомъ ея. Относительно почвы рязанская гу-

бернія представляет замѣчательное разнообразіе. Отъ жирнаго, степнаго чернозема и до сыпучихъ песковъ въ ней встрѣчаются всякаго рода земли. Этотъ переходъ отъ чернозема къ песку совершается не вдругъ; въ измѣненіи качествъ почвы замѣтна послѣдовательность. Жирная, черноземная почва самыхъ южныхъ оконечностей губерніи, по мѣрѣ приближенія къ Пронѣ, перемеживается все болѣе и болѣе съ глиной и становится тяжелой и вязкой. За Проней уже замѣтно преобладаніе глины; слой чернозему становится все тоньше съ приближеніемъ къ Окѣ, такъ что мѣстами почва превращается въ чистую глину, у береговъ же рѣки перемеживается съ пескомъ. Наконецъ, за Окой почва песчаная; во многихъ мѣстахъ встрѣчаются и сыпучіе пески, а далѣе на сѣверъ земля боровая, покрытая болотистыми и маховыми кочками *)).

Въ частности, различный геогностическій строй и химическій составъ почвъ, въ естественномъ ходѣ колонизаціи и культуры, обусловливаетъ различный агрикультурный характеръ земледѣльческихъ поселеній. Напримѣръ, преобладаніе лѣсной почвы, производящей наибольшее развитіе перегноя, чернозема, въ связи съ климатическими условіями сѣверо-восточной, континентальной полосы Россіи, было естественной причиной преимущественнаго развитія въ Россіи такихъ земледѣльческихъ поселеній, которыя больше всѣхъ хлѣбвѣ сѣютъ рожь, меньше — пшеницу, и держатся перелога, залежи. «Перегной, говоритъ Либихъ, можетъ сообщить почвѣ плодородіе для хлѣбныхъ растений, но пшеница въ чистой перегнойной почвѣ, даже на богатыхъ перегноемъ почвахъ во многихъ мѣстностяхъ Бразиліи и въ нашихъ климатахъ, растетъ дурно, стебель ея не получаетъ твердости и растеніе ложится. Это происходитъ отъ того, что твердость стебля зависитъ отъ кремне-кислаго кали, что развитіе зерна требуетъ фосфорно-кислыхъ солей, а перегной не можетъ доставить пшеницѣ этихъ веществъ, потому что не содержитъ ихъ. Точно также пшеница не растетъ хорошо и на песчаныхъ почвахъ, а равно известковая почва, если она не содержитъ значительнаго количества глины, также бесплодна для этого растенія. Это зависитъ отъ того, что такія почвы не содержатъ щелочей и нѣкоторыхъ другихъ минеральныхъ веществъ, необходимыхъ для пшеницы; безъ нихъ ея развитіе оста-

*) Матеріалы для географ. и статист. Россіи. Рязанская губернія, стр. 164—168.

навивается, хотя бы другія вещества почва доставляла ей въ избыткѣ». *) На русской землѣ, въ особенномъ изобиліи развивалась почва черноземная, богатая перегноемъ, такъ какъ она издревле покрыта была густыми и повсемѣстными, черными лѣсами. И теперь еще при 85,000,000 десятинъ пахатныхъ земель, садовъ и огородовъ, — лѣсовъ 180,000,000 десятинъ, пахатныя земли занимаютъ только 17%, луга и пастбища 20%, а лѣса 36%. И въ числѣ 380 милл. десятинъ земли удобной находится до 95 милліоновъ десятинъ чернозема, идущаго полосой отъ средняго Урала до Карпатскихъ горъ. Кромѣ лѣсовъ, луговая и степная низменность понтокаспійская, поросшая высокими и густыми травами, также въ изобиліи развиваетъ перегной. Въ древней Россіи во времена починочной колонизаціи и культуры, крестьяне, только-что расчищая еще землю изъ подъ лѣсовъ, «лѣсъ рубя, дворы, починки и деревни ставя на лѣсѣхъ и распахивая вновь пашни въ лѣсахъ пашенныхъ», неизбежно ступали больше всего на почву черноземную, богатую перегноемъ и, слѣдовательно, на почву ржи, а не пшеницы. «Лѣсная почва, — говоритъ Либихъ, — на которой въ продолженіи 40 или 80 или еще большаго числа лѣтъ истлѣвали листья и другіе растительные остатки, каждый годъ принимала въ себя нѣкоторое количество минеральныхъ веществъ отъ этихъ остатковъ; вещества эти были извлечены деревьями изъ слоевъ земли весьма глубоко лежащихъ и теперь они послужили для обогащенія верхней, рыхлой почвы. Выборка лѣснаго сору изъ листовыхъ лѣсовъ удаляетъ матеріалъ для постояннаго образованія углекислоты, которая, растворяясь въ водѣ и проникая вмѣстѣ съ нею на значительную глубину, можетъ способствовать вывѣтриванію и растворенію породъ, съ которыми корни деревъ находятся въ прикосновеніи. Въ густомъ лѣсу, гдѣ воздухъ обновляется рѣже, чѣмъ на равнинѣ, доставленіе углекислоты можетъ также имѣть значеніе для растительности. Наконецъ слой лѣснаго сору защищаетъ почву отъ высыханія и способствуетъ удержанію въ ней влажности, которая особенно полезна для чернолѣсья, въ которомъ на поверхности листьевъ испаряется гораздо большее количество воды, чѣмъ у хвойныхъ. Кромѣ углекислоты,

*) Либихъ. Химія въ приложеніи къ земледѣлію и физиологіи растений, стр. 117—118.

черноземныя или богатыя перегноемъ, лѣсныя почвы всегда содержать углекислый аммоніакъ, а также всѣ щелочи и соли тѣхъ растений, отъ гніенія и тлѣнія которыхъ образовался перегной или черноземъ» *). По такимъ естественнымъ условіямъ, лѣсная почва, въ древней Россіи преобладавшая, естественно всего больше обуславливала культуру ржи, а не пшеницы, такъ какъ она всего болѣе содержала перегной, не доставляющаго пшеницѣ кремне-кислаго кали и фосфорно-кислыхъ солей. Древне-русскіе поселенцы, конечно, научнымъ образомъ этого не понимали и не сознавали. Но въковой опытъ, показавшій на практикѣ наибольшій успѣхъ разведенія на черноземной почвѣ ржи, а не пшеницы, — побуждалъ всѣ починки и деревни, «ставившіяся ново или на новѣ, на лѣсѣхъ», основывать преимущественно на ржаныхъ поляхъ. И дѣйствительно, вся лѣсная агрикультура основывалась главнымъ образомъ на ржаномъ хлѣбопашествѣ, и земледѣльческія поселенія насаждались и воспитывались въ горныхъ дикихъ лѣсахъ, на ржаной пашнѣ. Даже въ имѣніяхъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ бояръ, которые больше всѣхъ потребляли пшеницу, всѣ деревни сѣяли больше всѣхъ хлѣбовъ рожь, примѣрно: maximum пшеницы 20 десятинъ, minimum ржи 33—35 десятинъ. Крестьянскія же поля почти исключительно засѣвались рожью, съ небольшимъ количествомъ овса, ячменя и, отчасти, гречи и гороха **). Что культура ржи главнымъ образомъ мотивировала распространеніемъ земледѣльческихъ поселеній, — это видно изъ исторіи земледѣльской колонизаціи Сибири, особенно восточной. Тамъ, напримѣръ, на Ленѣ, на Илимѣ, по Иртыгу и проч., всѣ пашенныя поселенія устраивались главнымъ образомъ съ цѣлію воздѣлыванія ржанаго хлѣба для обезпеченія служилыхъ людей. И новоустроеннымъ пашеннымъ крестьянамъ, какъ видно изъ «ужинныхъ и умолотныхъ книгъ», выдавалась изъ казенныхъ житницъ въ ссуду на сѣмена только рожь, въ наибольшемъ количествѣ, съ небольшою прибавкою ячменя ***). Точно также преобладаніе культуры ржи въ земледѣльческихъ поселеніяхъ древней Россіи обуславливалось и выражалось тѣмъ фактомъ, что русскіе люди всегда ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной, имъ жили, на немъ вскармливались. Онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола.

*) Химія въ отнош. къ земледѣлію. Либиха, стр. 78—79.

**); Временникъ 1850 г. кн. VII. Книги полевныя, ужинныя и умолотныя.

***); Доп. къ А. И. т. VIII, № 51, грам. II.

Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Название—хлѣбъ—значило собственно ржаной. Пшеничная мука употреблялась на просфоры да на «богородицынъ хлѣбъ». а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни — отъ этого и пословица: «калачемъ не заманишь» *). Издревле въ русскихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ видимъ только воздѣлываніе ржи съ нѣкоторыми другими хлѣбами, за исключеніемъ пшеницы. Въ русской правдѣ, изъ хлѣбныхъ растений, упоминается только рожь, да овесъ, ячмень и полба; о пшеницѣ ни слова **). На сѣверѣ Россіи, въ новгородской и псковской областяхъ, до XII вѣка, лѣтописи, отмѣчая урожаи и цѣны хлѣбовъ, говорятъ только о ржи, а о пшеницѣ ни разу не упоминаютъ. И потомъ, съ XII до XVI столѣтія, въ неурожайные и голодные годы, если иногда и продавалась въ Новгородѣ пшеница, то она была почти всегда вдвое и даже втрое дороже ржи ***): видно, что ее мало воздѣлывали. Въ XVI и особенно XVII в. посѣвъ ржи долженъ былъ еще увеличиться, потому что въ это время былъ большой запросъ на стрѣльцкіе и другіе хлѣбные сборы, на безпрестанный и огромный отпускъ хлѣба въ Сибирь, на винокуреніе, на отпускъ за границу и проч. Однимъ словомъ, культура ржи преобладала въ древней Россіи надъ воздѣлываніемъ пшеницы. И это было весьма естественно, сообразно съ большею частію почвъ сѣверовосточной Россіи, да и съ климатомъ. Въ этихъ, большею частію, лѣсныхъ почвахъ пшеница не могла находить такого соединенія питательныхъ веществъ и такъ легко расти, какъ рожь. «Химическій анализъ показываетъ,—говоритъ Либихъ,— что почва, дающая прибыльный урожай ржи, въ слоѣ, имѣющемъ отъ 5 до 10 дюймовъ въ глубину, содержитъ въ 50, можетъ быть даже во 100 разъ болѣе питательныхъ веществъ, нежели сколько нужно для одного полного урожая пшеницы. Однакожъ, не смотря на такой избытокъ питательнаго матеріала, эта почва не производитъ такихъ урожаевъ пшеницы, которые бы были прибыльны въ сельско-хозяйственномъ смыслѣ. Сравнивая количе-

*) Костомарова. Очеркъ жизни и нравовъ великор. народа, стр. 82.

***) Р. Пр. ст. XIII и слѣд.

****) Напр. въ 1498 г. четвертку ржи покупали по 9 денегъ, а пшеницы зобяницу по 50. Карамз. VI, прим. 629. Въ 1230 и 1231 г. купили ржи кадъ по 20 гривенъ, а пшеница по 50. Новгород. I, стр. 46 и мн. др.

ство фосфорной кислоты и кали, которые извлекаются из почвы одного гектара ($=0,915$ десятины) средним урожаем пшеницы (2000 килогр. $=122$ пуда) зерна и 5000 килогр. ($=305$ п.) соломы) и средним урожаем ржи, мы находимъ:

Получили изъ почвы:

	Пшеница.	Рожь.
Фосфорной кислоты	25 до 26 килогр.	17 до 18 килогр.
Кали.	52	39 до 40
Кремневой кислоты	160	100 до 110

Если гектаръ поля, достаточно плодороднаго для средняго урожая ржи, содержать:

1700 килогр. фосфорной кислоты.

3900 » кали.

10,200 » кремнезема,

то гектаръ поля, которое бы дало хорошій средній урожай пшеницы, долженъ содержать:

2560 килогр. фосфорной кислоты

5200 » кали

15,300 » кремнезема,

Слѣдовательно для производства пшеницы, почва требуетъ питательныхъ веществъ больше

Фосфорной кислоты.	Кали.	Кремнезема.
на 860	1300	5100 килогр. *)

Такія, по всей вѣроятности, условія въ особенномъ изобиліи представляетъ почва самарской губерніи и югозападной Сибири. Поэтому здѣсь земледѣльческія поселенія по преимуществу и удачно занимаютъ агрикультурой пшеницы. Въ югозападной Сибири цѣлыя оазы или округъ земледѣльческихъ поселеній даже главнымъ образомъ продовольствуются пшеничнымъ хлѣбомъ.

«Если мѣстность, — говоритъ Либихъ, — состоитъ изъ твердыхъ скалистыхъ пластовъ, покрытыхъ не толстымъ слоемъ почвы, на которой растетъ растительность съ густою листвою, то просачивающаяся черезъ такой слой вода, будетъ приносить мѣстностямъ, лежащимъ ниже, много минеральныхъ веществъ, служащихъ пищею растеніямъ, потому что не толстой слой, почва не можетъ задержать ихъ въ большомъ количествѣ. Частицы такой почвы, увлекаемой

*) Либиха. Химія въ прилож. къ землед. стр. 91, 13, 97.

дождевыми потоками, и уносимые ими въ долины и низменности, образуютъ тутъ почву, степень плодородія которой можетъ быть весьма различна; она измѣняется съ ихъ химическимъ составомъ, отъ котораго зависитъ способность почвы извлекать тѣ вещества, которыя служатъ пищею для растений; но во всякомъ случаѣ такая почва, образовавшаяся изъ нанесеннаго ила, будетъ насыщена тѣми минеральными, питательными для растений, веществами, которыя содержались въ водѣ, изъ которой этотъ илъ отсѣлъ*). Такія условія химическаго образованія наносной почвы изъ горныхъ породъ у насъ представляютъ, между прочимъ, всѣ прекрасныя рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая, и вообще вся югозападная сибирская низменность, стелющаяся отъ предгорій Алтая и до конца средняго теченія громадныхъ сибирскихъ рѣкъ — Иртыша, Оби и Енисея, а также долины гористой забайкальской области. Благодаря такому физическому способу образованія почвъ, рѣчныя долины въ предгорьяхъ Алтая представляютъ вообще прекраснѣйшія мѣста для развитія земледѣльческой колонизаціи и культуры, не смотря даже на климатическіе контрасты. Здѣсь, напримѣръ, въ бухтарминскихъ горахъ Алтая, горныя массы или кряжи состоятъ главнымъ образомъ изъ гнейса и гранита, и въ подчиненіи имъ — изъ зеленыхъ сланцевъ, глинистыхъ сланцовъ, грауваккъ, кварцитовъ, известняка, порфировъ, и проч. Гигантскія рѣки, стремительно прорывающіяся сквозь утесы и непрерывно плещущіяся и ударяющіяся своими быстрыми волнами о скалы и горныя кряжи, постоянно отщепляютъ и откалываютъ отъ нихъ обломки и осколки. Морозы также растрескиваютъ снѣжныя скалы на небольшіе острые осколки, которые вслѣдствіе движенія ледниковъ, ручей и горныхъ потоковъ округляются или растираются въ дресву и гравій. Рѣки и ручьи, вытекающіе изъ снѣжныхъ утесовъ или кряжей и ледниковъ, мутны отъ уносимыхъ ими порошковатыхъ частицъ; въ долинахъ и равнинахъ эти частицы горныхъ породъ постепенно осѣдаютъ, наслаются и, при химическомъ содѣйствіи воды, кислорода и углерода, вывѣтриваются и образуютъ такимъ образомъ пласты плодородной почвы. Ученые, посѣщавшіе и геогностически изучавшіе Алтай въ нынѣшнемъ столѣтіи, Гумбольдтъ, Энгельгардтъ, Германъ и др., указываютъ часто на это новое наслоеніе или образованіе наносной

*) Химія въ прилож. къ землед. стр. 78.

плодородной почвы въ долинахъ и равнинахъ предгорій Алтая *). Вслѣдствіе такого геогностическаго происхожденія, — почвы въ иртышскихъ и бухтарминскихъ долинахъ предгорій Алтая обусловили быстрое развитіе въ этомъ новомъ и долго неприступномъ краю богатыхъ земледѣльческихъ и горно-заводскихъ поселеній. Вотъ какъ, напримѣръ, географъ Риттеръ изображаетъ русскія колоніи на бухтарминской, приалтайской долинтѣ, на основаніи самыхъ точныхъ русскихъ источниковъ: положеніе бухтарминской колоніи-крѣпости на возвышенномъ правомъ берегу Бухтармы, вблизи сухоходнаго Иртыша, утесистые гранитные берега, черныя сланцевыя и известняковыя горы вокругъ, зеленыя, лѣсистыя высоты, плодородная земледѣльская почва, стройные стволы тополей и другихъ лиственныхъ деревъ по берегамъ рѣкъ, усиѣхи просвѣщенія—все это здѣсь, вблизи однообразной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинтѣ. При этомъ, весна большею частію пріятна и прекрасна, лѣто обыкновенно жарко и сухо, осень продолжается до половины ноября. И вотъ, на этой плодородной земледѣльской долинтѣ, не смотря на сухость лѣта, благодаря горно-наносной, влажно-осадочной почвѣ, земледѣліе и земледѣльскія поселенія весьма естественно преуспѣваютъ; почва никогда не удабривается, а жатва всегда доставляетъ самъ-десять. И, вслѣдствіе того, народонаселеніе постоянно увеличивается; часто рождаются близнецы. Вблизи возвышенныя и обширныя горы глинисто-сланцевыя и гранитныя постоянно выдѣляютъ новые слои плодородной почвы **). Еще до конца прошедшаго столѣтія вся бухтарминская долина была вполнѣ не обитаема, и только начала заселяться съ 1791 года, со времени помилованія горныхъ, вольныхъ, бѣглыхъ поселенцевъ — *каменьщиковъ*. Плодородная, горно-наносная почва магически привлекала земледѣльческое населеніе, невольно наводила на мысль о хлѣбопашествѣ и даже горно-хищныхъ каменьщиковъ мало по малу обратила, переродила въ мирныхъ земледѣльцевъ. При первомъ исчисленіи оказалось на бухтарминской долинтѣ только 300 поселенцевъ. Съ 1803 года народонаселеніе значительно прибывало,

*) Engelhardt v. Kenntniss des Selsbeschaffenheit d. kleinen Altai und d. Soongarischen Kirgisensteppe въ Ledebour Th. I p. 418. Hermann, mineralogische Reise n. Sibirien. Abth. II: über d. Bergwesen zu Altai p. 352. Гумбольдтъ, Путешествіе по Сибири и Западнему Алтаю въ 1829 г. Риттеръ Землевед. Азіа, т. III, стр. 44, 48 и мн. др.

***) Земледѣліе Азіа т. III, стр. 55—56.

и вмѣстѣ съ тѣмъ распространялось земледѣліе. Въ 1809 г. считалось 5 деревень собственно въ бухтарминской долинѣ, да 4 въ сторонѣ отъ р. Бухтармы; но съ того времени число ихъ еще увеличилось *). Въ 1826 г. все народонаселеніе бухтарминской долины простиралось уже отъ 4 до 5000 душъ. Деревни каменщиковъ построены были красиво; жители были достаточны, нарядны и гостеприимны. Лѣтомъ, въ страду, всѣ деревни были почти совершенно пусты; все ихъ населеніе находилось на пашняхъ. Всѣ поселеніе обладали плодородными пашнями и прекрасными лугами. Во всѣхъ деревняхъ былъ отличный, пшеничный хлѣбъ; своей муки у нихъ было такъ много, что они ее продавали за корешія цѣны въ китайскіе пограничные пикеты. За 1 1/2 пуда муки, цѣною отъ 40 до 50 коп. асс., получали они отъ китайцевъ 1 кусокъ дабы, т. е. 22 локтя бумажной, одноцвѣтной матеріи, цѣною отъ 4 до 5 р. асс. Даже въ деревнѣ Фыколкѣ, въ которой считалось 10 или 12 крестьянскихъ дворовъ, устроенной у южной подошвы высокаго холмистаго хребта, окруженной горами и находящейся при горномъ потоцѣ Фыколкѣ, на высотѣ почти 4000 ф. надъ ур. моря,—не смотря на возвышенное мѣстоположеніе, все еще онея хорошо идетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевичы и яровой пшеницы. Горные цотки и ручьи постоянно наносятъ съ ближайшихъ скалистыхъ и лѣсистыхъ горъ плодородные элементы почвы, и тѣмъ увеличиваютъ земледѣльческую привлекательность для колонизаціи рѣчныхъ и горныхъ бухтарминскихъ долинъ **). Иртышъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прорывается чрезъ Алтай и въ изгибахъ своихъ, въ скалистыхъ ущельяхъ, съ шумомъ ударяется объ утесы, на мутныхъ волнахъ своихъ несетъ изъ горныхъ краевъ Алтая осколки и частицы глинистаго сланца, гнейштейна, гранита, слоистаго известняка, кварца и т. п., и такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими горными источниками и ручьями, наслоитъ окрестную почву самыми плодородными веществами и пластами. Почва, поэтому, здѣсь весьма удобна для хлѣбопашества. И тутъ на земледѣліи основались новѣйшія колоніи—Березовскій форпостъ, Александровскій редутъ, Феклистовскій редутъ.

*) Первыя, вверхъ по долинѣ съ З. на В., называются—Осочиха, Буйговы, Сынная, Коровашенская (Коровихи), Верх-бухтарминская; послѣдняя, на высотахъ по южному берегу Бухтармы, называется Малонарымская, а надъ сѣвернымъ берегомъ Язовая, Вѣлая и Фыколка.

***) Землевод. Азіи т. III, стр. 68.

и хлѣбопашество идетъ весьма успѣшно: здѣсь произрастаетъ озимовая и яровая пшеница, яровая рожь, польская пшеница (*Triticum polonicum*), ячмень и овесъ. Значительную выгоду доставляетъ также воздѣлываніе льна). Точно также плодородная, наносная почва горнаго образованія обусловила быстрое развитіе земледѣльческихъ поселеній—Тарханскаго села, Краснаго яра, Бобровки и другихъ, въ долинахъ рѣки Ульбы и Убы—правыхъ притоковъ Иртыша. Быстрое теченіе Ульбы постоянно вырываетъ и увлекаетъ весною деревья и скалы, громоздитъ изъ нихъ новыя прибрежныя плотины, наслоенія и пласты, и прорываетъ и размечаетъ старыя. Рѣчная долина, отъ этого, еще не вполне развила и не получила опредѣленной пластинки. Когда Ледебуръ проѣзжалъ здѣсь въ августѣ, русло рѣки ушло на 1 1/2 до 2 версты къ сѣверу отъ русла предыдущаго года, засыпаннаго валунами и заросшаго желтымъ макомъ (*papaver stoeisum*), подобнымъ встрѣчающемуся въ такихъ же мѣстахъ въ савойскихъ альпахъ *papaver alpinum*. Сибирскій бальзамическій тополь (*populus lavrifolia*) образуетъ прибрежныя роши. На этой-то, новообразующейся изъ горныхъ породъ, почвѣ, около 1823 года, основалось село Тараханское. Благодаря хлѣбородной почвѣ, оно быстро развилось; крестьяне, живущіе въ немъ, занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, и богаты. Село хорошо выстроено и довольно велико**). Точно также, въ предгорьяхъ Саянскаго хребта, въ прекрасныхъ долинахъ Енисея, Абакана, Минусы, стремительный прорывъ севозъ утесовъ и скалъ и быстрый, полноводный потокъ Енисея и другихъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ постоянно наносилъ и доселѣ наноситъ съ высокихъ горъ частицы, обломки горныхъ породъ для образованія плодородной почвы. И долины—минусинская, абаканская и енисейская теперь уже значительно обстроены довольно богатыми и замѣчательными земледѣльческими поселеніями, но особенно ждутъ впереди цвѣтущей земледѣльческой колонизаціи и культуры***).

IV.

Въ связи съ климатомъ и почвой, дѣйствовали на распространеніе, устройство и развитіе земледѣльческихъ поселеній и многія дру-

*) Pallas, Reise Th. III, p. 89—91.

**) Землеустройство Азии, т. III, 104.

***) Pallas, Reise III, p. 300. Землеустройство Азии стр. 498—532.

гійа физико-географическія условія. Здѣсь мы укажемъ на двѣ или на три характеристическія особенности нашихъ земледѣльческихъ поселеній, развившіяся подъ вліяніемъ физическаго преобладанія пространства надъ числомъ народонаселенія и лѣсовъ надъ полями.

Громадность пространства пахатныхъ земель, лѣсовъ и неудобныхъ мѣстностей превышала землеустроительныя силы народныхъ, замедляла географическое распространеніе земледѣльческихъ поселеній, и, обусловливая экстенсивное, аграрное направленіе, препятствовала внутреннему, умственному, интенсивному развитію и увеличенію земледѣльческихъ общинъ. Пространство земли постепенно, быстро и въ громадныхъ размѣрахъ увеличивалось, совершенно непропорціонально возрастанію народонаселенія. Именно, при Иванѣ III (1462 г.) было около 18,000 кв. м., при Василіѣ Ивановичѣ (1505 г.)—24,000 кв. м., при Иванѣ IV (1584 г.)—72,000 кв. м., при Алексѣѣ Михайловичѣ (1650 г.)—237,000 кв. м., при Петрѣ I (1689 г.)—280,000 кв. м., при Аннѣ Ивановнѣ (1730 г.)—324,000 кв. м., при Екатеринѣ II (1775 г.)—335,000 кв. м., при Александрѣ II (1860 г.)—392,000 кв. м. Между тѣмъ жителей до XVI вѣка было не болѣе 7,000,000, въ концѣ XVII вѣка — не болѣе 10 милл., въ 1722 г. — 14 милл., въ 1742 г. — 16 милл., въ 1782 г.—27 милл., въ 1793 г.—34 милл., въ 1803 г.—36 милл., въ 1815 г.—45 милл., въ 1829 г.—50 $\frac{1}{2}$ милл., въ 1850 г.—65 милл. При такой непропорціональности народонаселенія съ пространствомъ земли, особенно до начала прошлаго столѣтія, естественно, должно преобладать экстенсивное развитіе и распространеніе земледѣльческихъ поселеній надъ интенсивнымъ, рациональнымъ развитіемъ ихъ. Географическій, пространственный элементъ рѣшительно подавлялъ умственное развитіе земледѣльческихъ поселеній. Во первыхъ, огромное равнинное пространство и обиліе земель просторомъ своимъ невольно вызывало массы къ свободному, привольному разгулу по землѣ, къ постояннымъ переходамъ съ мѣста на мѣсто, приучало къ полукочевому земледѣлію, къ полукочевой, полуномадной колонизаціи. Только на обширной и равнинной землѣ, на громадныхъ пространствахъ пахатной земли могъ произойти этотъ характеристическій обычай и способъ колонизаціи—свободный переходъ крестьянъ, господствовавшій до конца XVI и даже до начала XVII вѣка. Благодаря этому переходу, распространилась земледѣльческая колонизація и культура; русская земля повсюду болѣе

или менѣе обстроилась слободами, селами, сельцами, починками, сѣдѣшьями и деревнями. Но за то земледѣльческія поселенія долго не имѣли прочной осѣдлости, носили полукочевой, полунomadный характеръ. Въ народонаселеніи развилась страсть къ разгулу, къ расхочливости, расплывчивости по широкому пространству русской земли и, наконецъ, склонность къ *броженію врозь*, къ бродяжничеству и бѣгству. Отсюда возникъ характеристическій и многочисленный классъ населенія — такъ называемые вольные *гуляціе люди*. Они потожъ составляли главный элементъ заселенія Сибири. Раздольный просторъ русской земли, украинъ и степей, вызвавшій прежде дикій, буйный разгулъ новгородскихъ *поволжниковъ* и *ушкуйниковъ*, сталъ, потожъ, въковымъ и широкимъ просторомъ для буйнаго разгула и скопища станицъ казачьихъ, шаякъ разбойничьихъ и раскольничьихъ согласій. Только благодаря широкому пространству и раздолью русской земли, въ ней могла по украинамъ пріютиться и сосредоточиться сбродная колонизація казачья и раскольничья *). Въковая страсть къ разгулу, странничеству и бѣгству на раздольномъ, обширномъ пространствѣ русской земли, отразилась и въ географическомъ, и въ умственномъ движеніи массъ, направль — въ согласіи бѣгуновъ или странниковъ, отрицающихъ прочную гражданскую осѣдлость и проповѣдующихъ «странство» по бѣлу-свѣту, выразилась въ народныхъ пѣсняхъ о раздольныхъ степяхъ, о разгулѣ буйныхъ добрыхъ молодцевъ по степямъ саратовскимъ и т. п. И только на огромныхъ пространствахъ Россіи, путемъ странничества, скрытія и бѣгства, могла распространиться земледѣльская колонизація. Такъ основались раскольничья и земледѣльческія поселенія на огромныхъ волокахъ, за лѣсами, озерами и болотами сѣвернаго Поморья, въ обширныхъ лѣсистыхъ пространствахъ Заволжья, въ лѣсахъ стародубскихъ, на Вяткѣ, въ юго-восточной степной Украинѣ, по Хопру, Медвѣдицѣ, Тереку и Кубани, во многихъ мѣстахъ громадной Сибири, въ пограничныхъ горахъ Алтайскихъ, и т. д. Во вторыхъ, обширныхъ пространства, раздѣленные рѣками, озерами, бо-

*) Котошихина, IX, ч. Исторія о бѣгствующ. священствѣ. Лѣтоп. русск. литер. т. IV. 1862. отд. III, стр. 57, 58, 59, 63. Русскій расколъ старообрядства Щапова. гл. III. Находящіяся у насъ рукописныя извѣстія о Заволжской раскольничьей колонизаціи, мы сообщимъ въ подробномъ обзорѣ русской колонизаціи. Исторія выговской пустыни, изд. Кожанчикова, о поморской раскольничьей колонизаціи.

лотами и лѣсами, естественно обусловливали раздѣльность, раскинутость самой земледѣльческой колонизаціи, разбросанность и разрозненность поселеній. Каждая волость, колонизируясь на особой водной системѣ, на особой рѣкѣ, стремилась вълѣдствіе того быть *особно, опроче*, на томъ основаніи, что у ней *земля и вода въ раздѣль съ другими сосѣдними волостями* *). Такимъ образомъ, по причинѣ огромнаго пространства русской земли. какъ отдѣльныя лица. крестьяне и посадскіе, такъ и цѣлыя общины, волости стремились къ простору, къ расходчивости, къ расплывчивости и, по характеристическому выраженію актовъ, постоянно *разбродились врознь*. Вся эта расходчивость, расплывчивость народонаселенія по широкому пространству земли, весь этотъ географическій, пространственный разгулъ и просторъ народныхъ силъ неизбежно повели къ такъ называемому *собиранію русской земли*, къ централизаціи, къ прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ и къ крѣпостному праву надъ цѣлою половиною земледѣльческихъ поселеній и ко всѣмъ послѣдствіямъ этихъ явленій. Въ третьихъ, огромныя пространства русской земли обусловили особый разрядъ земледѣльческихъ поселеній — ямскихъ слободъ и селъ. Такими поселеніями колонизована была большая часть Великороссіи, по большимъ дорогамъ, и особенно громадныя пустыни Сибири **). Тамъ огромныя пространства и разстоянія невольно дали ямской, извозническій характеръ и всѣмъ прочимъ земледѣльческимъ поселеніямъ. Проѣзжая такія обширнѣйшія пустыни и степи сибирскія, какъ, напримеръ, Бараба, при одномъ томительномъ видѣ огромныхъ равнинныхъ пространствъ, невольно чувствуешь всю географическую или пространственную естественность и необходимость ямскихъ, извозническихъ, земледѣльческихъ поселеній, какія и были устроены тамъ въ XVII вѣкѣ воеводами и московскимъ правительствомъ, въ XVIII столѣтіи — губернаторомъ Чичеринымъ ***). Наконецъ, огромное пространство русской земли естественно обусловило болѣе экстенсивное развитіе и распространеніе агрикультуры и земледѣльческихъ поселеній, чѣмъ интенсивное, интеллектуальное. Такъ экстенсивное земле-

*) Неволіна, о Питиухъ и погостахъ Новгород. стр. 107. „Великорусскія области и смутное время“, въ Отеч. Зап. 1861 г. № 10

***) А. Ю. № 278, № 294, актъ П. А. И. II, № 36; III, № 57. Историч. обзор. Сибири. Словцова 1838. I, 30 II, 41, 50—51.

***) Pallas, Reise Th. III. Buch. II, S. 462 и слѣд. Истор. обзор. Сибири. Словцова. ч. II. Доп. къ А. И. т. IV, №№ 68, 89. А. И. II, 81, 85.

дѣліе господствуетъ и доселѣ въ плодородныхъ и рѣдко населенныхъ степяхъ южной Россіи, въ сѣверо-восточныхъ малолюдныхъ и лѣсныхъ губерціяхъ, въ юго-западной Сибири, и проч. *). При этомъ распространеніи земледѣльческой колонизаціи, покореніе природы выражалось только въ выжиганіи лѣсовъ подъ нова. Балуемые просторомъ и обиліемъ земли, русскіе люди постоянно перемѣняли новы на новы, стары пашни и починки на новы, и т. д. Полагаясь съ повѣйшею безпечностью на пространственное обиліе земель, не думали о результатахъ истощенія ихъ качественного содержанія—плодородія, и безпощадно расхищали естественную продуктивную экономію почвы. При огромности пространства, умственные и физическія силы населенія не экономно и не производительно тратились въ пространствѣ. Въ теченіи 9 или 10 столѣтій, русскій народъ едва могъ справиться съ пространствомъ, завладѣть имъ всѣмъ, пройти его отъ Карпатовъ и Днѣпра до Восточнаго океана. Семь или восемь столѣтій онъ напрягалъ силы на одни географическія развѣдкі и открытія, на пріисканіе новыхъ землицъ, на завладѣніе огромнымъ пространствомъ, на переходы, странствованія и блужданія по немъ въ качествѣ повольниковъ, гулящихъ людей, сибирскихъ странствователей, казаковъ и служилыхъ людей,— на одну рощисть, роз-

*) Лепехинъ (Дневн. записки путеш. ч. I, стр. 63) говоритъ: „Вмѣсто изсушенія бодотистыхъ мѣстъ употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашень, который *новчиною* называютъ... Такого распространенія пашни во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки: ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко выгораютъ обширныя палестины лѣса.“ Палласъ (Reise, III, S. 6 и 7) такъ описываетъ сибирское экстенсивное распространеніе хлѣбопашества: „Bleiben die meisten Aecker, wenn man sie nur ums dritte Jahr brach löst, zehn, funfzehn und mehr Jahre tragbar. Nimmt alsdenn die Fruchtbarkeit ab, so hat der Bauer schöne Bergflächen und Steppe genug, wo er ein neues Stück zurichten kann. Dieses pflegt gemeinlich gleich nach der Sommersaat zu geschehen, da man das wilde Feld im Anfang des Junius zuerst aufreist, die Wurzeln unterregget und mit Ausgang des Monaths nochmals überpflügt; wodurch ein neues Land (Salog), nachdem es den Julius hindurch gelegen, schon im August zur Wintersaat geschickt ist, welche nur unterregget werden darf; oder man sät auch im nächstfolgenden Frühling Waizen darauf, in welchem Fall der neue Acker aber nochmals umzupflügen ist. Denn Winterwaizen hat man noch in ganz Sibirien nicht, ohngeachtet er im Kasanischen und an der Kama so gemein und nützlich ist. Nach der ersten Erndte lässt man einen solchen Acker (Pereelog) den Winter hindurch ungepflügt ruhen und sät gleich das folgende, so wie auch im dritten Jahre irgend ein Sommergebrach liegen und besät solche Brachäcker (Pary) erst wieder im Herbst oder auch im Frühling des folgenden Jahres, etc.“

дѣль лѣсныхъ пространствъ, на распространеніе починковъ, деревень, селъ, слободъ, посадовъ, сторожевыхъ и станичныхъ линий, становъ и ямовъ, остроговъ и зимовей, и проч. На это народъ русскій потратилъ много силъ и времени въ ущербъ интеллектуальному развитію и умственнымъ занятіямъ. Оттого произошелъ его умственный застой. Такъ какъ экстенсивное земледѣліе выгоднѣе на писшихъ степняхъ культуры, а интенсивное на высшихъ *), то оно заманивало земледѣльческія поселенія все дальше и дальше въ непочатые лѣса и на не воздѣланныя и никѣмъ еще незанятая земли. При огромномъ пространствѣ пахатныхъ земель и при экстенсивномъ хозяйствѣ, земледѣльческія поселенія распространялись далеко и широко, но крайне бѣдно, разбросанно и рѣдко. И все такъ, по причинѣ огромности пространства, заселеніе всей русской земли шло весьма медленно и слабо. Напримѣръ, западную Сибирь, простирающуюся на 83,067,10 кв. м., въ теченіи 150 лѣтъ, населили только 23,256 человекъ, отъ 5 до 50 лѣтъ, — и въ томъ числѣ только до 19,000 приходится на земледѣльческія поселенія всей огромной западной Сибири **). «Имѣеть ли и нынѣ Россія, говоритъ Мордвиновъ, достаточное число рукъ для обработанія и приведенія въ урядство всей обширности земель ея! На главной въ Россіи дорогѣ, между двумя столичными городами, мы встрѣчаемъ селенія въ 15 и 20-ти, города же въ 180-ти верстахъ, и сіи послѣдніе едва ли имѣютъ жителей по 10 тысячъ человекъ. Между селами и деревнями, по обѣимъ сторонамъ дороги, лежатъ еще пространныя болота, видны лѣсная дичь и тощіе пески, и проч. ***). И теперь, въ Сибири, на пространствѣ 260,441,5 кв. м., на 1 кв. милю приходится только около 16 человекъ, въ томъ числѣ: въ западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., приходится только 36 чел. на 1 кв. м., а въ восточной Сибири, на пространствѣ 177,374,4 кв. м., всего только 7 человекъ причитается на 1 кв. м. И въ европейской Россіи пространство большею частію еще преобладаетъ надъ численностью населенія; на 1 кв. м. приходится еще только около 646 человекъ, въ томъ числѣ — въ архангельской губерніи,

*) W. Roscher, Syst. d. Volkswirth. В. II, S. 89—91. Онъ приводитъ числовой примѣръ, между прочимъ, изъ Сибирскаго экстенсивнаго земледѣлія.

**) Географич. Вѣстн. т. XXIX. отд. II: свидѣн. о числѣ жителей въ Запад. Сибири въ полов. XVIII столѣтія. стр. 207—235.

***) Чтен. общ. ист. 1859. кн. III.

при 16,025,39 пространства, только 17 жителей причитается на 1 кв. м., въ Олонецкой губерніи, на пространство 2,705,98 кв. м., 107 на 1 кв. м., въ Оренбургской губерніи, при 6,917,31 кв. м. пространства, 290 чел. на 1 кв. м., въ Пермской губерніи, на протяженіи 6,050,12 кв. м., приходится только 338 чел. на 1 кв. м. *).

Вѣковое преобладаніе лѣса надъ полемъ, хлѣбородной земли надъ нехлѣбородной было естественною причиною преобладанія деревенской, земледѣльческой колонизаціи надъ торгово-промышленной, городской, лѣвниваго, бѣднаго и крѣпостнаго населенія надъ развитіемъ энергическихъ, богатыхъ, свободныхъ и рациональныхъ, промышленныхъ ассоціацій, лѣсной дикости умовъ и нравовъ надъ гражданской интеллигенціей и цивилизаціей. «Въ первобытной дичи лѣсовъ, говорить Риль, пашеть первый поселенецъ: онъ производитъ противоположность лѣса и поля, и съ этимъ вмѣстѣ начинается выходъ земли и людей изъ состоянія первобытной, животной естественности. Только тамъ, гдѣ есть поле и лѣсъ, начинается твердая осѣдность, и только тамъ почва образуетъ даже основу, грунтъ органическаго общественнаго состоянія. Позднѣе изъ всеобщей формы поселенія происходитъ противоположность города и земли. Отсюда происходятъ социальныя революціи, новые толчки въ естественной жизни народовъ» **). На русской землѣ, до начала земледѣльческой колонизаціи и долго послѣ нея, были почти сплошныя, дремучіе, непроходимыя лѣса дѣвственные. Лѣсъ до XVI в. еще рѣшительно преобладалъ надъ полемъ и одолевалъ рабочія землеустроительныя силы земства. Герберштейнъ, въ XVI в. еще около самой Москвы видѣлъ кругомъ огромныя пни, свидѣтельствовавшіе о только-что срубленномъ лѣсѣ, а чѣмъ далѣе онъ подвигался на юго-западъ и особенно на сѣверо-востокъ, тѣмъ больше и больше изумлялся обилію дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ, сквозь которые еще не про-

*) Кольба, руков. къ статист. I, стр. 165—168.

**) W. H. Riehl, Land und Leute. Stuttg. 1861 S. 63. In der Urwildniss rodet der erste Siedler: er schafft den Gegensatz von Feld und Wald und hebt damit das Verhältniss von Land und Leuten über die Linie der uranfänglichen bestialischen Natürlichkeit. Nur wo Feld und Wald ist, da ist feste Siedelung, da bildet der Boden selbst den Grund organischer Gesellschaftszustände. Später hebt sich aus der allgemeinen Form der Siedelung der Gegensatz von Stadt und Land heraus. Hiermit kommt eine sociale Revolution, ein neuer Umschlag im Naturleben des Volkes.

ложены были даже пути и тропинки. Кругомъ онъ видѣлъ лѣса темныя, непчатая, земля невоздѣланныя, болота непроходимыя *). И видно, что много еще было лѣсовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, когда судейники установляли различіе между лѣсными и безлѣсными мѣстами, на основаніи разстоянія жилия отъ строеваго лѣса на 10 или менѣе верстъ кругомъ. Деревня, отъ которой лѣсъ былъ хоть верстою дальше 10, признавалась уже безлѣсною, *въ полѣхъ*. Подъ лѣсами находилась почти повсемѣстно почва въ высшей степени хлѣбородная, и хлѣбородность ея тѣмъ болѣе была замѣчлива для земледѣльца, что лѣто въ Россіи бываетъ теплое, даже жаркое. «Какъ сильны бывають морозы зимою, — говоритъ Олсарій, такъ же велики бывають и жары въ лѣтнее время... Русская земля, при плодородной, добротной почвѣ, не требующей большой обработки, чрезвычайно плодородна (исключая нѣсколькихъ мѣлъ песчаной земли, находящейся въ окрестностяхъ Москвы) и даетъ въ изобиліи рожь и пшеницу, не смотря на то, что на всемъ пространствѣ своемъ пустынна и болотиста; по большей части покрыта она кустарникомъ и лѣсомъ, въ особенности же сосновымъ и еловымъ лѣсомъ и орѣшникомъ» **). При такомъ преобладаніи лѣсовъ въ древней Россіи надъ полемъ, и хлѣбородной земли надъ безплодной, естественно

*) На сѣверо-западъ отъ Москвы, по словамъ Герберштейна, *coetera sylvae magnaе vastae que cingunt*. По р. Москвѣ на юго-востокъ также *ingentes occurrunt sylvae*. (Regum moscovit. p. 65). Здѣсь и русскіе путешественники, по словамъ жизнеописанія Макарія Унженскаго и Желтоводскаго, проходили внутреннюю пустыню и непроходимыя бѣлы, и бѣ мало отъ живущихъ ту во всѣхъ и въ пустыняхъ лѣсныхъ водились цѣлыя стада лосей и оленей (Сборн. Солов. библ. № 817, л. 420—424). Даже тѣ юго-западные отъ Москвы области, которыя издавна были путемъ и средоточіемъ колонизаціи, двигавшейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, даже область Черниговская и Новгородо-сѣверская, по словамъ Герберштейна, *vastos desertos que passim campis habet*, а около Брянска — *Sylvam ingentem* (p. 68, 61). А на сѣверо-востокъ Герберштейна кругомъ поражали дремучіе, непроходимые, сплошные лѣса. Напримѣръ, о пути на Бѣлоозеро онъ говоритъ: *Via (per quam ex Moscovia iter Bieloiesero) propter erebras paludes et sylvas fluviiis obsitas... Accedet ad hanc itineris difficultate, ut propter erebras paludes, sylvas ac undique concurrentes fluvios, loca inculta sint, nullisque civitatibus frequentata, etc.* (p. 77). Объ областяхъ вологодской, двинской и ватской онъ тоже говоритъ: *Regio tota palustris et sylvestris est, unde fit, ut exactam itineris ratione propter erebras paludes et fluviorum anfractus, hoc quoque in loco viatores observare non possent. Quo enim magis progrediari, hoc plures et inviae paludes, fluvii ac sylvae occurrant, etc.* (Rer. Moscov. p. 79, 80).

***) Олсарій. Архивъ 1859 г. ян. III, стр. 13. 16.

лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація должна была преобладать надъ колонизаціей полевой, торгово-промышленной, городской, и притомъ долго должна была имѣть характеръ *займищный* и *починочный*. Въ самомъ дѣлѣ, когда вкругомъ и повсюду виднѣлись передъ глазами одни дремучіе, дикіе, непочатые лѣса, и подъ ними—дѣвственная хлѣбородная почва, — о чемъ было тутъ прежде всего и естественнѣе всего думать, что дѣлать, чѣмъ жить? Невольно нужно было прежде всего съ топоромъ, косой и сохой пробиваться сквозь непроходимые, безпредѣльные лѣса, занимать удобныя мѣста въ пашенныхъ лѣсахъ, лѣсъ рубить, ронить и чистить, пашни распахивать и изъ срубленныхъ *деревьевъ* строить *деревни*, заводить на займищахъ починки. И дѣйствительно, въ этомъ состояла вся первоначальная, архитектурическая и вѣковая работа русскаго народа и вся колонизаціонная обстройка русской земли. Всѣ, по словамъ актовъ, лѣсъ рубили, ронили, чистили, пашни распахивали и посажали, поставляли въ лѣсахъ только починки и деревни. Вездѣ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, естественно, ставились только деревни и села. Въ самыхъ лѣсистыхъ сѣверныхъ областяхъ ставилось почти за разъ починковъ по 300. Лѣсъ давалъ и мѣсто, и строевой матеріалъ, и пашню, и названіе всѣмъ первымъ поселеніямъ: отъ деревневъ лѣсныхъ поселенія названы были *деревнями*, а поселенцы—*деревенщиками*; многія деревни и села назывались *тскарами*, *борами* и т. п. Однимъ словомъ, лѣсъ составлялъ первоначальное основаніе всего земскаго строенія. И потому лѣсная, деревенская, земледѣльческая колонизація въ древней Россіи, особенно до XVI вѣка, преобладала надъ полевой, городской, торгово-промышленною колонизаціею. И это было естественно. Когда всѣ умственные и физическія силы народа устремлены были въ лѣса, на борьбу съ лѣсною природою, на самую первоначальную, починочную работу—на расчистку изъ подъ лѣсовъ мѣстъ для поселенія и хлѣбопашества, для «сѣдѣнья и кормленья»,—могли ли тогда развиваться гражданскія, индустріальныя способности, понятія и стремленія? И гдѣ, въ этотъ первоначальный, займищный, починочный періодъ культуры и колонизаціи могли развиваться умственные, индустріальныя понятія, потребности и силы, откуда могло развиваться разнообразіе труда и производства, въ какой сферѣ долженъ былъ вращаться живой оборотъ труда и капиталовъ, когда кругомъ синѣлись и чернѣлись лѣса темные, дремучіе, непроходимые, прерываемые только болотами, озерами и рѣ-

ками, — и въ дикой, дремучей глуши этихъ лѣсовъ тутъ-индѣ распахивались починки и деревни на «лѣсѣхъ», и тамъ-индѣ, рѣдкими и раздѣльными, черезполосными дачами видѣлись среди лѣсовъ такъ называемыя черныя или общинныя и бѣлыя или вотчинныя волости! Въ тѣ архитектурныя, основоположительныя времена, когда русскіе люди, идя на новоселье — на сѣверовосточныя земли и всюду встрѣчаясь только съ лѣсами дремучими и непроходимыми, а подъ лѣсами всюду находя обширныя полосы дѣвственной, непочатой хлѣбородной почвы, естественно, прежде всего должны были позаботиться о пищѣ, о хлѣбѣ насущномъ и о сѣдѣньяхъ или жилищахъ. И вотъ они и заняты были главнымъ образомъ тѣмъ, что завоевывали у лѣсовъ хлѣбородную землю и «мѣста для дворовъ, для починковъ и деревень», распахивали пашни и ставили свои хлѣбныя деревни. И вотъ одна изъ естественныхъ причинъ, почему деревни въ Россіи, какъ и вездѣ въ лѣсистыхъ странахъ, гораздо древнѣе городовъ, и ихъ устроено было несравненно больше, чѣмъ городовъ. На огромныхъ сѣверо-восточныхъ лѣсныхъ пространствахъ не было ни одного города: по словамъ Герберштейна, *propter sylvas, loca acultu sint, nullisque civitatibus frequentata**). Въ XVII в. Олеарій насчитывалъ въ Россіи только 18 большихъ городовъ, а деревень насчитывалъ безчисленное множество. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ города особенно необходимы были, какъ военно-стратегическія или административно-финансовыя центры, ихъ было весьма мало, сравнительно съ земледѣльческими, деревенскими поселеніями. Напримѣръ, въ вотской пятинѣ, гдѣ по причинѣ частыхъ нападений шведовъ, а прежде чуди, города необходимы были какъ военно-стратегическія пункты, было всего только 3 плохихъ города, и тѣ возникли не путемъ торговли и ремесленности, а построены были князьями, между тѣмъ какъ деревень тамъ было до 2,710, и въ нихъ до 6295 дворовъ. Во всей западной Сибири, на протяженіи 83,067,10 кв. м., въ половинѣ XVIII столѣтія, городскихъ жителей считалось только около 4400, и тѣ состояли изъ разночинцевъ, занимавшихся главнымъ образомъ земледѣліемъ; между тѣмъ крестьянъ было около 19,000. Въ XVII вѣкѣ сами сельскіе жители чувствовали недостатокъ городовъ, жаловались, что села ихъ отдаляли отъ городовъ, и итъ въ зимнюю и лѣтнюю пору для своихъ нуждъ выѣхать для торгу не-

*) Reg. Moscov. p. 77.

куда, «отъ городовъ отдаляли, купить и продать ничего нельзя»^{*)}. Да и вообще, города древней Россіи нельзя считать городами въ европейскомъ смыслѣ, т. е. ассоціаціями индустріальной дѣятельности, торговъ промышленнаго и ремесленнаго труда и т. п. Они имѣли основу или правительственную — административную и военно-стратегическую, какъ остроги, или большею частію тоже, какъ села, — земледѣльческую. «Кто бывалъ въ отдаленныхъ нашихъ городахъ, — замѣчаетъ Лепехинъ, — тотъ знаетъ, что тупецъ вмѣстѣ и пахарь»^{**)}. Города стали нѣсколько развиваться у насъ не раньше, какъ послѣ городского положенія Екатерины II. И тогда они, однакожь, не стояли прочно; многіе города были упразднены или сдѣлались заштатными вскорѣ послѣ основанія; а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Соликамскъ, даже чуть не бунтовски отстаивали свой первобытный, земледѣльческій, сельскій типъ. Хотя Екатерина II и создала вновь изъ селъ не одну сотню искусственныхъ городовъ, все-таки численность земледѣльческихъ поселеній преобладала надъ числомъ городовъ, и города на Русской землѣ плохо развивались, потому что земледѣльческія наклонности народа преобладали надъ индустріальною интеллигенціею. «Въ Россіи, писалъ Мордвиновъ, — 18 милліоновъ муж. пола душъ сѣютъ хлѣбъ, чтобы прокормить 2 или 3 милліона остальныхъ за тѣмъ жителей. Въ Англіи изъ всего народонаселенія $\frac{1}{3}$ упражняется въ сельской работѣ, когда, напротивъ, въ Россіи $\frac{8}{10}$ пахутъ землю, живя въ деревняхъ. Можно не обинуясь сказать, что Россія отстала отъ прочихъ народовъ въ обогащеніи потому, что предпочитала доселѣ сельскія занятія городской промышленности»^{***)}. И доселѣ городовъ въ Россіи еще весьма мало, и большая часть изъ нихъ еще не отрѣшилась отъ сельскаго земледѣльческаго элемента. Земледѣльческія поселенія слишкомъ преобладаютъ надъ городскими. Сельскихъ поселеній, по статистическимъ таблицамъ за 1856 г., считалось 305,439, а городовъ 678^{****)}.

Преобладаніе лѣса надъ полемъ, почвъ лѣсныхъ, непочатыхъ надъ почвами расчищенными и воздѣланными обусловило также развитіе

*) А. Э. т. IV, № 95.

**) Дневн. Зап. I, 92.

***) Чтен. М. Общ. Ист. 1860 г. кн. I. отд. V. стр. 29—32.

****) Quetelet, sur l'homme et le developpement de ses facultes 1836. t. II, p. 151. Кольбъ, статист. I, 186. W. Roscher, syst. d. Volkswirth. I, S. 112, 113—114. II, S. 56.

частной земледѣльческой колонизаци и происхожденіе вотчинныхъ и потомъ крѣпостныхъ, земледѣльческихъ поселеній. Уже въ періодъ лѣсныхъ, охотничьихъ, звѣроловныхъ поселеній, когда славянскіе племена, по словамъ лѣтописи, «жили въ лѣсахъ звѣринскимъ образомъ», — лѣса, развивая звѣроподобную, хищническую и разбойничью жажду добычи, обусловливали вмѣстѣ съ тѣмъ неравенство развитія мышечныхъ и умственныхъ силъ дикихъ лѣсныхъ жителей, въ борьбѣ съ звѣрями и въ хищническихъ набѣгахъ, а оттуда неравенство добычи, достатка средствъ. На переходѣ изъ лѣснаго, звѣроловческаго состоянія къ земледѣльческой колонизаци, когда лѣса, хлѣбородныя земли подъ лѣсами всѣхъ манили на займища и починки, на роздѣль, расчисть и распашку лѣсовъ, для того, чтобы быть сытымъ, богатымъ и дошовытымъ, — естественно, уже съ самаго начала не всѣ имѣли одинаковыя силы и средства для того, чтобы завоевать у лѣсовъ хлѣбородныя земли. Возникшее еще въ періодъ лѣсной, звѣроловческой жизни естественное неравенство наловленной и награбленной добычи родами предыдущими, старѣйшими, уже имѣло вліяніе и на наследственную зажиточность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вліятельность родовъ послѣдующихъ, «молодшихъ», и, слѣдовательно, на общее неравенство силъ и средствъ. Явились, такимъ образомъ, люди *лучше, старѣйше, житыи* или житѣйскіе, т. е. зажиточнѣйшіе и богатѣйшіе, и люди *меньше, худше, молодше*, т. е. бѣднѣйшіе. Богатѣйшіе иначе назывались въ старину *большими* и *сильными*. Такимъ образомъ, естественно, и земледѣльческая борьба съ лѣсами, по равенству силъ и средствъ, должна была быть не равная. Потому-то и владѣнье землею называлось *силою* и *носилемъ*, определялось и ограничивалось только мѣрою силъ, трудовъ и средствъ поселенцевъ, почему и говорилось и писалось: «куда топоръ, коса и соха ходили, или сколько силы было», т. е. сколько далеко хватали средства и труды владѣльцевъ, займовниковъ земель, дотогѣ простиралось и новемельное владѣніе; — *носиле*; за чертою труда, за мѣрою силъ прекращалась владѣніе, займище и поселеніе. Неравенство силъ и средствъ, какія требовались для борьбы съ лѣсною прирекою, для завоеванія у лѣсовъ хлѣбородныхъ земель, тѣмъ больше и ощутительнѣе являлось, чѣмъ дальше и глубже забиралась колонизаци и культура въ сѣверо-восточные лѣса, чѣмъ больше требовалось со стороны поселенцевъ энергіи, силъ, средствъ и рабочихъ рукъ для расчистки лѣ-

совъ подъ пашни и деревни. Кто имѣлъ силы и средства большія, капиталъ для найма рабочихъ рукъ, рабочихъ силъ, лишнія земледѣльческія орудія — топоры, косы, сохи и т. п., — тѣ, естественно, больше захватывали лѣсовъ и разчищали ихъ подъ пашни и дворы или деревни. Лѣса и земли, особенно въ русскомъ климатѣ и при первобытномъ состояніи русскаго общества, представляли сырой, бесплодный матеріалъ, не могущій прокормить своего владѣльца, если онъ не употребитъ на нихъ своего труда и капитала. Дикій лѣсъ, дикую землю, какіе первоначально были сплошь и рядомъ, прежде всего нужно было расчистить, а потомъ воздѣлать и засеять, чтобы она дала хлѣбъ; а для воздѣланія нужны рабочей скоть, «животина страдная» и орудія, а для засѣянія готовыя сѣмена, и сверхъ того нужно имѣть готовый хлѣбъ, которымъ бы кормиться, пока земля принесетъ свой плодъ, и готовую избу, дворъ, или по крайней мѣрѣ подмогу для постройки новой избы, либо для покупки на торгу готоваго избнаго сруба и для заведенія первоначальнаго домашняго обихода. А всего этого бѣдные люди, очевидно, не могли приобрести, не имѣвши скопленнаго капитала. Въ тѣ времена крайней экономической неразвитости и бѣдности *), при неразвитости даже кузнечнаго искусства, — тысячи бѣдныхъ людей не имѣли и не могли завести даже топора, косы, и сохи **), чтобы срубить лѣсъ, расчистить и распахать пашни и срубить избу, и та-

*) Чтобы судить, до какой степени бѣдны были многіе русскіе люди, изъ за какихъ ничтожныхъ денегъ закабалляли свои рабочія силы на службу и работу при дворахъ зажиточныхъ и сильныхъ людей «по своей животь», см. дѣла о запискѣ въ кабалу. Акты, относ. до юрид. б., изд. Камачевымъ, № 93, стр. 594—602.

**) Юрій Брижаничъ писалъ о недостаткѣ земледѣльческихъ орудій даже въ XVII вѣкѣ: «Наши люди, якоже во многыхъ иныхъ промыслѣхъ, разумомъ недалеко досагаютъ, такъ и въ земли тетанію (въ земледѣліи) многу скудость разума и лѣность за неработливость свою сказуютъ. Тевани бо наши посудія и орудія или нѣмаютъ съ потребу, или нечисто, тупо, некорыстно, нестройно, непригодно оно имѣють. Державники (воеводы) уѣздны или областны наместники да держатъ всякое орудіе на продажу, и да продають его кметамъ безъ прибыли, по узазной цѣнѣ, вѣрво и по вѣсу, т. е. ножи, серпы, косы, мотыки (лопаты), заступы, рала, топоры, млаты, влещи, оскорды (скрепки), скобли, трезубы, зубачи, вильо и проч... Далѣе Юрій Крыжаничъ подробно говоритъ о томъ, какъ недостатокъ и несовершенство земледѣльческихъ орудій отнимало у нашихъ крестьянъ и время, и возможность выгодныхъ работъ, и проч. См. раздѣлъ III, стр. 50 и слѣд.

кимъ образомъ самостоятельно завести починокъ или поселе въ лѣсу, на новш. И вотъ, не имѣя рѣшительно никакой возможности справиться съ лѣсомъ, для того, чтобы распахавши пашню, добывать свой хлѣбъ насущный, и обстроиться своимъ дворомъ, — бѣдняки волей неволей должны садиться на чужой землѣ, «поряжаться во крестьяне» къ богатымъ собственникамъ-землевладѣльцамъ, для того, чтобы имѣть готовый дворъ, избу, рабочій скотъ и даже денежную подмогу или ссуду *). А на этомъ и основалась земледѣльческая, вотчинная колонизація, создавшая впоследствии обширныя, крѣпостныя, земледѣльческія поселенія. Богатые люди, землевладѣльцы-собственники, князья, бояре, дѣти боярскіе, владыки, игумены, имѣя всѣ средства и силы, земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, капиталы, — вдоволь занимали огромныя лѣсныя пространства кому сколько было угодно и возможно; а бѣдные, вольные, охочіе люди, не имѣвшіе ни топора, ни косы, ни сохи, ни кола, ни двора, ни рабочаго скота, невольно шли къ нимъ на эти лѣсныя пространства, получали орудія, деньги на заведеніе скота и проч., и устроились на ихъ отводныхъ лѣсныхъ земляхъ или дачахъ дворами въ вотчинныя, землевладѣльческія деревни. Поряжаясь во крестьяне и получая вспомогательныя средства, бѣдные вольные охочіе люди обязывались: 1) срубить лѣсъ, расчислить мѣсто для поселья, поставить дворъ съ городьбою и хоромами, или починить старыя дворы и хоромы, какихъ у богатыхъ землевладѣльцевъ бывали настроены или наготовлены цѣлыя деревни, срубить избу, клѣтъ, хлѣвъ и сѣнникъ, мшанникъ, гумно, мыльню или баню; 2) расчислить изъподъ лѣсу и распахать пашню, пожни или покосы очистить, луга и огороды огородить и *земли впустъ не оставлять*, т. е. должны ее засѣять и засадить; 3) до срока нигуда на другую рощистъ или землю не сходить, ни въ *Княщину*, за князя, ни въ *боярщину*, за боярина, ни въ *монастырщину*, на земли монастырскія,

*) См. „Порядныя во крестьянство“ въ Ак. Юр. и въ Акт. относ. до Юридич. быта: ихъ много. Для образца здѣсь мы приведемъ одну: „Се азъ Иванъ Кондратьевъ сынъ Большаковъ въ нынѣшнемъ 199 году, Декабря въ 5 день, далъ я на себя сію ссудную запись стольнику Ивану Григорьевичу Черокову, а взялъ я у него на ссуду денегъ десять рублей, и на тѣ ссудныя деньги мнѣ Ивану завести лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и всякой крестьянскоя заводъ, и съ тѣмъ крестьянскимъ заводомъ жить мнѣ Ивану, за нимъ государемъ своимъ Ив. Григорьевичемъ во крестьянствѣ, гдѣ онъ государь мой угажеть“, и проч. А. относ. до Юрид. б. № 94.

и нигуда *неотыматься*, ни въ казачество, ни въ стрѣлчество, и, вообще, до срока быть *крѣпкимъ владѣльцу* и быть у него въ послушаніи. Такимъ образомъ быстро расчищались лѣса, разрабатывались пашни и обстроивались села и деревни землевладѣльческія, вотчинныя, помѣстныя. И когда, въ главныхъ частяхъ, кончилась починочная вырубка лѣсовъ и основоположительная, архитектуроническая постройка землевладѣльческихъ селъ и деревень,— тогда кончилась и *вольнымъ воля*, и богатырскому, землеустроительному крестьянству, за его *вѣковую страдающую работу*, воздано было крѣпостнымъ правомъ, и грустно увѣковѣилась пословица: *вотъ тебѣ бабушка и юрьевъ день!*

А. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШИШЕБАГЕНА.

I.

— Чортъ тебя побери, проклятое животное! Сто разъ тебѣ говорить надо, чтобъ меня не будить когда я сплю!

— Я было думалъ, ваше превосходительство...

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты не смѣлъ думать, что это мое дѣло? Съ чѣмъ ты тамъ еще ко мнѣ лѣзешь?

— Съ письмомъ, отвѣчалъ довольно грубо слуга и поставилъ подносъ съ письмомъ на столикъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кресла, въ которомъ сидѣлъ генералъ, а самъ повернулся спиною, чтобы уйтди.

— Да что ты, болванъ, никакъ совсѣмъ рехнулся, закричалъ старикъ и на высокомъ обнаженномъ челѣ его выступила алая краска гнѣва.—Руки, что ли, у тебя отваяются подать письмо сюда, къ моему креслу?

— Чтобъ ваше превосходительство, опять меня отподчивали палкой по ногамъ? У меня еще и послѣ вчерашняго дня кости болятъ,—пробормоталъ слуга и, не оглядываясь, поспѣшилъ убраться изъ комнаты.

Не успѣлъ онъ затворить за собою дверь, какъ что-то тяжелое загремѣло ему вслѣдъ. То была скамейка, на которой покоились ноги подагрика-генерала, пущенная старикомъ съ такою силою и ловкостью, какой нельзя было и ожидать отъ дряхлаго инвалда; скамейка однако не попала въ голову неподатливаго слуги и ударилась о дверной косякъ, а генералъ, раздраженный этимъ промахомъ, разразился страшнымъ гра-

домъ ругательствъ и проклятій. Маленькіе, черные глаза его засверкали какъ молніи изъ подъ косматыхъ, судорожно прыгавшихъ бровей, сивія жилы на вискахъ надулись и въ эту минуту его можно было принять за бѣснующагося маніака, которому еще не успѣли надѣть съумасшедшую рубашку.

Но въ эту самую минуту отворилась дверь и въ комнату вошла быстрыми шагами толстая, приземистая женщина; она направилась къ единственному изъ четырехъ оконъ, которое оставалось незавѣшеннымъ, спустила на немъ стору и, когда въ комнатѣ распространился зеленый полумракъ, подошла къ генералу, все еще продолжавшему бѣсноваться, остановилась противъ него, подбоченясь обѣими руками и закричала, приподымая лѣвою ногою:

— Это что такое? Это что такое? Да будетъ ли этому конецъ? Или вы намѣрены цѣлый день бѣсноваться!

Появленіе этой женщины, повидимому, только усилило бѣшенство генерала. Можно было подумать, что злобный взглядъ ея острыхъ, зеленыхъ глазъ разбудилъ всѣхъ дремавшихъ въ немъ чертей. Онъ ухватился длинными, худыми пальцами за ручки кресла, затрясъ ихъ подобно хищному звѣрю, слящемуся проломить желѣзныя перегородки своей кѣтки и издавалъ какіе-то раздирающіе, впагливые звуки, изъ которыхъ только и можно было понять слова: «вѣдьма, сатана, вѣдьма подкозодная!»

— Цыць, цыць, сейчасъ замолчать! крикнула его собесѣдница и въ ту самую минуту, какъ старикъ замахнулся на нее тяжелымъ костылемъ, стоявшимъ возлѣ самаго его кресла, она однимъ прыжкомъ очутилась позади старика, схватила его за черный шелковый галстугъ военнаго покроя, который и безъ того уже довольно туго обхватывалъ непомярно длинную и сухую шею и рванула за него съ такою силою, что у сердитаго старика глаза чуть не выскочили изъ лба и онъ простоналъ задыхающимся голосомъ:

— Пусти же, Бригита, пусти!

— Образумитесь вы, или нѣтъ? продолжала та, скручивая галстугъ еще крѣпче.

— Да, да, клянусь тебѣ именемъ всѣхъ чертей, промчалъ старикъ.

Бригита выпустила галстугъ изъ рукъ, и обезсилѣвшій ста-

рякъ опустился въ кресло. Взрывъ гнѣва миновался и дряблые, изсохшіе мускулы, да блѣдное, осунувшееся, морщинистое лицо показывали, что генералъ доставляетъ себѣ удовольствіе приходить въ бѣшенство и колотить прислугу не иначе, какъ въ ущербъ послѣднимъ остаткамъ своей физической силы, которая и безъ того была почти вся измыкана имъ въ теченіи долгой, безпутной жизни.

Сцены, подобныя вышеописанной, не разъ повторялись въ продолженіе тѣхъ двадцати лѣтъ, въ которыя госпожа Бригита Гимальгансъ, жена чудака школьнаго учителя, проживавшаго въ деревнѣ, держала въ рукахъ своихъ бразды правленія въ замкѣ; но никогда еще онѣ не были такъ часты, какъ въ послѣднее время, когда лѣта и подагра ужь слишкомъ стали одолѣвать генерала. Никто, кромѣ Бригиты, не обладалъ искусствомъ укрощать бѣсновавшагося старика. Люди суевѣрные утверждали, что въ этомъ помогаетъ ей самъ нечистый, которому она давно запродала свою душу. Другіе, менѣе склонные къ вѣрѣ въ чудеса, были того мнѣнія, что тутъ дѣло обходится безъ всякаго вмѣшательства нечистой силы, и что всякій, у кого достало бы смѣлости поколотить генерала, какъ колачивала его по ночамъ или при опущенныхъ сторахъ и закрытыхъ дверяхъ, Бригита, — могъ бы точно такъ же съ нимъ справиться. Но ни тѣ, ни другіе не знали настоящей причины, заставлявшей властолюбиваго и крутаго генерала сносить такую тиранію.

— А ужь висѣть тебѣ рано или поздно на висѣлицѣ за смертоубійство, проговорилъ старикъ послѣ паузы, во время которой онъ понемногу приходилъ въ себя, между тѣмъ какъ Бригита, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимала шторы, отворяла балконную дверь, черезъ которую проникли въ комнату свѣтъ и тепло весенняго вечера, и ставила на прежнее мѣсто скамейку, валявшуюся до сихъ поръ у двери. — Помяни мое слово, не миновать тебѣ висѣлицы.

— Еще не извѣстно кто изъ насъ прежде попадетъ на висѣлицу. Или вы думаете, что кое-чья могила давно ужь поросла травой, такъ и слѣда не отыщутъ? проговорила Бригита съ невозмутимымъ спокойствіемъ, ловко и заботливо

укутывая фланелью ноги старика и укладывая ихъ на скамейку.

— Полно, полно, Бригитушка, заговоришь старикъ, тербя ее за чепецъ и ослабляясь; при чемъ его безобразное лице становилось еще безобразнѣе.— Ты у меня баба умная и будешь держать языкъ за зубами; а я тебя не забуду въ своемъ завѣщаніи.

— Не повѣрю я вамъ, пока своими глазами не увижу завѣщанія, отвѣчала экономка, вставая и поправляя свой чепецъ.— Вотъ ужъ десять лѣтъ какъ ваше превосходительство, что ни день, то собираетесь писать завѣщаніе. Отчего вы его не напишете?

— А оттого, Бригитушка, что я до сихъ поръ еще не придумалъ, какъ бы это мнѣ его написать, чтобы насолить всѣмъ моимъ дражайшимъ родственникамъ, всѣмъ понимаешь ли, всѣмъ безъ изъятія, да хорошенько насолить.

— Откажите все мнѣ, вотъ вы имъ и насолите, да еще какъ! сухо проговорила Бригита.

Отвѣтъ этотъ показался старику до того забавнымъ, что онъ залился дребезжащимъ хохотомъ, который перешелъ въ сильный припадокъ кашля, чуть не задушившій его. Чтобы помочь ему, Бригита принялась колотить его кулакомъ по спинѣ.

— Нечего смѣяться, ворчала она, я совсѣмъ не шути говорю.

Но слова эти вызвали у генерала только новый взрывъ хохота, окончившійся новымъ припадкомъ кашля. Тогда Бригита схватила его за воротникъ бархатнаго жакета и, тряся его изо всѣхъ силъ, закричала:

— Опять! опять! Да будетъ ли нынче всему этому конецъ?

Старику пора было, повидимому, утомониться; онъ откашлянулся раза два и проговорилъ съ заискивающимъ видомъ:

— Молодецъ ты у меня баба, Бригитушка, молодецъ, какъ есть! Останешься ты мною довольна: твой страшный генералъ тебя не обидитъ. На дняхъ же составлю свое завѣщаніе; вотъ тебѣ слово честнаго дворянина, что составлю.

— Слава тебѣ Господи, пора! отвѣчала Бригита; вѣдь вамъ завтра, сами знаете, семьдесятъ пять лѣтъ исполнится.

— Правда твоя, правда, Бригитушка, завтра мнѣ испол-

нится семьдесятъ пять лѣтъ. А вѣдь почтенная старость, не такъ ли? «Пошли тебѣ Господи, еще много такихъ дней» скажутъ мнѣ завтра мои любезные родичи, а сами будутъ думать про себя: «да скоро ли тебя, стараго хрыча, карачунъ хватить?» Все ли ты приготовила, Бригита, для пріема дорогихъ гостей?

— Все, — лаконически отвѣчала Бригита, сядя съ своею работою къ столу, напротивъ генерала.

— Спальни, конечно, были закупорены, какъ слѣдуетъ, чтобы воздухъ былъ въ нихъ затхлый?

Бригита утвердительно кивнула головой.

— Ты позаботилась, чтобы постельное бѣлье было хорошенько пропитано сыростью?

— Еще бы!

— А новаго на этотъ разъ ничего не выдумала? Вѣдь ты, кажись, всегда отличалась находчивостью когда нужно было позлить моихъ дражайшихъ родичей.

— Полковницкіе будутъ почевать какъ разъ надъ самой псарней.

— Отлично, отлично! прошипѣлъ генералъ. Авось либо во всю ночь глазъ не сомкнуть. И какъ это будетъ здорово для нервовъ Зельмы. Ну, а еще что?

— Президентскимъ я отвела подъ спальню зеленую комнату.

— И это превосходно. То-то будутъ бояться отравленія мышьякомъ! Чай съ одного страха переколятся.

Странное зрѣлище представляла эта чета во все продолженіе описаннаго разговора. Съ злобною радостью перемгивались они между собою; густые, сѣдые, какъ лунь, усы генерала и его бѣлыя брови судорожно подпрыгивали, костлявые пальцы весело барабанили по одѣялу, а въ тактъ имъ позвякивали вязальные спицы Бригиты.

— Такъ какъ же, Артуръ-то пріѣдетъ, что ли, съ семействомъ? спросила она, помолчавъ.

— Ахъ, чортъ побери! Совсѣмъ было забылъ, воскликнулъ генералъ. Вѣдь Килянъ принесъ мнѣ недавно письмо. Куда только онъ его положилъ, мерзавецъ! Туда же, начинаетъ зазнаваться, проклятое животное! Съ той поры какъ въ столицѣ на ихней улицѣ праздникъ насталъ, эта сволочь во-

ображаетъ что и здѣсь можетъ мнѣ на носъ садиться. Только я поубавлю вамъ прыти, голубчики, поубавлю!

— Вотъ оно, прервала его Бригита, успѣвшая между тѣмъ отыскать письмо. Мнѣ, что ли, вамъ его прочесть?

— Прочитай, Бригитушка, прочитай; только прежде принеси-ко мнѣ трубку, знаешь старую, пеньковую.

Бригита отправилась исполнить это порученіе. Генераль проводилъ ее глазами, и, какъ только захлопнулась за нею дверь, сдѣлалъ презрительную гримасу и, грозясь кулакомъ, проговорилъ:—всѣ то вы, какъ я погляжу, дурачье!

Потомъ онъ схватилъ письмо и, держа его отъ себя на почтительномъ разстояніи, такъ какъ очки свои онъ забылъ въ другой комнатѣ, прочиталъ по складамъ: «Его Превосходительству, фонъ Гогенштейну въ Рейнфельденѣ.»

— Любопытно было бы знать, что онъ мнѣ пишетъ, пробормоталъ генераль, вертя письмо въ рукахъ. Съ него станется, что откажетъ; вотъ досадно то будетъ! Воображаю себѣ, что за потѣшныя рожи скорчатъ остальные, встрѣтивъ здѣсь любезнаго брата, котораго считаютъ совершенно исключеннымъ изъ наслѣдства. Предосадно будетъ, если не удастся. Гдѣ же, однако запропастилась эта чортова баба... а! вернулась. Бригитушка! подай-ко мнѣ сюда трубку!.. ладно! Ну, а теперъ читай; послушаю, что то пишетъ повѣса.

Бригита распечатала письмо и начала читать однозвучнымъ голосомъ, запинаясь тоже на каждомъ словѣ.

«Дражайшій, глубокоуважаемый дядюшка!»

— Ну да, конечно, презрительно усмѣхнулся генераль.

«Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ мою и моей бѣдной жены радость по случаю вашего, да будетъ мнѣ позволено сказать, неожиданнаго приглашенія, которымъ вы сооблаговолители почтить насъ въ столь милостивыхъ выраженіяхъ. Человѣку, мало избалованному жизнью, дорого каждое выраженіе участія; когда же оно является со стороны столь многоуважаемаго родственника»...

— Чувствительно благодаренъ, проговорилъ генераль, пуская густой клубъ дыму.

«Оно получаетъ двойную цѣнность. Въ особенности же лестно для меня то, что вы изволили вызвать меня именно

къ завтрашнему дню, который искони собиралъ всѣхъ членовъ нашего семейства подъ вашу гостепрнмную кровлю»

— Хи, хи, хи, засмѣлся генераль.

«И который въ былыя времена и я постоянно проводилъ, въ столь любезномъ моему сердцу, Рейнфельденѣ, пока обстоятельства, къ величайшему моему прискорбю, не разлучили меня съ моими родственниками!»

— Проклятые лицемѣры, пробормоталъ генераль.

«Но пришло время кончиться этому отчужденю. Когда почтенный глава семейства на моей сторонѣ, другіе члены семейства не посмѣютъ отказаться принять меня въ свою среду. Еще разъ, дражайшій дядюшка, примите отъ меня, я хочу сказать отъ насъ, глубочайшее спасибо. Отъ всего сердца желаю, чтобы завтрашній день засталъ васъ въ телѣсномъ и душевномъ здравіи, чтобы...»

— И прочая, и прочая, перебилъ генераль. Довольно Бригита; остальную чепуху можешь и не читать.

— Тутъ есть еще какая-то приписка, замѣтила Бригита. «Съ вашего позволенія мы прїѣдемъ завтра послѣ обѣда, такъ какъ моя бѣдная жена не сноситъ рѣзкаго, утренняго воздуха, да и сынъ нашъ, Вольфгангъ, которому я сегодня же послѣшилъ сообщить радостное извѣстіе, прибудетъ не ранѣе, какъ завтра утромъ изъ университета, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться засвидѣтельствовать свое почтеніе благодѣтелю, дѣдушкѣ, въ первый но, надѣмся, не въ послѣдній разъ».

— Вотъ какъ! воскликнулъ генераль. Мальчишку-то я и не думалъ звать; ну, да ладно! это мнѣ на руку.

И генераль снова залился хохотомъ. Экономка, между тѣмъ, сидѣла молча и вязала. Все плотнѣе и плотнѣе сжимались ея тонкія губы и все дѣятельнѣе ходили въ рукахъ ея вязальныя спицы съ какимъ-то зловѣщимъ позвѣкиваньемъ.

— А не дѣло вы затѣваете, выписывая къ себѣ этого штатрата съ семьей, заговорила она вдругъ.

— Почему же, Бригитушка, не дѣло? Вѣдь тѣхъ это не прѣмѣнно взбѣситъ, а мнѣ только это и нужно.

— На что вамъ еще эта орава? Мало къ вамъ, что-ли, и безъ нихъ лѣзетъ всякихъ попрошаекъ? А отъ этихъ вы такъ дешево не отдѣляетесь. Долги-то у нихъ у всѣхъ есть, толь-

ко про тѣхъ никто этого не знаетъ кромѣ кредиторовъ, а про Артура цѣлому свѣту извѣстно, что онъ въ долгу какъ въ шелку. Ужъ если вы имъ позволите сюда ѣздить, то вы должны будете что нибудь для нихъ сдѣлать. Только я вамъ напередъ говорю: не хочу я, чтобы они сюда таскались; съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, нога ихъ еще не переступала черезъ порогъ замка; только сунься они сюда, ужъ я имъ славный приемъ приготовлю; небось, въ другой разъ не пріѣдутъ.

— Ну вѣтъ, этого ты не сдѣлаешь, проговорилъ генераль отрывисто и рѣзко.

Бригита подняла глаза и взгляды ихъ встрѣтились. Мудрено было бы рѣшить, чей взглядъ выражалъ болѣе злобы въ эту минуту. Нѣсколько времени смотрѣли они другъ на друга молча, подобно двумъ звѣрямъ, запертымъ въ одну клетку; первая спустила глаза Бригита.

— Дѣлайте, какъ знаете, проговорила она.

— Это само собою разумѣется, отвѣчалъ старикъ. А ты потрудишься приготовить для Артура и его семейства приличную комнату, именно, красную комнату, которая выходитъ въ садъ; и чтобъ у нихъ ни въ чемъ не было недостатка, слышишь-ли? А теперь, дурочка, будешь тебѣ дуться. Подойди-ко сюда, да поцѣлуй своего стараго генерала. Ну, живо же!

— Ужъ не позвать ли мнѣ лучше для этого Марью кухарку? отвѣчала Бригита обиженнымъ тономъ.

— Ишь ты, старая! вѣдьма опять ревновать вздумала! Говорятъ тебѣ, подойди сюда, не то...

Экономка поднялась съ своего мѣста и подошла къ старикъ, который обхватилъ своими длинными костлявыми руками ея, далеко уже, не стройную талію, привлекъ ее къ себѣ на колѣни и прижался щетинистою бородою къ ея тонкимъ губамъ.

Въ эту минуту въ отворенную балконную дверь вошелъ странный посѣтитель. То былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, хотя по гладко-выбритому и дѣтски наивному лицу, казался гораздо моложе. На плотно выстриженной головѣ его, съ далско расхлывшимися ушами, была надвинута по самыя уши старая, суконная фуражка съ огромнымъ, расколотымъ кожанымъ козырькомъ. Тошная, верхняя часть его туловища была прикрыта лоснившимся фраккомъ, сомнительно чернаго цвѣта съ остро-

конечными фалдами; и одна изъ этихъ фалдъ какъ-то очутилась въ карманѣ полинялыхъ, нанковыхъ штановъ, будучи, вѣроятно, засунута туда по ошибкѣ своимъ владѣльцемъ, принявшимъ ее за носовой платокъ. На ногахъ у него были неудобныя сапоги, которые, если только величина ногъ этого субъекта соотвѣтствовала его маленькимъ и тонкимъ рукамъ, были для него слишкомъ велики, что и объясняло его медленную походку и шарканье на ходу. Въ рукахъ у него былъ большой горшокъ, который онъ крѣпко держалъ обѣими руками, а, вмѣсто крышки, на горшкѣ лежала открытая книга. Незнакомецъ, какъ видно, до того погрузился въ чтеніе этой книги, что и не замѣтилъ, какъ вмѣсто кухни, куда онъ шелъ себѣ за обѣдомъ, вошелъ въ балконную дверь и очутился въ залѣ, куда онъ сознательно ни за какія деньги не желалъ бы войти.

Онъ успѣлъ такимъ образомъ пройти нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ влюбленная чета замѣтила его присутствіе. Испуганная Бригита поспѣшила вырваться изъ объятій своего возлюбленнаго, и тутъ только школьный учитель поднялъ свои большіе, темно-голубые глаза, въ которыхъ какъ будто еще отражался кроткій свѣтъ Жагъ-Полевской идилліи, только что прочитанной имъ. Зрѣлище, открывшееся передъ его глазами, такъ мало имѣло общаго съ тѣмъ міромъ фантазій, въ которомъ виталъ его духъ, что онъ простоялъ нѣсколько минутъ въ недоумѣніи, дѣйствительность ли это или непріятная игра воображенія? Только грубый голосъ генерала заставилъ его придти въ себя.

— Эй, ты, голова съ мозгомъ! Никакъ ты и совсѣмъ ужъ съ ума спятилъ? окликнулъ его генераль. Школьный учитель вздрогнулъ; но еще сильнѣе вздрогнулъ онъ, когда горшокъ про который онъ совсѣмъ было забылъ, хватаясь за фуражку, упалъ на паркетный полъ и разбился въ дребезги. Торопливо нагнулся онъ, чтобы освидѣтельствовать новое несчастье своими близорукими глазами и, желая скрыть свое смущеніе, принялся подбирать съ полу черепки и листки своей любимой книги.

— Ха, ха, ха! загоготалъ генераль.—Ванюшка-дурачекъ совсѣмъ съ ума спятилъ; не умѣетъ отличить колокольню отъ зубочистки. Помогите же вашему милому супругу, госпожа

Бригита! Покажите себя госпожа Бригита, доброю женою! Ха, ха, ха!

Увеселительное зрѣлище чужой бѣды до того живительно подѣйствовало на генерала, что онъ самъ, безъ посторонней помощи, поднялся съ своего кресла, и, потѣшившись нѣсколько минутъ надъ смущеніемъ школьнаго учителя и злобою Бригиты, удалился, шаркая войлоковыми сапогами, во внутренніе покои.

Удаленіе его заставило школьнаго учителя еще болѣе потопиться своимъ уходомъ. Изъ всѣхъ критическихъ положеній, ни одно такъ не пугало его какъ tête-à-tête съ той женщиной, которая въ эту минуту стояла передъ нимъ, упершись руками въ бока, и злобно сверкая на него глазами. Но, противъ его ожиданія, дѣло обошлось на этотъ разъ безъ обычнаго потока ругательствъ. Презрѣніе, которое внушилъ экономкѣ несчастный человекъ, когда-то давшій ей свое честное имя, пересилило на этотъ разъ самый гнѣвъ ея.

— Ты кстати попался мнѣ нынче на глаза, проговорила она. Завтра къ намъ будутъ гости, и я не хочу, чтобы ты совался сюда съ своей дурацкой рожей; а то, пожалуй, какъ прошлый разъ, я буду поставлена въ самое неловкое положеніе. Сиди себѣ дома, я буду присылать тебѣ обѣдъ въ деревню. А теперь, убирайся-ко съ богомъ. Что ты уставилъ на меня свои дурацкіе буркулы?

Бальтазаръ хотѣлъ было спросить за что же сегодня ему оставаться безъ обѣда? но побоялся; дѣло въ томъ, что съ утра онъ былъ весь погруженъ въ свою книгу, ему было не до пищи и не до питья; только подъ вечеръ, побуждаемый смутнымъ сознаніемъ, что ему хочется ѣсть, рѣшился онъ оставить свою келью. Недавнее ощущеніе страха только усилило его аппетитъ, но у него не достало духу высказать свое желаніе. Подобравъ послѣдніе черепки и сунувъ книгу себѣ подъ мышку, онъ вышелъ, бормоча какія-то безсвязныя слова, въ ту же самую дрѣрь, въ которую вошелъ.

Бригита слѣдила за нимъ въ открытое окно. Она очень хорошо знала, что бѣднякъ въ эту ночь ляжетъ спать съ пустымъ желудкомъ, но ей почему-то не пришло въ голову крикнуть ему, чтобы онъ воротился и спросилъ себѣ на кухнѣ чего вибудъ поѣсть.

— Эхъ, кабы вы съ старикомъ поколѣли, проговорила она. Я бы готова была имъ мышьяку подсыпать, кабы изъ этого толкъ какой вышелъ. Старикъ день ото дня становится злѣе и скупѣе. Съ нимъ станется, что онъ все свое имѣніе откажетъ пасторамъ. Ну, да попробуй онъ только удрать такую штуку. Напрасно онъ думаетъ, что если Ансельмъ въ могилѣ, такъ и всѣ концы схоронены въ воду. И что это ему вздумалось зазывать къ себѣ этихъ лизоблюдовъ, которыхъ двадцать лѣтъ не пускалъ къ себѣ на глаза? Вонъ письмо еще тутъ валяется.

И Бригита, присѣвъ на низенькую скамейку генерала, принялась снова съ зловѣщимъ вниманіемъ перечитывать письмо, вдумываясь въ каждое выраженіе и соображая возможныя послѣдствія этого свиданія между генераломъ и его третьимъ племянникомъ. При этомъ ея раздумье походило на раздумье паука, который угрюмо и гнѣвно, но въ тоже время осмотрительно и тщательно задѣлываетъ дыру, которую проходящій шалунъ-мальчишка прорвалъ въ его паутинѣ.

II

Слѣдующій день было воскресенье. Погода стояла теплая и сухая, какъ она простояла почти всю весну тысяча восемьсотъ сорокъ восьмага года. Съ голубаго, безоблачнаго неба, привѣтливо глядѣло солнце на широкую, плодородную равнину, на которой великолѣпная рѣка извивалась величавыми изгибами. Надъ засѣянными полями взвивались жаворонки; въ чащѣ запущеннаго рейнфельденскаго парка перекликались соловьи.

На одной изъ дорожекъ этого парка, прогуливалась президентша Клотильда фонъ-Гогенштейнъ съ своими двумя дочерьми, Аврелією и Камиллою. Уже прошелъ цѣлый часъ, какъ эти дамы пріѣхали изъ города: президентъ поторопился отъ правкой жены и дочерей, чтобы онѣ первыя явились къ старому генералу съ поздравленіями и букетами.

Но увы! прелестные букеты до сихъ поръ еще не могли быть вручены по принадлежности; они все еще лежали на

каменныхъ плитахъ садоваго стола и нѣжные лепестки ихъ принимали такой же печальный видъ, какъ и лица ихъ обладательницъ. Да и было съ чего запечалиться. Разъ пятьдесятъ успѣли наши дамы пройтись взадъ и впередъ по дорожкѣ, не спуская глазъ съ оконъ генеральской спальни. Въ началѣ ихъ прогулки, вся эта часть замка была еще въ тѣни; но съ тѣхъ поръ солнце уже успѣло переимѣнить мѣсто и весь фасадъ былъ облитъ его золотистымъ свѣтомъ. А голубыя сторы спальни все еще не подымались! Въ прежніе годы дамы являлись въ этотъ день съ обычными поздравлениями около полудня, но генераль каждый разъ встрѣчалъ ихъ съ ворчаніемъ на то, что долговѣко онѣ изволятъ нѣжиться въ постелѣ и даже для старика не могутъ пораньше разстаться съ своими перинами. Ну вотъ, онѣ на этотъ разъ и думали ему угодить; а между тѣмъ ихъ заставляли дожидаться. Никто не вышелъ къ нимъ на встрѣчу, когда онѣ пріѣхали въ замокъ... даже *madame* не показывалась. Съ добрую четверть часа прождали онѣ у подъѣзда, прежде чѣмъ къ нимъ вышелъ старшій, грубый слуга, знакомый читателю Кплианъ, и объявилъ, что ихъ превосходительство изволятъ почивать, и *madame* тоже еще не вставали, и онъ не знаетъ прикажетъ-ли барыня отпрягать лошадей?—Никогда, правда и въ прежнія времена не видала президентша особеннаго гостеприимства въ Рейнфельденѣ, но такого приѣма она еще ни разу не встрѣчала.

Президентша фонъ-Гогенштейнъ была видная дама, лѣтъ сорока съ небольшимъ. Сослуживцы ея мужа, тайные и разные другіе совѣтники, знававшіе ее въ столицѣ еще подъ именемъ Фрейлейнъ фонъ-Сликъ, вспоминали съ восторгомъ о красотѣ Клотильды, о ея граціи въ танцахъ, и о томъ, какъ она умѣла плѣнять своихъ танцоровъ веселою, игривою рѣчью.

Но съ тѣхъ поръ уже прошло двадцать лѣтъ. Клотильда за это время успѣла потолстѣть и сдѣлаться сентиментальной, черты ея лица, никогда не отличавшіяся правильностью, въ слѣдствіе празднаго, изнѣженнаго образа жизни, разползлись въ ширь, и только черные волосы, сохранявшіе свой прежній лоскъ и густоту, да темные глаза, все еще дышавшіе прежнею нѣгой, напоминали ея поклонникамъ Клотильду прежнихъ дней, царицу стolicныхъ баловъ.

Тѣ же авторитеты утверждали, что старшая изъ двухъ дочерей Клотильды болѣе походить на мать. И точно, если чувственность была отличительною чертою въ наружности матери, то таже черта очень рѣзко выступала во всей особѣ девятнадцатилѣтней Авреліи. Чувственностью дышали ея большіе, но блестящіе, каріе глаза, ея нѣсколько полныя, румяныя губы, круглыя формы ея шеи, затылка и груди.

Но, какъ бы то ни было, Аврелію много, много, что можно было назвать хорошенькою. За то ея меньшая сестра, семнадцатилѣтняя Камилла, была въ полномъ смыслѣ слова красавица. Она была на цѣлую полголовы выше сестры и на столько же ниже своей, слишкомъ высокою, матери. Стройный, дѣвственный станъ ея представлялъ ту степень развитія, которая къ полному расцвѣтанію женской красоты относится, какъ цвѣтокъ къ плоду. Знатокъ еще болѣе восхищались въ ея прелестной головкѣ контрастомъ между свѣтымъ цвѣтомъ ея мягкихъ волосъ и чернотою тонкихъ бровей и длинныхъ шелковыхъ рѣсницъ, полускрывавшихъ влажный, темный глазъ.

— Однако, я устала, дѣти, проговорила президентша, опускаясь на скамейку возлѣ полуразрушеннаго стола, и печально поглядывая на завядавшіе цвѣты. Вы тоже, я думаю?

— Нѣтъ, пока еще ничего, отвѣчала Авреліа, поправляя мантилью, спавіую съ плечь.—Только скука, такая адская...

Но вдругъ она захохотала и воскликнула:—Камилла, что у тебя за уморительная фizioномія. Если бы тебя увидѣлъ въ эту минуту Фовъ-Виламовскій то-то бы онъ принялся оплакивать *une illusion perdue!*

Камилла сидѣла на другомъ концѣ скамейки. Выраженіе ея прекраснаго лица, дѣйствительно очень плохо гармонировало съ кроткимъ характеромъ ея красоты.

— Оставь меня въ покоѣ; проворчала молодая дѣвушка.

— Но кто жъ тебя трогаетъ? возразила сестра. Развѣ я виновата, что ваша милость сегодня не выпалились? Говорила тебѣ вчера, чтобы ты по меньше дѣлала экстратуровъ.

— Чтобъ тебѣ самой по меньше приходилось сидѣть на мѣстѣ? насмѣшливо замѣтила Камилла.

— Сдѣлайте одолженіе, душа моя, у меня еще, слава богу,

никогда не было недостатка въ кавалерахъ, хотя, конечно, моя красота не сводила съ ума ни одного живописца да и вообще, я не была виновницею никакихъ несчастій.

— Охота вамъ, дѣти, вѣчно браниться, проговорила президентша, снимая перчатки съ своихъ бѣлыхъ, пухлыхъ рукъ. Право, наше положеніе и безъ того не завидное.

— Положеніе то еще куда нишло, маменька, отвѣчала Аврелія, еслибы намъ только достать что нибудь поѣсть. А я начинаю чувствовать адскій гололъ.

— Вотъ ужъ во второй разъ, въ какихъ нибудь пять минутъ, ты употребляешь слово «адскій», замѣтила Камилла.

— И! милая, ты и не такія слова употребляешь, возразила ей сестра.

— Ну что это, дѣти! воскликнула мать и бросила на столъ свернутыя перчатки.

Въ разговорѣ произошла пауза, пользуясь которою Аврелія принялась бросать въ прудъ плоскіе камушки. Черезъ нѣсколько минутъ, она живо обернулась къ матери и спросила:

— Скажи, пожалуйста, маменка съ какой стати мы такъ страшно ухаживаемъ за дѣдушкой?

— Что ты называешь ухаживаньемъ? спросила президентша.

— А что же какъ неухаживанье вся эта предупредительность, которую мы не перестаемъ выказывать дѣдушкѣ на всевозможныя лады, между тѣмъ какъ онъ обходится съ нами невыносимо грубо? Мы только и знаемъ что даримъ ему разныя вещицы своего рукодѣлья, которыя онъ никогда не употребляетъ, да пишемъ письма, на которыя онъ не удостоиваетъ отвѣчать; наконецъ мы являемся къ нему съ поздравленіями, а онъ, не хуже теперешняго третируетъ насъ en saпaіle.

— Если не ошибаюсь, объ этомъ вопросѣ было уже не разъ говорено, замѣтила Камилла, гнѣвно разсматривая кончикъ своей узенькой ботинки.

— Такъ выдумай другой предметъ разговора, коли этотъ тебѣ не правится, воскликнула Аврелія.

— Камилла права; вмѣшалась мать. Между нами уже не разъ заходила рѣчь объ этомъ предметѣ. Не говоря уже о томъ, что дѣдушка, въ качествѣ главы семейства, имѣетъ

право на всевозможныя вниманія съ нашей стороны, самая житейская мудрость обязываетъ насъ заискивать въ человѣкѣ, отъ котораго мы, такъ сказать, находимся въ зависимости.

— Но, маменька, вѣдь ты сама имѣешь большое состояніе.

— Ну да, конечно, я имѣю состояніе, или вѣрнѣе имѣла, только видишь-ли, дитя мое, у насъ и расходы большіе. Жизнь теперь страшно вздорожала. Грошоваго жалованья твоего отца и процентовъ съ моего капитала намъ не стаетъ на прожитыя и мы принуждены брать изъ капитала; послѣ этого, посуди сама, на долго-ли его хватить. А тутъ еще могутъ случиться разныя непредвидѣнные обстоятельства: понадобится выдавать васъ за мужъ, откуда-жъ я тогда возьму вамъ на приданое? Меня страхъ беретъ, какъ я только подумаю объ этомъ.

И президентша обхватила одной рукой талию Камиллы и прижала ее къ себѣ, какъ бы желая защитить любимое дѣтище отъ грозной судьбы.

— Но, настаивала Аврелія, вѣдь мы и безъ того должны получить отъ дѣдушки наслѣдство; изъ за чего жъ мы такъ страшно хлопочемъ?

— Какія у тебя ребяческія сужденія! отвѣчала Камилла, сохраняя полулежащее положеніе на груди матери. — Точно ты не знаешь, что дядя Гисбертъ имѣетъ съ папа равныя права на наслѣдство.

— Такъ чтожъ, что имѣетъ? Нѣсколько тысячъ таллеровъ больше или меньше: не все ли равно?

Президентша вздохнула. Ей вспомнились кое какіе, давно накопившіеся счеты, существованія которыхъ и не подозрѣвалъ ее мужъ. Нѣтъ не все равно было для любящей матери, принимавшей къ сердцу туалеты своихъ дочерей, очутятся-ли у нея въ рукахъ эти нѣсколько тысячъ таллеровъ или нѣтъ. Камилла взяла на себя отвѣчать на неразумныя рѣчи сестры.

— Ты въ конецъ расстроишь маменьку своею вздорною болтовней, замѣтила она. Ужъ не собираешься ли ты, какъ тетюшка Антонія намѣдни, объявить въ большомъ обществѣ, что ты ни въ грошъ не ставишь дѣдушку?

— Я бы желала быть такъ же независимой, какъ тетюшка Антонія, чтобы не бояться это высказать.

— Но въ томъ-то и бѣда, что тебѣ далеко до тетушки Антоніи, которая независима вдвойнѣ, какъ вдова и какъ богатая женщина, а потому ты и не смѣешь говорить такихъ вещей, замѣтила президентша довольно рѣзко. — Милое дитя мое, продолжала она, смягчая тонъ, неужели ты думаешь, что мы съ отцемъ стали бы такъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, еслибы вся наша участь не зависѣла отъ расположенія дѣдушки? Не нынче-завтра онъ можетъ умереть, а отецъ твой убѣжденъ, что онъ и до сихъ поръ не подумалъ составить завѣщаніе. Если же онъ, сохрани Боже, умретъ безъ завѣщанія, то все наслѣдство раздѣлится по равну между твоимъ отцемъ и его двумя братьями.

— То-то я думаю будетъ на руку бѣдному дядѣ Артуру! смѣясь замѣтила Аврелія.

— Да намъ-то оно вовсе не будетъ на руку, отвѣчала президентша. Дядя Артуръ черезъ свою женитьбу на этой... какъ бишь ее?.. а такъ же и черезъ свои демократическія тенденціи, на вѣки попалъ въ немилость къ дядѣ. И такъ, если дѣдушка составитъ завѣщаніе, то можно биться объ закладъ сто противъ одного, что онъ отрѣшитъ статскаго совѣтника отъ наслѣдства. Теперь возьмите: дядя Эрнестъ, благодареніе богу, умеръ бездѣтнымъ; тетка Антонія, не говоря уже о томъ, что она сама по себѣ богата, не имѣетъ по закону никакихъ правъ на наслѣдство; и такъ единственными соперниками остаются вашъ отецъ и дядя Гисбертъ. Но послѣдній состоитъ у генерала на очень дурномъ счету.

— Нельзя сказать, чтобы и папа состоялъ на очень хорошемъ, замѣтила Аврелія.

— Къ сожалѣнью это правда, простонала президентша; но тѣмъ болѣе есть много причинъ намъ, или вѣрнѣе вамъ стараться снискать расположеніе дѣдушки. При его възможности и страсти дѣлать на зло другимъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что онъ въ одно прекрасное утро возьметъ, да и откажетъ вамъ двумъ все свое состояніе.

— Да это было бы отлично! воскликнула Аврелія, хлопая въ ладоши; то-то бы мы зажили. Начали бы мы съ того, что привели бы въ порядокъ старый паркъ, который, право,

походить на первобытный дѣсь; потомъ выкрасили бы за ново вонь тотъ старый сарай, что называютъ замкомъ.

— А тогда пошли бы у насъ каждый день пиры да балы; по вечерамъ зажигали бы вокругъ пруда цвѣтные фонари, катались бы по немъ въ гондолѣ, устроили бы un bal champêtre. Grand dieux! то-то бы злилась тетушка Зельма съ своими двумя балбесами Куно и Отто! Я еще тебѣ не говорила, Камилла, какую остроумную любезность отпустилъ мнѣ вчера Куно за котильономъ!

— Нѣтъ. А что такое? спросила Камилла и въ томныхъ глазахъ ея засвѣтилось любопытство.

— «По чести кузина,—и молодая дѣвушка при этомъ стукнула каблуками своихъ маленькихъ ботинокъ, а рукой принялась закручивать воображаемый усъ:—по чести кузина, я нахожусь въ ужаснѣйшемъ затрудненіи. Когда я танцую съ Камиллою, то мнѣ кажется, что я на ней долженъ жениться; когда же я танцую съ тобою, мнѣ начинаетъ казаться, что я ни за какія блага не сдѣлаю ей предложенія.»

— Пошлый дуракъ! презрительно проговорила Камилла.

— Милыя дѣти, замѣтила президентша, вы старайтесь достигнуть такого положенія, чтобы, какъ тетушка Антонія, могли сами себѣ выбирать жениховъ между своими обожателями. А это въ вашихъ рукахъ; старайтесь только изъ всѣхъ силъ задобрить дѣдушку. Въ этотъ пріѣздъ надо же добиться какого нибудь рѣшительнаго результата... Однако, что же это они насъ заставляютъ такъ долго дожидаться; даже madame не изволитъ показываться. Пойдемте въ замокъ, не останемъ-ли мы тамъ чего нибудь поѣсть; я умираю съ голоду.

Не успѣли дамы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ голубыя сторы, съ которыхъ онѣ все еще не спускали глазъ, медленно взвились вверхъ. Высокая фигура въ бѣломъ колпакѣ и въ фланелевой, ночной фуфайкѣ показалась у окна.

— Дядюшка!—Дѣдушка! въ одинъ голосъ воскликнули мать и дочери.

Бѣлая фигура отворила одну половинку окна и высунулась изъ него.

— Добраго утра, дядюшка!—Добраго утра дѣдушка! прокричали дамы.

Разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ замка было не болѣе какихъ нибудь ста шаговъ. Казалось мудрено было бы генералу не разглядѣть ихъ на этомъ разстояніи. А между тѣмъ онъ ихъ какъ будто не примѣтилъ. Онъ искалъ глазами на право и на лѣво и заглядывалъ въ кустарники, росшіе подъ окномъ.

— Здѣсь, здѣсь кричали наши дамы, махая платками.

Генералъ еще больше высунулъ свое долговязое туловище, заслонилъ свои косматыя брови морщинистою рукою и взглянулъ на голубое небо. Но, когда и тамъ не оказалось никого, кто могъ бы обращаться къ нему съ этими восклицаніями, онъ счелъ, повидимому, дальнѣйшіе поиски бесполезными и захопнулъ окно.

— Здѣсь, здѣсь — продолжали кричать наши дамы, но въ голосахъ ихъ слышалась очень жалобная нота. Минуту спустя, голубыя сторы снова опустились.

— Онъ насъ не видалъ, проговорила президентша чуть не плача.

— Или, вѣрнѣе, не хотѣлъ видѣть, замѣтила Аврелія. Ну да не принимай это такъ къ сердцу, мамочка; мы съ своей стороны все сдѣлаемъ чтобы попасть въ милость къ дѣдушкѣ.

Перспектива сдѣлаться здѣсь хозяйками и задать балъ на славу, слишкомъ уже соблазнительна. И никогда не унывающая, Аврелія схватила мать за талію и шутя, увлекла ее съ собою по дорожкѣ, которая вела къ замку. Камилла медленно слѣдовала за ними. Слегка наморщивъ свои тонкія брови, она думала о томъ, какъ бы такъ устроить, чтобы дѣдушка назначилъ ее, Камиллу фонъ-Гогенштейнъ, своей единственной наслѣдницей?

III.

Когда дамы, полуразвалившимися воротами, вошли во дворъ замка, онѣ увидали тамъ, вмѣсто своего экипажа, который безъ нихъ уже убрали въ сарай, открытую, только что отпряженную коляску и пару верховыхъ лошадей. Нельзя сказать, чтобы это зрѣлище поправило ихъ, и безъ того уже не веселое, расположеніе духа. Пока онѣ праздно гуляли по са-

ду, семейство полковника успѣло пріѣхать и предупредило ихъ, велѣвъ, конечно, о себѣ доложить и, быть можетъ, уже добылось аудіенціи.

— Но я скажу дѣдушкѣ, что мы пріѣхали цѣлыми двумя часами ранѣе, проговорила президентша, выведенная столькими неудачами изъ своей апатіи, и быстро направляясь къ замку.

Но на порогѣ широко распахнутыхъ дверей онѣ имѣли возможность убѣдиться, что встревожились понапрасну. Въ великолѣпныхъ сѣняхъ стояла полковница фонъ-Гогенштейнъ съ своими двумя сыновьями, лейтенантомъ Куно и юнкеромъ Отто. Всѣ трое, повидимому, были въ самомъ плачевномъ настроеніи духа, которое, при неожиданномъ появленіи дамъ, перешло въ замѣшательство и испугъ.

— А! такъ и ты здѣсь, милая Клотильда, проговорила полковница, послѣшно оправившись отъ смущенія и подошла къ президентшѣ съ распростертыми объятіями.

— Какъ видишь, милая Зельма, отвѣчала президентша, холодно отвѣчая на ея подѣлуй.

— Отлично! Когда же вы успѣли пріѣхать? А вы, mesdemoiselles, свѣжи, какъ розы! отъ вчерашняго бала нѣтъ и слѣда усталости. Вотъ бы вамъ взять, молодые люди, примѣръ съ вашихъ кузнецъ!

И точно молодымъ людямъ, повидимому, не мѣшало бы обзапастись для себя лучшимъ образцомъ для подражанья; тотъ примѣръ, которому они слѣдовали до сихъ поръ, по всѣмъ примѣтамъ, былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Видимо, не одинъ вчерашній вечеръ наградила ихъ блѣдно-желтымъ цвѣтомъ лица и отнялъ всякій блескъ у ихъ свѣтло-голубыхъ глазъ. Въ особенности сильно изжившимся смотрѣлъ юнкеръ. Его лице, на которомъ едва показывался первый пушокъ, было отмѣчено тѣмъ старчествомъ, которое встрѣчается иногда у очень маленькихъ дѣтей и у нѣкоторыхъ породъ обезьянъ. Лейтенантъ сохранился нѣсколько лучше; но этимъ онъ былъ обязанъ своему болѣе крѣпкому сложенію, а вовсе не большей солидности своего поведенія. Оба юноши были долговязы, бѣлокуры и смазливвы, и во всѣхъ этихъ свойствахъ походили на свою мать.

Обращеніе обѣихъ матерей между собою, не смотря на всю вѣдливую ласковость, было очень натянуто. Онѣ походили на двухъ игроковъ, которые съ первыхъ же картъ разсмогряли свои обоюдныя плутни, но, во избѣжаніе скандала, дотягиваютъ игру до конца. Полковница, какъ видно, менѣе своей соперницы тяготилась этою ролью. Она выразила сожалѣніе, что вчера вечеромъ имъ не пришло въ голову отправиться вмѣстѣ. — Мужъ, продолжала она, пріѣдетъ въ два часа съ пароходомъ. И твой мужъ тоже, конечно? Ну вотъ и отлично! Они вмѣстѣ пріѣдутъ. Только и они, должно быть, явятся еще слишкомъ рано. Добрѣйшій дядюшка, какъ видно, все еще почиваетъ. Вотъ уже четверть часа, какъ мы послали доложить о себѣ этого... Какъ бишь его?—Киліана, а его все еще нѣтъ, какъ нѣтъ. И madame что-то не показывается.

— И вы тоже не видали милѣйшую старушку?

— Ай, ай, ай, да вамъ тошнѣе нашего приходилось!

— И очень нужно было такъ рано выѣзжать изъ дому! Несчастные цвѣты! Какъ они завяли!

— А должно быть они вамъ съумасшедшихъ денегъ стоили. Кто же покупаетъ такіе, дорогіе букеты? Посмотрите на мои: они стоятъ вдвое дешевле, и держатся гораздо долѣе.

— Не всѣмъ же быть такими расчетливыми хозяйками, какъ ты, тетя Зельма, послѣдила Аврелія на выручку своей матери.

— Но не у всѣхъ и столько денегъ, чтобы бросать ихъ въ печку, отвѣчала полковница, намекая на всѣмъ извѣстную расточительность президентши.

Колкости эти, безъ сомнѣнія, перешли бы въ открытую брань, если бы въ эту самую минуту на верху лѣстницы не показалась Бригита, въ огромномъ чепцѣ на головѣ и съ толстою связкою ключей у пояса. Перегнувшись черезъ перила и вдоволь натѣшившись про себя жалкимъ положеніемъ высокихъ посѣтителей, она стала медленно спускаться по широкой каменной лѣстницѣ, такъ что общество, стоявшее внизу, имѣло полное время приготовиться, къ ожидавшей его позорной роли.

Первая рѣшилась проглотить неизбежную пилюлю полковница. Не успѣла экономка ступить на послѣднюю ступень,

Какъ она подбѣжала къ ней, схватила ее за обѣ руки и воскликнула: — Какъ поживаете, милая, безцѣнная madame? Какъ же вы авантажны сего дня! Да вы просто съ каждымъ годомъ молодѣете!

— Ну этого про иныхъ-прочихъ нельзя сказать, сухо отвѣтила Бригита.

Но полковнику не такъ-то легко было запугать. — Какъ здоровье нашего дорогаго генерала? Мнѣ сказали, что онъ еще не вставалъ. Пускай его почиваетъ, нашъ голубчикъ. Чѣмъ его лишать сна, ужъ мы лучше еще часокъ подождемъ.

— Ихъ превосходительство очень дурно провели ночь, и раньше четырехъ часовъ пополудни не встанутъ, объявила Бригита. Не угодно-ли молодымъ господамъ погулять въ саду? а дамъ я провожу въ ихъ комнаты. — Черезъ часъ будетъ подавъ завтракъ въ маленькую залу.

При этихъ словахъ президентша и Аврелія печально переглянулись между собою, но ни одна изъ дамъ не посмѣла сказать слова противъ распорядженій всемогущей экономки. Молча послѣдовали онѣ за нею въ приготовленныя для нихъ комнаты, самыя неудобныя, какія только можно было прискать въ замкѣ.

Молодые люди между тѣмъ отправились въ паркъ и безцѣльно слонялись между запущенными клумбами.

Разговоръ ихъ, какъ обыкновенно бываетъ между братьями, тянулся довольно вло.

— Я усталъ какъ собака, замѣтилъ Куно, бросаясь на полусгнившую, деревянную скамью.

— А я, ты думаешь нѣтъ? сказалъ Отто, слѣдя примѣру старшаго брата.

Нѣсколько минутъ длилось тупое молчаніе, которое внезапно прервалъ Куно вопросомъ.

— Говорилъ ты съ матерью?

— Когда же мнѣ было говорить? съ недовольнымъ видомъ отвѣчалъ Отто, и при этомъ лице его вдругъ постарѣло нѣсколькими годами.

— А мѣшкать нечего.

— Это я безъ тебя знаю, проворчалъ Отто.

— По мнѣ, пожалуй, дѣлай какъ знаешь, проговорилъ старшій братъ и вѣднулъ.

— Тебѣ корешо говорить, сердито отвѣчалъ младшій. А кто меня прошлою ночью подбивалъ играть?

— Вольно-жъ тебѣ было понтирывать, очертя голову.

— Гмъ! Будто ты не знаешь, на что мнѣ нужны были деньги?

— Проклятому Мелленгофу опять везло его обыкновенное счастье, замѣтилъ лейтенантъ съ объективнымъ спокойствіемъ естествоиспытателя.

— Э! Мелленгофа я не боюсь, отвѣчалъ юнкеръ; онъ подождетъ денекъ другой, да наконецъ и дастъ мнѣ возможность отыгратъ. А вотъ Абраамъ, тотъ не ждетъ. Ну просто хоть пулю въ лобъ!

— Сколько ты ему долженъ.

— Пятьдесятъ пистолей, а у меня ни гроша больше нѣтъ въ карманѣ.

— Вотъ почему я и говорю, что ты непременно долженъ сказать матери, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Но вѣдь она изъ себя выйдетъ, а какъ отецъ еще узнаетъ...

Отто вскочилъ съ своего мѣста, прошолся раза два взадъ и впередъ, потомъ снова бросился на скамью.

— Не посовѣтуешь-ли ты мнѣ что нибудь, Куно?

Лейтенантъ пожалъ плечами.—Что мнѣ тебѣ посовѣтовать? проговорилъ онъ.

— Это просто собачье житье, снова заговорилъ Отто, нѣсколько минутъ спустя. Грошовое жалованье да карманныя деньги, и живи себѣ, какъ знаешь. Когда къ отцу не приди, у него вѣчно денегъ нѣтъ. И куда это онъ ихъ дѣваетъ?

— Въ одномъ могу тебѣ поручиться, что онъ ихъ не зарываетъ въ землю, замѣтилъ старшій братъ, съ презрительной усмѣшкой.

— Но тогда, съ какой стати онъ такъ важничаетъ передъ нами? Вѣдь и мы тоже хотимъ пожить.

— Все это такъ, да тебѣ-то отъ этого ни на грошъ не легче, замѣтилъ лейтенантъ. Слушай Отто! что бы тебѣ обратиться вонъ къ *тому*?—и концемъ своей шпаги онъ указалъ на замокъ. Можетъ статься, что у него нынче добрый день выдался.

— Да ты, Куво, никакъ съ ума сошелъ! воскликнулъ Отто, глядя на брата съ изумленіемъ, граничившимъ съ испугомъ.

— Нужда не свой братъ. Чего не сдѣлаешь въ крайности?

Предложеніе брата произвело на Отто такое впечатлѣніе, какъ если бы кто предложилъ ему спастись отъ вѣрной смерти прыжкомъ съ трехъ сотъ футовъ высоты. Подумавъ немного, онъ поначалъ головою.

— Объ этомъ и думать нечего, проговорилъ онъ. Ужь лучше я скажу матери.

— Не написать ли тебѣ тетушкѣ Антоніи?

— Во первыя она въ настоящую минуту куда-то уѣхала, а во вторыя, не думаю, чтобы она раскошенилась на этотъ разъ. За послѣднее время мы уже слишкомъ часто обращались къ ней съ подобнаго рода просьбами. Нѣтъ, скажу, просто, матери; пускай ее придумываетъ, какъ извернуться.

— Да, пожалуй, что такъ будетъ всего лучше, проговорилъ лейтенантъ, складывая карманный ножикъ, которымъ онъ обрѣзалъ себѣ ногти и вставая. А теперь кажется часъ прошелъ, пойдемъ завтракать. Воображаю, какъ насъ накормятъ.

Завтракъ, къ которому въ назначенный часъ собралось все общество подъ предсѣдательствомъ экономки, оставилъ далеко за собою даже самыя печальныя ожиданія лейтенанта. Тѣмъ не менѣе, кушая, всѣ въ одинъ голосъ похваливали и яйца далеко не свѣжія, и ломтики ветчины, походившіе на подшвы, и кислый хлѣбъ, и прогорклое масло; самъ лейтенантъ объявилъ, что не ниваль ничего лучше кисленькаго вина домашняго Рейнфельденскаго издѣлья. Послѣ завтрака президентна предложила всѣмъ прогуляться по деревнѣ на встрѣчу пароходу, съ которымъ должны были пріѣхать полковникъ и президентъ. Всѣ отправились, исключая Камиллы, которая, жалуясь на головную боль, просила позволенія остаться.

Настала для юнкера рѣшительная минута объясненія. Онъ вызвался вести мать подъ руку и нарочно постарался съ нею отстать, между тѣмъ какъ, шедшій впереди, лейтенантъ развлекалъ своею пріятною бесѣдою тетку и кузину. Къ сожалѣнію, настроеніе духа полковницы вовсе не благопріятствовало замысламъ ея сына. По поводу всего, что ей пришлось вынести въ это утро, она разразилась такими рѣчами, которыя

какъ-то странно было слышать изъ устъ урожденной графини фонъ-Дюрень-Лиліенфельде. Бригиту она обругала нахальной колдуньей; президентшу, старой, фальшивой кошкой; молодыхъ дѣвицъ противными куклами.

— Но я нынче же уѣду домой, объявила она въ заключеніе. Какъ тамъ твоему батюшкѣ угодно, а я не намѣрена всю ночь слушать вой собакъ подъ моимъ окномъ. Онъ никогда не былъ особенно внимателенъ къ моимъ желаніямъ, но за послѣднее время это изъ рукъ вонъ стало.

Отчаянье придаетъ мужества: молодой человекъ попросилъ мать не раздражать отца, потому-де что онъ юнкеръ, сидитъ въ настоящую минуту въ страшной петлѣ. Затѣмъ съ жалкой попыткой на улыбку, онъ рассказалъ, какъ для уплаты карточного долга принужденъ былъ занять пятьдесятъ лундировъ у жида Абраама Гирша, и какъ тотъ даетъ ему сроку для уплаты только до завтра, и грозитъ въ случаѣ, если деньги не будутъ завтра же внесены, обратиться съ жалобой къ полковому командиру Отто, полковнику фонъ-Нольте, и какъ, при строгихъ правилахъ полковника можно опасаться, что онъ подыметъ изъ-за этого страшный гвалтъ и исключитъ его, Отто, изъ службы, если всю эту исторію во время не замаять.

Если одна капля можетъ заставить воду въ переполненномъ сосудѣ выступить черезъ край, то цѣлое ведро, вылитое въ сосудъ и подавно. Полковница пришла въ неописанную ярость; если она не отпотчивала сына пощечинами, то только потому что не хотѣла доставить это удовольствіе президентшѣ; она удовольствовалась тѣмъ, что обозвала будущаго офицера глупымъ мальчишкой, негодяемъ, объявила что въ немъ никакого проку не будетъ и что онъ свою бѣдную мать въ гробъ положить.

Юнкеру уже не въ первый разъ приходилось встрѣчать бѣглый огонь материнскаго гнѣва; онъ зналъ, какъ держаться въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ далъ ей погорячиться, пока не увидѣлъ, что ея негодованіе близко къ тому, чтобы разрѣшиться слезами; тогда онъ проговорилъ съ ловкою поддѣланною покорностью:

— Полно, милая маменька; сколько ты меня не брани, де-

негъ ты мнѣ этимъ не достанешь, а я право хлопочу о нихъ больше изъ-за васъ, чѣмъ изъ-за себя. Меня-то, много, много, что засадятъ недѣли на двѣ подъ арестъ, да выключать изъ службы, а вотъ отца мнѣ жалко: при занимаемомъ имъ положеніи, не думаю чтобы вся эта исторія могла быть ему пріятна. Да и тебя тоже мнѣ жалко; тетушка и другія не преминуть колоть тебѣ этимъ глаза при каждомъ удобномъ случаѣ.

Хитрый мальчишка попалъ какъ разъ въ цѣль; полковница упустила изъ виду всѣ остальные соображенія и помышляла только о томъ, какъ дамы ея круга будутъ съ состраданіемъ пожимать на нее плечами; въ особенности же кусала ее тайная, злобная радость президентши; да и наконецъ, какъ бы то ни было, все же Отто былъ ея любимецъ, а у бѣднаго мальчика былъ такой разстроенный видъ.

— Посмотримъ, посмотримъ, надо что нибудь сдѣлать, отвѣчала она, и снова взяла руку сына, которую было оттолкнула въ припадкѣ гнѣва. Я поговорю съ твоимъ отцомъ; только ты, пожалуйста, слишкомъ не сокрушайся, а то еще, пожалуй, занеможешь. Но пуще всего, не показывай и виду теткѣ; мы прибавимъ шагу, не то сейчасъ кинется въ глаза, что мы отстаи.

Но обстоятельство это и такъ не ускользнуло отъ вниманія дамъ и было довольно вѣрно перетолковано догадливой Авреліей.

— А видно въ тяжкомъ грѣхѣ предстоитъ покаяться сегодня бѣдному Отто, замѣтила она. Скажите, пожалуйста, продолжала она, обращаясь къ Куно, куда это вы оба дѣвались вчера послѣ бала? Герръ фонъ-Бринкманъ, который попался намъ сегодня на встрѣчу верхомъ, говорилъ мнѣ, что у Каталани шла вчера игра.

— Ахъ, кузина! неужели ты думаешь, что послѣ бала, да еще такого очаровательнаго, можно гоняться за сильными ощущеніями игры?

— Ну да! возразила Аврелія. Что въ нихъ, въ особенности, такому молодому человѣку какъ ты, за которыми бѣгаютъ самыя хорошенькія женщины? на что ему еще бездушныя карточные дамы?

— Однако, если не ошибаюсь, и твой записной поклонникъ, фонъ-Брянкманъ, не совсѣмъ-то равнодушенъ къ послѣднимъ.

— Кто записалъ его въ мои поклонники? воскликнула Аврелія довольно запальчиво.

— Не проста же онъ сегодня въ шесть часовъ утра былъ уже на конѣ, смѣясь отвѣчалъ лейтенантъ.

— Я нахожу, любезный Куно, что ты слишкомъ далеко заходишь въ своихъ шуткахъ, замѣтила президентша, чтобы пособить дочери, которая не совсѣмъ была равнодушна къ хорошенькому гусарскому офицеру.

— Не я первый началъ дразнить, возразилъ Куно.

— На то ты и мужчина, чтобы уступать дамамъ и не позволять себѣ лишняго.

Куно хотѣлъ еще что-то возразить, но счелъ за лучшее не раздражать мать Камиллы, которую онъ любилъ, на сколько вообще его пресыщенное сердце было способно любить, частью за ея красоту, частью за ея кокетство. Разговоръ замаялся и подошедшіе въ эту минуту полковница и Отто не способствовали его оживленію. По счастью они вскорѣ увидали приближавшійся пароходъ. Минуту спустя оба брата высадились на берегъ.

Между обоими братьями только и было общаго, что непомерно длинный ростъ и худощавость. Филиппъ фонъ-Гогенштейнъ, президентъ, представлялъ собою типъ высшаго государственнаго сановника домартовской школы. Съ тонкими чертами его гладко выбритаго, лица гармонировали, какъ нельзя лучше, плавные, дипломатическіе приемы, тихій голосъ и даже мягкое сукно его фрака, въ петлицѣ котораго виднѣлась орденская лента синяго орла второй степени.

Если въ президентѣ преобладало желаніе нравиться, то чуть ли не обратное желаніе преобладало въ полковникѣ. Было что-то отталкивающее въ его загорѣломъ лицѣ съ коротко, по военному подстриженною бородою, очевидно подкрашеною въ черныи цвѣтъ. Тупо глядѣли его сѣрые глаза и голосъ его, привыкшій командовать на плацу, звучалъ непріятно и хрипло. Глядя на него, вы охотно вѣрили тѣмъ рассказамъ, которые ходили про его грубость съ подчиненными. Даже въ его обращеніи съ дамами проглядывало что-то насмѣшливое и циническое.

Видно не добрый день задался нынче для всего семейства Гогенштейновъ; новоприбывшіе тоже смотрѣли очень пасмурно. Дѣло въ томъ, что на пароходѣ полковника взбѣсила толпа молодыхъ людей изъ простаго народа, которые пѣли революціонныя пѣсни, кричали — да здравствуетъ Шлезвигъ-Гольштейнъ! и даже, — да здравствуетъ будущая нѣмецкая республика. Съ трудомъ уговорилъ его президентъ удалиться въ каюту и не затѣвать исторіи съ молодыми людьми, которые, видимо, хотѣли поддразнить его. Въ каютѣ между полковникомъ и президентомъ произошелъ политическій споръ, въ которомъ воинъ упрекнулъ бюрократа въ трусости и взвелъ на него разныя другія обвиненія, а все это не могло не вызвать тайнаго раздраженія даже въ человѣкѣ закаленномъ въ дипломатической скрытности.

И такъ печально отправилась маленькая процессія домой. Впереди всѣхъ шелъ полковникъ съ женой, за нимъ слѣдовало семейство президента, наконецъ шестіе замыкалось обоими юношами, которые считали совершенно излишнимъ поддерживать между собою разговоръ.

IV.

Между тѣмъ Камилла воспользовалась этимъ часомъ для приведенія въ исполненіе того плана, который такъ внезапно созрѣлъ въ это утро въ ея умненькой головкѣ; а такъ какъ хорошенькихъ дѣтей сама судьба балуетъ, то труды ея далеко не пропали даромъ.

По уходѣ остальнаго общества изъ дому, молодая дѣвушка отправилась на кухню къ грозной экономкѣ, попросить у нея уксусу для своей больной головы. Такая скромная просьба, и, притомъ, произнесенная съ такимъ смиреннымъ видомъ, не могла встрѣтить отказа даже со стороны Бригиты. Когда молодая дѣвушка, поблагодаривъ, хотѣла удалиться, съ ней вдругъ случилось что-то въ родѣ дурноты и она покачнулась; что-то человѣчное сказалось даже въ самой madame и она простерла состраданіе до того, что собственноручно намочила уксусомъ прелестную головку. Едва коснулись ея

жесткіе пальцы густыхъ волосъ, какъ на нее устремилась пара темныхъ глазъ, двѣ мягкія ручки схватили ея костлявыя руки и нѣжный голосъ пролепеталъ;

— Ахъ, какъ это пріятно! какія же вы добрыя?

Похвала эта слишкомъ непривычно звучала въ ухахъ злобной и подозрительной женщины; она искоса взглянула на молодую дѣвушку и сухо отвѣчала.

— Это вы къ чему же ведете?

— Я васъ не понимаю, милая madame, отвѣчала молодая дѣвушка, искусно прикидываясь наивнымъ ребенкомъ.

— Ужь больно вы милостивы что-то стали, барышня, насмѣшливо продолжала Бригита. Или вы думаете, что я хоть на грошь вѣрю всему, что мнѣ напѣваютъ въ уши пріѣзжіе господа? Какъ бы не такъ! Небось, еслибы я вонъ тамъ не была въ силѣ,—и она кивнула головою по направленію внутреннихъ покоевъ, — давно бы меня какъ собаку изъ дома выгнали.

— Но, боже мой! милая, дорогая, несравненная madame, можно ли быть такой подозрительной! съ жаромъ воскликнула Камилла. Положимъ, что не всѣ тѣ лестныя вещи, которыя вамъ приходится выслушивать, говорятся искренно: но я то чѣмъ дала вамъ поводъ къ подобнаго рода подозрѣнію? За себя, по крайнѣй мѣрѣ, я могу васъ увѣрить, что люблю васъ отъ души, право же, отъ души!

— Тсъ! проворчала Бригита, къ чему такъ кричать? Ужь не хотите ли вы... Бригита не успѣла договорить, потому что въ эту самую минуту послышался хриплый голосъ генерала:

— Что тамъ такое, Бригита? Съ кѣмъ это ты разговариваешь, Бригита?

— Такъ я знала, прошипѣла старуха. Убирайтесь-ко вы, сударыня, да живо!

Но, еслибы Камилла и дѣйствительно поторопилась исполнить это приказаніе, все же она не успѣла бы уйти, потому что въ эту самую минуту дверь отворилась и генералъ показался на порогѣ.

Старикъ не видалъ своей внучки въ теченіи цѣлаго года, а въ этотъ годъ красота Камиллы такъ чудно расцвѣла, что

ему показалось, будто онъ видитъ ее въ первый разъ въ жизни. Его черные глаза заискрились удовольствіемъ.

— Вона! маленькая чародѣйка, проговорилъ онъ, чтожь ты такъ стоишь, точно возлѣ тебя громомъ ударило? Небось, старый дѣдъ тебя не съѣстъ, хоть ты и очень лакомый кусочекъ. Подойди-ко сюда и поцѣлуй дѣдушку.

Камилла оглянулась на Бригиту, которая вся дрожала отъ злости, потомъ быстро подбѣжала къ дѣду и осыпала его костлявыя руки поцѣлуями.

— Ты ея не бойся, сказалъ генераль, отъ котораго не ускользнуло первое движеніе Камиллы. Она совсѣмъ не такъ зла, какъ кажется и авось либо позволить своему старому генералу побыть на единѣ съ красоткой, которая еще вдобавокъ приходится ему внучкой. Пойдемъ со мною, моя маленькая фея, а ты, старая, знай занимайся своимъ дѣломъ.

Генераль увелъ съ собою молодую дѣвушку, между тѣмъ какъ Бригита что-то ворчала сквозь зубы. Генераль насмѣшливо осклабился. — Ишь какъ ее разбираетъ, проговорилъ онъ. Того и гляди, что лопнетъ со злости. Ну да небось, хирурга не позову ее починивать. Пойдемъ красотка!

И обхвативъ руками шею молодой дѣвушки, генераль отправился въ кабинетъ, примыкавшій къ его спальнѣ. Тутъ онъ расположился въ мягкомъ креслѣ и Камилла, зная его привычки, присѣпнула подвинуть подъ ноги скамейку и закутать ноги въ шерстяное одѣяло.

— Молодецъ дѣвка! замѣтилъ генераль, лаская дрожющими руками округлый подбородокъ молодой дѣвушки. Ишь какъ у нея дѣло-то спорится подъ руками! Точно она въ жизнь свою больше ничего не дѣлала какъ только закутывала фланелью старыя кости. И какой же ты, я тебѣ скажу, хорошенькій бѣсенокъ!

— Мнѣ пріятно слышать, дѣдушка, что я вамъ нравлюсь, отвѣчала Камилла, лукаво поглядывая на генерала своими смѣющимися, кроткими глазами.

— Вотъ какъ! тебѣ пріятно. А почему, смѣю спросить?

— Потому что, въ такомъ случаѣ, вы быть можетъ позволите мнѣ подольше остаться у васъ, и доставите мнѣ удовольствіе походить за вами.

— Та, та, та, дѣвчонка говоритъ точно по писаному!

«Доставите удовольствіе ухаживать за милымъ дѣдушкой». Твердо же выучилъ урокъ маленькій попугай, надо ему дать кусочекъ сахара. Э-хе-хе! Что за переничивый народъ эти ребята!

— Я, дѣдушка, не попугай. Что я говорю, то я и думаю.

— Въ самомъ дѣлѣ? А ну, какъ я тебя поймаю на словѣ, уживешься ли ты со старикомъ?

— А вотъ, попробуйте дѣдушка. Оставьте меня у себя, а когда я вамъ надоѣмъ, отошлите меня назадъ.

— Дѣвчонка-то оказывается совсѣмъ не глупа, проговорилъ генералъ, не скрывая своего изумленія. Мнѣ сдается, что ты, пожалуй, и со старухой съумѣла бы справиться.

— А почему бы и нѣтъ, дѣдушка, если бы только вы были добренькій и не бранили бы при мнѣ почтенную старушку, какъ сегодня.

— Ну ей богу же она не глупа, проговорилъ генералъ. Попробовать развѣ для потѣхи?.. Что тамъ еще?

Угрюмый слуга, Киліанъ, доложилъ, что всѣ господа собрались и шадате велѣла спросить, не подавать-ли кушать.

— Черти! конечно подавать, ни минуты-то они не оставятъ человѣка въ покоѣ.

Слуга хотѣлъ удалиться, но генералъ его окликнулъ.— Стой ровнѣйся! Одѣваться мнѣ! Господь просить въ столовую. Ну, вертушка, теперь убирайся. Мы еще вернемся къ этому разговору.

Камилла въ нѣсколько пріемовъ поцѣловала руку старика и исчезла въ дверь, которая выходила изъ кабинета въ паркъ.

Четверть часа спустя, все общество, пріѣхавшее въ Рейнфельденъ, собралось въ «большой залъ» гдѣ былъ накрытъ праздничный столъ.

Большая зала, убранная во вкусъ прошлаго столѣтія, быть можетъ и не удовлетворяла, во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе утонченнымъ требованіямъ современному вкусу; картины, висѣвшія по стѣнамъ, были большею частью топорной работы и содержанія сомнительнаго; штофная мебель полиняла и сильно пострадала отъ моли; но все же величавые размѣры и пышность этой комнаты производили подавляющее впечатлѣніе, отъ котораго не такъ-то легко было отдѣлаться, и это было за-

шѣтно по лицамъ присутствующихъ. Казалось, что духъ унынія, овладѣвшій ими съ самаго утра, тяготѣлъ надъ ними еще сильнѣе при этой обстановкѣ. Они разговаривали между собою не иначе какъ роблямъ шопотомъ, осторожно ступали по паркетному полу и безсмысленно разсматривали полунагихъ боговъ и богинь, пзображенныхъ на картинахъ. Одна Камила была въ своей тарелкѣ и въ глазахъ ея можно было подкараулить тайный лучъ торжества при видѣ всѣхъ этихъ плачевныхъ физиономій. Подробности своего свиданья съ дѣдомъ она хранила отъ всѣхъ, даже отъ своихъ, въ глубокой тайнѣ.

Превосходительный патріархъ таки долговыко заставилъ себя дожидаться. Президентъ подошелъ къ брату и замѣтилъ, глядя на часы.

— Каково! уже три часа, этакъ, пожалуй, опоздаешь. Ты, тоже, конечно, сегодня же вернешся въ городъ?

— Я-то съ сыновьями непременно вернусь: въ это проклятое время того и гляди что пробьютъ полный сборъ, никакъ нельзя отлучиться съ своего поста. Зельма какъ тамъ себѣ хочетъ, только врядъ-ли и она останется. Она что-то очень не въ духѣ.

— Да и всѣ мы болѣе или менѣе не въ духѣ, шопотомъ замѣтилъ президентъ. Что до меня касается, не люблю я этихъ в зитовъ. Кстати о визитахъ.—Вчера пріѣзжалъ ко мнѣ Артуръ; я, конечно, не принялъ его.

— Онъ и у меня былъ, отвѣчалъ удивленный полковникъ, только меня дома не было; чтобы это такое значило?

Президентъ пожалъ плечами.—Можетъ статья что вибудъ такое по случаю выборовъ; вѣдь онъ теперь въ конституціонномъ обществѣ важную роль играетъ. Ужъ я послѣ покался, что не велѣлъ его принимать. При теперешнихъ обстоятельствахъ пожалуй и благоразумнѣе было бы сойтись съ нимъ опять. Почему знать...

— Ну да, конечно, презрительно усмѣхнулся полковникъ, куда дуетъ вѣтеръ, туда и мы. Неужели ты думаешь, что это опьяненіе умовъ продержится долго?

— Нѣтъ, этого я не думаю. Но тогда никто не по мѣшаетъ мнѣ опять порвать съ нимъ сношенія.

— Дѣлай, какъ знаешь, отвѣчалъ полковникъ рѣзко, но я его знать не хочу. — А вотъ и старикъ идетъ.

Двери залы широко распахнулись и старикъ вошелъ въ полномъ мундирѣ, опираясь съ одной стороны на Бригиту, съ другой на слугу. Не останавливаясь шелъ онъ впередъ, кивая головою на право и на лѣво, между тѣмъ какъ все общество поспѣшило къ нему на встрѣчу съ поклонами и поздравленіями.

— Ah, bonjour, bonjour! Очень радъ дорогимъ гостямъ. Прошу садиться за столъ безъ чиновъ. А ты, маленькая фея, сядешь возлѣ меня.

Камилла, заранѣе приготовленная къ подобнаго рода приказанію, подбѣжала къ старику, помогла ему усясться въ кресло и со скромнымъ видомъ заняла указанное ей мѣсто. Противъ генерала передъ суповой миской сѣла Бригита; остальное общество размѣстилось, какъ цопало.

Пресловутый пиръ въ замкѣ Макбета не могъ быть печальнѣе этого пира въ замкѣ Гогенштейновъ. Не одинъ честный призракъ Банки, тутъ много темныхъ духовъ сидѣло за столомъ вмѣстѣ съ пирующими, отравляло имъ пищу и питье, омрачало имъ души и лица, поражало нѣмотою ихъ языкъ, или же заставляло лгать ихъ уста. Почти не понятнымъ казалось, чтобы разумное существо могло добровольно подвергать себя такой пыткѣ; старикъ былъ грязнѣе чѣмъ когда либо: грубъ съ мужчинами, циниченъ съ женщинами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что человекъ этотъ, обладавшій, при всей своей испорченности, сильнымъ умомъ и званиемъ жизни, глубоко презиралъ это общество, не смѣвшее ни словомъ, ни взглядомъ протестовать противъ такого обращенія. Старикъ говорилъ почти одинъ, вспоминалъ о своихъ прежнихъ походахъ, рассказывалъ эпизоды грабежа и другихъ черныхъ дѣлъ, о которыхъ мало-мальски образованный человекъ постыдился бы и упоминать въ женскомъ обществѣ; за тѣмъ онъ перешелъ къ воспоминаніямъ о покупкѣ Рейнфельденскаго помѣстья; въ сотый разъ должны были присутствующіе выслушать повѣствованіе о томъ, какъ онъ, генералъ, увеличивалъ свое богатство, а братъ его, отецъ трехъ братьевъ Гогенштейнъ, становился все бѣднѣе и бѣднѣе.

— И какъ бы вы думали, племянница Зельма, какая была тому причина?—А вотъ я вамъ сейчасъ расскажу: вся бѣда въ томъ, что мой братъ женился на знатной дѣвицѣ, напыщенной своимъ дворянствомъ и не имѣвшей ни гроша за душою; за то, повѣрите-ли, племянница Клотильда, она обладала необыкновеннымъ искусствомъ сорить деньгами, и другимъ, столь же мало похвальнымъ, искусствомъ комплектовать изъ самой себя составъ своего семейства. Что ни годъ, то новый членъ прибываетъ.— Сколько бишь васъ всѣхъ было, Филиппъ?

— Восемь, прошепталъ президентъ.

— А осталось всего трое. А я-то, старый дубъ. Стою себѣ, да стою и еще по всѣмъ вѣроятіямъ увижу, какъ вокругъ меня повалится не одно молодое дерево. А отчего? Потому что я не навязывалъ себѣ бабу на шею или, по крайней мѣрѣ, не бралъ себѣ такой, которую не могъ бы прогнать во всякое время, какъ скоро она мнѣ надоѣла. Ха, ха, ха!

Въ этомъ тонѣ продолжался разговоръ, пока случайный намекъ на тогдашнія, политическія обстоятельства не далъ возможность остальнымъ принять въ немъ участіе. Полковникъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сорвать сердце на «проклятыхъ демократахъ и коммунистахъ».

— Эхъ, кабы мнѣ дали неограниченную власть на одинъ только мѣсяцъ, воскликнулъ онъ съ азартомъ; очистилъ бы я нашу землю вплоть до русской границы отъ этого поганого племени; развѣ гдѣ-гдѣ уцѣлѣло бы по одинокому экземпляру, да и тѣ, только издали завидя штыкъ, спѣшили бы прятаться въ свои норы. А то, что? вмѣсто того, чтобы разогнать эту сволочь картечью, съ нею вступаютъ въ переговоры, затѣваютъ «собранія для обсужденія конституціи». Съ перваго мая начнется эта потѣха. Мой дражайшій братецъ оспариваетъ у какого-то гимназическаго учителя, выгнаннаго изъ службы, у оборваннаго писаки, котораго имя, если не ошибаюсь, докторъ Мюнцеръ, честь избранія въ члены этого почтеннаго собранія. Ну не срамъ-ли это?

— Любезный братъ, въ полголося заговорилъ президентъ, мы должны...

— Громче! крикнулъ генералъ; кто же разбереть, что ты тамъ себѣ подь носъ бормочешь?

Президентъ покраснѣлъ и продолжалъ, нѣсколько возвысивъ голосъ:

— Я хотѣлъ замѣтить, любезный дядушка, что мой добрый братъ судить слишкомъ поспѣшно, — по военному, и не достаточно принимаетъ въ соображеніе обстоятельства времени. Никто болѣе меня не скорбитъ объ этомъ искусственномъ движеніи, занесенномъ къ намъ изъ Франціи и поддерживаемомъ нѣсколькими безпокойными головами. Но я держусь того мнѣнія, что благоразумнѣе уклониться съ пути разъяреннаго быка, который безъ оглядки несется съ опущенною внизъ головою. Будьте увѣрены: онъ обломаетъ себѣ рога о первую же попавшуюся стѣну и тогда, пока онъ будетъ лежать, ошеломленный ударомъ, вы его спокойно свяжете и отведете въ стойло. Точь въ точь будетъ такъ, по моему мнѣнію, и съ настоящимъ движеніемъ. Парламентарный образъ правленія у насъ не мыслимъ; черный народъ всегда чернымъ народомъ и останется; пролетаріатъ уничтожить нельзя, что тамъ не толкуй всѣ эти проклятые коммунисты; дайте имъ до сыта накричаться и они сами это поймутъ. Это еще, впрочемъ не значить, продолжалъ президентъ, улыбаясь, чтобы я не считалъ полезнымъ при случаѣ выставлѣть извѣстнаго рода неопровержимые аргументы, могущія ускорить эту развязку.

— Что значить по твоему «при случаѣ?» вмѣшался полковникъ. Мнѣ кажется, что первая попавшаяся минута представляетъ мнѣ удобный случай обнажить мечъ за наши старыя привиллегіи. Только поддайтесь на минуту всѣмъ конституціоннымъ и другимъ затѣямъ, и вы увидите, какія уступки они у васъ вынудятъ, не смотря на всю вашу мудрость.

— Мнѣ сдается, любезный братъ, что дѣло еще во все не такъ плохо, какъ ты думаешь, отвѣчалъ президентъ. Тамъ гдѣ двѣ партіи сходятся для обсужденія какогонибудь вопроса, если надъ ними нѣтъ третейскаго суда, побѣда остается обыкновенно за той партіей, которая сильнѣе. Конвентъ, à la bonne heure! тотъ дѣйствительно могъ бы хоть на время внушить серьезныя опасенія. Но совѣщательное собраніе,

состоящее изъ двухъ партій, носить въ самомъ себѣ зародышъ смерти; или ты думаешь, что я сталъ бы добиваться чести за-сѣдать въ подобномъ собраніи, если бы не былъ такъ убѣжденъ?

— А собраніе во Франкфуртѣ?

Президентъ улыбнулся. — Ты увидишь, проговорилъ онъ, что эта мечта германскаго единства скоро разсѣется. Сколько тамъ нѣмцы не отращивай себѣ республиканскія бороды, все же они въ душѣ народъ смиренный и не подымутъ руку на отцевъ отечества; а пока отцы отечества согласятся на счетъ обще-германской конституціи, можно поручиться, что все останется по старому.

— Ну, а что какъ обстоятъ дѣла въ городѣ? спросилъ генералъ.

— Да что, повидимому, плохо, отвѣчалъ президентъ. Теперь у насъ самый развалъ избирательныхъ волненій. Въ непріятельскомъ лагерѣ страшная неурядица; они и сами не знаютъ кого имъ выбрать столичнымъ депутатомъ и кого депутатомъ во Франкфуртѣ. Въ способныхъ-то людяхъ, какъ вы можете представить, у нихъ крайняя бѣдность, къ тому же и между вождями господствуетъ страшное разногласіе въ возрѣніяхъ. Во главѣ радикаловъ, т. е. такихъ господъ, которые всего охотнѣе все бы поставили вверхъ дномъ, чтобы на развалинахъ этого всеобщаго разрушенія начать строить свои утопіи, стоитъ мой достойнѣйшій соперникъ, докторъ Мюнцеръ. Онъ имѣетъ множество приверженцевъ, такъ какъ онъ уроженецъ Рейнскихъ провинцій и, по крайней мѣрѣ, номинально, католикъ, а то и другое является не малою заслугою въ глазахъ народа. Народъ вѣдь на насъ, протестаптовъ изъ восточныхъ провинцій, смотритъ съ большимъ недоверіемъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ духовенство тутъ стало мутить. Рядомъ съ этими крайними демократами, стоитъ другая, такъ называемая, конституціонная партія; эта вмѣщаетъ въ себѣ всѣ отѣнки умѣренныхъ мнѣній, отъ консерватора-роялиста и до либеральнаго буржуа, у котораго изъ двухъ словъ третье: конституція. Признаюсь, я и самъ счелъ за лучшее, въ интересъ праваго дѣла, примкнуть, по крайней мѣрѣ для виду, къ этой партіи, которая, съ своей стороны, тоже организо-

валась въ общество, хотя черезъ это мнѣ порою и приходится имѣть дѣло съ такими людьми, которыхъ я не желалъ бы имѣть своими знакомыми.

Между тѣмъ на столъ подали десертъ, и вино нѣсколько уладило и развлекло унылое общество, такъ какъ генераль, противъ своего обыкновенія, не только пилъ самъ, но и другихъ приглашалъ пить. Въ эту самую минуту на дворѣ замка раздался глухой стукъ колесъ; генераль чуть замѣтно мигнулъ сидѣвшей противъ него Бригитѣ, и она тотчасъ же вышла изъ комнаты. Изъ остальныхъ никто не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство, такъ какъ генераль успѣвшиль обратиться къ президенту съ вопросомъ:

— Ну а твой братъ Артуръ? Я читалъ въ газетахъ, что онъ въ этомъ обществѣ играетъ важную роль.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ генераль ни разу не вспоминалъ про своего третьяго племянника, какъ будто его не было въ живыхъ; понятно послѣ этого изумленіе всѣхъ присутствующихъ, когда онъ вдругъ упомянулъ это имя да еще какъ-то странно возвысилъ при этомъ голосъ.

— Это одно изъ тѣхъ непріятныхъ столкновеній, о которыхъ я только что сейчасъ говорилъ, отвѣчалъ президентъ. Вамъ извѣстно, любезный дядюшка, какъ далеко расходятся мои политическія убѣжденія съ воззрѣніями моего несчастнаго брата; мое общественное положеніе обязывало меня порвать всякія сношенія съ человѣкомъ, который раздѣлялъ наше древнее имя съ какою-то мамзель Шмицъ; а между тѣмъ, продолжалъ президентъ, пожимая плечами, если мы не хотимъ утратить послѣднее наше вліяніе на народъ, мы должны...

— Садитесь за одинъ столъ съ мытарями и грѣшниками? захохоталъ генераль. А почему же бы и не такъ? Какъ дѣло дойдетъ до выгоды, такъ можно и съ самимъ чертомъ побрататься; такъ, что-ли я говорю, господинъ полковникъ?

Полковникъ счелъ своимъ долгомъ опровергнуть это предположеніе во первыхъ, въ званіи солдата, а во вторыхъ потому, что на этотъ разъ его личныя убѣжденія совпадали, по видимому, съ воззрѣніями генерала.

— Ну, вѣтъ, отвѣчалъ онъ; по крайней мѣрѣ, что до меня касается, я никогда не принесу своего убѣжденія въ жертву какому бы-то нибыло соображеніямъ. Но мы отступились отъ Артура, онъ самъ отрекся отъ насъ, женившись на мѣщаникѣ и перешедши въ лагерь демократовъ; этимъ онъ, какъ бывшій офицеръ, наложилъ на себя вдвойнѣ позорное клеймо, а потому, вся вина нашихъ отношеній падаетъ на него; онъ заслужилъ наше полное презрѣніе.

Во все продолженіе этой рѣчи генераль такъ часто поглядывалъ на дверь, что это кинулось въ глаза всѣхъ присутствующимъ, кромѣ полковника, и во всемъ обществѣ обнаружилось ожиданіе чего-то необычайнаго.

— Однако, это мнѣ очень непріятно слышать, воскликнулъ генераль; твои слова ставятъ меня въ препеловкое положеніе. Я было думалъ сдѣлать доброе дѣло, помиривъ васъ на старости лѣтъ. Но конечно, если дѣла такъ плохи... боюсь только, что теперь уже слишкомъ поздно... Ну вотъ, такъ и есть!

Передняя дверь распахнулась и въ комнату вошелъ видный господинъ, ведя подъ руку красивую, блѣдную даму; за ними выступалъ высокій, стройный молодой человекъ.

Появленіе дяди Артура съ женою и сыномъ было такъ неожиданно для большинства присутствующихъ, что всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ, точно по нимъ пробѣжала электрическая искра.

— Милости просимъ, дѣтушки! торжествующимъ голосомъ закричалъ генераль. Любо дорого глядѣть, когда братья дружно живутъ между собою. Здравствуй племянникъ Артуръ! Такъ это твоя жена; а это твой сынъ? Очень радъ съ вами познакомиться. Рекомендую вамъ вашихъ милыхъ родственницъ: полковницу фонъ - Гогенштейнъ, урожденную графиню фонъ-Дюррентъ-Лилиенфельде....

— Я уже имѣю честь быть знакомою, съ натянутою вѣжливостью отвѣчала полковница, вся блѣдая отъ злости.

— Вотъ какъ! ты уже имѣешь честь быть знакомою? Пріятно слышать! воскликнулъ старикъ. И ты тоже, конечно, племянница Клотильда?

— О, да, конечно! отвѣчала президентша. Мы уже не разъ видалась издали, и я въ восторгѣ, что наконецъ такимъ представился случай лично познакомиться съ моей милой свомченицей. Прошу насъ любить и жаловать!—и президентша съ распростертыми объятіями подошла къ блѣдной дамѣ, дрожавшей отъ волненія. — Это мои дочери, Аврелія и Камилла. Дѣти! Это ваша тетушка...

— Маргарита, подсказала блѣдная дама, видя, что президентша остановилась въ замѣшательствѣ.

— Какое славное имя! воскликнула Камилла, восторженно хватая протянутую ей руку.

Пока Артуръ здоровался съ своими братьями, изъ которыхъ одинъ, именно президентъ, отвѣчалъ на его прівітствія съ пылкой любезностью, а другой, полковникъ, держалъ себя холодно и гордо, Вольфгангъ держался въ сторонѣ. Отвѣсивъ всѣмъ присутствующимъ общій поклонъ, онъ устремилъ свои прекрасные, задумчивые глаза на мать; казалось, что вся эта сцена только и интересовала его насколько въ ней участвовала его мать.

— Ну, а тебя какъ зовутъ? обратился къ нему генералъ съ своею обычною рѣзкостью, оглядывая его съ головы до ногъ.

— Вольфгангомъ, отвѣчалъ молодой человекъ, нисколько не робѣя подъ этимъ взглядомъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать одинъ годъ.

— Чѣмъ ты занимаешься?

— Изучаю право. Однако, извините меня, мнѣ нужно къ матушкѣ.

Съ этими словами Вольфгангъ съ легкимъ поклономъ отвернулся отъ генерала, который съ изумленіемъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ, и подошелъ къ матери. — Не хочешь ли присѣсть, милая матушка? проговорилъ онъ.

И, взявъ подъ руку прекрасную даму, которая за послѣднее время становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, отвелъ ее въ сторону и, усадивъ въ кресло, проговорилъ въ полголоса: ты очень устала, маменька, отдохни немножко.

— Но что подумаютъ другіе?

— Пускай ихъ себѣ думаютъ что угодно; я останусь около тебя.

Между тѣмъ генераль уснѣлъ до сыта натѣшиться этой семейной сценой, которую онъ съумѣлъ такъ ловко устроить.

— Ну-съ, любезные дѣтушки, воскликнулъ онъ, веселитесь, какъ знаете, а мнѣ пора на покой; до завтра мы не увидимся. Или быть можетъ, кто изъ васъ желаетъ совсѣмъ распроситься со мною теперь же?

И гостепріимный хозяинъ уставился глазами на полковника и его семейство.

Намекъ былъ достаточно ясенъ; полковникъ съ женою и дѣтми подошелъ къ генералу и проговорилъ:

— Съ вашего позволенія, дядюшка, я теперь же прощусь съ вами; какъ мнѣ это ни прискорбно, но долгъ службы призываетъ меня въ городъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Съ богомъ, дѣтушки, съ богомъ, поѣзжайте, отвѣчалъ старикъ, насмѣшливо кивая плѣшивую головою.

Въ эту минуту подошелъ президентъ и тоже началъ откланиваться.

— Тебя самага я не держу, воскликнулъ генераль; но твои бабы останутся здѣсь, и знать не хочу никакихъ отговорокъ. Madame! проводите супругу Артура фонъ-Гогенштейна въ ея комнату. Внучекъ Вольфгангъ, поручаю тебѣ любезничать съ дамами; докажи, что ты не одно право изучалъ, и на всѣ руки молодецъ. А ты, племянникъ Артуръ, дай мнѣ свою руку и проводи меня въ спальню; мнѣ еще нужно съ тобой поговорить.

VI

На слѣдующій день никого не оставалось въ замкѣ изъ вчерашнихъ гостей, кромѣ Камиллы и Вольфганга. Правда, президентша, уѣхавшая вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ, должна была къ вечеру возвратиться, но ясно было, что ее пригласили только въ качествѣ *dame d'honneur* ея прекрас-

ной дочери. Президентша и сама повнимала это и, со слезами обнимая передъ отъѣздомъ свою Камиллу, поздравила ее съ хорошимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на дѣдушку. Съ другой стороны, статскій совѣтникъ, послѣ разговора съ генераломъ, въ сильномъ волненіи отыскалъ своего сына, гулявшаго съ дамами въ саду и, отведя его въ сторону, сообщилъ ему, что примиреніе его съ дядею окончательно состоялось и что онъ, статскій совѣтникъ, возлагаетъ на это событіе величайшія надежды. За тѣмъ онъ объявилъ ему, что генералъ желаетъ поближе познакомиться съ внукомъ, котораго онъ такъ поздно узналъ, быть можетъ отчасти и по своей винѣ!—и потому оставляетъ его еще на нѣсколько дней у себя.—Изъ этого приглашенія можетъ выйдти большой толкъ, проворилъ статскій совѣтникъ, потирая себѣ руки.—Не упрямясь, Вольфгангъ, если ты меня любишь, воскликнула мать, замѣтивъ, что лице молодого человѣка становилось все мрачнѣе и мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ вслушивался въ слова отца.

Чась спустя карета генерала увозила президентшу съ Авреліей и Артура съ Маргаритой. Проводивъ своихъ родственниковъ, молодые люди взглянули другъ на друга. Вольфгангъ рассмѣялся.

— Еслибы я положительно не былъ увѣренъ, проговорилъ онъ, что все это дѣйствительность, я готовъ бы былъ подумать, что грежу или читаю романъ.

— Развѣ я такъ похожа на героиню романа? спросила Камилла.

— Нѣтъ, этого я не нахожу; но вся эта обстановка такъ мало имѣетъ общаго съ моимъ обычнымъ образомъ жизни, что я чувствую себя какъ бы перенесеннымъ въ невѣдомый мнѣ міръ. Скажите, вы долго еще думаете здѣсь пробыть?

— Я не знаю, какъ порѣшили на счетъ этого дѣдушка и маменька. А вы?

— И я тоже хорошенько еще не знаю; надѣюсь, что не долго; я и такъ нахожусь въ страшномъ затрудненіи, какъ убить время въ теченіе этихъ двухъ-трехъ дней, которые я, болѣе нежели, долженъ буду пожертвовать прихоти дѣда.

— Это вовсе не любезно съ вашей стороны, кузень, говорила Камилла, плутовски поглядывая на него своими карими глазками.

— Какъ такъ? спросилъ молодой человекъ съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— Мнѣ еще надо поговорить съ мадамъ относительно моей комнаты; извините меня.

Вольфгангъ проводилъ ее глазами. Онъ смутно сознавалъ, что чѣмъ-то обидѣлъ ее, но онъ слишкомъ былъ занятъ своими мыслями, чтобы долго останавливаться на этомъ вопросѣ.

Отъ нечего дѣлать онъ отправился безъ цѣли бродить по саду. Новизна и неожиданность его настоящаго положенія дѣйствовали на него такъ сильно, что онъ все еще не могъ отдѣлаться отъ того ощущенія, о которомъ онъ говорилъ Камиллѣ: ему казалось, что онъ все это видитъ во снѣ. Такъ вотъ онъ, этотъ замокъ, о которомъ онъ столько слышался отъ своихъ родителей и который привыкъ населять въ воображеніи разными сказочными чудесами. Дѣйствительность представляла разительное сходство съ его ребяческими представленіями. Еще сказочнѣе и древнѣе смотрѣлъ паркъ въ своемъ запусѣннѣи. Въ кучахъ сухой листвы, которыя столько осеннихъ бурь нанесли у корней вѣтвистыхъ, каштановыхъ деревьевъ, легко могъ бы укрыться Одиссей со всѣми своими товарищами. Въ полуразвалившихся оранжереяхъ и павильонахъ птицы свили свои гнѣзда; по дорожкамъ, сквозь густой слой сгнившихъ остатковъ растительности, накопившихся въ теченіи многихъ лѣтъ, весело пробивалась молодая зелень. Тамъ и сямъ мелькали вѣтхія статуи, у большей части которыхъ не доставало ни рукъ, ни головы. Въ этой глуши, гдѣ все, созданное рукою человека было предаво запусѣннѣи, самый веселый блескъ послѣобѣденнаго солнца казался чѣмъ-то прозрачнымъ и щебетанье птицъ, хлопотавшихъ надъ сооруженіемъ своихъ гнѣздъ, звучало слабымъ отзвукомъ давно прошедшаго.

Вольфгангъ присѣлъ на скамью въ небольшомъ гротѣ, густо поросшемъ плющемъ. Опустивъ голову на руки, онъ впалъ

въ то переходное состояніе, между сномъ и бдѣніемъ, при которомъ воображеніе рисуетъ свои картины съ поражающею ясностью, а между тѣмъ, нить мышленія не прерывается.

Онъ видѣлъ себя молоденькимъ мальчикомъ съ сумкою за плечами отправляющимся въ школу. Утреннее солнце льетъ свой веселый свѣтъ на крыши домовъ; звонъ колоколовъ сливается съ криками уличныхъ торговкокъ, съ грохотомъ экипажей, съ гуломъ толпы. Но вотъ онъ въ школѣ; вокругъ него группа мальчиковъ, и всѣ они отчаянно скрипятъ перьями по бумагѣ. Онъ засмотрѣлся на свѣтлый кружокъ, отражающійся на полкѣ отъ стакана съ водою, который стоитъ на каедрѣ передъ учителемъ; но вдругъ чья-то грубая рука хватается его за ухо и грубый голосъ говоритъ: развѣ это А, развѣ это Б? негодный мальчишка? Среди всѣхъ этихъ печальныхъ и радостныхъ воспоминаній его дѣтства, лютвеннѣе всѣхъ выступаетъ передъ нимъ одинъ прекрасный, блѣдный образъ. Чѣмъ онъ дѣлается разумнѣе и старѣе, тѣмъ дороже ему становится этотъ образъ. Мальчикъ страстно, безумно любитъ свою мать. Она для него олицетвореніе всего прекраснаго и святаго на землѣ; жить съ нею и дѣлиться съ нею всѣми движеніями своего сердца составляетъ для него насущную потребность. Настаетъ время когда онъ становится ея довѣреннымъ другомъ. Мать его часто бываетъ больна и пока его товарищи гурьбою расхаживаютъ по улицамъ, или, на зло школьнымъ регламентамъ, пируютъ въ кабачкахъ, онъ по цѣлымъ часамъ проводитъ у ея изголовья. Въ тѣ часы, когда ей становится лучше, она рассказываетъ ему о семейныхъ дѣлахъ. Она жалѣетъ объ отцѣ, который, черезъ свою женитьбу на ней испортилъ свою карьеру и разсорился со всѣми родными; а между тѣмъ одного слова стараго родственника, владѣтеля Рейнфельдена было бы достаточно, чтобы помочь ему въ тѣхъ затрудненіяхъ, въ которыя онъ впутался по своей неумѣлости, занявшись торговымъ дѣломъ. Эти разговоры съ матерью поднимаютъ для понятливаго мальчика уголокъ той завѣсы, которая скрывала отъ него семейныя дѣла, и черною тучею омрачаютъ свѣтлый горизонтъ его дѣтства. Многое наводитъ его на серьезные размышленія, не свойственныя его

возрасту. Сосѣдскія дѣти смѣются надъ его болѣе изысканными манерами и попрекаетъ его тѣмъ, что онъ *Герръ-фонъ*; въ школѣ маленькіе аристократы деруть передъ нимъ носъ на томъ основаніи, что отецъ его спекулируетъ на биржѣ. Всюду слышатъ онъ, что о знатныхъ родственникахъ его отца, которые знать не хотятъ ни его самого, ни его родителей, отзываются съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ о плебейскихъ родственникахъ его матери, отъ которыхъ онъ и семейство его ничего не видали кромѣ хорошаго. Въ немъ зарождается сомнѣніе въ справедливости и разумности существующаго порядка; въ этомъ-то сомнѣніи мужаетъ характеръ мальчика и зрѣетъ рѣшимость юноши: неизмѣнно поступать самому по законамъ справедливости и не жалѣть трудовъ и усилій, чтобы право и справедливость восторжествовали на землѣ.

Поддержанію въ немъ этого направленія всего болѣе способствуетъ дружба съ однимъ изъ его бывшихъ учителей, образъ мыслей котораго, не согласный съ принципами, господствовавшими въ администраціи, вынудилъ его отказаться отъ преподаванія, и который, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, успѣлъ прославиться въ газетахъ и журналахъ тѣмъ что, до мартовскіе бюрократы называли «бойкимъ перомъ». Бѣдный Мюнперъ! Не даромъ дала тебѣ судьба такое многозначительное имя! Подобно одноименному тебѣ герою крестьянскихъ войнъ, ты долженъ былъ сквозь темный лѣсъ схоластики пролагать себѣ дорогу на вольный, широкій свѣтъ! И въ твоихъ жилахъ тоже течетъ крестьянская кровь: она-то придаетъ гордую мощь твоему тѣлу, которую не пошатнули долгіе годы нужды, борьбы изъ за куска засушнаго хлѣба и тяжелаго, непрерывнаго труда. — И чтобы ты сказалъ въ эту минуту мой другъ и учитель, еслибы ты увидѣлъ меня праздно мечтающимъ среди этого парка, который создало аристократическое тщеславіе, а аристократическая прихоть отдаетъ на жертву запустѣнію, между тѣмъ какъ цѣлый свѣтъ кругомъ сорвался съ обычной колес и спросъ на свѣжія силы растетъ съ каждымъ днемъ?

Чей-то кроткій голосъ заговорилъ надъ самымъ ухомъ Вольфганга.

— Кто тамъ? воскликнулъ молодой человѣкъ, въ испугѣ вскакивая съ своего мѣста.

— Это я, отвѣчалъ кроткій голосъ, и изъ-за стѣны грота показался человѣкъ, незамѣтно подкравшійся паркомъ; онъ снялъ фуражку и съ замѣчательною неловкостью отвѣсилъ нѣсколько поклоновъ.

Съ изумленіемъ осматривалъ Вольфгангъ эту загадочную личность. Первое его впечатлѣніе было, что онъ имѣетъ дѣло съ помѣшаннымъ; но впечатлѣніе это тотчасъ же разсѣялось при взглядѣ на худошавое, добродушное лице и глубокіе, ясные глаза, въ которыхъ свѣтилось столько дѣтскаго простодушія. Ласково отвѣтивъ на смиренный поклонъ незнакомца, онъ спросилъ:

— Позвольте узнать съ кѣмъ...

— Имя мое Шмальгансъ, Бальтазаръ Шмальгансъ, торопливо отвѣчалъ незнакомецъ. Я помѣшалъ вашей милости въ разговорѣ съ самимъ собою, и всенижайше прошу у васъ въ томъ извиненія. Но я ни какъ не могъ удержаться, слыша, что молодой баринъ говоритъ такія вещи, которыя, по моему, быть можетъ, и ошибочному мнѣнію... ужъ вы, сдѣлайте милость, извините меня!

И Бальтазаръ, который все болѣе и болѣе конфузился подъ испытующимъ взглядомъ Вольфганга и все плотнѣе и плотнѣе прикрывалъ фалдою своего фрака глиняный горшокъ, который былъ у него въ рукахъ, поклонился еще разъ и хотѣлъ удалиться, но Вольфгангъ остановилъ его.

— Вашъ путь, какъ я вижу, лежитъ въ замокъ, почему бы намъ не идти вмѣстѣ?

— Ахъ нѣтъ! ужъ вы, сдѣлайте милость, увольте меня. Я совсѣмъ было и забылъ, что мнѣ строжайше запрещено показываться на глаза пріѣзжимъ господамъ. Нѣтъ, мой путь не въ замокъ лежитъ, совсѣмъ на оборотъ.

Любопытство Вольфганга было затронуто за живое страннымъ поведеніемъ и безсвязными рѣчами этого человѣка.

— Кѣмъ же это вамъ строжайше запрещено, спросилъ онъ, идя съ нимъ рядомъ.

— Ею, проговорилъ тотъ, робко поглядывая по направлению къ замку.

— Ею? т. е. кѣмъ же это? Ужь не вѣдьмою-ли экономкой?

— Нуда, моею женою, отвѣчалъ Бальтазаръ, прибавляя шагу.

— Такъ она ваша жена? воскликнулъ Вольфгангъ, разражаясь невольнымъ хохотомъ. — Ну да, конечно, теперь я понимаю ваше нежеланіе подходить близко къ замку.

— Не правда ли? отвѣчалъ Бальтазаръ, вы его понимаете. Я человекъ смиренный; мнѣ только того и хочется, чтобы со всіми жить въ мирѣ и согласіи, съ какой стати мнѣ безъ нужды подвергать себя ея гнѣву. Ужь лучше я лишній разокъ на своемъ вѣку лягу спать съ пустымъ желудкомъ...

Какой-то шедше въ живой изгороди, мимо которой они проходили, обратилъ на себя вниманіе Бальтазара. Онъ осторожно раздвинулъ вѣтви и заглянулъ въ чашу.

— Ахъ, посмотрите, посмотрите, проговорилъ онъ шопотомъ, съ сіяющимъ лицомъ обращаясь къ Вольфгангу.

Въ маленькомъ гнѣздышкѣ лежали три или четыре птенца, покрытыхъ бѣлымъ пушкомъ и, вытянувъ шейки, широко разѣвали клювы.

— Бѣдняжки! они ѣсть хотятъ, проговорилъ Бальтазаръ, и, пошаривъ у себя въ карманахъ, отыскалъ между обрывками тесемокъ, вѣтками сухихъ растений и другимъ хламомъ, корку хлѣба, которую онъ раскрошилъ на землѣ около изгороди. — Пускай себѣ кушаютъ на здоровье, проговорилъ онъ. А теперь, скорѣе уйдемте отсюда, чтобы не слугнуть старыхъ птицъ; онѣ вонъ тамъ сидятъ и смотрятъ на насъ своими глупоумными глазами, не то съ любопытствомъ, не то со страхомъ.

— Вы, какъ я вижу, горячо любите природу, замѣтилъ Вольфгангъ, продолжая съ нимъ путь.

— Да кто же ее не любить у кого есть очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать—и, прибавлю, носъ, чтобы обонять? отвѣчалъ Бальтазаръ, и, при этомъ, слабый румянецъ разлился по его блѣдному лицу. — Часто сижу я тутъ подъ деревьями между кустовъ и всіми своими чувствами наслаждаюсь окружающими меня чудесами; и повѣрите-ли? Подъ часъ я самъ

не умѣю разобрать, что я такое, бѣлое ли облако, которое проносится надъ моею головою, птичка ли, щебечущая возлѣ меня въ кустарникѣ, или молодая листва, льющая вокругъ меня свой смолистый аромать?

— Да вы поэтъ, милостивый государь, воскликнулъ Вольфгангъ, который не могъ въ себя придти отъ удивленія, слыша такія мысли, да еще выражаемыя такимъ книжнымъ языкомъ отъ такого невзрачнаго, на видъ, человѣчка.

— Ахъ, нѣтъ, стыдливо возразилъ Бальтазаръ, не говорите мнѣ этого. Я и самъ порою такъ думалъ, но то были тщеславныя, заносчивыя мечты, которыхъ я впоследствии стыдился. Гдѣ мнѣ, темному человѣку, равняться съ мудрейшими и лучшими изъ людей. Въ жизни своей я такъ мало имѣлъ случаевъ научиться чему нибудь порядочному... то, чему учать въ семинаріи, не идетъ въ расчетъ: учать тамъ не многому, да и это не многое, большею частью, вздоръ.

Бальтазаръ въ испугѣ пріостановился и поднялъ на Вольфганга умоляющій взглядъ.

— Это у меня такъ только съ языка сорвалось, проговорилъ онъ. Вѣдь вы это, не правда ли, не примите въ дурную сторону?

— О нѣтъ, помилуйте, отвѣчалъ Вольфгангъ, улыбаясь; я съ вами, напротивъ, совершенно согласенъ. Такъ вы Аристотель сельскаго юношества?

— Аристотель сельскаго юношества, повторилъ Бальтазаръ; какъ это хорошо сказано, какъ же, какъ же! я знаю кто былъ Аристотель: великій языческій мудрецъ, наставникъ царя Александра Македонскаго. Его имя часто упоминается въ твореніяхъ Лессинга. Вы тоже любите Лессинга?

— Еще бы! онъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ нашего отечества.

— Не правда ли? воскликнулъ Бальтазаръ съ веселымъ одушевленіемъ. Вотъ такъ человѣкъ! И какъ онъ пишетъ! Это такая ясность, что вы видите дно, какъ на ладони, и такая глубина, что ее подъ часъ и измѣрить невозможно. Знаете вы его Натана? Тамъ есть одно прекрасное мѣсто, которое я

каждый разъ повторяю про себя, когда чувствую, что любовь къ братьямъ оскудѣваетъ въ моемъ сердце:

Wohlan!

Es eifre jeder seiner unbestochenen
Von Vorurtheilen freien Liebe nach *),

Двадцать лѣтъ раздумывалъ я объ этомъ мѣстѣ и пришелъ къ тому заключенію, что въ немъ выражено все, чѣмъ долженъ руководствоваться человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ, и не только къ людямъ, но и къ другимъ существамъ, живущимъ на одной съ нами землѣ. Если-бы люди поняли и провели въ жизнь это слово, тогда намъ не нужно бы было ни полиціи, ни жандармовъ, ни тюремъ, ни рабочихъ домовъ. Да, государь мой, тогда настало-бы царство настоящей свободы, не той, которая въ одной рукѣ должна держать мечъ, чтобы другою расточать людямъ свои благодѣянія.

Неужели и теперь мы не въ правѣ надѣяться? Теперь, когда и у насъ весна повѣяла новою жизнью, не только на лѣса и луга, но и на сердца людей? Какъ, неужели все еще нѣтъ надежды?

— Боюсь, что нѣтъ, отвѣчалъ Вольфгангъ. Не могу я, напримѣръ, себѣ вообразить, чтобы старый генералъ, живущій вонъ тамъ, въ замкѣ, вдругъ ни съ того ни съ сего сдѣлался поборникомъ лучшихъ стремленій нашего вѣка.

— О нѣтъ, проговорилъ Бальтазаръ съ жалобнымъ видомъ. Страшный онъ, я вамъ скажу, господинъ.

Разговаривая такимъ образомъ, они дошли до желѣзной калитки, придѣланной къ рѣшеткѣ парка и висѣвшей уже на одной только петлѣ. Бальтазаръ снялъ фуражку и проговорилъ тихимъ, упрасивающимъ голосомъ:

— Не правда-ли, вѣдь вы ей не скажете, что встрѣтили меня сегодня въ паркѣ? Она было обѣщалась присылать мнѣ

*)

Сильге!

Пусть каждый соревнуетъ его неподкупной,
Свободной отъ предразсудковъ любви.

обѣдъ на деревню, да видно, забыла. Ну, да ничего, я себѣ достану чего нибудь поѣсть у старой Урсулы. Такъ ужь, сдѣлайте милость, не говорите ей. А за тѣмъ, молодой баринъ, желаю вамъ счастливо оставаться.

И, съ трудомъ пролезая въ узкую калитку, онъ оглянулся, еще разъ повторилъ: счастливо оставаться!— И скрылся изъ виду.

— Вотъ какое странное знакомство! подумалъ Вольфгангъ, направляясь къ замку. А право, его желаніе мнѣ «счастливо оставаться» въ этомъ заколдованномъ замкѣ вовсе не звучитъ пустою фразою.

(Продолженіе будетъ).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРЪШЕННЫЙ ВОПРОСЪ.

(Статья первая).

I.

Мнѣ кажется, что въ русскомъ обществѣ начинается выработываться въ настоящее время совершенно самостоятельное направленіе мысли. Я не думаю, чтобы это направленіе было совершенно ново и вполнѣ оригинально; оно непремѣнно обусловливается тѣмъ, что было до него, и тѣмъ, что его окружаетъ; оно непремѣнно заимствуетъ съ различныхъ сторонъ то, что соответствуетъ его потребностямъ; въ этомъ отношеніи оно, разумѣется, подходит вполнѣ подъ тотъ общій естественный законъ, что въ природѣ ничто не возникаетъ изъ ничего. Но самостоятельность этого возникающаго направленія заключается въ томъ, что оно находится въ самой неразрывной связи съ дѣйствительными потребностями нашего общества. Это направленіе создано этими потребностями, и, только, благодаря, имъ существуетъ и понемногу развивается. Когда наши дѣдушки забавлялись мартинизмомъ, массонствомъ или волтерьянствомъ, когда наши папеньки утѣшались романтизмомъ, байронизмомъ или гегелизмомъ, тогда они были похожи на очень юныхъ гимназистовъ, которые, во что-бы то ни стало, стараются себя увѣрить, что чувствуютъ неодолимую потребность затянуться послѣ объѣда крѣпкою папирскою. У юныхъ гимназистовъ существуетъ на самомъ дѣлѣ по-

Отд. II.

требность казаться взрослыми людьми, и эта потребность вполне естественна и законна, но все таки самый процесс курения не имѣетъ ни малѣйшей связи съ дѣйствительными требованіями ихъ организма. Такъ было и съ нашими ближайшими предками. Имъ было очень скучно, и у нихъ существовала дѣйствительная потребность занять мозги какими нибудь размышленіями, но почему выписывался изъ за границы мартинизмъ, или байронизмъ, или гегелизмъ — на этотъ вопросъ не ищите отвѣта въ органическихъ потребностяхъ русскихъ людей. Всѣ эти —измы выписывались единственно потому, что они были въ ходу у европейцевъ, и всѣ они не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ тому, что происходило въ нашемъ обществѣ. Теперь, повидному, дѣло пошло иначе. Мы теперь выписываемъ больше, чѣмъ когда-бы то ни было; мы переводимъ столько книгъ, сколько не переводили никогда; но мы теперь знаемъ, что дѣлаемъ, и можемъ дать себѣ отчетъ, почему мы беремъ именно это, а не другое.

Послѣ окончанія крымской войны родилась и быстро выросла наша обличительная литература. Она была очень слаба и ничтожна, и даже очень близорука, но ея рожденіе было явленіемъ совершенно естественнымъ и вполне органическимъ. Ударъ вызвалъ ощущеніе боли, и, вслѣдствіе за тѣмъ, явилось желаніе отдалиться отъ этой боли. Обличеніе направилось, конечно, на тѣ стороны нашей жизни, которыя всѣмъ моговолили глаза; между прочимъ, наше негодование обрушилось на мелкое чиновничество, но такіе обличительные подвѣги, конечно, не могли насъ удовлетворить, и мы скоро поняли, что они, во первыхъ, бесплодны, а во вторыхъ, несправедливы, и даже безсмысленны. Прежде всего, явилось въ отпоръ обличительному бѣшенству то простое соображеніе, что мелкому чиновнику хочется ѣсть, и что за это естественное желаніе не совѣтъ основательно считать его извергомъ рода человеческого. — Это точно. Пускай ѣдятъ мелкіе чиновники. Значить, надо увеличить оклады жалованья, заговорили тѣ мыслители, которые любятъ находить въ одну минуту универсальныя лекарства для всякихъ неудобствъ частной и общественной жизни. — Это само собою, отвѣчали другіе; но этого мало. Когда чиновникъ будетъ обезпеченъ, тогда онъ потянется за роскошью. Надо сдѣлать такъ, чтобы онъ не тянулся. — Ну да, конечно, заговорили опять любители универсальныхъ лекарствъ. Дать чиновнику твердыя нравственныя убѣжденія. Дать ему солидное образованіе. Пускай кандид-

даты университета идутъ въ квартальные и въ становые.—И это хорошо,—замѣтили другіе. Образование дѣло превосходное, но у каждаго чиновника есть семейство или кружокъ близкихъ знакомыхъ. Каждый чиновникъ, получившій солидное образование, прямо съ университетской скамейки входитъ въ одинъ изъ такихъ кружковъ, и проводитъ всю свою жизнь въ одномъ кружкѣ, или въ нѣсколькихъ кружкахъ, которые, впрочемъ, всѣ похожи другъ на друга. Преданія университетской скамейки говорятъ ему одно, а вліяніе жены, сестеръ, матери, отца, и тотъ безконечный гуль и говоръ, который, все таки, какъ ни вертись, составляетъ общественное мнѣніе,—говорятъ совершенно другое. Преданія и воспоминанія всегда бываютъ слабѣ живыхъ впечатлѣній, повторяющихся каждый день, и выходятъ изъ этого тотъ результатъ, что чиновникъ начинаетъ тянуться за роскошью, хотя и знаетъ, что тянуться за нею дозволенными средствами невозможно, а недозволенными не годится. Значить какъ же?—Ахъ, чертъ побери, думаютъ любители универсальныхъ лекарствъ, подобныя Гг. Каткову, Павлову, Громеѣ и К°. Въ самомъ дѣлѣ: какъ же? Шутка сказать. Вѣдь это надо реформировать среду.—Впрочемъ, раздумье этихъ мыслителей продолжается недолго и они непремѣнно что нибудь придумываютъ, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ нибудь начинаютъ говорить: ну да, реформировать! ну да, обновить. Ну да, распространить грамотность, устроить сельскія школы, завести женскія гимназіи, проложить желѣзныя дороги, открыть земскіе банки и т. д.—Но мы видѣли и до сихъ поръ видимъ передъ собою два громадные факта, изъ которыхъ вытекаютъ всѣ наши отдѣльныя непріятности и огорченія. Во первыхъ мы бѣдны, а во вторыхъ, мало развиты. Эти слова нуждаются, конечно, въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. *Мы бѣдны*: это значить, что у насъ, сравнительно съ общимъ числомъ жителей, мало хлѣба, мало мяса, мало сукна, мало полотна, мало платья, обуви, бѣлья, человѣческихъ жилищъ, удобной мебели, хорошихъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ орудій, словомъ, всѣхъ продуктовъ труда, необходимыхъ для поддержанія жизни и для продолженія производительной дѣятельности. *Мы мало развиты*—это значить, что огромное большинство нашихъ мозговъ находится почти въ полномъ бездѣйствіи, и что, можетъ быть, одна десятитысячная часть наличныхъ мозговъ работаетъ кое-какъ и вырабатываетъ въ двадцать разъ меньше дѣльныхъ мыслей, чѣмъ сколько она могла бы выработать при нормальной и ни

сколько неизнурительной дѣятельности. Обижаться тутъ, конечно, нечѣмъ; когда человѣкъ спитъ, онъ не можетъ работать умомъ; когда Иванъ Сидоровичъ ремизитъ Степана Парамоновича за зеленымъ сукномъ, онъ не можетъ работать умомъ. Словомъ, только тѣ и не работаютъ, кто, по своему теперешнему положенію, не въ состояніи работать. Кто можетъ, тотъ работаетъ, но кое какъ, потому что потребность на эту работу слаба, и потому самый страстный актеръ будетъ холоденъ и вялъ, когда ему придется играть передъ пустымъ партеромъ. Само собою разумѣется, что наша умственная бѣдность не составляетъ неизлечимой болѣзни. Мы не идіоты и не обезьяны по тѣлосложенію, по мы люди кавказской расы, сидѣвшіе сиднемъ, подобно нашему милому Ильѣ Муромцу, и, наконецъ, ослабѣвшіе свой мозгъ этимъ продолжительнымъ и вреднымъ бездѣйствіемъ. Надо его зашевелить, и онъ очень быстро войдетъ въ свою настоящую силу. Оно, конечно, надо, но вѣдь вотъ въ чемъ бѣда: мы бѣдны, потому что не развиты, и мы не развиты, потому что бѣдны. Змѣя кусаетъ свой хвостъ, и изображаетъ собою эмблему вѣчности, изъ которой нѣтъ выхода. Шарль Фурье говоритъ совершенно справедливо, что главная сила всѣхъ бѣдствій современной цивилизаціи заключается въ этомъ проклятомъ *cercle vicieux*. Чтобы разбогатѣть, надо, хоть не много, улучшить допотопные способы нашего земледѣльческаго, фабричнаго и ремесленнаго производства, то есть, надо поумнѣть; а поумнѣть некогда, потому что окружающая бѣдность не даетъ вздохнуть. Вотъ тутъ и вертись, какъ знаешь. Есть, однако, возможность пробить этотъ заколдованный кругъ въ двухъ мѣстахъ. *Во первыхъ*, извѣстно, что значительная часть продуктовъ труда переходитъ изъ рукъ рабочаго населенія въ руки непроезводящихъ потребителей. Увеличить количество продуктовъ, остающихся въ рукахъ производителя, значитъ уменьшить его нищету и дать ему средства къ дальнѣйшему развитію. Къ этой цѣли были направлены законодательныя распоряженія правительства по крестьянскому вопросу. Въ этомъ мѣстѣ заколдованный кругъ можетъ быть пробитъ только дѣйствіемъ законодательной власти, и поэтому мы объ этой сторонѣ дѣла распространяться не будемъ. — *Во вторыхъ*, можно дѣйствовать на непроезводящихъ потребителей, но, конечно, надо дѣйствовать на нихъ не моральною болтовней, а живыми идеями, и поэтому, надо обращаться только къ тѣмъ потребителямъ, которые желаютъ взяться за полезный и увлекательный трудъ,

но не знаютъ, какъ приступать къ дѣлу, и къ чему приспособить свои силы. Тѣ люди, которые, по своему положенію, могутъ, и, по своему личному характеру, желаютъ работать умомъ, должны расходовать свои силы съ крайнею осмотрительностію и расчетливостію; то есть, они должны браться только за тѣ работы, которыя могутъ принести обществу дѣйствительную пользу.—Такая экономія умственныхъ силъ необходима вездѣ и всегда, потому что человѣчество еще нигдѣ и никогда не было настолько богато дѣятельными умственными силами, чтобы позволять себѣ въ расходованіи этихъ силъ малѣйшую расточительность. Между тѣмъ, расточительность всегда и вездѣ была страшная, и оттого результаты, до сихъ поръ, получались самые жалкіе. У насъ расточительность также очень велика, хотя и расточать-то намъ нечего. У насъ, до сихъ поръ, всего какой нибудь двугривенный умственнаго капитала, но мы, по нашему извѣстному молодечеству, и этотъ несчастный двугривенный ставимъ ребромъ и расходуемъ безобразно. Намъ строгая экономія еще необходима, чѣмъ другимъ, дѣйствительно образованнымъ народамъ, потому что мы, въ сравненіи съ ними, нищѣ. Но чтобы соблюдать такую экономію, надо, прежде всего, уяснить себѣ до послѣдней степени ясности, что полезно обществу и что бесполезно. Вотъ тутъ-то, надъ этимъ уясненіемъ и должна работать литература. Мнѣ кажется, что мы начинаемъ чувствовать необходимость умственной экономіи и стремимся уяснить себѣ понятіе настоящей выгоды или пользы. Въ этомъ и заключается то самостоятельное направленіе мысли, которое, по моему мнѣнію, вырабатывается въ современномъ русскомъ обществѣ. Если это направленіе разовьется, то заколдованный кругъ будетъ пробить. Экономія умственныхъ силъ увеличить нашъ умственный капиталъ, а этотъ увеличенный капиталъ, приложенный къ полезному производству, увеличить количество хлѣба, мяса, одежды, обуви, орудій и всѣхъ остальныхъ вещественныхъ продуктовъ труда. Обязанность развивать это направленіе и пробивать съ этой стороны заколдованный кругъ, лежитъ цѣликомъ на нашей литературѣ, потому что въ этой сферѣ литература можетъ дѣйствовать самостоятельно.

II.

Экономія умственныхъ силъ есть не что иное, какъ строгій и послѣдовательный реализмъ. «Природа не храмъ, а мастерская, говоритъ

авторъ романа: «Отцы и дѣти,» и человекъ въ ней работникъ». Человекъ строго реальный видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему «нужно» видѣться, онъ читаетъ только тѣ книги, которыя ему «нужно» прочесть, онъ даже ѣсть только ту пищу, которую ему «нужно» ѣсть, для того, чтобы поддерживать въ себѣ физическую силу; а поддерживаетъ онъ эту силу также потому, что это кажется ему «нужнымъ», то есть, потому что это находится въ связи съ общою цѣлью его жизни. Особенность человека съ реальнымъ направлениемъ состоитъ исключительно въ томъ, что онъ меньше другихъ честныхъ и умныхъ людей нуждается въ отдыхѣ; можно сказать, что онъ отдыхаетъ только тогда, когда спитъ. Вся остальная часть его жизни проходитъ за работой и вся эта работа влится только въ одной цѣли: уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслаждений. Къ этой цѣли клонились всегда, сознательно или безсознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей. Чѣмъ сознательнѣе и прямѣе дѣятельность человека направлялась къ этой цѣли, тѣмъ значительнѣе была масса принесенной имъ пользы; но, къ сожалѣнію, нервная система человека такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать сиво силы на одной точкѣ. Если мы захотимъ долго держать руку или ногу въ одномъ и томъ же положеніи, то мы почувствуемъ въ этой ногѣ или рукѣ утомленіе и, наконецъ, настоящую боль. Если мы будемъ долго смотрѣть на одинъ предметъ, то у насъ зарябитъ въ глазахъ. Если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать. Если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ, эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время всторону, и пожить, хоть нѣсколько часовъ, безцѣльною жизнью. У реалиста эта потребность возникаетъ очень рѣдко, и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть, можетъ, въ теченіе своей жизни, сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрять умственные силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Человекъ вполне реальный можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ; ему нѣтъ надобности освѣжать свои силы любовью женщины, или хорошею музыкою, или смотрѣніемъ шекспировской драмы, или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями. У

него, можетъ быть развѣ только одна слабость: хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполнѣ успѣшно размышлять. Но и это наслажденіе служить ему только средствомъ: онъ куритъ не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому что куреніе возбуждаетъ его мозговую дѣятельность. Если-бы онъ не замѣчалъ въ этомъ куреніи осязательной пользы, онъ бы отъ него отказался, не ради идеальнаго совершенства, а ради того, что не слѣдуетъ ничѣмъ отвлекаться отъ настоящей цѣли. Ставить такого титана въ примѣръ читателю совершенно бесполезно. Это все равно, что совѣтовать читателю связать желѣзную кочергу въ узелъ, или открыть какой нибудь міровой законъ, въ родѣ ньютоновскаго тяготѣнія, или дарвиновской теоріи естественнаго выбора. Мы люди обыкновенные, и, если бы мы захотѣли выбросить изъ нашей жизни отдыхъ и чисто-личное наслажденіе, то мы сдѣлали-бы себя мучениками, и, кромѣ того, повредили-бы даже общему дѣлу; мы бы надорвались, мы бы отняли у себя возможность принести ту малую долю пользы, которая соотвѣтствуетъ размѣрамъ нашихъ силъ; поэтому намъ не слѣдуетъ надуваться, потому что до вола мы все-таки не доростемъ, а если лопнемъ, то вмѣсто экономіи окажется чистый убытокъ. Когда вы отдыхаете и наслаждаетесь, тогда никто не имѣетъ права посылать васъ на работу; общее дѣло человечества подвигается впередъ не барщинною работою, и сгонять на этотъ трудъ лѣнливыхъ или утомленныхъ людей значить изображать суетливую муху, помогавшую лошадиамъ вытаскивать въ гору тяжелый рыдванъ. Но, когда вы, отдохнувши и насладившись вдоволь, сами, по собственной охотѣ, принимаетесь за работу, тогда общество, въ лицѣ каждаго изъ своихъ членовъ, тотчасъ получаетъ надъ вами право контроля и критики; оно произноситъ свой приговоръ надъ вашею дѣятельностью, и оно имѣетъ полное право выражать свое желаніе, чтобы тѣ силы, которыя добровольно отдаются на общепользное дѣло, дѣйствительно тратились тамъ, гдѣ онѣ необходимы. Когда вы отдыхаете, вы принадлежите самому себѣ; когда вы работаете, вы принадлежите обществу. Если же вы никогда не хотите принадлежать обществу, если ваша работа не имѣетъ никакого отношенія для него, тогда вы можете быть вполнѣ увѣрены, что вы совсѣмъ никогда не работаете, и что вы проводите всю вашу жизнь подобно мотыльку, порхающему съ цвѣтка на цвѣтокъ. Мартышкинъ трудъ не есть работа. Если такой мартышкинъ трудъ производится вполнѣ сознательно, то есть, если трудиющаяся личность сама

пони имеет свою бесполезность, и сама говоритъ себѣ и другимъ: я трутень и хочу быть трутнемъ, потому что это мнѣ пріятно, тогда, разумѣется, не о чемъ и толковать, потому что неизлечимые больные не нуждаются ни въ дружескихъ совѣтахъ, ни въ медицинской помощи. Но можно сказать навѣрное, что большая часть мартышкина труда производится въ каждомъ человѣческомъ обществѣ по чистому недоразумѣнію. Трудящаяся личность, въ большей части случаевъ, добросовѣстно и искренно убѣждена въ томъ, что она трудится для человѣчества и для общества; это обаятельное убѣжденіе придаетъ ей бодрость и вдохновляетъ ее во время труда; если вы поколеблете въ ней это убѣжденіе, у нея опустятся руки и для нея настанетъ очень тяжелая минута разочарованія и унынія; но за эту минуту явятся сильное стремленіе къ настоящей пользѣ и крутой поворотъ къ какой нибудь другой дѣятельности, достойной мыслящаго человѣка и добросовѣстнаго гражданина. Въ результатѣ получится, такимъ образомъ, экономія умственныхъ силъ, и эта экономія будетъ гораздо болѣе значительна, чѣмъ это можетъ показаться читателю съ перваго взгляда. Каждая личность дѣйствуетъ болѣе или менѣе на все, что ее окружаетъ; поворотъ къ реализму, происшедшій въ одной личности, даетъ себя чувствовать многимъ другимъ, и таже самая особа, которая до своего обращенія, могла своимъ примѣромъ и своими совѣтами сбить съ толку двухъ или трехъ молодыхъ людей, будетъ, послѣ своего обращенія, дѣйствовать на этихъ же молодыхъ людей самымъ благотворнымъ образомъ, какъ покаявшійся грѣшникъ можетъ дѣйствовать на человѣка, порывающагося согрѣшить, и главное, убѣжденнаго въ похвальности грѣха. Поэтому, я думаю, что наша литература могла-бы принести очень много пользы, если-бы она тщательно подиѣтила и основательно разоблачила различныя проявленія мартышкина труда, свирѣпствующаго въ нашемъ обществѣ, и отравляющаго нашу умственную жизнь. Кое-что въ этомъ направленіи уже сдѣлано; но вся задача, во всей своей цѣлости, чрезвычайно обширна, многія ея стороны совсѣмъ не затронуты, и, вѣроятно, пройдетъ еще много лѣтъ, и потратится много усиленнаго труда, прежде чѣмъ общество начнетъ ясно сознавать свою собственную пользу. Пока не наступитъ это блаженное время русскаго благоразумія, литература должна постоянно держать ухо востро, и выводить на вѣжую воду мартышкинъ трудъ, надѣвающій на себя самыя разнообразныя личины и ежедневно сбивающій съ толку са-

ныхъ добросовѣстныхъ людей, очень неглухихъ и вполне способныхъ горяче полюбить полезную работу.

III.

Нашихъ реалистовъ упрекаютъ давно, и часто, и сильно въ томъ, что они не понимаютъ и не уважаютъ искусства. Упрекъ въ непониманіи несправедливъ; а что они не уважаютъ искусства—это вѣрно. Наши реалисты, какъ люди молодые и не вполне установившіеся, до сихъ поръ еще не опредѣлили съ достаточною ясностью свои отношенія къ искусству. Реальное направленіе нашей литературы вообще находится теперь въ переходной порѣ: оно перестало быть смутнымъ инстинктомъ, но не сдѣлалось еще строгимъ и отчетливо-сознательнымъ убѣжденіемъ. Многіе упреки противной стороны заставляютъ нашихъ реалистовъ въ распλοхъ. Когда противники представляютъ имъ крайнія выводы, составляющія естественный и логическій результатъ ихъ собственныхъ положеній, тогда наши реалисты часто конфузятся, дѣлаютъ шагъ назадъ и стараются оправдаться. Само собою разумѣется, что такія колебанія вредятъ реальному направленію литературы, ободраютъ его противниковъ и даютъ имъ поводъ говорить поучительнымъ и покровительственнымъ тономъ разныя «жалкія слова» на ту печальную тему, что «молодо-зелено», и что всѣ нападки мальчишекъ на искусство и на науку происходятъ только отъ нежеланія учиться, и отъ ребяческой склонности ко всякому озорству. Всѣ уступки реалистовъ обращаются, такимъ образомъ, не только противъ ихъ общаго дѣла, но даже противъ ихъ отдѣльныхъ личностей. Эти уступки и колебанія безусловно вредны; но они въ то же время могутъ служить намъ превосходнымъ доказательствомъ той истины, что нашъ теперешній литературный реализмъ не вынужденъ изъ-за границы въ готовомъ видѣ, а формируется у насъ дома. У насъ нѣтъ готовой системы, изъ которой мы могли бы брать для нашей защиты сильные аргументы, придуманные какимъ нибудь заграничнымъ учителемъ; мы въ этомъ отношеніи не похожи на гегелистовъ прошлаго поколѣнія; намъ приходится готовить каждый аргументъ своими домашними средствами; оттого дѣло идетъ у насъ не очень прытко, оттого мы иногда пятаемся и провираемся, но это еще ничего не значитъ. Но конфузиться все таки не годится, а уже

сдѣланныя ошибки въ подобномъ родѣ слѣдуетъ исправлять для того, чтобы на будущее время обнаруживать, при столкновеніяхъ съ литературными противниками, больше достоинства, стойкости и сознательности. Года два тому назадъ наши литературные реалисты сильно опростоволосились, и этотъ случай такъ интересенъ и поучителенъ, что о немъ стоитъ поговорить подробно, для того чтобы опредѣлить разумныя отношенія настоящаго литературнаго реализма къ вопросу объ искусствѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1862 году. Въ февральской книгѣ «Русскаго Вѣстника» появляется романъ Тургенева: «Отцы и дѣти». Романъ этотъ, очевидно, составляетъ вопросъ и вызовъ, обращенный къ молодому поколѣнію старшею частью общества. Одинъ изъ лучшихъ людей старшаго поколѣнія, Тургеневъ, писатель честный, написавшій и напечатавшій «Записки охотника» задолго до уничтоженія крѣпостнаго права, Тургеневъ, говорю я, обращается къ молодому поколѣнію и громко предлагаетъ ему вопросъ: «Что вы за люди? Я васъ не понимаю, я вамъ не могу и не умѣю сочувствовать. Вотъ что я успѣлъ подмѣтить. Объясните мнѣ это явленіе». Таковъ настоящій смыслъ романа. Этотъ откровенный и честный вопросъ пришелся, какъ нельзя болѣе, вовремя. Его предлагала вмѣстѣ съ Тургеневымъ вся старшая половина читающей Россіи. Этотъ вызовъ на объясненіе невозможно было отвергнуть. Отвѣчать на него литературѣ было необходимо. — Это было-бы превосходно, если-бы каждая идея, проводимая мыслящими людьми, проникала въ общество, перерабатывалась въ немъ, и потомъ возвращалась-бы назадъ къ литераторамъ въ отраженномъ видѣ для повѣрки и поправки. Тогда умственная работа закипѣла-бы очень быстро и всякія недоразумѣнія между литературою и обществомъ оканчивались-бы вполне удовлетворительными объясненіями. Дурна или хороша была тенденція тургеневского романа — это все равно; для литературныхъ реалистовъ этотъ романъ былъ во всякомъ случаѣ драгоценнымъ извѣстіемъ о судьбѣ ихъ идеи, и еще болѣе драгоценнымъ поводомъ къ обстоятельному объясненію съ читающею публикою. Но надо было именно говорить со всѣмъ русскимъ обществомъ, а не съ личностью Тургенева и ужь, во всякомъ случаѣ, не съ литературною партіею «Русскаго Вѣстника». Надо было совершенно отодвинуть всторону оцѣнку романа, и сосредоточиться на разборѣ базаровскихъ идей, даже въ томъ случаѣ, если-бы самъ Базаровъ былъ каррикатурою.

Но «Современникъ» поступилъ какъ разъ на оборотъ. Совершенно измѣняя добролюбовскіе преданія, онъ далъ своимъ читателямъ чисто эстетическую рецензію. Г. Антоновичъ употребилъ всѣ силы своей діалектики на то, чтобы доказать, что романъ Тургенева плохъ, хотя публикѣ не было никакого дѣла ни до Тургенева, ни до его романа. Она хотѣла знать, что такое Базаровъ, и этотъ вопросъ имѣлъ для нея самое жизненное значеніе, потому что большая часть матерей, отцевъ и сестеръ видѣли въ своихъ дѣтяхъ и братьяхъ частицы или зародыши тѣхъ типическихъ особенностей, которыя сосредоточились и воплотились съ полною силою въ фигурѣ тургеневскаго нигилиста. «Если Базаровъ—карикатура, разсуждала публика, то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту карикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе. Если Базаровъ живой человекъ, то растолкуйте намъ его, мы не понимаемъ, ему насъ пугаетъ, и пугаетъ именно потому, что мы видимъ что-то непонятное и базаровское въ чертахъ характера многихъ изъ тѣхъ людей, которыхъ мы любимъ, отъ которыхъ намъ больно срываться и съ которыми мы не умѣемъ свыкнуться». Но этотъ животрепещущій вопросъ, доставленный жизнью, не дошелъ до слуха критика, углубившагося въ проведеніе остроумной параллели между г. Тургеневымъ и Викторомъ Ипатьевичемъ Аскоченскимъ. Критикъ «Современника» не хотѣлъ объяснить публикѣ и даже самому молодому поколѣнію, какой смыслъ заключается для него въ Базаровѣ, изъ какой общей идеи выходятъ тенденціи его. Задача, дѣйствительно, была очень обширная, и для удовлетворительнаго ея разрѣшенія требовалось очень много осторожности, хладнокровія и технической ловкости; надо было отказаться отъ всякихъ стремленій въ пафосъ и къ полемической декламации. Надо было уяснить себѣ свою собственную мысль во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ, и затѣмъ вложить ее въ полной ясности самыми холодными, безстрастными, и, пожалуй, даже безцвѣтными словами. Но критикъ написалъ статью чрезвычайно рѣзкую, напалъ на Тургенева съ неслыханнымъ ожесточеніемъ, уличилъ его въ танихъ мысляхъ и стремленіяхъ, о которыхъ Тургеневъ никогда и не думалъ, выдержалъ самую упорную борьбу съ несуществующими заблужденіями автора, и затѣмъ, наполнивъ этииъ воинственнымъ шумомъ нятдесять страницъ, оставилъ существенный вопросъ совершенно нетронутымъ. Съ Тургеневымъ критикъ расправ-

ляется очень бойко, но при встрѣчѣ съ тѣми людьми, которые считают Базарова уродомъ и злодѣемъ, онъ совершенно умолкаетъ. Эти люди говорятъ, что Базаровъ дѣйствительно существуетъ, и что онъ — лютое животное, подобное тѣмъ егонстамъ, для которыхъ г. Станицкій рекомендуетъ желѣзные кольца, продѣтыя въ ноздри. А критикъ Тургенева говоритъ, что Базаровъ — карриатура, что Базаровъ не существуетъ, но что если бы онъ существовалъ, то, конечно, его надо было-бы признать лютымъ животнымъ. Это значитъ, что дама просто пріятная говоритъ о лапкахъ да о глазкахъ: «ахъ, пестро!» а дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ возражаетъ: «ахъ, не пестро!», но въ сущности обѣ дамы вполнѣ согласны между собою въ томъ, что пестрое платье унижаетъ достоинство благовоспитанной губернской аристократки. Они спорятъ о фактѣ, и только объ одномъ фактѣ и при этомъ критикъ тщательно скрываетъ то обстоятельство, что онъ совершенно расходится съ гг. Дудышкинымъ, Зарнымъ и Катковымъ въ самомъ принципѣ, на основаніи котораго произносится сужденіе о достоинствѣ факта. И онъ даже не останавливается на одномъ молчаніи; онъ робко и неясно произноситъ такіа слова, которыя совершенно не вяжутся съ основными идеями «Современника»; словомъ, онъ конфузится, теряется и доходитъ въ своей скромности или въ тонкости своей литературной дипломатіи до очевиднаго молчаливства, но все это благополучно сходитъ съ рукъ, по милости воинственнаго экстаза, который составляетъ декорацию и направляется противъ личности Тургенева, какъ мыслителя, художника и гражданина. Базарова критикъ выдаетъ головой, и при этомъ онъ даже не смѣливается отстанвать то живое явленіе, по поводу котораго былъ созданъ Базаровъ. Причина, которую онъ оправдываетъ свою робость, въ высшей степени любезна: «сможалуй, говоритъ онъ, обличать въ пристрастіи къ молодому поколѣнію, а что еще хуже, стануть упорять въ недостатокъ самообличенія. Поэтому пускай кто хочетъ защищаетъ молодое поколѣніе, только не мы.» (стр. 93) Вотъ это очаровательно! Вѣдь защищать молодое поколѣніе значитъ, но не стоящему, защищать тѣ идеи, которыя составляютъ содержаніе его умственной жизни, и которыя управляютъ его поступками. Одно изъ двухъ: или критикъ самъ проникнуть этими идеями, или онъ ихъ отрицаетъ. Въ первомъ случаѣ, защищать молодое поколѣніе значить защищать свои собственные убѣжденія. Во второмъ слу-

чаѣ, защищать его не возможно, потому что человекъ не можетъ поддерживать ту идею, которую онъ отрицаетъ. Но критикъ, видите-ли, и радъ бы защитить, да боится, что «его обличать въ пристрастїи». — Къ чему? — Къ собственнымъ убѣжденїямъ. Удивительное обличенїе! Умень, долженъ быть, тотъ господинъ, который выступить съ подобнымъ обличенїемъ, да и тотъ тоже не дурень, кто боится такихъ обличителей. И зачѣмъ приводить такіе неестественные резоны? Просто не хватило умѣнья, и ничего тутъ нѣтъ достойнаго въ этомъ недостаткѣ наличныхъ силъ. Мы, люди молодые: поживемъ, поучимся подумаемъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ рѣшимъ тѣ вопросы, которые теперь, быть можетъ, заставляютъ насъ становиться въ тупикъ. Но валить съ больной головы на здоровую все таки не годится: Тургеневъ и Базаровъ, во всякомъ случаѣ, не виноваты въ томъ, что критикъ не умѣетъ защищать молодое поколѣніе, и что роль перваго критика въ «Современникѣ» не отвѣтствуетъ теперешнимъ размѣрамъ его силъ. А между тѣмъ, за все, про все отдуваются именно Тургеневъ, да Базаровъ. Чтобы доказать, что Базаровъ — гнусная карриатура, и что Тургеневъ написалъ презрѣнный пасквиль, критикъ «Современника» рассуждаетъ такъ неестественно, и пускаетъ въ ходъ такіа удивительныя ватажки, что читателю, знакомому съ романомъ «Отцы и дѣти», приходится на каждомъ шагу обвинять и уличать критика или въ непонятливости, или въ нежеланїи понимать. Какъ объяснить себѣ, напримѣръ, такой пассажъ: «Главный герой романа съ гордостью и заносчивостью говорить о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ» (стр. 68). Это Базаровъ-то! Съ гордостью и заносчивостью! О преферансѣ и ералашѣ! Миѣ даже совѣстно становится за критика. «Потомъ г. Тургеневъ старается выставить главнаго героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ-бы поѣсть и попить.» (Стр. 69). Подумавъ, право, что этотъ г. Тургеневъ есть нѣчто въ родѣ г. Бориса Федорова, пишущаго, для какихъ-то воображаемыхъ дѣтей ноучительныя рассказы о жадномъ Васенькѣ и о воздержной Парашѣ. «Даже смотрѣтъ глупо», какъ говорить г. Щедринъ въ своемъ рассказѣ «Развеселое житье». Но еще глупѣе смотрѣтъ на то, какъ критикъ «Современника», умышленно или нечаянно, уродуетъ сцену, происходящую передъ смертью Базарова. Вотъ это изумительное мѣсто: «герой, какъ медикъ, очень хорошо знаетъ, что ему остается до смерти нѣсколько часовъ; онъ

призываетъ къ себѣ женщину, къ которой онъ питаетъ не любовь, а что-то другое, непохожее на настоящую возвышенную любовь. Она яришла, герой и говоритъ ей: «старая штука смерть, а каждому вновь. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство, и фюитъ! Ну, чтожъ мнѣ сказать вамъ... Что я любилъ васъ? Это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь—форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая красивая».... («Читатель дальше яснѣ увидитъ, какой гадкй смыслъ заключается въ этихъ словахъ»). Она подошла къ нему поближе и онъ опять заговорилъ: «ахъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая... въ этой гадкой комнатѣ!»... (Стр. 657). «Отъ этого рѣзкаго и дикаго диссонанса теряеть всякое поэтическое значеніе эффектно написанная картина смерти героя». Читатель, конечно, недоумѣваетъ, и начинаетъ думать, что критикъ «Современника» прекраснѣйшій критикъ, но только «ужъ очень строгъ на счетъ маперъ», подобно Матренѣ Марковнѣ, супругѣ Егора Капитонича, изъ повѣсти Тургенева—«Затишье». Читатель никакъ не можетъ понять, гдѣ же тутъ «гадкй смыслъ», и въ чемъ именно чуткое ухо эстетика уловило «рѣзкій и дикй диссонансъ»? Оказывается дальше, что критикъ осгорбленъ не какъ эстетикъ, а какъ моралистъ. «И у автора, восклицаетъ онъ на стр. 73, поваращивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни, послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни, не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія съ своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видошь ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть. Очень мило!» Да ужъ такъ мило, что милѣе этого мѣста не выдумаль-бы ни г. Заринъ, ни г. Щегловъ. Всякй обыкновенный читатель видетъ ясно, что Базаровъ хочеть въ послѣдній разъ взглянуть на любимую женщину и въ послѣдній разъ сказать ей какое нибудь ласковое слово. Можетъ быть, со стороны Базарова очень непохвально занимать свои мысли передъ самою смертью такими суетными привязанностями. Чтожъ, думаетъ онъ, пускай посмотритъ. Пусть она ему улыбнется, пусть онъ увидитъ въ этой улыбкѣ тѣнь тихой грусти, пусть онъ выскажетъ ей словами или взглядами хоть что нибудь изъ той горячей любви, которую переполнена была его молодая душа.

Такъ подумаетъ самый обыкновенный и самый безхитростный чч-

татель, тотъ самый читатель, который, быть можетъ, на здороваго Базарова смотрѣлъ, какъ на злобнаго и опаснаго разрушителя. Такъ подумали, навѣрное, даже многіе изъ мудреныхъ русскихъ писателей, подобныхъ гг. Каткову, Павлову, Сварятину и другимъ блюстителямъ литературнаго благочинія. Но критикъ «Современника» такъ переполненъ воинственнымъ жаромъ, что онъ ни на одну минуту не жаждетъ сдѣлаться обыкновеннымъ и безхитрымъ читателемъ. Онъ надѣваетъ на себя неестественную маску; онъ старается быть неумолимо строгимъ. Онъ проникаетъ въ мысли Базарова и усматриваетъ въ нихъ грѣховную нечистоту. Прежде всего, онъ впускаетъ въ свой рассказъ нѣкоторыя невѣрности, которыя я, изъ вѣжливости, назову ошибками. Во первыхъ, Базаровъ не призываетъ Одинцову, а только посылаетъ ей сказать, что онъ умираетъ. Одинцова прѣзжаетъ къ нему безъ всякаго зова. Базаровъ не ожидалъ ея; онъ едва могъ надѣяться на то, что она прѣдетъ, и вслѣдствіе этого онъ, увидя ее передъ собою, чувствуетъ такой избытокъ радости и благодарности, что не находитъ даже, какъ и о чемъ говорить съ нею. Сверхъ того, онъ уже такъ плохъ, что въ присутствіи Одинцовой начинаетъ бредить, и вообще съ трудомъ можетъ связывать мысли. Онъ, какъ больной ребенокъ, смотритъ на нее, и видитъ, что она хорошая, и бормочетъ «славная, красивая, молодая, свѣжая, чистая, въ гадкой комнатѣ». При этомъ онъ только съ мучительною ясностью чувствуетъ поразительный контрастъ между ея цвѣтущей жизнью и своимъ собственнымъ разложениемъ. И тутъ, при всей его слабости, въ немъ не видно ни зависти, ни боязни. Какъ только Одинцова переступаетъ черезъ порогъ его комнаты, онъ говоритъ ей: «не подходите; моя болѣзнь можетъ быть заразной»; но Одинцова тотчасъ, по естественному движенію вѣжности и неустрашимости, подходитъ къ самой его постели. Тогда онъ и говоритъ: «ахъ, какъ близко!» Этими словами онъ хочетъ сказать: я кусокъ гнилаго мяса. Мнѣ больно за васъ. Зачѣмъ вы, молодая, свѣжая, чистая, дышите зараженнымъ воздухомъ этой гадкой комнаты. И въ тоже время ему, конечно, въ мысленной стѣнѣ пріятно, что она это не боится, что она смотритъ на него ласково и безъ отвращенія, что она не бѣжитъ вонъ изъ гадкой комнаты, а особенно пріятно для него то, что она въ самомъ дѣлѣ хорошая и милая женщина, а не только «вадова души возвышенной, благородной и аристократической», какъ называетъ ее критикъ. Базаровъ мучительно страдаетъ.

сливъ ея присутствіемъ и съ грустнымъ удовольствіемъ наслаждается ея простою и естественною гуманностью, потому что въ немъ шевелятся до самой послѣдней минуты высоко-человѣчныя и строго-разумныя мысли. И по поводу этого-то человѣка критикъ говорить о какомъ-то шекотаніи. Я даже не понимаю хорошенько, что именно онъ называетъ этимъ карательнымъ терминомъ. Во всякомъ случаѣя нахожу, что мнѣ давно пора прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ. Да, опростоволоосились наши реалисты, опростоволоосились до такой степени, что сочли нужнымъ поддерживать свое дѣло крючкотворною аргументаціею.

IV.

Наши умственные силы расходуются нерасчетливо—это не подлежитъ сомнѣнію, и въ признаніи этого факта сходятся между собою все наши литературные органы самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Гдѣ причина нерасчетливости? Когда приходится отвѣчать на этотъ вопросъ, тогда все органы бросаются въ разсыпную и другъ друга побиваютъ величіемъ своей ерунды. Все это очевидно доказываетъ, что ясныхъ и неопровержимыхъ аргументовъ не представляетъ никто, что въ корень дѣла не заглядываетъ ни одинъ писатель, и что настоящая причина нашей умственной суевѣры остается неизвѣстною всемъ ея искателямъ и обличителямъ. Если-бы кто нибудь растолковалъ публикѣ, какъ дважды два—четыре, въ чемъ состоятъ важныя интересы ея умственной жизни, то противники этого «кто нибудь» были-бы радикально побѣждены, потому что публика себя не врагъ и, стало быть, не будетъ обольщаться тѣмъ, что она, разъ на всегда признала для себя вреднымъ и невыгоднымъ. Поэтому, указать на эти интересы и доказать, что они дѣйствительно существенныя, это, разумѣется, самая важная задача современной литературы. Пока эта задача не будетъ рѣшена вполне, до тѣхъ поръ и писателямъ придется работать ошупью, и публикѣ выбирать себя кусочки изъ груды ихъ произведеній—также ошупью. Ни одинъ писатель не рѣшится сказать, что онъ работаетъ для нанесенія вреда читающему обществу; ни одинъ не рѣшится также сказать, что онъ своею работою не приноситъ обществу ни малѣйшей пользы; стало быть, все стремятся принести своимъ читателямъ пользу; между тѣмъ одни изъ нихъ дѣйствуютъ прямо на перекоръ другихъ. Если-бы чи-

татели «однихъ» были моллюсками, а читатели «другихъ» тараканами, то, разумѣется, можно было бы думать, что и «одни» и «другіе» говорятъ дѣло, потому что организація таракана не похожа на организацію моллюска, и, слѣдовательно, умственные интересы этихъ двухъ породъ могутъ быть діаметрально противоположными. Но, къ сожалѣнію, и однихъ, и другихъ читаютъ все-таки несчастные люди, стало быть очевидно, или одни, или другіе врутъ и вредятъ, а легко можетъ быть и то, что врутъ и вредятъ какъ одни, такъ и другіе, потому что способы вранья неисчислимы, между тѣмъ, какъ истина двояться не можетъ. Стало быть, есть писатели приносящіе чистый вредъ, или по медвѣжьей услужливости, или по узкой корыстности *); первые ошибаются, вторые лицемерятъ. Первыхъ надо урезонить, вторыхъ надо разоблачить для того, чтобы они сдѣлались безвредными и неопасными. Чтобы произвести эти двѣ операціи, то есть, чтобы радикально вычистить литературу, надо именно указать существенную пользу. Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ называется реализмомъ, и непременно обуславливаетъ собою строгую экономію умственныхъ силъ, то есть, постоянное отрицаніе всѣхъ умственныхъ занятій, не приносящихъ никому пользы. Реалистъ постоянно стремится къ пользѣ, и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ. Стало быть, строгій реалистъ, соблюдаетъ въ самомъ себѣ, и уважаетъ въ другихъ людяхъ строгую экономію умственныхъ силъ. Стало быть, разъяснить вполнѣ значеніе реализма въ литературѣ—значитъ рѣшить самую важную задачу современной идеи, и радикально очистить эту идею отъ ненужнаго сора и отъ безплодныхъ полемическихъ волненій.— Но различныя недоразумѣнія могутъ укрыться въ самомъ словѣ «польза», и поэтому прежде всего необходимо разъяснить эти недоразумѣнія. — Человѣкъ одаренъ чувствомъ самосохраненія. Онъ невольно и бессознательно любитъ свою жизнь и старается сохранить ее въ себѣ, какъ можно дольше. Такія крайности, какъ мотовство и скряжничество—одинаково нерасчетливы, потому что при обоихъ способахъ дѣйствія жизнь даетъ меньше наслажденій, чѣмъ сколько она могла-бы дать, при рациональномъ пользованіи. Дѣти такъ радикально предпочитаютъ пріятное полезному, то есть, непосредственное наслажде-

*) Въ концѣ концовъ и то, и другое слѣдуетъ къ нулюму.

нѣ отсроченному, что если посыпать сахаромъ ихъ молочную кашу и не размѣшать ее начальственной рукою, они непремѣнно встребятъ сначала элементъ *приятнаго*, то есть, чистый сахаръ, а потомъ уже, по необходимости, и съ тяжелымъ вздохомъ, примутся за гелюю *пользу*, то есть за кашу, которая, однако, была-бы гораздо вкуснѣе въ соединеніи съ *приятностью*. Взрослые называютъ этихъ юныхъ эпикурейцевъ глупыми ребятами и сами дѣлаютъ глупости гораздо болѣе крупныя. Напримѣръ, даже не всякій чиновникъ умѣетъ такъ распорядиться съ своимъ третьимъ жалованьемъ, чтобы въ началѣ трети не задавать неестественнаго форсу и въ концѣ трети не совершать свои зубы, положенные на пошку. Это значить—сначала облизалъ весь сахаръ, а потомъ лишилъ себя даже молочной каши. У кого хватаетъ предусмотрительности на четыре мѣсяца, у того можетъ не хватить ея на два года. Сколько бывало примѣровъ, что на литературное поприще выступаетъ вдругъ блестящее молодое дарованіе; два три успѣха быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ; опытные люди смотрятъ на него и радуются, но въ то же время совѣтуютъ ему потихоньку: почитайте книжку; поучитесь, голубчикъ. Ей Богу лучше будетъ.—Еще успѣю, говорятъ онъ, еще успѣю. — Успѣю, да успѣю, какъ вдругъ неожиданное «іаско» постигаетъ юное дарованіе, которое, какъ падающая звѣзда, мгновенно скатывается съ неба и скрывается на заднемъ дворѣ какаго нибудь «Сына Отечества» или «Развлеченія», куда, впрочемъ, настояція падающія звѣзды, сколько мнѣ извѣстно, не заглядываютъ...

V.

Базаровъ, съ первой минуты своего появленія, приволакъ къ себѣ всѣ мои симпатіи и онъ продолжаетъ быть моимъ любимцемъ даже теперь. Я долго не могъ себѣ объяснить причину этой исключительной привязанности, но теперь я ее вполнѣ понимаю. Ни одинъ изъ любимыхъ ему героевъ не находится въ такомъ трагическомъ положеніи, въ какомъ мы видимъ Базарова. Трагизмъ базаровскаго положенія заключается въ его полномъ уединеніи среди всѣхъ живыхъ людей, которые его окружаютъ. Онъ вездѣ производитъ свою особую рѣзкій диссонансъ, онъ всѣхъ заставляетъ отгадать своимъ присутвіемъ

и существованіемъ, онъ самъ это видитъ и понимаетъ; и понимаетъ, вромѣ того, съ мучительною ясностью роковыя причины и абсолютную немощность этихъ страданій, Люди, окружающіе Базарова, страдаютъ не отъ того, что онъ поступаетъ съ ними дурно, и не отъ того, что они сами дурные люди; напротивъ того, онъ не дѣлаетъ въ отношеніи къ нимъ ни одного дурнаго поступка, и они, съ своей стороны, также очень добродушные и честные люди. И тѣмъ хуже, тѣмъ мучительнѣе и безвыходнѣе ихъ положеніе. Нѣтъ причинъ для разрыва и нѣтъ возможности сблизиться. Нѣтъ возможности, потому, что нѣтъ ни одного общаго интереса, ни одного такого предмета который съ одинаковою силою затронулъ-бы умственные способности Базарова и его собесѣдниковъ. Ему приходится слушать ихъ, какъ пятилѣтнихъ дѣтей, рассказывающихъ, что вотъ они гулять ходили и вдругъ видятъ большую такую корову, и вдругъ эта корова подошла туда, знаете, къ рѣкѣ, и вдругъ начала пить.—Ну, такъ что-же? спрашиваете вы. — Ну вотъ напилась и пошла. — А потомъ? — Потомъ мы домой вернулись. — Вотъ вамъ и весь анекдотъ. И, выслушивая его, вы, изъ чувства естественной гуманности, должны тщательно наблюдать за вашею физиономіею, чтобы на ней не выразилось изумленіе, чтобы ваши губы не сложились невольно въ улыбку сострадательнаго недоумѣнія, и чтобы, кромѣ того, черты вашего лица изображали хоть малѣйшее участіе къ тому, что вамъ рассказывается съ чисто дѣтскимъ увлеченіемъ. Чуть только какойнибудь мускуль вашей физиономіи утомился отъ этого неестественнаго напряженія и подернулся не въ тактъ этой усыпительной музыкѣ, и вся гармонія нарушена, и весь плодъ вашихъ долговременныхъ усилій пропалъ безвозвратно, и рассказчикъ, человекъ добрый и честный, искренно желающій васъ утѣшить и развлечь, оказывается глубоко и смиренно опечаленнымъ своею немощностью и своею неспособностью дать вамъ то, чего бы вы желали. Если-бы онъ васъ обругалъ въ эту минуту, вы-бы этому обрадовались; но онъ тихо опечалится и замолчитъ; въ его душѣ будетъ только грусть, безъ малѣйшей горечи, но эту грусть вы въ немъ видите совершенно ясно, и совершенно независимо отъ его воли и его усилія скрыть отъ васъ эту грусть, то есть, не огорчить васъ, человекъ, огорчившаго его,—эти усилія, говорю я, дѣлаютъ его еще болѣе трогательнымъ въ вашихъ глазахъ; и вамъ больно было и ему больно, и обоимъ грустно, что развелили

другъ друга, и все-таки ничѣмъ, да вѣдь рѣшительно ничѣмъ, нельзя этому дѣлу помочь. Вотъ оно, дьявольское-то положеніе; вотъ что можетъ душу вытянуть изъ каждаго человѣка, способнаго мыслить и чувствовать. Я совѣтую читателямъ, получавшимъ «Русское Слово» за прошлый 1863 годъ, перечитать въ немъ повѣсть «Женитьба отъ скуки.» Тамъ именно такой разладъ между мужемъ и женою приводитъ къ сумасшествію и къ самоубійству. Результатъ вовсе не преувеличенъ, и развитіе трагической дисгармоніи прослѣжено тамъ очень удовлетворительно. Но молодой мужъ и молодая жена, по крайней мѣрѣ, имѣютъ хоть какую нибудь возможность разойтись; конечно, этотъ образъ дѣйствій тягостенъ и сопряженъ со многими неудобствами; конечно, трудно предположить, чтобы обоимъ разошедшимся супругамъ удалось устроить себѣ новое счастье; но все-таки есть выходъ, и во всякомъ случаѣ, лучше одинокое и безцвѣтное существованіе, чѣмъ мучительное сожитіе. Но когда между родственниками и дѣтьми появился такой разладъ, какой мы видимъ между старыми Базаровыми и ихъ сыномъ, тогда и выхода-то никакого нельзя придумать. Евгенийъ Базаровъ, разумѣется, можетъ отшатнуться отъ своихъ родителей и его жизнь все-таки будетъ полна, потому что ее наполняетъ умственный трудъ; но ихъ жизнь? И какой же настоящій Базаровъ, какой мыслящій человѣкъ рѣшится оттолкнуть отъ себя своихъ стариковъ, которые только имъ живутъ и дышатъ, и которые сдѣлали все, что могли, для его образованія. Эти старики буквально посадили его на своихъ плечахъ, чтобы онъ могъ ухватиться своими отроческими руками за нижнюю вѣтку древа познанія; онъ ухватился и полезъ, и залезъ высоко, и ходу нѣтъ назадъ, и спуститься невозможно, а имъ также невозможно подняться вверху, потому что они слабы и дряхлы, и приходится имъ аукаться издали, и приходится имъ страдать отъ того, что нѣтъ возможности разслышать и понять другъ друга; а между тѣмъ, старики и тому рады, что слышать, по крайней мѣрѣ, неясные звуки роднаго голоса. Скажите, бога ради, кто же рѣшится, находясь въ положеніи Базарова, замолчать совершенно и не отвѣчать ни однимъ звукомъ на вроткія и ласковыя рѣчи, поднимающіяся къ нему изъ подъ дерева? И Базаровъ откланиается.—И странно, и мучительно волнуются и борются въ широкой груди Базарова ненависть и любовь, беспощадный, стальной и холодный, судорожно-улыбающійся, демоническій скептицизмъ и горячее, тоскливое, порою радостное и

движущее романтическое стремление вдаль, вдаль, но не прочь отъ земли; а впередъ, въ манящую, ласкающую, глубокую синеву необозримаго лучезарнаго будущаго. Почитайте Гейне, и вы поймете, вы увидите въ образахъ эту ужасную смѣсь мучительныхъ ощущеній, которыми наградило всѣхъ мыслящихъ людей Европы наше общее историческое прошедшее. А покуда прочтите этотъ не большой разговоръ Базарова съ Аркадіемъ.

— «Нѣтъ, говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію, уѣду отсюда завтра. Скучно, работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправляюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всѣ свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: «мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ, никто тебѣ мѣшать не будетъ,» а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она вздыхаетъ за стѣной, а выйдешь къ ней и сказать ей нечего.

— Очень она огорчится; промолвилъ Аркадій, да и онъ тоже.

— Я къ нимъ еще вернусь.

— Когда?

— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

— Мнѣ твою мать особенно жалко.

— Что такъ? Ягодами что-ли она тебѣ угодила?

Аркадій опустилъ глаза.»—

Такъ тебѣ и надо поступать, Аркашенька. Больше ты, другъ мой разлюбезный, ничего и дѣлать не умѣешь; какъ только глазки опускать. Заговорилъ было съ тобою Базаровъ сначала какъ съ путнымъ человѣкомъ, а ты только, какъ старушка божія, охами да вздохами отвѣчать ухитрился. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ этотъ разговоръ. Базарову тяжело и душно; онъ видитъ, что и работать нельзя, да и для стариковъ-то удовольствія мало, потому что «выйдешь къ ней—и сказать ей нечего.» Такъ ему приходится скверно, что онъ чувствуетъ потребность высказаться хоть кому нибудь, хоть младенчеству кандидату Аркадію. И начинаетъ онъ высказываться отрывочными предложеніями, такъ какъ всегда высказываются люди сильные и сильно измученные. «Совѣстно какъ-то,» «ну и мать тоже,» «вздыхаетъ за стѣной,» «сказать ей нечего:» Кажется, не хитро понять изъ этихъ словъ, что не гаерствуетъ онъ надъ своими стариками, что не весело ему смотрѣть на нихъ сверху внизъ, и что самъ онъ видитъ съ поразительною ясностью, какъ

мало даетъ имъ его присутствіе, и какъ мучительна будетъ для нихъ необходимая разлука. Я думаю, умный человѣкъ, будучи на мѣстѣ Аркадія, понялъ-бы, что Базаровъ особенно заслуживаетъ въ эту минуту сочувствія, потому что быть мучителемъ, и мучителемъ роковымъ, для каждаго разумнаго существа гораздо тяжеле, чѣмъ быть жертвою. Умный человѣкъ хоть однимъ добрымъ словомъ дакъ-бы замѣтить огорченному другу, что онъ понимаетъ его положеніе, и что въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ нельзя помочь бѣдѣ, и что, стало-быть, дѣйствительно слѣдуетъ залить тяжелое впечатленіе свѣжими волнами живительнаго труда. А Аркадій? Опъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ ухватить Базарова за самое больное мѣсто: — «Очень она огорчится.» Точно будто Базаровъ этого не знаетъ. И точно будто эта мысль даетъ какое нибудь средство поправить дѣло. На это старушечье размышленіе Базаровъ могъ отвѣчать сокрушительнымъ вопросомъ: — Ну, а что-жъ мнѣ дѣлать, чтобъ она не огорчалась? И тутъ Аркадій, какъ настоящая старуха, повторилъ-бы опять ту-же минорную гамму съ легкою перестановкою нотъ: «она очень огорчится.» И такъ какъ изъ трехъ словъ можно сдѣлать шесть перестановокъ, то юный мудрецъ, повторивъ ту же фразу шесть разъ, замолчалъ-бы, находя, что онъ подалъ своему другу шесть практическихъ совѣтовъ, или шесть цѣлительныхъ бальзамовъ. Къ счастью, Базарову было не до диспутовъ съ этимъ пискливымъ цыпленкомъ. Опъ тотчасъ спохватился, вспомнилъ, что юный другъ его не созданъ для пониманія трагическихъ положеній, и сталъ продолжать разговоръ безъ всякихъ изліяній, въ самомъ лаконическомъ тонѣ. Но это плоское животное Аркадій не утерпѣлъ и произвелъ новое визжаніе, и опять еще грубѣе ухватилъ Базарова за больное мѣсто. «Мнѣ твою мать особенно жалко.» Въ сущности, это изрѣченіе есть ничто иное, какъ одна изъ шести возможныхъ перестановокъ. Но такъ какъ Аркадій взялся за перестановки очень хитро, то есть, сталъ выражать ту же мысль *другими* словами, то надо было опасаться, что перестановокъ будетъ не шесть, а даже гораздо больше. Базарову предстояло утонуть въ волнахъ цѣлительнаго бальзама и, очевидно, было необходимо сразу заморозить потоки кандидатскаго сердоболія. Ну, а Базаровъ на эти дѣла мастеръ. Какъ сказалъ объ ягодахъ, такъ и закрылись хляби сердечныя. Аркадій опустилъ глаза, что ему необходимо было сдѣлать въ самомъ началѣ разговора. — А наша критика?! А наша глубокая и проникательная критика!...

Она съумѣла только за этотъ разговоръ укорить Базарова въ жестокости характера и въ непочтительности къ родителямъ. — Ахъ ты коробочка доброжелательная! — Ахъ ты обличительница копѣчная! Ахъ ты лукошко глубокомыслія!

VI.

Взглядъ Базарова на отца Аркадія, Николая Петровича, доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ что Базаровъ желаетъ и старается сблизиться съ тѣми людьми старшаго поколѣнія, которые еще способны подвинуться впередъ. Но какъ сблизиться? Такъ-ли, чтобы Базаровъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ихъ сторону, или такъ, чтобы люди старшаго поколѣнія сами подошли къ Базарову и къ его идеямъ? То есть, другими словами, готовъ-ли Базаровъ сдѣлать рядъ уступокъ, или, напротивъ того, онъ желаетъ переубѣдить другихъ? Я думаю, достаточно поставить этотъ вопросъ, для того, чтобы считать его рѣшеннымъ. Человѣкъ, дѣйствительно имѣющій какія нибудь убѣжденія, только отъ того и держится этихъ убѣждений, что считаетъ ихъ истинными. Онъ, быть можетъ, ошибается; быть можетъ, онъ замѣтитъ со временемъ свою ошибку и тогда, разумѣется, тотчасъ перемѣнитъ въ своихъ убѣжденіяхъ то, что окажется несогласнымъ съ истиною; но покуда онъ не увидитъ ясно несостоятельности своихъ мнѣній, пока эти мнѣнія не разбиты ни фактами дѣйствительной жизни, ни очевидными доказательствами противниковъ, до тѣхъ поръ онъ думаетъ по своему, считаетъ свои идеи вѣрными, держится за нихъ твердо и, изъ чистой любви къ своимъ ближнимъ, чувствуетъ желаніе избавить ихъ отъ того, что онъ, справедливо или несправедливо, считаетъ заблужденіемъ. Когда сходятся между собою два человѣка различныхъ убѣждений, оба искренно преданные своимъ идеямъ, оба добросовѣстно стремящіеся къ истинѣ и оба на столько просвѣщенные, чтобы понимать возмутительную пошлость нетерпимости, тогда каждый изъ нихъ, видя въ своемъ собесѣдникѣ честнаго человѣка, и не имѣя причины ненавидѣть его, желаетъ открыть своему ближнему ту истину, которою онъ самъ обладаетъ. Одна изъ этихъ истинъ непременно оказывается заблужденіемъ; но тотъ, кто обладалъ этимъ заблужденіемъ, старался доставить ему побѣду, потому что видѣлъ въ немъ несомнѣнную исти-

ну. Можетъ быть—мало ли что бываетъ на свѣтѣ?—Можетъ быть, говорю я, Базарову и пришлось-бы въ чемъ нибудь сдѣлать искреннюю уступку идеямъ старшаго поколѣнія, но все-таки Базаровъ не могъ подходить къ старшему поколѣнію съ желаніемъ сдѣлать ему эту уступку, и съ тою мыслью, что такая уступка возможна. Подобная мысль и подобное желаніе составляютъ уже дѣйствительную уступку и могутъ возникнуть въ человѣкѣ искренно убѣжденномъ, только вслѣдствіе фактическихъ доказательствъ, а никакъ не вслѣдствіе мягкости характера. Когда у человѣка есть дѣйствительно какія нибудь убѣжденія, тогда ни состраданіе, ни уваженіе, ни дружба, ни любовь, ничто, кромѣ осязательныхъ доказательствъ, не можетъ поколебать или измѣнить въ этихъ убѣжденіяхъ ни одной мельчайшей подробности.

VII.

Если-бы отцемъ Базарова былъ Николай Петровичъ, крѣпкій и довольно образованный, сорока четырехлѣтній мужчина, то Базаровъ, можетъ быть, увлекъ-бы своего отца въ область реалистическаго труда и представители двухъ поколѣній съ любовью и съ взаимнымъ довѣріемъ стали-бы поддерживать и ободрять другъ друга. Молодой работалъ-бы больше пожилаго, но пожилой понималъ-бы его вполне, и совершенно ссзнительно радовался-бы каждому отдѣльному успѣху своего младшаго товарища, на котораго это сочувствіе дѣйствовало-бы самымъ живительнымъ образомъ. О разладѣ не могло-бы быть и рѣчи, потому что, вполне понимая другъ друга, эти люди видѣли-бы, что между ихъ интересами нѣтъ и не можетъ быть ни малѣйшей противоположности. Одинъ ищетъ истины и другой также ищетъ истины, и эта истина для обоихъ одна и та-же, и эта истина не такое благо, которое, доставшись одному, не могло-бы въ то-же время принадлежать и другому. Стало быть, и дуться другъ на друга незачѣмъ, и надо только договориться до взаимнаго пониманія. Базаровъ очень хорошо знаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ всякая попытка договориться до какого нибудь удовлетворительнаго результата совершенно бесплодна. Онъ никогда не пробуетъ серьезно разговаривать съ Ситниковымъ или съ

Букшиною, потому что эти господа, очевидно, изображаютъ своими особами бездонную бочку Данаядъ. Сколько въ нихъ не вали дѣльныхъ мыслей, хоть весь британскій музеумъ опрокинь въ ихъ головы, все будетъ пусто, и все будетъ проходить насквозь съ вѣдчайшею легкостью. Базаровъ не пробуетъ также вступать въ серьезные разговоры съ своими редителями, хотя эти родители вовсе не глухы отъ природы. Но договориться и съ ними не возможно: отецъ Базарова славный и добрый старикъ, еще бодрящійся, но уже начинающій впадать въ дѣтство; а мать его даже никогда не переставала быть ребенкомъ, хотя и была постоянно примѣрною супругою, отличною хозяйкою и до самоабвенія нѣжною матерью. Такія личности, обладающія здоровымъ и нормальнымъ мозгомъ, но живущія и умирающія безъ пособія этого органа, встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу, и доказываютъ своимъ существованіемъ ту несомнѣнную истину, что время полнаго господства головного мозга надъ явленіями человѣческой жизни наступитъ еще очень нескоро. Такія личности живутъ, такъ называемымъ, чувствомъ, то есть, каждое впечатлѣніе, не задерживаясь и не перерабатываясь въ ихъ мозгу ни одной минуты, немедленно переходитъ въ какой-нибудь поступокъ, въ которомъ эта поступающая личность никогда не спрашиваетъ у себя, и никогда не можетъ дать себѣ ни малѣйшаго отчета. Такія личности приходится по душѣ нашему обществу и нашимъ художникамъ, которые дѣйствительно имѣютъ съ ними довольно много точекъ соприкосновенія; но я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы такія личности могли имѣть особенно живительное вліяніе на медленное, страшно-медленное движеніе человѣчества къ свѣтлому будущему. Личности, подобныя старушкѣ Базаровой, это ходячіе пуховики, часто очень привлекательные, и всегда приглашающіе своею симпатичностью полезныхъ работниковъ опочить до конца жизни отъ несодѣланныхъ подвиговъ и разумаго труда. Съ этимъ милымъ, добродушнымъ, трогательно любящимъ и уже состарѣвшимся пуховикомъ Базаровъ, конечно, ни о чемъ не разсуждаетъ, потому что «я сказать ей нечего». Такимъ образомъ, Базаровъ разговариваетъ только съ Аркадіемъ, съ Николаемъ и Павломъ Петровичами и съ Одинцовою. Самое серьезное значеніе для Базарова и самый серьезный результатъ во всѣхъ отношеніяхъ могли имѣть разговоры съ Одинцовою; они могли доставить Базарову счастье взаимной любви, и они же могли дать обществу мыслящую женщину. Наслаждаюсь ра-

зумнымъ счастіемъ, Базаровъ удесатерилъ-бы свои рабочія силы и это пиращеніе пошло бы цѣликомъ на пользу общему умственному капиталу всего человѣчества. Одинцова, съ своей стороны, развернула бы всѣ свои силы своего здороваго ума. Но такіе счастливые результаты получаются очень рѣдко. Почти всегда какая-нибудь ничтожная олюшность нарушаетъ процессъ развитія въ самомъ его началѣ, подобно тому, какъ самое легкое движеніе воздуха разстраиваетъ всѣ расчеты химика и искажаетъ весь процессъ медленной и нормальной кристаллизаціи. Такъ случилось и въ исторіи Одинцовой. Ее испугала страстность Базарова, но если-бы таже страстность проявилась съ такою же силою двумя или тремя мѣсяцами повдѣе, то Одинцова увлеклась-бы ею сама до полнѣйшаго самозабвенія. Впрочемъ, объ отношеніяхъ реалистовъ къ женщинамъ я буду говорить впоследствии очень подробно. Аркадій, мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на кусокъ очень чистаго и очень мягкаго воска. Вы можете сдѣлать изъ него все, что хотите, но зато, послѣ васъ, всякій другой точно также можетъ сдѣлать съ нимъ все, что этому другому будетъ угодно. Вы можете натереть имъ мебель и паркетный полъ: Аркадій исполнитъ это назначеніе въ совершенствѣ! Вы можете превратить его въ свѣчку: Аркадій будетъ таять и уничтожаться въ порывахъ самопожертвованія, и можетъ уничтожиться безъ остатка, если никто не догадается дунуть на свѣтильню; но этотъ процессъ самонстребленія будетъ постоянно совершаться только въ непосредственной близости самаго огня и во время этого процесса вся свѣча будетъ совершенно холодна и равнодушна. Какъ только погаснетъ свѣтильня, неизмѣющая по своему составу ничего общаго съ воскомъ, такъ въ ту-же минуту прератится всякое таяніе и изнываніе. Если вы искусный скульпторъ, вы можете сдѣлать изъ этого восковаго Аркадія изящнѣйшую статуэтку и даже можете вложить въ складки его чела выраженіе глубокой задумчивости и мировой печали; но эту художественную бездѣлку вы непременно должны держать подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы ее не засидѣли мухи, кромѣ того, вы должны тщательно наблюдать, чтобы она не подвергалась вліаніямъ измѣнчивой температуры; попробуйте оставить ее на полчаса подъ лучами лѣтняго солнца и она расплывется такъ удивительно, что ея творецъ, искусный скульпторъ, не будетъ въ состояніи узнать свое любимое произведеніе. Не только глубокая задумчивость, не только

мировая печаль изгадятся безъ слѣда, но даже обыкновенныя черты человѣческаго образа ступаютъ до полнаго безличія. Но это ничего не значить. Если скульпторъ терпѣливъ, онъ можетъ немедленно взять свою отечную креатуру въ свои искусныя руки, и снова можетъ возстановить утраченное достоинство ея выраженія. Впрочемъ, надо сказать правду, что такой терпѣливый скульпторъ окажется чистымъ художникомъ, то есть, человѣкомъ, работающимъ изъ любви къ искусству, безъ малѣйшаго стремленія къ практической пользѣ, потому что такая восковая статуэтка можетъ быть только очень бесполезнымъ и очень непрочнымъ украшеніемъ дамскаго будуара. Въ концѣ концовъ, мухи засядутъ ее непремѣнно до полнаго помяченія и всекъ утратитъ всю свою первобытную чистоту, такъ что статуэтку все-таки придется отдать въ распоряженіе полотеровъ для украшенія паркета. Говоря проще, подъ старость Арнадій все-таки сдѣлается бесполезнѣйшимъ, а можетъ быть, и дряннѣйшимъ туземцемъ. А старость, то есть, житье въ брюкѣ, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета. Базаровъ разговариваетъ съ Арнадіемъ именно въ то время, когда послѣдній находится въ переходномъ состояніи изъ отрочества въ старость. Базаровъ видитъ своего, такъ называемаго, друга насивозъ и нисколько его не уважаетъ. Но иногда, какъ мыслящій человѣкъ, и какъ страстный скульпторъ, онъ увлекается тѣмъ разумнымъ выраженіемъ, которое его же собственное вліяніе накладываетъ порою на мягкія черты его воскового друга. Если бы вы спросили у Базарова: «выйдетъ-ли что нибудь путное изъ вашего друга?» Базаровъ отвѣчалъ-бы вамъ съ полнымъ убѣжденіемъ: «ничего путнаго не выйдетъ; будетъ разянированнымъ Маняловымъ и больше ничего.» Но на практикѣ Базаровъ не всегда послѣдовательно выдерживаетъ эту идею; онъ иногда обращается къ Арнадію такъ, какъ будто-бы онъ видѣлъ въ немъ какіе нибудь задатки сильнаго ума и твердаго характера. Это попятно и извинительно. Базаровъ такъ одинокъ, все окружающіе его люди смотрятъ на него такими измѣненными глазами, что поневолѣ одолеваетъ его иногда потребность хоть кому нибудь сказать человѣческое слово, хоть кому нибудь помочь добрымъ совѣтомъ. Николай Петровичъ положительно умѣе своего сына, и съ нимъ Базаровъ могъ-бы сблизиться, если-бы была какая нибудь возможность завязать это сблизеніе, то есть, сдѣлать первый шагъ. Но вѣдь желовно же, не-

удобно подойти къ постороннему человѣку пожилыхъ лѣтъ и, безъ малѣйшаго вызова съ его стороны, подарить ему нѣсколько непроненныхъ совѣтовъ касательно направленія его умственной дѣятельности. Аркадій могъ-бы явиться посредникомъ между отцемъ и Базаровымъ, но Аркадій не умѣетъ сдѣлать ни одного активнаго шага, а какъ неоперившійся птенецъ, производитъ ежеминутно разныя плоскости и безтактности. Братъ Николая Петровича, Павелъ, положительно мѣшаетъ всякому сближенію, постоянно вызываетъ Базарова на бесплоднѣйшіе діалектическіе поединки, жестоко надѣдаетъ ему, и наконецъ, завершаетъ всѣ свои подвиги глупѣйшею дуэлью, уже не на словахъ, а на пистолетахъ. Павелъ Петровичъ—человѣкъ очень неглупый и его фигура чрезвычайно любопытна и поучительна, какъ отживающая тѣнь печоринскаго типа. Эта тѣнь не хочетъ и не можетъ признать себя тѣнью, и встрѣчаясь съ тѣмъ типомъ, который живетъ въ настоящемъ, она, эта представительница прошедшаго, отрицаетъ его всѣми силами своего ума, и ненавидитъ его такъ, какъ скупой рыцарь ненавидитъ своихъ наслѣдниковъ. Печоринскій и Базаровскій типы ненавидятъ и отталкиваютъ другъ друга. Печорины и Базаровы рѣшительно не могутъ существовать вмѣстѣ въ одномъ обществѣ, потому что и Печорины, и Базаровы выдѣляются изъ одного матеріала: стало быть, чѣмъ больше Печоринныхъ, тѣмъ меньше Базаровыхъ и на оборотъ. Вторая четверть XIX столѣтія особенно благоприятствовала производству Печоринныхъ; новыхъ Печоринныхъ жизнь уже не отечаниваетъ, а старые, потускнѣлые и поблекшіе, никакъ не желаютъ понять, что ихъ время прошло. Прошло-ли оно невовратно, этого никто не рѣшится сказать, но что Печорины въ настоящую минуту не стоятъ на первомъ планѣ—это несомнѣнно. Печорины и Базаровы совершенно непохожи другъ на друга по характеру своей дѣятельности; но они совершенно сходны между собою по типическимъ особенностямъ натуры: и тѣ, и другіе—очень умные, и вполне послѣдовательные эгоисты; и тѣ, и другіе выбираютъ себѣ изъ жизни все, что въ данную минуту можно выбрать самаго лучшаго, и, набравши себѣ столько наслажденій, сколько возможно добыть, и сколько способны вмѣстить человѣческій организмъ, оба остаются неудовлетворенными, потому что жадность ихъ непомерна, а также и потому что современная жизнь вообще не очень богата наслажденіями. Очень умный человѣкъ можетъ наслаждаться мыслью только тогда, когда дѣятельность

мысли клонится къ какой нибудь великой и немечтательной цѣли. Великія цѣли бывають безконечно разнообразны въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ; но всѣ онѣ, въ сущности, могутъ заключаться только въ томъ, чтобы улучшить, такъ или иначе, положеніе той или другой группы человѣческихъ существъ. Переберите всѣ сѣры человеческой дѣятельности и вы увидите, что всѣ онѣ порождены и поддерживаются исключительно стремленіемъ людей къ нравственному или матеріальному благосостоянію. Не всѣ эти сѣры, далеко не всѣ, удовлетворяють своему назначенію; многія, очень многія изъ нихъ бесполезны для людей, и слѣдовательно, вредятъ уже тѣмъ, что поглощаютъ силы; многія вредятъ даже положительно, не только отвлекая силы, но и парализуя или извращая другія полезныя [проявленія человѣческой дѣятельности; но все-таки всѣ эти сѣры существуютъ для блага человѣчества. Такимъ образомъ, можно сказать рѣшительно, что для человѣческой мысли главная цѣль есть стремленіе къ человѣческому благополучію. Но въ исторіи бывають такія эпохи, когда стремленія къ человѣческому благополучію, и рѣшать задачи, вытекающія изъ этого стремленія, оказывается преждевременно. — Мысль, работающая для блага человѣчества, дѣйствуетъ обыкновенно по одному изъ двухъ главныхъ путей: или она прилагаетъ къ современной жизни людей тѣ результаты, которые уже добыты передовыми дѣятелями посредствомъ теоретическихъ изслѣдованій и научныхъ наблюденій; или же она добываетъ для будущаго времени новые результаты, то есть, производитъ изслѣдованія, наблюденія и опыты. Тѣ науки, которыя, подобно исторіи и политической экономіи, живутъ только безпристрастнымъ анализомъ междучеловѣческихъ отношеній, — въ подобныя эпохи теряють значительную долю своей занимательности. Этимъ наукамъ предяются въ такое время люди двухъ сортовъ: одни пишутъ учебники, другіе честно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что людямъ слѣдуетъ вѣчно спать, но спать облагороженнымъ сномъ, то есть, видѣть во снѣ великія идеи. Они восхищались своихъ слушателей одушевленными бесѣдами, отъ которыхъ, однако, никогда, ни при какихъ условіяхъ, ничего, кромѣ испаряющагося восхищенія, не можетъ произойти. Въ эту категорію я включаю всѣхъ честныхъ и умныхъ людей, подобныхъ Грановскому и Кудрявцеву. Эти имена пользуются у насъ уваженіемъ и я называю ихъ для того, чтобы не оставить въ моей мысли ни малѣйшей неясности. Эти два профес-

сора жили и умерли вполне честными людьми, но надо сказать правду, что имъ, въ этомъ отношеніи, сильно несчастливилось; ихъ въручила своевременная смерть, которую ихъ почитатели совершенно неосновательно называютъ преждевременною. Между такимъ историкомъ, какъ Грановскій, и такимъ, какъ г. Костомаровъ, лежитъ дистанція огромнаго размаха, а известно, что даже г. Костомарова застаютъ иногда въ расплахъ и ставятъ въ тупикъ запросы дробящейся жизни. Любопытно замѣтить, какъ тонко и вѣрно Тургеневъ выразилъ свое мнѣніе о дѣятельности Грановскаго. Пусть читатели припомнятъ личность Берсенева въ романѣ «Наканунъ» и пусть подумаютъ, могъ-ли Грановскій сформировать что нибудь выше и лучше Берсенева. Если-бы сѣмя всѣхъ сѣятелей всегда падало на такую добрую почву, какъ душа Берсенева, то и желать ничего болѣе не оставалось. Берсенева въ высокой степени честенъ, и на столько уменъ, чтобы быть очень полезнымъ работникомъ. Если-же общій результатъ берсеневаской дѣятельности оказывается совершенно ничтожнымъ, то виновато, исключительно, плохое качество того сѣмени, которое было принято и взлелѣано этимъ честнымъ и искреннимъ человекомъ съ полнѣйшимъ благоговѣніемъ и съ безмернѣйшею любовью. А кажется, Тургеневу, въ этомъ отношеніи, можно повѣрить, во первыхъ потому, что онъ зналъ вполне всѣ задушевные стремленія московскихъ кружковъ, а во вторыхъ потому, что его можно заодоврить скорѣе въ пристрастіи къ симпатичному Грановскому, чѣмъ въ преувеличенной вѣжливости къ угловатымъ реалистамъ нашего времени, что на его поправѣ никто-бы не могъ дѣйствовать лучше и цѣлѣе. Я знаю, что не могъ. Но это доказываетъ только, что ненаде ему было становиться на такое поприще. На это скажутъ, что лучше что нибудь, чѣмъ со-вѣтъ ничего. Съ этимъ я опять таки совершенно согласенъ, но только надо условиться въ пониманіи термина—«что нибудь». Если мнѣ очень хочется ѣсть, то я прому: дайте мнѣ, ради бога, хоть что нибудь! То есть, дайте мнѣ хоть сухую корку кляба. Но если мнѣ дадутъ палисандровую дощечку, или атласный доскутокъ, то я никакъ не скажу, что это—«что нибудь», а скажу что это—совсѣмъ ничего. При совершенно рациональномъ преподаваніи, исторія есть «что нибудь», и-можетъ слушать обществу очень дилетантскою пищею. Не при художественной манерѣ преподаванія, исторія превращается въ галерею ребрантовскихъ портретовъ. И хорошо,

и весело, и глаза разбѣгаются, а въ результатѣ выходятъ все таки совсѣмъ ничего. Видѣ какъ хотите толкуйте: Грановскому до Маколея очень далеко, а между тѣмъ, я бы покорнѣйше попросилъ кого нибудь изъ многочисленныхъ обожателей великаго Маколея доказать мнѣ ясно и вразумительно, что вся дѣятельность этого великаго человека принесла Англiи или человѣчеству хоть одну крупинку дѣйствительной пользы. А что дѣятельность всѣхъ ученыхъ и писателей, подобныхъ Маколею, принесла чрезвычайно много вреда, это вовсе не трудно доказать. Всѣ эти господа, сознательно или безсознательно, постоянно морочили грациозностью. Молодые люди, подобные Берсеневу, входятъ въ храмъ науки, и прежде всего попадаютъ въ преддверiе, изъ котораго расходятся въ двѣ противоположныя стороны—въ два корридора. Пойдешь на лѣво—тебѣ покажутъ тысячи палисандровыхъ дощечекъ и атласныхъ москутковъ, которые тебѣ придется жевать для утоленiя умственного голода. А пойдешь на право—тебя наорываютъ, одѣнутъ, обуютъ, обмоютъ, и покажутъ, кромѣ того, какъ кормить, одѣвать, обувать и обмывать другихъ людей. Въ лѣвомъ, атласнопалисандровомъ отдѣленiи храма наукъ господствуютъ: историографiя Маколея и его безчисленныхъ, даровитыхъ и бездарныхъ послѣдователей, политическая экономiя не менѣе безчисленныхъ учениковъ Мальтуса и Рикардо, и сверхъ того, пестрѣйшая толпа различныхъ «правъ»: римское, гражданское, государственное, уголовное, и множество другихъ. И всѣ атласнопалисандровыя подобiя наукъ тщательно приведены, посредствомъ усѣченiй и пришиванiй, въ строгую гармонию, какъ между собою, такъ въ особенности и съ общими современными требованiями. Въ правомъ отдѣленiи, напротивъ того, помѣщается изученiе природы. Если-бы молодымъ людямъ, вступающимъ въ храмъ науки, ставили вопросъ о двухъ корридорахъ такъ откровенно, какъ онъ поставленъ здѣсь, то, разумѣется, кому же была-бы охота идти на лѣво и жевать атласъ? Но, къ несчастiю, къ большому несчастiю для молодыхъ людей, и для всего человѣчества, — все лѣвое отдѣленiе биткомъ набито сладкогласными сиренами, въ родѣ Маколея и Грановскаго, которыя только тѣмъ и занимаются, что очаровываютъ и увлекаютъ своимъ мелодическимъ пѣнiемъ неопытныхъ посѣтителей великаго храма. Въ правомъ отдѣленiи совсѣмъ нѣтъ сиренъ, во первыхъ потому, что тамъ вообще до сихъ поръ мало обитателей, а во вторыхъ и потому, что настоящимъ обитателямъ рѣшительно

некогда заниматься пѣспопѣвнѣями одинъ добываетъ какую нибудь вислоту, другой анатомируетъ пузырчатую глѣзку, третій разсматриваетъ химическія свойства гуано, четвертый возится съ кореннымъ зубомъ вакого нибудь *Elephas meridionalis*, пятый прилаживаетъ отрѣзанную лапку лягушки къ гальванической батарее, шестой анализируетъ мочу помѣшанныхъ людей, и такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же прозаическомъ направленіи. Ну, скажите бога ради, такія-ли это занятія, чтобы можно было запѣть по поводу ихъ мелодическую серенаду, способную очаровать и привлечь молодыхъ посѣтителей, только-что поступившихъ въ храмъ науки, и неумѣющихъ ясно отличать область чистой фантазіи отъ области строгого знанія!—Неудивительно, что почти вся масса свѣжихъ умственныхъ силъ, не находившихъ себѣ никакого приложенія къ жизни, тратилась прежде или на строго неучное веденіе правильныхъ атакъ противъ женскихъ сердецъ, или на писаніе и чтеніе сочиненія и статей въ маколеевскомъ родѣ, только гораздо пожиже. Грановскіе и ихъ ученики Берсенева почти совершенно удовлетворялись этою послѣднею дѣйствительностью и были глубоко убѣждены въ томъ, что они дѣлають дѣло, и что Россія, только по своей крайней неразвитости, не считаетъ ихъ великими гражданами; но люди болѣе умные, люди, подобные Лермонтову и его герою Печорину, рѣшительно отвергивались отъ русскаго маколейства и искали себѣ наслажденій въ любви, страдали исключительно отъ любовныхъ неудачъ, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, довели русское донъ-жуанство до замѣчательной виртуозности и все таки скучали, какъ ни были разнообразны и очаровательны отдѣльные эпизоды этой многотрудной дѣятельности. Быбрать себѣ донъ-жуанство, когда общество живетъ или начинаетъ жить полною жизнью, значить, во первыхъ, обнаружить замѣчательное скудоуміе, а во вторыхъ, обнять мечту вмѣсто дѣйствительности; потому что въ живущемъ или пробуждающемся обществѣ, субъектъ, не имѣющій за собою никакихъ достоинствъ, кромѣ стремленія къ любви, одержитъ весьма слабое количество очень небластящихъ побѣдъ. Въ такомъ обществѣ женщины всегда требуютъ отъ своихъ поклонниковъ хоть какихъ нибудь внѣшнихъ признаковъ дѣльности и умственной энергіи; тутъ ужъ невозможно колотить себя въ грудь и божиться, что въ этой груди заключены исполнскія силы, которыя тщетно стремятся найти себѣ исходъ; тутъ самая простодушная женщина

скажетъ этому колотителю: чтожь вы не проявляете вашихъ силъ? Вѣдь вотъ М и N проявляютъ. И вы проявите.—И останется на это сказать только: слушаюсь-сь, сударыня; завтра же проявлять начну. Но въ цвѣтущее время печоринства постоянная праздность, хроническое скучаніе, п полный разгулъ страстей дѣйствительно составляютъ неизбѣжную и естественную принадлежность самыхъ умныхъ людей. Конечно, маску вѣчной скуки надѣвали на себя такіе люди, которые просто были глупы, которые во всякое время были-бы праздными, и которые старались только прострѣлить жепское сердце разочарованными взорами. Грушницкіе носили тогда обноски Печоринныхъ, такъ точно, какъ теперь Ситниковы носятъ обноски Базаровыхъ. Конечно, и настоящіе Печорины часто интересничали своимъ случаніемъ, когда это интересничаніе могло остаться незамѣченнымъ, сойдти за чистую монету и ускорить желанную развязку любовной интриги. Но, не смотря на то, скука настоящихъ Печоринныхъ вовсе не была маскою; она ихъ дѣйствительно тяготила, и, если бы какой нибудь благодѣтельный гений предложилъ имъ снять съ нихъ эту проклятую обузу, то они съ большимъ удовольствіемъ дали-бы клятвенное обязательство никогда не надѣвать на себя личину этой скуки «для пущаго трагизма», какъ выражается г. Зайцевъ. Печорины были во всѣхъ отношеніяхъ умнѣ Берсене-выхъ, и поэтому-то именно имъ и не оставалось никакого выхода изъ скуки и изъ міра любовныхъ похожденій. Конечно, ихъ силы могли-бы найти себѣ удовлетвореніе въ глубокомъ изученіи природы, но вѣдь надо же помнить, что въ нашемъ любезномъ отечествѣ только что на этихъ дняхъ сдѣлано то великое открытіе, что естественныя науки дѣйствительно существуютъ, что онѣ способны принести людямъ нѣкоторую пользу, и что не мѣшало-бы, вмѣсто «розъ Теокрита» возрастить на російскихъ сѣвгахъ нѣчто въ родѣ химіи, физиологіи и анатоміи. Для Печоринныхъ естествознаніе было тѣмъ, чѣмъ будетъ, вѣроятно, во всякое время, интегральное исчисленіе для огромнаго большинства людей. Стало быть, Печориннымъ не было никакого выбора и постоянная ихъ праздность нисколько не можетъ служить доказательствомъ ихъ умственной хилости. Даже напротивъ того.

VIII.

Германія, классическая страна «здороваго растительнаго сна», настоящая родина чистѣйшаго филистерства, совершенно недоступнаго въ своей полной чистотѣ для всѣхъ остальныхъ частей нашей планеты, Германія, говорю я, съумѣла однако устроить такъ, что ея многолѣтній сонъ не пропалъ даромъ, ни для нея самой, ни для человѣчества. Первые шестьдесятъ четыре года XIX столѣтія останутся навсегда незабвенною эпохою, какъ колыбель новѣйшаго естествознанія, Либихъ, Леманъ, Мульдеръ, Мошоттъ, Дюба-Реймонъ, Полюгеръ, Фирховъ, Фирордтъ, Фалентинъ, Гельмгольцъ, братья Веберы, Карлъ Фохтъ, Гиртъ, Броннъ, Келликеръ, Фульротъ, Шахтъ, Александръ Гумбольдтъ, Шваннъ, Функе, Эренбергъ, Зибольдъ, и другіе, болѣе или менѣе замѣчательные, натуралисты, сдѣлали изъ этой эпохи незыблемый фундаментъ для будущаго развитія естествознанія. «Химическія письма» Либиха, «Круговоротъ жизни» Мошотта, «Исслѣдованія о животномъ электричествѣ» Дюбуа-Реймона, «Целлюлярная патологія» Фирхова, «Анатомія» Гиртля, «Гистологія» Келликера, «Дерево» Шахта, «Космосъ» Гумбольдта навсегда останутся драгоценнѣйшимъ достояніемъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Эти труды не только владутъ фундаментъ будущаго благосостоянія, но, кромѣ того, даже въ настоящемъ увеличиваютъ богатство массъ; подобные люди счастливы, глубоко и безконечно счастливы въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, они прежде другихъ совершаютъ тѣ великія тайны природы, съ которыхъ они срываютъ завѣсу; и во вторыхъ, они видятъ счастье тѣхъ людей, которые имъ однимъ обязаны своимъ благосостояніемъ. Конечно, многія тайны остаются для нихъ недоступными; но я и не говорю, что истинные ученые естествоиспытатели наслаждаются безоблачнымъ блаженствомъ. Они часто и страдаютъ, и волнуются, но они не отдадутъ этихъ великихъ минутъ страданія и волненія за миллионы невозмутимыхъ филистерскихъ благополучій. Вы любите женщину, васъ волнуетъ и терзаетъ и ея присутствіе, и ея отсутствіе, и ея слова, и ея взгляды, и ея холодность, и ея страстность; въ самыя счастливыя минуты вы не знаете са-

мы, весело ли вамъ, или больно; а между тѣмъ, всё эти мучительныя ощущенія безконечно дороги для васъ, и дороги даже тогда, когда весь вашъ романъ цѣликомъ ушелъ въ прошедшее, и когда у васъ не осталось для настоящаго ровно ничего, кромѣ грустно-радужныхъ воспоминаній; какъ только прошедшее выступаетъ ярко передъ вашею памятью, такъ вамъ становится положительно больно, и никакого изъ этой боли не можетъ выйдти толку; а между тѣмъ, вы любите даже эти томительныя минуты, и вы ни за что не согласились бы взять себѣ забвеніе, если бы даже оно было возможно. Если вы когда-нибудь любили, то вы найдете эти замѣчанія вѣрными, и вы получите тогда легкое понятіе о томъ, какимъ образомъ знающіе естествоиспытатели относятся ко всѣмъ трудамъ, несприятностямъ и страданіямъ той дѣятельности, которая наполняетъ всю ихъ жизнь. Когда типъ скучающихъ Печоринныхъ процвѣталъ въ нашемъ отечествѣ, тогда все таки никакія обстоятельства не мѣшали и не хотѣли мѣшать развитію физическихъ, химическихъ и физиологическихъ изслѣдованій. Конечно, идеи Фейербаха и Бюхнера считались и тогда очень предосудительными. Но совсѣмъ не въ этихъ идеяхъ и заключается сила совершеннаго естествознанія. Если до сихъ поръ мы относимся къ этимъ идеямъ съ особенною нѣжностью, и накидываемся на нихъ съ особенною жадностью, то это доказываетъ только, что мы стоимъ еще на самомъ порогѣ настоящей науки, и что мы до сихъ поръ никакъ не можемъ отказаться отъ ребяческой замашки строить системы міра изъ двухъ десятковъ собранныхъ кирпичей. Кромѣ того, запрещенный плодъ всегда привлекателенъ. Но настоящіе натуралисты тѣ, которымъ нѣтъ причины нѣжничать съ запрещенными плодами, и тѣ, которые находятъ скучнымъ полемизировать съ подобными созданіями человѣческой глупости, тѣ, говорю я, относятся съ глубочайшимъ равнодушіемъ къ такимъ системамъ, начиная съ необузданнаго идеализма Платона, и кончая простымъ матеріализмомъ Бюхнера. Они даже перестали удивляться тому, что люди спорятъ о такихъ предметахъ. Мы желаемъ работать, говорятъ естествоиспытатели, а не фантазировать. Работа же наша состоитъ въ изученіи тѣхъ сторонъ природы, которыя можно видѣть, измѣрять и вычислять. Такъ разсуждаютъ величайшіе изъ современныхъ натуралистовъ, и простота, и разумность такихъ разсужденій такъ очевидны, такъ

неотразимо дѣйствуютъ на всѣ человѣческіе умы, даже на самыя неравныя, что передъ трудами натуралиста преклоняются съ невольнымъ уваженіемъ люди всѣхъ политическихъ партій. На основаніи всѣхъ предъидущихъ соображеній, я рѣшаюсь высказать ту мысль, что наши Печорины могли проникнуть въ область труда, недоступную атмосферическимъ волненіямъ, и проникли-бы въ нее непременно, если бы они только имѣли ясное понятіе о ея существованіи. Мнѣ кажется, что имъ всего болѣе мѣшали открыть эту область три вещи: во первыхъ, наше общее невѣжество, во вторыхъ—поэзія и эстетика и въ третьихъ—ученое фразерство нашихъ добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ Маколеевъ. Послѣднія двѣ причины мѣшали преимущественно тѣмъ, что возбуждали въ сильныхъ и естественно-скептическихъ умахъ нашихъ Печоринныхъ презрѣніе къ умственной дѣятельности вообще. Они думали, по своей необразованности, что видятъ передъ собою образчики всей человѣческой науки и, замѣчая тотчасъ дряблость и практическое убожество тѣхъ занятій, которымъ, съ колѣнопреклоненіями и съ священнымъ ужасомъ, предавались наши Берсенева, они, Печорины, рѣшали сразу, что все это чепуха, и что надо жить, пока живется, и что скука составляетъ неизбежную непріятность въ жизни вѣждаго умнаго человѣка. Я увѣренъ, что читая даже статьи Бѣлинскаго, многіе Печорины разсуждали про себя: «Да. Славно пишеть. И умно, и честно. Но къ чему все это? И если они разсуждали такимъ образомъ, то нельзя сказать, чтобы они были совершенно неправы. Если-бы Бѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глаза на глазъ, съ полною откровенностью, то они разошлись-бы между собою на очень многихъ пунктахъ. А если-бы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то мы не сошлись-бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ. Читатели «Русскаго Слова» знаютъ уже, какъ радикально мы разошлись съ Добролюбовымъ во взглядѣ на Катерину, то есть,—въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ оцѣнка свѣтлыхъ явленій въ нашей народной жизни. Слѣдовательно, самыя идеи Бѣлинскаго уже не годятся для нашего времени. Въ свое время онѣ были очень полезны, но неосновательно было-бы утверждать, что въ его время невозможны были такія другія идеи, которыя принесли-бы десятиро больше пользы. Мнѣ кажется, что такія идеи были возможны даже тогда. Бѣлинскій, усвоившій себѣ полули-

тературное, полуфилософское образованіе, не могъ отдѣлаться производникомъ этихъ другихъ идей; но тотъ-же Бѣлинскій, получившій математическое и строго реальное образованіе, тотъ же Бѣлинскій, съ тѣмъ же сильнымъ умомъ, съ тѣмъ же блестящимъ талантомъ, съ тѣми же честными убѣжденіями, но только Бѣлинскій натуралистъ, а не эстетикъ и не гегельянецъ, принесъ-бы въ десять разъ больше пользы; и послѣ дѣятельности такого атлета, мнѣ, конечно, не было-бы ни надобности, ни даже возможности писать въ 1864 году настоящія строки. Но немногіе уцѣлѣвшіе и составившіеся Печорины никакъ не хотятъ и не могутъ повѣрить тому, что они, при всемъ своемъ умѣ, были круглыми невѣждами и, въ теченіи всей своей жизни, скучали не по возвышенности своей натуры, а только потому, что не знали, какъ взяться за дѣло. Поэтому, при встрѣчѣ съ молодыми Печоринными, они стараются ихъ разразить аргументами, какъ разражали, въ былые годы, гегелистовъ и маколеевъ россійской фабрикаціи. Но тутъ коса находитъ на камень и старые Печорины замѣчаютъ въ молодыхъ ту же холодную ясность взгляда, ту же умственную требовательность, ту же безпощадность ироніи, словомъ, всѣ тѣ-же свойства, которыми они сами навели трепетъ на Максима Максимовича, и благоговѣйную любовь на князю Мери. И ко всему этому присоединяется знаніе, котораго у пятигорскаго демона не было. Да еще, въ добавокъ, не скучаютъ канальи, и даже отрицаютъ скуку, то есть ухитряются, такимъ образомъ, перещеголять демона даже въ отрицаніи, которое, какъ извѣстно, составляетъ его нарочитую спеціальность. Разумѣется, все это неизмѣнно бѣситъ посѣдѣвшихъ Печоринныхъ, и имъ, чтобы не видѣть молодыхъ чертенятъ, которые оказываются шустрѣе старыхъ, — остается только взять примѣръ съ Павла Петровича Кярсанова, то есть, уѣхать въ Дрезденъ и показывать себя публикѣ на брюлевской террасѣ.

IX.

Базаровъ говоритъ Аркадію: «твой отецъ добрый малый, но онъ человекъ отставной, его пѣсенка спѣта. Онъ читаетъ Пушкина. Работай ему, что это никуда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора

бросить эту ерунду. Дай ему что набудь дѣльное, хоть Бюхнерово «*Stoff und Kraft*» на первый случай». Выписавъ эти слова, г. Антоновичъ прибавляетъ отъ себя замѣчаніе: «Сынъ вполне согласился съ словами друга и почувствовалъ къ отцу сожалѣніе и презрѣніе». Во первыхъ, это не правда, ни сожалѣнія, ни презрѣнія Аркадій не чувствовалъ къ своему отцу, ни до этого разговора, ни послѣ. А во вторыхъ, если-бы даже глупость Аркадія дошла до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, то, разумѣется, *сожалѣніе и презрѣніе* родилась-бы въ немъ не отъ того, что онъ *согласился съ словами друга*, а отъ того, что онъ *понялъ* эти слова совсѣмъ наизуворотъ. Базаровъ нисколько не желаетъ раздѣлнать сына съ отцомъ; напротивъ того, Базаровъ своимъ совѣтомъ указываетъ на тотъ единственный путь, по которому Аркадій можетъ приблизиться къ Николаю Петровичу, не имѣянія идея своего поколѣнія. Но прежде всего необходимо правильно понимать Базарова; онъ выражается всегда очень сильно и довольно небрежно; поэтому, если мы захотимъ придираться къ отдѣльнымъ словамъ, намъ будетъ вовсе нетрудно извратить ихъ смыслъ, обвинить Базарова въ различныхъ наглостяхъ, и даже отыскать въ каждой его фразѣ по нѣскольку противорѣчій. Напримеръ, онъ говоритъ, что Николай Петровичъ — человекъ отставной, и въ тоже время совѣтуетъ дать ему что набудь дѣльное. Явное противорѣчіе! Если отставной, такъ и пускай читаетъ Пушкина; но зачѣмъ его и отрывать отъ этого безвреднаго занятія. Далѣе: противъ чтенія Пушкина приводится тотъ аргументъ, что «вѣдь онъ (т. е. Николай Петровичъ) не мальчишкѣ.» Это опять похоже на бессмыслицу. Значитъ, если-бы Базаровъ увидалъ сочиненія Пушкина въ рукахъ семнадцатилѣтняго мальчика, то онъ этого мальчика похвалилъ-бы за прилежаніе и нашелъ бы, что этому мальчику дѣйствительно слѣдуетъ тратить время на чтеніе «Кавказскаго плѣнника» и «Бахчисарайскаго фонтана.» Уличивши, такимъ образомъ, Базарова въ противорѣчія, доказавши ему, что онъ самъ не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ, мы, конечно, безъ малѣйшаго труда, придемъ къ тому заключенію, что Базарову, какъ самолюбивому мальчишкѣ, хочется только поумничать надъ почтеннымъ отцомъ семейства, и что вся тирада противъ Пушкина должна быть приписана этому мелкому предосудительному побужденію. Это заключеніе чрезвычайно печально, потому что оно доказываетъ намъ удивительную непрочность той

гармоніи, которая господствуетъ въ самыхъ лучшихъ и просвѣщен-
ныхъ русскихъ семействахъ.

Когда Базаровъ говоритъ съ Аркадіемъ о Николаѣ Петрови-
чѣ, то слова могутъ подать поводъ къ ложнымъ истолкованіямъ;
въ этихъ словахъ можно отыскать безсвязность и нелѣпость; но
стоитъ только взглянуть на эти слова безъ предубѣжденія, чтобы
увидать и понять немедленно честныя, чистыя и вполне сознатель-
ныя стремленія Базарова. — Зачѣмъ онъ говоритъ Аркадію, что
его отецъ — человѣкъ отставной? — Очень понятно, зачѣмъ. — Арка-
кадій — юноша впечатлительный. Приѣхавъ въ деревню, онъ подчи-
няется вліянію разнѣживающей обстановки и увлечется симпатичною,
личностью своего добраго отца. Любить отца очень похвально, но вся-
кій читатель вѣроятно согласится со мною въ томъ, что двадцатилѣтне-
му юношѣ не слѣдуетъ относиться къ требованіямъ современной дѣй-
ствительности такъ, какъ относится къ нимъ сорока-четырехлѣтній муж-
чина. Если пожилой человѣкъ отдыхаетъ и благодушествуетъ, если онъ
занимается полезнымъ трудомъ отъ нечего дѣлать, если этотъ трудъ
составляетъ для него не цѣль и смыслъ всего существованія, а толь-
ко пріятное развлеченіе, въ родѣ прогулки для моціона, если, говоря
я, все это дѣлается помыслимъ человѣкомъ, то мы отъ всей души гово-
римъ ему спасибо за то, что онъ не мѣшаетъ работѣ другихъ лю-
дей, и еще за то, что онъ способенъ находить удовольствіе въ та-
кихъ занятіяхъ, которыя не могутъ быть названы совершенно без-
полезными. Мы всегда должны помнить, что человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ
провелъ всю свою молодость въ печоринскомъ періодѣ, и что вы-
нужденная неподвижность дѣйствуетъ на человѣческія силы гораздо
разрушительнѣе, чѣмъ самый тяжелый и изнурительный трудъ. По-
этому, реалисты никогда не потребуютъ отъ Николая Петровича,
чтобы онъ съ юношескою энергіею и съ горячимъ усердіемъ при-
нялся за работу нашего времени. Но по этой же самой причинѣ
реалисты отнесутся съ молниимъ и совершенно справедливымъ пре-
зрѣніемъ къ тому двадцатилѣтнему празднотелю, который вздумаетъ
отдыхать, благодушествовать и дилетантствовать, подобно Николаю
Петровичу. Или работой серьезно, или совѣтъ не принимайся за ра-
боту — они скажутъ каждому изъ своихъ сверстниковъ, потому что
отъ нихъ, отъ нашихъ сверстниковъ, мы имѣемъ полное право на-
стоятельно требовать непреклонной энергіи, желѣзнаго терпѣнія и

неугомимаго трудолюбія. У кого нѣтъ этихъ свойствъ и кто, будучи двадцатилѣтнимъ, здоровымъ парнемъ не умѣетъ выработать въ себѣ эти свойства, тотъ не можетъ пользоваться уваженіемъ нашихъ, того ошибаются и осмѣютъ, если онъ осмѣлится пуститься въ добродѣтельныя фразы о своемъ пламенномъ сочувствіи общему дѣлу отечественнаго прогресса. Намъ нужна полезная работа, и нѣтъ никакого дѣла до пламенныхъ сочувствій. Сочувствіе же мы съ полною признательностью принимаемъ только отъ тѣхъ людей, которые уже не въ силахъ быть дѣятельными работниками. Теперь понятно, что значать слова Базарова: «твой отецъ — человѣкъ отставной». Это значить: помни, о другъ мой, Аркадій Николаевичъ, что съ твоей стороны будетъ совершенно неприлично вести тотъ образъ жизни, который дѣлаетъ твоему пожилому отцу большую честь. Онъ поступаетъ хорошо, потому что онъ отставной, но тебѣ рано выходить въ отставку. Смотри же, держи ухо востро, если не желаешь къ двадцати пяти годамъ сдѣлаться Афанасіемъ Ивановичемъ. Когда Аркадій женился на Катеринѣ Сергѣевнѣ, онъ дѣйствительно превратился въ Афанасія Иваныча, и можно было сказать заранѣе, что всѣ предостереженія Базарова пропадутъ даромъ, потому что воскъ ни при какихъ условіяхъ не перестанетъ быть воскомъ, и не сдѣлается ни сталью, ни алмазомъ. Но вѣдь Базаровъ не виноватъ въ томъ, что его разумныя слова попадали въ ослиное ухо. Слова все таки разумны, намѣреніе все таки честно, а если успѣхъ повеливъ, такъ что же съ этимъ дѣлать? Намъ пришлось-бы наложить на себя пифагорейскій обѣтъ молчанія, если-бы мы стали высказывать наши мысли только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ навѣрное должны попасть въ цѣль и произвести осязательный практическій результатъ. Это напоминаетъ мнѣ, что извѣстный герой Егоръ Козыревъ или «душа Тряпичкинъ» называетъ Базарова болтуномъ. О Господи! Ужъ не нашихъ бы литераторамъ высказывать этотъ упрекъ. Намъ, пишущимъ людямъ, приходится болтать десятки лѣтъ прежде, чѣмъ наша болтовня дойдетъ по назначенію. Или, можетъ быть, Егоръ Козыревъ или г. Щедринъ думаетъ, что каждое его слово творить чудеса и извлекаетъ изъ камня нашей закоснѣлости живую воду плодотворныхъ идей и высокихъ стремленій? Ну, и пускай думаетъ! Блаженъ, кто вѣруеть, тепло тому на свѣтъ! — Но Базаровъ даже и говорить

то совѣтъ немного, и выражаетъ свои мысли такъ коротко и отрывисто, что почти каждое его слово требуетъ дополнительныхъ пояснительныхъ комментаріевъ. Такъ не говорятъ болтуны, то есть, люди наслаждающіеся звукомъ собственныхъ рѣчей. Такъ говорятъ только дѣловые люди, чувствующіе непримиримую ненависть ко всякому риторству. Сказавши Аркадію, что его отецъ отставной человѣкъ, Базаровъ на этомъ не останавливается. Онъ не хочетъ махнуть рукой на отставнаго человѣка и отвернуться отъ него. Онъ говоритъ Аркадію: «растолкуй ему, что это нигуда негодится...» «Дай ему чтонибудь дѣльное.» — Зачѣмъ онъ это говоритъ. Конечно не затѣмъ, чтобы сдѣлать Николая Петровича великимъ естествоиспытателемъ. И конечно не затѣмъ, чтобы покуражиться надъ этимъ добродушнымъ и смиреннымъ человѣкомъ. Если-бы онъ хотѣлъ куражиться, то онъ самъ полезъ-бы съ совѣтами къ Николаю Петровичу, вмѣсто того, чтобы разговаривать съ его сыномъ. Базаровъ просто желаетъ подѣлиться тѣмъ, что онъ считаетъ высшими человѣческими наслажденіями со всякимъ, кто только способенъ воспринять и почувствовать эти наслажденія. Если вы любите ѣсть устрицы, то очень естественно, что вы при случаѣ будете угощать устрицами каждаго изъ вашихъ знакомыхъ; и вы даже, съ особеннымъ удовольствіемъ, будете вовлекать въ любовь къ устрицамъ тѣхъ людей, которые никогда не брали ихъ въ ротъ и смотреть на нихъ съ невольнымъ ужасомъ. Ваше удовольствіе будетъ совершенно безкорыстно, и оно будетъ вытекать изъ самаго чистаго источника. Вамъ хочется, чтобы вмѣстѣ съ вами наслаждались и другіе. На этомъ желаніи основано убійственное хлѣбосоольство го-голевскаго Пѣтуха, и хлѣбосоольство это, проявляющееся въ самыхъ скотскихъ размѣрахъ, все-таки остается очень симпатичнымъ, именно потому, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго тщеславія, а только одно добродушіе: пользуясь, молъ, всякая душа человѣческая! — Пѣтухъ кормитъ своихъ гостей на убой, а Базаровъ хочетъ посадить Николая Петровича за книгу, которую онъ считаетъ дѣльною; оба дѣйствуютъ по одинаковому побужденію. «Мнѣ хорошо; хочу чтобы и другому было хорошо», — это размышленіе такъ просто, такъ естественно, такъ неистребимо въ каждомъ здоровомъ человѣческомъ организмѣ, что и Пѣтухъ способенъ размышлять такимъ образомъ. А между тѣмъ, всѣ величайшіе подвиги частѣйшаго человѣческаго героизма совершались

и будут совершаться всегда, именно на основаніи этого простаго размышленія. — А критика наша, по обмысловенію, смотритъ въ книгу и видитъ фигу, и на основаніи этой фигуры, изобличаетъ Базарова въ неочтительности, въ жесткости, и во всякомъ озорствѣ. Долго придется г. Антоновичу раскаяваться въ его статьѣ объ «Асмодеѣ нашего времени.» Много вреда наделала эта статья. Сильно перепутала она понятія нашего общества о молодомъ поколѣніи. Такъ напасть могъ именно только одинъ «Современникъ.»

А что же значать слова Базарова: «вѣдь онъ не мальчикъ?» — Это значить: «когда твой отецъ былъ мальчикомъ, тогда позволительно было читать Пушкина, потому что лучше наслаждаться четырьмя стопными ямбами, чѣмъ «ромомъ и арамомъ,» или воронными рысаками. Теперь онъ не мальчикъ, и теперь настали другія времена, и теперь люди выучились создавать себѣ болѣе прочныя, болѣе разумныя и болѣе сильныя наслажденія. Пусть твой отецъ отвѣдаетъ этихъ наслажденій и онъ, какъ человѣкъ неглупый, навѣрное полюбитъ ихъ и броситъ ямбы и хорон. Помоги твоему отцу; тебѣ самому будетъ чрезвычайно приятно сознавать, что ты принесъ ему пользу, и что ты открылъ ему доступъ къ великимъ наслажденіямъ мысли. И еще пріятнѣе будетъ для тебя то обстоятельство, что отецъ сдѣлается твоимъ другомъ и помощникомъ во всѣхъ твоихъ дальнѣйшихъ работахъ.» Вотъ мысль Базарова, развитая во всѣхъ подробностяхъ. Если смотрѣть на его слова безъ предвзятой идеи, безъ недоброжелательнаго предубѣжденія, то невозможно даже предположить, чтобы эти слова были произнесены вслѣдствіе какого нибудь другаго процесса мысли. Я обращаюсь теперь къ каждому безпристрастному читателю съ вопросомъ: есть-ли малѣйшая возможность заподозрить Базарова въ желаніи поглумиться надъ Николаемъ Петровичемъ, и узнать въ его лицѣ лучшую часть старшаго поколѣнія? Я убѣжденъ въ томъ, что каждый безпристрастный читатель, взглянувъ на мои доводы, совершенно очиститъ Базарова отъ тѣхъ неглупыхъ обвиненій, которыя введены на него близорукою критикою. Слова Базарова, вмѣсто большой пользы, принесли крошечный вредъ, то есть, огорчили на нѣсколько дней Николая Петровича, и поселили между отцомъ и сыномъ легкое неудовольствіе, которое, однако, скоро исчезло. Случилось же это, во первыхъ, потому, что Николай Петровичъ нечаянно подслушалъ эти слова, которыхъ ему

вовсе не слѣдовало слышать; а во вторыхъ потому, что Аркадій оказался набитымъ дуракомъ, и превзошелъ въ этомъ отношеніи всѣ ожиданія или опасенія Базарова. Однажды, когда Николай Петровичъ читалъ Пушкина (а читалъ онъ его, повидимому, часто и усердно) Аркадій подошелъ къ нему, съ ласковою улыбкою взялъ у него изъ рукъ книгу и вмѣсто Пушкина положилъ передъ нимъ *Kraft und Stoff*. Ну, и оправдалась пословица: услужливый дуракъ и т. д. Базаровъ сказалъ: дай ему на первый случай хоть Бюхнерово «*Kraft und Stoff*» — Аркадій буквально исполнилъ этотъ совѣтъ. Но Базаровъ сказалъ, кромѣ того: «*растолкуй* ему, что это (т. е. Пушкинъ) нѣкуда погодится» — а сообразительный Аркадій пропустилъ эти слова мимо ушей, и не понялъ, что въ нихъ заключается весь смыслъ дѣла. Само собою разумѣется, что школьническая, нелѣпая и дерзкая выходка Аркадія, смягченная и украшенная ласковою улыбкою, не могла разъяснить Николаю Петровичу значеніе естествознанія для исторической жизни массъ и для міросозерцанія отдѣльнаго человѣка. Читатель имѣетъ полное право назвать Аркадія самонадѣяннѣмъ пошлякомъ, и Николаю Петровичу остается только вздохнуть, пожать плечами, и пожалѣть о томъ, что сынъ его такъ плохъ въ умственномъ отношеніи. Но за чѣмъ же валить съ больной головы на здоровую? Въ чемъ тутъ виноватъ Базаровъ? И что общаго имѣетъ глупость Аркадія съ идеями, которыми проникнуты наши реалисты? Шекспиръ — очень замѣчательный писатель, но и шекспировскую драму можно такъ искусно перевести, и такъ восхитительно разыграть на сценѣ, что она покажется гораздо хуже драмы Нестора Кукольника, пли Николая Полеваго. Если-бы Аркадій былъ дѣйствительно проникнутъ сознательною любовью къ наукѣ, если бы онъ разумно и убѣдительно заговорилъ съ своимъ отцемъ объ умственныхъ интересахъ естествоиспытателей нашего времени, если бы онъ возбудилъ и направилъ любознательность Николая Петровича, если бы онъ, такимъ образомъ, доставилъ ему много чистыхъ наслажденій, и если бы онъ, посредствомъ этихъ наслажденій, сблизился съ своимъ отцемъ тѣснѣе, чѣмъ когда либо, — то, навѣрное, никому изъ читателей не пришло бы въ голову обвинять Аркадія въ непочтительности къ родителямъ, или въ недостаткѣ сыновней любви. А поступая такимъ образомъ, Аркадій исполнилъ-бы съ самою добросовѣстною точностью дружескій совѣтъ Базарова,

тотъ самый совѣтъ, который онъ, по своей глупости, совершенно изуродовалъ.—Изъ всего, что было говорено выше, я вывожу то заключеніе, что взаимному пониманію нашихъ двухъ поколѣній, старшаго и молодаго, мѣшаютъ, съ одной стороны, старые Печорины, подобныя Павлу Петровичу, а съ другой стороны, глухие юноши, подобныя Ситникову и Аркадію. То есть, другими словами, мѣшаютъ непониманіе и тупоуміе.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ.

На Востокъ. Поѣздка на Амуръ (въ 1860—1861 годахъ). Дорожныя замѣтки и воспоминанія С. Максимова. Спб. 1864. — Кто былъ первый Димитрій? Историческое изслѣдованіе П. Костомарова. Спб. 1864. — Небольница. Разсказъ Марка Вовчка. Спб. 1864. — Сочиненія Майнъ-Рида. Охотничьи разсказы изъ жизни африканскихъ и американскихъ обитателей. Томъ II. Жилище въ пустынѣ.— Охотникъ за растеніями. Изд. Вольфа. Спб. 1864. — Прогулка молодыхъ боеровъ. Соч. Капитана Майнъ-Рида. перев. подъ редакціею Н. А. Ушакова. Изд. Товарищества «общественной пользы.» Спб, 1864.— Охотничьи разсказы Ф. А. Арсеньева. Спб. 1864.—Книга Чудесъ или «физиологія невѣрямаго міра, объясняющая таинственныя и непостижимыя для внѣшнихъ чувствъ явленія міра духовъ и внутренней жизни человѣческой. Сочиненіе доктора Деба. Изд. И. М. Хотинскаго. Н. 1864.

Г. Максимовъ, ѣздившій въ 1861 году на Амуръ, представилъ теперь результаты своихъ наблюденій въ весьма любопытной книгѣ, гдѣ, кромѣ описанія Амура, находятся любопытные очерки Японіи, Манчжуріи и русско-китайской яхтинской торговли. Постараюсь подѣлиться съ читателями наиболѣе интересными извѣстіями, сообщаемыми г. Максимовымъ. Читателямъ извѣстно, что послѣ слуховъ о какомъ-то Эльдorado, процвѣтающемъ на берегахъ Амура, появились слухи совершенно противоположныя, и Амуръ описывался самыми мрачными красками. Правда, какъ она является въ книгѣ г. Максимова, оказывается ни тѣмъ, ни другимъ, и, если впечатлѣніе, производимое описаніемъ новой области, не совсѣмъ благопріятно, то въякую этому не природа и не какія бы-то ни было естественныя условія.

Извѣстно, что рѣка Амуръ образуется слияніемъ двухъ сибирскихъ рѣкъ, — Шилки и Аргуни, на которыхъ съ давнихъ временъ живутъ казаки. Отъ слиянія этихъ рѣкъ, на протяженіи 700 верстъ, берега Амура имѣютъ горный характеръ; здѣсь къ самой водѣ подступаютъ развѣтвленія Хинганскаго хребта, преслѣдующія теченіе рѣки почти во всемъ верхнемъ теченіи ея. Горы, покрытыя лѣсомъ, тѣснятъ рѣку на всемъ этомъ пространствѣ, оставляя чрезвычайно немного узкихъ полосъ по берегу, удобныхъ для поселеній. Лѣса покрывающіе эти горы, укрываютъ много пушнаго звѣря: бѣлокъ, соболей, лисицъ и др. Поэтому верховья рѣки не представляютъ никакихъ данныхъ для развитія хлѣбопашества, для существованія земледѣльческаго населенія. Они предназначены природою для охотничьихъ промысловъ, для которыхъ мѣстность эта представляетъ большія выгоды. Населеніе, занявшее берега верхняго теченія Амура, сдѣлается по преимуществу охотничьимъ, вслѣдствіе чего, здѣсь-же предстоитъ развитіе торговлѣ мѣхами. Коренные обитатели этой мѣстности, кочующіе мангры, могутъ доставлять звѣропромышленникамъ рыбу, а сосѣдніе манчжуры мясо и хлѣбъ. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы разрабатывать свою дѣвственную землю, населеніе верховьевъ Амура, по самымъ условіямъ страны, устремится на звѣриные промыслы, обезпеченное со стороны необходимыхъ жизненныхъ средствъ торговлею, большею частью мѣнною, съ своими сосѣдями.

Иной характеръ имѣетъ среднее теченіе Амура на протяженіи 1000 веретъ, до впаденія рѣки Уссури. На этомъ пространствѣ природа береговъ рѣки нѣсколько напоминаетъ тѣ волшебныя сказки, которыя рассказывались объ этой странѣ въ первое время по присоединеніи ея, хотя, конечно, многое оказывается въ дѣйствительности не такъ привлекательнымъ, какъ было въ тогдашнихъ разсказахъ. Большая часть этого громаднаго пространства, гдѣ въ Амуръ впадаютъ три главныхъ притока его: Сунгари, Зея и Усури, представляетъ степной и притомъ южный характеръ. Великолѣпная растительность (между прочимъ дѣйствительно растетъ, но не дозрѣваетъ виноградъ), огромная рѣка съ многочисленными большими притоками, кишачая рыбой, превосходная земля, представляющая громаднаго пространства, какъ нельзя болѣе удобная для земледѣлія, благоприятный климатъ — все это должно привлекать къ себѣ многочисленное населеніе и возбуждать зависть къ счастливымъ обладателямъ этихъ даровъ природы. Часть этого тысячевѣрстнаго пространства (158 верстъ) зани-

масть, покрытый первобытными лѣсами, богатый всякимъ звѣремъ малый Хинганъ,—родина тигровъ и барсовъ, окончательно удосто-вѣряющихъ въ благорастворенности воздуха этой страны. Черему-хи, дико растущіе, сладкіе яблоки и груши еще болѣе подтверждаютъ это. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что на этомъ обширномъ пространствѣ должны возникнуть многолюдные, богатые города, цвѣтущія селенія, долженъ жить счастливый, богатый земледѣльческій народъ, должна развиться торговля, какой позавидуетъ само Средиземное море, торговля между Европой, Азіей и Америкой. Дикари, жившіе доселѣ въ этой мѣстности, хотя по занятіямъ мало отличаются отъ туземныхъ жителей низовьевъ и верховьевъ рѣки, но благодатная природа положила свой отпечатокъ на ихъ нравъ. Занимаясь рыб-ною и звѣриною ловлею, живущіе здѣсь *гольды* и *орочоны* добродуш-ны и кротки, чѣмъ рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей.

Снова новое зрѣлище представляютъ низовья Амура, особенно вторая половина этого тысячеверстнаго пространства. Какъ верховья рѣки отличаются горнымъ, лѣснымъ характеромъ, какъ среднее те-чение ея — степнымъ, такъ низовья представляютъ характеръ тайго-вой, полярный. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда берега средняго теченія Амура покрыты роскошнѣйшей растительностью, когда тамъ цвѣтутъ чере-муха и яблони, когда даже въ верховьяхъ рѣки тепло и хорошо, бе-рега послѣднихъ 500 верствъ Амура покрыты льдомъ, обставлены мрачными хвойными лѣсами, окружены промерзшими болотами; страш-ные суровые вѣтры поднимаютъ на рѣкѣ громадныя волны, надъ нею и надъ окрестными болотами и озерами встаетъ густой, морской ту-манъ; климатъ холодный и сырой.

Въ этой грустной странѣ живетъ не менѣе грустное племя *шля-ковъ*, безобразное, свирѣбое и оборванное. И кто, кромѣ этого не-счастливаго дикаго племени, будетъ жить въ этой негостепримной странѣ? Кого приманить она къ себѣ своими тайгами, туманами и своимъ холоднымъ вѣтромъ? Кто и зачѣмъ рѣшится пойти терпѣть здѣсь нужду, когда на пути сюда передъ ними раскроются всѣ со-блазны мѣстности по среднему теченію? Звѣропромышленникъ оста-нется на верховьяхъ, обѣщающихъ ему, хотя и суровую жизнь, но дорогихъ соболей; хлѣбопашецъ выберетъ среднее теченіе, гдѣ его ждуть всѣ удобства плодородной почвы и хорошаго климата; кто же заберется въ тайги устья? Нѣтъ сомнѣнія, что эта страна, растя-нутая на нѣсколько сотъ верствъ, не имѣетъ будущности. Здѣсь

не могут существовать ни обширные города, ни даже селенія, и никакія старанія не заселять ее многочисленнымъ и зажиточнымъ населеніемъ. Но, къ счастью для обитателей остальной части приамурскихъ странъ, они не нуждаются въ заселеніи суровой мѣстности на устьѣ. Рѣка Уссуря, одинъ изъ главныхъ притоковъ Амура, по величинѣ не уступающая ему, ведетъ черезъ богатыя страны, подобныя тѣмъ, которыя окружаютъ среднее теченіе Амура, на югъ въ теплую приморскую землю. Къ сожалѣнію, русскимъ доселѣ неизвѣстенъ путь, которымъ можно проникнуть изъ Уссури къ морю, хотя уже давно носятя слухи о южныхъ рѣкахъ, близко подходящихъ къ Уссури и впадающихъ въ китайское море, представляя слѣдовательно путь съ Амура въ море помимо устьевъ его. Но, какъ замѣчаетъ г. Максимовъ, «не видно особеннаго старанія» изслѣдовать это дѣло. Однако, вотъ какія мысли приходятъ на умъ мыслящему человѣку, когда корабль его стоитъ среди великолѣпной природы, въ одной изъ русскихъ гаваней китайскаго моря:

«вырубать тотъ лѣсъ, выстроить тутъ городъ. Городъ будетъ приморск со всеми правами и надеждами на процвѣтаніе, особенно если счумъютъ стянуть его съ населеніемъ Уссури, которое удадено отсюда, говорятъ, только на триста верстъ. Тогда Николаевскъ проиграетъ непремѣнно. Отъ Ольги недалеко одинъ изъ манчжурскихъ большихъ городовъ отъ нея 240 морскихъ миль (420 в.) гавань Посыета и затѣмъ независимая, но богатая Корея. Между Уссури и Ольгой залегаютъ богатыя растительностью и климатомъ пространства Манчжуріи, которыми она дорожить, и въ которыхъ растетъ прихотливое растение жинъ-шанъ, обладающее, говорятъ, разнообразною цѣлебною силою. Умѣлые люди сдѣлаютъ со временемъ изъ Ольги такое цвѣтущее мѣсто, которому позавидуютъ многія счастливыя мѣста, хотя-бы напр. на томъ же Черномъ морѣ. Въ гавани Ольги будетъ городъ, — и городъ огромный, цвѣтущій, торговый.... (На Востокъ, стр. 338).

Показавъ въ краткихъ чертахъ характеръ приамурскихъ странъ, я могу теперь рассказать со словъ г. Максимова о положеніи ихъ недавнихъ обитателей. Но, предварительно, необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ способѣ ихъ заселенія.

На Амурѣ поселены три разряда переселенцевъ: забайкальскіе казаки, солдаты русскихъ внутреннихъ гарнизоновъ и государственные крестьяне изъ русскихъ губерній, преимущественно же вятской, воронежской, пермской и тамбовской. Касательно послѣднихъ, со

ставлявшихъ конечно главную часть переселенцевъ, генераль-губернаторъ Восточной Сибири предполагалъ сдѣлать переселеніе ихъ совершенно свободнымъ, по возможности, устранивъ правительственную регламентацію. Предполагалось дозволить переселяться всѣмъ лицамъ свободныхъ сословій, съ освобожденіемъ переселенцевъ отъ всякихъ формальностей и съ дарованіемъ имъ различныхъ льготъ, какъ-то: избавленіе отъ рекрутскихъ наборовъ, податей и повинностей. Правительство могло обойтись безъ всякихъ пожертвованій съ своей стороны въ пользу переселенія. Переселяться крестьяне должны были на свой счетъ, получая лишь на извѣстный срокъ ссуды денегъ и семянъ изъ запасного капитала Восточной Сибири. Но съ другой стороны, предполагалось также предоставить переселенцамъ полную свободу, какъ въ переселеніи, такъ и въ поселеніи, т. е. относительно выбора мѣстъ жительства въ приамурскомъ краѣ. Освобожденіе правительства отъ расходовъ на переселеніе и устраниеніе регламентаціи въ этомъ дѣлѣ, имѣли на своей сторонѣ прежніе опыты, какъ напр. заселеніе аянскаго тракта, которое было крайне неудачно, не смотря на всѣ пожертвованія и заботы правительства.

Но въ послѣдствіи было найдено, что «въ подобномъ дѣлѣ необходимы система и послѣдовательность, безъ которыхъ не будетъ порядка, а слѣдовательно не будетъ достигнута самая цѣль заселенія—развитіе промышленности». При этомъ, между прочимъ, признано было неблагоразумнымъ предоставить поселенцамъ право свободно селиться въ избранныхъ ими самими мѣстностяхъ; «ибо таковой порядокъ можетъ возбудить въ переселенцахъ превратное понятіе о правахъ ихъ на занятую землю.» Въ тоже время, министерство Госуд. Имуществъ не раздѣляло взгляда генераль-губернатора, полагавшаго, что, для возможно скорѣйшаго заселенія Амура, должно сдѣлать по всей Россіи вызовы желающихъ. Министерство, съ одной стороны, имѣло въ виду, что «излишняя огласка можетъ возбудить превратные толки о цѣли его переселенія, а въ народѣ вредное движеніе и тревогу.» Съ другой же стороны, не смотря на значительные капиталы, пожертвованные правительствомъ и простирившіеся, сколько можно судить по словамъ г. Максимова до 250 тысячъ въ одномъ 1859 г., ихъ оказалось недостаточно для переселенія на Амуръ даже и 500 семействъ, вызванныхъ въ началѣ; половина этого числа семействъ была поѣтому водворена въ Западной Сибири, а изъ дру-

гой половины 20 семействъ оставлены въ Иркутской губерніи. Та-^{денны}кимъ образомъ, на Амуръ были отправлены только 230 семействъ (вѣроятно около 1500 душъ). Изъ нихъ самое большее число принадлежало вятской губерніи; губерніи же пермская, воронежская и тамбовская дали мало переселенцевъ, да самовольно пристали къ переселенцамъ 7 семействъ изъ орловской губ. Главною причиною, побуждавшею этихъ людей къ переселенію, была бѣдность и недостатокъ на родинѣ земли, годной для хлѣбопашества или, какъ выражались въ просьбѣ землянскіе крестьяне воронежской губ. «крайнее и даже разорительное стѣсненіе въ земляныхъ угодьяхъ.» Переселеніе, близкихъ къ Амуру, забайкальскихъ казаковъ не представляло никакихъ особенныхъ затрудненій; что же касается до гарнизонныхъ солдатъ, вызванныхъ въ помощники казачьямъ и крестьянскимъ семьямъ, то эти, какъ называли ихъ переселенцы, «сынки», во время передвиженія своего по русскимъ и сибирскимъ губерніямъ, оставили по себѣ память, не располагающую ожидать отъ нихъ особенной выгоды для переселенцевъ и заселяемаго края.

Г. Максимова, во время его путешествія, удалось видѣть самыя способъ переселенія. Везли переселенцевъ по Амуру не особенно удобно; а именно на плотахъ и на какихъ-то необычайно неуклюжихъ и неудобныхъ баржахъ. Перевозка была возложена на гарнизонныхъ солдатъ; но безпрестанное стаскиваніе этихъ баржъ съ мелей и другія пріятности этого путешествія искусили даже желѣзно терпѣніе солдатъ, которые спасались отъ своей обязанности побѣгами въ первобытные лѣса. Затѣмъ ввѣренные ихъ попеченію переселенцы продолжали свой путь, уже собственноручно стаскивая с мелей свои баржи и управляясь съ этими безобразными ящиками. Понятно, что вообще переселенцы и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ не наслаждались большимъ комфортомъ. Впрочемъ, нельзя сказать чтобы въ невзгодахъ, претерпѣнныхъ ими, были сколько нибудь виноваты правительственныя власти. Вотъ напр., что рассказывалъ ему сами переселенцы:

— Нахвалили намъ Амуръ этотъ — одолѣлъ соблазнъ. А когда мы еще до него доберемся?!

— Теперь ужъ до него недалеко.

— А кто про то знаетъ?! Сказываютъ вонъ, слышь, что еще тысяча пять будетъ. Мы вѣдь, надо правду говорить, за нимъ-то и не стояли какъ вонъ въ Сибирь эту пришли. Барабой тамъ какой-то шая, мѣс-

намъ тѣ приглянулись: просили оставить — отказало начальство. До Иркутска не дошли. — опять мѣста ладныя были: и на тѣхъ не оставили. Вотъ и за Байкаломъ-то просились: такъ нельзя вишь оставить; на Амурь-де назначеніе вамъ вышло: туда ступайте! Пойдемъ дѣлать нечего.

— Такъ объ чемъ же тоскуется?

— Нужды много терпимъ; да опять же и не сказали намъ, сколь далеко это мѣсто. «Не больно же далеко» — слышь. Сказать-бы раньше надо, такъ мы бы по другому и думали; а то вишь и начальство-то наше, надо-быть, само этого не знало толкомъ-то:—такъ надо полагать.

— Мы вотъ становимъ-то своимъ на цыганъ больно похожи. Тѣ въ нашихъ мѣстахъ на счетъ воровства ловки. Намъ бы милостыню надо было просить пойти; да куда? Поглядимъ—поглядимъ мы, такъ и вѣдшному народу подать нечего: бѣдно живутъ. А заведется у кого добро какое: такъ опъ за него и зубами и руками. Спросишь чего у нихъ, такъ такую цѣну съ тебя сдеретъ, что ходишь потомъ сутки съ трои, да почесываешься.

— Молока ребятамъ пошла промыслить — серебрянный двугривенникъ отдала.

— Щецъ потрепать блажь пришла по дурачкой-то расейской повадкѣ, такъ и языкъ обожетъ: гривенникъ спрашивали. Ъдимъ, какъ вонъ въ нашихъ мѣстахъ вотяки не ѣдятъ болтушку.

— Скота намъ дали одранъ такую, что не глядѣль-бы.

— Скатъ колесъ мы изъ дому-то своего (изъ тамбовской губерніи) привезли: пригодятся-моль на чужой сторонѣ; и ядреныя такія колеса: дубовыя; не велитъ начальство брать: тѣсно-де будетъ на паромяхъ.

— Безпокоятъ больно: скорѣй слышь все, скорѣй собирайся. Намъ де некогда съ вами тутъ проклажаться. Само начальство, чуть вонъ не само, и паромы-то отпихивало отъ берегу. Тягостно это: обидно!» (На Востокъ, стр. 282—83).

А вотъ еще любопытный разговоръ:

Мы видимъ на берегу цѣлую полѣвницу бѣлыхъ мѣшковъ и спрашиваемъ. Оказался провіантъ, выданный переселенцамъ; въ мѣшкахъ мука-Хороша-ли?

— Шабко подмочена: солодѣлая.

— Квасъ стало быть хорошо варить! — замѣтилъ какой-то острякъ.

— Хорошо и квасъ—отвѣчалъ одинъ изъ толпы; а хорошо и такъ ее бросить; никуда эта мука негодящая. Мы эдакой — на родинѣ-то своей и телятъ не мѣсили.

— Дожди теперѣ идутъ; а она у васъ загнила вся; черви завелись. Отчего мѣшки у васъ ничѣмъ не покрыты?

— Намъ и себя-то покрыть нечѣмъ, а объ мѣшкахъ съ мукой намъ и думать не приходится.

Осмотрѣлись мы: слова мужика были справедливы.

— По четыре недѣли рубахъ не снимаемъ — обносилась.

— Не хорошія мѣста на вашу долю выпали.

— Такія нехорошія, что кабы знали, такъ и не снимались бы совсѣмъ на родниѣ не въ примѣръ было лучше. Есть-же и на Амурѣ-то этомъ, мѣста хорошія. Просились мы подъ городомъ Благовѣщенскимъ, сюда поближе: не вышло разрѣшенія. Сюда, сказали, разрѣшеніе вамъ.

п — Пытали просить у начальства.

— Вонъ тамъ, сказываютъ, по Уссурѣ рѣкѣ важныя мѣста, сказываютъ.

— Ну да вонъ и повыше-то мѣста маленько получше же этихъ.

— Нѣтъ, знать хоршія-то мѣста не про насъ пали; много, братцы, хорошихъ мѣстовъ на свѣтѣ; да не наши мѣст — то эти.

И заговорили. Заговорили переселенцы всѣ вдругъ, какъ любить говорятъ русскій человѣкъ, когда затронетъ всѣ сердца одинъ общій интересъ и накипитъ на этихъ сердцахъ невзгода и недовольство, и когда нѣтъ русскому человѣку никакого другого исхода, кромѣ этихъ торопливыхъ и недовольныхъ разговоровъ.

— Мѣста намъ выпали такія, что кажись хуже ихъ и нѣтъ на Амурѣ; все болото, либо глина.

— Просились-бы на другія! — вырвалось замѣчаніе у всѣхъ насъ въ одно слово, тѣмъ болѣе, что всѣ мы видѣли, что крестьянъ двѣствительно высадили на болото. Мы брели по грязи, по болотной мокротѣ и кочкамъ. Эти болотныя кочки шли дальше, шли подъ гору, шли вдоль рѣки. Намъ сдѣлалось грустно за переселенцевъ; мы видѣли на-сущное горе ихъ и были не въ силахъ помочь имъ. Переселенцы говорили намъ:

— Рѣшено, слышь, такъ, чтобы насъ ужъ де не снимать съ этого мѣста; такая-де судьба наша. Для того тутъ, слышь, и столбъ поставленъ: а столбъ-де этотъ не мы ставили. Просили мы: «позвольте, молю, хоть на пригорочекъ вонъ этотъ выселиться!» Это-де можно!

— Да и на горѣ-то этой, братцы, все глина; ходилъ я утрась, да чуть сапоговъ тамъ не оставилъ.

— Горе наше великое, а жалобу принести некому. Всякій скажетъ: «не мое дѣло.» Не похлопочетъ-ли какъ ваша милость? Сдѣлайте, господа, великую божескую милость!

Но мы тогда могли только сочувствовать этому горю; можемъ теперь занести этотъ фактъ на эту страницу нашего скромнаго разсказа и сказать, *имлющему уши слышати*, что безнадежное мѣсто водворенія тамбовскихъ переселенцевъ называлось тогда *шестой станокъ* (На Востокъ. 293—94).

Переселенцамъ вышло разрѣшеніе на низовья рѣки. Верховья и среднее теченіе отданы забайкальскимъ казакамъ, иррачное же устье предоставлено крестьянскимъ переселенцамъ. Какъ уже было сказано,

верховья Амура носятъ совершенно тотъ же характеръ, которымъ отличается мѣстность по Шилкѣ. Потому казаки, переселенные съ Шилки на верховья Амура, находятъ возможность продолжать всѣ тѣ занятія, которыми занимались на родинѣ. Родина приучила ихъ къ звѣриному промыслу, и новая страна предоставляетъ всѣ удобства къ тому же. Но гораздо менѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ среднее теченіе рѣки, требующее народонаселенія земледѣльческаго. Поэтому можно-бы было предполагать, что переселенцы изъ великороссійскихъ губерній, народъ степной и привыкшій къ хлѣбопашеству, для котораго всякія другія занятія чужды, можетъ удобно помѣститься на среднемъ теченіи рѣки. Самы переселенцы просятъ остаться и подѣ Благовѣщенскомъ, и на Уссуріи. Но переселенцамъ изъ крестьянъ отводятся большею частію тайги и болота низовьевъ, а въ степныхъ пространствахъ поселяются шилкинскіе казаки, весьма мало способные къ земледѣлію.

Вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ обстоятельствъ путешественникъ встрѣчаетъ на пути по Амуру мало отрадныхъ, но за то много тяжелыхъ и грустныхъ явленій. Желающихъ познакомиться съ впечатлѣніями, которыя производитъ эта страна и ея новыя обитатели, я отсылаю къ книгѣ г. Максимова, который весьма подробно, шагъ за шагомъ, рассказываетъ свое плаваніе по Амуру и встрѣчавшія его картины. Быть можетъ, даже подробность разсказа, заставляющая разсказчика по нѣскольку разъ повторять сказанное, повредить его книгѣ въ глазахъ читателя, который ставитъ форму выше содержанія. Такой читатель найдетъ, быть можетъ, также слогъ г. Максимова нѣсколько шероховатымъ и оригинальнымъ. Но человекъ, принимающійся за разсказъ г. Максимова съ желаніемъ узнать что-нибудь новое, не обратитъ на послѣднее обстоятельство большаго вниманія. Что же касается до перваго, то серьезный читатель будетъ скорѣе благодаренъ за него путешественнику, который передаетъ свои впечатлѣнія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ самъ и этимъ даетъ своему читателю возможность составить непосредственный выводъ.

Вторая половина книги г. Максимова рассказываетъ о сношеніяхъ русскихъ съ китайцами, въ особенности же о кяхтинской торговлѣ. Здѣсь также собрано очень много любопытныхъ фактовъ, и не менѣе любопытны наблюденія самого автора.

Начало сношеній Россіи съ Китаемъ относится къ 1567 году. Но

не только въ XVI, но и въ XVII и XVIII столѣтияхъ до 1792 не было почти никакихъ, не только дипломатическихъ, но и торговыхъ сношеній. Во все это время было нѣсколько неудачныхъ посольствъ, да въ Пекинѣ была русская миссія, начало которой было положено русскими выходцами съ Амура въ 1685 г. Но китайцы не принимали русскія посольства, имѣя объ Россіи самое невыгодное мнѣніе. Миссія же не могла, ни приобрести какія-бы то ни было выгоды для русскихъ, ни завязать болѣе дѣятельныя сношенія. Вотъ что разсказываетъ, между прочимъ, г. Максимовъ:

«Въ 1817 году (въ апрѣлѣ) вновь прибывшій въ Маймаченъ дзаргучей (китайскій полицейскій чиновникъ) спрашивалъ директора кяхтинской таможни, Голяковского.

— Для чего люди безъ поведенія посылаются въ Пекинъ?

— Правительство всегда выбираетъ, отвѣчалъ Голяковский, людей съ поведеніемъ, но видно отдаленность отъ своего начальства и мало занятая жизнь доводятъ ихъ до той слабости, которой прежде не примѣчено было въ нихъ.

— И хотя дзаргучей на это замѣтилъ, что—онъ не сомнѣвается въ томъ, что русскіе по всѣмъ отношеніямъ хороши и жадъ только, что выборъ духовнаго начальника неудаченъ.» (стр. 520).

Чтобы объяснить этотъ разговоръ необходимо привести слова одного изъ начальниковъ русскихъ миссій въ Китаѣ, архимандрита Софронія:

«Очень рѣдко, говоритъ онъ, случалось мнѣ видѣть, дабы китаецъ, подобно російскому дьячку или ученику, живущему въ Пекинѣ, шатался пьяный по улицѣ». «Начальниками и членами миссій» «говоритъ г. Максимовъ (стр. 520), «являлись люди нетрезваго поведенія, плохой нравственности».

Дѣйствительно, многіе пачальники миссій были высылаемы изъ Пекина подъ присмотромъ и возвращались въ Россію съ невыгодными отзывами о себѣ. Еще въ 1814 г. изъ Пекина были высланы, «за слабость поведенія», двое членовъ миссій. Въ такихъ обстоятельствахъ миссія не имѣла блестящихъ успѣховъ даже въ томъ, что было наиболѣе близко къ кругу ея обязанностей. Распространеніе въ Китаѣ православной религіи шло далеко не быстрыми шагами, и даже многіе русскіе выходцы изъ Албазина и ихъ потомки уклонились не только въ католичество, но и въ буддизмъ. Послѣ этого не удивительно, что миссія не пользовалась сочувствіемъ своей паствы, что

она, по словамъ Головина, «не доставляла Россіи никакой пользы», и что, проживъ въ Пекинѣ болѣе столѣтій, она въ началѣ пылѣшняго вѣка многого, или вѣрнѣе, почти ничего не знала о Китаѣ. Фактъ, рассказываемый однимъ изъ начальниковъ миссіи (архимандритомъ Софроніемъ) и приводимый г. Максимовымъ (стр. 524), показываетъ, что миссія не приобрѣла также уваженія китайцевъ. Дѣло въ томъ, что одинъ китаецъ отнялъ у архимандрита Софронія мѣха и въ судѣ объяснялъ слѣдующее: «русскіе, пріѣхавъ изъ своей земли къ намъ въ холщевыхъ платьяхъ, да въ сермягахъ, вѣдутъ себя смирно; а у насъ, одѣвшись въ канфу, да лянзу, которыхъ въ своемъ мѣстѣ, можетъ быть, никогда и не видывали, а не только не нашивали, ставятъ себя выше всѣхъ людей на свѣтѣ». «Сказавъ сіе, прибавляетъ архимандритъ Софроній, онъ началъ было закатывать рукава, что значить у китайцевъ начинать драку, отъ которой офицерами удержанъ».

Частныя торговыя сношенія съ Китаемъ, въ 1755 совершенно прекратившіяся, вслѣдствіе казенной монополіи въ торговлѣ мѣхами, снова начались по уничтоженіи этой монополіи, и съ 1792 сосредоточились въ Кяхтѣ. Но обстоятельства крайне не благоприятствовали ея процвѣтанію. Русское правительство издало въ 1800 г. правила, существовавшія до 1854 г. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

- 1) Торговля должна быть мѣновая и безъ кредита.
- 2) Вывозъ золотой и серебряной монеты воспрещается.
- 3) Все дозволенное къ отпуску за китайскую границу, должна свидѣтельствовать таможня и хранитъ до размѣна въ гостинномъ дворѣ, устроенномъ въ Торговой слободѣ (т. е. въ Кяхтѣ).
- 4) Ежегодно, передъ расторжкой, въ общемъ собраніи торгующихъ производить компаніонамъ расцѣнку товаровъ по представленнымъ образцамъ т. е. назначать русскимъ товарамъ такія цѣны, ниже которыхъ они не могутъ быть промѣняемы.

Но китайское правительство точно также желало подчинить своимъ правиламъ кяхтинскую торговлю и, не довѣряя коммерческимъ способностямъ китайскихъ купцевъ, старалось возвести въ правило и регламентировать всѣ коммерческія уловки и всѣ лавочныя обманы. Оно, съ своей стороны, издало правила, хранимыя въ величайшей тайнѣ, и въ которыхъ, между прочимъ, преподавалось слѣдующее:

1) Все письма, полученные къмъ-бы то ни было, должны быть вскрыты въ общемъ собраніи, чтобы каждый изъ торгующихъ дѣйствовалъ во вредъ иностранцамъ сообща и вмѣстѣ съ другими.

Старшина собранія рѣшаетъ, какое количество товара можно покупать и за какую цѣну, и также кладетъ запрещеніе на другіе товары.

2) Китайскихъ товаровъ всегда должно быть меньше, чѣмъ русскихъ; не продавши старыхъ, не должно сбывать вновь привезенныхъ.

3) Вывозъ предметовъ роскоши, вина, спирта и т. д. строго запрещается.

„Старайтесь убѣдить (гласить 8 §), что Китай излпка шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ товаровъ не производитъ»; а 6 § говоритъ: «если какого нибудь цѣннаго товара привезено русскими не много, то скупай, те все количество, раздѣливъ поровну между купцами, а русскихъ старайтесь увѣрить, что на этотъ товаръ явилась большая потребность. Слѣдствіемъ будетъ то, что въ слѣдующемъ году они доставятъ въ Кяхту значительное количество этого товара, а вы, объявивъ имъ тогда, что требованіе уменьшилось, будете имѣть надъ ними преимущества и выгоды. Когда русскіе поднимутъ цѣну на какой нибудь товаръ, котораго запасъ у нихъ невеликъ, то въ теченіи мѣсяца никто не долженъ у нихъ покупать его.»

Однако соперничество двухъ регламентированныхъ системъ кончилось торжествомъ китайской. Дѣло пошло-бы и дальше, и дошло-бы до совершеннаго паденія торговли, если-бы въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ Кяхтѣ, не развилась чайная торговля. Съ этого времени и до послѣднихъ лѣтъ, т. е. доведенія въ Россію кантонскихъ чаевъ, китайская торговля быстро развивалась, не смотря на стѣсненія ея регламентаціями, запрещеніями. Все это имѣло результатомъ только развитіе контрабанднаго промысла, достигшаго, благодаря этому, высокой степени процвѣтанія. Не смотря на запрещеніе, золото вывозилось за границу въ большихъ размѣрахъ. Русскіе купцы, посылая въ Китай всю гниль и весь бракъ, не находившій себѣ сбыта въ другомъ мѣстѣ, принуждены были возвышать достоинство этого товара, приплачивая при размѣнѣ золото. При этомъ, каждый спѣшилъ сбыть эту гниль прежде другихъ, вслѣдствіе чего товары продавались въ Кяхтѣ дешевле фабричныхъ цѣнъ, и дѣло кончилось раззореніемъ многихъ русскихъ торговцевъ, тогда какъ китайскіе наживали громадныя капиталы. Г. Максимовъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ положеніе тѣхъ и другихъ:

«Когда маймаченскіе дзаргучен (полицейскіе чиновники) попивали чаекъ душпстыи, да помалчивали, изъ Иркутска въ Кяхту навѣжали

чиновники, усердно дѣлали обыски, конфисковали товары купцевъ, изумляли всѣхъ своею находчивостію и дѣятельностію. Маймаченскій купецъ тѣмъ временемъ рѣдился въ шелковую курму и завертывался отъ холода въ соболы, и съ тѣмъ-то двадцать благодѣй, обогатилъ одного дзаргучея, обогащалъ другаго; между тѣмъ, на Кяхтѣ двѣнадцать купцовъ обанкрутились, а многіе умерли нищими. У русскихъ стѣснительныя мѣры задержали торговлю и непрактическія правила сводили ее на окольный путь и вели по труппамъ и рытвинамъ; у китайцевъ она съ перваго раза попала на настоящій путь и пошла подъ руководствомъ мудрыхъ правилъ такъ бойко и сильно, что, говорятъ, сансичскіе монополисты и деньги считать перестали.“ (стр. 500).

При такихъ обстоятельствахъ должна была развиться и развилась контрабанда; только по милости ея половина русскихъ, пьющихъ чай, могли услаждать себя этимъ невиннымъ напиткомъ, потому что чаевъ вывозимыхъ изъ Китая черезъ Кяхту, едва-ли хватало на удовлетвореніе половины запроса, даже принимая въ соображеніе всѣ хитрости, къ которымъ прибѣгаютъ торговцы и всѣ манипуляціи, производимыя ими надъ бренными остатками спитаго чая. Остальная половина потребителей удовлетворялась контрабандой, которая совершалась въ обширныхъ размѣрахъ на всѣхъ границахъ Россіи. Г. Максимовъ замѣчаетъ, что контрабанда дѣлала страшный подрывъ кяхтинской чайной торговлѣ и, въ то же время, пошла русскій людъ чаемъ, пахнущимъ лошадинымъ потомъ и другими несвойственными ему запахами. Это справедливо, но было-бы напрасно винить въ этомъ контрабанду; какъ-бы то ни было, но многіе только ей обязаны тѣмъ невиннымъ удовольствіемъ, которое русскій человекъ находитъ въ питьѣ чая. Положимъ, контрабандный чай воняетъ лошадинымъ потомъ; но все таки потребители находили въ немъ вкусъ, тогда какъ безъ него они должны-бы были вовсе отказаться отъ любимаго напитка.

Въ 1835 году отмѣненіе многихъ стѣснительныхъ условій облегчило кяхтинскую торговлю, которая стала быстро подниматься, пока въ нынѣшнемъ десятилѣтіи не получила тяжелаго удара отъ ввоза кантонскихъ чаевъ, отъ котораго, по словамъ г. Максимова, она должна въ скоромъ времени окончательно пасть.

Въ книгѣ г. Максимова читатель найдетъ много любопытныхъ свѣденій о Манчжуріи и той небольшой частицѣ Японіи, которой коснулся авторъ во время своего путешествія. Я не буду передавать читателямъ всего, что замѣчательно и интересно въ этомъ дѣльномъ

сочиненіи, потому что для этого мнѣ пришлось-бы написать еще вдвое болѣе, чѣмъ сколько я уже сказалъ о немъ. Скажу только еще, что, подобно «Году на Сѣверѣ» — того же автора (кстати, эта книга вышла теперь вторымъ изданіемъ), «Поѣздка на Амуръ» есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ нашей литературѣ нынѣшняго года. Я нисколько не сомнѣваюсь въ ея успѣхѣ, такъ какъ правдивое описаніе амурскаго края давно ожидалось многими.

Докторская диссертация г. Профессора Костомарова: «Кто былъ первый Лжедмитрій»? имѣетъ цѣлью доказать слѣдующія положенія:

1) Мнѣніе, что первый, назвавшій себя Дмитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными современными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени.

2) Появленіе Дмитрія относится къ 7109 году, т. е. къ 1600 — 1601 г.

3) Эпоха казней, пытокъ и ссылки въ царствованіе Бориса Годунова состоитъ въ связи съ этимъ явленіемъ.

4) Дмитрій былъ орудіемъ враждебной Борису партіи, хотѣвшей низвергнуть родъ его, а Богданъ Бѣльскій былъ однимъ изъ главныхъ лицъ этой партіи.

5) Дмитрій не былъ обманщикъ, но вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе.

6) Признаніе его сыномъ со стороны матери царевича Дмитрія было искренно.

7) Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедмитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ.

Доказательства, приводимыя г. Костомаровымъ въ защиту этихъ тезисовъ, признаны неопровержимыми самымъ ученымъ силлятомъ, который не считъ возможнымъ даже назначать публичный диспутъ для опроверженія ихъ, и безъ всякихъ разсужденій выдалъ г. Костомарову докторскій дипломъ. Не знаю, что скажутъ гг. Аскоченскій и Авергивъ, но по моему мнѣнію, г. Костомаровъ дѣйствительно блистательно доказалъ почти всѣ свои положенія. Говорю — почти, потому что этого нельзя сказать о послѣднихъ. Въ подтвержденіе первыхъ пяти своихъ тезисовъ г. Костомаровъ собралъ столько фактовъ, учлилъ современниковъ въ такихъ противорѣчіяхъ, не только между равными лицами, но даже между словами и показаніями однихъ и тѣхъ же лицъ, указалъ на столь явные обманы, и такъ освѣтилъ

событія новыми данными, что выводы его могутъ считаться вполне доказанными. Что же касается до двухъ послѣднихъ, то первое изъ нихъ основано на психологическихъ соображеніяхъ, противъ которыхъ можно спорить, основываясь на послѣднемъ тезисѣ самаго г. Костомарова, такъ какъ шестое положеніе его не совсѣмъ удобосовмѣстимо съ седьмымъ. Извѣстно, что царица Марфа признала Лжедмитрія своимъ сыномъ и признавала таковымъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ его царствованія. Г. Костомаровъ указываетъ также на то, что даже по смерти его она, на вопросъ: сынъ ли это ея? не отвѣчала отрицательно, а сказала: «спрашивать было меня объ этомъ, пока онъ былъ живъ; теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой.» Но потомъ, она объявила, что Лжедмитрій не былъ ея сыномъ? Г. Костомаровъ полагаетъ, что «въ обоихъ показаніяхъ она могла быть искренна.» Съ этимъ трудно согласиться. Онъ полагаетъ, что «ее могли увѣрить и въ томъ, и въ другомъ въ различное время», и она могла повѣрить, потому что «такова человѣческая слабость, что скоро вѣрится тому, что желается». Но это психологическое соображеніе неудовлетворительно для объясненія такихъ странныхъ поступковъ. Г. Костомаровъ совершенно упускаетъ изъ виду, что мать не могла не знать своего сына, который жилъ постоянно съ нею, и котораго она видѣла мертвымъ. Ршительно невысказано, чтобы послѣ этого она могла повѣрить какому-бы то ни было разсказу о его спасеніи. Скорѣе могла она повѣрить его воскресенію, чѣмъ спасенію. Какъ же своими глазами видѣть убитаго сына и потомъ повѣрить его спасенію? и затѣмъ, по востребованію, снова разубѣдиться въ этомъ? Правда, что охотно вѣрится тому, чего желается, но еще болѣе правда, что охотно говорится то, что выгодно или лестно, и послѣднее психологическое положеніе болѣе удобоприложимо къ этому случаю, чѣмъ первое, тѣмъ болѣе, что ему нисколько не противорѣчитъ несчастная жизнь Марфы, на что г. Костомаровъ сильно упираетъ. Поэтому шестое положеніе г. Костомарова сомнительно, и можно гораздо вѣрнѣе предположить, что Марфа въ одномъ случаѣ была неискренна. Неискренность ея особенно очевидна, если справедливъ послѣдній тезисъ г. Костомарова, потому что, повторяю, если истинный царевичъ былъ убитъ въ Угличѣ, то ни съ чѣмъ несообразно предполагать въ матери возможность такого легковѣрія.

Что же касается до послѣдняго положенія, вотъ то доводы, приводи-

мые въ защиту его г. Костомаровымъ. Доводы эти состоятъ въ слѣдующихъ двухъ обстоятельствахъ :

1) Если-бы царь Дмитрій Ивановичъ былъ настоящій сынъ Ивана IV, то, по воцареніи его, народу были-бы объяснены подробности его спасенія; а участвовавшіе въ спасеніи получили-бы огромныя награды и благодарность передъ лицомъ всей земли русской.

2) Если-бы то былъ настоящій царевичъ, то, прибывши въ Польшу, онъ представилъ бы тамъ болѣе очевидныхъ доказательствъ своего царственного происхожденія; а то онъ до того слабъ, что и въ никто въ самомъ дѣлѣ не вѣрилъ, кромѣ людей самыхъ легковѣрныхъ. Если-бы, скажу я, не было никогда представлено иныхъ доказательствъ въ пользу этого предположенія, то противное предположеніе приобрѣло-бы нѣкоторое правдоподобіе и, во всякомъ случаѣ, имѣло-бы за себя не болѣе серьезные доводы. Нѣкоторая вѣроятность его была-бы основана на отсутствіи прямыхъ опроверженій, т. е. имѣла-бы за себя только отрицательныя доказательства. Но точно такіе же доводы приводитъ г. Костомаровъ въ защиту противоположнаго мнѣнія. Такъ какъ не были обнародованы подробности спасенія и не были награждены лица, принимавшія въ немъ участіе — говорить г. Костомаровъ — ерго царь не былъ сыномъ Ивана IV. Такъ какъ доказательства, представленныя имъ, были слабы — ерго онъ былъ самозванецъ. Но на это, разумѣется, можно возразить, что если-бъ доказательства были неопровержимы, то и толковать-бы не о чемъ было; что намъ неизвѣстно, имѣлъ ли возможность бѣглець взять съ собою какія нибудь болѣе сильныя доказательства; что мы не знаемъ, живы-ли были лица, способствовавшія спасенію Дмитрія и потому не можемъ настаивать, чтобы онъ непременно отблагодарилъ ихъ «передъ лицомъ всей русской земли;» не знаемъ также, отличался-ли Дмитрій чувствомъ благодарности или, какъ напр. Карль Стюартъ, отличался неблагодарностью и легкомысленнымъ эгоизмомъ. Наконецъ, даже противъ перваго довода можно указать на Бѣльскаго, который до нѣкоторой степени удовлетворяетъ тому, чего г. Костомаровъ требуетъ отъ Дмитрія. Если онъ не сообщалъ всенародно *подробностей* спасенія, то клятвенно завѣрялъ въ немъ, и былъ награжденъ, какъ главный участникъ въ спасеніи. Словомъ, своими доводами г. Костомаровъ не защитилъ свое послѣднее положеніе, а показалъ только, что противоположное мнѣніе не можетъ привести въ свое оправданіе

сильныхъ доказательствъ. Но то же можно сказать и противъ мнѣнія, защищаемаго г. Костомаровымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вопросъ этотъ не можетъ считаться рѣшеннымъ и надо еще подождать его рѣшенія, если только кому нибудь любопытно дождаться этого и если найдется человекъ, который посвятить себя столь праздному и мелочному дѣлу.

Вѣроятно всякій читатель весьма изумится, увидѣвъ, что книжка, имѣющая цѣлью доказать, что Дмитрій не былъ ни однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыми его доселѣ считали, и не объясняющая, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, носить заглавіе: «Кто былъ первый Лжедмитрій?» Заглавіе это, возбуждая любопытство, которое вовсе не удовлетворяется содержаніемъ, напоминаетъ газетныя воззванія: «Нѣтъ болѣе геморроя!» и «Не покупайте фортепиано!» Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ самой книжкѣ отличаться всѣми достоинствами, которыхъ можно ожидать отъ диссертаци, а именно: огромной ученостью и начитанностью автора и добросовѣстнымъ доказательствомъ большей части положеній его.

Вышедшій въ свѣтъ, особымъ изданіемъ, разсказъ Марка Вовчка «Невольница» не отличается особыми достоинствами. Это весьма скучное, вялое и натянутое повѣтствованіе о филантропическихъ подвигахъ казака Остапа, побившаго бусурманъ и освобождавшаго плѣнную дѣвцу. Должно полагать, что все это изображаетъ какую-нибудь аллегорію и имѣетъ цѣль поучительную. Аллегорію я предполагаю на томъ основаніи, что по просту-то выходитъ безмыслица, какое-то подобіе «Призраковъ» Тургенева. Назидательная же цѣль обнаруживается въ слезливыхъ и монотонныхъ обращеніяхъ къ публикѣ, произносимыхъ необыкновенно однообразнымъ и нестерпимымъ тономъ. Такимъ образомъ, описываются благородныя чувства, обуявшія Остапа при видѣ похищенія туркомъ дѣвушки, и затѣмъ читателю говорится:

„Вотъ если бы намъ съ вами, вамъ да мнѣ, встрѣтилось что подобное, такъ мы бы, я, да вы, ахнули, да вздохнули (къ чему мы станемъ поминать, что тоже и страшно бы перепугались?) пришли домой, рассказали всемъ сосѣдямъ, да и забыли,—а Остапъ нѣтъ,—не забывалъ.»

Далѣе снова описываются возвышенныя чувства Остапа при видѣ убитаго казака и снова шпилька читателю:

«Еслибъ такое намъ встрѣтилось, вамъ да мнѣ, такъ чтожь дѣлать—развѣ первый это случай несчастный? Мы бы, вы, да я, потужили, можетъ быть, и всплакнули, да и дали бы себѣ покой; а Остапъ нѣтъ,—себѣ покою не давалъ.

И снова начинается разсказъ о чувствахъ Остапа, и читатель, наученный горькимъ опытомъ, уже предчувствуетъ, что дѣло идетъ не къ добру, что разоренная страна, о которой заговариваетъ авторъ, есть источникъ новыхъ шпилекъ, приготовляемыхъ противъ него.

И дѣйствительно:

«Если-бы это мы, завываетъ авторъ, вы, да я, мы бы, пожалѣвши сердечно, да загородились себѣ какой-нибудь пріютъ, въ уголку сидѣли-бы тамъ смиренно и тихо—а Остапъ нѣтъ, и т. д.

Всѣ эти колкости должны наконецъ, озлобить читателя, не потому чтобы упреки были дѣйствительно очень колки, но потому что произносятся столь монотоннымъ голосомъ и такимъ варварскимъ языкомъ. Вообще, весь разсказъ написанъ какъ-то вычурно-просто, приторно и сантиментально. Въ доказательство, преодолѣвъ скуку, выпишу еще нѣсколько фразъ!

„Ну вотъ Остапъ ивпутался, упрямый, упорный! И возвысился предъ нимъ горы крутыя, такіе, что и не приступить, будто стѣны голыя; и поплыли передъ ними рѣки глубокия да быстрыя, что каменные берега рвутъ, сіяютъ, какъ алмазъ, и плещутъ, и мечутъ волнами, какъ-бы насмѣхаясь надъ пловцами, и запылалъ огонь передъ нимъ, сжигая все кругомъ себя, будто поѣдающа поѣдомъ.

Не говоря о безобразіи языка, даже въ этихъ, столь простыхъ по содержанію, строкахъ, авторъ ухитрился нагородить песклядицы, потому что совершенно необъяснимо, откуда могъ запылать передъ Остапомъ огонь; и ясно, что огонь приплетенъ для пушихъ страстей, не сообразивши страшности подобнаго явленія.

Для чего и для кого изданъ этотъ крошечный разсказецъ—дѣло темное, и трудно придумать, кто та публика, которую язвить авторъ. Но кому бы не предназначалась эта книжечка, замѣчу, что талантъ автора, на сколько онъ обнаружилъ его доселѣ своими «Скрипками» и тому подобнымъ, вовсе не соответствуетъ предмету, за который онъ взялся въ «Невольницѣ.»

Въ свое время въ «Рус. Словѣ» было сказано о выходѣ 1-го тома

сочиненій Майнъ-Рида. Теперь вышелъ второй томъ ихъ, заключающій въ себѣ также «Охотничьи рассказы». Подобно 1-му тому, 2-й представляетъ для дѣтей чтеніе очень полезное и весьма занимательное. Тѣ же рассказы издаются, каждый особою книжкою, товариществомъ «Общественной Пользы». Изданіе Вольфа несравненно опрятнѣе и тщательнѣе; паружность его даже весьма прилична, тогда какъ картинки, приложенныя къ изданію «товарищества», наводятъ ужасъ своимъ безобразіемъ. Но что касается до главнаго условія, т. е. до перевода, то въ этомъ отношеніи трудно сказать, которое изданіе хуже и небрежнѣе.

Единовременно съ рассказами объ интересныхъ, хотя довольно неправдоподобныхъ, приключеніяхъ американскихъ и африканскихъ охотниковъ, задумалъ поразсказать публикѣ о своихъ побѣдахъ надъ тетеревами и утками русскій охотникъ, г. Арсеньевъ, не тотъ Арсеньевъ, который написалъ Петербургскія Вѣдомости, а также и не тотъ, который прославился литературнымъ бродяжничествомъ, а другой, вслѣживающій не нигилистовъ, а утокъ. Этотъ мирный г. Арсеньевъ, потому что, не смотря на избиеніе утокъ, дѣятельность его далеко не такъ воинственна, какъ газетные походы г. Илья Арсеньева, предлагаетъ публикѣ узнать, гдѣ сколько утокъ и тетеревей онъ погубилъ и чѣмъ сопровождалась гибель каждой убитой имъ птицы. Найдутся, быть можетъ, люди, которые останутся недовольны книжкой г. Ф. Арсеньева и спросятъ автора, какое кому дѣло до его триумфовъ. Я же одобряю г. Ф. Арсеньева и ставлю его въ примѣръ г. К. Арсеньеву, обращая вниманіе послѣдняго на благоразуміе перваго, который, вмѣсто того, чтобы плодить дичь, убивалъ и истреблялъ ее. Въ одномъ только я не могу симпатизировать г. Ф. Арсеньеву, а именно, въ негодованіи его на зырянъ, истребляющихъ дичь петлями и разными коварствами. Впрочемъ я не имѣю намѣренія говорить въ Библиографіи о журнальной дичи и потому откладываю свою бесѣду о ней до слѣдующей книжки.

Докторъ Дебѣ, написавшій «Физиологію брака», подступаетъ теперь къ карманамъ французской публики съ другой стороны, и съ этою цѣлью изъ жертвы общественнаго темперамента обращается въ ученаго и глубокомысленнаго психолога. Издѣлія этого плута,

должна быть, находятъ сбывать, потому что и у насъ находятся лица, принимающіяся переводить и издавать ихъ, вѣроятно чуя поживу. Въ послѣднемъ они не ошибаются, потому что увѣряютъ, что уснѣхъ «Физиологіи брака» далеко оставилъ за собою уснѣхъ Бекля. Что же касается до «Книги чудесъ», изданной г. Хотинскимъ, то какая-то благотѣльная типографія сдѣлала съ своей стороны всѣ усилія, чтобы разрушить расчеты спекулятора. «Книга чудесъ» действительно представляетъ собою чудо типографскаго безобразія, какъ относительно внѣшняго вида, такъ и относительно безпримѣрнаго множества опечатокъ, изобиліе которыхъ дѣлаетъ книгу неудобною для чтенія. Поэтому, ее купить только тотъ, кто не имѣетъ возможности предварительно взглянуть на нее. Такимъ образомъ, типографія Чуксина приобрѣла себѣ право на благодарность современниковъ.

Но хотя по уродливости наружныхъ свойствъ, книга эта представляетъ собою любопытное явленіе, однако содержаніе ея еще несравненно безобразнѣе. Впрочемъ, въ ней глупость и безстыдство возвышаются даже до нѣкоторой красоты, такъ что примиряютъ съ ней читателя. Говоря словами автора, читатель «читая его произведеніе, переходитъ отъ изумленія къ изумленію, пораженный удивленіемъ и непостижимыми явленіями, распыривающимися передъ глазами его». Въ книгѣ толкуется о слѣдующихъ заманчивыхъ предметахъ: видѣніяхъ духовъ, магіи, чудесахъ, чернокнижіи, колдовствѣ, ясновидѣніяхъ, животномъ магнетизмѣ, предчувствіяхъ, изступленіяхъ, *гальванизаціяхъ* (какъ гласитъ книга) и т. д. Обо всемъ этомъ авторъ вкратцѣ рассуждаетъ, напримѣръ, такимъ образомъ:

„Мы понимаемъ подъ словомъ предчувствіе дѣятельность мозга, вслѣдствіе которой, нѣныя особы предчувствуютъ будущія вещи и предвидятъ событія, которыя должны наступать. Физиологическое объясненіе этой умственной способности не было еще изложено удовлетворительно“ и т. д. (стр. 223).

За этимъ наборомъ бессмысленныхъ фразъ слѣдуютъ примѣры, изъ коихъ многіе весьма курьезны. Такъ по поводу предчувствій рассказывается слѣдующее:

„11 Юля 1793 года, знаемое семейство, жившее (сохраняю всѣ опечатки) въ Парижѣ, пригласило меня на завтракъ. Принимаемъ входа меня изумило выраженіе надежды и радости, которое отражалось нѣ

всѣхъ лицахъ. Я узнала, что получено было письмо отъ жепиха дочери хозяевъ дочка молодого человѣка, который находился въ Портъ-о-Принсъ и защищалъ колонію отъ нападенія возмутьившихся. Онъ долженъ былъ скоро возвратится въ Парижъ, чтобъ сочетатся бракомъ; невѣста обрадованная этимъ извѣстіемъ, оживляла своимъ присутствіемъ все общество.

Ударило одинадцать часовъ, и вдругъ смертная блѣдность покрыла очаровательное лице; она встала съ своего мѣста и спросила брата.

— Братецъ, скажи мнѣ, какое ощущеніе производить ударъ сабля?

Братъ, изумленный такимъ страшнымъ вопросомъ, отвѣчалъ ей.

— Такое же, какъ будто ледяная стрѣла быстро проходитъ насквозь тѣло. (стр. 226).

Не менѣе страненъ примѣръ *галлюцинаціи*, приводимый докторомъ Дебэ.

„ Одна дама, рассказываетъ опъ, вполне обладавшая своими умственными способностями, какъ только садилась за туалетъ, слышала два мужскіе голоса. Одинъ превозносилъ бѣлизну ея кожи, упругость формъ и тайныя прелести ея.— Ты такъ прекрасна, что можно сойти съ ума отъ любви къ тебѣ? говорилъ онъ. И дама, хотя ей очень пріятно было слышать такіа похвалы, закрывалась отъ стыдливости. Когда она опять подходила къ зеркалу, чтобъ продолжать свой прерванный туалетъ, вдругъ раздавался другой голосъ, говорившій совершенно противное первому: Твоя свѣжесть поддѣльная; эти формы и окружности—одни только обманъ; еслибъ тѣ, которые удвѣляются имъ, *взглянули на нихъ въ обнаженномъ видѣ, они убѣжили-бы испугавшись твоего безобразія.* (238).

Какъ ни глупъ этотъ анекдотъ въ оригиналѣ, но въ переводѣ выходитъ верхомъ совершенства, потому что предполагается, что зрители будутъ въ обнаженномъ видѣ, а убѣгутъ созерцаемыя ими формы. Этого не найдешь ни въ «Запискахъ съумасшедшаго,» ни въ книгѣ Виктора Гюго о Шекспирѣ, ни въ статьѣ Ж. Санда объ этой книгѣ. По этому образчику видно, что книга доктора Дебэ достойна своего автора и что специальность его проглядываетъ и въ ней. Но есть анекдоты несравненно болѣе подтверждающіе это; такъ напр. въ «Книгѣ чудесъ» помѣщенъ одинъ боклачевскій расказъ, носящій у него заглавіе «Соловей.» Въ образецъ достоинства перевода, кромѣ приведеннаго, возьму еще одно мѣсто, которое даетъ также понятіе и объ исправности въ типографскомъ отношеніи.

„Сонъ Кальпурніи предвѣщало, которое она въ немъ находитъ страшное событіе, которымъ оно приводится въ исполненіе—все это имѣетъ тѣже причины, и все основано на естественномъ теченіи дѣлъ человеческихъ (стр. 30).

Иностранныя слова и фамиліи представляются какими-то гіероглифами; таковы: Dictionuaire de Melucine, Encyclopedie methodique, англичанинъ Буль Падзоръ, «знаменитый Дюзе-Ттрумъ, принадлежавшій къ числу великихъ мужей, отличившихъ себя на юморѣ,» Кондорсетъ, Казаттъ, тожь Казамтъ, тожь Казомтъ, тожь Казоттъ, стихи «изъ Дидерома РісеИ...», Баблѣе (Бабине) и другія диковины до безконечности.

Оберточный листъ гласитъ, что русскую публику, изданіемъ этого дива, осчастливилъ г. И. М. Хотинскій. Я полагаю, что это тоже опечатка (потому что въ заглавіи напечатано же «чувствъ») и что слѣдуетъ читать не И. М., а М. С., ибо, какъ извѣстно, г. М. С. Хотинскій много уже писалъ о магіи и чернокнижии. Весьма странно бы было, если бы заглавіе не провралось, потому что, что за притча такая, что всѣ Хотинскіе принялись за колдовство и животный магнетизмъ.

Остается поблагодарить типографію, которая приняла всѣ мѣры, чтобы уничтожить результаты печатнаго чернокнижія г. Хотинскаго. Ее купать развѣ чтенцы «Физиологіи брака,»

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦІЯ. Впечатлѣніе, произведенное договоромъ 16 сентября на европейскую публику.—Сущность этого договора.—Политическія соображенія, внушаемыя имъ.—Сближеніе банапартистской политики съ партією дѣйствія.—Будущее положеніе римскаго папы.—Противорѣчіе теократической папской власти смыслу времени и прогрессу.—Перерожденіе католицизма подъ вліяніемъ духа партіи.—Ультрамонтаны и умѣренные.—Современное значеніе тѣхъ и другихъ.—Программа итальянскихъ унитарныхъ консерваторовъ.—АНГЛІЯ. Непримируемая вражда между лордомъ Пальмерстономъ и императоромъ Бонапартомъ.—Можетъ-ли Великобританія въ настоящее время чистосердечно пристать къ дѣлу прогресса?—Загадочное посольство лорда Кларендона въ Вѣну и Туринъ.—ГЕРМАНІЯ. Мѣтвія вѣнской „Прессы“ о положеніи Австріи.—Возвращеніе Ломбардо-Венеціанскаго вице-короля въ Вѣну.—Медленность переговоровъ по вопросу о датскихъ герцогствахъ.—Исчезновеніе одного государства съ политической карты Европы.—ИСПАНІЯ. Паденіе министерства Мона и возвращеніе королевы-матери Маріи-Христіны.—МЕКСИКА. Непрерывная борьба французскихъ войскъ съ гверильясами.—Пріемъ, сдѣланный новому императору.—Главный узелъ мексиканскаго вопроса и затруднительное положеніе Максимилиана.—КИТАЙ. Взятіе Нанкинга у мятежныхъ тайпинговъ.—Значеніе этого города.—Жестокость, совершенная армією порядка.—СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ. Продѣлки «Мѣдноголовыхъ» въ избирательной борьбѣ.—Подвигъ стараго Фаррагута въ бухтѣ Мобилы.—Походъ Шермана въ Георгію.—Успѣхи Шеридама въ Виргиніи.—Осторожность Грента.—Возрастающій кредитъ Уни.—Въ чемъ заключаются величіе американской республики?—РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы, простые смертные, не создающіе политику, а подчиняющіеся ей, были до крайности изумлены, когда въ одно прекрасное утро, журналъ доставилъ извѣстіе о трактатѣ, заключенномъ 15-го сентября между французскимъ и итальянскимъ правительствами. Нашъ дѣловой людъ еще проводилъ время въ *far niente* вакацій: кто на водахъ, кто на охотѣ, кто на рыбной ловлѣ, кто на виногради-

кахъ, при сборѣ винограда. Послѣ прогулки въ безмолвномъ лѣсу, или на морскомъ берегу, возлѣ шумящихъ волнъ, всѣ разсѣянно читали газеты, которыя все еще повторяли, съ разными варіаціями, старую тему, доставленную изъ Виши: — «Inertia — sapientia, — бездѣйствіе — лучшая политика», какъ вдругъ изумленный журналистъ, запыхавшись, принесъ странное извѣстіе такого рода:

«Глава I. Италія обявывается оставить неприкосновенною настоящую территорию папы, и даже воспрепятствовать силою всякому нападению, предпринимаемому на эту территорию извнѣ.

Глава II. Франція очистить папскія владѣнія отъ своихъ войскъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ образуется армія папы. Это очищеніе, впрочемъ, должно совершиться въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Глава III. Италіанское правительство отказывается дѣлать возраженія противъ образованія папской арміи, составляемой изъ иностранныхъ католическихъ волонтеровъ и достаточной для поддержанія авторитета папы и для сохранения спокойствія какъ внутри, такъ и на границахъ его владѣній, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы эта армія не превратилась въ орудіе для нападенія противъ самаго италіанскаго правительства.

Глава IV. Италія объявляетъ себя готовою вступить въ соглашеніе относительно принятія на себя соотвѣтственной части долга, лежащаго на бывшихъ владѣніяхъ церкви.

Глава V. Этотъ договоръ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій между договаривающимися сторонами совершенъ въ продолженіе пятнадцати дней, а если возможно, то и раньше.

Въ протоколѣ, который служить допущеніемъ къ договору, сказано: Трактатъ этотъ будетъ имѣть исполнительную силу только тогда, когда король Италіи издастъ декретъ о переводѣ столицы королевства въ мѣсто, назначаемое имъ самимъ. Этотъ переводъ долженъ совершиться въ продолженіе шести мѣсяцевъ по заключеніи договора. Протоколъ будетъ имѣть ту же силу и то же значеніе, какъ и трактатъ. Обмѣнъ ратификацій его будетъ совершенъ въ то же время, какъ и обмѣнъ ратификацій договора.

Такъ какъ срокъ для перевода столицы, опредѣленный въ шесть мѣсяцевъ, считая со дня заключенія трактата, признанъ недостаточнымъ, то правительство императора согласилось считать этотъ срокъ, такъ же какъ и срокъ для очистки папской территории отъ французскихъ войскъ, со дня изданія королевскаго декрета, которымъ

утвержденъ будетъ законъ объ этомъ переводѣ, имѣющій быть представленнымъ парламенту.»

Таково въ сущности содержаніе договора, изумившаго Францію и Европу, и который, безъ сомнѣнія, служитъ однимъ изъ главныхъ событій послѣдняго времени. Мы рассмотримъ этотъ договоръ съ разныхъ сторонъ, и въ особенности со стороны того впечатлѣнія, какое онъ произвелъ на европейскую публику.

Это одна изъ тѣхъ выходовъ, къ которымъ наполеоновская политика насъ почти приучила, и которыхъ дѣйствіе, однакожъ, не всѣмъ истощилось. Къ подобнымъ сюрпризамъ Наполеонъ прибѣгаетъ въ особенности при открытіи палатъ съ тѣмъ, чтобы дать оффиціальнымъ ораторамъ матеріалъ для краснорѣчивыхъ изліяній. Въ этомъ году къ такой мѣрѣ приступлено было ранѣе, чѣмъ обыкновенно, и ранѣе, чѣмъ обыкновенно открытъ былъ ящикъ съ сюрпризомъ, выпускающій, на удивленіе міра, долговазаго полишенеля, рыжаго и чернаго, косматаго и съ рогами. Это явленіе произвело чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на господъ клерикаловъ такъ называемаго «чернаго крестоваго похода», которые, впрочемъ, вообще, не отличаются черезъ чуръ деликатными нервами.

Циркулярная депеша господина Друэнъ де-Люиса не разъяснила ни смысла, ни значенія, ни поводовъ договора, и не разъясила всѣхъ нашихъ недоумѣній. Договоръ есть обѣщаніе, но не осуществленіе обѣщаннаго; онъ дѣлаетъ рѣшеніе вопроса возможнымъ, но самъ по себѣ не служитъ рѣшеніемъ, хотя насъ ежедневно увѣряютъ въ противномъ оффиціальныя журналы France и Constitutionnel. Эта эволюція бонапартистской политики подобна той, которая недавно совершена была въ дѣлахъ мексиканскихъ. Предавшись самымъ фантастическимъ мечтамъ, Бонапартъ почувствовалъ необходимость возвратиться къ дѣйствительности, и для практическихъ цѣлей отложить на время грандіозныя произведенія своей фантазіи. Очевидно, бонапартистская имперія собирается съ мыслями.

Такъ теперь къ намъ пришло извѣстіе, что императоръ, накучивши кохинхинскою экспедиціею, предпринятою по внушенію іезуитовъ, велѣлъ господину Обарѣ, французскому консулу въ Бангкокѣ, заключить трактатъ, по которому Франція возвращаетъ аннамскому правительству три провинціи: Сайгонъ, Мито и Биень-Гоа, завоеванныя въ нижней Кохинхинѣ, и за такое великодушіе требуетъ признанія протектората надъ шестью провинціями, уступая

трехъ крѣпостей на рѣкѣ Камбоджѣ и уплаты ста милліоновъ франковъ, въ видѣ вознагражденія за расходы по экспедиціи. Эти сто милліоновъ должны быть уплачены въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, по два милліона ежегодно. «Мониторъ» по этому случаю обнаруживаетъ свое удовольствіе. Въ минуту заключенія новаго трактата, аннамское правительство заплатило 2,500,000 франковъ, составляющихъ часть той недоимки, которая считалась за нимъ по предшествующему договору. «Мониторъ» принимаетъ видъ, что находить эту сдѣлку весьма выгодною.

Переводъ отвѣтственности за мексиканскую экспедицію на главу эрцгерцога Максимилиана, обнаружилъ уже несомнѣннымъ образомъ стремленіе бонапартистской политики сосредоточиться въ самой себѣ. Послѣ войны противъ Австріи и до начала новой войны, которая, быть можетъ, готовится, передача бремени этой неразумной экспедиціи одному изъ наслѣдниковъ габсбургскаго дома представлялась выходною весьма ловкою. *Великая армія* уже черезъ-чуръ распустила свои крылья. Оказалось необходимымъ возвратить всё эти экспедиціонныя корпуса къ ихъ центру.

Недавно заключенный договоръ неоспоримо принадлежитъ къ такого рода мѣрамъ; онъ происходитъ отъ необходимости сосредоточенія военныхъ силъ. Занятіе Рима, служившее точкою опоры для честолюбивыхъ проектовъ, и дѣйствіемъ, на которое указывалось какъ на основаніе дальнѣйшихъ операцій для завоеванія имперіи міра, наконецъ оказалось тѣмъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, — мѣрою нелѣпою. Но такъ какъ трудно разставаться съ этимъ любимымъ сокровищемъ, то окончательная уступка его отложена на два года.

— Если занятіе столицы католицизма служило для бонапартистской политики предметомъ особой заботливости, то надо полагать, что только жестокая необходимость могла заставить владѣтеля Рима торжественно, въ виду цѣлаго свѣта, отказаться отъ своего завоеванія и возвратиться во свояси.

— Конечно, такъ!

— Этотъ договоръ, повидимому, имѣетъ цѣлью противодѣйствовать священному союзу трехъ сѣверныхъ державъ, дѣйствительному или мнимому; онъ, вѣроятно, впушенъ результатомъ датской войны, успѣхами Пруссіи и безпокойствомъ на счетъ будущности Европы.

Въ послѣдней своей корреспонденціи мы замѣтили, что какъ толь-

ко грозное привидѣніе священнаго союза показалось на политическомъ горизонтѣ, императоръ Бонапартъ, почувствовавъ необходимость также имѣть своихъ союзниковъ, вздумалъ сблизиться съ Италіею, или, точнѣе, съ донною Изабеллою, Маріею Христиною и съ дономъ Францескомъ. Такъ какъ этотъ союзъ не очень былъ твердъ, то Людовикъ Наполеонъ заключилъ еще другой (который, въ скобкахъ будъ сказано, въ нѣкоторомъ родѣ противорѣчитъ первому), и съ этою цѣлью на скорую руку сочинилъ договоръ съ королемъ Викторомъ Эммануиломъ.

Цѣль этого договора очевидна. Она заключается въ примиреніи всей вообще Италіи, а въ особенности партіи дѣйствія съ французскимъ правительствомъ. Между Италіею и Франціею до сихъ поръ существовалъ поводъ къ непримиримой враждѣ, состоящей въ занятіи Рима, совершенномъ противъ всѣхъ человѣческихъ правъ. Съ прекращеніемъ этого занятія, примиреніе, котораго нельзя было достигнуть даже подвигами французскихъ войскъ въ Маджентѣ и Сольферино, наконецъ сдѣлается возможнымъ — черезъ два года! Какъ замѣчаетъ *Constitutionnel* съ своею обычною наивностью, во всей Италіи одна только Венеція будетъ еще имѣть иностранцевъ.

А такъ какъ примиреніе всегда совершается съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать противъ какого нибудь третьяго лица, то общественное мнѣніе немедленно и инстинктивно объяснило трактатъ 15 сентября такимъ образомъ: это новая война противъ Австріи!.. И не только во Франціи ясно выразилась подобная идея; италіянцы и нѣмцы говорятъ то же самое, а нѣмецкіе журналы замѣчаютъ, что мѣры къ сокращенію австрійской арміи (дѣйствительныя или мнимыя) отменены и что не представляется надежды на скорое ихъ возобновленіе.

«Договоръ этотъ служить отвѣтомъ на слухи о составленіи сѣвернаго союза и предвѣщаетъ войну» — такъ категорически выражается общественное мнѣніе.

— Итакъ, этотъ трактатъ — одно изъ самыхъ разумныхъ дѣйствій императора Бонапарта; это въ нѣкоторомъ родѣ возвращеніе къ такъ называемой либеральной политикѣ. Наполеонъ десять лѣтъ неусыпно подрывалъ довѣріе той партіи, съ которою теперь ищетъ примиренія.

Этой новостью Бонапартъ хотѣлъ изумить міръ и достигъ своей цѣли. Такъ какъ мы живемъ въ весьма нескромномъ свѣтѣ, и такъ какъ почти невозможно долго сохранять какую бы то ни было ве-

ликую государственную тайну, то переговоры относительно Рима пришлось вести на скорую руку. Поэтому означенный трактат не только не носит на себѣ отпечатка той преднамѣренности, какою отличаются предпріятія автора знаменитаго государственнаго переворота 2-го декабря, и которая обратилась въ поговорку, а напротивъ онъ имѣетъ видъ совершеннаго экспромпта. Утверждаютъ даже, шутиливымъ образомъ, что императоръ воспользовался для этого отсутствіемъ императрицы Евгеніи, посланной, неизвѣстно зачѣмъ, на воды въ Швальбахъ, и которая къ тому же въ собственноручномъ письмѣ къ папѣ увѣряла, что не принимала участія въ этомъ актѣ.

Отъ этого и самая форма трактата вышла какъ нельзя болѣе странною. Такъ какъ императоръ Бонапартъ признаетъ господство папы въ Римѣ, то не понятно, почему онъ переговоры объ очищеніи этого города отъ французскихъ войскъ велъ съ Викторомъ Эммануиломъ, лицомъ совершенно постороннимъ въ этомъ дѣлѣ. Если этотъ договоръ имѣетъ смыслъ, то онъ означаетъ, что въ глазахъ самаго французскаго правительства истиннымъ владѣтелемъ Рима — не святой отецъ, папа, а король Викторъ Эммануиль и италіанскій парламентъ, объявившій этотъ городъ столицею королевства.

А если императоръ Бонапартъ и король Викторъ Эммануиль одни имѣютъ право вести переговоры относительно Рима, то не менѣе странно, что они въ пѣкоторомъ родѣ предписываютъ, какъ долженъ будетъ вести себя папа. Такимъ образомъ Пій IX долженъ будетъ замѣнять французскія войска, по мѣрѣ ихъ удаленія, войсками туземными или иностранными, но онъ не будетъ имѣть права нанимать столько солдатъ, сколько ему вздумается, и своими вооруженіями беспокоить Италіанское королевство. Для содержанія своихъ новыхъ войскъ онъ долженъ будетъ получать контрибуціи отъ католическихъ націй, а его врагъ Викторъ Эммануиль, отлученный имъ отъ церкви, принужденъ будетъ благосклонно вписать въ свой бюджетъ часть папскаго долга... Но—скажите на милость, какииъ образомъ договоръ, заключенный между королемъ Викторомъ и императоромъ Бонапартомъ можетъ быть обятательнымъ для Пія IX?

Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что святой отецъ не захочетъ ратификовать ни одно изъ обязательствъ, налагаемыхъ на него безъ его вѣдома. Онъ не признаетъ присоединенія къ Италіанскому королевству провинцій, которыя были отняты у него кастельюндарскимъ походомъ, и не согласится, чтобы похититель ихъ принялъ на себя

часть его долга, приходящуюся на долю Маркій и Романья. Папскій дворъ только въ томъ случаѣ можетъ принимать субсидіи отъ итальянскаго двора, если станетъ въ такое же положеніе, въ какое японскій духовный императоръ поставленъ свѣтскимъ императоромъ Іеддо. Римскій первосвященникъ въ такомъ случаѣ вскорѣ сдѣлался бы слугою того лица, которое платитъ ему деньги, и съ престола католическаго христіанства спустился бы на сѣдалище каноника, получающаго хорошее содержаніе.

Итакъ папа не приметъ субсидій, ни протекціи отъ итальянскаго короля. Онъ, быть можетъ, соберетъ огромную армію для замѣны французскихъ войскъ, отправляющихся во свояси. Кардиналъ Меродъ, употребляющій значительную часть своихъ доходовъ на сооруженіе обширной казармы для такъ называемыхъ преторіанцевъ, на которую и папское правительство также истощаетъ свои ресурсы, кардиналъ Меродъ, главный генералиссимусъ католической церкви, уже мечтаетъ о томъ, какъ онъ однимъ мановеніемъ руки велитъ раскрыть передъ непріателемъ пушки, расположенныя въ батарею, и истребить толпы невѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ, кто воспрепятствуетъ папѣ, когда онъ, по прошествіи двухлѣтняго срока, сдѣлается независимымъ владѣтелемъ своихъ земель, призвать къ себѣ на помощь всѣхъ волонтеровъ католическаго міра и подобно императору французовъ вербовать въ свою армію египтянъ, нубійцевъ, спатисовъ и тюрксовъ? Кто воспрепятствуетъ римскому первосвященнику стать подъ покровительство Австріи и охранять Ватиканскій дворецъ стражею, составленною изъ 60,000 кроатовъ и пандуровъ?

Однакожь, если сомнительно, что римскій дворъ предоставитъ свою судьбу случайностямъ войны, то можно навѣрное полагать, что онъ не захочетъ отстранять отъ себя опасности, которая ему угрожаетъ, принятіемъ мѣръ къ гражданскимъ, административнымъ, политическимъ и муниципальнымъ реформамъ. Какъ? согласиться на реформы въ Римѣ?! Десять разъ папа объявлялъ ихъ невозможными, сотню разъ кардиналъ Антонелли говорилъ на этотъ счетъ французскимъ посланникамъ: *Non possumus! Non possumus!* Какъ, не похищать болѣе еврейскихъ дѣтей? Да это такая жертва, на которую никогда не согласится римское духовенство. Не заключать болѣе людей въ тюрьму безъ суда, не измѣнять своимъ княтвамъ, не производить смоній, не торговать справедливостью, не продавать индульгенцій и освобожденія отъ нѣсколькихъ вѣковъ чистилища, не разорять народа

лотереями, закрыть темницы инквизиции, охуждать убіенія протестантовъ, производившіяся во времена всеобщаго религіознаго фанатизма, и ужасы Варооломеевской ночи, и признать наконецъ справедливымъ мнѣніе Галилея, что земля вертится вокругъ солнца, — вотъ чего никакъ не добьешься отъ этихъ неумолимыхъ, непреклонныхъ людей, объявляющихъ себя непогрѣшимыми на основаніи буллы XII вѣка. Развѣ мавръ уничтожить когда нибудь цвѣтъ своей кожи, или леопардъ пятна на своей шерсти? Папская власть отличается деспотизмомъ и произволомъ; она не можетъ подчиниться контролю еретическаго парламента. На всѣ изобрѣтенія, на всѣ реформы новѣйшей науки она отвѣчаетъ крикомъ: «Vade retro, Satanas! Прочь отъ меня, сатана!» Римско-католическая церковь имѣетъ свою эссенцію іезуитизмъ, и уже сто лѣтъ тому назадъ Рикки, одинъ изъ начальниковъ іезуитскаго ордена, говорилъ объ учрежденіи, къ которому онъ принадлежалъ; — «Sit ut est, aut non sit! Пусть лучше погибнетъ оно, чѣмъ подвергнется реформѣ!»

Говорятъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ не мало можетъ утечь воды. Прежде всего спрашивается, долго ли проживетъ папа? Зима и весна для него весьма неблагопріятны. Послѣ того, какъ онъ чувствовалъ себя здоровымъ, онъ теперь находится въ весьма плохомъ состояніи. Слухъ о его смерти повторялся такъ часто, что наконецъ онъ можетъ превратиться въ истину. По поводу слуха о болѣзни папы, уже въ Парижѣ и Туринѣ проданы были итальянскія ренты, на миллионы и миллионы франковъ, на такую сумму, которая своимъ вѣсомъ въ серебрѣ превышаетъ вѣсъ всего католическаго коллегіума.

При новомъ папѣ можетъ возникнуть новая политика. Пій IX началъ свое правленіе тѣмъ, что выдавалъ себя за либерала. Почему же его преемнику не быть реформаторомъ на дѣлѣ, а не только на словахъ? Притомъ, весьма вѣроятно, что новаго папу изберутъ изъ итальянцевъ, а не изъ иностранцевъ, которые, какъ извѣстно, преимущественно были причиною отчаянной политики римскаго двора. Кавуръ велъ переговоры о признаніи королевства Италіи съ итальянскими прелатами. Они, пожалуй, были бы не прочь принять титулъ святѣйшихъ сенаторовъ новаго королевства и великолѣпное содержаніе. При новомъ итальянскомъ папѣ, папство принуждено будетъ сдѣлаться итальянскимъ.

Въ томъ-то и заключается несчастіе папства, — отвѣтимъ мы на это, — что оно въ сущности итальянская власть, а не болѣе. Вотъ

почему оно поглощено будетъ возрастающею идеею итальянской національности. И вотъ какимъ образомъ оно должно быть стерто съ политической карты Италіи, на томъ же основаніи, какъ и правительства Неаполя и великихъ герцоговъ Пармы и Модены.

Дѣйствительно, весьма вѣроятно, что если новый папа будетъ избранъ въ конклавѣ и безъ всякаго *сору d'etat*, какъ уже объ этомъ идетъ рѣчь, то этотъ санъ достанется не Мероду и не какому нибудь Дюпанлу или Арсману, а италіянцу, принадлежащему къ партии умѣренныхъ; но тѣмъ не менѣе старецъ, которому довѣрять судьбу папства, будетъ выказывать то же упорство и ту же непреклонность, какъ и всѣ его предшественники, и на всѣ требованія реформы отвѣчать съ любовною улыбкою: «*Non possumus! Non possumus!*»

Дѣло въ томъ, что всѣ улучшенія, требуемыя въ настоящее время, клонятся къ болѣе или менѣе быстрому разрушенію католическаго ультрамонтанизма, который будетъ протестовать противъ нихъ, пока въ немъ сохранится дыханіе. Сила католическаго принципа если только есть въ немъ сила, и заключается въ отрицаніи новѣйшей идеи прогресса и эту-то силу вдохновляютъ иностранные епископы. — Въ италіянскихъ прелатахъ должно исать скрытную и таинственную римскую традицію, всю ловкость іезуитовъ и всѣ тонкости дипломатіи, — эти соврѣщца, накоплавшіяся мало-по-малу римскимъ сенатомъ и католическимъ епископствомъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Эти-то прелаты, эти предатели тайны Рима одни знаютъ, въ какой степени ихъ политика осуждена на безсиліе и бесплодность. Ихъ секретъ, вотъ онъ: Римское папство — ничто иное, какъ свѣтская власть. Оно представляется духовною властью только людямъ религіознымъ, наивнымъ и иностранцамъ. Папство нашло свое настоящее выраженіе въ лицахъ Юлія II и Александра Борджіа, а въ особенности въ лицѣ Цезаря Борджіа. Папа, это — неудавшійся императоръ Италіи, соперникъ императоровъ Германіи и Франціи, это — нѣчто въ родѣ великаго герцога, котораго претензіи превышаютъ средства. И вотъ до этого образа, представляющаго отрицаніе самой идеи папы, до этого противорѣчія теперь дошло папство. При алчности, для удовлетворенія которой недостаточенъ міръ; при надеждѣ господствовать надъ міромъ съ высоты римскаго холма; при претензіи управлять всеобщною посредствомъ одного католическаго закона; при претензіи превратить всѣхъ государей въ своихъ слугъ, а всѣ народы въ своихъ

оброчныхъ подданныхъ, папство кончило тѣмъ, что лишилось всего, за исключеніемъ своей гордости. Падая все болѣе и болѣе, оно перестало быть даже маркизствомъ Анконы и княжествомъ Беневента, и недавно еще одинъ сочинитель брошюръ, господинъ виконтъ де-ла-Героньеръ, принявшій папство подъ свое особое покровительство, предложилъ, съ цѣлью порѣшить его судьбу, признать Ватиканъ, съ принадлежащими къ этому дворцу садами, — маіоратомъ или вотчиною главы католическаго духовенства, не подлежащую отчужденію. Есть даже люди, друзья и недруги папы, которые находятъ, что такая доля черезъ-чуръ роскошна, что Ватиканъ, съ принадлежащими къ нему садами, — собственность слишкомъ значительная для духовнаго лица, что папа долженъ быть такимъ же гражданиномъ, какъ и всѣ прочіе.

Какъ обыкновенно бываетъ при всѣхъ ложныхъ положеніяхъ, при столкновеніяхъ духовныхъ интересовъ съ мірскими, папство принуждено было пожертвовать болѣе важными преимуществами въ пользу менѣе важныхъ и изъ двухъ золъ избрать худшее. Оно должно было мало-по-малу отказаться отъ господства надъ умами и отъ власти всемірнаго первосвященника, съ тѣмъ чтобы сохранить простое политическое владычество надъ нѣсколькими квадратными километрами развалинъ и право собирать подати съ нѣсколькихъ тысячъ убогихъ и бѣдныхъ людей.

Подчиненіе интересовъ религіозныхъ и всемірныхъ интересамъ римскимъ, то есть интересамъ по части денегъ, полиціи и арміи, словомъ интересамъ матеріальнымъ и мѣстнымъ: таковъ въ настоящее время девизъ ватиканской политики. «Папство окружено не легіонами поклонниковъ, а кордонами таможенныхъ служителей и жандармовъ. Римъ считаетъ своими врагами тѣхъ, которые проповѣдуютъ ему возвращеніе къ апостольской простотѣ или даже къ общинѣ первобытной церкви, а папа постоянно хлопочетъ о томъ, чтобы превратиться въ государя. Конечно, нельзя не удивляться упорному идеализму и простодушію толпы, видѣвшей въ Піѣ IX будущаго освободителя народа, — папу, который явится мессією свободы. Увели папство должно трубить этимъ людямъ на ухо: я лгу, лгало и буду лгать. Вы во мнѣ видите религію, но я не болѣе, какъ бюджетъ; я не догматъ, а дефицитъ и текущій счетъ, значащійся пасивомъ у братьевъ Ротшильдовъ. О, вы люди наивные! Когда перестанете вы обращаться ко мнѣ съ своими увѣщаніями? За

кого-же вы меня принимаете? Уже давно я покинул свое жалкое жилище въ катакомбахъ, съ тѣмъ чтобы поселиться въ дворцахъ Ватикана, обогащенныхъ какъ древними, такъ и новыми, сокровищами,—живописи, скульптуры и золотыхъ дѣлъ мастерства. Я не одѣто въ бѣдный хитонъ, но я ношу пурпуровую мантию кесарей; мое чело не изранено и не окровавлено; я не ношу терновый вѣнокъ, но тройную корону, блестящую золотомъ, рубинами и другими драгоценными камнями. Лепта, собираемая мною во имя св. Петра, состоитъ не изъ динарія, найденнаго въ рыбѣ, которая была поймана въ тиверіадскомъ озерѣ, а изъ нѣсколькихъ милліоновъ римскихъ ефимковъ, по 5 франковъ и 65 сантимовъ каждый. И что особенно замѣчательно, эту лепту, вмѣсто того, чтобы платить ее кесарю, мы заставляемъ народъ его правильнымъ и законнымъ образомъ вносить въ нашу казну, и ею-то, этою лептою, мы уплачиваемъ счета поставщиковъ каретъ для кардиналовъ, зеркалъ и кондитерскихъ пирожковъ для мопсиньоровъ, и конфетъ и разныхъ другихъ сластей для обитателей дворца Фарнезе. Когда же, наконецъ, перестанутъ твердить намъ, людямъ, живущимъ въ самыхъ роскошныхъ и величественныхъ зданіяхъ дѣлаго міра, что мы наследники того, которому не гдѣ было преклонить свою голову? Вѣдь мы, какъ бы то ни было, — люди настоящаго времени и настоящаго вѣка! И вотъ какъ мы хлопочемъ о прогрессѣ!»

Разовьемъ еще болѣе нашу мысль:

Глубокая непріязнь, существующая между современнымъ міромъ и папскою властью, встрѣчается также и въ самой этой церкви, которая со дня на день все болѣе и болѣе распадается на двѣ враждебныя одна другой партіи. Ультрамонтанская и умѣренная, мистическая и практическая, иностранная и итальянская: таковы главные ихъ названія. Доведенныя до крайности, обѣ эти партіи доходятъ: одна—до возмутительной нечеловѣчности, а другая—до вульгарности. Ультрамонтанская имѣетъ великіе свои принципы: *Credo quia absurdum*; для нея нѣтъ ничего слишкомъ фантастическаго, слишкомъ чудовищнаго, слишкомъ безнравственнаго; невозможно отличить въ ней вѣру отъ суевѣрія. Любопытно, что этотъ ультрамонтанизмъ, отличающійся неистовымъ фанатизмомъ и неимѣющей другой точки опоры, кромѣ невѣжества и мелкихъ и низкихъ страстей, обрушается на самого себя при малѣйшемъ столкновеніи съ истиною и съ міромъ дѣйствительнымъ, и что онъ проповѣдуется и распространяет-

ся съ яримъ усердіемъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ онъ входитъ въ моду между людьми праздными, и пріобрѣтаетъ авторитетъ между людьми слабоумными, тогда какъ въ самой Италиі, въ самомъ центрѣ католицизма господствуетъ вельми земная доктрина барышей, въ-ра въ мѣшки, наполненные ефимками, догматъ мірскаго господства папы, первосвященника и короля италіянскаго города. Конечно, въ глазахъ историка это столкновение двухъ непріязненныхъ началъ, которое должно тщательно изслѣдовать со всѣхъ сторонъ, состоитъ не только въ борьбѣ между папствомъ и италіянскимъ королевствомъ: эта борьба—только внѣшняя сторона вопроса, симптомъ, который обыкновенно смѣшивается съ причиною. Истинный интересъ настоящей минуты заключается въ борьбѣ двухъ стихій западнаго католицизма, въ распаденіи религіознаго атома на двѣ составныя части, которыя одна въ отношеніи къ другой приходятъ все болѣе и болѣе въ напряженное состояніе. Это разложеніе религіознаго элемента на двѣ первоначальныя стихіи проявляется не только въ лонѣ католицизма; борьба эта, пробуждается съ особенною силою въ средѣ протестантизма и іудаизма, какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго. Въ іудаизмѣ она обнаруживается въ видѣ столкновеній между различными консисторіями, которыя до настоящаго времени жили въ мирѣ и добромъ согласіи одна съ другою. Поводомъ къ этому послужило требованіе, чтобъ молодые раввины своею подписью обязывались исполнять всѣ предписанія Талмуда и слѣпо вѣрить во всѣ пункты талмудскаго ученія. Въ отвѣтъ на такое требованіе эти молодые люди цѣлыми массами подали въ отставку.

Въ протестантской Франціи продолжается борьба между либералами, съ одной стороны, и приверженцами ортодоксальнаго ученія, съ другой. Послѣдніе имѣютъ въ главѣ своей Гизо. — Вы помните изгнаніе парижскою консисторіею знаменитаго Атаназя Кокреля, обвиненнаго въ дружественныхъ сношеніяхъ съ господиномъ Эрнестомъ Ренаномъ. Послѣ того, споръ по предмету религіи принималъ все болѣе и болѣе значительные размѣры. Споры принимаютъ такіе размѣры, что даже свободные мыслители и люди, преимущественно занимающіеся политикою, одинъ за другимъ выступаютъ на арену, съ тѣмъ чтобы участвовать въ этихъ препіяхъ. Возникаетъ даже вопросъ, не сдѣлается ли эта борьба всеобщею. Какъ явленіе, характеризующее настоящее положеніе дѣла, мы прибавимъ, что недавно г. Поль-Брока, человекъ, свободно мыслящій, основатель этнологическаго об-

щества въ Парижѣ, хотѣлъ въ пользу господина Бюкреля воспользоваться своими избирательными правами въ церкви. Когда консисторія этому воспротивилась, то получила официальное требованіе включить господина Брока въ приходскій списокъ. Послѣ ея вторичнаго отказа, дѣло это было передано на разсмотрѣніе государственному совѣту.

Французскіе клерикалы не легко забудутъ неожиданный ударъ, нанесенный имъ императорскою политикою. Трактатъ 15 сентября подписывался въ то время, какъ религіозные журналы любезнымъ образомъ помѣщали на своихъ столбцахъ извѣстіе такого рода, заимствованное изъ одной римской газеты:

«Наполеонъ III недавно получилъ отъ папы копье, находившееся въ могилѣ Карла Великаго. Какъ важный христіанскій памятникъ, это копье имѣетъ несомнѣнную цѣну. Говорятъ, что императоръ, котораго вѣра въ свою собственную судьбу не составляетъ секрета, считаетъ этотъ даръ предзнаменованіемъ, что онъ призванъ исполнить роль Карла Великаго въ отношеніи возстановленія церкви».

Независимо отъ этихъ преимуществъ, поступокъ Наполеона имѣлъ и свою невыгодную сторону, какъ потому самому, что онъ послужилъ сюрпризомъ, такъ равно и потому, что срокъ исполненія дѣла отложенъ на продолжительное время.

Обыкновенно дѣло такой важности совершается не иначе, какъ по испрошеніи общественнаго мнѣнія, по крайней мѣрѣ для формы. Во Франціи съ нѣкотораго рода завистью признаются, что трактатъ имѣлъ бы уже окончательную силу, еслибъ государи, заключившіе его, не должны были испросить согласія италіянскаго парламента. Что же касается до согласія парламента французскаго, то объ испрошеніи его и не подумали, и по весьма уважительной причинѣ, а именно потому, что въ этомъ согласіи договаривавшіяся стороны не имѣли никакой надобности.

Съ другой стороны, двухгодичный срокъ, назначенный для исполненія трактата, почти одинаково возмущаетъ какъ тѣхъ, которые сильно желаютъ очищенія Рима отъ французскихъ войскъ, такъ равно и тѣхъ, которые вооружены противъ этой мѣры. Первые недовольны тѣмъ, что несправедливое и пелѣное занятіе этого города французами продолжится еще столь долгое время, а вторые, поощряемые этою самою отсрочкою, льстятъ себя надеждою, что, удвоивъ свою непріязнь, они заставятъ французское правительство не пони-

дать дѣла свѣтской власти папы. Во всѣхъ католическихъ церквахъ, со всѣхъ католическихъ каедръ Франціи раздастся пароль: «Берегись, Понцій Пилатъ! Берегись, Иродъ! Берегись, Тиверій!» Армія въ 150,000 священниковъ и монаховъ и въ 200,000 іезуитомъ начнетъ работать денно и ночно противъ правительства, подводя подъ него таинственныя и подземныя мины, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы вредить ему, и распространяя объ немъ дурныя слухи, — не истинныя а вымышленныя, такъ какъ клевета для этихъ людей гораздо болѣе сподручна, и такъ какъ всякій охотно употребляетъ свое любимое оружіе. Съ своей стороны правительство не останется въ бездѣйствіи; оно будетъ въ мутной водѣ удить рыбу, и со всѣхъ сторонъ возникнутъ тогда эти процессы братьевъ игнорантиновъ. Отцы кармелиты, капуцины и преподобные іезуиты, изобличенные въ самыхъ неприличныхъ преступленіяхъ, повинутъ свои мирныя кельи, съ тѣмъ, чтобы отправиться на каторгу. — При этомъ случаѣ, Франція нѣсколько освободится отъ грязи. Но іезуиты и капуцины имѣли бы только время заниматься своими собственными дѣлами, еслибъ очищеніе Рима совершено было немедленно. Мотивировать эту мѣру было бы весьма не трудно; правительству стоило бы только сказать:

«Возстановляя въ 1849 году правительство духовенства, я попалъ въ безвыходное положеніе. Послѣ того мои генералы и мои дипломаты истощили всѣ свои средства для осуществленія дѣла столько же непопулярнаго, сколько и невозможнаго. Въ Ватиканѣ хотѣли имѣть протекторовъ, а не совѣтниковъ. Мое вѣншательство, достойное сожалѣнія, поставило меня въ самое ложное положеніе и мои собственные солдаты послужили только для противодѣйствія моей политикѣ. — Я возвратилъ папу въ Римъ, съ условіемъ, чтобъ онъ осуществилъ реформы, указанныя въ знаменитомъ письмѣ къ Эдгару Нью. Послѣ того, я не жалѣю ни совѣтовъ, ни увѣщаній; я посылало къ его святѣйшеству одного посланника за другимъ, но тщетно: всѣ они спроважены были ни съ чѣмъ вѣжливо, иронически или грубо. Я къ услугамъ папы ежегодно выставяло 20,000 человекъ и выдавало двадцать милліоновъ деньгами, а въ вознагражденіе за это удостоилось только получать щелчки. — Миѣ надоѣло быть причастнымъ къ разбойничеству, къ похищенію малолѣтнихъ евреевъ. Когда я заступалось за Когена или за Мортару, миѣ смѣялись въ лицо, а когда англійскій посланникъ, еретикъ, протестантъ, потребовалъ возвращенія одной miss, то немедленно передъ нею рас-

вырлись двери монастыря. — Меня преслѣдовали незаслуженными оскорбленіями; римское правительство распорядилось уничтожить французскія вывѣски и его полицейскіе агенты оставляли на дверяхъ магазиновъ надписи: English spoken, Man spricht, а покрывали толстымъ слоемъ черной краски невинныя слова: Ici on parle français. Такъ какъ мое знамя не можетъ болѣе защитить вывѣски моихъ соотечественниковъ, то пора перестать ему охранять несправедливые поступки другихъ. Поэтому я имѣю честь свидѣтельствовать свое почтеніе господамъ кардиналамъ Мероду и Антонелли, и пожелать имъ жить въ добромъ согласіи съ ихъ римскими подданными и итальянскими сосѣдями. Сегодня же отдаю приказъ своимъ войскомъ отправиться въ Чивитта Веккію».

Для любителей театралныхъ выходовъ сюрпризъ былъ бы гораздо болѣе полный, еслибъ очищеніе Рима отъ французскихъ войскъ воспослѣдовало немедленно. Друзья Италіи были бы этимъ гораздо болѣе довольны, а ея враги менѣе были бы взбѣшены. Какъ бы то ни было и чтобы ни дѣлали друзья и недруги, но кажется это очищеніе Рима отъ войскъ рано или поздно необходимо повлечетъ за собою паденіе свѣтской власти папы, что было бы однимъ изъ самыхъ значительныхъ событій нашей эпохи. — Вслѣдъ за отдѣленіемъ въ Римѣ власти религіозной отъ политической, или еще до этого времени, произойдетъ въ западныхъ странахъ отдѣленіе церкви отъ государства, существующее уже въ Соединенныхъ Штатахъ. Трудно опредѣлить, какое огромное вліяніе обнаружитъ на социальныя учрежденія, на нравы и на самыя умы народовъ тотъ простой фактъ, что церковь снова сдѣлается учрежденіемъ чисто религіознымъ и перестанетъ быть служительницею политики.

Трактатъ 15-го сентября—такъ, по крайней мѣрѣ, надо надѣяться,—будетъ имѣть благоприятныя послѣдствія для Италіи; но первые плоды его были горьки. Извѣстіе, что перемѣщеніе столицы итальянскаго правительства изъ Турина въ другой городъ составляетъ *conditio sine qua* поп очищенія Рима отъ французскихъ войскъ, возбуждало въ туринцахъ сильное негодованіе. Они уже совершенно было привыкли къ своему временному состоянію, надѣясь, что оно будетъ продолжаться всегда, или по крайней мѣрѣ долго, очень долго. Они провозглашали Римъ столицей Италіи тѣмъ съ большею силою, что ихъ желаніе было еще только идеаломъ. Между тѣмъ они украсили свой городъ. Муниципалитетъ и граждане дѣлали издержки.

Построены были общественныя зданія и множество частныхъ домовъ, которые отдавались въ наймы иностранцамъ дорогою цѣною. Содержатели гостиницъ и магазиновъ израсходовали много денегъ на свои заведенія, рассчитывая на депутатовъ и чиновниковъ, какъ на своихъ посѣтителей и покупателей, и эти деньги начинали уже приносить хорошіе проценты, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, туринцы къ ужасу своему узнали, что они лишаются своихъ преимуществъ въ пользу Флоренціи, которая будучи расположена по другую сторону Аппениновъ, на бассейнѣ рѣки Арно, не открыта, подобно Турину, для австрійцевъ и не находится на разстояніи одного дня пути по желѣзной дорогѣ отъ австрійскаго *четыреугольника*. Этотъ сюрпризъ произвелъ крайне непріятное дѣйствіе на туринскихъ гражданъ. Они стали образовывать сборища и грозно кричали: «столицею Италіи долженъ быть Римъ, или Туринъ! Да здравствуетъ Туринъ!» По улицамъ города носили изображеніе быка, служащаго туринскимъ гербомъ, почти убитаго и у котораго кровь текла изъ широкой раны, нанесенной ему на шеѣ Мингетти, подписавшимъ трактатъ. Туринскіе буржуа были разбиты, и по дѣломъ имъ; они получили только то, что заслужили. Они десять разъ были виноваты. Притомъ убитый или раненый всегда вѣковать.

Послѣ этого жестокаго урока, даннаго туринцамъ, правительство туринское нѣсколько ихъ приласкало, пожертвовавъ имъ министерство Мингетти-Бруцци-Пеноста, которое находилось въ полномъ блескѣ своего дипломатическаго торжества. Оно обѣщало городу, лишаящемуся званія столицы, оставить въ немъ общественныя учрежденія и множество храбрыхъ полковъ, словомъ, расходовать въ немъ столько денегъ, сколько можно. Такъ какъ общественное мнѣніе громко ратификовало трактатъ еще до собранія парламента, то полагаютъ, что непріятное туринское дѣло уже болѣе не повторится.

Что касается партіи дѣйствія, то она вообще весьма довольна заключеніемъ трактата, который не содержитъ никакого прямаго отреченія отъ унитарной программы, признающей Римъ столицей Италіи. Флоренція, говорятъ приверженцы этой партіи, — будетъ служить первымъ этапомъ на дорогѣ къ Риму. Пока мы доберемся до этого этапа, французы освободятъ Италію отъ своего ненавистнаго присутствія. Рано или поздно Римъ избавленъ будетъ отъ своего духовнаго правительства итальянскимъ народомъ, который провозгласитъ уничтоженіе свѣтской власти папы. Гарibaldi, который

уже предвидѣть осуществленіе цѣли своей аспроментской экспедиціи, невысказался еще на этотъ счетъ публично, но большая часть его друзей въ восторгѣ. Что же касается до собственно такъ называемой крайней партіи, то она повтораеъ, что недовѣрчивость есть мать увѣренности. Она вообще принимаетъ договоръ, не отказываясь, однакожь, отъ своихъ главныхъ притязаній и предоставляя себѣ зорко наблюдать за консервативною партіею и не давать ей покоя, когда она захочетъ долго пользоваться каждымъ предлогомъ для того, чтобы не идти на Римъ и чтобы продлить на неопредѣленный срокъ временное состояніе, не слишкомъ, впрочемъ блистательное, и котораго наименьшее неудобство состоитъ въ томъ, что Италія принуждена ежегодно дѣлать отъ 200 до 300 милліоновъ, долгу.

Отличаясь такими отгѣпками, общественное мнѣніе однакожь, вообще говоря, почти единодушно одобряетъ трактатъ, который слѣжитъ шагомъ впередъ, но не болѣе, какъ шагомъ на пути къ разрѣшенію римскаго вопроса. Крикъ радости раздался со всѣхъ сторонъ, когда узнали, что великодушный союзникъ, благоволивъ обѣщать своимъ хозяевамъ уйти до истеченія двухъ лѣтъ.

Вообще италіяницы дѣлаютъ такого рода сужденіе:

Или папское правительство посредствомъ разумныхъ реформъ постарается быть признаннымъ своими подданными, что весьма неѣроятно, и въ такомъ случаѣ правственное присоединеніе пхъ къ италіянскому королевству будетъ предшествовать матеріальному. Или римскій дворъ будетъ продолжать навязывать себя народу посредствомъ возрастающаго террора и захочетъ посредствомъ арестовъ и казней подавить патріотическія чувства римлянъ; въ такомъ случаѣ въ вѣчножъ городѣ возобновятся жестокости Перузы. Но когда люди будутъ свидѣтелями такого состоянія дѣлъ, то можно будетъ съ достовѣрностію сказать, что наступило начало конца.

Однакожь, рѣдко случается, чтобы событія совершались съ точностію дилеммы. Обыкновенно происходитъ соглашеніе, компромисъ между двумя крайностями. Исторія представляетъ составную силу, служащую результатомъ двухъ другихъ, расходящихся силъ: прогресса и реакціи. Кажется, это будетъ и въ настоящемъ случаѣ.

До настоящаго времени, Пій IX не высказалъ еще своего мнѣнія относительно трактата, а коллегія кардиналовъ безмолвно перенесла свое пораженіе; но на этотъ разъ, кажется, нельзя примѣнить поговорку, что молчаніе есть знакъ согласія. Требованіе трехъ армей-

ских корпусовъ: испанскаго, австрійскаго и баварскаго, которое было сдѣлано теперь, по крайней мѣрѣ на время, перестало быть предметомъ разсужденій.

Папское правительство изъявляетъ свое удовольствіе по поводу мѣръ, которыя были приняты французскою полиціею и главнокомандующимъ французскихъ войскъ въ Римѣ для предупрежденія манифестаціи со стороны римскаго населенія. Въ четвергъ, 29 сентября, на площади «Колонна» образовались сборища, и до восьми тысячъ человекъ кричали во все горло: «Да здравствуетъ договоръ! Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Италія! Да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ! Да здравствуетъ императоръ Наполеонъ Бонапартъ!» Тѣ, которые наиболѣе громко кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» арестованы были французскою полиціею, засадившею при этомъ случаѣ человекъ пятнадцать въ темницу, съ тѣмъ чтобы умѣрить ихъ энтузіазмъ къ императорской политикѣ. Отданы были формальныя приказанія не допустить унитарной партіи до вспышки. Вотъ мѣры, которыя должны были нѣсколько успокоить римскій дворъ. Кроме того, сдѣлалось извѣстнымъ, что командующій оберегательнымъ войскомъ въ этомъ смыслѣ говорилъ самымъ энергическимъ образомъ. Подумаешь, что возвратилось время генерала Гойона.

Кажется, г. Друзъ де-Люксъ отправилъ въ Римъ секретную донесенію, въ которой онъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, формально увѣряетъ, что если италіанское правительство не исполнитъ своихъ обязательствъ, то императоръ напомнитъ имъ этому правительству и энергически воспротивится всякому нарушенію трактата, подъ которымъ находится подпись Франціи. (Хороша записка, не правда-ли? въ особенности если вспомнить вторженіе Чіальдини въ Мархін). Съ другой стороны, италіанскіе унитарные консерваторы, къ которымъ принадлежатъ вся вообще піемонтская партія, большая часть настоящихъ дипломатовъ Италіи и всѣ значительные военные люди, и во главѣ которыхъ уже считается молодой принцъ Гумбертъ, — эти унитарные консерваторы чистосердечнѣе, чѣмъ можно было бы полагать, соглашаются признать Флоренцію столицей королевства и отвергаютъ Римъ, котораго они вовсе не хотятъ: во первыхъ, они дорожатъ напоемъ и желаютъ его сохранить въ Италіи (несчастные сами не знаютъ, чего желаютъ) съ тѣмъ, чтобы черезъ него имѣть вліяніе на другія католическія страны, а во вторыхъ, они помнятъ, что Римъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ

республикою, «а съ тѣхъ поръ,—говорятъ они,—городъ этотъ зараженъ мадзиніевскими идеями.» Но дѣло въ томъ, что они не чувствуютъ въ себѣ достаточно силъ посредствомъ разумной политики справиться съ тѣмъ положеніемъ, въ какое поставлена будетъ Италия вслѣдствіе обладанія «вѣчнымъ городомъ». Ихъ программа, представленная даровитымъ корреспондентомъ газеты Temps на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ журнала господина Риказоли, *Nazione*, и изъ писемъ этого государственнаго чловѣка, резюмируется такимъ образомъ:

«А. Проникнемся духомъ трактата.

«В. Оставимъ всякое покушеніе вступить въ Римъ посредствомъ вторженія извнѣ, или посредствомъ возбужденія внутренней революціи.

«С. При отсутствіи вмѣшательства, Римъ необходимо поглощенъ будетъ Италією, такъ какъ три пятыхъ его населенія, по преимуществу холостого, по своему происхожденію принадлежатъ къ другимъ провинціямъ Италиі, такъ какъ половина рабочаго класса его тоже состоитъ изъ людей пришлыхъ; такъ какъ городъ, въ отношеніи своего продовольствія, зависитъ отъ Умбріи, Мархій и Абрुццъ, и такъ какъ, наконецъ, въ извѣстное время онъ волею или неволею будетъ принадлежать Италиі. (Эти разсужденія весьма замѣчательны и я въ особенности рекомендую обратить вниманіе на то обстоятельство, что населеніе Рима, этого города, по преимуществу, холостыхъ, по крайней мѣрѣ на три пятыхъ состоитъ изъ людей пришлыхъ).

«D. Можно предвидѣть тотъ день, когда, не смотря на всѣ возможности «*non possumus*» въ мірѣ, римскій дворъ захочетъ съ нами помириться, такъ какъ въ извѣстный моментъ онъ почувствуетъ, что *италіянское основаніе* очень полезно и, быть можетъ, даже необходимо не только для его духовной власти, но и въ отношеніи мірскихъ ресурсовъ, въ которыхъ онъ имѣетъ надобность. Конечно, еслибъ папа могъ уничтожить италіянское единство, то онъ бы это сдѣлалъ охотно; но когда ему доказано будетъ, что это — дѣло неосуществимое, тогда мы увидимъ, какая перемѣна произойдетъ въ его умѣ.»

Что касается до англійскаго правительства, то тюмберійскій кабинетъ, повидимому, расчитываетъ на него менѣе, чѣмъ когда либо. Кажется, что щелчокъ, который обѣ эти державы получили съобща въ дѣлахъ Польши и Даніи, нисколько ихъ не сблизилъ, и по весь-

ма простой причинѣ: лордъ Пальмерстонъ и императоръ Бонапартъ такъ тѣсно были связаны другъ съ другомъ, что примиреніе между ними уже долѣе невозможно; они до того были замѣшаны въ однѣхъ и тѣхъ-же предпріятіяхъ, что не простять другъ другу своей взаимной, злой выходки. Но такой аргументъ основанъ на случайностяхъ, на личныхъ качествахъ двухъ людей, въ данное время завѣдывающихъ дѣлами Франціи и Англіи; онъ имѣетъ силу только пока владычествуютъ восьмидесятилѣтній Пальмерстонъ и императоръ Людовикъ Наполеонъ. Если глубже вникнуть въ самую сущность дѣла, то окажется, что эта перѣшительность Англіи въ дѣлѣ политики обуславливается ея положеніемъ. Сила въ томъ, что страна эта, какъ мы уже замѣтили въ одной изъ своихъ предыдущихъ статей, колеблется между вигизмомъ и торизмомъ и не въ состояніи освободиться отъ этого внутренняго дуализма, отъ этого важнаго органическаго недостатка, который все еще ей ставится въ честь. Поможетъ ли, что по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ, вспыхнетъ гражданская война въ Европѣ; положимъ, что по обѣихъ сторонамъ Атлантическаго океана государства сѣвера и юга возьмутся за оружіе.—Что тогда въ состояніи будетъ сдѣлать Англія? — Можно-ли ей будетъ воевать противъ новаго права, какъ называетъ его г. Друэнъ де-Люисъ?—Конечно нѣтъ. Великобританія не въ состояніи будетъ и не захочетъ вести вторую двадцатипятилѣтнюю войну, въ родѣ той, которую она съ такимъ ожесточеніемъ вела противъ французской революціи, столь печальнымъ образомъ коронованной въ лицѣ перваго Бонапарта. Съ другой стороны, никто не предполагаетъ, что Англія приметъ участіе въ революціонной войнѣ; она до того привязана къ парламентаризму, что не станетъ воевать противъ него и до того пропитана аристократическимъ духомъ, что не пожелаетъ господства массы.

Но возвратимся къ настоящему. Что значить западочное посольство лорда Кларендона? Правда-ли, какъ носятя слухи, быть можетъ ложные, по которымъ вообще вѣрить, что онъ въ Вѣнѣ горюилъ на австрійскій ладъ, а въ Туринѣ на итальянскій, и что онъ хотѣлъ заставить господина Рехберга принять тезисъ, что необходимо существованіе совершенно независимой Италіи; для того, чтобы ею противодѣйствовать Франціи, осужденной постоянно быть революціонною?

—А что говорить въ Австріи?

— Кажется, что общественное мнѣніе этой страны формулировано весьма вѣрно въ статьѣ «Вѣнской прессы» такого содержания:

«Чѣмъ болѣе усложняются наши внѣшнія отношенія, тѣмъ яснѣе становится для мыслящихъ политиковъ, какъ невыгодно положеніе, принятое Австрією среди великихъ державъ Европы. Мы связаны съ другими государствами множествомъ обязательствъ, а другіе государства въ отношеніи къ намъ не признаютъ никакихъ. Мы имѣемъ союзниковъ, но эти союзники получаютъ отъ насъ помощь, а намъ не доставляютъ никакой. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы приняли участіе въ одной войнѣ. Правда, эта война велась противъ самой маленькой изъ державъ, но при началѣ военныхъ дѣйствій мы не знали, не будетъ-ли эта держава вскорѣ имѣть могущественныхъ союзниковъ. Мы въ этомъ отношеніи рѣкнули, и англійскія «синія книги» намъ показываютъ теперь, какой мы подвергались опасности. Требовалось только подложить не много соломы подъ огонь, и Франція уступила бы настоятельнымъ просьбамъ Англій и перешла бы черезъ Рейнъ. Тогда насъ попросили бы пожертвовать нашимъ послѣднимъ солдатомъ и нашимъ послѣднимъ ефимкомъ для защиты прусской территоріи. Дѣйствительно мы играли въ *va banque!* и выиграли игру...

«Теперь германскій народъ достигъ осуществленія одного изъ самыхъ драгоценныхъ своихъ желаній, но онъ не думаетъ изъявить намъ ни малѣйшей благодарности. Напротивъ, второстепенныя державы возмущены противъ насъ, потому что подозреваютъ, что мы черезъ чуръ расположены къ Пруссіи.

«Въ самой Пруссіи либеральная партія радуется, что съ Австрією не могъ быть заключенъ договоръ, чего опасались, «потому что, — говоритъ эта партія, — германскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только въ пользу Австріи, а не въ союзѣ съ этою державой». — Нашъ союзъ съ Пруссією существуетъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ мы ей постоянно дѣлали уступки. Если мы ей представимъ часть герцогствъ, другими словами, если мы откажемся отъ своей доктрины, что подобныя насильственные поступки пагубны для нашего положенія въ Германіи, то Пруссія останется на нашей сторонѣ, но какъ скоро мы воспротивимся ея претензіямъ, то она съ нами поссорится.

«Что касается до населенія герцогствъ, то оно намъ весьма благодарно за помощь, которую мы ему оказали; однакожъ, мы были бы весьма удивлены, еслибъ оно вскорѣ не послѣдовало направле-

нию Готской партіи, стремящейся изгнать Австрію изъ Германіи. Мы сражались за Шлезвигъ не для того, чтобы онъ принадлежалъ Германіи (sic), а только потому, что онъ былъ соединенъ съ Голштинію, государствомъ германскимъ. Но еслибъ мы, основываясь на томъ же принципѣ, вздумали просить помощь, которую мы оказывали другимъ, то намъ дали бы такой-же отвѣтъ, какой мы получили въ 1859 году.

«Недавно еще противъ насъ предписывалась формула: «кровь и мечъ». Либеральная партія Германіи спокойно выслушиваетъ выраженія политики, которая соединила бы противъ насъ Пруссію и Францію. Она даже, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, готова была бы принять въ этотъ союзъ третью державу—Піемонтъ.

«Теперь берлинскій кабинетъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Россією, а также съ императоромъ Наполеономъ и въ одно и то же время съ Австрією и Піемонтомъ. Господинъ Бисмаркъ отъявленный противникъ конституціонализма въ Германіи, но онъ за предѣлами Пруссіи пользуется этимъ конституціонализмомъ для своей выгоды и къ нашему вреду. Дѣйствительно, мы служимъ помощниками его политики, но онъ за наши услуги не платитъ намъ никакой взаимностью.

«Такимъ образомъ, мы окружены бесполезными друзьями и опасными врагами. Мы одиноки, и однакожъ склоняемся подъ бременемъ своихъ союзовъ; мы чужды всякаго духа завоеванія и интриги и исполняемъ всѣ наши обязательства, и однакожъ нѣтъ въ Европѣ государства, которое имѣло бы столько враговъ и подвергалось бы столькимъ обидамъ, какъ наше.»

— Это описаніе удовлетворительно. Но если Австрія подвергается ненависти, презрѣнію и въ то-же время эксплуатаціи, то кто въ этомъ виноватъ? Не слѣдовало ли обвинить въ этомъ политику Рехберга, прежде чѣмъ обвинять весь міръ? Не гораздо ли проще было бы напередъ изслѣдовать свою собственную совѣсть?

— «Вѣнская официальная газета» объявляетъ о возвращеніи въ Вѣну императорскаго намѣстника Ломбардо-Венеціанскаго королевства.

— Франко-римскій трактатъ совершенно заслонилъ собою дѣло о переговорахъ, которые ведутся въ Вѣнѣ относительно заключенія мира между Данією и ея побѣдителями. Эти переговоры замедляются и каждая держава обвиняетъ въ этомъ замедленіи другую. Дѣйствительно, кажется, Данія желаетъ отсрочить роковой день своего раздробленія, а Пруссія не прочь воспользоваться сопротивленіемъ Гер-

манія и населенія герцогствъ, съ тѣмъ чтобы захватить возможно большій клочекъ завоеванныхъ провинцій, а Австрія еще не порѣшила съ нею относительно своей доли добычи, и говорятъ она боится, не попала ли въ просакъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, дѣло все идетъ о великомъ денежномъ вопросѣ. Датскіе уполномоченные, говорятъ, отказались признать, какъ принципъ, пропорціональное распредѣленіе разныхъ суммъ, составляющихъ активъ Датской монархіи, между герцогствами и остающеюся частію королевства, — мѣра, которая, какъ увѣряютъ, имѣла бы вѣроятнымъ результатомъ банкротство Даніи. Поэтому, уполномоченные нѣмецкихъ великихъ державъ, говорятъ, возобновили предложеніе, чтобы долгъ ликвидировать былъ едновременною выдачею денегъ, собранныхъ гуртомъ. Теперь спрашивается, какъ велика должна быть сумма этого выкупа, требуемаго побѣдителями отъ побѣжденныхъ въ силу стариннаго правила *vae victis*?

Дѣла герцогствъ сдѣлали шагъ впередъ въ Берлинѣ. Герцогъ Аугустенбургскій, которому до сихъ поръ плохо удавалось стать въ положеніе независимаго государя, теперь думаетъ подчиниться необходимости и отказаться отъ этихъ претензій. Онъ является весьма стоворчавымъ относительно знаменитой конституціи 1848 года и соглашается сохранить ее для своихъ народовъ, и теперь, говорятъ, расположенъ заключить военный союзъ съ Пруссіею, который онъ до сихъ поръ отвергалъ подъ множествомъ предлоговъ. Если господамъ Бисмарку и Аугустенбургу удастся вступить въ соглашеніе другъ съ другомъ, то Пруссія не будетъ имѣть надобности опасаться значительной оппозиціи со стороны Австріи и въ этомъ отношеніи, въ крайней мѣрѣ, она будетъ въ ладу съ германскимъ сеймомъ.

Съ политической карты Европы исчезло одно государство; изъ тридцати пяти державъ Германской конфедераціи одна перестала существовать. Мы говоримъ о герцогствѣ Бернбургскомъ, которое потеряно было пзъ виду, съ тѣхъ поръ какъ поэтъ Гейне увѣрялъ, что оно пристало къ его подошвѣ; но потомъ оно было снова найдено. Теперь это герцогство присоединено къ герцогству Ангальтъ-Дессау-Кетенъ. Герцогскимъ декретомъ объявлено, что съ 1-го октября герцогское правительство Бернбурга будетъ соединено съ герцогскимъ же правительствомъ, которое будетъ имѣть свое мѣстопробываніе въ Дессау, и съ этого же времени носить громкій титулъ государства Ангальтъ-Дессау-Кетенъ-Бернбургъ.

Такимъ образомъ мало-по-малу, и при большомъ терпѣніи, увидятъ наконецъ осуществленіе германскаго единства. Это единство осуществится въ одно время съ окончаніемъ своего символа, кельмскаго кафедральнаго собора. — Для терпѣнія нѣтъ ничего невозможнаго.

Въ Испаніи пало министерство Мона и министромъ сдѣланъ Нарваецъ, который снова получилъ власть, съ тѣмъ чтобы содѣйствовать возвращенію королевы-матери, Маріи Христины. Эта Марія Христина была изгнана въ 1854 году мадриленами, возмущенными противъ нея и противъ министерства графа Санъ-Люисъ. Не будучи въ состоянціи ее захватить, такъ какъ она убѣжала, переодѣвшись, мадрилены персбили ея окна и движимое имущество. Она спаслась только благодаря напвному Эспартеро, который за свою преданность подвергся изгнанію. Она въ одно и то-же время несправедлива и либераламъ, упрекающимъ ее за правленіе, исполненное реакціи, и консерваторамъ, которые не могутъ ей простить, что она овладѣла короною Дона Карлоса въ пользу Изабеллы. Что касается королевы, то она горько жалѣла объ изгнаніи своей матери, которая была ея совѣтницею и первымъ министромъ, и наконецъ, послѣ десятилѣтнихъ колебаній, рѣшилась возвратить ее въ Мадридъ.

Дѣло это было приготовлено въ секретѣ и съ энергіей. Французъ д'Ассизъ условился на этотъ счетъ съ своею тещею въ Парижѣ. Нарваецъ издалъ разныя милости: онъ открылъ темницы политическихъ преступниковъ, удостоилъ журналы амнистіи и даже возвратилъ имъ штрафныя деньги, платившіяся ими нѣсколько лѣтъ; и въ одинъ прекрасный день жители Мадрида къ своему удивленію узнали, что королева мать находится въ Испаніи и что въ Ирунѣ ее встрѣтили громкими рукоплесканіями мальчики, стоящіе за буфетомъ, и станціонная прислуга. Вслѣдъ за тѣмъ почти немедленно услышали о вѣздѣ королевы-матери въ столицу посреди многочисленныхъ войскъ. Собралась толпа любопытныхъ, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ криковъ, болѣе чѣмъ подозрительныхъ, въ ней господствовало замѣчательное безмолвіе. Одинъ очевидецъ рассказываетъ, что какой-то простолюдинъ, стоявшій возлѣ него и смотрѣвшій на королевскую коляску, которая быстро катилась между двумя рядами солдатъ, скрутилъ себѣ сигарету, торжественно закурилъ ее и, выпуская дымъ, произнесъ:

«*María Cristina, vienes á buscar á tu hija! María Христина, ты вѣрно прїѣхала за своєю дочерью!*»

Официальный Мониторъ французской имперіи объявляетъ намъ, чуть-ли не въ десятый разъ, что Хуаресъ, бѣжавшій передъ побѣдоноснымъ оружіемъ Франціи, отправился въ Соединенные Штаты.

Въ то же время мы читаемъ въ журнахъ, приходящихъ къ намъ изъ-за моря, рассказы, по которымъ подвиги французскаго экспедиціоннаго корпуса въ Мексикѣ называются весьма значительными. Этотъ корпусъ бесполезно истощаетъ свои силы въ непрерывной борьбѣ противъ гвѣрільясовъ. Жители вступаютъ въ сношенія съ послѣдними, не смотря на декреты, по которымъ всякій землевладѣлецъ, не извѣщающій французовъ о движеніяхъ непріятели, подвергается штрафу въ тысячу піастровъ, а всякій, мѣшающій дѣйствіямъ правительства, его величества, императора Максимилиана, судится военнымъ судомъ и приговаривается къ ссылкѣ на Мартиникъ или къ растрѣлянню.

Между тѣмъ, какъ Максимилианъ проходилъ въ Пуеблѣ подъ триумфальными арками, воздвигнутыми въ честь его на скорую руку, и между тѣмъ, какъ онъ принималъ букеты отъ нѣсколькихъ дѣвицъ, одѣтыхъ въ бѣломъ, за спиной его, вслѣдъ за нимъ, сожгались гирлянды, транспарансы и картонныя, бывшіе свидѣтелями этого шествія. — Едва новый императоръ расположился въ своемъ дворцѣ, какъ онъ подъ какимъ-то предлогомъ покинулъ столицу, съ тѣмъ, чтобы до прибытія папскаго нунція не быть принужденнымъ высказаться на счетъ вопроса о народныхъ имуществахъ. Въ этомъ вопросѣ заключается главная трудность. — Захочетъ ли Максимилианъ упираться на клерикаловъ? — Въ такомъ случаѣ, его гибель неизбежна. Онъ приметъ на себя отвѣтственность за старые грѣхи, которые заставятъ его дѣлать новые, и въ скоромъ времени его правленіе будетъ невозможнымъ. — Захочетъ ли онъ упираться на либераловъ? — Въ такомъ случаѣ, онъ вооружитъ противъ себя всѣхъ клерикаловъ, бывшихъ дворянскими двостраннаго вѣшателства. Его друзья совѣтуютъ ему принять просто на просто политику Хуареса. Только при такомъ условіи, — говорятъ они, — правительство Максимилиана можетъ установиться, и то только въ томъ случаѣ, если онъ добудетъ денегъ.

Но къ чему-же, спрашивается, послужитъ экспедиція, если приходится возстановить то, что она опровергла? И еслибъ императоръ

захотѣлъ принять политику Хуареса, то можетъ ли онъ это сдѣлать, не склонивъ напередъ на свою сторону партизановъ конституціоннаго правленія?

Мятежные китайскіе тайпинги понесли сильный ударъ, вслѣдствіе взятія Нанкинга ихъ врагами. Драконъ Минговъ долженъ былъ еще отступать передъ дракономъ Манчу. Мятежники, состоявшіе изъ разныхъ людей и соединявшіе въ себя въ одно и то же время то, что есть самага реакціонернаго, и то, что есть самага прогресивнаго въ Китаѣ, лишились своей столицы. Между тѣмъ Нанкингъ имѣлъ для нихъ такое же значеніе, какъ цѣлая армія. Благодаря обладанію столицею, они пользовались уваженіемъ друзей порядка. Теперь, когда они лишились этого города, они въ глазахъ другихъ китайцевъ не болѣе, какъ разбойничьи шайки. Надо замѣтить, что Нанпингъ — городъ, существующій уже четырнадцать вѣковъ, что онъ — настоящая метрополія Китая, и что еще за тысячу лѣтъ до существованія Пекинга, онъ уже застроенъ былъ дворцами, имѣлъ многочисленное населеніе и обладалъ пагодами, которыя причисляются къ чудесамъ свѣта.

Мы еще не имѣемъ достовѣрныхъ подробныхъ свѣдѣній объ этой трагедіи. Гарнизонъ Нанкинга, состоявшій приблизительно изъ пятнадцати тысячъ человекъ, почти весь погибъ отъ голода, когда городъ взятъ былъ штурмомъ. По существующему въ Китаѣ обыкновенію, армія порядка умертвила всѣхъ живыхъ людей, попадавшихъ ей на встрѣчу. Въ городѣ, который недавно заключалъ въ себѣ два милліона душъ, блуждало только нѣсколько человекъ, блѣдныхъ какъ привидѣнія. Въ дворцовомъ саду предводитель мятежниковъ велѣлъ повѣсить на деревьяхъ всѣхъ женщинъ своего серала. Самъ онъ умертвилъ себя, принявъ листовое золото. Его трупъ найденъ былъ тутъ-же.

Уже много мѣсяцевъ, быть можетъ, цѣлый годъ, новости изъ Америки не были такъ благопріятны, какъ теперь. Всѣ мы, желающіе, чтобы правое дѣло восторжествовало, можемъ теперь съ улыбкою смотрѣть на будущность; мы можемъ спокойно предсказывать исходъ великой американской войны и, не боясь быть разочарованными, утверждать, что свободныя учрежденія республики Соединенныхъ Штатовъ, выйдутъ изъ этого кроваваго испытанія болѣе славными, болѣе могущественными и болѣе прочными, чѣмъ они были

когда либо. Въ этотъ торжественный день все человѣчество сдѣлаетъ шагъ впередъ на пути къ лучшей цивилизаціи.

Облако пыли, поднятое демократами «мѣдноволовыми» города Чикаго вокругъ ихъ *платформы*, начинаетъ разсѣиваться и замыслы ихъ все болѣе и болѣе становятся ясными. Очевидно, что предводители этой партіи не только партизаны невольничества, но и сепаратисты, и что всѣ ихъ симпатіи сосредоточиваются въ лицѣ Джефферсона Девиса. Но, отличаясь осторожностью, они скрываютъ свою нѣжѣну, притворяются патриотами и безпрестанно употребляютъ слова: «унія» и «конституція». Мало того, эта партія, зная очень хорошо, что кандидатъ, совершенно соотвѣтствующій ея вкусу, не имѣлъ бы никакихъ шансовъ быть избраннымъ, подала голосъ въ пользу человѣка, котораго она презираетъ, но который въ ея глазахъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что признаетъ невольничество явленіемъ законнымъ. Они, эти люди, желающіе мира во что бы то ни стало, видятъ себя принужденными предложить народу имя *демократа войны*, Макъ-Клееллана. Они съ прискорбіемъ сознаютъ, что только уніонистскій кандидатъ можетъ сдѣлаться президентомъ; но они постарались избрать человѣка слабого, першительнаго и медленнаго, съ тѣмъ чтобы онъ, въ случаѣ успѣха, далъ утомленнымъ южанамъ время собраться съ силами.

Если «мѣдноголовые» города Чикаго не отличаются откровенностью и политической честностью, за то въ нихъ нѣтъ недостатка въ ловкости. Подавая голоса въ пользу «молодаго Наполеона», они надѣются увлечь за собою значительную часть арміи, которой Макъ-Клеелланъ въ продолженіи года былъ главнокомандующимъ; они надѣются также склонить на свою сторону штатъ Пенсильванію, въ которомъ родился ихъ кандидатъ. Что касается до великаго штата Нью-Йорка, этого штата, «составляющаго имперію», то они пробовали задобрить его избраніемъ въ президенты своего конвента Горація Сеймура; они думаютъ привлечь къ себѣ штатъ Огайо, провозглашая одного изъ его гражданъ, господина Пендльстона, кандидатомъ въ вице-президенты; наконецъ, они старались польстить четвертому штату Уни, Илинойсу, назначая въ немъ мѣстопробываніе своего конвента. Своею программою они хотятъ привлечь на свою сторону партизановъ мира; воинственнымъ манифестомъ Макъ-Клееллана они пытаются завербовать въ свои ряды демократовъ войны. Не слишкомъ тревожась противорѣчіемъ своихъ словъ, они льстятъ всѣмъ

страстямъ. Въ несчастію, для нихъ надежда и для надеждъ «молодаго Наполеона» значительное большинство американцевъ справедливо рассуждаютъ, что если война должна быть продолжаема съ увѣрствомъ до окончательнаго возстановленія республики, то бесполезно отсылать Линкольна къ его плугу. «Старый Авраамъ» не имѣетъ болѣе надобности доказывать свою готовность и способность служить этому дѣлу: въ продолженіи четырехъ послѣднихъ годовъ онъ выказалъ всю свою честность, прямоту, храбрость и непоколебимую твердость. Притомъ, еслибъ избрали Магъ-Келлана, то онъ, чтобы не имѣнить своимъ убѣжденіямъ, долженъ былъ бы отослать 200,000 черныхъ солдатъ, служащихъ теперь въ уніонистской арміи, къ ихъ прежнимъ господамъ; ему пришлось бы лишить себя доброй трети національныхъ силъ, очистить отъ своихъ войскъ всѣ крѣпости, расположенныя на рѣкѣ Миссиссипи, фортъ Густонъ, Вижсбургъ и почти всѣ земли, завоеванныя въ продолженіе трехъ лѣтъ войны. Но нѣтъ, такія нецѣлности не будутъ совершены; честный и простой республиканецъ Линкольнъ будетъ избранъ вновь имъ, по всей вѣроятности, значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Между тѣмъ, война продолжается, какъ будто избирательное движеніе не потрясаетъ народъ и повсюду арміи сѣвера сохраняютъ оборонительное положеніе.

Послѣдніе эпизоды этой борьбы принадлежатъ къ самымъ блестящимъ. Конечно, въ числѣ великихъ подвиговъ, описываемыхъ въ лѣтописяхъ войны, мало такихъ, которые по героизму своихъ дѣйствующихъ лицъ превосходили бы подвигъ стараго Фаррагута и его моряковъ, проникшихъ въ бухту Мобиля. Четырнадцать судовъ федеральнаго флота, сжѣпленныхъ по парно, пробѣгаютъ подъ фортъ Морганомъ, котораго редуты, построенныя на берегу канала, стрѣляютъ почти въ упоръ; но корабли платятъ выстрѣломъ за выстрѣлъ, сбиваютъ непріятельскія пушки, уничтожаютъ крѣпостныя амбразуры и окружаютъ себя дымомъ, чтобы лишить непріятеля возможности цѣлиться вѣрно. Вдругъ *Тикомизъ*, шедшій впереди, наталкивается на адскую машину и съ страшнымъ трескомъ разлетается въ куски. Тогда адмиралъ Фаррагутъ, велѣвшій привязать себя вмѣстѣ съ лоцманомъ къ марсу большой мачты, отдаетъ флоту приказаніе немедленно остановиться. Не обращая вниманія на совѣты своихъ офицеровъ, онъ самъ заѣзжаетъ впередъ, оставая *Гартфордъ* за собою, и эскадра снова пускается въ путь.

Благодаря минуте ожидания, что адмиральский корабль взлетит на воздух, но онъ счастливо избѣгаетъ всѣ адскія машины, разбѣившись въ каналѣ, и проникаетъ въ большую бухту. Тамъ Фаррагутъ мимоходомъ велитъ взять одно судно непріятельскаго флота, разбиваетъ другое и готовится вступить въ бой съ броненоснымъ кораблемъ *Теннесси*, который подъ своею толстою желѣзною бронею кажется неуязвимымъ. Адмиралу совѣтуютъ послать противъ этого чудовища только *мониторы*, покрытыхъ желѣзомъ. — «Нѣтъ, говоритъ онъ, давайте мнѣ деревянныя суда и стальные сердца!» — Два деревянныхъ фрегата, одинъ за другимъ, разбѣхавшись на всѣхъ паряхъ, ударяютъ своими носами въ бока *Теннесси*. Чудовищный Левиафанъ едва дрогнулъ отъ этихъ ударовъ. Тогда *Гартфордъ* въ свою очередь устремляется на него со всею своею силою, придаваемою ему вѣсомъ въ 3,000 тоннъ. Потомъ, ловко обернувшись къ непріятелю бокомъ, онъ дѣлаетъ по нему залпъ изъ всѣхъ пушекъ своего борта ядрами, нѣбьющими одиннадцать дюймовъ въ діаметрѣ. *Теннесси* среди этого страшнаго грома остается непоколебимымъ, какъ скала среди волнъ. Но вотъ три, четыре, пять судовъ готовятся налетѣть на эту черную массу со всего размаха. Одно ядро срываетъ съ желѣзнаго парохода трубу, другое ложится въ броню, у самаго руля; между тѣмъ пять корабельныхъ носовъ устремляются на бока чудовища съ ужасающею быстротою. Тогда пришлось сдаться, и рабовладельческій адмиралъ Бьюкананъ велѣлъ поднять бѣлый флагъ на чудовищномъ каркасѣ своего судна. На другой день два форта острова Досайнъ были заняты войсками южной конфедерации, а восемь дней спустя, сдался фортъ Морганъ со всѣмъ своимъ вооруженіемъ изъ ста пушекъ.

Взятіе Атланты составляетъ въ стратегическомъ отношеніи въ исторіи сухонутныхъ войскъ такое же новое явленіе, какъ завоеваніе Мобильской бухты въ исторіи морскихъ сраженій. Дѣйствительно, никогда еще ни одинъ генералъ не отваживался проникнуть въ непріятельскую страну на такое большое разстояніе отъ основной линіи своихъ дѣйствій. Всѣ снаряды и съѣстные припасы, необходимые для арміи Шермана, пришлось напередъ сосредоточить въ Пашвиллѣ и охранять тамъ сильнымъ гарнизономъ. Но отъ этого города до Атланты считается не менѣе 500 километровъ разстояніи по желѣзной дорогѣ, и эта линія, проходящая черезъ значительныя рѣки и черезъ высокія горныя хребты, вездѣ открыта для вторже-

ній непріятели. Еслибъ она хоть въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ была прервана на болѣе или менѣе продолжительное время, то армія Шермана не одобровать бы: сотнѣ тысячъ человѣкъ пришлось бы умереть съ голоду, или предпринять гибельное отступленіе. Поэтому Шерманъ, сложивъ въ Чаттаногѣ огромное количество провизіи и приготовившись выступить въ походъ въ Георгію, выбралъ лучшихъ солдатъ для образованія гарнизоновъ на всѣхъ станціяхъ желѣзной дороги и, если вѣрить частнымъ извѣстіямъ, потребовалъ отъ каждаго изъ нихъ присягу скорѣе умереть, чѣмъ сдаться. Онъ каждаго своего офицера и каждаго солдата подвергалъ личной отвѣтственности за успѣхъ похода, и, оставивъ позади себя этотъ гарнизонъ, растянутый въ длину на нѣсколько сотъ километровъ, смѣло спустился въ равнины Георгіи, преслѣдуя армію рабовладѣльцевъ.

Извѣстно, какъ онъ подвигался впередъ, переходя отъ одного сраженія къ другому. Большею частію онъ оставался побѣдителемъ, а иногда бывалъ отражаемъ; но постоянно онъ заставлялъ Джонстона отступать, угрожая ему и съ фланговъ и съ тыла. Наконецъ, ему удалось перейти черезъ рѣку Чаттагучи, послѣднюю оборонительную линію, остававшуюся еще на сѣверѣ отъ Атланты, и тогда онъ приступилъ къ осадѣ этого города. Онъ сначала уничтожилъ желѣзную дорогу, направлявшуюся на востокъ, то есть въ Аугусту и Чарльстонъ, потомъ отрубалъ непріятелю всякое сообщеніе на западѣ и отбивалъ вылазки, дѣлаемыя арміею сепаратистовъ, которая при этомъ претерпѣвала значительный уронъ. Но его силы не были довольно значительны для того, чтобы совершенно обложить городъ, который посредствомъ двухъ другихъ желѣзныхъ дорогъ, направлявшихся одна на юго-востокъ, а другая на юго-западъ, еще сообщался съ Саванною и Монгомери. Чтобы уничтожить эти дороги всею своею арміею, Шерманъ долженъ былъ бы оставить свою собственную линію сообщенія и прекратить обложеніе города съ сѣверной стороны. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что посылалъ на южныя дороги отряды кавалеріи, но эти отряды, слишкомъ малочисленные, большею частію захватывались въ плѣнъ непріятелемъ. Осажденные приободрились и думали, что теперь настала для нихъ благопріятная минута въ свою очередь угрожать сообщеніямъ федеральной арміи. Этого-то и ожидалъ Шерманъ. Едва только сепаратистскій генералъ Вилеръ отправился съ десяти тысячами кавалеристовъ, чтобы попытаться уничтожить желѣзныя дороги Теппесса, Шерманъ, замѣ-

тивъ ослабленіе своего непріятеля, приготовился выступить впередъ. Смѣло покинувъ, подобно древнимъ гальскимъ предводителямъ, линію, по которой онъ получалъ военные снаряды и припасы, онъ нѣсколько тысячъ вагоновъ, загромождавшихъ его лагерь, отправилъ обратно, на мѣсто, находившееся въ разстояніи двадцати километровъ оттуда, на берегахъ рѣки Чаттагучи, и отдалъ приказаніе генералу Слокуму укрѣпиться тамъ надежнымъ образомъ въ верхахъ, которые передъ тѣмъ воздвигнуты были мятежниками. Когда это движеніе сдѣлалось извѣстнымъ, то осажденные обрадовались. Они полагали, что Шерманъ, отчаяваясь въ успѣхѣ и опасаясь за свои линіи сообщенія, началъ отступать. Уже рабовладѣльцы стали пѣть пѣсни побѣды и Атланта съ Ричмондомъ обмѣнивались поздравленіями черезъ телеграфъ, какъ вдругъ съ ужасомъ узнали, что Шерманъ въ продолженіе ночи перевелъ свою армію на югъ отъ города и уже отрѣзалъ обѣ линіи, сообщавшія съ Монгомери и Саванною. Тщетно сепаратистскій генералъ Гарди пытался защитить станцію Джонсбору; онъ долженъ былъ оставить свои ретраншаменты, потерявъ нѣсколько тысячъ людей убитыми, ранеными и попавшими въ плѣнъ. Защитникъ Атланты, Гудъ, который еще наканунѣ полагалъ, что вся мѣстность въ его рукахъ, на другой день узналъ, что все потеряно, и что онъ долженъ поспѣшно покинуть эту ограду конфедерации, гдѣ мятежники въ продолженіи трехъ лѣтъ собрали столько средствъ для обороны. Онъ ушелъ, зарывъ въ землю пушки, которыхъ онъ не могъ взять съ собою, предавъ пламени продовольственные магазины и взорвавъ на воздухъ восемьдесятъ шесть вагоновъ, наполненныхъ гранатами и конгревовыми ракетами. Черезъ этотъ страшный взрывъ, отъ котораго вздрогнула земля, генералъ Шерманъ, находившійся въ Джонсбору, на разстояніи десяти километровъ къ югу отъ Атланты, узналъ, что его противникъ отступаетъ. Человѣкъ тридцать, посланныхъ генераломъ Слокумомъ съ береговъ Чаттагучи, вступили въ обезоруженный городъ, съ тѣмъ чтобы вести переговоры съ мѣстными властями о сдачѣ его и водрузить тамъ федеральное знамя.

Такимъ образомъ кончился походъ, предпринятый въ Георгію. Овладевъ Атлантою, Шерманъ, превращаетъ ее теперь въ такое же складочное мѣсто для военныхъ припасовъ, какъ Нашвилль и Чаттаногоа, и, безъ сомнѣнія въ третій этапъ на пути къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Онъ теперь въ состояніи будетъ проникнуть до береговъ Мексиканскаго залива и возвратитъ Уніи штаты Миссиссипи,

Алабаму, Георгію и Флориду. Если онъ отсылаетъ жителей города, то потому, что онъ превращаетъ его въ большую цитадель. Онъ не хочетъ подвергнуть опасности свой будущій походъ, оставляя среди своей арміи враговъ и шпионовъ, и не можетъ ежедневно раздавать десять тысячъ раціоновъ голоднымъ жителямъ города, лишившагося торговли. Таковы жестокіе и печальные законы войны. Пусть отвѣтственность за ужасы ея падаетъ на голову рабовладельцевъ, возмущившихся противъ своего отечества!

Въ Виргиніи не было никакого рѣшительнаго сраженія; но событія тамъ, въ общей сложности, представляются весьма утѣшительными. Генераль Шериданъ, которому поручено исправить ошибки Зигеля и Гентера, началъ дѣйствовать самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Послѣ кроваваго сраженія, продолжавшагося цѣлый день, онъ прогналъ армію генерала Эрли изъ долины Опекуана и овладѣлъ Винчестеромъ. Потомъ во второмъ сраженіи онъ на голову разбилъ непріятеля и тѣмъ преслѣдуетъ его въ Итквунтонъ и Линчбургъ. Если ему удастся овладѣть этими важными позиціями, тогда можно сказать, Ричмондъ будетъ обложенъ и съ западной стороны, такъ же, какъ онъ уже теперь обложенъ съ сѣверной, восточной и южной. Теперь паденіе этого города зависитъ только отъ времени.

Ясно, что Грентъ не имѣетъ надобности торопиться и жертвовать нѣсколькими тысячами людей для того, чтобы овладѣть Питерсбургомъ и фортомъ Дарлингтомъ. Каждый истекающій день для него новый союзникъ. Каждый день непріятель теряетъ дезертерами, больными, убитыми и ранеными, среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ до 500 человекъ. Каждый день Грентъ получаетъ новыхъ рекрутовъ, такъ какъ конскрипція уже производится серьезнымъ образомъ и триста тысячъ человекъ, которыхъ потребовалъ президентъ, вскорѣ будутъ находиться подъ знаменами. Такъ какъ Грентъ теперь увѣренъ, что его армія увеличится, то было бы непростительно, если бы онъ изъ тщеславія, вздумалъ рисковать своими солдатами по пустому. Прежде, чѣмъ дѣйствовать, онъ хочетъ быть увѣреннымъ въ успѣхъ.

Между тѣмъ, какъ конскрипція снова наполняетъ кадры арміи, общественное довѣріе наполняетъ казну. Займы господина Фессендена большею частію покрыты; предложенія, сдѣланныя нѣмцами и голландскими капиталистами, поощряютъ американцевъ принимать американскіе бумажныя деньги, а Шерманъ, Шериданъ и Грентъ, съ своей стороны, только другимъ образомъ, содѣйствуютъ къ возвыше-

нью кредита Уніи. Даже на золото, который въ минуту паники возвысился до 190 процентовъ, теперь понизился до 110 и будетъ понижаться еще болѣе. Благодаря увеличивающемуся сбору податей и таможенныхъ пошлинъ, который въ первый годъ войны равнялся всего 276 милліонамъ франковъ, а въ текущемъ фискальномъ году 4800 милліонамъ, благодаря этому увеличивающемуся сбору, правительство Соединенныхъ Штатовъ, вѣроятно, не будетъ имѣть надобности выпускать новые кредитные билеты и такимъ образомъ ко вреду своего кредита увеличивать обращеніе бумажныхъ денегъ.

Такимъ образомъ счастье улыбается американской республикѣ въ то время, когда народъ собирается избрать человѣка, который въ продолженіе четырехъ лѣтъ долженъ будетъ управлять его общественными дѣлами. Въ первый разъ, съ существованія человѣчества, міру представится нація, которая, не смотря на то, что занята страшною войною, свободно рассматриваетъ и рѣшаетъ свою судьбу. Для того чтобъ быть готовою жертвовать своими сыновьями и своимъ имуществомъ, нація эта не имѣетъ надобности отказываться отъ своихъ учреждений; напротивъ, она тѣмъ болѣе сильна и тѣмъ болѣе могущественна, что состоитъ изъ гражданъ, изъ которыхъ каждый пользуется своею полною долею участія въ національномъ господствѣ. Какой великій примѣръ поданъ будетъ міру въ тотъ день, когда этотъ народъ выйдетъ изъ своего страшнаго испытанія болѣе славнымъ, болѣе справедливымъ и болѣе гуманнымъ, не теряя въ то же время ни одного изъ своихъ преимуществъ! И послѣ того находятся еще люди, которые осмѣливаются говорить, что свобода—пустое слово.

Господинъ Руланъ былъ генеральнымъ прокуроромъ, нѣсколько забытымъ въ Версали, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, телеграфическая депеша объявила его министромъ народнаго просвѣщенія. Кого это извѣстіе изумило болѣе: его-ли самого, этого почтеннаго господина, или публику?—Вопросъ этотъ трудно рѣшить. Какъ бы то ни было, г. Руланъ былъ такимъ же заправскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, какъ и всѣ другіе; онъ даже, во всякомъ случаѣ, былъ лучше своего предшественника, черезъ чуръ остроумнаго Фортюля, этого республиканца-рenegата, нажившаго сто тысячъ франковъ дохода приведеніемъ въ упадокъ университета и народнаго образованія, какъ первоначальнаго, такъ и второстепеннаго, и который

предалъ Францію въ руки монаховъ-игнорантиновъ и въ теченіе пяти лѣтъ надѣлалъ болѣе вреда, чѣмъ сколько можно исправить въ продолженіе пятнадцати. Господину Рулану поручено было обнаруживать твердость, благосклонную въ отношеніи къ клерикаламъ и твердость строгую въ отношеніи къ либераламъ, которые захотѣли черезчуръ скорого прогресса. Это былъ министръ вполне приличный по своимъ величественнымъ манерамъ и позамъ. Онъ выказалъ себя достойнымъ той высокой должности, которую ему назначили, и не смотря на свои пять футовъ и три дюйма вышины, онъ умѣлъ придавать себѣ благородную осанку. Имъ такъ были довольны при дворѣ, что ему поручили министерство духовныхъ дѣлъ. Нѣсколько разъ ему довѣрили временное управленіе министерствомъ юстиціи, и мы не можемъ положительно сказать, не исправлялъ-ли онъ иногда, за отсутствіемъ другихъ, должности министровъ военнаго, морскаго и козоній; во всякомъ случаѣ, онъ на разу не завѣдывалъ министерствомъ финансовъ. Императорскимъ декретомъ онъ объявленъ былъ министромъ-ораторомъ и въ этомъ качествѣ витійствовалъ въ сенатѣ. Однакожъ, одна остроумная дама въ Парижѣ, гессина Корню, нашла человѣка, имѣющаго еще болѣе благородную осанку и еще болѣе твердаго, но который, говорятъ, отличается республиканскими убѣжденіями: это экс-секретарь Мишле, великій историкъ, написавшій для учебныхъ заведеній нѣсколько историческихъ руководствъ, не лишеныя достоинства. Господинъ Дюрю путешествовалъ въ Овернѣ, когда въ одномъ номерѣ «Монитера» онъ прочелъ о своемъ назначеніи въ министры народнаго образованія и въ начальники университета Франціи. Тѣмъ же самымъ декретомъ, г. Руланъ, человѣкъ, имѣющій пять футовъ и три дюйма вышины, переведенъ былъ въ государственный совѣтъ; это, быть можетъ, была не милость, а всячески — повышение. Онъ расположился въ своей новой должности, какъ можно болѣе комфортабельно, какъ вдругъ «Монитеръ» объявляетъ о новомъ перемѣщеніи, о новомъ *chassez-vous*: г. Вюитри, директоръ французскаго банка, назначается министромъ-президентомъ государственнаго совѣта, а г. Руланъ, министръ-президентъ государственнаго совѣта, съ своей стороны, назначается директоромъ французскаго банка. Такимъ образомъ, съ этихъ поръ, великіе парижскіе капиталисты, господа: Ротшильдъ, Перейра, Готтингеръ и туі qu'апі, должны будутъ обращаться по своимъ дѣламъ къ бывшему адвокату, и этотъ бывший адвокатъ, этотъ экс-прокуроръ и экс-

министръ духовныхъ дѣлъ будетъ рѣшать цѣну дисконта и держать въ рукахъ дѣла лавочниковъ и торговцевъ.

— Значить, г. Руланъ — человекъ всесторонній, отличающийся всѣми возможными способностями?

— О цѣтъ, онъ вовсе не всесторонній человекъ, но за то онъ лишень всякой положительной специальности, а это для него гораздо выгоднѣе; притомъ онъ, какъ вы знаете, имѣетъ весьма приличную осанку! Вездѣ онъ на своемъ мѣстѣ: идетъ-ли онъ пѣшкомъ, ѣдетъ-ли въ каретѣ, или верхомъ на лошади. Къ нему все идетъ: и шапка прокурора, и мантия адвоката, и университетская пальма, и фракъ министра золотыхъ монетъ, и трезюлка сборщика податей.

Городъ Фуа былъ зрителемъ казни Жака Латура, которого процессъ мы описывали въ нашемъ предыдущемъ листкѣ. Жакъ Латуръ — тотъ самый злодѣй, который обвиненъ былъ въ убійствѣ четырехъ лицъ. Противъ него были поразительныя нравственныя улики, но не было ни одного матеріальнаго доказательства его виновности. — Надо замѣтить, что этотъ мошенникъ до послѣдней минуты своей сохранялъ превосходство надъ своими судьями, надъ директоромъ тюрьмы, надъ канцеляромъ, и вообще надъ всѣмъ окружающимъ его официальнымъ міромъ.

Кути де-ла-Померѣ, извѣстный отравитель, который умеръ совершеннымъ джентльменомъ, также въ виду смерти сохранилъ полное свое хладнокровіе.

Дѣло это болѣе серьезно, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Что, впрочемъ, на него такъ и смотреть, доказательствомъ тому служатъ, что всѣ релігіозныя журналы и даже большая часть политическихъ объявили себя возмущенными цинизмомъ, который обнаруженъ былъ Латуромъ.

Теперь доказано, что люди, подобные Латуру и Кути де-ла-Померѣ не боятся смерти. Смертная казнь, повидному, полезна еще только для злодѣевъ средней руки, а предъ низшимъ этихъ погодяевъ смерть, по выраженію Виктора Гюго, «опускаетъ свои дѣвственныя очи». — Эти несчастные до того чужды всякаго нравственнаго чувства, что казнь на нихъ не можетъ производить никакого дѣйствія. Развѣ людей, лишенныхъ ума, казнить?

Поэтому послѣ смерти Жака Латура удвоились протестаціи противъ смертной казни. Люди серьезные, простирающіе такъ да-

леко свою критику существующихъ социальныхъ учреждений, потребовали, чтобы казнь гильотиною производилась при отсутствіи зрителей, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это предложеніе достойно быть принято во вниманіе. — Потребовали также, чтобы обязательными свидѣтелями казни были жюри и судьи, произносившіе приговоръ.

Наказаніе палками, отиѣненное закономъ въ отношеніи къ злодѣямъ, теперь восстановлено въ Пруссіи, какъ дисциплинарная мѣра въ темницахъ. Оно было признано слишкомъ уважительнымъ для уголовныхъ преступниковъ, а теперь, повидимому, оказывается весьма приличнымъ для людей, виновныхъ въ менѣ значительныхъ преступленіяхъ. Такого рода постановленіе прибито было въ центральныхъ исправительныхъ домахъ, такъ называемыхъ Hausvogtei, для сохранения порядка:

«... Въ случаѣ проступковъ... и пр... виновный подвергается:

«... Лишенію горячей пищи на пятнадцать дней... содержанію въ темной комнатѣ—въ комнатѣ, не имѣющей пола... запрещенію работать—покупать прибавочные съѣстные припасы... содержанію у застѣнка въ продолженіе пятнадцати дней—содержанію въ оковахъ.— Женщины беременныя, и тѣ, которыя кормятъ дѣтей грудью, должны влачить большой деревянный чурбанъ... наконецъ, виновные присуждаются къ плети и къ сорока ударамъ палкою».

Какъ матеріалъ для судебной статистики въ Германіи, Volkszeitung von Central-Deutschland сообщаетъ, что въ Саксоніи въ Вальдгеймскомъ исправительномъ домѣ, въ одинъ годъ рездано было 22,000 ударовъ палкою, что составляетъ среднимъ числомъ, со включеніемъ воскресныхъ дней, по 60 ударовъ въ день.

На нѣмецкомъ католическомъ конгрессѣ въ Вюрцбургѣ единогласно рѣшено, что власть святаго отца, папы, есть фактъ и принципъ, которые стоятъ выше науки.

— Очень хорошо.

Жакъ Локренъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Тюрьмы.— Измѣненія, произведенныя въ системѣ тюремнаго заключенія Говардомъ.— Пенитенціарныя тюрьмы въ Англіи, Швейцаріи, Германіи и „Соединенныхъ Штатахъ.— Вліяніе системы одиночнаго заключенія на физическое и нравственное здоровье арестантовъ.— Пенитенціарная тюрьма въ Петербургѣ для арестантовъ Морскаго вѣдомства.— Разные виды тюремнаго заключенія въ Россіи: арестантскія роты, заключеніе при полиціи, ямы для несостоятельныхъ олжниковъ и острога.— Почему содержаніе въ острогахъ есть одно изъ тяжкихъ наказаній.— Отношеніе цѣлы преступниковъ къ общей цѣлѣ содержащихся въ острогахъ.— „Попечительные Комитеты о тюрьмахъ“.— Заключеніе.

Съ конца XVIII ст., вмѣстѣ съ вопросомъ объ уничтоженіи смертной казни, начинаютъ слышаться голоса о необходимости радикальнаго измѣненія всего уголовного законодательства, и совершеннаго измѣненія въ системѣ тюремнаго заключенія. Въ первый разъ высказывается мысль (Пенъ, Мобильонъ), что никакая система наказанія не можетъ быть одобрена, если она не имѣетъ въ виду противодѣйствовать непосредственнымъ причинамъ преступленій и укрѣплять противоположныя наклонности.

Дѣятельною и неутомимою пропагандою этой мысли занимался особенно англичанинъ Джонъ Говардъ. Рѣшившись произвести радикальную перемѣну въ системѣ тюремъ, онъ захотѣлъ предварительно ознакомиться вполнѣ съ современнымъ состояніемъ тюремъ и съ этою цѣлью предпринялъ путешествіе по Европѣ, которое справедливо называютъ *«путешествіемъ вокругъ свѣта для открытій, какъ*

можно людямъ дѣлать зла меньше, чѣмъ того хочетъ законъ.» Самое тяжелое впечатлѣніе вынесъ Говардъ изъ этого путешествія: для этого достаточно было ему взглянуть на одну Бастилю, съ ея каменными колпагами (calotte), гдѣ лѣтомъ было невыносимо жарко, а зимой холодно, съ ея мрачными подземными подвалами, которые были устроены или въ формѣ гроба, или въ формѣ воронки. Въ первомъ случаѣ заключенный могъ только переворачиваться съ боку на бокъ; во второмъ вся тяжесть тѣла висѣла на ногахъ, которые не доходили до дна воронки, что заставляло испытывать невыразимыя страданія.

Возвратившись изъ путешествія, Говардъ открылъ глаза на весь ужасъ тогдашняго тюремнаго заключенія, представивъ тюрьмы какъ вертепы разврата и насилій, гдѣ арестанты гибнутъ въ смраднхъ конурахъ отъ заразы, холода, пытокъ и самыхъ страшныхъ злоупотребленій. Голосъ Говарда обратилъ на себя всеобщее вниманіе и съ этихъ поръ начали вездѣ заиматься улучшеніемъ тюремной системы. Въ 1779 году англійскій парламентъ назначилъ комиссію для составленія закона, замѣняющаго ссылку исправительной тюрьмой. Говардъ былъ членомъ этой комиссіи и тутъ-то въ первый разъ явилось названіе *исправительныхъ домовъ, исправительной системы* (système pénitentiaire). Существенныя черты этой системы заключались въ одиночномъ заключеніи, работѣ и въ умственномъ и нравственномъ воспитаніи преступника.

Пенитенціарная система получила особенное развитіе въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ она вскорѣ раздѣлилась на двѣ системы: систему *уединеннаго заключенія* и систему *совершенного молчанія*. Первая система состояла въ томъ, что арестанта сажали въ одиночную камеру, лишали его всякаго общества, лишали сначала даже всякой работы; но когда начали слишкомъ часто повторяться случаи самоубійства и сумасшествія, то дозволено было арестантамъ работать въ своей камерѣ, безъ сообщенія съ другими преступниками. Система совершеннаго молчанія состоитъ въ томъ, что уединенное заключеніе сохранено только въ ночное время; работа пведена общая, но чтобы и во время работы въ общихъ камерахъ уединить арестантовъ для этого имъ строго приказано сохранять полное молчаніе.

Опыты новаго тюремнаго заключенія, дѣлаемые въ Соединенныхъ Штатахъ, имѣли вліяніе на всю Европу, такъ что всѣ новыя тюрь

мы начали уже строить для одиночнаго заключенія. Изъ всѣхъ этихъ новыхъ тюремъ обращаютъ на себя всеобщее вниманіе и рекомендуются какъ образцовыя: Женевская тюрьма въ Швейцаріи и Бруксальская тюрьма въ герцогствѣ Баденскомъ.

Начало реформы швейцарскихъ тюремъ положено было въ 1820 году Стефаномъ Дюмономъ, другомъ Бентама и Мирабо, съ которымъ онъ вмѣстѣ издавалъ нѣкоторое время въ Парижѣ журналъ. Обманутый въ своихъ политическихъ надеждахъ, онъ возвратился въ Женеву и обратилъ вниманіе своихъ согражданъ на потребность улучшить разныя части управленія, уголовного законодательства, и особенно тюремнаго заключенія. Главныя основанія системы тюремнаго заключенія, предложенной Дюмономъ государственному совѣту въ Женевѣ, заключались въ раздѣленіи преступниковъ, строгомъ надзорѣ за ними и работѣ. Исключительное одиночное заключеніе, по мнѣнію Дюмона, не можетъ быть принято за обыкновенную мѣру наказанія, такъ какъ мѣра эта слишкомъ строга и можетъ быть причиною многихъ золъ. Поэтому, по системѣ Дюмона преступники помѣщаются въ отдѣльныхъ камерахъ только на ночь, а днемъ, собранные въ отдѣльныя группы, они занимаются общею работою. Подъ работою Дюмонъ не разумѣетъ каторжную работу, а работу по *выбору*, которая вознаграждается для преступника участіемъ его въ барышѣ, получаемомъ отъ работы. «Законъ, установивъ заключеніе, говоритъ Дюмонъ въ своемъ проэктѣ, долженъ опредѣлять и степень строгости этого заключенія; связавши вѣло преступника, онъ долженъ опредѣлить дальнѣйшую его участь, его обязанности и *права*; заключенный не долженъ страдать болѣе, нежели повелѣлъ законъ, *не долженъ зависть отъ произвола ни для милостей, ни для строгостей*. Основанія внутренняго порядка должны быть непреложны; иначе все будетъ завянуть отъ личныхъ видовъ мѣняющихся администраторовъ.» Въ концѣ своего проэкта Дюмонъ прибавляетъ, что устройство новой тюрьмы должно сопровождаться образованіемъ хорошихъ уголовныхъ законовъ, и только на такихъ условіяхъ можно создать ее прочно, разумно и основательно.

Таковы общія основанія проэкта тюремнаго заключенія, предложеннаго Дюмономъ. Правительство Женевы приняло этотъ проэктъ съ нѣкоторыми измѣненіями, подробнѣе развило нѣкоторыя частности и болѣе обстоятельно изложило правила для внутренняго тюремнаго порядка. Камеры совершенно уединяютъ заключенныхъ на ночь;

въ общихъ мастерскихъ наблюдается полное молчаніе. Каждый арестантъ получаетъ росписную книжку для внесенія въ нее своихъ долговъ и ежедневно зарабатываемыхъ имъ денегъ. Назначая работу, нужно выбирать тѣ ремесла, которыя впоследствии могутъ доставлять хлѣбъ освобожденному. Деньги, зарабатываемыя арестантомъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: $\frac{3}{5}$ изъ нихъ идутъ на содержаніе тюрьмы; $\frac{1}{5}$ сохраняется заключенному для выдачи ему при выходѣ изъ тюрьмы, чтобы онъ былъ хоть нѣсколько обезпеченъ на первое время, наконецъ $\frac{1}{5}$ часть предоставляется арестанту на его ежедневныя издержки. Наказанія въ тюрьмѣ: денежный штрафъ, заключеніе въ тюремную камеру на хлѣбъ и на воду и наконецъ цѣпи.

На этихъ главныхъ основаніяхъ построена была въ Женевѣ тюрьма и заключенные были введены въ нее 10 окт. 1825 года. Въ 1833 году тюремный уставъ былъ снова дополненъ;—введена была болѣе строгая система, начали подвергать на цѣпный годъ полному одиночному заключенію, такъ какъ молчаніе во время работъ, требуемое уставомъ, не сохранялась арестантами. Всѣ преступники раздѣлены были на четыре отдѣленія: въ 1-мъ отдѣленіи помѣщаются уголовные преступники и тѣ изъ полицейскихъ преступниковъ, которые вторично попадаютъ въ тюрьму. Они подвергаются полному уединенному заключенію и притомъ первые 15 дней проводятъ совершенно безъ всякой работы; даже тюремныя пристава не говорятъ съ ними, не отвѣчаютъ имъ; во 2-мъ отдѣленіи остаются безъ работы отъ 8 до 10 дней; въ 3-мъ отъ 4 до 8, и наконецъ въ 4-мъ отдѣленіи, гдѣ дисциплина самая умѣренная, преступники остаются безъ всякой работы только 3 дня. Каждое изъ этихъ отдѣленій отличается большею или меньшею строгостію дисциплины и тяжести работъ. Вся тюремная администрація состоитъ изъ директора, четырехъ тюремныхъ приставовъ, двухъ привратниковъ и одного работника для приготовленія пищи. Этихъ лицъ совершенно достаточно, чтобы держать въ порядкѣ до 60 преступниковъ. Преступникъ, нарушившій молчаніе, въ ту же минуту выводится изъ мастерской для заключенія въ свою или темную камеру; въ случаѣ сопротивленія, по знаку, данному колоколомъ, всѣ остальные пристава сбѣгаютъ на помощь. Строгое молчаніе, которое обязаны хранить заключенные находясь вмѣстѣ, раздѣляетъ ихъ и препятствуютъ имъ сговориться для какого-нибудь злаго умысла; но если бы и всѣ заключенные взбунтовались, то довольно четырехъ солдатъ, что-

бы изъ окна центральной галлерей перестрѣлять всѣхъ бунтовщиковъ. Вся тюрьма обнесена двойной стѣной; въ промежуткѣ этихъ стѣнъ держатся собаки и ходять патрули. Кромѣ того, между стѣнами укрѣплена проволока, проведенная къ большому колоколу, до которой долженъ неминуемо коснуться всякій, кто рѣшится перелезть черезъ стѣну.

Пищу получаютъ арестанты три раза въ день: къ завтраку миску супа, къ обѣду похлебку изъ зелени или овощей, къ ужину супъ; при каждомъ разѣ картофель и хлѣбъ. Послѣ завтрака, обѣда и ужина дается небольшой отдыхъ, во время котораго арестанты или остаются въ своихъ камерахъ, или прогуливаются по двору, при чемъ ихъ водятъ кругомъ двора въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. На работу употребляется 14 часовъ въ сутки, при чемъ также, какъ и всегда наблюдается самое строжайшее молчаніе: всякій знакъ, движеніе или взглядъ, показывающіе согласіе между заключенными, считаются нарушеніемъ молчанія и строго взыскиваются. Вообще, малѣйшее отступленіе отъ предписанныхъ правилъ, влечетъ за собою неминуемое наказаніе.

Очевидно, что строгое молчаніе, постоянный надзоръ, работа,— все это вмѣстѣ, до нѣкоторой степени приучаетъ арестанта къ труду и порядку; но кромѣ всего этого необходимъ еще нравственный надзоръ за преступникомъ. Обязанность эту въ Женевѣ, кромѣ священниковъ, принялъ на себя особый комитетъ. Комитетъ этотъ не правительственный, а составляетъ явленіе частной благотворительности. Члены этого комитета постоянно посѣщаютъ заключенныхъ, бесѣдуютъ съ ними, входятъ въ ихъ нужды, доставляютъ имъ работу и кромѣ всего этого учатъ ихъ чтенію и письму. Такимъ образомъ изъ 303 человекъ, поступившихъ въ тюрьму отъ основанія ея до 1837 года, 105 человекъ не умѣли ни читать, ни писать; изъ этого числа не выучились только 21, и то потому, что были ужъ слишкомъ стары; остальные же болѣе или менѣе выучились читать, писать и считать. Этотъ же самый комитетъ наблюдаетъ за арестантами по выходѣ ихъ изъ тюрьмы, снабжаетъ ихъ иногда деньгами, старается доставлять мѣста, помогаетъ въ нуждѣ и проч.

Въ такомъ общемъ видѣ представляется Женевская тюрьма. Другая тюрьма, на которую также постоянно указываютъ, какъ на образцовую, это Бруксальская тюрьма, въ герцогствѣ Баденскомъ. Бруксальская тюрьма построена въ 1848 году: въ нее перевели аре-

стаптовъ, которые прежде были заключены въ Zuchthaus, подвергн-ли всѣхъ строгому одиночному заключенію. при чемъ два мѣсяца одиночнаго заключенія равнялись тремъ мѣсяцамъ заключенія въ обыкновенныхъ тюрьмахъ. Одиночное заключеніе не можетъ продолжаться долѣе шести лѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ подвергаться ему семидесятилѣтніе старцы. Кромѣ того тюремный наблюдательный комитетъ освобождаетъ отъ одиночнаго заключенія всѣхъ тѣхъ, для которыхъ оно опасно вслѣдствіе болѣзни, какъ напримѣръ падучая болѣзнь, склонность къ помѣшательству и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ по собственному усмотрѣнію въ правѣ ходатайствовать предъ министромъ юстиціи о подобной льготѣ и для другихъ арестантовъ, но не прежде того, какъ они просидятъ одиночно 18 мѣсяцевъ. Впрочемъ тюремный комитетъ можетъ просить только о томъ, чтобы арестанты работали въ общихъ залахъ, или не отдѣлялись въ школахъ. Во все же остальное время арестанты остаются непремѣнно въ своихъ отдѣльныхъ камерахъ.

Отдѣльныя камеры въ Бруксальской тюрьмѣ довольно удобны: стѣны выкрашены свѣтлою краскою, что даетъ камерѣ менѣе мрачный видъ; въ дверяхъ устроено окно, въ которое корридорный сторожъ можетъ постоянно наблюдать за арестантомъ. Прямо противъ дверей, въ камерѣ находится окно, которое устроено такъ высоко, что арестантъ не можетъ смотрѣть въ него; подъ окномъ стоитъ ремесленный станокъ. Постель для кровати состоитъ изъ тюфяка, подушки, двухъ простынь и шерстяного одѣяла. Противъ кровати, на стѣнѣ, находится вѣшалка, стѣнной календарь, списокъ данныхъ арестанту ремесленныхъ спаридовъ и правила тюремнаго порядка. Въ камерѣ кромѣ того находится столъ, табуретъ, шкафъ съ книгами и канцелярскими принадлежностями, посуда для ѣды, хлѣбъ, соль, ножикъ, ложка и т. п. Нагрѣваются камеры посредствомъ отдушниковъ, въ которые проходятъ нагрѣтый воздухъ и слѣдовательно каждая камера можетъ по желанію быть нагрѣта больше или меньше. Сухость воздуха устраняется тѣмъ, что каждый день въ теченія двухъ часовъ, въ камерѣ бываетъ открыто окно. Все зданіе тюрьмы освѣщается газомъ и въ каждую комнату проведенъ отдѣльный рожокъ. Утромъ въ 7 часовъ каждый арестантъ получаетъ обыкновенный супъ; въ обѣду, въ полдень, супъ говяжій и овощи, а черезъ день четыре лота говядины. Вечеромъ въ 8 часовъ опять раздается обыкновенный супъ и кромѣ того ежедневно полтора фунта хлѣба.

Работают арестанты 10 часовъ въ день. Что касается, вообще, до работъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, то замѣтимъ при этомъ, что въ этихъ случаяхъ руководствуются обыкновенно слѣдующими основаніями. Одни имѣютъ въ виду только финансовую сторону вопроса, вслѣдствіе стараются, чтобы содержаніе арестантовъ обходилось какъ можно дешевле государству; потому они отдають преимущество работъ въ общихъ камерахъ, такъ какъ дѣйствительно такія работы производительнѣе, чѣмъ одиночныя. На этомъ основаніи иногда отдають всё арестанскія работы на откупъ какому нибудь аферисту, какъ это напримѣръ дѣлается во Франціи, гдѣ въ каждомъ департаментѣ работы во всѣхъ тюрьмахъ отданы въ пользованіе одному, такъ называемому *entrepreneur général des prisons*, который за это обязывается одѣвать арестантовъ, кормить ихъ, отоплять зданіе тюрьмы и проч. Очевидно, что отъ такой системы, хотя въ финансовомъ отношеніи и выигрываетъ правительство, за то отъ нея много терпятъ арестанты. Отъ этого же неправильнаго взгляда на работу арестантовъ происходитъ то, что арестантовъ заставляютъ заниматься производствомъ предметовъ роскоши, которое хотя въ известное время приноситъ значительныя выгоды, но которымъ сбытъ зависитъ отъ различныхъ случайныхъ причинъ и производство которыхъ не можетъ обезпечить арестанта, когда онъ, по выходѣ изъ тюрьмы, поселится на своей родинѣ, въ какомъ нибудь глухомъ мѣстечкѣ. Къ такимъ производствамъ между прочимъ относятся тонкія рѣзные надѣлія изъ дерева, которыя заставляютъ изготовлять арестантовъ въ берлинской тюрьмѣ. Гораздо ближе къ дѣлу занимать арестантовъ въ тюрьмахъ такими работами, которыя дали бы имъ возможность, по возвращеніи на свободу, жить честнымъ трудомъ.

Работы въ Бруксальской тюрьмѣ очень просты и притомъ таковаго свойства, что ими можетъ съ пользою заниматься арестантъ по выходѣ изъ тюрьмы. Тамъ работаютъ портные, ткачи, столяры, сапожники, писаря, изготовляются бочки, плетутся корзины и т. п. Прибыль отъ работы идетъ въ пользу казны; но за исполненіе каждой опредѣленной на день работы арестантъ получаетъ по крейцеру, а за изготовленіе вещи кромѣ того особую плату по тарифу. Половиною заработанной такимъ образомъ суммы, арестантъ можетъ пользоваться тотчасъ же въ свою пользу; другая половина отдается ему только при оставленіи тюрьмы. Кто нарочито испортитъ вещь, не захочетъ приготовить ее или нарушитъ правило тюремной дисципли-

ны, тотъ подвергается различному наказанію. Къ такимъ наказаніямъ относится: выговоръ, лишеніе или ограниченіе нѣкоторыхъ данныхъ наградъ и отличій, темный арестъ, лишеніе пищи и постели, наложеніе цѣпей и наконецъ особенное наказаніе *Strafstuhl*, состоящее въ томъ, что человекъ ремнями привязываютъ къ деревянному креслу такъ, что онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія и совершенно беззащитенъ отъ нападенія разнаго рода насѣкомыхъ.

Въ Бруксальской тюрьмѣ находятся двѣ школы: одна въ 36, а другая въ 39 мѣстъ. Мѣста эти, отдѣленные одно отъ другаго высокими перегородками, тянутся рядами, при чемъ предыдущій возвышается надъ послѣдующимъ такъ, что не видя другъ друга, всѣ арестанты видятъ учителя, а учитель видитъ учениковъ. Предметами обученія служатъ: чтеніе, арифметика, основныя понятія естественныхъ наукъ, исторія и медицины, рисованье и церковное пѣнье. Оказавшіеся способными могутъ быть обучаемы и далѣе въ своихъ отдѣльныхъ камерахъ, и вообще, такъ какъ обученіе въ школахъ всѣхъ вмѣстѣ довольно затруднительно, то учителямъ предписывается дополнять это обученье, посѣщая ежедневно не менѣе 50 арестантовъ. Кромѣ того, по воскресеньямъ арестанты готовятъ письменныя задачи. По словамъ Миттермайера это обученіе въ школахъ Бруксальской тюрьмы сопровождается весьма утѣшительными результатами и что вообще система заключенія и правила, принятая въ Бруксальской тюрьмѣ, отличаются особенною цѣлесообразностію. Такимъ образомъ - напримѣръ изъ числа 185 арестантовъ, которые были выпущены изъ Бруксальской тюрьмы отъ 1856 по 1860 годъ, вновь совершили преступленія только 28 человекъ, хотя въ числѣ этихъ 185 было 92 вора, которыхъ исправить всего труднѣе.

Вотъ главныя основанія наиболѣе рекомендуемой всѣми Бруксальской тюрьмы.

Но особенно любопытно то состояніе, въ какомъ находится въ настоящее время вопросъ о лучшемъ способѣ тюремнаго заключенія, въ Англіи. Со времени Говарда, въ Англіи была введена пенитенціарная система заключенія и въ настоящее время въ англійскихъ тюрьмахъ устроено 14,000 камеръ для одиночнаго заключенія. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ англичане не пробавляются, подобно нѣмцамъ, однажды на всегда состряпаннымъ рецептомъ, однажды на всегда сочиненными правилами. Правила эти постоянно развиваются и замѣняются новыми при увеличеніи запаса самыхъ тща-

тольких исследований и наблюдений. Журнальные отзывы и статьи, наиболее компетентных лиц, показывают, что общественное мнѣніе въ Англіи не высказывается рѣшительно въ пользу системы одиночнаго заключенія. «Англичане, какъ говоритъ Миттермайеръ, не склонны къ особенной сентиментальности, слѣдовательно возраженія, что одиночное заключеніе налагаетъ на арестанта слишкомъ много лишеній, что оно оскорбляетъ его социальныя чувства, не встрѣчаютъ у нихъ особеннаго сочувствія; всѣ убѣждены, что гражданское общество имѣетъ свои права, что преступникъ, нарушившій законы государства, долженъ терпѣть зло, что заключеніе въ тюрьмѣ должно быть дѣйствительнымъ наказаніемъ. Но англичане не терпятъ напраснаго, ненужнаго страданія, причиняемаго заключенному и, въ смыслъ своего практическаго взгляда, они встаютъ противъ такихъ распоряженій, отъ которыхъ арестанты такъ изнемогаютъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи, что бывають не въ состояніи, по оставленіи тюрьмы, добывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ. Поэтому когда доходили до свѣденія публики сообщаемыя въ журналахъ и газетахъ извѣстія о случаяхъ помѣшательства въ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ одиночнаго заключенія, общій голосъ вставалъ противъ этой системы, служащей причиною умственнаго расстройствя и требовалъ новыхъ, болѣе тщательныхъ изслѣдованій и болѣе разумныхъ мѣръ».

Понятно, что въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе пользуется такою могущею и имѣетъ вліяніе на правительство, вопросъ объ одиночномъ заключеніи не могъ постоянно оставаться въ одномъ и томъ же видѣ. Въ 1849 г. составилось особое собраніе частныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ тюремныхъ улучшеніяхъ, съ цѣлію обсужденія достоинства разныхъ тюремныхъ системъ. Вопросъ этотъ былъ разсматриваемъ въ пяти засѣданіяхъ, въ которыхъ участвовало болѣе 700 человекъ. По отобраніи голосовъ собраніе обратилось къ парламенту съ прошеніемъ, въ которомъ утверждало, что никакая система тюремнаго заключенія не можетъ считаться удовлетворительною, если она не исправляетъ преступника, что существующая въ Англіи система заключенія не достигаетъ этого результата, именно: число обвиненій въ повторенныхъ преступленіяхъ въ теченіи 40 лѣтъ увеличилось въ Англіи на 400%, между тѣмъ какъ народонаселеніе съ того времени увеличилось на 65%. Поэтому собраніе просило парламентъ назначить особую комиссію для

тщательнаго исследования порядка и дисциплины въ различныхъ английскихъ тюрьмахъ, а также и мѣръ къ улучшенію ихъ. Парламентъ назначилъ такую комиссію изъ 50 человекъ съ правомъ приглашать и требовать отзывы отъ разныхъ лицъ. Комиссія воспользовалась своимъ правомъ, пригласила болѣе 60 человекъ не только официальныхъ лицъ, инспекторовъ тюремъ, врачей и проч., но и многихъ частныхъ лицъ, принимавшихъ живое участіе въ вопросѣ о тюрьмахъ. Вотъ эти-то отзывы, наиболѣе свѣдущихъ лицъ представляютъ, самый лучший матеріалъ для опредѣленія достоинствъ и недостатковъ одиночнаго заключенія. Всѣхъ вопросовъ, которые рѣшила комиссія было 9470, и эти рѣшенія составляютъ собою 697 печатныхъ листовъ in folio.

Первый вопросъ, на который было обращено вниманіе комиссіи, это — вопросъ о работѣ. Изъ отчетовъ видно, что въ тѣхъ тюрьмахъ, въ которыхъ применяется система одиночнаго заключенія преступниковъ, не производится работъ столько, какъ въ тѣхъ тюрьмахъ, гдѣ соблюдается система соединеннаго заключенія. Оттого во Франціи и Бельгіи, гдѣ, по преимуществу, существуетъ система соединеннаго заключенія, работами арестантовъ покрываются почти всѣ расходы на содержаніе тюремъ; между тѣмъ какъ въ Англіи, при одиночномъ заключеніи, ежегодные расходы на содержаніе преступниковъ составляютъ около 400,000 фун. стерлинговъ, между тѣмъ какъ прибыль отъ работы въ заводеніяхъ тюремъ составляетъ только 20,000. Дѣло въ томъ, что во многихъ английскихъ тюрьмахъ, принуждаютъ арестантовъ къ непроизводительной работѣ единственно съ тою цѣлю, чтобы дать имъ сильнѣе почувствовать всю тяжесть тюремнаго заключенія. Такъ въ Ридингской тюрьмѣ устроена особая машина въ видѣ насоса, которая безъ всякой цѣли приводится въ движеніе арестантами. Эта непроизводительная работа особенно вредна, потому что возбуждаетъ въ арестантахъ чувство униженія и ненависти къ тюремнымъ чиновникамъ и такимъ образомъ препятствуетъ исправленію. Въ числѣ причинъ, почему въ одиночныхъ камерахъ производится незначительное число работъ, находится между прочимъ и то обстоятельство, что въ одиночной камерѣ работа по необходимости должна быть однообразна: тамъ могутъ работать только сапожники, портные, ткачи и т. д. Работа эта не только не прибыльна, но кромѣ того вредитъ еще интересамъ другихъ рабочихъ классовъ общества, которые не могутъ конкурировать съ нею по ея

крайней дешевизнѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна система марокъ, которую ввелъ въ Бирмингамѣ, пользующійся общими уваженіемъ, начальникъ тюрьмы Маконоки. Онъ утверждаетъ, что въ обыкновенныхъ приговорахъ, осуждающихъ преступниковъ къ наказанію на опредѣленное время, заключается произволъ и несправедливость, между тѣмъ какъ внутреннее значеніе преступленія должно выражаться не известнымъ срокомъ, а работою и что поэтому самый приговоръ долженъ быть приговоромъ къ работѣ, т. е. долженъ состоять въ назначеніи известнаго количества работъ, такъ что преступникъ не прежде получаетъ свободу, какъ по совершеніи этихъ работъ. За каждый урокъ работы арестантъ получаетъ одну марку, какъ цѣну его работы. Изъ этихъ марокъ вычитается то, что стоитъ его содержаніе и тѣ марки, которыя у него отнимаются въ наказаніе за дурное поведение; остающіяся за тѣмъ марки зачисляются ему въ долгъ за сдѣланныя работы. Арестантъ не прежде выпускается изъ одиночной камеры, какъ по приобрѣтеніи имъ ста такихъ марокъ; за чѣмъ уже онъ работаетъ въ обществѣ другихъ. Содержаніе арестантовъ также сообразуется съ числомъ заработанныхъ ими марокъ: чѣмъ кто больше ихъ прибрѣлъ, тѣмъ оно бываетъ лучше. Очевидно, что эти общія положенія системы Маконоки, въ примѣненіи ихъ къ частнымъ случаямъ, оставляютъ обширное поле для произвола отдѣльныхъ личностей, отъ которыхъ зависитъ такой или иной характеръ этихъ примѣненій. Слѣдовательно для успѣха этой системы необходимо, чтобы въ отдѣльныхъ личностяхъ значительно было развито сознательное чувство гражданского долга, помимо пунктуальнаго исполненія опредѣленно сформулированныхъ положеній, и чтобы кромѣ того всѣ дѣйствія этихъ отдѣльныхъ личностей подвергались строгому контролю общественнаго мнѣнія. Вотъ почему подобныя системы по словамъ Миттермайера, «могутъ имѣть успѣхъ только въ Англіи, гдѣ не существуетъ централизаціи и французскаго ученія о государственномъ единствѣ и гдѣ по этому рѣдко не удается исполненіе общихъ мѣръ отъ сильнаго вліянія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ примѣненіе этихъ общихъ правилъ къ отдѣльнымъ случаямъ».

Самый существенный вопросъ, на которой обращали преимущественно вниманіе спеціалсты, разсматривавшіе въ комиссіи систему одиночнаго заключенія, это вопросъ о томъ: въ какой мѣрѣ одиночное заключеніе обнаруживаетъ вліяніе на состояніе здоровья арестанта?

По общимъ единодушнымъ отзывамъ компетентныхъ лицъ одиночное заключеніе убійственно дѣйствуетъ на здоровье арестантовъ. Перри, инспекторъ тюремный и врачъ, говоритъ, что одиночное заключеніе благоприятствуетъ развитію многихъ болѣзней въ особенности у тѣхъ арестантовъ, которые имѣютъ наклонность къ легочнымъ болѣзнямъ. По свидѣтельству О'Бріена тѣ изъ арестантовъ, которые занимались земледѣліемъ и имѣли много движенія на чистомъ воздухѣ терпятъ болѣе другихъ отъ одиночнаго заключенія въ камерѣ, гдѣ они бываютъ постоянно окружены одною атмосферою и не имѣютъ достаточнаго движенія. Брайденъ, врачъ въ Пентонвиллѣ, замѣчаетъ, что къ концу 12-го мѣсяца арестантъ дѣлается блѣднымъ, что часто въ это время развиваются легочныя болѣзни и что число страдающихъ этими болѣзнями, начиная съ 12 по 18 мѣсяць, вдвое больше, чѣмъ въ первые мѣсяцы. Бали, врачъ въ Милбанкской тюрьмѣ, говоритъ, что одиночное заключеніе производитъ болѣе болѣзней, нежели система соединенія, что оно дѣйствуетъ тягостно на душу и вмѣстѣ съ тѣмъ разстроиваетъ тѣло. Онъ говоритъ, что часто арестанты, во время одиночнаго заключенія страдавшіе болѣзнями, совершенно выздоравливали, когда вступали въ общество съ другими. Клей въ 1845 году велѣлъ свѣсить 800 арестантовъ при поступленіи ихъ въ тюрьму и потомъ по оставленіи ея, и нашелъ что вѣсь большей части преступниковъ убавился очень значительно.

Главная причина вреднаго вліянія одиночнаго заключенія на здоровье арестантовъ заключается въ томъ, что арестантъ въ небольшой, узкой камерѣ постоянно долженъ дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Этотъ, особеннаго свойства, воздухъ въ камерѣ, образующійся отъ живущаго въ ней человѣка, его одежды и рабочихъ продуктовъ (напр. запахъ кожи въ камерахъ сапожниковъ) вліяетъ самымъ вреднымъ образомъ на состояніе здоровья арестантовъ. Пробовали устранить это существенное зло провѣтриваніемъ камеръ, но опыты эти были далеко не удачны. Гаккетъ, начальникъ Ридингской тюрьмы, говоритъ, что хотѣли улучшить воздухъ, открывая въ камерахъ окна; но при этомъ оказалось, что при смѣшеніи входящаго снаружи атмосфернаго воздуха съ выходящимъ изъ отверстій, устроенныхъ для проведенія тепла, происходитъ самая вредная атмосфера. Много также вредитъ здоровью арестантовъ недостатокъ движенія. Въ Пентонвиллѣ каждый преступникъ, въ теченіи часа, ежедневно прогуливается на устроенномъ для него отдѣльно отъ другихъ дворѣ;

но О'Бриенъ и другіе врачи замѣчаютъ, что движенія на открытомъ воздухѣ въ теченіи одного часа и притомъ на крошечномъ дворикѣ слишкомъ недостаточно. Чтобы облегчить это зло, въ Престонѣ устроены гимнастическія упражненія во время прогулокъ арестантовъ на открытомъ воздухѣ, но тамошій врачъ Брандей говоритъ, что введенныя тамъ для арестантовъ движенія слишкомъ монотонны и не возбуждаютъ дѣятельности организма. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ цифра смертности въ англійскихъ тюрьмахъ, устроенныхъ по системѣ одиночнаго заключенія, доходитъ до громаднхъ размѣровъ. Всѣхъ смертнхъ случаевъ отъ 1841—1848 годъ было:

Въ 1841 году	231
— 1842 —	214
— 1843 —	227
— 1844 —	140
— 1845 —	143
— 1846 —	107
— 1847 —	201
— 1848 —	267

Слѣдовательно среднимъ числомъ 191 въ годъ.

Но особенно вредное вліяніе имѣетъ одиночное заключеніе на душевное состояніе арестантовъ. Большинство компетентнхъ лицъ увѣряютъ, что одиночное заключеніе служитъ главною причиною умственнаго разстройства арестантовъ и производятъ множество психическихъ болѣзней. Месбонъ говоритъ, что если во время одиночнаго заключенія арестантъ не занятъ никакою работою, то время для него идетъ медленно, наказаніе дѣлается жесточе, душевныя болѣзни увеличиваются; если же даютъ арестанту только книги, то онъ глупѣетъ, если не одаренъ вѣрными нервами. Лауренсъ, врачъ въ Пентонвиллѣ, говоритъ, что одиночное заключеніе имѣетъ особенное свойство производить душевныя болѣзни, что первые слѣды этой болѣзни открыть очень трудно, и если даже не происходитъ видимаго помѣшательства, то все-таки умственныя силы арестантовъ находятся въ расслабленномъ положеніи. По его словамъ, душевное страданіе арестантовъ обнаруживается особенно во второмъ періодѣ времени: послѣ первыхъ шести недѣль, до истеченія двухъ мѣсяцовъ и около конца 12 мѣсяца. Бернтъ говоритъ, что система одиноч-

наго заключенія имѣть значительное вліяніе на умственное разстройство арестантовъ, и что, по его мнѣнію, кромѣ случаевъ сумасшествія мерещенья (delusion) система одиночнаго заключенія имѣть вліяніе на покушенія къ самоубійству, которыя очень часто происходятъ въ первое время заключенія. Всѣхъ случаевъ сумасшествія въ англійскихъ тюрьмахъ было.

Въ 1841 году.		79
— 1842 —		76
— 1843 —		64
— 1844 —		96
— 1845 —		99
— 1846 —		92
— 1847 —		96
— 1848 —		89

Слѣдовательно, среднимъ числомъ въ годъ 86 случаевъ сумасшествія. Цифра громадная и уже одна эта цифра самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ противъ пенитенціарной системы, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь. Въ этому убѣжденію пришла и большая часть членовъ комиссіи. Статистическія цифры показываютъ, что одиночное заключеніе не достигаетъ своей главной цѣли—исправленія преступниковъ. Число приговоренныхъ къ тюремному заключенію въ 1857 году доходило до 42,169 человекъ. Въ этомъ числѣ попадали въ тюрьму

во второй разъ:		18,374 человекъ.
Въ третій разъ.		8,128
Въ 5-й, 6-й и 7-й разъ,		2,276

Замѣчательно, что женщины особенно часто подвергаются вторичному заключенію,—въ 1857 году женщинъ, приговоренныхъ къ вторичному заключенію приходилось 32 на 100, мужчинъ гораздо меньше. Причина понятна: если женщина попадетъ разъ въ тюрьму, то ей, по выходѣ, труднѣе найти средства къ жизни, чѣмъ мужчинѣ.

Все это вмѣстѣ съ другими обстоятельствами сильно говоритъ противъ разумности и справедливости системы одиночнаго заключенія. Она заслуживаетъ порицанія уже и потому, что дѣйствуетъ не на всѣхъ равномѣрно, и эту неравномѣрностію производитъ иногда

страданіе свыше мѣры, требуемой справедливостію, потому что характеръ человѣка и время смягчаетъ тяжесть одиночнаго заключенія. По свидѣтельству компетентныхъ лицъ, арестантъ именно въ первыя недѣли заключенія въ самой сильной мѣрѣ чувствуетъ страданія одиночнаго заключенія, такъ что приговоренный на краткій срокъ, за еще важныя преступленія, присуждается къ большей душевной пыткѣ, нежели тотъ, который, будучи приговоренъ къ болѣе продолжительному лишенію свободы, свыкается мало-по-малу съ своимъ одиночествомъ. Система эта несправедлива въ отношеніи къ гражданскому обществу, потому что трудолюбивый человѣкъ, платящій подати, обременяется налогами для содержанія преступниковъ въ дорого стоящей праздности. Система эта несправедлива въ отношеніи къ самому преступнику, который по истеченіи срока наказанія возвращается въ общество съ привычкою къ праздности и съ уменьшившимися физическими и умственными силами, слѣдовательно менѣе способнымъ къ перенесенію тягостной жизни и къ снисканію себѣ пропитанія. Положеніе его можно сравнить съ положеніемъ больного, котораго долгое время содержали въ больницѣ и который по выпускѣ долженъ работать на открытомъ воздухѣ въ самую дурную погоду. И общество ничѣмъ не можетъ оправдать себя, если оно ставитъ преступника въ такое положеніе, при которомъ должно опасаться расстройства его душевнаго здоровья. Какъ скоро одиночное заключеніе не можетъ существовать безъ совершенной опасности въ умственномъ отношеніи для арестантовъ, то никакое нравственное превосходство этой системы не можетъ оправдать ее; потому что если духъ арестанта ослабѣлъ, то въ той же самой мѣрѣ уменьшились и силы его къ исправленію, а слѣдовательно вмѣстѣ съ этимъ уничтожается и единственно честный, единственно разумный смыслъ наказанія.

Къ такимъ соображеніямъ пришли спеціальныя знатоки дѣла, разсматривавшіе систему одиночнаго заключенія и тѣ результаты, къ какимъ она приводитъ. Замѣтимъ при этомъ, что соображенія эти построены не на отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, не на призрачной филантропіи, а выведены прямо изъ точныхъ цифръ и тщательныхъ изслѣдованій. Мы не безъ намѣренія остановились нѣсколько подробнѣе на изслѣдованіяхъ о системѣ одиночнаго заключенія: дѣло въ томъ, что система эта пользуется общимъ сочувствіемъ и большин-

ство указываетъ на нее, какъ на исключительно разумную и цѣлесообразную. Въ разное время большинство нашихъ журналовъ относилось съ похвалами къ пенитенціарной системѣ и разрисовывало ея прелести самыми соблазнительными красками. Всѣ эти соображенія перешли наконецъ въ практику и въ нынѣшнемъ году построена у насъ въ Петербургѣ тюрьма, по системѣ пенитенціарнаго заключенія съ незначительною примѣсью кой-какихъ видоизмѣненій.

Тюрьма эта построена морскимъ вѣдомствомъ въ замѣнъ упраздненныхъ въ 1856 году арестантскихъ ротъ морскаго вѣдомства. Прошлое этихъ арестантскихъ ротъ такъ интересно и такъ характерно рисуетъ намъ нашу систему заключеній, что мы находимъ не лишнимъ сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Учрежденіе арестантскихъ ротъ, какъ въ морскомъ, такъ и въ военно-сухопутномъ вѣдомствѣ относится къ 1823—1826 годамъ (Морс. Сбор. 1863 г. XII). До того времени военные арестанты, находившіеся въ крѣпостяхъ Динабургѣ, Бобруйскѣ и проч., по приговорамъ судебныхъ мѣстъ и по административнымъ распоряженіямъ, подчинялись разнообразнымъ правиламъ, которыя еще разнообразіе исполнялись на практикѣ. Въ 1823 г. было утверждено «Положеніе для преобразованія крѣпостныхъ арестантовъ въ арестантскія роты.»

Все это положеніе состояло изъ 18 статей и большая часть этихъ статей касалась разнаго рода формальностей, обмундированія, отвѣтственности фельдфебелей, барабанщиковъ, цырульниковъ и проч. и ничего не говорилось ни объ организаціи арестантскаго труда, ни о внутреннемъ устройствѣ ротъ и тѣхъ началъ, на которыхъ оно должно быть основано. Но за то внѣшняя формалистика была опредѣлена довольно тщательно. Что же касается собственно до арестантовъ, то главнѣйшія правила о нихъ состояли въ слѣдующемъ: всѣ арестанты раздѣлены на 3 роты по 120 человекъ въ каждой, а роты на отдѣленія или разряды отъ 8—12 человекъ. Первую роту составляли *тѣчныя* арестанты; вторую — приговоренные къ срочному заключенію; третью — бродяги или бѣглецы, которые за *справками* (?) оставлены въ крѣпостныхъ арестантахъ, съ раздѣленіемъ ихъ на отдѣленія по дѣтамъ и по *подозрѣніямъ* (?).

Ст. 8 и 13. «По рукамъ денегъ арестантамъ никогда не разда-

вать и строго смотрѣть, чтобы они оныхъ не получали и со стороны.»

Ст. 15. «Воспрещается разжалованнымъ арестантамъ давать чернила, бумагу, перья, книги и *тому подобное*, а равнымъ образомъ ножи и всякій инструментъ.»

На основаніи всѣхъ этихъ правилъ въ 1825 году приказано было сформировать изъ 2000 человекъ арестантовъ 15 арестантскихъ ротъ для употребленія людей на арестантскія работы. Число этихъ ротъ въ морскомъ вѣдомствѣ постоянно увеличивалось, и наполнялись онѣ не только арестантами морскаго вѣдомства, но туда же переводили арестантовъ изъ гражданскихъ тюремъ и остроговъ, преимущественно знающихъ какия либо ремесла. Такимъ образомъ составъ арестантскихъ ротъ морскаго вѣдомства былъ очень разнообразенъ: въ нихъ помѣщались не только приговоренные преступники, но и подсудимые и вмѣстѣ съ людьми, обвиняемыми въ маловажныхъ поступкахъ, помѣщались преступники, наказываемые за самыя тяжкія преступленія. Какъ неудовлетворительны были правила и какъ безразборчиво помѣщали людей въ арестантскія роты, видно изъ донесенія въ 1829 году командира черноморскаго флота. «Людьми сими, — писалъ онъ, — кромѣ бродягъ, *не назначено по узаконеніямъ срока для содержанія ихъ въ заключеніи* (?), отчего и происходитъ, что, какъ важнѣйшіе, такъ и маловажные преступники, не смотря на то, что послѣдніе часто по одному легкомыслию учинились виновными, подвергаются одной и той же участи, т. е. заключенію на неопредѣленное время. Видя, что ни раскаяніе, ни приличное поведеніе не сокращаетъ ихъ неволи, они предаются отчаянію и чрезъ то, ожесточаясь, рѣшаются на побѣги, какъ средства, влекущія ихъ къ свободѣ и даже на всякое злодѣяніе, въ намѣреніи извѣститься отъ тягостныхъ, безвозмездныхъ трудовъ и заключенія».

Содержащіеся въ морскихъ арестантскихъ ротахъ употреблялись на слѣдующія работы: въ Ревелѣ и Свеаборгѣ на очистку трубъ, ретирадныхъ мѣстъ и нечистотъ въ вѣрности и сверкъ того для буренія вѣховыхъ камней. Въ Кронштадтѣ, независимо отъ валовыхъ работъ, для буренія вѣховыхъ камней, для углубленія гаваней, для натиранія половъ въ госпиталѣ, для верченія колесъ въ блоковой мастерской и т. п. Въ Петербургѣ арестанты занимались

валовыми работами, а также разсортированіемъ и укладкою въ сараи льсовъ, на грузною ихъ на суда и проч.

Арестантскія роты морскаго вѣдомства были упразднены въ 1856 году.

Вотъ, на мѣсто этихъ-то упраздненныхъ арестантскихъ ротъ, построена въ нынѣшнемъ году морскимъ вѣдомствомъ пенитенціарная тюрьма. Зданіе это, помѣщающееся на Мойкѣ, въ Новой Голандіи, трехъ-этажное и устроено для 195 арестантовъ. Въ нижнемъ этажѣ, кромѣ комнатъ для караула, канцеляріи, дежурнаго офицера и казармы для 20 унтеръ-офицеровъ, состоящихъ при тюрьмѣ, помѣщается 20 одиночныхъ камеръ и пріемный покой на 6 кроватей. Одиночныя камеры не всѣ одинаковой величины съ небольшимъ окномъ, расположеннымъ на такой высотѣ, что арестантъ не можетъ пользоваться имъ для того, чтобы видѣть, что происходитъ внѣ тюрьмы. Въ камерѣ: койка, табуретъ и плевательница. Койка устроена такъ, что на день она поднимается къ стѣнѣ и запирается на замокъ, чтобы арестантъ не могъ пользоваться ею въ теченіи дня. Комнаты для посѣщенія арестантовъ устроены такъ, что посѣтители не могутъ ничего передать арестанту помимо тюремнаго начальства. Комнаты для этого раздѣляются на двѣ части корридорчикомъ, аршина въ полтора ширины. Стѣны этого корридорчика, аршина на полтора отъ земли, глухія, филечатыя, а выше этого, во весь ростъ человѣка, сѣтчатыя желѣзныя, такъ что разговаривать и видѣть арестанта можно, но передать что нибудь положительно нельзя, потому что въ сѣтку кромѣ пальца ничего не продѣнешь, а отъ сѣтки со стороны посѣтителя до сѣтки со стороны арестанта полтора аршина разстоянія. Посѣтители впускаются въ одну половину комнаты, арестанты въ другую и непосредственнаго сообщенія между собою имѣть не могутъ. Въ зданіи тюрьмы имѣется церковь, въ которой для одиночныхъ арестантовъ, у задней стѣны, устроены, за балюстрадой, большія каморки, такой величины, что въ нихъ можно только стоять. Каморки эти запираются снаружи и въ дверяхъ сдѣланы рѣшетки такъ, что арестантъ можетъ и видѣть и слышать службу. Во второмъ этажѣ будутъ помѣщаться арестанты за проступки противъ дисциплины, въ третьемъ—за проступки, «носящіе въ себѣ начало безправственнаго». Въ настоящее время зданіе новой тюрьмы еще не исполнено преступниками, правила для внутренняго порядка и адми-

нистрации еще неизвѣстны, а потому и нельзя произносить окончательнаго приговора о достоинствахъ или недостаткахъ той системы, которая будетъ тамъ принята. Судя впрочемъ по виѣшнему плану заданія, система эта будетъ отчасти походить на пенсильванскую.

Замѣтимъ только при этомъ, что раздѣленіе арестантовъ на два разряда «за проступки противъ дисциплины и за проступки,носящіе въ себѣ начало безнравственное», можетъ, по нашему мнѣнію, подать поводъ къ множеству недоразумѣній и произвольныхъ толкованій о томъ, къ какому разряду отнести арестанта: къ нарушителямъ-ли дисциплины, или же къ совершившимъ проступки, «носящіе въ себѣ начало безнравственное»? Такъ какъ дисциплина, назначенная для охраненія нравственности, есть сама по себѣ начало нравственное, то значить и проступокъ противъ дисциплины есть въ тоже время проступокъ, «носящій въ себѣ начало безнравственное». Съ другой стороны, такъ какъ дисциплина охраняетъ нравственность, то проступокъ, «носящій въ себѣ начало безнравственное», есть въ тоже время и проступокъ противъ дисциплины.

Вообще различныя рубрики преступленій ставятъ иногда въ тупикъ нашихъ собирателей статистическихъ данныхъ изъ земской полиціи относительно того, подъ какую рубрику подвести данный проступокъ. Отсюда и большое затрудненіе для всякаго, кто рѣшит-ся дѣлать какіе либо выводы по статистикѣ преступленій. Въ настоящее время всѣ преступленія подводятся подъ слѣдующую классификацію:

- I. За преступленія государственныя.
- II. Противъ вѣры.
- III. Порядка управленія.
- IV. Службы общественной.
- V. Законовъ о повинностяхъ.
- VI. Имуществъ и доходовъ казны.
- VII. Общественнаго благоустройства и благочинія.
- VIII. Законовъ о состояніяхъ.
- IX. Жизни, здравія, свободы и чести.
- X. Правъ семейныхъ.
- XI. Частной собственности.

Вотъ въ эти-то отведенныя рубрики вносятся отдѣльные случаи

преступлений совершенно произвольно и по личному вкусу, и сметѣ того, кто занимается собираніемъ статистическихъ свѣдѣній. Ибо нѣтъ ничего легче, какъ преступленіе противъ порядка управленія, подвести подъ одну рубрику нарушеній законовъ о повинностяхъ; преступленіе противъ частной собственности отнести къ преступлениямъ противъ имущества и доходовъ казны и т. д. Вслѣдствіе всего этого и свѣденія по статистикѣ преступленій до крайности сбивчивы.

Кромѣ устройства пенитенціарной тюрьмы въ Петербургѣ морскимъ вѣдомствомъ, носились слухи о предположеніи устроить для одиночнаго заключенія тюрьму въ Иркутскѣ. Всѣ, близко знакомые съ дѣломъ, искренно желаютъ, чтобы это предположеніе никогда не исполнилось. Единственный смыслъ, какой имѣетъ система одиночнаго заключенія, это—исправленіе преступника, посредствомъ развитія его въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Обязанность эту принимаютъ на себя, кромѣ тюремныхъ наставниковъ и тюремнаго начальства, которое назначается по самому строгому и тщательному выбору изъ лицъ, составившихъ себѣ репутацію людей честныхъ, еще множество частныхъ лицъ, искренно и безкорыстно преданныхъ дѣлу. Поэтому стремленіе исправить преступника сопровождается счастливыми результатами только въ тѣхъ тюрьмахъ, которые устроены вблизи большихъ городовъ, гдѣ частныя лица принимаютъ дѣятельное участіе въ исправленіи преступниковъ, посѣщаютъ ихъ, учатъ, слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, и гдѣ слѣдательно дѣятельность тюремной администраціи подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія. Но если и въ такихъ тюрьмахъ, устроенныхъ при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, исправленіе преступниковъ бываетъ только въ незначительной степени, то нельзя ожидать ничего хорошаго отъ устройства пенитенціарной тюрьмы въ такомъ городѣ, до котораго три года скачи—не доскачешь.

Тѣмъ не менѣе состояніе нашихъ тюремъ и остроговъ, по общимъ отзывамъ и оффиціальнымъ отчетамъ, такъ плохо что необходимы радикальныя измѣненія всей нашей тюремной системы. У насъ содержаніе подъ стражею употребляется: 1) какъ мѣра охраненія лицъ, обвиняемыхъ въ преступленія, до совершенія надъ ними суда; 2) какъ мѣра наказанія, хотя опредѣленіе по суду наказанія для заключенія въ острогъ, по тѣснотѣ въ острогахъ, обыкновенно

по закону замѣнялась извѣстнымъ количествомъ розогъ; наконецъ 3) какъ мѣра взыскація съ неисправныхъ должниковъ. Отсюда у насъ существуетъ три вида тюремнаго заключенія: 1) тюремное помѣщеніе при частяхъ городской полиціи, 2) остроги и 3) ямы и долговья отдѣленія. Что касается до долговыхъ отдѣленій, то они у насъ существуютъ только въ нѣсколькихъ городахъ, такъ что обыкновенно неисправные должники помѣщаются вмѣстѣ съ прочими въ острогахъ. «Временная тюрьма для неисправныхъ должниковъ въ Москвѣ, — говоритъ въ отчетѣ губернской прокуроръ, — или такъ называемая яма, расположена дѣйствительно въ ямѣ; есть преданіе, что при Годуновѣ вмѣсто должниковъ здѣсь содержались дикіе звѣри для травли...»

Скажемъ сначала нѣсколько словъ о тюремныхъ помѣщеніяхъ при частныхъ домахъ городской полиціи.

Въ наказѣ императрицы Екатерины II, между прочимъ говорится:

«Взяти челоуѣка подъ стражу ничто иное есть, какъ *хранить опасно особу гражданина обвиняемаго*, докоуѣ учинится извѣстно, виновать онъ, или не виновать.» § 168.

«Быть подъ стражею *не должно признавать за наказаніе*, но за средство хранить опасно особу гражданина.» § 172.

Но такъ ли исполнялось на дѣлѣ это «опасное храненіе особы гражданина», которое не должно быть для него наказаніемъ? Въ ст. 132 говорится: «по правдѣ обвиняемаго полиція (теперь судебный слѣдователь) обязана немедленно допросить его и потомъ, соображаясь съ важностію обвиненія и силою уликъ, а также и съ званіемъ его, постановить мѣру содержанія для пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, соразмѣряя строгость съ дѣйствительною необходимостію.» Для того, чтобы мѣры ареста были не обременительны для невинныхъ, постановлено арестовывать только тогда, когда улика основана на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе. Предписывается также разсматривать эти улики съ особою осмотрительностію.

На дѣлѣ всѣ эти постановленія рѣдко соблюдаются, особенно относительно лицъ непривилегированныхъ сословій. Обыкновенно едва дается подозрѣніе на лицо невысокаго званія, какъ тотчасъ же его берутъ подъ арестъ и сажаютъ въ полицейскую арестантскую камеру или просто отправляютъ въ тюрьму. Последнее зависитъ впол-

нѣ отъ непосредственнаго благоусмотрѣнія слѣдователя, основаннаго большею частію на произволѣ или на томъ соображеніи, что отъ слишкомъ большаго 'накопленія арестантовъ при частяхъ, оказывалось невозможнымъ помѣщеніе туда новыхъ арестантовъ.

«Эти помѣщенія при частяхъ города, — говоритъ судья Д-въ, — такъ тѣсны, что арестанты, скопляясь въ нихъ, не имѣютъ достаточно воздуха и часто свѣта, потому что окна въ этихъ помѣщеніяхъ, въ видахъ предупрежденія побѣговъ и спешеній съ незаключенными лицами, иногда закладываются такъ, что оставляется для прохода свѣта и воздуха не болѣе 12 вершковъ въ квадратѣ. Ни вентиляторовъ, ни освѣжительныхъ трубъ, ничего подобнаго не полагается. Дверь постоянно на замкѣ и часто арестанту, по лѣности служителей, приходится тамъ отправлять всѣ необходимыя потребности. Голыя нары служатъ постелью и на нихъ нѣтъ не только подушекъ, но и какого либо деревянаго изголовника, на которомъ бы можно опереть сонную голову. Сырость и душлимый, напитанный чловѣческимъ дыханіемъ воздухъ, составляютъ постоянную атмосферу подобныхъ помѣщеній. Присмотръ за арестантами въ этихъ помѣщеніяхъ ограничивается тѣмъ, что въ нихъ только ведутъ счетъ заключеннымъ и заботятся о размыслѣ о нихъ всевозможныхъ вѣдомостей. Помѣщенія эти не поражаютъ вниманія постороннихъ отчасти потому, что къ нимъ приглядѣлись, отчасти потому, что постороннее вмѣшательство не можетъ быть допущено. Много оправданій высказывается въ объясненіе недостатковъ нашихъ помѣщеній: такъ полиція и частный приставъ оправдываются тѣмъ, что у нихъ въ распоряженіи нѣтъ денегъ на улучшеніе этихъ помѣщеній, что постройка ихъ зависѣла отъ архитектора; архитекторъ въ свою очередь оправдывается проектомъ, планомъ, смѣтою и т. д.» (Юрид. Вѣстн. 1861 г.)

Сидя при части или полиціи арестанты получаютъ на пищу 4 в. сер. Этихъ четырехъ копѣекъ очевидно недостаточно для продовольствія арестанта: онъ не имѣетъ ни теплаго приварка, ни теплой каши, ѣсть только одинъ хлѣбъ и положительно голодаетъ, если у него нѣтъ родныхъ или знакомыхъ. Чистаго бѣлья арестантъ при полиціи также не получаетъ: въ грязномъ платьѣ, безъ моціона, онъ невольно знакомится съ разнаго рода насѣкомыми и разными нагожными сыпи скоро покрываютъ его тѣло. «При тюрьмахъ городскихъ

полицейскихъ частей—говорить судья Д-въ,—нѣтъ доктора, который бы осматривалъ немедленно больныхъ и удалялъ ихъ въ больницы, особенно страдающихъ заразительными болѣзнями и сифилисомъ; нѣтъ даже фельдшера, который въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, какъ напр. при апоплексическомъ ударѣ, могъ бы пустить кровь...»

Не смотря однако на всѣ неудобства въ полицейскихъ арестантскихъ помѣщеніяхъ, заключенные въ нихъ не жалуются и не протестуютъ. Все это очень понятно. Въ полицейскія тюрьмы сажаютъ главнымъ образомъ крестьянъ и мѣщанъ и то только мѣщанъ чернорабочихъ. Народъ этотъ большею частію неграмотный, не имѣющій никакого юридическаго знанія, а потому и сидящіе въ этихъ помѣщеніяхъ совершенно безгласны и не знаютъ ни часа ни дня, когда измѣнится ихъ положеніе.

Такъ на практикѣ выполняется положеніе наказа Екатерины II, что *«быть подь стражею не должно признавать за наказаніе, но за средство хранить опасно особу обвиняемаго»*. У насъ это опасное храненіе особы обвиняемаго, который очень легко можетъ оказаться по суду совершенно невиннымъ, какъ это и бываетъ часто, переходитъ въ очень жестокое наказаніе, которое кромѣ моральныхъ потрясеній, сопровождается громадными физическими лишеніями.

За тѣмъ обратимся къ нашимъ тюрьмамъ и острогамъ. Въ этихъ тюрьмахъ и острогахъ также помѣщаются лица, обвиняемыя въ преступленія, но не преступники. Присуждаемые же по суду къ заключенію на нѣкоторое время въ острогъ, какъ мы уже сказали, обыкновенно въ замѣнъ этого наказанія подвергались тѣлесному наказанію розгами. Слѣдовательно и къ нашимъ острогамъ также относится положеніе наказа Екатерины II, что *«быть подь стражею не должно признавать за наказаніе, а только за средство держать опасно особу гражданина»*. Каково же на самомъ дѣлѣ это опасное держаніе въ острогахъ?

Къ сожалѣнію русское общество и русская литература до послѣдняго времени такъ мало интересовались этими вопросами, что мы съ большею подробностію можемъ обрисовать состояніе тюрьмы въ какомъ нибудь французскомъ, англійскомъ или нѣмецкомъ мѣстечкѣ, чѣмъ у насъ на Руси. Наши ученые мужи осматривали до послѣдней

каморки и описали всѣ европейскія тюрьмы, и ни разу не заглянули въ наши остроги. Но и потому незначительному запасу матеріаловъ объ острожной жизни, какой мы имѣемъ у себя подъ руками, можно воспроизвести вѣрную, хотя и до крайности печальную картину современнаго состоянія нашихъ тюремъ и остроговъ.

Московскій губернскій прокуроръ, ревизовавшій недавно остроги въ семи губерніяхъ, представляетъ самыя неутѣшительныя свѣденія. «Положеніе осмотрѣнныхъ мною тюремъ,—говоритъ онъ,—до крайности неудовлетворительно: главная же причина тому, крайнее безобразіе тюремнаго управленія, въ которомъ находится преогромное количество начальниковъ разнаго рода, сталкивающихся у одного дѣла и поѣтому совершенно нѣтъ настоящихъ дѣателей. Безхозяйство въ тюрьмахъ происходитъ еще отъ того, что всѣ ждутъ чего-то новаго, общихъ преобразованій по тюремной части и, въ ожиданіи этихъ преобразованій, не предпринимаютъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ порядкѣ вещей. Мнѣ кажется, что впредь до пересмотра лѣстницы нашихъ наказаній и опредѣленія того, по какимъ началамъ надо устроить новыя тюрьмы, слѣдовало бы обратить вниманіе на кровныя недостатки въ тюремномъ дѣлѣ: они могутъ быть исправлены и съ небольшими средствами. Каждое почти слѣдствіе по важному дѣлу сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а помѣщеніе, въ которомъ его арестуютъ, часто такъ душно, сыро и смрадно, что предварительный арестъ можетъ во многихъ случаяхъ превратиться для обвиняемаго въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей. Въ путешествіи моемъ по губерніямъ мнѣ попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю распорядительную власть, поставило часовыхъ внутри корридоровъ и не пускаетъ арестантовъ на дворъ освѣжаться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержалось въ небольшихъ комнатахъ по 10 и по 15 человекъ, въ углу стоялъ ушатъ или такъ называемая наработка для испраженія, воздухъ былъ зараженъ до нельзя; арестанты худые и блѣдные: все это не преступники, обвиненные по суду, а только люди обвиняемые и можетъ быть еще вовсе невинные въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ».

Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ очерковъ собственно зданій различныхъ остроговъ и тюремъ:

«*Смирительный и рабочий дома въ Москвѣ.* Зданіе находится въ весьма неудовлетворительномъ положеніи: ветхо, сыро, холодно, и изъ подъ женскаго корридора выкачивается по временамъ вода».

«*Тюремные замки. Въ Бронницѣ:* помѣщенія сыры и неудобны для размѣщенія арестантовъ.

«*Въ Клинѣ:* помѣщенія непрочны, сыры и неудобны.

«*Можайскѣ:* помѣщенія отъ промерзанія стѣнъ сыры. По мнѣнію мѣстнаго стряпчаго, можно уничтожить сырость устройствомъ желѣзныхъ печей.

«*Рузѣ:* помѣщенія сыры и чрезвычайно холодны.

«*Калугѣ.* Тюремный замокъ тѣсенъ, сыръ и неудобенъ для размѣщенія арестантовъ.

«Въ городахъ: Алексинѣ, Епифанѣ, Ефремовѣ, Чернѣ, Крапивнѣ, Ярославѣ, Ростовѣ и т. д., помѣщенія ветхи, сыры и неудобны для помѣщенія арестантовъ.

«*Въ Подольскѣ:* помѣщенія сыры и холодны; пересыльная тюрьма хотя выстроена недавно, но въ одной изъ стѣнъ уже образовалась трещина въ $\frac{1}{2}$ вершка, отъ чего бываетъ нестерпимый холодъ...»

«Въ одномъ изъ большихъ русскихъ городовъ есть небольшой тюремный замокъ. Замокъ этотъ постоянно вмѣщаетъ въ себя около 400 арестантовъ одного мужскаго пола и все это количество людей размѣщается въ двухъ большихъ и четырехъ крошечныхъ комнатахъ. Большіе изъ этихъ комнатъ имѣютъ посреди такъ называемыя нары, на которыхъ арестанты спятъ голова къ головѣ. Каждая изъ этихъ комнатъ имѣетъ 13 аршинъ длины, 7 арш. ширины и 6 вышины; слѣдовательно каждая вмѣщала бы въ себя 546 кубич. аршинъ или 12,528 кубическихъ дюймовъ воздуха тогда, если бы въ ней не было наръ, отнимающихъ также значительное количество. Черезъ комнату протянуты веревки, на которыхъ просушивается потное арестантское бѣлье и обувь. Въ этой-то комнатѣ, едва достаточной для помѣщенія 15, а много 20 человекъ живутъ 78 арестантовъ. Подъ окнами каждой изъ этихъ двухъ комнатъ стоитъ по одному отхожему мѣсту, которыя насыщаютъ своими испареніями и безъ того далеко нечистый воздухъ. Въ этой комнатѣ арестанты работаютъ, проводятъ день и ночь во все время года, потому что посѣщать дворъ, который также не пользуется удобствами гигиены, запрещено

начальствомъ. Очевидно, что при такомъ положеніи арестанты постоянно страдаютъ разными болѣзнями, а между тѣмъ въ означенномъ тюремномъ замкѣ, вмѣщающемъ въ себѣ 400 арестантовъ, живущихъ при отсутствіи всякой гигиены, есть крошечная больница на 6 кроватей, изъ которыхъ на 4 лежатъ больные съ хрѣническими болѣзнями. такъ что въ распоряженіи врача остается только двѣ кровати. Аптека и фармацевтическая рабочая помѣщаются въ крошечной комнаткѣ съ однимъ окномъ и двумя маленькими шкафиками, вмѣщающими въ себѣ всю *matеріам medicam*. Достаточно взглянуть въ эти шкафики, чтобы убѣдиться въ томъ ужасномъ положеніи, въ каковѣ поставлены наши арестанты». (Соврем. Медицина 1860 г.)

Послѣ этого надѣмся, что читателя нисколько не поразятъ тѣ выводы о смертности арестантовъ, какіе дѣлаетъ въ своей статьѣ г. Ткачевъ. Именно, въ средней сложности послѣднихъ трехъ лѣтъ приходится 1 больной на 6 здоровыхъ и одинъ умирающій на 16 больныхъ. Цифра эта можетъ казаться невѣроятною тѣмъ, кто не знакомъ съ тѣми гигиеническими условіями, при которыхъ не живутъ, а скорѣе умираютъ наши арестанты.

На пищу въ острогахъ полагается на простаго арестанта $6\frac{3}{4}$ к. въ сутки. Заготовленіе пищи на эти деньги лежитъ на обязанности смотрителя и обыкновенно они выдаютъ арестантамъ въ сутки $2\frac{1}{2}$ фун. печенаго хлѣба и $\frac{1}{4}$ фун. мяса. Супъ съ такимъ ограниченнымъ количествомъ мяса и съ примѣсю самой ничтожной доли крупы очевидно не отличается ни вкусомъ, ни питательностію и называется острожниками супомъ «*шурри-мурри*». Но и этого *шурри-мурри* запрещается арестантамъ сберегать себѣ отъ обѣда и ужина.

Въ ст. 419 сказано: «никому изъ арестантовъ не позволяется оставлять и сберегать себѣ, что нибудь отъ завтрака, обѣда и ужина».

Впрочемъ арестантамъ привилегированныхъ сословій отпускается на пищу нѣсколько больше, чѣмъ простымъ.

Одежа арестантамъ заготавливается непременно въ губернскихъ городахъ экспедиціями о ссыльныхъ и все, присланное экспедиціями, дѣлается обязательнымъ въ уѣздахъ безъ разсужденій и сравненій съ образцами. Арестанты получаютъ: рубашку, подбрюшники, чарки, шапку и азымъ изъ какой-то особой, просвѣчивающей матеріи. Притомъ въ Свод. Зак. т. XIV ст. 235 сказано: «тѣхъ арестан-

товъ, которые будутъ находиться по близости ихъ семействъ, *побуждать* недостающую одежду доставать отъ своихъ родственниковъ».

Такимъ образомъ, содержаніе арестантовъ въ тюрьмахъ до крайности неудовлетворительно: они помѣщаются въ холодныхъ, сырыхъ зданіяхъ, въ страшной тѣснотѣ, при самыхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ. Пищу они получаютъ плохую, не питательную, одежда также дурнаго свойства. Очевидно, что это горестное положеніе арестантовъ могла бы облегчать частная благотворительность и всѣ тѣ сборы, которые поступаютъ въ кружки «для улучшенія пищи арестантовъ». Кружки эти арестанты называютъ «*волшебницами*». Дѣйствительно ли эти кружки «*волшебницы*» и какую пользу приносятъ арестантамъ частная благотворительность и «Попечительныя Общества о тюрьмахъ»? — на этотъ вопросъ даетъ намъ обстоятельный отвѣтъ г. Ткачевъ въ Журн. Мин. Юст. 1863 IX. Выводы свои г. Ткачевъ дѣдаетъ на основаніи данныхъ, которые, по его словамъ, «отличаются строго официальнымъ характеромъ и потому не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, никакому ложному или двусмысленному толкованію.» Приведемъ въ короткихъ словахъ *resumée* всѣхъ его выводовъ.

Частная благотворительность доставила Попечительному Обществу о тюрьмахъ, въ теченіи 11 лѣтъ 3.763,642 руб. т. е. ежегодно отъ этого источника получается дохода среднимъ числомъ: 342,149 руб. Спрашивается: приносить-ли пользу арестантамъ и если приносить, то какую именно, наша общественная филантропія?

Обращаемся къ цифрамъ. Приходъ «Общества» въ первое десятилѣтіе съ 1851—61 года увеличился на 1.523,891 руб.; во второе десятилѣтіе отъ 1850—60 г. на 935,691 руб.; слѣдовательно среднее увеличеніе въ десять лѣтъ: 1.229,791 руб., или ежегодное увеличеніе: 122,979 руб. Параллельно съ этимъ увеличеніемъ ежегодныхъ доходовъ общества, шло и увеличеніе его расходовъ, т. е. увеличивались суммы, ежегодно затрачиваемыя на содержаніе арестантовъ, на улучшеніе и содержаніе тюремъ.

Въ 1861 году для этой цѣли затрачено: 2.511,519 руб., въ 1851 г. 943,578 р. слѣдовательно увеличеніе въ 10 лѣтъ: 1.567,941 р.; во второе десятилѣтіе, т. е. съ 1860—50 года увеличенія равнялось 756,871 руб.; въ третье десятилѣтіе съ 1859—49 года оно равнялось: 601,976 руб.; слѣдовательно среднее увеличе-

ніе въ 10 лѣтъ: 775,596 руб. т. е. ежегодное: 77,559 руб. Очевидно, что это ежегодное прибавленіе 77 тысячъ къ суммамъ, отпускаемымъ на улучшеніе быта арестантовъ и положенія тюремъ, должно бы было, въ теченіи такого длиннаго промежутка времени, хотя сколько нибудь облегчить ихъ бытъ и улучшить положеніе тюремъ, тѣмъ болѣе, что число содержащихся арестантовъ постоянно оставалось почти безъ всякаго измѣненія. Именно, всѣхъ арестантовъ содержалось:

Въ 1853 году	339,831
— 1854 —	330,065
— 1855 —	331,381
— 1856 —	314,728
— 1857 —	302,880
— 1858 —	317,376
— 1859 —	309,909
— 1860 —	331,295

Среднимъ числомъ въ годъ: 322,182.

Въ отчетѣ «Общества» 1849 года читаемъ: «Общество попечительное о тюрьмахъ продолжало вообще съ удовлетворительнымъ успѣхомъ дѣйствія свои на пользу заключенныхъ» и т. д. Въ «Отчетѣ» за 1851 повторяется тоже самое извѣстіе, что общество улучшало какъ тюрьмы, такъ и бытъ содержащихся въ нихъ арестантовъ. И вдругъ въ «Отчетѣ» за 1857 годъ, когда «Общество» причислено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, находятся такого рода свѣдѣнія: «Взаимное дѣйствіе «Общества» и министерства много содѣйствовало къ открытію настоящаго положенія тюремъ и содержащихся въ нихъ арестантовъ: оно открыло, что тюрьмы болѣею частію ветхи, сыры, пища крайне не питательна, вслѣдствіе назначенія кормовыхъ денегъ только на хлѣбъ да на крупу. Отсюда происходятъ то, что арестанты по тѣснотѣ тюремъ; не только не могутъ быть заняты работами и чрезъ то укрѣплять свои силы, но не вездѣ даже размѣщаются по родамъ преступленій, что имѣетъ крайне вредное вліяніе на молодыхъ арестантовъ, а тѣснота и сырость увеличиваютъ болѣзни и смертность между заключенными.»

Такое неутѣшительное положеніе, въ какое поставлены содержащіеся въ острогахъ арестанты, тѣмъ болѣе прискорбно, что «со-

держаніе въ тюрьмахъ есть ничто иное какъ опасное храненіе особы гражданина»; а у насъ это опасное «храненіе» служитъ самымъ сильнымъ наказаніемъ большинству лицъ, содержащихся въ острогахъ.

Что арестанты, не учинившіе преступленій, просиживаютъ часто въ острогахъ десятки лѣтъ, это нисколько не удивитъ тѣхъ, кто хоть немного знакомъ съ нашимъ судопроизводствомъ. Возьмемъ напр. какия мытарства должно пройти дѣло о бродягѣ, сколько бумаги должно исписать и сколько долженъ натерпѣться горя бѣдный бродяга, пока его признаютъ бродягою. Для оптимистовъ представляемъ здѣсь всю эту процедуру:

1) Частный приставъ беретъ безпаспортнаго подъ стражу, отбираетъ отъ него показаніе и требуетъ поэтому показанію подтвердительныхъ справокъ.

2) Частный приставъ доноситъ о задержаніи бродяги оберъ-полицейстеру, а отъ него

3) Въ губернское правленіе для отсылки по этапу на мѣсто жительства.

4) Если званіе бродяги не подтвердится, бродягу допрашиваютъ снова и посылаютъ справки по нѣскольку разъ; по большей части до тѣхъ поръ, пока бродяга не откажется отъ всѣхъ прежнихъ показаній своихъ и не назоветъ себя непомнящимъ родства.

6) Непомнящій родства осматривается палачами и докторомъ.

7) За тѣмъ дѣло о немъ представляется въ Надворный Судъ.

8) Надворный Судъ вызываетъ его для допроса о томъ, не было ли ему дѣлаемо пристрастія при производствѣ слѣдствія.

9) Надворный судъ рѣшаетъ дѣло.

10) Составляетъ протоколъ.

11) Отсылаетъ его вмѣстѣ съ дѣломъ на утвержденіе гражданскаго губернатора при рапортѣ.

12) Гражданскій губернаторъ или отсылаетъ рѣшеніе суда на ревізію въ Уголовную Палату, или утверждаетъ рѣшеніе и

13) Предлагаетъ объ исполненіи онаго губернскому правленію, которое

14) Передастъ дѣло съ рѣшеніемъ Надворному Суду, который въ свою очередь объявляетъ бродягѣ рѣшеніе. За тѣмъ

15) Передастъ его въ Управу Благочинія.

16) Управа предписываетъ одному изъ частныхъ приставовъ наказать бродягу розгами.

- 17) Частный приставъ доносить Управѣ объ исполненіи.
- 18) Управа предлагаетъ его вновь въ Надворный Судъ, а Судъ.
- 19) Правленію, которое составляетъ журналъ о заклеяніи бродяги буквою Б.
- 20) Предписываетъ о заклеяніи бродяги смотрителю замка.
- 21) Смотритель доноситъ правленію о заклеяніи.
- 22) Правленіе представляетъ бродягу въ рекрутское присутствіе для освидѣтельствованія въ годности къ работамъ.
- 23) Получаетъ отвѣтъ отъ него.
- 24) Составляетъ статейный списокъ и передаетъ
- 25) Бродягу въ этапъ для ссылки въ Сибирь.

Если по такимъ мытарствамъ и притомъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, должно пройти весьма несложное дѣло о бродягѣ, то весьма понятно, что болѣе сложныя дѣла ведутся цѣлыя десятки лѣтъ.

За тѣмъ намъ слѣдовало бы поговорить о способѣ пересылки уже осужденныхъ преступниковъ, о тѣхъ условіяхъ, въ какия поставлены ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы; но объ этомъ мы поговоримъ въ другое время.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

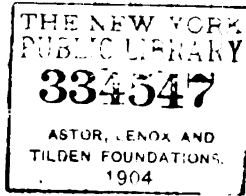
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ОКТАБРЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 декабря 1864 г.

Въ типографіи Рючина и Комп.

ЭПЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЪ».

VII.

ПТИЦЕ.

Въ Петербургѣ, на Гороховой, кажется, и теперь еще виситъ ржавый листъ желѣзный, съ полинялыми отъ времени буквами, на которомъ, лѣтъ тридцать назадъ, красовалась великолѣпная золотая надпись: «Парикмахеръ Жибе».

«Старое старится», говорилъ нашъ почтенный Степанъ Макарычъ—старются вѣрно и вывѣски человѣческія! Теперь, я думаю, никто уже не помнитъ парикмахера Жибе, а бывало... Ухъ, какъ бывало брызгалъ онъ своею жизнью и щегольствомъ, своею великолѣпною коляскою, парой караковыхъ жеребцовъ, кучеромъ съ черной бородой, да и чортъ знаетъ чѣмъ! Министръ былъ Жибе надъ всѣми стриженными и завятыми головами въ Петербургѣ. Цирюльню свою онъ звалъ не иначе, какъ мастерской, и самъ, какъ прихотливый художникъ-французъ, убиралъ ее роскошно, великолѣпно, а главное, оригинально—рѣшительно наперекоръ всѣмъ пестрымъ парикмахерамъ столицы. Не было у него ни заманчивыхъ хрустальныхъ надписей на стеклахъ, ни помятыхъ болвановъ на окнѣ, съ плешивыми головами и сѣрыми кудрями, ни цвѣтовъ, ни вѣнковъ невѣстныхъ, которые, еще не надѣванными подъ вѣнецъ, помялись и затаскались; не было тутъ даже той восковой куклы на окнѣ, которая съ такой граціей складываетъ ручку. Просто двѣ великолѣпно-освѣщенные комнаты, обитыя французскою матеріею, съ золотыми багетами и шелковыми драпери, озаглавлены были надписями, выплетенными изъ че-

ловѣческихъ волосъ. Надписи, конечно, французскія; одна изъ нихъ объявляла лаконически: «залъ для человѣковъ», а другая, напротивъ, докладывала съ глубокимъ почтеніемъ: «покорнѣйше просимъ—уборная для дамъ». Нечего добавлять, что ходъ былъ съ улицы, и такъ чистъ, какъ только могъ быть чистъ ходъ на Гороховой лѣтъ тридцать назадъ. Мебель на мужской половинѣ обтянута зеленымъ бархатомъ, а въ простѣнкахъ стояли великолѣпные шкафы чернаго дерева, сквозь стекла которыхъ привѣтливо улыбались посѣтителю бѣлые, отличновываренные человѣческіе черепа, а на нихъ уже красовались французскіе парики. Прочіе пустяки и принадлежности мужскаго туалета были изящно и легко распнуты на столики подъ огромнымъ зеркаломъ, у котораго стояло покойное кресло, гдѣ и обтачивали человѣческія головы съ обѣихъ концовъ. Словомъ, при входѣ въ этотъ залъ, не рѣзала ваши глаза та ослѣпительная пестрота, съ которою такъ безвкусно и безтолково убираются магазины настоящаго времени,—просто вы чувствовали въ себѣ ту сладостную дрожь новизны, которую чувствуютъ путешественники наши только въ Парижѣ, при входѣ въ елисейскія катакомбы, на балъ. Самъ французъ Жюбе, съ легкостью француза, выбѣгалъ встрѣчать своихъ небритыхъ гостей, а полу-французъ Птиже, его подмастерье, съ ловкостію подвертывалъ посѣтителю стулъ, и такъ изящно обтачивалъ подбородокъ со всѣхъ сторонъ, что гость, улыбаясь себѣ въ зеркало, какъ черепъ, думалъ только съ наслажденіемъ: «вотъ здѣсь такъ брѣютъ!»

Всегда одѣтый во фракъ и свѣжія, бѣлыя перчатки, красивый, какъ модная картинка, Птиже такъ изящно изгибался передъ намысленными посѣтителями и такъ легко и мило болталъ съ ними по французски, что вскорѣ сдѣлался извѣстною личностью въ Петербургѣ,—не смотря на то, что въ Петербургѣ очень трудно сдѣлаться извѣстною личностью, потому что тамъ и безъ подмастерьевъ уже слишкомъ много извѣстныхъ личностей. Что касается женской половины, тамъ еще болѣе любили Птиже, нежели на мужской: съ дамами столичными онъ еще легче и изящнѣе умѣлъ болтнуть всякія французскія шуточки и пустяки. Милаго забавника Птиже начали приглашать въ самые богатые и знатные дома для убирани-

нія легкихъ головокъ, и тамъ уже осыпали его щедро подарками и деньгами, какъ всякаго новаго и моднаго артиста петербургскаго, начиная съ музыкальныхъ и оканчивая сампмъ Блонденомъ. Мосье Птиже наконецъ сдѣлался идоломъ модныхъ причесокъ и сталъ такою необходимостію для большаго свѣта, что, право, нужнѣе какого-нибудь ветхаго старичка генерала, такъ храбро и выпрямленно летающаго въ мазуркѣ, или болтающаго съ институткой. Отъ того, храбръ или не храбръ дряхлый старичекъ-генераль, нисколько не прибавлялось жизни ни въ мазуркѣ, ни въ институткѣ, а отъ того, какъ причешетъ или завьетъ милую головку Птиже — зависѣли иногда такія побѣды, такія побѣды! что просто непостижимо уму, — страхъ забираетъ автора и выговорить ихъ!

Неудивительно послѣ того, что какая нибудь триумфальная баронесса Какаду, или графиня Канканъ, — вскружившія, богъ знаетъ кому, серьезную голову съ своею изящной прической, — отваливали своему милому Птиже такіе кусочки, что просто ну! — Самъ опъ, возвращаясь домой въ коляскѣ, или гербовой каретѣ, думалъ иногда про себя: «вотъ гдѣ дураковъ не орутъ, не сѣютъ, а самп они родятся — это въ Петербургѣ, нашемъ батюшкѣ. За что подумаешь платять такія деньги?..» И поѣдетъ опять Птиже распудрить какую нибудь княжескую головку, а тутъ смотришь, не болѣе, какъ въ полчаса — собственно только за то, что такъ мило погладилъ князя по головкѣ — отвалиять ему опять такой годовой окладъ чиновничій, который и отродясь не снился иному бѣдному чиновнику департамента или губернскихъ правленій. Словомъ, Жибе былъ доволенъ своимъ подмастерьемъ, баронесса Какаду своимъ милымъ Птиже, а скобленныя лица петербургскихъ чиновниковъ — искуснѣйшимъ въ свѣтѣ цирюльникомъ, который такъ гладко всѣхъ брѣетъ, никого не задѣваетъ и имѣетъ при томъ ножницы легкія, какъ вода, и бритву, скользящую какъ по маслу. Одинъ только Птиже былъ недоволенъ собой.

Сидятъ-ли онъ за французскимъ романомъ, вдругъ вздрогнетъ, вскочитъ, точно кто шпломъ кольнетъ его, броситъ книгу и долго, какъ сумасшедшій, бѣгаетъ изъ угла въ уголь, по своему *salon pour friser*. Вслушается-ли онъ въ колокольный трезвонъ, — онъ такъ размечтается надъ этимъ звономъ, лежа

въ своихъ покойныхъ креслахъ, что книга вынадеетъ изъ рукъ и слезы навертываются на глазахъ. Выглядеть-ли изъ сосѣдняго магазина жгучая брюнетка, вся жизнь и огонь, — Птиже разрисуется передъ ней въ рамѣ своего цѣльнаго окна, и такъ взглянетъ на милую сосѣдку, такъ поиграетъ передъ ней своимъ щегольскимъ перламутровымъ лорнетомъ, что та улыбнется ему, какъ солнце, а онъ, смотря на нее грустно, отвернется и уже цѣлую недѣлю не подойдетъ и не взглянетъ больше на южную, горячую красоту...

Такъ прошло три года. Въ это время Птиже успѣлъ сдѣлаться еще необходимѣе для легкихъ петербургскихъ головокъ; еще больше дѣлалось ему заказовъ и париковъ, сюрпризовъ и наградъ за его истинно-полезную службу, и, наконецъ, просто Петербургъ началъ носить своего баловня счастья, если не на рукахъ и ручкахъ, то по крайней мѣрѣ въ каретахъ и коляскахъ, подъ многіе гербовые подѣзды и во многіе великолѣпные будуары и комнатки. А петербургскій баловень, Птиже, еще болѣе сталъ блажить!

Наконецъ, какъ говорятъ наши нѣмцы, *въ одно прекрасное поутру* пришелъ къ парикмахеру Жюбе квартальный надзиратель и объявилъ безъ церемоніи, что II адмиралтейская часть требуетъ къ себѣ подмастерья такого-то; а черезъ день или два объявили французу, чтобъ онъ искалъ себѣ подмастерья другаго, а о миломъ Птиже больше не заботился, потому что II адмиралтейская часть сама объ немъ позаботилась: причесала и припекла его такъ, что Птиже послѣ того совсѣмъ не возвращался на Гороховую. Сосѣдка съ жгучими очами, посматривая на парикмахерскія окна, черезъ мѣсяць начала желтѣть и худѣть. Баронесса Какаду, когда самъ мосье-Жюбе пріѣхалъ къ ней въ своей великолѣпной коляскѣ на караковыхъ жеребцахъ завивать ея головку—сдѣлала первый вопросъ съ удивленіемъ: «а гдѣ же мой милый Птиже?» Французъ, какъ французъ, началъ было отыгрываться шуточками, что милый ея Птиже улетѣлъ отъ него въ трубу, или что-то въ родѣ этого, еще легче и острѣе, но тотчасъ замѣтилъ на лицѣ ихъ сіятельства маленькую тѣнь негодованія и прикусилъ язычекъ. А баронесса заключила со вздохомъ: «бѣдный Птиже!»

Тѣмъ, впрочемъ, и кончилось состраданіе о бѣдномъ подмастерьѣ въ Петербургѣ. Его превосходительство, господинъ Петербургъ, какъ будто стыдился говорить о судьбѣ своего несчастнаго баловня и любимца. Сама баронесса вскорѣ отказала парикмахеру Жибе, потому что теперь ей стали не нужны его обворожительные фризюры. Подъ волшебнымъ гребешкомъ милаго Птиже она успѣла влюбить въ себя молодого и красиваго улана, князя Квашонкина, женила его на себѣ и уѣхала отдохнуть въ родное имѣніе мужа, въ Сибирскую губернію. Тамъ молодая чета жила два года въ лѣтнее время, а зимой конечно въ Петербургѣ, собираясь за границу.

Верстахъ въ пятнадцать отъ скверной столбовой дороги изъ Сибири въ уѣздный городъ той же губерніи, Камчадаловку, есть пакостная деревнюшка, Замерзаевка-Малая—имѣніе помѣщика Длинногубова, которую, почему-то, мѣстное преданіе прозвало просто за просто «Вонючее болото». Такъ она зовется и теперь еще въ крѣпостныхъ актахъ помѣщика: деревня Замерзаевка—Вонючее болото тожъ».

Десятокъ лачугъ на косогорѣ, кричащихъ во всю мужицкую глотку: ай, батюшки, падаю! Десятокъ ободранныхъ мужиченковъ вмѣстѣ съ бабенками въ вѣчныхъ паршахъ и лихорадкѣ отъ болотъ, въ вѣчной грязи и лохмотьяхъ отъ акуратнаго управленія нѣмца-управителя, (котораго помѣщикъ Длинногубовъ иначе не привѣтствовалъ, какъ «а, Херъ-дейтцманъ! гуть моргенъ»—хоть-бы это было вечеромъ)—плѣшивая болотная почва, и наконецъ такое удобное сообщеніе съ прочимъ божьимъ міромъ, что стоило только выползти крестьянской лошаденкѣ на дорогу, какъ за ней посылали еще двухъ, чтобы вытащить изъ грязи, въ которую наконецъ всѣ три засѣдали по уши. Само собою разумѣется, что на такой счастливый уголокъ не было никогда никакого покупателя, да Длинногубовъ, какъ хорошій хозяинъ-агрономъ, и не думалъ продавать свое Вонючее болото, и даже говорилъ объ этомъ такъ: «а дурачье наша братья—помѣщики, что они плюютъ на гадость и не хотятъ ею заняться. Вотъ тотъ-то и хозяинъ изъ насъ, кто самую гадость умѣетъ облагородить. Дѣло все въ томъ, что они не умѣютъ приняться за дѣло. Вотъ другому Замерзаевка не годится, а мнѣ такъ годится; вѣдь

я разведу просто свиней, для нихъ не найдешь лучше мѣстечка, какъ такое болото». — И дѣйствительно, помѣщикъ этотъ въ своемъ болотѣ, вмѣсто крестьянъ, разводилъ свиней, и удивительно успѣшно. Правда, что онъ возилъ имъ кормъ, только по зимней дорогѣ, верстъ за семьдесятъ, но это ровно ничего не значило: у Длинногубова были свои вотчины и подводы — значить, какой же расчетъ составляло разъ или два въ годъ привести въ Замерзаевку корму?

Однимъ словомъ, огромнѣйшее стадо этихъ нечистыхъ животныхъ лежало, какъ въ пуховикахъ, въ болотѣ, и нѣжилось подъ горячими лучами лѣтняго, полуденнаго солнышка; а на обсохшемъ пригоркѣ, въ солончаковой почвѣ — золѣ, валялся пастухъ-свинопасъ въ лохмотьяхъ, оборванной и облупленной бараньей шапкѣ и старыхъ лаптишкахъ — такой-же чистый и опрятный, какъ его воспитанники, и если чѣмъ отличался отъ нихъ, такъ развѣ только тѣмъ, что тѣ были сыты, дородны и полны, а этотъ — худъ, изможенъ и болѣзненъ, какъ вѣтромъ качаемое быліе травное. Лежалъ онъ, облокотясь на какую-то кочку или пенъ, и жевалъ отъ скуки хлѣбную соломинку. На лицѣ этого человѣка, кромѣ жвачки и скуки, не выразилось человѣческаго ровно ничего! Взоръ его, тупой до безумія, вяло блуждалъ по безлюдной и мертвой окрестности. Единственный предметъ, на которомъ здѣсь могъ остановиться человѣческій глазъ, это домъ стараго князя Квашонкина, верстахъ въ пяти, въ его родовомъ имѣніи Монплезировкѣ, который такъ и выговаривалъ надъ всею пустыней: «здѣсь стою я!»

— Посмотри, какой дикой уголокъ? говорила молодая княгиня Квашонкина, смотря въ отличный телескопъ на Замерзаевку изъ своего княжескаго палаццо съ горы.

Молодой мужъ посмотрѣлъ.

— А какъ жаль, что тутъ не зеленый лужекъ, хорошо-бы въ альбомъ срисовать такой уголокъ. Это просто пустыня, не правда-ли Базиль? Это знаешь, mon ange, напоминаетъ мнѣ твою подмосковную. Посмотри!

Князь еще посмотрѣлъ и зѣвнулъ.

— Ахъ, какъ мило раскинулись хижинки — прелесты! Право это стоятъ кисти нашего молодого Айвазовскаго. Взгляни на лѣво, какія хижинки?

Князь взглянулъ на лѣво и опять зѣвнулъ. «Просто хлѣвы,» подумалъ онъ про себя. «Простительно моей женѣ; она здѣсь еще не бывала и настоящаго свинства нашего не видала.»

— Знаешь что, другъ, я придумала: поѣдемъ туда, я нарисую въ альбомъ village Zamerzaewka?

— Пустяки, душа моя! Это все привлекательно у насъ только въ бинскль, какъ театральная декорация, а на дѣлѣ — повѣрь мнѣ — грязнѣе чертъ знаетъ чего.

— Ты просто не художникъ, mon cher: ты не можешь представить себѣ, какъ картинно раскинулся этотъ пастушскъ на пригоркѣ. Посмотри!

— Вижу, вижу, поэтическая барышня, — но дѣйствительно не могу себѣ представить: гдѣ ты видишь пастуха? — Это свинья, душа моя, острилъ князь.

— Что это такое, Базиль? Вѣчно злая насмѣшка, и надъ кѣмъ же? — надъ человѣкомъ!

— Признаюсь, много человѣческаго нашла ты въ нашемъ пастухѣ! Да у насъ нѣтъ презрѣннѣе брани, какъ свинопасъ.

— Фи, какія у тебя слова!

Молодые супруги замолчали и, кажется, не сошлись.

Однако въ этой молодой четѣ было такъ: князь пока былъ полнымъ хозяиномъ и властелиномъ на словахъ, а княгиня была пока полной хозяйкой и властелиномъ на дѣлѣ. Завтра, поэтическая барышня заговорила опять о пастухѣ, который занималъ ея художественное воображеніе, и князь уже согласился, что онъ въ самомъ дѣлѣ смахиваетъ на картинныхъ, швейцарскихъ пастуховъ. Послѣ завтра, княгиня намекнула, что Замерзаевка имѣетъ даже что-то общее съ очаровательной долиною Меранъ, куда папа ея, старый баронъ, за тѣмъ, кажется, только и возилъ дочь, чтобы сказать о невѣстѣ: «она видѣла у меня даже самый Меранъ въ Тироли.» А черезъ недѣлю они отправились рисовать Замерзаевку. вмѣсто неопрятнаго стада въ альбомѣ княжны очутились, конечно, милыя козочки. Зачѣмъ козы очутились въ болотѣ? объ этомъ спросите игривое воображеніе княгини.

Но здѣсь случилось съ молодой четой что-то особенное: княгиня была заинтересована, а апатичный князь немного удивленъ. Въ третій сеансъ, когда ландшафтъ съ козочками почти былъ конченъ, супруги вели слѣдующій разговоръ: ed by Google

— А удивительно, Базиль: черты этого пастуха напоминаютъ мнѣ — знаешь кого?

— Ну?

— Моего милаго Птиже. Ты его помнишь?

Князь захохоталъ.

— Какое странное сравненіе. Тотъ былъ милый французъ, элегантнѣйшій такой. За того можно-бы выдать какую нибудь старую княгиню или баронессу.

— Мерси.

— За что?

— Я тоже была баронесса.

— Ну, нѣтъ, баронесса, да не такая! Такихъ старушекъ, какъ ты, можно и не отдавать за парикмахеровъ. — Послѣдовалъ медовый поцѣлуй.

— Знаешь что: еслибъ я умѣла хорошо говорить по-русски, то есть, просто по-русски — я непременно договорилась-бы съ этимъ пастухомъ. Поговори съ нимъ пожалуйста, Базиль, ты умѣешь?

— Я, другъ, какъ визирь Гаруна-аль-Рашида, знаю языки всѣхъ животныхъ. Что же съ нимъ поговорить?

— Хоть откуда онъ и кто? какъ зовутъ? Приласкай его.

— Не стоитъ, душа моя, отвѣтилъ апатично князь и опять зѣвнулъ.

— Ахъ, какой ты несносный, Базиль! Знаешь, что это даже несовременно презирать человѣка.

— Пустяки, душа моя! Какое тутъ презрѣніе къ человѣчеству, что за чепуха? — Не цѣловаться же мнѣ, наконецъ, съ твоимъ пастухомъ.

— Ну, пожалуйста, подойдемъ къ нему. Я прошу тебя.

И это кончилось тѣмъ, что князь послушался жены, подошелъ къ пастуху и заговорилъ:

— Эй! ты чей?

Пастухъ указалъ на небо.

— О, да это прелюбопытный пастухъ! — Божій?... (князь подошелъ разсмотрѣть черты лица). — А какъ тебя зовутъ?

Пастухъ отрицательно покачалъ головой.

— Никакъ; свиньей — значитъ?

— Finisvez, je vous en prie. Это ужасно! заключила княгиня по русски.

Но князь продолжалъ свое: — Отчего не отвѣчаешь, когда съ тобой говорятъ?

Пастухъ указалъ на языкъ.

— Безсловесный! Я такъ и ожидалъ.

— Ахъ, какая жалость — онъ нѣмой?

— Должно быть! заключилъ князь, и тоже согласился съ женой, что пастухъ вблизи въ самомъ дѣлѣ похожъ на Птиже.

Три дня княгиня была въ полномъ убѣжденіи, что это непременно Птиже, но когда черезъ посланнаго ей отвѣтили, что это былъ какой-то Емельюшка-дурачекъ, крѣпостной человѣкъ сосѣда Длинногубова, значить, просто игра случая, — она за-была и альбомъ, и пастуха, и уѣхала куда-то въ случайную Германію лечиться отъ скуки.

Здѣсь мы кстати припомнимъ одно обстоятельство изъ жизни Васи. Вася любилъ слушать исторію о знаменитомъ происхожденіи Азора и Шверюшки, которыхъ Емельюшка Пырочкинъ продалъ въ неволю на барскій дворъ. Мама съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывала исторію Емельюшки-дурачка и всегда почти заканчивала ее съ глубокимъ вздохомъ: «а Емельянушка — человѣкъ, — отъ извѣстно какой.» — Но кто былъ этотъ извѣстный человѣкъ Емельянушка? Вася все не интересовался знать. У Васи былъ свой міръ и свои интересы, какъ и у насъ, у взрослыхъ людей, свой міръ и свои интересы. Насъ, напротивъ, вовсе не интересуеетъ исторія продаанныхъ въ неволю собаченокъ, — расскажем-же лучше исторію самаго ихъ хозяина, Емельюшки-дурачка, или Емельянушки Пырочкина тожъ.

Исторія была самая обыкновенная. Какъ извѣстно всему міру, наши старинные бояре жили гораздо благочестивѣе, нежели бары екатерининскихъ временъ; а бары екатерининскихъ и павловскихъ временъ гораздо благочестивѣе нашего вѣтренаго племени; такъ точно и старикъ со старухою, Длинногубовы, жили гораздо благочестивѣе и строже, нежели ихъ сынъ. Но тутъ-то и искушаетъ человѣческій врагъ: прехорошенькая брюнетка, первая горничная барыни, вдругъ съ чего-то завѣсилась — забеременела. Такой позоръ для

строгаго дома Длинногубовыхъ былъ просто жестокимъ ударомъ. При первой вѣсти барыня три раза падала въ обморокъ, кричала на весь домъ: «она меня уморить», плакала до истерики о своей фавориткѣ, Людмишкѣ, рѣшилась наконецъ, ломая руки съ отчаянія, отрѣзать распутницѣ косу и сослать въ Замерзаевку пасти свиней.

У Людмиши въ Замерзаевкѣ родился прехорошенькій сыночекъ, очень похожій на отца. Но, такъ какъ отца у него не было, что видно было и по метрическимъ книгамъ церковнымъ, то и не хлопотали о томъ, чтобы дать ему имя во имя отца или дѣдушки, а назвали просто именемъ божіимъ, крестьянскимъ—Емельянь.

Емеля росъ и хорошѣлъ. Въ пытливой головкѣ ребенка задавались иногда пытливые вопросы; онъ, напримѣръ, спрашивалъ свою тетю, Людмишу: «былъ-ли у него отецъ?» или «гдѣ у него мать?» Тетка (которая въ это время была уже прощена и помилована, а именно: не носила лаптей и не пасла свиней, а носила коты, сарафанъ и пасла индѣекъ) растолковала маленькому Емелькѣ, что его не мать родила, а просто пырка къ ней принесла. А съумасшедшая мать Людмилы, бабушка Охиненха, говорила объ этомъ гадательно: «судьба индѣйка, — случай, гусь.» Смѣтливые замерзаевскіе ребята вѣрно тоже поняли, что такое «судьба индѣйка» и тотчасъ рѣшили, что Емелька «индѣйкинъ сынъ», да такъ и окрестили его въ Емельянушку-Пырочкина.

Тетка приучила племянника вѣжно цѣловаться и ласкаться къ ней, что при скукѣ деревенской было удобно. Живя постоянно вдвоемъ, они были какимъ-то пополненіемъ другъ друга, такъ что маленькій Емеля до подробностей зналъ всѣ привычки и признаки тетки; помнилъ онъ и маленькій перстенецъ съ голубымъ глазкомъ, который такъ часто цѣловала тетка при немъ; помнилъ онъ и тѣ горячія слезы ея, которыя падали на этотъ перстенецъ; помнилъ, какой звонкій смѣхъ разносился по болоту, когда тетя замѣчала на щекѣ его красненькій рубчикъ, отпечатанный этимъ перстенькомъ, въ то время, какъ онъ спалъ на ея рукѣ. Да и богъ знаетъ чего не помнилъ Емеля. За то, какъ цѣловалъ онъ ручку тети съ перстенькомъ, и какъ горячо прижимался онъ къ колѣ-

нямъ ея въ то время, когда тетя учила его молитвамъ, или рассказывала о какомъ-то добромъ баринѣ, котораго онъ сроду не видалъ. Хотѣлось Людмишѣ поучить своего сынишку и грамотѣ, и много даже было на это времени, да вотъ бѣда: —сама она не знала грамотѣ.

А тутъ какъ-то все и перевернулось, какъ все перевертывается на землѣ, и даже самая земля:—и грамота пришла къ ея счастливому сынишкѣ.

Строгая и благочестивая барыня развелась съ мужемъ, и разѣхалась по разнымъ деревнямъ, а баринъ возвратилъ Людмишу на барскій дворъ—умылъ, одѣлъ и причесалъ. Точно какимъ-то чудомъ, грязная и скучная тетя Емели превратилась теперъ вдругъ въ миленюкую, хорошенюкую, веселую и хохотушу. Дичился даже Емеля ея щегольскаго наряда, не дичился только ея шкатулки, въ которой лежало много лакомства и денегъ для него. И завѣтная мечта Людмиши осуществилась: Емелю не только выучили грамотѣ, а даже приглашали часто играть съ двумя барскими дѣтьми и болтать съ гувернеромъ по французски. А барскихъ дѣтей отецъ и гувернеръ журили за то, что они не хотятъ играть за-панибрата съ мужиченкомъ и сажать его съ собой за одинъ столъ. Но Людмиша уже чуяла сердцемъ, что разорваннаго судьбою—человѣческою силою не связать, а потому и начала докучливо упрашивать барина, чтобы Емелю онъ отдалъ въ ученье. — «Да пожалуйста въ Петербургъ» — умаливала она горячо. — «Да что тебѣ, дура, дался этотъ Петербургъ, котораго ты сроду не видывала?» — спрашивалъ ее ласково баринъ, — «мы отдадимъ его лучше здѣсь, поближе къ Сибири, чтобы ты объ немъ не скучала.» — Но Людмила на это отвѣчала, что Петербургъ она видала и знаетъ очень хорошо: въ Петербургѣ она жила цѣлую недѣлю съ барыней («когда они изволили быть въ дѣвушкахъ»), и что Петербургъ ей *очинно* понравился, потому самому, что тамъ совсѣмъ народъ не такой, а какой-то другой. — Такъ ужъ пожалуйста вы мнѣ, баринъ, это удружите: въ Петербургъ его отошлите и т. д.

Длинногубовъ къ этому времени повезъ сына въ корпусъ и исполнилъ желаніе своей фаворитки, Людмиши: прихватилъ съ

собой кстати Емельку.—Своего «двоюроднаго сына», какъ онъ рекомендовалъ его своимъ короткимъ знакомымъ и новопривышему священнику, Степану Макарычу.

Нужно-ли говорить о томъ, какъ безродный Емеля, нечувствовавшій на себѣ ласкъ отца и матери, горячо былъ привязанъ къ своей теткѣ, и какъ, по естественному закону природы, тяжело ему было съ ней разстаться? Въ самомъ забывчивомъ Петербургѣ не забылъ онъ ту, ярко горящую въ крови его, картину: какъ молодая, со жгучими очами, тетя цѣловалась съ нимъ въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ. Помнилъ онъ, какъ тетя сама одѣла его въ заячій тулупчикъ, окутала шарфомъ своей работы, съ поцѣлуями проводила въ дорожный баулъ. Она даже со слезами умаливала барина, чтобъ онъ позволилъ ей проводить ихъ до городу. Помнилъ Емеля, какъ заснулъ на горячей рукѣ тети, какъ щека ея прижалась къ его щекѣ, падали горячія слезы, а во снѣ снился ему какой-то невѣдомый городъ, весь золотой, и дѣйствительно, народъ въ немъ былъ не такой, какой видалъ онъ у своего барина въ деревнѣ: одинъ съ звѣриной головой, другой съ бараньими рогами, тотъ смотритъ смѣло, какъ орелъ, а этотъ охаеетъ хилой пыркой и также кислотовато поглядываетъ на веселый божій міръ, какъ индѣйка. Помнилъ онъ еще ярче, какъ утромъ сказала ему тетя: «ну, другъ, мы пріѣхали въ городъ, — теперь простимся совсѣмъ! «Помнилъ онъ, какъ испуганный спросилъ:—«это Петербургъ?»—и рассказалъ, что во снѣ ему снились звѣриныя головы, а тетя съ бариномъ засмѣялись надъ нимъ и отвѣтили ему ласково: «когда Петербургъ, дурачекъ, это Сибирь пока». А ярче всего онъ помнилъ, какъ въ этомъ хорошемъ городѣ Сибири звонили колокола, — вѣрно былъ какой праздникъ. Они сѣли съ барченкомъ рядомъ въ дорожную кибитку, а красавица тетя, со слезами на глазахъ, сказала ему грустно: «ну, прощай, Емеля, совсѣмъ теперь, я дальше провожать васъ не поѣду».—Она поцѣловала ручку у барина, перекрестила Емелю и заплакала, а баринъ за все за это поцѣловалъ ее самое въ губы.—«Прощай, дружокъ»—были ея послѣднія слова! Колокола звонили торжественно по всему городу; кто-то захлопнулъ кибитку,—въ ки-

биткѣ стало темно и холодно; и богъ знаетъ, куда еще повезли Емелью при торжественномъ звукѣ колоколовъ!

Старый баринъ благополучно прибылъ въ столицу и опредѣлилъ сына. Много онъ ѣздилъ по гостямъ и, возвращаясь въ запертый номеръ, спрашивалъ сильно скучающаго Емельку: нравится-ли ему Петербургъ? и тутъ-же далъ ему кличку «эй мусье!» А дѣйствительно, Емелька былъ похожъ болѣе на какого-то «мусье», нежели на обыкновеннаго русскаго человѣчка. Платье барченка, опредѣленнаго въ корпусъ, передали ему, и такъ какъ барченокъ былъ гораздо старше, выше и дороднѣе, то и вышло, что платье его висѣло на Емелькѣ, какъ мѣшокъ, такъ что иначе и назвать его нельзя было въ щегольскомъ и ловкомъ Петербургѣ, какъ: «эй мусье!»

Баринъ, между тѣмъ, думалъ о томъ, куда-бы отдать ему въ ученье своего двоюроднаго сынишку, Емельку. Съ перваго же дня, какъ онъ только постригся и побрился въ знаменитой цырюльнѣ Жибе, его неотвязчиво занимала мысль: «не отдать-ли Емельку къ французу?» Съ этой цѣлю, черезъ день онъ опять зашелъ къ французу—постричься и побриться, и заговорилъ съ нимъ поласковѣе: что и какъ? Французъ пустилъ ему пыль въ глаза и даже рассказалъ, что въ Петербургѣ его такъ любятъ, что просто нѣтъ мочи; у какого-то извѣстнаго путешественника, барона Какаду, онъ фриштикаетъ запросто, какъ свой человѣкъ, — когда приѣзжаетъ барона брить; а съ графиней Канканъ, такъ даже разъ кутнули за ужинномъ. Словомъ, какъ только познакомились они покорооче, баринъ тотчасъ открылъ ему секретъ: что онъ привезъ съ собой мальчика въ ученье, котораго хотѣлъ-бы непременно отдать ему, французу Жибе, потому что его реномъ, слава и наконецъ самъ онъ, такъ уже извѣстенъ всей Россіи париками и накладками, что другаго лучшаго мастера въ Петербургѣ онъ не нашелъ, да едва-ли и найдетъ! Словомъ, такъ мастерски росписалъ славу и знаменитость цырюльника, что французъ расшаркался передъ нимъ съ ножницами, какъ въ гостинной, а намыливъ нижнюю челюсть барину, такъ мастерски отбрилъ ее, что просто мое почтеніе.

— Вы, конечно, мнѣ его покажете? спросилъ вертлявый французъ, считая это дѣло совершенно рѣшеннымъ.

— А вотъ я привезу вамъ его завтра, хоть совсѣмъ, отвѣтилъ Длинногубовъ.

— Est-ce votre krepostnoi?

— Pas du tout,—c'est faute de ma jeunesse. . .

— Эге!

И французъ такъ радостно выговорилъ это междометіе, какъ будто рѣчь шла о коротко ему знакомомъ или родномъ. Помѣщикъ за это рассказалъ своему веселому собесѣднику, какъ отецъ его, рано овдовѣвъ, досталъ себѣ грузиночку чистой крови, прелестную, какъ всѣ грузинки вмѣстѣ, страстную, какъ турчанка, и ревнивую и злобную, какъ демонъ. Какъ онъ прижилъ съ этой грузинкой трехъ дочерей, какъ она пригрозилъ ему кинжаломъ за какую-то легкую измѣну, и какъ онъ отдалъ наконецъ эту «мамзель Подпалкину» замужъ за мужика. Французъ выразилъ было удивленіе, что такое обращеніе съ женщиной свободной, какъ Кавказъ, по его мнѣнію, не совсѣмъ деликатно.

На завтра, баринъ и французъ заключили условіе и написали контрактъ. Контрактъ былъ не только выгоденъ, а рѣшительно превышалъ всѣ наглыя требованія француза, да передъ отъѣздомъ помѣщикъ подарилъ ему еще какую-то бездѣлку,—трубку рублей во сто; такъ что французъ Жюбе, неудивляющійся въ своей жизни ничему, здѣсь подивился немало безумной барской щедрости и по отъѣздѣ началъ, конечно, ласкать и баловать своего новаго ученика.

«Мосье-Птиже». Такъ Емелька Пыркинъ и превратился у француза въ мосье Птиже.

Птиже росъ и хорошѣлъ. Французу легко было начать съ нимъ болтать по французски, а Птиже былъ любопытный мальчикъ и отъ скуки, не шутя, принялся за французскій романъ. Разнообразя свое мертвое чтеніе съ французскими болтунами, которыхъ въ нашей столицѣ еще больше, нежели нашихъ обильныхъ пріятелей нѣмцевъ, Птиже день ото дня обтирался и получалъ тотъ блескъ и лоскъ «элегантнаго французика», которымъ назвалъ его князь Квашонкинъ.

Одно смущало и волновало молодого человѣка, когда онъ въ романѣ набѣгалъ на тѣ мѣста, гдѣ описывалась бѣдная и мрачная природа, похожая на счастливую деревнюшку Замер-

заевку (гдѣ такъ нѣжно и страстно цѣловала его тетя), или на тѣ наконецъ мѣста, гдѣ мать благословляла сына. Вскрикивалъ бѣдный Птиже въ эту минуту и, бѣгая по залу, задавалъ себѣ самый близкій и жизненный вопросъ: «гдѣ-то моя мать и отецъ? О! какъ-бы я обнялъ ихъ въ эту минуту.» — Въ тоскѣ онъ останавливался передъ окномъ и думалъ: «хотѣ-бы въ этихъ проходящихъ мимо меня равнодушныхъ петербургскихъ бѣгунахъ встрѣтить образы, похожіе на мать и отца? О! какъ-бы бросился я къ нимъ въ эту минуту!».. А въ окнѣ напротивъ, въ тожъ мгновеніе, показывался тотъ безотвязный, мучительный образъ жгучей брюнетки, при взглядѣ на который, вся кровь бросалась въ голову молодого человѣка и шепталось само: «смотри, точно тетя твоя, — какъ она на неѣ похожа». — Онъ даже отвертывался отъ этого кокетливаго образа и, точно нравственно-разслабленный старикъ, опускался въ кресла въ глубинѣ комнаты. — А торжественные петербургскіе колокола и здѣсь не давали ему покоя! Книга выпадала изъ рукъ бѣднаго Птиже, когда онъ припоминалъ ту единственную, свѣтлую минуту своей жизни, когда бѣдная тетя при этомъ торжественномъ звонѣ, взглянувъ на него нѣжно, какъ мать, благословила его по матерински и сказала въ послѣдній разъ: «прощай, дружекъ!»

Старый холостяга французъ полюбилъ своего исправнаго и ловкаго Птиже, и не только прозвелъ его въ чинъ подмастерья, а даже сошелся съ нимъ на короткую ногу и часто, трепля его по плечу, (чего никогда не дѣлывалъ съ прочими своими учениками) говорилъ ему фамилярно: «ну, что, мой милый Птиже, какъ наши дѣла?» — Въ это время французъ уже сдѣлалъ, какъ парикъ, а Петербургъ посыпалъ его серебромъ, какъ снѣгомъ.

Все это было въ то время, когда вкусъ къ изящному началъ у хозяина тупиться; Жибе сильно потолстѣлъ и до такой степени облѣнился, что сталъ даже забывать самыхъ коротенькихъ своихъ знакомокъ, въ родѣ мадамъ Bandeau, и прочихъ содержательницъ модныхъ магазиновъ. И наконецъ, чтобы совсѣмъ не испытывать вѣроломныхъ измѣнъ и прочихъ непріятныхъ переизмѣнъ столицы, французъ пристрастился къ одной постоянной любовницѣ, которая никогда не оставляетъ чело-

вѣка, а именно—къ русской водкѣ. Въ это время онъ еще больше похлопывалъ по плечу своего подмастерья и даже мечталъ съ нимъ о томъ: какъ онъ его никому не отдастъ; какъ онъ его, пожалуй, откупитъ на волю и поѣдутъ они вмѣстѣ во Францію; въ Парижѣ откроютъ мастерскую, которую онъ, знаменитый въ Петербургѣ цырюльникъ Жюбе, передастъ своему милому подмастерью Птиже, а самъ уѣдетъ на родину потому что самому ему пора на покой—страшно надоѣло жить! Богъ знаетъ, что подразумѣвалъ французъ подъ словомъ родина и гдѣ она для него была? Жюбе былъ уроженецъ Женевы и такъ тамъ напакостилъ, что его хотѣли повѣсить. Втерся-было потомъ въ облитые славой ряды великой арміи Наполеона I, но и тамъ такъ подпустилъ, что мочи не было его держать, и оттуда бѣжалъ въ Россію. Новая же родина, на которую французъ рассчитывалъ, и къ которой сильно приготовлялся, была, вѣроятно, Митрофановка, или много, много—Волково-поле. Но изъ разговоровъ все таки было видно, что французъ говорилъ не о нихъ.

А вотъ и рысистый почталіонъ прибѣжалъ и подалъ въ цырюльню какое-то угловатое письмецо на имя Емельяна Иваныча Пыркина. Взглянувъ на штемпель, Пырочкинъ далъ почталіону двугривенный, такъ что тотъ, озадаченный, подумалъ: «а я нести не хотѣлъ—все-то оно трехъ законныхъ копѣекъ не стоитъ». Адресъ былъ знакомъ; письмо пришло изъ Сибири, извѣстно отъ кою. Пырочкинъ перекрестился и сразу прочиталъ слѣдующее:

«Милый другъ! Такъ какъ я теперича больна нахожусь при слабости и незнаючи поправлюсь-ли, то и пишу къ тебѣ. Когда ты кончишь свое ученіе, выпросись у хозяина и приѣзжай ко мнѣ повидаться; я объ тебѣ Емельюшка соскучишисъ нахожусь. Я хотѣла послать тебѣ гостинца,—на прошлой недѣлѣ отъ Куроѣдовскихъ поѣхали въ Петербургъ и самъ старикъ, да у меня нѣтъ ноньчи денегъ на гостинцы, я опять живу въ скотной: старый баринъ умерши въ прошлой зимѣ, а изъ Питера приѣхалъ къ намъ молодой, этотъ не такой. Онъ прогналъ насъ всѣхъ старыхъ, кого на мѣсячину, а меня въ скотную, и привезъ съ собою лакеевъ и капомку изъ Питера. А я все больна нахожусь и въ пездоровѣ цѣ-

мый годъ. Выпросись у хозяина и приѣзжай ко мнѣ посмотрѣть:—наше житье не такое. Я уже слаба глазами стала, все плакавши. Гостинца послать не могу, потому нынче нечиво...»

И опять повтореніе одного и того же, а внизу подпись: «Тетка твоя Людмила Подпалкина». Ниже помѣтка: сочинилъ дьячекъ Нектопоміонъ, въ мѣсяцѣ Іюль, лѣтомъ»—безъ года впрочемъ.

Тяжело вздохнулъ бѣдный Птиже надъ письмомъ тетки и съ досады отвернулся отъ жгучихъ глазъ сосѣдки, которые были невыплаканы и при сѣревькомъ, тускломъ небѣ петербургскомъ сверкали такими звѣздочками, что предъ ними остановился какой-то офицерикъ съ желтыми отворотами.

Въ тотъ-же вечеръ Птиже сочинилъ отвѣтъ, надъ которымъ и поплакалъ. Въ отвѣтѣ этомъ, какъ умѣлъ, излилъ свою признательность и благодарность, и въ заключеніе написалъ, что подарковъ ему никакихъ ненужно: — подарки онъ часто получаетъ и здѣсь, въ Петербургѣ; что денегъ у него куры не клюютъ, и что онъ вотъ и ей, милой тетѣ своей, посылаетъ двѣсти рублей. И дѣйствительно, на имя какого-то прикащика или конторщика выслалъ двѣсти рублей теткѣ, соображая, что такъ деньги получатся скорѣе, потому что скоро-ли подслѣповатая тетка доберется изъ скотной избы до города Сибири и получить тамъ свои денежки изъ почтовой.

Конторщикъ деньги получалъ и, какъ слѣдовало, доставилъ ихъ по адресу, Людмилѣ Подпалкиной. Одно только не хорошо: не вытерпѣлъ, болтулъ объ этомъ молодому барину.

— Чертъ знаетъ, какими суммами ворочаютъ они тамъ, въ Петербургѣ! Началъ барянь. Да я, бывало, за двѣсти-то рублей—двадцать процентовъ платилъ въ мѣсяцъ... А это шутка сказать: двѣсти рублей залежныхъ у барскаго человѣка!

— Да-съ, не шутка, отвѣтилъ оборванный чиновникъ-конторщикъ. Да еще вонъ что пишетъ-съ: «денегъ, говорить у меня куры не клюютъ.»

— Будто?

— Точно такъ, ваше высокородіе, я самъ и письмо читаю.

— А на какомъ основаніи онъ живетъ въ Петербургѣ, вы не знаете? въ конторѣ нѣтъ объ этомъ?

Отд. I.

— Не могу доложить; покойникомъ, вашимъ батюшкой, былъ отданъ—неизвѣстно.

— Да какъ же «неизвѣстно», что за неизвѣстность такая? Значится же онъ у насъ какъ нибудь по оброчнымъ статьямъ?

— Да онъ оброку не платитъ.

— Чертъ знаетъ, что это такое творилось тутъ при старикѣ. Да какъ же это? растолкуйте мнѣ, ради самаго Господа,—человѣкъ не платитъ барщину ни копѣйки, а изъ прахоти можетъ дарить скотницѣ по двѣсти? Я тутъ ровню ничего не понимаю:—въ этомъ здраваго смысла нѣтъ, наконецъ!

— Не могу доложить-съ,—а только въ оброчныхъ статьяхъ его нѣтъ.

— Такъ занесите, сейчасъ-же занесите! А къ нему предписать: чтобъ онъ съ той же минуты платилъ оброкъ,—ну, хоть четыреста сначала, а тамъ посмотримъ, можно и по-принудить. Надо вотъ только будетъ узнать, что это за птица такая — Емельянъ Пыркинъ?.. А то этакъ, когда же мы устроимъ свое хозяйство? Да и что изъ этого выйдетъ, если они будутъ жить, кто гдѣ вздумаетъ, и не платитъ еще за это ни копѣйки! Оброки, по моему, статья важная; оброковъ отпускать нельзя. Идите, проверьте всѣхъ по ревизской:—кто гдѣ? Сдѣлайте повѣрище выметку и представьте ко мнѣ; а я сегодня-же назначу имъ оброкъ, или возьму въ домъ, если человѣкъ нуженъ. Значитъ, не пришли Емелька этого писма, мы не знали-бы, что у насъ есть человѣкъ, Емельянъ? Хороши хозяева, и это въ семь мѣсяцевъ?!

Тупоумный коллежскій регистраторъ такъ смотритъ въ землю, какъ будто рѣшаетъ вопросъ: какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, случилось? какимъ образомъ мы съ бариномъ до сихъ поръ не знали, что у насъ есть въ Питерѣ Емелька?—А баринъ продолжаетъ оскорбляться невѣжествами Емельки:

— Да и чертъ знаетъ, что это такое: осмѣливается писать въ мою вотчинную контору, а ко мнѣ ни полслова! даже поклона не прислалъ барину! какво это вамъ покажется? Ну, не свинды-ли послѣ того эти людцы? Значитъ, что-жъ тутъ было при старомъ покойникѣ?..

— Не могу доложить-съ,—отвѣтилъ тупоумный.

А Птиже, между тѣмъ, умнѣлъ, хорошеѣлъ по своему, дѣ-

жалъ парикмахерскіе успѣхи въ свѣтѣ и на балахъ, у парикмахеровъ и модистокъ, и даже бойко танцевалъ въ театральныхъ маскарадахъ. Не поморщившись, выслалъ онъ барину четыреста рублей оброку, въ контору; забылъ только опять прислать поклонъ и пребойко въ эту зиму примасливалъ голову Петербурга. Словомъ, годъ опять такъ скользнулъ по петербургски, что ни хозяинъ, ни подмастерье не замѣтили, что онъ проскользнулъ.

Въ 18.. не скажу которомъ, но только въ самомъ забавномъ по комическимъ встрѣчамъ году, въ концѣ зимы, въ это забористое, развеселое времячко, въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Сибири отставной ротмистръ Длинногубовъ;—такъ объявили вѣдомости даже у Демута, гдѣ ротмистръ остановился. Въ кварталъ дали знать, что помѣщикъ пріѣхалъ по домашнимъ обстоятельствамъ, а домашнія обстоятельства помѣщика, пріѣхавшаго въ столицу, давно уже всѣмъ извѣстны. Это значить, онъ пріѣхалъ: или дѣтей опредѣлить, или жену за границу проводить, или взять, наконецъ, ее силкомъ и увезти въ деревню—отдохнуть отъ бѣшенныхъ петербургскихъ наслажденій.

Пріѣздъ ротмистра передъ масляной показывалъ прямо, что человѣкъ этотъ самъ живалъ въ столицѣ, хорошо знакомъ съ ея нравами и знаетъ, когда въ нее вѣхаться повеселиться и, что называется,—пожить. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время Петербургъ съ какимъ-то остервенѣніемъ кидается плясать, болтать и бросать, наконецъ, горстями наши дурковатые денежки. Какъ угорѣлая кошка, мечется онъ изъ угла въ уголъ:—отъ Островскаго къ Лягура, въ балаганъ, съ литературной попойки въ хуторокъ и т. п.

Разъ, въ концѣ масляной, Длинногубовъ отправился въ оперу, а оттуда—припоминаю старое, развеселое времячко, гусарское, заѣхалъ отъ скуки въ маскарадъ.

— Птиже, Птиже!.. пищитъ какая-то пронзительная маска, изъ-подъ которой такъ и сверкаютъ черные, жучіе глаза.

Молодой человѣкъ, котораго звали Птиже, живо обернулся къ дамѣ, предложилъ ей руку и пара унеслась въ бѣшенномъ котильонѣ.

— «А что, не тряхнуть-ли и мнѣ стариной?»...—Длинногубовъ взглянулъ въ зеркало и остался доволенъ собой. Въ эту

минуту припоминалось ему живо: какъ, лѣтъ десять назадъ, въ этой же самой залѣ мчался онъ со страстной французенкой,—гремѣли шпоры и музыка; одно пожатіе, пара словъ—и она очутилась въ его квартиркѣ, на Морской....

— «Какое славное время было тогда, думаетъ отставной ротмистръ, закручивая усы: само все давалось и побѣждалось!»— «А гдѣ всѣ эти забавники, которые тогда еще и стрѣлялись со мной изъ пустяковъ?..»

А пара промчалась мимо. Шумное домино такъ и обхватило отставнаго кавалергарда какимъ-то заманчивымъ и одуряющимъ гусаризмомъ и стариной.

— «Недурна и эта—стоитъ французенки». — Длинногубовъ, какъ истинный знатокъ, принялся зорко слѣдить летающую ножку. — «Какая курьезная фамплія, Птиже? Чего только не услышишь въ этомъ миломъ Петербургѣ!—И кто этотъ господчикъ? А ловко, бестія, танцуетъ!

Птиже, между тѣмъ, отпрыгалъ, усталъ и сѣлъ чуть-ли не рядомъ съ своимъ бариниомъ.

— Извините, мосье, мой вопросъ... началъ Длинногубовъ по французски.

— Что вамъ угодно?.. — Птиже живо вскочилъ, расшаркался и даже подалъ Длинногубову руку.

— Кто этотъ господинъ, съ которымъ вы кланялись:—лице его мнѣ знакомо, а припомнить не могу?

— А, это графъ Трахтарарахъ. Я его знаю; онъ третьяго дня былъ у насъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ онъ! заключилъ Длинногубовъ и подумалъ: «должно быть изъ порядочной фамиліи этотъ Птиже: какое у него славное знакомство? Но только, чертъ знаетъ, что за манеры!»

Птиже, въ свою очередь, сдѣлалъ тоже какой-то вопросъ своему барину и они поболтали. Въ это время нѣжный голосокъ брюнетки сильно заинтересовалъ и понравился Длинногубову.

— А здѣсь довольно оживлено и весело. Не знаете, завтра будетъ маскарадъ?

— Тоже вольный!.. выговорилъ Птиже съ восторгомъ. Но только не мѣшаетъ васъ предупредить: пораньше возьмите билетъ, а то ни за что не останете...

— Это для меня не совсемъ удобно, я человекъ забвзжій. Скажите, по крайней мѣрѣ, къ кому я могу обратиться?

— Если позволите, я вамъ достану билетъ?..

— О, помилуйте, зачѣмъ же вамъ беззакониться!

— Это ничего не значить: кассиръ мнѣ знакомый человекъ и дастъ сколько угодно. Мы стоимъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Скажите только гдѣ вы?..

— Благодарю, благодарю—я подумаю...

— «Вотъ чертъ навязался! Какіе у него связи: кассиръ, графъ... Ничего я тутъ не понимаю!» заключилъ Длинногубовъ. Новые знакомцы преобязательно пожали другъ другу руку.

Въ тоже самое время, въ другомъ концѣ залы, между двухъ масокъ шелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи, ма сѣге, у нашего пріѣзжаго дяди есть братъ?

— Есть тамъ гдѣ-то въ Сибири, того я не знаю,—отвѣтила разсѣянно графиня.

— А не здѣсь?... Я думала—это братъ, смотри какое разительное сходство.

Графиня взглянула на разговаривающихъ и презрительно засмѣялась.

— Какое ты дитя, Мери, ты настоящая иштвутка! Какой же это можетъ быть братъ Длинногубову? Длинногубовъ у насъ довольно извѣстная фамилія, душа моя: дѣдушка его служилъ при дворѣ Екатерины, а это—просто Птиже, подмастерье, Коафѣръ, который убираетъ мою маменьку. Онъ и у меня былъ сегодня. Вотъ его прическа.

— А!... отвѣтила съ какимъ-то недоумѣніемъ иштвутка! я его не знаю,—слышала что-то ..

— Я удивляюсь, какъ пускаютъ сюда всякую дрянъ безъ маски. Пойдемъ заинтригуемъ и увеземъ дядю. Бѣдные провинціалы! они рѣшительно не подозрѣваютъ, въ какое ставятъ себя положеніе своимъ вѣчнымъ незнаніемъ.

Птиже, между тѣмъ, отвозилъ въ вальсѣ какую-то мамзель Бадъ, булочницу съ Невскаго, и до такой степени запыхался, что окончательно сѣлъ и вытеръ платкомъ лицо.

Въ это время подлетѣла къ нему ревнивая сосѣдка, сдвинула въ сторону маску, освѣжилалицо вѣеромъ и такимъ огневнымъ взглядомъ взглянула на Длинногубова, что тому окон-

чательно захотѣлось тряхнуть стариной, и, во что-бы то ни стало, отбить сосѣдку у Птиже.

Бываетъ такъ: ѣдешь ведѣлю въ вагонѣ, ѣдешь двѣ на пароходѣ, сидишь цѣлую зиму рядомъ въ театрѣ, примелькается тебѣ какой-нибудь мосье Птиже, переговоришь съ нимъ все до нельзя, и хотя не откроешь ему домашнихъ обстоятельствъ (въ родѣ отправленія жены за границу, или въ деревню) но, не менѣе того, коснешся иногда такихъ занозистыхъ и крючковатыхъ вопросовъ, въ родѣ вопросовъ настоящаго времени, что послѣ остается тебѣ только подумать: «и какъ это онъ, чертъ, вытянулъ изъ меня этакія вещи? Богъ знаетъ, кто же этотъ вездѣсущій Птиже петербургскій, котораго я не знаю? не спросилъ кто онъ, да какъ-то и не принято спрашивать у человѣка имя,—словомъ неприлично!» И дойдешь до того, что, встрѣтившись опять гдѣ нибудь со старымъ знакомцемъ, только подумаешь: «что за знакомая рожа; гдѣ-это я видалъ этого господина?

Тоже было-бы и съ Длинногубовымъ, послѣ скользнувшаго знакомства. Но тутъ была рѣзвая ножка, прехорошенькая брюнетка, напоминающая прошлое, и французенку, и еще таковой огневой глазокъ, который едва-ли не жгучѣ самаго сладострастнаго взгляда французенки,—и Длинногубовъ рѣшился познакомиться съ Птиже покороче.

— Такъ я къ вамъ съ покорнѣйшей..... началъ онъ.

— Что прикажете?...—Птиже опять вскочилъ и живо расшаркался.

— Да о билетѣ....

— Извольте, извольте—пустая услуга: номеръ 18, на Гороховой.—Пришлите завтра человѣка, или не пожалуете-ли самп? Ходъ къ намъ съ улицы — къ двумъ часамъ будетъ готовъ.

— «Да куда же я пошлю человѣка: къ кому адресую записку?—сверкнуло въ головѣ Длинногубова, надобно же наконецъ спросить: кто этотъ мосье Птиже—его превосходительство, или просто господиъ сапожникъ? Здѣсь ничего не разберешь!—Длинногубовъ началъ такъ:

— Ваша услуга, мосье, обязываетъ меня съ своей сторо-

ны поинтересоваться узнать вашу адресъ? вы вѣроятно служите здѣсь, въ Петербургѣ?

— Этотъ вопросъ сначала озадачилъ Птиже. Сказать — «служу», онъ рѣшительно боялся, потому что подъ словомъ «служу» тогда еще не подразумѣвалось: ни эспаньелки, ни бороды, ни фрака на распашку, а тѣмъ паче еще—безъ свѣтлыхъ пуговицъ. Тогда служили серьезнымъ образомъ; изъ департамента, иной разъ, относили прямо на Смоленское, застегнутымъ на всѣ девять служебныхъ пуговицъ. А кто имѣлъ честь служить съ утра, у того уже вечеромъ такъ рѣзво не плясали попки въ маскарадѣ,—шалишь! Сказать же, «не служу», Птиже тоже не хотѣлъ: разъ, потому что на неслужащаго въ Петербургѣ смотреть со вздохомъ,—такъ и хотять тебѣ сказать: «какая ты отставная жалость!» Второе, потому что Птиже, въ самомъ дѣлѣ, обидѣлъ-бы себя, еслибъ сказалъ «не служу»; съ утра до ночи онъ, какъ самый усерднѣйшій угодникъ, все былъ на ногахъ передъ министрами, князьями, графами и все только примасливалъ, да приглаживалъ, да почесывалъ начальниковъ, начальницъ, сыновей ихъ, дочерей и пр. — какъ-же тутъ скажешь «не служу»? А въ третьихъ потому наконецъ, что Птиже въ это время такъ уже размахисто брилъ, чесалъ и гладилъ весь Петербургъ, такой былъ замѣчательный артистъ въ своемъ родѣ, что свое полезное занятіе онъ считалъ уже гораздо выше службы какой-нибудь старой канцелярской крысы, обгладывающей лѣтъ тридцать разныя дѣла. А поэтому, долго не думая, онъ отвѣтилъ такъ:

— Служу не служу, мосье, а тоже въ своемъ родѣ служба: я подматстерье у француза Жюбе. Вы человекъ пріѣзжій, такъ, можетъ быть, не знаете парикмахера Жюбе, а мосье Жюбе извѣстенъ всему Петербургу?

— Ну, нѣтъ извините и я его знаю! прибавилъ озадаченный Длинногубовъ. Это у краснаго моста, домъ генерала Огого?

— Да, да, квартира № 18, о которой я вамъ докладывалъ. Вотъ онъ самый и есть!

И подматстерье, потирая отъ удовольствія руки, съ такимъ достоинствомъ и важностію назвалъ, извѣстнѣйшаго всему Петербургу, Людовика Наполеоновича Жюбе, какъ будто рѣчь

здѣсь шла уже не о парикмахерѣ, а прямо объ адъютантѣ или маршалѣ великаго, — такую завоевалъ себѣ славу въ Птерѣ гвардеецъ великой арміи, погребенной подъ Москвой.

— Да какъ же это?.. заговорилъ, совершенно сбитый съ толку, Длинногубовъ: у Жлбе былъ въ подмастерьяхъ мой крѣпостной человекъ, Емелька, — развѣ онъ отошелъ? Онъ недавно еще писалъ къ теткѣ....

— О, это передо мной.. — живо отвѣтилъ французъ, но въ ту-же минуту, словно бѣдный мотылекъ, обжегся на свѣчкѣ и замолчалъ. Мертвая блѣдность покрыла крѣпостного Птиже.

— А-а-а! заключилъ Длинногубовъ

Въ это время, какъ нельзя болѣе кстати, подошли къ Длинногубову двѣ милыя масочки: извѣстная графиня Пузановская и подруга ея, недавно выпущенная изъ смольнаго, Ремюза, — дальняя родственница его жены. Картава, какъ чистѣйшая парижанка, графиня потащила дядю за собой; а другая племянница, (у которой еще были такія свѣжія плечи и совершенно незнакомый ему голосъ), до такой степени заинтересовала дядю, что Длинногубовъ уѣхалъ съ ними куда-то ужинать.

Жалкій Птиже въ лихорадкѣ едва дотащился домой.

Всю ночь бредилъ бѣдный Птиже. Ему представлялся великолѣпный княжескій домъ на Литейной. Бѣломраморный залъ съ серебрянными коріатидами и бѣлою штофиною драпировкой такъ сильно освѣщенъ, что рѣжетъ глазъ. Самъ онъ женится на старой помѣшанной княгинѣ, и это первая ночь послѣ брака. Сумасшедшая выходитъ къ гостямъ совершенно обнаженная; у ней выломлено ребро и совершенно впалая грудь, какъ у чахоточной. Онъ теряется, хочетъ позвать людей, но куда не кинется въ сосѣдніе апартаменты своего княжескаго дома, вездѣ темно; вмѣсто слугъ, на зовъ его выходятъ какіе-то страшные барыни: то Длинногубовъ, то Курофдовъ. Бѣдный князь-подмастерье наконецъ теряется, пугается и просыпается. Заснетъ, — а тутъ его, князя, брѣютъ въ солдаты; проснется — льетъ градомъ потъ. Опять заснетъ, смотришь: самъ брѣетъ какого-нибудь князя! И обдаетъ могильнымъ холодомъ Птиже отъ того, что такъ непрочно и измѣнчиво человѣческое счастье во снѣ. А затѣмъ уже полезла такая чепуха, которая и во снѣ-то никогда не снится человѣку мало-мальски покойному.

— Здѣсь Емсельянъ Ивановъ Пыркинъ? спросилъ грубый голосъ въ темномъ чуланѣ, да такъ громко, что бѣдный Птиже вскочилъ.

Почталіонъ подаль ему со двора письмо, потому что самъ хозяинъ, зачуявъ масляницу, кутилъ; подмастерье лежалъ и бредилъ, а мастерская съ улицы осталась заперта до четверга великаго поста.

Птиже повертѣлъ письмо въ рукахъ, посмотрѣлъ на пару голубковъ на печати, но не торопился вскрыть. Къ сѣрымъ и грязноватымъ письмамъ тетя онъ такъ привыкъ, что по одному уже виду заключилъ, что это письмо не отъ *нее*. Такой мелкій почеркъ, низанный какъ бисеръ, онъ видитъ въ первый разъ. Однако пужно же было прочитать? и бѣдный Птиже прочиталъ, — бросился въ подушку и зарыдалъ, какъ ребенокъ! Къ вечеру у него открылась горячка. Докторъ объявилъ, что больной безнадеженъ.

— О, мать моя, дорогая моя матушка!.. кричалъ въ бреду больной, рыдая, какъ маленькій ребенокъ.

Письмо было вотъ какого содержанія:

«Духовный мой сынъ! Я, предстоятель у престола Господня, священникъ Степанъ Макаровъ, исповѣдуя передъ концемъ жизни дворовую женщину барина твоего, помѣщика Длинногубова, Людмилу Семёнову Подпалкину, узналъ отъ нее тайну, которую она просила передать тебѣ, какъ ближайшему къ ней человѣку — просто родному ея сыну, прижитому ею въ ея непорочномъ дѣвствѣ съ господиномъ своимъ, (отцемъ настоящаго владѣльца и помѣщика села Индѣйкина, въ которомъ жила твоя мать). вмѣстѣ съ тѣмъ, съ родительскими слезами она просила меня помолиться объ ней; и тебя просить объ этомъ. Такъ прости-жь ее, другъ, и не помяни лихо. За симъ остаюсь твой духовный отецъ и богомолецъ на вѣчныя времена, предстоятель престола Господню,

Священникъ крестовоздвиженской церкви
Степанъ Макаровъ».

Внизу, вмѣсто постскриптума, прибавлено: «пиши, другъ, ко мнѣ просто, что тебѣ нужно, и я, если хочешь, подробно отпишу тебѣ о ея кончинѣ, которая была при мнѣ. Теперь

я боялся тебя сильно огорчить, а потому и не писалъ ничего болѣе»

Послѣ этого, конечно, не грезилъсѣ милому Птиже петербургскіе пустыяки: онъ больше не женился во снѣ на старыхъ княгиняхъ и графиняхъ. Теперь его мучили другія видѣнія: въ горячечномъ бреду представлялись ему деревенскія сцены съ теткой и прочими брюнетками и блондинками, отъ которыхъ вся кровь стыла въ жилахъ, не смотря на сильный горячечный огонь. Тѣмъ больше, что счастливую Замерзаевку онъ оставилъ такой маленькій, ничего невѣдающій, и деревня всегда представлялась ему землей обѣтованной, чуть не раемъ. — «Тамъ блаженствуютъ люди, думалъ онъ, а въ томъ числѣ и моя тетя»... А тутъ вдругъ, — и кто же? первое лице, священникъ, пишетъ къ нему, что въ этой святой, обѣтованной землѣ, деревнѣ, люди вовсе не благоденствуютъ, а изнываютъ, какъ его мать, чахнуть отъ гнета и скорбей и умираютъ, какъ жалкіе рабы! — Кого жъ послѣ того не сломитъ болѣзнь отъ такой безотрадной вѣсти и разочарованія? Известно, что человекъ въ тоскѣ и горѣ проклинаетъ свою собственную жизнь и бредитъ иногда такими истинами, какъ Марѳа на кладбищѣ, которыхъ пугается самое смѣлое на свѣтѣ лице. А настоящее состояніе Птиже едва ли было легче состоянія его побочной тетки Марѳы? А тутъ еще молодость, жаръ крови и жаръ горячки наконецъ. Значитъ, очень естественно, что бредъ его доходилъ до такого безобразія и чудовищныхъ образовъ, которыхъ я не берусь здѣсь передать.

Докторъ, заѣхавшій черезъ недѣлю, увидѣлъ, что больной вскакиваетъ на постели со сжатыми кулаками и кричитъ на всю цирюльню: «злодѣй, разбойникъ, губитель!» второпяхъ подумалъ: «ужъ не его ли онъ такъ честитъ, предчувствуя свой конецъ?» — съ испугу пересталъ ѣздить совсѣмъ. А хозяинъ, слышавши, что подмастерье умретъ (такъ сказалъ докторъ и въ послѣдній разъ), сталъ еще сильнѣе принимать свою микстуру, которую не даромъ игривые французы — шутники прозвали «водою-жизни».

Милый Птиже остался почти совершенно безъ помощи и пособія врача, какъ и частенько такъ случается въ нашемъ благотворительномъ Петербургѣ, еслибъ въ немъ не было

благородныхъ, и свято-исполняющихъ свои обязанности, Твельмейеровъ и Шлиссеровъ, — словомъ, двухъ-трехъ истинныхъ врачей, на всѣ 500 т. жалкаго и бѣднаго народонаселенія столицы! Одно еще хорошо, что крѣпкія, нищенствующія натуры — особливо бѣдняковъ чиновниковъ — такъ уже приколотились о булыжную дорогу жизни, что всякую человѣческую немочь выносятъ также равно и мужественно, какъ и самую главнѣйшую изъ немочей человѣческихъ — нищету. Наперекоръ всякому знанію и пророчеству медицины, они часто-часто — и сами не зная для чего, — остаются живы! Тоже случилось и съ бѣднымъ, брошеннымъ всѣми, Птиже. Провалаявшись недѣль шесть, онъ къ пасхѣ сталъ оживать.

Съ какимъ удовольствіемъ, бывало, онъ убиралъ свою мастерскую къ этому великому на святой руси празднику. Самый колокольный звонъ не напоминалъ ему ничего грустнаго въ этотъ воистину веселый праздникъ; ибо съ того самаго года, какъ онъ началъ новую жизнь въ Петербургѣ, къ пасхѣ всегда (онъ такъ уже чужалъ и ждалъ всю страстную недѣлю) приходило къ нему письмо отъ тети, а при немъ посылка, зашпая той ручкой, которую онъ цѣловалъ, а въ посылкѣ этой манишки, рубашки, еще такіе тряпочки, которые зовутся у насъ ассигнаціями. Пусть манишки были не модны и Птиже ихъ никогда не надѣвалъ (и дома онъ былъ одѣтъ какъ каритнка), но, не менѣе того, никогда не моталъ ихъ по петербургски, не закладывалъ, какъ петербургскій подмастерье, а хранилъ въ комодѣ, вмѣстѣ съ другими драгоценностями — съ подарками, напримѣръ, своей милой сосѣдки. И не рѣшалъ еще онъ сердцемъ: которая изъ этихъ двухъ женщинъ самый близкій къ нему человѣкъ? Представлялось ему только въ какомъ-то очаровательномъ будущемъ, что его милая сосѣдка, похожая на тетю, со временемъ, богъ дастъ, передѣлаетъ ему эти манишки на модныя, а теперь пусть они полежатъ. Бѣдный Птиже! онъ никакъ не помышлялъ, что милую его сососѣдку молодой его баринъ, Длинногубовъ, увезъ таки на другой день изъ маскарада! И увезъ онъ ее вовсе не за то, что она искусная мастерица перешивать мужнины манишки, а за то только, что ему понравилась ея маленькая, рѣзвая ножка-прыгунья, да огневой глазокъ.

А теперь пришел такой праздник, въ который бѣдный Птиже не получилъ уже милаго пьесмеда и посылки отъ тети Людмиши. Грустно стало молодому шарикмахеру, особливо послѣ тяжелой болѣзни. Словно новорожденный, безродный и безпріютный спрота, онъ тоскуетъ о матери и о ея жалкой жизни и судьбѣ! И въ первый разъ онъ не убралъ чисто и изящно своей мастерской! Все валилось изъ рукъ: разбилъ дорогую хрустальную вазу съ кровососущими пйавками и, богъ знаетъ, какихъ бѣдъ не натворилъ-бы еще бѣдный подмастерье, еслибъ наконецъ хозяинъ, въ первый разъ въ жизни, подъ пьяную руку не ругнулъ его по руссѣйски.

Но человѣку отчаиваться не должно. Въ великую субботу, вмѣсто краснаго янчка, получилъ онъ письмо. и именно изъ Индѣйкина, — что обличала конторская печать. Почеркъ былъ совершенно новый, неизвѣстный, но хорошій и четкій почеркъ — словомъ, почеркъ дѣловой. Зная впередъ, что изъ Сибири въ Петербургъ худаго не пишутъ, онъ задумалъ-было оставить это письмо нечитаннымъ до завтра, думая основательно, что письмо изъ Индѣйкина, вѣроятно отъ новой родни, которая пишетъ о себѣ или о кончинѣ матери. — «Завтра, вмѣсто поцѣлуя съ французомъ, я поцѣлую это письмо и мнѣ будетъ веселѣе встрѣтить мой первый праздникъ».

Съ этой надеждой онъ привялся за дѣло, и такъ ретиво, что французъ подумалъ-таки о своемъ могуществѣ: «отчего это я не генералъ? я бы, кажется, очень хорошо командовалъ русскими человѣкомъ? Смотри-ко: отъ одного моего крѣпкаго словца, безъ оплеухи и налки, а какъ онъ, шельма, почувствовалъ мое распеканье?..»

Птиже, между тѣмъ, все убралъ и оставилъ со вкусомъ. Засвѣтили лампы. Новые ученики засуетились въ ожиданіи того тревожнаго часа, въ который опять такъ сильно поведетъ небритое и печальное человѣчество — бриться и страчься въ праздникъ.

Покуришь тонкими, аристократическими духами, (которые такъ явительно дѣйствуютъ на раздражительные нервы) утомленный Птиже сѣлъ отдохнуть и не выдержалъ — помутился. Словомъ, онъ прочиталъ письмо съ казеннымъ почер-

комъ и съ кресель больше не всталъ. Какъ покойника отнесли его на постель, а письмо поднялъ съ полу хозяинъ и на всякій случай, въ попыхахъ, запряталъ въ секретный ящикъ. Французъ хотя и говорилъ иной разъ, что ничего не трусилъ подь Смоленскимъ, но теперь, какъ видно изъ дѣла, въ своей мастерской частенько-таки потрушивалъ квартальнаго надзирателя, и хотя бриль ихное благородіе даромъ, но зналъ однако по опыту, что письмо это для квартальнаго надзирателя теперь важнѣе, нежели самый праздничный подарокъ. Опытный Жибе зналъ даже на этотъ счетъ пословицу: «съ этимъ народцемъ водись, а за камень держись». Откуда онъ взялъ такую пословицу? мнѣ это неизвѣстно и даже удивительно, тѣмъ больше, что французъ ничего не говорилъ по русски; правда, что онъ выучился у насъ кручно и мастерски ругаться, но въ этомъ была другая цѣль: это училось изъ патриотизма, да развѣ еще изъ того, что русскому хорошему мастеру стыдно же наконецъ не умѣть ругаться по русски.— А откуда взялась у француза такая русская пословица—этого я не знаю. Вѣроятно, почерпнулъ онъ ее изъ опыта жизни? Охъ, великое слово опытъ жизни, особливо въ Петербургѣ!

Птиже очнулся черезъ часъ, —такъ великъ былъ обморокъ,— и первое слово было: «гдѣ письмо, я его не дочиталъ?» Французъ ожилъ, заболталъ и спросилъ: что все это значить? что это за письмо, которое творить такія чудеса—живаго и веселаго человѣка, какъ электрическимъ ударомъ, убиваетъ наповаль? Оказалось, что это было удивительно только для иностранца, а у насъ надъ такими письмами не только никто не останавливался, а даже никто не думалъ и вопроса задать: есть-ли въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, чтонибудь могучее, мертвящее, или убивающее человѣка наповаль?—Просто это былъ листъ обыкновенной бумаги, на фронтисписѣ котораго ласковыни, смѣющимися буквами было напечатано: «*Центральная вотчинная контора его превосходительства, господина помѣщика, Петра Борисовича Дмитилюбова*». А на этой дѣловой блянкѣ конторщикъ казеннымъ слогомъ написалъ слѣдующее:

«Его превосходительство, господинъ нашъ помѣщикъ, Петръ Борисовичъ, отдалъ приказъ въ нашу вотчинную контору предписать вамъ, Емельянъ Иванычъ: такъ какъ теперича оброки

были еще поставлены старымъ баривомъ, то, говорить, они по новому взгляду не годятся—малы. А по сему: какъ вы до сего времени платили 400, то симъ главная контора, отъ имени его превосходительства, барина, предписываетъ васъ обязать съ сего числа оброку высылать *восемьсотъ* рублей, а по сему и паспортъ вамъ не высылается. И такъ какъ симъ извѣщается, что его превосходительство занимается постройками винокуреннаго и мыльнаго завода и деньги имъ нужны теперь-же, то симъ и предписывается вамъ, Емельянъ Иванычъ: выслать впередъ, всѣ восемьсотъ сполна, немедленно. А если вы не согласны на сіе предписаніе, то имѣете честь намъ отписать — донести его превосходительству, нашему помѣщику, а за симъ немедленно явитесь, пріѣзжайте въ контору для личныхъ объясненій». Секретарь такой-то; и коллежскій регистраторъ Мордольоновъ подписался съ удивительнымъ росчеркомъ, а внизу приложилъ траурную, конченую печать съ гербомъ его превосходительства, господина помѣщика Длинногубова.

Въ сторонкѣ, вмѣсто постскриптума, приписка того-же секретаря, карандашемъ: «Что это вы, Емельянъ Иванычъ, ничего не отпишете къ нашему барину? Онъ сердится на васъ, что вы не благодарите его за то, что онъ отпускаетъ васъ ходить по волѣ; всѣ оброчные къ нему пишутъ. — «Свинья, говорить, неблагодарная, я, говорить, не посмотрю на него, что онъ въ Питерѣ, отдамъ его за это въ солдаты.» «А вы отпишете къ барину что нибудь, а то смотрите, еще пуще осерчаетъ, — чтобы не вышла бѣда: онъ вѣдь бѣдовый!.. Я вамъ это совѣтую по дружбѣ.» Внизу опять съ маленькимъ росчеркомъ подписано: «сравитель дѣлъ Мордольоновъ».

Какъ не морщилъ французъ лобъ, чтобы хоть сколько нибудь понять эту русскую гиль, — такъ и не понималъ ничего! Когда же Птиже на его легкомъ языкѣ объяснилъ, въ чемъ именно заключается эссенція этой гили, то французъ, по своему обыкновенію, только захохоталъ. Сдѣлавъ онъ только одно заключеніе, что эта бумага пока еще не казенная, такъ, значить, и трусить нечего. — «Я тебя, мой милый Птиже, никому, никогда и ни за что не отдамъ!» — И хотя назвалъ предписаніе «грабительствомъ», однако тутъ-же, при пер-

вомъ звукѣ колоколовъ, возвѣстившихъ пасху, подарилъ своему подмастерью, оставшіеся послѣ кутежа, послѣдніе восемьсотъ; а послѣ праздника выслали вмѣстѣ деньги на имя главной конторы, а оттуда, вмѣсто квитанціи, получили плакатный паспортъ, со льготами на три мѣсяца и съ правомъ жить во всѣхъ городахъ россійской имперіи.

— Каково! кричалъ обрадованный французъ: со льготами по всей имперіи! значить, гдѣ хотимъ—живемъ, хоть въ Сибири наконецъ?.. И Жибе, послѣ этого вопроса, опять принялся за водку, поздравляя своего подмастерья съ паспортомъ и волей; а Птиже принялся снова поглаживать петербургскіе бакенбарды.

Такъ, можетъ быть, и жили-бы они пока; но въ эту зиму Жибе началъ уже черезъ-чуръ сильно кутить; ученики послѣдовали за учителемъ, а съ ними началъ сбиваться съ толку и самъ Птиже. Дѣла поразстроились. А къ веснѣ опять пришло обычное предписаніе, которымъ Мордольоновъ предписывалъ Емельяну Иванычу, отъ имени его превосходительства: что баринъ, для круглоты счета, въ нынѣшнемъ году требуетъ оброку равно *тысячу*. На дѣлѣ же, вмѣсто тысячи, къ сроку собрали только кое-какъ пятьсотъ. Птиже хотя и не благодарилъ барина за волю, однако написалъ вѣжливое письмо, въ которомъ выставилъ причины и просилъ на время отсрочки.

— Это еще что за новости, какая ему отсрочка? отвѣтилъ на это баринъ. Пишите къ этому скоту: не хочеть-ли откупиться, чтобы вносилъ три тысячи. Деньги намъ теперь нужны: откупа падаютъ, заводъ стоитъ; теперь только одно:—деньги, деньги и деньги!.. Что съ нимъ церемониться и такъ достаточно избаловался. Это чистѣйшій вздоръ, что тамъ у нихъ, въ Петербургѣ, нѣтъ денегъ? — это дичь! Онъ просто начинаетъ вольничать. И хоть-бы писалъ прямѣе и откровеннѣе, а то чертъ знаетъ, что за письмо: заводитъ со мной какія-то условія—просто дерзость! Онъ вѣрно еще не знаетъ кто я?.. Написать ему прямо, чтобъ онъ высымалъ оброкъ сію минуту.

Написали, но это не помогло. Въ это время Птиже просилъ всѣхъ оброчныхъ въ Петербургѣ и узналъ уже, что

оброки платять они въ концѣ года, а не въ началѣ. Въ началѣ никто не платитъ; да такъ и требовать нельзя, потому что барскій человѣкъ, не отслуживши года, достать себѣ денегъ на оброкъ не можетъ. Птиже, по полученіи строгаго барскаго предписанія, такъ и отвѣтилъ въ контору: что годъ еще не прошелъ, а потому и требовать съ него остальныхъ денегъ незаконно. Что онъ вышлетъ ихъ въ концѣ года. А къ барину—ни строки.

— Э! да онъ начинаетъ тамъ умничать и объ законахъ ужъ пописываетъ? Каковъ, Емелька Пугачевъ! Ну-ко, объявить ему сегодня-же мой законъ, собственный: предписать, что если я въ нынѣшнемъ-же мѣсяцѣ не получу отъ него весь оброкъ за годъ, такъ я вытребую его сюда, какъ арестанта, по пересылкѣ.

Предписали.

Огорченный Птиже сталъ жаловаться своему хозяину на несправедливость и притѣсненія барина, и въ совѣтѣ между друзьями опять было читано предписаніе конторы, а для вѣщаго уразумѣнія три раза переводилось на французскій языкъ. Ничто не помогло: французъ опять не понялъ ничего.

— Mais qu'est ce que c'est, que «persilka?»—je ne comprends pas.—Я не понимаю—«персьплька?» кричалъ Жибе.

Птиже, какъ не мало зналъ эту штуку: что такое персьплька? но все-таки сумѣлъ объяснить хозяину, что это штука скверная—это вотъ чѣмъ наковецъ пахнетъ.

— Кошонри! вскричалъ разгнѣванный французъ. Quel diable! да самъ великій Наполеонъ мой не сдѣлялъ такой персьплька съ человѣкъ? Твой баринъ мой Птиже, скотенъ! Онъ не стоитъ того, чтобъ высылать ему деньга. А за персьплька надо шалеваться. Я зѣду замъ на графъ!

И дѣйствительно, горячій французъ сію минуту распорядился—ускакалъ къ какому-то графу Гуманову, который, по словамъ его, «часто *трепещалъ* Жибе по плечу» и дружески спрашивалъ: «ну, что, мой милей Жибе, скажите хорошенькаго?»

Графъ и въ этотъ разъ также потрепалъ Жибе по плечу и спросилъ: «что скажетъ онъ хорошенькаго? «Но французъ отвѣтилъ рѣшительно: что сегодня онъ ничего не будетъ го-

ворить хорошенякого, а будетъ говорить одно скверное, и тотчасъ отжаловался на «перьсилку»

Графъ согласился съ французомъ, что это въ самомъ дѣлѣ кошонри со стороны помѣщика, даже замѣтилъ въ оправданіе, что и самъ онъ, графъ Гумановъ, отпускаяющій своихъ людей шататься по волѣ, никогда не думалъ требовать съ нихъ оброка впередъ. Однако, въ извиненіе помѣщика, хотѣлъ было растолковать французу: что за вещь такая «нашъ крѣпостной человѣкъ?» Куда!.. Французъ только горячился, много говорилъ, выходилъ изъ себя, махалъ руками, ничего не понималъ и наконецъ объявилъ графу рѣшительно, «что Птиже своего онъ никому ни за что не отдастъ!

А если кто-нибудь осмѣлится посадить его подмастерья на цѣпь, или отнять у Жибе, такъ онъ, мосье Жибе, будетъ «шаловаться прямо на Государь!»—Графъ одобрилъ такую мысль и былъ даже удивленъ, что тотъ самый Птиже, который такъ мило говоритъ по французски ѣздить и въ коляскѣ завивать дочерей его à l'enfant, не иностранецъ, а крѣпостной человѣкъ—Емелька.

— «Я не постигаю, заключилъ Гумановъ, разводя руками, какъ помѣщикъ не обходится съ такимъ человѣкомъ почеловѣчески? Онъ, ей-богу, стоитъ того, чтобъ обходиться съ нимъ почеловѣчнѣе!»—Да на томъ и остановились.

Впрочемъ, французу и этого было достаточно. Онъ пріѣхалъ домой просто разгнѣванный по-французски. Тотчасъ объявилъ Птиже, что графъ вѣдь очень сожалѣетъ, что оброкъ съ нихъ требуютъ незаконно, и что теперь остается радио: заѣсть имъ въ трапезю и стойко отстрѣливаться отъ непріятеля,—словомъ, стоять на одномъ, что денегъ теперь не дадимъ, высылать не хотимъ.. «Не дадимъ, не хотимъ да и только!» твердилъ французскій языкъ. Такъ и рѣшили написать въ контору, что денегъ у нихъ никакихъ нѣтъ!

А тутъ-то вторая адмиралтейская и цапъ-царапъ бѣднаго Птиже. Французъ теперь и соглашался было внести оброкъ, но ему уже отвѣтили бумагой: что помѣщикъ объ оброкѣ не говоритъ ни слова, а просто покорнѣе проситъ петербургскую полицію выслать къ нему на мѣсто жительства безпаспортнаго его человѣка Емельяна. Жибе кинулся было къ пріятелю

своему квартальному, но и этотъ ничего не помогъ; отвѣтилъ только сердито: «да что вы болтаете, господинъ французъ! какой вамъ тутъ оброкъ, когда мы запытали его въ острогъ!— Понимаете-ли вы хоть *это* наконецъ?»—Оставалось, значить, упротить надзирателя сѣздить въ Демидовъ переулочекъ и настроить Птиже, чтобъ овъ барину не подавался. А самъ Жибе поскакалъ къ графу Гуманову отжаловаться на вторую адмиралтейскую часть.

На это графъ развелъ только руками и сказалъ: что, при всемъ уваженіи къ Жибе, онъ не можетъ тутъ сдѣлать рѣшительно ничего. Что это у насъ такъ ужъ и сдѣдуетъ быть по закону. Что онъ въ прошлый разъ еще толковалъ ему, французу: что за вещь такая «*наши* крѣпостной человѣкъ», и какъ баринъ, если захочетъ, можетъ согнуть его въ бараній рогъ.

Французъ, хотя вовсе не понималъ, какимъ образомъ гнуть у насъ въ бараній рогъ человѣка, однако видалъ на своемъ вѣку и барановъ, и рога, и какъ они круто согнуты, и заключилъ: что это вовсе не шуточная сила, которая завиваетъ волоскомъ такую крѣпкую кость.

Французъ съ отчаянія, тотчасъ ускакалъ домой — пить съ горя и тоски.

А бѣднаго Птиже погнали по пересылкѣ сквозь всѣ мытарства, остроги, земскіе суды, и наконецъ, какъ вещь потертую, помятую и поломанную, представили барину.

— Ты что это, скотина, не хочешь знать твоего господина? началъ Длинногубовъ, указывая на себя.

— «И это мой кровный братъ!» сверкнуло въ головѣ колодника Птиже. Кровь бросилась ему въ лицо, — онъ едва простоналъ:

— Я не скотина; я человѣкъ

— А-а-а!.. въ самомъ дѣлѣ?

— Да! отвѣтилъ онъ наконецъ смѣло, — по человѣчески.

— Что-жъ дальше?

— А дальше: я вамъ не хочу служить!

— А если я тебя заставлю? вскрикнулъ слегка баринъ.

— Я буду жаловаться! отвѣтилъ твердо Птиже.

— Каковъ, Емелька Пугачевъ! да ты много-таки тамъ узналъ. Стращать никакъ меня задумалъ?..

Баринъ позвонилъ. Колокольчикъ, имѣющій форму трехъ-фунтовой гири, издастъ тяжелый и тупой звукъ. Должно быть, все чуяло и знало этотъ тяжелый и тупой звукъ, потому что на зовъ его быстро прибѣжалъ испуганный камердинеръ.

— Конторщика!

— Голосъ барина звенѣлъ, какъ разбитые черепки. Не успѣлъ оторопѣвшій Птиже перевести духъ, какъ уже прибѣжалъ встрепанный конторщикъ.

— Сковать, обрить и сослать въ Замерзаевку, въ свинопасы!

— Я буду жаловаться губернатору, выговорилъ удушливо Птиже.

— Я твой губернаторъ! вскричалъ баринъ, обернувшись къ Птиже, и такъ всталъ передъ жалкимъ рабомъ, что тотъ зашатался. Конторщикъ вывелъ его изъ кабинета.

Черезъ три дня донесли, что Емелька закованный сосланъ, но что у него со страху совсѣмъ отнялся языкъ.

— Тѣмъ лучше, меньше будетъ врать,—заключилъ баринъ твердо.

Такъ прошло пять лѣтъ. Длинногубовъ, какъ говорятъ у насъ, оставилъ Емельку въ покоѣ. Повидимому, онъ вовсе забылъ о существованіи бѣднаго Птиже; а между тѣмъ, черезъ вѣрныхъ своихъ слугъ, музыкантовъ, (у которыхъ было тонкое и развитое ухо), онъ частенько таки узнавалъ: что съ Пугачемъ творится что-то недоброе и непонятное. Просто онъ какъ есть нѣмой; а посмотришь на него изъ-за кустика или въ щелочку, онъ про-себя говоритъ, какъ будто творить молитву или шепчется съ нечистымъ. Нѣкоторымъ слышалось, что онъ ругается во снѣ «злодѣемъ», «разбойникомъ», «губителемъ». А старухѣ Охинеихѣ (матери покойницы Людмилы) разъ даже почудилось: какъ онъ вскочилъ средь ночи, подъ заутреню, сжалъ кулаки и явственно «таково сердито» выговорилъ эти самыя слова, — такъ что ее, бѣдную старуху, Охинеиху, напужалъ до смерти». — Охинеихѣ, конечно, никто не вѣрилъ, потому что Охинеиха была, слышь, какая-то не русская, даже—не знай—крещеная-ли? часто говорила сама съ собою, или съ нечистымъ,—богъ ея вѣдаетъ,—и по всей деревнѣ слыла за вѣдму и колдунью. А въ щелочку на Емель-

ку смотрѣлъ такой мужикъ, который отродясь не говорилъ, пустаго; значитъ, сомнѣваться было нечего, что Емелька съ кѣмъ-то перешептывается.

А что-бы сказала объ этомъ добрая и прекрасная баронесса Какаду? Какъ деликатно—истинно по княжески, умѣла она привѣтить и приласкать своего милаго Птиже? Какъ глубоко благородная душа ея и чуткое сердце чувствовали, что такое рабъ человѣка?.. Не даромъ серьезный нѣмецъ, отецъ твой, прожилъ съ тобою лучшіе годы въ Швейцаріи, въ какомъ-нибудь гнѣздышкѣ ласточки, въ горахъ, и научилъ тебя, доброе дитя, любить ту дикую, грозную мать-природу, гдѣ я заоблачный сынъ-человѣкъ воленъ, какъ птичка небесная и гдѣ ему такъ весело живетъ и звонко поется. Не вынести и тебѣ оковъ твоего новаго княжества, дорогое дитя-алмазъ!.. зачухнешь и ты безразсвѣтно, роскошная княгиня Квашонкина! Ты родилась и взлелѣялась вовсе не для лошадиныхъ привычекъ твоего мужа. Погибнешь и ты, сіятельная звѣзда, имѣющая права и средства убѣжать отъ твоей барской скуки, хоть въ скучную Германію наконецъ! А что будетъ съ нимъ, съ твоимъ милымъ Птиже, который и этихъ правъ и средствъ не имѣетъ, который стоитъ несравненно ниже тебя на общественной лѣстницѣ, и котораго безумная судьба готовила быть свинопасомъ! Что будетъ съ нимъ?

Что сталося съ нимъ—договорить недолго: Птиже сошелъ съ ума.—И теперь еще въ Сибиріи онъ извѣстенъ подъ именемъ «Емлюшки-дурачка» и, можетъ быть, даже въ эту минуту, какъ 25 лѣтъ назадъ, плачетъ онъ надъ собаченками, проданными въ неволю, или дохочетъ надъ покойникомъ; крѣпостнымъ Павломъ!

Г. Щегантъ.

БОЛЕЗНИ ЧУВСТВУЮЩАГО ОРГАНИЗМА.

IX.

Существенное отличие меланхолии от других видов душевных болезней заключается в пассивности. Меланхоликъ вѣчно играетъ страдательную роль; его всегда кто нибудь мучить; то надвигаются надъ нимъ бѣсы и заставляютъ говорить разные вздоры и дѣлать глупости; то какіе нибудь внутренніе или вѣншіе голоса обижаютъ его всякими способами, или велѣтъ ему убивать, ломать, жечь; то подшучиваетъ надъ нимъ природа, превращая его въ масло, воскъ, мякнунъ; то кто нибудь поставитъ ему въ голову фортепіано и т. п. Однимъ словомъ, меланхоликъ командуетъ и располагаетъ по своему усмотрѣнію всегда кто нибудь; самъ же меланхоликъ только жалуется и плачется, бѣжитъ людей, бонится всего и всѣхъ и олицетворяетъ собой самое глубокое, полное несчастіе. Положеніе конечно печальное, и едва ли можно придумать что нибудь болѣе мучительное. Уже разувается, если-бы инвизиторы знали такой корешокъ, которымъ можно сдѣлать челоуѣка меланхоликкомъ, то они отпустили-бы въ отставку всѣхъ свѣтлыхъ палачей.

Слѣдующая за меланхоліей высшая степень безумія отаичается инымъ характеромъ. Пассивность кончается и ея мѣсто заступаетъ активность; но активность такого чудовищнаго характера, такая безпокойная и шумная, что этотъ новый видъ болѣзни совершенно правильно называютъ бѣшенствомъ.

Бѣшенство никогда не наступаетъ прямо; ему почти всегда предшествуетъ меланхолія, хотя на самое короткое время. Въ этихъ случаяхъ меланхолія бываетъ безпокойна болѣе обыкновеннаго. Большому

нигдѣ не нравятся; онъ бѣгаетъ по комнатамъ, бѣгаетъ къ своимъ друзьямъ и знакомымъ и проситъ ихъ помощи. Въ періодъ переходнаго состоянія къ бѣшенству меланхоликъ оживаетъ: онъ становится разговорчивъ, ѣсть много, даже съ жадностью, требуетъ вино, любитъ напиваться, и за тѣмъ начинаютъ являться въ немъ припадки бѣшенства. Всѣ непріятныя болѣзненные ощущенія исчезаютъ и больной начинаетъ увѣрять, что онъ совершенно здоровъ. Однако въ промежуткахъ, когда припадки бѣшенства ослабѣваютъ, проглядываетъ еще и меланхолія съ ея безоричинной болѣзью и сердечной тоской.

Въ исполнѣ разившемся бѣшенствѣ этого уже не бываетъ; всѣ печали и горести меланхоліи забыты; больной чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и обнаруживаетъ такую необычайную дѣятельность мыслей, чувства и поступковъ, что ни минуты ни днемъ, ни ночью не остается въ покоѣ: онъ шумитъ, кричитъ, стучитъ, ломаетъ, хохочетъ, прыгаетъ, танцуетъ—однимъ словомъ, бѣснуется. Это экзальтированное состояніе есть слѣдствіе того сильнаго возбужденія нервовъ и мозга, которое создаетъ и гонитъ мысли цѣлыми толпами, такъ что больному некогда се тановиться ни на одной изъ нихъ. При необычайной энергіи больнаго, каждая его мысль или ощущеніе выражаются у него немедленно въ внѣшнемъ дѣйствіи, а какъ мыслей и ощущеній у бѣшеннаго такъ много, что они гонятъ одни другія, путаются и мѣшались, то также порывистость, беспорядочность и смутанность обнаруживается и во всемъ поведеніи больнаго. Поэтому-то у бѣшеннаго и нѣтъ, повидному, никакой благоразумной цѣли, и онъ бѣснуется какъ будто-бы для того, чтобы только бѣсноваться. Одному больному докторъ замѣтилъ:—«зачѣмъ вы такъ страшно шумите?»—и тотъ отвѣтилъ ему съ улыбкой:—«зачѣмъ вы не знаете, что я помѣшанный, и долженъ бѣсноваться; а еще хотите быть докторомъ!»— Впрочемъ эта собственная цѣльна безумнаго не совсемъ вѣрна: онъ бѣснуется совсемъ не потому, чтобы въ бѣснованіи заключалась для него цѣль, а потому что слишкомъ активенъ и богатъ впечатлѣніями, и что всякое впечатлѣніе должно выразиться у него непременно въ внѣшнемъ дѣйствіи. Отъ этого больной переходитъ быстро отъ смѣха къ плачу и крику; то онъ поспѣваетъ въ всего себя какому нибудь мирному занятію, то примется себя ласкать, то уничтожить, и доходить до совершенно слѣпнаго ожесточенія, или вдругъ слѣдается кротокъ, ласковъ.

Нас троеніе духа бѣденныхъ бываетъ разное, то больной печаленъ, то раздраженъ, то раздразителенъ, дикъ и вообще расположенъ ко всему злому.

му, такъ что ему доставляетъ удовольствіе дѣлать вредъ и непріятности; то онъ веселъ, доволенъ и кротокъ, переполненъ чувствомъ счастья и свободы и любитъ людей. Переходы изъ одного душевнаго настроенія въ другое бывають иногда очень часты и быстры.

Особенно любопытную черту бѣшенства составляетъ музыкальный элементъ, выражающійся у больныхъ въ римоплетствѣ. Конечно, о поэтическихъ образахъ и смѣлѣ мысли тутъ не можетъ быть и рѣчи, да больной и не хлопочетъ о нихъ, потому что для него главное дѣло заключается въ созвучныхъ словахъ. Эта римоманія доходитъ у нѣкоторыхъ до поразительнаго развитія, и нерѣдко совершенно необразованные больные, которые въ здоровомъ умѣ не сумѣли-бы склеить порядочно двухъ словъ, въ сумасшествіи говорятъ не иначе, какъ стихами, и подбирають римы съ такой быстротой, безъ всякой остановки и затрудненія, что такую римованную прозу слѣдуетъ признать нормальной рѣчью больного.

Вотъ образчикъ стиховъ подобныхъ поэтовъ:

Ну пойдѣмъ же гулять,
 Не заставь меня ждать;
 Жаль, что горько вино,
 Да гроза ужъ давно.

Чѣмъ же дурны? Конечно, мысль не особенно глубока; но чѣмъ же она хуже тѣхъ лирическихъ галлюцинацій, которыми бредятъ наши поэты въ нормальномъ состояніи. Не мѣшало-бы какому нибудь любителю или трудолюбивому библіографу собрать всѣ стихи, сочиняемые въ сумасшедшихъ домахъ, и напечатать ихъ; можетъ быть, инымъ поэтамъ и стало-бы стыдно.

Вообще у многихъ больныхъ умственные способности и таланты достигаютъ такой высоты, на какой они никогда не были во время ихъ здоровья. Колькое остроуміе, необыкновенное краснорѣчіе, ловкія сравненія, смѣлыя сужденія пробуждаются внезапно въ такихъ головахъ, которыя до сумасшедшаго дома были далеко не остроумны и не находчивы. Нѣкоторыя сужденія больныхъ заключаютъ въ себѣ такую глубокую правду, что могли-бы привести большую пользу человечеству, если бы ихъ держались всѣ тѣ, кто считаетъ себя умнѣ населенія сумасшедшихъ домовъ. Іезуитъ Сгамбори, воображавшій себя кардиналомъ, далъ доктору, думавшему вылечить его отъ сумасшествія одними угвариваньями, такой отвѣтъ:—«Вы или считаете меня за дурака, или

нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ вы дѣлаете большую несправедливость, что говорите со мной въ такомъ тонѣ; въ первомъ же случаѣ, съ вашего позволенія, я считаю васъ большимъ дуракомъ, чѣмъ себя, потому что вы воображаете, будто-бы сумасшедшаго можно убѣдить въ его помѣшательствахъ одними увѣщаніями.»

Не смотря однако на рѣдкую силу мысли и остроту представлений, у больныхъ этого рода, влѣдствіе крайней быстроты процесса мышления, не достаетъ вообще въ идеяхъ внутренней связи и послѣдовательности. Большою частью, необычайно богатый матеріалъ изображеній, и мыслей выражается въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ словахъ, фразахъ, числахъ.

Въ этомъ-же сознаніи своего внутренняго богатства и силы сумасшедшій не удовлетворяется мелочью; все, что онъ думаетъ и воображаетъ, отличается громадностью, величественностью и самыми крайними размѣрами. Онъ увѣряетъ, что знаетъ всѣ науки, или владѣетъ всѣми искусствами, или сокровищами міра; онъ вышцаетъ въ себѣ все

и вся

Чтобы сдѣлать описаніе нагляднѣе, приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ этого рода безумія.

Вотъ бѣшенный запертый въ своей кельи. Стѣны ея обложены деревомъ или обиты войлокомъ. Единственное окно расположено такъ высоко, чтобы больной не могъ достать до него руками. Вся мебель состоитъ изъ стола, кровати и стула, прикрѣпленныхъ къ полу. Если комната нагрѣвается не душниками, а печкой, то ее окружаютъ толстой деревянной рѣшеткой. Изъ комнаты раздается страшный шумъ; больной свиститъ, кричитъ, плачетъ, смѣется, ругается, и все это быстро смѣняется у него одно другимъ. Но вотъ входятъ къ нему посетители. Занятый усердно своимъ дѣломъ, онъ не слышалъ ни какъ отворяли его комнату, ни какъ вошли. Совершенно голый стоитъ больной на своей кровати, обратившись къ окну, декламируетъ и кричитъ страшнымъ образомъ, размахивая руками. — Платье свое онъ разорвалъ и закинулъ подъ кровать. Въ постоянномъ безпокойствѣ онъ чешетъ и скребетъ свое тѣло, такъ что ему не остается ни одной свободной секунды. Наконецъ онъ замѣтилъ своихъ гостей, — протягиваетъ имъ обе руки; но тотчасъ-же отдергиваетъ ихъ и опять принимается за часанье. Въ то же время языкъ его не останавливается ни на минуту; онъ называетъ своихъ гостей друзьями, братьями, князьями, полковниками, купцами, канальями, извергами и т. д. Назвавъ одного импе-

раторомъ, другаго 'наслѣдникомъ,' третьяго королемъ, онъ, вслѣдъ за тѣмъ, зоветъ перваго генераломъ, втораго кардиналомъ, третьяго купцемъ; онъ указываетъ имъ на окно и описываетъ соборъ Петра и Павла въ Римѣ, церковь св. Стефана въ Вѣнѣ, Исаніевскій соборъ въ Петербургѣ, египетскія пирамиды, и всю эту панораму онъ видитъ действительно, какъ въ волшебномъ фонарѣ; онъ слышитъ колокольный звонъ; видитъ людей въ своемъ магическомъ городѣ и т. д. Не переставая говорить, онъ снова протягиваетъ свои объятія; жметъ гостямъ руки; спрашиваетъ ихъ, любятъ-ли они его и, не дожидаясь отвѣта, рассказываетъ уже имъ о милліонахъ, о фальшивой монетѣ; о свѣжѣхъ богатствахъ и вслѣдъ за тѣмъ о воровствѣ, арестѣ за долги:

Вотъ еще субъектъ: женщина, мать многихъ дѣтей, честно и трудолюбиво проводившая свою жизнь. Дѣлается съ нею меланхолія; прежде веселая и добродушная, она становится мрачной, молчаливой, бросаетъ домъ надолго и скитается вдали отъ жилья, гдѣ нибудь въ лѣсу. Возвращаясь домой, она стонетъ, вздыхаетъ, говоритъ, что ее мучитъ нечистая сила; что за нею пришли, чтобы тащить ее въ адъ. Домашніе убѣдили ее отправиться къ священнику; но какъ больныхъ нельзя лечить одними увѣщаніями, то она воротилась въ худшемъ положеніи и въ ней стали обнаруживаться уже признаки бѣшенства. Она разбила свою прялку, всю домашнюю посуду, зеркала, выбросила все, что можно, за окно, разорвала платья, распоролла перины и перья выпустила на воздухъ, перепортила и переломала все въ саду и даже разобрала черепицу на крышѣ. Но этимъ не ограничились чудодѣйства больной. Она шумѣла, кричала, прыгала, грозилла зажечь домъ, утопиться, повѣситься. Если въ такомъ безумномъ состояніи она выходила на улицу и встрѣчала кого нибудь, то бѣжала опрометью, напрямкомъ черезъ поля, ручьи, болота и запрятывалась въ лѣсъ. Въ такомъ положеніи прожила она дома полтора года, пока мѣстная власть не догадалась помѣстить ее въ сумасшедшій домъ. Здѣсь она день и ночь прыгаетъ и стонетъ въ своей кельѣ, и кричитъ со слезами: — «только не убивайте, только не убивайте!» — Ее мучатъ страшныя видѣнія; дрожь всѣмъ тѣломъ, она проситъ о прощеніи или рветъ свое платье; мечется навъ угла въ уголь, карабкается на окно, ругается. Заслыша приближеніе доктора или сторожа, она въ страшномъ испугѣ кричитъ: — «только не закалывайте, не отрубайте головы!» — и эти пароксизмы бѣшенства продолжаются иногда сряду нѣсколько часовъ. Иногда ее мучатъ галлюцинаціи другаго рода: ей мерещатся мертвецы,

могилы, черты, человѣческіе голоса представляются ей бранью и ругательствами; она видитъ тюремную стражу, палачей и старается скрыться отъ нихъ. Кушанья пахнуть для нея сѣрой и смолой, и она временами отказывается совсѣмъ отъ ѣды, или же припадетъ ей звѣрскій аппетитъ, такъ что она, въ минуты сильнѣйшаго страха и потрясающихъ стenanій, вдругъ закричитъ:—«что дадутъ мнѣ съѣсть?»—или проситъ понюхать табуку, что доставляетъ ей величайшее наслажденіе. Ни днемъ, ни ночью не знаетъ она покоя. Лекарства не принимаетъ, боясь отравы. Такого рода бѣшенные, у которыхъ все перекуталось въ головѣ, которымъ рисуются мрачныя картины, у которыхъ злость забираетъ сердце, бываютъ очень опасны: они идутъ легко на убійство и на поджогъ.

На одного молодого технолога во время лекціи находить внезапно припадокъ бѣшенства. Онъ бѣжитъ къ каедрѣ, стаскиваетъ профессора, занимаетъ его мѣсто, снимаетъ сюртукъ, засучиваетъ рукава рубашки и обращается къ изумленнымъ слушателямъ съ самой торжественной рѣчью. Въ видѣ вступленія онъ говоритъ, что всѣ свои теологическія книги онъ сжегъ сегодня утромъ, потому что въ нихъ заключается еретическое ученіе; что всѣ свои учебныя записки и рукописи онъ предалъ всесожженію на кухонномъ очагѣ, во славу божію, и ради обращенія невѣрныхъ. Потомъ онъ обоими кулаками сталъ стучать во всю силу по каедрѣ, схватилъ стулъ и началъ вертѣть его вокругъ головы,—потомъ принялся кричать такимъ страшнымъ голосомъ, какъ будто онъ хотѣлъ, чтобы его услышали въ Америкѣ:—«я одинъ могу ѣсть мясо въ великую пятницу, я кармелитъ, — я начальникъ монастыря». Затѣмъ онъ бѣжитъ въ садъ и начинаетъ копать лопатой яму, чтобы вырыть своихъ родителей, которые между тѣмъ преблагополучно живутъ неподалеку отъ города. Бросивъ яму, тотчасъ бѣжитъ снова въ комнату и разбиваетъ печку, потому что въ ней сидитъ чертъ; наконецъ хочетъ взобраться на колокольню, чтобы доказать оттуда, что онъ можетъ летать.

Подобное же внезапное бѣшенство случилось и съ извѣстнымъ врачомъ Фатергилемъ, по имени котораго *Tic doulougeux* называется фатергилевой личной болѣзнью. Фатергиль былъ квакеръ, онъ не имѣлъ никогда женщины, отличался чрезвычайно скромной, умѣренной, честной жизнью и вдругъ, неизвѣстно почему, на него нападаетъ внезапное безуміе и ему приходитъ мысль пройти по улицамъ Единбурга голымъ, что онъ и сдѣлалъ. Въ этомъ натуральномъ костюмѣ, размахивая ру-

ками и ногами, онъ возвѣщалъ грѣшнымъ жителямъ города, что ихъ ожидаетъ мѣсть божья.

Въ бѣшенныхъ замѣчается необычайная сила, или, лучше сказать, выносливость, вовсе не встрѣчаемая въ здоровыхъ. Хорошій боецъ, повидному, совсѣмъ не знаетъ усталости: онъ шумитъ и кричитъ день и ночь, иногда нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и спитъ вообще короткое время. Даже при лазаретной порціи и исхудалости больной выказываетъ сравнительно громадную силу.

Рядомъ съ отсутствіемъ сна, т. е. съ совершенной бессонницей, иногда въ теченіе довольно долгаго времени, больные бываютъ нѣрѣдко весьма нечувствительны къ жару, холоду и боли. Замѣчательно во многихъ случаяхъ увеличеніе аппетита, доходящее иногда до обжорства и до страсти пожирать все, чего даже нельзя ѣсть, и чего не перевариваетъ желудокъ. Иногда же больной совершенно забываетъ объ ѣдѣ, такъ что въ немъ совсѣмъ незамѣтно чувство голода. Не смотря на большой аппетитъ больные бываютъ всегда исхудалы и отъ этого мускулы лица напрягаются и они кажутся старше.

Ни одна изъ душевныхъ болѣзней не обезображиваетъ такъ лица, какъ бѣшенство. Физиономія больного совершенно измѣняется. Голова большею частью бываетъ приподнята, волосы стоятъ дыбомъ, лице или бѣлки сильно налиты кровью, зрачекъ расширенъ, глаза блестятъ, выдаются впередъ и вращаются дико, судорожно или обращаются къ небу и выдерживаютъ безъ боли сильнѣйшій солнечный свѣтъ. Но иногда лице бѣшеннаго блѣдно, морщинисто, взглядъ неопредѣленный, больной постоянно озирается и пытливо всматривается во все. Въ припадкѣ черты оживляются снова, лице наливается кровью, всѣ движенія быстры и энергичны. Наконецъ, послѣ долгихъ страданій, лице желтѣетъ или темнѣетъ, и получаетъ конвульсивное выраженіе.

Бѣшенство очень часто смѣняется меланхоліей; но есть и такіе больные, у которыхъ въ промежуткѣ припадковъ является, повидному, совершенное душевное здоровіе.

Припадки безумія продолжаютъ иногда только нѣсколько часовъ, а иногда тянутся цѣлые мѣсяцы. Бѣшенство проходитъ или внезапно, или постепенно; въ послѣднемъ случаѣ начинаютъ являться промежутки полного спокойствія, увеличивающіеся все болѣе и болѣе; больной находитъ уже интересъ въ окружающемъ, поведеніе его дѣлается правильнѣе и онъ скучаетъ, чего не бываетъ никогда съ безумными, у

которыхъ всегда такъ много дѣла, что они никакъ не могутъ съ ними справиться.

Если-же больной не выздоравливаетъ, то бѣшенство переходитъ или въ сѣумасшествіе, или наступаетъ неизлѣчимая психическая слабость — одинъ изъ видовъ безумія.

Х.

Сѣумасшествіе есть болѣзнь параллельная съ бѣшенствомъ, — его видоизмѣненіе. Въ то время, какъ бѣшенный живетъ бурной внѣшней жизнью, сѣумасшедшій болѣе сосредоточенъ; его мысли и представленія спокойнѣе и правильнѣе; у него есть постоянные планы, на которыхъ сосредоточивается вся его дѣятельность.

Въ состояніи сѣумасшествія больной чувствуетъ полное физическое и душевное здоровье: ему пріятно и легко; избытокъ пріятнаго ощущенія даетъ больному огромную самоувѣренность. Чувствуя себя необычайно сильнымъ, онъ считаетъ все для себя возможнымъ, и эта-то возможность составляетъ обыкновенно тотъ центръ, изъ котораго развивается все мировоззрѣніе сѣумасшедшаго.

Сѣумасшествіе развивается также какъ и бѣшенство, — преимущественно изъ меланхолія. Въ началѣ экзальтація имѣетъ неопредѣленный характеръ и колеблется между бѣшенствомъ и сѣумасшествіемъ. Больной шумитъ, какъ безумецъ, то опять спокоенъ; онъ то рассуждаетъ благоразумно и дѣйствуетъ, какъ будто-бы по обдуманному плану, то дурачится, какъ бѣшенный. Но вотъ болѣзнь принимаетъ болѣе опредѣленный строй; ошибочная идея сформировалась и больной вступилъ въ то состояніе, которое хотя и спокойнѣе бѣшенства, но именно по этому-то и доказываетъ сильнѣйшее душевное разстройство. Чѣмъ спокойнѣе сталъ больной послѣ неистовствъ бѣшенства, чѣмъ интенсивнѣе его ошибочныя идеи и чѣмъ онъ постояннѣе въ нихъ, тѣмъ менѣе надежды на возвратъ къ душевному здоровью.

Потому что сѣумасшедшій сознаетъ въ себѣ такую нечеловѣческую силу, при которой ему кажется все возможнымъ, онъ составляетъ ложное, самоувѣренное убѣжденіе о самомъ себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ остальному міру. Все свое довольство и счастье сѣумасшедшій объясняетъ себѣ тѣмъ, что онъ нечто другое, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности; ему кажется, что быть довольнымъ, какъ онъ, обычно

венный человекъ не можетъ; для этого нужно быть или королемъ, или императоромъ. Поэтому-то въ сумасшедшихъ домахъ и бываетъ всегда такое множество императоровъ, князей, папъ, миллионеровъ, и т. д.

Сумасшедшій поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно логически; вся его ошибка только въ томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ силы больше, чѣмъ у него дѣйствительно. Это-то ощущение избытка силы не позволяетъ ему останавливаться на какихъ нибудь мелочахъ; планы его всегда грандіозны: если онъ военный, то составляетъ проекты громадныхъ битвъ, гдѣ сражаются десятки миллионновъ людей, или мечтаетъ о завоеваніи всего свѣта; инженеръ или механикъ придумываетъ *regretium mobile*, или какую нибудь удивительную, разумѣется невозможную, машину, напр. чтобы войска могли летать по воздуху, чтобы строить громадные дома въ одинъ день; ученый устраиваетъ академіи, или просвѣщаетъ человечество и извлекаетъ міръ изъ тяготящаго надъ нимъ невѣжества; человекъ добродѣтельный и религіозный воображаетъ себя апостоломъ, пророкомъ и дѣлаетъ всѣхъ людей счастливыми и довольными.

Но въ своихъ исполнскихъ проектахъ, также какъ и въ своемъ превращеніи изъ обыкновеннаго смертнаго во что-нибудь чрезвычайное, сумасшедшій соблюдаетъ постепенные переходы. Онъ не производитъ себя напр. въ императоры сразу, а служить сначала въ чинахъ меньшихъ. Такъ, солдатъ вообразить сначала, что онъ офицеръ; побывъ въ этомъ званіи нѣсколько дней, освоившись съ нимъ, и чувствуя въ себѣ силы больше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго офицера, сумасшедшій производитъ себя сразу въ генералы; но и съ этимъ званіемъ свыкается онъ точно также скоро, и быстро переходитъ въ фельдмаршалы, генералъ-фельдмаршалы, въ императоры, завоеватели всего земнаго шара.

Въ 1848 году, когда типографіи печатали почти исключительно брошюры, летучіе листки и, вообще, изданія по преимуществу политическаго характера, одинъ наборщикъ, оставшійся безъ дѣла и хлѣба, сошелъ съ ума. Онъ вообразилъ себя республиканскимъ императоромъ. Никто не могъ убѣдить его, что это безсмыслица, и что императоръ и республика—два понятія совершенно противоположныя и несовмѣстимыя. Но это его нисколько не смущало; онъ настаивалъ на своемъ республиканскомъ императорствѣ и доказывалъ, что его преслѣдуютъ и держатъ въ сумасшедшемъ домѣ именно потому, что такой случай встрѣчается въ первый разъ, и что необразованный, невѣжественный свѣтъ не въ состояніи понять этой новой политической идеи. «Изобрѣтателя локомотива, сто лѣтъ тому назадъ, считали дуракомъ, потому что свѣтъ тогда былъ глупъ,

какъ онъ глупъ и нынче въ отношеніи новой мысли о значеніи республиканскаго императора, говоритъ съумасшедшій. Я знаю зачѣмъ я здѣсь, въ съумасшедшемъ домѣ; я уже слышалъ много (галлюцинаціи); я здѣсь за свое счастье. Цѣль моего пребыванія здѣсь—испытаніе моихъ способностей быть тѣмъ, чѣмъ я быть долженъ. Я думаю, что я достоинъ стоять на избирательномъ листѣ, въ которомъ я помѣщенъ. Я назначенъ и избранъ въ республиканскіе императоры. Я это слышалъ, я знаю это отъ людей нѣсколько повыше тѣхъ, которые здѣсь» и т. д.

Галлюцинаціи и иллюзіи у съумасшедшихъ довольно часты, и соотвѣтствуютъ всегда настроенію больнаго. Но вліяніе ихъ сильнѣе и вреднѣе, чѣмъ у бѣшенныхъ, потому что они производятъ на больнаго болѣе глубокое впечатлѣніе и еще крѣпче утверждаютъ его въ его ошибочныхъ представленіяхъ.

Возбужденіе нервовъ и мозга создаетъ въ съумасшедшихъ такую силу и оригинальность умственной производительности, какой конечно нѣтъ у здоровыхъ. По оригинальности своихъ фантазій и по восторженности съумасшедшій похожъ на вдохновеннаго поэта; поэтому въ съумасшедшихъ домахъ такъ и многочисленны поэтическія произведенія, въ которыхъ, какъ замѣчаетъ Шиллингъ въ своихъ психіатрическихъ письмахъ, не достаетъ только здоровой мысли, а ужъ конечно не вдохновенія, чтобы стоять рядомъ съ Гете и Шекспиромъ. Писать и декламировать такимъ образомъ, какъ это дѣлается ежедневно въ съумасшедшихъ домахъ, и быть психически разстроеннымъ человѣкомъ, конечно, должно казаться весьма непонятнымъ для тѣхъ, кто считаетъ съумасшедшихъ за такихъ людей, у которыхъ мозги пережѣтаны въ кашу и неспособны произвести ничего похожаго на человѣческую мысль. Это однако не такъ. Не говоря уже о томъ, что съумасшедшіе сильнѣе въ своей логикѣ, гораздо находчивѣе и остроумнѣе въ диспутахъ по предмету своего помѣщательства, чѣмъ многіе здоровые; такъ что люди въ здоровомъ умѣ должны класть свое оружіе и признавать себя побѣжденными; но кромѣ того, съумасшедшіе бывають нерѣдко вполне общежительные, любезные люди, съ которыми можно проводить время пріятнѣе, чѣмъ съ другими не съумасшедшими, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока больной не задѣтъ за чувствительное мѣсто. Очень часто съумасшедшіе судятъ правильно обо всемъ, что лежитъ внѣ круга ихъ помѣщательства; но какъ только что-нибудь толкнетъ его въ этотъ кругъ, онъ садится на своего конька и тогда нѣтъ ему удержу—все должно склониться предъ нимъ и подчиниться его мысли и волѣ. — Ничто подобное встрѣчается и въ жизни здоровыхъ людей.

При богатствѣ своей фантазіи съумасшедшій бываетъ постоянно за-нять головной работой; у него всегда такъ много дѣла, онъ думаетъ столько, что можетъ проводить весь свой вѣкъ, сложа руки и не скучая. Запертый иногда на цѣлые мѣсяцы въ свою келью, безъ всякихъ за-нятий, сообщества съ кѣмъ нибудь, съумасшедшій не только не находитъ ничего неприятнаго въ этомъ положеніи и не жалуется, но напротивъ, совершенно доволенъ. Причина въ томъ, что онъ слишкомъ занятъ сво-ей внутренней работой, чтобы ему оставалось время для скуки. По-этому въ съумасшедшихъ домахъ весьма обыкновенны такіе случаи, ког-да, напримѣръ, больной живописецъ проситъ бумагу и карандашъ. Ему даютъ. На завтра приходятъ къ нему въ комнату и находятъ, что бу-мага также чиста, какъ наканунѣ. — «Отчего же вы не рисовали?» — спра-шиваютъ его. — «Мнѣ очень жаль, отвѣчаетъ больной, но у меня не было ни секунды времени. — А между тѣмъ у него въ комнатѣ нѣтъ ровно ничего, чѣмъ-бы онъ могъ развлечься; что же онъ дѣлалъ? Онъ все размышлялъ о разныхъ предметахъ, которые ему необходимо было обсудить; онъ составлялъ планы, а ихъ у него такое множество, что своей его жизни не достанетъ, чтобы съ ними поковчаться. Ну когда же тутъ рисовать? Къ этому нужно прибавить, что съумасшедшаго посѣща-ютъ разные, никѣмъ невидимые, гости. То предстанетъ предъ нимъ лучезарный юнопа, съ какимъ нибудь особеннымъ, специально ему на-значеннымъ, повелѣніемъ, или извѣщеніемъ; то говорятъ съ нимъ голоса, или играетъ для него музыка, или нѣкто открываетъ ему тайны природы, или вся бѣдная обстановка его комнаты превращается для него въ неис-черпаемую сокровища и ему нужно привести свой дворецъ въ порядокъ.

Эти галлюцинаціи соответствуютъ всегда настроенію больного, и цвѣтъ и характеръ ихъ зависятъ отъ духа времени, особенностей историче-ской эпохи, образованія, стремленій, наклонностей, воспитанія больного. Поэтому-то во времена религиозныхъ движеній являются безумные съ религиозными представленіями, а во время политическихъ волненій — съ политическими. Но не слѣдуетъ думать, чтобы религія или политика были собственно причинами помѣшательства. Нервы и головной мозгъ были уже разстроены ранѣе, и въ ихъ-то болѣзненномъ состояніи и заключаются собственно причина помѣшательства; что же касается до политическаго или религіознаго направленія мыслей безумныхъ, то это больше ничего, какъ случайность, давшая лишь цвѣтъ съумасшествію. Такъ, наборщикъ, о которомъ говорилось выше, помѣшался отъ солнеч-

наго удара въ голову, а вовсе не отъ политики, и его республиканское императорство не было существенно необходимо ему, а попало совершенно случайно; явись помѣшательство въ 47 или въ 50 году, онъ, можетъ быть, вообразилъ бы себя папой или миллионеромъ-типографщикомъ. Ему нужно было только одно—быть не тѣмъ, что онъ есть, а чѣмъ нибудь исключительнымъ, и онъ, съ такимъ же удобствомъ превратилъ-бы себя въ фельдмаршала, въ принца, съ какииъ надѣлъ на себя мантию республиканскаго императора.

Кромѣ той роли, какую играютъ галлюцинаціи во время самаго помѣшательства, онѣ важны еще и по вліанію на происхожденіе божественна. Одинъ пожилой человекъ, постоянно, въ теченіе 30 лѣтъ, проводившій вечера въ трактирѣ и возвращавшійся каждый день домой не рѣже полуночи, при одномъ такомъ путешествіи замѣтилъ въ полѣ, подлѣ дороги, какую-то исполинскую тѣнь, подвигавшуюся съ нимъ параллельно. Дѣло происходило въ ясную, лунную ночь и человекъ пьянъ не былъ. Въ слѣдующую ночь, на томъ же самомъ мѣстѣ, поднялась также самая тѣнь и повторилась также исторія, какъ и наканунѣ. Но и на этотъ разъ человекъ не придавалъ дѣлу большой важности; однако на завтра онъ взялъ съ собой сына. Когда они подошли къ известному мѣсту, отецъ увидѣлъ тѣнь въ третій разъ, но сынъ не видѣлъ ничего. Это такъ поразило старика, что онъ впалъ сначала въ меланхолію, а потомъ и въ помѣшательство. Одинъ 25-лѣтній богатый мельникъ, особенно одаренный умственными способностями, но счастливый въ коммерческихъ дѣлахъ, составилъ себѣ спекуляціями довольно значительное состояніе. Скупъ онъ никогда не былъ. Разъ, разсматривая старыи мельничный жерновъ, онъ слышитъ голосъ:—«это золото, чистое золото.» (жерновъ былъ гранитный и на немъ блестѣла слюда).—Сначала мельникъ думалъ, что надъ нимъ шутитъ кто нибудь, но оглядѣвшись, и не видя никого, онъ отошелъ, смѣясь, отъ камня. Но ужъ слово заѣло въ немъ. Когда, спустя нѣсколько дней, мельникъ снова стоялъ подлѣ того-же камня и припомнилъ, что съ нимъ происходило, то услышалъ опять слова:—«это золото, чистое золото».—Порядочно суевѣрный мельникъ вообразилъ, что слова эти шла свыше и началъ съ тѣхъ поръ собирать кусочки слюды, раздумывая постоянно о томъ, какъ онъ будетъ превращать ихъ въ золото. Опыты съ промывкой, прокачиваніемъ не удались и мельникъ, не говоря никому о своемъ намереніи, задумалъ предпринять путешествіе, чтобы гдѣ-нибудь на сторонѣ изучать искусство добыванія золота, о которомъ онъ читалъ въ

сказкаъ. Вездѣ, куда онъ не прѣзжалъ, онъ спрашивалъ алхимическія сочиненія, и на одной ярмаркѣ ему посчастливилось найти подобную книгу. Заплативъ за нее щедро, онъ воротился веселый домой. Нѣсколько лѣтъ сряду занимался новый алхимикъ превращеніемъ слюды въ золото; жена и домашніе не мѣшали ему, глядя на него, какъ на дурачка. Опыты эти кончались пожаромъ конюшни, и алхимикъ объяснялъ, что, испробовавъ всевозможные способы сдѣлать слюду золотомъ, онъ пришелъ наконецъ къ мысли, накалывать ее въ смѣси съ свѣжимъ навозомъ. Опытъ не удался, какъ и прежніе, и мельникъ съ досады бросилъ каленую сповороду въ солому и самъ ушелъ.

До сихъ поръ мельникъ былъ больше ничего какъ мономанъ т. е. человекъ, у котораго была только одна фальшивая, съумасшедшая мысль дѣланія золота. Во всемъ, что не касалось этого дѣла, мельникъ сохранялъ вполне свой здравый смыслъ. Но эта любимая идея все больше и больше проникала все существо мельника; такъ что приготовленіе золота сдѣлалось наконецъ единственной мыслью, занявшей всю его мыслительную область, и мельникъ помѣшался.

Что съумасшедшій слишкомъ высоко цѣнить самого себя, это отражается и въ его языкѣ, и во всемъ его поведеніи.

Съумасшедшіе любятъ облекать свои мысли въ смѣлыя, красивыя формы, или охотно выражаются пословицами, поговорками, афоризмами, они любятъ блестящій, образный слогъ, прибѣгаютъ нерѣдко къ иносказаніямъ, или же кидаютъ короткія, повелительныя фразы, недопускающія противорѣчій. Случается нерѣдко, что обыкновенные слова не удовлетворяютъ съумасшедшихъ; имъ кажется, что ихъ мысли не могутъ быть выражены вполне ясно существующими словами, тогда они сочиняютъ свои слова и даже письменные знаки, или какія-нибудь таинственныя фигуры, скрывающія таинственный смыслъ.

Поведеніе больного, или отношеніе его къ другимъ, зависитъ отъ того, увѣренъ-ли съумасшедшій, что его высокое значеніе установилось въ общественномъ мнѣніи и признано всѣми, или ему еще нужно создать себѣ положение и заставить себя уважать. Въ первомъ случаѣ, съумасшедшій кротокъ, ласковъ, дружелюбенъ и выказываетъ, вообще, большое расположеніе къ тѣмъ, кто, какъ онъ увѣренъ, ищетъ къ нему почтенія. Во второмъ, напротивъ, онъ импонируетъ, чтобы заставить признать свое достоинство; онъ гордъ, надмененъ, шутавъ, любитъ спорить, не отказываетъ

ся даже отъ насилія. Одинъ помѣшавшійся математикъ, воображившій, что онъ *Rector magnificus*, докторъ и профессоръ всѣхъ докторовъ и профессоровъ, когда врачъ обращался къ нему, называя его по фамилиі, отвѣчалъ съ высокоуміемъ: «вы жалкій докторъ,—я докторъ всѣхъ докторовъ; вы грубіанъ, болванъ; развѣ вы не знаете съ кѣмъ вы говорите, вы должны снять шляпу».—Но когда ему говорили господинъ профессоръ, то онъ былъ самый кроткій, любезный и обходительнѣйшій человекъ въ мірѣ; онъ рассказывалъ о себѣ, о своихъ познаніяхъ и заслугахъ, и какъ онъ ждетъ каждый день, что его достоинства будутъ признаны и онъ получитъ высокое назначеніе. Подобно этому профессору дѣйствуютъ и остальные сьумасшедшіе, и конечно, поступать иначе имъ нельзя, потому что было-бы противно общественной логикѣ, если-бы кардиналъ, фельдмаршалъ, герцогъ или всемірный завоеватель держалъ-бы себя просто. Будь каждый изъ нихъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ себя воображаетъ, сьумасшедшій даже пересталъ бы быть такимъ; не логикой мыслей и поступковъ отличаются безумные отъ небезумныхъ, а тѣмъ, что берутъ на себя не принадлежащія имъ роли. Въ этомъ и вся сущность сьумасшествія. Но лишь только помѣшанный измѣнитъ значеніе своего я, онъ начинаетъ и дѣйствовать, какъ велитъ ему его новое положеніе, и въ этомъ-то видна вся сила послѣдовательности безумнаго, и его логика, не отличающаяся ничѣмъ отъ логики людей здоровыхъ. Поэтому-то сьумасшедшіе такъ охотно принимаютъ повелительный тонъ; они любятъ, чтобы имъ повиновались, не терпятъ возраженій, требуютъ быстрого исполненія своихъ приказаній; въ тоже время, они щедры и расточительны, они награждаютъ полною рукой орденами и титулами, если воображаютъ себя королями или герцогами; они сочиняютъ стихи, дѣлаютъ открытія, если считаютъ себя поэтами и учеными; они составляютъ проекты громаднѣхъ, величественнѣхъ зданій, или обширныхъ торговыхъ предпріятій, или завоеваній, если считаютъ себя Ротшильдами, инженерами, фельдмаршалами. Все это, само по себѣ, нисколько безумно и не противорѣчитъ дѣйствительности; безуміе только въ томъ, что солдатъ вообразить себя фельдцейхмейстеромъ, а бѣднякъ Ротшильдомъ; но за тѣмъ они держатъ себя вполне логически и сообразно своему новому положенію. Если все это выходитъ иногда очень смѣшно, то вѣдь только потому, что сьумасшедшій думъ есть сатира, и иногда очень злая на дѣйствительность. Здѣсь виднѣе всего человѣческія слабости и нецѣлостности заблужденій, которы-

ми такъ богата повседневная жизнь, полная тщеславія, суетности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и страданій всякаго рода.

Какъ иногда бываетъ зла сатира, олицетворяемая сумасшедшимъ, показываетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый Шлейденомъ. Одинъ сумасшедшій, сядя на карточкахъ передъ печкой, наблюдалъ съ напряженнымъ вниманіемъ за тиглемъ и осторожно помѣшивалъ его палкой. При шумѣ, который слѣлалъ Шлейденъ, входя въ комнату, безумный обернулся и съ важной миной прошепталъ: «тсс—тсс! не помѣшайте моимъ поросатамъ, они сейчасъ готовы». Шлейденъ съ любопытствомъ приблизился къ сумасшедшему и тотъ съ таинственнымъ видомъ сказалъ ему: «видите-ли, тутъ у меня въ тиглѣ кровяная колбаса, свиные кости и щетина—все что нужно,—не достаетъ только жизненной теплоты,—теперь поросята будутъ готовы».

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ, особенно мельника-алхимика, видно ясно, что сумасшествіе не есть внезапная болѣзнь, поражающая человѣка, какъ простуда, лихорадка и т. п. Напротивъ того, оно есть медленный болѣзненный процессъ, въ которомъ человѣкъ постепенно переходитъ изъ своего я въ другое, воображаемое существо. Во всемъ этомъ есть послѣдовательность, логика, система, такъ что сумасшедшій очень хорошо понимаетъ свое положеніе; онъ знаетъ кто онъ, чего ему нужно, и къ чему онъ долженъ стремиться. Поэтому между сумасшедшими является солидарность, образуется общественная связь и они иногда составляютъ планы, которые исполняютъ сообща. Такъ напримѣръ, если нѣсколько сумасшедшихъ замышляютъ о томъ, чтобы убѣжать, то они устраниваютъ заговоръ, и весьма хитро и ловко умѣютъ привести его въ исполненіе.

Какъ примѣръ сильной логики сумасшедшихъ, я приведу еще одинъ фактъ, важный, между прочимъ, тѣмъ, что показываетъ, какъ безуміе отъ любви получаетъ всегда религіозный оттѣнокъ. Объясненіе этого обстоятельства не представитъ читателю никакихъ затрудненій, если онъ обратитъ вниманіе на то, что сердце, задѣтое въ лучшемъ своемъ чувствѣ, легко обращается къ тому нравственному ученію, которое говоритъ:—«дѣти, братья, любите, другъ друга».—Отсюда сумасшедшая,—ибо такіа превращенія бывають почти исключительно съ женщинами,—доходитъ своей необузданной логикой уже до всѣхъ крайнихъ представленій.

У женщинъ, помѣшавшихся отъ любви, половое раздраженіе составляетъ исходную точку всѣхъ ихъ стремленій, и въ немъ-то нужно

искать объясненія тѣхъ странныхъ представленій, которыми отличаются безумныя этого рода. Вотъ дѣвушка, обманутая своимъ женихомъ, какимъ-то проѣзжимъ купцемъ. Она постоянно въ веселомъ, любезномъ расположеніи духа, потому что воображаетъ себя обрученной съ баварскимъ королемъ. Почему-же она думаетъ о коронѣ, а не о купцѣ, своемъ дѣйствительномъ женихѣ? Только потому, что сущность представленій сьумасшедшихъ заключается въ преувеличенномъ личномъ значеніи; какъ только безумная вообразила себя чѣмъ-то высшимъ, конечно, логика требовала, чтобы и всѣ ея житейскія отношенія поднялись въ соответственномъ размѣрѣ. Сьумасшедшая постоянно довольна собой и начинаетъ сердиться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не хотятъ признать ея значенія. Съ сильной логикой и весьма лозко она согласуетъ вещи, повидимому, неимѣющія никакой связи. Она, напримѣръ, увѣряетъ, что она дочь божья, и, въ тоже время, что она дочь короля, «я дочь итальянскаго короля, мое имя Теодолinda, я умерла и должна была снова вступить въ міръ человѣкомъ. Я происхожу изъ австрійскаго княжескаго дома Марзалетти, которымъ мнѣ оставлено 200,000 флоринновъ. Деньги короля Теодора тоже мои.—Вы уволены, обращается она вдругъ къ доктору, который ей противорѣчитъ,—мы ведемъ религіозную войну, и, если отецъ васъ помилуетъ, вы можете остаться.—Я законная жена короля. Это ясно, какъ солнце, и если я не признана—въ этомъ именно заключается мое несчастіе, обманъ, чтобы удержать мои 200,000 флоринновъ». Все это хотя и безумно, но весьма послѣдовательно. Безумны же, всѣ эти рѣчи не сами по себѣ, а безумны онѣ только по отношенію къ тому лицу, которое ихъ говоритъ; поэтому никакой логикой и, діалектикой нельзя подкопаться подъ нихъ, и ничѣмъ нельзя убѣдить дѣвushку, что она говоритъ не дѣло. Чтобы побѣдить ее, ей нужно доказать, что она не то, чѣмъ себя воображаетъ; но какъ же доказать ей это? Изъ этого читатель увидитъ еще разъ, какъ ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто сьумасшедшаго можно убѣдить словами и доказать ему его заблужденіе.

Сьумасшедшіе вылечиваются очень часто и это совершается или внезапно, какъ пробужденіе отъ сна; или постепенно. Въ послѣднемъ случаѣ, у больного начинаютъ являться свѣтлыя промежутки, все болѣе и болѣе продолжительныя, и наконецъ онъ выздоравливаетъ; если-же болѣзнь не проходитъ, то сьумасшедшій или остается при своихъ ошибочныхъ представленіяхъ, лишившись однако экзальтаціи, но сохраняя полное внѣшнее спокойствіе, или-же впадаетъ въ безуміе.

XI.

Нынче экстазъ рѣдокъ и составляетъ исключительное, одиночное явленіе, которому подвергаются болѣе истерическія женщины; но прежде, особенно нѣскольکو столѣтій тому назадъ, онъ былъ въ Европѣ довольно обыкновеннымъ явленіемъ.

Причиной его, чаще всего, фанатизмъ, какъ это замѣчено у браминовъ и факировъ въ Индіи, у методистовъ въ Англіи и у мартинистовъ въ Германіи. Если мономанія этого рода соединяется съ ошибочными представленіями, то они обуславливаются обыкновенно пріятными галлюцинаціями и иллюзіями. Въ этихъ случаяхъ является иногда и эротоманія и андіоманія, что, какъ замѣчено, у протестантовъ бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ у католиковъ.

Болѣе или менѣе полная нечувствительность къ вѣшнимъ вліяніямъ составляетъ необходимое условіе всякаго экстаза; это было замѣчено еще въ древнія времена и у разныхъ народовъ; но особенно тамъ, гдѣ въ религіозномъ культѣ играетъ главную роль бѣшеное одушевленіе. Индѣйскій Юги во время своего религіознаго созерцанія сидитъ голый подъ палящими лучами солнца и между пяти огней; онъ держитъ руки вытянутыми, пока онѣмѣютъ жилы; онъ смотритъ, немигая, на солнце; стоитъ всю жизнь на одной ногѣ, какъ статуя и т. п. Факиры во время экстаза обнаруживаютъ совершенно такую же нечувствительность. Ихъ можно колоть, жечь, но они стоятъ, какъ окаменѣлые, безъ дыханія и чувства. Совершенно такая же нечувствительность бываетъ и во время припадковъ бѣшенства. Въ обоихъ случаяхъ душевное напряженіе доходитъ до крайней степени. Тоже самое бываетъ съ людьми во время сильнѣйшихъ физическихъ страданій, напримѣръ, во время пытки; отъ того-то и были такъ обыкновенны случаи, приводившіе судей и инквизиторовъ въ смущеніе, или заставлявшіе ихъ еще болѣе усиливать пытку. — Многія секты, напримѣръ конвульсіонеры, доходили въ экстазѣ до нечувствительности дерева.

Суевѣріе среднихъ вѣковъ, когда всѣ, даже передовые люди, вѣрили въ колдовство, вѣдьмъ и сношеніе съ нечистой силой, создало двѣ особенныя формы помѣшательства: вѣдовство и вампиризмъ. Въ вѣдовствѣ точкой помѣшательства было убѣжденіе больного, что онъ заключилъ съ нечистымъ договоръ, и что поэтому можетъ заколдовать людей и животныхъ; вѣрили даже, что съ чертомъ можно имѣть по-

ловыя сношенія. Это помѣшательство имѣло въ Германіи и въ Швейцаріи, въ XVII столѣтіи, эпидемическій характеръ.

При вампиризмѣ больной воображалъ, что его мучить и сосеть изъ него кровь какой нибудь извѣстный покойникъ. По народному повѣрью, вампиры или вурдалаки сосали кровь не только сонныхъ людей, но и животныхъ, и тѣ и другія отъ этого умирали. Шиллингъ приводитъ интересный оффиціальныи документъ (1732 г.), относящійся къ этому предмету. Въ одной деревнѣ, въ Сербіи, упалъ съ воза и убился крестьянинъ, по имени Арнольдъ Павелъ. Эготъ Павелъ жаловался нѣсколько разъ на то, что въ Кассовѣ мучилъ его вампиръ, и, чтобы избавиться отъ него, Павелъ натирался землей изъ его могилы и мазался его кровью. Спустя 20 или 30 дней послѣ смерти Павла, нѣкоторые изъ деревенскихъ жителей начали жаловаться, что Павелъ ихъ мучить, и четыре человека вскорѣ умерли. Чтобы прекратить зло, деревня собралась на совѣтъ, и рѣшила выкопать Павла. Могилу разрыли и оказалось, что покойникъ не только цѣлъ и невредимъ, но что у него выступила свѣжая кровь изъ глазъ, носа и ушей, и въ крови запачканы рубашка, саванъ и гробъ; старые ногти на рукахъ и на ногахъ отвалились и выросли новые. «Такъ какъ мы изъ *этого* увидѣли, что онъ *точно вампиръ*, сказано въ документѣ, то мудрый деревенскій совѣтъ рѣшилъ вбить вампиру въ сердца цѣль, что и было сдѣлано; при этомъ покойникъ издалъ громкій крикъ, и вытекло изъ него много крови. Совершивъ эту операцію, трупъ сожгли, и золу положили въ ту-же могилу. Но злодѣйства Павла этимъ не ограничились; было достоверно извѣстно, что онъ испортилъ много скотины; а какъ тѣ, кто ѣлъ ея мясо, должны были превратиться тоже въ вампировъ, то, въ теченіи 3 мѣсяцевъ, произведены были подобныя же, какъ съ Павломъ, операціи еще надъ 13 покойниками.

Человѣкъ больной вампиризмомъ страдалъ ипохондріей и боязнью смерти, и умиралъ иногда очень скоро. Въ томъ же документѣ сообщается фактъ, какъ одна здоровая, свѣжая, молодая женщина вскочила ночью со сна, съ страшнымъ крикомъ и, дрожа всѣми членами, объявила, что ее сосалъ недавно умершій сосѣдь. Она чувствовала боль въ груди и слабость, которая увеличивалась такъ быстро, что больная умерла на третій день. Такимъ образомъ помѣшательство заключалось собственно въ припадкахъ ипохондрическаго характера и въ галлюцинаціяхъ; но со смертью больного не кончалась еще его роль: онъ изъ мучимаго превращался въ мучителя, и являлся во снѣ своимъ суетвр-

нымъ односельцамъ. Весьма вѣроятно, что многіе, быстро умершіе больные, погружались только въ глубокой сонъ, въ родъ зимней спячки животныхъ, или въ катаlepsію, что случается иногда и при обыкновенномъ съумасшествіи. Такой-то воображаемый вурдалакъ, приснившись наиболѣе суевѣрнымъ и трусливымъ людямъ, производилъ въ нихъ сильное нервное потрясеніе, а съ нимъ и ипохондрію, и болѣзнь передавалась отъ одного къ другому, пока рѣшительное средство, въ родъ употребленнаго съ Павломъ и другими, не успокоивало суевѣрныхъ. Деревенскій совѣтъ, вбившій осиновый колъ въ Павла, призналъ его вампиромъ, потому что покойникъ лежалъ въ гробу, какъ живой.

Но остроумному совѣту никакъ не приходила мысль, что Павелъ можетъ быть, и точно живъ, и люди съ совершеннымъ добродушіемъ убили человѣка и остались даже довольны, что онъ вскрикнулъ, и что изъ него пошла кровь. Еще бы! И остальные тринадцать, посаженные на осиновые колы, какъ жуки на булавку, вѣроятно потѣшались деревенскихъ мудрецовъ крикомъ. Вампиризмъ теперь исчезъ, по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ; но если онъ гдѣ нибудь и существуетъ, и вурдалакамъ предстоитъ альтернатива—сидѣть на осиновомъ колѣ, или быть похороненнымъ заживо, то очень можетъ быть, что осиновый колъ еще лучше.

Что скажетъ вдохновенный русскій поэтъ?—что это за манера говорить при всякомъ случаѣ дерзости на счетъ русскихъ поэтовъ! подумаетъ читатель, любящій услаждать свои досуги прогулками на русскій парнасъ; но читатель, будьте справедливы; если вы изслѣдовали почву русскаго парнаса и познакомились съ растительностію его вертограда, то, даже владѣя скудными ботаническими познаніями, вы замѣтили, что поля русской поэзіи покрыты, почти исключительно, одуванчиками и разными грибами на длинныхъ тоненькихъ ножкахъ, негодными въ свѣдъ; если же такое мнѣніе есть заблужденіе, и вдохновенные русскіе поэты выросли плодами одного дерева съ Шекспиромъ, или хотя съ Гейне, или имѣютъ одну сердцевину съ Бёрне, то бѣды отъ этого никакой нѣтъ, ибо, въ этомъ случаѣ, наказаны только тѣ, кто заблуждается; а именно: вся вѣрующая русская публика услаждается жареными грибами русской поэзіи, а скептики и отрицатели стоятъ съ злобными лицами всторонѣ, лишая себя добровольно этого наслажденія. И по дѣламъ имъ!—И такъ, что скажетъ поэтъ, если онъ увидитъ, что вдохновенное творчество, даже такихъ молодцевъ, какъ Шекспиръ, Рафаель, Моцартъ, приравнивають къ состоянію съумасше-

ствія, и что объ этомъ въяскомъ предметѣ трактуеть таже наука, которая изучаетъ и разъясняетъ факты человѣческаго умопомѣшательства? Конечно, состояніе поэтическаго творчества нельзя назвать безуміемъ въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается въ припадкѣнн къ населенію желтыхъ домовъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не составляетъ и какого-нибудь особеннаго процесса мышленія, производимаго совершенно самостоятельными органами, находящимися исключительно внутри поствовъ. То, что работаетъ въ поствахъ, — работаетъ и во всѣхъ остальныхъ людяхъ, и состояніе восторженности, въ которомъ находится бѣшенный и сумасшедшій, сочиняющій свои стихи, или экстазистъ въ припадкѣ созерцанія, составляютъ только небольшое видоизмѣненіе одного и того же процесса. Разница здѣсь вовсе не въ сущности, а только въ степени и характерѣ. Въ минуты творчества поеть и художникъ находится точно также въ припадкѣ усиленной мозговой и нервной дѣятельности; въ немъ возникаютъ тоже галлюцинаціонныя представленія, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное возбужденіе усиливается въ высшей степени, принимаетъ уже болѣзненный характеръ, и дѣлаетъ челоѣка безумцемъ. «Гоффманъ, напримѣръ, отдался подъ конецъ демоническимъ силамъ, которыя онъ вызывалъ въ пылу фантастическаго бреда, до такой степени, что онъ въ самомъ дѣлѣ порядочно боялся призраковъ своего воображенія, и жена должна была сидѣть съ нимъ, когда онъ, разгоряченный виномъ и музыкой, набрасывалъ ночью на бумагу свои сумасбродныя исторіи». Такъ говоритъ Шерръ (рус. пер.). Здѣсь, какъ видно, галлюцинаціи не только доходятъ до высшаго развитія, но челоѣкъ уже впадаетъ въ состояніе сумасшествія, потому что онъ боится своихъ видѣній, принимаетъ ихъ за дѣйствительность и ищетъ защиты. Гоффманъ въ эти минуты, конечно, не отличался ничѣмъ отъ настоящаго помѣшаннаго; вся разница заключалась лишь въ продолжительности припадка. Я привелъ этотъ примѣръ, какъ болѣе рѣзкій, гдѣ видѣте всего приближеніе поэтическаго вдохновенія къ горячечному состоянию и бреду съ открытыми глазами.

Въ другихъ случаяхъ творческое вдохновеніе гораздо спокойнѣе, образы разгоряченной фантазіи не крутятся въ вихрѣ бѣшенной пляски какъ на шабашѣ вѣдьмъ, или галлюцинаціи сумасшедшаго; вдохновеніе приближается къ созерцанію, отличаясь отъ него только тѣмъ, что челоѣвъ, въ припадкѣ созерцанія, углубляется самъ въ себя и какъ-бы каменѣеть, сосредоточиваясь на немногихъ представленіяхъ. Въ поэтическомъ же возбужденіи жизнь полнѣе, потому что, вмѣстѣ съ внутрен-

нимъ созерцаніемъ, она проявляется во внѣшней дѣятельности—человѣкъ видитъ, слышитъ, живетъ въ окружающемъ его мѣрѣ, и сознаетъ себя. Что вдохновеніе есть дѣйствительно сонъ на яву, и что галлюцинаціи, болѣе или менѣе сильныя, играютъ при немъ главную роль, можно подтвердить фактами. Рафаэль говоритъ, что онъ писалъ свои картины въ состояніи сна на яву, и самъ удивляется, что свѣтъ находитъ нѣкоторыя изъ его произведеній такими превосходными, потому что, рисуя, онъ никогда не думалъ о механизмѣ исполненія, а постоянно имѣлъ передъ глазами свой идеалъ. Англичанинъ Блекъ, живописецъ, музыкантъ, поэтъ и граверъ, очень часто впадалъ въ экстазъ, и ему являлись лица изъ древнихъ временъ:—«Мнѣ оставалось только ихъ срисовать»—говорилъ онъ. Даже черта онъ не рисовалъ совершенно такимъ, какимъ онъ ему представлялся. Палестрини про свое лучшее произведеніе сказалъ, что онъ приписываетъ его поющимъ ангеламъ; композиторъ Гоффманъ слышалъ въ своей головѣ чудные тоны, и тогда онъ садился за фортепiano, закрывалъ глаза и, проникнувшись вдохновеніемъ, бралъ затѣмъ перо и писалъ, то, что онъ слышалъ въ себѣ. Моцартъ пишетъ «Если я, напримѣръ, ночью не могу спать... то во мнѣ мысли набѣгаютъ цѣлыми потоками. Откуда и какъ онѣ являются, я не знаю, и я не имѣю надъ ними никакой силы. Я слышу тогда музыку совершенно хорошо и ясно, и могу обозрѣть ее въ умѣ всю сразу, какъ если-бы предо мной стояла прекрасная картина; я слышу въ воображеніи не отдѣльные, разорванные куски, но полное цѣлое». Гете и многіе другіе поэты, какъ извѣстно, проникались «духовнымъ зрѣніемъ». Шиллеру являлись едохновенныя идеи иногда ночью и онъ вставалъ и сейчасъ же ихъ записывалъ. Наконецъ, Гете говоритъ, что извѣстное раздраженіе мозга есть необходимое условіе поэтическаго таланта. Полагаю, что отзывы компетентныхъ судей совершенно достаточны для убѣжденія въ томъ, что безуміе и поэтическое вдохновеніе развиваются и возникаютъ изъ одного источника.

«Только особенное расположеніе мозга обуславливаетъ то, что гений и талантъ поддаются такъ легко сьумасшествію»—замѣчаетъ д-ръ-Альберсъ; и дѣйствительно частое самоубійство и помѣшательство поэтовъ, художниковъ, ученыхъ слѣдуетъ приписать единственно раздраженію ихъ мозга. Можно составить огромный списокъ талантливыхъ людей, кончившихъ жизнь самоубійствомъ, безуміемъ, или умершихъ отъ острыхъ болѣзней мозга. Вотъ нѣкоторые изъ болѣе замѣчательныхъ: талантливый французскій поэтъ Жераръ-де-Нерваль—повѣсился. Готт-

фридъ Ульрихъ умеръ въ меланхолію и сумасшествіи; также кончили свою жизнь Ридль, Циммерманъ. Вильке—въ помѣшательствѣ утопился; Эфраимъ Мазесъ-Ку,— другъ Мендельсана и Лессинга, — умеръ въ сумасшествіи; также умерли Рейнгольдъ Ленцъ, Фридрихъ Шульцъ, Карль Ветцель, Ленау, знаменитый Тассо, Жильберъ; англійскіе поэты: Чаттертонъ, Гинрей, Клерей, Робертъ Соутей, Уильямъ Коллинсъ Свифтъ и т. д. Кончили самоубійствомъ: Юганнъ Генрихъ Меркъ, Генрихъ Клейстъ, Даниль Лессманъ, Александръ Фишеръ, Теодоръ Гауптъ, Фердинандъ Раймундъ, Энкъ-Фонъ-Бургъ и др. Изъ женщинъ-поэтовъ впади въ меланхолію и умерли отъ самоубійства—Катерина Гюндероде, Луиза Брахманъ, Шарлота Штиглицъ; Фр. Ласбергъ, Элиза Стегеманъ, Летиція Лаудонъ и др. Гайдень, послѣ своихъ «четырехъ временъ года», захворалъ головной болѣзью и умеръ въ отупѣніи; Моцартъ получилъ воспаленіе мозга, и передъ смертью помѣшался на томъ, что Салиери хочетъ его отравить; Салиери сошелъ съ ума и впалъ наконецъ въ полное безуміе; Доницетти помѣшался тоже; композиторъ Кларкъ въ сумасшествіи лишилъ себя жизни. — Все это весьма похвально, если обратимъ вниманіе на то, что люди этого сорта живутъ напряженной умственной жизнью; а иногда даже нарочно раздражаютъ свой мозгъ, чтобы усилить его впечатлительность и продуктивность, ночной работой или возбуждающими средствами, какъ вино, пуншъ, кофе. Односторонность занятій увеличиваетъ тоже опасность помѣшательства, особенно для поэтовъ, которые иногда предаются исключительно своему фантастическому міру. Умственная жизнь требуетъ тоже разнообразной пищи. Сильно даровитые люди, занимавшіеся, кромѣ поэзіи, еще естественными науками, или исторіей, или языками, какъ Шиллеръ, Гёте, Уландъ, Рюккертъ и др. были конечно болѣе застрахованы противъ болѣзней ума.

Еще два факта родственности творческой фантазіи безумныхъ съ творческой фантазіей поэтовъ и художниковъ: — «О если-бы я былъ живописцемъ», — говорилъ одинъ сумасшедшій, — какъ-бы я нарисовалъ черта! (здѣсь важенъ собственно не чертъ, потому что и другія видѣнія представляются сумасшедшимъ ясно и пластично). — Онъ является мнѣ часто, такъ ясно и живо, что я-бы могъ его срисовать. — «Если-бы я имѣлъ способность излагать, говорилъ другой, я бы написалъ превосходнѣйшіе рассказы, потому что у меня въ головѣ идетъ все такъ романически.»

XII.

Въ сьумасшествіи дѣятельность мозга и нервовъ достигаетъ высшаго развитія, на какое только они способны; въ бѣшенствѣ активность доходитъ до чудовищности; меланхолія представляетъ тоже производительный процессъ. Дойдя до такой высоты, воображенію идти далѣе некуда, и истощившаяся умственная дѣятельность начинаетъ быстро спускаться подъ гору. Въ больномъ, достигшемъ предѣла напряженія нервовъ, наступаетъ реакція; его продуктивность ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ истощается; интересы умственной жизни уменьшаются, міръ галлюцинацій и иллюзій становится менѣе богатъ образами и представленіями, связь идей начинаетъ обрываться, образуя просвѣты и промежутки, и больной впадаетъ въ то состояніе умственной слабости, которое, начинаясь дураковатостью, кончается безсмысліемъ. Это послѣдняя стадія, далѣе которой остается только смерть.

Основной характеръ этой новой формы есть или совершенное изчезновеніе возбужденія, или сильное его ограниченіе; больной обнаруживаетъ или полную слабость, отсутствіе энергій, представленій и дѣятельности мысли (безсмысліе), или же психическая слабость еще вѣсколко замаскирована остатками идей прежняго періода болѣзни, на которыхъ больной и останавливается, не создавая ничего новаго (дураковатость).

Дураковатость развивается или изъ меланхолія, или изъ бѣшенства, или изъ сьумасшествія, и больной, остановившись въ своемъ процессѣ, сохраняетъ нѣкоторыя старыя представленія, которыя дѣлаетъ съ особенной любовью, и постоянно къ нимъ возвращается. Эти представленія имѣютъ, болѣе или менѣе, свой прежній характеръ т. е. больной считаетъ себя чѣмъ-то чрезвычайнымъ—императоромъ, всемірнымъ владыкой, великимъ ученымъ, хранителемъ тайнствъ природы и т. д. или же, какъ меланхоликъ, страдаетъ отъ постороннихъ злыхъ силъ, боится заговоры, воровъ, разбойниковъ, замышляющихъ противъ его жизни и имущества, видитъ черта и т. п. Больные удерживаютъ также и ошибочныя представленія относительно собственнаго тѣла, если напр. онъ воображалъ себя прежде масломъ, воскомъ, деревомъ или звѣремъ.

Не смотря на такое вѣншнее сходство дураковатости съ тѣми формами помѣшательства, изъ которыхъ оно вышло, главная его особен-

ность заключается, все таки, въ отсутствіи прежняго вдохновенія и творчества, въ жизни одними результатами прежней духовной дѣятельности, въ остановкѣ на одной точкѣ, въ ослабленіи всей логики и связи въ мышленіи. Того остроумія, силы и проницательности, которыя такъ поражаютъ въ сумасшедшемъ, и его системы, методы мышленія и дѣлектики, которыя даютъ такую силу всему, что онъ говоритъ, въ дураковатомъ уже нѣтъ. И хотя нѣкоторые изъ дураковъ отличаются, повидимому, значительной полнотой мышленія, поражаютъ своими солидными знаніями, остротой взглядовъ и замѣчаній, такъ что съ трудомъ вѣрится, чтобы то былъ безумный, но все это только богатыя ломотья отъ стараго великолѣпія, и встрѣчаются только въ отдѣльныхъ большихъ, нѣкогда обладавшихъ точно замѣчательными способностями. Весь этотъ вѣтшій блескъ—только механическое отраженіе обломковъ старой дѣйствительности, и несостоятельность большого обнаруживается вполнѣ, какъ только дѣло коснется отвлеченнаго мышленія—вся кажущаяся сила мысли и проницательность исчезаютъ и большой оказывается дуракомъ, неспособнымъ проникнуть въ предметъ и обсудить его. Перерывчатость мышленія, или думанье скачками, замѣтно еще сильнѣе, если дуракъ вздумаетъ писать; онъ не въ состояніи держаться крѣпко за свою тему и идти съ силой послѣдовательности сумасшедшаго, но безпрестанно срывается съ рельсовъ и опять, безъ всякой связи, возвращается къ своей любимой идеѣ, засѣвшей коломъ въ его головѣ.

Вотъ образчикъ подобнаго безумнаго, образчикъ хотя и не всесторонній, но который можетъ дать довольно вѣрное понятіе о предметѣ.

Солдатъ, положимъ А., дѣлавшій походъ въ Тироль и раненый подъ Экиюлемъ, былъ уволенъ въ отставку. Явившись въ свою родную деревню, онъ, какъ герой и человекъ бывалый, очень скоро сталъ пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ добродушныхъ крестьянъ. Безкопечный болтунъ и хвастунъ, онъ расположилъ свою главную квартиру въ деревенской харчевнѣ, рассказывалъ разныя исторіи и приключенія изъ своей военной жизни, запивалъ порядочно на счетъ простодушныхъ слушателей и проводилъ свою жизнь такимъ пріятнымъ образомъ, пока постоянный хмель, никогда не выходившій изъ его головы, не сдѣлалъ его сумасшедшимъ.

А. не былъ дурной человекъ и намѣренный лгуноу. Его слабостью было тщеславіе, и эта-то слабость заставляла А. не отказываться отъ тѣхъ невинныхъ средствъ, которыя доставляли ему уваженіе слушателей, возбуждали удивленіе къ его рассказамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до-

ставляли и даровое пріятное угощеніе. Увлекаясь хвастовствомъ и самолюбіемъ, А и самъ сбился наконецъ съ толку и перепутавъ, все, что онъ видѣлъ лично, съ тѣмъ, что читалъ или слышалъ отъ такихъ же болтуновъ, какъ самъ, или видѣлъ въ галлюцинаціяхъ, вслѣдствіе постоянного опьяненія, А. вообразилъ наконецъ, что всѣ произведенія его фантазіи—несомнѣнная дѣйствительность; что онъ точно видѣлъ все, что онъ рассказываетъ; что онъ все знаетъ, вездѣ былъ, со всѣми знакомъ. Это знаніе всего и всѣхъ составляетъ точку помѣшательства А.

Въ этомъ случаѣ пьянство обнаружило вліяніе менѣе мрачнаго характера, хотя и болѣе печальное, чѣмъ въ бѣлой горячкѣ. При усиленномъ, періодическомъ пьянствѣ, когда человекъ не пьетъ, а лопааетъ, потрясеніе мозга создаетъ лихорадочное съумасшествіе и черныя видѣнія. Больнаго мучатъ пауки, крысы, мыши, мухи, пчелы, собаки, лошади или полицейскіе. При хроническомъ же пьянствѣ, когда человекъ понемногу, но постоянно, поддерживааетъ пары на одной высотѣ, его помѣшательство получаетъ пріятный розовый оттѣнокъ, — пьяница бредитъ королями, императорами, женщинами вышатаго круга, и вообще, живетъ въ мірѣ той свѣтлой фантазіи, на высотѣ которой поддерживали его мозгъ винныя пары средняго давленія, недоводимыя до крайней упругости, подавляющей мозгъ и создающей мрачныя представленія. А. перешелъ незамѣтно изъ пьянства въ съумасшествіе.

Теперь солдатъ А старикъ уже. 60 лѣтъ, исправляетъ въ съумасшедшемъ домѣ должность штукатура. Этими дѣломъ онъ занимался и до рекрутства. Опоясанный передникомъ, съ шайкой съ извѣстью и лопаткой А. замазываетъ дырки, прогрызенныя мышами, обвалившуюся штукатурку и поправляетъ небольшія порчи въ корридорахъ и на дворѣ съумасшедшаго дома. Пациентъ очень внимателенъ къ существующему порядку, скромнень, такъ что ему вѣрится, безъ всякой боязни, ключъ отъ корридора и дозволяется работать вездѣ на дворѣ и въ саду, не опасаясь какого нибудь съ его стороны безпорядка. А. очень строгъ къ своимъ товарищамъ и не позволяетъ имъ сдѣлать въ своемъ присутствіи никакой глупости, ни малѣйшаго нарушенія внутренней дисциплины заведенія. Однимъ словомъ, почтенный старикъ нисколько не похожъ на безумца, и въ ежедневныхъ дѣлахъ видитъ себя, какъ и всякій человекъ его ремесла. Но стоитъ только задѣть больнаго за живое, чтобы въ немъ обнаружился дуракъ въ полной своей красотѣ.

Такимъ образомъ въ этомъ безумномъ два человека, одинъ-скромный штукатуръ, исполняющій аккуратно и добросовѣстно свое дѣло; а другой-бе-

зумець, принимающій всё свои прежнія галлюцинаціи за наличную монету. Теперь у него нѣтъ болѣе ни галлюцинацій, ни возбужденій; онъ всёгь доволенъ и совершенно равнодушенъ ко всему. Онъ оживляется только тогда, когда дѣло касается его помѣшательства, и раздражается лишь въ томъ случаѣ, если его сердать, или прямо называютъ лугономъ. Ко всему остальному, и ко всему міру, онъ относится совершенно безстрастно.

Не смотря на то, что помѣшательство его вертится на томъ, что онъ былъ вездѣ, все видѣлъ, знакомъ со всѣми значительными лицами и самъ былъ не маленькимъ человѣкомъ, онъ, какъ видно, не сдѣлалъ блестящей карьеры: онъ теперь ни король, ни фельдмаршалъ, ни даже генералъ; будь онъ сумасшедшій, онъ непремѣнно произвелъ-бы себя въ очень высокій чинъ, и держалъ-бы себя съ соответственнымъ достоинствомъ, и ужь, разумѣется, не сталъ-бы штукатурить и замазывать мышьи норы. Теперь же онъ скромно говоритъ о себѣ, что онъ простой солдатъ, и держитъ себя солдатомъ, не гнушаясь черной работой: штукатурить, колетъ дрова, носить ихъ и т. д. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ скромной долѣ происходитъ въ немъ оттого, что прежде, въ періодъ съумасшествія, онъ не успѣлъ еще произвести себя въ большіе чины, и впалъ въ дураковатость. Какъ-бы то ни было, но А, какъ говорятъ китайцы, утвердился на серединѣ, и безъ всякихъ порывовъ, стремленій и страстей удовлетворяется очень немногимъ и дживааетъ въкъ свой дуракомъ, не зная честолюбивыхъ мученій съумасшедшаго.

Вообще, безумные, дошедшіе до степени дураковатости, обнаруживаютъ апатичность; они неспособны ни къ прежней любви, ни къ прежней ненависти; всё близкіе къ нимъ люди могутъ умереть, міръ разрушиться, и это нисколько ихъ не потревожитъ; только въ одномъ случаѣ могутъ пробудиться въ нихъ энергія и дѣятельность воли, если задѣтъ ихъ со стороны ихъ помѣшательства; больной тотчасъ же оживляется, горячится, сердится; если-же льстить его безумію, — онъ спокоенъ и доволенъ. Дряблость характера такихъ больныхъ видѣе всего изъ ихъ взаимныхъ отношеній въ съумасшедшемъ домѣ; они очень довольны своимъ положеніемъ, никогда не составляютъ кружковъ или заговоровъ, хотя, при ихъ постоянномъ численномъ перевѣсѣ, это было-бы очень удобно; одинъ сторожъ легко управляетъ ими всѣми, какъ паству стадомъ, и если одного изъ нихъ накажутъ, всё остальные остаются совершенно равнодушны.

Въ ихъ поведеніи и въ движеніяхъ видна беспорядочность, внезапность и особенность, такъ что, по ихъ внѣшнимъ дѣйствіямъ, можно сей-

часъ-же заключить объ ихъ безуміи. Такимъ образомъ, одинъ безумный чувствовалъ и видѣлъ, какъ земля опускалась все ниже и ниже. Съ необычайными усиліями, такъ что потъ градомъ катился съ его лица, безумный старался удержать и вытянуть землю на старое мѣсто шну, конъ, который онъ держалъ въ рукѣ, и воображалъ его обмотаннымъ вокругъ земли. Тотъ-же больной прятъ солнечные лучи въ нитки, наматывалъ ихъ въ клубки и передавалъ другимъ, и очень удивлялся, когда тѣ увѣрали, что у нихъ нѣтъ ничего, тогда какъ онъ самъ пересчитывалъ всѣ клубки и чувствовалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Каждый больной имѣетъ всегда какую нибудь вѣшнюю странность. Одни постоянно жестикулируютъ, покачиваютъ педантически головой, или дѣлаютъ равномерныя движенія руками. Другіе стоятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, какъ-бы въ припадкѣ вдохновенья; третьи ходятъ постоянно на одномъ и томъ же любимомъ ими мѣстѣ, взадъ и впередъ, какъ звѣри въ клеткѣ, говорятъ, бормочатъ, или поютъ и сочиняютъ стихи. Съ особенной любовью предаются многіе безумные монологамъ. Они ходятъ взадъ и впередъ по комнатѣ и ведутъ разговоръ, но въ этомъ разговорѣ участвуетъ всегда только одно лице—спрашивающій. Фразы бываютъ обыкновенно короткія, но выразительныя: такъ? хм! ага!—хм! такъ! ого! разумѣется!—отчего же нѣтъ? Потомъ пауза и молчаливое размышленіе, и затѣмъ опять—ну да! какъ? что? и т. д. Если войти въ комнату и спросить больного, что онъ говорилъ?— то онъ отрицается. Другіе больные произносятъ отдѣльныя слова:—«мошенники, убійцы, держи ихъ!»—что прямо показываетъ на характеръ ихъ галлюцинацій; наконецъ, есть такіе, которые постоянно уходятъ въ темныя углы ихъ комнаты, къ проходящимъ мимо обращаются спиной и сердятся, если имъ помѣшаютъ.

Наклонность къ причудамъ, замѣчаемая во всѣхъ формахъ душевнаго разстройства, у безумныхъ получаетъ характеръ постоянной привычки. Одни вѣчно возятся съ водой; другіе надѣваютъ и снимаютъ башмаки; третьи кричатъ, декламируютъ, поютъ; четвертые наряжаются фантастически соломою, разными лоскутками и тряпками; пятые, наконецъ, выкидываютъ разныя странныя штуки, или кривляются. И во всемъ этомъ нѣтъ той здоровой, энергической дѣятельности, которая замѣчается у сумасшедшихъ.

Галлюцинаціи и иллюзіи являются у безумныхъ довольно часто. Интересный фактъ этого рода представляетъ одинъ безумный въ Бедлемѣ (въ Лондонѣ) Метью. Онъ воображалъ себя то автоматомъ, которымъ дѣй-

ствують нѣкоторыя, извѣстные лица, то всемірнымъ императоромъ. Ему казалось, что шайка злодѣевъ дѣйствуетъ на него изъ комнаты, подлѣ городской стѣны, посредствомъ магнетическаго тока.

Метью очень хорошо видитъ и слышать этихъ лицъ и подробно ихъ описываетъ. Эти личности, особенной машиной, которую больной описываетъ подробно, дѣйствуютъ на него самымъ мучительнымъ образомъ, и онъ ничѣмъ не можетъ имъ противиться. Мученія эти слѣдующаго рода:

Подръзываніе души отъ чувства: распространеніе магнетическаго тока отъ переноса подѣ основаніе мозга, въ родѣ распушеннаго вѣтра, такъ что чувства сердца совершенно отрѣзаны отъ дѣятельности ума.

Змѣй: какъ дѣти спускаютъ бумажнаго змѣя, такъ эти злодѣи пускаютъ, посредствомъ своего искусства, какую нибудь мысль въ голову больного, и та цѣлые часы двигается тамъ взадъ и впередъ. Какъ-бы пораженный ни старался освободиться отъ впущенной въ него мысли, онъ этого сдѣлать не можетъ, и долженъ все свое вниманіе отнять отъ другихъ мыслей и устремить на гостью. При этомъ онъ понимаетъ очень хорошо, что мысль эта ему чужда и введена въ него извнѣ:

Взрывъ бомбы:—ужаснѣйшая операція. Жизненная жидкость, находящаяся въ мозгу и въ нервахъ, пары, поднимающіеся въ кровяныхъ сосудахъ, и газы желудка, и кашель доводятся до такого изрѣженнаго состоянія, что становятся горючими, что причиняетъ тѣлу ужаснѣйшую боль. Въ то время, какъ человекъ страдаетъ такъ, злодѣи разряжаютъ въ него сильную электрическую батарею, и сотрясеніе, производимое ею, такъ сильно, что разрываетъ все тѣло больного. Особенно ужасенъ взрывъ, происходящій въ головѣ и т. д.

Больные, достигшіе этого періода безумія, становятся снова физически крѣпче и полнѣе тѣломъ; они имѣютъ довольный, суровый видъ, и въ этомъ состояніи доживаютъ до глубокой старости.

Въ безуміи свѣтлыя паузы уже не являются, какъ въ сумасшествіи, въ бѣшенствѣ или въ меланхоліи, и всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что совершенное излеченіе безумія невозможно. Хорошимъ, соотвѣтственнымъ, психіатрическимъ уходомъ удастся однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ, довести больныхъ до того, что они сдерживаютъ порывы своего безумія, оставляютъ странныя привычки и дѣлаются способными къ исполненію обыкновенныхъ занятій. Въ этомъ самообладаніи, къ которому можно пріучить больного, заключается причина того, что безумные могутъ играть на сценѣ, и танцуютъ на своихъ балахъ, такъ что посторонній ни въ чемъ не замѣтитъ, чтобы предъ нимъ были бе-

зумные. Но если таких больных предоставить самимъ себѣ, то они больше и больше утверждаются въ своихъ безумныхъ представленіяхъ, которыя завладѣваютъ постепенно всѣмъ кругомъ ихъ мышленія и больной впадаетъ, наконецъ, въ безмысліе.

ХІІІ.

Между дураковатостью и полнымъ безмысліемъ есть еще одна промежуточная степень, при которой въ головѣ больного наступаетъ полная путаница, и онъ безумничаетъ во всемъ: — во всѣхъ своихъ мысляхъ, во всѣхъ: своихъ поступкахъ. Отличительная черта этого безумія есть бессмысленная болтливость. Такой человекъ, говоритъ Пинель, приближается ко мнѣ, смотритъ на меня и обливаешь меня потокомъ своего пустословія; затѣмъ бѣжитъ къ другому и дѣлаетъ съ нимъ тоже самое. Входитъ ли онъ въ комнату, онъ переворачиваетъ въ ней все вверхъ дномъ: трогаетъ столы и стулья, трясетъ ихъ, переставливаетъ, и все это безъ особенной какой нибудь цѣли. Не успѣли за нимъ усмотрѣть, ужъ онъ выскочилъ на гулянье и тамъ хозяйничаетъ точно также; болтаетъ, швыряетъ камни, вырываетъ траву; однимъ словомъ, непрерывный токъ безсвязныхъ и бессмысленныхъ идей и такихъ же поступковъ. Въ такомъ дуракѣ нѣтъ одного опредѣленнаго безумнаго представленія, какъ въ меланхоликѣ, или въ сьумасшедшемъ — у него въ головѣ полная галиматья. Разговоръ съ нимъ невозможенъ, потому что онъ несетъ чистую чепуху и не отвѣчаетъ на вопросъ. Его спрашиваютъ напр.—«какъ ваше здоровье?»,—а онъ говоритъ—«что за бессмыслица, моя теща имѣла тоже доктора.»— Въ домашней жизни такой безумецъ совершенно невыносимъ; ему нѣтъ ни до чего дѣла, онъ не знаетъ никого и ничего; не имѣетъ никакихъ привязанностей, и, отчужденный отъ всѣхъ людскихъ интересовъ, составляетъ печальный особнякъ, живущій въ хаосѣ своихъ негѣностей. Въ примѣръ подобнаго безумія Шиллингъ приводитъ одного нѣмецкаго доктора и естествоиспытателя, не называя его однако полной фамиліей.

Н. еще въ молодости обнаруживалъ много странностей и особенностей. У него было много талантовъ и желѣзное прилежаніе. Еще студентомъ медицины онъ обратилъ на себя вниманіе своего знаменитаго учителя физиологіи, и это обстоятельство, конечно, имѣло вліяніе на дальнѣйшее развитіе Н. Этими знаменитымъ учителемъ былъ Пуркинъ, который употребленію микроскопа, въ физиологическихъ изслѣдованіяхъ и въ ученіи о тканяхъ, придалъ его настоящее высокое значеніе. Идти

за гениальнымъ физиологомъ, по пробитому имъ пути, было уже нетрудно и для посредственностей. Такой посредственностью былъ N, которому однако удалось своими работами вмѣстѣ съ Пуркинѣ, а частью и самостоятельными трудами создать себѣ извѣстность, такъ что имя N. фигурируетъ еще и нынче въ учебникахъ физиологiи и гистологiи.

N возвратился въ свой родной городъ въ качествѣ практическаго врача и съ самаго начала обнаружилъ громадное самолюбіе и слишкомъ высокое убѣжденіе о самомъ себѣ. Лечение ушныхъ болѣзней начало становиться тогда болѣе извѣстнымъ и N. объявилъ себя ушнымъ врачомъ. Дифференбахъ обратилъ на себя вниманіе пластическими операціями, и N. принялся тотчасъ-же приклеивать носы и губы. Но его неловкость и торопливость, на этомъ новомъ поприщѣ навлекли ему только неприятели.

Затѣмъ N отправился въ Парижъ, гдѣ своей неоспоримой ловкостью въ обращеніи съ микроскопомъ обратилъ на себя вниманіе корифеевъ науки, и даже получилъ мѣсто, которое приблизило его къ значительнымъ лицамъ.

Съ этого времени начинается поворотъ въ умственной жизни N; болѣзненное расположеніе стало развиваться въ дѣйствительную болѣзнь. Наслѣдство, доставшееся отъ отца, и свои доходы по мѣсту онъ употреблялъ на покупку дорогихъ физическихъ и оптическихъ инструментовъ, которыми онъ совсѣмъ не пользовался, и дорогихъ животныхъ, которыя у него сгнили, не дождавшись анатомическихъ изслѣдованій. Онъ началъ изучать астрономію, высшую математику, азіатскіе языки и ни въ чемъ не приобрѣлъ ясныхъ понятій. Въ тоже время, въ немъ явился цинизмъ и страсть къ болтовнѣ и писавью, которыя дѣлали его совершенно невыносимымъ.

Въ то время, какъ его умственныя способности ослабѣвали съ каждымъ днемъ, въ той же степени развивалось самолюбіе и непомерно-высокое о себѣ мнѣніе. Онъ зналъ все, и зналъ все лучше чѣмъ другіе и раньше всѣхъ. Съ этого момента началось его помѣшательство—пониманія, всезнанія и знанія раньше всѣхъ.

Ему казалось, что его окружаютъ ученые воры, которые крадутъ его открытія, чтобы лишитъ его славы. Онъ отправился съ жалобой къ Пуркинѣ, и когда тотъ началъ его кротко убѣждать, N его поколотилъ. Послѣ этого, ему, разумѣется, нельзя уже было оставаться въ Парижѣ и онъ, забравъ книги и инструменты, которые казались ему необходимыми, отправился въ сѣверную америку.

Съ этихъ поръ начинается темный, менѣе извѣстный періодъ его

жизни. Положительно извѣстно только то, что онъ распродалъ понемногу свои книги и инструменты; что онъ, въ борьбѣ съ голодомъ и нищетой, прошелъ часть америки, входилъ въ сношенія съ туземцами, индѣйцами, чтобы изучить ихъ 70 языковъ и наконецъ неизвѣстно какъ, но истощенный физически и умственно, очутился наконецъ въ Гаваннѣ, въ госпиталѣ. Отсюда, при помощи земляковъ, онъ былъ доставленъ въ Германію, въ свое семейство.

Здѣсь снова начались его чудодѣйства. Спокойная жизнь была для него невыносима; онъ продалъ свое платье, чтобы купить матеріалы для своихъ дальнѣйшихъ открытій; онъ шатался по городу, надѣдалъ бібліотекарямъ и книгопродавцамъ своими колоссальными претензіями; переселился на мансарду, къ пролетарію, чтобы жить дешевле; питался, богъ знаетъ чѣмъ, и дрался съ хозяиномъ.

Самозлюбіе больного дошло теперь до высшей степени, тогда какъ изъ знаній остались у него въ головѣ только отрывки. Не смотря на ослабленіе умственныхъ силъ, память его отличается необыкновенной остротой; но ему недостаетъ творчества, которое помогаетъ здоровому дѣлать полезное употребленіе изъ своей памяти. Отъ него ни въ чемъ нельзя добиться толку. Спрашиваютъ его о какомънибудь физиологическомъ вопросѣ, подробности котораго должны быть ему извѣстны отлично, онъ начинаетъ замѣчаніемъ, что отъ него нельзя требовать, чтобы онъ выболталъ результаты своихъ, еще не обнародованныхъ, изысканій. Если же высказать ему собственные взгляды по возбужденному вопросу, то онъ станетъ увѣрять, что еще 15 лѣтъ назадъ онъ сдѣлалъ изысканія по этому предмету, и чрезвычайно интересныя, которыя привели его къ совершенно еще неизвѣстнымъ результатамъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ съ оживленіемъ и краснорѣчиво свой разговоръ, но постоянно кружась около вопроса, и оступая отъ него все дальше и дальше, такъ что, наконецъ, тема исчезаетъ изъ глазъ. Рядомъ съ этой внутренней пустотой въ немъ страсть къ новостямъ и любопытство. Никто не можетъ спастись отъ его вопросовъ. Какъ только откроетъ онъ глаза, сейчасъ начинаетъ свои распрашиванья; кто-бы ни проходилъ мимо его окна, онъ обращается ко всякому; слышитъ ли онъ, что идутъ мимо его дверей, онъ выкрикиваетъ свои вопросы повелительнымъ тономъ, черезъ запертую дверь, и нисколько не обижается, если ему не отвѣчаютъ; онъ спрашиваетъ еще разъ, или дѣлаетъ новый вопросъ и успокаивается, когда и этотъ оставляютъ безъ вниманія.

Его дѣятельность приняла дѣтскій характеръ съ ученымъ отгѣнкомъ.

Онъ наблюдаетъ теченіе солнца и для этого устроилъ на своемъ окнѣ солнечныя часы, которые каждый школьникъ счумѣлъ-бы сдѣлать лучше. Часы счумасшедшаго дома онъ считаетъ на столько вѣрными, на сколько они согласуются съ его солнечными часами. Каждый вечеръ онъ отправляется въ садъ и дѣлаетъ тамъ астрономическія наблюденія. Донатову комету, которую онъ отиѣтилъ у себя кометою Карла Великаго, онъ долго не хотѣлъ признавать кометою, потому что у нея хвостъ къ верху. На сломанномъ часовомъ стеклѣ онъ приготовляетъ элементы пищи и предлагаетъ каждому пробы ихъ, которыя онъ носитъ, завернутыми въ газетную бумагу, въ жилетномъ карманѣ. Однимъ словомъ, дѣятельность его неизмѣрима, но результатовъ никакихъ.

Какъ скудна его умственная жизнь, такъ бѣдна и его сердечная сторона. Самое глубокое себялюбіе обнаруживается во всѣхъ его поступкахъ; всѣ существуютъ для него, какъ средство цѣли; самыя близкіе люди могутъ погибнуть и это его нисколько не потревожитъ; онъ не знаетъ ни привязанности, ни благодарности, и если обнаруживается въ немъ чувствительность, такъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда задѣта его драгоцѣнная особа. Покажется ли ему, что его недостаточно уважаютъ, или встрѣтитъ сопротивленіе своимъ желаніямъ, онъ выходитъ изъ себя, и какъ вѣкогда поступилъ онъ съ своимъ знаменитымъ президентомъ, такъ и нынче никто не застрахованъ отъ его крѣпкихъ кулаковъ.

Описанный субъектъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что подобныя личности составляютъ очень обыкновенное явленіе въ повседневной жизни. Безграницное самолюбіе и своекорыстіе, вѣчное я, я и я, безпредѣльная увѣренность, что только это я знаетъ все, какъ слѣдуетъ, что только оно судитъ правильно о вещахъ, служить почвой, на которой вырастаетъ деспотизмъ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній, вѣчное вмѣшательство въ чужія дѣла, вѣчное желаніе перекроить всѣхъ по своему. Плоды, вырастающіе на этомъ древѣ человеческой ограниченности, составляютъ не только обыкновенную пищу подначальныхъ въ семейной жизни, но попадаютъ и на общественной трапезѣ. Пока это я не приняло еще гигантскихъ размѣровъ, оно, хотя съ трудомъ, но переносится; но есть черта, за которой самолюбивый и своекорыстный человѣкъ становится нетерпимъ и можетъ жить только съ счумасшедшими. Когда наступаетъ эта переходная грань, — зависитъ отъ терпѣнія и толстокожести страдающихъ, и у невазыскательныхъ людей Киты Китычи процвѣтаютъ благополучно въ своихъ семействахъ, вмѣ-

сто того, чтобы служить украшеніями съумасшедшихъ домовъ. Вообще, слишкомъ высокая оцѣнка самого себя, доходящая до болѣзненной раздражительности и неспособности переносить никакое возраженіе, есть первый признакъ того несчастнаго разстройства нервовъ и мозга, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, кончается очень легко, какъ у описаннаго доктора-натуралиста.

Этотъ докторъ есть образчикъ той дураковатости, которая, какъ видѣть болѣзни, можетъ быть названа пустотой или отсутствіемъ мысли. Не вотъ другой образчикъ, образчикъ настоящей умственной галлюцинаціи, стоящей непосредственно подлѣ полнаго безумія.

У Юліи только одна мысль, да и въ той нѣтъ смысла; она воображаетъ себя всемогущей. Случается, что она говоритъ и о другихъ предметахъ, но безъ всякой связи.

— «Какъ васъ зовутъ?»—спрашиваютъ ее.

— Я называюсь я; это мое имя. Вы мнѣ должны поле. Я поминѣй всемогущая. Мой умъ былъ изрѣзанъ, чтобы сдѣлать изъ него передникъ.»

— «Сколько вамъ лѣтъ?»

— «Четырнадцать.—А между тѣмъ ей, по меньшей мѣрѣ, тридцать.

— «Сколько будетъ 45 и 3?»

— «Сорокъ восемь. У меня украли также мое золото и мои драгоценности.»

— «Кто же это укралъ?»

— «Спросите у своихъ мыслей: я всемогущая.»

— «Съ которыхъ же поръ?»

«Всегда, всегда; я всегда была всемогущая» и т. д.

Большая рѣдко обращаетъ на что нибудь вниманіе; она не помнитъ ничего изъ прошлаго и очень мало изъ настоящаго; она способна только къ самымъ простымъ занятіямъ — сдѣлать себѣ постель, одѣться, принести ѣсть. Она не знаетъ ничего имени, хотя живетъ въ съумасшедшемъ домѣ уже нѣсколько лѣтъ. На этой степени безумія больные могутъ оставаться многіе годы, не дѣлая шага къ послѣдней стадіи—полнаго умственнаго разрушенія.

Чтобы попасть на эту стадію, нужно идти къ ней постепенно, начавъ съ маніи (сумасшествіе, меланхолія, бѣшенство) и пройдя всѣ степени дураковатости.

Въ безуміи нѣтъ представленій и мыслей. Впечатлѣнія не перерабатываются, и изъ нихъ ничего не образуется въ головѣ больного. Па-

мать исчезает у него почти совершенно, такъ что онъ не только забываетъ все, что дѣлается съ нимъ теперь, но не помнитъ рѣшительно ничего изъ своей прошлой жизни. Большой забываетъ—и это болѣею частью—даже языкъ, такъ что повторять автоматически нѣкоторыя немногія слова а скуднаго лексикона, или же удерживаетъ въ памяти лишь слоги.

Вмѣстѣ съ этой тупостью воображенія и смысла является сильнѣйшее ослабленіе воли. Чтобы большой принялся за что нибудь, онъ долженъ получить импульсъ извнѣ; очень часто такіе больные не въ состояніи сами удовлетворять своимъ физическимъ потребностямъ: ихъ нужно кормить, потому что они не могутъ даже положить себѣ кушанья съ стоящаго передъ ними блюда; за ними нужно строго наблюдать, потому что они, по своей душевной невинности, не имѣютъ понятія объ опасности, и могутъ подвергнуться легко несчастію. Безумный не знаетъ ни горя, ни радости, ни чувства стыда.

Вслѣдствіе отсутствія воли безумный можетъ быть очень опасенъ. Съумасшедшій, убивая или поджигая, дѣйствуетъ всегда по извѣстнымъ мотивамъ и цѣлямъ. Опасность эту есть возможность предвидѣть и предупредить; но тихенькій безумный руководствуется внезапнымъ вдохновеніемъ. Онъ убьетъ своего сосѣда ночью, потому что тотъ, можетъ быть, храпитъ, или подожжетъ перваго, потому что ему случилось вытащить изъ печки головню и рядомъ лежала солома. И не смотря на эту большую опасность безумныхъ, за ними обыкновенно наблюдаютъ менѣе, потому что они плохи.

Такое безуміе совершенно уже неизлечимо. И населеніе съумасшедшихъ домовъ состоитъ болѣею частью изъ подобныхъ несчастныхъ.

Въ безуміи есть одинъ видъ, такъ называемое безуміе апатическое, когда больной, какъ статуя, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ духовной жизни: онъ ничего не думаетъ, ничего не говоритъ, ничего не чувствуетъ, ничего не хочетъ. Эта форма слабоумія является очень часто у стариковъ, а иногда даже и ранѣе старости, въ слѣдствіе мозговыхъ болѣзней.

Не смотря на то, что безумные умерли, повидимому, для всего на свѣтѣ, у нихъ нерѣдко является любовь смотрѣть на огонь, или раскладывать его. И какъ въ рукахъ безумнаго все превращается въ оружіе, то особенно нужно стараться, чтобы безумные не видѣли огня. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы эта слабость составляла исключительную особенность безумныхъ. Люди всѣхъ возрастовъ любятъ смотрѣть на огонь. Кто не испытывалъ этого удовольствія, сидя передъ каминномъ; а иллюминаціи, фейерверки и громадные деньги, бросаемыя

на нихъ, развѣ не доказываютъ, что и умные отличаются тою же страстью? Безумные, лишеныя средствъ устраивать фейерверки по правиламъ пиротехники, удовлетворяютъ своей наклонности къ огненнымъ зрѣлищамъ посредствомъ поджоговъ, и роль, играемая безумными въ исторіи пожаровъ, такъ серьезна, что болѣзнь поджигательства назвали даже особеннымъ именемъ — пироманіей.

Вмѣстѣ съ любовью къ огню безумные выказываютъ страсть и ко всему блестящему; другіе считаютъ все свое счастье въ куреніи. Напримеръ, одинъ безумный за табакъ или сигару дѣлалъ все, чего отъ него ни требовали. Величайшимъ удовольствіемъ для него было предложить или подать кому нибудь огонь. Каждому, кого онъ встрѣчалъ на улицѣ съ потушенной сигарой, или трубкой, онъ съ величайшей любовью предлагалъ огонь, и при этомъ просилъ на табакъ. Эту же большой имѣлъ страсть смотрѣть на огонь. Когда онъ сидѣлъ передъ пылающимъ огнемъ, то забывалъ объ ѣдѣ, и нужно было видѣть радость, которой сіяло его лице, чтобы понять, какой пріятный внутренній процессъ происходилъ во всемъ его организмѣ. Ужъ, разумеется, гашить не доставилъ-бы ему такого неземнаго наслажденія. Случалось, что этому безумному доставляли экстренное удовольствіе дозволеніемъ затопить печку. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ получалъ отказъ на свою просьбу и, разсердившись, начиналъ грозить—онъ грозилъ всегда поджогамъ.

XIV.

Всѣ, разсмотрѣнныя до сихъ поръ, формы душевнаго разстройства составляютъ частное, индивидуальное явленіе. Болѣзнь, какъ результатъ личныхъ причинъ, поражаетъ только одного человѣка, сосредоточиваетъ всѣ свои силы на немъ одномъ, не переходя на другихъ. Происхожденіе такой болѣзни и весь путь ея развитія, какъ мы видѣли, можно прослѣдить безъ труда. Человѣкъ становится жертвой помѣшательства, или по своей личной винѣ—несоответственнымъ дурнымъ образомъ жизни, или по винѣ другихъ — своихъ родителей, передавшихъ ему пагубно-расположеніе къ нервному и мозговому разстройству, или испортившихъ здоровый дѣтскій организмъ сквернымъ воспитаніемъ. Теперь-же мы переходимъ къ новому виду болѣзней чувствующаго организма, болѣзней, поражающихъ сразу множество людей и дѣйствующихъ, какъ зараза. Предъ этими болѣзнями наука становится въ тупикъ; она знакома только съ ихъ вѣншими проявленіями, ограничивается только наблюденіями самихъ фактовъ, но пока не можетъ ни-

чего еще сказать о томъ внутреннемъ процессѣ, который происходитъ въ человѣкѣ, повидимому, совершенно здоровомъ, воплѣ владычествующими интелектуальными способностями, и впадающемъ внезапно въ пароксизмъ особеннаго душевнаго состоянія. Теперешняя загадочность этого явленія заключается собственно въ томъ, какимъ путемъ, какой силой передается такой пароксизмъ немедленно другому, такъ что этотъ другой повторяетъ совершенно тоже, что чувствовалъ и дѣлалъ человѣкъ его заразившій. Говорятъ, что для этого необходимо однородное нервное расположеніе и сходство темпераментовъ. Такъ; но вѣдь это нисколько не разъясняетъ самой сущности дѣла. Можно, пожалуй, сравнить это явленіе еще и съ извѣстнымъ акустическимъ закономъ созвучія: — по одной струнѣ волятъ смычкомъ, а другая, настроенная въ тотъ же тонъ, издаетъ звукъ,—но вѣдь и это сравненіе не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ. Точно также не помогаетъ нашему невѣжеству невинное объясненіе психіатровъ, полагающихъ, что загадка разрѣшена, если сказать, что въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ законъ подражанія. Хорошо, пожалуй, и этотъ законъ, да только все таки не ясно, съ какой стати вамъ, читатель, непремѣнно нужно зѣвать, если зѣваетъ человѣкъ, сидящій съ вами рядомъ? Объясняютъ дѣло стадностью, т. е. тѣмъ закономъ, по которому цѣлый табунъ лошадей идетъ за главнымъ жеребцомъ, или стадо овецъ за старымъ бараномъ, или козломъ. И этотъ законъ не дурень, и если-бы мы знали его воплѣ, то конечно разрѣшилась-бы и загадка; но въ томъ-то и дѣло, что мы наблюдаемъ только внѣшній фактъ, а внутренниихъ пружиныхъ, заставляющихъ овецъ идти, съ похвальной скромностью и овечьей тупостью, за старымъ козломъ, мы все таки не видимъ. Конечно, читатель не ожидаетъ, чтобы я разрѣшилъ ему этотъ вопросъ, когда его не могли разрѣшить, до сихъ поръ, такіе молодцы, какъ Эскароль, Пинель и цѣлый легионъ психіатровъ, специалистовъ этого дѣла. Ограничиваясь поэтому скромной ролью лѣтописца, я приведу здѣсь только цѣлый рядъ фактовъ, не пускаясь ни въ какія объясненія.

Таинственная подражательность, на которую ссылаются психіатры, производитъ дѣйствительно чудеса. Мы видимъ ежедневно, какъ одинъ зѣвающий человѣкъ можетъ заставить зѣвать десять остальныхъ, сидящихъ съ нимъ въ одной компаніи; одна рыдающая женщина приведетъ въ слезы сонмъ чувствительныхъ старухъ; одинъ весельчакъ, хохочущій во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ и круглаго живота, оживляетъ и заставляетъ смѣяться цѣлое собраніе. Съ этими фактами знакомъ каждый.

Военнымъ также хорошо извѣстно, какъ заразительна храбрость и трусость. Человѣкъ львиной храбрости, идущій отважно впереди въ бой, дѣлаетъ львами цѣлый полкъ солдатъ, въ которомъ можетъ быть на половину трусовъ. Никому изъ этой толпы не придетъ мысль не идти, — нельзя, всё идти, говорить трусь, и становится лють, какъ шакалъ. Что заставляетъ этихъ людей, вообще, можетъ быть, очень добрыхъ и мягкосердечныхъ, превратиться вдругъ въ хищниковъ, и съ наслажденіемъ убивать, такъ называемыхъ враговъ, съ которыми они встрѣчаются всего въ первый разъ въ жизни, и не нѣли никогда, ни дружескихъ, ни враждебныхъ столкновений? — говорить подражаніе; ну, положимъ подражаніе.

И факты стадной трусости проявляются точно также. Иногда въ бою командуютъ полку идти въ огонь, и никто ни съ мѣста; всё стоять какъ вкопанные. Ни просьбы, ни брань, ни угрозы—ничто не помогаетъ. Командиръ можетъ быть храбрѣе всѣхъ львовъ въ мірѣ, взятыхъ вмѣстѣ, онъ можетъ отважно броситься впередъ, но за нимъ все таки никто не пойдетъ и подражаніе, какъ видно, не дѣйствуетъ. Но вогъ, другому полку, стоящему сзади, командуютъ сбойти; онъ обходить, продолжаетъ свой маршъ, а за нимъ идетъ теперь и тотъ, который стоялъ какъ привинченный. Почему же неподвижность одного полка не заразила другой, сзади его стоявшій; почему полкъ не шелъ за своимъ сѣдымъ командиромъ, а пошелъ за полкомъ? Почему въ одномъ случаѣ подражательность дѣйствуетъ такъ, а въ другомъ иначе?

Извѣстно, какъ страстная рѣчь оратора дѣйствуетъ на толпу, возбуждая въ слушателяхъ совершенно тѣ же мысли, ощущенія и энтузіазмъ, какіе вдохновляютъ самаго оратора. Этимъ путемъ цѣлыя массы народа становятся иногда вдругъ мягкосердечны до самаго жертвоузіанія, или люты, какъ вампиры, такъ что давай имъ только крови и крови. Ловкій генералъ умѣетъ немногими словами возбудить въ солдатахъ такую боевую страстность, что они совершаютъ чудеса храбрости. Блестательнымъ же фактомъ экстаза, самопожертвованія служилъ знаменитая ночь на 4 августа, когда французское дворянство отказалось отъ всѣхъ своихъ привилегій.

Но въ самомъ широкомъ объемѣ заразительность примѣра проявлялась во время сильныхъ народныхъ движеній. Здѣсь каждый дѣйствуетъ, какъ заряженная лейденская банка; каждый служитъ центромъ заразы и заражаетъ сосѣда. Народъ образуетъ одну громадную электрическую батарею, въ которой каждый отдѣльный человѣкъ изображаетъ отдѣль-

ный элементъ. Въ этой цѣли нельзя найти ни начала, ни конца—всѣ возбуждены, всѣ въ экстазѣ. И это возбужденіе обнимаетъ обыкновенно, обѣ противоположныя партіи. Хотя изъ начала міра принято думать, что подобный экстазъ цѣлыхъ народныхъ массъ лучше всего прекращается матеріальными средствами, но это мнѣніе, подтверждаемое, повидимому, фактами, не совсѣмъ правильно, потому что фактажъ давалъ ошибочное объясненіе. Экстазъ проходитъ самъ собой, независимо отъ принятыхъ противъ него мѣръ; пока онъ не совершитъ своего полного круга, ничто остановить его не можетъ; напротивъ того, предоставленный самъ себѣ, онъ кончается скорѣе и съ меньшими жертвами, чѣмъ въ случаѣ противоположностей.

Громадный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и поучительный примѣръ этого рода представляетъ Франція. Возбужденіе страстей доходило въ ней до послѣдней крайности, и по числу экзальтированныхъ людей, и по размѣру экзальтаціи, и между тѣмъ пароксизмъ продолжался не болѣе трехъ лѣтъ, тогда какъ сравнительно ничтожное движеніе Венгріи тянулось болѣе года.

На экзальтаціи этого рода смотреть, какъ на нѣчто произвольное, волюнѣ зависящее отъ воли людей; въ этомъ-то вся и ошибка. Никакое возбужденное душевное состояніе, обнимающее цѣлыя массы, не зависитъ ни отъ кого въ отдѣльности, потому что оно дѣйствуетъ совершенно также, какъ и всякая гуртовая страсть. Почему подвергаются экзальтаціи одни позже, другіе раньше, одни слабѣе, другіе сильнѣе этого не знаетъ еще ни одна наука въ мірѣ. Наука знаетъ только тотъ фактъ, что существуютъ извѣстныя душевныя настроенія, дѣйствующія эпидемически и заразительно, и что есть люди, которые, во время самаго сильнаго свирѣпствованія подобныхъ эпидемическихъ возбужденій, нѣтъ не подвергаются, какъ не всякій хвораетъ холерой въ холерныя годы; какъ не всякій заражается чумой. Факты, которые я приведу ниже, помогутъ читателю взглянуть лучше въ этотъ вопросъ.

Есть странныя душевныя настроенія и болѣзни, со всеми признаками заразительности и эпидеміи, неосстижимыя при настоящемъ состояніи знаній, напримѣръ, самоубійство. Замѣчено, что самоубійство, случившееся въ сѣмьдесятъ лѣтъ, и о которомъ знаютъ болѣзныя, производятъ на нихъ чрезвычайно потрясающее впечатлѣніе, и послѣ чего нужно ожидать новыхъ самоубійствъ. Что же побуждаетъ сѣмьдесятыхъ увлекаться привѣтромъ и ливать себя жизни изъ подражанія? Конечно, причину нужно искать въ новыхъ безумныхъ представленіяхъ и заключеніяхъ. Не отчего они явились?

Еще поразительные факты эпидемического самоубийства, встречающагося между людьми, повидимому, вполне здоровыми. Въ первую французскую имперію застрѣлился разъ на гауптвахтѣ одинъ солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ и многіе другіе выбрали ту-же гауптвахту мѣстомъ самоубійства; начальство сожгло караульню и эпидемія кончилась.—Одинъ инвалідъ (тоже во Франціи) повѣсился на двери; въ слѣдующіе 14 дней, на той же самой двери, повѣсился еще два человѣка; по совѣту Сабатье правительство велѣло заложить и заштукатурить дверь, и, какъ только она исчезла съ глазъ, прекратилось и вѣшанье.

Въ Баваріи образовался разъ клубъ самоубійцъ; онъ состоялъ изъ 6 членовъ, которые старались завербовать къ себѣ и другихъ. Согласно статуту, убили себя сначала трое, а потомъ по очереди отправлялись за ними и другіе. Подобный же клубъ былъ и въ Парижѣ; онъ состоялъ изъ 12 лицъ, и, согласно регламенту, ежегодно избирался одинъ членъ, который долженъ былъ лишиться себя жизни.

Въ обыкновенномъ убійствѣ замѣчена подобная же заразительность примѣра. Одинъ человѣкъ меланхолическаго расположенія видѣлъ разъ казнь преступника; вслѣдъ за тѣмъ въ немъ явилось внезапно побужденіе къ убійству, не смотря на то, что онъ дрожалъ отъ одной мысли о преступленіи; онъ горько плакалъ, ломалъ себѣ руки, просилъ своихъ друзей спасти его и искренно благодарилъ ихъ потомъ, что они удержали его отъ страшнаго дѣла. Одинъ ребенокъ 6—8 л. закололъ своего младшаго брата; родители, воротясь домой, и увидѣвъ бѣду, начали распрашивать ребенка, что побудило его на это. Онъ, плача и обнимая мать, говорилъ совсѣмъ чистосердечно, что «сдѣлалъ это, изъ подражанія черту, который закололъ полишневеля».

Интересно, что въ убійствахъ и въ самоубійствахъ бываетъ нѣчто въ родѣ моды. Такъ, совершится, напримѣръ, убійство, какимънибудь особеннымъ образомъ, въ родѣ того, какъ убивалъ Люгуркъ — терпугомъ въ спину, противъ сердца, и этотъ способъ такъ понравится убійцамъ, что они все стараются убивать непременно терпугомъ; или войдетъ въ моду кистень, задушеніе и т. п. Въ самоубійствахъ замѣчено тоже самое. Напримѣръ, въ Парижѣ, было одно время въ модѣ бросаться съ колоколенъ, башенъ, или колоннъ; въ домѣ инвалідовъ, послѣ того, какъ тамъ повѣсился одинъ на колоннѣ, повѣсилось на ней тринадцать человѣкъ. Плутархъ рассказываетъ, что въ Милетѣ свирѣпствовала разъ такая зараза между дѣвушками на самоубійство, что они, не смотря на просьбы и мольбы своихъ домашнихъ и родныхъ, вѣшались

плѣлыми толпами. Умные греки придумали средство, которое ни одному полицейскому учрежденію Европы не пришло-бы ни за что въ голову: городъ объявлялъ, что каждая такая самоубійца будетъ выставляться голая, съ веревкой на шеѣ, на рынкѣ, и выставилъ точно нѣсколькихъ, — самоубійства прекратились. — Подобное же эпидемическое самоубійство дѣвушекъ повторилось въ Лионѣ, въ XIV столѣтіи.

Особенной силой отличались нравственные эпидеміи въ средніе вѣка, когда преобладало суевѣріе, мистицизмъ и магія. Одна изъ болѣе распространенныхъ формъ эпидемій этого рода была пляскоманія, или танецъ св. Іоанна. Болѣзнь эта, свирѣпствовавшая съ особенной силой между 1374—1418 г., прекратилась вполнѣ, только съ тридцатилѣтней войной. Пляскоманія, порожденная суевѣріемъ, явилась послѣ ужасовъ черной немочи, въ Саксонію; отсюда она перешла въ Кельнъ, Ахенъ, Нидерланды, Мецъ, Стразбургъ и т. д. въ другія мѣста. Цѣлые часы сплошь танцовали Іоганисты, мужчины и женщины, кружась и прыгая, пока, съ пѣной у рта, не падали въ судорогахъ, снова вскакивали и опять кружились въ своей дикой пляскѣ, пока не лишались силъ. Іоганисты танцовали съ вѣнками на головѣ и съ зашнурованными животами. Когда танцоры и танцорки приходили въ изнеможеніе, то ахали и стонали, какъ будто-бы пробилъ ихъ послѣдній часъ, пока не перетягивали имъ животъ еще крѣпче. Это шнурованье было необходимо противъ развивавшихся, во время бѣснованья, вѣтровъ; но точно также помогало, если тискали животъ кулаками или мями ногами. Во время припадка танцорамъ являлись всевозможныя видѣнія. При вполнѣ развившейся болѣзни, съ одержимыми дѣлались судороги, они падали безъ чувствъ, съ страшнымъ храпѣніемъ и съ пѣной у рта. Пляска сопровождалась пѣніемъ.

Въ тоже время явился въ Италію тарантизмъ. Это было тоже бѣшенство пляски, созданное суевѣрнымъ представленіемъ о томъ, что укушеніе тарантула производитъ немалочимую меланхолію. Когда разъ нѣкоторые изъ меланхоликовъ, истощенные болѣзнію и голодомъ, и возбужденные свирѣлью и барабанами, почувствовали себя легче послѣ бѣшенаго танца — совершенно также чувствуютъ себя съумасшедшіе, у которыхъ меланхолія перешла въ бѣшенство — тарантелла зазвучала во всѣхъ деревняхъ и мѣстечкахъ. Больные, истомленные страданіемъ, собирались на звуки музыки, чтобы танцовать, а совершенно здоровые зрители впадали въ тотъ же припадокъ танцобѣсія по сочувствію, изъ подражанія. Эта непонятная болѣзнь существовала почти три столѣтія, то усиливаясь, то ослабывая, и прекратилась только съ тридцатилѣтней войной.

Въ какой степени корчи или судорожныя движенія дѣйствуютъ возбуждительно на нервы здоровыхъ людей, показываетъ пляска св. Вита; но иногда судорожныя припадки являются даже отъ одного воображенія. Рамбергъ приводитъ слѣдующій фактъ. На одной англійской прядильнѣ дѣвушка-работница, желая подшутить надъ своей подругой, засунула ей за пазуху мышь. Дѣвушка впала въ судороги, которые не прекращались цѣлыя сутки. На другой день совершенно такія же судороги сдѣлались еще съ тремя дѣвучками; на третій день—съ шестью; а на четвертый всѣхъ больныхъ было уже 24. Изъ этихъ 24, пять не видѣли сами ничего, а только слышали рассказы и, не смотря, на то, впали совершенно въ тѣ-же самые судороги, какъ и тѣ, которыя видѣли. Подобный же случай былъ въ Гарлемѣ, гдѣ, въ одномъ воспитательномъ заведеніи сдѣлались, съ одной дѣвучкой судороги отъ испуга, и скоро всѣ дѣвучки и мальчики, безъ исключенія, подверглись тому же припадку.

Эпидемія бѣшенства пляски существуетъ еще и въ наше время, хотя и не доходить до такого размѣра, какъ въ средніе вѣка. Въ Шотландіи, напримѣръ, существуетъ прыгательная лихорадка; тѣмъ же припадкамъ подвергается и наша секта скакуновъ, тѣ-же судорожныя эпидеміи существуютъ и въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки. Любопытную болѣзнь этого рода описываетъ Маасъ. Она существовала въ Германіи въ 1816—18 году въ видѣ религіозной секты. Фанатики собирались разъ въ недѣлю для вечерней молитвы, пѣли религіозныя пѣсни и, разгораясь постепенно, начинали плясать, и наконецъ впадали въ экстазъ, сопровождаемый конвульсивными движеніями.

Секты подобнаго рода, гдѣ судорожное прыганье, танцы или другаго рода конвульсивныя движенія играли главную роль, извѣстны уже съ самой глубокой древности и не прекращаются до сихъ поръ, хотя они уже не свирѣпствуютъ въ такой степени, какъ прежде, благодаря, конечно, ослабленію фанатизма. Такія эпидеміи замѣчены рѣшительно у всѣхъ народовъ—на востокѣ и на западѣ, на югѣ и на сѣверѣ. Даже самобытыя и лапландцы принесли свою давнѣ душевнымъ эпидеміямъ. Гегстремъ рассказываетъ, что лапландцы, когда они слышатъ проповѣдника, слишкомъ размахивающаго руками, или говорящаго очень громко, то падаютъ цѣлыми толпами въ обморокъ; другіе же прыгаютъ, какъ безумные, опрокидываютъ все, что имъ попадается, бьютъ себя и потомъ не помнятъ ничего, что они дѣлали.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нервныя припадки обнаруживаются въ дикой, безумной формѣ, со всѣми признаками помѣшательства. Ужъ это одно обстоятельство показываетъ, что къ подобнымъ болѣзнямъ нужно

имѣть исключительное расположеніе, и что они не могутъ обнимать вдругъ слишкомъ большія массы населенія. Поэтому всѣхъ этихъ трамблеровъ, комиссардовъ, конвульсіонеровъ, скакуновъ, квакеровъ, ясенистовъ, морантостовъ, юганистовъ, флагелантовъ и подобныя имъ секты, извѣстныя своими нервными пароксизмами, можно считать большими, которыхъ восторженность граничить съ безуміемъ.

Только привычка или непониманье мѣшаютъ людямъ видѣть въ ихъ повседневной жизни ту горячность, часто эпидемическаго характера, которая управляетъ всѣми историческими движеніями. Если читатель обратитъ вниманіе только на одинъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ люди стали жить обществомъ и выработалась идея государства, не прошло ни одного года безъ внѣшней или внутренней войны—въ дѣйствительности или въ приготовленіи къ нимъ,—и что война не такое дѣло, которыми-бы можно было заниматься спокойно, какъ стиркой бѣлья, то ужъ это одно обстоятельство покажетъ ему характеръ общественнаго настроенія. Но внѣшняя война считается средствомъ правильнымъ, законнымъ, не избѣжнымъ и даже справедливымъ; она обдумывается спокойно, начинается людьми неувлекающимися, исполняется тѣми, кто рѣдко бываетъ ею заинтересованъ; однимъ словомъ, соединяется, повидимому все, что необходимо, чтобы лишить войну всѣхъ признаковъ энтузіазма и увлеченія, и не смотря на все это, увлеченіе играетъ въ ней главную роль, и, какъ электрическій токъ, возбуждаетъ наиболѣе спокойную половину человечества.

Д-ръ Шмидтъ сообщаетъ интересныя образчики того, какую гуманность обнаруживаютъ судебныя власти Германіи въ отношеніи больныхъ. Одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій по глупости фальшивое показаніе и преданный суду, захворалъ въ тюрьмѣ съ припадками безумія. Когда привели больного въ сумасшедшій домъ, то, по осмотрѣ, нашли у него на спинѣ кровяныя рубцы и слѣды старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ толчковъ и побоевъ. Судебный сторожъ объяснилъ,—разумѣется въ смятченномъ видѣ,—что эти знаки произошли отъ того, что когда больной не хотѣлъ идти въ тюрьму съ прогулки добровольно, то, не смотря на то, что онъ кричалъ и барахтался всѣми силами, его, сумасшедшаго-то, волочили по землѣ и по лѣстницѣ и привозили этимъ простымъ способомъ въ его номеръ. Когда больной началъ выздоравливать, но еще нуждался въ врачебной помощи, за нимъ явился служитель изъ суда и увелъ опять въ тюрьму.

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШИННЪГАГЕНА.

VII.

Полчаса спустя по возвращеніи Вольфганга домой, его позвали къ генералу, который сидѣлъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, выходявшей прямо въ садъ, и читалъ газету. Ему хотѣлось спросить молодаго человѣка объ одномъ изъ профессоровъ университета, который, на какой-то изъ недавнихъ народныхъ сходокъ, сказалъ чрезвычайно либеральную рѣчь, отрывки которой были напечатаны въ этомъ номерѣ газеты. Вольфгангъ, присутствовавшій на этой сходкѣ, исполнилъ желаніе старика и пополнилъ на память газетные пробѣлы въ рѣчи профессора; слово за слово, онъ увлекся въ политическій разговоръ, который вскорѣ, какъ того и слѣдовало ожидать, принялъ непріятный для молодаго человѣка оборотъ. Старикъ сначала разсердился, потомъ это раздраженіе перешло въ его обычную грубую саркастичность.

— Ты человѣкъ молодой, воскликнулъ онъ, и воображаешь что они и впрямь невѣсть какое дѣло сдѣлали, что тамъ и сямъ повыбили стела въ двухъ, трехъ окнахъ, да наорались и нализились до дремоты? Конечно, что говорить, случается иной разъ, что и самая дрянная кляча лягнетъ тебя, коли ты ей ужъ больно не подь силу возъ навалишь, да безъ толку будешь бить кнудомъ; а все же она чѣмъ была, тѣмъ и останется и какъ увидить, что ляганьемъ ничего не возьмешь, то и потащитъ себѣ смиренненько тяжелый возъ. На свѣтѣ

должны быть убогія клячи, которыя надрывались-бы для нашей выгоды, долженъ быть и черныи народъ, который оклѣвалъ-бы, работая на нашего брата. Такъ было сначала міра, такъ будетъ и до конца. Пока не перевелись охотники до шампанскаго и до страсбургскихъ пироговъ, не будетъ недостатка и въ томъ жалкомъ, плоскоголовомъ людѣ, который питается картофельной водкой, да кочерыжками. Чѣмъ ты поможешь этому? Нравоученіями? Какъ бы не такъ! Отъ времени до времени, пожалуй, и будутъ нарождаться добродушные дураки, готовые несть въ чужомъ пиру похмѣлье, только изъ добродѣтельнѣхъ людей, на другой же день, выходятъ плуты, изъ отшельниковъ—веселые, отѣвшіеся аббаты; земля — шаръ, а потому волей-неволей должна вертѣться. Или, быть можетъ, злу пособятъ революціи? Другъ ты мой любезный! Въ тысяча семьсотъ восемьдесятъ девятомъ году я былъ такимъ же молокососомъ, какъ и ты, не въ обиду будь сказано твоимъ красивымъ чернымъ усикамъ; я числился корнетомъ въ гусарскомъ полку, и сорванецъ былъ не изъ послѣднихъ; мнѣ таки порядкомъ доставалось отъ моего эскадроннаго командира; а потому я, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ горой за *liberté* и за полунаугую богиню разума. Мало-ли я въ то время осушалъ съ товарищами бокаловъ вина, распѣвая марсельезу и лаская у себя на колѣняхъ красныхъ дѣвушекъ! Позднѣе, когда я самъ сталъ эскадроннымъ командиромъ и красныхъ дѣвушекъ спровадилъ ко всѣмъ чертямъ, то и я также безперемонно потчивалъ своихъ корнетовъ фухтелями, какъ во время потчивали меня. *Egalité! Fraternité!* Не слушай ты, братъ, всѣхъ этихъ росказней. Кто силенъ, тотъ и правъ и, по моему, оселъ тотъ и больше ничего, кто даетъ вырвать у себя власть изъ рукъ, если онъ можетъ этому помѣшать. Да, чортъ возьми! Отчего всѣ сильные міра не дѣлаютъ въ большихъ разиѣрахъ того, что я сдѣлалъ въ кампаніи 1792 года? Было у меня въ эскадронѣ два-три безпокойныхъ человѣка, которые перебаламутили и остальныхъ. Постой-же, подумалъ я про себя, проучу-же я васъ, висѣльники! Черезъ нѣсколько дней послѣ того, за ученьемъ на плацу, я командую налѣво, а цѣлый эскадронъ заворачиваетъ направо, я командую на право, а эскадронъ

береть налёво. Стой! крикнулъ я. Отчего вы не дѣлаете того, что вамъ велятъ? Оттого, что не хотимъ, загудѣло въ эскадронѣ. Вотъ какъ! вы не хотите? воскликнулъ я, и вызвалъ главнаго зачинщика передъ фронтъ. Онъ выступилъ и остановился передо мною. Отчего ты не такъ ѣдешь, какъ тебѣ велятъ? Оттого, что не хочу, отвѣчалъ грубіанъ, и засмѣялся мнѣ въ лице. Долой съ коня! крикнулъ я ему. Тотъ не трогается. Долой съ коня!скомандовалъ я во второй разъ. Мой удалецъ все не трогается. А, коли такъ, воскликнулъ я, чертъ же съ тобой! и выхвативъ пистолеть изъ тариковъ, гдѣ онъ торчалъ уже нѣсколько дней, застрѣлил его, какъ собаку. Съ той поры никто уже не заворачивалъ направо, когда я командовалъ налёво. Что помѣшало остальнымъ изрубить меня въ куски? Мы были одни на плацу, на разстояніи полчаса пути отъ крѣпости; кругомъ не было ни живой души, которая могла-бы меня защитить. Такъ зачѣмъ же стало дѣло? А за тѣмъ, что они были трусы, а у меня сердце было на мѣстѣ. И, вѣрь мнѣ, если-бы у нынѣшнихъ сильныхъ міра оно точно также было на мѣстѣ, сидѣли-бы они теперь на своихъ мѣстахъ также спокойно, какъ я сажу въ этомъ креслѣ. Попробовалъ ты, молодой человѣкъ, солдатскаго житья?

— Я отслужилъ положенный годъ волонтеромъ.

— Гм, гм!

И генералъ принялся молча пускать густые клубы табачнаго дыма изъ своей коротенькой пѣйковой трубки. Вольфгангъ разсматривалъ это старое, поблекшее лицо, которое все еще подергивалось подъ напоромъ неугомонившихся страстей, и въ немъ пробуждалось чувство отвращенія, смѣшаннаго съ изумленіемъ. Ему становилось стыдно за самаго себя, что у него не доставало смѣлости, молвить сѣдому тирану слово опроверженія, а между тѣмъ, языкъ у него точно онѣмѣлъ, и онъ испытывалъ подъ острымъ, пронизательнымъ взглядомъ этихъ черныхъ глазъ, устремленныхъ на него азъ подъ косматыхъ бровей, что-то похожее на ощущеніе птички, когда ей въ гнѣздо смотреть змѣя.

— Отчего ты не остался въ военной службѣ? внезапно обратился къ нему старикъ. Ты не въ примѣръ для нея лучше годишься, чѣмъ твои тонконогіе, бѣлобрысые двоюродные

братцы. Званіе война—единственное званіе, достойное дворянина.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, что я вѣдь дворянинъ только на половину, отвѣчалъ Вольфгангъ съ нѣсколько принужденной усмѣшкой.

— Это почему? Уже не потому-ли, что твоя мать простая мѣщанка? Оно, конечно, прискорбно, что твой отецъ уронилъ себя неравнымъ бракомъ, а все же...

Гнѣвно вспыхнуло лице Вольфганга.

— Ваше превосходительство! заговорилъ опъ твердымъ голосомъ, вы, кажется, забываете, что та, про которую вы говорите, моя мать.

— Что-о? грянулъ генераль, грозно нахмуривъ брови, и бросая мрачный взглядъ на молодаго человѣка, осмѣливагося заговорить съ нимъ въ этомъ тонѣ. Что-о?

Но тамъ, гдѣ дѣло шло о чести его матери, Вольфганга не такъ-то легко было запугать.

— Я хотѣлъ только замѣтить вамъ, продолжалъ молодой человѣкъ, что нѣтъ такого мужчины, который могъ-бы счять себя обезчещеннымъ бракомъ съ моей матерью, что я горжусь такою матерью, какъ она. Да-съ, ваше превосходительство, горжусь и не намѣренъ болѣе ни минуты оставаться въ домѣ, гдѣ мое вмѣшательство не можетъ оградить ее отъ подобныхъ оскорбленій.—Говоря это, Вольфгангъ поднялся съ своего мѣста и, дрожа отъ внутренняго волненія, но съ выраженіемъ непоколебимой твердости во взглядѣ и во всей своей позѣ, стоялъ передъ генераломъ. Онъ приготовился встрѣтить взрывъ страшнаго гнѣва со стороны стараго деспота, а потому не мало удивился, когда генераль разразился сильнымъ смѣхомъ и, прерываемый припадками кашля и хохота, воскликнулъ:

— Э! да мальчишка-то, какъ видно, порядочный!.. Это мнѣ нравится... Ну, не взъщи на старикѣ, не всякое лыко въ строку... Твоя мать препочтенная дама, и очень мнѣ понравилась. Ты правъ, какъ нельзя болѣе правъ... А теперъ найди и позови ко мнѣ Бригиту... Уфъ, уфъ!.. проклятый кашель.

Вольфгангъ хотѣлъ было помочь старику, но тотъ махнулъ

ему только рукою и онъ поспѣшилъ убраться изъ комнаты, радуясь, что такъ дешево отдѣлался.

А школьный учитель правъ! проговорилъ онъ про себя, достигнувъ своей комнаты. Ужасный человѣкъ этого угрюмый, свирѣпый старый левъ: настоящій дьяволъ! А все же онъ, повидному, не такое страшилище, какимъ изображали мнѣ его отецъ и другіе. Интересно было-бы знать, можно-ли укротить этого дикаго вепря, да и стоять-ли игра свѣчъ?

Вольфгангъ, осажденный цѣлымъ роемъ тревожныхъ думъ, простоялъ у открытаго окна, скрестивъ руки на груди и глядя въ постепенно сгущавшійся мракъ запусѣлаго парка, пока не вошелъ слуга и не позвалъ его къ ужину.

Президентша, между тѣмъ, успѣла возвратиться, и привезла Вольфгангу небольшой чемоданчикъ, на скорую руку, на повоенный его матерью всѣми вещами необходимыми для болѣе продолжительнаго пребыванія въ чужомъ домѣ. За ужиномъ, въ которомъ не принимали участія ни генералъ, ни Бригита, президентша была чрезвычайно любезна; она не находила словъ, чтобы выразить Вольфгангу, какое пріятное впечатлѣніе произвела на нее его мать, и какъ она, президентша, довольна, что ей наконецъ таки довелось, хотя и поздно, но авось либо не слишкомъ поздно узнать эту милую женщину.

Стоило похвалить Вольфгангу его мать, чтобы заручиться его расположеніемъ. Вольфгангъ нашелъ президентшу очень обходительною дамою; а что касается Камиллы, которая держала себя очень скромною и почти не поднимала своихъ шелковыхъ рѣсницъ, то красота ея при свѣчахъ показалась ему еще обаятельнѣе, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Когда онъ вскорѣ послѣ ужина, удалился въ свою комнату, въ немъ не оставалось и слѣдовъ раскаянія въ томъ, что онъ согласился потѣшить прихоть своего дѣда и уступилъ совѣтамъ родителей. Массивная кровать съ балдахиномъ радушно приняла его усталые члены; одинокіе мѣсячные лучи, украдкою скользя между полами занавѣса, производили въ высокомъ, пустомъ пространствѣ какой-то нѣжашій полусвѣтъ, а въ этомъ полусвѣтѣ на молодого человѣка глядѣла пара карихъ задумчивыхъ глазъ, глядѣла такъ нѣжно, и, въ тоже время, такъ

плутовски, что Вольфгангъ невольно улыбнулся и такъ съ улыбкою и заснулъ.

VIII.

Улыбаясь, проснулся Вольфгангъ на слѣдующее утро и та же улыбка не разъ появлялась на губахъ его въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ дней. Онъ и самъ не понималъ хорошо причину своего веселаго настроенія, да и не старался понять ее; какое-то инстинктивное чувство, свойственное до времени созрѣвшимъ характерамъ, говорило ему о скоротечности этихъ свѣтлыхъ минутъ, и онъ намѣренно избѣгалъ всякаго раздумья. Да и наконецъ, съ какой стати было ему оставаться равнодушнымъ подъ чарующимъ вѣяньемъ этой чудной весны, которая тепломъ и благоуханіемъ сказывалась по полямъ, виноградникамъ и лугамъ? Отчего было ему и не пользоваться возможностью короткаго сближенія съ дѣвушкою, красота которой съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе, приковывала къ себѣ его очарованный взглядъ? Вѣдь подобное счастье въ его серьезной, простой жизни выпадало на его долю впервые. У него никогда не было сестеръ, черезъ которыхъ онъ могъ-бы, подобно другимъ молодымъ людямъ, освоиться съ женскимъ обществомъ. Вся прелесть этого общенія, къ которому другіе привыкаютъ такъ рано, и которое такъ скоро утрачиваетъ для нихъ всякую цѣну, въ первый разъ сказалось двадцатилѣтнему юношѣ среди этого сельскаго уединенія; и такъ не удивительно, что ему мерещились голоса спречь тамъ, гдѣ другой разъ слышалъ-бы простую человѣческую болтовню. Изнѣженная президентша была плохой товарищъ для дальнихъ прогулокъ, а потому Камилла и Вольфгангъ, чуть не по цѣлымъ днямъ, бродили по огромному парку вдвоемъ. Молодые люди исходили незнакомую мѣстность вдоль и поперекъ, дѣлая на каждомъ шагѣ новыя открытія. Прогулки эти сопровождались веселыми приключеніями, придававшими имъ характеръ настоящихъ робинзонадъ. То приходилось имъ пробираться по шаткой переправѣ, на скорую руку устроенной самимъ Вольфгангомъ, къ полуразрушенному храму, возвы-

навшнемуся на островѣ, посреди пруда заросшаго тиною. Въ другой разъ, застигнутые бурей, они спѣшили укрыться въ хатѣ и цѣлый часъ сидѣли въ этой очаровательной темницѣ, между тѣмъ какъ на дворѣ дождь лилъ какъ изъ ведра, и обычное безмолвіе парка нарушалось раскатами грома. А то, въ самой отдаленной части парка, они открыли родъ террасы, спрятанной за непроницаемой чащей деревьевъ, и вскарабкались на нее по полустгнившей лѣстницѣ, при чемъ у нихъ много было шутокъ и смѣха. Онутившись на верху террасы, они увидѣли себя окруженными съ трехъ сторонъ листвою, которая, въ тоже время, образовала и надъ головами ихъ нѣчто въ родѣ бесѣдки; съ четвертой же стороны, за оградою парка, видѣлась широкая рѣка съ своими роскошными берегами. Солнце уже садилось за деревьями парка, но отблескъ заката обливалъ еще розовымъ свѣтомъ извивы рѣки и дрожащія лучи солнца играли на поляхъ, покрытыхъ молодыми, ярко зеленѣющими посѣвами. Изъ дальнихъ и ближнихъ сель доносился звонъ вечерняго колокола; мало по малу, алое зарево гасло въ сѣроватыхъ волнахъ и мягкій, голубой туманъ окутывалъ всю окрестность; дольше всего держался отблескъ зари на одномъ изъ оконъ высокаго собора въ «священномъ городѣ», но и то вскорѣ померкло, и звѣзды заглялись въ темно-голубомъ небѣ.

Подобныя картины живоительно вліяли на впечатлительнаго Вольганга, тѣмъ болѣе, что вся эта обстановка служила не болѣе, какъ рамкою для образа той прелестной дѣвушки, съ которой такъ близко свезъ его слѣпой случай. Дѣлаться съ нею всѣми своими мыслями и чувствами, въ сладкой увѣренности, что она сумѣетъ понять его, было для Вольганга верхомъ блаженства. Она слушала его съ такимъ заботливымъ вниманіемъ, съ такимъ участіемъ спрашивала его о его занятіяхъ, планахъ и надеждахъ на будущее, такъ благодарно принимала сообщаемыя имъ полезныя свѣденія, что Вольгангъ себя не помнилъ отъ восторга. А тутъ еще лукаво и ласково смотрѣли на него ея кроткіе глазки, на нѣжныхъ щекахъ вспыхивалъ стыдливый румянецъ и въ своемъ ласковомъ лепетѣ она нѣсколько сердечно сознавалась ему въ многословныя пробѣлки своего пансіонскаго воспитанія.

Все это время Вольфгангъ не разставался съ надеждою какъ нибудь встрѣтить въ паркѣ школьнаго учителя Бальтара; но ожиданія его оставались тщетными; потертый фракъ и желтые нанковые панталоны словно въ воду канули. Но обстоятельство это еще болѣе заинтересовало молодаго человѣка загадочною личностью. Онъ старался разузнать о школьномъ учителѣ у домашней прислуги, но, какъ ни осторожны были предложенные имъ вопросы, ему отвѣчали неохотно и уклончиво, пока наконецъ не попался одинъ парень, болѣе словоохотливый чѣмъ остальные, который и сообщилъ ему слѣдующія свѣденія:—Школьный учитель, Бальтазаръ Шмальгансъ, или, какъ его называютъ, старъ и младъ, Ванюшка-дурачекъ, безнадежно помѣшанъ, и ни на что болѣе не годился, какъ обучать азбукѣ деревенскихъ ребятешекъ, потому что вѣдь на это немного ума надобно. У него никогда не водится и гроша за душею; потому что всѣ свои деньги онъ роздаетъ или тратитъ на вздорныя книги, до которыхъ онъ страшно жаденъ. Madame дѣйствительно ему жена, но вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ она съ нимъ разошлась и живетъ въ замкѣ, такъ какъ ихъ превосходительство никакъ не могутъ безъ нея обойтись; да и понятно, что ей никакой не было радости жить съ полоумнымъ, который давно-бы околѣлъ съ голоду, если-бы ему каждый день не отпускали съ генеральской кухни кое какія крохи, которыми онъ и довольствовался. А впрочемъ, гласило показаніе, Ванюшка-дурачекъ человѣкъ смиренный и дитя малое не обидитъ, а если разговориться съ нимъ, такъ онъ вамъ такихъ глупостей на скажетъ, что со смѣху помереть можно. Въ кухнѣ замка съ нимъ каждый разъ бываетъ потѣха.

Однажды послѣ обѣда Камилла сидѣла въ комнатѣ своей матери, страдавшей мигренью, и Вольфгангъ разсудилъ, что ему всего лучше убить время, сдѣлавъ визитъ школьному учителю на деревнѣ. И такъ онъ отправился въ путь въ самомъ праздничномъ настроеніи духа. Еще наканунѣ получилъ онъ отъ матери письмо, въ которомъ она извѣщала его, что чувствуетъ себя необыкновенно хорошо, и приписывала это преимуществу тому веселому настроенію, въ которомъ отецъ Вольфганга пріѣхалъ изъ Рейнфельдена. Отъ имени отца она

просила Вольфганга, по возможности, снисходить къ причудамъ стараго дѣда, и поддерживать съ женою президента и ея дочерью то доброе согласіе, которое такъ неожиданно возстановилось между обоими семействами.

— Ну, объ этомъ-то, кажется, излишне было-бы и просить, проговорилъ Вольфгангъ улыбаясь, и оглянулся на замокъ, между оконъ котораго его зоркій глазъ съумѣлъ отличить окна комнаты президентши, гдѣ въ эту минуту сидѣла Камилла.

— До свиданья, милый Вольфгангъ! повторилъ молодой человѣкъ, въ нѣсколько пріемовъ, каждый разъ измѣняя интонацію своего голоса.

— Нѣтъ, никакъ не попаду въ тонъ! пробормоталъ онъ, качая головою; да и то сказать, что у нея за мягкій, мелодичный голосъ!

И, любуясь свѣтлыми образами, которые рисовала ему фантазія, онъ незамѣтно прошелъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее его отъ деревни.

Селеніе Рейнфельденъ состояло изъ кучки одноэтажныхъ, полуразвалившихся домовъ, разбросанныхъ въ перемежку съ дрянными надворными строеніями и крошечными садиками, въ которыхъ ничего не росло, кромѣ сорныхъ травъ. Все это было окружено развалинами каменной стѣны, которая, судя по ея архитектурѣ, принадлежала самой сѣдой старинѣ. Низенькое, полуразрушенное строеніе прилѣнилось какъ-то бокомъ къ этимъ развалинамъ; въ немъ-то и жилъ школьный учитель, какъ узналъ Вольфгангъ отъ какого-то оборваннаго деревенскаго мальчишки.

Наклонившись вошелъ онъ въ низкія сѣни, откуда дверь была отворена въ просторную классную комнату. Въ послѣдней увидѣлъ онъ самаго господина Шмальганса. Потягивая чай, учитель былъ безъ фрака и такъ усердно теръ мокрой тряпкою столы и скамьи, что не замѣтилъ вошедшаго гостя, пока не столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Э, да это добрый, молодой баринъ ко мнѣ припожаловалъ, въ удивленіи воскликнулъ Бальтазаръ, поднимая на гостя свои кроткіе голубые глаза.

— Надѣюсь, что я вамъ не помѣшалъ, господинъ Шмальгансъ, проговорилъ Вольфгангъ.

— О, нѣтъ, нисколько, отвѣчалъ школьный учитель, я какъ разъ теперь кончилъ уборку,—и онъ окинулъ всю комнату испытующимъ взглядомъ, какъ-бы желая удостовѣриться, что уборка дѣйствительно кончена.

— Вы, какъ я вижу, строго смотрите за чистотою, господинъ Шмальгансъ?

— А то какъ же? воскликнулъ Бальтазаръ. Бѣднымъ крошкамъ и безъ того тяжело сидѣть здѣсь закупоренными въ четырехъ стѣнахъ, когда ихъ такъ и тянетъ на вольный божій свѣтъ, на свѣжій весенній воздухъ; а тутъ еще я не стану заботиться, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не сидѣли въ пыли и въ грязи!

Бальтазаръ захватилъ свою щетку и прочія принадлежности только что оконченнаго занятія и пригласилъ Вольфганга послѣдовать за нимъ черезъ сѣни въ горницу.

То была небольшая наморка въ два окна, все убранство которой состояло изъ стола, нѣсколькихъ скамеекъ, узкой кровати и полки, заваленной тетрадами и исчитанными до послѣдней возможности книгами. На стѣнѣ, оббитое вѣнкомъ изъ им-мортелей, висѣло рѣзное распятіе изъ темнаго дерева, мастерская, старинная работа котораго обратила на себя вниманіе Вольфганга.

— Не правда-ли, замѣтилъ Бальтазаръ, успѣвшій, между тѣмъ, напялить на себя долгополый фракъ, — не правда-ли, высоко-художественное произведеніе? Этимъ самымъ распятіемъ ихъ превосходительство чуть не запустили мнѣ въ голову.

— Какъ такъ? воскликнулъ Вольфгангъ въ изумленіи.

— Ужъ вы на мнѣ не взыщите, добрый молодой баринъ, отвѣчалъ Бальтазаръ, улыбаясь въ замѣшательствѣ. Сказывали мнѣ, что вы доводитесь внукомъ генералу и мнѣ. Конечно, не слѣдъ-бы рассказывать вамъ про дѣдушку такія вещи; ну, да ужъ разъ они у меня съ языка сорвались, авось либо вы на меня не сердитесь.

— О нѣтъ, будьте покойны, завѣрялъ его Вольфгангъ, я и самъ знаю, что генералъ имѣетъ бѣдовый нравъ. Но какъ же это такъ случилось, что онъ позволилъ себѣ въ отношеніи васъ такую грубую выходку?

— О, это случилось давно тому назадъ. Еще въ то время

я часто хаживалъ въ замокъ играть въ шахматы съ ихъ превосходительствомъ, которые страдали отъ подагры, да спровѣдывать...

Тутъ Бальтазаръ покраснѣлъ и въ замѣшательствѣ началъ откашливаться.

— Ну, да словомъ, чтобъ провѣдывать мою жену, которая ходила за генераломъ во время болѣзни. Надо вамъ сказать, это она еще до замужества жила у генерала въ экономкахъ. а потому, очень естественно, генералъ никого не подпускалъ къ себѣ кромѣ ея, такъ какъ она всѣхъ лучше умѣла на него угодить.

— Ну да, конечно, поддакнулъ Вольфгангъ, желая помочь бѣдному Бальтазару въ тягостномъ для него объясненіи.

— Не такъ ли? воскликнулъ собесѣдникъ, вздохнувъ свободнѣе. И такъ, я часто хаживалъ въ замокъ и отъ души соболѣзновалъ о старомъ баринѣ, которому въ то время жутко приходилось отъ болѣзни. Только вотъ, роясь въ кладовой, которую меня иногда посылали убирать, я отыскалъ среди всякаго хлама это прекрасное изображеніе Спасителя, и мнѣ пришло въ голову, не повѣсить-ли его въ комнатѣ генерала, чтобы больной въ своихъ страданіяхъ укрѣплялся примѣромъ того, который еще болѣе страдалъ. Но ихъ превосходительство ничего этого не захотѣли принять въ соображеніе, они даже очень разгнѣвались, найдя это изваяніе у себя въ комнатѣ, позвали меня и, швырнувъ мнѣ въ голову стуломъ, изволили закричать: Проваливай ты отсюда къ чорту!— Напугался я таки порядкомъ, хотя, благодареніе Богу, отъ ушиба избавился — не сталъ дожидаться вторичнаго приказанія и давай богъ ноги! Бѣдное, поруганное изваяніе я захватилъ съ собою и принесъ его къ себѣ въ домъ, такъ какъ ихъ превосходительство изволили мнѣ его, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ подарить.

— Изваяніе дѣйствительно великолѣпно, замѣтилъ Вольфгангъ. Сколько въ немъ характеристичности, а между тѣмъ, оно не ударяется въ карикатуру. Я невольно восхищаюсь имъ, хотя вообщемъ къ доподобнаго рода изображеніямъ.

— Это почему, добрый, молодой баринъ? спросилъ школьный учитель.

— Потому что они напоминают мнѣ страшныя жестокости, которыя совершались во имя этого кроткаго лика; наконецъ, потому... Но господинъ Шмальгансъ, врядъ-ли намъ съ вами можно будетъ сойтись въ положеніи этого вопроса. Надо вамъ сказать, что я не католикъ.

— О, помиуйте, съ жаромъ отвѣчалъ Бальтазаръ, въ моихъ глазахъ это не имѣетъ ровно никакого значенія. Что касается вѣроисповѣданія, то мнѣ въ этомъ отношеніи, какъ есть, всѣ люди равны....

Тутъ Бальтазаръ пріостановился и заглянулъ гостю прямо въ лицо.

— Такъ что же было-бы лучше, господинъ Шмельгансъ?

— По настоящему, мнѣ-бы этого и говорить вовсе не слѣдовало, потому что оно нахнетъ страшнымъ вольнодумствомъ и я знаю людей, которые побили-бы меня камнями, если-бы это услышали. Но у васъ такіе славные, добрые, умные глаза, что я, кажется, могу вамъ довѣриться вполне.

— О да, безъ сомнѣнія можете, воскликнулъ Вольфгангъ, протягивая школьному учителю руку, которую тотъ пожалъ съ жаромъ. Что же вы хотѣли сказать?

Бальтазаръ выпустилъ руку молодаго человѣка, подошелъ къ окну, затворилъ его, а также затворилъ окна въ класной комнатѣ, заперъ наружную дверь дома и, воротившись, проговорилъ съ нѣкоторою торжественностью: я покажу вамъ, добрый, молодой баринъ, нѣчто такое, чего никто еще до сихъ поръ не видалъ, и въ доказательство моего довѣрія къ вамъ, я поведу васъ въ новое мѣсто, котораго никто, кромѣ меня, не знаетъ. Согласны-ли вы на это?

— Еще-бы, воскликнулъ Вольгангъ, порядкомъ озадаченный странною выходкою школьнаго учителя.

Бальтазаръ отворилъ небольшую дверь въ каморкѣ и знакомъ пригласилъ Вольфганга слѣдовать за собою.

Они вошли въ слабо освѣщенную комнату, которая, судя по очагу, занимавшему ея средину, была когда-то кухней; теперь же вся меблировка ея состояла изъ верстака, нѣсколькихъ досокъ и кучи стружекъ. Изъ этой комнаты полусгнившая лѣстница вела на чердакъ, въ который дневные лучи могли пробиваться не иначе, какъ чрезъ щели въ крышу.

— Дайте-ка мнѣ вашу руку, проговорилъ Бальтазаръ, здѣсь много всякаго хлама навалено. Вотъ такъ! А теперь стойте смирно, пока я добуду огня.

Бальтазаръ зажегъ фонарь, который онъ успѣлъ гдѣ-то откопать и, направивъ его свѣтъ на досчатую стѣну, обратился къ Вольфгангу съ вопросомъ: можете-ли вы отыскать здѣсь дверь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— А между тѣмъ, тутъ есть дверь, проговорилъ Бальтазаръ, неся фонарь съ добродушною усмѣшкой. Я таки порядкомъ попотѣлъ надъ устройствомъ этого механизма, пока онъ мнѣ удался. Смотрите!

Онъ пожалъ стѣну рукою и въ ту же минуту, безъ шума, раздвинулось въ стѣнѣ небольшое отверстіе; Вольфгангъ увидѣлъ передъ собою узкій, темный ходъ, замыкавшійся болѣе свѣтлымъ пространствомъ.

— Ступайте себѣ смѣло впередъ, только наклоните немного голову, чтобы не удариться о потолокъ; а мнѣ еще надо за вами запереть дверь.

Вольфгангъ ошущю сталъ пробираться темнымъ ходомъ, имѣвшимъ около десяти футовъ въ длину, и до того узкимъ, что Вольфгангъ почти задѣвалъ обоими плечами каменные стѣны; наконецъ, молодой человекъ очутился въ крутой, довольно высокой комнатѣ, которая освѣщалась, нельзя сказать чтобы слишкомъ ярко, узкими отверстиями, продѣланными въ непомѣрно толстыхъ стѣнахъ. У одного изъ этихъ отверстій стоялъ большой столъ, а передъ нимъ помѣщалось старинное, деревянное кресло. Столъ былъ заваленъ книгами, образчиками минераловъ, высушенными растениями и стянками; на полкахъ по стѣнамъ и на полу видѣлась также куча самаго загадочнаго и пестраго хлама.

Вольфгангъ съ удивленіемъ поглядывалъ вокругъ себя; ему приходили на память старыя легенды о чернокнижникахъ и волдунахъ; точь въ точь такимъ представлялъ онъ себѣ то мрачное убѣжище, изъ котораго докторъ Фаустъ порывался на горныя выси, освѣщенные луною.

— Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ, проговорилъ Бальтазаръ, усаживая своего гостя въ кресло, а самъ располага-

ясь на вѣскольныхъ фоліантахъ, маложенныхъ другъ на дружку. Эту башню всѣ считаютъ недоступной; и дѣйствительно, въ нее нѣтъ другаго входа, кромѣ того отверстія на моемъ чердакѣ, которое я не безъ труда проломалъ сквозь толстую стѣну, и которое я, какъ вы видѣли, бережно скрываю отъ любопытныхъ взглядовъ.

— Но что же навело васъ на эту мысль?

— Сначала простое любопытство посмотрѣть, что это за развалившаяся башня, которая въ народѣ слыветъ притонномъ вѣдѣмъ и служитъ предметомъ суевѣрнаго страха; а потомъ, когда я побывалъ здѣсь, мнѣ пришло въ голову, какъ-бы хорошо было устроить себѣ здѣсь убѣжище, тогда бы я могъ удалиться каждый разъ, какъ мнѣ захочется побыть одному, въ полной увѣренности, что мнѣ никто не помѣшаетъ. Сюда же задумалъ я стащить свои любезныя книги, скупленные мною по аукціонамъ и у разношниковъ за дорогія деньги, мои растенія и минералы; а то я изъ за нихъ каждую минуту рисковалъ, что господинъ пасторъ объявитъ меня еретикомъ, или даже суевѣрные крестьяне, чего добраго, меня укокошатъ. Дѣло, видите-ли, добрый, молодой баринъ, въ томъ, что въ этихъ книгахъ, растеніяхъ и минералахъ я прочелъ многое такое, что вовсе не слѣдъ было-бы знать бѣдному школьному учителю.

— И такъ, вы скрываетесь здѣсь отъ тупоумныхъ людей? Подобно послушнику въ «Натанѣ», вы ищете себѣ уголка, гдѣ бы вы могли въ одиночествѣ служить своему богу, въ ожиданіи своего переселенія въ вѣчность.

При этихъ словахъ Бальтазаръ поднялъ глаза на молодаго челоуѣка и молча поглядѣлъ на него нѣсколько минутъ съ какимъ-то кроткимъ, дружескимъ выраженіемъ; потомъ онъ заговорилъ, и голосъ его звучалъ, на этотъ разъ, еще болѣе ребячески мягко, чѣмъ обыкновенно:

— Видите-ли, мой добрый, молодой баринъ, это какъ разъ наводитъ меня на тему, о которой мнѣ давно хотѣлось поговорить съ кѣмъ нибудь, кому-бы я могъ безъ страха открыть свою душу: не лучше-ли бы было для всѣхъ, даже и для малыхъ дѣтей, если-бы ихъ научали той простой истинѣ, что мы, бѣдные, слабые люди, не имѣемъ другой опоры,

кромя той, которою мы можемъ служить другъ для друга, и что вне этой взаимной любви, нѣтъ для насъ спасенія. Быть можетъ, бѣдные и несчастные тѣснѣе сплотились-бы между собою, а быть можетъ, и вовсе не было-бы ни бѣдныхъ, ни несчастныхъ; я глубоко убѣжденъ, что на землѣ не было-бы ни бѣдныхъ, ни нагихъ, ни голодныхъ, если-бы словамъ: «любовь и братство» дать полное житейское примѣненіе...

Въ пылу вдохновенія Бальтазаръ снова вскочилъ съ своего мѣста. Красный лучъ заходящаго солнца прокрался въ эту минуту въ сумрачную комнату и озарилъ его блѣдное лице. Вольфгангъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ и чувствомъ глубокаго уваженія. Этотъ человѣкъ, глаза котораго горѣли священнымъ огнемъ, и голосъ котораго звучалъ какимъ-то полнымъ, металлическимъ звукомъ, былъ уже не жалкій, смиренный и робкій школьный учитель, надъ которымъ только лѣнивый не насмѣхался.

Вольфгангъ, не смотря на свою молодость, слишкомъ хорошо успѣлъ ознакомиться съ жизнью, чтобы не видѣть въ самоотверженіи святой невинности этого человѣка не болѣе какъ прекрасное исключеніе изъ уродливаго правила, а въ мирѣ, порожденномъ его мечтою, не болѣе какъ утопію, осуществимую только въ сердцѣ благороднаго мечтателя, сердцѣ, обнимавшемъ цѣлый миръ своею любовью. Но ему не хотѣлось огорчить этого добраго человѣка своими сомнѣніями, а потому онъ отвѣчалъ:

— Будемъ надѣяться, что человѣчество когда нибудь да достигнетъ обѣтованной земли; хотя ея и не увидятъ, ни наше поколѣнѣе, ни слѣдующее за нимъ, и богъ знаетъ еще сколько поколѣніямъ суждено до этого погибнуть въ пустынѣ. Но, какъ-бы то ни было, будемъ утѣшаться надеждою среди дспыльнаги знойнаго пути. Это все, что намъ остается дѣлать.

Бальтазаръ, между тѣмъ, снова занялъ свое мѣсто и сидѣлъ, подперевъ голову рукою. Минутное возбужденіе смѣнилось въ немъ какой-то вялостью; ни онъ, ни Вольфгангъ не проронили болѣе ни слова.

Молча сидѣли они другъ противъ друга, погруженные каждый въ свои мысли. Красный лучъ, пробивавшійся въ разщель

лину стѣны, подвигался все выше и выше, пока наконецъ не погасъ, оставивъ комнату въ совершенномъ мракѣ.

— Да, больше намъ ничего не остается дѣлать, проговорилъ наконецъ Бальтазаръ. Онъ испустилъ глубокий вздохъ, провелъ рукою по лбу и по глазамъ, какъ человѣкъ, пробуждающійся отъ глубокаго сна, и обратился къ Вольфгангу.

— Однако совѣмъ стемнѣло, проговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ, кроткимъ голосомъ;—солнце давно уже сѣло за замкомъ. Васъ могутъ хватить, если вы не поспѣшите воротиться домой.

Они вышли изъ башни тѣмъ же ходомъ, которымъ вошли; на порогѣ дома Бальтазаръ проговорилъ: если вамъ будетъ угодно, я покажу вамъ другую ближнюю дорогу къ парку, она выведетъ васъ прямо къ калиткѣ, которой я обыкновенно хожу въ замокъ.

За домомъ школьнаго учителя, въ старой стѣнѣ, обходившей все селеніе, была брешь. Этою-то брешью наши путники вышли на узкую тропинку, бѣжавшую вдоль оврага, усаженнаго каштановыми деревьями. Проводивъ гостя до калитки парка, Бальтазаръ сталъ прощаться. Вольфгангъ спросилъ у него, нельзя-ли имъ будетъ на слѣдующій день свидѣться въ паркѣ? Но Бальтазаръ объявилъ, что отправляется завтра довольно далеко на съѣздъ учителей, на которомъ это сословіе должно сказать свое слово по поводу выборовъ, какъ столичныхъ, такъ и франкфуртскихъ депутатовъ.

— Ну, такъ нельзя-ли будетъ хоть послѣ завтра? настаивалъ Вольфгангъ. Я не знаю, долго-ли я еще здѣсь пробуду, но мнѣ, во всякомъ случаѣ, не хотѣлось-бы уѣхать, не повидавшись съ вами. Да вотъ что еще: въ случаѣ что нибудь помѣшаетъ мнѣ проститься съ вами, не забывайте, что вы приобрѣли во мнѣ вѣрнаго друга, всегда готоваго услужить вамъ всѣмъ, что только будетъ въ его власти. И онъ протянулъ ему руку, которую Бальтазаръ схватилъ и задержалъ въ своей.

— Нѣтъ, я васъ не забуду, отвѣчалъ онъ. То, что человеку дано было извѣдать только разъ въ жизни, забывается не такъ-то легко; а вы единственный человѣкъ, которому я могъ откровенно и безбоязненно высказать то, что мнѣ всего

ближе къ сердцу. Не забывайте же и вы меня! Вѣдь вотъ, вы сочтете меня вздорнымъ и самолюбивымъ мечтателемъ, если я скажу вамъ какая мысль мелькнула сейчасъ у меня въ головѣ: пока мы шли съ вами этою тропинкою, мнѣ вдругъ вообразилось, что вы когда нибудь слова вернетесь тою же дорогою и будете искать у меня убѣжища. У меня иногда бывають такія странныя фантазіи, неимѣющія, повидимому, ничего общаго съ дѣйствительностью, такъ что про меня говорятъ люди, будто у меня вотъ здѣсь не совѣмъ ладно.

Онъ указавъ рукою на лобъ и съ грустною улыбкою взглянулъ на Вольфганга.

— Вы слишкомъ много бываете одни, господинъ Шмальгансъ, замѣтилъ Вольфгангъ. Одиночество—возбуждающій, но, въ то же время, и одуряющій напитокъ. Зачѣмъ судьба не послала вамъ кроткой и доброй подруги, какая была-бы нужна для васъ!

— Добрый мой, молодой баринъ! отвѣчалъ Бальтазаръ, я всегда былъ того мнѣнія, что судьба—это мы сами, съ нашими добродѣтелями и пороками. Дорого я заплатился за минутное безуміе, и до сихъ поръ еще за него расплачиваюсь. Желаю вамъ отъ души, чтобы судьба сохранила васъ отъ подобной же глупости. Ну, да вы отъ этого застрахованы; вы человѣкъ умный и смѣлый, а я на половину дуракъ и съ головы до ногъ трусъ; я подстрѣленная птица: однимъ крыломъ я совѣмъ не владѣю, а другое служитъ мнѣ только на то, чтобы вертѣться въ безвыходномъ кругѣ. Желаю вамъ всего лучшаго, всего, всего!

И кроткіе, большіе глаза горькими наполнились слезами. Онъ взявъ руку молодаго человѣка, прижалъ ее къ груди, потомъ отвернулся и, глубже надвинувъ на брови фуражку съ изломаннымъ козырькомъ, не оглядываясь, пошелъ домой.

IX.

Вольфгангъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ съ чувствомъ состраданія, смѣшаннаго съ удивленіемъ.—Неужели и впрямь нѣтъ середины между Діогеномъ и Александромъ? спрашивалъ онъ

себя. И неужели тотъ, кто не обладаетъ всесокрушающей силой молота, долженъ непременно быть наковальней?

Онъ вошелъ въ паркъ и началъ безъ цѣли бродить между кустарниковъ и живыхъ изгородей, по тропинкамъ, коротко уже теперь ему знакомымъ. До ужина было еще долго, да и Вольфгангъ, зная, что ему предстоитъ сѣсть за столъ одному, не слишкомъ торопился возвращеніемъ домой. Вечеръ былъ чудесный. Въ кустарникахъ перекликались соловьи; деревья, облитыя цвѣтомъ, испускали бальзамическій запахъ; алая полоска свѣта окаймляла западный горизонтъ, между тѣмъ, какъ передъ сводомъ вѣковыхъ деревьевъ мракъ становился все гуще и гуще.

Вольфгангъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ страннаго разговора съ учителемъ; впечатлѣніе это походило на то мягкое колебанье, которое упавшій въ воду плодъ сообщаетъ поверхности пруда, покрывая ее все далѣе и далѣе разбѣгающимися кругами. Душа его была наполнена любовью, но не мечтательною любовью филантропа, а тою энергичною, свѣжею любовью молодости, которая олицетворяетъ себѣ цѣлый міръ въ парѣ черныхъ, прекрасныхъ глазъ.

— Нѣтъ, не хочу я изъ-за челоуѣчества забывать челоуѣка! говорилъ онъ про себя. Не хочу я мечтая о будущемъ, упускать настоящее. Я готовъ любить людей. Но я начну съ отдѣльной личности, и прежде всѣхъ съ тебя, моя чудная дѣвушка, съ тебя, чьи глазки свѣтятъ такъ-же ярко, какъ вонъ та звѣздочка на небѣ, съ тебя, чей голосъ раздается слаще соловьиного пѣнья...

Юношею овладѣло какое-то блаженное лирическое настроеніе духа, ни разу еще не извѣданное имъ до сихъ поръ. Серьезный, подъ часъ даже мрачный складъ характера, навязанный ему невеселымъ преждевременнымъ опытомъ, тѣсными рамками его обыденной жизни и строгими требованьями его ученыхъ занятій, спалъ съ него, какъ монашеская одежда. Ему казалось, что онъ теперь только на свѣтъ народился, теперь только созналъ впервые сколько въ немъ было силы и молодости; казалось что проповѣдь, суроваго самоотреченія, слышанная имъ въ башнѣ изъ устъ святаго отшельника, разбудила въ немъ, дремавшую доселѣ, страстную потребность

счастья, любви и немного наслажденья бытіемъ, столь свойственную молодости.

Онъ бросился на дерновую скамью и закрылъ пылающее лице руками.

Шорохъ шелкового платья, раздавшійся около него, заставилъ его очнуться отъ забытья. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою Камиллу, всю облитую кроткимъ, послѣднимъ отблескомъ зарн. Съ восклицаніемъ радостнаго изумленія онъ вскочилъ съ своего мѣста, глянулъ въ эти милые, лучезарные каріе глаза, раскрылъ объятія и, минуту спустя, Камилла прижималась къ груди его и уста молодыхъ людей слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Камилла, дорогая моя, желанная, любишь-ли ты меня, какъ я тебя люблю? Камилла отвѣчала новымъ поцѣлуемъ, еще болѣе жаркимъ, болѣе сознательнымъ, чѣмъ первый, который у обоихъ былъ чисто импульсивнымъ движеніемъ.

Обвпвъ рукою стройную талью молодой дѣвушки, Вольфгангъ повлекъ ее за собою въ темныя аллеи парка. Долго бродили они медленными шагами при свѣтѣ все ярче и ярче разгоравшихся звѣздъ;—сердце Вольфганга было переполнено такимъ блаженствомъ, какое и не грезилось ему въ часы самыхъ радужныхъ мечтаній. Онъ говорилъ ей:—Знаешь-ли, дорогая моя, что для меня въ моемъ личномъ счастьи, будто въ зеркалѣ, отражается счастье всего человѣчества; я вѣрю, что любовь всесильна, что она всѣмъ можетъ даровать блаженство, потому что я на себѣ самомъ испытуяю ея чудесную силу. Теперь я вижу передъ собою ясно ту цѣль, которая смутно мелькала передо мною еще въ годы моего дѣтства. Меня томила жажда дѣятельности, мнѣ хотѣлось участвовать въ великомъ дѣлѣ освобожденія народовъ. Но все, что можетъ сдѣлать отдѣльная личность, это освободить себя изъ подъ гнета той пошлости, которая всѣхъ насъ давитъ; а это освобожденіе можетъ только совершиться посредствомъ любви. Любовь моя къ тебѣ, я это чувствую, дѣлаетъ меня столь же чистымъ, прекраснымъ, какъ и ты сама. Наша взаимная любовь будетъ вамъ талисманомъ, и сохранитъ насъ невредимыми среди жизненнаго водоворота. Да и не намъ

однимъ будетъ она расточать свои благодаренія; всѣ окружающіе насъ почувствуютъ на себѣ ея освящающую силу.

Но, если-бы даже это осуществилось, а любовь наша погибла вмѣстѣ съ нами, подобно тому, какъ ароматъ цвѣтка пропадаетъ, когда блекнетъ цвѣтокъ, все-же мы не даромъ жили на свѣтѣ: мы были счастливы, несказанно счастливы, не такъ-ли милая?

И снова нѣжный поцѣлуй былъ единственнымъ отвѣтомъ Камиллы на всѣ его рѣчи. Да онъ и не желалъ другаго отвѣта! Ему такъ отраднo было думать, что въ эту цѣломудренную, дѣвственную душу онъ вложилъ все свое богатство, всѣ свои заветныя думы и чувства; онъ мечталъ о томъ, какъ онъ, силою своей любви, заставитъ эту нѣмую Психею пробудиться къ сознательной жизни. Она прижалась къ его груди и его пылающая щека касалась ея волосъ, смоченныхъ росою. Вдругъ она вздрогнула.

— Слышишь? воскликнула она, что это такое?

— Ничего, моя милая, это мое сердце бьется.

— Нѣтъ, нѣтъ, кто-то кричалъ, кто-то звалъ тебя по имени. Бѣда, если насъ застанутъ вмѣстѣ.

И съ этими словами она скользнула изъ объятій Вольфганга и, въ мгновеніе ока, скрылась за густыми кустарниками.

Очувтившись такъ внезапно одинъ среди темнаго сада, Вольфгангъ испыталъ то ощущеніе, съ которымъ мы отъ блаженнаго сна просыпаемся къ сознанію печальной дѣйствительности.

Въ этомъ послѣднемъ бѣгствѣ Камиллы было что-то такое нарушившее непріятною нотою чудную гармонию его настроенія. Но ему некогда было прислушиваться къ вибраціямъ неосторожно затронутой струны; въ эту минуту, почти надъ самымъ его ухомъ, раздался сердитый голосъ экономки, кликавшей его по имени, и ворчавшей въ скобкахъ на «всѣхъ этихъ гостей, по милости которыхъ, ни днемъ, ни ночью, не знаешь покоя.» Предчувствіе какой-то бѣды овладѣло Вольфгангомъ.—Здѣсь, отозвался онъ, что такое случилось?—А, наконецъ-то я отыскала вашу милость! отвѣчала Madame. Вотъ уже третій разъ, какъ генералъ присылаетъ меня за вами въ этотъ проклятый садъ, гдѣ того и гляди, что схватишь себѣ насморкъ или ревматизмъ. Ну, да вамъ, молодымъ господамъ,

какое дѣло до старухи, только-бы вамъ потѣшаться, а тамъ дома, хоть всё переколѣй, такъ все равно.

— Милая *Madame*, мнѣ право жаль, что я вамъ надѣлалъ столько хлопотъ; но скажите же, ради бога, что такое случилось? Не заболѣлъ-ли дѣдушка?

— О, ихъ превосходительство совершенно здоровы, а вотъ у васъ дома такъ не совѣсьмъ благополучно.

— Матушка больна или умерла? вскрикнулъ Вольфгангъ, хватая экономку за руку.

— Я почему знаю, отвѣчала та съ досадою. Подите просите кучера, что пріѣхалъ изъ города; онъ уже два часа какъ дожидается васъ на дворѣ.

Не говоря болѣе ни слова, Вольфгангъ опростелъ бросился изъ сада. Экономка поглядѣла ему вслѣдъ, злобно усмѣхаясь, и проворчала про себя:—Ну этотъ-бы только убрался, остальные тоже не много здѣсь нагостятъ; объ этомъ ужъ я позабочусь.

На дворѣ замка, Вольфгангъ нашелъ стараго Кебеса, кормившаго хлѣбомъ своихъ лошадей.

Кебесь былъ извозчикъ, проживавшій недалеко отъ родительскаго дома Вольфганга и старинный пріятель нашего героя. Человѣкъ онъ былъ не словоохотливый и, даже въ настоящемъ случаѣ, немногаго могъ Вольфгангъ отъ него добыться своими тревожными распросами. Кебесь отвѣчалъ только, что барыня, кажись, больна; а впрочемъ, видно, опаснаго ничего нѣтъ, потому что онъ, Кебесь, еще утромъ возилъ барина на засѣданіе въ ратушу. Въ заключеніе онъ добавилъ, что обо всемъ этомъ, конечно, написано въ письмѣ.

— Въ какомъ письмѣ?

Кебесь указалъ на замокъ.

— Къ генералу?

Кебесь кивнулъ головою.

Вольфгангъ кинулся въ комнату дѣда.

На столѣ, за которымъ обыкновенно сживалъ старикъ по вечерамъ, горѣла лампа съ зеленымъ абожуромъ; но генералъ не сидѣлъ въ креслѣ, а расхаживалъ по комнатѣ, что было у него вѣрнымъ признакомъ гнѣва, или другаго какого сильнаго душевнаго волненія. Только что Вольфгангъ вошелъ,

онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана письмо и, подавая его молодому человѣку, проговорилъ:

— На, пріятель, прочитай самъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, ничего серьезнаго вѣтъ. Вѣчно изъ за нустяковъ по дымутъ тревогу.

Вольфгангъ дрожащими руками схватилъ письмо, оно было отъ его отца и адресовано на имя генерала; въ немъ говорилось, что прошедшую ночь мать Вольфганга вдругъ занемогла своею обычною головною болью и все утро не переставала настоятельно требовать, чтобы послали за Вольфгангомъ. Хотя, продолжалъ отецъ, болѣзнь эта не внушаетъ никакихъ серьезныхъ опасеній, но все-же было-бы желательно, чтобы Вольфгангъ для успокоенія матери вернулся домой, «если только дѣдушка ничего противъ этого не имѣетъ».

— А я-бы душевно былъ радъ, чтобы ты у меня подольше погостилъ, замѣтилъ генералъ, когда Вольфгангъ окончилъ чтеніе письма; ты не въ родню свою задался. Ну, да дѣлать нечего! Пора тебѣ и за работу. А у меня, молодецъ, есть на тебя виды, послушаешься старика, каяться не будешь. Такъ поѣзжай же себѣ съ богомъ, да смотри, не забудь мнѣ написать, какъ здоровье матери.

И въ голосѣ генерала слышалась струя чувства, которой Вольфгангъ никакъ-бы не ожидалъ отъ крутого, бѣшеннаго старика, и которая въ эту минуту вдвойнѣ тронула молодого человѣка, и безъ того уже потрясеннаго столькими сильными ощущеніями. Онъ горячо пожалъ протянутую ему костлявую руку и, пробормотавъ что-то въ видѣ благодарности, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ былъ уже въ каретѣ и выѣзжалъ изъ двора замка. Въ окнѣ президентши горѣлъ огонь; когда экипажъ поровнялся съ этимъ окномъ, чья-то рука раздвинула занавѣски и дѣвичья голова показалась на минуту за стекломъ. Но Вольфгангъ и не посмотрѣлъ на нее, ему было не до того; въ мысляхъ у него была болящая мать и опасность, грозившая этой драгоценной жизни.

X.

Только что Камилла вернулась изъ сада, какъ въ комнату вошла горничная и передала нашимъ дамамъ прощальный привѣтъ молодого человѣка, который велѣлъ сказать, что очень жалѣеть, что поспѣшность его отъѣзда не позволяетъ ему лично проститься съ тетушкой и кузиной. Причина этого отъѣзда вовсе не была тайною для президентши и Камиллы; онѣ знали о ней за послѣдніе два часа т. е. съ самой той минуты, какъ карета стараго Кебеса остановилась подъ окнами ихъ комнаты.

Вѣроятныя послѣдствія этого отъѣзда, на сколько они могли отозваться на положеніи обѣихъ дамъ въ домѣ генерала, послужили предметомъ серьезнаго совѣщанія между матерью и дочерью. Результатомъ этого совѣщанія было то, что Камилла накинула на шею шаль и вышла въ садъ искать, встрѣстѣ съ другими, своего двоюроднаго брата. — Это доказательство участія съ твоей стороны будетъ ему очень пріятно, замѣтила мать, а при теперешнемъ положеніи дѣлъ лучше пересолить въ любезности, чѣмъ не досолить. Чтобы выразить участіе съ своей стороны, президентша встала съ постели въ ожиданіи прощальнаго визита милаго племянника. и извѣстіе, принесенное горничной, пришлось ей крѣпко не по душѣ. Но это только увеличило ея нетерпѣніе узнать всѣ подробности дочкиныхъ походовъ въ садъ. Какъ только горничная вышла изъ комнаты, она усадила молодую дѣвушку рядомъ съ собою на диванѣ и приступила къ распросамъ.

— Ну что, говорила ты съ нимъ? Что онъ тебѣ сказалъ? Очень онъ перетревожился? Не благодарилъ-ли онъ тебя за вниманіе?

— О тетушкиной болѣзни у насъ съ нимъ вовсе не было разговора, отвѣчала Камилла.

— Неужто? О чемъ же вы говорили? Какъ это тебѣ повеселилось обойти эту непріятную тему?

— Онъ не далъ ни слова выговорить, онъ...

— Ну! вскрикнула президентша съ напряженнымъ любопытствомъ, видя, что Камилла замаялась.

— Я нашла его на деревянной скамейкѣ возлѣ каштановой рошцы: онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руку, такъ что я подумала, что онъ спитъ. Я подошла къ нему, въ намѣреніи разбудить его, но тутъ онъ всталъ и... и... ну словомъ, маменька, онъ объяснился мнѣ въ любви.

— Гмъ! это намъ на руку. Ну ты, конечно, отвѣчала ему, какъ подобаешь благовоспитанной дѣвушкѣ и не позволила ему ничего лишняго.

— Что за вопросъ, маменька! съ досадою воскликнула Камила.

— Ну, ну не сердись, дитя мое, продолжала президентша. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ, такая тактика была бы не у мѣста. Ничто такъ не связываетъ любящаго человѣка, какъ поцѣлуй: онъ налагаетъ на него извѣстнаго рода обязательства, такъ что съ поклонникомъ, котораго желаешь упрочить за собою, по моему, не слѣдуетъ быть слишкомъ недоступной. Но ты совершенно права, что въ отношеніи Вольфганга надо быть осторожниѣе. Конечно, въ настоящую минуту онъ въ большой милости у дѣдушки; еще не далѣе, какъ вчера вечеромъ, генераль намекалъ довольно ясно, что ужъ если онъ кому откажетъ все свое состояніе, такъ Вольфгангу. Но можно-ли полагаться на дѣдушкины слова? Нынче онъ говоритъ одно, завтра другое, смотря потому, какою онъ ногою съ постели всталъ, и въ ладу-ли онъ или въ ссорѣ съ Madame. Да, онъ ужасный старикъ, и я привошу тебѣ огромную жертву, дитя мое, оставаясь въ этомъ противномъ домѣ, гдѣ самыя стѣны такъ и вѣютъ на тебя скукой. Что бишь я хотѣла спросить?..

— Да! Что же ты ему отвѣчала?

— Я отвѣчала ему, что подобное признаніе съ его стороны крайне меня удивляетъ, что я и сама не знаю, что на него отвѣчать; что я люблю его почти братскою любовью...

— Эхъ ты моя умница, воскликнула президентша, обнимая и цѣлуя дочь.

— Что я пока не могу сказать ему ничего положительнаго и прошу его дать мнѣ время обдумать мой отвѣтъ.

— Отлично, превосходно! А про меня ты гониме не сказала?

— Мнѣ казалось, что лучше тебя оставить, до поры до времени, въ сторонѣ; вѣдь тебѣ-же бы затруднительно было дать рѣшительный отвѣтъ, пока то дѣло остается нерѣшительнымъ.

— Умница, умница, что и говорить, снова воскликнула президентша въ порывѣ материнской гордости. Вы, какъ нельзя лучше, поняли мою мысль, теперь еще, ни подъ какимъ видомъ, не слѣдуетъ доводить дѣло до формальнаго сватовства. Ну, если дѣдушка передумаетъ? Прошу покорно! Что тогда дѣлать? Конечно, всегда можно найти предлогъ къ разрыву, но все-же вышла-бы пренепріятная исторія. А потому и надо быть осторожной. Теперь тебѣ ничто не мѣшаетъ поддерживать прежнія отношенія съ остальными твоими обожателями, хоть-бы съ тѣмъ же Виламовскимъ; когда умретъ его отецъ, а вѣдь долженъ-же этотъ скряга, рано или поздно, умереть, онъ будетъ партія хоть куда. Я слышу стукъ колесъ, онъ уѣзжаетъ; покажись на минуту у окна, это ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ. Ахъ, Боже мой! хоть-бы намъ поскорѣе выдти изъ этой неизвѣстности! Чего стѣять эти усилія придвинуться къ цѣли нашихъ желаній! Я убѣждена, что немногіе дни, проведенные мною въ этомъ замкѣ, сократили мою жизнь на нѣсколько лѣтъ. Я удивляюсь тебѣ, какъ ты все это легко переносишь. Мнѣ стоитъ полчаса провести въ обществѣ этого злаго старика или его возлюбленной, чтобы мои нервы совсѣмъ разстроились. Я не дождусь, когда мы отсюда уѣдемъ.

И утомленная разговоромъ, президентша только-что было прилегла на диванъ, какъ въ комнату снова вошла горничная и доложила, что генераль проситъ барышню, какъ можно скорѣе, къ нимъ пожаловать.—Наши дамы не знали что подумать о такомъ позднему приглашеніи. Востроглазая горничная, подмѣтивъ ихъ замѣшательство, поспѣшила сообщить имъ, что вышло что-то неладно: ихъ превосходительство поругались съ Madame, и такъ громко кричали, что слушать, такъ волосъ дыбомъ становился.

— Чтобы это такое могло значить? съ безпокойствомъ проговорила президентша, спровадивъ горничную.

— А вотъ мы увидимъ, отвѣчала Камила и вышла изъ комнаты, повидимому, совершенно спокойная.

Черезъ нѣсколько минутъ она снова воротилась.

— Ну что? воскликнула президентша.

— Дѣдушка тебѣ кланяется и желаетъ знать, скоро-ли мы думаемъ воротиться въ городъ.

— Быть не можетъ!

— То были его собственные слова.

— И такъ, всѣ наши хлопоты истрачены даромъ! О мое бѣднсе, бѣдное дѣтя.

— Утѣшься матушка, проговорила Камила, глубокомысленно хмурия свои прекрасныя брови, дѣло, повидимому, еще не такъ-то плохо. Дѣдушка, при всемъ томъ, былъ чрезвычайно любезенъ и, прощаясь со мною, проговорилъ шопотомъ, чтобы не услышала мадамe, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ подслушивала гдѣ нибудь у двери: не бось, я васъ съ Вольфгангомъ не обижу! Затѣмъ онъ спросилъ, пойду, ли я за мужъ за Вольфганга, если онъ насъ сдѣлаетъ своими наслѣдниками?

Президентша отъ радости всплеснула руками.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, надо будетъ съ нимъ обручиться.

— Да пожалуй, что такъ будетъ умнѣе, отвѣчала молодая дѣвица.

— Ахъ ты моя разумница, мое сокровище!—и нѣжная мать заключила послушную дочку въ свои объятія.

XI.

Въ одной изъ длинныхъ и узкихъ улицъ стариннаго прейскаго города стоялъ въ 1843 г., а можетъ и до сихъ поръ стоитъ, одинъ домъ, рѣзко выдающійся изъ среды окружающихъ его, большою частью, очень невзрачныхъ домишекъ. Не подумайте, впрочемъ, чтобы и этотъ домъ отличался особенно красивою внѣшностью. Быть можетъ, когда его только что отстроили, имъ и гордился по праву, какъ честный бюргеръ, его владѣлецъ, такъ и соорудившій его архитекторъ. Но съ той поры прошло три или четыре вѣка, и прошло не безслѣдно для нашего дома. Онъ успѣлъ перекокситься, рѣзь-

ба, украшавшая концы бревень, нѣсколько поистерлась, гербъ, высѣченный изъ камня надъ дубовою дверью, былъ почти неузнаваемъ. Но, не смотря на все это, послѣдній владѣлецъ его, типографщикъ и газетный издатель, Петръ Шмицъ, былъ крѣпко къ нему привязанъ, и не промѣнялъ-бы его ни на какой дворецъ, что, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что домъ этотъ съ незапамятныхъ временъ принадлежалъ его семейству, такъ что сестра его, Белла, подъ часъ подавалась какому-то затѣнью, и не шутя воображала, что старый дворянскій гербъ, красовавшійся надъ парадною дверью, былъ семейнымъ гербомъ Шмицовъ. Но это было недостаточное дѣло; Шмицы, какъ оно и явствуетъ изъ ихъ имени, были истые бюргеры. Самъ Петръ Шмицъ не слишкомъ-то жаловалъ аристократію и каждый разъ, когда сестра его заводила рѣчь о семейномъ гербѣ Шмицовъ, называлъ ее, смѣясь, старою дуροю. Въ сущности, если судить съ общепринятой точки зрѣнія, то немногимъ чѣмъ было Шмицамъ гордиться. Какая-то злая судьба преслѣдовала ихъ изъ рода въ родъ; правда, трудолюбивому и дѣльному Петру Шмицу удалось пустить въ ходъ старыя типографскіе станки, помѣщавшіеся въ пристройкѣ позади дома; но, тѣмъ не менѣе, онъ хорошо помнилъ время, когда станки эти гуляли и все семейство кормилось небольшою лавочкою, въ которой продавались перья, бумага, сургучъ и чернила, приготовляемыя самимъ старикомъ Шмицомъ, по какому то таинственному рецепту. Петръ Шмицъ, бывший тогда еще мальчикомъ, помогалъ отцу составлять эти чернила; впоследствии онъ говаривалъ, что руки такъ навсегда и остались послѣ этого перепачканными, да и весь этотъ печальный періодъ онъ называлъ не иначе, какъ чернильнымъ пятномъ въ исторіи своего семейства, и утверждалъ, что всѣ воды Рейна не смоютъ этого пятна.

Когда сангвиническій, широкоплечій, приземистый Петръ Шмицъ попадалъ на эту тему, что, впрочемъ, случалось не часто, то его покидала обычная его неутомная подвижность; случалось даже, что онъ на нѣсколько минутъ впадалъ въ меланхолію, конечно, не болѣе, какъ на нѣсколько минутъ, потому что ему было недосугъ поддаваться такимъ

сентиментальнымъ прихотямъ. Затѣмъ, онъ раза два проводилъ рукою по своимъ посѣдѣвшимъ волосамъ, да, посѣдѣвшимъ, хотя ему едва-едва за четвертый десятокъ перевалило, насвистывалъ первые три четверти такта какой нибудь пѣсни и снова принимался за работу. Появилось-же вышеупомянутое чернильное пятно на страницахъ фамильной исторіи Шмицовъ слѣдующимъ образомъ:

Лѣтъ тридцать тому назадъ недостатокъ работы и немѣнне наличныхъ денегъ принудили старика, Антона Шмица, закрыть свою типографію и надъ тѣми самыми окнами, гдѣ теперь красуется надпись: «Контора Народнаго Вѣстника», прибить слѣдующую вывѣску: «продажа письменныхъ принадлежностей Антона Шмица». Доведенный до такой крайности, старикъ уже не могъ дать своимъ дѣтямъ то образованіе, какое было хотѣлъ. Четырнадцатилѣтняго Евгенія взяли изъ гимназіи и отправили въ Тюрингенъ на машинную фабрику; сестру его, Беллу, которая была двумя годами старше, помѣстили въ одно помѣщичье семейство, жившее въ деревнѣ, съ тѣмъ чтобы она изучила хозяйство. Младшія дѣти, Петръ и Маргарита, остались, конечно, дома; но и они должны были, по мѣрѣ силъ и возможности, помогать родителямъ. Петръ помогалъ отцу составлять чернила; двѣнадцатилѣтняя Маргарита хлопотала, вмѣстѣ съ болѣзненною матерью, за прилавкомъ. Тяжелыя времена настали для всего семейства. По сосѣдству развитіе письменности было далеко не такъ сильно, какъ-бы того требовали интересы Шмицовъ. Мать все хворала да хворала, наконецъ умерла. Дѣтямъ не везло на чужбинѣ. Евгенію пришлось время нести солдатскую службу; не по нраву пришлась она живому, безопасному прирейнскому уроженцу. Онъ нагрубилъ своему лейтенанту и, по приговору военного суда, былъ заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ крѣпость. Белла, красивая и умная дѣвушка, вела безотрадную жизнь въ чужихъ людяхъ, мѣняя одно плохое мѣсто на другое, еще худшее. Старикъ, Антонъ Шмицъ, былъ изъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ найтись ни въ горѣ, ни въ счастьи; всѣ эти непріятности только ожесточили его нравъ, и невеселое было дома житіе Петру и Маргаритѣ. Но, при всемъ томъ, старикъ чистосердечно желалъ счастья своихъ

дѣтей, преимущественно же счастья Маргариты, которая искони была его любимицей. Да и мудро было не полюбить это очаровательное созданіе. Въ цѣломъ сосѣдствѣ ея гордились и называли ее не иначе, какъ «красавицею Маргаритою.» Но всѣхъ болѣе гордился и любовался Маргаритою ея родной братъ, Петръ Шмицъ. Въ ней олицетворялась для него поэзія, она была ему единственною утѣхою среди всѣхъ невзгодъ его жизни. Одной ея улыбки, одного ея ласковаго слова было достаточно, чтобы заставить его позабыть и ворчанье отца и тяжелый, скучный, прозаическій трудъ; надежда, извлечь ее со временемъ изъ этого бѣдственнаго положенія и окружить богатствомъ и довольствомъ, придавала ему силы для борьбы. И не тщетно напрягалъ молодой человѣкъ, въ борьбѣ съ судьбою, свои упорныя силы. Благодаря своему проникательному уму, онъ вскорѣ понялъ, что главная причина неуспѣшности отцовскаго предпріятія заключается въ его неумѣнны повести дѣло. Онъ предложилъ другой планъ, съ которымъ угрюмый отецъ поневолѣ долженъ былъ согласиться. Онъ сообразилъ, что приготовленіемъ чернилъ, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, немного наживешь; въ тоже время ему пришло въ голову, нельзя-ли, посредствомъ болѣе раціональнаго способа выдѣлыванья тряпокъ, усовершенствовать и удешевить производство писчей бумаги. Онъ заперся въ своей холодной каморкѣ и тамъ, при свѣтѣ одинокаго сальнаго огарка, съ неутомимымъ рвеніемъ принялся за изученіе физики, химіи и механики. Черезъ нѣсколько времени онъ изобрѣлъ новую систему, достоинства которой были признаны и правительствомъ, выдавшимъ ему патентъ на десять лѣтъ. Теперь не доставало только капитала, чтобы привести въ исполненіе потомъ и кровью выработанную мысль. Нашелся и капиталъ. Старому, убитому горемъ, отцу никто не вѣрилъ ни гроша; но молодому человѣку съ небывалыми умными глазами и плотно сжатыми губами, умѣвшими подъ часъ говорить такъ убѣдительно, охотно давали и тысячи талеровъ. Старикъ не могъ помириться съ блескомъ новой звѣзды, встававшей надъ его развалившимся домомъ. Обидно ему было, что не имъ самимъ проложенными путями достигалась желанная цѣль. Съ того самаго дня, какъ въ пристройкѣ были постановлены новыя

машинны, онъ не показывался болѣе въ мастерской. Онъ заперся въ своей комнатѣ и много ворчалъ про яйца, которыя де вздумали курицу учить. За тѣмъ онъ слегъ въ постель и началъ поговаривать о высохшей травѣ, которая ей то только и годится, чтобы ее бросать въ печь. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ и доктора такъ и не рѣшили, что собственно было причиною его смерти. Впослѣдствіи Петръ Шмицъ не шутя утверждалъ, что этою причиною были новыя машины. Но въ то время ему некогда было слишкомъ много горевать о смерти старика, котораго онъ, впрочемъ, до конца не переставалъ любить и почитать. Устройство новаго дѣла поглощало дѣликомъ все его силы: Петръ Шмицъ былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ ковать желѣзо пока оно горячо. Наконецъ-то ему открывалась возможность сдѣлать что нибудь для своихъ: для несчастнаго брата Евгенія, получившаго, по случаю какого-то счастливаго событія въ царствующемъ домѣ, помилованье за свой проступокъ, проступокъ который достаточно было бы наказать пятидневнымъ арестомъ, и за который онъ пять лѣтъ высидѣлъ въ тюрьмѣ; для сестры Беллы, изнывавшей среди самой суровой обстановки; наконецъ, и это было главное, для младшей любимой сестры Маргариты. Но странное дѣло! Чѣмъ радужнѣе становилось міросозерцаніе Петра Шмица, чѣмъ болѣе сіяло бодростью и надеждою его честное лицо, тѣмъ замѣтнѣе увядалъ румянецъ на щекахъ Маргариты, тѣмъ явственнѣе выступала на ея прелестномъ личикѣ какая то грустная черта.

Долго не умѣлъ Петръ Шмицъ объяснить себѣ эту перемену въ сестрѣ. Сначала онъ было подумалъ, что она горюетъ объ отцѣ, но тутъ онъ припомнилъ, что Маргарита завручинилась еще за долго до смерти старика. Тогда ему пришло въ голову, что она скучаетъ среди этого пустаго, мрачнаго дома и онъ предложилъ ей привести въ исполненіе давно задуманное намѣреніе, выписать сестру Беллу. Но, къ удивленію его, Маргарита объ этомъ и слышать не хотѣла, и повторяла со слезами на глазахъ, что ей только въ одиночествѣ и можетъ быть хорошо. Тщетно ломалъ себѣ голову Петръ Шмицъ, на настоящій слѣдъ онъ все таки не попадалъ, быть можетъ потому, что самъ-то онъ, въ своей тяжелой

трудоваго жизни слишкомъ мало имѣлъ досуга на то, чѣмъ исключительно наполняется жизнь другихъ молодыхъ людей его лѣтъ. Онъ ни разу не былъ влюбленъ; его единственною сильною привязанностью была любовь къ Маргаритѣ и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ былъ вполне убѣжденъ, что это исключительное чувство взаимно. На многочисленныхъ поклонниковъ своей сестры онъ взиралъ съ презрительною самоувѣренностью. Мысль, чтобы его красавица Маргарита могла влюбиться въ какого нибудь темнаго смертнаго, какого нибудь конторскаго писца, прокопченнаго табакомъ и налитаго пивомъ, казалась ему верхомъ нечѣстности, и онъ отъ души смѣялся надъ молодыми людьми, ставшимися по нравиться его сестрѣ. Но не до смѣху ему было, когда одинъ изъ этихъ молодыхъ людей далъ ему однажды понять, что догадывается о причинѣ Маргаритиною недоступности, и что утѣшительнаго въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ровно ничего для ея брата. Петръ вспыхнулъ и потребовалъ отъ молодаго человѣка, чтобы онъ взялъ назадъ свои слова, или же высказался вполне, грозя въ противномъ случаѣ счесть его за безчестнаго жсца. Молодому человѣку, поставленному въ такое положеніе, ничего болѣе не оставалось, какъ открыть Петру о связи, существовавшей между его сестрою и однимъ офицеромъ, лейтенантомъ Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ. Петръ попробовалъ было посмѣяться надъ этимъ увѣреніемъ, но смѣхъ, почему-то, остановился у него въ горлѣ. Молодой человѣкъ, сообщившій ему этотъ фактъ, былъ его школьный товарищъ и извѣстенъ ему за честнаго малаго; къ тому-же онъ былъ казначеемъ въ томъ полку, гдѣ служилъ лейтенантъ, и былъ посвященъ во всѣ офицерскія тайны. Впрочемъ, какъ утверждалъ казначей, отношенія Маргариты къ Артуру фонъ-Гогенштейну ни для кого уже не были тайною; о нихъ знало полѣсосѣдства и офицеры, товарищи лейтенанта, пили на своихъ пирушкахъ за здоровье «Баллады», такъ прозвалъ одинъ полковой *bel esprit* красавицу-мѣщанку за ея темные, задумчивые глаза.

Что были тѣ слезы отчаянья, которыя Петръ проливалъ еще мальякомъ надъ своими чернѣющими стеклячками, въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, которое постигло его теперь!

Первою его мыслью было взять старый заржавленный пистолетъ, висѣвшій надъ его кроватью, и застрѣлить соблазнителя сестры какъ собаку. Но подумавъ, онъ рѣшилъ, что надо прежде отъ самой Маргариты добиться подтвержденія ходившихъ про нее слуховъ. И такъ, съ камнемъ на сердцѣ и каплями холоднаго пота на лбу, онъ отправился въ комнату сестры, гдѣ та сидѣла у окна и, подобно Гетевской Грехенъ, слѣдила глазами за вечерними тучами, проносившимися надъ кровлями домовъ. Онъ подошелъ къ ней и проговорилъ тихимъ печальнымъ голосомъ: — Маргарита, что я тебѣ сдѣлалъ, что ты не захотѣла мнѣ довѣриться?

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ и, закрывъ лицо руками, бросился въ кресло. Маргарита сразу поняла, что онъ уже все знаетъ. Ее схватило жгучее сознание своей неблагодарности къ лучшему, добрѣйшему изъ братьевъ. Она бросилась къ его ногамъ и проговорила рыдая: — Петръ, милый Петръ, прости меня! я не могла поступить иначе. — Жалобный звукъ знакомаго, милаго голоса заставилъ Петра очнуться. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ обязанность думать и дѣйствовать за двоихъ. Онъ быстро провелъ по глазамъ рукою, посадилъ рыдающую Маргариту къ себѣ на колѣни и далъ ей выплакать первый взрывъ отчаянья на его груди. Потомъ, когда ее слезы полились спокойнѣе, онъ заговорилъ съ нею кротко и ласково; во имя ихъ дружно прожитой молодости, во имя прошлаго горя, которое они привыкли дѣлить пополамъ, онъ заклиналъ ее подѣлиться съ нимъ и настоящимъ своимъ горемъ. И Маргарита, не безъ обильныхъ слезъ и не безъ частыхъ остановокъ, рассказала ему романъ своей жизни.

Она открыла ему, что годъ тому назадъ она познакомилась съ Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ, зашедшимъ однажды утромъ въ лавку купить сигарочницу. Послѣ того онъ часто сталъ навѣдываться въ лавку, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ. Маргарита и не подозрѣвала, что она была виновницей этихъ посѣщеній, какъ лейтенантъ сунулъ ей однажды въ руку записку, въ которой говорилъ ей о своей любви. — Я хотѣла отдать тебѣ эту записку, продолжала она, но

у меня не хватило на это силъ, потому что... вѣдь и я его тоже любила.

При этихъ словахъ Петръ вздрогнулъ, но онъ совладѣлъ съ собою и спросилъ спокойнымъ голосомъ: — Что же было дальѣе, Маргарита?

— Послѣ того я его нѣсколько времени не видала; онъ мнѣ писалъ, чтобы я лучше вовсе ему не отвѣчала, если я не раздѣляю его чувства. И такъ, я ему не отвѣчала, а онъ пересталъ ходить, по крайней мѣрѣ въ лавку, потому что я часто видала, какъ онъ проходилъ мимо наше дома. Наконецъ, во время карнавала, когда я еще, помнишь, потеряла тебя въ толпѣ, мы вдругъ столкнулись съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ взялъ меня за руку и я ему не противилась; онъ спросилъ у меня, люблю ли я его? а я, сама себя не помня, отвѣчала ему: Да.

— А что было за тѣмъ, Маргарита?

— Затѣмъ мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ у моей пріятельницы, Элизы, братъ которой, какъ ты знаешь, служить ассистентомъ въ военномъ госпиталѣ, и онъ два раза провожалъ меня до дому.

— И это все, Маргарита?

— Видитъ Богъ, я ничего не утаила.

— И чѣмъ же, ты думаешь, все это кончится?

Маргарита снова принялась плакать. — Не знаю, отвѣчала она рыдая, объ этомъ я никогда не думала.

— Не правда, Маргарита, кротко проговорилъ Петръ, ты думала объ этомъ не разъ и, именно потому, что ты предвидѣла развязку, ты и была такъ печальна. Быть можетъ, порой тебѣ и казалось, что онъ на тебѣ и женится, но только этого не будетъ. Онъ не можетъ взять себѣ въ жены простую мѣщанку, потому что онъ офицеръ и невластенъ жениться на комъ ему заблагоразсудится, если-бы даже онъ и желалъ жениться на тебѣ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.

— Артуръ меня любитъ, и его наше положеніе также печалитъ, какъ и меня, отвѣчала Маргарита.

— А вотъ это мы скоро увидимъ, проговорилъ Петръ, вставая съ своего мѣста.

— Что ты хочешь сдѣлать, Петръ? испуганно воскликнула Маргарита.

— Да ничего особеннаго; я только пойду къ нему и разъясню ваши отношенія съ нимъ.

— Я его никогда не оставлю, да и онъ меня не покинетъ, воскликнула Маргарита; въ эту самую минуту прощальный лучъ заходящаго солнца упалъ на ея лице; щеки ея горѣли, глаза блестя слезами; въ эту минуту она была прекраснѣе, чѣмъ когда либо. — Бѣдное, бѣдное дитя, проговорилъ Петръ, обнимая и цѣлуя ее въ лобъ.

— Не бойся, Маргарита, продолжалъ онъ, я буду помнить, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери.

И съ опущенною головою, медленными, нетвердыми шагами онъ вышелъ изъ комнаты.

Артура фонъ-Гогенштейна въ этотъ вечеръ не было дома. Слѣдующій день было Воскресенье и Петръ Шмицъ засталъ его какъ разъ передъ отправленіемъ на парадъ. Молодой человекъ былъ въ полномъ мундирѣ и Петръ Шмицъ не могъ не замѣтить его поразительную красоту, хотя ему въ эту минуту и не до того было. Впрочемъ, отъ него не ускользнуло какое-то выраженіе усталости и пресыщенія, проглядывавшее въ этихъ красивыхъ чертахъ.

Артуръ принялъ брата своей возлюбленной съ изысканною вѣжливостью; во всемъ его обращеніи было столько привѣтливости и такта, что Петръ долженъ былъ призвать на помощь всю свою твердость, чтобы не измѣнить своей рѣшимости. И такъ, онъ спокойно выслушалъ увѣренія лейтенанта въ чистотѣ его намѣреній, въ силѣ его привязанности къ Маргаритѣ, въ глубокомъ прискорбін, въ которомъ онъ несетъ цѣпи, налагаемыя на него его проклятымъ званіемъ; затѣмъ, Петръ Шмицъ отвѣчалъ: — обо всемъ этомъ вамъ господинъ фонъ-Гогенштейнъ, не мѣшало бы подумать ранѣе, прежде чѣмъ вы рѣшились сдѣлать имя честной дѣвушки предметомъ праздно болтовни въ вашихъ офицерскихъ кружкахъ. Теперь же вопросъ поставленъ такъ:—въ чемъ заключаются ваши дальнѣйшія намѣренія? Вѣдь жениться вы не можете на моей сестрѣ?

— Боюсь, что нѣтъ, — чуть слышно проговорилъ Артуръ.

— Потому что, продолжалъ Петръ, я не въ состояніи дать

за сестрою двѣнадцати тысячъ талеровъ, такъ, что ли? А у васъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакого состоянія; за то, какъ говоритъ молва, есть куча различныхъ обязательствъ, которыми вамъ, по той, либо по другой причинѣ, шутить не приходится.

При этихъ послѣднихъ словахъ лейтенантъ вспыхнулъ и собирался уже было заговорить: милостивый государь... но во взглядѣ Петра Шмица было столько спокойной рѣшимости, что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго покушенія запугать его.

— На сколько въ этомъ правды, продолжалъ Петръ, не знаю, но, какъ-бы то ни было, ясно то, что вы на ней не можете жениться. А вслѣдствіе этого, такъ какъ я не желаю, чтобы на мою сестру указывали пальцами, я и требую отъ васъ честнаго слова, что вы, ни изустно, ни письменно, ни взглядомъ, ни знакомъ, не будете искать сближенія съ моею сестрою и употребите всѣ зависящія отъ васъ средства, чтобы возстановить ея доброе имя, смѣло и во всеуслышанье объявляя ложью всякій намекъ на отношенія, будто-бы существующія между вами и ею.

Артуръ слушалъ его въ раздумьи, опустивъ голову на руку.

— Этого слова я не могу вамъ дать, отвѣчалъ онъ снова выпрямляясь; не могу, потому что я люблю Маргариту; мнѣ такъ же невозможно оторваться отъ нея, какъ и ей отъ меня. Господинъ Шмицъ, продолжалъ онъ, хватая своего собесѣдника за руку, пожалѣйте вашу сестру, пожалѣйте насъ обоихъ. Не будьте болѣе жестокосерды, чѣмъ мои должники! Дайте мнѣ срокъ, дайте мнѣ время подумать. Или мало вамъ того, что нашъ братъ, связанный по рукамъ и по ногамъ преданіями своей касты, долженъ приносить себя въ жертву какому-то Молоху ложно понятой чести? Неужели и вы, счастливыцы, стоящіе внѣ всѣхъ этихъ преградъ и свободные слѣдовать влеченію своего сердца, хотите своею враждебною подозрительностью надбавлять новую каплю горечи въ нашу чашу?

Петръ Шмицъ никогда не оставался глухъ къ тѣмъ доводамъ, которые другой человѣкъ могъ привести въ свою защиту; къ тому-же, сознавая въ себѣ чувство ревнивой ненависти.

висти къ человѣку, любимому его сестрою, онъ считалъ себя обязаннымъ быть на сторожѣ противъ самого себя. Вслѣдствіе этого, онъ объявилъ лейтенанту, что, во избѣжаніе всякихъ обвѣпений въ недоброжелательствѣ, онъ готовъ ему дать восемь дней срока, чтобы онъ могъ обдумать свой рѣшительный отвѣтъ. Затѣмъ Петръ Шмицъ ушелъ, унося съ собою то же горе, съ которыми пришелъ.

Но, въ промежутокъ этихъ восьми дней, случилось событіе, сильно отозвавшееся на положеніи лейтенанта. Отецъ его скоропостижно умеръ отъ удара, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ значительныхъ долговъ, что, впрочемъ, никого не удивило, такъ какъ и отецъ и сыновья вели чрезвычайно расточительный образъ жизни.

Кредиторы покойнаго не разъ утѣшали себя надеждою, что холостой братъ ихъ должника, Рейнфельденскій генералъ, расщедрится и заплатитъ долги брата; но эта надежда оказалась тщетною. Генералъ объявилъ кредиторамъ, чтобы они убирались къ чорту, — а сыновьямъ своего брата, что они же помогали родителю доваривать кашу, пускай теперь сами ее и расхлебываютъ. Это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать; но, такъ какъ нельзя было допустить, чтобы такой древній дворянскій родъ принялъ на себя всѣ послѣдствія своего легкомыслія, подобно остальнымъ смертнымъ, то правитель страны вступился въ это дѣло и спасъ представителей знатнаго рода отъ долговой тюрьмы, заплативъ долги ихъ изъ своей шкапки; при этомъ, впрочемъ, онъ далъ облагодѣтельствованнымъ понять, что милость эта въ другой разъ не повторится.

Оба старшихъ брата, Гисбертъ, — теперешній полковникъ, и Филиппъ, — теперешній президентъ, поняли смыслъ намена и не замедлили имъ воспользоваться. Въ доказательство своего искренняго намѣренія порвать связь съ прошедшимъ, они женились, какъ только это дозволили приличія. Младшій братъ, Эрнестъ, самый отпѣтый изъ всей семьи, сущій *enfant terrible*, вышелъ въ отставку (онъ служилъ въ военной службѣ, подобно своему брату Артуру) и отправился въ Америку, гдѣ, какъ онъ слышалъ, можно было въ восемь дней дослужиться до генерала.

И такъ, оставался одинъ Артуръ, «красавецъ Гогенштейнъ», какъ всѣ его называли. Никто не сомнѣвался, что онъ извле-

четь выгоду изъ своей красоты и поддѣлать себѣ богатую невѣсту, съ помощью которой окончательно поправить свои разстроенныя обстоятельства. Но случилось совсѣмъ иное.

Около четырехъ мѣсяцевъ прошло уже со времени смерти оберъ-президента, а Артуръ, повидимому, забылъ и думать объ обѣщаніи, данномъ имъ Петру. Петръ находилъ это, какъ нельзя болѣе, естественнымъ при существующихъ обстоятельствахъ; только взгляды его милой Маргариты, все тревожнѣе и тревожнѣе обращающіяся на него, по мѣрѣ того, какъ приходилъ срокъ ожидаемаго рѣшенія, сильно его заботила. Онъ силился, по возможности, вознаградить ее за все самою заботливою нѣжностью, но ничто не помогало, и на сердцѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался въ невозможности излечить Маргариту отъ ея страсти; а между тѣмъ, надо было, такъ или иначе, вырвать эту страсть изъ ея сердца; онъ не видѣлъ другаго средства спасти ее.

Такъ сидѣли они однажды вечеромъ вдвоемъ. Былъ ноябрь мѣсяцъ; на дворѣ, вдоль тѣсной улицы, гулялъ осенній вѣтеръ; дождь хлесталъ въ небольшія оконныя стекла, оправленные въ свинцовыя рамы, и въ трубахъ слышались какіе-то странные стоны, наводившіе страхъ. Никогда еще старый домъ не казался Петру такимъ унылымъ; отъ времени до времени онъ отрывался отъ своихъ счетовъ и поглядывалъ на сестру, сидѣвшую на противоположномъ концѣ стола; давно уже работа праздно лежала на колѣняхъ Маргариты и взглядъ ея былъ пристально устремленъ въ землю; и невольно пришла ей брату на умъ, что лучше-бы ей сойти въ сырую могилу, чѣмъ влечить свои дни въ безвыходномъ горѣ.

Въ эту самую минуту вошла служанка и доложила, что какой-то незнакомый господинъ спрашиваетъ хозяина. Маргарита вскочила и, прижимая руку къ сердцу, обратила тревожный взглядъ на дверь. Петръ, подъ влияніемъ того-же предчувствія, поднялся съ своего мѣста и пошелъ на встрѣчу къ незнакомцу, высокая фигура котораго уже выступала за снѣжною горничной. Быстрымъ движеніемъ незнакомецъ очутился посреди комнаты, затворилъ за собою дверь и, бросившись къ ногамъ Маргариты, склонилъ къ ней голову на колѣни. Маргарита залилась слезами и, лаская эту любимую голову, по-

глядѣла на брата, улыбаясь сквозь слезы, какъ-бы желая сказать: — вотъ видишь и для меня есть счастье въ жизни!

Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ Петръ этотъ взглядъ, такъ что, когда Артуръ фонъ-Гогенштейнъ поднялся на ноги и, подойдя къ нему, молча протянулъ ему руку, какъ-бы не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ, Петръ не устоялъ въ прежде принятомъ намѣреніи, никогда не касаться этой руки, и отвѣчалъ на его пожатіе.

Артуръ, въ качествѣ свѣтскаго человѣка, первый совладѣлъ съ собою и нарушилъ неловкое молчаніе.—Простите меня, господинъ Шмицъ, заговорилъ онъ, что я, противъ вашего ожиданія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, противъ вашего желанія, позволилъ себѣ переступить черезъ порогъ вашего дома; но потребность увидѣть Маргариту была во мнѣ такъ сильна, что я не могъ устоять противъ нея; я пришелъ вамъ сказать, что я, тверже чѣмъ когда либо, рѣшился, будь что будетъ, не разставаться съ Маргаритой.

Маргарита бросилась въ объятія возлюбленнаго; Петръ принялся барабанить пальцами по столу и закусилъ нижнюю губу. Невозможность высказать лейтенанту, не огорчая сестру, все то, что онъ долженъ былъ высказать ему, какъ честный человѣкъ, ставила его въ тягостное затрудненіе. Онъ проклиналъ въ душѣ ловкую затѣю лейтенанта, который, устроивъ встрѣчу съ противникомъ подъ его-же собственнымъ кровомъ, поставилъ себя въ самое выгодное для борьбы положеніе; а между тѣмъ, при взглядѣ на лицо Маргариты, сіявшее счастьемъ, онъ испытывалъ какое-то отрадное ощущеніе, какъ будто тяжелый, тяжелый камень спалъ у него съ сердца. Онъ чувствовалъ даже нѣкотораго рода гордость, что вотъ-де къ нему, темному плебею, пришелъ оберъ-президентскій сынъ, потомокъ знатной фамиліи, и пришелъ въ качествѣ скромнаго просителя.

Артуръ имѣлъ на столько такта, что пришелъ не въ мундирѣ, по поводу чего, Петръ замѣтилъ во время разговора, что ему, Петру, гораздо пріятнѣе видѣть своего гостя въ статскомъ.—Вѣрьте мнѣ, отвѣчалъ на это Артуръ, что я и самъ душою-бы радъ былъ скинуть этотъ шутовскій нарядъ, который мнѣ болѣе всего мѣшаетъ назвать Маргариту моею,

да одна бѣда, куда я безъ него дѣнусь? Для Маргариты я былъ бы всѣмъ готовъ пожертвовать и шпагою, и мундиромъ, и общественнымъ положеніемъ; мало того, я не пожалѣлъ бы и самой жизни, если-бы только жить не значило для меня любить ее.

И, обнявъ Маргариту за талію, онъ началъ ходить съ нею взадъ и впередъ по мало освѣщенной части комнаты; между тѣмъ, какъ Петръ сидѣлъ возлѣ самой лампы, подперевъ голову рукою и, все быстрѣе и быстрѣе, барабанилъ пальцами по столу, все крѣпче и крѣпче закусывалъ нижнюю губу. Вдругъ онъ поднялъ голову и заговорилъ:

— Такъ вы, господинъ фонъ-Гогенштейнъ, дѣйствительно любите мою сестру?

— Люблю-ли я ее! воскликнулъ лейтенантъ съ жаромъ, въ которомъ пробивался, чуть замѣтный, оттѣнокъ театральности.

— Такъ ладно-же, сказалъ Петръ, я вамъ доставлю возможность на ней жениться.

Лейтенантъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Петра, потому что, говоря откровенно, возможность женитьбы представлялась ему и въ этотъ вечеръ столь-же сомнительною, какъ и четыре недѣли тому назадъ.

— Конечно, продолжалъ Петръ, для этого съ вашей стороны потребуется извѣстная доля самоотреченья и мужества, не того мужества, которымъ щеголяете вы, господа военные, но того, въ которомъ нашему брату, мирному гражданину, приходится каждый божій день упражняться и которое, быть можетъ, по этой самой причинѣ и цѣнится у насъ больше, чѣмъ у другихъ людей. Состоянія у меня, какъ я уже вамъ говорилъ, нѣтъ; за то есть у меня работа выгодная, хорошо окупающаяся работа; а одно другаго стоитъ. Отъ васъ зависитъ, раздѣлить со мною и эту работу и приносимый ею барышъ. Вы въ однихъ лѣтахъ со мною и получили гораздо лучшее образованіе, чѣмъ я. То, что мнѣ стоило годы усидчиваго труда, чтобы себѣ усвоить, я могу передать вамъ въ нѣсколько недѣль. Будьте моимъ компаньономъ. Мнѣ нуженъ человекъ, который помогать бы мнѣ въ работѣ и, въ тоже время, умѣлъ бы поддерживать кредитъ нашего дѣла передъ публикой съ тою ловкостью, которой мнѣ, неотесанному про-

столюдину, не достаётъ. Сколько именно вы теряете, соглашаясь на мое предложеніе, этого я, конечно, не въ состояніи разсчитать; на то же, что вы черезъ него выигрываете, мнѣ вамъ нечего указывать, вы и безъ меня знаете.

Въ первую минуту Артуръ чуть не разсѣялся на это странное предложеніе; только знаніе свѣтскихъ приличій удержало его отъ этой неловкой выходки. Къ тому же, онъ искренно любилъ Маргариту, да и обстоятельства его, не смотря на оказанную его семейству монаршую милость, были таковы, что, рано или поздно, онъ долженъ былъ опасаться, что его принудятъ взять отставку; такъ ужъ не лучше-ли было взять ее добровольно? Съ честнаго лица Петра онъ перенесъ свой взглядъ на темные глаза Маргариты, устремленные на него съ выраженіемъ тревожнаго ожиданія, потомъ снова взглянулъ на Петра и проговорилъ:—я готовъ на все, что лежитъ въ моей власти, лишь-бы доказать вамъ чистоту моихъ намѣреній.

Маргарита радостно бросилась ему на шею; Петръ протянулъ ему руку, на этотъ разъ, отъ всей души, потому что Петръ Шмицъ, разъ уже на что нибудь рѣшившись, не отступалъ ни передъ какими послѣдствіями, вытекавшими изъ принятаго имъ рѣшенія.

Нѣсколько недѣль спустя, въ аристократическихъ салонахъ города съ изумленіемъ заговорили о томъ, что «красавецъ Гогенштейнъ» вышелъ въ отставку и женится на хорошенькой мѣщаночкѣ; поговаривали также о томъ, что бывший лейтенантъ становится тайнымъ компаньономъ своего будущаго шурина и собирается (такъ, по крайней мѣрѣ, острили на его счетъ нѣкоторые злые языки) поставлять своимъ заимодавцамъ бумагу собственнаго издѣлія, чтобы было имъ на чемъ писать свои понудительныя посланія къ нему.

Негодовашіе и изумленіе аристократическихъ салоновъ, по поводу этой скандальной исторіи, не знало предѣловъ. Рейнфельденскій генералъ объявилъ, что «этотъ оборвышъ, конечно, разсчитываетъ на его помощь въ своемъ предпріятіи; но, что онъ, генералъ, не желаетъ имѣть никакого дѣла съ тряпьемъ, ни въ сыромъ, ни въ обработанномъ видѣ. Братья Артура умоляли бросить предпріятіе, которое должно было на-

ложить клеймо на весь ихъ родъ, и совѣтовали, ужъ если ему дѣйствительно нѣтъ другаго выхода, послѣдовать примѣру меньшаго брата и эмигрировать.

Артуръ фонъ-Гогенштейнъ былъ не изъ сильныхъ характеровъ; не легко ему было слушать увѣщанія родственниковъ и насмѣшки товарищей; не прошло и двадцати-четырехъ часовъ послѣ того, какъ безвыходность его положенія и неожиданное стеченіе обстоятельствъ исторгли у него роковое рѣшеніе, и онъ уже горько въ немъ раскаявался; но, какъ характеръ слабый, онъ не рѣшался повернуть назадъ, потому что сознавалъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко.

Петръ Шмицъ началъ съ того, что часть капитала, столь необходимаго ему для веденія дѣла, употребилъ на уплату долговъ своего компаньона и на покупку приданаго сестрѣ. Себѣ же онъ оставилъ только половинную долю труда и заботъ. Наши компаньоны могли служить олицетвореніемъ извѣстной басни о карликѣ и великанѣ, пустившихся странствовать по свѣту. Тѣмъ не менѣе, дѣло шло, благодаря неутомимой дѣятельности и промышленному гению Петра, довольно сносно, и Петръ не подумалъ бы роптать на свою судьбу, если бы вскорѣ не оказалось, что въ награду за всѣ жертвы, которыя онъ принесъ счастьемъ своей сестры, между нимъ и этою сестрою возникло отчужденіе, становившееся съ каждымъ днемъ все полнѣе и полнѣе. Да не подумаетъ читатель, чтобы Маргарита была сознательно неблагодарна; далеко нѣтъ! Но дѣло въ томъ, что любовь и справедливость рѣдко уживаются въ одномъ сердцѣ, и что во всѣхъ раздорахъ, возникающихъ между мужемъ и братомъ, можно навѣрное поручиться, что сочувствіе женщины будетъ на сторонѣ перваго. А раздоры между Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ и Петромъ Шмицомъ были, къ сожалѣнію, дѣломъ нерѣдкимъ. Молодой дворянинъ освоился съ своимъ новымъ родомъ жизни съ такою легкостью, что самъ Петръ не могъ надивиться; но медленный, тяжелый, усидчивый трудъ былъ ему не по душѣ; ему гораздо болѣе нравилась легкая и сильно возбуждающая игра, называемая спекуляціей, игра, въ которой все зависитъ отъ счастья. — Стоять-ли по цѣлымъ годамъ хлопотать изъ-за того, чего можно достигнуть въ какія нибудь сутки?—говаривалъ онъ, и

неотвязно приставалъ къ шурину, чтобы онъ пускался въ такія предпріятія, въ которыхъ онъ могъ разомъ нажитья, но могъ и потерять все, что имѣлъ; само собою разумѣется, Петръ не соглашался на подобный рискъ. Случалось-ли послѣ этого, что дѣла шли хуже обыкновеннаго, что цѣны на бумагу падали, или другое какое неблагопріятное стеченіе обстоятельствъ, онъ изливалъ свою досаду на шурина въ горькихъ упрекахъ Маргаритѣ:—Благодари за все это своего братца, который положилъ себѣ зарокъ оставаться нищимъ. Оно конечно: буржуа всегда останется буржуа; смѣлость—дѣло природное, ни научиться, ни разучиться ей нельзя.

За этимъ разногласіемъ, вскорѣ воспослѣдовалъ между обоими компаньонами открытый разрывъ, и воспослѣдовалъ, при томъ, при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не наложить на бывшаго дворянина позорное клеймо во мнѣніи Петра Шмица, да и вообще всѣхъ честныхъ людей. Дѣло было вотъ какъ: безъ вѣдома Петра, Артуръ пустился на свой собственный счетъ и на свой рискъ въ спекуляцію, имѣвшую необыкновенно счастливый результатъ, такъ что Артуръ сразу сдѣлался почти богачемъ. Петръ ничего этого не зналъ и Артуръ объявилъ ему о своемъ намѣреніи выйти изъ фирмы не ранѣе, какъ получивъ извѣстіе о благопріятномъ исходѣ своей биржевой игры; предложомъ къ этому разрыву онъ выставилъ недоразумѣніе, давно уже тянувшееся между Петромъ и имъ, и преднамѣренно раздутое Артуромъ въ ссору. Измѣна была тѣмъ чернѣе, что, какъ разъ въ эту минуту, по всей Германіи кредитъ былъ сильно подорванъ Іюльской революціей и дѣла фирмы стояли очень плохо.

Само собою разумѣется, что счастливый игрокъ вышелъ правъ во мнѣніи свѣта, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, готовъ былъ преклониться передъ успѣхомъ. Черезъ нѣсколько времени Артуръ фонъ-Гогенштейнъ занялъ въ городѣ самое почетное положеніе. Правда, доступъ въ аристократическіе дома былъ ему по прежнему закрытъ; но обстоятельство это было только новымъ поводомъ для буржуазіи встрѣтить его съ распростертыми объятіями. Либерализмъ былъ тогда въ модѣ, и дешевое вольнодумство, которыми щеголялъ Артуръ фонъ-Гогенштейнъ съ досады на си-

стематическое, неумолимое презрѣніе, которое выказывали ему родичи и вообще всѣ члены его сословія, доставило ему, безъ особенныхъ хлопотъ, репутацію человѣка дѣльнаго и обладавшаго хорошимъ направлениемъ. О томъ же, что Артуръ ставилъ себѣ въ заслугу образъ дѣйствій, вынужденный у него лишь суровой необходимостью, никто и не догадывался; сытый буржуа чувствовалъ себя польщеннымъ, когда маленькая, нѣжная рука столбоватаго дворянина дружески пожимала его неуклюжую лапу. Его избрали сначала городскимъ депутатомъ, потомъ, когда мѣсто штатрата сдѣлалось вакантнымъ, буржуазія настояла на томъ, чтобы вакантное мѣсто было отдано превосходному, обходительному человѣку, который горой стоялъ за интересы средняго сословія. Правительство, хорошо понимавшее, чего можно было въ наихудшемъ случаѣ опасаться отъ либерализма какогонибудь фонъ-Гогенштейна, утвердило выборъ буржуазіи.

Пока Артуръ фонъ-Гогенштейнъ вкушалъ, такимъ образомъ, дешево доставшіеся ему каштаны, тотъ самый человѣкъ, который вытаскивалъ ему ихъ изъ огня, теръ по прежнему свою старую ляжку и не видѣлъ себѣ другой награды, кромѣ той, которая дается спокойною совѣстью. Вскорѣ послѣ замужества Маргариты, Петръ Шницъ взялъ къ себѣ въ домъ сестру Беллу. Милое, глубоко-честное существо была эта дѣвушка и всею душою привязалась она къ брату, но все же она не могла замѣнить ему потерянную. Къ тому же, и здоровье бѣдной дѣвушки сильно пострадало отъ вынесеннаго ею многолѣтняго рабства, такъ что Петръ, вмѣсто сильной помощницы, которая была такъ нужна ему при его сложномъ хозяйствѣ, имѣлъ на рукахъ больную, требовавшую самаго внимательнаго ухода, такъ какъ и душа ея пострадала едва ли не болѣе, чѣмъ тѣло. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ душевныхъ свойствахъ, она мучила и себя и окружающихъ своимъ пессимизмомъ и болѣзненною раздражительностью; къ этому присоединялась безумная ревность, которою она преслѣдовала своего несчастнаго брата. Она не могла ему простить ту исключительную привязанность, которую онъ, не смотря ни на что, продолжалъ питать къ Маргаритѣ. Мало того, она мучилась постояннымъ опасениемъ, чтобы добродушный и

довѣрчивый Петръ какъ нибудь не попался въ сѣти хитрой кокетки, и въ каждой хорошенькой дѣвушкѣ, осмѣливавшейся оказывать ему вниманіе, видѣла соперницу, покушавшуюся занять мѣсто хозяйки за его столомъ.

Бѣдный Петръ! До того ли ему было, чтобы думать о женитьбѣ и, ко всѣмъ своимъ заботамъ, взваливать себѣ на шею еще новую и далеко не шуточную? Кажется, кому бы и знать было, какъ не Беллѣ, чего ему стоило не допускать свое дѣло до остановки, да еще поддерживать бѣдствовавшего брата Евгенія.

Братъ Евгеній, по выходѣ изъ тюрьмы, возвратился къ своему прежнему занятію, сооруженію машинъ; онъ нашелъ себѣ мѣсто главнаго мастера на одной машинной фабрикѣ, снискавъ расположеніе фабриканта, женился на его дочери и сдѣлался компаньономъ, а по смерти тестя и единственнымъ хозяиномъ фабрики. Но злая судьба преслѣдовала Евгенія Шмица. Все-бы на свѣтѣ ему удавалось, если-бы только случайно обстоятельства не слагались ему прямо во вредъ. Въ непосредственномъ его сосѣдствѣ машинныя фабрики вырастали, какъ грибы, и Евгеній, не имѣвшій въ рукахъ большаго капитала, не могъ выдержать конкуренцію. Дѣла его шли все хуже и хуже, и наконецъ.. Ну, наконецъ пришлось, по обыкновенію, обратиться за помощью къ Петру. Петръ помогъ ему и совѣтомъ и деньгами, и если-бы Евгеній такъ же охотно послѣдовалъ братнину совѣту, какъ онъ взялъ его деньги, то, можетъ статься, дѣла бы и пошли на ладъ. Но Евгеній часто поступалъ очертя голову, былъ добродушень, легко поддавался на обманъ и фабрика его векорѣ превратилась для Петра въ бездонную пропасть, безъ жалости поглощавшую всѣ его трудовыя денежки. Одно только и утѣшало Петра во время поѣздокъ въ Тюрингенъ, предпринимаемыхъ имъ по случаю періодическихъ несчастій, постигавшихъ его брата, то была единственная дочка Евгенія, Отилія, наслѣдовавшая отъ отца, прирейнскаго уроженца, его темныя кудри, и отъ матери ея большіе, голубые, чисто германскіе глаза. Въ промежутки этихъ поѣздокъ племянница подрастала все выше и выше и, съ каждымъ пріѣздомъ, все крѣпче и крѣпче привязывался къ ней дядя.

Годы шли своими неслышными шагами, оставляющими, между тѣмъ, такіе глубокіе слѣды. Старый домъ какъ-то еще болѣе осыпался и окна его глядѣли, по возможности, еще подслѣповатѣе. Глубокія морщины избороздили низкій, прямой лобъ Петра и легли складками вокругъ его плотно сжатыхъ губъ. Жесткіе, все еще густые волосы его совсѣмъ посѣдѣли. Последнее обстоятельство имѣло успокоивающее вліяніе на тетюшку Беллу: она не въ такой уже мѣрѣ предавалась теперь опасенію, чтобы пожилій братъ ея не сдѣлалъ того шага, который, она была въ томъ убѣждена, долженъ былъ сдѣлать его несчастнѣйшимъ человѣкомъ на весь остатокъ его дней. За то ее донимали ревматизмы, да старая ревность къ Маргаритѣ,—ревность, остававшаяся и до сихъ поръ во всей своей силѣ, не смотря на то, что отношенія между Петромъ и Штадтратомъ дошли до послѣдней степени натянутости, такъ что братъ съ сестрой почти и не видѣлись, и даже Вольфгангъ, такъ охотно бывавшій въ домѣ своего дяди, ходилъ все рѣже и рѣже.

Еще легче сносилъ бы Петръ отчужденіе и разлуку, если бы у него была увѣренность, что Маргарита счастлива; но этой-то увѣренности ему, по многимъ причинамъ, и не доставало. Во первыхъ, онъ твердо былъ убѣжденъ про себя (хотя никому, конечно, этого не высказывалъ), что никто, кромѣ его, неспособенъ любить и цѣнить Маргариту, такъ какъ она того заслуживаетъ, и всѣхъ менѣе ея мужъ. Все могъ извинить Петръ, кромѣ безчестности; а ею то и провинился передъ нимъ его зять. Человѣкъ же безчестный, по мнѣнію Петра, не могъ любить, такъ какъ въ его глазахъ любовь и истина были въ сущности одно и то же. Къ тому же, отъ его зоркаго взгляда не ускользнуло, что скорбное выраженіе, свойственное прекрасному лицу Маргариты, становилось съ годами все рѣзче и рѣзче, и, въ рѣдкія свои встрѣчи съ сестрою, онъ подслушалъ не одинъ невольный вздохъ, говорившій о многолѣтнемъ страданіи.

Но болѣе всего тревожили Петра недобрые слухи, ходившіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, будто господинъ фонъ-Гогенштейнъ не совсѣмъ-то чисто ведетъ свои дѣла и будто его благосостояніе не совсѣмъ то надежно. Никто не осмѣли-

вался обвинить штадтрата открыто въ безчестномъ поступкѣ; но передавали другъ другу на ухо, что свои деньги, когда онѣ у него водятся, онъ отдаетъ за черезъ-чуръ уже высокіе проценты, и въ безденежьи (этотъ-же грѣхъ, какъ утверждали, водился за нимъ и того чаще) поднимался на такія штуки, на которыя ни за что не рѣшился-бы ни одинъ солидный негоціантъ; поговаривали также, что онъ не оказываетъ ни малѣйшей пощады своимъ должникамъ и, въ тоже время, не слишкомъ-то торопится уплатою своихъ собственныхъ долговъ. Каждый пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о штадtratѣ, а это былъ ножъ вострый для Петра, который не столько сокрушался о зятѣ, сколько о сестрѣ.

Такъ насталъ 1848 годъ и принесъ съ собою Петру новую жизнь и новую дѣятельность. Съ давнихъ поръ уже, какъ и подобало такому честному, энергическому человѣку, онъ душею былъ преданъ дѣлу свободы, и въ теченіе многихъ лѣтъ леглялъ мысль о томъ, какъ-бы заставить послужить этому дѣлу свои типографскіе станки, такъ долго гулявшіе въ пристройкѣ позади его дома. Тысяча восемьсотъ сорокъ осмой годъ далъ ему возможность осуществить эту завѣтную мечту. Нашлись теперь безъ труда богатые люди, готовые пожертвовать на пользу общую часть своего достатка; въ какихъ нибудь восемь дней составился на акціяхъ капиталъ, необходимый для задуманнаго Петромъ предпріятія. Такъ же скоро нашелъ Петръ и главнаго редактора для своего «Народнаго Вѣстника» въ лицѣ давнишняго своего друга, доктора Бернгарда Мюнцера. Восемнадцатое марта застало газетную дѣятельность, честь нашихъ друзей, въ полномъ разгарѣ, и Петръ Шмицъ весело потиралъ себѣ руки, чего уже давно-давно за нимъ не бывало.

Около мѣсяца спустя, въ самый разгаръ народнаго волненія, по случаю предстоявшихъ выборовъ, когда Петру Шмицу не доставало двадцатичасовой работы, для исполненія лежавшихъ на немъ многосложныхъ обязанностей издателя газеты, вице-президента демократическаго общества и члена нѣсколькихъ комитетовъ, — изъ Тюрингена пришло извѣстіе, нанесшее Петру тяжелый ударъ и заставившее его поскакать туда, не теряя ни минуты.

Дѣло было въ томъ, что роковая звѣзда, преслѣдовавшая Евгенія Шмида всю его жизнь, достигла своего зенита; а затѣмъ внезапно померкла на вѣки; но съ нею вмѣстѣ погасла и жизнь Евгенія. Въ одно прекрасное утро, онъ стоялъ посреди своей фабрики и весело разговаривалъ съ своимъ главнымъ машинистомъ о томъ, что вотъ дѣла фабрики начинаютъ съ нѣкотораго времени замѣтно поправляться; на бѣду онъ остановился какъ разъ возлѣ колеса, которое притянуло его къ себѣ за одну изъ полъ сертука, и однимъ взмахомъ всего изломало. По счастью, Оттиліи не было дома, когда вынули изъ страшныхъ объятій машины размозженные останки ея отца; она гостила у одной своей знакомой. Главный машинистъ, честный малый, коротко знавшій Петра, написалъ наслѣднику письмо, въ которомъ, извѣщая его объ ужасномъ событіи, просилъ пріѣхать, какъ можно скорѣе, такъ-какъ присутствіе его *во всѣхъ* отношеніяхъ было бы весьма желательно. Петръ, слишкомъ хорошо узнавшій значеніе подчеркнутаго слова, набилъ себѣ въ карманы столько денегъ, сколько только могъ вынуть изъ оборота, наскоро переговорилъ съ докторомъ Мющеромъ, объявилъ сестрѣ Беллѣ, что пробудетъ въ отлучкѣ никакъ не болѣе восьми дней, по истеченіи которыхъ вернется съ Оттиліей, и поручилъ ей, какъ можно осторожнѣе, приготовить Маргариту къ извѣстію о смерти ея брата. Белла поплакала и заклинала Петра не скидать, ни подъ какимъ видомъ, фланелевую фуфайку, да позаботиться, чтобы и Оттилія потеплѣе одѣлась на дорогу; затѣмъ они простились и Петръ пустился въ путь.

ХП.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Вольфгангъ простился у калитки парка съ Бальтазаромъ Шмальгансъ, тетушка Белла, какъ ее называли въ сосѣдствѣ старъ и младъ, сидѣла у окна своей комнаты и вышивала по канвѣ. На дворѣ заходящее весеннее солнце обливало своимъ розовымъ блескомъ кровли домовъ, тѣсно и въ безпорядкѣ жавшихся другъ къ другу въ старомъ прирейнскомъ городѣ. Но въ низкой комнатѣ, выхо-

дившей на узкую улицу, начинало уже темнѣть; только пространство въ непосредственномъ сосѣдствѣ окна выдавалось еще свѣтлымъ пятномъ, такъ что каждому, кто вошелъ-бы въ комнату, тетушка Белла представилась бы въ самомъ выгодномъ освѣщеніи. А тетушка Белла вовсе была не прочь, чтобы добрые люди видѣли ее при самомъ выгодномъ освѣщеніи; не смотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, она еще далеко не отреклась отъ всяческихъ тщеславныхъ помысловъ. У нея были темные, Шмицовскіе волосы и темные, живые Шмицовскіе глаза. Послѣдніе, правда, у нея нѣсколько внади и давно утратили, по милости горя и болѣзней, свой бывалый блескъ; но все-же можно было видѣть, что эти глаза, полу-скрытые теперь подъ нависшими вѣками, лѣтъ двадцать, двадцать-пять тому назадъ, были очень хороши; да и теперь еще, стоило какому нибудь сильному чувству заговорить въ тетушкѣ Беллѣ, а это случалось нерѣдко, и въ нихъ тотчасъ-же загарался отблескъ бывалаго огня. Но пуще всего гордилась тетушка Белла своимъ станомъ, дѣйствительно сохранившимъ на диво всю свою юношескую стройность. Вообще говоря, почтенная дѣвица, если вы ее видѣли прифранченную и издали, могла и до сихъ поръ производить пріятное впечатлѣніе для глаза.

Но въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, тетушкѣ Беллѣ некогда было позаботиться о своемъ туалетѣ. Отъ Петра было получено письмо, въ которомъ онъ писалъ, что пріѣдетъ съ Оттиліей на другой день утромъ, и у тетушки Беллы, которая ожидала его цѣлымъ днемъ поздне, было хлопотъ полны руки. Пользуясь отсутствіемъ брата, она предприняла генеральную чистку всего дома и кое-какіе другіе великіе хозяйственные подвиги, по милости которыхъ, нѣсколько позабѣшкалась остальными нужными распоряженіями, а потому и должна была наверстывать потерянное время. У тетушки Беллы былъ тотъ-же энергическій, жаждущій дѣятельности характеръ, какъ и у Петра; свое горе о погибшемъ братѣ и заботу о бѣдной сироткѣ Оттиліи она старалась забыть за работою, и это ей отчасти удалось. Но за хлопотами она такъ и не принималась за другое дѣло, которое обѣщалась кончить къ вечеру того же дня, и которое слѣдственно, надѣ было

кончить во что-бы то ни стало, потому что тетушка Белла не любила шутить даннымъ словомъ.—И такъ, вотъ по какой причинѣ она сидѣла у окна съ очками на носу и, при свѣтѣ погасавшаго дня, такъ усердно вышивала по канвѣ.

Не спроста занималась тетушка Белла этими канвовыми работами. Она изготовляла ихъ непарное количество, пользуясь для этого каждою досуею минутою, выдававшуюся между остальныхъ ея завятій. Вышивала она не для собственнаго удовольствія и не для удовольствія другихъ: по крайней мѣрѣ, не въ этомъ была ея ближайшая цѣль; тетушка Белла работала за деньги. Но обстоятельство это хранилось въ глубочайшей тайнѣ, и добрая душа вполне была убѣждена, что ни единый смертный не догадывается въ чемъ дѣло. Официально зналъ объ этомъ одинъ только Петръ. Нѣсколько дней послѣ того, какъ тетушка Белла переѣхала къ нему въ домъ, она объявила ему:— не дѣло, Петръ, чтобы ты работалъ одинъ за насъ всѣхъ. У тебя и безъ того много заботъ, и сердце мое надрывается, какъ подумаю, что и я еще взвалюсь тебѣ на плечи. Какъ я до сихъ поръ жила своимъ трудомъ, такъ и теперь хочу жить. Конечно, учење мое было плохое; что я и знала въ школѣ изъ французскаго, то давно уже успѣла перезабывать, а начинать учење съизнова—года мои ушли. Но я когда-то хорошо умѣла вышивать по канвѣ; вкусу и умѣнья располагать цвѣта у меня довольно; такъ вотъ я и буду вышивать за деньги. Затѣмъ она изложила Петру придуманный ею планъ, который состоялъ въ слѣдующемъ: работы свои она намѣревалась поставлять въ магазинъ издѣлій подобнаго рода. Но, такъ какъ брату ея могло повредить, если-бы въ городѣ стали говорить, что онъ родную сестру не можетъ содержать на свои деньги, то она рѣшилась повести дѣло не прямо отъ своего имени, а выдавая себя за повѣренную одной знатной дамы, будто-бы находящейся въ настоящую минуту въ большой нуждѣ.

Выслушавъ сестру, Петръ Шмицъ весьма расхохотался и объявилъ Беллѣ, что—глупа она, право глупа! развѣ она не видитъ, ужъ коли дѣла пошли между ними на счеты, что она ему втрое больше помогаетъ въ хозяйствѣ, чѣмъ какаянибудь экономка, которую онъ долженъ-бы былъ нанимать за

дорогія деньги! Къ тому же, продолжалъ онъ, дѣла его еще, слава богу, не такъ плохи, чтобы единственная оставшаяся ему сестра (тутъ онъ глубоко вздохнулъ и провелъ рукою по волосамъ) должна была для своего прокормленія портить глаза надъ проклятыми вышиваньями. Впрочемъ, заключилъ онъ, если ужъ она непремѣнно хочетъ, то пускай попробуетъ; не бось, скоро надоѣстъ.

Но въ послѣднемъ отношеніи Петръ сильно ошибался; да и вообще, ему недоставало въ пониманіи характера этой сестры, — характера столь родственнаго его собственному, — той пронипательности, съ которою онъ схватывалъ тончайшія особенности въ болѣе идеальной, но далеко не столь сильной и богатой натурѣ Маргариты. Белла съ тою же упорною энергіею преслѣдовала разъ задуманный планъ, съ какою братья ея умѣлъ приводить въ исполненіе свои собственные замыслы. И такъ-же строго, а пожалуй и того строже, хранила она свое инкогнито передъ фирмою, дававшею ей работу, передъ пріятельницами, передъ слугами, — словомъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, хотя цѣлый свѣтъ давнымъ давно зналъ въ чемъ дѣло. Невѣроятныя усилія употребляла тетушка Белла для прикрытія своей тайны, которую всякій угадывалъ, хотя, изъ уваженія къ ней, никто и виду этого не показывалъ. Эта женщина, сама честность и прямота, прибѣгала къ безчестнымъ выдумкамъ: она торговалась съ хозяйкой магазина изъ за какого нибудь гроша, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаетъ, согласится ли таинственная знатная дама сбавить цѣну съ своихъ рукодѣлій; приходившимъ къ ней знакомымъ она старалась отвести глаза, рассказывая имъ про небывалыхъ родственникововъ, проживавшихъ въ Америкѣ, въ Австраліи и въ Китаѣ, которымъ она, будто-бы, вышивала въ подарокъ это несмѣтное количество памятныхъ книжекъ, сигарочницъ, кистовъ, дорожныхъ сумокъ и проч. Разъ она, видите-ли, записалась въ члены богоугоднаго общества, которое взялось поставлять на престольные покровы на мысѣ Доброй Надежды; въ другой разъ, она была членомъ ~~наго~~ общества, предпринявшаго снабжать сиротъ, выпускаемыхъ изъ пріюта, вышитыми туфлями, иносказательно выражая этимъ желаніе, чтобы имъ мягко ступалось по жизненному пути. Послѣ ~~каждого~~

дой подобной выдумки совѣсть тетушки Беллы начинала тревожиться; но одного взгляда на полустершійся каменный гербъ, красовавшійся надъ парадною дверью дома, было достаточно, чтобы возвратилось ея прежнее спокойствіе. Если этотъ гербъ не былъ фальшивымъ гербомъ Шницовъ, владѣвшихъ домою въ продолженіи цѣлаго столѣтія, то кому же онъ могъ принадлежать? На этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить, а потому тетушка Белла и рѣшила, пока онъ не разъяснится совершенно удовлетворительно, считать гербъ своимъ, Шницовскимъ.

Для представительницы-же такого знаменитаго древняго рода гораздо извинительнѣе было извернуться маленькою ложью, чѣмъ сознаться въ той унижительной истинѣ, что она работаетъ за грошовую плату наравнѣ съ какойнибудь обыкновенной швейей.

И такъ, тетушка Белла сидѣла у окна и спѣшила кончить работу къ сроку, назначенному таинственной дамой. Мысль ея, между тѣмъ, не переставала дѣятельно работать. Она думала о томъ, какъ перепугалась бѣдная Оттилія, когда ей сказали, что отца ея уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, о томъ, какъ-то приметъ это извѣстіе, сестра Маргарита и не лучше-ли бы она, Белла, поступила, если-бы вмѣсто того, чтобы послать ей записку, сама къ ней сходила?

Страннымъ казалось ей со стороны Маргариты, что она и не подумала навѣстить сестру по полученіи роковаго извѣстія.

— Точно мы всѣ ей стали чужіе, подумала она. А что это было за милое, кроткое, ласковое дитя!— Затѣмъ мысль Беллы перенеслась на фланелевую куртку Петра; онъ, конечно, не преминетъ въ такую жаркую погоду ее скинуть, вслѣдствіе чего схватить себѣ, навѣрное, сильнѣйшій ревматизмъ, а можетъ статья, и того хуже,—нервную горячку или тифъ, да пожалуй и уреть.

Потомъ тетушку Беллу взяла забота о томъ, что-то станетъ съ нею и съ бѣдною Оттиліею, если Петръ дѣйствительно уреть, старый домъ продадутъ и обѣ онѣ принуждены будутъ жить на чужой сторонѣ? Да какъ еще на бѣду у нея совсѣмъ отнимутся руки, такъ что она не въ состояніи будетъ работать. И вотъ она вынуждена лечь въ больницу, умираетъ

въ больницѣ, ее вскрываютъ или, о ужасъ! ошибкою хоронятъ заживо! она очнулась въ гробу, она чувствуетъ надъ собою гробовую крышу, знаетъ, что надъ нею насыпано земли на шесть футовъ, и что вопли ея замрутъ въ душной могильной тьмѣ!

Тетущка Белла до того погрузилась въ созерцаніе этой ужасающей картины, что и не замѣтила, какъ вмѣсто одной тѣни взяла другую, такъ что ей предстояло распарывать все, что она нашла за послѣднія десять минутъ.

Въ отчаяніи она скинула очки и уронила работу къ себѣ на колѣни.—Видно, я въ недобрый часъ родилась, проговорила она съ досадою. Все-то мнѣ не удается!.. Вѣдь вотъ, когда ненужно ихъ, такъ валомъ такъ и валять; а теперь никто носа не покажетъ. Хоть-бы Клерхенъ заглянула, у которой такія золотыя ручки, да и глаза позорче моихъ, и той нѣтъ. Ужасно!

Въ эту самую минуту дверь, которая вела изъ сѣней, открылась и нѣжный, мелодическій голосокъ спросилъ: — можно войти?

— Клерхенъ! воскликнула тетущка Белла, слава тебѣ Господи! Войдите, войдите скорѣе Клерхенъ и извольте раздѣваться. Вы должны мнѣ пособить въ этой противной работѣ. Согласны?

— И еще вы спрашиваете, тетущка Белла! отвѣчала Клерхенъ Мюнцеръ, скинула шляпку, платокъ, поправила руками гладко заплетенные волосы и усѣлась противъ Беллы у окна.

ХІІІ.

— Ладно, ладно, давайте, отвѣчала Клерхенъ, когда Белла объяснила ей въ чемъ состояла ея ошибка—я скорѣе вашего справлюсь съ работою; да вамъ-же, я знаю, и не годится работать въ сумерки.

Послѣ легкаго сопротивленія, тетущка Белла выпустила изъ рукъ работу, сняла очки и, откинувшись назадъ въ своемъ креслѣ, съ удовольствіемъ слѣдила за ловкими движеніями молодой женщины, которая лишь взрѣдка отрывалась отъ работы и поднимала на свою пожилую подругу добрые, честные глаза.

Клерхенъ Мюнцеръ пользовалась особеннымъ расположеніемъ тетушки Беллы; да и мудрено было не полюбить эту тихую, скромную женщину. Правда, она была далеко не красавица, хотя и была одарена отъ природы стройнымъ станомъ, красивою рукою и малевною, стройною ногою. Темные волосы ея не могли похвалиться особенной густотою, въ сѣрыхъ глазахъ свѣтился умъ и доброта, — наврядъ-ли эти глаза могли бы вдохновить поэта; въ чертахъ лица не было ни тѣни правды, хотя, быть можетъ, вслѣдствіе гармоніи внутренняго существа ея, они производили это впечатлѣніе. Что же касалось цвѣта лица, то сама тетушка Белла допускала, что онъ много-бы выигралъ, если-бы не такъ былъ испещренъ веснушками. — Ну, да вѣдь это все пустяки, говаривала тетушка Белла, — вотъ я и смазлива была смолоду, а что въ томъ толку? главное, чтобы сердце было на мѣстѣ, а у Клерхенъ Мюнцеръ оно какъ разъ на мѣстѣ, не то что у иныхъ прочихъ:

— Посмотрю я на васъ Клерхенъ, какъ у васъ работа спорится, проговорила тетушка Белла.

— Немудрено; отвѣчала Клерхенъ, вѣдь я за то кромѣ рукодѣлій ничего не знаю. Но, скажите, развѣ башмаки непременно должны быть готовы сегодня?

— Ахъ, милая Клерхенъ, сказала тетушка Белла, вѣдь вы знаете, связалась я съ этимъ несноснымъ обществомъ дѣтскихъ пріютовъ; на будущей недѣлѣ опять выпускаютъ двѣнадцать сиротъ, и я имѣла глупость обѣщать подюжинны туфель, которыя, во что-бы то ни стало, должны быть нынче вечеромъ готовы и отправлены по принадлежности; и какъ разъ теперь, когда у меня и безъ того столько хлопотъ! просто, я вамъ скажу, голова идетъ кругомъ.

— Развѣ отъ Петра пришло письмо? спросила Клерхенъ.

— Да; а я вамъ развѣ не говорила? онъ будетъ завтра утромъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Шутка-ли, всю ночь пробыть въ дорогѣ! вѣдь это только ему и можетъ придти въ голову такое сумасбродство. У меня просто душа не на мѣстѣ; вѣдь вы знаете какой онъ неосторожный; еще какъ его Богъ хранить, что онъ не попалъ подъ колеса машины не хуже бѣднаго, Евгенія...

Тутъ глаза тетушки Беллы наполнились слезами, но она сдѣлала надъ собою усиліе и подавила свое волненіе.

— Бѣдняжка Оттилія, продолжала она, я ее лѣтъ десять какъ не видала; воображаю, какъ она, моя голубушка, переиѣнилась; мнѣ кажется, встрѣтѣсь я съ нею на улицѣ, я-бы ее совсѣмъ не узнала. Ахъ Клерхенъ! ужь какъ-же я буду ее дѣлать и нѣжить. Родной отецъ съ матерью не стали бы ее больше любить. Вѣрите ли вы этому?

— Конечно вѣрю, отвѣчала Клерхенъ, и не только вѣрю, но и знаю, что оно такъ будетъ; въ то-же время я знаю, что хорошенькая Оттилія совсѣмъ вытѣснить дурнушку Клерхенъ изъ сердца тетушки Беллы, такъ что мнѣ, по настоящему, вовсе не слѣдовало-бы радоваться пріѣзду Оттиліи.

— Фя, Клерхенъ, и это вамъ не стыдно говорить такія вещи? воскликнула тетушка Белла. Енѣ я въ жизнь свою никому не измѣняла, пока мнѣ не измѣняли. Да и тогда я, большею частью, продолжала по прежнему любить; а и подавно неспособна я измѣнить человѣку, который во мнѣ нуждается, и который... Эхъ, Клерхенъ, какъ вы тамъ не горячитесь каждый разъ, какъ я позволяю себѣ объ этомъ закнуться— а все же вы не слишкомъ-то счастливы.

Клерхенъ низко склонила голову надъ своею работою и шила съ удвоеннымъ прилежаніемъ. Послѣ небольшой паузы, она проговорила тихо и не поднимая головы.

— Полноте, тетушка Белла, я совершенно довольна своею участью, прошу васъ никогда не говорите, что я несчастлива.

— Эхъ, Клерхенъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если-бы вамъ отъ того хотя легче было-бы, что я молчала, тогда я, конечно, рта бы не разинула, но дѣло-то выходитъ наоборотъ; я думаю, что всего лучше прямо высказать, что у тебя лежитъ на душѣ, и что вамъ право не мѣшало-бы высказать всю правду своему муженьку.

— Но, ради бога, тетушка Белла! что же я такое должна ему высказать, проговорила молодая женщина въ замѣшательствѣ.

— А то, отвѣчала тетушка Белла съ жаромъ, что чело-вѣкъ еще не имѣетъ права прикидываться существомъ высшаго разряда и драть носъ передъ нашею сестрою изъ-за то-

го только, что онъ написалъ двѣ, три книжки. Вы бы должны были ему сказать, что онъ долженъ считать себя счастливымъ, имѣя такую милую, добрую женушку и такихъ славныхъ малютокъ... постойте, постойте, дайте мнѣ договорить. Немѣшало бы также при случаѣ ему замѣтить, что кричать-то о народномъ благѣ и о всякихъ тамъ великихъ дѣлахъ еще не богъ знаетъ какая прѣмудрость, а что долгъ каждаго человѣка прежде всего позаботиться, чтобы своя крыша не стояла дырявой, и что не вѣрю я во всё его розказни о народномъ благѣ, коли онъ свою собственную, милую, добрую жену не умѣетъ сдѣлать счастливою.

Въ продолженіи этой филиппики, Клерхень Мюнцеръ то блѣднѣла, то краснѣла и съ трудомъ удерживала слезы. Теперь, когда тетушка Белла замолчала, она подняла на нее влажные глаза и проговорила тихимъ и дрожавшимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Тетушка Белла, вы знаете, какъ я васъ люблю и уважаю и какъ я дорожу вашею дружбою; вы—мой единственный другъ; но именно потому-то я и прошу васъ не говорить такъ о Бернгардѣ; я не могу, я не должна выслушивать это. И если бы я въ самомъ дѣлѣ была несчастна, за что же вы меня хотите лишить моего единственнаго утѣшенія—знакомства съ вами?

— Ну полно, полно, заговорила тетушка Белла, стараясь задобрить свою собеседницу,—развѣ я хотѣла тебя обидѣть? Между пріятельницами не годится каждое лыко принимать въ строку, вѣдь этакъ и разговору никакого быть не можетъ. Вы знаете, какого я высокаго мнѣнія о Мюнцерѣ, но поэгому-то самому я и желала бы, чтобы онъ въ главномъ-то умѣлъ показать себя путнымъ человѣкомъ, а то во всей его учености, и дѣльности, и даровитости не будетъ никакого толку, какъ есть никакого.

— Но, скажите же, чего вы требуете отъ Бернгарда? воскликнула Клерхень. Развѣ онъ не добръ ко мнѣ, не безконечно добръ, какъ я, ничтожное созданіе, того вовсе и не заслуживаю? Развѣ онъ не сама любовь въ отношеніи дѣтей? Развѣ онъ не трудится для насъ день и ночь?..

Тетушка Белла пожала плечами.

— Охъ, то-то и есть, что онъ слишкомъ много трудит-

ся и для другихъ, проговорила она, и что всего хуже, для такихъ, которые его же поднимаютъ на смѣхъ за его спивною. Сколько денегъ раздаетъ онъ ежегодно всѣмъ этимъ непризнаннымъ гениямъ, которые такъ и льнутъ къ нему съ просьбами о вспомошествованіи? Еще я ни слова не сказала бы, если-бы онъ былъ богатъ, но....

— Бернгардъ по неволѣ долженъ такъ поступать, возражала Клерхенъ,—его положеніе того требуетъ. Онъ многимъ и отказывается, потому что всѣхъ удовлетворить онъ не въ состояніи; а между тѣмъ, никто больше меня не желалъ бы, чтобы онъ всѣмъ могъ помогать.

— Рассказывайте, рассказывайте, Клерхенъ, отвѣчала тетушка Белла, будто я и сама не знаю? Въ томъ что я собственными глазами видѣла, меня никто не разувѣритъ. Дай-то только Господи, чтобы и вашъ мужъ и мой братъ не сдѣлались жертвами того, что они величаютъ своими «убѣжденіями.» Ну что, какъ прошелъ нынѣшній день въ городѣ?

— Все было тихо, такъ что мнѣ пришло на мысль, не прогуляется ли со мною Бернгардъ, окончивъ свои дѣла въ редакціи? я такъ давно уже не выходила изъ дому.

— А вотъ я сейчасъ пошлю у него спросить, сказала тетушка Белла.

Клерхенъ было вздумала возражать, но Белла ея не послушалась. Посланная служанка вернулась съ отвѣтомъ, что докторъ Мюнцеръ нынѣшній вечеръ заваленъ работой, а потому не можетъ проводить барыню домой, только проситъ ее вернуться пораньше, такъ какъ сегодня вечеромъ, должно быть, не совсѣмъ спокойно будетъ въ городѣ.

— Опять! воскликнула тетушка Белла, всплеснувъ руками. И что это имъ не живется мирно? Чего они добиваются? Вѣдь ужъ, кажется, добрый король все сдѣлалъ, чего они хотѣли. Пойдите, Клерхенъ, я сама провожу васъ домой, мнѣ все равно надо отдать башмаки въ магазинъ; мнѣ обѣщались тамъ отослать ихъ куда слѣдуетъ, это мнѣ будетъ по дорогѣ. Погодите только, Клерхенъ, съ минутку, надо приодѣться, а то вѣдь я на лѣснаго чорта похожа.

И тетушка Белла скрылась въ сосѣднюю комнату, гдѣ провозилась минутъ съ пять, двигая коммодами и гремя ключа-

ми. Надо вамъ сказать, что тетушка Белла, не смотря на свою собственную пуритическую честность, всегда была готова подоарѣвать другихъ, въ особенности слугъ, и никогда не отлучалась изъ своей комнаты, не обезопасивъ, какъ слѣдуетъ, свой стародѣвическій скарбъ отъ возможныхъ покушеній на него слишкомъ длинныхъ рукъ.

Въ ту самую минуту, когда тетушка Белла, въ поношенной шляпѣ съ широкими полями на головѣ, показалась на порогѣ своей спальни, въ комнату вошла служанка и подала писанное рукою Петра. Въ немъ было всего нѣсколько словъ: — мы будемъ въ пятницу вечеромъ съ семичасовымъ поѣздомъ. Оба мы въ добромъ здоровьи. Дай знать Мюнцеру. Au revoir. П.

— Вотъ тебѣ на! воскликнула Белла. Ну ужъ денекъ задался мнѣ сегодня! Хоть-бы комната Петра успѣла просохнуть хорошенько, и того нѣтъ! Ну, Клерхень, я не могу идти съ вами. Ступайте, милочка, однѣ, да зайдите по дорогѣ въ магазинъ и отдайте вотъ эту посылочку; скажите только, что она отъ меня; ужъ они тамъ знаютъ, что съ ней дѣлать. Прощайте, милая Клерхень; да смотрите, заходите къ намъ завтра. Прощайте, голубушка. — И тетушка Белла чуть не вытолкала свою гостью за дверь, помня, что магазинъ запирался въ половинѣ девятаго. Тетушка Белла въ жизнь свою не простила бы себѣ малѣйшую неакуратность со стороны таинственной зпатной дамы въ доставкѣ рукодѣлій.

Едва успѣла Клерхень завернуть за уголъ улицы, какъ къ знакомому намъ дому съ другой стороны подъѣхали дрожки; изъ этихъ дрожекъ выскочилъ невысокій, широкоплечій мужчина лѣтъ сорока и помогъ выйти изъ экипажа молоденькой дѣвушкѣ, красота когорой до того поразила служанку, выбѣжавшую на крыльцо принять вещи пріѣзжихъ, что та, будто и не слышала вопроса господина: а гдѣ же запропастилась Фрейлейнъ Белла.

Пять минутъ спустя, извѣстie о пріѣздѣ хозяина и «молоденькой барышни» проникло и въ комнату Петра, которую Белла съ помощью подмастерья и кухарки приводила въ порядокъ, не щадя своихъ силъ. Тетушка Белла сунула вѣщикъ,

которымъ орудовала въ эту минуту, въ руки подмастерью (а тотъ не преминулъ скорчить ей вслѣдъ самую отвратительную гримасу) и устремилась внизъ по лѣстницѣ. Распахнуть дверь, залиться слезами при видѣ хорошенькой Оттилія, одѣтой въ трауръ, и заключить прелестное дитя въ свои объятія, было для тетушки Беллы дѣломъ одной минуты.

— Ну, ладно, ладно Белла, проговорилъ Петръ, когда чередъ обниманья дошелъ до него; хорошенькаго понемножку. Помогни-ка Оттиліи снять дорожное платье, да дай ей хорошенько отдохнуть. А мнѣ еще надо побывать въ редакціи.

И приласкавъ еще разъ съ отеческой нѣжностью красавицу Оттилію, Петръ отправился въ редакцію. Петру Шмицу былъ недосугъ отдыхать, возвращаясь изъ путешествія.

XIV.

— Здравствуйте, господа! Ну что, какъ дѣла идутъ? проговорилъ Петръ Шмицъ, быстрыми шагами входя въ комнату.

— Плохо! отвѣчалъ докторъ Мюнцеръ, подавая Петру лѣвую руку, а правую продолжая писать статью, которою онъ былъ занятъ въ эту минуту.

— А, здорово Шмицорумъ, воскликнулъ докторъ Гольмъ, обрадовавшись возможности оторваться на минуту отъ скучной работы, поднимаясь съ своего мѣста и протягивая руку Шмицу. Съ пріѣздомъ честь имѣю поздравить. Ну что, благополучно ли вы возвратились изъ страны угрюмыхъ елей? А гдѣ же прелестная дѣвушка, дочь безвременно погибшаго отца?

— Сдѣлайте одолженіе Гольмъ, повремените сыпать цвѣтами вашего плохого краспорѣчія, пока я окончу вотъ эту статью, замѣтилъ докторъ Мюнцеръ.

— Умолкни и пиши себѣ далѣе, проговорилъ докторъ Гольмъ, съ величественнымъ движеніемъ руки обращаясь къ своему трудолюбивому товарищу и, отведя Петра Шмица къ окну, принялся въ полголоса спрашивать его о подробностяхъ поѣздки.

Редакція помѣщалась въ довольно низкой комнатѣ средней

величины, обитой старыми, потемнѣвшими обоями, которые во многихъ мѣстахъ поотстали отъ сырыхъ стѣвъ. Все убранство этой комнаты состояло изъ большого стола, заваленнаго бумагами, книгами и письменными принадлежностями; изъ трехъ письменныхъ креселъ и изъ полки для старыхъ газетъ. Въ одной изъ дверей было придѣлано окно, на половину закрытое занавѣскою изъ поливляой зеленой матеріи, въ которое можно было видѣть наборщиковъ, работавшихъ за своими конторками.

Атмосфера комнаты, не смотря на открытыя окна, представляла не совсѣмъ пріятное смѣшеніе запаха свѣжихъ типографскихъ чернилъ съ запахомъ застоявшагося табачнаго дыма.

— Дописалъ! — И съ этимъ восклицаніемъ докторъ Мюнцеръ бросилъ перо на столъ и передалъ въ окошечко еще невысохшую рукопись, съ наказомъ набирать ее какъ можно скорѣе, а корректуру принести къ нему. За тѣмъ онъ еще разъ подавъ руку Петру и проговорилъ:— ну, теперь я могу съ вами поздороваться, mon cher; пора, пора было вамъ воротиться. Настоящая минута критическая; не далѣе какъ нынѣче вечеромъ должна рѣшиться судьба революціи въ нашемъ городѣ, а черезъ примѣръ, который мы подадимъ, быть можетъ, и въ цѣлой странѣ.

— Что у васъ такое затѣвается? спросилъ Петръ.

— Развѣ вамъ Гольмъ ничего не говорилъ?—И при этихъ словахъ докторъ Мюнцеръ строго взглянулъ на доктора Гольма своими огненными голубыми глазами.—Такъ объ чемъ же, скажите на милость, шелъ у васъ разговоръ?

— О вождѣленномъ событіи, о пріѣздѣ очаровательной Отвѣліи, отвѣчалъ докторъ Гольмъ, вынимая трубку изо рта и выводя ея кончикомъ въ воздухъ букву О.

— Вотъ какъ! сухо возразилъ докторъ Мюнцеръ. Ну, пріѣхали они благополучно, и слава Богу; еще завтра успѣемъ объ этомъ чатолковаться. А сегодня у насъ на рукахъ болѣе важное дѣло. Я уже писалъ вамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Петру, что сегодня вечеромъ должна состояться величественная демонстрація. Въ нашемъ распоряженіи находится до пяти тысячъ работниковъ и пролетаріевъ, кото-

рые соберутся передъ ратушей и будутъ требовать оружія. Мы должны задать страху, пока еще время. Надо ковать желѣзо, пока оно горячо.

— Отлично, превосходно, проговорилъ Петръ, не спускавшій все это время глазъ съ своего собесѣдника. Когда же начнется потѣха?

— А вотъ, мы въ восемь часовъ назначили народу собираться въ трактирѣ «Римлянинъ». Тамъ самое просторное помѣщеніе.

— И пиво отличное, добавилъ Гольмъ.

— Для Гольма и другихъ жаждущихъ душъ, замѣтилъ Мюнцеръ. Я буду говорить рѣчь и вы тоже, Шмицъ, должны что нибудь сказать. Объ одномъ только я васъ буду просить: откиньте вы на нынѣшній дець частичку вашего обыкновеннаго благодушія; идите до послѣдней границы возможнаго и старайтесь хорошенько ихъ подзадорить плачевнымъ исходомъ уѣла въ Баденѣ.

Въ эту минуту послышалось восклицаніе: — господинъ докторъ, корректура! и чья-то рука просунула въ окошечко влажный листъ.

— Это что такое? Добавочный листокъ? спросилъ Шмицъ.

— Да, отвѣчалъ Мюнцеръ, направляясь съ корректурою къ столу; всего только нѣсколько строкъ: новѣйшія извѣстія изъ Констанца и Донаушингена, съ прибавленіемъ кое-какихъ своевременныхъ размышлений отъ моего лица.

— Сказали бы вы лучше несвоевременныхъ, проворчалъ докторъ Гольмъ, снова усѣвшійся противъ Мюнцера и набивавшій себѣ трубку изъ выдвижнаго ящика въ столѣ, содержавшаго всѣ его курительныя принадлежности.

Петръ Шмицъ, обдумывавшій въ эту минуту рѣчь, которую ему предстояло сказать, расхаживалъ быстрыми шагами по комнатѣ и, то и дѣло, ерошилъ себѣ густые сѣдые волосы.

Мюнцеръ окончилъ корректуру, передалъ ее въ окно, снова наказавъ главному мастеру поторопиться, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы наборщики попали на скидку, и, скрестивъ руки на могучей груди, остановился у црители, задумчиво уставивъ глаза въ землю.

— Странное дѣло, проговорилъ онъ, немного помолчавъ, ме-

дневно и какъ-бы разсуждая съ самимъ собою: мы, нѣмцы, рѣшаемся дѣйствовать только тогда, когда удобная для этого минута уже прошла. Кабы дѣлалось по вашему, Гольмъ, то мы, вмѣсто того, чтобы идти въ народное собраніе, забились-бы куда-нибудь въ кабакъ и, потягивая пиво, сказали-бы, пожадуй двѣ, три рѣчи, въ назиданіе наострившихъ уши филистеровъ, въ которыхъ мы подробно изложили-бы имъ, какъ-бы повели дѣло, если-бы реакція, смилдовавшись, отдала намъ книги въ руки.

— Великую ты истину изрекъ, дружище, самъ того не помышляя, весело отвѣчалъ Гольмъ. Само собою разумѣется, что душа моя жаждетъ усладительной влаги, потому что, чтобы тамъ не говорили люди, презирающіе гастрономическія наслажденія.

Dem Guten ist's vergonnen
Wenn des Abends sinkt der Sonnen
Dass er in sich geht und denkt
Wo man einen Guten schenkt... *)

Но не эта потребность, общая мнѣ съ остальнымъ человѣчествомъ, дѣлаетъ меня противникомъ вашего плана; возставляетъ меня противъ него мое положительное убѣжденіе, что минуту для *Coup d'etat* вы выбрали неудобную и что мы потерпимъ жестокое фіаско.

— Но скажите-же, ради бога, почему, почему? воскликнулъ Петръ, который уже разъ порывался перебить доктора Гольма, пока тотъ, по обыкновенію не торопясь, излагалъ свое мнѣніе. Болѣе благопріятной минуты и желать невозможно; Баденскія происшествія громко говорятъ въ нашу пользу...

— Во вредъ намъ, вы хотѣте сказать, перебилъ его докторъ Гольмъ, это будетъ вѣряфе. Каждому человѣку, если только онъ не ослѣпленъ страстно, подобно вамъ, они доказываютъ, что дѣло народа въ самомъ народѣ лишено твердой опоры. Это, конечно, не помѣшаетъ разнымъ буржуа въ каждомъ уличномъ волненіи видѣть превозглашеніе республики, но у нашихъ-то людей падетъ духъ, и это будетъ совершен-

*) Добродѣтельному мужу позволено при захожденіи дневнаго свѣтила погружаться въ самого себя и пораазмыслить о томъ, гдѣ бы хватить добрый отаканчикъ...

но понятно. И въ такую-то минуту вы требуете выдачи оружія народу. Да знаете-ли вы, что въ переводѣ на языкъ фанатиковъ спокойствія вы провозглашаете, такимъ образомъ, республику? Посмотримъ, далеко ли вы уйдете по этому пути. А въ случаѣ неудачи, которая для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, дѣло можетъ принять очень худой для насъ оборотъ. Ваше избраніе, любезный Мюнцеръ, далеко еще не такъ вѣрно. Президентъ фонъ Гогенштейнъ имѣетъ на своей сторонѣ больше голосовъ, чѣмъ вы предполагаете, а нынѣшній вечеръ сдѣлаетъ то, что отъ насъ отойдутъ всѣ колеблющіеся и равнодушные, которые, быть можетъ, еще и подали-бы голосъ въ вашу пользу. Потому-то я и говорю: умнѣе-бы было съ нашей стороны дѣлать возліянія Бахусу пивомъ; а то, пожалуй, и виномъ; только, что до меня касается, я предпочитаю первое.

И докторъ Гольмъ снова перешелъ въ веселый тонъ, который каждый разъ, какъ разговоръ заходилъ, принималъ серьезный оборотъ, и смѣялся у него воодушевленною громкою рѣчью.

Мюнцеръ слушалъ его все время съ напряженнымъ вниманіемъ.—Да, да, проговорилъ онъ съ презрительнымъ подергиваньемъ губъ и ноздрей, Гольмъ правъ, совершенно правъ, какъ и всѣ тѣ, которые въ своихъ политическихъ соображеніяхъ принимаютъ людей за то, чѣмъ они представлялись Саллюстію:—за стадо тупыхъ двуногихъ животныхъ, незнающихъ другихъ интересовъ кромѣ интересовъ брюха. Но я не хочу принимать подобное основаніе для моихъ расчетовъ, хотя бы мнѣ и пришлось просчитаться. Я попробую принять за исходную точку своихъ дѣйствій, что я имѣю дѣло съ людьми, а не съ плотоядными и травоядными скотами. Къ тому же, теперь поздно раскаиваться; о сдѣлкѣ объявлено;—всѣ знаютъ въ чемъ дѣло; вздумай мы теперь повернуть оглобли, на насъ падетъ упрекъ, уже не въ излишней осторожности, а, просто на просто, въ трусости; другими словами, мы лишимъ себя всякаго кредита на будущее время. Вы какъ объ этомъ думаете, Шмицъ?

— Тутъ и спрашивать нечего, отвѣчалъ Петръ, я положительно того мнѣнія, что надо-же намъ наконецъ рѣшиться на

что-нибудь серьезное. Вы знаете мою любимую поговорку: лучше какъ ни на есть покончить дѣло, чѣмъ мучиться нескончаемыми опасеніями. Всюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, настроеніе умовъ было для насъ самое благопріятное.

— Вотъ то-то и есть, воскликнулъ докторъ Гольмъ, на этотъ разъ съ серьезнымъ одушевленіемъ, что вы сегодня принимаете народъ за машину, которую вы можете направлять, какъ вамъ угодно, а завтра за квинт-эссенцію жизни, энергіи и высшей мудрости. Въ сущности же онъ ни то, ни другое; онъ не болѣе какъ масса болѣе или менѣе хорошихъ людей, — болѣе или менѣе плохихъ музыкантовъ, изъ которыхъ каждый отдѣльный индивидуумъ преслѣдуетъ свои личные интересы, каковы бы они ни были. И такъ, если вы хотите теперь все это общество подчинить одному началу, то вы должны прежде усвоить себѣ великую тайну, соглашать всѣ эти милліоны разнородныхъ интересовъ между собою.

— Что пользы толковать, воскликнулъ Мюнцеръ съ нетерпѣніемъ; мы зашли уже слишкомъ далеко, чтобы поворачивать назадъ. Надо идти въ собраніе; давнымъ давно пора. Идете вы съ нами или нѣтъ?

— Ужъ вы сейчасъ и вывели изъ моихъ словъ богъ знаетъ какія заключенія! отвѣчалъ Гольмъ, выколачивая пепель изъ своей трубки. Тамъ гдѣ всѣ говорятъ, Гольмъ одинъ не будетъ молчать; этакой непослѣдовательности за нимъ не водится. И такъ, идемъ на Римъ!

— Шт! стучать! войдите! Кто-бы могъ быть сей незваный гость?

Дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вломился приземистый, широкоплечій человекъ въ синей блузѣ; грубое, некрасивое лице его было запачкано угольной пылью, потомъ и кровью, косые глаза сверкали гнѣвомъ. Едва вломившись въ комнату, онъ закричалъ задыхающимся голосомъ. Измѣна! измѣна!

— Что такое случилось, Кристофъ? воскликнули всѣ три собесѣдника въ одно слово.

— Собака! Блѣднолицый, желтозубый плутъ!.. крикнулъ Кристофъ и при этомъ взмахнулъ въ воздухѣ богатырскимъ ку-

лакомъ такъ, что случись тутъ, какой хотите, силачь-протѣвникъ, его непременно спшибло-бы съ ногъ.

— Да расскажите же, Кристофъ, что такое случилось? проговорилъ Мюнцеръ съ кажущимся спокойствіемъ, которому странно противорѣчило напряженное, встревоженное выраженіе его лица.

— А вотъ что случилось! И съ этими словами Кристофъ скинулъ шапку, а съ нею вмѣстѣ и изодранный бумажный платокъ, запачканный кровью, которымъ онъ повязалъ себѣ рану на головѣ, при чемъ нѣсколько капель крови просочилось сквозь его черные косматые волосы и потекло по лбу.

— Скорѣе Кристофъ, возьмите воды вотъ изъ этой бутылки, проговорилъ Петръ Шмицъ, да присядьте, а то вамъ сдѣлается дурно.

— И, вѣтъ, господинъ Шмицъ, ослабился Кристофъ, до этого еще далеко. Бывали мы и не въ такихъ передѣлкахъ; это меня больше съ сердцовъ такъ разобрало. Ну, да ужъ выйдеть же оно ему сокомъ, голубчику.

Кристофъ намочилъ платокъ водою, наложилъ его себѣ на голову, а на верхъ его надѣлъ шапку.—Ужь не взыщите, господа, проговорилъ онъ, иначе платокъ не будетъ держаться. А теперь, господа, я вамъ расскажу по какой причинѣ я ужъ такъ больно разсвирѣпѣлъ. Вотъ-съ, примѣрно сказать, полчаса тому назадъ, входитъ къ намъ въ мастерскую этотъ блѣднотлицый, желтозубый плутъ, надсмотрщикъ, и говоритъ, что нынѣ вечеромъ шабашъ будетъ малую толику раньше, за тѣмъ-де, что господинъ Гейдманъ просить насъ, слышите, ли, просить пожаловать на фабричный дворъ, гдѣ уже и другіе всѣ въ сборѣ, ему-де нужно съ нами поговорить. А я ему на это въ отвѣтъ: коли господинъ Гейдманъ собирается съ нами переговорить о томъ, какъ-бы рабочій день на часокъ поубавить, а заработную плату на пять грошей увеличить, то ладно, а вѣтъ, такъ мы его и слушать не хотимъ. Ну, сами посудите, господа, не дѣло-ли я сказалъ? Вѣдь вамъ извѣстно, господинъ докторъ.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Мюнцеръ.

— Вотъ мы отправились; видимъ, на дворѣ собрались всѣ

рабочие, съ сотню ихъ будетъ, да и съ заливкомъ, пожалуй, а посреди ихъ стоять... Какъ-бы вы думали, кто стоитъ?—Господи́нъ Гейдманъ и... тутъ Христофъ поглядѣлъ своими косыми глазами на Петра Шмица. Конечно, господинъ Шмицъ, вы тутъ ни душою, ни тѣломъ не виноваты, а не желалъ-бы я имѣть такого плута своимъ зятемъ.

— Развѣ штадтратъ былъ тамъ? спросилъ Петръ.

— Да, и онъ говорилъ намъ предлинную рѣчь о томъ, что намъ, конечно, не такъ хорошо, какъ бы мы того заслуживали, но что потерпите, молъ, скорѣ будетъ лучше, только держите себя смирно и не бунтуйте, не то все пойдетъ вверхъ дномъ. Затѣмъ онъ совѣтовалъ намъ не ходить вынѣшней вечеръ на сходку. Господа, которые будутъ тамъ разглагольствовать, продолжалъ онъ, принадлежать къ демократическому обществу, и нарываютъ только въ мутной водѣ рыбу ловить, о нашемъ-же благѣ и не думаютъ. Что онъ тамъ еще говорилъ, не припомню. Постой же, подумалъ я про себя, выведу я тебя на свѣжую воду! Вотъ я протолкался впередъ и говорю:—Слушайте! братцы! все это ложь и пустыя рассказы. Если штадтратъ доводилино знаетъ, какъ пособить нашему горю, пускай его идетъ на сходку; тамъ есть люди, которые лучше насъ, людей темныхъ, съужбуютъ ему отвѣтить. Да и стыдились бы вы, говорю я, господинъ штадтратъ, такъ отзываться о демократическомъ обществѣ, въ которомъ, какъ вамъ извѣстно, вашъ же шуринъ, честный господинъ Шмицъ, состоитъ вице-президентомъ. Плохая, я говорю, та птица, которой ни почемъ загрязнить родное гнѣздо.

— Ну, думаю про себя, теперь то тебя, братъ Христофъ, поднять на ура; не тутъ то было! Всѣ стоятъ съ позуренными головами, а надсмотрщикъ какъ схватитъ меня за грудь, да закричитъ: вонъ его, гони его отсюда! А господинъ Гейдманъ кричитъ:—чтобъ духу его больше не было на фабрикѣ! И цѣлая дюжина подлецовъ, у которыхъ были со мною еще старые счеты, подхватила—вонъ его, гони его!—Я схватилъ надсмотрщика и стряхнулъ его съ себя, при чемъ маленько ударилъ его о стѣну, тутъ всѣ остальные бросились меня колотить. Я оборонялся какъ могъ, только вѣдь, сами знаете, господа, сна солому ломить; кончилось тѣмъ, что меня вытол-

нали на улицу. Ну, да я еще имъ припомню это, не будь моего Кристофъ Ункель, коли я не припомню.

И Кристофъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы на бумагу. Присутствующие перешептывались между собою.

— Да, продолжалъ Кристофъ, штатдиректоръ побывалъ и у Шейдера, и у Грискофа съ компаніей, и у другихъ, и говорить, что всею встрѣтилъ сочувствіе, а потому и надѣется, что мы не оставимъ исключенія изъ общаго правила.

— Однако дѣло плохо, проговорилъ Петръ Шмицъ.

— Хуже и быть нельзя, замѣтилъ докторъ Гольмъ.

— Ну, да будь что будетъ, съ жаромъ воскликнулъ Мюнцеръ, мы должны исполнить свой долгъ. Отступить въ настоящую минуту народъ, значить, на вѣки испортить дѣло. А я еще хочу испробовать, неужели и впрямь народъ пересталъ слушаться моего голоса. Идете вы или нѣтъ?

— Ура, воскликнулъ Кристофъ, теперь начинается потѣха. Мы имъ перещупаемъ ребра, такъ что они въ недѣлю не оправятся.

— Что тутъ спрашивать: конечно мы идемъ съ вами, — отвѣчалъ Петръ Шмицъ, перекидывая черезъ руку запыленное дорожное пальто, брошенное имъ при входѣ на подоконникъ.

— Не откажите мнѣ, Кристофъ, въ опорѣ вашей, могучей мускулистой руки, пронесъ докторъ Гольмъ, поднимаясь съ своего мѣста.

И всѣ четверо вышли изъ редакціи. Въ сѣняхъ Петръ вспомнилъ, что онъ не предупредилъ «бабье» о своемъ уходѣ.

— Перетревожите ихъ только по пустому, замѣтилъ Мюнцеръ; намъ дорогá каждая минута; пойдете!

На улицѣ ихъ встрѣтила толпа вѣрныхъ рабочихъ, давно уже ожидавшая тутъ появленія господъ, что пишутъ въ Народномъ Вѣстникѣ, съ тѣмъ, чтобы проводить ихъ процессіей въ «Римъ», гдѣ была назначена сходка.

XV.

Часа два спустя, прозрачная весенняя ночь царилá надъ городомъ. По темному небу плылъ полный мѣсяцъ и легъ свои кроткіе лучи на башни и кровли домовъ.

Но по улицамъ, освѣщеннымъ луною, двигались взадъ и впередъ безпокойныя толпы жителей.

Чудная весенняя ночь и разнесшійся по всему городу смутный слухъ, «что сегодня пойдетъ потѣха», — все это вмѣстѣ не давало людямъ спать. Они собирались небольшими кучками по улицамъ и площадямъ, и съ пѣснями шумными толпами расхаживали по городу. Все это движеніе смахивало на карнаваль, но ему не доставало веселаго праздничнаго характера, вмѣсто котораго чувствовалось въ воздухѣ какое-то тревожное оживленіе.

Въ старинной залѣ ратуши засѣдали съ самаго полудня старѣйшины города вокругъ своего главы оберъ-бургомистра, доктора обоихъ правъ, Себальдуса Виллиброда Даша. Герръ Виллибродъ Дашъ былъ видный мужчина, шести футовъ роста, и притомъ непропорціонально, другими словами, феноменально тучный. Быть можетъ, Герръ Виллибродъ Дашъ и не успѣлъ-бы такъ раздаться въ ширину, если-бы ему съ той поры, какъ сдѣлался оберъ-бургомистромъ, т. е. за послѣдніе десять лѣтъ, приходилось испытывать, хоть равъ въ мѣсяць по двадцать по четыре часа, столько душевныхъ потрясеній, сколько выпало на его долю сегодня. Завистники и враги (а у какого высокопоставленнаго и великаго мужа ихъ нѣтъ?) и то увѣряли, что съ марта текущаго года онъ ежедневно теряетъ вѣсу на одинъ фунтъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію тотъ фактъ, что за все это время ни разу не видали на его широкомъ лицѣ той самодовольной, чтобы не сказать наглой, усмѣшки, которая, въ былыя времена, играла на его толстыхъ, грубо чувственныхъ губахъ и въ маленькихъ, завывающихъ, жирныхъ глазахъ. За то нерѣдко видали, какъ онъ съ озабоченнымъ видомъ утиралъ потъ, струившійся по его лбу; но никогда еще такъ учащенно не повторялъ онъ это движеніе, какъ въ вышеупомянутый теплый весенній вечеръ.

Да и душно же было въ залѣ засѣданія, за толстыми каменными стѣнами. Немудрено, что оберъ-бургомистръ и прочіе члены совѣта, то и дѣло, подходили къ окнамъ и сквозь опущенныя занавѣски поглядывали на площадь, кишѣющую народомъ, чтобы удостовѣриться, что батальонъ граж-

данской стражи, нѣсколько часовъ уже стоявшій подъ ружьемъ передъ зданіемъ ратуши, удерживаетъ малодушно свою позицію, съ которой никто и не помышлялъ его сбивать. Чѣмъ болѣе смеркалось, тѣмъ краснѣе разливался по площади отблескъ плашекъ, зажженныхъ въ большихъ канделябрахъ передъ зданіемъ ратуши, тѣмъ жутче становилось почтеннымъ членамъ совѣта. Теперь уже имъ не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что люди, заправляющіе чернью, нарочно затягиваютъ въ долги ящикъ сходку, происходящую въ Римлянинѣ, чтобы подъ покровомъ ночной тьмы удобнѣе привести въ исполненіе свои злые умыслы. А чего-чего нельзя было опасаться отъ дерзости этихъ людей. Грабежъ, пожаръ, убійство, все было возможно.

Тщетно старались нѣкоторые члены совѣта, изъ болѣе храбрыхъ, ободрить другихъ, доказывая имъ, что ихъ дѣла еще не такъ плохи. Въ особенности штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ напиралъ на успѣхъ, которымъ увѣнчалось его стараніе склонить на сторону праваго дѣла фабричныхъ работниковъ. Въ шести большихъ мануфактурахъ, осмотрѣнныхъ имъ послѣ объѣда по порученію совѣта, настроеніе рабочихъ оказалось вполне удовлетворительнымъ. На одной только машинной фабрикѣ Гейдмана и компаніи раздалось нѣсколько оппозиціонныхъ голосовъ, да и тѣхъ остальные живо заставили молчать. А пока этотъ опасный рабочій классъ не идетъ рука объ руку съ возмутителями, нѣтъ никакого основанія предаваться серьезнымъ опасеніямъ. Затѣмъ штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ выставилъ на видъ, что сходка, если только не солгали поголовно подосланные, многочисленные лазутчики далеко не такъ многочисленна, какъ надѣялись агитаторы, и какъ того опасались друзья порядка; вмѣсто шести тысячъ не собралось и шестисотъ человѣкъ. Онъ допускалъ, что поздній часъ благоприятствуетъ всякой попыткѣ возстанія, что докторъ Мюнцеръ человѣкъ опасный, а шуринъ его Шмицъ, — тутъ штадтратъ пожалъ плечами, — въ высшей степени эксцентричная годовка, чтобъ не сказать хуже; но все-же оба слишкомъ умны, чтобы безвозвратно компрометировать себя въ предпріятіи, исходъ котораго такъ сомнителенъ, и ни за что ставить свою жизнь на карту. Въ заключеніе онъ объ-

явилъ, что многіе офицеры изъ его прежнихъ знакомыхъ увѣряли его, что войска горятъ нетерпѣніемъ выместить на народѣ, претерпѣнные ими за послѣднее время, по его же милости, непріятности военнаго положенія, и только ждутъ приказанія, чтобы кинуться на чернь.

На увѣренія господина фонъ-Гогенштейна не слишкомъ-то подались; но это не помѣшало почтенному собранію признать великія или, какъ энергически выразился оберъ-бургомистръ Дашъ, безсмертныя услуги, оказанныя сегодня городу его разумнымъ, энергическимъ образомъ дѣйствию; и тѣмъ болѣе выражали ему признательности за эту услугу, что отъ него, какъ отъ отпѣтаго либерала, втайнѣ опасались совсѣмъ иного образа дѣйствию. Въ послѣдніе восемь дней въ штадтратѣ произошла великая переменна: онъ замѣтно начиналъ склоняться на правую сторону; ходили слухи, что онъ окончательно помирился съ своимъ богатымъ дядей, со старымъ рейнфельденскимъ генераломъ; а въ какихъ онъ отношеніяхъ находился съ братьями,—это можно было видѣть не далѣе, какъ сегодня утромъ, когда президентъ фонъ-Гогенштейнъ, явившись въ ратушу для переговоровъ съ магистратомъ, облобызаясь съ братомъ въ пріемной, въ присутствіи всѣхъ канцелярскихъ служителей и разсылныхъ. Оно конечно, какъ было и не вспомнить кровному дворянину въ рѣшительную минуту, что предки его, много и вѣковъ тому назадъ, еще въ то время, когда о нынѣ царствующей династіи не было и помину, могучими баронами царили надъ странною, держа въ своихъ рукахъ право жизни и смерти.

Въ этихъ безсвязныхъ разговорахъ; въ этомъ робкомъ ожиданіи, время шло да шло, и было уже половина десятаго, а совѣтъ все еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Между тѣмъ батальонъ національной гвардіи, стоявшій передъ ратушей, надо было смѣнить другимъ, далеко не столь надежнымъ; какъ первый.

Въ рядахъ начинали раздаваться, тамъ и сямъ, голоса:— курамъ на смѣхъ; что-ли, мы тутъ стоимъ, да смотримъ, какъ смола отъ плещенъ каплетъ намъ на мундиры? Ужъ если и вѣримъ демократы собираются поджечь городъ, со всѣхъ че-

тырехъ концовъ, такъ шли-бы себѣ господа члены домою, да оберегали бы себѣ каждый свою семью.

Тщето офицеры уговаривали недовольныхъ; даже рѣчь, произнесенная оберъ-бургмистромъ Дашемъ съ верхней ступеньки лѣстницы ратуши, не имѣла никакого результата. На его патетическій вопросъ:—развѣ не всѣ мы дѣти одного города? Послышался возгласъ:

— Да здравствуетъ толстый Дашъ, да и намъ, братъ, вмѣстѣ съ нимъ, ура!—И вооруженная сила и народъ весело подхватили этотъ возгласъ. Наконецъ согласилась національная гвардія подождать еще полчаса, но, если и по прошествіи получаса все еще «не начнется потѣха», гвардія объявила, что разоидется по домамъ.

Оберъ-бургмистръ, нхтя и обливаясь потомъ, возвратился въ залу засѣданія, велѣлъ запереть всѣ двери и попросилъ всѣхъ господъ присутствующихъ подарить ему нѣсколько минутъ вниманія. Когда всѣ собрались вокругъ зеленого стола, онъ началъ шепотомъ, какъ-бы опасаясь, чтобы звукъ его словъ какъ-нибудь не пробился наружу, сквозь толстыя стѣны и двери.

— Милостивые государи! Рѣшительная минута настала, въ этомъ я уже не могу долѣ сомнѣваться, послѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ. Фанатическая чернь распоряжается самоуправно, отгѣснивъ въ сторону людей благомыслящихъ; національная гвардія грозитъ отпаденіемъ; намъ болѣе не на кого полагаться, кромѣ самихъ себя, да превосходнаго регулярнаго войска, послѣдней опоры порядка, олтара и семейнаго очага. Комендантъ города, генераль-маіоръ, графъ Гинкель фонъ-Гакельбергъ, сію минуту присылалъ мнѣ сказать съ своимъ адъютантомъ, что все регулярное войско къ нашимъ услугамъ. Надѣюсь, господа, что вы одобрите мой отвѣтъ: я просилъ ему передать, что непремѣнно воспользуюсь его предложеніемъ, если черезъ полчаса грозныя тучи, висящія надъ нашими головами, не разсѣются.

Милостивые государи! я сознаю, что, при настоящихъ томительныхъ обстоятельствахъ, такая долгая отсрочка минуты спасенія есть уже самоотверженіе, граничащее съ героизмомъ;

но, милостивые государи, въ виду недавнихъ событій въ нашемъ городѣ, которыя еще свѣжи въ памяти каждаго, мнѣ казалось, что для поддержанія нашего достоинства, нашей чести, мы должны по возможности избѣгать столкновенія между войскомъ и чернью, пока это хоть сколько нибудь совмѣстно съ общою безопастью. Знаю, господа, что велика моя отвѣтственность, знаю, что въ эти полчаса гроза можетъ разразиться надъ главами многихъ добрыхъ гражданъ, и прежде всего надъ нашими же собственными головами.

Но, пускай критическая минута застанетъ всѣхъ насъ на нашемъ посту; не такъ ли, господа, вы не оставите нашего оберъ-бургомистра?

Послѣднія слова герръ Виллибродъ Дашъ произнесъ глубоко взволнованнымъ голосомъ. Онъ принужденъ былъ на минуту остановиться, чтобы утереть потъ, струившійся по его лицу. Торжественная была минута, когда всѣ присутствующіе поднялись съ своихъ мѣстъ, давая этимъ знать, что они готовы и жить и умереть съ своимъ храбрымъ вождемъ.

— Но, продолжалъ герръ Виллибродъ Дашъ, когда смолкнулъ глухой ропотъ одобренія,—хотя мы съ своей стороны и готовы пожертвовать и жизнью, и имуществомъ для праваго дѣла, на насъ лежитъ обязанность охранять достояніе города отъ дерзкихъ покушеній черни. Прежде всего намъ надо подумать о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, суммою на триста тысячъ талеровъ, которые, какъ вамъ извѣстно, господа, вслѣдствіе особыхъ соображеній, до сихъ поръ еще не пущены въ обращеніе; кто поручится намъ, что обстоятельство это неизвѣстно предводителямъ возстанія? Кто поручится намъ, что тамъ (и при этомъ Дашъ указалъ на дверь и еще болѣе понизилъ голосъ) не кроется измѣны? Развѣ мы можемъ полагаться на нашихъ служителей, разсылныхъ, писцовъ? Развѣ мы можемъ безусловно рассчитывать на ихъ благодарность и преданность?

Нѣтъ, господа, не будемъ закрывать глаза на опасности нашего положенія. Мы одни, намъ не на кого болѣе полагаться, какъ на самихъ себя. А потому, послушайте мое предложеніе:—государственнымъ кредитнымъ билетамъ и другимъ важнымъ бумагамъ не слѣдъ оставаться въ такомъ мѣс-

тѣ, про которое знаютъ слишкомъ многіе. Мы должны ихъ препроводить куда-нибудь подалеже, и мое точное знаніе всѣхъ угловъ и закоулковъ ратуши помогло мнѣ пріискать для нихъ безопасное мѣстечко, куда не проникнуть и самому тонкому мошеннику. Но, вслѣдствіе соображеній, не нуждающихся въ дальнѣйшемъ поясненіи, неблагоразумно было-бы намъ приступитъ къ перемѣщенію бумагъ всѣмъ вмѣстѣ, а потому я предлагаю вамъ поручить это дѣло мнѣ и другому лицу, которое вы выберете изъ среды васъ самихъ на мѣсто наше-го, столь не во время заболѣвшаго, казначая.

— Я предлагаю избрать для этого нашего почтеннаго товарища и друга, господина фонъ-Гогенштейна, который еще сегодня столь доблестно поработалъ на пользу общую и пріобрѣлъ себѣ право на нашу признательность, проговорилъ хозяинъ машинной фабрики штадтратъ Гейдманъ и компанія. Снова раздался глухой ропотъ одобренія. Оберъ-бургомистръ всталъ съ своего мѣста, а за нимъ и остальные старѣйшины города.

— Благодарю васъ, господа, отъ всего сердца, проговорилъ герръ Виллибродъ Дашъ, за хладнокровіе и высокое присутствіе духа, выказанное вами въ столь критическую минуту; достойнаго же моего друга и товарища, штадтрата фонъ-Гогенштейна, покорнѣйше прошу принять павшій на него единодушный выборъ.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ поклонился:—Голова моя и рука всегда къ услугамъ города, проговорилъ онъ, граціознымъ движеніемъ прижимая руку къ сердцу.

Когда оберъ-бургомистръ и герръ фонъ-Гогенштейнъ удалились изъ залы засѣданія, кто-то обратилъ вниманіе присутствующихъ на то обстоятельство, что штадтратъ сильно поблѣднѣлъ, когда Гейдманъ произнесъ его имя, и что рука его замѣтно дрожала, когда онъ взялъ подсвѣчникъ, чтобы посвѣтить оберъ-бургомистру; но Гейдманъ и остальные оспаривали этотъ фактъ и выставляли на видъ, что герръ фонъ-Гогенштейнъ достаточно доказалъ въ продолженіе нынѣшняго дня, что онъ и въ званіи городского сановника не утратилъ мужество дворянина и воина. Между тѣмъ, оберъ-бургомистръ Дашъ и его товарищъ пробирались длиннымъ узкимъ корридоромъ, оканчивавшимся лѣстницею, которая вела на верхній

этажъ. Тамъ новый корридоръ привелъ ихъ къ запертой двери, замыкавшейся еще кромѣ того желѣзнымъ болтомъ съ привѣшенными къ нему хитрыми замками. Черезъ эту-то дверь, снова бережно заперевъ ее за собою, они вошли въ архивъ, а изъ архива въ мрачную комнату съ затхлою атмосферою; все убранство этой послѣдней состояло изъ сундуковъ и шкаповъ, по милости которыхъ окна комнаты были снабжены желѣзными рѣшетками. Эта-то комната и была казначейство.

— Уфъ! вздохнулъ докторъ Дашъ, затворивъ за собою тяжелую дверь, я просто не знаю куда дѣться сегодня отъ жару.

— А я такъ напротивъ, заблѣ, замѣтилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ; здѣсь, должно быть, ужасно холодно.

— Воздухъ сырой! отвѣчалъ докторъ Дашъ. Того и гляди, что уморишь себя по милости этихъ проклятыхъ демократовъ.

— Однако, любезный товарищъ, приступимъ къ дѣлу. Вотъ въ этомъ чемоданѣ лежатъ кредитные билеты; они всего нужнѣе. Подлинность остальныхъ бумагъ можно будетъ представить сомнительной. Но куда мы дѣнемся отъ нашихъ же собственныхъ кредитныхъ билетовъ въ одинъ и въ пять талеровъ, какъ разъ они попадутъ какимъ нибудь не законнымъ образомъ въ обращеніе? А потому я и думаю, любезный товарищъ, что намъ прежде всего надо обезопасить эти триста тысячъ. Онѣ лежатъ въ жестяной шкатулкѣ вотъ въ этомъ сундукѣ. Позвольте-ка! Насилу-то открылъ! Извольте ли видѣть? А теперь потрудитесь вынуть тамъ ящичъ, что поменьше; въ немъ прежде лежали первыя двѣсти тысячъ; можетъ статься, что большой ящичъ не взойдетъ въ то пространство, куда я задумалъ его спрятать, тогда намъ придется переложить деньги въ меньшій ящичъ. Вотъ этотъ ключикъ подходитъ къ нимъ обонмъ.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ вынулъ обѣ указанныя ему шкатулки. Но въ ту самую минуту, какъ онъ отвернулся, тяжелая крыша сундука съ шумомъ захлопнулась. Штадтрадъ вздрогнулъ и испустилъ легкій крикъ.

— Падѣюсь, что васъ не ушибло? встревоженно спросилъ оберъ-бургомистръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ штадтрадъ. Нервы мои сегодня что-то

возбуждены, усталость что ли тому причиной или болѣзнь моей жены.

— Выйдемте скорѣе изъ этого погреба; меня и самого начинаетъ знобить. Я поведу васъ къ задуманному мною мѣсту. Они вышли изъ комнаты казначейства, быстрыми шагами и во избѣжаніе всякихъ встрѣчъ, направились тѣмъ же корридормъ къ двери, которую отперъ бургомистръ, шедшій на этотъ разъ съ подсвѣчникомъ впереди.

— Это, какъ видите, мой частный рабочій кабинетъ, замѣтилъ онъ. Грабителямъ никогда и въ голову не придетъ, чтобы я могъ отважиться держать городскую казну въ моей же собственной комнатѣ; они будутъ шарить по чердакамъ и подваламъ. Видите-ли этотъ шкапъ, придѣланный въ стѣнѣ, имъ то я и хочу воспользоваться. Никто кромѣ меня не знаетъ о его существованіи; я открылъ его случайно и держу въ немъ, какъ видите, нѣсколько бутылокъ вина, чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукою. Потрудитесь переставить бутылки на верхнюю полку; а теперь, прошу васъ, помогите мнѣ поставить шкатулку въ шкафъ.

Но они не прилаживались, шкатулка не входила въ узкое отверстіе.

— Этого то я и боялся, проговорилъ оторопѣвшій оберъ-бургомистръ.

— Надо прискаты другое мѣсто, куда бы спрятать шкатулку, замѣтилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Другаго мѣста я не знаю, а намъ каждая минута дорога. Надо переложить деньги въ другую шкатулку; больше дѣлать нечего. Вотъ ключъ, я его всегда держу при себѣ. Попробуйте-ка, войдетъ-ли другая шкатулка? Входитъ какъ нельзя лучше! Такъ живо же за работу! Намъ нельзя терять ни минуты.

Герръ Дашъ отперъ шкатулку съ деньгами. Видимо невидимо лежало въ ней новенькихъ кредитныхъ билетовъ, цѣнностью отъ одного и до ста талеровъ, аккуратно разложенныхъ пачками во сто и въ тысячу талеровъ.

— Я буду вамъ ихъ подавать, сказалъ оберъ-бургомистръ, а вы укладывайте ихъ въ ту шкатулку. Тяжкимъ бы искуше-

нѣмъ была подобная работа для какого нибудь бѣдняка. Слава богу, что оба мы богаты. Что съ вами?

— Такъ, ничего, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ, опускаясь на стулъ и отирая холодный потъ, выступившій у него на лбу. Нервы мои не совсѣмъ въ порядкѣ. Это сейчасъ пройдетъ.

— Выпейте стаканъ этого портвейна, сказалъ оберъ-бургомистръ, вынимая изъ шкапа одну изъ бутылокъ. Это васъ подкрѣпитъ.—Герръ фонъ-Гогенштейнъ дрожащею рукою наполнилъ стаканъ, стоявшій на столѣ, и выпилъ его залпомъ.

— Какъ вы себя чувствуете теперь? спросилъ докторъ Дашъ.

— Мнѣ лучше, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Въ такомъ случаѣ поспѣшимте кончить.

Въ эту минуту съ площади, на которую выходили окна кабинета, раздался громкій крикъ.

— Что это такое? воскликнулъ оберъ-бургомистръ и съ испугу уронилъ пачки, которыя были у него въ рукахъ, снова въ ящикъ.

Оба сановника бросились къ окну. При свѣтѣ мѣсяца и плошекъ можно было ясно разглядѣть все, что происходило на дворѣ.

Изъ одной изъ улицъ, примыкавшихъ къ площади, вышла черная колонна людей прямо по направленію къ ратушѣ. Толпа народа, тѣснившаяся на площади уже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, колыбалась въ разныхъ направленіяхъ; преимущественно же двигалась на встрѣчу новоприбывшей толпѣ съ гамомъ, свистомъ и съ крикомъ «ура!» Среди этого шума раздавался львиный голосъ толстаго мелори національной гвардіи, командовавшего: — Заряжай!—Но лишь не многіе слушались этой команды.

Оберъ-бургомистръ, докторъ обоихъ правъ, Себальдусъ Виллбродъ Дашъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Мы погибли, простанагъ онъ, что теперь дѣлать?

— Спѣшите внизъ, господинъ оберъ-бургомистръ, съ живостью возразилъ штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ, ваше присутствіе тамъ необходимо. Идите съ крикунами на мировую. Общайтесь имъ выдачу оружія и всевозможныя льготы, пока войска

не подоспѣютъ къ намъ на помощь. Но спѣшите, спѣшите, не то все пропало. Я послѣдую за вами, какъ скоро окончу свое дѣло здѣсь.

— Не пойдете ли вы вмѣсто меня? Жалобно спросилъ собесѣдникъ.

— Помылите, докторъ, развѣ я оберъ-бургмистръ? отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Ваша правда; я иду, я долженъ идти, я долженъ исполнить свой долгъ. Но, пожалуйста, приходите какъ можно скорѣе.

— Непремѣнно поспѣшу, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ, и почти вытолкалъ малодушнаго колосса за дверь.

Дверь захлопнулась за оберъ-бургмистромъ и герръ фонъ-Гогенштейнъ поспѣшно задвинулъ засовы. Потомъ онъ бросился къ столу, гдѣ стояло вино, налилъ себѣ другой стаканъ по самый край и опорожнилъ его въ нѣсколько глотковъ.

Поставивъ пустой стаканъ на столъ, онъ окинулъ всю комнату сверкающими глазами. Затѣмъ онъ провелъ холодными, какъ ледъ, руками по пылающему лбу и громко захохоталъ.

Да и какъ было не смѣяться? Онъ, злополучный спекуляторъ, засѣвшій по шею въ долгахъ, кое какъ перебивавшійся отъ одного срока до другаго съ помощью возобновляемыхъ, ничего не стоящихъ векселей, и ждавшій себѣ съ часу на часъ неминуемой гибели, ворочаетъ несмѣтными сокровищами, одна двадцатая доля которыхъ выручила бы его изъ бѣды! Еще не далѣе какъ сегодня спрашивалъ онъ себя, и спрашивалъ не въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ, не всего ли умнѣе съ его стороны будетъ всадить себѣ пулю въ лобъ? Но застрѣлится онъ успѣетъ еще и тогда, когда откроется его воровство.—Воровство? нѣтъ, какое же это воровство? Это только полезное употребленіе денегъ, которыя здѣсь лежатъ безъ всякой пользы. Къ тому же, то что онъ возьметъ, можетъ потомъ замѣститъ; лишь бы только удалась спекуляція, которую онъ думалъ сдѣлать на эти деньги. А тамъ и Рейнфельденскій дядюшка, который съ нѣкоторыхъ поръ, повидному, души не чаялъ въ его сынѣ, не захочетъ же допустить отца своего любимца до тюрьмы. Наконецъ казначей, которому была ввѣрена городская казна, былъ человекъ больной и трусоватый, и давно уже поговаривалъ о томъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ занимать эту должность въ

такое безпокойное время и собирается подать въ отставку; а по выходѣ больного старика всего вѣроятнѣе было, что вакантную должность предложить ему, Артуру фонъ-Гогенштейну, какъ человѣку, успѣвшему за послѣднее время сдѣлаться необходимымъ, а тогда ему легко будетъ пополнить мало по малу дефицитъ въ кассѣ. Или ужъ не прибрать ли ему къ рукамъ всѣ триста тысячъ и не бѣжать ли съ ними? Скрыться въ этотъ вечеръ будетъ легко; въ Лондонѣ онъ сбудетъ кредитные билеты за одну треть, за четверть ихъ настоящей цѣны, и съ тѣмъ, что ему очистится такимъ образомъ, убѣжить въ Америку. А жена, которая еще не далѣе какъ сегодня такъ тревожно пожимала его руки, когда онъ, мучимый безпокойствомъ уходилъ изъ дому? А сынъ, котораго онъ въ этотъ вечеръ ждетъ къ себѣ и съ которымъ онъ долженъ былъ встрѣтиться, возвращаясь домой съ украденною добычею? Но для кого же онъ и дѣлаетъ это, какъ не для жены и для сына? Не о себѣ же онъ хлопочетъ. Ему смерть не страшна. Сколько разъ стоялъ онъ подъ дуломъ пистолета противника! А послѣ завтра срокъ уплаты по векселю въ десять тысячъ талеровъ! И всего то десять пачекъ изъ этой массы: лежащихъ передъ нимъ, десять тоненькихъ, укладистыхъ пачекъ, которыя такъ легко бы было унести въ карманѣ сюртука! Но увы уже слишкомъ поздно. Ты слишкомъ долго колебался.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ взглянулъ на часы, висѣвшіе противъ него на стѣнѣ; когда онъ поставилъ на столъ бутылку съ виномъ, взглядъ его случайно упалъ на циферблатъ: было тогда десять часовъ; тотъ-же часъ показывала стрѣлка и теперь. Ужъ не остановились-ли часы? Нѣтъ, маятникъ все по прежнему ходилъ взадъ и впередъ, да и на башенныхъ часахъ въ эту минуту раздался бой большихъ часовъ, помѣщавшихся въ башнѣ ратуши надъ его головою. Весь этотъ міръ кружащихся въ безумномъ вихрѣ мыслей вмѣстился въ тѣсныя предѣлы какой нибудь минуты!

И такъ, еще время... Чу! кажется, чьз-то шаги раздаются въ корридорѣ? Они раздаются все ближе и ближе... Теперь или никогда! *Va banque!* И жизнь и честь поставлены на одну карту...

У двери раздается какой-то шорохъ... Чтобы это такое могло быть?

— Господинъ штатдиректоръ!

— Кто тамъ?

— Я, служитель Венцель. Оберъ-бургомистръ велѣли просить вашу милость какъ можно скорѣе пожаловать внизъ.

— Сейчасъ!

Жестяная шкатулка заперта въ потаенный шкафъ, дверцы примыкаютъ такъ плотно, что онъ и самъ едва можетъ отыскать отверстіе подъ обоями.

Онъ не выпускаетъ глубокаго вздохъ и застегиваетъ на всѣ пуговицы свой легкій сюртукъ; но, минуто спустя, ему приходитъ въ голову, что это можетъ возбудить подозрѣніе и онъ снова разстегивается. Наконецъ онъ отперъ дверь и показался на порогѣ съ подсвѣчникомъ въ рукѣ. Съ нами сила крестная! восклицаетъ служитель Венцель, на вашей милости лица нѣтъ!

— Миѣ было очень дурно, любезный Венцель, теперь миѣ легче. Возьмите, пожалуйста, подсвѣчникъ и ступайте впередъ. Ну что, Венцель, какъ идутъ у васъ дѣлишки?

— Покорно благодарю, господинъ штатдиректоръ, идутъ по немногу, отвѣчаетъ Венцель, недоумѣвая, съ какой стати герръ фонъ-Гогенштейнъ именно теперь обращается къ нему съ подобнымъ вопросомъ.

— Чай, трудно концы съ концами то сводить. На жалованье то не раскутишься.

— Ну, да что-жъ дѣлать, господинъ штатдиректоръ, по одежкѣ протягивай ножки отвѣчаетъ служитель, который рѣшительно не можетъ взять въ толкъ, съ чего это вздумалось штатдиректору пуститься съ нимъ въ эту минуту въ подобный разговоръ, а потому и порѣшилъ, что штатдиректоръ, вѣрно, больнѣе, чѣмъ самъ сознается.

— Не угодно-ли будетъ вашей милости опереться на мою руку? Проговорилъ онъ, оборачиваясь къ нему.

— Спасибо, неужно, любезный, отвѣчаетъ штатдиректоръ, который въ эту самую минуту застегнулъ послѣднюю пуговицу своего пальта и вдругъ снова поспѣшно разстегивается.

Старикъ служитель не говоритъ уже болѣе ни слова и толь-

ко ускоряетъ шаги; жутко ему оставаться на единѣ съ болынымъ штадтратомъ, который говоритъ такіа безсвязныя рѣчи и дѣлаетъ такіе странные жесты.

Они спускаются въ нижній этажъ; въ просторныхъ сѣняхъ, предшествующихъ комнатѣ засѣданія, встрѣчаютъ бургомистра и нѣсколько челоуѣкъ сановниковъ. Бургомистръ отводитъ штадтрата фонъ-Гогенштейна въ сторону; лице его сіяетъ удовольствіемъ.

— Если не ошибаюсь, мы перетревожились понапрасну, любезнѣйшій сослуживецъ! Мюнцеръ сказалъ небольшую рѣчь и толпа уже расходится. Гдѣ у васъ ключи отъ шкапа и отъ шкатулки?

— Оба здѣсь.

— Премного вамъ благодаренъ. И такъ, я могу перенести завтра шкатулку такъ какъ она есть въ казначейство?

— Конечно, конечно! Вся разница только въ томъ, что деньги переложены изъ большой шкатулки въ маленькую.

— Еще разъ большое спасибо, любезный сослуживецъ.

И оберъ-бургомистръ Дашъ въ порывѣ восторга заключаетъ Артура фонъ-Гогенштейна въ свои объятія. Другіе члены совѣта и во главѣ всѣхъ машинный фабрикантъ герръ Гейдманъ тоже обступаютъ его съ поздравленіями и выраженіями благодарности; они называютъ его спасителемъ города.

Но герръ фонъ-Гогенштейнъ съ какою-то раздражительностью спѣшитъ прекратить всѣ эти изліянія.

— Благодарю васъ, господа, говоритъ онъ. Я исполнилъ не болѣе какъ свой долгъ. Извините меня, господа, я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и попросилъ-бы отпустить меня къ моеи больной женѣ.

— Карету господину фонъ-Гогенштейну! Скорѣе карету.

— Нѣтъ, ужъ я лучше пойду нѣшкомъ. Ночной воздухъ меня освѣжаетъ. Покойной вамъ ночи, господа!

И герръ фонъ-Гогенштейнъ поспѣшно протѣснился сквозь ряды присутствующихъ, какъ-бы торомясь выбратъся на открытый воздухъ, чтобы не лишиться чувствъ.

— Ну что, не правду-ли я говорилъ? замѣтилъ одинъ изъ членовъ совѣта. На немъ еще въ то время лица не было, когда онъ отправился съ оберъ-бургомистромъ на верхъ.

— Немудрено, отвѣчалъ другой. Не легкій задался ему нынче денекъ. Къ тому-же и жена его больна...

— А послѣ завтра послѣдній срокъ, замѣтилъ адвокатъ, онъ депутатъ отъ города Кальтебильдъ. Ужъ не знаю, откуда онъ возьметъ деньги, чтобы заплатить по векселямъ.

— Милостивые государи! произнесъ оберъ-бургомистръ, взглядъ мой, конечно, не можетъ проникать въ будущее и я не знаю, что готовятъ намъ послѣдующіе дни; но мнѣ кажется, что мы вправѣ сказать, что на этотъ разъ своимъ хладнокровіемъ и энергіей мы спасли городъ отъ грозившей ему суматохи, не проливъ при этомъ ни единой капли крови.

XVI.

Между тѣмъ опасность, о существованіи которой такъ положительно заявлялъ оберъ-бургомистръ, была далеко не такъ велика, какъ казалось почтеннымъ членамъ городского совѣта, смотрѣвшимъ на вещи въ увеличительное стекло собственнаго страха. Цыфра народа собравшагося въ «Римлянишъ», какъ и предсказывалъ докторъ Гольмъ, вмѣсто шести тысячъ, на которыя рассчитывали Мюндеръ и сангвиническій Петръ Шмицъ, не достигала и шестисотъ; да и изъ числа этихъ шестисотъ очень немногіе были на сторонѣ рѣшительнаго образа дѣйствій. Рѣчи Артура фонъ-Гогенштейна, сказанныя имъ по различнымъ фабрикамъ передъ рабочими, не остались безъ дѣйствія. Большая часть рабочихъ или совсѣмъ не пришла на сходку, или выказывала очень мало готовности стоять за общее дѣло. Они откровенно говорили, что не видятъ пользы въ этихъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, пока заработная плата не повышена и число рабочихъ часовъ не уменьшено. Если при настоящемъ положеніи дѣлъ взвалить еще на плечи стоянныя имъ на часахъ и патрульную службу, то женамъ ихъ и дѣтямъ придется умирать съ голоду. Напрасно Мюндеръ, Петръ Шмицъ и даже, подъ конецъ, докторъ Гольмъ истощали все свое краснорѣчіе, доказывая имъ, что они попираютъ дѣло прямо на выворотъ, что въ полтияхъ и въ государственной жизни сила идетъ впереди права, что все тѣ права, которыя

страхъ исторгнетъ для нихъ у собственниковъ въ настоящую минуту, снова отберутся у нихъ, какъ скоро собственники почувствуютъ, что власть возвратилась къ нимъ въ руки; настроеніе оставалось вялымъ и Мюнцеръ, занимавшій мѣсто предсѣдателя, остерегался и настаивать на такого рода мѣрахъ, неосуществимость которыхъ, при малочисленности лицъ, явившихся на сходку, было дѣломъ очевиднымъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ намѣреніемъ затягивалъ переговоры въ долгій ящикъ, чтобы скрыть по возможности подъ покровомъ наступающей ночи неудачу этой демонстраціи, о которой было напередъ возвѣщено въ такихъ громкихъ выраженіяхъ. Въ заключеніе порѣшили идти на площадь и тамъ, въ виду національной гвардіи, выстроенной подъ ружьемъ передъ зданіемъ ратуши, разойтись при крикѣ: «да здравствуетъ право!» Нѣсколько горячихъ головъ, находившихся между присутствующими, въ томъ числѣ слесарный мастеръ Кристофъ Ункель, подняли, конечно, громкій ропотъ противъ такого несмѣлаго рѣшенія, но они были принуждены замолчать, и въ половинѣ десятаго процессія тронулась, предводительствуемая Мюнцеромъ, Петромъ Шмицомъ, Гольмомъ и другими, и расцѣвая Шлезвигъ-Голштинскій гимнъ.

Передъ ратушею Мюнцеръ говорилъ рѣчь народу, въ которой онъ благодарилъ за оказанное ему довѣріе и настаивалъ на необходимости строго держаться разъ уже принятаго положенія.

— Сегодня вечеромъ, говорилъ онъ и далеко раздавался по людной площади его могучій голосъ,—мы рѣшились нашею умѣренностью и воздержанностью доказать нашимъ противникамъ, что лишь собственная ихъ нечистая совѣсть мѣшаетъ имъ принять насъ въ свои ряды. Можно оспаривать практическую мудрость подобнаго рѣшенія, но нельзя не допустить благородства внушившихъ его побужденій. Мы хотимъ быть сильны нашею слабостью. Мы хотимъ пріобрѣтать, ничего не домогаясь, мы хотимъ побѣдить, не вступая въ борьбу. Да послужитъ это урокомъ нашимъ противникамъ. Пускай наши протпвники не забываютъ, что право не всегда за тѣмъ, кто обладаетъ, что неправос стязаніе есть мечъ, раздѣаемый жавчиной. Предоставимъ же жвачинѣ его раздѣдать; она

дѣлаетъ свое дѣло не торопясь; ей пужны вѣка и тысяче-лѣтія, а самый долгій срокъ человѣческой жизни семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ. Но народъ вѣчень, народъ можетъ ждать; да здравствуетъ великодушный, терпѣливый, безсмертный народъ! А за тѣмъ я распускаю собраніе; пускай всѣ идутъ по домамъ; часъ теперь поздній, пора спать; да не скажутъ наши противники, что мы пренебрегли хоть одною изъ обязанностей добраго гражданина.

— Ура! да здравствуетъ докторъ Мюнцеръ! И сотни народа, слушавшія рѣчь Мюнцера, шумно разошлись въ разныя стороны.

— Да вы никакъ, Мюнцеръ, хотѣли ихъ всѣхъ на смѣхъ поднять? спросилъ докторъ Гольмъ, стоявшій неподалеку отъ Мюнцера.

— Такъ что-жъ? Развѣ я не былъ вправѣ это сдѣлать? бѣшено воскликнулъ докторъ Мюнцеръ. Развѣ это народъ?— это просто стадо барановъ; гоняй его кто захочетъ, а мнѣ ужъ это надоѣло.

И, надвинувъ на брови свою калабрійскую шапку, онъ большими шагами удалился отъ своихъ друзей.

Темно было у него на душѣ. Невѣроятныхъ усилій стоило ему въ этотъ вечеръ сдерживать себя передъ толпою, которая представлялась ему такою близорукою и малодушною; оставшись на единѣ съ самимъ собою, онъ далъ волю своему негодованію, которое, подобно потоку лавы, вырвалось изъ глубины его пламеннаго, гордаго сердца, и разразилось горькими укорами народу, укорами отца, обманутаго въ надеждахъ, которыя онъ въ своемъ ослѣпленіи возлагалъ на любимаго сына. Съ горькою усмѣшкою повторялъ онъ изрѣченіе Гете о тѣхъ «безумцахъ, которые не умѣютъ блюсти свое сердечное богатство и выказываютъ передъ толпою чувство и мысль»; онъ давалъ себѣ слово не братья болѣе за этотъ тяжелый трудъ предводительствованья народомъ, и предоставить его тѣмъ, которые не узнали на опытъ, что мертвая глыба вѣчно снова и снова скатывается въ глубину.

Обуреваемый этими мыслями, онъ шелъ впередъ, не обращая вниманія на толпы народа, все еще безпокойно расхаживавшія по улицамъ. Ему и въ голову не приходило идти

домой; душа его искала простора, а дома его ожидала тѣсная, мѣщанская, скромная обстановка. Жена пристушилась къ нему съ распросами о событіяхъ дня, о которыхъ и вспоминать-то ему было въ тягость. Онъ огорчилъ ее своею рѣзкостью и раздражительностью. Зачѣмъ же идти? Зачѣмъ ему видѣть, какъ спокойно спать по своимъ кроваткамъ его дѣти? Дѣти, дѣти! И зачѣмъ только они на свѣтъ родились, гдѣ такъ мало радости, такъ мало удовлетворенія сердечнымъ потребностямъ человѣка? Правда, они не наслѣдовали отъ отца его страстную организацію; въ нихъ скорѣе было замѣтно преобладаніе материнскаго кроткаго элемента, но все равно! Что толку въ существованіи, похожемъ на мирный ручей, лѣниво извивающійся среди плоской поляны? Что за радость такъ жить, какъ живетъ Клара? И на что ему, безпокойному и недовольному, эта кроткая, скромная, миролюбивая подруга? Хоть-бы она, по крайней мѣрѣ, была счастлива— и того не было. Развѣ она не мучилась неотвязнымъ сознаниемъ, что не такая жена была бы нужна неутомному борцу, ея мужу? Это сознаніе до времени скосило цвѣтъ ея молодости; оно выражалось въ какой-то скорбной чертѣ, дожившейся вокругъ ея губъ, каждый разъ, какъ она полагала, что никто на нее не смотритъ. Но на комъ же лежала вина, если только можно назвать виною то, что органически необходимо вытекаетъ изъ взаимно-дѣйствія таинственныхъ силъ, то ищущихъ, то отталкивающихъ другъ друга? Когда онъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, сватался за восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, могъ-ли онъ угадать, что водоворотъ политическихъ событій увлечетъ его съ неудержимою силою въ тѣ пучины, куда не послѣдовать за нимъ его робкой подругѣ? И неужели ему изъ за этого удалиться въ мирную пристань семейной жизни и спокойно глядѣть, какъ борются и гибнутъ его товарища? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Тотъ, кто чувствуетъ потребность широкой дѣятельности и присутствіе въ себѣ великой силы, не вправѣ замыкаться въ мѣщанскій кругъ обыденной жизни. Тому, кто обрекъ себя на служеніе народу, нечего уже смотрѣть на каждое облачко, которое пробѣгаетъ по лицу его жены. Цѣль его не счастье

семьи, но благо народа; онъ долженъ искать себѣ награды не въ кроткой улыбкѣ, не въ ласковомъ словѣ жены, но въ единодушныхъ кликахъ восторга, которыми благодарный народъ провожаетъ своего вождя изъ форума въ сенатъ. — Но гдѣ же онъ, этотъ благодарный народъ? Я вижу только толпу тупоумныхъ и грубыхъ дѣтнякъ, которые неспособны дѣйствовать, какъ взрослые люди, и только умѣютъ кричать и буйвить, какъ мальчишки. Что-же? съ богомъ, кричите себѣ, выбивайте стекла въ окнахъ, и, на сонъ грядущій, убаюкивайте себя сладкою увѣренностью, что вы совершили великіе подвиги. На утро васъ ждетъ печальное похмѣлье, въ которомъ ясно скажется вамъ ваша собственная ничтожность.

Мюнцеръ, самъ того не замѣчая, забрелъ въ одну изъ аристократическихъ улицъ города, куда въ обыкновенное время не проникала суета дѣловой жизни; но въ этотъ вечеръ и по ней шатались шумныя, полупьяныя кучки людей. Передъ однимъ изъ домовъ, отворенныя бельэтажныя окна котораго лили яркій свѣтъ на темную улицу, стояла толпа, возрастающая каждую минуту съ изумительною быстротою; толпа шумѣла, кричала и свистѣла. По сосѣдству съ отворенной балконной дверью стоялъ, какъ видно, рояль, изъ котораго чьи то искусные пальцы извлекали самые бѣшеные, самые причудливые звуки. Чѣмъ грознѣе поднимался на улицѣ ропотъ толпы, тѣмъ громче и величественнѣе гудѣли струны чуднаго инструмента; какъ скоро внизу наставало затишье, звуки рассыпались жемчужною, игривою трелью, точно шаловливый хохотъ воздушнаго Ореола надъ изступленіемъ Калибана.

По крайнѣйшій шѣрѣ такое впечатлѣніе произвелъ этотъ странный концертъ на сильно возбужденныя чувства нашего героя, который слушалъ его, прислонясь къ садовой рѣшеткѣ, напротивъ самаго дома. Давно уже обращалъ на себя его вниманіе этотъ домъ, выдававшійся между окружающими его зданіями своею красивою архитектурою. Воображеніе его населяло эти роскошные покои прелестными образами, и онъ нарочно не освѣдомлялся о томъ, кому принадлежитъ этотъ домъ, чтобы не получить въ отвѣтъ, что при-

надлежитъ онъ такому-то банкиру, или такому-то *gentier*, который отдыхаетъ въ немъ отъ скучной работы отрѣзыванья купоновъ. Но пальцы, надъ которыми такъ смѣялись и рѣзвились клавиши рояля, не могли принадлежать рукѣ, при-выкнувшей рыться въ грязныхъ деньгахъ; тотъ, кто отваживался съ такимъ вызывающимъ спокойствіемъ относиться къ грозному неудовольствію раздраженной толпы, не могъ быть дюжиннымъ человѣкомъ, и Мюнцеру подсказывало его знаніе человѣческаго сердца, что только женщина можетъ съ такою безпечною отвагою отстаивать свой минутный капризъ.

— За что мы даемъ этимъ дармоѣдамъ потѣшаться надъ нами? сказалъ грубый голосъ возлѣ самаго Мюнцера.

— Мы имъ покажемъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, крикнулъ другой.

— Этотъ народъ въ одинъ вечеръ сожжетъ больше свѣчей, чѣмъ нашъ братъ въ цѣлый годъ, пропицалъ женскій голосъ.

— А что, братцы, выбьете имъ стекла въ окнахъ! Мы тоже хотимъ свою музыку затѣять, кричали бѣснующіеся, а имъ въ отвѣтъ все бѣшеніе и рѣзвѣ неслись веселыя трели, какъ будто, вмѣсто грозныхъ криковъ уличной толпы, раздавались восторженные браво потрясеннаго партера.

Вдругъ полетѣлъ камень и одно изъ оконныхъ стеколъ задребезжало. Игра замолкла; высокая женская фигура въ пышномъ темномъ платьѣ показалась у отворенной балконной двери и спокойно простояла тутъ нѣсколько минутъ, скрестивъ руки на груди, какъ-бы давая время уличной толпѣ убѣдиться, что она имѣетъ дѣло съ женщиной. Затѣмъ фигура скрылась и, минутою спустя, снова полились веселые звуки, еще веселѣе и рѣзвѣе чѣмъ прежде.

Эта смѣлость не только не импонировала толпу, но еще подлила масла на огонь.

— Къ чорту наглуую аристократку! Пovyбьете ей всѣ стекла въ окнахъ, чтобы ей осколки черезъ голову летѣли! Камня на камнѣ не оставимъ!

Въ три прыжка Мюнцеръ очутился на противоположной сторонѣ улицы, у самаго подъѣзда дома. Съ минутою онъ простоялъ въ нерѣшимости, держась за ручку двери и не зная,

войти ему или вѣтъ. Но еще взглядъ на толпу, выступавшіе которой росло съ каждою минутой, и онъ нажалъ ручку. Дверь, которую перепуганная прислуга не то боялась, не то позабыла запереть, уступила и онъ кинулся, мимо двухъ трехпетныхъ фигуръ въ ливреяхъ, по лѣстницѣ, устланной ковромъ, на верхъ; звуки рояля, не перестававшіе раздаваться, указали ему дорогу, и онъ открылъ дверь.

Яркій свѣтъ множества свѣчей, горѣвшихъ въ канделябрахъ, почти ослѣпилъ Мюнцера послѣ уличнаго полумрака. Въ большой, роскошно убранной комнатѣ никого не было, кромѣ дамы, видѣнной имъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ у окна. Она спѣла у рояля спяною къ двери и за громомъ fortissimo, которое въ эту самую минуту вырывалось изъ подъ ея стройныхъ могучихъ пальцевъ, не слыхала ни шаговъ вошедшаго Мюнцера, ни даже шума бушевавшей на улицѣ толпы. Въ слѣдующую за тѣмъ минуту, Мюнцеръ былъ возлѣ нея и тутъ только она обернулась къ нему лицомъ. Рука ея спокойно опустилась на клавиши; большіе, блестящіе черные глаза глядѣли скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ испугомъ на красивое блѣдное лице, окаймленное черною бородою, которое такъ неожиданно, точно изъ земля выросло около нея, и было обращено къ ней съ выраженіемъ испуга и удивленія.

Прежде чѣмъ изъ роскошныхъ ея губъ успѣло вылетѣть слово, Мюнцеръ схватилъ ее за руки и увлекъ въ глубину комнаты.

— Извините меня, сударыня, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, вамъ грозитъ болѣе серьезная опасность, чѣмъ вы думаете. Позвольте мнѣ сказать, вотъ съ этого балкона, нѣсколько словъ толпѣ, обшьющейся на улицѣ. Другаго средства къ спасенію я не знаю.

И не дожидаясь ея отвѣта, онъ быстрыми шагами прошелъ черезъ комнату и вышелъ на балконъ. И была пора. Толпа уже успѣла вооружиться кирпичами, и слышался грубый голосъ, командовавший:—ну-ка, братцы, приударимъ всѣ разомъ; разъ, два!...

— Стой! крикнулъ Мюнцеръ громовымъ голосомъ.

Неожиданное появленіе этого энергичнаго человѣка и его

могучій голосъ осадилъ бунновъ; всё, какъ стояли замахнувшись, такъ и остановились, и ни одинъ не посмѣлъ бросить кирпичемъ. Мюнцеръ не далъ имъ времени оправиться отъ смущенія.

— Спаяайте; продолжалъ онъ, свободные вы люди или рабы, смущенные съ цѣпи, что вы даромъ тратите свои силы въ безтолковомъ буйствѣ и дѣлаете безсмысленнаго разрушенія? Или вы сильны только тамъ, гдѣ не ожидаете встрѣтить сопротивленія? Такъ воть она, ваша свобода! Вы запрещаете отдельной личности жить такъ, какъ ей хочется, хотя-бы она и никому изъ насъ не мѣшала? Что же! дайте волю своему буйству! Бросайте камнями въ этотъ мирный домъ! Не знайте, что я не тронусь съ мѣста, хотя-бы всё ваши камни полетѣли въ меня.

Стоявшіе вблизи съ изумленіемъ переглянулись между собою и опустили поднятыя руки. Многие между ними лично знали доктора Мюнцера, и, еще не далѣе какъ сегодня, слушали его рѣчь въ народномъ собраніи.— Это докторъ Мюнцеръ, душа человекъ! прогудѣло въ отдельныхъ кучкахъ; что докторъ Мюнцеръ говоритъ, то вѣрно правда. Онъ намъ поистинѣ добра желаетъ. Да здравствуетъ Мюнцеръ! ура!

И легко увлекающаяся толпа весело подхватила крикъ, поднятый двумя, тремя голосами. Этому люду, видимо, только того и хотѣлось, чтобы подумѣть и покричать, но за или противъ кого, со смысломъ или безъ смысла,—это для большинства было все равно.

— Пренного вамъ благодаренъ, проговорилъ докторъ Мюнцеръ съ плохо скрываемою ироніей; а теперь объ одномъ прошу васъ: разойдитесь спокойно по домамъ. Вѣдь и завтра еще успѣете на шумѣться, а для нынѣшняго дня за глаза довольно. Покойной вамъ ночи!

И, махнувъ рукою, онъ удалился съ балкона и заперъ за собою дверь. Толпа проводила его восклицаніями.

— Да здравствуетъ докторъ Мюнцеръ, ура, ура!—и слѣдуя его совѣту, а можетъ быть, отчасти и утомившись крикомъ, всё разошлись по домамъ.

XVII.

Когда Мюнцеръ вернулся съ балкона, хозяйка дома стояла посреди комнаты. Вся она была облита яркимъ свѣтомъ, и тутъ только Мюнцеръ разглядѣлъ вполне ея красоту, которую въ первыя тревожныя минуты видѣлъ только мелькомъ. Въ какомъ-то опьяненіи глядѣлъ онъ на эту чудную головку, окаймленную пышными, душистыми кудрями; на эти большіе темные глаза, такъ смѣло и, въ тоже время, такъ кротко выглядывавшіе изъ подъ длинныхъ рѣсницъ; на эти художественно правильныя, на диво выточенныя черты; въ особенности же на этотъ безмолвно краснорѣчивый ротъ, дышавшій любовью.— Вотъ та женщина, которая тебя достойна; передъ тобою стоитъ воплощеніе той мечты, отъ которой столько разъ дрожало твое сердце,—промелькнуло у него въ умѣ.

Происходило-ли чтонибудь подобное и въ душѣ этой женщины? Повидимому, оно было такъ, потому что въ глазахъ ея горѣлъ какой-то огонь, ужасающій и сладостный, точно чарующій взглядъ Медузы.

Съ минуту они глядѣли другъ на друга молча; вдругъ красавица звонко расхохоталась и проговорила мелодическимъ голосомъ:

— Вотъ такъ встрѣча! Я сижу себѣ здѣсь и дожидаясь гостей, которые, какъ видно, изъ трусости заблагоразсудили остаться дома, и вдругъ, вмѣсто этихъ господъ, которыхъ мнѣ, пожалуй, и ненужно, судьба посылаетъ мнѣ незнакомца! Подобно каменному гостю въ Донъ Жуанѣ, онъ является ко мнѣ безъ доклада, и вмѣсто рекомендаціи, запрещаетъ мнѣ играть мои этюды.

— За то теперь вы спокойно можете продолжать ихъ, сударыня, отвѣчалъ Мюнцеръ. Я думалъ оказать вамъ услугу; извините безцеремонность, съ которою я при этомъ позволилъ себѣ помѣшать вамъ въ вашемъ занятіи.

И поклонившись, онъ уже было направился къ двери, но она заступила ему дорогу.

— Позвольте, милостивый государь, дайте же мнѣ; по

крайней мѣрѣ, время поблагодарить васъ за оказанную услугу. Полноте, полноте, не отказывайтесь отъ благодарности. Теперь, когда я опомнилась отъ нашедшаго на меня каприза, я вижу ясно, что снова безъ нужды подвергала себя опасности. Погибнуть, конечно, я бы не погибла, но все же могло кончиться довольно плохо. И то эта милая уличная чернь чуть не попала мнѣ въ голову своими изящными визитными карточками.—И она съ презрѣніемъ дотронулась кончикомъ башмака до большаго обломка кирпича, валявшагося посреди комнаты. Затѣмъ она снова засмѣялась своимъ мелодическимъ смѣхомъ.

— Но встрѣча, встрѣча преинтересная! По настоящему, мнѣ бы слѣдовало отпустить моего каменнаго гостя, не спрашивая о его имени; это придадо-бы приключенію романтической интересъ таинственности. Но такъ и быть! мы отложимъ на этотъ разъ романтическія затѣи въ сторону и будемъ практически разсудительны. За неимѣніемъ третьяго лица, которое представило-бы насъ другъ другу, мы должны совершить этотъ обрядъ безъ жреца. Меня зовутъ Антонія...

— А меня Бернгардомъ, отвѣчалъ Мюнцеръ, улыбаясь.

— Но мнѣ казалось, что тамъ на улицѣ кричали другое имя; кажется докторъ Мюнцеръ?

— Да, но такъ какъ вы назвали только первую половину своего имени, то я заключилъ, что вторая не имѣетъ въ вашихъ глазахъ никакого значенія.

— О, у васъ, мужчинъ, фамиліное имя не пустой звукъ, не то что у женщинъ. Что намъ въ этомъ имени, которое приклеиваютъ намъ, какъ ярлыкъ на бутылку вина, и которое при случаѣ можно промѣнять на другое. Я дорожу только тѣмъ именемъ, которымъ называютъ меня люди мнѣ близкіе; до другаго мнѣ мало дѣла. Впрочемъ, сами вы желаете знать: мое фамиліное имя — фонъ-Гогенштейнъ. Ну вотъ, обрядъ исполненъ, а такъ какъ теперь мы по формѣ познакомились, то мы сдѣлаемъ видъ, будто вы одинъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ явились ко мнѣ на вечеръ, и не будемъ тужить объ отсутствіи другихъ. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ Бернгардъ Мюнцеръ, пожалуйста безъ возраженій! Я не терп-

лю возраженій, въ особеннѣности отъ новыхъ знакомыхъ, которыхъ надо разъ на всегда пріучить къ послушанію. Положите куда нибудь вашу несчастную шляпу, которую, вотъ уже цѣлыхъ пять минутъ, вы безпощадно мнете. Вы мой гость и, какъ человекъ съ тактомъ, не захотите выставить меня глупеѣй передъ моими слугами.

И не дожидаясь его отвѣта, она позвонила и крикнула вошедшему слугѣ: приготовить въ маленькой гостинной ужинъ на два прибора!—Скорѣй только! и когда будетъ готово, доложить мнѣ.

— Слушаю, сударыня, отвѣчалъ слуга, и, бросивъ на Мюнцера удивленный взглядъ, вышелъ изъ комнаты.

— А теперь, проговорила Антонія, не угодно ли поставить вашу шляпу вонъ туда, на столъ. Вотъ такъ! А сами садитесь вотъ въ эти кресла; дайте мнѣ еще хорошенько удостовѣриться, что вы согласны быть моимъ гостемъ. Я вамъ, пожалуй, что нибудь сыграю, если это только окажется возможнымъ; боюсь что въ роялѣ лопнуло нѣсколько струнъ.

Она сѣла къ роялю и тонкіе ея пальцы блестящими гаммами пробѣжали назадъ и впередъ по клавишамъ.

— Ничего, еще можно играть, воскликнула она; и такъ, прошу слушать!

Она взяла нѣсколько полныхъ, могучихъ аккордовъ. Затѣмъ понеслись туманныя волны звуковъ, изъ которыхъ мало по малу образовалась мелодія, полная какого-то сумрачнаго, унылаго томленія. Съ трепетомъ восторга слушалъ Мюнцеръ. Духъ его, бторванный отъ родной почвы годами суроваго, подавляющаго, безжалостнаго труда, снова уносился въ свою настоящую отчизну, въ страну сказочныхъ чудесъ, въ область романтизма, исполненную для германскаго духа такихъ всемогущихъ чаръ. Онъ болѣе не поминалъ гдѣ онъ; не видѣлъ передъ собою прекраснаго образа, на который былъ устремленъ его неподвижный взглядъ; ему казалось, что онъ стоитъ въ прохладѣ лѣса; туманные женскіе образы пестрынно мелькали мимо его и улыбались ему такими чарующими улыбками, что въ немъ разумъ мутился. Ему казалось, что онъ слышитъ броженіе стальныхъ силъ, что онъ увле-

каютъ его въ свой круговоротъ, какъ будто самъ онъ сливается въ одно съ лѣсной тишиной и лѣснымъ ароматомъ.

Тутъ ему послышалось, сначала издалека, потомъ все ближе и ближе; какое-то пѣніе, отрадное и манящее, какъ свѣтъ мѣсяца и мерцаніе звѣздъ.

Голосъ замолкъ; послѣдніе звуки рояля замерли въ воздухѣ. Мюнцеръ вскрикнулъ и вскочилъ съ своего мѣста.

— Боже мой, что съ вами? спросила Антонія, тоже поспѣшно вставая.

Мюнцеръ, не отвѣчая, большими шагами прошелся по комнатѣ и, вернувшись, остановился прямо противъ Антоніи.

— Что съ вами? повторила Антонія, на васъ лица нѣтъ.

Мюнцеръ провелъ рукою по лицу, какъ человѣкъ пробуждающійся отъ сна, и проговорилъ какимъ-то беззвучнымъ голосомъ:

— Извините меня, сударыня, когда вы перестали пѣть, вѣдь вы пѣли, не такъ ли? Что-то жгучее кольнуло меня въ сердце. Теперь это прошло; еще разъ извините меня.

— Тутъ и извинять нечего, отвѣчала она съ лукавой усмѣшкой. Вся ваша вина состоитъ развѣ въ томъ, что вы вообще не слушали моей любимой баллады. Вообразить, что я пѣла! каково! Нѣтъ, вы рѣшительно походите на каменнаго гостя, и я начинаю васъ бояться. Хорошо, что мой храбрый Жанъ идетъ съ докладомъ, что столъ накрытъ.— Все готово? хорошо; можете удалиться. Да вотъ что еще, Жанъ: уберите все здѣсь и погасите свѣчи. Когда что будетъ нужно, я позвоню. И, слегка опираясь на руку Мюнцера, она пришла въ небольшую комнату, помѣщавшуюся уже въ фасадной половинѣ дома. Комната эта, менѣе парадная чѣмъ тѣ, которыми они только-что проходили, смотрѣла какъ-то еще теплѣе, ароматнѣе и уютнѣе. Тяжелыя темно-зеленыя гардины скрывали двери и окна; полъ былъ устланъ толстыми коврами, по которымъ ступалось неслышно. Непосредственно подъ лампою, висѣвшею съ потолка, былъ накрытъ; со всевозможною роскошью круглый столъ, къ которому были придвинуты два кресла на недалекомъ разстояніи одно отъ другаго. На одно-то изъ этихъ креселъ Антонія указала своему гостю.

Мюнцеръ окинулъ бѣглымъ взглядомъ все убранство этого очаровательнаго уголка, и снова устремилъ глаза на Антонію, которая казалась ему теперь совсѣмъ другою женщиною, чѣмъ прежде: въ ней не было той величавости, за то она стала милѣе и привѣтливѣе. Новизна и неожиданность его настоящаго положенія имѣла въ себѣ что-то сказочное, что-то похожее на сонъ; разнообразныя событія этого вечера, такъ быстро смѣнявшіяся одно другимъ, отозвались на немъ какимъ-то лихорадочнымъ возбужденіемъ. Подобно тому, какъ въ настоящемъ бреду всѣ пространственныя представленія болѣзненно извращаются,—великое кажется малымъ и малое великомъ, такъ и ему всѣ дѣла людскія представлялись въ какомъ-то обманчивомъ свѣтѣ; добро и зло, разумъ и безуміе становились для него безразличны, и самая дѣйствительность казалась ему простымъ сновидѣніемъ. Онъ отказался отъ плодовъ, которыми подчивала его Антонія и, наполнивъ стаканы виномъ, проговорилъ:

— За ваше здоровье, моя прекрасная хозяйка, не до пищи тому, кто удостоился лицезрѣть идеалъ красоты. Пью за ваше здоровье и желаю, чтобы эта минута была послѣднею въ моей жизни.

И жадными губами онъ осушилъ стаканъ съ драгоценною влагой. Антонія, улыбаясь, глядѣла на своего гостя.

— Покорно благодарю, проговорила она, прикасаясь губами къ своему стакану. Но зачѣмъ желать, чтобы эта минута была въ вашей жизни послѣднею? Я такъ, напротивъ, желала бы, чтобы судьба подольше оставила мнѣ человека, который, въ моихъ глазахъ, предпочтительно передъ многими, заслуживаетъ имя мужчины. Позвольте мнѣ еще разъ наполнить вамъ стаканъ и выпьемте на долгую... или, нѣтъ! не на долгую дружбу, потому что такъ мы успѣемъ постарѣть и отупѣть, а я ненавижу все старое и тупое. И такъ, выпьемъ на доброе товарищество, которому не прекращаться до тѣхъ поръ, пока наши жизненные пути идутъ вмѣстѣ.

— Не долго-же ему въ такомъ случаѣ суждено продержаться, возразилъ Мюнцеръ. Наши двѣ дороги скрестились

случайно, и для того только, чтобы тотчас же разойтись въ противоположныя стороны. Вѣдь вы не знаете кто я такой.

— Да и знать не хочу! Какое мнѣ дѣло до званія и до общественнаго положенія? Въ человѣкѣ я ищу человѣка и больше ничего. Ваше имя—Мюнцеръ. Если не ошибаюсь, я уже не разъ слыхала это имя въ разговорахъ о политикѣ, которыхъ я по возможности стараюсь не слушать. Помнится мнѣ также, что васъ часто называли въ моемъ присутствіи демократомъ, возмутителемъ народа, крайне опаснымъ человекомъ, который можетъ сдѣлать изъ черни все, что ему угодно. Но, что мнѣ до всего этого? я политикой не занимаюсь, и считаю разговоры о политикѣ величайшею пыткой, которой только можно подвергнуть разумное существо. Аристократовъ нашихъ я нахожу невыносимо скучными, денежная аристократія мнѣ просто противна; добрые наши бюргеры неуклюжи, угловаты, и вообще таковы, что чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше; наконецъ, нашъ милый простой народъ грязень, грубъ и нахалень. Къ которой же изъ этихъ категорій хотите вы, чтобы я питала сочувствіе? Человѣчество, въ общей своей сложности, кажется мнѣ или ненавистнымъ, или достойнымъ презрѣнія. Только въ отдѣльной личности ищу я ума, красоты, остроумія и, видѣть богъ, какъ я рѣдко нахожу ихъ тамъ, гдѣ ищу. И вы тоже, не отпирайтесь, ушли не дальше моего. Вы, конечно, стараетесь завѣрить себя, что дѣйствительно любите этихъ людей, за которыхъ вы распинаетесь, и которыхъ вы будто-бы уважаете; но въ дѣйствительности вы ихъ не любите. Вотъ хоть-бы, наиримѣръ, меня вы, по всѣмъ вѣроятіямъ; уважаете очень мало; пока вы сидите здѣсь, вы уже, конечно, не разъ задавали себѣ вопросъ, не обязаны-ли вы, въ качествѣ человѣка изъ народа, во имя вашего высокаго нравственнаго чувства, и пр. и пр., съ презрѣніемъ относиться ко мнѣ, аристократкѣ, не слишкомъ-то соблюдающей законы такъ называемой нравственности? т. е. не то, чтобы совсѣмъ презирать, а такъ себѣ, чуть-чуть. А между тѣмъ.... только, пожалуйста, погодите дѣлать такое угрюмое лицо; взгляните на меня немного привѣтливѣе! вотъ такъ! А между тѣмъ, говорю я, вы были-бы:

вовсе не прочь сдѣлать для меня какуюнибудь колоссальную глупость; если-бы только я была довольно жестока, чтобы отъ васъ требовать это.

— Быть можетъ вы и правы, отвѣчалъ Мюнцеръ, не спуская съ Антоніи глазъ. Но что-же этимъ доказывается? Знаете ли вы древнюю басню о титанахъ, которые хотѣли взять приступомъ небо, чтобы за трапезою бессмертныхъ позабыть свое земное горе? Завистливые боги стали метать своими молніями въ дерзкихъ великановъ, и отбросили ихъ назадъ на землю, потому что она-то и есть истинный тартаръ, адъ кромѣшный для гордаго титаническаго духа. Видите ли, сударыня, мы, люди, — жалкіе эпитоны тѣхъ славныхъ отцовъ, и, какъ ни мало въ насъ уцѣлѣло фамильнаго сходства, все-же мы не забыли свое происхождение и въ насъ живетъ еще какое-то смутное воспоминаніе о блаженной жизни на высотахъ олимпа, гдѣ не существуетъ ни добродѣтели, ни порока, ни мудрости, ни безумія, и гдѣ царитъ одна красота, чудная, ослѣпляющая, пропикающая въ сердце священнымъ трепетомъ. Это-то воспоминаніе и есть любовь. Но видите-ли, прекрасная моя хозяйка, если этого было мало для нашихъ предковъ, титановъ, то и недавно мало для насъ, простыхъ смертныхъ. Сумма счастья, которую людямъ предстоитъ раздѣлить между собою, такъ невелика, что всѣ получаютъ слѣдующую имъ долю только тогда, когда каждая отдѣльная личность будетъ сама себя ограничивать, и не будетъ забирать на свою долю болѣе того, что она готова предоставить и своему ближнему. Это воззрѣніе, выражающееся въ подвигахъ стиренія и самоотверженія, мы называемъ справедливостью. Вы говорите, что я не люблю людей, за которыхъ я распинаюсь, и вы правы; я не люблю ихъ, мало того, мнѣ даже кажется подъ часъ, какъ напрямѣръ сегодня вечеромъ, что я ихъ просто презираю; но въ отношеніи того, кого я не уважаю, я могу, по крайней мѣрѣ, оставаться справедливымъ. Совсѣмъ иное дѣло вы; относительно васъ у меня не можетъ быть и рѣчи, ни объ уваженіи, ни о справедливости; всѣ эти понятія, которыя въ глазахъ людей имѣютъ и должны имѣть такую важность, не имѣютъ ничего общаго съ мо-

нмъ чувствомъ къ вамъ, потому что встрѣча съ вами пробудила во мнѣ неумиращую природу титана, а потому вы, быть можетъ, и правы, когда утверждаете, что я способенъ сдѣлать для васъ какую угодно глупость, хоть-бы, на примѣръ, колоссальную глупость — полюбить васъ.

Антонія откинулась въ креслѣ и занялась своимъ тихимъ мелодическимъ хохотомъ. Но вскорѣ она снова облокотилась на столъ и, глядя на Мюнцера пристальнымъ взглядомъ, проговорила:

— Не даромъ предполагала я въ васъ самаго загадочнаго чловѣка, какого я только когда либо видала. Скажите, кто вы такой? Я подозреваю, что вы царскій сынъ, лишенный отцовскаго престола, и въ гнѣвѣ своемъ скрывающійся среди народа и возбуждающій его возстать на похитителя. Быть не можетъ, чтобы вы сами были изъ народа, для этого у васъ слишкомъ стройныя, аристократическія руки, а главное, слишкомъ гордый, повелительный видъ. Признайтесь же мнѣ, насъ никто не услышитъ: гдѣ ваше царство и кто ваши царственные родители?

Вы смѣтаетесь надо мною, отвѣчалъ Мюнцеръ съ грустной усмѣшкой; и точно, вы вправѣ смѣялись. Вы хотите знать, гдѣ лежитъ мое царство? Вотъ здѣсь, въ этой головѣ, въ тѣсныхъ предѣлахъ этого черепа. Вы спрашиваете, кто мои царственные родители? Бѣдные крестьяне, дѣлшіе вѣкъ свой насаживавшіе спины, таская корзины съ землею на уступы каменистаго утеса, которые въ два, въ три года разъ давали имъ жалкій сборъ винограда. Первая игрушка, которую дали мнѣ въ мои аристократическія руки, былъ заступъ. Мои царственные родители умерли съ голода и съ горя, и я, ихъ единственный отпрыскъ, подвергся бы той же участи, если-бы пасторъ сосѣдняго селенія, единственный священникъ, достойный этого имени, котораго мнѣ довелось знать, не сжался надъ оборваннымъ мальчишкой и не раздѣлилъ со мною свой скудный кусокъ хлѣба и свое скудное знаніе. Когда мнѣ ничему болѣе не оставалось у него учиться, онъ отправилъ меня въ здѣшнюю школу, давъ мнѣ, въ видѣ мапутственнаго благословенія, совѣтъ: трудиться и жить въ страхѣ божіемъ.

Трудиться можно, и даже очень много трудиться. А потому я и налегъ на трудъ, не изъ любви къ знанію, а изъ честолюбія, изъ жгучаго, пожирающаго честолюбія, которое заставляло меня забывать и холодъ, и голодъ, и насмѣшки моихъ школьныхъ товарищей. Да-съ, какъ же они смѣялись надо мною, всѣ эти красивенькіе юнкеры и сытые купеческіе сынки; они прозвали меня «волкомъ» за мою, голодную, заморенную наружность, и легкомысленные мальчики были отчасти правы: я дѣйствительно смотрѣлъ волкомъ. Человѣческое общество представлялось мнѣ большимъ, бессмысленнымъ, жирнымъ стадомъ животныхъ, и я ненавидѣлъ это стадо какою-то волчьей ненавистью. Мнѣ хотѣлось обладать громадною ученостью, быть всезнающимъ, чтобы имѣть черезъ это возможность отомстить людямъ за ихъ презрѣніе и насмѣшки. Сто разъ призывалъ я къ себѣ на помощь діавола, предлагая ему въ залогъ свою душу, но діаволъ не приходилъ, и это навело меня на мысль, что чорта то, пожалуй, и вовсе нѣтъ.

Разъ ступивъ на эту дорогу, я дошелъ до совершенно новыхъ, неожиданныхъ результатовъ.

Я пришелъ къ тому заключенію, что если въ самихъ людяхъ надо искать истинныхъ ихъ пороковъ, то въ нихъ же самихъ и источникъ ихъ добродѣтелей, и если до сихъ поръ они не сдѣлались лучше, то вина этого, конечно, должна лежать въ какихъ нибудь недостаткахъ государственнаго и общественаго устройства, за которыя отвѣтственность падаетъ на все человѣчество, но никакъ не на отдѣльную личность. Подобно тому, какъ другіе, по выраженію великаго поэта, «изъ полноты любви упивались ненавистью къ людямъ», такъ я изъ полной чаши своей ненависти почерпнулъ любовь къ людямъ. Но и любовь моя стала такъ же бѣдна и вяла, какъ подъ конецъ и моя ненависть.

Любовь моя вытекала не изъ сердца; она вытекала изъ ума и изъ сознанія, что несправедливо ненавидѣть или презирать людей за ихъ пороки, какъ несправедливо гнушаться проказенными и калѣками. Мое участіе къ людямъ—было участіе врача къ больному; я утѣшалъ, помогалъ, какъ умѣлъ, разда-

валъ бѣднымъ все, что только могъ. Но сердце мое не участвовало во всемъ этомъ, оно оставалось мертво и пусто.

Мюнцеръ вздохнулъ глубоко и медленно допилъ свой стаканъ.

— Несчастный вы человекъ, проговорила Антонія, слегка прикасаясь рукою къ его рукѣ.

— Да, несчастный, потому что нѣтъ больше несчастія, какъ стоять одиноко среди людей. Когда миновались первые взрывы отчаянья, я покорился своей судьбѣ, отказавшись разъ на всегда отъ надежды на счастье. Я ясно видѣлъ, въ чемъ состояла моя жизненная задача, и этого съ меня было довольно. Я видѣлъ бездонную пропасть, которая раздѣляетъ современное намъ человѣчество на двѣ неравныя половины: на многихъ званыхъ, и немногихъ избранныхъ, на знающихъ и незнающихъ, на жрецовъ и непосвященныхъ; я понималъ, что эта пропасть, подобно той, которая гласитъ преданье, разверзлась среди форума, можетъ наполниться только тогда, когда мы набрасаемъ въ нее все, что у насъ ни есть самага драгоценнаго, когда мы лучшіе наши силы употребимъ на то, чтобы примирить людей между собою. Этому великому дѣлу рѣшился я послужить, на сколько станетъ моихъ силъ. Для себя лично я ничего не желалъ, по крайней мѣрѣ, ничего исключительнаго, ничего такого, чтобы не было дано въ удѣлъ и остальному человѣчеству. Я не желалъ даже оставаться одинъ съ своимъ горемъ, не желалъ даже любви, которая порой наполняла мою душу какимъ-то сладостнымъ, опьяняющимъ томленіемъ. Я обзавелся, по примѣру добрыхъ людей, женою и дѣтьми, въ надеждѣ, что хоть это спасетъ меня отъ помѣшательства или отъ самоубійства, къ которому, рано или поздно, должна была привести такая жизнь, какъ моя.

Мюнцеръ замолчалъ. Ни разу еще не случалось ему съ такою завѣтною откровенностью говорить о самомъ себѣ. На душѣ у него было тяжело, какъ на душѣ приговореннаго къ смерти. Онъ глядѣлъ на Антонію, какъ-бы ожидая отъ нея утѣшенія.

— И такъ, у васъ есть жена и дѣти? проговорила она помолчавъ.

— Да, у меня есть жена, честное, любящее создание, и лучше бы было для нея, если-бы она умерла никогда не давая меня; есть у меня дѣти, славныя, цвѣтушія малютки, но лучше бы имъ было на свѣтъ не родиться. Я не умѣю быть счастливымъ, но я настоящій гений въ адскомъ искусствѣ терзать другихъ.

Говоря это, Мюнцеръ ходилъ большими шагами по комнатамъ; вдругъ онъ остановился передъ Антоніей, которая, закрывъ лице руками, сидѣла въ глубокой задумчивости, и проговорила сквозь зубы.

— Горе и вамъ и мнѣ, если наши жизненные пути не разойдутся съ этой минуты на вѣки. Я брошу въ вашу жизнь такую искру, отъ которой вамъ не уйти; она изведетъ васъ пожаромъ и сожжетъ васъ до тла; мнѣ-же вы все таки не дадите счастья. Минуетъ блаженный бредъ и я снова пойду на работу; и если только окажется, что нѣтъ уже у меня прежней бодрой отваги въ борьбѣ съ безуміемъ, что дерзкая попытка съѣсть за трапезу боговъ ничего не принесла мнѣ кромѣ стыда и раскаянья, тогда...

— Ну, что тогда? договаривайте! проговорила Антонія, и губы ея поблѣднѣли.

— Тогда, воскликнулъ Мюнцеръ, бросаясь къ ея ногамъ и хватая ея руки,—тогда я возненавижу тебя, чудо красоты, возненавижу тебя съ тою же силою, съ какою люблю тебя теперь.

Антонія еще болѣе поблѣднѣла; она дышала тяжело, ноздри ея раздувались. Она высвободила свои руки изъ его рукъ, положила ихъ ему на плечи и, наклонясь къ нему такъ близко, что губы ихъ почти сливались, прошептала:

— Что-жь! хотя-бы ты возненавидѣлъ, хотя-бы убилъ меня, гордый человѣкъ, за то только, что мы горячо любимъ другъ друга, все же я буду тебя любить, да и ты не уйдешь отъ любви.

И охвативъ его шею руками, она поцѣлowała его долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Антонія

вздрыгнула, Мюнцеръ быстро вскочилъ на ноги и взглянулъ на дверь, которая тотчасъ же отворилась.

— Полковникъ фонъ-Гогенштейнъ, доложилъ слуга и въ маленькихъ его глазкахъ пробѣжала при этомъ злая усмѣшка. Прежде чѣмъ Антонія успѣла выговорить слово, — въ комнату вошелъ полковникъ и слуга удалился.

Испугъ полковника при встрѣчѣ съ знаменитымъ демагогомъ въ домѣ невѣстки почти равнялся испугу Мюнцера и Антоніи при его неожиданномъ появленіи. Отъ него не ускользнуло странное выраженіе лицъ обоихъ. Лукавая усмѣшка на лицѣ слуги, слухи, ходившіе въ обществѣ, о непростительномъ легкомысліи его невѣстки, все это навело полковника на смутныя догадки, которыхъ, впрочемъ, было достаточно, чтобы воспламенить въ немъ бѣшеную ревность.

— Извините меня невѣстушка, проговорилъ онъ, бросая грозный взглядъ на Мюнцера, если я пришолъ не во время! Раньше я не могъ урваться, потому что цѣлый вечеръ провелъ по долгу службы въ казармахъ. По выходѣ изъ казармъ вдругъ узнаю, что передъ вашимъ домомъ произведены разныя буйства. Спѣшу сюда, и что же нахожу? Въ фасадныхъ окнахъ темно, но подъѣздъ еще не запертъ и вашъ Жанъ объявляетъ мнѣ, что у барыни сидитъ еще гость. Еще разъ прошу у васъ извиненія за несвоевременный визитъ. Пока говорилъ полковникъ, Антонія успѣла оправиться отъ своего смущенія.

— Дѣйствительно, я никакъ не ожидала васъ видѣть у себя сегодня вечеромъ, проговорила она съ ледяною холодностію. Пока вы съ своими солдатами сидѣли въ казармахъ, у меня успѣли повывить стекла въ окнахъ, и вы конечно опоздали бы съ вашимъ полкомъ, меньше-то полка вѣдь вы врядъ ли бы привели? Если-бы вотъ этотъ господинъ не былъ такъ добръ и не уговорилъ толпу разойтись. Однако позвольте мнѣ, господа, представить васъ другъ другу...

— Я уже имѣлъ случай познакомиться съ докторомъ Мюнцеромъ, перебилъ полковникъ съ церемоннымъ поклономъ, на который Мюнцеръ, съ своей стороны, отвѣчалъ не менѣе церемонно.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пожелать вамъ спокойной ночи, проговорилъ Мюнцеръ, обращаясь къ Антоніи, и такъ уже слишкомъ долго докучалъ вамъ своимъ присутствіемъ.

Антонія хотѣла было удержать его, но взглянувъ на его лицо, поняла, что это будетъ напрасный трудъ. Она дернула за звонокъ и сказала вошедшему слугѣ:

— Посвѣтите господину доктору!— Потомъ, обратившись къ нему, продолжала, протягивая ему руку:— Au revoir, надѣюсь, что мы скоро увидимся.

Мюнцеръ поцѣловалъ протянутую ему руку, слегка поклонился полковнику, который, не вѣря глазамъ своимъ, глядѣлъ на эту сцену прощанья, и поспѣшилъ за слугой.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ И УМСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІЙ
ВЪ РОССИИ.

(Окончаніе.)

У.

Изъ всего предъидущаго очерка видно, что естественныя, силы и условія всецѣло преобладали надъ умственными усиліями, средствами и основами нашихъ земледѣльческихъ поселеній. Въ устройствѣ и географическомъ распространеніи ихъ не видно умственной дѣятельности, знанія, а вездѣ явственно отпечатлѣлось преобладаніе физическихъ законовъ и непосредственныхъ вліяній природы русской земли. Во-первыхъ, въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой колонизаціи и культуры не доставало самаго главнаго—разумнаго и подробнаго землевѣдѣлія. До Петра великаго, когда собственно и совершалась разработка и обстройка русской земли, — народъ нашъ, по словамъ Петра, не зналъ ни земли, ни воды своей. Правительственные описи—земляные списки, писцовыя, обладныя и другія книги только отрывочно и крайне-поверхностно измѣряли и описывали «земли орамыя, земли добрыя, середнія и худыя, лѣса пашенныя и непашенныя». Рациональнаго, научнаго знанія почвъ и климата русской земли не было ни у народа, ни у самаго правительства *).

*) Известный писатель царствованія Алексея Михайловича, Юлій Крылатый, первый высказалъ правительству, еще только какъ *prim desiderium*, мысль о необходимости изслѣдованія естественно-производительныхъ силъ русской земли. Онъ писалъ: «Добробы было выслать углядинцовъ (дозорщиковъ, наблюдателей) по всему царству; или наче державиничиъ (областными

Отсюда происходили весьма частыя ошибки въ выборѣ мѣстъ для земледѣльческихъ поселеній. Не смотря на обиліе хорошихъ, хлѣбородныхъ земель, поселенцы часто, по незнанію, селились на тощихъ земляхъ, и послѣ горько жаловались на бесплодность своихъ полей. Большею частію земледѣльская культура и колонизація шла наугадъ и на авось, безъ всякаго предварительнаго обследованія и изученія почвы и климата выбираемой подѣ заселеніе мѣстности. Отсюда, весьма нерѣдко случалось, что одни крестьяне выбирали и распашали черный дикой лѣсъ, распахивали пашни, ставили починки, деревни и селились въ нихъ, — и земля выпадала на ихъ долю хорошая. А рядомъ, въ той-же области, цѣлая волость населялась на землѣ худой, бесплодной. И не было точнаго знанія ея. Тогда какъ писцы находили въ этой волости много доброй земли, — сами землевладѣльцы жаловались на ея совершенную бесплодность. Такъ въ вятской области, въ хлыновскомъ уѣздѣ, въ бобинскомъ стану, гдѣ было 209 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, по писцовымъ книгамъ 1629 года, было пашни паханныя добрыя земли 48 четвертей съ четверникомъ, средней земли 464 чети, » худой земли 24 чети». А землевладѣлецъ этого бобинскаго стана въ 1670 году жаловался, что «тотъ бобинскій станъ на Вяткѣ самый нужный, — земли боровыя, песчаныя, а не хлѣбородныя, и крестьяне кормятся отъ того, жгутъ смолу и уголья на продажу, а не отъ пашень» *). Крайній недостатокъ разумнаго плана и направленія русской земледѣльской колонизаціи и культуры, между прочимъ, довольно наглядно обнаружился въ томъ характеристическомъ фактѣ, что вмѣсто наиболѣе-обширнаго и энергическаго направленія къ югу, въ обширную полосу чернозема, въ область умѣреннаго климата, ближе къ поясу пшеницы, винограда и кукурузы, — наша земледѣльская колонизація, много вѣковъ, съ бесплоднымъ и страдальческимъ напряженіемъ, устремлялась на сѣверъ, къ тундрамъ и ледовитому морю. И мы, такимъ образомъ, не путемъ научнаго изслѣдованія, а путемъ горькой и неудачной крестья-

начальникамъ, воеводамъ) заповѣдать: да бѣху обыскали и отѣдовали и обличали, гдѣ ся буйно (хорошо, обильно) родить, либо родиться можетъ кое жито, зелье, дравне или былье, якоже: ленъ, конопле, имѣль, медь, глыватаца, лукъ, и иное». (о Моск. госуд. розд. III стр. 44). Петръ В. предписывалъ Камеръ-Коллегіи, какъ средоточію *Землеаго Экономства*: „о состояшии, натурѣ и плодородіи каждой провинціи уведомитися, и стараться какъ-бы запустѣлыя земли заселить“. (П. С. З. № 3466).

*) Доп. къ А. Ист. т. IV, № 14, стр. 82.

янской практики — *страдаемой* работы, изъ ошибочнаго направленія и изъ напрасныхъ усилій нашихъ земледѣльческихъ поселеній узнали границы земледѣлія на сѣверѣ Россіи, напримѣръ—на р. Сосвѣ въ Першинскихъ юртахъ, въ Реполаѣ при Иртышѣ, на Пельмѣ въ Атимье-паулѣ, на Кондѣ въ Шаниѣ, близъ Пузяниа и по близости Сатига, близъ устья Щугоры, при устьяхъ Ижмы и Цыльмы *). Незнаніе почвы и климата постоянно и жестоко наказывало наши земледѣльческія колоніи за этими границами земледѣлія. Въ актахъ историческихъ часто встрѣчаются жалобы сѣверныхъ поселенцевъ на то, что они поселились «на украинѣ, у студенаго моря, земля пришла каменистая, и стужа великая, и снѣги по вся лѣта мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побивается». Сѣверныя крестьянскія поселенія, устроенныя по указу правительства, большею частію были бѣднѣйшія. Вотъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ пустозерскаго острога, 1667 года: «бьютъ челомъ сироты, Пустозерскаго острога бѣдные остальные Пермиченка отъ разброду, отъ хлѣбнаго голоду, сотской и всѣ крестьяне: мы бѣдные людишка бѣдны и безхлѣбны и безоленны, что было оленিশокогъ остальныхъ отъ прежнихъ самоядцкихъ грабежовъ, и тѣхъ достальныхъ самоядъ всѣхъ отгонили... Для рыбныхъ и бѣлужныхъ промыслишновъ не ходимъ на морѣ, и судовъ у насъ морскихъ, людей и кочей нѣтъ, что дѣлать не умѣемъ и не изъ чего, лѣсу нѣтъ, мѣсто тундряное», и проч. **). Или посмотрите на крестьянскія поселенія, напримѣръ, на пути отъ Соликамска до Чердыни: вся страна кажется безплодною и жители бѣдны. Во многихъ мѣстахъ деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и то большая часть изъ нихъ, а иногда и всѣ пусты: бѣдные обитатели ихъ переселились въ другіе уѣзды губерніи, особенно въ осинскій, и заняли тамъ земли. Но и тутъ, не умѣя выбрать хорошія земли, или посредственную почву сдѣлать достаточно-хлѣбородною, переселенцы принуждены бываютъ оставлять новыя свои жилища и вести полукочевую жизнь ***). Что значитъ умъ въ борьбѣ съ природою на крайнемъ сѣверѣ Россіи,—показываютъ, между прочимъ, наши туруханскія колоніи духоборцевъ и разныхъ другихъ ссыльныхъ поселенцевъ. Духоборцы, по словамъ

*) Записки рус. географ. общ. 1849 г. кн. III, стр. 165—166.

***) Доп. V, № 35, стр. 172.

**) Зап. Географ. Общ. 1853. кн. VII. Дневн. Латкина въ Пегорѣ въ 1840—1843 г. стр. 6.

Бастрена, живущіе умно in dem geräuschigen Tempel der Natur, и отличающіеся примѣрнымъ трудолюбіемъ, — стужѣли домовито устроиться и въ суровомъ климатѣ, и на бесплодной почвѣ туруханской ледовитой тундры, за предѣлами земледѣлія, кончающагося на Енисей въ дер. Вороговой въ аңцыберовской волости. Они стужѣли развести здѣсь даже сады съ хораніями: корненожными растеніями, съ макомъ, съ астрами, съ гераніями и проч. Между тѣмъ, другіе русскіе есмьльные колонисты, кромѣ кое-какихъ плохихъ жилищъ, ничего не могли завести, не умѣли, подобно духоборцамъ, усѣбно заниматься культурой и оставались безысходными страдальцами суровой сѣверной природы и своей несчастной доли. Само правительство, для своихъ цѣлей заселяя пустыя мѣста, устраивая крестьянъ въ села и слободы, большею частію наугадъ и ошибочно отводило имъ земли на населеніе, и въ мѣстностяхъ крайне-невыгодныхъ, неприводительныхъ. Такъ, напримѣръ, самаровскихъ ямскихъ охотниковъ, пашенныхъ крестьянъ, «посадили подѣ самаровскими горами, на дальнемъ пустомъ мѣстѣ пашенномъ» *). Таковы же всѣ сѣверныя поселенія, въ родѣ жалкихъ деревушекъ пустозерскихъ, обдорскихъ, березовскихъ, туруханскихъ, [илянне-волымскихъ и т. п. Въ Сибири, гдѣ производилась специальная земледѣльческая колонизація, правительство поручало воеводамъ составлять росписи и чертежи пашеннымъ мѣстамъ**). «На росписи эти составлялись небрежно, наугадъ, невѣрно. И въ наше время иногда весьма неудачно отводились земли для поселенія крестьянъ, напримѣръ, на Аянѣ и на Амурѣ: многіе переселенцы перемерли, а другіе назадъ возвращались, остальные бѣдствовали. Какъ русскіе крестьяне, такъ и иноплемennые колонисты, отъ незнанія сибирскихъ мѣстностей и почвъ, и отъ неправильнаго указанія земель мѣстнымъ начальствомъ, часто должны были долгое время блуждать безпріютно по пустынямъ Сибири. Такъ, колоніи сомыльныхъ лютеранскаго исповѣданія испытали такия бѣдственныя странствованія по пустынямъ манусинскаго округа. Напримѣръ, 5 семействъ изъ нихъ, со скотомъ, почти цѣлое лѣто, въ 1847 году, тянулись на отведенную имъ землю, въ 200 верстахъ ниже Манусинска, вблизи Енисея. И что-же увидѣли, когда пришли? На первыхъ порахъ эти несчастные нашли голые, ска-

*) Док. IV. № 96.

***) Док. II, № 89, стр. 243—248.

листые берега Енисея, испытали продолжительныя бури надъ безплодною мѣстностью, увидали тощую и негодную степную траву, убѣдились въ недостатокѣ удобной земли и строеваго лѣса, словомъ, послѣ перваго обзора мѣстности, они пришли къ тому убѣжденію, что имъ предстоитъ лишь возможность поддержать свое жалкое существованіе единственно рыбной ловлей. Это обстоятельство вынудило путешественниковъ направиться на югъ, и опять, въ тоскѣ и невѣрности, блуждали они долгое время, все отыскивали землю плодородную, разбродясь только на зиму по русскимъ деревнямъ. Наконецъ, уже въ 1851 году, послѣ долгихъ, изнурительныхъ, безплодныхъ и разорительныхъ странствованій, они нашли искомую землю и поселились въ мѣстности, совершенно необитаемой, при рѣчкѣ (Сутугъ *). Точно также каждое лѣто тянутся въ Сибирь непрерывныя и длинныя вереницы горемычныхъ добровольныхъ переселенцевъ — крестьянъ, — и большая часть изъ нихъ идутъ туда на авось, безъ всякаго знанія почвъ, на которыхъ хотятъ поселиться, или зная вновь искомыя и выбираемыя земли только по невѣрнымъ, обманчивымъ слухамъ и преданіямъ. Худо, что этимъ переселенцамъ не сообщаются предварительныя, подробныя и точныя свѣдѣнія о почвѣ и климатѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ можно поселиться крестьянамъ, или куда они сами идутъ. На помощь имъ и вообще колонизаціи Сибири, у насъ какъ-то немыслимы ни компанія или общество колонизаціи, на подобіе французско-алжирскаго, или англо-американскихъ, ни какія-нибудь популярно-научныя вѣстники земледѣнія, которые бы распространяли въ народѣ точныя и подробныя знанія о русской и сибирской землѣ — знанія физико-географическія, климатическія, почвенныя или химическія и т. п. — Между тѣмъ, по причинѣ нераціональнаго выбора мѣстъ подъ населенія, — наши земледѣльческія колоніи часто жестоко страдали не только отъ вліяній климата и безплодья или истощенія почвъ, но и отъ другихъ мѣстныхъ физико-географическихъ вліяній. Не умѣя предотвратить разрушительныя дѣйствія природы, не зная средствъ протаводѣйствовать сокрушительнымъ силамъ стихій, — наши поселенцы не всегда умѣли и устроиться разумно, предусмотрительно и прочно. Если не пожары, не бури, то весенніе разливы рѣкъ и наводненія нерѣдко разрушали или потопляли цѣлыя волости. Напримѣръ, въ 1679 го-

* Записки Сибир. Отдѣл. Геогр. Общ. 1864. кн. VII, смѣсь, стр. 17—18.

ду, пашенные крестьяне чечуйской волости на Ленѣ жаловались: «въ 186 году, въ чечуйскомъ острожкѣ, судомъ божиимъ, вешнею водою, дворенна ихъ льдомъ изломало, и скотвишко и хлѣбные запасы и всякое борошнвишко потопило и насѣянные въ поляхъ великаго государя и ихъ крестьянскій хлѣбъ и сѣнные покосы и скотинные выпуски пескомъ и иломъ насадило**»). Въ 1660 году енисейскій воевода писалъ: «въ нынѣшнемъ, во 168 году, апрѣля противъ 17 числа, въ ночь, божіею волею, пришла вешняя большая вода изъ Тунгуски, съ Байкала озера, и изъ Енисея и изъ стороннихъ рѣкъ, и пошелъ ледъ, и тою большею водою енисейскій острогъ и въ посадѣ дворы поняло, и лдомъ сломило наугольную фроловскую башню, и отъ той башни, подлѣ Енисея рѣки, выломало острожной стѣны 170 сажень, и у жилецкихъ многихъ людей избы и дворы ихъ поломало и поносило и дома разорило; а въ енисейскомъ уѣздѣ въ деревняхъ, которыя деревни стояли и пашни были на низкихъ мѣстахъ, на лугахъ, и въ тѣхъ деревняхъ у енисейскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ насѣянный хлѣбъ, рожь, что сѣяна въ прошломъ во 167 году къ нынѣшнему ко 168 году, льдомъ скопало и водою смыло и снесло, и на тѣ-жъ сносныя земли, гдѣ были сѣяны ржи, послѣ большія воды, какъ та земля обсохла, многіе крестьяне сѣяли яровой хлѣбъ гдѣ была посѣяна рожь; и тѣ енисейскіе всякіе жилецкіе люди отъ того великаго потопа обѣднѣли и въ конецъ одолжали, и дома у многихъ разнесло, и впередъ чаемъ отъ воды надъ городомъ великаго дурна**»). Такъ стихіи природы, волны рѣкъ сносили съ лица земли и разрушали цѣлыя волости и города. Не умѣя предотвращать разрушительныя дѣйствія разливовъ рѣкъ, поселенцы не знали также никакихъ искусственныхъ средствъ завоевывать у природы и улучшать почвы на земляхъ неудобныхъ, напримѣръ, — болотистыхъ, кочковатыхъ, каменистыхъ и пр. И по невѣжеству своему, или умственному безсилію жаловались на безземелье, когда кругомъ было много земли подъ болотами или подъ кочками. Лепехинъ, во время путешествія своего по Россіи усмотрѣвшій вообще много умственныхъ недостатковъ въ нашихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, между прочимъ, писалъ о всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвою и Арзамасомъ: «рѣдко найдешь деревню, гдѣ бы крестьяне почитали себя довольными пахатною зем-

*) Доп. VIII, № 51, стр. 226.

***) Доп. IV, № 76. Также т. VII, № 74, стр. 348, № 38 стр. 205.

лею, но вездѣ жалуются на недостатокъ оной, хотя нерѣдко передъ глазами ихъ лежатъ обширныя мѣста, годныя во всякому плодородію. Я разумѣю болотистыя мѣста, которыя небольшими трудомъ изсушить можно. Они не только бы съ избыткомъ могли наградить трудъ тучною пашнею, но и много бы способствовали къ прекращенію другихъ вредностей, какія какъ сами крестьяне, такъ и скотъ въ разсужденіи здоровья чувствуютъ; не упоминая о препятствіи въ ростъ лѣсовъ и пахатныхъ произрастеній, да и самая ржа, нерѣдко побивающая хлѣбъ и скоту непріязненная, по большей части отъ болотныхъ мѣстъ начало свое имѣетъ. На мѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ, употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашень, который *новикою* называютъ... Такого распространенія пашень во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки; ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко обширныя палестины лѣса выгораютъ.»^{*)} Въ Сибири, въ новоустроенныхъ поселеніяхъ, на новыхъ, свѣжихъ почвахъ, чуть, по выраженію актовъ, *выпахивалась земля*,—поселенцы непремѣнно страдали отъ безхлѣбья, бѣднѣли, били челомъ царю о помощи, о хлѣбной и денежной ссудѣ изъ казны, и, не зная никакихъ средствъ возстановить или усилить плодородіе почвы, не находили никакого другаго исхода, кромѣ переселенія на новую землю, или полученія хлѣба изъ казенныхъ житницъ: иначе разбродились врознь. Такъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, въ софійскихъ слободахъ, по словамъ акта 1658 года, «учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпахались, крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали великими долги», — и одно только средство знали они, какъ избавиться отъ истощенія почвы и хлѣбнаго недороду — занятіе и распашку новыхъ земель по р. Пышмѣ.***) «На Ленѣ,—писалъ въ 1679 году якутскій воевода, — пахатныя земли выпахались, хлѣбъ не родится»,—и вслѣдствіе этого въ Якутскѣ помирали съ голоду, ѣли сосновую кору и всякую мерзость, а другіе разбродились врознь.***) Вообще, не естественно-научными знаніями руководилась земледѣльческая колонизація и культура, а шла, по словамъ актовъ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, распространялись по непосредственному указанію природы, вполне и рабски подчиняясь топо-

*) Дневн. Записки вѣд. 1795 г. ч. I стр. 62—63.

**) Доп. IV, № 55.

***) Доп. VIII, стр. 234.

географическимъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. И вотъ, земледѣльческія поселенія наши завоевали въ умственномъ и рутинномъ рабствѣ передъ природою, передъ законами климата, нечеловѣчьи и, вслѣдствіе того, въ застоѣ и бѣдности *).

Вѣковое преобладаніе въ Россіи земледѣльческой колонизаціи и культуры надъ распространеніемъ и индустриальнымъ развитіемъ городовъ не совсѣмъ выгодно было для умственного саморазвитія русскаго народа. Народъ нашъ, въ сравненіи съ европейскими передовыми націями, стоитъ на низшей ступени гражданственности и умственного развитія, между прочимъ, именно отъ того, что онъ всегда былъ главнымъ образомъ земледѣльческимъ народомъ. А націи и государства чисто земледѣльческія всегда развиваются съ особенною медленностью, и долго кочуютъ на одной и той-же ступени умственного состоянія. Исключительно земледѣльческая колонизація и культура, по причинѣ существенной и пассивной зависимости своей отъ природы, гораздо болѣе, чѣмъ бытовья и умственныя условія городовъ, благопріятствовала развитію предрасудковъ и суевѣрія.

Въ Россіи, кромѣ неснанія законовъ метеорологическихъ, вообще

*) Извѣстный нашъ государственный умъ, Мордвиновъ, писалъ: «Народъ просто земледѣльческій всегда бываетъ бѣденъ, и въ случаѣ неурожаевъ не имѣетъ даже способовъ избавиться отъ голода... Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселеній, то великая площадь, занимаемая въ руссіискомъ государствѣ 12 милліонами сихъ мужес. и женск. пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго ховіаства, не можетъ не оставаться на долго въ дикоиъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою скребуть землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожая даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятииѣ накапываютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы пятятся соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ мякинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 милліоновъ душъ достаточнаго стянканія отъ нихъ ожидать невозможно. Нѣтъ на семь великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго руссіискаго государства и могущемъ вмѣстити нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадьбъ, ни богатыхъ на явивакъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земель орудій, ни руководимыхъ заводскій, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія инаго, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, моущихъ просвѣщать, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій въ возржденію впредъ благоустройства. Какое неизобразимое великой части ниверіи состояніе! Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяюще ея 12 милліоновъ пахотелей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставляемы будутъ безъ всякаго просвѣщенія». (О причин. разстройства. въ Россіи. Чтен. моск. общ. истор. 1860 г. кн. 1, отд. V, стр. 31).

познаніе природы, въ теченіи первоначальной колонизаціи и культуры, породило въ земледѣльческихъ поселеніяхъ много всякаго рода суевѣрій. *) При отсутствіи въ древней Россіи естественно-научнаго образованія и промышленной гонимой дѣятельности, — устроившіяся въ темныхъ, дикихъ лѣсахъ земледѣльческія поселенія, во всѣхъ своихъ основахъ и отправленіяхъ, проникнуты были суевѣріями и предрасудками. Возникало ли вновь село, — происхожденіе его составляли какииъ нибудь чудомъ. **) Удачный выборъ новаго мѣста для поселенія обуславливался и гарантировался не разумнымъ расчетомъ удобствъ, а суевѣрными примѣтами и знаменіями. Когда хотѣли селиться на новое мѣсто, рубить лѣсъ и ставить дворъ, то прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ обрядамъ. Между прочимъ, лечебникъ давалъ такія правила: «когда хочешь дворъ ставить на новомъ мѣстѣ, или избу, или иные которые хоромы, и ты вели испечь три хлѣба маленькіе: вынь ихъ изъ печи, и подложи одинъ хлѣбецъ подъ назуху, а другой подъ другую, а третій положи на сердце, и вшедши на то мѣсто, гдѣ хочешь избу ставить, и ставъ на томъ мѣстѣ, спусти на землю тѣ три хлѣбца подназущные и отъ сердца. И если всѣ три хлѣбца лягутъ къ верху коркою верхнею, то мѣсто добро: тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставъ избу и всякіе хоромы; если-же лягутъ вверху исподнею коркою, тутъ не ставъ и то мѣсто погинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ къ верху верхнею коркою, еще ставъ—добро; когда же падеть одинъ хлѣбецъ къ верху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вали ставить на томъ мѣстѣ.» Вотъ какими соображеніями руководствовались и до сихъ поръ руководствуются наши крестьяне, окруженные непроницаемой тьмой невѣжества.

Точно также народъ имѣлъ свой взглядъ на годовыя перемѣны и вліянія погоды. Въ сборникахъ, напримѣръ, распространялись такія сказанія о вліяніи праздниковъ на погоду и плодородіе: «аще будетъ рождество христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду пооскудно, скотомъ и овцамъ пагуба; аще будетъ рождество христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру; аще будетъ прилу-

*) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ историч. очеркахъ интеллектуальнаго или умственнаго развитія народонаселенія, въ исторіи земледѣльческаго народнаго міросозерцанія.

**) Владим. Сборн. стр. 67.

чится рождество христово во вторникъ, то зима велика и снѣжна, жатва ведрена, очень добра, овощей и меду и пряныхъ земель пооскуду, скотомъ и овцамъ пагуба, и женскому полу болѣзненно», и т. д. *) Подъ вліаніемъ такого міровоззрѣнія, земледѣльческія поселенія руководствовались разными примѣтами и мистическими понятіями при взглядѣ на природу.

Такъ, въ сборникѣ пословиць, изданномъ Далеми, земледѣльческіи мѣсяцесловъ заключаетъ въ себѣ до 983 суевѣрныхъ примѣтъ. Кроме того, въ томъ же сборникѣ напечатано до 560 суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій, относящихся собственно къ земледѣлію и погодѣ. (Чтен. общ. истор. 1862 г. кн. 1, стр. 970—1029). И развитіе земледѣльческаго суевѣрія довело, такимъ образомъ, сельскія поселенія до глубокаго умственного рабства. — Суевѣріе до того наконецъ сдузило сферу земледѣльческаго міросозерцанія и культуры, что кромѣ немногихъ видовъ хлѣбовъ и нѣкоторыхъ огородныхъ овощей, — многіе изъ нашего народа не только не находили нужнымъ и не умѣли, но даже считали излишней, грѣховной затѣей — разводить какія-нибудь другія растенія.

Расколъ возвѣстилъ ученіе, что такія произведенія, какъ табакъ, картофель — богомерзкія, чортовы произрастенія, и съ фанатическимъ отвращеніемъ возсталъ противъ производства и употребленія этихъ растений. Въ рукописяхъ раскольниковъ, ходящихъ по рукамъ, встрѣчаются, напр., слѣдующія наставленія: «Аще кто изъ православныхъ дерзнетъ пить чай, отчезетъ самага Господа І. Х. троевратно; аще кто дерзнетъ пить кофе, въ томъ человекъ будетъ кѣвъ лукавнѣй, не будетъ благодати божіей. Возниче трава бѣсовская — табакъ». Картофель, по рукописямъ раскольниковъ, выросъ изъ трупа какого-то царя, котораго народъ считалъ богомъ. «На VII вѣкѣ приплодился онъ — картофель по всей землѣ и возлюбятъ губину — сирѣчь картооіи **»). Въ пословицахъ, изданныхъ Далеми, подъ словами: *изувѣрство — расколъ*, читаемъ такія раскольничьи бредни: «Чай, кофе, картофель, табакъ — прокляты на семи вселенскихъ соборахъ. Пагуба душевная и тѣлесная: чай, кофе, табакъ. Картошка проклята, чай двою проклятъ, табакъ да кофе трою. Разводить и продавать картофель еще можно, но ѣсть грѣшно. Не сѣт-

*) Сборн. Слов. Библ. № 889. Пам. стар. р. кит. III, стр. 157—158.

***) Матер. для географ. и стат. Россіи. Казанск. Губ. стр. 476.

ное, проклятое быліе, еже по еллински обиліе т. е. картофель. Кто шофе пьеть, того Богъ или громъ убьеть. Кто пьеть чай, тотъ спасенія не чай. Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ христіанскія сердца—сгубила всѣхъ до конца. Корень горести высь прозябаетъ—табакъ. Кто табакъ пьеть т. е. нюхаетъ да курить—Святаго Духа изъ себя турить», и т. п.*). Въ рукописяхъ старовѣрскихъ встрѣчаются даже цѣлыя легенды или большія повѣсти о нечистомъ происхожденіи и богопротивности картофеля и табака **). Вслѣдствіе такого нелѣпнаго взгляда, въ XVII в. само правительство нѣкоторое время запрещало разводить табакъ, а впоследствии цѣлыя селенія готовы были бунтовать противъ разведенія картофеля. Извѣстны такъ называемыя *картофельныя бунты*.

VI.

Съ другой стороны, сильная зависимость земледѣльской колонизаціи и культуры отъ климата, почвы и вообще отъ природы была естественной причиною умственного застоя земледѣльческихъ поселеній въ социальномъ отношеніи. Какъ отъ непанія законовъ метеорологическихъ и отъ совершеннаго отсутствія духа изслѣдованія и естествознанія сильно развилось въ земледѣльческихъ поселеніяхъ суевѣріе,—такъ отъ непанія законовъ естественно-историческихъ и социальныхъ, отъ совершенной неразвитости политическаго смысла сильно развилось и укоренилось невѣжество и суевѣріе социально-экономическое. И главной причиною этого была именно умственная подавленность земледѣльческихъ поселеній, подъ гнетомъ тяготящихся надъ земледѣліемъ законовъ природы. Только всестороннее естественно-научное развитіе просвѣщаетъ умственный горизонтъ общественнаго міросозерцанія и самосознанія, даетъ людямъ свѣтъ — опознаться въ сферѣ природы и жизни, осмысливаетъ и эманципируетъ отъ гнета природы бытѣ и складѣ общества, раскрываетъ истинныя причины общественныхъ недостатковъ, истинныя условія и средства ихъ исправленія и, наконецъ, истинныя законы общественнаго строя и развитія. Безъ этого, непонятые законы природы,

*) Послов. вѣд. Далемъ въ Чтен. Общ. стр. 15.

***) Пам. стар. р. лнт. вып. II, стр. 427 — 435. У меня есть такая же рукописная легенда о происхожд. картофеля.

дѣйствующіе въ общественныхъ явленіяхъ, наказываютъ общество не только деморализаціей, слабостью и пассивностью силъ общественныхъ, бѣдствіями физическими и экономическими и, наконецъ, суевѣріемъ или слѣпымъ умственнымъ рабствомъ и стрижомъ передъ природой, но и глубокимъ умственнымъ коснѣніемъ. Такимъ путемъ у насъ, въ древней Россіи, первоначальное прирѣзленіе крестьянъ къ землѣ мало по малу обратилось въ полное крѣпостное рабство.— Климатическіи или метеорологическіи неудачи земледѣлія и постепенное истощеніе почвы, при господствовавшемъ въ старину вѣстовеніемъ, хищническомъ хозяйствѣ, безвозвратно поглощавшемъ у почвы минеральныя и органическія производительныя силы, также естественно воли земледѣльческіи поселенія къ застою и лишенію гражданской свободы. Въ концѣ XVI в. и въ XVII столѣтіи великорусская земля была заселена уже довольно плотно; массы народа, въ XVI вѣкѣ и даже въ началѣ XVII столѣтія, еще не уходили въ Сибирь на новыя почвы, а наполняли и обрабатывали старыя великорусскія земли. Вслѣдствіе этого, почва великорусской земли естественно истощилась, особенно при тогдашней, крайне-перациональной, хищнической культурѣ. А часто случавшееся, въ тоже время, раннее и внезапное наступленіе морозовъ, на истощенныхъ почвахъ еще болѣе учащало случаи хлѣбныхъ недородовъ, на которые въ XVII вѣкѣ крестьяне постоянно жаловались. По такимъ естественнымъ причинамъ, именно вслѣдствіе обѣднѣнія почвы и частыхъ неурожаевъ, крестьяне, по собственнымъ словамъ ихъ, «обнищавшіе и оскудѣвшіе до конца и должавшіе великими долгами» для собственнаго прокормленія и для уплаты долговъ и государственныхъ налоговъ, невольно подвергались въ XVII в. кабалѣ и рабству. Въ самомъ дѣлѣ, чуть истощенная почва не родила хлѣба или морозъ побивалъ посѣвы, крестьяне толпами бѣжали въ вотчинныя и помѣщичьи слободы, села и деревни, охотно обращались въ закладчиковъ и захребетниковъ за сильныхъ людей, за богатыхъ землевладельцевъ и такимъ образомъ поступали въ зависимость отъ нихъ,— въ зависимость, которая послѣ окончательна, и *de facto* и *de jure*, сдѣлалась крѣпостнымъ рабствомъ. Толпы сельскихъ людей, не имѣя на столько силъ или энергіи, чтобы заставить почву прокармливать себя, шли въ боярскіе и вообще земледѣльческіе дворы, и часто изъ-за куска хлѣба, изъ-за одного прокормленія закабались въ вѣчныя холопы. Дибихъ прекрасно раскрываетъ этотъ естественный процессъ порабощенія и униженія земледѣльцевъ; вслѣдствіе истощенія почвы.

«Наибольшая свобода и независимость, говорить онъ, составляетъ удѣлъ земледѣльца, владѣющаго такимъ участкомъ земли, который онъ и его дѣти могутъ обработать собственными руками, который достаточно производитель, чтобы дать возможность уплачивать требуемые государствомъ налоги, и доставить ему съ семействомъ средства къ удовлетворительному существованію и нѣкоторой степени благосостоянія; увеличеніе семейства составляетъ для него благословіе. Если, вслѣдствіе истощенія и обѣднѣнія почвы, свободный земледѣлецъ исчезаетъ, то съ нимъ вмѣстѣ угасаетъ истинная гражданская доблесть и любовь къ отечеству, потому что въ земледѣльцѣ сохраняются религіозныя убѣжденія и привязанность къ землѣ, на которой онъ родился, которую онъ обрабатываетъ и холитъ; болѣе другихъ онъ способенъ цѣнить дары природы, живительный лучъ солнца и плодотворный дождь; что былъ бы онъ безъ нихъ? Его небольшой участокъ, которымъ онъ живетъ; для него дорога; онъ цѣнитъ его не деньгами, онъ имѣетъ для этого болѣе вѣрный масштабъ. Но если въ своемъ невѣдѣніи онъ нарушаетъ законы природы и противодействуетъ имъ, — онъ долженъ получить за то возмездіе; его трудъ и заботы, его прилежаніе къ обработкѣ своихъ полей только ускоряютъ ихъ истощеніе. Для него наступаетъ наконецъ тяжелое время, когда истощенная почва не даетъ ему столько, чтобы пропитать его съ семействомъ. Онъ не понимаетъ причины своего обѣдненія и приписываетъ разнымъ другимъ причинамъ уменьшенія урожая, никогда не попадая на настоящую. Онъ надѣется, что придутъ лучшіе годы, и прибѣгаетъ, для покрытія настоятельныхъ нуждъ, къ займамъ; сборщики податей наконецъ заставляютъ его продать хлѣбъ еще на корнѣ, песжатымъ; послѣ нѣсколькихъ генерацій участокъ переходитъ въ руки землевладѣльцевъ. Изъ нѣсколькихъ небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ возникаетъ тогда большое хозяйство; крупный землевладѣлецъ прогоняетъ семейство земледѣльца и оставляетъ только рабочія руки», и пр. *). Такимъ естественно-историческимъ путемъ и у насъ изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ и поселеній составились большія землевладѣльческія крѣпостныя имѣнія, и къ концу XVIII вѣка захватили въ свое крѣпостное владѣніе большую часть такъ называемыхъ *черныхъ волостей*—единственныхъ свободныхъ сельскихъ общинъ, еще существовавшихъ въ XVIII вѣкѣ. Вообще, земля дѣлала

*) Химія въ приложеніи къ земледѣлію, стр. 69—70.

всѣхъ земскихъ людей служебными, крѣпостными государства, и земледѣльцовъ въ особенности. Когда царь Иванъ Грозный постановилъ государственнымъ закономъ, чтобы *земля изъ службы не выходила*, — земледѣльцамъ уже невозможно было быть свободными, некрѣпкими землѣ и землевладѣльцамъ, неслужебными и повинными государству. А потомъ, безсиліе въ борьбѣ съ природой на томъ тяжкомъ, многотрудномъ вѣковомъ пути, куда шолъ топоръ, шла коса и соха, частые, внезапные и совершенные подрывы всѣхъ расчетовъ, какія неумолимо и неотвратно производились физическими законами климата, истощенной почвой и неурожаями, постоянная необходимость, вслѣдствіе того, посторонней помощи, поддержки и опеки въ случаѣ неурожаевъ — вотъ окончательные мотивы къ умственному застою земледѣльческаго населенія, къ крѣпостной зависимости и подчиненію. Когда истощалась почва и были частые неурожаи, — крестьяне невольно, по собственнымъ жалобамъ ихъ, «обнищали и оскудали до конца» и, вслѣдствіе того, или «задолжали великими долгами» и потомъ за долги закабалались заимодавцамъ, или «разбродились врознь», или селились въ слободы и села богатыхъ землевладѣльцевъ закладчиками и захребетниками за сильныхъ людей, и потомъ становились крѣпостными ихъ. Все, такимъ образомъ, вело или прямо къ крѣпостному рабству, или вообще къ несвободному, зависимому положенію. А за тѣмъ уже, на нихъ, обнищавшихъ и оскудѣлыхъ до конца, не имѣвшихъ никакой могучи, легко было наложить всякаго рода крѣпостное иго. И вотъ, они съ XVII вѣка погружались въ немъ, и съ тѣхъ поръ закоснѣли въ совершеннѣйшей неразвитости и неподвижности. Никакой разумно-сознательной идеи не осмыслены были азіатски-дикія движенія крѣпостныхъ массъ въ бунтъ Стеньки Разина, въ Пугачевщинѣ. Безмысленны, суевѣрны и ложны также и всѣ политическія ученія раскольничьихъ общинъ. Не было никакой разумно-сознательной идеи въ политическихъ движеніяхъ и эмиграціи нашихъ разныхъ сектъ. Тогда какъ, напри- мѣръ, пуритане, эмигранты Англіи, поселились въ Новомъ Свѣтѣ, на берегахъ Новой Англіи, во имя *идеи*, во имя человеческого братства и основали цвѣтущія, свободныя колоніи (штаты Коннектикутъ, Роде-Айландъ, Массачусетъ, Вермонтъ, Нью-Гемпширъ, Майнъ), создали новую, поучительную для человѣчества общественную организацію, — наши сектанты, какъ безмысленныя стада или овцы безъ пастыря, бѣжали, гонимые однимъ страхомъ гоненій, безъ

всякой разумной, ясно-сознательной идеи, на окраины Россіи, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Турцію, въ Австрію, въ Польшу. И колеблѣнія ихъ были или жалкимъ скопищемъ грубаго стараго суевѣрія и невѣжества, какъ наприм. Вятка, стародубскіе слободы, скиты поморскіе и нижегородскіе и проч., или сбродомъ хищниковъ и разбойниковъ, какъ наприм. поселенія алтайскихъ каменщиковъ, или ассоціаціями мистико-спиритуалистическаго направленія, совершенно чуждыми истиннаго понятія о духовной свободѣ человѣческой, каковы, напримѣръ, общины духоборцевъ, на Мочочныхъ Водахъ, и т. п.

VII.

Наконецъ, обратимъ вниманіе изслѣдователей исторіи русскаго народа на фзіолого-географическія условія земледѣльческихъ поселеній. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ своего Будена (Boudin), который бы составилъ намъ подробную медицинскую географію. Мы поневолѣ должны ограничиться только общей и поверхностной замѣткой нѣкоторыхъ гигиено-статистическихъ и медицинско-географическихъ вопросовъ земледѣльческой исторіи.

Мѣста жительства, города и села, говоритъ Кетлѣ, имѣютъ вліяніе на цифры плодовитости жителей. По 10-лѣтнимъ выводамъ бельгійскимъ, съ 1803—1813 г., найдено, что 100 браковъ производятъ въ городахъ 484 рожденія, а въ селахъ 450. Что касается до энергіи плодовитости по отношенію къ населенію, то въ большихъ городахъ оно превосходитъ силу плодовитости сельскихъ общинъ. По таблицѣ, напечатанной въ *Bulletin des sciences géographiques* за апрѣль 1831 г., главные города даютъ 1 рожденіе на 22,4 жит., и такихъ городовъ до 78. Города, представляющіе крайніе предѣлы, суть: Утрехтъ 19,0; Ливерпуль, 18,0; Опорто, 19,6... Лондонъ, 40,8; Петербургъ, 46,7. Въ Бельгіи число рожденій, относительно населенія, также въ селахъ меньше, въ городахъ—больше. Именно, въ селахъ рожденіе къ населенію относится какъ 1 къ 30,4, а въ городахъ 1 къ 29,1, въ теченіи 1825—29 г. Ясно, слѣдовательно, что въ городахъ представляется больше причинъ, дѣйствующихъ на плодородіе, чѣмъ въ деревняхъ*). У насъ, въ Россіи, и теперъ еще большая часть го-

*) Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale, par A. Quetelet (1836) t. I. p: 86—88.

родовъ не много разнятся и даже почти ничѣмъ не разнятся отъ сель-, и потому находятся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ плодородія. Въ старину же, города или посады, по плодovitости жителей, еще менѣе разнились отъ сельъ. Разница стала замѣчаться только съ развитіемъ въ Россіи большихъ, столичныхъ и губернскихъ городовъ. По нѣкоторымъ даннымъ, теперь и у насъ оказывается, что сельскія поселенія менѣе благоприятствуютъ плодородію, чѣмъ городскія, и особенно менѣе, чѣмъ лучшіе губернскіе города. Напримѣръ, въ костромской губерніи, въ уѣздныхъ, большею частію земледѣльческихъ поселеніяхъ, максимумъ рождаемости относится къ суммѣ населенія такъ 54 : 1000, а минимумъ какъ 39 : 1000. А въ поселеніяхъ городскихъ число рожденій или сила рождаемости къ суммѣ городского населенія находится въ пропорціи 69 : 1000. Это отношеніе очевидно показываетъ, что плодородіе между сельскимъ населеніемъ слабѣе, чѣмъ между городскими жителями. Причина этого ясно заключается въ наибольшемъ довольствѣ городскихъ поселеній въ сравненіи съ сельскими *). Въ виленской губерніи также ежегодное приращеніе сельскаго населенія отъ прибыли новорожденныхъ составляетъ только 1,4%, а въ городахъ, гдѣ ежегодно рождается среднимъ числомъ до 2,962 душъ об. п., ежегодное приращеніе новорожденныхъ равняется 3,8% **)— За то сельскія поселенія, вообще, больше благоприятствуютъ живучести, долголѣтності населенія, чѣмъ городскія. «Между мѣстными причинами, имѣющими вліяніе на смертность, говоритъ Кетлѣ, несомнѣнно вліяніе мѣста жительства въ городахъ или селахъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, вотъ результаты послѣднихъ лѣтъ (его времени):

	Населеніе:	Среднее число смертныхъ случаевъ:	1 смертный случай на
городовъ	998,118	27,026	36,9 жителей
деревень	3,066,094	65,265	46,9 —

Ясно, что смертность городская относится къ смертности сельской почти какъ 4 къ 3 ***)). По социально-физическимъ изслѣдованіямъ вообще оказывается, что земледѣльскія поселенія гораздо меньше под-

*) Матер. для геотраф. и статист. Россіи. Костромской губерніи. стр. 180.

**) Виленск. губерніи. (Мат. для геогр. и стат. Р.) стр. 342—348.

***) Sur l'homme, par A. Quetelet. t. I, p. 147—149.

лежать смертности, чѣмъ мануфактурныя. «Статистики, говоритъ Бетле, теперь уяснили, что шансовъ для смертности гораздо болѣе въ странахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ аграрныхъ, земледѣльческихъ, и больше въ окрестностяхъ и внутри большихъ городовъ, чѣмъ среди сельскихъ общинъ. Если мы взглянемъ на Англію, то найдемъ весьма ясныя различія между провинціями мануфактурными и провинціями аграрными. Вотъ нѣкоторые результаты, которые сообщилъ относительно этого предмета М. Villetmé, за годы 1813—1830 включительно:

Въ мѣстностяхъ:	Изъ 10,000 смерт. случаевъ приходится	
	Въ возрастъ до 10 лѣтъ.	Отъ 10 до 40 лѣтъ.
Въ общинахъ земледѣльческихъ дистриктовъ.	3505	3142
Въ общинахъ дистриктовъ частью земледѣльческихъ, частью мануфактурныхъ.	2828	3318
Въ общинахъ мануфактурныхъ дистриктовъ	4355	3727

Очевидно, что здѣсь всѣ преимущества на сторонѣ дистриктовъ земледѣльческихъ. Въ Нидерландахъ провинція болѣе земледѣльческая de Gueldres, и смертный случай въ ней только 1 на 53,7 индивидуумовъ; между тѣмъ какъ въ коммерческихъ провинціяхъ Голландіи смертность относится какъ 1 къ 35. Въ Бельгіи, меньше всего насчитываютъ смертныхъ случаевъ въ провинціяхъ de Luxembourg, de Natur и de Hainaut; а эти провинціи—существенно земледѣльческія, хотя двѣ послѣднія и имѣютъ города мануфактурные... Ясный знакъ, что состояніе болѣе благоприятное чловѣку, есть то состояніе регулярной жизни, которое достаточно обезпечиваетъ его нужды и не агитируетъ его страстями, или нерегулярностью городской жизни. Въ земледѣльческихъ занятіяхъ чловѣкъ преимущественно находитъ состояніе довольства, обезпеченности; онъ не подвергается, какъ въ странахъ мануфактурныхъ, альтернативамъ роскоши и нужды,» и проч. *). Сообразно съ такимъ естественно-соціальнымъ принципомъ,

*) Sur l'homme, par Quetelet I, 216.

и въ Россіи земледѣльческія поселенія заключали въ себѣ менѣе условій смертности, чѣмъ городскія. Напримѣръ, въ такихъ большихъ мануфактурныхъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, смертность неизбежно сильнѣе, чѣмъ въ селахъ, особенно занимающихъ здоровыя и удобныя мѣстности. Въ виленской губерніи, въ городахъ среднимъ числомъ ежегодно умираетъ 3,295 обоого пола душъ, или изъ числа городского населенія ежегодно умираетъ 4,2%. Превышеніе умершихъ надъ родившимися равняется 0,4%. Между тѣмъ какъ въ сельскихъ поселеніяхъ ежегодное приращеніе отъ перевѣса родившихся надъ умершими составляетъ 1,4%. Ежегодное уменьшеніе городскихъ жителей, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ образа и способовъ городской жизни*). Въ костромской губерніи, максимумъ умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 36 изъ 1000 душъ, напр. въ костромскомъ уѣздѣ 36 на 1000, въ нерехтскомъ 35, въ буйскомъ 33 и т. д. минимумъ умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 22 изъ 1000 душъ, напр. въ варнавинскомъ уѣздѣ 22, въ солигаличскомъ 24. Въ городахъ же костромской губерніи изъ 1000 человекъ умирало въ годъ, среднимъ числомъ, 57 душъ. Смертность между городскими жителями, — замѣчаетъ г. Крживоблоцкій, — сильнѣе, чѣмъ между сельскими обывателями**). Въ казанской губерніи, въ большей части сельскихъ поселеній, въ 1848 до 1858 г., смертность уменьшилась на 6%, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ Казани изъ 100 умирало 8, 3, 9, 5 и даже 10%.

Впрочемъ социальнo-физическій законъ наименьшей смертности въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и наибольшей въ городскихъ часто видоизмѣняется или реагируется въ своемъ дѣйствіи другими естественными условіями и законами — физико-географическими. Климатъ разныхъ странъ и областей, безспорно, имѣетъ вліяніе на рождаемость и смертность, какъ земледѣльческихъ, такъ и городскихъ поселеній. М. Benoiston de Châteaufort, въ своихъ сочиненіяхъ sur l'intensité de la fécondité en Europe, au commencement du XIX siècle, говоритъ: «Если раздѣлить Европу на два климата, изъ которыхъ одинъ, начиная отъ Португаліи и кончая Pays-Bas, распространяется такимъ образомъ отъ 40° до 50° с. ш., и характеризуетъ югъ; между тѣмъ какъ другой, идя отъ Брюсселя до С.-Гольма, отъ 50° до 67° с. ш., опредѣляетъ сѣверъ, то окажетъ

*) Виленск. губ. матер. для геогр. и стат. Р. стр. 343.

**) Костром. губ. матер. для географ. и стат. Россіи, стр. 183—184.

что въ первомъ 100 браковъ даютъ 457 рожденій, а во второмъ тоже число союзовъ производятъ только 430 рожденій. Различіе окажется еще больше, если сравнить между ними двѣ крайнія температуры. Въ Португаліи приходится 5,10 дѣтей на бракъ, а въ Швеціи только 3,62. Наконецъ, въ самой Франціи можно найти новое доказательство этого наблюденія. Плодородіе, говоритъ Могеау, умножается во Франціи съ сѣвера на югъ. Здѣсь средній терминъ рожденія 5,03 на ежегодный бракъ; а въ провинціяхъ сѣверныхъ только 4,64. Старый выводъ и теперь истина для насъ. Въ южныхъ провинціяхъ (Дофинэ, Лангедокъ, Провансъ) среднее число рожденій, за 5 лѣтъ (1821—25), представляетъ 4,34 на бракъ; а во Фландріи и Пикардіи оно только 4,00 *). У Кетле находится еще слѣдующее наблюденіе:

1 смертный случай приходится

На сѣверѣ Европы на 41,1 жителя.
 Въ центрѣ . . . — 40,8 —
 На югѣ . . . — 33,7. —

Обращаясь къ Россіи, мы хотя и не находимъ подробныхъ статистическихъ фактовъ, но можемъ сдѣлать нѣкоторые приблизительныя заключенія. Статистическія таблицы за 1856 годъ принимаютъ, на примѣръ:

	1 рожденіе.		1 смертный случай.
Въ Сибири	на 27,62 жителя	на	40,00 жителей.
— Кавказскомъ намѣстничествѣ	— 26,74 —	—	— 36,90 —
Въ европейскихъ губерніяхъ и областяхъ	— 23,04 —	—	— 28,05 —

Очень естественно можетъ быть, что въ кавказскомъ намѣстничествѣ, съ одной стороны, жаркій климатъ долинъ, съ другой стороны—холодъ снѣжныхъ альповъ Кавказа, и особенно болотныя миазмы, производящія тамъ гибельные изнурительные поносы болотнаго худосочія, послѣ перемежающихся лихорадокъ,—всѣ эти причины, во взаимодѣйствіи, уменьшаютъ силу рожденій и увеличиваютъ смертность. Въ Сибири, напротивъ, слишкомъ холодный кли-

(*) Quetelet, I, 82—84. Вилерме говоритъ les époques du maximum et du minimum des conceptions avancent dans les pays chauds, et retardent dans les pays froids, surtout l'époque du minimum.

мать восточно-континентальный и ледовито-тундренный, въ связи съ этнологическими и народно-бытовыми условиями, уменьшая возбужденность и даже возможность излишних супружеских сочетаний, убиваетъ или ослабляетъ энергию рождаемости; а съ другой стороны, заставляя родившихся въ привычку къ суровымъ, но здоровымъ морозамъ и не обуславливая болотныхъ лихорадокъ и отравлений, болотныхъ нахексій, смертоносныхъ изнурительныхъ поносовъ и т. п. болѣзней, какіе обычны въ жаркихъ и болотныхъ мѣстностяхъ Кавказа, такимъ образомъ естественно уменьшаетъ смертность *). Въ европейской же Россіи, въ центральныхъ областяхъ, умѣренно холодный климатъ очень благоприятствуетъ рождаемости и уравниваетъ ее съ смертностью. — Еще въ 1819 году Каразинъ, составляя свое «статистическое обозрѣніе слободско-украинскихъ губерній», нашелъ, что южные, слободско-украинскія поселенія, въ 1808 и 1811 г. давали среднимъ числомъ такія отношенія къ числу жителей:

рожденій.	смертныхъ случаевъ.	браковъ.
1:23	1:28	1:109.

Въ сѣверной, вологодской области отношенія были уже менѣе выгодны: рождался 1 на 25, умиралъ 1 изъ 30, бракъ заключался въ числѣ 113 жителей. А еще сѣверо-восточнѣе, въ тобольской губерніи, въ то же время, заключался только 1 бракъ въ числѣ 119 жителей, слѣдовательно и рожденій было менѣе**).

По отношенію къ народному здоровью и правильному физиологическому развитію, весьма важное значеніе имѣютъ мѣста народнаго поселенія, и ихъ физико-географическій и топографическій характеръ. Изъ ряда цифръ Кетле заключаетъ, что смертность менѣе въ умѣренныхъ климатахъ, чѣмъ на сѣверѣ и на югѣ, и что она болѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. «Если, говорить онъ далѣе, — разсматривать каждую страну въ частности, то найдутся, по мѣстностямъ, большія различія. Такъ во Франціи департаментъ de l'Orne

*) „Остѣи, говоритъ Георгіи, по причинѣ суроваго воздуха не могутъ размножиться, однакожъ число ихъ и не уменьшается. (Опис. нар. ч. I, 67), Живущиіи самоѣдовъ, пишетъ онъ же, не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать... Суровый поясъ ихъ страны конечно также причиною тому... Однакожъ онѣ и отъ обыкновенныхъ у нихъ болѣзней — горячекъ и лихорадокъ мало умираютъ, доживаютъ до 60 и до 70 лѣтъ [ч. III, 5.] по Лепехину и до 100 лѣтъ (Дневн. записки IV, 276).

**.) Въ чтен. общ.

дасть только 1 смертный случай на 52,4 жителя, а департаментъ du Finistère дасть 1 смертный случай на 30,4 жителей, — различіе весьма значительное для мѣстъ столь близкакъ. Въ странѣ des Pays-Bas и за десятилѣтній періодъ, 1815 — 1824 г. въ провинціи Зеландіи считали 1 смертный случай на 28, 5 жителей, въ провинціи de Namur не насчитывали болѣе 1 смертнаго случая на 51, 8 жителей. Надобно замѣтить, что большая смертность почти всегда идетъ въ уровень съ большимъ плодородіемъ. Такъ, напримѣръ, въ указанныхъ мѣстностяхъ:

ЖИТЕЛЕЙ.

	на 1 рожденіе	на 1 бракъ	на 1 смертный случай
Въ департаментѣ			
de l'Orne	44,8	147,5	52,4.
— du Finistère . .	26,0	113,9	30,4.
Въ провинціи de			
Namur	30,1	141,0	51,8.
— de Zeland . . .	21,9	113,2	28,5.

И такъ, Зеландія и департаментъ финистерскій производятъ мало браковъ, роженій и смертныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ противное представляютъ департаментъ орнскій и провинція намюрская. Столь большія разности произошли не отъ фальшивости счетовъ, а отъ мѣстныхъ причинъ. Въ провинціи зелаидской, напримѣръ, которая вся находится въ атмосферѣ влажной, сырой, господствуютъ горячки и другія болѣзни, которыя и обусловливаютъ наибольшую смертность, какъ мы замѣтили. Вслѣдствіе этого, населеніе, которое постоянно стремится удержаться въ уровнѣ существованія и численности, производитъ приращеніе, какое мы замѣтили въ роженіяхъ и бракахъ *). Изучая вліяніе мѣстности на поверх-

*) Sur l'homme, Quetelet t. 1, 444—452. Ce que nous observons dans ces provinces, peut se remarquer encore dans d'autres pays, où l'on voit également marcher de front une grande fécondité et une grande mortalité, et réciproquement. L'Algèrerie et la république de Guanaxuato au Mexique, en donnent des exemples frappans; ainsi, l'on compte:

Habitans	pour		
	un mariage.	une naiss.	un décès
En Angleterre	134,00	25,00	58,00.
Dans la république de Guanaxuato	69,76	46,06	19,70.

Ca sont, pour ainsi dire, les deux extrêmes limites dans l'échelle de la population, et l'on pourrait ajouter peut-être dans l'échelle de la civilisation. On peut dire qu'un pays passe à un état plus prospère, quand il donne la vie à moins de citoyens, mais qu'il les conserve mieux. Le accroissement sont entièrement à son avantage; car si la fécondité y est moindre, les hommes utiles y sont plus nombreux, et les générations ne se renouvellent pas aussi rapidement au grand détriment de la nation.

ности менѣе обширной и сравнивая различныя части одной и той-же провинціи, находить довольно часто результаты слишкомъ несходные. Такъ, судя по тому, ровныя или гористыя страны, континентальныя или приморскія, числа смертныхъ случаевъ могутъ весьма значительно разниться въ нихъ. М. Bossi въ своей *statistique du département de l'Ain*, на основаніи документовъ 1802, 1803 и 1804 г., пришелъ къ такому результату:

	1 ежегодный или годовой смертный слу- чай на жите- лей.	1 годовой бракъ на	1 годовое ро- ждение на
Въ общинахъ или поселеніяхъ горныхъ	38,3	175 жит.	34,8 жит.
— береговыхъ . .	26,6	145	28,8
На равнинахъ . .	24,6	135	27,5
Въ странѣ стоячихъ водъ или болотъ . .	20,8	107	26,1

Изъ этихъ результатовъ видно, между прочимъ, какое вліяніе имѣютъ на здоровье и жизнь поселеній мѣстности поморскія или береговыя, низменныя или горныя *) Въ Россіи также весьма замѣтно

*) Quetelet, 1, p. 157—159. M. Willermé cite un exemple très frappant de l'influence des marais: „A Vareggio, dit ce savant, dans la principauté de Lucques, les habitans en petit nombre et dans un état déplorable de misère et de barbarie, étaient chaque année, depuis un temps immémorial, attaqués, à la même époque, par des fièvres d'accès; mais, en 1741, on construisit des écluses dont les portes mobiles permettaient l'écoulement dans la mer de l'eau des marais, et s'opposaient à ce que ceux-ci fussent de nouveau submergés par la mer, lors des flux et des tempêtes. Cette construction, qui supprima les marais d'une manière permanente, fit aussi-tôt disparaître les fièvres. Bret, le canton de Vareggio est aujourd'hui l'un des lieux les plus salubres, le plus industrieux, les plu riches des côtes de la Toscane; et une partie des familles dont les grossiers aieux succombaient, sans savoir s'en garantir, aux épidémies d'aria cattiva, y offrent une santé, une vigueur, longévité et un caractère moral qui jadis étaient inconnus.“ De semblable épidémies régurent à des époques déterminées sur les bords de l'Escaut et produisent ce que l'on nomme dans le pays les fièvres des pollers; ces fièvres viennent à la suite des grandes chaleurs et contribuent beaucoup à mettre la Zelande dans un état qui se rapproche de celui de Vareggio et des pays mercageux cités par M. Bossi. M. Willermé m'a fait remarquer un nouvel exemple de l'accroissement de mortalité, produit sous l'influence des marais. Ainsi, dans l'île d'Ely en Angleterre, et pendant la période de 1813 à 1830 inclusivement, sur 1000 décès qui auraient eu lieu depuis la naissance jusqu'à l'âge le plus avancé, on en a compté 4731 avant l'âge de 10 ans

вліяніе различныхъ мѣстностей на физиологическій бытъ поселеній, на ихъ плодородіе, здоровье и смертность. Русскимъ и финскимъ поселенцамъ надобно имѣть много природнаго здоровья и выносливья крѣпкія натуры, чтобы привыкнуть жить въ болотистыхъ и туманныхъ мѣстностяхъ сѣверо-поморскихъ областей. Въ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстахъ, особенно невыгодно расположенныхъ, поселенія, вовсе не могли существовать. Такъ, напримѣръ, Лепехинъ сообщаетъ о Спасскомъ селѣ верхотурскаго уѣзда: «суровость мѣста отчасти разогнала, отчасти истребила жителей. Топкія мѣста и болотная рѣчка, изъ которой жители почерпаютъ воду, нанесла имъ цынготную болѣзнь, которая почти въ ихъ обществѣ сдѣлалась наследственной... Остатки сихъ бѣдныхъ жителей, какъ страдающіе при распутѣ Лазари, у всякаго проѣзжающаго требовали помощи *)». Точно также первые русскіе поселенцы на берегахъ Охотскаго и Ледовитаго морей, по собственнымъ жалобамъ ихъ, постоянно «цынгаля» и страдали «чирьями» *). Въ южно-русскихъ приморскихъ областяхъ, не смотря на ихъ природное изобиліе и географическую удобство для торговли, смертность, усиливаемая вліяніемъ приморскаго климата, превышаетъ даже большую сумму рожденій, обусловливаемую здѣсь избыткомъ жизненныхъ средствъ. Еще Каразинъ въ своихъ статистическихъ соображеніяхъ, исчисливъ губерніи, начиная съ кавказской и кончая астраханской, замѣтилъ: «изъ отношенія содержанія рожденій къ одержанію смертности открывается истинное условіе умноженія народа, его здоровье. Сравнивъ изложенныя нами содержанія разныхъ краевъ многосоставнаго нашего отечества, мы увидимъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ изъ полуденныхъ губерній, самыя благополучныя въ семъ разумѣ суть тѣ, кои, принадлежа къ древнему сердцу Россіи, занимаютъ самое темя ея, означенное уже безсмертнымъ Ломоносовымъ: возвышенность, изъ которой текутъ въ разныя моря великолѣпныя ея рѣки. Особливо губерніи Калужская, Тульская и Рязанская заслуживаютъ вниманіе всѣхъ европейскихъ статистиковъ, такъ какъ Воронежская,

accomplis, tandis qu'on en a compté seulement 3505 dans l'ensemble des autres districts agricoles de l'Angleterre. Ce serait aussi dans l'île d'Ély, 3712 décès de 40 à 40 ans, sur 1000 qui ont eu lieu depuis l'âge de 10 ans jusqu'à la plus grande vieillesse; et seulement 3142 dans les autres districts agricoles mais non marécageux comme l'île d'Ély.

*) Дневн. записки путеш. Лепехина ч. III, стр. 83.

Тамбовская, Пензенская, Саратовская и Оренбургская, по необычайному умноженію народонаселенія. Число рождающихся превосходить тамъ вдвое число умирающихъ. Самый же несчастный край въ семь разумѣ, не смотря на все природное его изобиліе и отличное положеніе для торговли, есть наследіе черноморскихъ нашихъ казаковъ. Необыкновенное содержаніе рожденій (слѣдствіе народнаго во всемъ избытка) не помогаетъ въ семь краю. Ибо содержаніе смертности еще превышаетъ оное. Тамань есть наша Остъ-Индія *)». Въ болотистыхъ мѣстахъ жаркихъ областей, наприм. въ Закавказьи и Бессарабін, болотной миазмой или болотнымъ отравленіемъ обуславливается сильное и гибельное господство перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ, хроническаго язвеннаго процесса въ кишкахъ или изнурительнаго поноса болотнаго худосочія, поражающаго обыкновенно въ началѣ зны, послѣ лютыхъ перемежающихся лихорадокъ (*ileo-collite chronique, colitis follicularis, Fluxus coeliacus*), болотной кахексіи (*cachexia paludosa*) и т. п. Вслѣдствіе такихъ мѣстныхъ причинъ, еще недавно было на Кавказѣ, что почти каждый госпиталь на все число больныхъ своихъ имѣлъ отъ 25 до 30 одержимыхъ изнурительными поносами, особливо въ началѣ зны, и большинство этихъ поносовъ происхожденіемъ своимъ обзано было болотнымъ перемежающимся лихорадкамы, которыя здѣсь эндемическія болѣзни. И теперь еще количество такихъ больныхъ составляетъ тамъ почти 16 на 1000 общаго числа больныхъ. Въ 1860 году въ войскахъ Закавказскаго края въ общемъ выводѣ приходилось 532,2 одержимыхъ лихорадкою на 1000 случаевъ всѣхъ заболѣваній; въ войскахъ Кубанской области—607 лихорадочныхъ на 1000 заболѣваній;—на 1000 заболѣваній вообще на Кавказѣ приходится 14,4 водянокъ и 15,3 страданій кишечнаго канала, какъ исходовъ, по большей части, лихорадокъ, между тѣмъ какъ въ остальной части арміи рус. — водянокъ 8,3 и страданій кишечнаго канала 4,6 на 1000. Въ числу мѣсть, гдѣ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки съ ихъ исходами, относятся: въ Закавказьи—Александрополь (5,090 р. ф. надъ пов. моря), Карсъ (5,950 р. ф.), Лорійская плоская возвышенность съ урочищами Джепалъ - Оглу и Гергеры (5,230 р. ф.), Нахичевань въ долинѣ р. Аракса (2,100 р. ф.), Тифлисъ 1,350 р. ф.) и Елисаветполь (940 р. ф.)—оба въ доли-

*) Чтен. общ. 1860. Замѣтки о Каравитъ, стр. 206.

нѣ р. Куръ; на Кавказѣ—лѣвый берегъ р. Кубани, укрѣпленія—Крымское, Абинъ и друг. *). Всѣ подобныя мѣстности, значить, не совсѣмъ здоровы для поселеній.

Точно также, нѣкоторыя плодородныя равнины или рѣчныя долины, обильныя водами, но ограниченныя съ одной или съ обѣихъ сторонъ скалистыми горами, лежащія большею частію не выше 3000 ф. надъ ур. моря, специально благопріятствуютъ развитію зоба и кретинизма. Въ такихъ между-горныхъ рѣчныхъ долинахъ не свободно циркулирующая атмосфера бываетъ обыкновенно сильно нагрѣта и чрезмѣрно влажна. Она походитъ, въ этомъ отношеніи, на воздухъ мастерскихъ или ремесленныхъ домовъ. Для растительности подобная атмосфера бываетъ чрезвычайно благопріятна, но неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ особенныхъ свойствъ, она неизбѣжно производитъ *кретинизмъ*. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генераціи къ генераціи, и достигая извѣстной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полнаго кретинизма. Такъ, въ ленской долинѣ, начиная отъ петровской деревни въ 86 верстахъ отъ Качуга и до 8-й или 9-й станціи отъ Каренска—Дубровы, Ермавъ, путешествовавшій тамъ въ 1829 году, повсюду въ деревняхъ встрѣчалъ сильно развитые и распространенные зобы, такъ что, по наблюденію Фодерѣ, они скоро должны были сопровождаться совершеннымъ кретинизмомъ, и развитіе послѣдняго только приостанавливается или замедляется брагами съ вновь-приходящими сѣмьными и горными тунгусами, но не устраняется. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно густое, палящее дѣйствіе солнца и сильная влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками, въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ вліяніе стѣнъ долины на температуру и на развитіе мѣстной, эндемической болѣзни. Какъ въ долинѣ Маугіёппе Фодерѣ признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно, по словамъ Ерманна, между скалами ленской долины, отъ 55 до 57 с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристической ослорой прекрасныя и разнообразныя хвойныя или красныя лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis — лавровыя и фицашповыя деревья. Особенно замѣтны и распростране-

*) Медицинск. отчетъ о состоян. здоровья войскъ за 1860 — 1863 г. стр. 116, 126 и 129. Диссертація М. Скорова. Сиб. 1863 стр. 5 и 12.

ны зобы на Ленѣ между 1050 и 606 париж. фут. надъ моремъ, также какъ въ Европѣ высота отъ 1100 париж. ф. надъ ур. м. представляется самою благопріятною для кретинизма, а высота 750 париж. ф. является крайнею границею этого феномена. Также аналогичны факты, что въ ленской долинѣ деревни, какъ, наприм. Туруцкая и Рижная, по причинѣ благопріятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндемическому уродству легче, чѣмъ мужчины, а взрослые иностранцы—никогда. Замѣчательно, прибавляетъ Ерманъ, что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы въ колоніяхъ ленской долины, совершенно здоровую русскую расу сдѣлать близкою къ кретинизму *). Точно также развитію зоба благопріятствуютъ мѣстности по притокамъ верхней Ангары, гдѣ онъ часто достигаетъ весьма большой величины. По Ирвуту, по Бѣлой, по Удѣ и вообще въ Илимскомъ округѣ, подходящемъ къ ленской долинѣ, зобъ распространенъ почти повсемѣстно. По самой же Ангарѣ онъ встрѣчается очень рѣдко, а начиная съ братскаго острога и вовсе исчезаетъ **). И въ этомъ эндемическомъ оазисѣ, русскія земледѣльческія поселенія были одни изъ самыхъ раннихъ приангарскихъ колоній.

Или, вотъ, на совершенно противоположной, сѣверо-западной сторонѣ представляются другія медицинско-географическія и народно-гигіеническія условія поселеній. Въ Ковенской, напримѣръ, губерніи климатъ, подъ вліяніемъ моря, есть болѣе приморскій, чѣмъ континентальный, съ преобладающимъ числомъ дней пасмурныхъ надъ ясною погодою. Дней ясныхъ или облачныхъ тамъ, среднимъ числомъ, 128, попеременныхъ—50, пасмурныхъ 112, туманныхъ отъ 6 до 13, дождливыхъ отъ 46—61, снѣжныхъ 23; слѣдовательно, ясныхъ или облачныхъ дней вполнину менѣ числа дней переменныхъ, пасмурныхъ, дождливыхъ и проч. Число вѣтровъ сухихъ относится къ числу влажныхъ, какъ 0,4:0,6; средняя влажность первыхъ есть 0,80, послѣднихъ 0,87; слѣдовательно вообще, влажность въ Ковенской губерніи 0,84. Уже вслѣдствіе этого преобладанія влажности,—мѣстности Ковенской губерніи не совсѣмъ здоровы для

*) Erman, Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Ozeane in den Jahren 1828—1830. В. II. Abth. I. 5 207. 218—223.

**) Труды Сибирск. экспедиц. русс. географич. Общест. 1864 г. стр. 73.

поселений. Но кроме того, въ ней много болотистыхъ, низменныхъ мѣстъ, которыя, высыхая во время сухаго и жаркаго лѣта, производятъ вредныя испаренія, наприм. въ повенежскомъ уѣздѣ, при биржанскомъ озерѣ, и особенно въ шавельскомъ уѣздѣ. По причинѣ излишней влажности воздуха, частыхъ рѣзкихъ переѣнъ температуры и вреднаго вліянія испареній въ мѣстахъ болотистыхъ, низменныхъ, — упорныя и всевозможныхъ видовъ перемежающіяся лихорадки (*febres intermittentes*) составляютъ постоянную болѣзнь въ поселеніяхъ ковенской губерніи, и, кроме того, много другихъ болѣзней, обусловливаемыхъ главнымъ образомъ климатомъ. Вслѣдствіе этого въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ Ковенской губерніи было, въ десятилѣтней сложности:

	Рожденій.	Смертныхъ случаевъ.
Въ Ковенскомъ уѣздѣ.	55,359 об. п	53,227
— Виленскомъ . . .	58,856	57,364
— Новоалександров. .	46,277	32,378
— Повенежскомъ. . .	46,715	38,705
— Шавельскомъ. . .	66,207	59,221
— Тельшевскомъ. . .	53,194	45,308
— Россіенскомъ. . .	64,290	53,231

По абсолютнымъ числамъ больше всего умершихъ въ шавельскомъ уѣздѣ. Причины этого чисто мѣстныя. Въ шавельскомъ уѣздѣ вредны для жителей болотистыя, низменныя, безъ проточной воды, мѣста въ грудзевскомъ и шакиновскомъ приходахъ, особенно въ грудзевской экономіи помѣщика Нарышкина и въ принадлежащихъ къ ней фольваркахъ: Вербунахъ, Медседахъ, Пауперахъ, Гавенайче, Монюше, Пигтуйше, Іодзе, Бержанахъ, Аугуце, съ принадлежащими къ нимъ деревнями. Тамъ мѣстные жители болѣютъ колтуномъ, лихорадкою, тифозною горячкою. Также болотисты и вредны для здоровья приходы: крупевскій, вешнянскій, окмянскій, отчасти радзвильшскій и шавельскій; въ двухъ послѣднихъ лежитъ болото Тируле. Недостатокъ воды и дурное ея качество испытываются въ окрестностяхъ м. Янишекъ шавельскаго уѣзда, и также въ городѣ Россіены и нѣкоторыхъ мѣстахъ этого уѣзда. Поэтому и въ росіенскомъ уѣздѣ смертность значительная. Въ виленскомъ уѣздѣ болотистыя пространства обширны, именно, они занимаютъ до 239 кв. верстъ, или 24,8% десятиницъ. И здѣсь смертность, послѣ шавельскаго уѣзда,

самая большая. *) Если сравнить роды болѣзней и число умирающихъ отъ нихъ въ казанской и воронежской губерніяхъ, то, кромѣ этнологическаго вліянія, окажется, что воронежская губернія топографически здоровѣе для поселеній, чѣмъ казанская. Каждогодно, приблизительно, умираетъ въ десятилѣтней сложности:

	Отъ								
	перемежающихся лихорадокъ.	тифа.	чахотки, легочнаго туберкула.	холеры.	кровоаваго носа.	скорбута.	волянки.	воспаленія брюшины.	росяла жёлудка и кишкѣ.
Въ казанской губерніи за 1848—58.	460	634	850	107	314	440	349	2	26
— воронежской губерніи	4	384	252	400	403	43	454	29	65

Эти цифры приблизительно даютъ знать, что по топографическимъ и атмосфернымъ условіямъ казанская губернія менѣе благоприятна для здороваго развитія поселеній, чѣмъ воронежская. И дѣйствительно, сѣверная половина казанской губерніи представляетъ низменную и сырую мѣстность, за исключеніемъ мамадышскаго уѣзда и частию казанскаго, при томъ почти сплошь покрытую лѣсомъ. Въ этой мѣстности есть пунеты, гдѣ цѣлыя околочья имѣютъ зобъ. Большія и полноводныя рѣки—Кама, Волга и небольшія—Свияга, Казанка, Илетъ, Ковшага и многія другія, имѣющія плоскія берега, по спаденіи весеннихъ водъ, оставляютъ множество неглубокихъ стоячихъ водъ; въ нихъ разлагаются растенія и другія органическія вещества, отчего сырость и испаренія такихъ водъ вредно дѣйствуютъ на здоровье тамошнихъ жителей. Потому, въ казанской губерніи особенно свирѣпствуютъ изнурительныя перемежающіяся лихорадки. **) Въ Воронежской же губерніи мѣстныхъ, такъ называемыхъ эндемическихъ болѣзней совершенно нѣтъ, такъ какъ нѣтъ вредныхъ мѣстностей и другихъ причинъ и условій, способныхъ производить эти болѣзни; незначительныя виды лихорадочныхъ болѣзней, которые встрѣчаются въ селеніяхъ по рр. Воронежу, Битюку и отчасти Хопру, во время весенняго разлива водъ,—по своимъ незначительнымъ проявленіямъ и слѣдствіямъ, не могутъ быть отнесены къ разряду болѣзней энди-

*) Ковенская губерніи. Матер. для геогр. и стат. Р. стр. 196—198, 210—213.

**) Казан. губ. матер. для геогр. Р. стр. 182—183.

вическихъ. Болѣзни болѣею частью бываютъ легкія и легко вылечиваются. *) Что же касается до того, что въ воронежской губерніи болѣе желудочныхъ болѣзней, чѣмъ въ казанской, то это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что тамъ болѣе употребляютъ плодовъ и, кромѣ того, какъ лакомство и подспоры къ пищѣ, разныя растенія, наприм. *Sonchus oleraceus*, *Tragopogon floceosus*, *Chaerophilium bulbosum*, *Amarantus paniculatus*, *Xanthium strumarium*, *Lactuca scariola* и др. Наконецъ, относительно собственно земледѣльческихъ поселеній надобно замѣтить, что тѣ мѣста или области, — гдѣ климатъ характеризуется болѣею непостоянствомъ и рѣзкими переходами отъ жара къ холоду, отъ сырости къ удушливой сухости и т. п., безъ медицинской реакціи или противодѣйствія противъ вредныхъ дѣйствій непостояннаго климата и нездоровыхъ мѣстностей, — обуславливаютъ, вопреки общаго закона, наибольшую смертность въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Такъ, въ Бессарабской области приходится:

	1 родившійся на	1 умершій на	двое вступившихъ въ бракъ изъ
Въ области вообще.	24 жител.	50 жител.	100 жител.
въ томъ числѣ:			
— городахъ. . .	28 »	57 »	112 »
— селеніяхъ. . .	20 »	43 »	88 »

Изъ этихъ цифръ видно, что относительно смертность въ селеніяхъ превосходитъ смертность городовъ, вопреки общему закону обратнаго явленія. Тутъ причина та, что села, — въ особенности по долинамъ рѣкъ, въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышомъ, какъ наприм. по теченію Днѣпра отъ Кіулянь внизъ до Аккермана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по р. Пруту, а также по теченію Реута, Иккеля и прочихъ рѣчекъ, столько же подвергаясь вредному вліянію воздуха, наполненнаго испареніями болотъ, и быстро смѣняющимся крайностямъ жара и холода, сухости и влажности, какъ и нѣкоторые города, наприм. Бѣльцы, Оргѣвъ и др., — далеко не имѣютъ столько медицинскихъ средствъ, чтобы бороться съ вреднымъ дѣйствіемъ климата, сколько пользуются ими города. Послѣ мѣстныхъ естественныхъ причинъ, самая главная причина большей смертности въ селеніяхъ та, что сельскіе жители почти лишены врачебной помощи, потому что во всей Бессарабіи было 33 врача, изъ нихъ на

*) Воронеж. губ. стр. 76—77.

службѣ 29, въ томъ числѣ въ г. Башкиевѣ 12, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ 17. Слѣдовательно 1 врачъ приходится на 30,684 души. При медицинскомъ пособіи тамъ умиралъ 1 изъ 12 заболѣвавшихъ. А пользовался медицинскою помощью только 1 изъ 72 заболѣвавшихъ. Ясно, что при такой предоставленности природѣ, сельскіе жители, при невыгодныхъ для здоровья мѣстныхъ условіяхъ, должны были сильно умирать. *) Вообще, надобно замѣтить, что въ фантологическомъ или гигиеническомъ отношеніи земледѣльческія поселенія у насъ предоставлены силамъ природы и почти вовсе не имѣютъ медицинскихъ средствъ бороться съ ними, противодействовать ихъ вліянію. Въ государственныхъ сельскихъ поселеніяхъ, напримѣръ, въ 1858 году, приходился только 1 врачъ на 101,508 чел. об. п. и 1 больница на 1,010,000 чел. об. п. Вслѣдствіе этого, въ сельскихъ поселеніяхъ сильно распространено вредное колдовство, знахарство и множество суевѣрныхъ наговоровъ и заговоровъ противъ болѣзней и проч. **)

Таковы, въ общихъ чертахъ, естественныя и умственныя условія историко-географическаго распространенія и устройства самаго многочисленнаго русскаго народонаселенія — земледѣльческаго сословія, крестьянства.

Умственная подавленность передъ природой дѣлала народъ бессильнымъ и въ службѣ государству, въ отправленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, потому что онъ не умѣлъ открывать и извлекать изъ естественной экономіи русской земли и воды столько матеріальныхъ средствъ, чтобы и самому быть безбѣднымъ и обезпеченнымъ, и легко уплачивать государственные налоги. Вслѣдствіе этого онъ, по словамъ цара Михаила Федоровича, былъ въ «скорби конечной», или, по словамъ одного лѣтописца конца XVII вѣка, «сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены».

*) Бессарабская область. матер. для географ. и стат. Россіи. стр. 198—200.

**) Объ этомъ подробно будетъ сказано въ историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія, именно въ очеркѣ медицинскихъ понятій русскихъ и инородческихъ.

Въ жалобѣ на владомическое безсиліе сестрять почти всѣ народныя челобитныя XVII в. На земскомъ соборѣ 1642 г. всѣ земскіе люди жаловались на то, что они обнищали и оскудѣли до конца и разбрѣдлись врознь». Пассивное положеніе народа въ области природы русской земли, крайнее неумѣнье пользоваться сокровищами естественной экономіи такъ рѣзко обнаруживалось во всемъ умственномъ и экономическомъ быту народномъ, что образованные европейцы указывали на него, какъ на главный и характеристическій умственный недостатокъ русскаго народа. Das Land ist, говоритъ напр. Петрей, *überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bauerisch, tülpisch und unhöflich, und fang weder zu Wasser, noch zu Lande, darzu sie selbst Ursach sein. Wellen keine Zucht und Erbarkeit lernen.* *) Петръ В. первый понялъ, что главной причиной бѣдности и безсилія русскаго народа было именно незнаніе природы или естественной экономіи русской земли и неумѣнье открывать, извлекать и примѣнять къ матеріальной культурѣ и цивилизаціи разныя естественныя данныя. «Наше российское государство, — говорилъ Петръ, въ указѣ 10 дек. 1719 г. предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить; сему пренебреженію главнѣйшая причина была та, что наши подданные рудокопцы дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести, не разумѣли». Вслѣдствіе этого, Петръ В. первый посѣялъ на умственной почвѣ Россіи идею естествознанія. Потомъ эту идею всего болѣе распространялъ и укоренялъ въ русскомъ обществѣ Ломоносовъ. И только съ тѣхъ поръ, подъ руководствомъ такихъ образованныхъ естественниковъ — европейцевъ, какъ напр. Делиль, Гмелинь, Палласъ, и др., — стали мало по малу образоваться и въ русскомъ обществѣ новыя, лучшія генерациі народа, съ естественно-научнымъ развитіемъ и направленіемъ; культура и цивилизація русскаго народа, въ нѣкоторыхъ сферахъ, стала принимать характеръ европейскій, раціональный, и нѣмѣсть съ тѣмъ стало развиваться въ меньшинствѣ этихъ новыхъ генераций стремленіе къ разумно-свободному развитію въ сферѣ природы и общественной жизни. Но всѣ эти зачатки естественно-научнаго интеллектуальнаго саморазвитія и самосознанія еще крайне слабы и ограничены, проявляются только въ лучшемъ, естественно-научно мыслящемъ меньшинствѣ русскаго общества, и нисколько незамѣтны въ

массах народа. Изъ 628,494 учащихся, по статистикѣ табл. 1858 г., только около 18,000 получили, въ большей или меньшей степени, естественно-научное образованіе. И изъ нихъ едва-ли болѣе 7000 болѣе или менѣе знакомы съ полнымъ курсомъ естественныхъ наукъ, да и эти лица больше поглощаются службой, чѣмъ посвящаютъ себя народной индустриальной дѣятельности. И въ самыхъ городскихъ обществахъ, наиболѣе образованныхъ и читающихъ, еще слишкомъ слабы умственные наклонности къ естествознанію. Это выразилось даже въ самомъ содержаніи и направленіи нашей литературы. Напримѣръ, въ пятилѣтіе 1801—1806 г., по естественнымъ наукамъ издано было только 33 сочиненія, — между тѣмъ какъ по одной, такъ называемой величій словесности, крѣмъ романовъ, вышло 205 сочиненій. И послѣ, въ 1828 году, даже петербургское общество, въ своей исключительно русской библіотекѣ, изъ числа 10,924 всѣхъ сочиненій, по естественнымъ наукамъ имѣло только 239 сочиненій, тогда какъ по изящной литературѣ и краснорѣчію 4250 сочиненій. Эти факты, представляющіе лучший масштабъ нашего интеллектуальнаго прогресса и умственныхъ интересовъ, служатъ въ то-же время лучшимъ мѣриломъ, насколько наши умственные силы успѣли запасть отъ тѣхъ знаній, которыя составляютъ единственную и самую могучую силу и главный факторъ человѣческой цивилизаціи, насколько мы стремимся, путемъ естествознанія, къ свободѣ отъ старой зависимости передъ природой, насколько мы богаты и запасены естественно-научными силами и средствами къ позоренію силъ и законовъ природы потребностямъ своей матеріальной и умственной цивилизаціи, на сколько мы, не самопованію въ сверхъ физическихъ законовъ и исторіи и по успѣхамъ позоренія природы, ушли впередъ отъ древней Индіи, Египта, Мексики и Китая, и достигли современной Англіи, Франціи, или обвернутой Америкѣ — страны могучаго естество-испытательнаго разума, великихъ естественныхъ открытій, производящихъ перевороты въ дѣженіи цивилизаціи, страны, гдѣ началась новая эпоха или новый великій періодъ общечеловѣческой цивилизаціи — *естественнонаучный*. Большинство нашихъ новыхъ, послѣднихъ молодыхъ генераций, всецѣло отданное естествознанію и естествоиспытанію, вносящее въ общечеловѣческую умственный запасъ и въ общечеловѣческую сокровищницу цивилизаціи хоть частичку новыхъ естественныхъ знаній, новыхъ исследований и открытій — вотъ вся искупительная надежда и весь залогъ молодѣ

европейской Россіи. Только посредствомъ этого естествоиспытаннаго меньшинства Россія, массаи своими граничащая и тяготеющая къ Азіи, связуется съ Европой и начинаетъ органически принимать къ новому великому общеевропейскому, общечеловѣческому обществу естествопознавательной цивилизаціи. Только по мѣрѣ того, какъ изъ насъ народныхъ будетъ выростать и множиться естественнаучно-мыслящее меньшинство, и, возвращаясь въ нихъ, просвѣщать ихъ, рационализировать ихъ бытъ и культуру, — по мѣрѣ того, массы нашего народа будутъ освобождаться, посредствомъ искупительной и могуче-творческой силы естествознанія, отъ тяготеющаго надъ ними доселѣ владычества природы.

А. Ицковъ.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(из *Лонифелло*).

День холодень, мрачень и дождик идеть,
Безъ усталн вѣтеръ осенній реветь.
Къ стѣнѣ льнетъ и вьется, какъ прежде, лоза,—
Но мертвые листья срываетъ гроза...

День мрачный, холодный, дождливый!

Я холодень, мрачень и въ жизни моей
Дождь льется и вѣтеръ реветь все сильнѣй.
Къ былому льнуть мысли, отстать не хотять,—
Но юныя грезы по вѣтру лѣтять...

День мрачный, холодный, дождливый!

О, сердце! не мучься тяжелой тоской,—
Не меркнетъ свѣтъ солнца за тучей густой.
Удѣлъ твой такой же, какъ прочихъ людей:
Никто не дойдетъ до могилы безъ дней

Суровыхъ, холодныхъ, дождливыхъ!

Е. Зиневъ.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Visto ho Toscana Lombordia, Romagna,
Quei Monte che divide, e quel che serra
Italia, e un mare e l'altro che la bagna
Ariosto, Satira, III.

I.

Я былъ въ Венеціи. Стояли
Передо мной тюрьма... дворець...
И словно зданья выплывали
Изъ темныхъ водъ. Здѣсь свой вѣнецъ
Тысячелѣтье величаво
Въ наследство завѣщало намъ,
Здѣсь умирающая слава
Улыбку шлетъ тѣмъ временамъ,
Когда всѣ націи несмѣло
Смотрѣли съ трепетомъ кругомъ
На тѣ дворцы съ крылатымъ львомъ,
Когда Венеція сидѣла
Царицею ста острововъ,
Гдѣ царскій тронъ ей былъ готовъ.

II.

Она являлася Сибелой
Съ тѣярою среди мудрей,
Съ осанкой царскою и смѣлой,

Богиней гордою морей.
 Всѣхъ дочерей ея приданыиъ
 Востокъ богатый награждалъ
 И перлы ей дождемъ неожиданныиъ
 Онъ на колѣни высыпалъ.
 Она подъ пурпуромъ блистала,
 Дивила роскошью весь миръ,
 Она къ себѣ на пышный пиръ
 Не разъ моварховъ созывала
 И каждый царь, какъ самъ народъ,
 Всегда цѣнилъ такой почетъ.

III.

Тамъ нынче смолкли пѣсни Тасса,
 Нѣтъ гондольеръ и нѣтъ пѣвцовъ,
 Кругомъ руины забытыхъ масса —
 Слѣды разрушенныхъ дворцовъ.
 Ихъ вѣкъ прошелъ, но и донинѣ
 Тамъ красота еще живетъ...
 Да, гибнуть царства и святыни,
 Искусство гаснетъ, — не умретъ
 Одна безсмертная природа.
 Венеція всегда была
 Ей дорога; она слыла
 Веселымъ мѣстомъ для народа.
 Она для міра — пышный балъ,
 Для итальянцевъ — карнавалъ.

IV.

Она донинѣ чтима нами,
 Но не за славу прежнихъ лѣтъ
 Съ ея великими тѣнями;
 Не дорогъ намъ величья слѣдъ
 Среди тѣхъ стѣнъ, гдѣ жили дожи....
 Иной трофеей для насъ дороже.
 Какъ все погибнуть онъ не могъ:
 Отелло, Пьеръ и жидъ Шейлокъ
 Уничтоженья не страшатся,
 Ихъ образъ вѣченъ и могучъ;
 Они — подъ сводомъ арки влючъ,

И ими будетъ оживляться,
Лишь ихъ присутствіемъ сильна,
Та опустынная страна.

V.

Созданья мысли — заслужили
Свое безсмертье. Тѣни ихъ
Своимъ сіяньемъ озарили
Существованіе другихъ.
Тамъ, гдѣ судьба намъ жизнь мутила,
Подъ гнетомъ рабства, смерти, зла,
Тамъ гениальной мысли сила
Мирить насъ съ жизнью могла.
Все ненавидимое нами
Она преслѣдуетъ, казнить,
Сердца надеждою живить
И населяеть ихъ мечтами
И насаждаетъ вновь цвѣты.
Среди сердечной пустоты.

VI.

Созданья мысли гениальной!
Въ нихъ вѣрить юноша привыкъ
И съ ними свой удѣлъ печальный
Всегда бодрѣй несеть старикъ.
О, сколько гѣсенъ вдохновенье
Родить въ часы уединенья!...
Но и дѣйствительность порой
Фантазію съ ея игрой
Собою рѣзко затемняетъ.
Есть образы — ихъ красоты
Создать не могутъ и мечты,
Воображенье ихъ не знаетъ
И имъ подобный идеаль
Еще поэтъ не создавалъ.

VII.

Я видѣлъ прежде ихъ — во снѣ. ихъ.
Иль на яву, — не знаю я,
Они нежданно прилетѣли

И сномъ исчезли отъ меня.
 Я ихъ теперь считаю снами,
 Я-бъ снова могъ, когда-бъ хотѣлъ
 Смигнуть ихъ новыми мечтами,
 Рой новыхъ грезъ созвать умѣлъ,
 Но, богъ ужъ съ ними! Умъ холодный
 И отрезвѣвшій отъ потерь
 Привыкъ преслѣдовать теперь
 Мечты фантази свободной;
 Иныя думы въ немъ кипятъ,
 Иные образы маятъ.

VIII.

Въ странахъ чужихъ я былъ какъ дома,
 Усвоилъ я чужой языкъ.
 Умамъ свободнымъ незнакома
 Тоска по родинѣ: привыкъ
 Ее отыскивать я всюду;
 А между тѣмъ я не забуду,
 Что я родился въ той странѣ,
 Которой можно-бъ было мнѣ
 Гордиться смѣло. Для чего же
 Я бросилъ островъ, гдѣ найдутъ
 Свобода, умъ себѣ пріютъ,
 И жизнь усталую тревожа,
 Средь новыхъ странъ пошелъ опять
 Отчизну новую искать?

IX.

Любилъ я родину, быть можетъ,
 И если прахъ остывшій мой
 Въ чужой землѣ въ могилу сложать,
 Мой духъ вернется въ край родной,
 Къ мѣстамъ знакомымъ и любимымъ,
 Надѣюсь я: въ родной странѣ,
 На языкъ моемъ родимомъ
 Потомки вспомнятъ обо мнѣ;
 Но если я лишюсь права
 Участья ждаты отъ земляковъ,
 И если жребій мой таковъ,

И если такъ минутна слава,
 Не баловавшая меня,
 И если счастье, измѣня,—

X.

Не дасть мнѣ мѣста въ славномъ храмѣ,
 Гдѣ чтить народъ своихъ пѣвцовъ,
 То пусть вѣнчаетъ онъ вѣнками
 Чело достойныхъ мертвецовъ,
 Ко мнѣ-жъ слова примѣнить эти,
 Что „въ славной Спартѣ были дѣти
 Его достойны“....*) Никакой
 Не надо мнѣ любви людской!..
 Всѣ тѣ шипы, что я собираю,
 Я самъ ваделялъ и взростилъ,
 И тихо кровью истекаю.
 Понять я долженъ былъ впередъ:
 Каковъ посѣвъ—таковъ и плодъ.

XI.

Теперь оплакала супруга
 Ты, Адриатика—вдова;
 Бракъ ежегодный—праздникъ юга—
 Не повторяется. Хоть льва
 Святаго Марка и донинѣ
 На площади встрѣчаетъ взоръ,
 Но онъ стоитъ ужъ безъ гордыни,
 Какъ-бы понявши свой позоръ
 Въ мѣстахъ, гдѣ прежде унижались
 Владыки гордые земли,
 Монархи съ завистію шли
 И предъ Венеціей склонялись;
 Когда невѣстою она
 Была богата и сильна.

XII

.

 И гнетъ оковъ кругомъ сковался
 Свободной жизни городской...

*) Это былъ отвѣтъ матери Бразидала, македонскаго полководца, тѣмъ, которые передъ нею восхваляли ея сына.

Едва лишь страны достигаютъ
 До одуряющихъ высотъ,
 Гдѣ ихъ величье славы ждетъ,
 И—съ высоты они спадаютъ,
 Какъ грозной лавины обвалъ,
 Когда она летитъ со скалъ...
 О, если-бы явилась снова
 Даноло тѣнь, того сѣпаго,
 Который старцемъ страшенъ былъ
 И Византію побѣдилъ.

XIII.

Предъ площадью св. Марка
 Изъ бронзы лошади стоятъ,
 Еще блестя на солнцѣ ярко,
 И ихъ ошейники горятъ.
 Но Дорій правъ былъ: въ наши годы
 Тѣ кони вьзуданы... Гдѣ-жъ слѣдъ
 Тринацати вѣковъ свободы?
 Былой Венеци ужъ нѣтъ;
 Она погибла тамъ, гдѣ встала,
 Морской травой въ морской волгѣ...
 О, лучше-бъ въ водной глубинѣ
 Иль подъ землей ты смерть узнала,
 Чѣмъ покупать среди оковъ
 Покой постыдный у враговъ.

XIV.

Какъ новый Тиръ жила ты славой;
 Съ побѣднымъ именемъ твоимъ
 Носилась ты въ борьбѣ кровавой
 Грозою націямъ чужимъ;
 Всегда свободная, умѣла
 Всѣхъ обращать кругомъ въ рабовъ
 И берегла Европу смѣло
 Отъ мусульманъ—ея враговъ...
 О, волны вѣчныя, возстаньте
 Почтить минувшіе года,
 Героевъ подвиги, когда
 Случилась битва при Лепантѣ:

Ихъ дѣлъ не истребить вѣна:
Иль хищныхъ деспотовъ ружа...

XV.

Рядъ гордыхъ дожей въ прахъ разбился;
Въ гробницахъ тлѣютъ ихъ сердца,
Лишь только остовъ сохранился
Великолѣпнаго дворца.
Разбитый скипетръ и мечъ ихъ равный
Для чужестранца сталъ забавой.
О, кто-бъ Венецію узналъ:
Чужія лица, арки заглъ
Пустыхъ, на улицахъ не людно...
Когда припомнить о быломъ
Съ его величьемъ, торжествомъ—
Венеціанцу будетъ трудно
Своихъ гонителей любить
И нго тяжкое снести.

XVI.

Былъ страшный бой при Справувахъ
И шелъ въ цѣпяхъ аѳинскій ставъ,
Тогда Аттическая муза
Пришла къ спасенью аѳинягъ;
Печальный гимнъ—былъ примиритель,
Пронесся пѣсни грустной звукъ
И побѣжденный побѣдитель
Роняетъ грозный мечъ изъ рукъ.
Онъ цѣпи плѣнныхъ разрываетъ,
Великодушный до конца,
И вдохновеннаго пѣвца
Благодарить ихъ заставляетъ:
Пѣвецъ напѣвомъ чудныхъ строевъ
Освобождаетъ ихъ отъ оковъ.

XVII.

Венеція! И ты когда-то
Могла того же ожидать
И пѣсни славнаго Терзавато
Должны бы цѣнь съ тебя сорвать

И нго прошлаго тирама.
 Твоя судьба — народамъ стыдъ;
 Стыдъ ей, царицѣ океана,
 Стыдъ Англіи: она глядитъ,
 Какъ погибають моря дѣти,
 Не подавая имъ руки!..
 О, Англія! Пусть велики
 Твои владѣнія на свѣтѣ,
 Но и тебя, быть можетъ, ждетъ
 Паденье тоже, тотъ-же гнетъ.

XVIII.

Волшебный городъ! Порывался
 Къ тебѣ я много лѣтъ назадъ.
 Ты въ морѣ синемъ поднимался
 Какъ рядъ кристалльныхъ колоннадъ;
 Твой образъ мнѣ обрисовали
 Радклиффъ и Шиллеръ и Шекспиръ...
 О, пусть оплакалъ ты въ печали
 Свой обезславленный кумиръ,
 Но и теперь мнѣ дорога ты —
 Венеція! Дороже ты
 Въ обломкахъ прошлой красоты...
 Твои дворцы, твои палаты,
 Какъ монументъ прошедшихъ лѣтъ,
 Оставили безсмертный слѣдъ.

XIX.

Я населять умѣю снова
 Ее тѣнями прошлыхъ дней,
 Но и безъ помощи былаго
 Я и теперь встрѣчаю въ ней
 Не мало новыхъ наслажденій
 Для думъ мучительныхъ, для глазъ
 И для высокихъ вдохновеній,
 Меня смущавшихъ тамъ не разъ.
 Мѣста Венеціи прекрасной!
 О, я провелъ не мало тутъ
 Счастливыхъ дней, святыхъ минутъ...
 Есть чувства, — пыткой ужасной

Нельзя ихъ вырвать изъ души
Такъ эти чувства корени.

XX.

Такъ на утесахъ вырастаетъ
Свободно гордая сосна,
На почвѣ каменной пускаетъ
Тамъ корни крѣпкіе она.
Альпійскій вѣтеръ, бури съ ревомъ
Надъ ней проносятся, порой,
Она-жъ въ величїи суровомъ
Ихъ потѣшается игрой,
Широко вѣтви разрастали.
И вотъ, подъ хохотъ бурь и гровъ,
Явилось дерево колоссъ
Тамъ на гранитномъ пьедесталѣ;
Такъ точно мысль людей растеть
И наконецъ рождаетъ плодъ.

XXI.

Жизнь можетъ долго протянуться
И всѣ страданїя земли
Корнями въ сердца разрастутся.
Подъ тяжелой ношею, въ пыли
Идетъ верблюдъ въ степи безводной
И издыхаетъ волкъ голодный
Безмолвно. Вотъ для насъ урокъ:
Ужъ если звѣрь ничтожный могъ
Безъ жалобъ вынести страданья,
То долженъ съ гордостью страдать
И о страданїи молчать
Ты, человекъ—вѣнецъ созданья.
Всѣ муки жизненныхъ тревогъ
Всегда даются намъ на срокъ.

XXII.

Страданья насъ или разрушаютъ,
Или разрушаются. Одни,
Въ комъ силы юности играютъ,
Живутъ не падая: они,

Мужая, вновь идуть на дѣло;
 Другіе робко и несмѣло
 До срока падаютъ въ борьбѣ,
 Покорные своей судьбѣ.
 Иные-жѣ, ринувшись въ движенье,
 Къ себѣ опорой зовуть—
 Войну, науку, церковь, трудъ,
 Добро и даже преступленье.
 Кто что пощеть—то найдетъ:
 Инымъ позоръ, инымъ почетъ.

XXIII.

Но муки вѣчныя, безъ стона
 Надолго сдержанныя въ насъ,
 Какъ боль отъ жала скорпіона,
 Къ намъ возвращаются не разъ.
 Одинъ намекъ, пустое слово
 Странанье старое вернетъ
 Съ прошедшей горечью и снова
 Больное сердце загрызетъ.
 Звукъ, нота гряди музыкальной,
 Июльскій вечеръ, ночь, луна,
 Букетъ цвѣтовъ, веселье, волна,
 Веселый видъ и видъ печальный—
 Все можетъ рану въ насъ раскрыть
 И скорби цѣпь зашевелить.

XXIV.

Кто мысль слѣдилъ въ ея полетѣ?
 То быстрой молніи полетъ.
 —Всегда сильна, всегда въ работѣ
 Она не разъ насъ потрясетъ
 Сильнѣй громоваго удара,
 Оставивъ сзади ядъ угара;
 Она, смущая въ насъ умы,
 Выводитъ призраки изъ тьмы
 И никакія замкнута
 Не могутъ прочь ихъ отогнать;
 Они приходятъ къ намъ опять
 Любви угасшей упованья,

Сердца умершихъ давно:
Имъ право жизни вновь дано.

XXV.

Но возвращусь съ своей кручиной
Туда, гдѣ съ думой я бродилъ
Среди руинъ живой руиной,
Какъ привидѣнье межъ могилъ,
Гдѣ подъ землей почилъ сила
И рядъ имперій, гдѣ сильна
Была великая страна,
Гдѣ и *теперь* ее шадла
Природа нѣжная рука
И ей щедроты расточаетъ.
Прошедшимъ блескомъ велика
Она и нынче сохраняетъ
Инаго времени черты, —
Нетлѣнность вѣчной красоты.

XXVI.

Республика... герои Рима...
Италія—вселенной садъ!
Самой природой ты хранима,
Искусства—твой священный кладъ.
Ты всѣхъ дивишь еще понинѣ
Безсмертной прелестью своей
Вездѣ, и даже и въ пустынь
Твоихъ забытыхъ пустырей.
Ты велика въ своемъ паденнѣ
И эти славныя мѣста
Не покидала красота,
Когда свершалось разрушенье.
Его зловѣщее крыло
Тебя коснуться не могло.

XXVII.

Взошла луна, но ночь не смѣла
Еще сойти. Въ лучахъ зари
Все небо синее агло...
Тамъ дальше,—путиникъ, посмотри,—

Тамъ будто моремъ славы залить
 Рядъ голубыхъ Фриульскихъ горъ;
 Мракъ тучъ свинцевыхъ не печалитъ
 Небесь открывшійся просторъ.
 Весь западъ красками пылаеть
 И день спѣшить на ложе сна,
 А тамъ серпомъ взошла луна
 И на востокъ выплываетъ
 И въ этотъ дивный край чудесь
 Глядеть съ улыбкою съ небесь.

XXVIII.

Одна звѣзда съ луною рядомъ
 Надъ небомъ ласковымъ царить...
 Вотъ свѣтъ лучистымъ водопадомъ
 Верушки горъ покрылъ; спѣшить
 День съ темной ночью состязаться,
 Пока въ борьбѣ не взнемогъ,
 И въ Брентѣ стали отражаться,
 Переивняясь въ краткій срокъ,
 Цвѣта румяно-нѣжной розы,
 Окрасивъ струйки тихихъ водъ,
 И голубой небесный сводъ
 Съ тѣнями легкими, какъ грезы,
 И отражалась въ ней, горя,
 Съ небесь вечерняя зоря,

XXIX.

И солнца яркій лучъ прощальный,
 Дня улетавшаго привѣтъ,
 И пурпуръ запада и дальній
 Звѣздъ золотистый, теплый свѣтъ.
 Но вотъ на горы тѣнь ложится,
 День умираетъ. Такъ, порой;
 Дельфинъ предъ смертью шевелится
 И каждый разъ иной игрой
 Цвѣтовъ различныхъ онъ сверкаетъ;
 Когда-жъ кончается жизнь дельфинъ,
 Тогда бываетъ мигъ одинъ
 Онъ краснымъ цвѣтомъ заиграетъ,

Но смерть придетъ, застынетъ кровь,
Тогда онъ сѣрымъ станетъ вновь.

XXX.

Въ Аркуѣ есть одна могила,
Въ ней въ саркофагѣ опочилъ
Пѣвецъ Лауры и уныло
Къ гробницѣ странникъ приходилъ,
Чтобъ тамъ почтить пѣвца страданья
Онъ первый высказалъ протестъ
И бросилъ крикъ негодованья
На рабскій гнетъ родимыхъ мѣстъ
И на враговъ родного края.
Онъ вѣстѣ съ Музою рыдалъ,
Слезами землю орошалъ,
Лауры имя повторяя
И въ пѣснѣ, плача и любя,
Онъ создалъ славу для себя.

XXXI.

Его въ Аркуѣ схоронили
Въ деревнѣ, брошенной межъ горъ;
Здѣсь дни поэта проходили,
Здѣсь умеръ онъ и съ этихъ поръ
Гордится этимъ сельскій житель,
(И гордость та честна волюнъ)
Когда-жъ завзвѣй посѣтитель
Пройдетъ по горной той странѣ,
На знаменитую могилу,
Ему укажутъ гордо тамъ:
Она идетъ къ его стихамъ
И обаятельную силу
Въ себѣ имѣетъ, хоть надъ ней
И не поставленъ мавзолей.

XXXII.

Онъ жилъ здѣсь въ хижинѣ. Казалось,
Она построена для тѣхъ,
Которымъ жизнь лишь улыбалась
Въ уединеніи отъ всѣхъ,

Въ густой тѣни холмовъ зеленыхъ,
 Вдали отъ пышныхъ городовъ,
 Безумнымъ шумомъ оживленныхъ;
 Ихъ блескъ не манить изъ садовъ,
 Изъ тишины не вызываетъ...
 Вокругъ все ярко и свѣтло...
 Здѣсь солнце свѣтитъ такъ тепло
 И столько счастья разливаетъ,
 Что не захочется опять
 Блаженства новаго искать.

XXXIII.

Вокругъ солнце льетъ потоки свѣта
 На зелень листьевъ и цвѣты...
 Его лучами все согрѣто...
 О, счастье! здѣсь понятно ты!
 Здѣсь жизнь пройдетъ, какъ сонъ пріятный...
 Покой и лѣнь въ нѣмой глуши...
 Но въ этой лѣни благодатной
 Окрѣпнетъ умъ и мощь души.
 Да, если люди научаютъ
 Насъ жизнь земную признавать,
 То мы умѣемъ умирать
 Въ уединеніи: не мѣшаетъ
 Тщеславье грезамъ и мечтамъ;
 Борись одинъ съ судьбою тамъ—

XXXIV.

Иль съ тайнымъ бѣсомъ, что тревожитъ
 Мысль человека безъ конца
 И жертвой дѣлаетъ и гложетъ
 Всегда печальныя сердца
 Тѣхъ, чья душа со дня рожденья
 Привыкла къ мраку, къ тишинѣ;
 Ихъ роковое назначенье:
 Страдать и въ жизни и во снѣ;
 Имъ солнце кажется кровавымъ,
 Земля—могилой; ихъ страшатъ
 Смерть и могила словно адъ.
 Страдалцы бѣдные! Всегда вамъ

Страшнѣй назался самый адъ,
Зловѣщей тьмой кругомъ объять.

XXXV.

Бродя по улицамъ Феррары,
Поросшимъ дикою травой,
Глядишь съ поникшей головой.
Увы! проклятiя удары
Надъ древнимъ городомъ лежатъ,
Гдѣ прежде царствовала слава

.
.
.
.
.
.
.
.

XXXVI.

И Тассъ былъ славой ихъ когда-то.
Прислушайтесь къ стихамъ пѣвца
И въ келью скромную Торквато
Войдемъ: онъ жилъ здѣсь до конца.
Альфонсъ отвелъ жилище это,
. Онъ хотѣлъ
Смирить великаго поэта
И окружить его умѣлъ
Безумцами и адомъ новымъ,
Жизнь съ тайной злобой отравлялъ,
Но лучъ безсмертья засіялъ
Надъ тѣмъ челомъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Разсѣявъ массу облаковъ.—
И славнымъ именемъ вѣковъ —

XXXVII.

Торквато имя намъ осталось.
Межъ тѣмъ Альфонсъ, ты-бъ былъ забыть,
Твое бы имя затерялось,
Когда-бъ твой гнусный, тяжкій стыдъ

Не связанъ быть съ судьбой поэта.
 Нѣтъ, будутъ долго проминать
 Тебя съ презрѣнiемъ за это.
 Альфонсъ! ты не умѣлъ блистать,
 Твое величье въ прахъ разбилося
 И если-бы въ быту другомъ
 Ты родился, тогда-бъ рабомъ
 Назвать тебя судьба стыдилась,
 Рабомъ того, кого ты гналъ,
 Кто отъ руки твоей страдалъ.

XXXVIII.

Ты жилъ, чтобъ вѣсть, сносить презрѣнье,
 И умеръ смертiю скота,
 Вдругъ околѣвшаго въ забвеньи;
 Межъ вами разница лишь та,
 Что ты пышнѣи имѣлъ корыто
 И хлѣвъ обширнѣе имѣлъ.
 А охъ?—Чело его покрыто
 Вѣнцомъ лучей; вѣнецъ торжѣлъ
 На немъ въ виду враговъ презрѣнныхъ,
 И зависть мелочная ихъ
 Встрѣчала съ злобой каждый стихъ,
 Звукъ каждый пѣсенъ вдохновенныхъ,
 Стыдившихъ смѣло до конца
 Труды бездарнаго пѣвца.

XXXIX.

Тѣнь оскорбленная Торивато!..
 О, миръ съ тобой!.. Пѣвецъ сгорѣлъ,
 Злость ядовитая обратъ
 Въ него бросала тучи стрѣлъ,
 Хотя его не уязвляла.
 Онъ—побѣдитель. Каждый годъ
 Толпа повтовъ въ миръ идетъ,
 Но гениевъ межъ нами мало;
 Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка,
 И если-бъ блескъ вохъ лиръ сливался
 Въ сиянье одного вѣка—
 Блескъ этотъ скоро-бъ миновался;

Пѣвцы создать бы не могли
Другаго солнца для земли

XI.

Онъ былъ великъ, но съ Тассомъ рядомъ
Еще два генія идутъ;
Они, какъ онъ, родились тутъ,
Но только раньше. Первый „Адомъ“
Себя прославилъ на землѣ,
Тосканецъ, съ мыслью на челѣ...
Другой—пѣвецъ его достойный,
Великій, гордый и спокойный,
Своимъ магическимъ жезломъ
Свѣтъ новый вызвалъ вдругъ для міра.
Онъ пѣлъ любовь, военный громъ
И раздавалась нѣжно лира,
И чудный слышался напѣвъ
Въ честь храбрыхъ рыцарей и дѣвъ.

XLI.

Гроза съ статуи Аріосто
Вѣнокъ желѣзный орвала
Изъ листьевъ лавра. Тутъ была
Права стихія. Очень просто:
Не тронетъ молнія вѣнца,
Сметеннаго могучей славой;
Вѣнецъ искусственный; пѣвца
Лишь могъ служить грозѣ забавой.
О, люди! помните одно,
Что здѣсь жалѣть намъ не пристало:
То мѣсто ужъ освящено,
Гдѣ въ землю молнія упала,
И голова пѣвца вдвойнѣ
Священнѣй сдѣлалась странѣ.

XLII.

Италія! Ты овладѣла
Несчастливымъ даромъ красоты,
Но съ ней надѣла трауръ ты
И лишь, страдать въ слезахъ умѣла.

Морщины муки и сарбей:
 Чело прекрасное покрыли
 И буквы огненные были
 Всегда въ исторіи твоей.
 О, Боже! Лучше-бъ ты осталась
 Не такъ прекрасна, но сильна:
 Тогда-бъ возстала вся страна
 И власть гонителей порвалась,
 Которымъ пить въ краю пришлось
 Лишь смѣсь изъ крови и изъ слезъ.

XLIII.

Тогда-бъ ты только устрашала
 И въ невѣстности жила,
 И красотою не смущала,
 И сожалѣнья не звала;
 Тогда-бъ толпой вооруженной
 Враги не шли съ альпійскихъ скалъ
 Испить воды окровавленной
 Изъ рѣчки По; тогда-бъ не сталъ
 Здѣсь сторожить твой предѣлы
 Иноплеменцевъ чуждый мечъ,
 И не бояся съ ними встрѣчъ,
 Ты право равное имѣла
 Быть у родимыхъ береговъ
 Рабой друзей, рабой враговъ.

XLIV.

Когда подъ вѣтромъ разсѣкала
 Равнину водъ моя ладья,
 Римлянинъ мудрый! Видѣлъ я
 Гдѣ проходилъ ты. (*) Здѣсь вставала
 Мегара прямо предо мной,
 А сзади—новая картина—
 Лежали: древняя Эгина,
 Пирей, Коринфъ... Влекома волной,
 Смотрѣлъ я грустенъ и печаленъ,
 И мнѣ казалось, что они
 Стоять теперь, какъ и въ тѣ дни,
 Когда на груди ихъ развалины

*) См. знаменитое письмо Сервія Сульпиція къ Пиперону.

И историческихъ руинъ
Глядѣль другъ Тулліа одинъ.

XLV.

Да, время ихъ не исправляло;
Лишь гнѣзда варваровъ росли
У древнихъ стѣнъ, что заставляло
Любить руины той земли
Еще сильнѣй. Смотрѣвъ Римлянинъ
На тѣ могилы городовъ
Ихъ прежней славой отуманенъ.
Теперь изъ всѣхъ его трудовъ
Одна страница намъ осталась
И въ ней есть нравственный урокъ,
Завѣщанный на долгій срокъ:
Въ немъ горько истина сказалась.
И этотъ памятникъ нѣмой
Теперь лежитъ передо мной.

XLVI.

Страницу эту чту я свято...
Развалины его страны
Причислить мы теперь должны
Къ тѣмъ павшимъ царствамъ, что когда-то
Онъ самъ оплакалъ. Остовъ ихъ
Донинѣ живъ несокрушимо
И Римъ... о, гдѣ-жъ величье Рима?
Онъ палъ во прахъ межъ стѣнъ своихъ,
Не стало больше великана.
Смерть, разрушеніе кругомъ...
Повѣсивъ голову, идемъ
Мы мимо павшаго титана,
Который въ пепель обращенъ,
Но и подъ пепломъ дышетъ онъ.

XLVII.

Италія! Твои страданья
Навѣрно будутъ жить вѣка.
Ты—мать искусствъ. Твоя рука

Насъ берегла, дала намъ знанья.
 Ты—мать религии, чудесь!
 Предъ ними націи склонялись,
 Ихъ руки рабски простирались,
 Чтобъ получить ключи небесъ.
 Въ отцеубійствѣ сознавался,
 Европа наша, можетъ быть,
 Придетъ тебя освободить
 И, варваровъ изгнать стараясь
 И покоривши ихъ въ борьбѣ,
 Найдеть прощеніе въ тебѣ.

XLVIII.

Но насъ инья ждуть картины...
 Насъ Арно манить въ тѣмъ стѣнамъ
 Гдѣ вы, этрурскіе Аѳины,
 Достойны вызвать финіамъ.
 Амфитеатръ холмовъ зеленыхъ
 Родитъ и масло и вино;
 Рогъ изобилія всѣмъ равно
 Несетъ дары; въ струяхъ бессонныхъ
 Тамъ Арно весело бѣжитъ
 И край богатый и торговый
 Новѣйшей роскошью дивитъ,
 И тамъ воскресла съ силой новой
 Наука, спавшая во мглѣ
 Подъ смертнымъ саваномъ въ землѣ.

XLIX.

Тамъ бюстъ Венеры разливаетъ
 Бругомъ блескъ дивной красоты
 И воздухъ ей благоухаетъ...
 Съ тебя покровъ упалъ и ты
 Стоишь, богиня! Въ удивленьи
 На эти формы мы глядимъ:
 Здѣсь челоуѣка вдохновенье
 Природу гениемъ своимъ
 Могло осилить. Преклоняясь,
 Мы падаемъ у дивныхъ ногъ.
 О, только гений древнихъ могъ,

Красою древней вдохновляясь,
 Такую статую создать,
 Чтобъ все потомство поражать.

L.

И мы глядимъ, той красотою
 Упоены, ослѣплены, —
 Мечта смѣняется мечтою...
 Искусства чары такъ сильны
 И власть его не отражима...
 О, нѣтъ, слова безсильны тутъ, —
 (То шарлатановъ жалкій трудъ)
 Оно въ слова неуловимо.
 У насъ есть сердце, нервы, кровь,
 У насъ одно есть только зрѣнье,
 Черезъ нихъ понятна намъ любовь
 И предъ прекраснымъ восхищенье;
 Лишь только ими понята
 Богини дивной красота.

LI.

Скажи, въ такомъ-ли точно видѣ
 Передъ Парисомъ стала ты?
 О, тѣже-ль чистыя черты
 Впервые богъ войны увидя,
 Съ любовью палъ у дивныхъ ногъ?
 Склонившись на твои колѣни,
 Въ истомѣ сладострастной гѣни
 Смотрѣлъ въ лицо влюбленный богъ.
 А ты? съ румяныхъ устъ Венеры
 Лобзанья лавою текла,
 Съ блаженствомъ неба и земли
 Лились безъ счету и безъ мѣры.
 Ея лицо, рѣсницы, бровь —
 Все выражало въ ней любовь.

LII.

Упоены любовью боги,
 Порой и въ блескѣ божества
 Не находя конца тревогъ,

Вдругъ на земныя существа
 Походить. Также есть мгновенья,
 Когда и люди на землѣ
 Лучъ божества и вдохновенья
 Носили гордо на челѣ,
 Пока не скрыла ихъ могила...
 Но есть видѣнья чудныхъ грезъ
 И имъ поспорить-бы пришлось
 Съ красотою статуй; таже сила
 И тѣже формы, — только богъ
 Въ ту красоту облечь ихъ могъ.

LIII.

Пускай артисты и педанты
 И всѣ ученые шуты
 Покажутъ намъ свои таланты
 Въ изображеньи красоты;
 Пускай дадутъ намъ описанье
 Того, что трудно уловить,
 Но я бѣ желалъ, чтобъ возмутить
 Не смѣло северное дыханье
 Струи, гдѣ дѣвственна, сильна
 Та красота отражена —
 Мечты свободной изваянье,
 На землю посланной съ небесъ
 Въ залогъ божественныхъ чудесъ.

LIV.

Въ предѣлахъ древнихъ Санта-Кроче
 Великія закрылись очи;
 Здѣсь прахъ безцѣнный опочилъ
 И пылъ его среди могилъ
 Есть ужъ безсмертье. Гроба двери
 Здѣсь дали мѣсто для костей
 Микель-Анжело, Альфіери;
 Здѣсь опочилъ ты, Галилей,
 Поклонникъ звѣздъ и другъ печали;
 Здѣсь смерть дала тебѣ постель
 Великій умъ — Маккиавель...
 Тѣла великихъ пылью стали,

Они изъ праха въ мiръ пришли
И стали прахомъ той земли.

LV.

Четыре генія могучи
Какъ и стихии и опять
Могли бы новый мiръ создать.
Италя! Сатурнъ изъ тучи
Твои одежды изорвалъ,
Но онъ тебѣ не отказалъ
Въ великихъ людяхъ. Ты въ паденьи
Еще полна благовѣнья;
Въ печальныхъ остовахъ равнинъ,
Среди развалинъ и руинъ
Лучемъ божественнаго свѣта
Еще дослѣ ты согрѣта
И геній тѣхъ былыхъ временъ
Теперь въ Кановѣ возрожденъ.

LVI.

Но гдѣ же прахъ Петрарна, Данта?
Гдѣ прахъ Боккачю лежитъ —
Почти имъ равнаго таланта?
Не видимъ ихъ могильныхъ плитъ,
Хотя до смерти и въ могилѣ
Имъ данъ особый былъ вѣнецъ.
Иль прахъ ихъ по вѣтру пустыни?
Иль не нашелся тамъ рѣзецъ,
Чтобъ въ мраморѣ ихъ бюстъ оставить
И обезсмертить ихъ черты?
Каменоломни-ли пусты?
Иль позабыли ихъ прославить?
Иль ты Флоренція отъ нихъ
Вдругъ отреклась, какъ отъ чужихъ?

LVII.

Какъ Сципионъ, спитъ Дантъ далеко
Отъ береговъ страны родной,
Гдѣ оскорбленъ онъ былъ жестоко

И изгнанъ дѣрзаво въ край иноп,
 Пройдутъ вѣка и станутъ дѣти
 То имя свято обожать
 Съ смущенной совѣстью на свѣтъ...
 А тотъ вѣнецъ, что сталъ сверкать
 Надъ головой Петрарка въ живая
 Принадлежалъ чужой землѣ;
 Своимъ сіянешь на челѣ,
 Какъ и могилой, онъ отчизнѣ
 Былъ не обязанъ, ей чужой
 Всегда—и мертвый и живой.

LVIII.

Одинъ Боккачю, конечно,
 Въ родной землѣ похороненъ?
 И надъ собою слышитъ вѣчно
 Тосканы рѣчь сквозь смертный сонъ,
 Языкъ Тосканскій—пѣснь сирены,
 Гдѣ рѣчь есть музыка? О, нѣтъ,
 Исчезъ его могилы слѣдъ.
 Отъ тайной злобы и измѣны
 Рукой злодѣевъ хищныхъ онъ
 Могилы скромной былъ лишенъ;
 Имъ не хотѣлось въ тайной злобѣ,
 Чтобы на атомъ славномъ гробѣ
 Прохожій взоръ остановилъ
 И прахъ Боккачю почтилъ.

LIX.

Тѣхъ урнъ Флоренція не знаетъ,
 Но тѣмъ замѣтнѣе она.
 Такъ бюста Брута лишена
 Статуя Цезаря смущаетъ
 Римлянъ и ихъ великій сынъ
 На умъ приходитъ имъ одинъ.
 Ты больше счастлива Равенна!
 На берегу твоємъ почальъ
 Равно изгнанникъ вдохновенный;
 Артуа также рядъ могилъ
 И бережетъ и сохраняетъ,—

Одна Флоренція не знаетъ
Своихъ изгнанниковъ и ждетъ
Вотъ—вотъ одинъ изъ нихъ придетъ.

LX.

Къ чему же мраморныя плиты,
Порфиръ и яшма и агать,
Гдѣ флорентинцами зарыты
Теперь ихъ герцоги лежатъ?
Трава среди холмовъ зеленыхъ,
Росой ночью окропленныхъ,—
Гдѣ скромно гении легли,
Чьи имена для всей земли
Есть мавзолеей несокрушимой, —
Народъ ногой не оскорбитъ:
Трава мощью священнай плетъ

.
.
.

LXI.

Но все жъ сюда стремятся взоры.
Здѣсь храмъ искусства; здѣсь рѣзецъ
Заводитъ съ живописью споры,
Здѣсь чудеса есть, наконецъ.
Но мнѣ они чужими стали;
Картинамъ древнихъ галлерей
Я измѣнилъ для синей дали,
Для красокъ неба и морей.
Я удивляюсь искусству,
Но кровь оно не шевелитъ
И мало сердцу говоритъ
И говорить не много чувству;
Ему оружіе дано,
Но то оружье холодно.

LXII.

Нѣтъ, въ дефилеяхъ Фразименскихъ,
Гдѣ римлянь ждалъ кровавый бой,
Доволенъ больше я судьбой.

Здѣсь рядъ продѣлокъ карфагенскихъ
 Я словно вижу. Между горъ,
 Врага обманывая всюду,
 Они сошлись съ нимъ въ упоръ;
 Здѣсь храбрецы валялись въ груду
 И ихъ толпы являлись вновь;
 Потокъ проливалась кровь
 И рѣки кровью той алѣли,
 Равнины пышныя красѣли,
 Гдѣ наступать со всѣхъ сторонъ
 За легиономъ легионъ,

LXIII.

Какъ лѣсъ, низринутый вѣтрами.
 Такъ былъ силенъ той битвы жаръ,
 Что былъ неслышенъ межъ горами
 Землетрясенія ударъ;
 Никто не слышалъ колебанья
 Земли, оторывшей часть могилъ
 Для тѣхъ, кто палъ на щитъ безъ силъ.
 Такъ велико негодованье
 Людей во время ихъ рѣзни,
 Когда сражаются они,
 Такъ опьяняетъ часто злоба,
 Когда двѣ націи у гроба
 Сойдутся грозно межъ собой,
 Чтобы начать смертельный бой.

LXIV.

Для нихъ земля ладъей казалась.
 Они неслись куда нибудь...
 Предъ ними море отрывалось,
 Но не понятенъ былъ имъ путь,
 Не страшно имъ землетрясенье,
 Когда всѣ птицы вверхъ летать
 Искать послѣдняго спасенья
 Изъ гвѣздъ отброшены назадъ;
 Когда по нивѣ, сплывааясь,
 Бѣгутъ ревушія стада
 И гибнуть въ прпастяхъ, когда

Самъ человекъ, въ бѣдѣ теряясь,
Стоитъ недвижимъ и безъ словъ,
Съ природой спорить не готовъ.

LXV.

Но Фразименъ теперь не страшень.
Спокойно озеро блеститъ,
И зелень тучныхъ нивъ и пашень
Плугъ селянина бороздитъ.
Деревья обросли корою,
Ужъ труповъ нѣтъ у ихъ корней,
И только маленький ручей
Своимъ названіемъ— порою
Напомнить день кровавый тотъ;
Напоминаетъ Сангвинетто,
Что кровь людей и смертный потъ
Здѣсь орошали мѣсто это,
Играла пурпуромъ волна,
Отъ крови воиновъ красна.

LXVI.

А ты, Клитумнъ! Волной кристальной
Ласкаешь нѣжно ты наядъ
И въ глубинѣ твоей зеркальной
Онѣ выряютъ и шалютъ;
Отъ волнъ твоихъ поля тучнѣютъ,
На нихъ пасется бѣлый мугъ
И воды свѣтлыя имѣютъ
Спокойный видъ. Военный гулъ,
Рвзая тебя не осквернили,
Ты волны тихія катилъ
И только зеркаломъ служилъ,
Гдѣ отражать всегда любилъ
Свои прекрасныя черты
Богини юной красоты.

LXVII.

На берегу твоёмъ счастливомъ
Глядитъ простой, изящный храмъ

Съ высоту холма; внизу же тамъ
 Бѣжишь ты дарственно-лѣнивый.
 Лишь иногда по струйкамъ водъ
 Сверкнетъ чешуйчатая рыба,
 Шалить, играетъ, фьется гибко
 И въ глубинѣ вдругъ пропадетъ.
 Порою, вѣжная лилея
 Скользятъ, покорная волнѣ,
 И дремлетъ, будто-бы во снѣ.
 Волна несетъ ее, делья,
 Качая тихо и легко,
 Ей шепчетъ сказки на ушко.

LXVIII.

Здѣсь чуемъ генія повсюду.
 Когда задрѣ въ лице пахнетъ —
 Свой поцѣлуй съ нимъ геній шлетъ;
 Когда, подобно изумруду,
 Поля откроются для глазъ
 И разливается прохлада,
 Когда душа забыться рада
 Отъ скучной жизни хоть на часъ,
 Отъ жгучей пыи всѣхъ волненій,
 Тогда отъ горя и заботъ
 Тебя въ миръ новый унесетъ
 Тѣхъ мѣстъ счастливыхъ добрый геній,
 И ты, свободный отъ оковъ,
 На благодарность будь готовъ.

LXIX.

Но, чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Велико
 Спадаетъ въ бездну водопадъ, —
 Реветь и пѣнится. Картина
 Совсѣмъ нова: то — водный адъ,
 Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
 Со стономъ прядаютъ, кипятъ
 И брызги бьютъ изъ-за громады —
 (То Флегетона слышны звуки)
 И составляютъ скалы кругъ,
 Откуда къ верху бьютъ насады,

Наводятъ страхъ и ужасъ вокругъ,
И въ бѣшенствѣ, ломя преграды,
Ихъ пѣнистый, кипучій валъ
На волю рвется изъ за скалъ—

LXX.

И брызги до небесъ бросаетъ,
Откуда падаетъ дождь,
И тамъ весна благоухаетъ,
Гдѣ онъ разсыплется; кругомъ
Трава роскошно зеленѣетъ...
О, какъ пучина глубока!
Волна неистово-дина,
Въ скачкахъ гигантскихъ... Тамъ бѣлѣтъ
Внизу рядъ скалъ, промытыхъ ей.
Въ порывѣ злобнаго веселья
Среди недвижныхъ камней,
Волна пробилъ въ нихъ ущелья
И, прорываясь сквозь гранитъ,
Такою массою бѣжитъ,

LXXI.

Что можно думать: это море,
Рожденное среди тѣхъ скалъ,
Но водопадъ тотъ жизнь давалъ
Лишь скромнымъ рѣчкамъ; на просторѣ,
Среди долинъ онъ бѣгутъ.
Смотрите! чудный видъ предъ нами.
Вкругъ разрушая все волнами,
Каскады мчатся и режутъ,
Какъ будто въ вѣчность все уносятъ,
Все разбивая на лету,
И дикую картину ту
Едва взоръ робкій переноситъ
И каждый ужасомъ объять...
О, страшно-давний водопадъ!

LXXII.

Вотъ новый видъ открылся взглядамъ:
Съ одной вершины до другой,

При блескѣ солнца, надъ насклономъ
 Явилась радуга дугой, —
 Подобна радостной надеждѣ
 Надъ смертнымъ ложемъ, — и горитъ
 Въ своей сіяющей одеждѣ.
 Пусть водопадъ кругомъ шумитъ,
 Она сіянья не теряетъ,
 Вкругъ проливая нѣжный свѣтъ
 И постоянныхъ красокъ цвѣтъ
 Ей никогда не измѣняетъ.
 Такъ иногда слѣдитъ любовь,
 Когда въ безумцѣ бродитъ кровь.

LXXIII.

Я снова вижу Аппенины,
 Они бы были миды мнѣ,
 Когда-бъ альпійскія вершины
 Я не видалъ; тамъ въ вышинѣ
 Родятся сосны, тамъ обвалы
 Несутся съ грохотомъ со скалъ;
 Тамъ я Юнгерау посѣщалъ,
 Гдѣ вѣчный свѣтъ, какъ покрывало,
 Ее скрываетъ въ облакахъ
 Среди нагорнаго тумана;
 Я былъ въ холодныхъ ледникахъ
 Всѣмъ недоступнаго Монблана,
 И слышалъ часто между горъ
 Стихій громовый разговоръ.

LXXIV.

Я видѣлъ, какъ орлы летали
 И, поднимаясь на парнасъ,
 Какъ будто славы тамъ искали;
 Я, какъ троянецъ, могъ не разъ
 Смотрѣть на Иду. Незамѣтны
 Мнѣ Аппенины съ тѣхъ временъ,
 Какъ видѣлъ я вершину Этны,
 Олимпъ и Атлассъ и Аѳонъ,
 И лишь безнѣжныя вершины
 Соракты привлекли мой взоръ.

Она безъ снага съ давнихъ поръ.
И здѣсь-то всѣмъ намъ есть причины
Стихи Горация прочесть:
Въ стихахъ пѣвца страница есть

LXXV.

О той горъ. Она волною,
Застывшей въ воздухъ, стоитъ
И хочетъ рухнуть внизъ стѣною...
Пусть каждый здѣсь разшевелитъ
Свои классическія знанья,
Цитаты римскія, названья
Проговоривъ межъ этихъ горъ.
Я самъ былъ слишкомъ живъ и скоръ,
Чтобъ изучить вполне поэта;
Уроки были скучны мнѣ,
Когда въ родимой сторонѣ
Мой менторъ строго ждалъ отвѣта
И принуждалъ въ короткій срокъ
Знать слово въ слово свой урокъ.

LXXVI.

Хоть я потомъ и измѣнился
И сталъ уворно размышлять
О томъ, чему тогда учился,
Кого же въ этомъ обвинять?
Капризный и нетерпѣливый,
Я наслажденія искалъ,
Когда еще не погружалъ
Въ науку умъ свой прихотливый;
Не тѣмъ-бы сталъ я; можетъ быть,
Когда-бъ меня не принуждали,
Но прежнихъ чувствъ мнѣ не забыть, —
Онѣ съ лѣтами вырастали,
И ненависть моя сплыва,
Какъ и въ былыя времена.

LXXVII.

Прости, Гораций! Каюсь въ этомъ,
Тебя я вовсе не любилъ.

Несчастливъ тотъ, кто не цѣнилъ
 Твоихъ стиховъ. Ты былъ поэтомъ,
 Ты чтилъ искусство высокое;
 Какъ моралистъ, ты глубоко
 Проникъ и въ жизнь и въ омутъ міра;
 Твоя прекрасная сатира
 Умѣла совѣсть шевелить, —
 Тревожа сердце, не хотѣла
 Ему ранъ тяжкихъ наносить.
 Но всежъ съ тобой прощаюсь смѣло
 И шлю теперь тебѣ, поэтъ,
 Съ горы Соракты свой привѣтъ.

LXXVIII.

О, Римъ родной! Друзья страданья
 Пускай къ тебѣ теперь придутъ:
 Ничтожно горе наше тутъ.
 Что наши скорби и рыданья?
 Здѣсь кипарисъ бросаетъ тѣнь,
 Совы полночной слышны стоны.
 Идемъ съ ступени на ступень,
 Гдѣ распадались храмы, троны...
 О, люди! Стихнуть въ краткій срокъ
 Всѣ ваши скорби съ вѣчнымъ страхомъ.
 Смотрите: здѣсь у вашихъ ногъ
 Великій Римъ сталъ тѣмъ же прахомъ,
 Которымъ также будемъ мы,
 Унавъ покой могильной тѣмы.

LXXIX.

Богиня націй! Ты почилъ,
 Дѣтей и трона лишена...
 Пустую урну опустила
 Рукой израенной она.
 Пусты могилы Спиціоновъ,
 Отъ пепла ихъ исчезъ и слѣдъ,
 И вы, владыки грозныхъ троновъ,
 Среди гробницъ васъ тоже нѣтъ.
 Въ обломкахъ рухнули святыни...
 О, старый Тибр! Лишь ты одинъ,

Свидѣтель лучшихъ твоихъ годовъ,
 Бѣжишь по мраморной пустыни!
 О, поднимись и массою водъ.
 Залей печальный городъ тотъ!

LXXX.

О, вѣчный городъ! Войны забавы,
 Гнѣвъ, христіанство и потопъ
 Тебѣ готовили свой гробъ.
 Ты видѣлъ: гасли звѣзды славы,

Дворцы и храмы разрушались...
 Ты видѣлъ хаосъ, смерть и тьму.
 Среди разрушеннаго свѣта
 Кто-бъ могъ здѣсь прошлое сыскать
 И снова точно рассказать:
 „Здѣсь было то, здѣсь было это!“
 Кто могъ здѣсь хаосъ превозмочь,
 Когда кругомъ царилъ ночь?

LXXXI.

Двойная ночь весь Римъ сковала —
 Невѣжества и тьмы вѣковъ
 И мысль здѣсь ошупью блуждала.
 Есть планъ морей для моряковъ,
 Есть карта звѣздъ, лишь только въ Римѣ
 Мы, какъ въ степи, идемъ чужими
 И спотыкаемся. Порой,
 Кричимъ мы „еврика!“ въ надеждѣ
 Узнать о томъ, что было прежде,
 Но то миражъ своей игрой
 Насъ ввелъ невольно въ заблужденье,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 И вновь все въ мракъ погружено
 И недоступно и темно.

LXXXII.

Гдѣ жъ гордый Римъ? Гдѣ та минута,
 Когда вишалъ героическій Брутта

Блескъ побѣдителя смутилъ
 И лавры славы заслужилъ?
 И гдѣ теперь извѣсть Виргилій?
 Увы! гдѣ Туллія языкъ?
 Гдѣ наконецъ и ты, Титъ-Ливій?
 Тогда сіющій ихъ языкъ
 Былъ воскресеніемъ для Рима.
 Все остальное—смерти тьма.
 Сіянье строгаго ума
 Для насъ теперь неуловимо...
 Ихъ взглядъ такъ гордъ и свѣтелъ былъ,
 Когда ты, Римъ, свободно жилъ.

LXXXIII.

О ты, всегда счастливый Сила,
 Ты, покорившій всѣхъ враговъ,
 Тиранъ, въ которомъ говорила
 И мечь и злоба,—чѣмъ орловъ
 Рабою Азіа встрѣчала,
 О ты, чей гордый, дерзкій взглядъ
 Могъ уничтожить весь сенатъ!
 Ты до конца, какъ и сначала
 Римлянинъ былъ, хоть былъ жестокъ
 И не одинъ имѣлъ порокъ;
 Ты, власть чужую попиравшій
 И въ прахъ короны низвергавшій
 И лавръ диктаторскій,—тогда,
 Въ тѣ отдаленные года —

LXXXIV.

Ты одного не могъ предвидѣть,
 Что до ничтожества дойдетъ
 Те, что въ тебѣ привыкли видѣть
 Великаго, и что падетъ
 Не отъ римлянъ величье Рима.
 Онъ, *сѣчный* городъ, чьи поля
 Дрались всегда непобѣдимо,
 Чьи грани были велики,
 Чьи безконечные предѣлы
 Шли изъ конца въ другой конецъ,
 Онъ, всемогущества вѣнецъ

Носившій нѣкогда такъ смѣло,
Онъ, этотъ вѣчный, гордый Римъ
Исчезъ съ величьемъ своимъ.

LXXXV.

Такъ, побѣдителемъ былъ Сицила.
Нашъ Бромвель тоже Сицилой былъ,

.
.
.
.
.
.

Его судьба—урокъ другимъ:
Его побѣды годовщина
Раскрыла темный гробъ предъ нимъ.
Когда предъ властью исполнила
Два государства ницъ легли,
Въ тотъ день онъ прахомъ сталъ земли.

LXXXVI.

Тотъ день, когда-то давшій силу
И власть могучую ему,
Тотъ день открылъ ему могилу
И съ трона свелъ въ нѣмую тьму.
Судьба намъ этимъ доказала,
Что блескъ и счастье на землѣ,
Все, что тщеславіе искало,
Родило думы на челѣ—
Все это смерть одна смирять
Зловѣщимъ сумракомъ гробовъ...
Какъ жаль, что міръ среди трудовъ
Объ этомъ рѣдко вспоминаетъ!..
Тогда бы люди, можетъ быть,
Съумѣли жизнь переменить.

LXXXVII.

Статуя грозная! Доньяѣ
Ты тамъ стоишь въ своей гордынѣ.

Ты помнишь: предъ тобой стоялъ,
 Съ улыбкой смѣлою и строгой,
 Самъ Цезарь, драпируясь тогой,
 И гордо кровью истекалъ?
 То—жертва грозной Немезиды,
 Царицы неба и земли,
 Всѣмъ гнѣвно жстащей за обиды...
 Героевъ нѣтъ... ихъ дни прошли...
 Погибъ Помпей... О, неужели
 Вы всё когда-то власть имѣли;
 Иль, ставъ игрушкою молвы,
 Лишь только куклы были вы?..

LXXXVIII.

И ты кормилицею Рима
 Была волчица въ тьмѣ вѣковъ.
 Донинѣ съ бронзовыхъ сосковъ
 Въ бассейнъ спадаеть несдержимо
 За каплей капля молока.
 О, мать! Была ты велика,
 Вскормивъ тогда такого сына...
 Теперь, грозой опалена,
 Ты, какъ великая рупня,
 Стоишь, но дѣтямъ предана,
 Ты и теперь была-бъ готова
 Кормить дѣтей погибшихъ снова?
 Вѣдь бережетъ твой нѣжный взглядъ
 Безсмертныхъ этихъ волченятъ?

LXXXIX.

Да, это такъ; но эти дѣти
 Уже исчезли на всегда;
 Изъ ихъ гробницъ потомъ на свѣтѣ
 Сооружали города
 И люди кровью истекали;
 Они дорогой римлянъ или
 И имъ со страхомъ подражали
 И въ грозныхъ битвахъ смерть нашли,
 Но не далась имъ римлянъ слава,
 Хоть проходили за вѣкомъ вѣтъ.
 Одинъ лишь гордый человекъ

Сталъ съ ними рядомъ величаво;
Онъ живъ еще, но мѣся оковъ
Онъ сталъ рабомъ своихъ рабовъ.

XC.

Онъ отъ вѣлчья растерялся.
И, чтобъ быть цезаремъ другимъ,
Идти путемъ его старался —
Неровнымъ шагомъ... Вѣчный Римъ!
Герой твой созданъ былъ иначе:
Онъ страсти пылкія имѣлъ,
Но хладнокровіемъ владѣлъ;
Его спасалъ отъ неудачи
Инстинктъ безсмертный. Разный видъ
Онъ принималъ: то, какъ Алкидъ,
Сидѣлъ онъ съ прѣлкой неизмѣнной
У ногъ царицы несравненной,
То вдругъ любовь позабывалъ
И шель, смотрѣлъ и побѣждалъ.

XCI.

Но тотъ, кто укротилъ такъ скоро
Своихъ властительныхъ орлятъ,
Довелъ до бѣгства, до позора
Побѣдной Галліи солдатъ,
Тотъ, чья душа была могила,
Былъ странно созданъ—и упалъ.
Его тщеславіе сгубило,
Куда онъ шель? Чего желалъ?
Бъ чему упорно корывался
Его честолюбивый умъ?
Въ какія тайны темныхъ думъ
Тотъ властолюбецъ погружался?
Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
Напрасно ждать—отвѣта нѣтъ.

XСII.

Всѣмъ иль ни чѣмъ—онъ быть рѣшился.
Когда-бъ онъ только ждалъ умѣлъ,
То, можетъ быть, похоронился
Съ почетомъ цезарей... Удѣлъ

Печальный отень для героя..
 Такъ для чего же, арки строя,
 Триумфовъ вѣщать человѣкъ?
 Въ чему вѣнокъ ему плетется
 И кровь людей потокомъ льется?
 Гдѣ тотъ спасительный ковчегъ,
 Гдѣ-бъ былъ пріютъ для всѣхъ несчастныхъ?
 Спасенья нѣтъ отъ бурь ужасныхъ,
 Весь міръ въ крови... О, если-бъ богъ
 Дать снова радугу намъ могъ!

XXIII.

И вотъ плоды отъ жизни скудной.
 Въ насъ чувства—узки, умъ—не смѣлъ,
 Жизнь—коротка, дорогой трудной
 Дается истина. Съумѣлъ
 Обычай насъ держать во власти;
 На зло и правдѣ и уму,
 Могушества земнаго страсти
 Нерѣдко гонять насъ во тьму;
 Добро и зло для насъ случайно,
 И люди многіе года
 Дрожали строгаго суда,
 Свободной мысли чрезвычайно
 Страшились, прятаясь во мглѣ,
 Пугаясь свѣта на землѣ.

XXIV.

И такъ тѣ люди проявляютъ
 Бездѣльно цѣлые вѣка
 И отъ разврата умираютъ;
 До смерти злоба ихъ дика,
 Она идетъ въ наслѣдство дѣтямъ;
 И Завѣтомъ дѣдовскихъ гробовъ
 Передаются внукамъ этимъ
 Оковы тяжкія рабовъ
 И вновь за эти цѣпи внуки
 Какъ гладиаторы падутъ,
 И снова кровью истекутъ
 На мѣстѣ томъ, гдѣ тѣ же мучи

И ту же цѣль въ тѣмной борьбѣ
Несли ихъ братья на себѣ.

ХСV. ХСVІ.

ХСVІІ.

Но Франція, подъ кровью братій,
Средь преступлений и проклятій,
Ударъ свободѣ нанесла
И міру пагубна была.
Рядъ сатурнаій, спенъ кровавыхъ
И честолюбье гордеца
И козни замысловъ лукавыхъ
Свободу гнали до конца.
Между надеждой благородной
И человѣкомъ стать должна
Несокрушимая стѣна

.
.
.

ХСVІІІ.

Но все же ты жива, свобода!
Твой стягъ, изорванный кругомъ,
Стоитъ святынею народа;
Твой голосъ, слышный словно громъ,
Теперь усталый грянетъ снова,
И въ сердцѣ дерева большаго
Подъ старой, вѣтхою корой,
Гдѣ виднѣнъ рѣзкій слѣдъ сѣкиры,
Еще кипитъ и нынче въ мірѣ
Сокъ жизни съ прежнею игрой,
И сѣмена его до нынѣ
Найдемъ и въ сѣверной пустынѣ,
И скоро міру лучший плодъ
Весна иная принесетъ.

ХСІХ.

Есть башня древняя. Оградой
Такой она окружена,

Что армія двоей громадой
 Была-бы башнѣ не страшна.
 Стоить руина распадаясь,
 Всѣ стѣны обрастають мхомъ—
 Гирляндой вѣчности. Кругомъ
 Все умираетъ разрушаясь...
 Кто-жъ эту башню здѣсь сложилъ?
 Что за сокровища въ ней скрыты?
 Кто въ ней въ иное время жилъ?
 Какія кости здѣсь зарыты?
 Здѣсь, посреди разбитыхъ плитъ
 Гробница женщины стоитъ.

С.

Кто-жъ эта смерти королева,
 Который домъ—есть гробъ червей?
 Была-ль она чиста, какъ дѣва?
 Иль ложа брачнаго царей
 Была достойна? Родила-ли
 Героевъ славныхъ для побѣдъ,
 Иль дочь, которой краше нѣтъ?
 Какія страсти и печали
 Она имѣла, и когда?
 Любила-ль въ юные года?
 И здѣсь-ли, наконецъ, въ могилѣ
 Ея останки положили,
 Гдѣ башня крѣпкая надъ ней
 Стоитъ, какъ вѣчный мавзолей?

СІ.

Была ли любящей женою?
 Иль мужъ чужой ей былъ любимъ?
 Такія жены старинною
 Бывали; ими древній Римъ
 Богатъ по лѣтописямъ старымъ.
 Она блистала-ль южнымъ жаромъ
 Египетской царицы той,
 Что міръ смущала красотой?
 Иль въ ней Корнелии движенья
 Пугали строгостью своей?

Иль береглась она страстей;
Иль обожала наслажденья,
Иль чувству подчиняла умъ,
Иль въкъ жила подъ гнетомъ мукъ?

СП.

Иль умерла она; быть можетъ,
Въ дни первой юности? Она,
Быть можетъ, здѣсь схоронена
Какъ жертва мукъ? хотъ не тревожить
Теперь ничто почившій прахъ,
Тогда вдругъ туча омрачила
Ту красоту и блескъ въ очахъ
И взрыта ранняя могила?
Иль вечеръ жизни залить былъ
Лучистымъ солнцемъ заходящимъ
И блескомъ смерти освѣтилъ,
Лучемъ прощальнымъ, переходящимъ
Тотъ бѣдный лигъ, и вспыхнулъ онъ,
Багрянымъ свѣтомъ озаренъ?

СПІІ.

Она почилъ, можетъ статья,
Въ тѣ дни, когда была стара,
Когда ужъ стали появляться
На кудряхъ пряди серебра
И ей года напоминали,
Когда тѣ кудри заставляли
Дрожать отъ страсти цѣлый Римъ?..
Но съ увлеченіемъ своимъ
Впередъ ушелъ я очень смѣло:
Одно мы знаемъ, что жила
И въ Римѣ древнемъ умерла
Женой римлянина, Метелла.
Онъ былъ богатъ... Такъ вотъ вамъ слѣдъ
Тщеславія погибшихъ лѣтъ!..

СІV.

Стою я предъ тобой, гробница,
И словно знаю образъ той,

Чей прахъ лежитъ здѣсь подъ плитой;
 Иные дни, иные лица,
 Иная музыка встаетъ,
 И эта музыка растаетъ,
 Какъ громъ торжественный по скаламъ,
 Когда вдаль слабѣтъ онъ.
 На этомъ камнѣ обветшавомъ,
 Разрушенномъ со всѣхъ сторонъ,
 Готовъ стоять, я до мгноденья,
 Пока неясныя мечты
 Не встанутъ въ формахъ красоты,
 Пока мое воображенье,
 Здѣсь изъ могилъ минувшихъ дней
 Не вызоветъ былыхъ тѣней,

CV.

Пока я изъ досокъ разбитыхъ
 Себѣ не сдѣлаю ладью
 И вѣрю ей, судьбу свою,
 Чтобъ спорить съ массой волнъ сорванныхъ...
 Реветь, взбѣжавъ на берега,
 Ихъ несдержимое теченье,
 Гдѣ оставляетъ разрушенье
 Всего, чѣмъ жизнь мнѣ дорога.
 Но если даже я исправлю
 Ладьи обломки, то куда
 Я полечу на ней тогда?
 Куда же смѣло бѣгъ направлю?...
 Отчизну, счастье на пути
 Лишь только здѣсь я могъ найти.

CVI.

Такъ войте-жъ вѣтры! Ихъ стenanье.
 Я вѣчно слушать здѣсь готовъ,
 Здѣсь ихъ ночное завыванье
 Смирится только крикомъ совъ;
 Вотъ какъ теперь при блѣдномъ свѣтѣ
 Съ вершины омраченныхъ горъ
 Ночной ихъ слышу разговоръ,
 Чу! мрачно стонуть втѣщи эти,
 Раскрывъ блестящія глаза.

И мрачно крыльями махая...
 О, пусть здѣсь высохнетъ слеза!..
 На этомъ мѣстѣ скорбь людская
 Совсѣмъ не кстати, а моя —
 О ней молчу я утая.

СVII.

Мохъ и трава кругомъ обваля...
 Теперь развалины стоятъ,
 Гдѣ прежде были арки, залы
 И рядъ высокихъ колоннадъ,
 И своды старые суровы,
 Со стѣнъ всѣ фрески сбиты прочь
 И населяютъ только совы
 Пещеры темныя, какъ ночь.
 Чтожъ это: бани? храмъ? палаты?
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Мы знаемъ только: то былъ слѣдъ
 Стѣны, разрушенной когда-то...
 То императорства гора!
 Давно цоцила ея поря.

СVIII.

Какой урокъ для человѣка!
 Онъ повторяется всегда:
 Сперва свобода—сила вѣка,
 Тамъ—славы много года,
 Развратъ, порокъ, а послѣ что же?
 Что остается наконецъ?
 Лишь только варварства вѣнецъ.
 Во всѣхъ исторiяхъ о, боже!
 Одну страницу лишь найдемъ,

.

Но бросимъ славу и назадъ
 На эту гору кинемъ взглядъ,

СIX.

Любуйтесь, плачьте, смѣйтесь, злитесь.
 И негодуйте люди тутъ,

Своимъ ничтожествомъ казнитесь!
 Подъ этой кучей сложенъ трудъ
 Столбѣй; троны поднимала
 Здѣсь пирамидою гора

.....

 Что солнца—лучь среди небесъ
 Отъ нихъ еще свѣтлѣй казался..
 И гдѣ-жъ слѣды отъ тѣхъ чудесъ,
 Боторымъ мнѣ весь удивлялся?
 Гдѣ золоченныхъ троновъ рядъ?
 Гдѣ ихъ властители лежать?

СХ.

О, Туллій! Твой языкъ едва-ли
 Краснорѣчивъ, какъ та скала...
 Гдѣ Цезарь съ лаврами чела?
 Желалъ бы я, чтобъ увѣчали
 Меня съ могилы славной ихомъ...
 И чья колонна эта? Тита?
 Трояна? Все здѣсь мертвымъ сномъ
 И строгой вѣчностью сокрыто.
 Колонны, арки сбиты въ прахъ.
 Гдѣ императоры почилн
 Теперь стоять на тѣхъ мѣстахъ
 Иныя статуя; въ могилѣ
 Подъ небомъ вѣчно голубымъ
 Имперскій прахъ сталъ недвижимъ.

СХІ.

Въ гробницахъ тѣхъ почило тѣло
 Того, чей духъ при жизни могъ
 Величіемъ гордиться смѣло.
 То-былъ послѣдній полу-богъ,
 Властитель міра, слава Рима.
 Его потомки не могли
 Стоять, какъ онъ, непобѣдимо
 За блескъ родной своей земли.
 Самъ Александръ предъ нимъ блѣднѣеть.
 Онъ кровью рукъ не обагрилъ
 И добродѣтелью дивилъ.

До нынѣ мiръ благоговѣтъ
 Предъ памятью твоей, Траянъ!
 Ты будешь гордостью всѣхъ странъ...

СХІІ.

Гдѣ та гора, гдѣ Римъ въ гордынѣ
 Своихъ героевъ обнималъ?
 Скала Тарпейская гдѣ нынѣ?
 Гдѣ мысль, съ котораго упалъ
 Измѣнникъ, сброшенный для казни?
 И гдѣ грабители земли
 Бережъ безъ страха и боязни
 Свои сокровища могли?
 Да, тамъ внизу теперь истлѣли
 Развратъ, крамолы многихъ лѣтъ.
 Вотъ Форумъ—славы прошлой слѣдъ,
 Гдѣ рѣчи нѣкогда гремѣли,
 Гдѣ словно живъ до нынѣ онъ,
 Краснорѣчивый Цицеронъ.

СХІІІ.

О, похѣ славы и свободы,
 Кривопротитій и крамолъ!..
 Здѣсь истощалась мощь народа
 Съ дней возрожденья въ морѣ золь.
 Давно свобода тамъ закрыла
 Свое лице и уступила
 Анархiа былую власть,
 И только царствовала страсть,
 Пока ногой своей желѣзной
 Не потопталъ одинъ солдатъ
 Предъ нимъ трепещущій сенатъ —
 Рабовъ, поставленныхъ надъ бездною,
 И сталъ, чтобъ людямъ угрожать,
 Холоповъ гнусныхъ поддупать.

СХІV.

А ты, Италiа подлора,
 Петрарки другъ, герой Римлячъ,
 Ты, искупитель ихъ позора —

Риензи! Пусть на твой кургамъ
 Кладутъ печальные народы
 Листы, которые растутъ
 На тощемъ деревѣ свободы —
 И ими гробъ твой обовьютъ.
 Чело твое вначала дума,
 Подвизникъ Форума, — ты былъ
 Начальникъ гордый римскихъ силъ,
 И бросилъ миръ, какъ новый Пума,
 Гдѣ, къ сожалѣнью, только могъ
 Ты властвовать лишь враждой сродъ.

СХУ.

Эгерія! Созданье грезы,
 Прелестный, дивный уголокъ
 Гдѣ забывать земныя слезы
 Сынь праха въ углубленн мотъ.
 Кто ты? воздушная Аврора,
 Иль нимфа въ блескъ красоты,
 Иль та земная дѣва ты,
 Которая плавнѣетъ скоро
 Боговъ, соединихъ въ миръ съ небесъ?..
 Но гдѣ бы ты не возродилась,
 Была ты перломъ всѣхъ чудесъ;
 Въ тебѣ такъ яро воплотилась
 Неуловимая мечта
 И чистой грезы кра ота.

СХVI.

Фонтанъ твой въ брызгахъ водички
 Зеленой мѣхъ водою краситъ,
 Въ твоёмъ ручьѣ, подъ тѣнью гротъ,
 Духъ эликъ мветъ изъ струй чашки.
 Истурство зѣвъ на всазадъ,
 Зеленохъ, дивныхъ береговъ,
 Тенень вода не заданно
 Зѣвъ иго мраморныхъ оковъ.
 Съ подножья статуй разбитой
 Ока бѣгутъ едва журча
 И мѣхъ яркаго ключа.

Здѣсь — плющъ вѣругъ дерева обвитый,
Тамъ — ароматныя цвѣты
И изумрудныя листы.

СХVII.

Холмы мелькаютъ въ отдаленьѣ,
Съ земли несется аромать...
И пестрыхъ ящерницъ движенье
И пѣнье птицъ... Цвѣты манять,
Зовутъ къ себѣ улыбкой ласки.
Разнообразно-хороши
Ихъ фантастическія краски
Въ благоухающей тиши.
Здѣсь темно-синими глазами
Фиалки нѣжныя глядятъ,
И ихъ невинный, кроткій взглядъ
Лазурью спорить съ небесами,
Какъ будто вѣѣтъ ихъ съ высоты
Вдругъ перешелъ на тѣ цвѣты.

СХVIII.

Ты здѣсь когда-то обитала
Эгерія! Здѣсь часто ты
Ждала любовника, дрожала...
И ночь подъ ризъ и темноты
Скрывала тайное свиданье.
Какъ дорогъ былъ его приходъ!..
Конечно, этотъ темный гротъ,
Хранившій тайну обожанья,
Сооруженъ нарочно вновь
Для этой любящей богини,
Пришавшей смертнаго любовь...
Любовь витала въ той рунѣ;
Весь міръ любви таюя языкъ
Считать оракуломъ привыкъ.

СХIX.

Отвѣтивъ на любовь земную,
Ты страсть таюю подила,
Съ земнымъ восторгомъ ты

Восторгъ божественный,—пную
 Жизнь пробудивши на землѣ.
 Съ своимъ безсмертьемъ на челѣ,
 Скажи: земныя наслажденья,
 Земныя страсти и томленья
 Могла-ли обезсмертить ты?
 Могла-ль избавить отъ страданья,
 Отъ той сердечной пустоты,
 Гдѣ пресыщенныя желанья
 Въ гробницу сердце превратить,
 Въ которой чувства наши спать?

СХХ.

Мы чувства на вѣтеръ бросаемъ,
 Безцѣльно тратимъ съ раннихъ лѣтъ,
 Въ своей душѣ мы насаждаемъ
 Цвѣтъ сластолюбыя, мертвый цвѣтъ,—
 Растенья, милыя для взгляда,
 Но смерть которыя таятъ...
 Дыханье ихъ—зловредный ладъ
 И срадъ могилъ—ихъ ароматъ.
 Вотъ садъ, которымъ мы ходимъ
 Путемъ страстей земныхъ всегда;
 Вездѣ запретнаго плода
 Мы ищемъ, ищемъ и находимъ,
 Но этотъ запрещенный плодъ
 Намъ истощенье лишь даетъ.

СХХІ.

Любовь! ты гостя въ міръ этомъ
 Къ тебѣ, незримый серафимъ,
 Мы порываемся съ привѣтомъ
 И съ свѣтлымъ помысломъ своимъ.
 Въ сердцахъ разбитыхъ скрыта вѣра,
 Но все жъ не можемъ мы взглянуть,
 Гдѣ ты живешь, гдѣ эта сфера
 Любви, свершяющей свой путь.
 Кто эти формы созерцаетъ?
 Ты нашей мыслью создана.
 Какъ мысль, фантазіи вѣра

Пространство неба заселяеть,
 Такъ и въ любви она творить
 И наши страсти ш.велить.

СХХII.

Влюбленная въ свое созданье,
 Въ насъ мысль становится больна,
 И въ лихорадкѣ обожанья
 Бываетъ вымыслу вѣрна.
 Кто далъ скульптору идеалы?
 Они сокрыты въ немъ самомъ.
 А наши грезы, что бывало,
 Насъ увлекали дивнымъ сномъ,
 Какимъ-то раемъ неизвѣстнымъ,
 И мы рвались подъ чарой грезъ
 Въ попыткахъ дѣтскихъ, въ мукахъ слезъ
 Къ какимъ-то образамъ прелестнымъ,
 И ни художникъ, ни поэтъ
 Не уловилъ еще ихъ слѣдъ...

СХХIII.

Любовь—безумство. Но ужаснѣй
 Еще лекарство отъ любви.
 Оно любви самой опаснѣй;
 Исчезнетъ первый жаръ въ крови
 И убѣгутъ очарованья,
 И наши идолы падутъ,
 Исчезнутъ пылкихъ грезъ созданья,
 Мечта уйдетъ, но даже тутъ
 Не сбросимъ мы любви оковы,
 Посвявъ вѣтры, мы найдемъ
 Лишь бури страшныя кругомъ,
 Мы будемъ думать, что готовы
 Найти сокровища въ тотъ часъ,
 Когда ужъ бездна близко насъ.

СХХIV.

Отъ юныхъ лѣтъ мы вянемъ хило,
 Бредемъ безъ цѣли цѣлый вѣкъ,
 Но до конца, но до могилы

Все ищетъ слабый человѣкъ
 Какой-то призракъ, но проклятье
 На немъ съ пелень еще лежитъ.
 О, слава и любви объятья!
 То и другое насъ мутить,
 То и другое минеть скоро.
 Ихъ безотрадна красота;
 Они исчезнуть, какъ мечта,
 Какъ блескъ случайный метеора;
 Ихъ тушить вдругъ столбомъ своимъ
 Зловѣщей смерти черный дымъ.

СХХV.

Почти никто любить не смѣетъ
 Ту, для которой онъ рожденъ,
 Хоть случай часто и умѣетъ
 На насъ навѣять ложный сонъ
 И заглушить воспоминанья;
 Но скоро въ насъ воскреснутъ вновь
 Ошибки старья, страданья
 И не умершая любовь.
 Случайность—этотъ злобный геній
 Приходитъ съ горемъ и тоской
 И намъ грозитъ своей клюкой,
 И отъ ея прикосновеній
 Надежды наши въ прахъ падутъ,
 И никогда не развѣтутъ.

СХХVI.

Жизнь наша—вѣчный грѣхъ природы,
 Насланіе небесныхъ каръ,
 Клеймо судьбы, позоръ свободы;
 Жизнь наша—тоже что *Анчаръ*
 Съ его смертельною отравой
 И ядовитою росой.
 Жизнь—служить хищною забавой
 Для мукъ, недуговъ; смерть съ косой
 За ней слѣдить. Жизнь—есть страданья,
 Хоть ихъ, порою, не видать, —
 Они съумѣютъ петерзать
 Изгрысть всю грудь безъ состраданья;

А въ сердцѣ боль царитъ одна
Неукротима и сильна.

СХХVII.

Все жъ будемъ размышлять мы смѣло.
Безчестно отступать отъ правъ:
Мысль—наше право, наше дѣло
И я храню ея уставъ.
Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,
Водили къ пыткамъ и на казнь,
Терзали, жгли и оскорбляли,
Хотя завистливо боязнь
Ее во мракѣ содержала,
Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ челоуѣкъ,
По все-жъ порою видѣлъ вѣкъ,
Что мысль лучемъ своимъ сияла;
И мы узнали наконецъ,
Что прозрѣваетъ и слѣпецъ.

СХХVIII.

Надъ звѣздами восходятъ арка!
Какъ будто бы рѣшился Римъ
Въ нѣкъ завѣщанъ вѣстамъ подарки
Великимъ зданіемъ своимъ.
То — Колизей. Луна сияетъ
Подобно факеламъ въ ночи,
Какъ будто Римъ лишь позволяетъ
Одной лунѣ бросать лучи
На этотъ памятникъ богатый
Отъ улетѣвшей старины,
И озаряетъ блескъ луны
Весь городъ, сумракомъ обвѣтый,
И хоть лазуревая тьма
Стоитъ недвижна и нѣма,

СХХIX.

Но въ ней какъ будто-бы поселись
Слова, — манили въ небеса
И Риму вѣчному дивились....
Здѣсь спятъ въ громадахъ чудеса!

Здѣсь время все не истребило,
 Какой-то духъ живъ въ тѣхъ мѣстахъ
 Съ косою, изломанной въ рукахъ...
 И не понятная есть сила
 Въ обломкахъ стѣнъ, сѣдыхъ колоннъ;
 Они — безсмертныя сказанья
 Иныхъ столѣтій и времёнъ.
 И передъ ними блѣдны зданья—
 Постройки нынѣшнихъ годовъ—
 Среди новѣйшихъ городовъ.

СXXX.

О, время! Смерть ты укрощаешь,
 Ты смыслъ развалинамъ даешь,
 Ты наше сердце исцѣляешь,
 Ты нашъ разумокъ бережешь,
 И отгоняешь заблужденья!..
 О время! пробный камень ты
 Любви и истины. Движенья
 Твои суровы, какъ мечты
 Философа. Ты — мститель свѣта.
 Къ тебѣ я сердце приношу
 И у тебя теперь прошу
 Я, вмѣсто всякаго привѣта,
 Одной награды роковой,
 Прошу съ поникшей головой.

СXXXI.

Между обломковъ разрушеній,
 Соорудившихъ твой алтарь,
 Межъ самыхъ лучшихъ приношеній,
 Что для тебя хранила старь,
 Я приношу тебѣ руины
 Своихъ разрушенныхъ годовъ,
 Хоть не знакомы имъ сѣдины...
 О, если въ гордости готовъ
 Сносить я ненависть спокойно,
 И мнѣ нестрашенъ злобы гнетъ,
 Желая я, чтобъ вѣчный ледъ
 Я могъ осить въ груди достойно

Чтобъ этотъ ледъ, во всѣ года,
Въ груди не таялъ никогда.

СXXXII.

А ты, бить гнусности, порока,
Ты, Немезида! Предъ тобой
Склонялся часто мѣръ съ мольбой.
Ты, призывавшая жестоко
Всѣхъ фурій адскихъ злобно выть
И съ визгомъ прыгать вокругъ Ореста,
Чтобы Оресту отплатить
За мщенье звѣрское, — здѣсь съ мѣста
Гдѣ ты царишь, и въ этотъ часъ
Тебя изъ праха вызываю!..
То просьба сердца прорвалась.
Возстань! Должна ты, умоляю,
Во что-бъ ни стало изъ гробовъ
Прийти на мой послѣдній зовъ.

СXXXIII.

Быть можетъ, я-бъ привыкнулъ къ ранѣ,
Когда-бы могъ узнать заранѣ,
Что справедливъ былъ тотъ ударъ
Меня сразившій; этотъ даръ
Я вынесъ-бы безъ сожалѣнья,
Но нынче черной раны кровь
Земля не будетъ пить ужъ вновь
И я зову тебя для мщенья,
Зову одну тебя къ мечу,
Затѣмъ, что самъ я не хочу
Прибѣгнуть къ мести и угрозѣ.
И такъ, я сплю предавшись грезѣ,
И за меня теперь должна
Ты встать, на мигъ не зная сна.

СXXXIV.

Я не боюсь своихъ страданій.
Кто видѣлъ на моемъ челѣ
Слѣды тревогъ и содраганій?
Но я желаю на землѣ

Остаться жить въ странницѣ этой.
 Не даромъ брошу я слова,
 Хоть въ прахъ согнусь, въ гробу отпѣтый,
 Временъ грядуща молва
 Мой гнѣвъ предъ всѣми оправдаеть,
 Теперь мой гордый, смѣлый гнѣвъ
 Стиховъ пророческій напѣвъ
 Въ груди усталой пробуждаеть.
 Мое проклятiе въ народъ
 На многихъ смертныхъ упадетъ.

СХХХV.

Земли и небо! мнѣ внимайте:
 Я долженъ былъ идти на бой,
 Страдалъ съ грозною судьбой.
 Мои вѣс муки сосчитайте.
 Не впеушили-ли я свой умъ?
 Не сокрушили-ли сердца въ печель?
 Каковой отравы въ жизни не пилъ
 Среди тяжелыхъ, черныхъ думъ!
 И если я, не зная страха,
 Себѣ въ борьбѣ не измѣнилъ,
 То потому, что созданъ былъ
 Не изъ того простаго праха
 Людей ничтожныхъ предо мной,
 Съ ихъ мелкой завистью земной.

СХХХVI.

И развѣ мало преступленiй
 О, родъ людской, падѣлалъ ты
 Отъ самыхъ сильныхъ огорченiй
 До ядовитой клеветы?
 Та клевета отравой гада
 Все отравляетъ порою рада;
 Она, какъ Янусъ два лица
 Имѣеть: взглядами льстеца,
 Мишурной истиной обманеть,
 И люди вѣрять сгоряча
 Пожатыю лѣстивому плеча,
 И клевета порочить станеть

Съ лукавой лестью до конца
Инаго добраго глупца.

СХХХVІІ.

Но я на свѣтъ жилъ не даромъ;
Быть можетъ, умъ мой ослабѣлъ
И кровь бѣжитъ не съ прежнимъ жаромъ,
Но я за то въ борьбѣ сумѣлъ
Смирить и время и мученья,
Я даже послѣ погребенья,
Останусь жить съ своей тоской,
И долго надъ душой людскою
Незримо буду я поситъся,
И каменистую ихъ грудь
Я разбужу когда нибудь;
И въ ней тогда зашевелится
И угрызенье и тоска,
Ихъ неизвѣстная пока.

СХХХVІІІ.

И такъ, привѣтъ тебѣ, богиня!
Ты возбуждаешь въ насъ не страхъ,
Но уваженіе. Въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ спитъ въ развалинахъ пустыня,
Являлась ты порой ночной,
Какъ ризою, скрыта темнотою
Въ мѣстахъ, гдѣ ялицъ по камнямъ вѣетъ,
Гдѣ все прихвѣтъ твѣ и оживляетъ,
Гдѣ чрезъ тебя сворѣй поинтеренъ
Весь смель рунныи дивихъ скаль.
И все, что прахъ вѣковъ срываетъ
Для насъ мгновенно оживаетъ,
Тогда готовы слиться мы
Съ картиной, вышедшей изъ тьмы.

СХХХІХ.

Да, раздавался здѣсь когда-то
Восторгъ народа, шепотъ, крикъ,
Здѣсь братъ съ убійствомъ шелъ на брата
И смертью скованъ былъ языкъ.
Законы Цирка заставляли

Ихъ умирать и забавляли
 Ихъ трупы кесарей тогда.
 Мы всё умремъ, что-жь за бѣда —
 Погибнуть въ циркѣ или въ сраженьѣ?
 Насъ здѣсь и тамъ найдетъ червякъ,
 Глаза закроетъ вѣчный мракъ,
 И всё мы ляжемъ безъ движенья,
 И здѣсь и тамъ ужъ съ давнихъ поръ
 Смерть — торжествующій актеръ.

СXL.

Я вижу: на руку склоняясь,
 Паль градіаторь... жалкій видъ.
 Чело блѣднѣетъ, опускаясь, —
 Изъ смертной раны кровь бѣжитъ,
 По каплямъ на песокъ струится.
 Арена передъ нимъ кружится,
 Въ глазахъ туманъ и смерти мракъ,
 Онъ жизнь оканчиваетъ такъ
 Подъ крикъ толпы безчеловѣчной,
 Которая кругомъ реветъ
 И побѣдителю несетъ
 Порывъ восторга безконечный,
 И слышитъ онъ, какъ этотъ крикъ
 Неумолимъ и звѣрски дикъ.

СXLI.

Онъ умиралъ безъ сожалѣнья,
 Но живы въ немъ бывше сны,
 Его несетъ воображенье
 На берега родной Двины.
 Тамъ ждутъ его жена и дѣти
 Въ убогой хижинѣ теперь,
 А онъ, опора ихъ на свѣтъ,
 Погибнуть долженъ, словно звѣрь,
 Забавою позорной Рима.
 Когда онъ кровью истекалъ,
 Онъ будто вновь ихъ увидалъ,
 Ихъ образы скользнули мимо...
 О, мщенье! что же медлитъ тутъ!
 Когда же Готты мстить придуть?

CXLII.

И здѣсь, гдѣ прежде парь кровавый
 Дымился съ черныхъ, смертныхъ ранъ,
 Здѣсь, гдѣ злодѣйствами и славой
 Полна исторія Римлянъ,
 Гдѣ приговоры раздавались,
 Теперь царить здѣсь тишина,
 Ступени дряхлыя распались
 И на стѣнѣ лежитъ стѣна.
 Арену звѣзды освѣщаютъ.
 Вездѣ молчанье, пыль и мракъ,
 Лишь эхо мой чуть слышный шагъ
 По галлереймъ повторяетъ
 И межъ разрушенныхъ колоннъ
 Проносится и гулъ и звонъ.

CXLIII.

Развалины! Изъ нихъ слагались
 Дворцы, чуть-чуть не города,
 Онѣ-жъ все прежними остались,
 Какъ будто тѣ-же, что тогда,
 Какъ будто ихъ не разрушали...
 Но если ближе подойдемъ,
 Ихъ разрушеніе поймемъ, —
 Слѣды погрома и печали...
 Здѣсь освѣщаетъ солнца свѣтъ
 Все то, что время не щадило,
 Чему теперь возврата нѣтъ,
 Что варварство давно сгубило,
 Что ужъ давно въ могилахъ спитъ, —
 Здѣсь солнца лучъ все озаритъ.

CXLIV.

Когда-жъ луна надъ этимъ сводомъ
 Глубокой полночью всплыветъ,
 Заблещутъ звѣзды хороводомъ
 И вѣтерокъ ночной пахнетъ,
 И плющъ зеленый закачаетъ,
 Віющійся вокругъ стѣны,
 Когда блескъ ночи озаряетъ

Картину эту съ вышпили,
 Тогда герои покидаютъ
 Свои гробницы и встаютъ.
 И нынче люди тамъ илутъ,
 Гдѣ ихъ останки отдыхаютъ;
 Вѣдь попирали и они
 Тотъ самый прахъ въ былые дни.

СXLV.

„Цвѣль Коллизей — и слава въ Римѣ,
 „Онъ палъ — мадетъ съ нимъ вмѣстѣ Римъ,
 „А Римъ — въ руинахъ, — вмѣстѣ съ ними
 „Погибнетъ свѣтъ.“ Такъ пилигримъ
 Когда-то дѣлалъ предсказанья,
 Но Римъ еще теперь стоитъ,
 И не распался Рима зданья
 И Коллизей тотъ же видъ
 И мѣръ — огромная пещера,
 Всегда дающая пріютъ,
 Для всѣхъ, которые войдутъ:
 Для бора и для лицемера
 Не стерся въ пыль до этихъ поръ
 И живъ, готовый на раздоръ.

СXLVI.

О, храмъ великій, неизмѣнный,
 Храмъ всѣхъ боговъ и всѣхъ святыхъ,
 Ты всталъ съ главѣй своей свинцовой,
 Преврѣвши власть вѣковъ сѣдыхъ.
 Вкругъ государства исчезли,
 Колонны египъ, городовъ,
 Вдругъ люди въ мукахъ умирали. —
 Лишь молодымъ ты былъ всегда.
 Кому здѣсь время изомало,
 Тираны били слонами свой —
 Въ припадѣхъ злости надъ тобой —
 Твое величье устояло.
 О, Мантеона славимъ храмъ,
 Ужель на вѣчно стоять ты тамъ?

CXLVII.

О, памятникъ минувшей славы,
 Ограбленный со всѣхъ сторонъ,
 Но все стоящій величаво,
 Благоговѣнье будить онъ.
 Здѣсь изъ развалинъ одинокихъ
 Глядитъ величье на народъ
 И много думъ святыхъ, глубокихъ
 На богомольцевъ наведетъ
 Алтарь; сюда для поклоненій,
 Гдѣ слава предвкушаетъ сонъ,
 Сойдутся люди на поклонъ,
 Которымъ дорогъ римскій геній:
 Здѣсь бюсты Римлянъ вдругъ стоятъ;
 И на прохожаго глядятъ.

CXLVIII.

Иду. Передо мной темница.
 Что вижу... всюду темнота.
 Но чьи двѣ тѣни тамъ? чьи лица?
 Ужель они — одна мечта.
 Но нѣтъ, я вижу, — точно это —
 Съ прекрасной женщиной старикъ,
 Въ ней кровь, какъ нектаръ, свѣтъ въ лицѣ.
 Зачѣмъ же здѣсь, вдали отъ свѣта
 Стоитъ прекрасная жена?
 Зачѣмъ же грудь обнажена,
 Зачѣмъ открыта эта шея,
 Бѣла, какъ пѣжная лилія?
 Я вижу ясно въ темлотѣ
 Передъ собой фигуры тѣ.

CXLIX.

Грудь поднимается высоко,
 Та грудь, которую сосетъ
 Дитя, заснувшее глубоко,
 Той грудью мать ему даетъ
 Сладчайшей пищей жизнь и силъ,
 Капризы дѣтскіе ей мила.
 Ей такъ пріятно и легко
 Давать ребенку молоко.

Она у дѣтской колыбели
 Находитъ радость и покой
 (О, вѣрно, радости такой
 Понять мужнины не умѣла!)
 Мать ждетъ отъ сына славныхъ дѣлъ,
 Но... вѣдь и Каинъ мать имѣлъ.

СЛ.

А здѣсь отца теперь питаетъ
 Она цѣлебнымъ молокомъ,
 Она часть крови возвращаетъ
 Ему назадъ. Надъ старикомъ
 Дотогѣ смерть не пронесется,
 Пока въ той груди, въ жилкахъ льется
 Младая, огненная кровь,
 Пока сильна къ отцу любовь.
 О, пей старикъ изъ этой груди!
 Спасенный силою любви,
 Пей молоко и вновь живи!...
 Вѣдь даже въ лучшемъ мѣрѣ люди,
 Куда ихъ души упорхнутъ,
 Питья такого не найдутъ.

СЛІ.

Той нѣжности не сохранила
 И басня о пути млечномъ,
 Какъ тотъ разсказъ, гдѣ дочь кормила
 Отца сѣдаго молокомъ.
 Его созвѣздіе -- свѣтлѣе,
 Чѣмъ тѣ блестящіе мѣры,
 Что свѣтять въ темномъ небѣ млѣя,
 Среди таинственной игры.
 О, ты кормилица святая!
 Потокъ твой чистый съищеть путь
 Къ отцу разслабленному въ грудь,
 И эта влага пролитая
 Дастъ жизнь тому, кто умиралъ,
 Кто жизнь тебѣ же даровалъ.

СЛІІ.

Вотъ холмъ забытый Адриана,
 И этотъ островъ великана

По прихоти имѣеть видъ
 Египта древнихъ пирамидъ.
 Плодъ дерзкихъ замысловъ фантазій,
 Стоять громадный образецъ
 Инаго вѣка безобразій,
 Величья ложнаго вѣнецъ;
 Онъ возведенъ былъ Адрианомъ
 И возбуждаетъ сѣхъ одинъ
 Въ тебѣ, прохожій пилигримъ.
 Покрѣтъ забвеньемъ, какъ туманомъ,
 Гигантскій холмъ сооруженъ
 Надъ тѣмъ, кто въ пепелъ обращенъ.

CLIII.

Смотрите! передъ нами зданье!
 Предъ нимъ Діаны чудный храмъ
 Избушкой кажется. Созданье
 И чудо Еесеа главамъ
 Моимъ когда-то представлялось.
 Въ степи стѣна его распалась,
 Гдѣ лишь съ гнѣною шаваль
 Его обломки носивалъ;
 Мечеть Софійскую когда-то
 Я видѣлъ тоже, осмотрѣтъ
 Успѣлъ я древнюю мечеть...
 Она священна и богата,
 Ислама вѣрные сыны
 Молились въ ней средь тишины.

CLIV.

Но ты, межъ храмовъ вставши строго,
 Стоишь одинъ. Лишь только ты
 Достоинъ стать быть храмомъ бога
 Съ тѣхъ поръ, какъ пали высоты
 И стѣны древняго Сіона.
 Нѣтъ, никогда во время оно
 Для славы бога и небесъ
 Такихъ не строили чудесъ.
 Здѣсь все: величье, слава, сила
 И неземная красота,
 Въ себѣ одной постройка та

Смысль въры истинной вѣстнаа:
 Съ благоговѣннемъ народъ
 Предъ этой храминой пдетъ.

CLV.

Войдемъ. Громада насъ не давить,
 Хоть та громада велика,
 Но здѣсь душа растетъ, пужаетъ,
 Въ своемъ полетѣ высока.
 Здѣсь освящаются надежды.
 Настанетъ день: раскрывши вѣжды,
 Узнаешь ты безсмертья свѣтъ
 И гласа божяго привѣтъ.
 Тебѣ откроется дорога
 Къ инымъ, небеснымъ высотамъ,
 И въ вѣчно-новомъ блескѣ тамъ
 Лицомъ къ лицу увидишь бога,
 И взоръ божественный и видъ
 Твоей души не утратить.

CLVI.

Идемъ — а зданье вырастаетъ.
 Такъ, посреди Альпійскихъ горъ,
 Чѣмъ дальше путникъ вверхъ вползаетъ,
 Тѣмъ необъятнѣй ихъ просторъ.
 Идемъ, а зданье вырастаетъ,
 Но, не теряя красоты,
 Оно величьемъ пугаетъ:
 Колонны мрамора чисты,
 Блестятъ лампы золотыя
 И куполь сверху смотритъ внизъ
 И словно въ воздухъ повисъ,
 А съ образовъ глядятъ святые
 И въ этомъ храмѣ по стѣнамъ
 Ихъ лики видны здѣсь и тамъ.

CLVII.

Здѣсь взоръ теряется въ просторѣ,
 Здѣсь по частямъ все виднѣть глазъ.
 Такъ береговъ зеленыхъ моря
 Не осмотрѣть въ единый азъ.

Тамъ нужно все смотрѣть отдѣльно,
 Чтобъ оцѣнить, какъ все кругомъ
 Тамъ гармонично, строго, цѣльно,
 И вѣтъ вышпмъ божествомъ.
 Тамъ разомъ взоръ не въ состоянн
 Постичь великой красоты,
 Лишь понемногу только ты
 Доводишь умъ до обожанья
 И, ощутивъ невольный страхъ,
 Предъ красотой падеши во прахъ.

CLVIII.

Мы можемъ только постепенно
 Все нашимъ чувствомъ обнимать,
 Все, что не такъ обыкновенно.
 Словами вдругъ не передать
 Величя такого зданья.
 Своей ничтожности сознанье
 Сначала тамъ смущаетъ насъ,
 Когда же привыкаетъ глазъ
 Къ картинѣ стройной и спокойной,
 Тогда и наша мысль растетъ
 До пониманя красотъ,
 И чувствуетъ себя достойной
 Начать неслышный разговоръ
 Со всѣмъ, что вдругъ увидѣлъ взоръ.

CLIX.

Смотри и стой здѣсь безъ движенья.
 Въ томъ созерцанн дано
 Намъ не одно благоговѣнсе
 И не чудесное одно,
 Пить, не одно разбудить чувство
 Остатокъ древняго искусства,
 Но здѣсь сокрытъ великй слѣдъ
 Великихъ думъ прошедшихъ лѣтъ,
 Здѣсь научиться можешь разомъ
 Тому, какъ былъ великъ тотъ вѣкъ,
 Когда жилъ древнй человекъ,
 Какъ былъ возвышенъ древнй разумъ
 И генй тѣхъ былыхъ вѣковъ,
 Поднявшй храмъ до облаковъ.

CLX.

Иль взглянешь ны на образъ бога.
 Поэзи и жизни богъ!
 Онъ держитъ дуть, склоняся немного.
 Лишь просвѣтленный свѣтъ и строгъ.
 Его побѣда оживляла...
 Сейчасъ стрѣла его упала.
 Местъ бога свѣтитъ въ очахъ,
 Въ его раздувшися ноздряхъ
 Замѣтно гордое презрѣше.
 Онъ дышетъ силой, красотой
 И вѣчнымъ блескомъ залвтой,
 Такое принялъ онъ движенъе,
 Что видъ его сказать бы могъ:
 Смотрите люди — это богъ!..

CLXI.

Во всей его прекрасной позѣ
 Сонъ вѣчной страсти отраженъ,
 Какъ будто въ лучезарной грезѣ
 Онъ грустной нимфою плѣненъ.
 Въ его фигурѣ отразилась
 Та красота, что возродилась
 Въ неясныхъ обликахъ мечты;
 Безсмертья высшаго цвѣты
 Своими залили лучами
 И блескомъ чуднаго вѣнца
 Черты прекраснаго лица.
 И передъ нашими очами,
 Какъ воплощенная мечта,
 Открылась бога красота.

CLXII.

Пусть Прометей унесъ украдкой
 Съ небесъ огонь, — свою мечту
 Вложилъ художникъ въ мраморъ гладкій
 И въ камень вдунулъ красоту.
 И если это изваянье
 Дала намъ смертная рука,
 То какъ безсмертное создашь

Переживеть оно вѣка.
Его и время пощадило,
Оно не рушится отъ лѣтъ;
Богъ вѣчнымъ пламенемъ согрѣтъ,
Въ немъ та божественная сила,
Которую зажегъ рѣзецъ
И ты, невѣдомый творецъ.

CLXIII.

Но гдѣ жъ герой мой? Не пора-ли
Его въ разговоръ ввести опять?
Нѣтъ; ужъ ему теперь не встать.
Героя нѣтъ. Его печали
Теперь окончились для насъ.
Онъ самъ—ничто. О немъ разговоръ
Мы не начнемъ какъ прежде снова.
Напрасно образа живаго
Искать хотѣли бы мы въ немъ.
Исчезнуть онъ, какъ сновидѣнье,
И унесло своихъ крыльевъ
Его изъ міра разрушенья,
И разрушеньемъ этимъ онъ
Въ пучину бездны погруженъ,

CLXIV.

Гдѣ погибаетъ безвозвратно
Все то, что въ свѣтъ намъ дано,
Чѣмъ доля жизни намъ пріятна.
Той страшной безднѣ суждено
Смущать насъ тьмой и облаками.
Они становятся межъ нами
И свѣтлымъ прошлымъ каждый разъ,
И такъ идетъ за часомъ часъ
И слава въ этой тьмѣ блѣднѣетъ,
Терлетъ свой блестящій видъ
И, точно сумерки, глядитъ,
Темнѣе ночи тяготѣетъ
И безпокоя каждый взоръ,
Родитъ сомнѣнья и уворъ.

CLXV.

И всѣхъ насъ въ пронасть посылаетъ
Пытать судьбу и узнавать,

Что насъ за гробомъ ожидаетъ,
 И о величїи мечтать
 И съ суетой своей теряться...
 Вотъ въ чемъ должны мы убѣждаться!..
 Былой намъ жизни не вернуть:
 Однажды только носить грудь
 Всѣ муки сердца и страданья,
 И не забьется больше вновь
 Людское сердце; смерзнеть кровь,
 Успуть безплодна желанья;
 Мы жпть не будемъ никогда,
 Какъ жили въ прежніе года.

CLXVI.

Но, чу! Изъ бездны крикъ раздался,
 Протяжный и ужасный звукъ,
 Какъ будто кровью обливался
 Народъ истерзанный отъ мукъ;
 Средь тьмы и бури разверзалась
 Земля и грозно поднималась
 За тьню тьнь; готъ призракъ всталъ—
 То—королева. Не блистала
 На ней вѣнецъ; она стояла
 Съ печалью матери въ глазахъ,
 Блѣдна, прекрасна и въ слезахъ
 Ребенка къ сердцу прижимала.
 Увы! напрасно стала мать
 Къ груди ребенка прижимать!...

CLXVII.

Надежда націй, неужели
 Тебя ужъ нѣтъ, ты умерла?
 Зачѣмъ же смерть тебя взяла,
 Какъ будто нѣтъ иной ей цѣль?
 Однажды въ полночь, послѣ мукъ,
 Ребенка не спускала съ рукъ,
 Ты съ сердцемя, обограннымъ кровью,
 Склонилась тихо къ изголовью
 И въ этой жизни умерла,
 Съ собой всѣ скорби унесла.
 Когда же ты закрыла вѣжды—

Съ тобой исчезли всѣ надежды,
Которымъ вѣрить былъ готовъ
Народъ имперскихъ острововъ.

CLXVIII.

Крестьянки, ставши матерями,
Здоровый принимаютъ видъ.
А ты, которая блеститъ
Звздой межъ всеми королями,
Ты въ полномъ блескѣ умерла,
Хоть обожаема была,
Была любимицей народа...
Тебя оплакала свобода.
А ты, убитый горемъ мужъ,
Несчастный принцъ—одинъ остался.
Скажи же намъ теперь: къ чему-жъ
Такъ не на долго съ ней вѣнчался?
Лишь на годъ ты надѣлъ вѣнецъ,
Ребенка мертвого отецъ!..

CLXIX.

Костюмъ твой брачный—власница.
Ребенку твоему дана
Не люлька дѣтская—гробница...
Почила чудная жена!..
Мы ей вѣряли наши силы,
И нашу славу и умы
И дѣтимъ завѣщали мы
Ей вѣрить до дверей могилы,
И тѣмъ, кто будетъ ей рождень...
Для насъ надежды этой сонъ,
Какъ плстуху въ степи безводной,
Всходилъ звездою путеводной;
Но этотъ лучъ для насъ исчезъ,
Какъ метеоръ среди небесъ.

CLXX.

Такъ будемъ сожалѣть съ тоскою,
Но не о ней, а о себѣ; *)

(*) Смерть принцессы Шарлотты была даже почувствована здѣсь (въ Венеціи); Англія должна была быть потрясена ею до самаго основанія.

Она, покорная судьбѣ
 Въ могилѣ вѣтрилась покое...
 Быть можетъ, дерзкій приговора,
 Языкъ измѣны, судъ спѣсивый,
 Оракулъ мстительный и лживый,
 Который съ давнихъ уже поръ,
 Какъ звукъ могильный, раздавался
 Надъ головою королей,
 Пока уставшій отъ скорбей,
 Народъ за мечъ свой не хватался, —
 Капризъ судьбы въ единый мигъ
 Въ прахъ низвергающій владыкъ. —

CLXXI.

Вотъ все, что послѣ, можетъ статься,
 Ее въ вѣкахъ грядущихъ ждетъ.
 Но можно-ль съ этимъ соглашаться?
 Ты, такъ любившая народъ,
 Такъ молода и такъ прекрасна,
 Жена и мать и... все напрасно!..
 Теперь сковался твой языкъ.
 О, сколько было въ смертный мигъ
 Сердце убито сожалѣньемъ:
 Отъ сердца мужа, до сердецъ
 Всѣхъ подданныхъ!.. Да, твой конецъ
 Пронесся вдругъ землетрясеньемъ
 Въ странѣ, которая тебя
 Тогда оплакала, любя...

CLXXII.

Вотъ Неми, скрыто межъ холмами
 Такъ далеко, что ураганъ,
 Дубъ вырывающій съ корнями
 И поднимавшій океанъ
 Съ грозой до самыхъ тучъ небесныхъ, —
 Не возмущаетъ струй прелестныхъ,
 И тихо озеро стоитъ,
 И холоденъ, спокоенъ видъ,
 Какъ назрѣвающая злоба.
 Оно свернулось, какъ въ влукбожъ,
 И спать и этотъ сонъ глубока

Подобно темной ночи гроба.
 Такъ спать ужасная змѣя,
 Отраву страшную тая.

СЛXXIII.

Въ долинахъ рядомъ—блескъ Альбано;
 Тамъ Тибра плещется волна,
 Тамъ блещетъ лоно океана,
 А здѣсь Троянская война
 Когда-то жарко разгоралась,
 И здѣсь надъ Римомъ заигалась
 Звѣзда Трояна; здѣсь лежать
 Остатки Туллія; тамъ рядъ
 Высокихъ горъ и полуругомъ
 Они капризно облегли
 Ту часть извѣстную земли,
 Гдѣ въ фермѣ, предъ зеленымъ лугомъ
 Когда-то отдыхалъ поэтъ,
 Пѣвецъ давно минувшихъ-лѣтъ.

СЛXXIV.

Мой пилигримъ дошелъ до цѣли.
 Должны разстаться я и онъ;
 Мы все сказали, что хотѣли;
 Послѣдній взоръ нашъ устремленъ
 Впередъ надъ Средиземнымъ моремъ.
 Мы гулу моря вмѣстѣ вторимъ,
 И здѣсь съ вершинъ Альбанскихъ скалъ
 Глядимъ, какъ плещетъ бѣлый валъ.
 Вотъ океанъ, нашъ другъ любимый!
 За нимъ слѣдили долго мы
 До мѣстъ, гдѣ выросталъ изъ тьмы
 Евксинъ, для глазъ неуловимый,
 Гдѣ и призрачна и сильна
 Взбѣгала на берегъ волна.

СЛXXV.

Мы оба вмѣстѣ долго жили,
 Хотя немного этихъ лѣтъ.

Печать страданья сохранили
 И онъ и я, но все же свѣтъ.
 Мы исходили съ нимъ не даромъ;
 И наслажденье съ новымъ жаромъ
 Вкушать умѣли на землѣ;
 Насъ грѣло солнце въ темной мглѣ,
 Изъ вѣдръ земли и съ дна морскаго
 Мы брали радости однѣ,
 Безъ бурь бѣжали наши дни,
 Какъ будто бы никто сурово
 Не могъ тѣхъ радостей смутить,
 Не могъ насъ горемъ подарить!..

CLXXVI.

О, почему въ глухой пустынѣ
 Съ прекрасной женщиной вдвоемъ
 Я не могу укрыться нынѣ,
 Забывъ людей съ земнымъ ихъ зломъ?
 Стихи! Вы одушевляли
 Меня когда-то въ старину, —
 Хотя бы вы мнѣ это дали:
 Уединенье и жену.
 Созданья милыя! Едва-ли
 На свѣтѣ я не встрѣчу васъ?
 Хоть рѣдко въ жизни, только разъ,
 Но вы предъ смертными мелькали,
 Хоть изрѣдка, но средь земли
 Являгся все же вы могли.

CLXXVII.

Въ лѣсахъ — есть много наслажденья,
 Какъ на пустынныхъ берегахъ;
 Есть музыка и упоенье
 Въ морскомъ волненьи и валахъ,
 Привязанъ сильно я къ народу —
 Но больше я люблю природу
 Съ тѣхъ поръ, какъ я ее узналъ.
 Чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ,
 Она сказала мнѣ и съ нею
 Я всѣми чувствами слплся,

Ей всей душою отдался;
 Хоть чувство выразить не смѣю
 Хоть не умѣю передать,
 Но не могу о нихъ молчать.

CLXXVIII.

Бѣгите жъ волны океана!
 Васъ бороздили корабли
 И человѣкъ — гроза земли
 Робѣлъ предъ вами. Громъ, бураны,
 Крушенье гордыхъ кораблей —
 Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей.
 И человѣкъ, какъ капля въ морѣ
 Терялся въ водяномъ просторѣ,
 Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
 Потративъ бесполезно силы,
 И въ океанѣ умиралъ
 Безъ погребенья, безъ могилы,
 Безъ скорбныхъ почестей земли,
 Отъ милой родины вдали.

CLXXIX.

Слѣдовъ онъ въ морѣ не оставитъ,
 Твоимъ волнамъ не страшень онъ,
 Твоей пустыней онъ не правитъ
 И гнѣвъ его морямъ смѣшонъ.
 Его тѣ волны презираютъ
 И къ облакамъ, порой, бросаютъ
 Иль вдругъ уносятъ къ берегамъ,
 Къ его пенатамъ и богамъ,
 Несутъ до перваго залива,
 И выкинуть холодный трупъ
 Тамъ, на какойнибудь уступъ,
 Гдѣ онъ погибнетъ молчаливо
 Среди всеобщей тишины,
 Капризной жертвою волны.

CLXXX.

Вооруженій грозныхъ флоты —
 Бичи для стѣнъ и городовъ,
 Вы, повергавшіе въ заботы

И властелиновъ и рабовъ,
 Вы, ужасающіе страны —
 Въ стальной бронѣ Деливаши,
 Хоть вашей славой міръ весь манитъ —
 Вы — есть игрушки этихъ волнъ,
 Вы таете въ морскомъ просторѣ,
 Какъ снѣгъ, упавшій съ облаковъ;
 И сила грозная палевъ
 Равно страшна въ глубинахъ морѣ
 Для легкихъ лодокъ рибарей
 И для громадныхъ кораблей.

CLXXXI.

Вкругъ государства погибали...
 Асины, Римъ и Карфагенъ!
 Ихъ волны моря омывали
 Во дни свободы, въ дни измѣны,
 Во дни владычества тирании.
 Ихъ царства нами навсегда,
 Лишь только волны океана
 Бѣгутъ, какъ въ прошлые года.
 О, океанъ! ты не старѣешь,
 Ты также юнъ до нашихъ лѣтъ
 Съ тѣхъ дней, когда былъ созданъ свѣтъ,
 Ты неизмѣнный видъ имѣешь,
 Какъ вѣчность, постоянно страгъ,
 Какъ вѣчность самая, глубоко.

CLXXXII.

Въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, мелькаетъ
 Лицъ всемогущаго творца.
 Всегда, — грозенъ съ тобой играетъ
 Иль дуетъ вѣтеръ безъ конца,
 Въ полярной стужѣ, въ страдахъ знойныхъ,
 Не вида береговъ спокойныхъ
 Ты, безконеченъ и великъ,
 Великолѣпенъ, гордъ и дикъ.
 На днѣ твоёмъ явились гады
 И безднѣ ужасныхъ чудеса,
 И всѣ земные шельма
 Передъ тобой смаргаться рады...

Таинственъ, страшенъ и угрюмъ
 Бѣжишь ты полный грозныхъ думъ.

CLXXXIII.

Сжился я съ дѣтства съ океаномъ;
 Я съ дѣтства раннего мечтаю
 Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
 Тебѣ отдаться, бѣлый валъ;
 Съ прибоемъ волнъ твоихъ порою
 Любилъ шалить я; пѣхъ играю,
 Подъ часъ опасной, не смущенъ,
 Глотаю я жадно моря стонъ.
 Я былъ дитя твоимъ, казалось,
 Я довѣрялъ твоимъ волнамъ,
 На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
 Я руку клалъ и мѣя случалось,
 Какъ и теперь, то повторять
 И морю жребій свой ввѣрять.

CLXXXIV.

Я кончилъ. Пѣснь моя смолкаетъ.
 Пора разрушить призракъ сновъ.
 Мой факелъ вновь не зажигаетъ
 Полночной лампы. Трудъ готовъ.
 Ояъ могъ быть лучше, но, къ несчастью,
 Я ужъ не тотъ; подобно счастью
 Мечты неясны для меня,
 И въ жилахъ нѣтъ того огня
 И нѣтъ былаго вдохновенья,
 И пламя прежнее едва
 Хранить безцѣльно голова;
 Оно—безъ всякаго движенья
 Бросаетъ трепетный лишь свѣтъ:
 Чѣмъ прежде былъ—того ужъ нѣтъ

CLXXXV.

Прости! Вотъ слово на прощанье.
 Близка разлука. Пилигримъ,
 Окончивъ длинное сказанье,
 Здѣсь плетъ *прости!* друзьямъ своимъ.
 Когда въ ихъ памяти осталось,

Хоть что нибудь, что имъ сказалося —
Онъ радъ, что въ руки посохъ бралъ
И длинный путь свой начиналъ.
Простите! Пусть несетъ страданья
Онъ въ сердцѣ, гдѣ живетъ печаль,
А вамъ оставилъ онъ мораль, —
Мораль отъ этого сказанья:
Съ его моралью, можетъ быть,
Вамъ будетъ легче въ мiрѣ жить.

Д. Минаевъ.

КВАДРОНКА. (*)

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

Среди широкаго залива
Корабль невольничій стоялъ
И, паруса спустивъ, прилива
И лунной ночи ожидалъ.

Въ ладѣ у берега сидѣли
Матросы всѣ, и въ тишинѣ,
Глазами сонными глядѣли,
Какъ аллигаторъ ползъ на днѣ.

Цвѣтовъ и травъ благоуханьемъ
Окрестный воздухъ трещеталъ,—
Какъ будто рай своимъ дыханьемъ
Миръ преступленья наполнялъ.

Плантаторъ медленно, солидно
Курилъ, разлегшись въ шалашѣ;
Предъ нимъ купецъ,—и было видно,
Что ждать кущу не по душѣ.

Онъ говорилъ: «Среди залива
Стоитъ корабль; снаряжены
Мы въ путь,—и только ждемъ прилива
И восхожденія луны.»

Спѣшить онъ кончать... Съ ними рлдожъ
Квадронка—дѣвушка стоитъ,
И любопытнымъ робкимъ взглядомъ
Въ глаза плантатора глядитъ.

*) Квадронами называютъ рожденныхъ отъ благаго челоуѣка и черной женщины.

Глаза широкіе сверкаютъ;
Лицо горитъ; она боса,
И всю одежду составляютъ
Цвѣтная юбка да коса.

А надъ губами молодыми
Улыбка носится, горя
Такъ свято, какъ передъ святыми
Горитъ лампада алтаря.

Плантаторъ думалъ. «мнѣ деньжонки
Нужны для поправленья дѣла...»
И онъ сперва въ лицо квадратки,
Потомъ на деньги посмотрѣлъ.

Любовь отца съ корыстью страстной
Въ его душѣ судьбу вела;
Онъ зналъ, чья кровь лилась въ несчастной,
Чья страсть несчастной жизнь дѣла.

Но все корысть преодолѣла.—
И взялъ онъ деньги со стола...
Какъ смерть, квадратка поблѣднѣла
И вся застыла, замерла.

Купецъ повѣлъ ее съ собою,
Чтобъ сдѣлать бѣдную потомъ
Своей наложницей, рабою
Въ краю далекомъ и чужомъ!

И. Вейнбергъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

Меня воспитывали родной братъ моего отца и его жена, которыхъ я называлъ, какъ они меня учили, сначала тятенькой и мамонькой, а какъ выросъ больше — папенькой и маменькой.

Долго меня занимало вотъ что: видѣлъ-ли я свою мать родную? Воспитатели и по сихъ поръ говорятъ мнѣ, что я ее не видалъ, потому что она умерла черезъ четырнадцать недѣль, какъ меня окрестили. Прежде я долго сердился на себя: какъ же я былъ живой человѣкъ съ глазами, ушами и, какъ есть, со всѣми чувствами, а не помню своей матери? Глупъ же вѣрно я вышелъ на свѣтъ божій. То, что я видѣлъ и зналъ свою родную мать, я заключаю изъ того, что говорила мнѣ не однажды тетка, а именно тогда, когда ей хотѣлось похвастаться своею добротой. Вотъ что она говорила:— «мать твоя, какъ теперь помню, лежала въ больницѣ въ голубенькомъ, ситцевомъ платишкѣ, и какъ только я принесу тебя къ ней, ты и замашешь рученками и заревешь. Возьметъ тебя мать на руки: ты глядишь такъ какъ-то весело глазенками и слюни у тебя бѣгутъ по губамъ. Ничего ты не понимаешь, безрогая скотина, а тоже что-то было у тебя такое, что ты не ревелъ, когда тебя брала мать на руки. А возметъ тебя другой, ты заревешь; даже если и я возьму тебя отъ матери, ты долго реवेशь и грудь сосать не хочешь...» Могу я вамъ положительно сказать, что я, кажется, началъ понимать съ третьяго или четвертаго года, потому-что я кой-что помню за это время, а раньше я былъ положительно глупъ и такая же безтолочь какъ кукла, только живая кукла.

Когда ужъ я сдѣлался рослымъ мальчишкой и навидался разныхъ ребятъ годовалыхъ, я удивлялся: неужели и я былъ такой-же соплявый, ревушъ и безтолочъ? Я сравнивалъ этихъ годовалыхъ людей съ годовалыми кошками и собаками, и мнѣ почему-то досадно было, что кошки и собаки въ это время лучше понимаютъ, чѣмъ годовалый человѣкъ; по крайней мѣрѣ съ ними возни нѣтъ. И неужели, думалъ я, также мучились и со мной, какъ мучатся и съ этими ребятами, также колотили за ревъ, какъ и ихъ? Тетка это подтверждала.

И то, что я впдѣлъ и что я дѣлалъ на четвертомъ году, я помню очень плохо. Я помню только то, что особенно произвело на меня впечатлѣнiе: напр. я помню, какъ одинъ разъ, ночью, меня разбудили стукотней и крикомъ мои воспитатели. Они бѣгали и кричали: пожаръ! пожаръ! И дѣйствительно горѣлъ сосѣднiй домъ. Я въ испугѣ дрожалъ и ревелъ. Думалъ-ли я что нибудь въ это время—не знаю, а помню хорошо, что я кричалъ на весь домъ и держался руками за платье тетки такъ крѣпко, что когда она меня стала бить и отрывать отъ себя, я порвалъ у нее платье и снова вцѣплялся за него зубами такъ плотно, что укусилъ даже самую тетку въ какое-то мѣсто... Помню, какъ я въ первый разъ смотрѣлъ: какъ идетъ ледъ на рѣкѣ, какъ появился первый пароходъ, и удивлялся всему этому.

Помню, что я былъ большой баловникъ и ѣлъ очень много. Только пробужусь и кричу: нсь! нсь! Поставить самоваръ—я уже и лезу въ шкафъ, достаю чашку и иду къ теткѣ: мама нсь! Это очень забавляло дядю и тетку, но они старались всячески отъучить меня отъ обжорства, такъ какъ я просилъ ѣсть разъ по десяти въ день. Жилось мнѣ какъ-то веселуно: я или игралъ съ дѣтьми нашихъ постояльцевъ, или съ кошкой, или съ собакой; или терся при теткѣ, стараясь перенять ея стряпню; или заглядывалъ, забывшись на стулъ, какъ дядя пишетъ что-то на бумагѣ. А очень мнѣ было смѣшно, какъ дядя писалъ: голову свою сдѣлаеть на бокъ, пальцы скорчить и возить по бумагѣ... Вижу я, что сначала на бумагѣ много мѣста пустого, а какъ дядя поведетъ пальцами съ перомъ—и сдѣлаеться ровная черточка, и много-много будетъ такихъ черточекъ! Сначала я только удивля-

ся этому; а потомъ мнѣ почему-то смѣшно становилось, какъ дядя пишетъ, пишетъ и изругается, а потомъ скоблить начнетъ.

— Чему ты гогочешь, песь! закричитъ дядя. Я того пуще засмѣюсь. Дядя прогонитъ меня, а я опять зайду къ нему тихонько сзади. Сначала крѣплюсь, а потомъ и прысну со смѣха... Мнѣ хорошо казалось, какъ дядя ворчитъ; мнѣ играть хотѣлось съ нимъ и я толкалъ его въ правое плечо, за что мнѣ больно приходилось. Любилъ я послѣ этого представлять дядю, или вѣрнѣе—мнѣ хотѣлось ухитриться сдѣлать также, какъ дѣлаетъ и онъ. Возьму я кусочикъ бумаги, подойду къ столу и начну чертить на бумагѣ перомъ съ чернилами; но у меня выходило все криво, все дуги, да колеса, да круги и меня это очень забавляло. Кончу я свою работу и кажу теткѣ или кому нибудь въ восторгъ; тѣ меня хвалятъ. Но я часто надоѣдалъ своей работой теткѣ и она ругала меня за то, что я бумагу порчу, руки и рубашку мараю въ чернилахъ. Отъ меня стали прятать чернила и карандаши, я сталъ слюнями писать или черкалъ гдѣ попало, углемъ.

Весьма хорошо казалось мнѣ, какъ меня тетка возила зимой въ пошевенкахъ, или санкахъ, когда она ходила на рынокъ или въ гости. Я не любилъ ходить пѣшкомъ; если оставляли меня дома, я кричалъ и боялся, думая, что меня утащитъ черный мужикъ трубочистъ, посадить меня въ мѣшекъ и бросить въ прорубь. А этому меня напугала тетка и ея родные. Теткѣ хотѣлось показать людямъ *своего сына*, а я не хотѣлъ идти; нести меня тяжело ей было; вотъ она и возила меня въ санкахъ; да ей и жалко было меня:—«куда ему еще ходить! малъ очинно?»—Такъ-же мнѣ хорошо казалось, когда у насъ собирались гости, или когда я бывалъ въ гостяхъ. Чего-то чего тутъ не было! Поютъ пѣсни, говорятъ какъ-то весело, кричатъ, ругаются. Я тогда одѣтый съ новую рубашку и новые штаны, которые тетка называла штаниками, сидѣлъ смирно на стулѣ, глядѣлъ на всѣхъ или на того, кто мнѣ больше правился,—и удивлялся. Если бывали дѣти, я игралъ съ ними въ углу енорлупами отъ орѣховъ. Но больше всего мнѣ правилось, когда меня дарили пряниками и сладями. Тетка давно старалась приучить меня къ тому, чтобы я благодарилъ за подарки, но я тугъ былъ на это.

— Что-же ты, болбесь, не говоришь: покорно благодарю, молъ.

Я молчу. Мнѣ совѣстно; я щиплю рубашку, смотрю въ уголь.

— Ну говори!

Молчу. Чувствую, что плакать хочется, а думаю: не скажу!

— Экой упрямой! Ну, впередъ не получишь. Знаешь ты: ласковое телятко двѣ матки сосеть, а упрямое одной не видѣтъ,—и пойдутъ, и пойдутъ говорить наставленія; а я куксюсь и злюсь: а не скажу! А все таки хочется больше набрать сластей. Бывали случаи, что я, когда проворчатся и уже не подають сластей, вдругъ скажу: «покорно благодарю» чуть-чуть слышно. И совѣстно мнѣ и чувствую, что щеки горять, и легче кажется; а самъ все таки думаю: ну и чертъ съ вами! вслухъ все-таки не скажу. Право не скажу!..

Тетка любила рассказывать всякому повому знакомому, а старымъ знакомымъ въ сотый разъ, про мопхъ настоящихъ родителей. Надо замѣтить, что незнакомые тетки почитали меня за ея сына, а знакомые ея не вѣрили ей, когда она говорила, что я воспитанникъ, и начинала рассказывать цѣлую исторію: кто была моя мать, отецъ, какъ она умерла и пр. Мнѣ досадно было, напримѣръ, вотъ это: пойду я куда нибудь съ теткой по городу (у тетки много знакомыхъ; знакомые были все люди бѣдные, и штукъ тридцать изъ нишей братіи), попадается какая нибудь женщина и смотритъ на меня.

— Это твой сынокъ-то?

— Како мой; на воспитаніе взяла.

— Ой ты matka! не врешь-ли?

— Спчасъ умереть.

— Да чей-же онъ такой?

— Братнинь. Женли брата пьяницу; а мать умерла.

— Эко диво! Отчего же она умерла-то?

— Да съ пожару. Испугалась, знаешь, и захворала. Вотъ мнѣ на шею и бросила.

— Ну, matka, выростеть возблагодарить.

— Ну ужъ, дождайся! Онъ и теперя такой, что бѣда.

— А ты, дятячко, слушайся маменьки. Слушаться надо. А у тебя, Matka, нѣту-ка своихъ-то дѣтей?

— Нѣту; да куда съ ними.

— Все же родной-то лучше.

Я замѣчалъ, что тетка дѣлала глаза какъ-то строго при этихъ словахъ, и думалъ, что ей это не по вутру. Исторія же моихъ родителей была такого рода: оба они были духовнаго званія, да и другіе родственники наши тоже были этого званія, но имъ не посчастливилось и они вышли въ свѣтскіе очень рано. Такъ, дѣдъ нашъ былъ дьячекъ, а дядя на четырнадцатомъ году былъ уже почтальономъ; отецъ мой былъ дьячкомъ. Онъ воспитывался у дяди, такъ какъ отецъ его былъ очень бѣдный человѣкъ и семейный. Онъ рано началъ пить водку и рано спился совсѣмъ. Дядя и молодая его жена, желая избавиться отъ него и желая сдѣлать его годнымъ человѣкомъ, т. е. чтобы онъ не пилъ водку, задумали женить его. Вотъ что говорила про эту женитьбу тетка:

— Ну и стала я сбивать его жениться. Послушай, говорю, братъ, женись?

— На кой мнѣ лѣшій жениться? говорить онъ.

— Водку не станешь пить.

— Не знаю... А што?

— Право женись.

— А жить то какъ?

— Въ почтальоны ступай.

— Ну и то ладно. А самъ послѣ этого пойдетъ, слышь ты, и налижется *какъ стелька*...

Была у меня на примѣтѣ дѣвушка, сирота дьяконская. Смирная такая, красивая, рукодѣльница. Жила она тоже у чиновника, рядомъ съ нашимъ домомъ: Ну, и посоветовала я ей выйдти замужъ за брата. Долго она не шла: боюсь, говорить, пьяница женихъ-то, да и ни у него, ни у меня ничего нѣтъ. Ничего, говорю, мы поможемъ. Ну и согласилась. Братъ ходилъ къ ней двѣ недѣли и водку не пилъ въ это время. Золото сталъ человѣкъ. Только вели-то они себя какъ чужіе. Придетъ онъ къ ней, поклонится и скажетъ: здравствуйте...

— Здравствуйте, отвѣтитъ она и покраснѣетъ. Она сядетъ на стулъ къ столу и начнетъ вышивать, а онъ пойдетъ въ кухню, трубку курить. Накурится, посидитъ на диванѣ и пойдетъ домой. Придетъ онъ я и спрашиваю его:

- Ну что, правится?
- Ничего... ладно.
- А разговаривалъ съ ней?
- Чего говорить-то?

Ну и велю я ему кедровыхъ орѣшковъ снести невѣстѣ на другой разъ... Такъ и женили мы его. Какъ женили, онъ и зашилъ. Она, бѣдная, все плакала... все плакала... хорошо, что онъ не билъ ее и не бранилъ и изъ нея вещей ничего не пропивалъ. Да и у нее, голубушки, ничего лишняго не было. А ужъ такая-то была смиренная, дай богъ ей царство небесное!... И стала, слышь-ты, я замѣчать, что она въ тягости!. И больно же она голубушка, плакала...—Что, говорю, ты все плачешь?

— Не знаю, говорить.

— Ну полно; онъ можетъ и перестанетъ пить.

— Да онъ дома-то рѣдко живетъ, да и со мной-то рѣдко сидитъ: придетъ завалится спать на полати; а встанетъ—наѣст-ся и опять уйдетъ.

Ужъ я говорила ему, чтобы онъ ладненько жилъ съ ней; онъ только молчалъ. Постушилъ онъ въ почталюны и хуже зашилъ. Жили мы тогда въ уѣздномъ городѣ. Его перевели въ губернской, и насъ тоже перевели. Надо намъ было ѣхать, она и родила вотъ этого болбеса. Только мы приѣзжаемъ въ губернской всѣ вмѣстѣ, а тамъ весь городъ горѣлъ въ это время; она испугалась и захворала. Думаю: куда мнѣ съ ней возитъся, и свезла я ее въ больницу. Она и говоритъ мнѣ: возьми ты его, сестричка, къ себѣ... Ужъ не оставь ради бога, будь матерью... Слушаться не будетъ—на колѣнки ставь. Слышишь, что наказывала мнѣ? обращалась грозно ко мнѣ всегда тетка. Ты долженъ поги мой мыть, да воду эгу пить. А какъ она, голубушка, любила то его (т. е. меня): Да не далъ Богъ вѣку, умерла. Ну, думаю, куда дѣвать парня, и взяла къ себѣ... Теперъ ужъ покаялась, да поздно.

Всѣмъ этимъ разговорамъ я сначала не вѣрилъ, а потомъ въ голову начинала закрадываться мысль: что же это такое въ самомъ дѣлѣ тетка говоритъ? Какая еще такая у меня была мать, и, говорятъ, какой-то отецъ есть, а я его не вижу! Врутъ, поди! И больше этого ничего не думалъ. Мнѣ хорошо жилось: я игралъ, шилъ, ѣлъ въ волю и хотя меня

крѣпко достегивали за баловство, но все таки тетка меня и ласкала частенько въ это время.

На шестомъ году, когда я уже понималъ больше, я не то что любилъ своихъ воспитателей, но, какъ говорится, былъ привязанъ къ нимъ. Дядя меня никогда не ласкалъ, а я почему-то всегда боялся его. Тетка хоть и колотила меня, но и ласкала, кричала на меня и всячески заботилась, чтобы я былъ сытъ, цѣлъ, т. е. не порѣзалъ-бы руку, и чтобы рубашка моя была всегда цѣлая и чистенькая. Я, кажется, любилъ тетку, и какъ ни больны были ей комотушки, и какъ я не ревѣлъ съ досады, что я самъ не смѣю дать сдачи, я все таки любилъ тереться при ней и при этомъ чтонибудь спакостить: напр. въ квашенку съ тѣстомъ плюну и стараюсь, чтобы она замѣтила это; вяжетъ она чулокъ, я петля распущу, когда она уйдетъ, а потомъ говорю, что это кошка сдѣлала; поетъ она пѣсни и я тоже стараюсь подтягивать ей, только выходило очень плохо; начнетъ она шить, я лезу къ ней, терблю ее за сережки, вдернутыя въ кончики ушей, хватаю ее за шею руками... И все это, какъ помню я, дѣлалось безсознательно; все это или нравилось ей, или ужъ я очень надоѣдалъ ей. Тетки я не боялся, а дяди боялся и не любилъ его, вѣроятно потому, что онъ дома бывалъ рѣдко, со мной ничего не говорилъ и гналъ меня прочь, если я лезъ къ нему. — Я любилъ все, что-только впервые попадалось мнѣ на глаза. Купить чтонибудь тетка, я смотрю, удивляюсь, спрашиваю, стараюсь въ руки взять, на себя напялить, углемъ начернить или съѣсть, — смотря потому, какая вещь. И мнѣ крѣпко доставалось за мое любопытство. Особенно мнѣ доставалось за книгу: «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» съ картинками. У дяди только я и видѣлъ эту книгу на столѣ въ переднемъ углу. Смотрѣть ее мнѣ строго запрещалось. Дядя пзъ нее ничего не читалъ, и только тетка старательно каждый день стирала съ нее пылъ, по привычкѣ стирать пылъ съ такихъ вещей, которыя заслуживали сея вниманія. Когда дядѣ и теткѣ нечего было дѣлать, тетка брала эту книгу, ложилась на кровать къ дядѣ и просила его почитать: ну-ко читай, что тутъ?..

— Уйди, стану я читать!

— Почитай, ты вѣдь у меня золото. Ахъ, если бы я ужѣ-ла грамотѣ?

— Не хочу. Мало-ли что тутъ писано.

— А это что за картинка?

Я встрепенусь и подбѣгаю къ кровати.

— Ты зачѣмъ! закричить на меня тетка.

Я молчу; знаю, что меня не звали, а уйти не хочется. Дядя начнетъ рассказывать теткѣ содержаніе картинки, или читать; тетка повернется къ нему лицомъ, а я забудусь на стулъ къ подушкамъ и стараюсь заглянуть на картинку. Досадо мнѣ, что картинки нѣтъ, и я протягиваю къ книжкѣ руки. Дядя замѣтитъ это и щелкнетъ меня книжкой по лбу:

— Тебѣ говорить, болбесъ ты эдакой, или нѣтъ? Пошелъ!

Я стою.

— Ахъ ты подлая рожа. Гдѣ ремень?

Я убѣгу.

За то какъ останусь я одинъ дома, то вволю насмотрюсь на картинки, на листки и на переплетъ. И достанется же тогда книгѣ: мнѣ очень нравилось прокалывать иголкой или булавкой глаза изображаемымъ на картинкѣ людямъ и прокалывать также буквы, или чертить карандашемъ на листкахъ разныя каракули. Дядя, когда читалъ книгу, догадывался, что это мои продѣлки, и тетка расправлялась со мной, заставляя цѣлый день простоять на колѣняхъ въ углу. Мнѣ обидно казалось стоять, и я рѣшилъ, что лучше будетъ, если я картинки вырву изъ книги, а самую книгу брошу въ печь. Долго я хохоталъ надъ своей выдумкой и ждалъ къ тому случая. Такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ, когда дядя и тетка ушли въ гости, а меня оставили домомничать. Я заперъ двери на крючекъ, подбѣжалъ къ столу, схватилъ книгу и началъ операцію. Помню, что мнѣ страшно почему-то казалось вырывать изъ книги картинки, и я думалъ: а что, если они воротятся? А если они теперь въ окно смотрятъ, я погасилъ свѣчку, подошелъ къ окну и прилежнѣе прежняго продолжалъ свою операцію, выдирая какъ попало, лишь-бы скорѣе кончить работу... Книгу потомъ я спряталъ подъ шкафъ, гдѣ лежали только старые теткинны ботинки. Дядя и тетка домой пришли поздно, когда я уже спалъ. Книжки они не хватились; а тетка еще, какъ раз-

дѣвалась, дала мнѣ конфетку, пряникъ и грецкій орѣхъ. Цѣлую ночь я не спалъ. Какъ только тетка сложила утромъ въ печку дрова, я живо бросилъ книгу въ печь, но бросилъ такъ, что она свалилась на бокъ къ самой загнетѣ. Тетка стала затоплять печь. Она любила, чтобы у нее дрова въ печкѣ хорошо были складены; поэтому она, замѣтивъ книгу, сначала подумала, что это кирпичъ.

— Что за дьяволъ, откуда это кирпичъ? Съ верху что-ли выпалъ... и стала вытаскивать клюкой этотъ кирпичъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увидала свою любимую книгу безъ картинъ и съ ободранными листками!

Дядя долго меня дралъ ремнемъ за эту продѣлку.

Онъ очень любилъ картинки, но никогда не покупалъ ихъ. Разъ ему подарилъ кто-то картинку лубочной фабрики, изображающую войну. Дядя сталъ любоваться на картинку съ теткой, а я сидѣлъ въ углу. Больно меня брало любопытство посмотреть картинку, точно меня бѣсъ толкалъ въ бока.

— Ишь дьяволъ! Смотри-ко это поди въ эполетахъ-то генералъ? говорила тетка.

— Какъ же.

— А это?

— Ты смотри: у этого орденовъ сколько,—и это генералъ.

— Экое счастье... Гляди же, сколько онъ людей-то давить! Смотри копыто-то на трехъ головахъ стоять... А саблей-то вонъ пятерыхъ зацѣпилъ...

Между тѣмъ я уже подкрался къ нимъ, приподнялся на пальцы ногъ,—не видать; зашелъ съ боку.

— Ты что? крикнулъ дядя.

Я отошелъ немного и скорчилъ глаза. Тетка пожалѣла меня и подозвала къ столу. Я ничего не понималъ въ картинкѣ и когда дядя взялъ ее въ руки, я хотѣлъ еще посмотреть и рванулъ ее такъ, что одна половина ея осталась въ моей рукѣ. За это дядя такъ ударилъ меня по головѣ, что я ударился объ полъ; изо рта пошла кровь.

Съ этихъ поръ я крѣпко не залюбилъ дядю.

Меня учили молитвамъ, учили молиться утромъ, вечеромъ, передъ обѣдомъ и послѣ нихъ, учили уважать и почитать старшихъ, любить тетку и дядю, называть ихъ родителями,

и всему этому учила меня тетка. Но молитвы я зналъ плохо, а зналъ больше пѣсенъ и сказокъ; тетку и дядю я уважалъ, боялся, и такъ какъ я былъ малъ, то безъ ихъ спрѣсу ничего не могъ сдѣлать, и это беспліе свое я испытывалъ на себѣ каждый день. Старшихъ я не могъ любить всѣхъ, а любилъ только тѣхъ, которые были ласковы ко мнѣ; съ кѣмъ хороши были мои воспитатели, кого они любили, того и я называлъ хорошимъ человѣкомъ и къ тому лѣзъ безъ церемоній. Одно только я не могъ тогда понять: зачѣмъ мнѣ молиться еще за родную мать и за роднаго отца? вѣдь я не видалъ ихъ? Зачѣмъ молиться за отца, когда тетка называетъ его пьяницей и часто пугаетъ меня тѣмъ, что отошлетъ меня къ нему?.. Тетка мнѣ на мои вопросы или отвѣчала бранью, что я безтолочь, скотъ и пр. или говорила, что молиться нужно. Молился я вслухъ, такъ какъ меня научили молиться. Умою я лицо и хочу молиться. Тетка говоритъ: подожди, болбесь, рано: еще чай не поспѣлъ... Чай готовъ, дядя и тетка садятся пить чай. Я встаю по срединѣ комнаты и говорю вслухъ молитвы. Всѣ молчатъ. Если я ошибусь тетка поправитъ меня.

Большихъ успій стоило ей растолковать мнѣ, что у меня была родная мать, что не она, тетка, родила меня, а только воспитываетъ и кормила меня по началу грудью, какъ свое дѣтище. Но мнѣ тогда все равно было: родная ли она мнѣ мать. Я только зналъ и понималъ, что она меня кормитъ, и что за обиду, нанесенную мнѣ уличными мальчуганами, которые нерѣдко тревожили мой носъ до крови, всегда заступалась; значитъ, я былъ не чужой ей. Я плохо понималъ тогда, что значить мать, отецъ и сынъ, и только гордился иногда тѣмъ, что я живу у такихъ людей, которыхъ любятъ другіе люди, и часто важничалъ. Напримѣръ, бывало, придетъ какойнибудь нищій къ намъ я и говорю ему: «дома нѣту». А самъ думаю: «вотъ и ничего не дали. Маменька велѣла подавать грошники, а я не подамъ тебѣ, себѣ возьму». Придетъ къ дядѣ проситель какойнибудь, да дядя спитъ, я и говорю ему: «спать еще.» Знаю я, что нужно сказать ему: подождите или сядьте, а я думаю: постойшь, невѣжа-баринъ... Если мнѣ давали подачки, я думаю, что мнѣ такъ и слѣдуетъ давать подачки, потому что я сынъ ихній, а этотъ мнѣ чужой. То, что я былъ не

чужой дома, я зналъ хорошо, и если слышалъ, что дядю кто нибудь ругаетъ, и пересказывалъ теткѣ да дядѣ, и дядя говорилъ, что онъ отомститъ тому человѣку чѣмъ нибудь...

Съ каждымъ днемъ мнѣ тяжелѣе становилось бывать дома. Я дома ужъ не баловалъ, но озорничалъ, и нарочно дѣлалъ то, что не нравилось теткѣ, которой я не могъ ничѣмъ угодить. За всякую неловкость она бранила меня, кричала; я сначала злился, а потомъ плакалъ, сознавая, что меня напрасно ругаютъ. Родственники мои, дѣти однихъ со мною лѣтъ, знали, что я терплю много, и постоянно говорили мнѣ: «за чѣмъ ты боишься ихъ? Вѣдь они не родные тебѣ». Я сначала отмалчивался и не жаловался на нихъ, а потомъ, слушая каждый день ихъ совѣты, сталъ размышлять въ тяжелыя минуты: а зачѣмъ я боюсь ихъ? Ну я не стану бояться... Тетка скажетъ мнѣ: станешь на колѣни! Я не встаю.

— Тебѣ говорятъ! крикнетъ она..

— Это что значить?

Я не слушаюсь.

— Вы не родная мнѣ...

Тетка озлится, схватитъ ремень и начнетъ неистовствовать по моей спинѣ. Но я не просилъ прощенья и не выдавалъ своихъ друзей... Эти сцены стали повторяться часто; меня наказывали больно, а я день ото дня становился злѣе и упрямѣе. Поставятъ меня на колѣни,—я цѣлый день простою и не попрошу прощенья; не накормятъ меня—я самъ украду хлѣба... И въ это время, невидѣлъ своихъ воспитателей...

Больно мнѣ было слышать то, что меня попрекали моимъ роднымъ отцомъ, говоря, что мой отецъ никуда негодный человѣкъ, что дядя держалъ его у себя изъ милости, дѣлалъ ему много добра, которое онъ отплачивалъ ему различными неприятностями. Тетка молила Бога, чтобы я захворалъ и умеръ; а дядя корилъ тетку, что она женила его брата, и что она одна виновата въ томъ, что я родился и живу теперь у нихъ, а пользы отъ меня никакой не выходитъ кромѣ того, что я выхожу очень дрянной мальчишка: не слушаюсь ихъ, грубиянъ и начинаю поворовывать.

Оба они требовали, чтобы я дѣлалъ то же, что дѣлаютъ и они: говорилъ съ толкомъ, не игралъ съ ребятами, сидѣлъ смирно

на стулѣ и исполнялъ всѣ ихнія приказанія безъ ошибки. Но могъ ли я это сдѣлать? Меня манили игры товарищей; мнѣ завидно было, что другія дѣти живутъ какъ-то вольнѣе. Если же я видѣлъ, что ихъ обижали не хуже меня, били еще хуже,—я какъ-то радовался...

Все таки я любилъ тетку болѣе дяди. Дядя бывалъ дома рѣдко. Утромъ онъ вставалъ рано; рано мы пили чай, за чаемъ шли разсужденія, что сострять или испечь сегодня; онъ разсказывалъ о дѣянiяхъ своихъ сослуживцевъ, она ему поддакивала или говорила про какую нибудь сосѣдку. Я сидѣлъ въ углу, какъ посторонній человекъ, считая глотки дядины и теткiны, и дожидаясь, когда мнѣ подадутъ чашку чая. Выпивъ чашку, я подходилъ къ дядѣ и теткѣ поцѣловать у каждого руку. Дядя ничего не отвѣчалъ на мою благодарность, а тетка все что нибудь да замѣчала: «ты не стопшь того, чтобы тебя поить чаемъ! Это тебѣ послѣдній разъ», и т. п. Когда дядя уходилъ изъ дома, я долженъ былъ или сидѣть смирно у окна, или чистить вареный картофель, подносить теткѣ воду, выносить помои и за неумѣлость получалъ подзатыльники; но за то она кормила меня сдобнымъ печенiемъ и разными сластями,—произведенiями своихъ рукъ раньше, чѣмъ сама пробовала; мыла меня въ это время въ банѣ, чесала и помадила голову и брала съ собой въ гости... Вотъ за это-то я и любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Отъ чего это? Отъ того, вѣроятно, что она сердилась на меня и колотила меня безсознательно, не умѣя иначе научить меня хорошему, приучить къ своему характеру, сдѣлать изъ меня подобіе себѣ и мужу, и ей все-таки жалко было меня тогда, когда она не суежилась, а сидѣла молча за работой. Не даромъ же она такъ лелѣяла меня, такъ ухаживала за мной четыре года, какъ за роднымъ дѣтищемъ...

— И matka! Вѣдь мнѣ жалко его. Хотѣ и побьешь и побранишь его, да опять таки и пожалѣешь... Авось, какъ станешь добромъ-то обращаться, вспомнеть и меня.—Говорила она иногда по вечерамъ какой нибудь своей подругѣ.

— Бить-то его ненадо.

— Не могу, нравъ ужъ такой у меня... И сама я не знаю, какъ будто я люблю его.

— Еще бы: вѣдь маленькова взяла...
 — Упрямъ только больно: весь въ мать.
 — Ну выростеть, за все отблагодарить.
 — Вотъ ужъ:—по шеѣ бить будетъ.
 — Эй ты, женихъ, поди ка сюда!.. Будешь ты любить ма-
 меньку?

— Буду.

— Ну, не ври.

Мнѣ досадно было слышать такія слова; въ эти минуты я готовъ былъ богъ знаетъ что сдѣлать для тетки, чтобы она меня похвалила.

Когда дядя меня билъ,—а онъ билъ рѣдко, да мѣтко,—тетка всегда заступалась за меня. Нужно мнѣ что нибудь, она поворчитъ поворчитъ и выпросить у дяди.

Была у меня бабушка по теткѣ. Ей было въ это время уже годовъ семьдесятъ; но она была здоровая женщина. Утромъ она пекла калачи, днемъ торговала на рынкѣ калачами, а вечеромъ вязала или шпала. На рынокъ я ходилъ каждый день то за картофелею, то за капустой и т. п. и всегда подходилъ къ бабушкѣ. Она давала мнѣ калачикъ и мѣдную гривну на пряники. Вечеромъ около нее собирались ребята и вдѣ-вали въ иголку нитку, когда она что нибудь кропала. Она очень любила пасъ, маленькихъ ребятъ, говорила такъ ласково. Мы любили слушать ея пѣсни, которыя она пѣла на тонъ убогаго Лазаря, котораго поютъ нищие въ радоницу, и какъ она рассказывала сказки. Всѣмъ было весело съ нею, потому что она говорила какъ-то смѣшно и, постоянно смѣшила насъ своими рассказами. Она любила тетку больше всѣхъ своихъ дѣтей, и любила меня больше всѣхъ своихъ внуковъ.

— Бѣдная ты сирота. И пожалѣть-то тебя некому: говорила она мнѣ.—Ишь какъ избилъ тебя. А ты, голубчикъ, терпи: стерпится, слюбится, говорятъ пословица. Выростешь, спасибо скажешь?

— Зачѣмъ она, бабушка, бьетъ меня?

— Ужъ я говорила ей: что-молъ ты парня-то бьешь? крепка что-ли у тебя на вороту нѣту-ка?

— Ну?

— Не буду, говорю, бить.

— А вотъ она и бьетъ. Я и не буду слушаться ее.

— Не балуй!

— Право не буду.

— Грѣхъ. Вѣдь она все-же и заступи тебя. Ну, коли она забранится, ты смолчи, она и не ударитъ.

Ребята просили бабушку, чтобы она пристала и за меня и за ппхъ, и она изъ за насъ распекала своихъ дѣтей, которые вымѣщали свою обиду на насъ и говорили бабушкѣ, что она вымѣшивается не въ свое дѣло.

На седьмомъ году дядя сталъ брать меня съ собою рыбачить. До этого времени я всегда удивлялся тому: какъ это дядя рыбъ ловить? Придетъ онъ съ рыболовства и приносить съ собою туссокъ съ живой рыбой. Тетка въ восторгѣ; дядя ругается, что сегодня плохо клевала рыба, а я засовываю руку въ туссокъ и ловлю рыбу. Миѣ очень хотѣлось посмотреть какъ онъ удить, но онъ всегда одинъ уплывалъ въ лодкѣ на рѣку. Приставалъ я къ нему, чтобы онъ меня взялъ рыбачить, но онъ не бралъ. Надо замѣтить что дяди я очень боялся, потому, во первыхъ, что сама тетка побавалась его; а это я зналъ изъ того, что онъ часто покрикивалъ на нее за щи, или за то, что она не заштопала ему дыру на брюкахъ или халатѣ, и она всегда говорила безъ него: ахъ какъ-бы миѣ упаровить ему! Во вторыхъ, я зналъ его здоровые кулаки. Когда потомъ дядя бралъ меня съ собою на рыболовство, я, послѣ каждаго рыболовства, всячески старался угодить ему и теткѣ, чтобы онъ взялъ меня рыбачить. Я зналъ, что если тетка попроситъ его, онъ возьметъ меня, и зналъ также то, что онъ не всегда слушалъ тетку. И дѣлалъ я ему различныя угожденія: заставитъ меня тетка чистить дядины сапоги, я старательно чищу цѣлый часъ, или до тѣхъ поръ, пока тетка не выхватитъ у меня щетку и не ударитъ ею по моей головѣ, и не дочиститъ сапогъ сама. Скажетъ онъ, чтобы я шелъ копать червей, я не шелъ, а бѣжалъ, подпрыгивая на одной ногѣ, думая: а вотъ я рыбачить пойду! и накопаю ему что ни на есть самыхъ лучшихъ червей изъ павоза. Миѣ очень правилось спдѣтъ съ дядей въ лодкѣ и я спдѣлъ вмѣсто *мебели*, какъ называлъ меня дядя, потому что дядя миѣ не давалъ удлишка. Миѣ

правилась большая рѣка, рыболовы, правилось искусство дядино ловить рыбу: какъ онъ закидываетъ лѣсу въ воду, поплеывая предварительно на червячка, насаженнаго на удочку; какъ поплавокъ пляшетъ на водѣ: какъ дядя подсѣкаетъ удлишкомъ; какъ онъ изгибается, когда тащитъ большую рыбу, говоря, чтобы я сидѣлъ смирно; какъ эта рыба возитъ лѣсу; какъ дядя вытаскиваетъ ее въ лодку и какъ онъ прокликаетъ все и всѣхъ, когда не вытащить рыбы.

А дядя золь былъ ругаться. Раньше этого я не слыхалъ, чтобы ктонибудь умѣлъ ругаться такъ, какъ ругается мой дядя. Онъ ругался даже и тогда, когда говорилъ съ кѣмънибудь. Онъ ругалъ все и всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, свишьями, дармоѣдами, разными матерями и называлъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ, котораго все и всѣ обижаютъ. Мнѣ весело было тогда, когда онъ ругался; я такъ привыкъ къ его ругани, что думалъ, что онъ только тогда и веселъ, когда ругается. Я обыкновенно сидѣлъ въ носу или въ кормѣ лодки, а дядя по серединѣ и я сравнивалъ дядю съ бубновымъ королемъ—такъ ужъ онъ больно походилъ на него въ своемъ халатѣ, шляпѣ и съ трубкою въ зубахъ. Я ловилъ руками рыбу въ тескѣ, издѣвался надъ червями, при чемъ лодка качалась, дядя злился, кричалъ: тебѣ говорятъ или нѣтъ!.. Я присмирюсь, сплужу какъ сычъ; а потомъ опять начинаю уже неистовствовать въ лодкѣ. Дядя терпѣть-терпѣть да какъ «свиснетъ» меня удлишкомъ по затылку и закричитъ.

— И тебѣ говорилъ или нѣтъ? Ахъ-ты этакой!..—И зубы, у него словно трещать, и лицо такое сдѣлается страшное, что меня ужасъ возьметъ; я опять присмирѣю, такъ что даже и сосѣдніе рыболовы смѣются.

— Валяй ево! валяй хорошенько...

— Ишь какой, только шалить!

— Смотри рыбу-то отгонить всю!

Дядя, какъ видно, осердится и скажетъ пизъ: не ваше дѣло! такъ что и тѣ присмирѣють.

Дядя, какъ онъ самъ говорилъ, былъ злой рыбакъ. Онъ ничто не любилъ такъ спльно, какъ рыболовство, и страшноругался, если ему въ какой-нибудь день не удавалось рыболовить. Онъ удилъ постоянно отъ елки. Елку эту онъ срубилъ

въ лѣсу за двѣ версты отъ города и къ своей лодкѣ перь ее на своихъ плечахъ, проклиная свое житье. Также перь онъ къ лодкѣ пятипудовые камни и хвастался, что онъ силачъ. Дѣйствительно съ пятипудовыми каменьями онъ обращался довольно нецеремонно и вертѣлъ ихъ, какъ полупудовые. Къ верхушкѣ елки онъ привязывалъ веревку, которою были обвязаны два или три камня, пудовъ въ восемь или девять; къ корню привязывалъ тоже веревку длинной сажень въ пять и наплавъ. Елку свою онъ бросалъ такимъ образомъ. Сначала раздѣвался и мѣрялъ дно рѣки противъ одного мѣста, близко отъ города, и щупалъ плиту, т. е. гладкое, ровное дно. Мѣрялъ дно онъ также и багромъ. Смѣривши дно, онъ тащилъ въ лодку камни, клалъ ихъ на дощечку, положенную поперекъ носа на края лодки, потомъ клалъ лодку и веревку съ наплавомъ. Выбросивши веревку съ наплавомъ, онъ мѣрялъ дно снова, и, удостоверившись, что здѣсь хорошо поставить елку, выбрасывалъ ее ловко изъ лодки, а потомъ бралъ за одинъ конецъ доску и опрокидывалъ ее тоже ловко въ воду; камни и елка исчезали и оставался только одинъ наплавъ. Наплавъ означалъ мѣсто елки. Отъ елки дядя считалъ лучше удать, чѣмъ отъ забѣдковъ, потому что противъ самой елки проносъ воды очень тихой и елку можно всегда перетащить, да и притомъ дядя думалъ, что съ елкой меньше возни. Часто дядю злила тѣмъ, что отрывалъ наплавъ отъ елки, а иногда и всю веревку; а отрывалъ или плоты, или суда, или городскіе ребята по ночамъ. Впослѣдствіи я самъ былъ большой охотникъ на эти штуки. Если нѣтъ наплава, дядя долго ругался, плевалъ въ воду и искалъ елку кошкой, сдѣланной изъ большихъ гвоздей на подобіе якоря, и если не находилъ елки, срубалъ новую. Если у него было свободное время онъ всегда сидѣлъ у елки, будь тутъ громъ, дождь и валы. Онъ злился въ это время на громъ и на Илью, отъ котораго, по его понятіямъ, гремѣлъ громъ, по дождь и валы онъ любилъ. Если его сильно мочило, онъ подплывалъ къ берегу, втаскивалъ на берегъ лодку, опрокидывалъ ее и забивался подъ нее, выжидая, когда, дождь перестанетъ идти. Послѣ дождя рыба хорошо клюетъ говорили всѣ наши рыболовы. Дядя никогда не ѣлъ свою рыбу, онъ говорилъ, что ему жал-

ко ѣсть ту рыбу, которую выудилъ онъ, а тетка каждый день стряпаала для себя изъ нее пироги. Это ужъ рѣдкость, когда дядя будетъ хлѣбать уху изъ пойманной рыбы.

Дядя любилъ рыбачить одинъ и я незнаю, зачѣмъ онъ меня бралъ съ собой. Вѣроятно потому, чтобы я привыкалъ къ рыболовству, привыкалъ ко всякой погодѣ, а можетъ быть и потому, чтобы я не баловалъ дома. И я сидѣлъ въ лодкѣ какъ кукла. Помню, что онъ въ два мѣсяца, когда я сидѣлъ съ нимъ въ лодкѣ, не сказалъ мнѣ ни одного ласковаго слова, не сказалъ ни одного наставленія, называлъ меня шельмой, и если его обманывала рыба, онъ ругалъ рыбу, плевалъ со злости въ воду, ругалъ меня, говоря: «это все отъ тебя не клюетъ рыба! Какъ отецъ твой несчастный такъ и ты такой же шельма»... Можетъ онъ хотѣлъ испытать мое счастье и поэтому бралъ меня съ собой. А у него была такая замашка. Впослѣдствіи мы рыбачили неведомъ и закидывали неводъ на счастье тетки, дяди и мое. Оказывалось, что рыбы попадаю мало и заключали, что всему этому я вишой. Одинъ разъ какая-то рыба оборвала всю лѣсу у дяди чуть не по самое удилишко. Дядя обругалъ меня: это все отъ тебя! Поплылъ за лѣсой, но лѣсы не могъ поймать. Съ этихъ поръ онъ не сталъ брать меня съ собой и я рыбачилъ уже самъ съ берегу, да и это случалось очень рѣдко, потому что меня одного боялись отпускать къ рѣкѣ, чтобы я не утонулъ. За то если я рыбачилъ, то становился по колѣно въ воду, болталъ удилишкомъ въ водѣ, когда не клевала рыба и особенно любилъ ловить раковъ.

Наши родственники держали своихъ дѣтей очень строго и рѣдко отпускали насъ другъ къ другу. У тетки дѣти не собирались, а собирались мы у дяди Антипина, у котораго было три дочери и двое сыновей и къ которому приходили его племянники, три мальчика. Съ уличными ребятами намъ рѣдко приходилось играть, потому что насъ не пускали на улицу, и если случалось что мы дрались съ дѣтьми мѣщанъ, насъ наказывали за то, что намъ не слѣдуетъ связываться съ дѣтьми мѣщанъ, потому-де, что мы переймемъ отъ нихъ скверныя привычки. Намъ дозволяли играть во дворѣ и въ огородѣ. Мальчики, старше насъ, съ нами не игра-

ли, у нихъ были свои игры: они стругали стрѣлы, дѣлали луки, стрѣляли въ цѣль и къ верху, дѣлали суденки и корабли съ парусами, пускали ихъ по пруду, находящемуся въ огородѣ Антипина, и занимались большею частію рыболовствомъ. Если мы приставали къ нимъ съ распросами, они, какъ старшіе, звертывали насъ, т. е. теребили за волоса. Поэтому нашей братьи собиралось отдѣльно чловѣкъ шесть и такъ какъ у насъ почему-то не было расположенія играть въ мячкъ или бабки, то большинство изъ насъ играли *съ китки* и угощали другъ друга разными кушаньями изъ глины. Въ куклы любили играть двѣ дѣвушки и эти куклы представляли тоже живыя существа замѣняющія собой бабушку, или какого-нибудь родственника. Заберемъ мы, бывало, лѣтомъ въ уголокъ за сараемъ, у огорода, для того, чтобы насъ не тревожили старшіе и начнемъ играть.

И дѣлаемъ мы чашки, пирожки, крендельки и т. п. изъ глины, и угощаемъ другъ дружку такимъ образомъ. Также угощаются и лелѣются куклы наши, которыя въ одинъ день бываютъ и матушкой попадѣй, и тетушкой, и сестричкой, и посторонней гостѣй, и если кукла капризится, ее щиплютъ, снимаютъ съ нее платье и т. д. И чего-то чего не наговоримъ мы тутъ; какъ ни выскажемъ свою заботливость, свои вужды и печали, да и не только свои, а и своихъ родныхъ. Напримѣръ:

— Ахъ Маша, у меня нѣтъ чаю. (Это значитъ вчера у ея матери не было чаю).

— Купи у меня.

— Продай. Много-ли возьмешь?

— Рубль.

И даетъ Оля Машѣ пять плитокъ отъ изломаннаго горшка. Случалось, что иногда, по капризу когонибудь изъ насъ, чай стоилъ сто рублей. А по нашему сто и тысяча рублей тоже очень много значили, хотя мы и не видали никогда столько денегъ. Цѣлый день мы проиграемъ такъ, и весело намъ, и нескучно. Взрослый чловѣкъ, послушавши насъ, сказалъ бы: что это они городятъ такое? никакого толку отъ нихъ не добьешься. Взрослый чловѣкъ скучаетъ весь день, весь день недоволенъ, и не понимаетъ онъ этого особаго дѣтскаго

міра, который дѣти сами создали или приняли отъ другихъ: нравится имъ эта безтолковая игра, она занимаетъ ихъ, болтаютъ они все, что только взбредеть въ голову, все что они запомнили отъ людей;—здѣсь никто не стѣсняетъ ихъ, потому что они предоставлены сами себѣ, — и весело имъ. Странно только то, что многимъ изъ родныхъ нашихъ не нравились подобныя игры; странно, потому что они, когда были дѣтьми, также играли, а это я зналъ изъ того, что всѣ дѣти, сколько я не видалъ ихъ въ то время и послѣ въ нашемъ городѣ, также играли. Не скучно намъ было и тогда, когда шелъ дождь, или зимой. Лѣтомъ мы забивались въ чуланъ или куда нибудь въ такое мѣсто, откуда насъ не гнали, и тамъ также играли въ плетки и въ деньги. Зимой мы забивались на печь, и играли больше въ карты, хотя и не умѣли еще играть, при чемъ валеты, дамы и прочая карточная знать шла у насъ въ ходъ. Такъ напримѣръ, моего дядю называли пиковымъ] валекомъ, а я настаивалъ на томъ, что мой дядя бубновый король.

Любили еще мы играть въ войны или отпѣвать. Голосъ тогда у меня былъ хорошій и мнѣ часто доставалось за него. Найдеть, напримѣръ, кто нибудь изъ насъ подохню воробышка, косточку отъ курицы, крылышко или что нибудь въ этомъ родѣ, мы всей ватагой и давай дѣлать ямку, гробикъ, завертываемъ предметъ нашего удовольствія въ тряпочку, и загребаемъ его землей. На другой день мы смотримъ тутъ ли погребенная нами вещь. Но раньше этого мы спорили.

— Тутъ, или нѣтъ?

— Нѣту...

— А вотъ посмотримъ.

Предметъ нашего удовольствія всегда бывалъ на мѣстѣ. Въ войны же играли такъ: возьмемъ каждый по палкѣ, станемъ всѣ въ рядъ, кромѣ дѣвусекъ, старшіе командуютъ: разъ! два. Мы вытягиваемъ поги и хохочемъ. Это у насъ называлось «войной», о которой мы имѣли такое понятіе потому, что видѣли какъ маршируютъ солдаты, и если намъ говорили, что на войнѣ убиваютъ, мы не вѣрили... Мы знали, что за убійство наказываютъ; а это мы знали изъ того, что мимо нашего дома каждую субботу возили на рынокъ *грѣшниковъ*. —

Лишь только услышимъ мы барабанный бой и кричимъ: «грѣшника везуть» и бѣжимъ на улицу. Изъ всѣхъ воротъ выходили мужчины, женщины и дѣти и каждому хотѣлось взглянуть на грѣшника.

Невольно, и я побѣгу посмотрѣть.

— Смотри недолго. Я бы сходила да некогда: говорить мнѣ тетка.

— Мама пусти.

— Куда тѣ, я сама пойду.

— Я съ дяденькой.

И пойдутъ люди смотрѣть, какъ наказываютъ грѣшника, и дѣти за ними идутъ все молча, или говорятъ:

— Экое, подумаешь, наказанье! Подумаешь ты: вѣдь неловко ему бѣдному.

— Поди, кается голубчикъ.

— Ахъ, Машка я и забыла грошкѣ-то взять?.. Какъ я пойду съ пустыми руками: вѣдь неловко какъ не бросишь на шафотъ-то.

— Ну я за тебя брошу.

— Нѣтъ ужъ я своими руками.

— Говорять, что этотъ палачъ себя беретъ.

— Ну, Богъ съ нимъ! Ты лучше нищему не подай.

— Ай дядишка! за что его везуть-то.

— За воровство.

— Ишь-ты! Вотъ-бы Анкудиниху такъ-то пробрать?

— Чего Анкудиниху! Вонъ Тарасовъ что дѣлаетъ....

Не казнятся черти... А поди и они тутъ-же, и т. п.

Дядя мой ругалъ тѣхъ людей, которые бѣгаютъ смотрѣть грѣшника. Онъ говорилъ, что это дураки бѣгаютъ, сами не зная почему бѣгаютъ, также какъ сами не знаютъ, почему они ходятъ пожары смотрѣть; говорилъ онъ также, что они ходятъ для развлечения, потому что дома имъ нечего дѣлать. Но дядя мой понималъ это по своему, а тетка и люди по своему; тетка даже говорила, что она не потому ходитъ, чтобы смотрѣть какъ наказываютъ, а чтобы пожалѣть его и бросить ему гривенку денегъ. Того же мнѣнія и люди были. Мы-же дѣти, ходили безсознательно, и намъ очень было жалко наказываемаго, страшно, потому что въ это время была такая

мертвая тишина, что только и слышны стоны наказываемаго. Мы уходили молча, сердца наши бились; по ночамъ мы сѣдили и кого-то боялись. За то днемъ находилсь изъ насъ такіе артисты, которые изображали подобную же операцію надъ деревомъ, веревкой или голякомъ. Выходило забавно, но еще забавнѣе выходило то, что этого артиста непременно въ этотъ день наказывали розгами или родной батюшко или родная матушка.

Играли мы еще въ лошади, но украдкой и за эту игру намъ больно доставалось отъ родныхъ. За то намъ не запрещали пускать змѣйки. Сдѣлаешь змѣекъ и бѣжишь въ восторгѣ, распуская пятки, то по улицѣ, то по огороду, и только тогда присмирѣешь когда услышишь крикъ дяди или родственника:

— Я тебя, шельма ты этакая!..

Родные наши очень были строги и не любили всѣ наши игры. Они хотѣли, чтобы мы сидѣли смирно; они боялись, что мы издеремъ и измараемъ рубашки и платья, ушибемя. Все это дѣлалось конечно съ цѣлю, чтобы сберечь насъ. Но что-же было намъ дѣлать, какъ только не играть? Намъ ничего не читали, ничего не рассказывали хорошаго, не велѣли дотрогиваться до книгъ. Если-же мы спрашивали: а почто это гремитъ? Почто идетъ такъ скоро туча? Намъ говорили: не ваше дѣло!.. Если мы приставали съ распросами, намъ отвѣчали подзатыльниками. Какъ теперь помню, вся забота нашихъ родныхъ состояла въ томъ, чтобы мы во всемъ слушались ихъ, пересказывали все, что говорилось другимъ про ихъ, не знались съ тѣми, кого и они не любятъ, меньше ѣли. При этомъ они говорили, что хочуть изъ насъ сдѣлать подобіе себѣ и указывали на какого-нибудь служащаго молодаго человѣка: «посмотри-ка какой человѣкъ-то сталъ!.. А вѣдь какъ блин-то его, бѣднаго... За то выучили».

Дядя началъ меня учить грамотѣ. Азы я училъ цѣлый мѣсяць, писалъ букву *a* тоже цѣлый мѣсяць. Знаю, что моего терпѣнья затратилъ дядя на мое ученье. Подзоветь онъ меня къ столу, заставляетъ читать и такъ строго заставляетъ, что я боюсь его и молчу. Онъ крикнетъ на меня: ну? Я задрожу. Онъ ударитъ меня, я въ слезы; онъху же: привя-

жетъ меня къ столу и уйдетъ. Какъ только онъ уйдетъ, я начинаю ковырять указкой буквы, вырываю листки изъ азбуки. Дядя выспится, придетъ ко мнѣ.

— Выучилъ?

Я молчу.

— Что же ты?

Я смотрю на него, надуваю губы и со злостью смотрю на него.

— Такъ-то ты! и онъ схватитъ ремень и начнетъ меня драть. Я возьму да и укушу ему руку....

Родственники жалѣли меня и называли все-таки лѣнтяемъ. Одна только бабушка жалѣла меня

— Учись ты, дитяtko, учись!

— Не хочу!

Она на меня прикрикнетъ: въ солдаты что ли захотѣлъ? Я заплачу:

— И ты такая-же злая.

Товарищи-друзья издѣвались надо мной: вотъ мы такъ много выучили.

Наконецъ дядя отдалъ меня одному старому отставному чиновнику съ платою ему четыре рубля въ мѣсяцъ. У этого чиновника, какъ я помню, было двѣ страсти въ это время: онъ любилъ птицъ, которыхъ у него было постоянно до семидесяти штукъ и восемьдесятъ садковъ, и отчего комната его, безъ того грязная и темная, имѣла довольно неказистый видъ; птицы пѣли, стучали носами, онъ поддразнивалъ какуюнибудь птицу. Онъ изрѣдка продавалъ птицъ и продавалъ только такихъ, которые ему чѣмънибудь не нравились; хорошихъ птицъ онъ держалъ съ какою-то цѣлю и свою цѣль никому не высказывалъ, а говорилъ, что ему нравится держать птицъ. Онъ съ наслажденіемъ осматривалъ каждую птицу, съ наслажденіемъ чистилъ садки и говорилъ: «о ты моя маточка! Ишь какъ расходилась! Ну-ко, куси палецъ»... Забавно было смотрѣть, какъ онъ бралъ особенно любимую имъ птицу въ руку, дулъ на нее, цѣловалъ и говорилъ: такъ бы и съѣлъ тебя, маточка, да жалко. Чиновники называли его птичьимъ сводникомъ, рѣдко заглядывали къ нему и говорили, что онъ сошелъ съ ума отъ птицъ, хотя ни я, ни ученики его этого не замѣчали. Онъ до безумія любилъ свою сестру, ко-

торая, какъ говорили люди, вовсе не сестра ему, потому что многимъ моложе ее. Когда она вскричить на него, онъ растеряется такъ, что у него и садокъ выпадетъ изъ рукъ; скажетъ ему: «сходи на рынокъ», онъ и птичью любезность броситъ, побѣжитъ на рынокъ, но предварительно лѣзетъ цѣловаться съ сестрой, которая при этомъ говорила ему: иди мохнорылой; ишь не обрился, а туда же цѣловаться лезеть!

— Некогда, маточка.

— Набралъ себѣ поганыхъ птицъ; вотъ распушу всѣхъ...

— У, ты курочка мохноножка!

Вторая страсть его была учить дѣтей. Своихъ дѣтей Богъ ему не далъ, вотъ онъ и взялся по знакомству учить ребятъ. Всѣхъ насъ было штукъ восемь и мы у него учились мало, потому-что онъ задавалъ намъ уроки на домъ, а дома только спрашивалъ по книжкѣ и кое-что рассказывалъ изъ священной и всеобщей исторіи. Кромѣ этого мы помогали ему чистить садки и учились пѣть. Въ праздники онъ водилъ насъ въ церковь и пѣлъ съ нами на клиросѣ. Онъ никогда не тербилъ насъ за уши или за волосы, а любилъ наказывать насъ голикомъ своими руками.—

— Ты не сердись, голубчикъ.. Я маленько, потому-что мнѣ это нравится, да и тебѣ привыкать надо къ этому,—говорилъ онъ намъ передъ наказаніемъ Мы были привычны къ этому и всегда смѣялись, когда онъ наказывалъ насъ. А онъ очень легко наказывалъ насъ, такъ-что его сестра говорила ему:

— Что ты ихъ мажешь?

— Думашь я тебѣ доврѣю... Я люблю ребятюкъ...

Я кое-какъ умѣлъ разбираться печатъ и кое-какъ писалъ крупные азы; поэтому три мѣсяца моего ученія у чиновника прошли безъ пользы для меня. Не знаю долго ли бы я проучился у него, только я ему хорошо насолялъ. Какъ-то я остался одинъ у него. Мнѣ захотѣлось посмотреть летаютъ ли эти птицы по комнатѣ и улицѣ, а того и не сообразилъ, что онѣ могутъ улетѣть совсѣмъ. Я отворилъ сначала окно и растворилъ четыре садка. Птицы вылетѣли изъ садковъ, полетали по комнатѣ и одна за другой улетѣли въ растворенное окно на улицу. Я хотѣлъ было поймать, да ихъ и слѣдъ простылъ... Стою я у окна и плачу; входитъ учитель:

— Что ты, разбойникъ, дѣлаешь? И онъ оттолкнулъ меня отъ огня.

— Ничего... а самъ думаю: убьетъ онъ меня.

— А за чѣмъ плачешь? Ахъ, Господи! Гдѣ соловей?.. гдѣ кенарейка?.. Ахъ!.. ахъ!..

— Убѣжалн...

— Да знаешь ты, мошенникъ эдакой, я за нихъ тысячи не возьму...

Онъ меня вытолкалъ въ шею и я съ тѣхъ поръ не видалъ ужъ его.

Уже съ годъ поговаривали, что меня отдадутъ въ училище и я очень радовался, что буду учиться въ училищѣ, гдѣ много будетъ товарищей. Но дядя все откладывалъ почему-то, говоря, что я еще малъ.—Мы тогда жили въ почтовой дворикъ и я дѣлалъ тамъ разныя штуки. Миѣ очень было забавно, какъ почтальоны дрались у печки и я пользовался случаемъ, чтобы злить ихъ какъ можно чаще. У одной печки стряпали двѣ-три семьи, потому-что около одной печки жило двѣ-три семьи и стало быть каждая имѣла право на стряпню въ этой печкѣ; но каждая хотѣла непременно одна стряпать. Сдвинуть напрямѣръ, Семеновка горшокъ, другая толкаетъ ее горшокъ, и ставитъ свой горшокъ. Третья лѣзетъaproжки жарить.

— Ты куда?

— А ты куда?

— Ты подождешь!

— Плевать миѣ на твои горшки!

— Подожди; тебѣ говорить?

— Экая фря! Откуда ты, сволочь, выплыла?

— Тьфу ты проклятая...

И пойдетъ сапотня. Придутъ мужья.

— Ну-ну смирно!

— Я вотъ-те покажу, не твое дѣло.

— Молчи! ты знай свое дѣло въ конторѣ, а миѣ не мѣшай.

Трудно было мужьямъ разнимать своихъ женъ, и они со всѣмъ отступались отъ нихъ. Тетка жила хотя и въ особой комнатѣ, но стряпала въ одной кухнѣ съ тремя семействами. Она была неуступчивая и всегда жаловалась дядѣ на обиды ихъ, дядя жаловался почтмейстеру. Хозяйки, заявляющія свои

права на печь, спльно не любили тетку и всячески старались пакостить ей. Тетка ругалась и говорила мнѣ, чтобы я не знался ни съ кѣмъ изъ нихъ. Этого я сдѣлать не могъ, потому-что на одномъ корридорѣ всего жило четыре семьи и мнѣ нравилось тереться у какой нибудь семьи. А нравилось потому, что я выглядывалъ тамъ, нѣтъ ли хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками; мнѣ нравилась плоть, мебель и пр. и быть тамъ казалось веселѣе. Увижу мѣдные деньги, непременно стяну гривну или копѣйку. Если деньги были считаны, то жаловались теткѣ, что я укралъ; я запирался; тетка говорила, что на меня говорятъ напрасно. Если кто ругалъ меня или обижалъ, я самъ тому мстилъ такимъ образомъ: однажды на только-что развѣшанномъ во дворѣ для сушенья бѣльѣ, я начертилъ углемъ косые кресты; меня замѣтила одна женщина и привела къ теткѣ за уши. Когда мнѣ задали за это хорошую башку, я придумалъ новое средство къ своей мести: нашелъ во дворѣ подохлаю кошку, принадлежавшую этой женщинѣ, и бросилъ ее въ кадку съ водою, принадлежавшей этой же женщинѣ. Подумали на меня: меня отодрали и пожаловались почтмейстеру, что отъ меня никому нѣтъ покоя. Почтмейстеръ сдѣлалъ выговоръ дядѣ. Послѣ этого мнѣ такъ нравилось злить почтовыхъ женщинъ, что я почти каждый день придумывалъ какую нибудь штуку. И больно нравилась мнѣ моя штука и больно мнѣ приходилось за нихъ. Лишь только отдерутъ меня, я сажусь куда-нибудь въ уголъ и думаю: что же мнѣ такое сдѣлать? да такъ чтобы не узналъ никто. Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется:

— Что сидишь, драпаная харь.

— Что ты дразнишься, песъ ты экой?

Почтальонъ щиплетъ меня за волосы.

— Что дерешься, подлець! Ия ударю его.

Овъ отойдетъ и говоритъ: воръ! воръ! неходи, во вооръ...

Я соскочу и брошу въ него чѣмъ-нибудь.

— Я тѣ сволочь! скажетъ другой почтальонъ выходя пзъ дверей.

Пройдетъ женщина и со злостію направля на меня кулаки, говоритъ:

— У, подкидышты!

— Молчи чуча!..

— Молчи! чума сибирская!.. Плюнетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ теткѣ, что я обозвалъ ее скверною руганью.

Я крѣпко затаю злобу и начинаю выдумывать что-нибудь, и только выдумую, смѣшно мнѣ становится. «Ужъ сдѣлаю же я надъ вами праздникъ!» думаю я. И весь день я веселъ, такъ что тетка удивляется, что я веселъ.

— Надъ чѣмъ ты все смѣешься?

— Ничего... такъ.

— Опять, вѣрно, спакостялъ что-нибудь?

Стоитъ въ корридорѣ чей-нибудь самоваръ. Самоваръ шумить. Я вытащу изъ него кранъ и брошу его куда-нибудь въ хорошее мѣсто, а самъ спрячусь дома. И совѣстно мнѣ становится своей глупости и все-таки думаю: пускай!

Слышу я, что въ корридорѣ суетятся: голоса бабы.

— Что-то баба запоесть?—думаю.

— А наказанье божье этотъ парень!

— Смотри какъ сѣлъ!.. Вѣдь восемь рублей стоитъ самоваръ-отъ! Ахъ будь онъ проклятъ этотъ парень.

— Ужъ это онъ,—больше некому.

И вытаскать меня и начинаютъ расправляться.

И выходило послѣ этого-то, что все кражи, сдѣланныя не мной, сваливали на меня. Меня драли, мнѣ тяжело было жить, а дядѣ еще хуже, потому что онъ платилъ деньги, и ему не было проходу: вотъ онъ вашъ-то сыночекъ, что опять надѣлалъ.

— Да будте вы прокляты все! скажетъ дядя и думаетъ, что я—страшный разбойникъ и что отъ меня надо всячески избавиться. Онъ отдалъ меня въ бурсу, на томъ основаніи, что я принадлежалъ духовному сословию хотя и родился тогда, когда отецъ былъ почтальономъ. То, что меня взяли въ бурсу, ухитрился сдѣлать дядя, у котораго много было знакомыхъ изъ консисторскихъ.

Сначала мнѣ хорошо казалось жить съ товарищами и я велъ себя очень скромно. Но когда меня, черезъ недѣлю послѣ поступленія въ бурсу, жестоко отодрали, я не залюбилъ бурсу. Мнѣ не нравилась жизнь въ заведеніи, несоюзность товарищей и жестокія розги; мнѣ показалось, что у дяди воляше

жить и лучше. Дядя и тетка наказывали за дѣло, а здѣсь за какіе-то уроки, которые я не считалъ нужнымъ учить, меня два раза выстегали до обѣда, да разъ послѣ обѣда... Цѣлые двѣ недѣли меня не выпускали никуда изъ заведенія и почти каждый день драли, какъ лошадь, если не разъ, то по два раза; товарищи были меня за то, что я воровалъ у нихъ булки, сушенныя лепешки, привезенныя имъ родными и родственниками. Я ни съ кѣмъ не жилъ въ ладу, хвастаясь дядей, и никто не любилъ меня; всѣ стали жаловаться, что я краду булки; да если и былъ неправъ я, такъ находились товарищи, которые сами воровали и сваливали всю вину на меня. Такъ я прожилъ мѣсяцъ, и въ это время ужасно перемѣнился—похудѣлъ и схватилъ золотуху. Тетка дала мнѣ двѣ-три пары рубашекъ и подштанниковъ, но я весь мѣсяцъ носилъ только одну рубашку, брюки и сюртукъ, а остальное у меня разворовали. Мнѣ невтерпежъ стало житье въ заведеніи и я задумалъ бѣжать. Бѣжать къ дядѣ я боялся, потому что дядя меня приведетъ въ заведеніе, а тамъ я видалъ, какъ наказывали бѣглецовъ. Мнѣ очень хотѣлось бѣжать къ дядѣ, пасть передъ нимъ, плакать и просить, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ; я хотѣлъ всячески постараться угождать ему, не сердить его и не дѣлать никакихъ пакостей ни ему, ни другимъ; но я все таки боялся уйдти къ нему, боялся даже и тетки. Наконецъ я таки рѣшился уйдти во чтобы то ни стало. Рано утромъ я ушелъ на колокольню, думая, что тамъ никто меня не найдетъ. Съ замѣраніемъ сердца я просидѣлъ на вышкѣ надъ колоколами то время, когда звонили къ заутрени. Послѣ заутрени мнѣ скучно сдѣлалось, я заплакалъ и спустился къ колоколамъ. Долго я смотрѣлъ на городъ и на рѣку, долго думалъ: куда бы мнѣ уйдти, но ничего не придумалъ. Мнѣ страшно захотѣлось ѣсть, а сойдти съ колокольни боялся: я и теперь думалъ, что изъ каждаго окна смотрятъ на колокольню, видятъ меня и говорятъ: вонъ онъ куда спрятался! и я представлялъ себѣ картину: какъ схватятъ меня, какъ приведутъ къ смотрителю и какъ начнутъ драть... Въ сердцѣ точно кто ножомъ водилъ тогда, когда я думалъ: «а вѣдь теперь учатся!.. Ихъ дерутъ, а меня вѣтъ... Меня не найдти имъ»,—и я радовался своему героюству... Послѣ обѣда мнѣ еще тяжелѣе сдѣлалось; голоде

меня мучилъ. Пошелъ дождь, загремѣлъ громъ и я съ трепетомъ, прижавшись въ уголъ, дождался себѣ смерти. Я такъ и думалъ, что громъ непременно убьетъ меня; но все таки мнѣ еще жить хотѣлось... Когда прошла гроза и пересталъ дождь, я хотѣлъ идти въ городъ, но не пошелъ. Вечеромъ мнѣ страшно сдѣлалось: я боялся провести ночь на колокольнѣ.. Мнѣ вдругъ представилось, что колокольня можетъ упасть и убьетъ меня... Я подошелъ къ большому колоколу, моля его, чтобы онъ пришибъ меня, но онъ двигался... Долго послѣ этого я стоялъ у перилъ и мнѣ вдругъ захотѣлось броситься внизъ. Закружилась голова и я чуть не бѣгомъ слѣзъ съ колокольни. Ночь я провелъ на берегу у одной лодки, а утромъ отпавился за рѣку. Весело мнѣ было на вольномъ воздухѣ, на свободѣ, я улыбаясь смотрѣлъ на городъ и срисовывалъ на бумажку одну часть города. Я ходилъ какъ помѣшанный отъ голода и кое-какъ отыскалъ рыбацкій шалашъ. Въ немъ не было ничего. Тамъ я увидалъ полъ-ковриги хлѣба, взялъ его съ собой и, не знаю почему, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ у снастей, распластавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ неводъ, и сдѣлалъ дыру на одной лодкѣ. Этотъ день я провелъ хорошо, прогуливаясь по травѣ и по лѣсу, и пѣвая пѣсни. Я радовался, что я на свободѣ, что меня никто не стѣсняетъ и я могу дѣлать все, что только хочу, я торжествовалъ надъ тѣмъ, что я одинъ изъ всѣхъ бурсаковъ убѣжалъ далеко, что ихъ дерутъ... «Пусть васъ дерутъ!» говорилъ я громко и хохоталъ. Я очень былъ счастливъ и не находилъ счастливѣе себя человѣка. Я думалъ: «а какъ хорошо! Ни за что я не пойду отсюда никуда, ни за что не пойду .. Я и къ дядѣ не пойду». Мнѣ ничего не нужно было, хотя и казалось мнѣ, что въ каждомъ кусткѣ дерева кто-то сторожитъ меня, а на нѣкоторые кусты я даже и смотрѣть боялся. Когда проходилъ мой страхъ, я думалъ: а хорошо бы здѣсь соорудить домъ. Я бы тогда дядю и тетку взялъ съ собой жить, они бы тогда не стали меня бить. Потомъ мнѣ думалось: нѣтъ лучше бы денегъ побольше найти тогда бы меня прямо сдѣлали священникомъ и учиться бы не заставляли. Потомъ мнѣ вдругъ захотѣлось плыть куда-то дальше. Я сталъ грести къ верху, но мои силы плохи были и меня пер-

ло къ низу. Я приплыль къ берегу и сталъ доѣдать кусокъ хлѣба, поглядывая на городъ.

— Я тѣ подлую рожу! ахъ ты мошенникъ экой, каторжной! услыхаль я позади себя. Когда я оглянулся, то увидаль на горкѣ мѣщанина. Лицо его было такъ страшно для меня, что я сильно струсилъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ.

— Такъ-то ты! такъ-то!.. Я тебѣ!.. И онъ началъ тузить меня не на милость, а на смерть... Я ничего не понималь, а только чувствовалъ его полновѣсные удары, а потомъ ужъ ничего не чувствовалъ. Очувствовался я уже тогда, когда не было ни лодки въ водѣ, ни мѣщанина на берегу. На лицѣ была кровь, голова страшно болѣла, волосы лѣзли. Я кое какъ всталъ, началъ бродить по берегу, не зная, что мнѣ теперь дѣлать. Не знаю сколько времени бродилъ я по берегу, только, кажется, вскорѣ послѣ того, какъ я всталъ съ земли, я услыхаль свою фамилію съ словами: вотъ онъ, бѣглець! Когда я взглянулъ на рѣку, то на серединѣ ея увидаль двѣ лодки и въ каждой по два сторожа и по три семпнарста. Я пустился бѣжать въ лѣсъ, не помня себя. Не помню долго-ли я бѣгалъ, только двѣ дюжія руки схватили меня, связали накрѣпко и потащили безжалостно по кочкамъ, камнямъ и травѣ, прибавляя въ спину полновѣсные, крѣпкіе удары палкой. У лодокъ меня дожидались дюжіе бурсаки и смѣялись: «бѣглець! бѣглець! Вотъ тебѣ зададутъ жару!» Я просилъ ихъ, плача, отпустить меня, жаловался, что меня избилъ; но они все хуже и хуже издѣвались надо мной.

И была-же мнѣ баня!.. Послѣ этой бани я два мѣсяца лежалъ въ лазаретѣ.

Вы думаете я не сталъ послѣ этого бѣгать? Какъ-бы не такъ! Я еще въ лазаретѣ обдумываль планъ побѣга, и какъ только вышелъ изъ него, черезъ день же убѣжалъ въ заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города. И знаете ли, какъ я тамъ промышляль себѣ пищу и пристанище въ теченіи полуторыхъ недѣль? Какъ только я вышелъ изъ города, я бросилъ сюртучокъ въ рѣку, вымараль грязью свою рубашку, штаны, лицо и пошолъ въ заведенія и дома просить хлѣба ради Христа .. Меня спрашивали:

— Чей ты парняга?

— Чей? Материнъ, отвѣчалъ я.

— Знаю что не собачій... Кто у тѣ мать-то?

Я затруднялся отвѣчать и молчалъ.

— Что молчишь?

— Да мамка-то померла у меня, давно померла; бросила...

— Ишь-ты! Экое, подумаешь, наказанье!.. Ты-бы въ люди пошолъ.

— Не принимаютъ. Я плакалъ, и плакалъ я не представляюсь, а не знаю почему мнѣ горько было, и горячи были мои слезы...

— То-то. Видно, молъ, трудно. А ты поди къ управителю, онъ тѣ пристроитъ.

— Боюсь, стегать будетъ.

— Ужь не безъ того... А ты ужь похлебай щецъ.

Я радъ не радъ, что меня призреть добрая хозяйка, а самъ думаю, чтобы да она не сказала кому-нибудь про меня, да не узналъ-бы дядя? Сяду я на лавку и сижу смирно, смотрю дико. Ребята оглядываютъ меня, сторонятся какъ-то, а говорятъ со мною не хотятъ и только шепчутся... Сядетъ хозяйня обѣдать и дѣтей посадитъ съ собой, а я все сижу въ углу, да смотрю, какъ они уписываютъ, да на меня смотрятъ. Мнѣ такъ и кажется, что они издѣваются надо мной, да думаютъ: посмотри-ко какъ мы ѣдимъ!.. И сижу я какъ собачка, съ жадностью и злостію смотрящая на своихъ хозяевъ, какъ они ѣдятъ хлѣбъ и хлѣбаютъ щи, и что по ихъ вкусу, и съ гордостію смотрятъ на нее, говоря: «подождешь! вотъ остатки будутъ...» А не будутъ—извини... И жду я этихъ остатковъ, и стыдно мнѣ, что я жду, такъ вотъ и хочется самому схватить все со стола и все поѣсть... И думаешь со злостію: «экіе у нихъ рты-то огромные!.. экъ они ѣдятъ-то сколь!.. Акто они такіе?.. Погодите, утру я вамъ носъ!..» А чѣмъ,—я и не знаю, стыжусь своего положенія; боязнь опять приходитъ ко мнѣ... Славно я паѣмся чужаго хлѣба и сладокъ этотъ хлѣбъ!.. Не даромъ-же я просилъ его Христа ради! Ночами я время проводилъ и у мастеровыхъ или гдѣ-нибудь на сараяхъ.

И много я увидалъ тамъ, много я замѣтилъ хорошаго; мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ...

Сколько я ни старался избѣгать нищихъ, которыхъ я не любилъ по своему, но мнѣ все-таки приводилось сталкиваться съ ними. Дѣти ихъ, старше и моложе меня годами, были слишкомъ грубы. Я захаживалъ въ ихъ жилища и много я тамъ узналъ такого, что заставляетъ ихъ ходить поміру. Изъ ихъ жизни можно бы было написать цѣлые романы и исторіи, но не все-же интересно для большинства; много есть такого, чему можно и не повѣрить. Здѣсь я расскажу, какъ можно короче, нѣсколько примѣровъ нищенства.

Нищенку Аринку зналъ весь заводъ. Знали ее потому, что она всѣ собираемыя деньги тотчасъ же пропивала въ кабакѣ и валялась послѣ этого пьяная на улицѣ. Ее ужъ не брали въ полицію. А не брали ее въ полицію потому, что казакамъ взять съ нее было нечего, и такъ какъ въ полиціи всегда было много людей, а для Аринки нужно просторное мѣсто, потому что она никакъ не можетъ сидѣть или стоять, то рѣшили, что ей гораздо лучше лежать на улицѣ. У нее были двѣ дочери: Анна 8 лѣтъ и Парасковья 9 лѣтъ. Онѣ также ходили по міру и жили въ общей квартирѣ, въ стойлѣ, гдѣ пока не было коровы, и которою снабдилъ ихъ изъ жалости мастеровой. Она была солдатская жена. Вышла она замужъ за крестьянку 18 лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ мужа ее взяли въ солдаты. Ей трудно было жить въ чужой семьѣ съ двумя ребятами. Однако она билась полгода. Ее стали кормить чужими хлѣбами, отняли мужнинъ домъ, а ее вытолкали. Она пошла въ городъ на работу; но что можетъ сдѣлать одна женщина съ маленькими ребятами? Сначала она работала на кирпичномъ заводѣ, оставляя дѣтей въ какомъ нибудь углу, а спала въ самомъ заводѣ. Потомъ она пріучилась попивать водку съ рабочими, заболѣла и больная пошла по міру. Ходить по міру ей очень понравилось. Дѣти тоже пошли по міру и ходили одни, безъ нея. Онѣ часто сталкивались со мной, но я прятался отъ нихъ, потому что мнѣ не хотѣлось дѣлить по-дачекъ.

Много есть такихъ нищенокъ, которыя съ самаго дѣтства нищенствуютъ. За то онѣ ругаются, какъ иной пьяница неругается, предаются разврату съ мужчинами ихнаго сорта, пьянствуютъ, дерутся и обижаются, если имъ подаютъ мало.

Пшеника Танька росла въ чужихъ людяхъ. Много она приняла горя въ чужихъ людяхъ; много бита была. Но и въ чужихъ людяхъ бываютъ радости. Она полюбила одного гимназиста. Ее выгнали изъ дома. Долго она ходила изъ дома въ домъ, ее не принимали; не принимали ее и въ больницу и она, чтобы найдти себѣ пріютъ, украла на рынкѣ у какой-то старухи кошель съ деньгами и ее посадили въ острогъ. Въ острогѣ ребенокъ ея умеръ. Ее оставили въ подозрѣніи, а послѣ трехъ лѣтъ ее обвинили опять въ воровствѣ. Она пробыла годъ въ острогѣ, испортилась тамъ совсѣмъ, и когда получила свободу, то пошла по міру. И часто эта Танька сидѣла въ острогѣ и въ полиціяхъ безвинно. И никто не любилъ ее, а подавалъ ей милостыню только ради Христа, хотя и знали, что не въ прокъ эта милостыня. И жалко было смотрѣть на эту бѣдную, но ее никто не жалѣлъ...

И много—много я видѣлъ такихъ нищенокъ!

Всеело и грустно мнѣ казалось, когда мнѣ приводилось быть въ ихъ компаніи, а отъ чего это такъ—я плохо смыслилъ въ то время... Шумно они проводили время, но не всѣ такъ проводили время, многіе плакали. Сидитъ, напримѣръ, какойнибудь отставной солдатъ съ орденомъ на шинели, съ деревяжкой подъ лѣвымъ колѣнкомъ, сидитъ онъ грустно. Надъ нимъ смѣются; а онъ то и дѣло псеть: «Ахъ больно сердцу моему!» и стучить кулаками отчаянно по столу.

— Гдѣ ты ногу-то пропилъ?

— Гдѣ? На войнѣ...

— Врешь ты все—отморозилъ,

Сердится солдатъ и выкладываетъ съ досады остальные гроши, приговаривая: вотъ-гдѣ! и потомъ рассказываетъ въ сотый разъ исторію, какъ онъ лишился ноги и отъ чего онъ пошелъ нищенствовать. Я только знаю его слова такого рода: вы думаете, я сталъ бы якшаться со всякой швалью?... а я поди-ка,—жрать хочу; нажить деньги могу... Ну и наживаю, да пропиваю, а какъ пропью и пойду собирать.

— Такъ зачѣмъ ты по міру ходишь, коли работать можешь?

— А обидно, что за работу мало даютъ. Обидно, что за ногу мало дали... А будь-ка нога, я бы козыремъ ходилъ и

съ вапимъ братомъ не сталъ бы якшаться. Думаете, мнѣ не обидно что-ли, сволочь вы экая! И запоеть: больно сердцу моему!

На меня все смотрѣли, какъ на звѣря. Многие думали, что я непременно барскаго роду, потому что на мнѣ была ситцевая рубашка и лицо у меня было незагорѣлое.

— Ты парень кто такой?

— Материнъ. Обыкновенно отвѣчалъ я.

На это мнѣ отвѣчали ругательствами. Обзывали мою мать, моего отца и многихъ тутъ доставалось.

— Чей ты? спрашивали меня опять.

— Не знаю.

Меня опять поролли и опять доставалось всѣмъ живымъ и мертвымъ.

— Пей водку!

— Не хочу.

— Тебѣ говорить: пей!

Ко мнѣ приставала вся честная компанія: кто теребилъ меня за волосы, кто наливалъ мнѣ на голову водки, кто засовывалъ руку за мою пазуху и обиралъ все, что было у меня тамъ спрятано.

— Пляши!

— Не умѣю.

Меня начинали бить и силой заставляли плясать.

Послѣ подобныхъ сценъ у меня голова ходила кругомъ. Я долго не могъ опомниться отъ всего слышаннаго и видѣннаго. Я даже досадовалъ на себя, зачѣмъ я пошелъ въ заводъ. Такъ мнѣ показались гадки все нищіе, что я всячески старался избѣгать ихъ; но они все таки находили меня и тащили съ собой. Я кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы меня спасли отъ нихъ, но никто не давалъ помощи. Искалъ я въ заводѣ и такого человѣка, который-бы заставлялъ меня работать, но меня не хотѣли брать безъ имени, а своего имени я не хотѣлъ сказывать... И богъ знаетъ, что-бы было со мной дальше, если бы не спасла меня одна женщина. Разъ я пришелъ въ одинъ домъ просить ради Христа. Лишь только я вошелъ въ избу, меня взялъ страхъ: я увидѣлъ ту самую женщину, которая по два раза въ недѣлю носила теткѣ молоко и знала ме-

ня очень хорошо. Эта женщина любила меня и носила мнѣ пряничныхъ пѣтушковъ въ праздники.

— Что это съ тобой? сказала она, увидѣвъ меня, и хлопнула руками по бокамъ.

— Ничего.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Ахъ страхъ какой!

Я заплакалъ.

— Вотъ-то будетъ тебѣ пару и жару!... Отецъ хорошій человекъ, а онъ, гляди-же ты, по міру ходитъ. Меня обступилъ ея дѣти; я плакалъ.

— Ай, ай! бѣда какая! Тебя тамъ сбились, ищутъ, а онъ гляди-же ты.

— Не сказывай тетушка, родименькая... плакалъ я, чувствуя всю свою бѣду.

— Ахъ ты, пострѣлъ ты эдакой! Ну, какъ я приму тебя? Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?..

Я не зналъ, что отвѣчать и плакалъ. Она сжалилась надо мной: умыла меня, одѣла, накормила и уложила спать, а сама отправилась въ городъ. Она ушла потому, чтобы ей выслужиться передъ дядей, и наговорить про меня ужасовъ, вѣроят-но изъ состраданія, такъ какъ и у нее были дѣти, только ея родные...

Дѣло извѣстное, что было послѣ этого... Результатомъ моего бѣгства было то, что меня исключили изъ духовнаго сословія и я сдѣлался работникомъ своихъ воспитателей. Мнѣ тогда исполнилось только что десять лѣтъ, т. е. пошелъ уже одиннадцатый. Трудно мнѣ жилось въ это время! Я забылъ всѣхъ своихъ товарищей по бурсѣ, забылъ учителей и зналъ, что меня всѣ забыли. Последнее мое бѣгство было скрыто отъ семинарскаго начальства. Помню только то, что въ это время я былъ очень задумчивъ и самъ собою выучился читать и писать.

Ф. Рѣшетниковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ.

(Статья первая).

X.

Базаровъ — циникъ; взглядъ Базарова на женщину принять самый грубый цинизмъ; — такое сужденіе вы услышите отъ каждаго русскаго человѣка, прочтавшаго романъ Тургенева, и умѣющаго произнести слова «циникъ» и «цинизмъ». Въ устахъ русскаго человѣка эти слова имѣютъ, конечно, ругательное значеніе; такъ какъ мы сами, до сихъ поръ, не были причастны ни къ одной философской школѣ, то мы ухитрились все дошедшее до насъ философскіе термины осмыслить по своему, сообразно съ уровнемъ нашихъ умственныхъ отправленій. Вслѣдствіе этого, получили самые неожиданные результаты: — кто былъ, или и началъ за четырехъ, тотъ былъ произведенъ въ матеріалисты; а набитые дураки, не умѣющіе принять ни за одно практическое дѣло, получили титулъ романтиковъ или идеалистовъ. Въ этомъ всеобщемъ маскарадѣ, въ которомъ наши пошлости прикрылись иностранными словами, циническая клика старика Дюгена досталась тѣмъ людямъ, которые въ домашнемъ обществѣ проносятся непечатными словами, и утираютъ свою всеневную жизнь разными неприличными поступками. Такихъ людей у насъ не мало; понятія о томъ, что прилично и что неприлично, очень измѣняемы и растяжимы; вслѣдствіе этого, и слово цинизмъ стало прилагываться, безъ дальнѣйшаго разбора, къ такимъ вещамъ, которыя сами по себѣ очень хороши, и къ такимъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ

Стд. II.

отвратительны. Циникомъ называютъ у насъ, съ одной стороны, человѣка прямодушнаго и откровеннаго, презирающаго всякое эрзерство, и безпощадно разоблачающаго гадости, которыя мы любимъ облачать въ граціозныя формы и смягчать благозвучными словами. Съ другой стороны, я напому читателю Іону-циника, выведеннаго въ послѣднемъ романѣ Писемскаго. Кто говорить рѣзкую правду, тотъ, по нашему, циникъ; и кто оскорбляетъ или тиранитъ беззащитнаго человѣка, тотъ, по нашему, также циникъ. Понятно, что послѣднія черты циническаго образа бросаютъ грязную тѣнь на первыя, и получается въ общей суммѣ неопредѣленное представленіе о чемъ-то дикомъ, неумолимомъ и вѣроподобномъ. Если какой нибудь Ловеласъ стремится насильно поцѣловать женщину, путешествующую съ нимъ въ малыютѣ, мы называемъ его любезности циническими; если какой нибудь тупоумный господинъ глумится и куражится надъ своею женою, мы называемъ его обращеніе циническимъ. И тоже самое, загрязненное слово мы прилаживаемъ не только къ характеру людей совершенно другаго закала, но даже къ умственной дѣятельности тѣхъ великихъ мыслителей, которые спокойно и разсудительно анализируютъ, съ энциологической точки зрѣнія, чувство чистой дѣвственной любви, и процессъ поэтическаго творчества и порывы возвышеннаго героизма. Все это, по нашей терминологіи, — циники, и всѣ ихъ разсужденія вытекаютъ изъ гнуснаго желанія унижить человѣческую личность, и измять грубыми руками нѣжныя чувства и розовыя надежды доверчиваго читателя. Принимая слово «цинизмъ» въ такомъ широкомъ и разнохарактерномъ значеніи, я, пожалуй, готовъ допустить, что Базаровъ дѣйствительно циникъ; но, въ такомъ случаѣ, я надѣюсь доказать моимъ читателямъ, что въ базаровскомъ цинизмѣ нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго, то есть, ничего оскорбительнаго для человѣческаго достоинства, и несомнѣннаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинамъ. Я намѣренъ разобрать довольно подробно всѣ отношенія Базарова къ Одинцовой, и я имѣю причины думать, что этотъ этюдъ въ настоящее время будетъ не совсѣмъ бесполезенъ; онъ до нѣкоторой степени облегчитъ намъ пониманіе того сѣмьяса, который называется молодымъ поколѣніемъ, и который, подъ этимъ названіемъ, наводитъ недоумѣніе и ужасъ на очень многихъ добрыхъ людей обоего пола. Увидавши Одинцову на балѣ у губернатора, Базаровъ прежде всего обращаетъ вниманіе на ея наружность. «Кто-бы она

ни была, говорить онъ Аркадію, просто ли губернская львица, или «эманципе», въ родѣ Кукушкиной, только у ней такія плечи, какихъ я не видывалъ давно. — Аркадія покоробило отъ цинизма Базарова. — (Отцы и дѣти. стр. 112). Вотъ и чудесно! Слово «цинизмъ» сразу вырвалось у самаго Тургенева. Это даетъ самый удобный случай проанализировать, какого рода штука этотъ цинизмъ. Что молодой человѣкъ равнодушенъ къ красотѣ молодой женщины, — въ этомъ, кажется, самый строгій моралистъ и самый восторженный поэтъ, каждый съ своей точки зрѣнія, не найдутъ ровно ничего предосудительнаго. Ужъ на томъ свѣтъ стоитъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и что любовь, начинается преимущественно съ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ привлекательная наружность. Когда человѣкъ почувствовалъ это пріятное впечатлѣніе, то почему же его и не высказать третьему лицу, которому это сообщеніе нисколько не можетъ быть оскорбительно? — Да, конечно, скажетъ мой вязаный читатель, но какъ высказать? — О, я знаю; въ этомъ какъ и заключается настоящая загвоздка. Молодому человѣку дозволяется говорить о красотѣ женщины, даже о ея бюстѣ, даже о ея роскошныхъ формахъ, не при этомъ онъ, во первыхъ, долженъ выражаться отборными словами, специально обточенными для подобныхъ живописаній; а во вторыхъ, онъ долженъ, во время такого разговора, мѣть и благоговѣть, прищуривать глаза и изображать на своихъ губахъ блаженную улыбку небеснаго созерцанія. Тогда никому въ голову не придетъ произнести слово «цинизмъ»; тогда слажутъ, напротивъ того, что молодой человѣкъ — художникъ, способный увлечься высшими идеалами, и что онъ въ конечной формѣ усматриваетъ безконечную идею прекраснаго. — Но, такъ какъ Базаровъ говоритъ сподойно и называетъ плечи — плечами, а не формами, и о безконечной идеѣ прекраснаго не заикается, то сейчасъ является на сцену «цинизмъ», и начинается коробить благонастроеннаго Аркадія, который однако способенъ, подобно большей части юныхъ птенцовъ, выслушивать съ величайшимъ наслажденіемъ самыя нескромныя описанія, если только эти описанія производятся по всѣмъ правиламъ эстетики. Куда ни кинь, вездѣ на эстетику натыкаешься. Любопытно замѣтить, что самъ Добролюбовъ съ этой стороны заплатилъ дань эстетикѣ. Защищая какой-то характеръ, кажется, характеръ Катерины, онъ говоритъ, что его могутъ извратить и олошнить въ своемъ пониманіи только тѣ грязные люди, которые все мараютъ своимъ прикосновеніемъ,

которые даже на какую нибудь Венеру Милосскую смотреть съ прилическою улыбкою и съ низкими чувственными помыслами. Я совершенно согласенъ съ Добролюбовымъ, что сказать зубы передъ мраморною статуею—занятіе очень глупое, безплодное и неблагодарное; но, наперекоръ всемъ художникамъ и эстетикамъ въ мірѣ, я осмѣляюсь утверждать, что всѣ экстазы самыхъ просвѣщенныхъ и рафинированныхъ поклонниковъ древней скульптуры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ прилическихъ улыбокъ и чувственныхъ помысловъ. Последнія только проще, непосредственнѣе и откровеннѣе; волѣдствие чего и нелѣпость послѣднихъ обрисовывается гораздо рѣзче. Именно, эта очевидная нелѣпость дѣлаетъ ихъ менѣе вредными, сравнительно съ утонченными восторгамъ. Человѣкъ нехитрый взглянетъ на статую, ослабится своею невзычною улыбкою, постоитъ минуты двѣ—три передъ чудомъ искусства, да и пройдетъ мимо. А люди, посвященные въ таинства экстазовъ, поступаютъ совершенно иначе: они часто всѣ свои силы и всю свою жизнь уклоняютъ на то, чтобы доставлять эти экстазы себѣ и другимъ; два класса людей, эстетики и художники только этимъ и занимаются, и при этомъ они находятъ, что дѣлаютъ дѣло. Такую трату свѣжихъ умственныхъ силъ и драгоценнаго времени слѣдуетъ назвать, по меньшей мѣрѣ, непроизводительною и убыточною. Смотрѣть съ прилическою улыбкою на живую женщину не только глупо, но даже дѣлако и совершенно не позволительно, по той простой причинѣ, что такая улыбка можетъ оскорбить, или, по крайней мѣрѣ, привести въ замѣшательство ту личность, къ которой она адресуется. Но Базаровъ говоритъ съ постороннимъ лицомъ, такъ что объ оскорбленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Стало быть, остается только разрѣшить вопросъ, какимъ языкомъ лучше говорить о красотѣ женщины: высокимъ и восторженнымъ, или простымъ и естественнымъ. Можно было бы сказать, что ужъ это дѣло личнаго вкуса, но я намѣренъ пойти далѣе, и осмѣляюсь выразить то мнѣніе, что говорить въ этихъ случаяхъ простымъ, базаровскимъ языкомъ гораздо благоразумнѣе, и достойнѣе мыслящаго человѣка. Въ другомъ мѣстѣ того же романа, Базаровъ умоляетъ своего друга, Аркадія Николаевича, «не говорить красиво», но, по своему обыкновению, Базаровъ не пускается въ дальнѣйшія диалектическія тонкости, и не объясняетъ причины, почему красивыя рѣчи возбуждаютъ въ немъ непобѣдимое отвращеніе. Между тѣмъ, такая

причина дѣйствительно существуетъ, и ее никакъ нельзя назвать неосновательною. Люди, пробудившіе въ себѣ способность размышлять, ежедневно и ежечасно играютъ сами съ собою въ очень странную и смѣшную игру. Придетъ-ли ему въ голову какая нибудь мысль, шевельнется ли въ его нервной системѣ какое нибудь ощущеніе, человѣкъ тотчасъ ухватывается за это душевное движеніе и начинаетъ его осматривать съ различныхъ сторонъ: что, молъ, это за штука? И какъ ее сформулировать? И подъ какую категорію подвести? И изъ какихъ основныхъ свойствъ моей личности она вытекаетъ? Конечно, процессъ анализа почти никогда не поднимается до настоящихъ физиологическихъ причинъ даннаго явленія; останавливаясь на половинѣ, или, еще чаще, въ самомъ началѣ пути, этотъ процессъ обыкновенно заканчивается тѣмъ, что данная мысль или данное ощущеніе получаетъ себѣ то или другое названіе. Если нашему аналитику удастся подобрать названіе красивое, то онъ немедленно почувствуетъ удовольствіе, и даже проникнется нѣкоторымъ уваженіемъ къ своей особѣ:—однако, подумаетъ, я молодець. Вотъ какія тонкія мысли и высокія ощущенія я способенъ въ себѣ вынашивать. Но вѣдь прискипать красивыя названія и пригонять къ этимъ названіямъ психическіе анализы—дѣло совсѣмъ немудреное; если только приобрести въ этомъ занятіи нѣкоторый навыкъ, то можно дѣйствовать безъ промаха, и въ каждой плоской выдумкѣ своего я, въ каждомъ естественномъ отправленіи своего организма усматривать бездну граціи, изящества, мягкости, великодушія и всякихъ другихъ благоухающихъ атрибутовъ. Тутъ, конечно, удовольствію и самоуваженію не будетъ конца. Когда человѣкъ покупаетъ себѣ самоуваженіе дорогою цѣною полезнаго и неустрашимаго труда, когда онъ поддерживаетъ въ себѣ это чувство ежедневными усиліями ума и воли, направленныхъ къ великимъ, общечеловѣческимъ цѣлямъ, тогда самоуваженіе облагораживаетъ его, то есть, постоянно укрѣпляетъ его на новые подвиги труда и борьбы. Но, когда человѣкъ платитъ себѣ за самоуваженіе фальшивою монетою красивыхъ выраженій и плоскихъ софизмовъ, когда онъ, такимъ образомъ, бессознательно выучивается шулерничать съ самимъ собою, тогда онъ быстро пошлѣетъ и опускается, продолжая по прежнему воскуривать себѣ свой затхлый фиміамъ. Чѣмъ мельче становятся мысли и чувства, тѣмъ вычурнѣе и красивѣе подбираются для нихъ названія, потому что навыкъ съ каждымъ днемъ усиливается въ

этомъ ремеслѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Такиѣ-то именно путемъ и вырабатываются отъявленные тунеядцы, считающіе себя русскими лириками. Такиѣ-же точно путемъ многіе великіе умы парализировали и ослепили свою дѣятельность. Гете, а вмѣстѣ съ нимъ и добрякъ Шиллеръ, совершенно чистосердечно убѣдили сами себя и другъ друга, что имъ стоитъ только потоньше ощущать, да повозвышеннѣе мыслить, да помудренѣе выражаться, и что они тогда окажутъ всему человечеству неизгѣримыя благодѣянія. Утвердившись на этой позиціи, великія свѣтла нѣмецкой поэзіи вскорѣ сдѣлали открытіе, что ощущенія ихъ достаточно тонки, мысли достаточно возвышенны и выраженія достаточно замысловаты. Тогда осталось только любоваться своими совершенствами и продовольствовать простое человечество не грубыми плодами полезнаго умственнаго труда, а тонкими изяществомъ просвѣтленныхъ личностей. Восхищайтесь, молъ, нами и благодарите бога за то, что мы живемъ среди васъ, и что вы можете созерцать такую невиданную красоту души и ума. А увѣривъ себя въ этомъ, Гете самъ себя считалъ великимъ. Какъ могъ онъ, при своемъ громадномъ умѣ, предпочитать узкій міръ своихъ личныхъ ощущеній широкому міру волнующейся жизни человечества? Какъ могъ онъ ставить субъективную мечту, отправленіе единичнаго организма, выше той дѣйствительной драмы, которая ежеминутно, на каждомъ шагу, съ учрежденія первыхъ человѣческихъ обществъ, разыгрывается передъ глазами каждого мыслящаго наблюдателя? Филистерская трусость Гете не разъяснитъ намъ этой загадки. Если-бы тутъ была одна трусость, Гете не могъ-бы такъ чистосердечно уважать и обожать себя. Нѣтъ; міръ личныхъ ощущеній былъ для него не убѣжищемъ, а храмомъ, въ которомъ онъ поселился съ полнымъ убѣжденіемъ, что прекраснѣе и священнѣе этого мѣста нѣтъ ничего на свѣтѣ. Чтобы увидать въ самомъ себѣ свѣтлый храмъ, а въ окружающей жизни грязную базарную площадь, чтобы забыть, такиѣ образомъ, естественную солидарность своего я съ окружающими глупостями и страданіями остальныхъ людей, надо было систематически подкупить и усыпить свой критическій смыслъ красотой отборныхъ выраженій: мелкія мысли и мелкія чувства надо было возвести въ перлъ созданія; Гете наполнилъ этотъ фокусъ, и подобные фокусы считаются до сихъ поръ величайшимъ торжествомъ искусства; но производятся такія штуки не только въ сферѣ искусства, а также и во всѣхъ остальныхъ

сохранить человеческой жизни. Мадельнѣй, но поучительный примѣръ такого фокуса представляется намъ въ романѣ Тургенева, въ лицѣ Павла Петровича. — «Я очень хорошо знаю, наприимѣръ, говорить этотъ *perfect gentleman*, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность наконецъ, но это все происходитъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ, да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка.» (стр. 74). — Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы магическая сила красивыхъ словъ могла обрисоваться когда нибудь и гдѣ нибудь ярче и нагляднѣе, чѣмъ она обрисована въ этомъ мѣстѣ. Циникъ, подобный Базарову, скажетъ: я умываю лице и руки, стригу ногти, причесываю волосы, хожу въ баню, мѣняю бѣлье—и только. И эти простые слова не возбуждаютъ въ говорящей личности никакого пріятнаго чувства удовлетворенной гордости. А эстетикъ, подобный Павлу Петровичу, скажетъ:—я повинуюсь чувству долга, я поддерживаю свое достоинство, я уважаю въ себѣ человѣка—значить, я развитая личность, значить, я себя по головкѣ поглажу, значить, я дѣло дѣлаю, значить, я могу съ спокойною совѣстью почивать на лаврахъ. И мужикъ ходитъ въ баню, но онъ ходитъ по грубой животной потребности, а я хожу съ размышленіемъ, я одухотворяю процессъ физическаго омаженія высшимъ процессомъ мыслительной дѣятельности. — Такимъ образомъ, будетъ постоянно возрастать дешевое самоуваженіе, и съ каждымъ днемъ неизлечимѣе и безнадежнѣе будутъ становиться пустота, пошлость и праздность фразерствующей личности. Если человѣкъ не сумасшедшій можетъ ставить себя въ заслугу то, что онъ умывается душистымъ мыломъ и носить туго нахрамаленные воротнички, и если даже эта незамысловатая вещь можетъ уложиться въ опрятную и красивую фразу, то понятно, какой неистощимый матеріалъ самовосхваленія могутъ доставить такому человѣку самыя простыя отношенія къ женщинѣ. Полюбоваться красотою женщины, кажется, не велика мудрость и не важный подвигъ; но эстетикъ самъ себя представитъ свои ощущенія въ такомъ вѣрно облагороженномъ видѣ, что, при семъ удобномъ случаѣ, непременно умилился надъ нѣжностью, мягкостью, чуткостью, воспримчивостью и утонченною страстностью своей натуры. Результатъ извѣстенъ: циники, подобные Базарову, уважаютъ себя только за то, что крѣпко трудятся; а эстетикъ уважаетъ себя за то, что красиво ѣдятъ, красиво пьютъ, красиво умы-

ваются и красиво глядят на красивыхъ женщинъ. Въслѣдствіе этого, реалисты, чтобы сохранить себѣ свое собственное уваженіе, продолжаютъ крѣпко трудиться; а эстетяки, для достиженія той-же самой цѣли, продолжаютъ красиво ѣсть, красиво пить, красиво умываться и красиво глядѣть на красивыхъ женщинъ. Что лучше и что общеплезнѣе—объ этомъ я предоставляю судить благосклонному читателю.—Кажется мнѣ только, что плечи слѣдуетъ называть плечами, и что, любуясь красотой живой женщины или мраморной Венеры, мы не оказываемъ особенно великаго одолженія ни отечеству, ни человечеству. Ощущеніе очень обыкновенное; стало быть, и выраженіе должно быть просто и положительно. Энтузіазмъ не мѣшаетъ приберегать на другіе случаи, болѣе торжественные, о которыхъ травоядые эстетика не имѣютъ понятія.

XI.

Въ жизни Базарова трудъ стоитъ на первомъ планѣ, но Базаровъ совсѣмъ не ригористъ, и вовсе не прочь отъ того, чтобы доставлять своей особѣ удовольствія. Одинцова понравилась ему съ перваго взгляда, и ему пришло въ голову приволноваться за нею. Мысль безнравственная, но какъ вы уберегетесь отъ подобныхъ мыслей при настоящихъ условіяхъ воспитанія жизни и общественныхъ отношеній? — Увѣрять женщину въ любви, когда любви этой на самомъ дѣлѣ не имѣется, — значить, лгать, а лгать, во всякомъ случаѣ, скверно, тѣмъ болѣе тогда, когда ложь такъ близко затрагиваетъ личные интересы того человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Если-бы Базаровъ разыгралъ съ Одинцовой систематическую и хладнокровно рассчитанную комедію любви, то поступокъ этотъ былъ бы очень предосудителенъ, и вся личность Базарова явилась бы передъ нами въ сомнительномъ свѣтѣ. Но мнѣ кажется, что Базаровъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы актерствовать; если-бы даже онъ припался за это утомительное занятіе, то у него не хватило бы терпѣнія дотянуть дѣло до развязки, и онъ—послѣ первыхъ двухъ—трехъ приступовъ, убѣдился бы въ томъ, что игра не стоитъ свѣчей. Съ молодыми людьми случается часто, что они строятъ въ умѣ своемъ какой-нибудь отчаянно-макиавелевскій планъ; все такъ хорошо обдуманно, и ложь и при-

творство поставлены на свое мѣсто; расчетъ произведенъ блистательно, и теоретическая сторона дѣла оныязывается безукоризненно; это значитъ, что мысль работаетъ исправно и отличается надлежащею смѣлостью полета; но тамъ, на одномъ смѣломъ полетѣ мысли дѣло и останавливается, потому что, при первой встрѣчѣ съ практической стороною задуманной дьявольщины, юный макиавеллистъ оказывается добродушнымъ и чистосердечнымъ человѣкомъ, который немедленно махнетъ рукою и скажетъ про себя: — а ну ихъ въ черту! Съ какой стати я ихъ надувать буду! — Такъ могло случиться, и до нѣкоторой степени такъ случилось и съ самимъ Базаровымъ. Онъ оказался гораздо моложе и пѣннѣе, чѣмъ онъ воображаетъ себя. Съ кабинетными работниками, у которыхъ теоретическій умъ далеко обгоняетъ опытъ жизни, — сплошь и рядомъ случаются такія иллюзіи. Справляясь съ идеями, мы думаемъ, что намъ также легко справляться и съ живыми явленіями, а вдругъ оказывается, что живое явленіе затрогиваетъ насъ съ такой стороны, которую мы и не подозрѣвали въ своей особѣ, когда производили наши теоретическія комбинаціи. — Я думаю однако, что Базаровъ даже въ чистой теоріи не задавалъ себѣ задачи актерствовать и лицемѣрить предъ крисивою обладательницею «богатаго тѣла». Онъ просто думалъ, что Одинцова — нѣчто въ родѣ Евдокіи Кукшиной, а въ такомъ случаѣ комедія была бы излишнею роскошью. Стоило только сказать нѣсколько красивыхъ любезностей на счетъ наружности, да наговорить по больше вадору о Либихѣ и Жоржъ Зандѣ, о Мишлѣ и Прудонѣ, о Буизенѣ и о женскомъ вопросѣ — и дѣло было бы улажено къ обоюдному удовольствію. Тутъ дѣло съ самаго начала велось бы на чистоту, безъ всякихъ хитростей, и женщина даже не требовала бы отъ мужичны серьезнаго чувства, потому что не была бы даже способна насладиться такимъ чувствомъ и отплатить за него тою же монетою. Тутъ не было бы ничего, кромѣ болтовни и объятій, и, разумѣется, Базарову очень скоро пріѣлось бы такое препровожденіе времени. Но Базаровъ, съ перваго разговора своего съ Одинцовою, замѣтилъ, что эта женщина умѣетъ уважать свое достоинство, и смотритъ на жизнь серьезными глазами мыслящаго человѣка. Шутить съ такою женщиною было невозможно; обманывать ее было трудно и опасно; можно было попасть въ просакъ и поставить самаго себя въ самое глупое и безвыходно-позорное положеніе; наконецъ, если бы, паче чаянія, обманъ уда-

ся, то онъ оказался бы капитальною подлостью, потому что, возбудить въ такой женщинѣ чувство и потомъ, рано или поздно, обнаружить свою полную неискренность, значило бы оскорбить и огорчить эту женщину самымъ жестокимъ, незаслуженнымъ и мещиническимъ образомъ. Все это Базаровъ сообразилъ, или вѣрнѣе почувствовалъ почти мгновенно, и все его поведение съ Одинцовой преринуто, съ начала до конца, самою глубокою, искреннею и серьезною почтительною. «Какой я смиренный сталъ», думалъ онъ про себя въ первыя минуты своего пребыванія въ деревнѣ Одинцовой (Стр. 122), и потомъ онъ сдѣлался еще болѣе «смиреннымъ», потому что онъ *полюбилъ* Одинцову; а когда такой «циникъ» любитъ женщину, тогда онъ ее уважаетъ дѣйствительно, то есть, тогда ему становится невозможно схитрить передъ нею словомъ, взглядомъ или движеніемъ. Искренность Базарова доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и мнѣ кажется, что именно эта искренность, эта полнѣйшая честность, неподдѣльность приводятъ за собою его неудачу и разрывъ только-что зарождавшихся отношеній. Эта неподдѣльность показала нерасивою, а женщины наши, повидимому, очень крѣпко держатся за эстетику, и въ смыслъ психическихъ явленій не заглядываютъ почти никогда.

XII.

Самые искренніе люди бываютъ часто самыми сдержанными людьми, и самыя сильныя чувства этихъ людей никогда не выражаются ими, а вырываются изъ нихъ только тогда, когда уже не хватаетъ силъ ихъ задерживать. Въ строгомъ смыслѣ, только такія вырвавшіяся чувства и могутъ быть названы совершенно неподраженными. Когда же человекъ сознательно выпускаетъ изъ себя чувство, то есть, говорить о немъ и описываетъ его, то мы уже тутъ имѣемъ дѣло не съ сырымъ матеріаломъ, а съ умственнымъ трудомъ, построеннымъ на основаніи этого матеріала. Чѣмъ изящнѣе и граціознѣе эта постройка, тѣмъ больше на нее положено искусства, то есть, другими словами, тѣмъ спокойнѣе и сознательнѣе произведена обработка первобытнаго матеріала. Чѣмъ красивѣе выраженіе, тѣмъ слабѣе чувство, а такъ какъ женщины дорожатъ преимущественно красотою, въ чемъ-бы она ни проявлялась, то и

оказывается въ результатѣ, что онѣ обыкновенно отвертываются отъ искреннихъ людей и бросаются на шею фразерамъ или красивымъ кулакамъ. Чѣмъ сильнѣе человекъ любитъ, тѣмъ невыгоднѣе его положеніе и тѣмъ вѣрнѣе онъ можетъ рассчитывать на полную неудачу. Истину этого неутѣшительнаго изреченія въ совершенствѣ испыталъ на себѣ Базаровъ.—Онъ полюбилъ Одинцову очень скоро; серьезная любовь началась въ немъ вѣроятно послѣ первой ботанической экскурсіи, которую они предприняли вдвоемъ послѣ завтрака, и которая продолжалась до обѣда. Это было на другой день послѣ пріѣзда молодыхъ людей въ деревню Одинцовой. Что любовь возникла такъ быстро, этому удивляться нечего. Физическая красота бросается въ глаза съ перваго взгляда; умъ обнаруживается въ первомъ же разговорѣ; а когда, такимъ образомъ, вся фигура женщины и каждое слово производятъ на человека стройное и пріятное впечатлѣніе, то чего-же вамъ больше? И кровь волнуется, и мозгъ раздражается, и все это такъ обаятельно—ну вотъ и любовь готова. Чѣмъ больше такихъ пріятныхъ впечатлѣній ляжетъ безъ перерыва одно на другое, тѣмъ сильнѣе будетъ становиться любовь; но фундаментъ, незамѣтный зародышъ этого чувства, заложенъ уже самымъ первымъ впечатлѣніемъ. Полюбивши Одинцову, Базаровъ проводитъ вѣстѣ съ нею, подъ одною кровлею, и въ постоянныхъ дружескихъ разговорахъ, больше двухъ недѣль. Во все это время онъ говоритъ съ нею, какъ съ умнымъ мужчиною, о предметахъ, интересующихъ дѣйствительный интересъ: о химіи, о ботаникѣ, о новейшихъ открытіяхъ натуралистовъ, о различныхъ взглядахъ перодовыхъ умовъ на жизнь природы, на личность человека и на потребности общества. Если уважать женщину, значить обращаться съ нею, какъ съ мыслящимъ существомъ, то, съ этой стороны, поведение «циника» Базарова надо признать совершенно безукоризненнымъ: онъ старался удовлетворять умственнымъ требованіямъ своей собесѣдницы, и не проронилъ ни одного слова о томъ, что мучило и волновало его самаго. Ни слова не было сказано о томъ, что могло возвыситься въ глазахъ любимой женщины личность самаго Базарова; ни о своемъ прошедшемъ, ни о своихъ стремленіяхъ и планахъ въ будущемъ Базаровъ не занялся; а между тѣмъ, въ его прошедшемъ было много упорнаго труда и необходимаго терпѣнія, а въ его взглядѣ на будущее широко и обаятельно развертывались свѣтлое могущество его мысли и неудержимая страстность.

его сознательной любви къ людямъ. И онъ все-таки молчалъ объ этомъ, потому что ему было отвратительно подумать, что онъ способенъ рисоваться, интересничать и говорить красивыя слова передъ любимую женщиною. Это честное и глубокое отвращеніе къ ложной эффектности постоянно обливало его холодною водою, когда ситъ начиналъ увлекаться, и когда въ этомъ увлеченіи начинали проблескывать высшія и симпатичныя стороны его ума, его характера и его дѣятельности. Онъ не хотѣлъ становиться на ходули, и поэтому оставался постоянно ниже своего настоящаго роста. Что дѣлать? Человѣкъ почти всегда пересаливаетъ въ ту или въ другую сторону; но кто пересолить подобно Базарову, тотъ, по крайней мѣрѣ, не продастъ гнилаго товара за свѣжій и не залезетъ обманомъ ни въ кошелекъ, ни въ душу своихъ собесѣдниковъ.—Дѣльные разговоры Базарова занимаютъ Одинцову, какъ женщину умную и любознательную; но именно, какъ умная женщина, она понимаетъ, что, говоря обо всемъ, Базаровъ не высказываетъ бездѣлицы—самого себя; а какъ женщина любознательная и даже любопытная, она желаетъ вырвать у Базарова эту тайну, она хочетъ объяснить себѣ настоящій смыслъ этой сильной и замѣчательной личности. Она старается перевести разговоръ съ общаго поля великихъ умственныхъ интересовъ на болѣе интимный тонъ личныхъ признаній и изліаній. Базарову, какъ влюбленному человѣку, такой поворотъ разговора былъ бы чрезвычайно выгоденъ, а между тѣмъ Базаровъ упирается и выдерживаетъ свое упорство до самого конца. Одинцова все къ чему-то подходитъ; ей, повидимому, хотѣлось-бы, чтобы оба они по немногу разпѣжались, и чтобы слово любви было произнесено какъ-то незамѣтно для обоихъ, во время нѣжнаго и мечтательнаго разговора; она бы желала увлечься нечувствительно, безъ страстныхъ порывовъ и безъ рѣзкихъ ощущеній. Базарову всѣ эти тонкости непонятны. Какъ это, думаетъ онъ, готовить и настраивать себя къ любви? Когда человѣкъ дѣйствительно любитъ, развѣ онъ можетъ граціозничать и думать о мелочахъ внѣшняго изящества? Развѣ настоящая любовь колеблется? Развѣ она нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ пособіяхъ мѣста, времени и минутнаго расположенія, вызваннаго разговоромъ?—Базаровъ мѣряетъ на свой аршинъ психическія отправления другихъ людей, и поэтому онъ относится сурово и враждебно ко всѣмъ попыткамъ Одинцовой придать ихъ отношеніямъ ласкающій и ложный колоритъ. Ему всѣ эти попытки

кажутся искусственными маневрами кокетки, или, по меньшей мѣрѣ, левольными капризами избалованной артисточки. Если-бы она меня любила, думаетъ онъ, она бы давно поняла, какъ сильно я ее люблю, и тогда все между нами было-бы ясно, просто и разумно, и тогда въ чему всё ухищренія? Но вѣдь она меня не любитъ и, въ такомъ случаѣ, какъ же она смѣетъ забавляться со мною задумчивыми разговорами? Дикарь этотъ Базаровъ! Первообытный человѣкъ! Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что ея любовь можетъ явиться, какъ результатъ многихъ мелкихъ причинъ, многихъ вышнихъ, случайныхъ и неважныхъ впечатлѣній. Онъ совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы доставить ей эти впечатлѣнія и потомъ эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Онъ хочетъ, чтобы ея любовь была сильна, естественна и самородна, чтобы эта любовь свалилась на нее, какъ снѣгъ на голову, такъ какъ его любовь обрушилась на него, Базарова. А любовь высиженная, вымученная, тепличная, воспитанная нѣжными словами, эффектными взглядами, пустотою деревенской жизни, тишиною и подумракомъ лѣтняго вечера, — такая любовь очень понравилась бы Базарову, когда онъ хотѣлъ завести интригу съ красивою барынею, но притворною и отвратительною показалась бы она ему тогда, когда онъ самъ подлюбилъ серьезно. Дикарь этотъ Базаровъ! Его уваженіе къ женщинѣ выражается въ томъ, что онъ ничѣмъ не хочетъ и, по натурѣ своей, ничѣмъ не способенъ насиловать чувство этой женщины. Выше этого уваженія ничего нельзя себѣ представить, но для нашихъ дрессированныхъ, обезсиленныхъ и обезцвѣченныхъ женщинъ такое уваженіе оказывается совершенно неумѣстнымъ и непонятнымъ. Женщина сама, всѣмъ направленіемъ своихъ поступковъ и рѣчей, упрощаетъ, чтобы ее *заставили* полюбить, чтобы ее «увлекли», чтобы ей «вдвинули» голову, то есть, жароче, чтобы ее лицами воли и сѣнами и чтобы тогда дѣлали съ нею, что хотять. Тогда, думаетъ она, пожалуй, я полюблю, и потомъ спасибо скажу тому доброму чловѣку, который отнялъ у меня способность и печальную необходимость обдумывать мои поступки. А иначе какъ же? Какъ же бы я сама? какъ бы я, находясь въ адракомъ умѣ, сама распорядилась своею особою? Никогда и ни за что бы я сама не распорядилась. Я бы постоянно стремилась и постоянно робѣла бы. На то я, и женщина! А дикарь стоитъ себѣ, сложа руки, и говоритъ: рѣшайся сама. Думай за себя. Люби самостоятельно. Ни увлекать, ни убѣждать, ни умо-

зять тебя я не намеренъ, да и не умѣю. Я равный тебѣ человекъ. Я не опасаюсь тебя. И хоть-бы у меня знавривши сдѣлался, а хоть-бы у меня сердце лопнуло отъ любовнаго волненія, все таки я не слышю и не захочу дружить тебѣ голову и омануть тебя дурманомъ граціозныхъ инжностей и всевѣстной жестикуляціи. Я говорю съ тобою, какъ съ разумнымъ существомъ, и не умѣю говорить иначе ни съ кѣмъ изъ тѣхъ людей, которые разъ на всегда заслужили мое уваженіе. Если-бы я не уважалъ тебя, то я-бы тебя и не любилъ; а такъ какъ я тебя люблю, то я и не могу, абсолютно не могу, посягать словами или поступками на твою умственную самостоятельность.—Какой дикарь; но кѣмъ хорошій дикарь! Жаль только, что не въ коня карать.

XIII.

Читателю можетъ показаться, что я самъ сочинилъ себѣ Базарова и Одинцова, вовсе непохожихъ на героевъ Тургеневскаго романа— до такой степени мои размышленія и заключенія рѣзко противорѣчатъ тому понятію, которое, по милости нашей образцовой тупости, установилось въ читающемъ обществѣ на счетъ базаровскаго типа, и преимущественно на счетъ его *циническихъ* отношеній къ женщинамъ. Мнѣ теперь надо доказать, что я не сочиняю, и что каждое мое слово, основывается исключительно на правильномъ пониманіи тѣхъ матеріаловъ, которые даетъ Тургеневъ, и которые, мнѣ кажется, самъ Тургеневъ не всегда рассматриваетъ съ надлежащей точки зрѣнія, хотя фактическія подробности всегда поразительно вѣрны. Я приведу длинный рядъ доказательствъ изъ двухъ рѣшительныхъ сценъ Базарова съ Одинцовой (отцы и дѣти. Стр. 244—176). Базаровъ сказалъ, что онъ скоро уѣзжаетъ къ своему отцу; это было сказано безъ всякаго динаматическаго умысла, и Тургеневъ при этомъ замѣчаетъ, что Базаровъ «никогда не сочинялъ». (Стр. 139). Одинцова, по повелю этого близкаго отъѣзда, находится въ полу-грустномъ, полу-нѣжномъ настроеніи. Сидятъ она вдвоемъ, поздно вечеромъ, въ комнатѣ Одинцовой.—Одинцова два раза подъ рядъ говоритъ ему: «мнѣ будетъ скучно».—На первый разъ онъ отвѣчаетъ:—«Аркадій останется», а на второй:—«во всякомъ случаѣ, долге вы скучать не будете».—Вслѣдъ за тѣмъ, онъ говоритъ ей, что она непогрѣшительно-правильно устроила свою жизнь, такъ что въ ней не мо-

хотѣть быть нѣчто никакимъ тяжкимъ чувствомъ. — «Черезъ нѣсколь-
 ко минутъ, прибавляетъ онъ, пройдетъ десять часовъ, и я уже
 напередъ знаю, что вы меня прогоните. — Нѣтъ, не прогоню, Евгений
 Васильевичъ, отвѣчаетъ она, вы можете остаться». — Онъ остается.
 — «Разскажите мнѣ что-нибудь о самомъ себѣ, говоритъ она, вы нико-
 гда о себѣ не говорите. — *Я стараюсь беседовать съ вами о пред-
 метахъ полезныхъ; Анна Сергѣевна,*» — Она настаиваетъ съ осо-
 бенною ласковостію. — Базаровъ думаетъ про себя: «зачѣмъ они го-
 ворить такіа слова?» (Стр. 143) и отвѣчаетъ ей: «мы люди тем-
 ные. — А я, по вашему, аристократка? — Да, променявъ онъ пре-
 зувельченко ушко». — Одинцова западаетъ: — «Я, говоритъ она, вѣдь
 когда-нибудь расскажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разскажи-
 те свою». — Базаровъ это третье приглашеніе пропускаетъ мимо ушей
 и переводитъ разговоръ на личностъ Одинцовой. — «Зачѣмъ вы, съ ва-
 шимъ умомъ, съ вашею красотою, живете въ деревнѣ? — Какъ? Какъ
 вы это сказали, съ животою подхватила Одинцова. Съ моею... кра-
 сотою?» — Бѣдная женщина! Какъ она обиделась! Должно быть, Ба-
 заровъ не избаловалъ ее комплиментами. А Базаровъ-то! Фидларь!
 О бурлак! Вотъ онъ затушевываетъ свою печальную любезность:
 «Базаровъ нахмурился. — Это все равно, пробормоталъ онъ, —
 я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы посели-
 лись въ деревнѣ». — Его, очевидно, покоробило и смутило то, что
 онъ сказалъ. Говоритъ съ любимую и уважаемую женщиною о ея
 красотѣ кажется ему плоскостію и, следовательно, деревостію. И
 это тотъ самый Базаровъ, который говорилъ съ Аркадіемъ о пле-
 чахъ и о богатомъ тѣлѣ этой самой Одинцовой? И тутъ нѣтъ ни-
 какого противорѣчія? Тогда онъ ее не зналъ и, стало быть, для
 него существовали только линіи и краски ея фигуры; по этимъ пѣ-
 вѣстнымъ ему даннымъ онъ и высказывалъ о ней свое сужденіе.
 Кроме того, онъ говорилъ съ третьимъ лицомъ, и тогда эти слова
 имѣли свой смыслъ, какъ всякое другое сужденіе о какомъ-нибудь
 предметѣ, остановившемъ на себѣ вниманіе человѣка. Но говорить
 самой женщинѣ, что она хороша собой — это бессмыслица, годная
 только на то, чтобы насмѣхивать ей, если она умна, или польстить
 ей, если она глупа. Въ сожалѣнію, надо замѣтить, что очень мно-
 гимъ женщинамъ такіа разговоры не надобдаются, и, увы! Кажется,
 даже Одинцова не прочь послушать такіа рѣчи извѣдья. Что дѣлать?
 Сильна наша глупость и безчисленны ея убѣжища; и у самыхъ ум-

ныхъ людей еще отведены для нея уютные уголки, и вѣтъ, быть можетъ, того мыслителя, который подъ часъ не оказывался-бы присутствіемъ. Но Базаровъ, по своей дикой суровости, не хочетъ принимать въ соображеніе слабости своей собесѣдницы. Потворствовать этимъ слабостямъ и пользоваться ими онъ, очевидно, считаетъ не только пошлымъ, но и безчестнымъ дѣломъ. — Черезъ нѣсколько минутъ, Базаровъ встаетъ. — «Куда вы? медленно проговорила она. — Онъ ничего не отвѣчалъ и опустился на стулъ». — Разговоръ, не смотря на безконечную свирѣпость Базарова, становится конфиденціальнымъ и почти пѣшнымъ. «Кажется, говорить она, если-бъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь... — Вамъ хочется полюбить, жеребилъ ее Базаровъ, а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе. — Развѣ я не могу полюбить? — Едва-ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается. — Случается, что? — Полюбить. — А вы почему это знаете? — По наслышкѣ, сердито отвѣчалъ Базаровъ. — Ты кокетничаешь, подумалъ онъ, ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать, а мнѣ... Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвалось». (Стр. 147) «По моему, продолжаетъ Одинцова, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взялъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо. — Что-жъ? замѣтилъ Базаровъ, это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желали. (Стр. 147). — Но вы бы сумѣли отдаться? спрашиваетъ она. — Не знаю, хвататься не хочу. (Стр. 148) Базаровъ опять встаетъ; она еще разъ его удерживаетъ: погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово. — Какое? — Погодите, шевнула Одинцова. — Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала. — Онъ прошелъ по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ ней и торопливо сказалъ: — «прошайте,» стиснулъ ей руку такъ, что она чуть не вскрикнула и вышелъ вонъ. (Стр. 148).

На другой день Одинцова сама зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ, и, придяши туда, прямо говоритъ ему, что хочетъ возобновить вчерашній разговоръ. Опять начинаютъ съ ея стороны вызовы на откровенность, а со стороны Базарова удорное отпѣиванье. Онъ говоритъ: «*между вами и мною такое разстояніе*». Она говоритъ на это: «какое разстояніе? Полноте, Евгенийъ Васильевичъ; я

вамъ, кажется, доказала. «Или, можетъ быть, продолжаетъ она, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія? *Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете?*—*Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.*—*Нѣтъ я ничего не знаю,* отвѣчаетъ она, и затѣмъ требуетъ, чтобы Базаровъ сказалъ ей, что въ немъ происходитъ, и какая причина его сдержанности и напряженности. Что же остается дѣлать этому несчастному Базарову? Вѣдь наконецъ всякія человѣческія силы должны истощиться, и всякое ослиное терпѣніе должно лопнуть, когда любимая женщина два дня подъ рядъ умоляетъ объ одномъ и томъ же, когда она васъ упрекаетъ въ томъ, что вы ее презираете, и когда всѣ ея просьбы, всѣ ея ласковыя слова влопятся исключительно къ той самой цѣли, къ которой вы сами стремитесь всѣми силами своего существа. Поневоля надо было высказать самую глубокую тайну, и Базаровъ ее высказалъ, только совершенно по-базаровски. «Такъ знайте-же, говоритъ онъ, что я васъ люблю глупо, безумно... *Вотъ чего вы добились.*» — И эти сердитыя слова онъ произносить, не глядя на Одинцову, отошедши отъ нея къ окну, и стоя къ ней спиной». Онъ задыхался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая—*страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей...* *Одницовой стало и страшно, и жалко его.* Евгенийъ Васильевичъ, проговорила она, и *невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосъ.*» (Стр. 154, 155). Ну, тутъ, разумѣется, онъ бросился къ ней и обнялъ ее. Еще-бы онъ не бросился! Еще-бы онъ не обнялъ! Эта *невольная нѣжность въ голосъ* была для него послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ, передъ которымъ уже не могла устоять никакая сдержанность, никакая напряженность, никакая искусственная суровость. Онъ ее обнялъ, — гдѣ же тутъ дерзость, гдѣ оскорбленіе? Развѣ, обнимая *любящую* женщину, любящій мужчина наноситъ ей оскорбленіе? И развѣ Базаровъ могъ, и развѣ онъ смѣлъ сомнѣваться въ томъ, что Одинцова его любитъ? Все было высказано, высказано просто, грубо и угрюмо, высказано съ глубокимъ, тяжело выстрадавшимъ упрекомъ: «*вотъ чего вы добились,*» и послѣ этого «*нѣжность въ голосъ!*» Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе? И выразить подобное сомнѣніе, колебаться послѣ этой проклятой «*нѣжности*» еще одну секунду—вѣдь это значило бы глубоко огорчить и оскорбить любящую

женщину, значило бы требовать отъ нея, чтобы она вымаливала вашу любовь, подобно тому, какъ она уже вымолила ваше признаніе. И вдругъ она отъ него отскакиваетъ, и вдругъ она говоритъ ему: «вы меня не поняли!»! А что же дѣлаетъ Базаровъ? Ничего. Онъ замусываетъ губы и выходитъ изъ комнаты. А потомъ, вечеромъ, онъ извиняется передъ Одинцовой:— «Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.»—А она ему отвѣчаетъ:— «Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгенийъ Васильевичъ, но я огорчена.»— О, Анна Сергѣевна Одинцова, замѣчу я отъ себя, какъ вы безмѣрно великодушны! Неужели вы можете не сердиться на этого ужаснаго преступника, котораго неслыханное преступленіе состоитъ въ томъ, что вы поджаривали его на медленномъ огнѣ въ продолженіе двухъ дней? Преклоняюсь передъ вашею женственною кротостью и говорю вамъ безъ всякой ироніи, что вы въ этомъ отношеніи стоите выше многихъ, очаровательныхъ, умныхъ и безукоризненныхъ женщинъ. Тѣ также терзаютъ людей, мажутъ ихъ по губамъ, разбиваютъ ихъ счастье, говорятъ имъ: «вы меня не поняли»— и, сверхъ всего этого, ненавидятъ ихъ самую упорною и холодною ненавистью. Бываютъ, конечно, и мужичины въ такомъ же родѣ, потому что, когда дѣло зайдетъ о глупостяхъ, тогда ни одинъ полъ не уступитъ другому. Но исторія Базарова поучительна; онъ измученъ, онъ же извиняется, онъ же получаетъ великодушное полу-прощеніе, онъ самъ; во все время своего знакомства съ Одинцовой, не говоритъ ей ни одного непріятнаго или непочтительнаго слова, онъ обходится съ нею, какъ съ святынею, и, при всемъ томъ, его же вся читающая публика обвиняетъ въ нахальствѣ, въ дерзости, въ цинизмѣ, въ неуваженіи къ достоинству женщины, и чертъ знаетъ еще въ какихъ неправдоподобныхъ гадостяхъ. Но вотъ о чемъ не мѣшаетъ подумать нашей добрѣйшей и почтеннѣйшей публикѣ:—дали ей въ рѣки печатную книгу; въ этой книгѣ была написана яснымъ русскимъ языкомъ исторія Базарова и Одинцовой; прочитали эту исторію и опытные критики, и простые, непредубѣжденные читатели; и изъ всего этого прилежнаго чтенія, изъ всѣхъ критическихъ разсужденій произошло, по неповѣдимымъ законамъ судебъ, самое удивительное пониманіе на выворотъ, или, еще вѣрнѣе, совершенное непониманіе. Я спрашиваю у каждаго безпристрастнаго читателя моей статьи, есть-ли какая нибудь возможность понять и объяснить факты, собранные мною въ этой

главѣ, по какому нибудь другому способу, несходному съ моимъ объясненіемъ? Я увѣренъ, что каждый читатель скажетъ: «нѣтъ, невозможно», и даже назоветъ мое объясненіе непужною болтовнею, потому что факты ясны, какъ день, и сами за себя говорятъ. Ну да, ясны какъ день, а вѣдь однако ухитрились же люди ихъ не понять и исказить, и для многихъ легковѣрныхъ господъ судьба Базарова, какъ литературнаго типа, рѣшена безапелляціонно. Ихъ теперь и не вытащить изъ заколдованнаго круга ихъ затверженныхъ сужденій. И это случилось съ печатною книгою, которую стоить только раскрыть и прочтатъ внимательно для того, чтобы уничтожить всякое заблужденіе, и возстановить настоящее значеніе рассказанныхъ событій. Поставьте же теперь на мѣсто книги живое явленіе, которое никогда не бываетъ такъ ясно и такъ удобно для изученія, какъ литературное произведеніе. Подумайте, какая тутъ произойдетъ катавасія! Если наша публика, ни съ того ни съ сего, совершенно несправедливо оплевала тургеневскаго Базарова, то каково же поступаетъ она съ живыми Базаровыми, которыхъ понять гораздо труднѣе, и которымъ однако больно и досадно, когда на нихъ сыпятся незаслуженныя оскорбленія отъ отцевъ, матерей, сестеръ, и особенно, особенно отъ любимыхъ жепщинъ? Подумайте, сударыня-публика, не пора ли вамъ заподозрить непогрѣшимость вашихъ разсужденій о такихъ явленіяхъ, которыхъ вы не сумѣли понять даже по печатной книгѣ? Я нарочно выбралъ для примѣра «любобную» исторію Базарова, потому что это именно такой предметъ, въ которомъ каждый человѣкъ считаетъ себя компетентнымъ судьей. Ну и что же, компетентные судьи, много вы рассудили?—Нравоученіе изъ этого извлекается только то, что обругать человѣка недолго, но что и пользы изъ этого выходитъ немного.

XIV.

Вамъ, можетъ быть, угодно знать теперь, почему Одинцова не полюбила Базарова, или, точнѣе, почему ея зарождавшаяся любовь къ этому человѣку не повела за собою никакихъ счастливыхъ послѣдствій. А потому-же самому, почему король Лиръ оттолкнулъ отъ себя ту единственную дочь, которая дѣйствительно была къ нему привязана; потому что чувство Базарова, подобно чувству Корделии,

выразилось некрасиво, то есть, несогласно съ эстетическими требованиями того лица, къ которому это чувство адресовалось. Я говорю это безъ всякихъ предположеній, основываясь на словахъ самаго Тургенева. «Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти зѣвское лице Базарова, когда онъ бросился къ ней.» (Стр. 155). Она даже не рѣшила хорошенько, какъ ей поступить, то есть, отдаться ли Базарову, или разойтись съ нимъ. «*Или?*» произнесла она вдругъ, и остановилась, и тряхнула кудрями.» (Стр. 156.) Неподрожаемымъ комментариемъ къ этому забубенному *или* можетъ служить слѣдующая цитата изъ того же романа: «Ямщикъ ему попался лихой, онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: «чкнуть?» или: «аль чкнуть?», но за то, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей» (стр. 211). Къ сожалѣнію, Одинцова, въ дѣлѣ лихости, далеко уступала ямщику, и на первый разъ она рѣшила, что лучше не надо «*или?*» Но это рѣшеніе никакъ нельзя считать окончательнымъ; нельзя по той простой причинѣ, что она его нѣсколько разъ подтверждала впоследствии, а это значитъ, что передъ каждымъ подтвержденіемъ въ ея умѣ шевелился болѣе или менѣе явственно обозначенный вопросъ: «аль чкнуть?» И подтвержденіе являлось постоянно по случаю неэстетичности. «Одинцова раза два — прямо, не украдкой — посмотрѣла на его лице, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: «нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ.» (Стр. 157). «Вѣдь вы, — извините мою откровенность, говорить ей Базаровъ вечеромъ того же дня, — не любите меня и не любите никогда? — Глаза Базарова сверкнули на мгновеніе изъ подъ темныхъ его бровей. Анна Сергѣевна не отвѣчала ему; «я боюсь этого человѣка, мелькнуло у ней въ головѣ.» (Стр. 158). Одинцова пріѣзжаетъ въ умирающему Базарову, и вотъ первое ея ощущеніе при взглядѣ на больнаго: «она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, если-бы точно его любила, мгновенно сверкнула у ней въ головѣ.» (Стр. 294). Вотъ видите: до самой послѣдней минуты вопросы: «любила-ли она его», и «точно-ли любила» оставались для нея вопросами. А полюбила-ли бы она его, если-бы онъ не умеръ, и могла ли она вообще полюбить его — это такіе вопросы, которые навсегда остались для нея неразрѣшимыми. Базаровъ поставилъ вопросъ слишкомъ ясно: или отдаться, или разойтись. Одинцовой еще

Не хотѣлось рѣшиться ни въ ту, ни въ другую сторону; ей хотѣлось еще поговорить, и она не разъ выражала это желаніе, и у нея были на то очень законныя причины. Для того, чтобы стать въ уровень съ Базаровымъ, чтобы понять его и взглянуть на его личность свѣтлымъ взглядомъ мыслящаго человѣка, сбросившаго съ своего ума оковы эстетической рутины, для этого Одинцовой дѣйствительно необходимо было поумнѣть, а она, какъ даровитая женщина, умнѣла довольно быстро подъ живительнымъ вліяніемъ дѣльныхъ разговоровъ съ Базаровымъ. Но Базаровъ, при всей своей «сатанинской» гордости, не сознавалъ, что онъ въ умственномъ отношеніи стоитъ выше ея; онъ не замѣчалъ, что его вліяніе производитъ въ ней перемѣну; поэтому онъ и думалъ, что если она не любитъ его теперь, то и не полюбитъ никогда. Значить, онъ уважалъ ее слишкомъ много, и было-бы гораздо — о, гораздо лучше, если-бы онъ уважалъ ее поменьше. Но замѣчательно, что вѣдь Базарова-то принято упрекать какъ разъ въ противоположной погрѣшности. Желаніе Одинцовой «еще поговорить,» выражается въ двухъ случаяхъ самымъ очевиднымъ образомъ. Во первыхъ, тотчасъ послѣ неудавшагося поцѣлуя, Базаровъ присылаетъ ей записку слѣдующаго содержания: «долженъ ли я сегодня уѣхать — или могу остаться до завтра?» Она ему отвѣчаетъ: «зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала — вы меня не поняли.» — Выводъ ясенъ; «поговоримъ еще, и, можетъ быть, договоримся до взаимнаго пониманія. «Во вторыхъ, когда Базаровъ, спустя нѣсколько недѣль, заѣзжаетъ въ послѣдній разъ, на короткое время, въ деревню Одинцовой, она спрашиваетъ его остаться, и еще наивнѣе выражаетъ свое желаніе «поговорить.» — «Развѣ, говоритъ она, вы уѣзжаете? Отчего же вамъ теперь не остаться? Оставайтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Оставайтесь. (Стр. 271). Тутъ опять ясно сквозитъ такая мысль: «дайте мнѣ набраться смѣлости, и тогда я, чего добраго, брошусь въ самую пропасть, которая перестанетъ меня пугать,»... Но Базаровъ не видитъ этой связующей мысли, или же у него не хватаетъ силъ дожидаться, пока Одинцова поумнѣетъ и перестанетъ робѣть. — «Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣевна, отвѣчаетъ онъ ей, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я и такъ слишкомъ долго вращался въ чужой для меня сферѣ.» — Нелюбозно и почти дерзко отвѣчаетъ онъ на ея при-

глашеніе, но ее этотъ отвѣтъ не оскорбляетъ. Взглянувши на его блѣдное лице, подернутое горькою усмѣшкою, она подумала: «этотъ меня любить!» и съ участіемъ протянула ему руку. Но онъ не взялъ эту руку, и оттолкнулъ прочь ея непрощенное участіе, потому что люди, подобные Базарову, берутъ себѣ любовь женщины, или ровно ничего не берутъ. «Нѣтъ, сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ. Человѣкъ я бѣдный, но милостыни до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ и будьте здоровы.» — Она опять рванулась къ нему: — «Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся, произнесла Анна Сергѣевна съ небольшимъ движеніемъ.» (это опять тоже самое, что «невольная нѣжнѣсть въ голосѣ,» и знаменательный вопросъ «или?»). Но Базаровъ недрисупень, и опять осаждаетъ ее назадъ. — «Чего на свѣтѣ не бываетъ! отвѣчалъ Базаровъ, поклонился и вышелъ. (Стр. 271). Женщина сама всего лучше можетъ судить о томъ, оскорблена-ли она или нѣтъ; а Одинцова, тотчасъ послѣ Базаровскаго объятія, не чувствовала себя оскорбленною: «она скорѣе чувствовала себя виноватою». (Стр. 156). Она никогда, ни прежде, ни послѣ рѣшительной сцены, не смотрѣла на Базарова, какъ на нахальнаго циника. Ей, въ самый день поцѣлуя, хотѣлось сказать ему какое нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ,» (Стр. 158.) — «Вы знаете, говорить она ему во время ихъ предпослѣдняго свиданія, что я васъ боюсь... и въ тоже время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.» (Стр. 268.) Что за удивительная смѣсь различныхъ чувствъ! И боязнь, и довѣріе и уваженіе, и желаніе дружбы, и неудовлетворенное любопытство. Боязнь тутъ не что иное, какъ неполное пониманіе, потому что мы всегда боимся того, что кажется намъ страннымъ, незнакомымъ или необъяснимымъ.. Но отчего же изъ всей этой смѣси чувствъ не составляется та своеобразная кристаллизація, которая называется любовью? Всѣ составные элементы любви даны, и даже нѣтъ того *физическаго* отвращенія, которое иногда бываетъ въ такомъ дѣлѣ необходимымъ препятствіемъ; отчего же не образуется любовь? Оттого, что эстетика мѣшаетъ; оттого, что въ чувствѣ Базарова нѣтъ той вѣдшей миловидности, *joli a voir*, которыя Одинцова совершенно безсознательно считаетъ необходимыми атрибутами всякаго любовнаго пафоса. Читатель подумаетъ, вѣроятно, что эстетика — мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ

непримиримой враждѣ между собою, и реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиною и женщиною. Я немедленно постараюсь доказать читателю, что эстетика есть самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса.

XV.

Въ томъ-то и состоятъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, что они произносятся не вслѣдствіе размышленія, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта или чувства. Взглянулъ, понравилось — ну, значить, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось — конечно дѣло, скверно, отвратительно, безобразно. А почему понравилось или не понравилось — этого вамъ не объяснить ни одинъ эстетикъ. Все объясненіе ограничится только ссылкой на внутренній голосъ непосредственнаго чувства. Эстетикъ выставитъ вамъ, конечно, дѣлюю систему второстепенныхъ правилъ, но чтобы поставить весь этотъ затѣйливый эшафодажъ на какой нибудь фундаментъ, онъ все таки сошлетя подъ конецъ на непосредственное чувство. Но эти ссылки непременно должны имѣть опредѣленный физиологическій смыслъ; или же, въ противномъ случаѣ, онъ не имѣютъ ровно никакого смысла. Напримѣръ, пѣкоторые люди не могутъ ѣсть никакой рыбы, и запоемаютъ, какъ только въ ихъ пищеварительный каналъ попадетъ малѣйшій кусочекъ этого нестерпимаго для нихъ вещества, которое, у большей части людей, считается однако лакомю и здоровою пищею. Въ этомъ случаѣ отвращеніе совершенно законопно. Значить, въ устройствѣ желудка или кишечнаго канала есть какая нибудь индивидуальная особенность, отрицающая рыбу. Всякій дѣльный физиологъ скажетъ, подобно Льюису, что надо повиноваться голосу желудка, потому что урезонить его невозможно, апеллировать на него некуда, а бороться съ нимъ, значить только вызывать тошноту и разныя другія болѣзненные явленія. Другой примѣръ: рѣзкій свистъ локомотива абсолютно неприятенъ, или, выражаясь другими словами, неизященъ, отвратите-

лень, безобразенъ, потому что отъ этого пронзительнаго звука страдаетъ слуховой нервъ. Физиологическая причина существуетъ, и, стало быть, дѣло опять таки рѣшается окончательно. Третій примѣръ: женщина *А* чувствуетъ непобѣдимое физическое отвращеніе къ мужчинѣ *Б*. Ей противно прикоснуться къ его рукѣ, а поцѣловать этого челоуѣка было-бы для нея настоящею пыткой. Такія явленія дѣйствительно существуютъ въ природѣ, и, разумѣется, имѣютъ какое нибудь физиологическое основаніе, хотя, можетъ быть, современная наука и не въ состояніи въ точности опредѣлить ихъ причину. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ насиловать природу. И госпожа *А* поступить очень неблагоразумно, если, вопреки этому физическому отвращенію, разсудочными доводами заставить себя выйти замужъ за господина *Б*. Нашъ организмъ имѣетъ свои безспорныя права, и предъявляетъ ихъ, и не терпитъ ихъ нарушенія. Но скажите пожалуйста, какія права своего организма заявляла, на примѣръ, французская публика времянь Вольтера, когда она систематически осмыстывала всякую трагедію, въ которой не было *un atomeroux et une atomeuse*? Или какія права организма выражались въ томъ, что нашимъ уѣзднымъ барышнямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нравились почти исключительно блестящіе мундиры и разочарованные герои? Согласитесь, что тутъ, не можетъ быть допущено даже легкое предположеніе объ особенномъ устройствѣ какихъ нибудь зрительныхъ, слуховыхъ, желудочныхъ или другихъ нервовъ. И барышни, и французская публика очень горячо ссылались на голосъ непосредственнаго чувства, и были готовы божиться въ томъ, что ужъ такъ устроила ихъ природа, что они иначе не могутъ чувствовать и разсуждать, что у нихъ есть врожденное стремленіе къ однимъ предметамъ, и такое же врожденное отвращеніе къ другимъ. Странное дѣло! Уѣздныя барышни считаются тысячами, и во французскіе театры ходили, при Вольтерѣ, также тысячи людей. Эти тысячи отдѣльныхъ организмовъ представляли самое пестрое индивидуальное разнообразіе; тутъ были умные и глупые, полнокровные и худосочные, раздражительные и апатичные, и такъ далѣе, до безконечности. И у всѣхъ этихъ различныхъ организмовъ оказывается вдругъ одна общая черта, самая тонкая и неуловимая, та, вслѣдствіе которой французамъ нравились только любовныя трагедіи, а барышнямъ только разочарованные войны. Воля ваша, такое предположеніе еще болѣе неправдоподобно, чѣмъ если-бы

мы предположили, что всѣ наши барышни родились съ крошечнымъ темнымъ пятномъ надъ лѣвымъ глазомъ. Само по себѣ такое пятно вовсе не удивительно, и оно такъ-же удобно можетъ помѣститься надъ лѣвымъ глазомъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, но чтобы оно появилось разомъ у всѣхъ новорожденныхъ дѣвочекъ цѣлой обширной мѣстности—это невозможно. Чтобы такое врожденное свойство держалось постоянно въ теченіи двухъ десятилѣтій, и потомъ исчезло-бы безъ слѣда, замѣняясь для слѣдующихъ поколѣній *врожденнымъ* свойствомъ—это уже ни съ чѣмъ не сообразно. Ясно, стало быть, что природа тутъ ни при чемъ, и что внутренній голосъ непосредственнаго чувства повторяетъ только, какъ попугай, то, что наужжали намъ въ уши съ самой ранней молодости. Французъ XVIII вѣка видѣлъ постоянно трагедіи съ любовнымъ пламенемъ, и слышалъ постоянно, что такія трагедіи считаются превосходными—онъ и требуетъ себѣ такихъ трагедій, и дѣйствительно чувствуетъ къ нимъ особенную симпатію. Барышня съ трехъ лѣтъ до пятнадцати видитъ постоянно, что старшія родственницы ея любезничаютъ съ офицерами печоринскаго типа, и слышитъ постоянно, что взрослыя дѣвицы находятъ такихъ офицеровъ очаровательными; очень естественно, что, надѣвши длинное платье, эта барышня сама стремится любезничать съ такими же офицерами, и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ какое-то особенное замираніе сердца при одномъ взглядѣ на восхитительный мундиръ. Пассивная привычка—считать какой-нибудь предметъ хорошимъ и желательнымъ, становится до такой степени сильною, что превращается, наконецъ, въ дѣйствительное чувство и въ активное желаніе. Такія превращенія происходятъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ на каждомъ шагу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, конечно, привычка—дѣло очень хорошее, но не потому, что она—привычка, а потому, что она ведетъ за собою общепользныя послѣдствія, необходимыя для благосостоянія человѣчества. Допуская и поощряя результаты привычки, когда она приноситъ намъ пользу, мы не имѣемъ, въ тоже время, никакого основанія преклоняться передъ нашими привычками вообще, и считать ихъ неприкосновенными даже въ томъ случаѣ, когда онѣ вредны, безразсудны, стѣснительны или неудобны. Поэтому, когда внутренній голосъ непосредственнаго чувства начинаетъ намъ что нибудь докладывать, мы можемъ его выслушать, но вовсе не обязаны принимать его совѣты на вѣру, безъ дальнѣйшихъ критическихъ изслѣдованій. Вѣрить этому чревоущанію

на слово, значить, обрезать себя на вѣчную умственную неподвижность. Наши инстинкты, наши бессознательныя влеченія, наши безпричинныя симпатіи и антипатіи, словомъ, всѣ движенія нашего внутренняго міра, въ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго и строгаго отчета, и которыя мы не можемъ свести къ нашимъ потребностямъ или къ понятіямъ вреда и пользы, — всѣ эти движенія, говорю я, захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той почвы, которая насъ выкормила, изъ понятій того общества, среди котораго мы развились и жили. Это наслѣдство и составляетъ силу и основаніе всѣхъ нашихъ эстетическихъ понятій. Что нравится намъ безотчетно, то нравится намъ только потому, что мы къ нему привыкли. Если эта безотчетная симпатія не оправдывается сужденіемъ нашей критической мысли, то очевидно, эта симпатія тормозитъ наше умственное развитіе. Если въ этомъ столкновеніи побѣдитъ трезвый умъ, — мы подвинемся впередъ, къ болѣе здоровому, то есть, къ болѣе общепользному взгляду на вещи. Если побѣдитъ эстетическое чувство, — мы сдѣлаемъ шагъ назадъ, къ царству рутины, умственнаго безсилія, вреда и мрака. Эстетика, безотчетность, рутина, привычка — это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ — это также равносильныя понятія, діаметрально противоположныя первымъ. Чѣмъ больше мы даемъ простора нашимъ безотчетнымъ влеченіямъ, чѣмъ сильнѣе разыгрывается наше эстетическое чувство, тѣмъ пассивнѣе становятся наши отношенія къ окружающимъ условіямъ жизни, тѣмъ окончательнѣе и безвозвратнѣе наша умственная самостоятельность поглощается и поработается бессмысленными вліяніями нашей обстановки. Люди, обожающіе красоту и эстетику, рассуждаютъ обыкновенно такъ: мнѣ это нравится, слѣдовательно, это хорошо. Утвердившись на той позиціи, что *это* хорошо, они начинаютъ подбирать второстепенныя условія, при которыхъ можетъ и должна развиваться полная красота даннаго предмета, и этимъ подбираниемъ ограничивается то скромное шевеленіе мозговъ, которое называется эстетическимъ анализомъ. Мысль при этомъ вертится въ предѣлахъ того крошечнаго кружка, который очерченъ вокругъ не зараше. Повертится, повертится, передвинетъ съ мѣста на мѣсто кое-какія пылинки, да на томъ и успокоится. Современники Вольтера убѣдили себя разъ навсегда въ томъ, что прекрасная трагедія непременно должна заключать въ себѣ любовную интригу. Такая трагедія прекрасна, потому что она намъ нравится — это была ихъ

основная аксіома Отъ этой аксіомы отправляясь нхъ анализъ, и клонился къ тому, чтобы разъяснить, при какихъ условіяхъ *такая* трагедія можетъ быть особенно прекрасна. Этотъ робкій и жалкій анализъ, разумѣется, оканчивался шлифованіемъ мельчайшихъ подробностей, составлявшихъ бесполезный, хотя и логическій выводъ изъ совершенно пустой и ложной основной идеи. Вольтеръ осмѣиваетъ рутинную узость этихъ ходячихъ эстетическихъ теорій, и при этомъ самъ также вертится въ совершенно замкнутомъ кругу, который только чуть-чуть пошире перваго. Вольтеръ приходитъ въ эстетическій ужасъ, когда одинъ изъ его современниковъ, Ламоть-Ударъ (La Motte-Houdart) начинаетъ доказывать, что трагедіи могутъ быть прекрасны, даже въ томъ случаѣ, если въ нихъ не соблюдены три единства (времени, мѣста и дѣйствія) и если даже онѣ написаны прозою. Вольтеръ допускаетъ, что трагедія можетъ быть прекрасна безъ любви, но ереси Ламота онъ допустить не можетъ, и драматическія произведенія Шекспира все таки ужасаютъ его своими варварскими неправильностями. Но и Ламоть-Ударъ, при всей своей смѣлости, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Бѣлинскій сталъ ему доказывать, что трагедіи Корнеля и Расина нигуда не годятся, и что ихъ даже смѣшно сравнивать съ Шекспиромъ. Но и Бѣлинскій, при всей своей гениальности, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Базаровъ сказалъ ему, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ, и что, слѣдовательно, люди очень удобно могутъ жить на свѣтѣ даже совсѣмъ безъ трагедій. И Французы, обожавшіе любовную трагедію, и Вольтеръ, и Ламоть, и Бѣлинскій, при всемъ различіи своихъ взглядовъ, были все-таки эстетиками, и это обстоятельство проводитъ ясную и неизгладимую границу между этими людьми и представителями чистаго реализма. Существенная разница заключается не въ томъ, что одни признаютъ, а другіе отрицаютъ искусство; это только второстепенные выводы. Можно быть эстетикомъ, не выходя изъ сферы чисто практическихъ интересовъ; и можно быть реалистомъ, съ любовью изучая Шекспира и Гейне, какъ гениальныхъ и великихъ людей. Существенная разница лежитъ гораздо глубже; эстетики всегда останавливаются на аргументѣ: *«потому что это мнѣ нравится»*, и, чаще всего, даже не доходятъ до этого послѣдняго аргумента. Реалисты, напротивъ того, и этотъ послѣдній аргументъ подвергаютъ анализу. «Это мнѣ нравится, думаетъ реалистъ. Хорошо. Но, чтобы узнать цѣлу моихъ симпатій, не мѣшаетъ сначала узнать, что за

штука это я, такъ отважно произносящее свои рѣшительные приговоры. Между моими сверстниками было много дураковъ и негодяевъ; мои наставники пороли меня по вдохновенію, и заставляли меня лгать и подличать; мои родственники жили и живутъ безгрѣшными доходами; мои родственницы смѣшиваютъ Гоголя съ Польде-Кюкомъ, и говорятъ, что писателя, какъ вреднаго сплетника, опасно пустить на порогъ порядочнаго дома. Посреди всѣхъ этихъ, и многихъ другихъ подобныхъ, вліяній слагалась и развпалась моя личность. Были, конечно, и другія впечатлѣнія, совсѣмъ другаго сорта, впечатлѣнія, по милости которыхъ мнѣ удалось бросить критическій взглядъ на разнообразный соръ моей родной избы. Были разговоры немногихъ умныхъ людей, и чтеніе многихъ умныхъ книгъ. Не дерзко-ли и не глупо-ли было бы принять за непреложную истину, что благотворное вліяніе этихъ людей и книгъ совершенно очистило мою личность отъ всѣхъ грязныхъ ингредиентовъ, вошедшихъ въ нее изъ почвы? Ясно теперь, что именно существованіе этой высшей руководящей идеи у послѣдовательнаго реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей. Какая же это идея? Это—идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности. Какъ всѣ люди, и даже всѣ животныя вообще, эстетикъ и реалистъ оба вполне эгоисты. Но эгоизмъ эстетика похожъ на бессмысленный эгоизмъ ребенка, готоваго ежеминутно облопаться сквернѣйшими леденцами и коврижками. А эгоизмъ реалиста есть сознательный и глубоко-разсчетливый эгоизмъ зрѣлаго человѣка, заготовляющаго себѣ на цѣлую жизнь нестоимыя запасы свѣжаго наслажденія.—Идея общечеловѣческой солидарности извѣстна очень многимъ эстетикамъ, но они относятся къ ней, какъ, напримѣръ, къ какому нибудь мексиканскому вопросу.—Да, могъ, хорошая идея и интересныя вещи объ ней пишутся. Отчего не почитать на счетъ этой идеи? Отчего даже, при удобномъ случаѣ, не заявить печатно, что *homo vit et nihil humani...* Словомъ, отчего-же намъ, эстетикамъ, не побаловать себя и этою идею, какъ мы балуемъ себя всѣми цвѣточками этого лучшаго изъ возможныхъ міровъ?—Такимъ образомъ эстетика, нисколько не содѣйствуя выясненію и практическому торжеству этой идеи, овладѣваютъ ею, утѣшаются ею, по своему обыкновенію, весьма миловидно, искусно и тонко вводятъ ее въ замкнутый кругъ своихъ неподвижныхъ симпатій, и безусловно подчиняютъ ее своему высшему, хотя и затѣнному, принципу, велико-

му аргументу: *потому что мнѣ нравится*. При такой обстановкѣ, великая идея, господствовавшая деспотически надъ умами міровыхъ гениевъ, становится милою бездѣлкою, которую пріятно поставить на письменный столъ, въ видѣ легкаго *presse-papier*, для того, чтобы она напоминала пишущему барину, что и онъ тоже работаетъ для человѣчества. Да и какъ же не для человѣчества? Какую-бы глупость онъ ни написалъ, все таки его будутъ читать не лошади, а люди. — Всѣ мои пасмѣшки могутъ относиться вполне только къ эстетикамъ *нашего* времени. У эстетиковъ *прежнихъ* времени, у людей, подобныхъ Вольтеру или Бѣлинскому, идея общечеловѣческой солидарности медленно созрѣвала подъ эстетическою скорлупою. Теперь эта идея созрѣла и проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Стало быть, кто теперь отворачивается отъ этой идеи, и самодовольно возится съ ея разбитою скорлупою, тотъ или слѣпъ, или умышленно зажмуриваетъ глаза. А смѣяться надъ умственною слѣпотою людей, считающихъ себя квинтъ-эссенціею человѣчности, это не только поволительно, но даже необходимо для выясненія и очищенія великой идеи, превращенной въ будуарное украшеніе.

XVI.

Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые ежеминутно нарушаются нашимъ невѣдѣніемъ, и которые своимъ нарушеніемъ порождаютъ почти всѣ хроническія страданія нашей породы. Человѣческій организмъ, разсуждаетъ реалистъ, устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими подобными себѣ организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, необходимо общество другихъ людей. На земномъ шарѣ существуетъ множество отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ; между этими обществами могутъ существовать или дружескія, или враждебныя отношенія. Первые несравненно выгоднѣе послѣднихъ. Чѣмъ больше дружескихъ отношеній, и чѣмъ меньше вражды, тѣмъ лучше для каждаго изъ отдѣльныхъ обществъ;

а чѣмъ успѣшнѣе развивается общество, тѣмъ пріятнѣе живетъ каждому изъ его членовъ, то есть, каждому отдѣльному человѣческому организму. Такимъ образомъ и выходитъ, что участь одного зависитъ отъ участи всѣхъ. И на оборотъ, когда отдѣльная личность вполне расчетливо пользуется своими естественными способностями, тогда она неизбежно, сама того не сознавая, увеличиваетъ сумму общеловѣческаго благосостоянія. Если-бы эта личность сознавала значеніе своей дѣятельности для общаго блага, то ей все таки не было-бы надобности измѣнять въ своей дѣятельности какую бы то ни было мелочную подробность. Вполнѣ расчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія. Но сознавая важное и высокое значеніе своего личнаго труда, видя въ этомъ трудѣ свою неразрывную связь съ милліонами другихъ мыслящихъ существъ, трудящаяся личность еще сильнѣе привязывается къ своей дѣятельности, еще смѣлѣе развертываетъ свои способности, и, ясно понимая законность своихъ стремленій, становится болѣе счастливою, то есть, болѣе независимою отъ тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя порождаются мелкими неудачами. Я не ошибаюсь въ общемъ направленіи моей жизни, думаетъ такая личность; я повинусь основному закону природы. Если мнѣ приходится пережить кое-какія непріятности, то я все таки знаю, что я изъ многихъ золъ выбираю меньшее. Если я пойду въ разрѣзъ съ естественнымъ закономъ, если я уклонюсь отъ него въ сторону, то, въ общемъ результатѣ, жизнь моя пойдетъ еще хуже. — Эстетики вообще восторгаются, умиляются и человѣколюбствуютъ гораздо чаще и шумнѣе, чѣмъ реалисты, которые обыкновенно обнаруживаютъ упорную антипатію ко всякому порывистому энтузіазму. Но эстетики считаютъ совершенно невозможнымъ дѣломъ провести идею дѣятельной любви во всѣ мельчайшіе поступки собственной жизни. Для нихъ эта идея — блестящій мундиръ, который можно и даже слѣдуетъ надѣвать по табельнымъ днямъ, но который, при всей своей красотѣ, превратится въ орудіе пытки, если вы станете таскать его каждый день, съ ранняго утра до поздней ночи. Когда имъ говорятъ, что это даже не мундиръ, а очень просторное домашнее пальто, то они этому рѣшительно не вѣрятъ, и людей, высказывающихъ подобныя мысли, называютъ или фантазерами, или лицемѣрами. Помните, вопіють эстетики, эти сухіе, черствые люди, эти угловатая фигуры, толкующія постоянно о выгодѣ и убыткѣ, хотятъ увѣрить насъ,

что имъ удалось рѣшить такую задачу общеловѣческой любви, которая оказалась не по силамъ даже намъ, людямъ мягкимъ, нѣжнымъ и высоко развитымъ въ дѣлѣ пониманія самыхъ вязанныхъ сторонъ природы и человѣческой души. Не есть-ли это съ ихъ стороны дерзкая и возмутительная ложь?—Конечно, если-бы реалисты къ каждому своему шагу прилетали высокія разсужденія о человѣколюбіи и глубокіе вздохи о человѣческихъ страданіяхъ, то это было-бы и глупо, и скучно, и наконецъ сдѣлалось-бы невыносимымъ, какъ для самаго реалиста, такъ и для всѣхъ его знакомыхъ. Но идея любви проводится въ жизнь гораздо проще и гораздо дѣйствительнѣе. Къ этой высшей идеѣ реалистъ обращается чрезвычайно рѣдко. Обыкновенно онъ имѣетъ дѣло только съ ея практическими выводами и частными приложеніями. Доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой человекъ, неспорченый богатствомъ и барственною лѣнью, начинаетъ всматриваться въ свои способности, и дѣлаетъ попытки по разнымъ направленіямъ, до тѣхъ поръ, пока не отыщется себѣ такой трудъ, который ему пріятенъ, и который, при томъ, можетъ его прокормить. Разсматривая различныя сферы занятій, молодой человекъ, сколько нибудь способный размышлять, непремѣнно ставитъ себѣ нѣкоторые вопросы, на которые ему необходимо получить отъ себя отвѣты. Не безчестно-ли это занятіе, то есть, не вредитъ-ли оно естественнымъ интересамъ большинства? Не подѣйствуетъ-ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственные способности? Обеспечитъ ли оно мою нравственную самостоятельность, то есть, буду ли я моимъ трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы поставить и рѣшить, въ ту или въ другую сторону, нѣсколько подобныхъ вопросовъ, не надо быть ни геніальнымъ мыслителемъ, ни героемъ или фанатикомъ человѣколюбія. Надо просто быть неглупымъ человекомъ и получить въ какомъ нибудь университетѣ довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество, и что такое умственный трудъ. Конечно, выбирая то или другое поприще, надо взглянуть на дѣло широко и серьезно, надо обратиться къ высшей руководящей идеѣ, и ей надо безусловно подчинить разныя второстепенныя соображенія, которыя обыкновенно называются практическими, а на самомъ дѣлѣ всегда оказываются ложными и близорукими. Если напримѣръ, лѣтъ пять тому назадъ, молодому человеку, вышедшему изъ университета, предложили бы *выгодное* нѣ-

сто по откупамъ, то разумѣется, онъ, во имя идеи, обязанъ былъ безусловно отказаться отъ этого мѣста, не смотря ни на какія выгоды. Идея требуетъ отъ него этой жертв; но намъ стоитъ только взглянуть внимательно на дѣло, чтобы немедленно убѣдиться въ томъ, что тутъ жертва чисто внѣшняя, и что требованія высшей идеи здѣсь, какъ и вездѣ, совпадаютъ вполне съ внушеніями эгоистическаго расчета. Молодой человѣкъ стоитъ на распутьѣ: направо — дорога въ откупъ, на лѣво — грошовае уроки и неизвѣстное будущее. Если бы какой нибудь волшебникъ могъ показать ему — его самого, какъ онъ будетъ лѣтъ черезъ пятнадцать, пошедши направо, и потомъ опять таки его самого, пошедшаго на лѣво, и пережившаго такой же промежутокъ времени, то, конечно, мол дому человѣку захотѣлось бы избрать тотъ путь, который приводитъ къ наиболѣе благообразному результату. Я не думаю, чтобы молодому человѣку понравилась та личность, которую онъ увидѣлъ бы въ первомъ случаѣ. Жизнь въ брюхо, грязные друзья и сослуживцы, равнодушіе ко всякимъ высшимъ интересамъ, извращеніе умственныхъ способностей, тупая и боязливая ненависть ко всему, что можетъ нарушить выгодное спокойствіе мутнаго болота, рѣзкій разрывъ съ честными университетскими товарищами, словомъ, всѣ признаки безнадежнаго паденія — результатъ непривлекательный! — Изъ этому результату *приходятъ* тѣмъ или другимъ путемъ многіе пламенные юноши, но *идутъ* они не къ этому результату, и если бы они могли видѣть его заранѣе, то изъ этихъ многихъ почти всѣ повернули бы куда нибудь въ другую сторону. Значитъ, тутъ происходитъ ошибка въ расчетѣ, и отъ такихъ ошибокъ, неизбежныхъ при нашей юношеской неопытности и самонадѣянности, насъ всего лучше можетъ предохранить та кажущаяся жертва, которую мы приносимъ требованіямъ высшей идеи. Очень многія отрасли труда находятся въ полномъ согласіи съ самыми строгими требованіями идеи. Которую же изъ этихъ отраслей долженъ выбрать себѣ молодой человѣкъ? И здѣсь интересы общества сходятся съ интересами личности. Пусть молодой человѣкъ выбираетъ себѣ то, что ему всего пріятнѣе. Тогда, и именно только тогда, онъ, наслаждаясь процессомъ своего труда, принесетъ обществу такое количество пользы, которое вполне соответствуетъ размѣрамъ его личныхъ способностей. — Положимъ теперь, что требованія идеи соблюдены, дѣятельность молодого человѣка вошла въ свою ровную колею, и, удовлет-

воря его умственнымъ потребностямъ, съ каждымъ годомъ становится болѣе драгоценною и необходимою частью его существованія. Каждый неглупый человекъ можетъ найти себѣ такую дѣятельность; а какъ только жизнь наполнена осмысленнымъ трудомъ, такъ задача можетъ считаться рѣшенною: идея общечеловѣческой любви проведена во всѣ поступки жизни. Вашъ трудъ полезенъ, вы его любите, вы посвящаете ему всѣ ваши силы, вы ни за что не согласитесь дѣлать его кое-какъ, вы готовы бороться съ затрудненіями и переносить неприятности, чтобы довести его до возможной степени совершенства, вы понимаете и стараетесь расширить практическое значеніе вашей работы — кажется, этого довольно, и кажется, вы, поступая такимъ образомъ, ни на одну минуту не забываете вашей солидарности съ остальными людьми, и ни однимъ вашимъ движеніемъ не уклоняетесь въ сторону отъ самыхъ неумолимыхъ требованій высшей идеи. — Итоги всѣхъ этихъ разсужденій можно подвести такъ: эстетикъ — великодушный баринъ, способный, въ минуту героическаго порыва, бросить бѣдному человечеству даже трехрублевую бумажку, которая, немного позднеѣ, вмѣстѣ со всѣми остальными деньгами и симпатіями этого барина, непременно полетѣла бы въ руки поющей цыганки; а реалистъ — расчетливый акціонеръ, пустившій въ оборотъ все свое состояніе, и всѣми силами служащій дѣлу компаніи, для увеличенія собственнаго дивиденда. Иной акціонеръ, ради собственной поживы, вздумаетъ, пожалуй, обокрасть компанію, но вѣдь это расчетъ не столько вѣрный, сколько отважный. На такихъ изобрѣтательныхъ акціонеровъ есть уголовный судъ, а на мошенниковъ въ общемъ дѣлъ человечества — презрѣніе честныхъ людей, надъ которымъ не во всякое время можно смѣяться безнаказанно. Поверхностному наблюдателю эстетикъ можетъ показаться симпатичнѣе реалиста, потому что реалистъ понятенъ только тому, кто разглядитъ общее направленіе его поступковъ, и разгадаетъ высшее значеніе идеи, составляющей внутренній смыслъ его существованія. А эстетикъ весь какъ на ладони, и внутренняго смысла въ его жизни вы не найдете.

XVII.

Реалистъ — мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ. Изъ этого опредѣленія читатель видитъ ясно, что реалистами

могут быть въ настоящее время только представители умственного труда. Конечно, трудъ тѣхъ людей, которые корятъ и одѣваютъ насъ, въ высшей степени полезенъ, но эти люди совсѣмъ не реалисты. При теперешнемъ устройствѣ матеріальнаго труда, при теперешнемъ положеніи чернорабочаго класса во всемъ образованномъ мірѣ, эти люди ничто иное, какъ машины, отличающіяся отъ деревянныхъ и желѣзныхъ машинъ невыгодными способностями чувствовать утомленіе, голодь и боль. Въ настоящее время эти люди совершенно справедливо ненавидятъ свой трудъ, и совсѣмъ не занимаются размышленіями. Они составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало, и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это—туманное пятно, изъ котораго выработаются новые міры, но о которомъ до сихъ поръ рѣшительно нечего говорить. Заниматься съ любовью матеріальнымъ трудомъ — это въ настоящее время почти невысказуемо, а въ Россіи, при нашихъ допотопныхъ приемахъ и орудіяхъ работы, еще болѣе невысказуемо, чѣмъ во всякомъ другомъ цивилизованномъ обществѣ. Такимъ образомъ, самый реальный трудъ, приносящій самую осязательную и неоспоримую пользу, остается внѣ области реализма, внѣ области практическаго разума, въ тѣхъ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. Что-жъ намъ дѣлать съ этими подвалами? Неудача приходится оставить ихъ въ покое и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда, прямо или косвенно, влится къ созиданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы. — Изъ всѣхъ реальностей только одни естественныисмыслители, раздвигающіе предѣлы науки новыми открытіями, работаютъ для человѣчества *вообще*, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени. Остальные реалисты работаютъ также для человѣчества, но задачи и приемы ихъ дѣятельности должны измѣняться сообразно съ обстоятельствами и приспособляться къ потребностямъ отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Мѣстныя и временныя условія нашей русской жизни заявляютъ свои опредѣленные требованія, и русскій реалистъ не можетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Этими требованіямъ онъ непременно долженъ подчинить свою дѣятельность.

если только онъ не посвятитъ себя исключительно изученію природы. Мы вѣдемъ, вліяніе нашихъ мѣстныхъ обстоятельствъ выражается преимущественно въ томъ, что отдѣльныя направленія реалистическаго труда до сихъ поръ не выявились и не опредѣлились. Наша мысль только что пробуждается въ немногихъ головахъ; въ дѣлѣ умственнаго труда одному и тому же человѣку приходится, оплошъ и рядомъ, и землю пахать, и сапоги шить, и широгн печь, и дрова колоть. Рациональное раздѣленіе труда до сихъ поръ еще невозможно; вѣзаться основательно за специальную задачу, значить уйдти далеко впередъ отъ пониманія общества, съзвуть, безъ малѣйшей пользы, сферу своего вліянія, и не встрѣтитъ въ соотечественникахъ ничего, кромѣ равнодушія и недоумѣнія. За какое бы общепользное предпріятіе вы ни взялись, вамъ, во всякомъ случаѣ, придется вить веревку изъ песка, то есть, собирать и склеивать искусственными средствами такія рассыпающіяся частицы, которыя не имѣютъ, не хотятъ и не могутъ имѣть, ни малѣйшей связи, ни между собою, ни съ вашею идеєю. Кажддаго соотечественника придется уговаривать поодиначкѣ, и кажддаго придется, при этомъ удобномъ случаѣ, обучать тѣмъ элементарнымъ истинамъ, которыя человѣкъ непремѣнно долженъ знать для того, чтобы имѣть какое нибудь мнѣніе о вашемъ предпріятіи. Это значить, вамъ нуженъ строевой лѣсъ, а ногъ руками у васъ мѣра желудей; конечно, если положить эти желуди въ землю, то лѣсъ вырастетъ, но, рассчитывая на этотъ лѣсъ, подрыжать плотниковъ, это было бы съ вашей стороны опрометчиво. А вѣдти, подрыжать-то не кого, потому что плотники, подобно строевому лѣсу, также находятся въ зачаточномъ состояніи. Какъ-же тутъ прикажете поступить мыслящему реалисту? Если онъ придетъ въ уныніе и опуститъ руки, то онъ очень скоро сдѣлается жирнымъ олистеромъ, и его уныніе перейдетъ въ хрипическую улыбку тунаго самодовольства. Если онъ будетъ суетиться и метаться изъ угла въ уголъ, не требуя отъ своихъ условій естественнаго результата, и не задавая себѣ даже вопроса о томъ, возможенъ ли такой результатъ, то онъ окажется Репетловымъ, или трудящеюся мартышкою. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, онъ перестанетъ быть реалистомъ; горизонтъ его мысли быстро съузится, и вся личность его завянетъ и сморщится, потому что и бездѣйствіе и безмысленная суетня дѣйствуютъ на человѣка самымъ злодѣйскимъ образомъ. Чтобы поддѣрпывать и возмущать человѣческую лич-

ность, умственный трудъ непремѣнно долженъ быть полезнымъ, то есть, онъ не только долженъ быть направленъ къ извѣстной разумной цѣли, но онъ, кромѣ того, долженъ достигать этой цѣли. Реалистъ не можетъ успокоить себя тою отговоркою, что я, молъ, исполнилъ свой долгъ, старался, говорилъ, убѣждалъ, а если не послушали, такъ, стало быть, и нечего дѣлать. Такія отговорки полезны только для эстетика, для дилетанта умственной работы, для человѣка, которому надо, во чтобы то ни стало, получить отъ самаго себя квитанцію въ исправномъ платѣжъ какаго-то невещественнаго долга. А въ глазахъ реалиста такая квитанція не имѣетъ никакого смысла; для него трудъ есть необходимое орудіе самосохраненія, необходимое лекарство противъ заразительной пошлости; онъ ищетъ себѣ полезнаго труда съ тѣмъ неутомимымъ упорствомъ, съ какимъ голодное животное ищетъ себѣ добычи; онъ ищетъ и находитъ, потому что нѣтъ такихъ условій жизни, при которыхъ полезный умственный трудъ былъ бы рѣшительно невозможнымъ. Реалистъ убѣждается въ томъ, что намъ, прежде всего, необходимы знанія. Это — великая истина, превратившаяся даже въ избитую фразу, благодаря тѣмъ мудрецамъ, которые, произнося всевозможныя слова, не поняли во всю свою жизнь ни одной мысли. Но реалистъ не останавливается на голой фразѣ, и немедленно выводитъ изъ основной идеи всѣ ея практическія послѣдствія. Общество нуждается въ знаніяхъ, но оно само почти совсѣмъ не сознаетъ и не чувствуетъ, до какой степени оно бѣдно въ умственномъ отношеніи, и до какой степени эта умственная бѣдность мучительно отвзывается во всѣхъ подробностяхъ его всѣдневной жизни. Завалите такое общество превосходѣйшими учебниками, переведите для него всѣ лучшія научныя сочиненія величайшихъ европейскихъ мыслителей — и все это принесетъ ему очень мало пользы. Обставьте больного всевозможными микстурами и докками — и онъ все таки не выздоровѣетъ, если не будетъ принимать вашихъ лекарствъ, и не захочетъ исполнять ваши гигиеническія предписанія. Когда больной считаетъ себя здоровымъ, тогда ему, прежде всего, необходимо доказать, что онъ жестоко ошибается. Именно такимъ образомъ слѣдуетъ поступить и съ нашимъ обществомъ. Оно не только мало размышляетъ, но оно даже не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое дѣятельность мысли. Лексиконъ мудреныхъ словъ, цѣлыя сборники готовыхъ изреченій, цѣлыя библіотеки игрушечныхъ произведеній праздной фантазіи, — вотъ весь

умственный капиталъ, обращающійся въ нашемъ обществѣ, и обладаніе такими сокровищами во всѣхъ отношеніяхъ должно считаться болѣе тягостнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ самая голая умственная нищета. Мы изъ каждой дѣльной мысли выхватываемъ только ея формальное выраженіе, и къ обширному сборнику нашихъ затверженныхъ изреченій прибавляемъ, такимъ образомъ, еще новую фразу, изъ которой улетучивается весь ея жизненный смыслъ.

Имѣемъ-ли мы какое нибудь понятіе о животныхъ и растеніяхъ, о физическихъ и химическихъ законахъ, о свойствахъ воды, воздуха, металловъ и различныхъ составныхъ частей почвы?—Ровно никакого.—Знаемъ-ли мы что нибудь о жизни европейскихъ обществъ?—Совсѣмъ ничего.—Понимаемъ-ли мы ихъ исторію?—Нисколько.—Извѣстно-ли намъ положеніе Россіи?—Рѣшительно неизвѣстно.—И въ то же время, при этомъ кругломъ невѣжествѣ, мы все знаемъ, мы знаемъ ужасно много, мы все читаемъ и обо всемъ пишемъ.— Мы знаемъ, что есть телескопъ, микроскопъ, химическій анализъ, жирафа, Александръ Гумбольдъ, хлѣбное дерево, анатомія, кокосовые орѣхи, эмбриологія, коралловые рифы, и многія другія естественныя произведенія, интересныя съ той или съ другой стороны для изслѣдователей природы. Познанія наши по части европейской политикѣ еще болѣе обширны и разнообразны. Мы знаемъ, что въ англійскомъ парламентѣ сидитъ мистеръ Геннеси; что Гарибальди сначала подстрѣлили при Аспро-Монте, а потомъ вылечили и простили; что Викторъ Гюго живетъ въ Брюсселѣ и написалъ новый романъ: «Les misérables»; что черногорцы—наши братья, и дерутся съ турками; что фабриканты, машинисты и работники, совокупными силами, создали чудеса новѣйшей промышленности, но что, къ сожалѣнію, тутъ появился антагонизмъ сословій, породился пауперизмъ, а потомъ явились коммунисты и социалисты, которые еще болѣе перепутали дѣло; всего же основательнѣе мы знаемъ, по разсказамъ нашихъ путешествовавшихъ соотечественниковъ, что поѣзды и дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ устроены удобно, что лоретки — женщины пикантныя, и рулетка — препровожденіе времени очаровательное, но во многихъ отношеніяхъ изнурительное. Мы, какъ видите, знаемъ чрезвычайно много; всякія собственныя имена, всякія спеціальныя слова и техническія выраженія, все это намъ доподлинно извѣстно. Не знаемъ мы только бездѣлицы,— не знаемъ тѣхъ живыхъ явленій, которыя обозначаются этими словами, и на

знаемъ; кромѣ того, нашимъ образомъ эти неизвѣстныя намъ явленія связываются одно съ другимъ. Мы скажемъ вамъ, напримеръ, что изумерзнуть значитъ бѣдность, но каковы размеры этого явленія, въ какихъ формахъ оно выражается откуда оно происходитъ, почему оно въ одной сторонѣ развилось сильнѣе, чѣмъ въ другой — этого мы не знаемъ, и мы бы даже очень удивлялись, если-бы кто-нибудь заподозрѣлъ насъ въ способности когда-нибудь задеть себя такими вопросами, и узнать такія запутанныя исторіи. — Что такое Литва? спрашиваетъ одинъ изъ обывателей города Калинова, въ драмѣ «Гроза». — А эта Литва къ намъ съ неба свалилась, отвѣчаетъ другой, и любознательность перваго гражданина немедленно удовлетворяется этимъ отвѣтомъ. — Литва — это народъ такой, отвѣтитъ себѣ образованный человѣкъ, и также удовлетворится. А вѣдь въ сумятичѣ узнать, что неизвѣстный мнѣ народъ называется Литвою, а не Капустою, и не Самоваромъ, это значитъ только прибавить къ своему левенгову новое двусложное слово. И точно такое же значеніе имѣетъ каждый голый фактъ, вырванный изъ общей картины жизни и подписанный невнимательному читателю вѣдливѣйшимъ составителемъ журнальнаго или газетнаго обзорѣнія. А такъ какъ наша публика, кромѣ такихъ голыхъ реляцій, не получаетъ отъ своихъ обыкновенныхъ просвѣтителей рѣшительнаго нѣчего, и такъ какъ она даже не знаетъ, чего-бы она могла отъ нихъ потребовать, такъ какъ она читаетъ отъ вечаго дѣлать, и даже не обращаетъ вниманія на свою полную умственную пасивность, то реальность, кристально взглянувши въ эти спеціально-русскія отношенія между писателями и читателями, говорить рѣшительно и просто, что общество не знаетъ ровно ничего, и не имѣетъ даже отличить живую дѣятельность мысли отъ безсознательной игры словъ и оборотовъ. Но реальность должно не только выказывать такое сужденіе, а еще, кромѣ того, доказать его строгую вѣрность, и сдѣлать такъ, чтобы общество увидѣло и почувствовало справедливость его слова. На чемъ же спать наши соотечественники, какъ выразилось въконецъ, что ихъ утѣшаетъ и успокоиваетъ, что маскараретъ, пустоту ихъ жизни и избавляетъ ихъ отъ необходимости умирать со скуки, или заниматься полезною работою. Водка, табакъ, карты, рысаки, дощечуанство, гончія собаки — все это предметы, играющія самую почетную роль въ жизни нашего общества, и прощать имъ, впрочемъ, нѣтъ, современнаго реализма безсмысленъ. Эти твари будутъ оподраны въ скоромъ

только тогда, когда реализмъ вождетъ въ дѣйствительную жизнь, то есть, когда реалистовъ будетъ уже очень много, и когда общество, волею судьбы ихъ вліянія, начнетъ въ самомъ дѣлѣ проникаться тѣмъ сознаніемъ, что трудиться гораздо полезнѣе и пріятнѣе, чѣмъ испытывать сильныхъ омущевій въ игрѣ, въ пьянствѣ или въ псовой охотѣ. Эти времена лежатъ еще далеко впереди, и поэтому реалистъ не долженъ въ настоящее время тратить свою энергію на безплодные проповѣди. Реалистъ долженъ думать только о тѣхъ людяхъ, которые могутъ проснуться и превратиться въ реалистовъ. Такіе люди въ нашемъ обществѣ существуютъ. Чтеніе составляетъ для нихъ дѣйствительную потребность и они читаютъ много, и, не смотря на то, все таки спятъ. Эти любители умѣютъ читать даже серьезныя статьи и понимаютъ въ нихъ каждое слово (напримѣръ пауперизмъ—бѣдность, ботаника наука о растеніяхъ, Лябихъ—нѣмецкій химикъ). Но, такъ какъ настоящія, задушевныя симпатіи этихъ людей влекутъ къ беллетристикѣ и къ поэзіи, то они и серьезныя статьи и книги читаютъ, какъ повѣсти и какъ поэмы. Они говорятъ, для собственного назиданія, что серьезныя вещи читать полезно, и они даже всякій разъ, одолѣвши что нибудь серьезное, утѣшаютъ себя тѣмъ пріятнымъ размышленіемъ, что они исполнили священный долгъ, и что теперь, успокоивъ свою требовательную совѣсть, можно побаловать свою грѣшную душу романчиномъ или стишками. Но, при всемъ томъ, даже исполняя священный долгъ, они ищутъ во всякомъ серьезномъ чтеніи все той же, любезной имъ, беллетристической занимательности. Когда же они этого сладкаго ингредиента не находятъ, тогда они стараются только какъ можно скорѣе прожевать и проглотить сухую матерію, для того чтобы умиротворить свою совѣсть. Надо отдать имъ справедливость, что совѣсть ихъ очень требовательна; она все шепчетъ имъ самымъ озлобленнымъ шопотомъ: «слѣди же за вѣкомъ! читай же дѣльныя книги! Будь же мыслящимъ существомъ!» И повинувшись этому повелительному голосу, спящіе читатели совершаютъ дѣйствительно чудеса храбрости. Читать серьезныя сочиненія безъ общаго плана, узнавать отдѣльныя подробности, не видя въ нихъ общаго смысла, проводить черезъ свою голову чужія мысли, не имѣя понятія о живыхъ явленіяхъ, породившихъ эти идеи, напрягать свое вниманіе, не отыскивая никакого отвѣта на вопросы и сомнѣнія своей собственной жизни и мысли — это занятіе умственно-скудное. Это все равно, что чи-

тать лексиконъ, или прихода-расходную книгу совершенно неизвѣстнаго вамъ человѣка. И что выходить изъ этого чтенія? Запоминаются слова и факты, но въ тѣхъ мысляхъ, которыя управляютъ жизнью самаго читателя, не происходитъ ни малѣйшаго передвиженія. Наши русскіе читатели даже твердо убѣждены въ томъ, что между книгою и жизнью не можетъ быть никакого взаимнаго дѣйствія. И все это оттого, что они выучились читать и полюбили чтеніе исключительно по романамъ и поэмамъ. У нихъ установился взглядъ на чтеніе, какъ на препровожденіе времени, то есть, какъ на средство *убить время*, потому что время, это драгоцѣннѣйшее достояніе мыслящаго человѣка, есть смертный врагъ нашихъ соотечественниковъ, врагъ, котораго слѣдуетъ гнать и истреблять всѣми возможными орудіями, начиная отъ желудочной водки и кончая статьями «Русскаго Вѣстника». Чтеніе нашихъ соотечественниковъ не имѣетъ цѣли; русскій человѣкъ ничего не ищетъ въ книгѣ, ни о чемъ не спрашиваетъ, ни къ чему не желаетъ придти. Онъ просто хочетъ, чтобы писатель повеселилъ его душу. Если писатель веселитъ его утопченными ощущеніями, и если увеселяемый читатель понимаетъ всѣ утопченности, то онъ считаетъ себя развитымъ человѣкомъ, и, любуясь на свою развитость, называетъ тонкаго увеселителя великимъ геніемъ, и виѣняя себя въ заслугу то, что онъ ихъ понимаетъ, русскій читатель вноситъ и во всякое дѣльное чтеніе тѣ приемы мышленія, которые онъ приобрѣлъ въ обществѣ тонкихъ увеселителей. Хоть русскій читатель и увѣряетъ себя, что онъ читаетъ серьезную книгу *для пользы*, но вѣдь это только такъ говорится. О настоящей пользѣ онъ и понятія не имѣетъ. Слово *пользы* не вызываетъ въ его умѣ никакого опредѣленнаго представленія, и въ общемъ результатѣ, всякое чтеніе все таки приводитъ за собою только истребленіе времени; а запоминается нѣ прочитанной книги, и нравятся въ ней исключительно то, что повеселило душу. Если-бы безобразіе и пошлость такого занятія выступили передъ пониманіемъ читателя во всей своей отвратительной наготѣ, то ему сдѣлалось-бы очень совѣстно. Онъ встревожился-бы и сталъ-бы искать чего нибудь менѣе нелѣпаго. Онъ именно попалъ-бы съ постели на полъ, и открылъ-бы свои отяжелѣвшія очи. Къ этой цѣли и направляются усилія нашихъ реалистовъ; сдѣлать такъ, чтобы русскій человѣкъ, собирающійся вздремнуть или помечтать, по-

стоянно слышать въ ухахъ своихъ звуки рѣзкаго смѣха, сдѣлать такъ, чтобы русскій человекъ самъ принужденъ былъ смѣяться надъ своими возвеличенными пигмеями—это одна изъ самыхъ важныхъ задачъ современнаго реализма. Вамъ нравится Пушкинъ?—Извольте, полюбуйтея на вашего Пушкина.—Вы восхищаетесь Демономъ Лермонтова?—Посмотрите, что это за безмыслица.—Вы благоговѣте передъ Гегелемъ?—Попробуйте сначала понять его изрѣченія.—Вамъ хочется уснуть подъ сѣнью «общихъ авторитетовъ поэзи и философи?»—Докажите сначала, что эти авторитеты существуютъ, и на что нибудь годятся. — Вотъ какъ надо поступать съ русскимъ человекомъ. Не давайте ему уснуть, какъ-бы онъ ни закутывалъ себѣ голову теплыми илюзіями и темными фразами. Реалисты наши такъ и дѣлаютъ: они смѣются, и ихъ звонкій смѣхъ прорѣзываютъ такіе туманы, которые не поддаются серьезной аргументаціи. Русскіе писатели смѣются уже давно, но смѣхъ сатириковъ нашихъ, отъ Капниста до г. Щедрина, тратился постоянно на такія явленія, которыя на сатиру не обращаютъ никакого вниманія. Искоренять сатирою взяточничество—что можетъ быть невнятное и бесплодное этого занятія? Реалисты, конечно, неспособны тратить свой смѣхъ на такія упражненія. Они очень хорошо понимаютъ, что взятка никогда не будетъ казаться смѣшною тому человеку, котораго она кормитъ и одѣваетъ. Если идеи и чувства лириковъ, эстетиковъ, романтиковъ, педантовъ, фразеровъ, сдѣлаются смѣшными для общества, то общество перестанетъ ими увлекаться, и направитъ свои симпатіи въ другую сторону. Результатъ получится осязательный, и я смѣю думать, что, такимъ образомъ рѣшится очень серьезная задача, потому что въ настоящее время всего необходимѣе превращать чувствительныхъ туесядцовъ въ мыслящихъ работниковъ.

XVIII.

Началъ я съ общечеловѣческой солидарности, а кончилъ тѣмъ практическимъ заключеніемъ, что намъ, русскимъ реалистамъ, можно только осмѣивать потихоньку наши мелкія глупости, и медленно учиться, вмѣстѣ съ нашею лѣнливою публикою, самымъ элементарнымъ истинамъ строгой науки. Какое торжественное начало и какой мизерный конецъ! Гора мышь родила, подумаетъ читатель, и я никакъ не осмѣлюсь ему противорѣчить. Я уже говорилъ въ пер-

вой части этой статьи, что мы бѣдны и глупы; теперь намъ пришлось убѣдиться въ томъ, что наша бѣдность и наша глупость доходятъ дѣйствительно до самыхъ почтенныхъ размѣровъ, — до такихъ размѣровъ, что глупость мѣшаетъ намъ понимать пользу необходимаго лекарства, а бѣдность мѣшаетъ намъ приобрести себѣ за развѣ достаточную дозу этого лекарства. Вслѣдствіе этого и приходится употреблять это лекарство самымъ поверхностнымъ образомъ и въ самыхъ микроскопическихъ приемахъ. Великая и плодотворная идея должна пристроиться къ самому мелкому практическому применению, и только при этомъ условіи она можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, проникнуть въ сознаніе лучшаго меньшинства нашей читающей публики. Въ этомъ печальномъ обстоятельствѣ немноваты, разумеется, ни основныя особенности реалистической идеи, ни личныя свойства нашихъ реалистовъ. Представьте себѣ, что вы превосходно изучили рациональную агрономію, и что вамъ придется прикладывать ваши знанія къ обыкновенному мужицкому хозяйству, и всего оборотнаго капитала у васъ рублей сорокъ или пятьдесятъ. Если вы не пустой фантазеръ, то вы, разумеется, оставите покуда въ сторонѣ всякіе помыслы о паровыхъ плугахъ, о молотилкахъ, объ искусственности травосѣянія и о химическомъ анализѣ почвы. Вы ограничитесь тѣмъ, что на первый годъ купите, напримѣръ, желѣзную борону и для удобренія корову. Значитъ, и здѣсь гора мышь родила, но видѣ это обстоятельство нисколько не доказываетъ, что приложеніе химіи къ земледѣлію — чепуха, или что вы сами ничему не выучились. Ни чуть не бывало. Если вы одарены яснымъ практическимъ умомъ и твердымъ характеромъ, если вы способны равнымъ шагомъ идти къ далекой цѣли, не снувая съ нея глазъ ни на одну минуту, и постоянно соразмѣряя ваши собственныя силы съ тѣмъ разстояніемъ, которое вы должны пройти, то вы непременно докажете на дѣлѣ вашимъ деревенскимъ сосѣдямъ, что рациональная агрономія не пустяки, и что вы сами не даромъ потратили время на ея изученіе. За бороною и коровою будутъ слѣдовать ежегодно новыя улучшенія, которыя, постоянно увеличивая вашу доходъ, постоянно будутъ расширять кругъ вашей преобразовательной дѣятельности. Каждое новое улучшеніе будетъ вытекать изъ прошлогоднаго и, такимъ образомъ, корова и борона сдѣлаются фундаментомъ всего вашего послѣдующаго благосостоянія. Если-бы корова и борона и остались безъ дальнейшихъ послѣдствій, тогда, конечно,

можно было бы сказать, что гора родила мышь; но вѣдь тутъ дѣло идетъ, какъ говорятъ французы, *de fil en aiguille*; стало-быть, гора родитъ цѣлую цѣпь явленій, которыя могутъ вылестя изъ горы не иначе, какъ одно за другимъ. Я хотѣлъ говорить о русскомъ реализмѣ, и свелъ разговоръ на отрицательное направленіе въ русской литературѣ. Читатель можетъ подумать, что я дѣлалъ это по цѣлому самолюбію, по пристрастію къ моему муравейнику и къ своимъ собственнымъ муравьинымъ занятіямъ. Въ этомъ случаѣ, читатель рѣшительно ошибется. Я съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ отъискивалъ въ общественныхъ явленіяхъ нашей вседневной жизни какіе нибудь признаки здороваго реализма, и не нашелъ въ нихъ ничего похожаго, не только на реализмъ, но даже на какое нибудь сознательное движеніе мыслей. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, только въ одной литературѣ и проявлялось до сихъ поръ хоть что нибудь самостоятельное и дѣятельное. Гоголь, Бѣлинскій, Добролюбовъ—вотъ вамъ въ трехъ именахъ полный отчетъ о всей нашей умственной жизни за цѣлое тридцатилѣтіе; къ этимъ именамъ можно было-бы прибавить еще два-три имени, но и эти послѣднія также принадлежать къ литературѣ, и, по направленію своей дѣятельности, примыкаютъ или къ Бѣлинскому, или къ Добролюбову. А гдѣ же наши исследователи, гдѣ наши практическіе работники? Были, есть и будутъ и тѣ и другіе. Г. Соловьевъ, г. Срезаневскій, г. Бодянский, г. Буслаевъ—вотъ какія громкія имена мы можемъ выдвинуть въ параллель нѣмецкимъ именамъ: Либихъ, Дюбуа-Реймонъ, Фохтъ, Гельгольцъ, или французскимъ: Клодъ-Бернаръ, Де-Кандолль, Эли де-Бомонъ, Мишель-Эвардъ, или англійскимъ: Дарвинъ, Лавелль, Форбесъ, Бейкъ. Что же касается до практическихъ работниковъ, то ихъ не зачѣмъ и пересчитывать. — Нѣкоторые *настоящіе* исследователи, приносящіе *отыстотеленную* пользу общечеловѣческой наукѣ, живутъ, правда, въ русскихъ городахъ, и даже иногда носятъ русскія одежды, но ихъ труды остаются для нашего общества мертвыми и даже неизвѣстными капиталомъ. Нашъ академикъ Карлъ Эрнстъ Фохтъ-Беръ считается во всей Европѣ однимъ изъ величайшихъ эмбриологовъ нашего времени. Дарвинъ, Карлъ Фохтъ, Гексли всегда цитируютъ его мнѣнія съ особеннымъ уваженіемъ. Льюисъ въ своей «Физиологіи вседневной жизни», ссылается на исследование Фисляникова о спинномъ мозгѣ, и Янубовича о нервныхъ клеточкахъ. Французскій ученый Бекларъ упоминаетъ въ своей эмбріологіи о

нѣкоторыхъ экспериментальныхъ работахъ Бодкина и Сѣченова. Ну, а мы? мы, я чай, и понятія не имѣемъ о томъ, что у насъ могутъ существовать такіе люди, которые, въ самомъ дѣлѣ, не шутя, занимаются эмбриологіею, нервными клеточками и физиологическими опытами. Мы узнаемъ объ этихъ людяхъ изъ иностранныхъ книгъ, и чувствуемъ себя польщенными, точно будто мы сами не спимъ, а занимаемся дѣломъ. И вдругъ, узнавши таинигъ случайнымъ образомъ о подвигахъ русскихъ людей, какой-нибудь мыслитель изъ «Сына Отечества» или изъ «Сѣверной Пчелы» влѣмывается въ амбиціи, и заявляетъ жалобнымъ голосомъ всю патріотическую претензію. «На что-же молъ это похоже? Въ Россіи есть умные люди, а я, русскій мыслитель и образованный человѣкъ, объ этомъ ничего не знаю. Какъ же вамъ не грѣхъ такъ поступать, родимые специалисты? зачѣмъ же вы пишете по латыни или по нѣмецки? Вы должны писать по русски, тогда бы я васъ зналъ и мнѣ было-бы пріятно, а русское общество получило-бы отъ васъ назиданіе и пользу. Смотрите-же, родимые специалисты, непремѣнно пишите по русски». Такія жалобы и такія увѣщанія слышатся очень часто, и читатель имъ обыкновенно сочувствуетъ тѣмъ дряблымъ и ни на что негоднымъ сочувствіемъ, которымъ мы вообще чрезвычайно богаты, и которое никогда не можетъ повести насъ дальше какихъ нибудь обѣдовъ по подишкѣ или спектаклей съ благотворительными предлогами. Но эти жалобы и увѣщанія такъ же пусты и правды, какъ и большая часть тѣхъ мыслей, съ которыми сочувственно соглашаются русскіе читатели. Какая бы, въ самомъ дѣлѣ, вышла польза, если-бы Овсянниковъ написалъ свое изслѣдованіе по русски? Пользы никакой, а вредъ очевидный; вѣдь Льюисъ не сталъ-бы учиться русскому языку ради одной диссертациі о спинномъ мозгѣ; ну, стало-быть, у Льюиса одними полезнымъ пособіемъ было-бы меньше, а мыслитель «Сына Отечества» или «Сѣверной Пчелы» все-таки не прочелъ-бы диссертациі родимаго специалиста; а если-бы и прочелъ, то ничего бы изъ нея не понялъ и не извлекъ, потому что выучиться нѣмецкому или латинскому языку гораздо легче, чѣмъ понять специально ученый трудъ, написанный даже по русски. Если-бы мыслитель былъ способенъ заниматься серьезнымъ дѣломъ, то нѣмецкій или латинскій языкъ не составилъ-бы для него непреодолимаго препятствія. А если онъ, отъ лица публики, жалуется на трудность иностраннаго языка, то онъ еще пуще того будетъ жаловаться на непонятность научнаго изло-

женія. Ему что надо? Ему надо, чтобы Бэръ явился передъ русскою публикою и сказалъ ей съ подобающею любезностью: «честь имѣю рекомендоваться: я—Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ. Я занимаюсь эмбриологіею. Эмбриологія есть наука о развитіи живыхъ существъ. Эта наука составляетъ часть естествознанія, а естествознаніе—вещь очень полезная, вотъ почему, и вотъ почему. Я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ открытій, и объясню вамъ значеніе этихъ открытій, примѣняясь къ вашему убогому пониманію и стараясь растолковать вамъ самыя элементарныя истины, извѣстныя каждому нѣмецкому школьнику, но совершенно новыя для мыслителей нашихъ газетъ и журналовъ. — «Ахъ, какъ-бы это было хорошо и благоразумно! На это галантерейное росшариваніе Бэра передъ русскою публикою ушло-бы очень много времени, а время Бэра очень дорого, потому что великій натуралистъ могъ-бы употребить его на новыя изслѣдованія. Бэръ — превосходный специалистъ, раздвигающій предѣлы науки, а мы, по нашей глузости, хотимъ, кромѣ того, чтобы онъ сдѣлался для насъ школьнымъ учителемъ; и если-бы наше глупое желаніе исполнилось, то однимъ великимъ изслѣдователемъ сдѣлалось-бы меньше, и однимъ плохимъ писателемъ больше. И такія же требованія, вмѣстѣ съ такими же нелѣпыми упреками, сыпятся на нашихъ остальныхъ дѣльныхъ специалистовъ. Эти требованія и упреки очень поучительны, потому что въ нихъ выражается, самымъ наивнымъ образомъ, изумительная пассивность нашихъ умственныхъ привычекъ. Чуть только появится у насъ какойнибудь дѣльный человѣкъ, мы сейчасъ наровнимъ пристроиться къ нему подъ крылышко. Мы уже ждемъ отъ него какой-то манны небесной, и намъ даже въ голову не приходитъ та мысль, что намъ слѣдуетъ быть дѣтельными помощниками, а не убогими приживалками этого полезнаго человѣка. Мы говоримъ дѣльному человѣку: благодѣтель, отецъ родной! Просвѣти насъ, научи насъ, наставь на путь истины. Мы тебя будемъ слушать и вѣкъ за тебя будемъ Бога молить. — Написано, на примѣръ, дѣльное научное сочиненіе, отрывающее какіянибудь новыя истины. Значитъ, нашелся въ обществѣ мыслящій человѣкъ, который сдѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Если общество живетъ полною и здоровою жизнью, то этотъ утѣшительный фактъ никакъ не останется одиночнымъ и случайнымъ явленіемъ; немедленно найдется другой дѣльный человѣкъ, который объяснитъ открытіе перваго; потомъ, какойнибудь третій человѣкъ придумаетъ для

этихъ открытій практическое приѣненіе, — словомъ, дѣло изслѣдователя будетъ проведено въ сознаніе и въ жизнь общества разными популяризаторами и техниками. А у насъ, напротивъ того, десятки людей будутъ жаловаться на то, что изслѣдователь пишетъ неясно, и ни одинъ изъ этихъ поющихъ десятковъ не потрудится разъяснить и переработать собственными силами то, что онъ находитъ неудовлетворительнымъ. Да онъ и не находитъ ничего неудовлетворительнымъ; онъ просто хочетъ сидѣть на одной мѣстѣ, сибаритствовать, заниматься пріятнымъ чтеніемъ и, отдавшись безусловно въ руки спеціалиста, пріобрѣтать отъ него знанія безъ малѣйшаго напряженія мысли. При такой полной пассивности нашего общества, русскіе спеціалисты поставлены въ необходимость писать свои изслѣдованія на иностранныхъ языкахъ. Это даже выгодно для нашего общества, не говоря уже объ интересахъ общечеловѣческой науки. Положимъ, на примѣръ, что докторъ Боткинъ произвелъ какія нибудь новыя изслѣдованія надъ леченіемъ нервныхъ болѣзней. Напечатаетъ онъ эти изслѣдованія на русскомъ языкѣ они точно въ воду кануть. Но, какъ только они попадутся въ руки европейскихъ ученыхъ, такъ тотчасъ сотни дѣятельныхъ умовъ дополняютъ и переработаютъ ихъ своими собственными наблюденіями, и открытіе нашего доктора вернется къ намъ въ Россію въ усовершенствованномъ видѣ, и большыя наши испытаютъ на собственномъ тѣлѣ благодѣтельные послѣдствія того факта, что русский ученый написалъ свое изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ. Если-бы умственная жизнь нашего общества отличалась силою и энергіею, тогда спеціалисты наши писали-бы по русски, тогда у насъ было бы много спеціалитовъ, и тогда европейскіе ученые находили-бы для себя полезнымъ учиться русскому языку, подобно тому, какъ они въ настоящее время учатся английскому, французскому и нѣмецкому. Спеціалиста съ непобѣдимую силою притягиваетъ та сфера, въ которой его спеціальнѣйшій трудъ будетъ всего лучше понятъ и оцѣненъ, и въ которой онъ, слѣдовательно, произведетъ самое плодотворное и живительное впечатлѣніе. И спеціалистъ поступаетъ совершенно благоразумно и добросовѣстно, подчиняясь безусловно дѣйствию этой притягательной силы. Мы даже не имѣемъ никакого права говорить, что русскіе ученые не думаютъ о потребностяхъ русскаго общества. Какіе русскіе ученые? Русскіе ученые не существуютъ. Развѣ тѣ-же ученые, которыхъ мы называемъ русскими, порождены умственнымъ движеніемъ

нiемъ и умственными потребностями нашего общества? Ни чуть побывало. Мы даже до сихъ поръ не имѣемъ понятiя о томъ, что такое умственное движенiе или умственная потребность. Все это я говорю не для того, чтобы обидѣть такихъ специалистовъ, какъ Бэръ, Овсянниковъ, Якубовичъ и другiе, а только для того, чтобы доказать, что специалисты, перевезенные изъ Европы въ Россiю, или, точнѣе, порожденные обще-европейскимъ движенiемъ мысли, всегда будутъ и должны тянуться къ своей умственной родинѣ. Они въ нашемъ обществѣ также одиноки, какъ если-бы они находились въ аравiйской пустынѣ. Они не могутъ создать въ обществѣ умственное движенiе. Не специалисты создаютъ то или другое общественное настроенiе, а на оборотъ, общество, настроившись такъ или иначе, дѣйствиельно общихъ причинъ, испытываетъ тѣ или другiя потребности, и выдвигаетъ, для удовлетворенiя этимъ потребностямъ, теоретическихъ изслѣдователей или практическихъ дѣятелей. Общество должно само работать надъ своимъ образованiемъ, и только оно одно, совокупными усилiями всѣхъ своихъ членовъ, можетъ выполнить надъ собою это дѣло умственнаго перерожденiя. А пока оно будетъ сидѣть, сложа руки, и ждать себѣ манны небесной отъ отдѣльныхъ личностей, до тѣхъ поръ манна къ нему не сойдетъ, хотя-бы эти личности и были европейскими знаменитостями, подобными Бэру. Что европейская наука насаждена и поддерживается у насъ искусственными средствами, это очень хорошо, потому что безъ искусственныхъ средствъ она-бы не поддержалась, но если общество думаетъ, что оно имѣетъ какое-нибудь право контроля надъ такою наукою, которая возникла и держится помимо его содѣйствiя, то общество сильно ошибается. Пусть оно сначала поработаетъ, пусть выдѣлитъ изъ себя научныхъ дѣятелей, и тогда ему не на что будетъ жаловаться: эти новые дѣятели, обязанные ему своимъ происхожденiемъ, будутъ безусловно преданы его умственнымъ интересамъ. До сихъ поръ, наше общество создало своими собственными силами только одну журналистику, которая дѣйствиельно возникла, развилась и держится независимо отъ всякихъ постороннихъ влiянiй. И въ самомъ дѣлѣ, журналистика, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, всегда служила самымъ добросовѣстнымъ образомъ умственнымъ потребностямъ общества. Такая предварительная дѣятельность совершенно необходима. Базаровъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что всѣ наши аллюну-

ныя компаніи лопаются отъ недостатка честныхъ и дѣльныхъ людей. Стало быть, надо сначала сформировать честныхъ и дѣльныхъ людей, а потомъ уже приниматься за составленіе акціонерныхъ компаній, или за какія-нибудь другія, столь же общественныя предпріятія. Къ этой цѣли и направляются наши реалисты, отчасти осмѣивая жѣшкующія глупости, отчасти распространяя научныя свѣденія.—Деятельность очень скромная, но мы за блескомъ и не гонимся. Намъ нужна польза для себя и для всѣхъ.

XIX.

Трудъ современныхъ реалистовъ такъ же доступенъ самой слабой женщинѣ, какъ и самому сильному мужчипѣ. Въ этомъ трудѣ вѣтъ ничего грубаго, рѣзкаго и воинственнаго. Надо только понимать и любить общую пользу, надо распространять правильныя понятія объ этой пользѣ, надо уничтожать смѣшныя и вредныя заблужденія, и вообще, надо вести всю свою жизнь такъ, чтобы личное благосостояніе не было устроено въ ущербъ естественнымъ интересамъ большинства. Надо смотрѣть на жизнь серьезно; надо внимательно вглядываться въ физіономію окружающихъ явленій, надо читать и размышлять, не для того, чтобы убить время, а для того, чтобы выработать себѣ ясный взглядъ на свои отношенія къ другимъ людямъ, и на ту неразрывную связь, которая существуетъ между судьбою каждой отдѣльной личности и общимъ уровнемъ человѣческаго благосостоянія. Надо думать;—въ этихъ двухъ словахъ выражается самая насущная, самая неотразимая потребность нашего времени и нашего общества. Эти слова могутъ показаться фразою, но что-же съ этимъ дѣлать? Нѣтъ того слова, которое мы не съумѣли-бы обезсмыслить и превратить въ пустой звукъ тѣми безцѣльными и бессознательными повтореніями, которыя навѣдняютъ нашу литературу. А между тѣмъ, дѣйствительно намъ надо думать, и нѣтъ другаго слова, которое яснѣе и проще выражало-бы то, въ чемъ мы нуждаемся въ настоящую минуту. Есть такіе люди, есть такіе книги, которыя выучиваютъ насъ думать. Надо, чтобы такихъ людей и книгъ у насъ было какъ можно больше; тогда всякая пробуждающаяся мысль будетъ находить себѣ поддержку и здоровую пищу. Надо думать и надо размножать тѣ предметы, которые пробуждаютъ

человѣческую мысль, и содѣйствуютъ успѣху ея работы. Женщина можетъ думать, и можетъ дѣлиться своими мыслями съ другими людьми; поэтому я и говорю, что трудъ современныхъ реалистовъ совершенно доступенъ женщинамъ. Въ природѣ женщины нѣтъ ничего такого, что отстраняло-бы женщину отъ дѣятельнаго участія въ рѣшеніи насущныхъ задачъ нашего времени; но въ воспитаніи женщины, въ ея общественномъ положеніи, словомъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя составляютъ *искусственную* сторону ея теперешней жизни, въ этихъ условіяхъ, говорю я, есть очень много препятствій, которыя въ настоящее время преодолѣваются только самыми умными женщинами, при содѣйствіи исключительно счастливыхъ обстоятельствъ. Подъ именемъ «счастливыхъ обстоятельствъ» я, разумѣется, понимаю не то, что понимаетъ большинство нашего общества. Счастливою называютъ у насъ обыкновенно ту женщину, которая богата, хороша собою, выходитъ замужъ по любви, веселится и блеситъ въ свѣтѣ, потомъ пристроиваетъ благополучно своихъ дѣтей, и, наконецъ, умираетъ, окруженная внучатами, приживалками и домашними животными. По моему мнѣнію, такая счастливая жизнь, проведенная въ полномъ спокойствіи, то есть, въ полномъ подчиненіи господствующей рутинѣ, оставляетъ мысль женщины совершенно непробужденною. Можетъ быть, такая умственная дремота чрезвычайно пріятна, но я знаю навѣрное, что ни одинъ человѣкъ, пробудившійся отъ подобнаго усыпленія, не захочетъ ни за какія блага въ мірѣ возвратиться къ этому состоянію первобытной невинности. Поэтому, я называю счастливыми тѣ обстоятельства, которыя, даже причиняя женщинамъ тяжелыя страданія, насильно заставляютъ ее браться за умъ, и задумываться надъ тѣми нелѣпостями, которыя она видитъ и слышитъ вокругъ себя. За размышленіемъ слѣдуетъ отвращеніе, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то женщина старается замѣнить въ своемъ умѣ выброшенные нелѣпости какимъ нибудь живымъ и осмысленнымъ содержаніемъ. Если женщина, въ эту критическую минуту своей жизни, встрѣтитъ умнаго человѣка, или умную книгу, тогда она устроитъ у себя въ головѣ порядокъ и чистоту, и тогда она будетъ совершенно застрахована противъ тѣхъ безплодныхъ восторговъ, которыми увлеклась, на примѣръ, госпожа Свѣчина. Именно, такія обстоятельства я и называю вполне счастливыми; какой нибудь рѣзкій толчекъ долженъ пробудить мысль, а встрѣча съ умнымъ ру-

ководителемъ должна направить эту мысль туда, гдѣ она можетъ найти себѣ удовлетвореніе, то есть, реальныя знанія и полезный трудъ. Такъ случилось съ Вѣрою Павловною Лопуховою, но такъ случается рѣдко, и огромное большинство нашихъ и даже европейскіхъ женщинъ проводятъ свою жизнь безъ размышленія, безъ знаній и безъ труда. Онѣ живутъ внѣ общихъ интересовъ человѣчества. Онѣ задавлены мелочами кухни, спальни и моднаго магазина, подобно тому, какъ масса чернорабочихъ задавлена физическимъ утомленіемъ и голодною нищетою. Имъ некогда думать; жизнь ежеминутно задаетъ имъ множество мельчайшихъ вопросовъ, которые волнуютъ и раздражаютъ ихъ, но которые всѣ могутъ быть разрѣшены безъ помощи размышленія; у нихъ нѣтъ ни спокойствія, ни дѣятельности, а есть только безконечная суета, которая утомляетъ человека и мѣшаетъ его мысли сосредоточиться на какомъ нибудь отдѣльномъ и важномъ вопросѣ жизни. Это суетливое движеніе начинается у нашихъ женщинъ съ самаго ранняго дѣтства. — Ты, другъ мой, должна быть образованною дѣвцею, говорить опытыя воспитательницы маленькому существу, одѣтому въ короткое платье, и маленькое существо, по ихъ командѣ, суетливо выдвигается отъ географіи къ фортепяно, отъ фортепяно къ пуническимъ войнамъ, отъ подвиговъ Аннибала и Сципіона къ шассе вправо, шассе назадъ, потомъ къ естественной исторіи Горизонтова, потомъ къ рисованію цвѣтовъ и носовъ, и разныя лохмотья знаній, разныя упражненія по части пріятныхъ искусствъ проходятъ, какъ китайскія тѣни, черезъ несчастный мозгъ ошеломленнаго маленькаго существа. И чуть только въ дѣвочкѣ шевельнется любознательность, чуть только она пожелаетъ посмотрѣть по внимательнѣе на одну изъ промелькнувшихъ тѣней, ее тотчасъ останавливаютъ, потому что такое неестественное желаніе нарушаетъ заведенный порядокъ систематической суеты. Въ день надо непремѣнно продѣлать семь или восемь различныхъ штукъ по части наукъ и искусствъ, стало быть, если одна штука разрастется въ ущербъ остальнымъ, то изъ этого произойдетъ безпорядокъ, который въ благоустроенномъ педагогическомъ хозяйствѣ не можетъ быть допущенъ. Кромѣ того, извѣстно всѣмъ и каждому, что дѣвушка, прежде всего, должна быть пріятною въ обществѣ, а пріятность эта заключается, между прочимъ, въ разнообразіи ея талантовъ и знаній, поэтому любознательность можетъ быть терпима въ дѣвочкѣ на столько, на сколько она содѣйствуетъ

исправному изученію обязательныхъ уроковъ; когда же любознательность стремится выдти изъ этихъ естественныхъ границъ, тогда она можетъ повредить будущей зрѣлости; слѣдовательно, она идетъ тогда наперекоръ основнымъ тенденціямъ воспитанія, и ее необходимо подавлять и искоренять мѣрами кротости, и, въ случаѣ упорства, мѣрами строгости. Впрочемъ, любознательность дѣвочки очень рѣдко вызываетъ противъ себя отпоръ со стороны воспитательницъ. Вся система преподаванія, всѣ объясненія учителей и весь комплектъ учебниковъ тщательно подобраны такимъ образомъ, что любознательность рѣшительно не можетъ возникнуть, и мысли дѣвочки постоянно стремятся вонъ изъ класной комнаты, прочь отъ книгъ и уроковъ, къ міру дѣйствительной жизни, то есть, къ балу, къ театру, къ модному магазину и къ другимъ очаровательнымъ предметамъ, въ которыхъ каждая благовоспитанная дѣвочка видитъ весь смыслъ и весь интересъ жизни и дѣйствительности. За суетою уроковъ въ жизни дѣвушки слѣдуетъ суета свѣтскихъ удовольствій, которая, въ большей части случаевъ, усложняется кислою суетою домашней бѣдности. Поѣхать на балъ необходимо, но и пообѣдать тоже не мѣшаетъ; нанять карету необходимо, но и купить сажень дровъ слѣдуетъ; надо заказать новое платье—и надо въ тоже время заплатить долгъ въ овощную лавку; нельзя же быть одѣтою хуже какой нибудь Сидоровой или Антоновой,—но какъ же распорядиться, когда паценька бранится за излишніе расходы «на тряпки»? Не поѣхать на балъ, но на балѣ будетъ *онъ*. При такихъ непримиримыхъ требованіяхъ дѣйствительной жизни драма слѣдуетъ за драмою; каждая грошовая ленточка смачивается горькими слезами; каждое пошлое слово дурака или негодяя, встрѣченнаго на балѣ, и поставившаго себѣ задачей жизни ухаживать за всеми красивыми барышнями, — вызываетъ живыя надежды, за которыми слѣдуютъ быстро и непремѣнно мучительныя разочарованія. Все это бури въ стаканѣ воды, все это смѣшно и глупо, но вѣдь тутъ льются человѣческія слезы, тутъ проводятся бессонныя ночи, и то существо, которое мечется по постелѣ и обливаетъ слезами свою подушку, это существо, говорю я, страдаетъ дѣйствительно, страдаетъ такъ, какъ будто-бы причина страданія была велика и серьезна. И это же самое существо, съ тѣмъ же тѣлосложеніемъ, съ тѣмъ же темпераментомъ и устройствомъ черепа, могло бы, при другихъ условіяхъ развитія и жизни, стать на ту нормальную высоту человѣче-

слабо пониманія, на которую дикорда не забираются гравия и тщательныя возмездія о новомъ платьѣ Сидоровой, или о натовъ кадрили, протанцованной въ ролемихъ Ивановыхъ съ логосмысленной Антоновой. Для большинства женщинъ совершенныхъ женщинъ эта нормальная высота недостижима, и препятствія, отрывающія ихъ отъ къ человеческому благоразумію, вытекають естественнымъ образомъ изъ того основнаго принципа, которому подчинены воспитаніе и вся жизнь женщины.

XX.

Реалисты, построившіе всю свою жизнь на идеѣ общей пользы и разумнаго труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяетъ человѣческіе интересы, и ко всему, что отвлекаетъ человѣка отъ общепользаго дѣятельности. Поэтому они строго осуждаютъ ту мелкость понятій и узкость симпатій, которыя прививаются къ женщинамъ всѣмъ направленіемъ ихъ воспитанія. Это враждебное отношеніе реалистовъ къ искусственной ограниченности женщинъ послужило поводомъ къ бессмысленной клеветѣ. Добрые люди пустили слухъ, что реалисты отрицають семейство, осмѣивають бракъ и стараются поставить развратъ на степень общественной добродѣтели. Эта выдумка столько же остроумна, сколько доброжелательна. Эта выдумка могла показаться правдоподобною только нашему невинному обществу, совершенно не привыкшему контролировать распускаемыя слухи самостоятельнымъ наблюдениемъ действительныхъ фактовъ. Общество знаетъ нашихъ реалистовъ по роману: «Отцы и дѣти». Какіе же факты сообщаются въ этомъ романѣ?— А вотъ какіе. Базаровъ разговариваетъ съ Одинцовою. Она говоритъ ему: «по моему, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взявъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо».— Онъ отвѣчаетъ ей: «что-жъ? это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не нашли, чего желали».— Эти слова нельзя принять иначе, какъ за самое искреннее выраженіе его взгляда на отношенія между мужчиною и женщиною. Базарова нельзя заподозрять въ желаніи соблазнить Одинцову этимъ косвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности, потому что, когда она, вслѣдъ за тѣмъ, спрашиваетъ у него прямо: «но вы бы сьумѣли отдаться?»— тогда онъ отвѣчаетъ ей: «не знаю, хвастаться не хочу». Забудьте слово

«хвастаться». Въ этомъ словѣ Назаровъ опять невольно проговаривается, значить, онъ считаетъ способность отдаться на всю жизнь великимъ достоинствомъ. И онъ понимаетъ въ тоже время, что не всякій обладаетъ этою способностью, и не всякому представляется въ жизни счастливый случай приложить эту способность къ дѣлу, и не всякій умѣетъ воспользоваться счастливимъ случаемъ, когда онъ ему представляется. Гдѣ же, въ комъ же изъ настоящихъ реалистовъ добрые люди подмѣтили наклонность къ разврату? Каждый настоящий реалистъ, прежде всего, работникъ. Хороша-ли, дурна-ли его работа, объ этомъ онъ самъ знаетъ, и объ этомъ онъ не будетъ давать отчета тѣмъ добрымъ людямъ, которые изобрѣтаютъ и распускаютъ ложные слухи. Хороша-ли, дурна-ли его работа, но во всякомъ случаѣ онъ трудится какъ волъ, а кто не трудится, тотъ и не можетъ называться реалистомъ, какъ бы краснорѣчиво онъ ни разсуждалъ о человечествѣ и объ общей пользѣ. Кто не трудится, а только разсуждаетъ, тотъ или пустой болтунъ, или вредный шарлатанъ, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не реалистъ. Стало быть, настоящимъ реалистамъ вѣтъ никакой надобности ратовать противъ цѣломудрія и противъ супружеской вѣрности. У реалиста трудъ стоитъ на первомъ планѣ. Что помогаетъ успѣху его труда, то онъ любитъ. Что мѣшаетъ его труду, то онъ ненавидитъ. Когда женщина является мыслящимъ существомъ, способнымъ помогать его работѣ и ободрять его своимъ сочувствіемъ, тогда онъ любитъ и уважаетъ женщину. Когда женщина является капризнымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ не участія въ полезной работѣ, а пестрыхъ игрушекъ, тогда онъ отворачивается отъ нея, чтобы она не мѣшала ему трудиться и не надѣдала ему безсмысленною болтовнею. Такой бракъ, который увеличиваетъ силу и энергію работника, называется, на языкѣ реалиста, полезнымъ, благоразумнымъ и счастливимъ. Такой бракъ, который уменьшаетъ или извращаетъ рабочую силу, называется вреднымъ, безразсуднымъ и несчастнымъ. Для прочной связи между мужчиною и женщиною необходимо, по мнѣнію реалиста, общій трудъ. Мужчина долженъ трудиться и женщина также должна трудиться. Если они трудятся въ одинаковомъ направленіи, если они оба любятъ свою работу, если оба способны понять ея цѣль, то они начинаютъ чувствовать другъ къ другу симпатію и уваженіе, и наконецъ, мужчина и женщина объявляютъ свое рѣшеніе передъ обществомъ и призываютъ на свой

союз благословеніе любви. Все это, по мнѣнію реалиста, очень естественно и благородно. Если бракъ заключенъ при такихъ условіяхъ, то, по мнѣнію реалиста, счастье обоихъ супруговъ съ каждымъ годомъ должно увеличиваться, и, вмѣстѣ съ ихъ счастьемъ, должна постоянно увеличиваться ихъ взаимная привязанность. Реалистъ улыбнется самою презрительною улыбкою, если вы попробуете сказать ему, что за обладаніемъ должно слѣдовать охлажденіе. Да, отвѣтитъ онъ вамъ на это, такъ всегда бываетъ съ тѣми людьми, которые, отъ нечего дѣлать, раздражаютъ свою чувственность и горячатъ свое воображеніе въ то время, когда они начинаютъ сближаться съ красивою женщиною и обладаніе представляется ихъ праздному уму высшею цѣлью жизни. Когда эта цѣль достигнута, является разочарованіе, является чувство внутренней пустоты; а чтобы наполнить эту пустоту, они ставятъ себѣ новую цѣль въ такомъ же родѣ, то есть, они направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы соблазнить другую женщину. И потомъ опять пустота, и опять стремленіе къ новымъ побѣдамъ. Все это въ порядкѣ вещей, но у меня, продолжаетъ реалистъ, такіе переходы отъ безумной любви къ безумному разочарованію совершенно невозможны. Цѣль моя въ жизни была всегда одна и таже, и эта цѣль поставлена такъ далеко и такъ высоко, что сотни поколѣній будутъ къ ней стремиться, и сотни поколѣній умрутъ прежде, чѣмъ она будетъ достигнута, не смотря на то, что каждое новое поколѣніе будетъ стоять къ ней ближе всѣхъ предъидущихъ. Съ этою настоящею цѣлью моей жизни обладаніе любимую женщиною никогда не имѣло ничего общаго. Я всегда видѣлъ въ счастливой любви очень большое наслажденіе, помогающее намъ переносить трудности и непріятности утомительной работы и упорной борьбы съ человѣческими глупостями. Я всегда смотрѣлъ на любовь не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на превосходное и незамѣнимое вспомогательное средство. Поэтому, я никогда не составлялъ себѣ преувеличеннаго понятія о наслажденіяхъ любви, и, слѣдовательно, я былъ совершенно застрахованъ противъ всякихъ разочарованій и охлажденій. Мнѣ нравится наружность моей жены, но я бы никогда не рѣшился сдѣлаться ея мужемъ, если-бъ я не былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ способна быть для меня самымъ лучшимъ другомъ. Я зналъ всю ея жизнь и всѣ ея наклонности, прежде чѣмъ я рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Она знала всю мою жизнь и всѣ мои наклонности, прежде чѣмъ она

рѣшилась принять мое предложеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись, мы ведемъ трудъ нашъ общими силами. Она понимаетъ, чего я хочу и я тоже понимаю, чего она хочетъ, потому что мы оба хотимъ одного и того же, хотимъ того, чего хотять и будутъ хотѣть всѣ честные люди на свѣтѣ. Она знаетъ, какимъ образомъ моя работа связывается съ общею цѣлью; она знаетъ, зачѣмъ я читаю ту или другую книгу, зачѣмъ я пишу ту или другую статью, зачѣмъ я принимаю одно занятіе и отказываюсь отъ другаго; и она тоже читаетъ, пишетъ, занимается тѣми или другими работами; и я также знаю, какъ нельзя лучше, почему она поступаетъ такъ, а не иначе. Мы часто читаемъ вмѣстѣ, часто читаемъ врознь, часто споримъ объ отдѣльныхъ подробностяхъ и часто измѣняемъ эти подробности, когда споръ кончается торжествомъ противоположныхъ аргументовъ. Всѣ силы ея ума и ея начитанности постоянно находятся въ моемъ распоряженіи, когда я нуждаюсь въ ея содѣйствіи; всѣ силы моего ума и моей начитанности постоянно подослѣваютъ къ ней на помощь, когда она чѣмъ нибудь затрудняется. Этотъ ежеминутный обмѣнъ услугъ превращаетъ самую сухую работу въ живое наслажденіе и оставляетъ за собою неизгладимый рядъ самыхъ обаятельныхъ воспоминаній. Чѣмъ больше такихъ воспоминаній, чѣмъ больше взаимныхъ услугъ, чѣмъ больше работъ, улаженныхъ общими силами, тѣмъ тѣснѣе наша дружба, тѣмъ полнѣе наше взаимное довѣріе, тѣмъ непоколебимѣе наше взаимное уваженіе. А тутъ еще присоединяется ощущеніе любви, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тутъ еще дѣти, какъ новая живая связь между мною и ею; а тутъ еще ея неизбѣжныя страданія, которыя дѣлаютъ женщину священною въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка. Я этихъ страданій не могу раздѣлять съ нею, по неволѣ же я долженъ вознаграждать ее за нихъ удвоенною нѣжностью и безграничнымъ уваженіемъ; а тутъ еще воспитаніе дѣтей, какъ новый видъ общей работы, которую мы оба съумѣемъ вести сообразно съ далекою и высокою цѣлью всего нашего существованія. Одна и таже личность является, такимъ образомъ, для меня товарищемъ по работѣ, другомъ, женою, страдальцею, матерью и воспитательницею моихъ дѣтей,—и вдругъ выдумываютъ, что я не способенъ любить эту личность. И вдругъ произносятъ тутъ слова: охлажденіе, разочарованіе, супружеская ревность или супружеская цѣвѣрность. Чортъ знаетъ, что за чепуха! Охладѣть къ другу потому, что онъ десять лѣтъ былъ другомъ. Разочаровать-

ся въ этомъ другѣ потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ постарѣли на десять лѣтъ. Подозрѣвать этого друга въ томъ, что онъ будетъ со мною лицебрѣять. Искать себѣ новой привязанности, когда старый другъ живетъ со мною въ одномъ домѣ. Снажите, пожалуйста, есть ли человѣческій смыслъ въ подобныхъ предположеніяхъ? А вѣдь для эстетиковъ и романтиковъ эти самыя предположенія оказываются непреложными истинами. Почему? Очень просто. Потому что жена никогда не бываетъ для нихъ другомъ. И мужчины, и женщины, одержимые эстетическими стремленіями, постоянно, въ теченіе всей своей жизни, играютъ въ игрушки. У нихъ и мужъ—игрушка, и жена—игрушка. Пока игрушка блеститъ, пока она имѣетъ прелесть новизны, до тѣхъ поръ ею потѣшаются. А чуть только блескъ и новизна пропали, является горькое сожалѣніе о томъ, что игрушку нельзя бросить въ помойную яму. Соотечественники! Кто сложилъ поговорку: жена не башмакъ; съ ноги несбросишь? Кажется мнѣ, что эта поговорка была въ полномъ ходу въ то время, когда еще прадѣды современныхъ реалистовъ не рождались на бѣлый свѣтъ. И кто, или что мѣшаетъ вамъ сбросить жену, какъ башмакъ, не заботясь о томъ, куда она упадетъ? Неужели вамъ мѣшаетъ ваша собственная добросовѣстность? Нѣтъ, друзья мои, вамъ мѣшаетъ только законъ, а то бы тысячи утонченныхъ эстетиковъ, повторяющихъ навзную поговорку съ тяжелымъ вздохомъ, пустили бы на всѣ четыре стороны своихъ женъ, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, и безъ копѣйки денегъ. И эти же самыя рѣзвые ребятшги, обожающіе всякія новыя игрушки, смѣютъ распускать бессмысленные слухи о развратныхъ стремленіяхъ такихъ людей, которые всю свою жизнь проводятъ въ рабочихъ кабинетахъ, за книгамъ или за письменнымъ столомъ! Только наша русская безтоликовость и способна переваривать такія вопіющія нечѣпости.

XXI.

Во всѣхъ двадцати главахъ, которыя я до сихъ поръ написалъ о нашихъ реалистахъ, я старался доказать, что наше общество не поняло и оклеветало этихъ людей съ чужаго голоса. Чтобы сдѣлать доказательства мои какъ можно болѣе убѣдительными, я взялъ за представителя нашего реализма Базарова, того са-

наго Базарова, котораго одна часть нашей критики считала каррикатурою, а другая — правдивымъ, но строжайшимъ обличеніемъ, на правленіемъ противъ тенденцій молодого поколѣнія. Вы находите, господа, скавалъ я, что это карриатура, или обличеніе. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Карриатура или обличеніе, какъ вамъ угодно. Во всякомъ случаѣ, вы согласитесь, что этотъ образъ написанъ безъ малѣйшаго желанія возстать на нашихъ реалистахъ. Этотъ образъ написанъ человѣкомъ правдивымъ, но уже вовсе не способнымъ увлекаться юношескими стремленіями къ новымъ идеямъ и къ новымъ людямъ. Хорошо. Я беру именно этотъ образъ, именно то, что вы считаете карриатурою или обличеніемъ. Я анализирую каждую черту этого образа, я принимаю каждое слово Тургенева за наличную монету, я выслушиваю, такимъ образомъ, сильнѣйшаго и умнѣйшаго врага современнаго реализма, такого врага, который «все-таки неспособенъ лгать», и изъ всѣхъ показаній того врага я не могу извлечь ни одной черты, которая дѣйствительно превращала бы реалистовъ въ людей глупыхъ, безчестныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ для общества и для благосостоянія отдѣльныхъ личностей. Говорять, что реалисты непочтительны къ своимъ родителямъ — неправда! Они только разрознены съ ними роковыми вліяніемъ общихъ историческихъ причинъ. Реалисты возстаютъ дѣтей противъ родителей — неправда. Они стараются сблизить старшее поколѣніе съ младшимъ. Реалисты не уважаютъ женщинъ — неправда! Они уважаютъ ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ уважали поэты и эстетика. Реалисты отрицаютъ бракъ — и это неправда! Они хотятъ только, чтобы благосостояніе отдѣльныхъ семействъ было въ строгомъ согласіи съ великими интересами общества. Откуда-же вы, милые русскіе журналисты, взяли всѣ ваши обвиненія противъ реалистовъ? Изъ романа Тургенева? Нѣтъ, врите, тамъ нѣтъ этихъ обвиненій. Тамъ даются голые факты, которые надо только понять. А если вы извратили эти факты сообразно съ вашими закулисными выгодами, то вы напрасно прикрываетесь именемъ честнаго, хотя и отсталаго, русскаго писателя. Имя Тургенева надѣлало, быть можетъ, много путаницы, но Тургеневъ не виноватъ въ томъ, что его именемъ пользуются хлестаковы и держиморды нашей журналистики. И всѣ идеи Базарова остаются вѣрными и честными идеями, не смотря на тотъ толстый слой грязи,

которым завалили ихъ. Конечно, Тургеневъ могъ бы быть менѣе пассивнымъ въ то время, когда его ния марали гг. Катковы и Скрятины, но вѣдь извѣстное дѣло, старость не радость, и шумъ журнальной полемики ему уже не по лѣтамъ. Отношенія реалистовъ къ живымъ людямъ такимъ образомъ очерчены, хотя и не вполне выяснены. Мнѣ остается поговорить объ отношеніяхъ ихъ къ искусству и къ наукѣ поговорю въ послѣдствіи.

СЛАВЯНОФИЛЫ ПОБѢДИЛИ.

Недавно «Эпоха» возвѣстила Россіи радостную вѣсть: «Славянофилы побѣдили», и принялась праздновать эту побѣду вмѣстѣ съ московскими публицистами, которые, въ свою очередь, радуются «отрезвленію общества». Постороннему зрителю остается повѣрить успѣху этихъ журналистовъ и поздравить публику съ отрезвленіемъ, а публицистовъ съ побѣдою.

Дѣло во всякомъ случаѣ заслуживаетъ поздравленія. Если побѣда дѣйствительно одержана большинствомъ журналистскимъ надъ меньшинствомъ, то это не болѣе, не менѣе, какъ успѣшное приведеніе къ концу дѣла, изъ за котораго большинство публицистовъ столько лѣтъ хлопотало. Дѣло это было единственнымъ дѣломъ, единственною цѣлью всей дѣятельности этихъ журналистовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ немъ весь смыслъ этой дѣятельности, все практическое и нравственное значеніе ея. Если мы исключимъ пѣснопѣнія лириковъ, да прежнюю беллетристику, то нельзя выбрать ни у одного этихъ изъ журналь публицистовъ ни единого слова, которое было-бы обращено на что-нибудь другое, кромѣ пораженія противниковъ ихъ, которыхъ они называли сперва свистунами, а потомъ нигилистами. Воили противъ свистуновъ и нигилистовъ были такъ единодушны и раздавались такимъ согласнымъ хоромъ, что теперь между разными публицистами возникаетъ даже распря изъ за того, кто первый возопилъ противъ свистуновъ и нигилистовъ. На каждую выходку противъ этихъ жертвъ является нѣсколько претендентовъ, и я сомнѣваюсь, чтобы они могли полюбовно подѣлять побѣдные лавры и трофеи.

Въ прежнее время публицисты могли найти довольно приличное оправданіе для того обстоятельства, что вся дѣятельность ихъ посвяще-

на исключительно борьбѣ противъ свистуновъ. Разумѣется, имъ давно можно было указать, что въ сущности они играютъ жалкую роль, что они вполне зависятъ отъ своихъ противниковъ, потому что существуютъ только отрицаніемъ ихъ. Не смотря на всѣ вопли ихъ противъ отрицательнаго характера нигилистовъ, сами они ничего не дѣлали положительнаго и ничего не сдѣлали, что и доказалъ имъ еще Добролюбовъ. Но они имѣли тогда возможность возразить, что свистуны мѣшаютъ всякой положительной дѣятельности, и что положительныя желанія литературы до тѣхъ поръ не будутъ осуществимы, пока въ ней не перестанутъ преобладать и господствовать нигилисты. Поэтому, рассуждали они логично: мы и обращаемъ всѣ наши силы сперва противъ этихъ людей, чтобы имѣть возможность потомъ придать дѣйствительное значеніе нашей дѣятельности. Въ такомъ видѣ дѣло получало видъ довольно приличный и благообразный. Выходило, что какъ будто публицисты понимаютъ, что свистуны не настоящіе противники положительной дѣятельности и ея плодовъ, а только помѣха къ достиженію ихъ. Противъ этого можно было спорить, но все-же тутъ былъ складъ и смыслъ. Конечно, принципиальные люди могли сомнѣваться и сказать публицистамъ положительнаго характера: врите вы, совсѣмъ вы этого не думаете, а если думаете, то тѣмъ хуже для васъ; потому что пока вы успѣете достигнуть вашей ближайшей, но второстепенной цѣли, вы такъ себя изуродуете, что ужъ ни на что не будете годны. Но недалекое большинство могло упустить изъ виду, что путь, избранный публицистами, поведетъ ихъ черезъ такіа влоаки наущничества и обскурантизма, что никакъ не приведетъ ихъ къ положительной дѣятельности, сколько-нибудь благовидной. Поэтому имъ могли одобрительно поддакивать и не ставить имъ въ строку всѣ совершаемыя ими безобразія, въ томъ числѣ, что все это кончится полезными результатами.

Поощряемые такимъ образомъ, они храбро шли по этому пути, и въ послѣднее время дошли до подвиговъ истинно изумительныхъ. Быть можетъ, зрителямъ наконецъ надоѣло-бы все это и они усумнились-бы въ пользу такой дѣятельности, обѣщавшей въ будущемъ одни бранные клики и неистовыя завыванія; но наконецъ публицисты возвѣстали о своей побѣдѣ. Зрителей это должно было обрадовать. Побѣда обѣщала въ этомъ случаѣ, судя по прежнимъ внушеніямъ публицистовъ, превращеніе ихъ отрицательной и начало настоящей, положительной дѣятельности. Препятствіе устранено, слѣдовательно открыта дорога къ

вѣдѣ. Самая оборона заставляла предполагать наступленіе вождѣннаго времени въ литературѣ. Бранныя тревоги смолкли, политическій горизонтъ прояснился и политическія дѣла могутъ внушать только полное спокойствіе и желаніе обратиться къ мирной дѣятельности, а не къ опасеніямъ и волненіямъ. Здѣсь-то именно, на попріицѣ мирной дѣятельности, и слѣдуетъ ожидать теперь положительныхъ дѣйствій со стороны побѣдоносныхъ публицистовъ.

«Славянофилы побѣдили!» восклицаютъ публицисты, «литература и общество отрезвились», говорятъ они. Слѣдовательно, имъ предстоитъ начать новый родъ дѣятельности, потому что если они думаютъ, что дѣятельность ихъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ литературный, то очевидно, что именно теперь-то и слѣдуетъ доказать это. Прежде мѣшали свистуны и нигилисты и было необходимо развязаться съ этимъ замкомъ. Хорошо. Но вотъ «Правдолюбовъ умеръ, другіе и т. д.», какъ говорить «Эпоха». Настало слѣдовательно время, когда дѣятельность публицистовъ должна сдѣлаться положительною. Если они хотѣли и надѣялись что-нибудь совершить, но враги мѣшали имъ, то теперь ничто не препятствуетъ имъ творить свое дѣло. Если-же они, протрубивъ о своей побѣдѣ, будутъ заниматься тѣмъ-же, чѣмъ и прежде, то оправдаютъ тѣхъ скептиковъ, которые предрекали неспособность къ чистому дѣлу въ человѣкѣ, прошедшемъ черезъ болота. Это докажетъ, что публицисты надували публику, притворяясь, что имъ мѣшаютъ свистуны; докажетъ, что къ положительной дѣятельности они способны только въ сферѣ воплей и брани.

Прошелъ годъ или болѣе съ того времени, когда «Московскія Вѣдомости» въ первый разъ возвѣстили о своей побѣдѣ; прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ въ «Эпохѣ» появилась замѣтка, возвѣщавшая о побѣдѣ славянофиловъ. Поэтому, принимая въ соображеніе все, что было сказано публицистами съ того времени, можно сказать, что скептики оказались дальновиднѣе большинства, и что «снобистская дѣятельность», приносящая плоды кому нибудь, кромѣ самихъ дѣятелей, есть не болѣе, какъ обманъ, которымъ публицисты прикрывали свои подвиги. Публицисты трубятъ о своей побѣдѣ, но продолжаютъ дѣлать тоже самое, что и въ то время, когда вопіали противъ литературнаго деспотизма... Перебирая ихъ произведенія и слѣдя за дѣятельностью ихъ въ послѣднее время, нельзя открыть въ нихъ ничего, кромѣ воплей, кликовъ и брани. У всѣхъ, какъ и прежде, полемика противъ нигилистовъ на первомъ планѣ, и вообще характеръ

текущей литературы — больше полемический, чем когда либо. Ниже я постараюсь оценить эту полемику и указать, с чем именно оно должно считать ее.

«Московскія Вѣдомости» не прекращаютъ своихъ воззваній и бранныхъ кликовъ, какъ будто врагъ все еще посягаетъ на Смоленскъ, какъ будто Кіевъ все еще въ опасности и даже самой Москвѣ все еще грозитъ 12 годъ. Конечно, это не есть еще положительная дѣятельность. Но «Московскія Вѣдомости» не могутъ иначе говорить: переимѣнить то, значитъ отказаться отъ своего завиднаго мѣста, отъ возможности стоять на завидной для другихъ газетъ высотѣ и поражать оттуда противниковъ крикомъ. Такое положеніе имѣетъ много выгодъ. Приведу слова самихъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «Мы не заслуживаемъ», говоритъ эта почтенная газета, «той массы неприязни, которою чествуютъ насъ противники русскаго дѣла. За собою лично мы не признаемъ никакой особенной заслуги, а также никакого особеннаго повода къ враждѣ и, стало быть, не видимъ, почему именно на насъ должна сосредоточиваться ненависть противной стороны. Нельзя видѣть особенную заслугу въ томъ, что дѣлается по простой обязанности. Мы были обязаны дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали, говорить то, что говорили». (№ 195) Въ этихъ словахъ, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ, особенно выдается первая фраза, вполне типичная для «Московскихъ Вѣдомостей». Этою фразою газета эта прикрываетъ себя противъ всякихъ возраженій и опроверженій. Думаете-ли вы, что гг. Катковъ и Леонтьевъ пишутъ въ своей газетѣ неистинно — вы противникъ русскаго дѣла. Думаете-ли вы, что г. Катковъ не совершилъ блистательныхъ подвиговъ въ области философіи, политической экономіи и публицистики — вы врагъ русскаго дѣла. Думаете-ли вы, что письма Байбороды оставляютъ желать лучшаго, что критика г. Юркевича не есть идеалъ благородства, что Гусгавъ де-Молинали и г. Щебальскій не могутъ считаться первостепенными писателями — думаете-ли вы это? О, въ такомъ случаѣ, разумѣется, ваши цѣли, ваши намѣренія, ваши убѣжденія — ясны; ясно — вы врагъ русскаго дѣла. Не совѣтую вамъ также вспоминать о твердости убѣжденій г. Каткова, о разнообразныхъ направленіяхъ его, въ которыхъ онъ постоянно терпѣлъ неудачи, пока не выбралъ болѣе крѣпкой позиціи, если вы сдѣлаете это, то будетъ несомнѣнно, что вы врагъ русскаго дѣла, ибо г. Катковъ есть олицетвореніе этого дѣла.

Такимъ образомъ положеніе, нынѣ занимаемое г. Катковымъ, столь

выгодно, даже въ чисто журнальномъ отношеніи, что стоитъ похлопотать о продленіи его. Вотъ примѣръ тѣхъ доводовъ, которыми оно оберегается и охраняется:

«Когда дѣло идетъ не о томъ, чтобы подставлять свои лбы подъ вражескія пули и ядра», говорятъ «Московскія Вѣдомости», «когда дѣло идетъ не о борьбѣ съ опасностью, уже явно представшею, а о предупрежденіи опасности, приближающейся и грозящей въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, то насъ, повидимому, покидаютъ всѣ силы, мы теряемъ всякую способность употреблять ихъ въ дѣло.— Умѣя умирять за отечество, они (высшіе классы нашего общества) должны умѣть и жить для него. Они призваны ежедневно блюсти его интересы, принимать ихъ живо къ сердцу, вникать въ нихъ сѣрьезною мыслию, предусматривая опасность, еще издалека наступающую, и напрягать усилія къ предотвращенію ея отъ націи. Только при такой чуткости высшихъ классовъ къ національнымъ интересамъ, всенародная готовность жертвовать всѣмъ за спасеніе отечества способна вести къ процвѣтанію государства. Но обладаемъ-ли мы этою чуткостью?» (№ 207). Разумѣется, доказывается далѣе, что не обладаемъ.

Всякій видитъ, куда и къ чему клонятся эти разсужденія. Не думайте, что я намѣренъ перемѣнить духъ и тонъ моихъ статей, желаю сказать г. Катковъ, не воображайте, что я что-нибудь буду говорить: я по прежнему буду только вопиать, буду «бдигъ» и стараться усовершенствовать въ себѣ и въ другихъ упомянутую чуткость. Я не перемѣню своихъ восклицаній оттого только, что времена перемѣнились; вы слѣпы и думаете, что нѣтъ больше повода кричать и бѣсноваться, а я думаю, что «миръ существуетъ на то, чтобы готовиться къ войнѣ». Слѣдовательно знайте, что я не сбавляю воинственнаго азарта, какая-бы Аркадія не зацѣпла у насъ.

Причина такого упорства нехитрая. Для г. Каткова дѣло идетъ не только объ удержаніи выгодной позиціи, но вообще о томъ— «быть или не быть», конечно какъ публицисту. Предполагаю, что съ водвореніемъ вождельной тишины и спокойствія добрые люди объявляютъ себя нерасположенными слушать дальнѣйшія филиппики; положимъ, что они настоятельно потребовали отъ литературы обращенія къ дѣламъ мира. — Добрыхъ людей занимаютъ мирныя, домашнія дѣла и при томъ они находятъ, что ристаніе въ шлемѣ и съ обнаженными мечемъ, съ воинственными призывами, столь-же странно въ мирное время, какъ и сценическое представленіе малой войны, съ ея засадами, хи-

требамъ, «бдительности» и «чуткости». Публика приглашаетъ этого посланца съѣсть подъ своею шубою и смоковницу и, закуривъ кальянъ мира, приступить къ обсужденію различныхъ общественныхъ и литературныхъ вопросовъ мирнаго свойства. Ясно, что подобныя требованія поставили бы г. Каткова въ затруднительное положеніе. Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ онъ будетъ изражаться своими филиппиками? Куда ему приложить этотъ старый запасъ краснорѣчивыхъ воззваній, восклицаній, антитезъ и метафоръ, которыя нигде не годятся при обсужденіи простыхъ вещей, и расходуются только на торжественные случаи? А такъ какъ въ жизни народовъ торжественныя событія исключительны, а будничная дѣятельность постоянна, то краснорѣчію г. Каткова остается подражать монологамъ того испанскаго рыцаря, который декламировалъ передъ вѣтринами мельницами. Такимъ образомъ всякій путь къ отступленію подъ покровъ англомашии, аристократическаго элемента, либеральныхъ началъ и т. д. отрѣзанъ для «Московскихъ Вѣдомостей». Попасть въ этотъ благословенный мирный приютъ, если даже и можно, благодаря изумительной подвижности своего характера, то во всякомъ случаѣ въ немъ нельзя ожидать прежняго процвѣтанія. Если и прежде гг. Катковъ и Леонтьевъ подвергались въ нихъ неприятнымъ пассажамъ, то теперь и подавно нельзя будетъ рта разинуть, слова вымолвить, не услышавъ безчисленныхъ цитатъ изъ собственныхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Но къ несчастію, въ случаѣ, если-бы публика заявила вышесказанныя желанія, то подобная разработка не могла-бы имѣть мѣста. Мудрено-ли послѣ этого, что, поставленный между этими двумя персонификами, г. Катковъ старается удержать даже всепожирающее время и остановить теченіе политическихъ событій? Удивительно-ли, что онъ толкуетъ объ отдаленныхъ опасностяхъ, о недостаткѣ «чуткости» и о необходимости развивать это качество?

Замѣчательно, что о томъ же самомъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ толкуетъ «День». Вотъ что говоритъ эта газета въ № 42: время и обстоятельства требуютъ отъ насъ патриотизма иного качества, нежели въ прежнія годы народныхъ бѣдствій; одного внѣшняго, такъ сказать, патриотизма, возбужденнаго видомъ внѣшней грубой опасности, еще недостаточно; есть опасности иного рода, несравненно опаснѣшнія; надо уметь стоять за Россію не только головою, но и головою, т. е. не однимъ ваноромъ и отпоромъ грозной силы матеріальной — но и

силою нравственною; не одною силою государственной, но и силою общественной; не однимъ оружіемъ вещественнымъ, но и оружіемъ духовнымъ; не противъ однихъ видимыхъ враговъ, въ образѣ солдатъ непріятельской арміи, но и противъ невидимыхъ и неосязаемыхъ недруговъ; не во время войны только, но и во время мира.»

Я представилъ грустную участь, которая неизбежно ожидаетъ московскихъ борзописцевъ по водвореніи мира и тишины въ государствѣ и въ обществѣ. Теперь я постараюсь напомнить, что ожидало бы самое общество, если-бы осуществлялись задуманные желанія борзописцевъ. Ни одинъ борзописецъ не посмѣетъ, конечно, сказать (впрочемъ отъ нихъ можно всего ожидать), чтобы война и бранная тревога могли быть желанною нормою общественнаго состоянія. Однако они желаютъ, если не увѣковѣченія этого состоянія, то по возможности продленія его. Я уже показалъ причины, побуждающія ихъ желать этого. Предположимъ теперь, что желанія борзописцевъ исполняются. Результатомъ этого будетъ для общества грустная ошибка, которая заставитъ его, вмѣсто того, чтобы наслаждаться Аркадіей и по иждѣнью силъ хлопотать о своихъ выгодахъ, обрѣтаться въ бесполезной тревогѣ, морочить другъ друга и служить забавою людямъ благоразумнымъ; для литературы — крайняя степень униженія, потому что, что-же можетъ быть униженіе, какъ ераться съ призраками, намѣренно колотиться лбомъ объ стѣну и обращать свою ярость на неповинную стѣну. Лафа будетъ только двумъ, тремъ борзописцамъ, которые, такимъ образомъ, удержатся на своей позиціи и избѣгнуть Сциллы и Хариды.

Не знаю, какъ будетъ дальше, но покуда — послѣднее предположеніе ближе къ осуществленію, чѣмъ первое. Хотя библиографія даетъ свѣдѣнія довольно утѣшительныя, показывающія, что публика благополучно вынесла всѣ махинаціи, совершенныя и совершаемыя надъ ея головой журналистами, трубящими тревогу, но сами журналисты дѣйствуютъ такъ, какъ будто имъ вовсе не угрожаетъ присутствіе здраваго смысла въ читателяхъ, и какъ будто трубы ихъ по прежнему производить смѣтеніе. Оставляю въ сторонѣ политическія предсказанія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня», потому что вообще я не желаю касаться здѣсь политическихъ вопросовъ, я укажу только на нѣкоторыя, особенно замѣчательныя, рѣдкости этихъ газетъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ подвиги «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи», по огражденію de la morale publique. Г-жа П-на въ №№ 36 и 37 «Современной Лѣтописи» и *Читатель* въ № 187

Вѣдомостей мужественно защищаютъ своихъ дѣтей отъ покушеній г. Трутовскаго—развратить сердца этихъ птенцовъ. Г. Трутовскій—авторъ рисунковъ, украшающихъ новое изданіе басенъ Крылова. Въ этомъ изданіи рисунки изображаютъ не звѣрей и деревья, какъ обыкновенно, а людей въ обстоятельствахъ, соответствующихъ смыслу басни. Я не буду распространяться о достоинствахъ этого изданія и его иллюстрацій; это тѣмъ болѣе не нужно, что блюстители нравственности обращаютъ свое вниманіе не на остроуміе и мѣткость рисунковъ, а на нравственность ихъ. Г-жа П-на повѣствуетъ слѣдующее о своихъ бѣдствіяхъ: дама эта, пріѣхавъ на короткое время въ Москву, отправилась въ книжный магазинъ Баунова, чтобы купить для своихъ дѣтей книгу. «Само собой разумѣется, говоритъ она, «прежде всего мнѣ бросилась въ глаза книга большого формата, въ хорошемъ переплетѣ, съ надписью: Басни Крылова.» Далѣе оказывается, что, обольщенная хорошимъ переплетомъ и большимъ форматомъ, чадолюбивая мать, не взглянувъ на книгу дальше переплета, «поспѣшила(?)сказать: заверните мнѣ эту книгу!» Потомъ описывается трогательно радость дѣтей при видѣ книги и семейная сцена, разыгравшаяся при этомъ. «Послѣ обѣда мы, всей семьей, торжественно(?)сидимся вокругъ большого стола.» Но здѣсь то и разразилась бѣда, которую впрочемъ легко бы было предотвратить, если-бы развернуть книгу въ магазинѣ. Бѣдствіе, постигшее мать и птенцовъ въ такую торжественную минуту, состояло въ томъ, что книга оказалась предназначенною не для дѣтей, а для взрослыхъ. Собственно говоря, что-же тутъ ужаснаго? При столькихъ изданіяхъ Крылова для дѣтей, неужели не можетъ быть одного для взрослыхъ? Или Крыловъ ужъ непременно долженъ читаться только дѣтьми? Не знаю, что думаетъ объ этомъ г-жа П-на, но какъ-бы то ни было, а результатъ вышелъ тотъ, что, вмѣсто всѣмъ извѣстной вороны съ кускомъ сыра и лисицы, засѣданіе узрѣло картинку, изображающую камелию, выманывающую деньги у старика. Само собою—торжественное засѣданіе было прервано, что прекрасно описано самою г-жею П-ной: «Это ее папаша! произнесла сквозь зубы, поскорѣе закрывъ книгу.» Не правда-ли, какъ находчиво и благоразумно поступила эта дама?

Но оказалось, что дама эта была въ нѣкоторомъ родѣ пороховымъ погребомъ, и картинкѣ г. Трутовскаго суждено было сдѣлаться искрою, запавшею среди ракетъ и брандскугелей материнскаго негодованія. И, боже мой! чего не наговорила разъяренная дама въ пылу негодованія на несчастнаго г. Трутовскаго. Два номера «Современной Лѣтописи» съ трудомъ вмѣстили всю лаву, налившуюся изъ этого вулкана-

на. Статейка г-жи П-ной озаглавлена: Голосъ женщины. Помилосердствуйте, ради бога, какой это голосъ, да еще женскій! Это вопли, крики, плачи, а не голосъ. Это какая-то іереміада, пренеполненная стонъ и злобы. Чего только не приплела г-жа П-на къ г. Трутовскому. Во первыхъ, обращаясь къ нему, она декламируетъ ему басню: *Сочинитель и разбойникъ*, вѣроятно желая сказать, что охотно бы заняла должность Мегеры въ отношеніи г. Трутовскаго, если бы открылась вакансія. Далѣе, продолжая поражать художника оружіемъ, заимствованнымъ изъ басень Крылова, она предрекаетъ ему, что его съѣстъ (ей богу не выдумываю) какой нибудь нигилистъ, развращенный пмъ посредствомъ басень. Затѣмъ она присоединяется сама къ той партіи изъ числа двухъ, представленныхъ въ баснѣ *Прохожіи и Собаки*, которая одержима желаніемъ кусать и лаять. Причина, почему г-жа П-на причислила себя добровольно къ этому обществу, заключается въ томъ, что у г. Трутовскаго прохожіе изображены въ видѣ нигилистовъ. Затѣмъ г-жа П-на оставляетъ басни и г. Трутовскаго и вопли ея все болѣе и болѣе распространяются. Касается она и безнравственности учебныхъ заведеній, и кошуинства, и русскихъ лондонскихъ изданій, и славнофильскихъ костюмовъ, и затолчешскихъ проповѣдниковъ, — но чего она не касается, вотъ вопросъ? Жалуется она, что отъ порядочныхъ женщинъ, желающихъ преподавать въ народныхъ школахъ, требуется экзаменъ и полицейское свидѣтельство, что составляетъ для нихъ непреодолимое препятствіе. «А нигилисткамъ не тяжело исполнить всю эту тяжелую формальность!» восклицаетъ она, точно съ завистью. «Мнѣ указывали на одну дѣвицу,» продолжаетъ она, и читатель, разумѣется ожидаетъ, что г-жа П-на намѣрена разказать о нигилисткѣ, не испугавшейся «тяжелой формальности.» Но не тутъ-то было. Рассказывается просто о томъ, что одна дѣвица ушла отъ родителей и живетъ съ однимъ господиномъ, отъ котораго имѣетъ ребенка. Но въ пылу негодованія простиительно пренебрегаетъ послѣдовательностью. Далѣе г-жа П-на поетъ о недостаткѣ хорошей прислуги, сообщая, что у нея была горничная, отличительными качествами которой были вѣтренность и грубость.» Отъ нытья по прислугѣ она переходитъ мгновенно къ нытью по учителямъ. Оказывается, что положеніе ея, а главное ея дѣтей, самое плачевное, такъ что дѣйствительно о немъ «стоитъ крѣпко задуматься.» Она, видите-ли, боится учить своихъ дѣтей, потому что кому поручить ученіе? Студенту? Но они всѣ имѣютъ «нигилистическую закваску.» Гувернантъ? Но

это «смѣсъ новѣйшаго вольнодумства съ весьма старою привычкою кокетства» — опять нельзя. Иностранцу? Но «сказываютъ,» скорбятъ г-жа П-на, что извѣстный отецъ іезуитъ, князь Гагаринъ, попалъ на эту дорогу вслѣдствіе внушеній своего гувернера». Судите сами, можно ли, послѣ такого примѣра, взять гувернера? Положеніе, чертъ возьми, скверное! Видно дѣтямъ такъ таки и придется неучами оставаться. А каково это сердцу-то матери?

«О», вызываетъ г-жа П-на, «пусть подумаютъ люди основательнаго характера и честныхъ убѣжденій, что пора имъ тѣснѣе сомкнуться между собою, чтобы поставить крѣпкій оплотъ на мѣстѣ прорвавшейся плотины! Еще недавно началась гибельная пропаганда, а ужъ взгляните, какъ все занялось кругомъ, пожаръ быстро разливается повсюду, цѣлыя поколѣнія могутъ погибнуть (вонъ оно куда пошло!) въ борьбѣ и отодвинуть Россію, быть можетъ, на цѣлое столѣтіе. Каково намъ будетъ тогда догонять Европу?! (А въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ-то мы и не подумали! Каково въ самомъ дѣлѣ будетъ?!) Велика сила вражья, но неужели мы отдадимся ей въ руки? (Никогда! Ляжемъ костями, мертвые бо страху не имутъ). Одно моленье: поднять уровень общественнаго образованія и общественной нравственности. (Ухъ! отлегло! ларчикъ-то просто открывался). Пока наше общество не возьмется съ горячностью за это дѣло, мы всё будемъ врозь страдать... сложа руки и глядя съ сердечнымъ сокрушеніемъ, какъ дѣйствуютъ люди новаго порядка. У тѣхъ живо дѣло кипитъ въ рукахъ. Они за все взялись; науки, искусства, ремесла—все служить проводникомъ ихъ идей, изъ всего они извлекаютъ для себя пользу». (Совр. Лѣт. № 37). Замѣчательно, что изъ числа московскихъ публицистовъ не одна только г-жа П-на имѣетъ привычку смотрѣть на купленную книгу не прежде, какъ прійдетъ домой. Тѣ-же самыя превратности, которыя постигли, по поводу басенъ Крылова, г-жу П-ну, постигли другое лице, которое докладываетъ о нихъ читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Господинъ этотъ также явился въ книжный магазинъ Базунова и тоже увлекся форматомъ и переплетомъ злополучныхъ басенъ. Подобно г-жѣ П-ной, онъ заплатилъ за книгу 5 рублей и, подобно ей, мечталъ о наслаженіи, которое доставитъ этой книгой дѣтямъ. Но господинъ умалчиваетъ, произошла-ли дома торжественная сцена, описанная г-жей П-ной, ѣли-ли дѣти его за обѣдомъ или нѣтъ, и, если ѣли, то много ли или мало (дѣти г-жи П-ной, по словамъ ихъ матери, не ѣли ровно ничего, отъ нетерпѣнія увидѣть картинки); господинъ умалчиваетъ, видѣли-ли дѣти соблазнительную лисицу, и былъ-ли онъ на столько находчивъ, какъ г-жа П-на. Но за то онъ обращаетъ вниманіе свое или,

лучше сказать, ярость противъ одного лица, упущеннаго изъ виду г-жею П-ной, которая вся отдалась чувству ненависти къ г. Трутовскому и своимъ стenanіямъ объ испорченности вѣка. Господинъ возненавидѣлъ издателя этой книги и его книжный магазинъ. Последний—онъ называется «домомъ разврата», а книгопродавцу желаетъ разориться. Такіе ужасы должны устрашить послѣдняго, и можно надѣяться, что вѣрѣ онъ или не будетъ переплетать басни Крылова въ соблазнительные для чадолюбивыхъ отцовъ и матерей переплеты, или будетъ покорнѣе просить публику покупать товаръ лицомъ. А то вѣдъ найдется наконецъ покупатель столь свирѣпый, что рѣшится собственноручно поджечь «домъ разврата», соблазняющій его красивыми переплетами. Мораль изъ этого та, что вообще книгопродавцамъ плохо въ городѣ, жители котораго покупаютъ книги, какъ крупу или мыло.

Если ужъ противъ такихъ невинныхъ явленій, какъ изданіе Крылова для взрослыхъ, поднимается такой содомъ, то можно себя представить, что совершается въ верхнихъ столбцахъ этихъ газетъ. Вышеприведенная прокламація г-жи П-ной къ «честнымъ и основательнымъ людямъ» есть пароль всѣхъ этихъ упражненій. Они доказываютъ, что г. Катковъ еще вовсе не помышляетъ о прекращеніи своихъ воинственныхъ декламаций, и желаетъ продолжать заугивать публику разными опасностями, по мѣрѣ надобности возникающими въ его головѣ. Слѣдовательно, въ отношеніи этого публициста, по крайней мѣрѣ, побѣда славянофиловъ не принесла ничего новаго. Были всегда вопли противъ свистуновъ и нигилистовъ и будутъ они длиться, пока будутъ находиться слушатели. О положительной дѣятельности публицисты и говорить перестали, зная, вѣроятно, что никто не повѣритъ имъ.

Опасности, показываемыя въ перспективѣ, и разные буки, которыми угрожаютъ публикѣ, выручаютъ изъ затрудненія и «День». Благодаря этимъ букамъ, въ «Днѣ» проходятъ подъ шумокъ незамѣченными такія статьи, которыя въ другихъ случаяхъ возбудили-бы хохотъ въ самомъ ревностномъ читателѣ «Дня», исключая развѣ г. Аксакова. Такъ напримѣръ, въ 32 № «Дня» въ передовой статьѣ разбирается вопросъ: имѣютъ-ли евреи въ Россіи «права на бытіе», и разумеется, рѣшается отрицательно. Затѣмъ въ 40 № происходитъ по этому поводу препирательство съ «Биржевыми Вѣдомостями», которыя оказались столь просвѣщенными, что вступились за права евреевъ на существованіе. А вспомнимъ, съ какимъ презрѣніемъ попрекали свистуна—Добролюбова за то, что онъ не восхищался, когда литература съ торжествомъ возвѣщала:

Что жидъ есть тоже челоувѣкъ.

Хороши теперь тѣ, которые восхищались этимъ, а нынче снова видятъ, что вопросъ этотъ вовсе не рѣшенъ и не конченъ, и что объ немъ по прежнему идутъ пренія.

Спрашиваю г. Аксакова: считаетъ-ли онъ свою дѣятельность положительною? Если онъ думаетъ это, то ошибается. Вопросы поднимаемые имъ лишены всякаго положительнаго значенія. Они ни къ чему не ведутъ, и самъ г. Аксаковъ встанетъ въ тупикъ, если, выслушавъ его разсужденія о томъ, что евреи не могутъ жить въ Россіи, согласится съ нимъ и спросить, что же дѣлать? Вся хитрость такихъ борзописцевъ состоитъ въ томъ, чтобы о чемъ нибудь разглагольствовать въ ожиданіи, что найдутся какія нибудь «Биржевыя Вѣдомости», которыми увидятъ въ этомъ поводъ заявить свой гуманнѣйшій образъ мыслей. Нашлись, возразили,— ну и пошла писать, и есть о чемъ разсуждать. А спроси, что же дѣлать? борзописецъ встанетъ въ тупикъ. Вѣдь неприлично же ему отговариваться тѣмъ, что я-де только указываю зло, что я не могу предлагать средства для поправленія его. Это бы вышло отрицаніе, за которое было столько попрековъ отъ борзописцевъ ихъ противникамъ. Но тамъ дѣло было иное. Публика очень хорошо понимала, что такіе попреки достойны тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нимъ, что противники борзописцевъ знаютъ чего хотятъ. Вотъ тоже «Эпоха» говорить о необходимости перекрещивать нѣмцевъ. Начни спорить—одожишь, только того и надо. Но достаточно спросить: какъ-же это такъ? какъ же слѣдуетъ приступить къ этому? и миссіонеръ этотъ всталъ бы въ тупикъ. Такимъ образомъ «День» и его читатели ровно ничего не выиграли отъ побѣды своей; дѣятельности положительной нѣтъ, какъ нѣтъ, такъ что, если съ нимъ не спорить, то ему придется по прежнему отрицать бытіе жидовъ и мечтать о Прагѣ и соединеніи славянъ. Но это только мечты, а не положительная дѣятельность, представителями которой, равнымъ образомъ, не могутъ почестся ни пинтъ Шербина, ни витійствующая г-жа Кохановская; впрочемъ, послѣдней уже начало мерещиться разное неподобіе. По крайней мѣрѣ она сама говорить въ 41 № «Дня» о своихъ галлюцинаціяхъ.

Вѣроятно по праву своей побѣды славянофилы берутъ какъ *spolia optima* достояніе враговъ. Въ 45 № «Дня» я, къ великому изумленію моему, открылъ подобный побѣдный трофей «Дня», сорванный имъ съ моего собственнаго трупца. Я долго не могъ понять въ чемъ дѣло и началъ даже подозрѣвать себя, что ужъ не пишу-ли я тайкомъ отъ самого себя въ «Днѣ». Дѣло въ томъ, что «День» вознамѣрился помѣщать у себя иногда выписки изъ нашихъ современныхъ журналовъ

подъ заглавіемъ: *Перлы русской журналистики*. Но меня успокоило на счетъ самого себя только то обстоятельство, что въ статейкѣ «Дня» задѣвается и «Русское Слово», въ лицѣ г. Писарева. Ну, ужъ до такого доедущія я не дойду, подумалъ я успокоившись, если только можетъ успокоиться человѣкъ, съ котораго неумолимый побѣдитель солекаетъ перлы. Тутъ не послужитъ даже въ утѣшеніе поговорка, что чужое добро въ прокъ нейдетъ. Читатель пойметъ теперь, почему мнѣ, менѣ чѣмъ кому либо, можно сомнѣваться въ побѣдѣ славянофиловъ. Въ петербургской журналистикѣ полемика свирѣпствуетъ и родитъ чудеса. Особенно знаменита полемика «Современника» съ «Эпохой». По поводу статей, появившихся по этому поводу въ «Современникѣ», «Отечественныя Записки» достали письмо какого то провинціала, который будто-бы выписываетъ «Современникъ» и, возмущенный до глубины души неприличіемъ его политическихъ приемовъ, обращается по начальству, т. е. пишетъ жалобу на «Современникъ» А. А. Краевскому, предполагая, вѣроятно, въ немъ лицо, начальствующее въ литературѣ. Poleмическіе приемы «Современника», на которые указываетъ этотъ провинціалъ, дѣйствительно не отличаются изяществомъ, хотя теперь «Эпоха» узнала наконецъ, что выходки «Современника» противъ нея заимствованы изъ ея-же статей противъ этого журнала но самъ «Современникъ» говоритъ, что воздалъ «Эпохѣ» капиталъ ругательства съ процентами. Надо сознаться, что проценты вышли не христіанскіе. Провинціалъ указываетъ, напримѣръ, на такое живописаніе: «Бельведерскій двадцать четыре раза испускалъ необыкновенную отрыжку и затѣмъ пять разъ плюнулъ усиленнымъ и напряженнымъ манеромъ, потому что слюна его была очень густа, прилипла къ языку и губамъ и не отлетала по воздуху прочь, какъ бываетъ обыкновенно, а повисала на усахъ и бородѣ». Краснорѣчивое описаніе это, какъ-бы то ни было, составляетъ процентъ весьма неумѣренный. «Современникъ» говоритъ, что «Эпоха» сама подала ему поводъ касаться такихъ предметовъ, какъ напр. сколько кто выпилъ, какія были послѣдствія и такъ далѣе. Но сомнительно, чтобы подробности о выпитой водкѣ и съѣденной при этомъ колбасѣ были достойны подражанія. Къ тому-же и «Эпоха» не первая выдумала ихъ, какъ доказываетъ январскій фельетонъ «Современника». Впрочемъ, провинціалъ тоже дастъ порядочнаго маху, если, испугавшись полемиическихъ приемовъ «Современника», предпочтетъ ему «Отечественныя Записки». Я даже удивляюсь, какъ у «Отечественныхъ Записокъ» хватило духа напечатать письмо провинціала; развѣ ужъ очень захотѣлось уколоть «Совре-

менникъ» и пригрозить ему отпаденіемъ провинціальныхъ подписчиковъ, или, быть можетъ, черезъ чуръ поправилась новая и мѣткая острота на счетъ того, что, по мнѣнію «Современника», для счастья человѣчества всего важнѣе брюхо, иначе животъ». Только этими догадками можно объяснить помѣщеніе жалобы на описаніе качествъ слюней и отрывки въ журналѣ, который выражался, не далѣе, какъ въ июньской книжкѣ, слѣдующими оборотами: «Русское Слово только тѣмъ и дышетъ, что *перезевываетъ мертвую слюну Добролюбова*». Чего же возмущаться отрывкой, описанной въ «Современникѣ», послѣ этого? Получивъ письмо отъ провинціала, Отечественнымъ Запискамъ» слѣдовало отвѣчать ему: милостивый государь, вы не понимаете, въ чемъ состоитъ соль; острота «Современника» безподобна и весьма значительна; если въ чемъ можно упрекнуть его, то въ недостаткѣ остроумія, потому что еще лучше-бы было, если-бы, вмѣсто слюны живаго, изображена была слюна мертваго, и если-бы она не выплевывалась, а жевалась. Въ такомъ случаѣ, что могло-бы быть ядовитѣе; подумайте, на что ужъ долженъ быть похожъ человѣкъ, жуящій мертвую слюну? и т. д. Вообще, нельзя сказать, чтобы писатели наши лазили за словомъ въ карманъ.

Перебранки, доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей составляющія главную и самую видную часть журналистики, свидѣлствуютъ о плачевномъ состояніи литературы. Онѣ показываютъ, что область, подлежащая литературѣ, доведена до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, что на ней не осталось ровно ничего, кромѣ самой журналистики и личностей, подвизающихся на поприщѣ ея. Журналы другъ другу и сами себя опротивѣли до крайности, но, за неимѣніемъ другаго дѣла, должны заниматься другъ другомъ, что не способствуетъ смягченію и умиротворенію ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло доходитъ наконецъ до того, что существованіе какого-нибудь направленія въ журналѣ объявляется нецѣпностью, подвергается шуткамъ и насмѣшкамъ. Возвѣщается, что въ жизни нѣтъ ничего, что-бы могло дать журналу какое-нибудь направленіе. Все это сказано «Библиотекой для Чтенія», въ июльской книжкѣ этого журнала. На первый взглядъ это кажется безсмыслицей удивительной. Какъ-бы не шла жизнь, но развѣ это можетъ мѣшать человѣку или извѣстному обществу людей находить одно бѣлымъ, другое чернымъ, одно справедливымъ, другое нецѣпнымъ, одно полезнымъ, другое вреднымъ? А если жизнь такъ искажила тебя, что ты и самъ пересталъ отличать, что по твоему дурно, а что хорошо, такъ оставайся въ толпѣ, — не лезь на кафедру. — Да литература не кафедра, отвѣчаютъ такіе люди, у которыхъ осталось о дню

сознаніе, что они жалкіе и бесполезные тунеядцы. Но конечно, *ихъ* литература не кафедра, не трибуна. Литература съ романомъ *Некуда*—кошюшня, — а не трибуна. Что-же въ ней такого соблазнительнаго, что машитъ къ себѣ человека, сознающаго свою неспособность разобрать, что лучше, что хуже? Самъ видитъ, что тупъ, никому не нуженъ, ничего не видитъ, литература—свиная закута, а все-таки отправляется въ нее и начинаетъ толковать, точно онъ что-нибудь понимаетъ, точно литература—трибуна. И о чемъ толкуеть? о томъ, что у него нѣтъ и не будетъ направленія, что не откуда и взять ему его, что жизнь не даетъ ничего, почему-бы можно было отлнчать хорошее отъ дурнаго? Стоило-же ротъ открывать, чтобы сказать это, послѣ чего всякій тунеядецъ, сколько-нибудь смышленный, долженъ поспѣшить снова зажать ротъ, раскрывшійся не въ добрый часъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что направленіе есть излишняя роскошь, которую могутъ допускать у себя развѣ наггалисты, а прочей журналистикѣ оно не только не нужно, а просто лишнее бремя. Всѣ эти «Эпохи», «Отечественныя записки», «Библіотеки для Чтенія» процвѣтали такъ себѣ безъ всякихъ направленій. И благо имъ что у нихъ ничего подобнаго не было, и что они даже возвели въ догматъ отсутствіе его. Они не то, что московскіе журналисты. Тѣ все дѣлали видъ, что натворять чудесъ, какъ только справятся съ нигилистами. Естественно, что при первыхъ побѣдныхъ кликахъ къ нимъ обращаются съ требованіемъ дать то «положительное», о чемъ они толковали. Но здѣшніе—подобны птицамъ небеснымъ, потому что никогда не съяли, хотя въ житницы собирали. Попадалось прежде въ житницы семя либерализма—брали, клали въ житницы и предлагали публикѣ; теперь попадаетъ «Некуда», не брезгаютъ и имъ, берутъ и подносятъ. А кто вы такіе? спрашиваютъ ихъ. Но они смѣло и храбро отвѣчаютъ, что сами не знаютъ кто они, что они и зачѣмъ они, такъ — мѣшокъ, что положить, то и несутъ. Но публика не имѣетъ никакого права претендовать на нихъ за это; не потому, чтобы жизнь избавляла ихъ отъ обязанности имѣть какой-бы то ни было взглядъ на вещи, а потому что имъ рѣшительно нечего дѣлать. Развѣ можно требовать, чтобы они добровольно сунулись въ Сциллу и Харибду, между которыми носится челнъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Какъ-бы то ни было, они избрали сравнительно благую долю; и одно, что должно еще смущать ихъ, это неловкій вопросъ, зачѣмъ они пишутъ и толкуютъ? Слыша отъ нихъ самихъ о невозможности имѣть, какое нибудь убѣжденіе, вида въ нихъ рѣшительную невозможность свернуть на старую проторенную дорожку либерализма, потому что каждый изъ нихъ чѣмъ нибудь замаранъ, кто «Вза-

ломученымъ моремъ,» кто статьями объ обращеніи нѣмцевъ, что «Некуда», приходишь къ заключенію, что безразсудно-бы было и требовать отъ нихъ какого-нибудь единообразія или единодушія, какого нибудь склада и лада. Зачѣмъ нѣтъ все это, когда удобнѣе быть просто мѣшкомъ?

Однако подобнымъ мѣшкамъ также угрожаетъ опасность: не проходить мѣсяца, чтобы въ свѣтъ не вышло нѣсколькихъ дѣльныхъ переводныхъ сочиненій. Число ихъ быстро возрастаетъ, и я право не понимаю, какъ г. Аксаковъ не обратилъ до сихъ поръ вниманія на это и не оплакалъ столь грустное явленіе. Вѣдь подумайте, что это значить! Вѣдь это значить, что публикѣ надоѣла ваша туземная болтовня, и что она съ жадностью хватается за продукты европейскаго ума. Не печально-ли это по вашему? Естественно, что при такомъ распространеніи переводовъ иностранныхъ сочиненій, необходимъ такой журналъ, какъ «Заграничный Вѣстникъ», которому можно предсказать блестящую будущность, если онъ продолжится до тѣхъ поръ, пока не вытѣснитъ «Отечественныя Записки» и проч. паразитовъ, питающихся теперь крохами, падающими съ его стола. «Заграничный Вѣстникъ» имѣетъ обыкновеніе заранѣе печатать списокъ статей, которыя намѣренъ помѣстить въ слѣдующихъ номерахъ, и этотъ-то списокъ служить вдохновеніемъ для паразитныхъ журналовъ. Выходитъ то, что они на половину набиваются переводами, въ выборѣ которыхъ явно руководствуются спискомъ «Заграничнаго Вѣстника». Возьмемъ, напримеръ, «Отечественныя Записки»: изъ десяти статей іюньской книжки переводныхъ пять: Тэнъ, Ревиль, Ренанъ — все это открыто для паразитовъ «Заграничнымъ Вѣстникомъ». Понятно значеніе этого журнала. 9/10 нашей литературы — переводы; слѣдовательно, необходимъ журналъ, который-бы специально слѣдилъ за европейскою жизнью и литературой, указывалъ-бы издателямъ на сочиненія, заслуживающія быть переведенными, и наконецъ, печаталъ такія статьи, которыя по объему неудобны для отдѣльнаго изданія. Нельзя сказать, чтобы «Заграничный Вѣстникъ» безукоризненно выполнялъ эту программу. Ему можно пожелать поболѣе разнообразія, болѣе строгаго выбора статей, такъ какъ передъ нимъ неисчерпаемое изобиліе матеріала. Можно замѣтить, напримеръ, что «Заграничный Вѣстникъ» уже слишкомъ интересуется Тэномъ, что онъ напрасно помѣщаетъ такія вещи, какъ статья Ж. Сандъ о сочиненіи В. Гюго, которой мѣсто развѣ въ хроникѣ сумасшествій. Но все это мелочи, за которыя нельзя серьезно упрекать журналъ, сдѣлавшій такъ много полезнаго въ 9 мѣсяцевъ своего существованія. Журналъ ведется хорошо и очень важенъ для нашей литературы, въ этомъ

нѣтъ сомнѣнія. Но когда паразиты на половину заимствуютъ медь, собираемый этимъ журналомъ, а другую половину набиваютъ туземною дрянью, то становится стыдно. Картина дѣлается безобразною, когда рядомъ съ Дарвиномъ помѣщаются гоненія на нѣмцевъ, романъ «Некуда» и т. п.

И въ той же книгѣ встрѣчаемъ разсужденія о книгѣ Дарвина, объ «Утилитарианизмѣ» Милля, переводъ лекцій Макса Мюллера, и тутъ-же продолженіе «Некуда», и тутъ-же съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ продолжаетъ писать г-жа Евгенія Туръ. Кстати объ этомъ сопоставленіи: редакція «Библиотеки», разумѣется, отпирается отъ поползновеній г. Стебницкаго; нельзя было и ожидать, что она скажетъ: mea culpa и принесетъ публичное покаяніе. Но такъ какъ всѣ ея возраженія состоятъ въ брани и ничего не доказывающихъ фразахъ, то не заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» нашелся знакомый г. Стебницкаго, который даже обѣщаетъ издать исправленное и дополненное изданіе романа «Некуда». Я же считаю совершенно неудобнымъ указывать «Библиотеку» на личности ея памфлета; во первыхъ, это лишнее, потому что «Библиотека» не можетъ не знать этого, во вторыхъ, этому мѣшаютъ самыя подробности объ этихъ лицахъ, описываемыя въ памфлетѣ. Скажу только, что напрасно «Библиотека» стыдится упоминать, говоря о памфлетѣ, нѣкоторые имена. Памфлетъ тѣмъ и отличается отъ сатиры, что не можетъ обидѣть лицъ, противъ которыхъ направленъ. Впрочемъ, вѣроятно «Библиотека» стыдится произнести во всеуслышаніе продѣлку, на которой ее поймали. Напрасно. Слѣдовало стыдиться прежде, а то памфлетъ-то напечатать храбрости хватаетъ, а говорить о немъ потомъ стыдно.

Чѣмъ же ознаменовалась, слѣдовательно, побѣда славянофиловъ? Тѣмъ, что литература подарила русской публикѣ «Марево» и «Некуда»; тѣмъ, что журнальныя перебранки дошли до попрековъ отрывкой и до «пережевыванія мертвой слюны»; тѣмъ, что переводныя сочиненія окончательно берутъ верхъ надъ журналистикой, и наполняютъ ее, оставая мѣсто лишь для подобной полемики и разныхъ туземныхъ уродствъ. Славянофилы и вся прочая братья сами отрѣзали себя отступленіе на старыи, торный путь либерализма и принуждены послѣ своей побѣды, какъ и до нея, ограничиваться лаемъ на свистуновъ и инглистовъ, даже не заикаясь о положительномъ направленіи, о которомъ мечтали. Ихъ положительное направленіе — разсужденія о необходимости не терпѣть нѣмцевъ, евреевъ и всякихъ иновѣрцевъ. Въ довершеніе посрамленія, они принуждены объявить невозможнымъ нѣтъ

какое нибудь направлѣніе. Подумайте-ка, во что вы превратились? Что вы сдѣлали съ той крупницей порядочности, которая была у васъ вѣкогда? Назовите хотя одинъ изъ тѣхъ *вопросовъ*, которые поднимали, рѣшали и которыми такъ кичились четыре года тому назадъ, отъ котораго вы бы не отступились съ ужасомъ и отвращеніемъ теперь. Припомните свое негодованіе на Добролюбова за то, что онъ смѣлся надъ вами, когда вы толковали о гласности, когда вы обличали взяточничество и когда отстаивали права евреевъ, однимъ словомъ, когда начинали свое: «въ настоящее время, когда»... Теперь даже либеральный «Голосъ», устами либеральнаго г. Лохвицкаго, возстаетъ (зри № 259) противъ опубликованія именъ уличныхъ ловеласовъ, людей, рассчитывающихся съ извозчиками кулаками, и другихъ героев. Можно-ли послѣ этого въ чѣмъ нибудь вѣрить журналистикѣ? Можно вѣрить ей, что гласность — хороша, что жидъ тоже человекъ, что свобода совѣсти должна уважаться и т. д., когда черезъ годъ она сама протестуетъ противъ всего этого?

И такъ, вотъ въ чѣмъ выразилась и вотъ какіе дала результаты побѣда славянофиловъ. Остается только повторить вкратцѣ тѣ истины, которыя добыты въ послѣднее время русской журналистикой:

- 1) Евреи и нѣмцы не имѣютъ права существовать.
- 2) Беллетристика и полемика должны обращать главное вниманіе на домашнюю жизнь людей, на то, что и сколько кто пьетъ и ѣсть, какія съ нимъ бываютъ отъ этого послѣдствія, чѣмъ кто боленъ и т. д.
- 3) Журналы не могутъ имѣть направленія, — направленіе есть излишняя роскошь, которой могутъ предаваться развѣ одни пиятелисты.
- 4) Искусство для искусства — вздоръ; искусство есть подспорье для сплетенъ; служеніе наукъ — дичь: *cedit toga armis*. Поэтому докторскій дипломъ есть награда храброму, а не ученому.
- 5) Гласность вредна, уличныя похожденія рыцарей Кулака и литературныя — рыцарей сплетни не должны подвергаться обличенію. Мало того, гласность смѣшна, быть обличителемъ — позорно.

А главное 6) литература должна находиться постоянно на военномъ положеніи и неустанно пугать публику слухами о какихъ-то тайныхъ интригахъ и проискахъ.

Пока только; подождемъ, найдутся результаты еще болѣе удовлетворительныя.

В. Зайцевъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Стихотворенія Н. Некрасова. Часть III. Спб. 1864.—Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Д. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть 1. Статьи историческія. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1864.—Краткій учебникъ зоологіи Л. Германна. Переводъ съ немѣцкаго, просмотрѣнный и дополненный Н. Съченковымъ. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1864.—Мѣсто человѣка въ царствѣ животномъ. Сочиненіе Томаса Генриха Гуксlea. Перевелъ съ нѣмецкаго изданія д-ра В. Каруса Н. Гольдендахъ. М. 1864.—Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864.—Повѣсти, разсказы и очерки Н. Г. Помяловскаго, съ біографіею и портретомъ автора. Т. I. Спб. 1864 г. — Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. К. Ю. Миттермайера. Переводъ Д. Саранчова. Спб. 1864 г.

На этотъ разъ я намѣренъ говорить съ читателями о стихотвореніяхъ г. Некрасова. То, что я скажу о нихъ, будетъ лишь отголоскомъ того, что думаетъ о нихъ вся образованная Россія, но за то совершенно несогласно съ отзывами литературы. Въ то время, какъ вся русская молодежь читала, читаетъ и знаетъ наизусть стихи г. Некрасова, литературная критика послѣднихъ лѣтъ большинствомъ голосовъ отказывала ему не только въ тѣхъ достоинствахъ, какія признавались за нимъ публикою, но и въ десятой долѣ тѣхъ, вторяя та же критика находила въ изобиліи у гг. Фета, Тютчева и Майкова. Нечего и говорить, что главною причиною такой критической оцѣнки было то, что г. Некрасовъ не только поэтъ, но и издатель «Современника». Конечно, подобные мотивы не дѣлаютъ чести безпристрастію эстетической и всякой другой критики. Но о безпристрастіи въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи; достаточно, напр. вспомнить, что г. Некрасова упрекали въ томъ, что одна изъ героинь его поддучетъ своего возлюбленнаго водкой. Впрочемъ, пристра-

стіе и придирки можно бы было до известной степени оправдать, потому что не мытьемъ, такъ катаньемъ, говорить пословица: чѣмъ бы не доѣхать врага, лишь бы доѣхать. Но дѣло въ томъ, что ужъ если доѣзжать, то надо такъ, чтобы изъ этого вышелъ дѣйствительно ущербъ врагу, а не посрамленіе самой критикѣ. Въ отношеніи же г. Некрасова критика поступила такъ, что всякому человѣку, не принадлежащему къ врагамъ «Современника», пріятно вспомнить ея продѣлки, покрывшія ее стыдомъ и срамомъ. Пріятно указать всѣмъ этимъ Дудышкинамъ и проч. на ихъ бывые подвиги, и въ тоже время напомнить имъ, какъ безсильны остались ихъ натянутыя нападки передъ мнѣніемъ всей нашей читающей публики, передъ общимъ голосомъ всей молодежи. Своимъ отношеніемъ къ г. Некрасову критика наша приготовила себѣ въ будущемъ такую же незавидную славу, какъ Фаддей Булгаринъ своимъ эстетико-критическимъ взглядомъ на Гоголя. «Отечественнымъ Запискамъ» посчастливилось первымъ отличиться въ подобномъ дѣлѣ. Я не знаю, понялъ-ли когда нибудь этотъ журналъ все безобразіе своего разбора стихотвореній Некрасова и все безсиліе своей злобы, навиннувшейся на поэтическую дѣятельность издателя «Современника». Я бы желалъ знать, думаютъ-ли «Отечественныя Записки», что критика ихъ могла убѣдить хотя единого человѣка въ цѣлой Россіи, и можно-ли имъ вспоминать, не краснѣя, о своемъ походѣ противъ литературной репутаціи г. Некрасова. Несомнѣнно только то, что въ настоящее время, когда «возродились надежды на пассивное отношеніе публики къ литературнымъ продѣлкамъ, и, слѣдовательно, на возможность выдать ей грязь за золото и наоборотъ, примѣръ «Отечественныхъ Записокъ» нашель подражателей. Въ № 43 «Дня» за нынѣшній годъ какой-то г. Н. Б. берется за неблагодарный трудъ убѣдить публику въ томъ, что ей слѣдуетъ бросить и забыть стихи г. Некрасова и приняться за Константина Аксакова. Къ этой достопримѣчательной статьѣ я обращусь ниже; конечно, отъ нея не предстоить никакой серьезной опасности, и совершенно несбыточно, чтобы русская публика промѣняла когда-нибудь Некрасова на Хомякова, на всю семью Аксаковыхъ, на Языкова и на прочихъ славянофильскихъ бардовъ, пѣвшихъ о Прагѣ и о пѣнникѣ. Но я обращусь къ этой статьѣ, потому что въ ней, конечно, съ враждебными цѣлями указаны многія важныя стороны произведеній г. Некрасова.

Но прежде чѣмъ обратиться къ разбору стихотвореній г. Некра-

сова, (при чемъ я имѣю въ виду только III часть ихъ) мнѣ необходимо предупредить всякую возможность замѣчаній, крайне пошлыхъ и нелѣпыхъ, но возможныхъ со стороны людей, повторяющихъ по сту разъ въ годъ и всякій разъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, какъ нѣчто необычайно остроумное, что для нигилистовъ важнѣе всего брюхо. Такіе господа, прочитавъ мой отзывъ о г. Некрасовѣ, могутъ объявить мнѣ, что я сужу непоследовательно, что для человѣка, не симпатизирующаго чистой поэзіи, въ литературѣ можетъ быть важна только «опытная страпуха» или «наставленіе къ бильярдной игрѣ». Имъ можетъ показаться съ моей стороны несообразнымъ, если я выражу симпатію къ поэзіи г. Некрасова и не раздѣлю ихъ восторговъ къ Лермонтову. Эстетическіе критики вѣроятно не усумнятся отдать предпочтеніе Лермонтову передъ г. Некрасовымъ. И дѣйствительно, можно согласиться, что если о достоинствѣ поэтическаго произведенія должно судить лишь по степени красоты стиха, смѣлости и картинности метафоръ и возвышенности сюжетовъ, то они правы, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ «Современника» не издавалъ. Поклонники чистой поэзіи, не требуя ничего болѣе этого отъ поэтическаго произведенія, приходятъ въ восторгъ отъ «ночнаго зефира», гдѣ достоинства эти доведены до великой степени, но больше ничего нѣтъ; и они съ своей точки зрѣнія правы. Но они не могутъ обвинять въ непоследовательности человѣка, который, не ставя ни въ грошъ лучшія, чисто поэтическія произведенія, будетъ хвалить поэта, у котораго находитъ тѣ свойства, которыя онъ цѣнитъ въ писателѣ вообще. Нелѣпо восхищаться звучными рифмами и возвышенными сюжетами; но еще нелѣпѣе отрицать достоинства литературнаго произведенія за то только, что оно написано стихами, а не прозой, выражаетъ мысли въ формѣ воззваній и картинъ, а не строгихъ силлогизмовъ и вычисленій. Поэтому безтолково удивляться похвалѣ, возданной поэту-мыслителю человѣкомъ, отрицающимъ чистую поэзію.

Съ этой точки зрѣнія я и гляжу на произведенія г. Некрасова. Я приступаю къ его сочиненіямъ съ тѣми же требованіями, съ какими приступаю къ произведеніямъ критика, историка, публициста, беллетриста. Отъ всѣхъ ихъ равно каждый читатель требуетъ прежде всего честной, свѣжей мысли, вѣрнаго взгляда на предметъ, выбранный писателемъ, и яснаго изложенія своего мнѣнія. Предметъ, о которомъ говоритъ авторъ,—вещь сама по себѣ второстепенная

для каждого читателя въ отдѣльности онъ важенъ потому, что можетъ интересовать его или нѣтъ; но самъ по себѣ онъ только тогда лишаетъ сочиненіе всякаго достоинства и дѣлаетъ его никуда негоднымъ, если совершенно лишенъ всякаго интереса для кого бы то ни было. Таковы предметы большей части лирическихъ пѣснопѣній, какъ напр. «Ночной зефиръ струить эфиръ». Про такое произведеніе каждый можетъ сказать, что оно абсолютно плохо и негодно, тогда какъ про «Сороколѣтніе опыты» Авдѣевой этого нельзя сказать, какъ бы мало кто ни интересовался свѣдѣніями объ изготовленіи блинчатого пирога съ яйцомъ. Такую книгу только тогда можно признать негодною, если спеціалисты скажутъ, что всѣ пироги съ яйцомъ, изготовленные по методѣ г-жи Авдѣевой, вышли неудобнѣе удобнымъ. Наконецъ послѣднее въ произведеніи — форма, потому что человѣкъ, произносящій свое сужденіе о произведеніи только на основаніи формы его, уподобляется Петрушкѣ Чичикова, или по крайней мѣрѣ представляетъ непосредственный переходъ отъ такого читателя къ болѣе развитымъ. Изъ этого ясно, что вполне прекраснымъ можно назвать такое произведеніе, въ которомъ глубокий, честный и умный взглядъ на предметъ, имѣющій важность для наиболѣе обширнаго числа людей, высказанъ въ удобной и красивой формѣ.

Г. Некрасовъ имѣетъ полное право на названіе мыслителя. Мало того — это мыслитель глубокий и честный. Въ основѣ его лежитъ высокая гуманность и любовь къ своей родинѣ, не подъ отвлеченнымъ представленіемъ отечества, породившимъ патріотическія стихотворенія Жуковскаго, Розенгейма и Майкова, а подъ живымъ, дѣйствительнымъ образомъ народа. Я бы назвалъ г. Некрасова народнымъ поэтомъ, еслибъ прозваніе это не было замарано эстетиками, прилагавшими его ко всякой нечистотѣ. Разумѣется, я не хочу сказать, чтобы стихотворенія г. Некрасова сдѣлались народными пѣснями въ родѣ «не бѣлы то снѣги»... и не буду приписывать никакой важности тому, что одно изъ самыхъ плохихъ произведеній его распѣвается извозчиками и лакеями. Я не хочу также повторять эстетическихъ нецѣлостей, говоря, будто бы поэзія г. Некрасова вытекла изъ народа. Народнымъ поэтомъ я назвалъ бы г. Некрасова потому, что герой его пѣсней одинъ — русскій крестьянинъ. Но онъ говоритъ о немъ, конечно, какъ человѣкъ развитой, какъ говорилъ Добролюбовъ; онъ не «поетъ» его, а думаетъ о немъ, о его бѣдахъ

и горѣ, не ограничивается объективнымъ изображеніемъ страданія, но мыслить о немъ, и мысли свои, глубокія и свѣтлыя, передаетъ въ прекрасныхъ, свободныхъ стихахъ, въ которые безъ натяжекъ укладывается народная рѣчь, и которые чужды поэтическихъ метафоръ и аллегорій. Очень мало у г. Некрасова стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ; но въ такомъ случаѣ это навѣрно не Наполеонъ на скалѣ, не Прометей съ коршуномъ, не Фаустъ съ Мефистофелемъ, не Демонъ съ Тамарой; этими великолѣпными сюжетами, дающими такой просторъ поэтическимъ вольностямъ, смѣлымъ порывомъ поэтической нескладицы, широкимъ размахомъ художественной вѣсти, нашъ поэтъ пренебрегаетъ. Герои его, кромѣ народа, тѣ труженики и страдальцы, которые работали мыслию или дѣломъ и, хотя не непосредственно, но принесли свою лепту. По предмету своему, по своему герою стихотворенія г. Некрасова не имѣютъ равныхъ во всей русской литературѣ.

Теперь посмотримъ, что же думаетъ г. Некрасовъ о своемъ героѣ, какъ смотритъ онъ на него и какъ понимаетъ его. Если мы увидимъ, что онъ высказалъ мысли вѣрныя и глубокія, то конечно мы будемъ имѣть право высоко поставить этого писателя, и слѣдовательно признать, что русская публика и особенно молодежь не ошиблась въ выборѣ любимаго поэта.

Естественно, что критикъ «Дня» разсматриваетъ г. Некрасова именно съ точки зрѣнія его отношенія къ народу. Точка зрѣнія, разумѣется, единственно возможная, когда рѣчь идетъ о стихахъ Некрасова. Но «День» конечно не допускаетъ мысли, чтобы издатель «Современника», литераторъ, дѣятельность котораго сосредоточена въ Петербургѣ, могъ имѣть вѣрный взглядъ на народъ, потому что для этого, какъ извѣстно, необходимо родиться, вырасти и состарѣться въ Москвѣ, начать литературное поприще въ «Мосевитянинѣ», продолжать его въ «Днѣ», и чуть ли даже не принадлежать къ семьѣ Аксаковыхъ, по крайней мѣрѣ хоть такъ, чтобы дѣдушка автора съ бабушкой Аксакова — его отъ купели восприняли. Соображенія эти — самыя честныя, какія могутъ быть приписаны г. Н. Б., потому что всякія другія будутъ для него крайне не честны? Н. Б. порицаетъ г. Некрасова за то, что въ отношеніи его къ жизни народа видитъ только *протестъ*. Г. Н. Б. находитъ, что если самый характеръ того періода, когда началась дѣятельность г. Некрасова, не благопріятствовать другому

отношенію, то во всякомъ случаѣ поэтъ долженъ былъ дать, въ замѣнъ отвергаемаго, свой идеалъ. И наконецъ, говорить критикъ, рабство на вѣки отмѣнено. «Развѣ однакожь, говорить онъ, не продолжаютъ *многорые* изъ нихъ (нигилистовъ), еще и въ наши дни скорбныхъ сѣтованій на прежній ладъ? Больше того, давая теперь угадывать какъ бы скрытую досаду свою, что, словивъ вѣрнопостное ярмо въ Россіи, отняли у нихъ самое право на ихъ вѣчное негодованіе, навсегда лишивъ ихъ источника самыхъ яростныхъ вдохновеній—не дають ли еще они ясно угадывать и того, что самое обращеніе къ «нисшей братіи», вѣчныя взыванія къ ея бѣдствіямъ и страданіямъ подчасъ могли исходить никакъ не отъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца, а изъ болѣе мутныхъ источниковъ души человѣческой!»

Читатель изъ этого можетъ видѣть, что я только изъ любезности предположилъ въ критикѣ нѣкоторое тупоуміе.

На весь этотъ неблагоприятный вздоръ можно бы было отвѣтить, что протестъ вовсе еще не обусловливаетъ необходимость идеала, что при томъ всякое отрицаніе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ положительное желаніе, чтобы прекратилось то положеніе, противъ котораго я протестую. Все это повторялось милліонъ разъ, но только нейдетъ въ прокъ. Поэтому я очень радъ, что г. Некрасовъ представлялъ въ своихъ стихотвореніяхъ рядомъ съ протестомъ такіе вѣрные идеалы, что мнѣ нѣтъ необходимости прибѣгать къ повторенію этихъ истинъ, отскакивающихъ отъ лбовъ писателей извѣстнаго сорта, какъ горохъ отъ стѣны. Правда, идеалъ г. Некрасова не имѣетъ ничего общаго съ идеалами другихъ поэтовъ; онъ не фантастическій какой нибудь, а возможный, необходимый, несомнѣнный. Идеалъ этотъ построенъ на идеалѣ любви и благосостоянія и выраженъ въ самой осуществимой формѣ. На эту-то положительную сторону произведеній г. Некрасова я и намѣренъ особенно обратить вниманіе, и даже очень благодаренъ г. Н. Б., убѣдившему меня своей статьей, что могутъ быть люди, непонявшіе и незамѣтившіе этой стороны, такъ что указать на нее будетъ не лишнее.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ ту страшную картину въ поэмѣ «Морозъ красный носъ», гдѣ несчастная вдова крестьянина медленно замерзаетъ, безчувственная къ холоду, погрузившись въ свои тяжкія думы. Печальны ея мысли и вспоминаются ей грустныя

сценны. Только когда смерть уже охватила ее, когда воевода-морозъ уже коснулся ея, когда уже

...Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

ей видится чудная, розовая картина свѣтлаго, истиннаго счастья (что необыкновенно вѣрно въ отношеніи описанія смерти отъ замерзанія):

И снится ей жаркое лѣто—
Не вся еще рожь свезена,
Но сжата—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель кепала
Съ соседнихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полночь мѣшкъ
Красивая Маша, рѣзвуха,
Сидѣла съ морковью въ рукѣ.
Телега, скрипя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помочи! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха
— Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался;
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
— Бѣжить!.. у!.. бѣжить пострѣленокъ;
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черепъ, какъ галченкокъ,
Бѣла лишь одна голова,
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ);
Попотчивалъ бабушку, матку,
Сестренку—вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
 Отець мальчугана щипнулъ;
 Межь тѣмъ не дремалъ и савраска;
 Онъ шею тянулъ, да тянулъ,
 Добрался,—оскаливши зубы,
 Горохъ аппетитно жуеть,
 И въ мягкія, добрыя губы
 Гришухино ухо беретъ...
 Машутка отцу закричала:
 Возьми меня, тятка, съ собой!
 Спрыгнула съ мѣшка—и упала,
 Отець ее подвялъ: «не вой!
 Убилась—не важное дѣло!.,
 Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
 Еще вотъ такого пострѣла
 Рожай мнѣ хозяйка къ веснѣ!
 Смотри же!.. «Жена застыдилась,
 — Довольно съ тебя одного!
 (А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
 Дитя)... «Ну, Машукъ, ничего!»
 И Проклушка, ставъ на телѣгу,
 Матужку съ собой посадилъ.
 Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
 И съ грохотомъ возъ покатылъ.
 Воробушковъ стая слетѣла
 Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась.
 И Дарьюшка долго смотрѣла
 Отъ солнца рукой заслонясь,
 Какъ дѣти съ отцомъ приближались
 Къ дымящейся ригѣ своей,
 И ей изъ сноповъ улыбались
 Румяныя лица дѣтей...

Эта картина есть самый полный идеалъ счастья, какой только могла создать фантазія крестьянки; но конечно, немного прибавить къ нему самый развитой человѣкъ, самый великій геній въ мечтахъ о совершенномъ благополучіи людей. Основные элементы этого благополучія — здѣсь всё: любовь, довольство и привлекательный трудъ среди чистой, прекрасной природы. Это та вершина благополучія, на которой человѣку остается еще только искать наслажденія въ наукѣ и въ искусствѣ; это то счастливое состояніе, гдѣ можно съ полнымъ правомъ проповѣдывать науку для науки и искусство для искусства. Наконецъ, это тотъ результатъ, къ которому стремится

весь прогрессъ и въ которомъ наслажденіе свободною любовью, свободнымъ трудомъ и здоровою бѣдностью изгладило даже мучительное воспоминаніе о прошломъ рабствѣ и нищетѣ. Кто не пойметъ этого, кто пройдетъ мимо этой картины равнодушно или съ бо-нальными похвалами, тотъ пошлый филистеръ, не видящій ничего дальше своего носа и носовъ своего кружка. Отъ такого господина можно даже ожидать, что онъ останется недоволенъ тѣмъ, что эта картина представлена—бредомъ умпрающей, а не дѣйствительностью. Но поймите-же вы наконецъ, безпадежные филистеры, что въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, что если-бы въ минуту смерти крестьянкѣ грезилось ея дѣйствительное прошлое, то она бы увидѣла побой мужа, не радостный трудъ, не чистую бѣдность, а смрадную нищету. Только въ розовомъ чаду опіума или смерти отъ замерзанія могли предстать передъ нею эти чудныя, но никогда не бывавшія картины. Вамъ дѣлается жутко отъ этой сцены смерти. Дѣйствительно, есть отъ чего придти въ ужасъ, и если потрясающее изображеніе бѣдствія есть само по себѣ протестъ, то конечно протестъ этотъ также силенъ, какъ велико горе, представленное поэтомъ. Но кто не причастенъ филистерству и пошлости кружковъ, тотъ, прочитавъ предсмертный бредъ Дарьи, пойметъ, что на сколько силенъ протестъ, на столько же высокъ и идеалъ, помѣщенный рядомъ съ протестомъ, или лучше, въ немъ же самомъ.

Г. Некрасовъ часто останавливается на судьбѣ русской женщины вообще, особенно же на долѣ крестьянки и, правда, нигдѣ не показалъ онъ намъ въ розовомъ свѣтѣ ея настоящее. Возьмемъ хотя бы III часть его стихотвореній, гдѣ въ «Дешовой покункѣ» онъ представилъ женщину изъ крѣпостнаго быта:

...Создашь бездомное.

Порабощенное грубымъ невѣждою!

въ «Рыцарѣ на Часъ» женщину жену и мать, о которой онъ говорить :

Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ,
Съ головою бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозю сердитою
Простояла ты,—грудью своею

Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!

Еще печальнѣе доля крестьянки:

Доля-ты!—русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Немудрено, что ты вынешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

И поэтъ показываетъ намъ и жену («Жлица») и мать («Орина, мать солдатская»), показываетъ во всей безъ исходности ея горя, во всемъ ужасѣ ея судьбы. Я бы спросилъ читателя, возможно ли это представленіе, клевета ли на русскую жизнь эти слова, правда ли, что доля женщины была такъ печальна, какъ изображаетъ ее г. Некрасовъ? Но спрашивать было бы излишне, потому что лучшимъ отвѣтомъ на такіе вопросы служить то, что все, что есть лучшаго въ Россіи, читаетъ Некрасова и вѣрить ему.

Однако г. Н. Б. полагаетъ, что сочувственное изображеніе страданій и горя народа происходитъ у нѣкоторыхъ «изъ мутныхъ источниковъ души, а не изъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца», и затѣмъ невинно оговаривается, что подъ *нѣкоторыми* онъ не подразумѣваетъ г. Некрасова. Какъ-бы то ни было, но г. Н. Б. не признаетъ вѣрности въ изображеніи г. Некрасовымъ крестьянской доли, по крайней мѣрѣ теперь. Напримѣръ, ему очень не нравится, что г. Некрасовъ не изобразилъ въ «Жлицѣ» какого нибудь «веселаго пейзажика» въ родѣ сбора винограда, что крестьянка, въ стихотвореніи г. Некрасова, роняетъ слезы, трудясь черезъ силу въ полѣ, гдѣ спитъ ея ребенокъ, вмѣсто того, чтобы отличаться «видомъ бодрой живости и довольства». Г. Н. Б. не нравится также, что въ поэмѣ «Морозъ красный носъ» крестьянина постигаетъ горе, что въ ней — смерть, сиротство, бѣда, а не счастье, веселіе и радость. Оставшись недовольнымъ печальною развязкою поэмы, критикъ заключаетъ, что г. Некрасовъ отчаянный и положительнѣйшій отрицатель, нигилистъ; заключаетъ, что «горе его и окруженіе по русской родной землѣ» есть «конечный плодъ нашего мнимаго, оторваннаго отъ народнои почвы образованія, съ его вѣчнымъ стремленіемъ въ какому-то отвлеченно-гуманитарному и космополитическому прогрессу.» Съ апломбомъ, свойственнымъ людямъ, отме-

жевавшимъ себѣ въ вѣдѣніе всю суть русской жизни, г. Н. Б. рѣшаетъ, что «толща не приметъ обѣтовааній г. Некрасова.»

Всякій, конечно, оцѣнить по справедливости сужденія г. Н. Б. о стихотвореніяхъ г. Некрасова. Не трудно сообразить, что уничтоженіе крѣпостнаго права не могло мгновенно искоренить все горе, лежавшее на крестьянинѣ, и что поэтъ, изображающій «крестьянскую долю», вѣроятно еще не вдругъ достигнетъ того, чтобы картины его выходили розовыми и привлекательными, въ то же время оставаясь вѣрными. Довольно также легко оцѣнить по достоинству тотъ мнимый патріотизмъ г. Н. Б., который не выноситъ непокрашеннаго изображенія пародной доли и требуетъ, во что бы то ни стало, «веселыхъ пейзажей». Эгого балаганный конекъ былъ такъ избѣженъ московскими публицистами, что всякій разсудительный человѣкъ очень хорошо знаетъ, что они могутъ сказать по поводу стихотвореній г. Некрасова. Поэтому я давно-бы пересталъ говорить о критикѣ «Дня», если-бы не видѣлъ въ немъ замѣчательно полнаго типа понятій и сужденій того кружка, къ которому онъ принадлежитъ. Пригожъ субъектъ этотъ доводитъ мнѣнія своего кружка до такихъ размѣровъ, что на немъ удобнѣе показать ихъ безобразіе.

Кто бы могъ напр. подумать, что, прочитавъ «Рыцаря на Часъ» г. Некрасова, критикъ вывелъ изъ этого отрывка такое заключеніе, что поэтъ «стыдится своихъ лучшихъ порывовъ и спѣшитъ заглушить ихъ беспощаднѣйшей прозой.» Всякій, кто читалъ этотъ отрывокъ, знаетъ, что, во первыхъ, герой поэмы не самъ авторъ, а какой-то Валежниковъ. Слѣдовательно, по какому праву критикъ приписываетъ порывы автору? Во вторыхъ, вполнѣ также ясно, хотя мы имѣемъ только небольшой отрывокъ поэмы, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить въ Валежниковѣ человѣка съ благороднѣйшею и возвышенною душою, жаждущаго полезной и честной дѣятельности, одареннаго полнымъ пониманіемъ хорошаго и истиннаго, но не имѣющаго достаточно силъ, чтобы бороться побѣдоносно съ мерзостью его окружающею и ея вліяніемъ на него самаго. Нельзя не замѣтить, что при исполненіи этой задачи автору пришлось побѣдить много затрудненій, потому что тема эта истерта до нельзя разными піитами, изображавшими задумчивыхъ героевъ, исполненныхъ благородства, но изнывающихъ въ борьбѣ съ средою. Такіе герои опошлены до крайности, какъ отъ слишкомъ частаго появленія на сце-

нѣ, такъ и отъ неудачнаго изображенія. Притомъ тема эта весьма неблагодарна; потому что талантливыя натуры, заѣденныя средою, поняты и ни въ комъ уже не возбуждаютъ симпатіи. Вотъ почему, быть можетъ, мы до сихъ поръ имѣемъ только небольшой отрывокъ этой поэмы. Но въ отрывкѣ этомъ г. Некрасовъ такъ искусственно побѣдилъ всѣ трудности встрѣченныя имъ на пути, что заставляетъ желать продолженія поэмы. Страданія его героя, столь не-симпатичныя сами по себѣ, облечены такимъ чистымъ и свѣтлымъ чувствомъ любви къ матери, что невольно возбуждаютъ симпатію. Выраженіе этого чувства есть великолѣпнѣйшій гимнъ, въ которомъ воскресаетъ падшій человекъ и снова готовъ на великое дѣло.

Отъ ликующихъ, прайдно болтающихъ,
 Обагрющихъ руки въ крови:
 Уведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дѣло любви!

Нѣтъ, этотъ гимнъ сложенъ не для прославленія страданій благороднаго, но безсильнаго человека; это скорѣе апофеоза русской женщины, печальная доля которой служить главнымъ предметомъ поэзіи г. Некрасова. Страдальческій образъ матери стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, и теплое чувство къ ней можетъ заставить читателя полюбить ея слабаго сына, когда онъ говоритъ:

О прости! то не пѣснь утѣшенія,
 Я заставаю страдать тебя вновь,
 Но я гибну—и ради спасенія
 Я твою призываю любовь!
 Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
 Чтобы кроткія очи твои
 Смыли жаркой слезою страданія
 Всѣ позорныя пятна мои!
 Чтобы ту силу свободную, гордую,
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрѣпила ты волею твердою
 И на правый наставила путь...

Исторія Валежникова и причины его страданія намъ неизвѣстны; но во всякомъ случаѣ, это страданіе выражено съ такою силою, въ выраженіяхъ его столько чувства, ума и благородства, что мы не рѣшимся презирать его или смѣяться надъ нимъ, какъ презираемъ

талантливыя натуры, которыя загубила среда, и какъ смѣемся надъ разочарованными идиотами въ родѣ Печорина; мы не рѣшимся презирать и осмѣивать его тогда, когда, проснувшись утромъ, онъ ясно сознаетъ свое безсиліе и неспособность на то, о чемъ думалъ ночью. Надобно замѣтить, что г. Некрасовъ понялъ это очень вѣрно. Дѣйствительно, люди нервнаго темперамента чувствуютъ себя гораздо свѣжѣе и бодрѣе вечеромъ, тогда какъ сангвиники на оборотъ, утромъ. Валежниковъ — очевидно человѣкъ нервный, потому что самъ говоритъ:

И пугать меня будетъ могла
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Такимъ образомъ при пробужденіи его самымъ понятнымъ и естественнымъ образомъ охватываетъ тяжелое сознаніе своего безсилія, и не только другимъ, но и самому ему ясно, что онъ лишній, бесполезный человѣкъ. Но кто подслушалъ его ночную исповѣдь, у того едва-ли хватить духу бросить въ него укоризною или насмѣшкою. Откуда же усмотрѣлъ г. Н. Б., что онъ устыдился своихъ благородныхъ порывовъ и спѣшить заглушить ихъ прозою? Что Валежниковъ страдаетъ, видя свою неспособность осуществить эти порывы, — это ясно; но почему заключилъ г. Н. Б., что онъ стыдится ихъ и намѣренно заглушаетъ — это вопросъ, разрѣшеніе котораго находится, вѣроятно, въ связи съ мутными источниками, упоминаемыми имъ.

Въ заключеніе московская критика объявляетъ, что никто не заподозритъ въ г. Некрасовѣ — москвича; понятно, что это самый тяжелый приговоръ, который онъ могъ произнести, и понятно также, что послѣ этого кружокъ «Дня» не можетъ находить въ произведеніяхъ г. Некрасова что бы то ни было хорошее. Однако нашелъ. Поправились ему очень одни забытые стихи г. Некрасова, которымъ мѣсто развѣ въ III части его стихотвореній, въ отдѣлѣ юмористическихъ. Стихи эти въ родѣ того, что

Краше твой вѣнецъ лавровый *)
Побѣдоноснаго вѣнца

*) Хотя въ сущности не краше а септале и не лавровый а терновый, но я оставилъ по московски: вѣрно такъ патріотичнѣе.

и слѣдовательно весьма напоминаютъ стихи Добролюбова:

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героевъ славное чело и т. д.

Ни такія похвалы, ни такія порицанія не коснутся произведеній г. Некрасова. Стихи его у всѣхъ въ рукахъ, и будятъ умъ, и увлекаютъ, какъ своими протестами, такъ и идеалами. За него не страшно и въ томъ отношеніи, что сила его таланта упадетъ и что будущія произведенія его останутся ниже прежнихъ, что часто бываетъ съ поэтами, поющими Наполеоновъ и Александровъ Македонскихъ... У кого стихи текутъ изъ мысли, а мысль сильна и свѣжа, тому не грозитъ эта участь.

Мишль, какъ видно, пришелся по вкусу нашей публикѣ, потому что она знакомится не только съ важнѣйшими сочиненіями его, какъ «Система логики» и «Основанія политической экономіи», но и съ второстепенными, какъ вышедшія недавно журнальныя рецензіи его подъ заглавіемъ «Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія, состояція изъ двухъ рецензій на исторію Греціи Грота и рецензіи на очерки и лекціи Гизо и «Исторію Франціи» Мишле.

Нельзя сказать, чтобы статьи эти отличались какими нибудь блистательными достоинствами, которыя бы объясняли перепечатку ихъ изъ журналовъ особымъ изданіемъ, а тѣмъ болѣе переводъ ихъ на русскій языкъ. Такое сужденіе я, разумѣется, могу распространить только на историческую часть «Разсужденій». Четыре историческія статьи Мишля, по правдѣ сказать, лишены всякой занимательности; въ свое время, т. е. когда оныя были помѣщены въ журналахъ во время перваго появленія знаменитыхъ сочиненій, рассматриваемыхъ въ нихъ, онѣ могли имѣть интересъ, какъ довольно подробный отзывъ о такихъ важныхъ литературныхъ новостяхъ, какими были книги Грота, Мишле и Гизо. Но теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ со времени перваго появленія ихъ, онѣ не могутъ быть интересны даже для публики, знакомой съ сочиненіями, составляющими ихъ предметъ; теперь публика эта очень хорошо знаетъ всѣ достоинства исторій Грота и Мишле и не нуждается для нихъ ни въ

чей рекомендаціи. Наша же публика совершенно незнакома съ Гротомъ и очень мало знаетъ Мишле. Поэтому, едва-ли будетъ любопытно и полезно ей узнать, что сочиненія этихъ историковъ очень важны и глубокомысленны. Во всякомъ случаѣ, для нашей публики узнать это будетъ нисколько не полезнѣе и не любопытнѣе, какъ услышать отъ Милля похвалы политической дѣятельности Гизо (см. стр. 75). Конечно, незнакомство нашей публики съ предметами изслѣдованій Милля имѣло бы менѣе значенія, если-бы статьи его сколько нибудь оправдывали названіе «Разсужденій и *Изслѣдованій*». Но дѣло въ томъ, что изслѣдовацій въ историческихъ, по крайней мѣрѣ, статьяхъ нѣтъ никакихъ. Статьи эти ничѣмъ не отличаются отъ обыденныхъ журнальныхъ рецензій, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ интересъ временный и частный, и совершенно недостаточны для ознакомленія публики съ разбираемыми въ нихъ произведеніями. Онѣ могутъ только указывать на общій характеръ сочиненія, на мысль проводимую въ немъ, на его достоинства и недостатки; но указывать лишь въ общихъ чертахъ, не съ цѣлью познакомить читателя съ разбираемымъ сочиненіемъ, а съ цѣлью возбудить въ читателѣ желаніе или нежеланіе познакомиться съ нимъ. Но журнальныя рецензіи могутъ получить важный самостоятельный интересъ, если, отодвигая на второй планъ библиографическія цѣли, проводятъ какія нибудь идеи, хотя мало касающіяся разбираемаго сочиненія, но за то имѣющія самостоятельное значеніе. Мы имѣемъ примѣръ такихъ рецензій въ статьяхъ Бѣлинскаго и Добролюбова, которыя хотя и не украшены названіемъ изслѣдовацій, но гораздо важнѣе и любопытнѣе статей Милля. Точно также есть, напр. журнальныя рецензіи Берне, которыя мало уклоняются въ сторону отъ разбираемой книги, но блестящее остроуміе и необыкновенный талантъ автора доставляютъ читателю наслажденіе, не смотря на то, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно лишентъ интереса.

Такии достоинства статьи Милля не могутъ похвалиться. Поэтому приходится ограничить сужденіе объ нихъ ихъ достоинствами, какъ простыхъ журнальныхъ рецензій. Въ этомъ отношеніи онѣ, какъ говорится, ни рыба, ни мясо. Никакихъ нелѣпостей и безобразій въ нихъ нѣтъ; видно, напротивъ, что авторъ—человѣкъ умный и ученый, словомъ, самъ Д. С. Милль; но я не думаю, чтобы сужденіе, даже самое основательное, о незнакомыхъ намъ вѣсѣгахъ могло имѣть для насъ значеніе при отсутствіи такихъ сторонъ, ко-

торыя находимъ въ рецензіяхъ, разумѣется несравненно менѣе ученыхъ и дѣльных, Добролюбова. Разумѣется, сочиненіе, напр. Милля, такъ интересно, что дѣльный отзывъ о немъ, какъ-бы сухъ ни былъ, все таки будетъ имѣть нѣкоторую долю занимательности. Но для этого все таки необходимо имѣть понятіе о самомъ сочиненіи Милля.

Но и въ этихъ рецензіяхъ встрѣчаются у Милля мысли и замѣчанія, которыя имѣютъ то важное достоинство, что пробуждаютъ въ читателѣ самостоятельную работу мысли. Такъ, говоря о Гротѣ, Милль замѣчаетъ, что недѣло унижать то, что сдѣлано для цивилизаціи греками; онъ говоритъ, что гораздо лучше и плодотворнѣе будетъ спросить себя, на сколько превзошло грековъ современное человечество, на сколько ушло оно далѣе идеаловъ, созданныхъ высшими умами Греціи и на сколько повысился нравственный уровень современнаго общества сравнительно съ греческимъ. На вопросъ этотъ Милль отвѣчаетъ не въ пользу настоящей цивилизаціи.

—Въ новомъ обществѣ, говоритъ онъ, правда, болѣе гуманности, нравы мягче, впрочемъ только съ недавняго времени, чувство нравственнаго долга шире и его сознаніе менѣе зависитъ отъ какихъ нибудь особенныхъ частныхъ обязательствъ. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы большая часть положительныхъ добродѣтелей не была понимаема и цѣнима выше общественнымъ мнѣніемъ грековъ, нежели общественнымъ мнѣніемъ англичанъ, гдѣ отрицательнымъ, пассивнымъ качествамъ отдается слишкомъ много уваженія, которое по справедливости должно принадлежать положительной добродѣтели. Еще вопросъ нерѣшенный: лучше-ли понимаются нами даже частныя обязанности, между тѣмъ какъ обязанности общественныя, за исключеніемъ случаевъ особенной довѣренности или специальныхъ порученій, почти совсѣмъ вычеркнуты изъ списка: идея общественной добродѣтели, такъ могущественная въ свободныхъ республикахъ Греціи, обратилась у насъ въ риторическое украшеніе. „(стр. 47).“ Въ величайшей греческой республикѣ, говоритъ онъ далѣе, какъ она представлена своимъ знаменитѣйшимъ гражданиномъ, общественный интересъ имѣлъ высокое и обязательное значеніе во всемъ, что непосредственно относилось къ нему. Но въ тѣ стороны жизни частной, которыя лично касались самихъ гражданъ, общественное мнѣніе не вмѣшивалось. Между тѣмъ въ нравственныхъ отношеніяхъ современнаго общества бываетъ совсѣмъ на оборотъ, и отъ гражданина нашего времени не требуется другаго уваженія къ обществу, кромѣ того, чтобы онъ исполнялъ свои частныя обязательства сообразно съ общественными ожиданіями.» (стр. 54).

Все это весьма справедливо и дѣльно. Гражданскіе подвиги, самоотверженная любовь къ согражданамъ, патриотическій энтузіазмъ — все это не составляетъ такихъ характеристическихъ особенностей нашего общества, какъ древне-греческаго. Даже болѣе: слово *гражданинъ* потеряло всякое значеніе. По греческому же складу ума и по греческимъ воззрѣніямъ это было совершенно немислимо. Наше общество ограничиваетъ свои требованія отъ своихъ членовъ въ гражданскомъ отношеніи тѣмъ, чтобы они, какъ говорится, сальныхъ свѣчей не ѣли и стекломъ не утирались; подвигъ гражданской доблести не только явленіе рѣдкое, но, что еще замѣчательнѣе, возбуждаетъ въ обществѣ даже нѣкоторую антипатію, или, по крайней мѣрѣ, далеко не симпатичное изумленіе. Какъ скоро патриотамъ отъ глупыхъ изліяній въ стихахъ и провѣ переходитъ къ дѣлу, то въ обществѣ его встрѣчаетъ весьма не сочувственное изумленіе, вмѣсто прежняго симпатичнаго и восторженнаго удивленія; мы поступаемъ непослѣдовательно, повторяя за греческими писателями похвалы ихъ гражданамъ, отличившимся патриотическими подвигами. По нашему, слѣдуетъ строго порицать такихъ людей, какъ Гармодій или Эпаминондъ; какой нибудь Павзаній, напротивъ, долженъ казаться намъ геніальнымъ государственнымъ человекомъ. Я полагаю, что съ нашей точки зрѣнія такой человекъ достоинъ по крайней мѣрѣ тѣхъ похвалъ, которыя наши историки расточаютъ Густаву III. Если всѣ эти лица пользуются похвалами нашихъ историковъ, то это доказываетъ только, что писатели наши повторяютъ какъ попугай общія мѣста, не обращая вниманія на то, что хвалятъ въ Греціи то самое, что порицаютъ во Франціи.

Но Милль неправъ, говоря, что наше общество требуетъ отъ своихъ членовъ исполненія частныхъ обязанностей; слѣдовало бы сказать, что оно требуетъ только не нарушать явно этихъ обязанностей; такъ напр. англійское общество не проститъ человеку несоблюденіе всѣхъ предписываемыхъ для воскреснаго дня обычаевъ, но не обратитъ вниманія на обращеніе его съ дѣтьми или женою, пока нарушеніе семейныхъ обязанностей не сдѣлается явнымъ, т. е. пока оно не дойдетъ до суда.

Поэтому, не отрицая конечно прогресса въ общемъ состояніи нашей цивилизаціи сравнительно съ греческой, нельзя не сказать, что отношенія общества къ отдѣльнымъ членамъ его и понятіе о гражданскихъ достоинствахъ находятся у насъ въ худшемъ положе-

нн, чѣмъ у грековъ, или, по крайней мѣрѣ, менѣе удовлетворительны для нашего времени, чѣмъ отношенія и понятія греческаго міра были для своего. Конечно, замѣчаніе это весьма не ново и давно уже признано.

Но Милль, въ разборѣ историческихъ сочиненій Гизо, говорить, что «ни въ одинъ періодъ исторіи человѣческой умъ не былъ такъ дѣятеленъ и общество такъ безошибочно въ быстромъ прогрессивномъ движеніи, какъ въ теченіе большей части такъ несправедливо униженнаго феодальнаго періода». (стр. 119). Съ этимъ едва-ли кто нибудь согласится.

Указавъ, такимъ образомъ, на это различіе греческаго общества отъ современнаго европейскаго, Милль не объясняетъ причинъ его, (потому что дѣло еще вовсе не въ томъ, что политическое устройство греческихъ государствъ способствовало развитію гражданственно, ибо возникаетъ вопросъ, откуда же взялось такое устройство?). Понятно, что въ журнальной рецензій невозможно вдаваться въ слишкомъ подробное разсматриваніе такихъ вопросовъ, и можно быть весьма благодарнымъ рецензенту, если онъ краткимъ замѣчаніемъ возбудитъ въ читателѣ мысль. Однако четыре вышедшія доселѣ статьи Милля содержатъ въ себѣ немного такихъ замѣчаній. Немногія страницы, которыя онъ можетъ посвящать разсматриванію частныхъ вопросовъ, наполнены по большей части разсужденіями далеко не плодотворными, о предметахъ весьма неблагоприятныхъ. Такъ напр. въ статьѣ о Гизо ему приходится посвятить большую часть ея изложенію взгляда Гизо на элементы, внесенные въ нынѣшнюю цивилизацію Римомъ, церковью и феодализмомъ. Такимъ образомъ, большая часть его статьи представляетъ только интересъ хорошаго изложенія мнѣній г. Гизо. Здѣсь Милль мало вдается въ критику. Но въ началѣ статьи онъ относится къ Гизо критически, разбирая общія разсужденія Гизо, какъ писателя, которыя, какъ замѣчаетъ Милль, характеризуютъ образъ мыслей Гизо. Но хотя Милль полагаетъ, что разсужденія эти заслуживаютъ глубокаго вниманія, однако въ сущности это толченіе воды, и разсужденія самого Милля о разсужденіяхъ Гизо, по ничтожности предмета, сами обращаются въ нуль. Гизо, изволите видѣть, размазываетъ свои разсужденія на такой тезисъ: «въ древнемъ мірѣ различныя формы общественности были односторонни и служили для развитія исключительно какой нибудь одной идеи, тогда какъ нынѣшняя цивилизація сложна и

разностороння». Чтобъ пояснить это, приведу примѣръ: вся цивилизація древняго Египта, напр. развивалась по направленію тескратическаго принципа, который задавилъ всё другія стороны жизни; другое древнее общество также исключительно развивало другой принципъ, третье — третій и т. д. Въ нынѣшнихъ же обществахъ всё стороны развиваются равномѣрно и ни одна не въ ущербъ другой, что составляетъ причину прогресса и процвѣтанія. Въ прежнее время подобные вопросы весьма интересовали многихъ, и самые умные люди не брезгали ломать надъ ними голову. Такое занятіе хотя и напоминаетъ безсмертнаго Клею Мокіевича, но съ другой стороны это легко и пріятно. Напр. на тему, взятую Гизо, можно написать 12 томовъ и рассуждать всякій вечеръ въ теченіи года; можно неопровержимо доказать этотъ тезисъ и, доказавъ, приобрести видъ серьезнаго чловѣка, блистательно разрѣшившаго головоломный вопросъ. Но можно также доказать все это шиворотъ на выворотъ, опровергнувъ Гизо и поддерживавъ противное мнѣніе. Наконецъ, можно явиться чѣмъ-то въ родѣ Соломона, отвергнувъ или примиривъ оба мнѣнія и проведя среднее, послѣ чего репутація глубокомысленности будетъ на вѣки упрочена. Такъ напр. поступаетъ Милль, чрезвычайно дѣльно и убѣдительно опровергающій первую половину мнѣнія Гизо и поддерживающій вторую. Вся бѣда въ томъ, что столь полезное занятіе должно было прекратиться по недостатку слушателей, которые, замѣтивъ, что канитель затянулась на вѣки вѣковъ, надсмѣялись надъ мудрецами, а съ Гизо поступили еще хуже. Ему бѣдному пришлось убѣдиться на опытѣ въ справедливости своихъ словъ, потому что французское общество отказалось, въ силу особености европейской цивилизаціи, развиваться односторонне въ сторону буржуазіи. Такъ съ тѣхъ поръ Клею Мокіевичи и притихли и ужъ не мучать себя вопросами въ родѣ того: «А чтобы было, еслибъ при Маратонѣ персы побѣдили?» Не до персовъ, не до Маратона.

Но наша публика весьма неопытна и, пожалуй, увлечется столь занимательными вопросами, которые можно даже обратить въ веселое препровожденіе времени, причислить къ *petits jeux*. И занимательно, и какъ будто дѣло.

По счастью наша публика пристрастилась къ другому рода вопросамъ, и можно надѣяться, что лягушка выйдетъ побѣдоносно изъ борьбы съ мудростью Гизо; содержимое ея желудка видимо

интересуетъ публику болѣе, чѣмъ содержаніе головы Гиво. Это очень хорошо, потому что разсужденія на подобныя темы имѣютъ свойство набивать голову какой-то тухлой, какъ будто бы имѣющей не только смыслъ, но и великую важность, но въ результатѣ совершенно безплодной и бесполезной. Понятно, что и разсужденія Милля на такія темы имѣютъ только внѣшность серьезности и важности; вина, конечно, не его, а неблагоприятной темы; но, какъ бы то ни было, это мало способствуетъ тому, чтобы придать интересъ его историческимъ рецензіямъ.

Что же касается до рѣшительнаго мнѣнія о его изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ, то оно можетъ быть выражено только по выходѣ остальныхъ двухъ частей.

Г. Сѣченовъ, видя недостатокъ въ руководствѣ по физиологіи для занимающихся этою наукою, перевелъ «учебникъ физиологіи» Германна, составляющій самую пріятную литературную новость послѣдняго времени. Имя г. Сѣченова вполне ручается за достоинство книги, избранной имъ для перевода на русскій языкъ въ пособіе учащимся. Лучшей рекомендаціей этой книги и вполне вѣрнымъ опредѣленіемъ ея могутъ служить слова г. Сѣченова въ небольшомъ предисловіи, которое онъ предпослалъ своему переводу: «книга Германна представляетъ хотя и сжатый, но полный сводъ выводовъ новѣйшей науки; при томъ, въ ней отдѣлено существенное отъ неважнаго и твердо стоящее отъ шаткаго». Тѣ отдѣлы, которые въ подлинникѣ слишкомъ кратки, дополнены г. редакторомъ, познанія и работы котораго пользуются такой заслуженной извѣстностью. Дополненія сдѣланы во всѣхъ главахъ, кромѣ процессовъ отдѣленій и исторіи развитія зародыша. Теперь вышла только первая половина сочиненія, заключающая въ себѣ два отдѣла: обменъ веществъ въ организмѣ и дѣятельности организма. Важнѣйшія дополненія г. редактора будутъ, вѣроятно, въ физиологіи нервовъ.

Не говоря уже о важности этого учебника для людей, специально изучающихъ физиологію, онъ имѣетъ большой интересъ и вообще для всякаго образованнаго человѣка; хотя отъ спеціальнаго учебни-

ка нельзя ожидать популярности, какъ и отличаетъ напр. «Физиологическія письма» Фогта, однако они читаются съ большимъ удовольствіемъ; въ особенности читатели, имѣющіе понятіе о «физиологии» по популярнымъ изложеніямъ Фогта, Молешотта и Бюхнера, которыя переведены на русскій языкъ, не встрѣтятъ затрудненія при чтеніи учебника Германа, представляющаго уже строго-научный сводъ фактовъ.

Книга Гукслея, изданная недавно въ Москвѣ, есть тоже самое сочиненіе проф. Гексли, которое издано въ началѣ этого года въ Петербургѣ г. Тибленомъ подъ заглавіемъ «о положеніи чловѣка въ ряду органическихъ существъ». Объ этомъ сочиненіи было уже сказано въ «Русскомъ словѣ» при выходѣ изданія г. Тиблена, и здѣсь остается только напомнить, что это одно изъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ въ послѣднее время по антропологии. Нынѣшнее московское изданіе значительно хуже петербургскаго по внѣшнему виду и притомъ переведено не съ оригинала, а съ нѣмецкаго перевода. Но что касается до существенныхъ достоинствъ изданія, то оно мало уступаетъ петербургскому и переводъ сдѣланъ не менѣе добросовѣстно, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ на себѣ признаки того, что сдѣланъ не съ англійскаго, а съ нѣмецкаго языка. Однако, кромѣ нѣкоторыхъ германизмовъ, упрекнуть его не въ чемъ, потому что книга эта превосходно переведена на нѣмецкій языкъ Карусомъ. Такимъ образомъ сочиненіе Гексли, надѣлавшее столько шума, является на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ, подобно сочиненію Фогта о томъ же предметѣ. Но публика наша такъ хорошо принимаетъ такіа книги, что это не вредитъ изданіямъ, и слышно, что одинъ изъ издателей «лекцій» Фогта: «о положеніи чловѣка въ животномъ царствѣ» нашелъ нужнымъ приступить къ перепечатанію своего изданія. Книга же Гексли не только не уступаетъ, но даже во многихъ отношеніяхъ превосходитъ лекціи Фогта; потому изданія не могутъ рассчитывать на равный успѣхъ. Такимъ образомъ на русскомъ языкѣ въ теченіе года будетъ пять изданій по одному и тому же естественно-историческому вопросу. Грустный фактъ для защитниковъ классическаго образованія, которое ведетъ свое начало отъ кievской бурсы.

Рекомендую читателямъ переводъ г. Гольдендаха, который оставилъ даже нѣкоторые промахи, сдѣланные въ переводахъ г. Бекетова. Такъ напр. на стр. 3 изданія г. Тиблена сказано въ описаніи обывающаго Пуркаса, что «у нихъ пять пятковъ», между тѣмъ

посаднику, о которой говорится не меньше, чемъ въ любви ученой русской исторіи. Вотъ вамъ и «положеніе вдовы въ обществѣ и семействѣ.» После такихъ изслѣдованій, ученые авторы имѣютъ полное право заключить:

«Развитіе жизни семейной характеризуетъ христіанское русское общество. Центръ, около котораго вращается эта жизнь,—женщина. Она является тамъ, какъ нѣжная сестра, преданная супруга, печующая и глубоко уважаемая мать. Своимъ вѣщюю силу язычества она замѣнила глубокою вѣрою въ святиню новой религіи, вмѣсто физической силы (вотъ какъ?) обнаруживаетъ великую силу нравственную, которая даетъ ей господство въ семьѣ, и она—таже нѣжная мать, только въ еще болѣе мягкихъ формахъ» (стр. 100). По такому образцу было-бы весьма легко каждому описать положеніе русской женщины въ настоящее время. Напр. взять главу подъ заглавіемъ: «О положеніи вдовы въ современномъ обществѣ.»

«Когда мужъ умираетъ, жена его дѣлается вдовой; иногда она наследуетъ его состояніе, а иногда дѣтъ: вотъ Марья Ивановна наследовала; а Софья Петровна нѣтъ. Обыкновенно жена носитъ трауръ, въ первое время даже съ плерезамя. Вдовы иногда обращаются въ судъ, если родственники обажуютъ ихъ, и при этомъ случается, что ищутъ покровительства влательныхъ лицъ. Вчера при мнѣ къ соуду вѣтнику Никанору Васильевичу приходила вдова сапожника Петрова жаловаться на купца Самоварова. Бываетъ также, что вдовы ходятъ по улицамъ и съ трогательнымъ видомъ показываютъ прокожымъ бумагу съ описаніемъ, что-де осталась вдовой... шестеро дѣтей мала мала меньше... и т. д. Такихъ называютъ *сапожницами*, видѣть ихъ можно на церковныхъ папертяхъ. Въ столицахъ есть вдовьи дома; живутъ въ этихъ домахъ вдовы, поступающія туда, если не имѣютъ собственнаго дома. Дѣти вдовъ болшемъ частью любятъ ихъ и ходятъ благословляться, но бываетъ, что и не ходятъ. Нѣкоторыя вдовы любятъ играть въ ералашъ (Анна Степановна, Катерина Дмитриевна), другія предпочитаютъ преферансъ (Лукерья Осиповна), вообще, разныя вдовы бываютъ... Вѣтъ можно сдѣлать общій выводъ, что вдовы имѣютъ великую нравственную силу, а иныя и физическою отличаются; при этомъ можно тоже сослаться на какую нибудь вдову мужественнаго характера.»

Въ этомъ родѣ въ изслѣдованіи г. Добрякова. Зайдетъ рѣчь объ отношеніяхъ супружескихъ, онъ рассказываетъ, что въ такомъ-то го-

родъ князь и княгиня вѣстѣ радовались въздоровленію епископа; а томъ, что бояринъ Днѣ жилъ въ ладу съ своею женою, коснется рѣчь брака—онъ снова перечисляетъ разныхъ Ростиславичей и Ольговичей, доказывая, что браки сопровождались празднествами; о свободѣ жены заговорить—отецъ Ростиславича, о независимости дочери—все-таки Ростиславичи. Немудрено, что въ концѣ концовъ окажется, что русская женщина всегда была нѣжною сестрой, преданной супругой, уважаемой матерью, господствовала въ семьѣ и наслаждалась независимостью.

Миттермайеръ — одинъ изъ лучшихъ и послѣднихъ нѣмецкихъ юристовъ, воспитанныхъ подъ влияніемъ философіи Гегеля. Отъ философіи этой, построенной на произвольныхъ абстрактныхъ началахъ, не осталось никакихъ слѣдовъ въ области тѣхъ точныхъ знаній, которыми такъ богата Германия въ настоящее время; одной юриспруденціи, какъ наукѣ по преимуществу консервативной, суждено такъ долго не разставаться съ Гегелемъ; она продолжаетъ жить его идеями и опираться на его нѣмецко-бюрокраетическихъ принципахъ. Только въ послѣднее время стали проявляться попытки дать праву болѣе прочныя основы, и вывести его значеніе и практическое примѣненіе въ законодательствахъ изъ наблюдений и опытовъ надъ отдѣльнымъ человеческимъ организмомъ и общественнымъ устройствомъ того или другаго народа. Естествознаніе, социальная экономія и статистика дѣятельно работаютъ въ пользу этого направленія, такъ что нравственная философія, доселѣ исключительно господствовавшая надъ юридической наукой, скоро останется ни при чемъ. Всякій новый фактъ, отрываемый физиологіей и медициной, всякая новая статистическая цифра, всякій новый социальный законъ, подрываютъ метафизику права и даютъ ему смыслъ положительнаго знанія. Но чѣмъ наблюдения разнообразнѣе и точнѣе, тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе они приобрѣтаются, и потому недостатокъ матеріаловъ и опытовъ еще долго будетъ мѣшать полному и широкому взгляду на такой предметъ, какъ правосудіе. Миттермайеръ — юристъ старой школы и находится уже въ такихъ лѣтахъ, когда умственное развитіе считается законченнымъ и поворотъ къ новымъ возрѣніямъ не по см-

дальше. Но они сделали все, что могли сделать, и в настоящее время они являются учеными для своего времени. Книга же о смертной казни принадлежит к числу лучших его сочинений. Вот что они говорят в предисловии к своей книге об основании своего взгляда на предмет: «Моя изводная точка зрения состоит в том, что в настоящее время только учреждения, основанные на нравственных началах, могут размышлять на успешные результаты и что только одно продолжительное существование учреждения не может служить достаточным поводом к сохранению его. Я пришел к тому убеждению, что те воззрения и соображения, которыми некогда старались оправдать смертную казнь, оказались несостоятельными и что сохранение этого наказания послѣ паденія идей, поддерживавших его, противорѣчить успехамъ образованности. Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ настоящимъ сочиненіемъ, видно, что во многихъ странахъ число помилованныхъ преступниковъ, осужденныхъ на казнь, превышаетъ число дѣйствительно казненныхъ, что повсюду самые опытные и здравомыслящіе люди все болѣе и болѣе встаютъ противъ смертной казни, и что тамъ, гдѣ законъ отбѣнилъ это наказаніе, преступленія не увеличиваются». Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ французскимъ криминалистомъ Молинье, Миттермайеръ надѣется, что со временемъ пенитенціарныя тюрьмы повсюду вытѣснятъ смертную казнь. Но на сколько облегчится участь преступниковъ отъ пенитенціарной системы заключенія и что выиграетъ человѣчество отъ этой замѣны? — Миттермайеръ умалчиваетъ объ этомъ вопросѣ. А вопросъ этотъ очень важенъ, потому что, не разрѣшивъ его удовлетворительно, очень легко пасть изъ кульба въ рогожку.

Книжка Миттермайера переведена г. Саранчовымъ очень хорошо, издана чистенько и стоитъ всего 90 коп. Желаемъ ей добраго успѣха.

Появленіе перваго тома сочиненій Помяловскаго можетъ служить нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ господствующаго направленія той беллетристики, которая началась «Взбаломученнымъ моремъ» и продолжается романомъ «Некуда». Вонь, распространенная этими цвѣтами нашего беллетристическаго Парнасса, требовала нѣкотораго очи-

противъ критика «Русскаго Слова». Хотя Гурьевъ писалъ его по имени. «Русское Слово» не приняло этой статьи за вызовъ на полемику, хотя въ статьѣ и говорилось о «критикахъ—дѣтяхъ» и «о простоватыхъ слушателяхъ, принимающихъ за доказательства дѣлательныя воззрѣнія г. Тургенева». Мы видѣли въ этой статьѣ только подтвержденіе того взгляда, который былъ высказанъ «Современникомъ» еще въ 1862 году. Точно также, статью: «Нерѣшенный вопросъ» мы считаемъ только дальнейшимъ и логическимъ развитіемъ своего прежняго мнѣнія о Базаровѣ. Почему же «Современникъ» не призналъ статью «Русскаго Слова» 1862 года за полемическій вызовъ и придалъ этотъ характеръ статьѣ 1864 года?

Говоримъ откровенно, что мы вовсе не думаемъ и не желаемъ полемизировать съ «Современникомъ», особенно о такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ «Нерѣшенный». Намъ нечего бояться этой полемики и угрозъ «Современника», но мы не желаемъ полемизировать съ нимъ потому, что сознаемъ всю бесполезность полемики, особенно въ такое время, когда она, вмѣстѣ удовольствіемъ нашему журнальному стаду, не можетъ оказать существенныхъ услугъ литературѣ. Впрочемъ въ сущности дѣла тутъ никакой полемики и быть не должно. Авторъ «Нерѣшеннаго вопроса» не споритъ о томъ, что г. Тургеневъ несимпатично отнесся къ Базарову; для критика «Русскаго Слова» прежде всего важенъ фактъ, затронутый романомъ: «Отцы и дѣти», и по поводу котораго можно поговорить вообще о значеніи реализма, на сколько это возможно въ настоящее время. Онъ хочетъ защитить этотъ типъ отъ той клеветы, которую звела на него наша остальная журналистика, и показать важное значеніе базаровскаго элемента въ жизни общественной и семейной, въ наукѣ и искусствѣ, — словомъ, указать, по возможности, на тѣ реальныя основы, которыя составляютъ главную силу этого элемента и которыя безспорно уважаетъ и самъ «Современникъ». Гдѣ же тутъ вызовъ? И зачѣмъ нашему журналу отказываться отъ солидарности съ этой статьѣй, если она оцѣниваетъ дѣятельность и современное значеніе тѣхъ людей, на сторонѣ которыхъ находятся всѣ симпатіи «Русскаго Слова»? «Русское Слово» можетъ расходиться съ «Современникомъ» на частныхъ и отдѣльныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не рѣшится пожертвовать этой идеей въ пользу какого бы то ни было личнаго самолюбія...

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Колоніальная политика Англии и Франціи. — Хроническія возстанія колоній противъ метрополи. — Чего стоило Англии послѣднее возстаніе Индіи? — Причины этого возстанія. — Исторія колонизаціи Акадіи и Канады. — Вытѣсненіе французскаго элемента англійскимъ. — Проектъ новой конфедераціи англійскихъ колонизацій въ сѣверной Америкѣ. — Впечатлѣніе, произведенное имъ на англійское общество и правительство. — Мнѣніе лондонской патріотической прессы объ этомъ проектѣ. — Сравненіе военныхъ силъ Соединенныхъ штатовъ и Англии. — Заключеніе. — Новыя затрудненія Италіи, произведенныя трактатомъ 15 сентября. — Официальная и дѣйствительная сторона этого трактата. — Опасности ожидающія Италію. — Послѣднія извѣстія съ театра сѣверо-американской войны.

Въ исторіи европейской колонизаціи, развившейся путемъ завоеванія и эксплуатаціи, есть множество такихъ явленій, съ которыми не могутъ сравниться самыя великія бѣдствія, перенесенныя человечествомъ. Ни рабство, ни войны, подобныя тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи, ни опустошительныя эпидеміи и землетрясенія—ничто не превзойдетъ, суммой своего зла, той системы, которая, въ лицѣ Уэррена Гэстингса, истребляла людей съ невообразимымъ хладнокровіемъ. Отъ голода и меча погибли цѣлыя расы и огромныя плодороднѣйшія почвы обратились въ пустыни. А сколько силъ и народнаго богатства истрачено даромъ на постройку колонизаціонной системы въ томъ видѣ, какъ она существуетъ до сихъ поръ. Такая страна, какъ Англія, могла-бы развиться во сто разъ лучше, со-

средоточившись въ себѣ и употребивъ на собственную пользу тѣ громадныя средства, которыя она расточила на Востокѣ, захватывая чужія земли и насилуя дикія и населенія. Милль справедливо говоритъ, что Англія была-бы сплнѣе занимала-бы болѣе почтенное положеніе, если-бъ отдѣлилась отъ колоній, которыя теперь стоятъ ей гораздо дороже, чѣмъ сколько она получаетъ отъ нихъ. Но въ англійской колонизаціи, по крайней мѣрѣ, преобладали экономическія цѣли. Англія приобрѣтала колоніи не изъ одного пустаго тщеславія, но всегда имѣла въ виду денежныя интересы; она эксплуатировала туземныя произведенія, силы покореннаго народа и, набивая свой карманъ чужими богатствами, могла прокормить и дать дѣятельность тѣмъ младшимъ отраслямъ аристократіи, которыя, по праву первородства старшихъ сыновей, оставались-бы дома безъ дѣла и безъ хлѣба. Кромѣ того, вся промышленная система Англіи основана на колоніяхъ; всѣ сырые продукты она получаетъ извнѣ и перерабатываетъ ихъ на своихъ фабрикахъ. Ея колоссальная фабричная работа можетъ поддерживаться только колониальными произведеніями и эксплуатацией болѣе плодородныхъ тропическихъ странъ. И она эксплуатируетъ ихъ безсовѣстнымъ образомъ.

Чтобы объяснить самыми фактами методу эксплуатаціи, мы напомнимъ здѣсь читателю послѣднее возстаніе Индіи, которое испугало не только метрополию, но и всю Европу. Въ виду двухъ-сотъ тысячнаго войска, постоянно оберегающаго Индію, угнетенныя племена ея подняли свои цѣпи и, не рассчитывая на побѣду, сдѣлали однакожь рѣшительный вызовъ Англіи. Ближайшими причинами этого возстанія были страшные налоги, обременявшіе бѣдныхъ жителей Индостана. Такъ, поземельная подать въ концѣ пятидесятихъ годовъ доходила до 66% на 100 съ валоваго дохода. Туземные земледары (землевладельцы) были разорены до того, что почти всѣ богатые и старыя фамиліи вымерли, или должны были отступить на сѣверъ, въ независимыя владѣнія отъ англійскаго господства. Нисшіе и производительные классы, объединившіе вслѣдствіе тяжелыхъ налоговъ и непрерывно возрастающихъ долговъ, доведены были до невозможности обрабатывать лучшія почвы. Основываясь на показаніи Мида, восемнадцать милліоновъ англійскихъ подданныхъ въ провинціи Мадрасъ имѣютъ каждый только 2½ к. въ недѣлю для существованія съ семействомъ. «Бѣдный земледѣлецъ, говоритъ другой очевидецъ индійскаго населенія, живетъ со дня на день; онъ рѣдко видитъ день-

ри, кромѣ тѣхъ, которыя занимаютъ для уплаты налога. Между деревнями нѣтъ никакихъ торговыхъ сношеній; а если они и есть, то обмѣниваются одни натуральные продукты. Рабочія животныя, употребляемыя для воздѣлыванія земли, — жалкія и тощія влячи, изъ которыхъ каждая стоитъ отъ 7—12 шиллинговъ. Все остальное хозяйство въ томъ же видѣ. Домъ земледѣльца состоитъ изъ грязной лачуги, покрытой соломой; въ немъ нѣтъ ничего, похожаго на какую нибудь мебель. Пища работника и его семейства состоитъ изъ небольшого количества риса и муки, разболтанныхъ на водѣ. Чтобы вскипятить на огнѣ эту болтушку, не имѣется другой посуды, кромѣ глиняной, и притомъ изъ самой грубой глины. Только изрѣдка попадаетъ желѣзная утварь, не совсѣмъ безъизвѣстная въ деревняхъ. Что же касается до воспитанія, до умственной культуры, то объ этомъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.» (*La Révolte de l'Inde, par Montgomery-Martin. 1860. 27—28 p.*).

Вѣковое истощеніе почвъ, которыя нѣкогда были богатѣйшими источниками благосостоянія страны, подготовленное громаднымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ въ Англію, имѣло вредное вліяніе на движеніе народонаселенія Индіи. Такъ, знаменитая бенгальская долина, прежде кипѣвшая дѣятельностію и густымъ населеніемъ, теперь лежитъ голой пустошью. Эпидемія и голодь — эти неразлучные спутники нищеты и рабства, — истребляли сотнями тысячъ народонаселеніе, не знавшее ни заразы, ни пытки, привезенныхъ въ Индію цивилизованной Европой. Кромѣ того монополю опиума, которымъ Англія отравляетъ Китай и Японію, распространилъ въ Индіи нервныя болѣзни, притупившія мозговую и мускульную дѣятельность несчастной страны. Для разведенія этого наркотическаго вещества, англичане употребляли самыя безчестныя средства; райи обяваны были отдавать особые участки земли подъ посѣвъ мака, обрабатывать эти участки подъ надзоромъ полиціи и шпионовъ, слѣдившихъ за тѣмъ, чтобы работа была самая неустанная и сбереженіе сѣмени — самое строгое. Кромѣ того правительство понадѣлало равныя должности, агентства и учрежденія, чтобы содѣйствовать распространенію опиума; оно основало мелочныя лавочки для продажи этого яда и возвысило таксу на спиртные напитки до такой степени, что монополю опиума обратился въ могущественное орудіе нравственной порчи и искаженія народной гигіены индійскихъ населеній. Но первымъ и главнымъ послѣдствіемъ этой убійственной эксплуатаціи было обѣдненіе почвъ.

Опиумъ постепенно вытѣснялъ производство сахарнаго тростника, хлопчатки и другихъ растений, обладавшихъ страну. Все это вышло съ администраціей, хищной и произвольной, вызвало восстание, которое стоило Англій около трехъ-сотъ милліоновъ денегами, и болѣе семидесяти тысячъ людей. Такимъ образомъ Индія, не смотря на систематическое разореніе ея тяжкими налогами и грабительствомъ, не приноситъ Англій никакой существенной выгоды. «Бюджетъ Индіи, говоритъ Монгомери, всегда былъ преисполненъ дефицита; почти все доходы, вырываемые, такъ сказать, изъ животвъ ея горемычныхъ жителей, едва покрываютъ текущіе расходы во время мира. Каждая новая война увеличиваетъ сумму долга, который съ каждымъ днемъ дѣлается невыносимѣе, не въ силу своего собственнаго отягощенія, а отъ того ужаснаго состоянія, въ которое повергъ нашъ деспотизмъ индійскія населенія.» (*La Révolte de l'Inde*. p. 5).

Точно также поступала Англія а съ другими своими колоніями, видоизмѣняя только мѣстныя условія, а въ сущности придерживаясь одинаковаго административнаго и экономическаго порядка. Какъ въ Ирландіи, такъ и въ Австраліи она готовила себѣ толпы нищихъ и непримиримыхъ враговъ...

Хроническія восстанія ея владѣній всего лучше доказываютъ, что современная система колонизаціи сильно грѣшитъ противъ здраваго смысла и гуманныхъ стремленій XIX вѣка. Вездѣ она опирается на вооруженную силу, требуетъ разорительной траты людей и денегъ, и постоянно оплачиваетъ десятками и сотнями милліоновъ восстанія колоній. Достаточно указать на тотъ фактъ, что французское правительство, считающее за величайшую честь—показывать свой національный флагъ на вершинахъ алжирскихъ скалъ, платитъ за эту честь болѣе сорока милліоновъ изъ народной кассы, т. е. обременяетъ страну лишними налогами, ради бесполезнаго обладанія Алжиромъ. А если прибавить къ этому значительную смертность французскихъ переселенцевъ, поставленныхъ въ другія физическія условія, и непрерывную убыль войска, то потеря окажется вдвое больше. Кроме того, самое населеніе Алжира сдѣлалось бѣднѣе съ тѣхъ поръ, какъ пошло подъ управленіе правительства, имѣющаго въ виду выжать изъ завоеванной страны весь ея сокъ и бросить ее въ какое угодно время. Такая близорукая политика не только не рассчитана, но и вредна для человѣчества. Положимъ, что защитники ея находятъ совершенно одинаковымъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, если одинъ на-

родъ богатѣть на счетъ другаго.—Что за бѣда, говорятъ они, если Алжиръ сдѣлается бѣднѣе, за то Франція въ той-же пропорціи будетъ богаче: въ результатѣ выйдетъ то-же богатство, только перемѣщенное изъ одной мѣстности въ другую. Но таковой выводъ отличается плачевной логикой. Во первыхъ, разоренная страна, въ общей экономіи, даетъ чистый убытокъ. Если Алжиръ до завоеванія производилъ на 100 милліоновъ, а послѣ завоеванія можетъ производить только на 50 м., то значить, что онъ потерялъ болѣе половины своего капитала.—кому-бы этотъ капиталъ ни достался. Во вторыхъ, не было еще примѣра, чтобы народу было легче или лучше отъ того, что онъ приобретаетъ свою кровь и своими силами какую-нибудь новую колонію. Если кто дѣйствительно богатѣетъ отъ этого захвата, то, конечно, не тѣ, кто жертвуетъ собой, а правители колоній. Алжиръ озолотилъ Матъ-Магона, Пелисье и другихъ «свободныхъ братцевъ» 2 декабря, но ужь никакъ не французскую націю. Нація обѣднѣла настолько, на сколько обѣднѣлъ и самый Алжиръ.

Но неосновательно было-бы думать, что корень зла лежитъ въ самой колонизаціи. Въ сущности нѣтъ ничего вреднаго, если два народа соединяются въ одну политическую федерацію, и было бы очень полезно, если-бъ все человѣчество составляло одно цѣлое, нераздробленное на малые куски, не враждующее и не пожирающее себя въ лицѣ отдѣльныхъ государствъ; для народа бѣднаго и дикаго очень выгодно примкнуть къ народу богатому и образованному, пользоваться его защитой и вліяніемъ, развиваться подъ его руководствомъ. Индія и Алжиръ ничего не проиграли бы отъ соединенія съ Англіей и Франціей, если-бъ это присоединеніе было основано на болѣе рациональныхъ началахъ. И Европа могла-бы оказать громадную пользу общечеловѣческому развитію, если-бъ, вмѣсто меча и насилія, вносила въ свои колоніи мирную цивилизацію; вмѣсто варварской эксплуатаціи—раціональныя экономическія отношенія. Къ сожалѣнію, такіа соображенія не приходили въ голову тѣхъ людей, которые основывали и поддерживали колонизаціонную политику; въ извиненіе этихъ близорукихъ людей можно сказать только одно, что они сами не знали, что творили, будучи слѣпымъ орудіемъ того нелѣпаго соціального порядка, который вромѣ завоеванія и рабства не зналъ другихъ средствъ къ сближенію съ народами. Война и, какъ неизбежное слѣдствіе ей, жертвантальная система такъ дол-

го преобладали въ международныхъ отношеніяхъ, такъ глубоко вкоренились въ понятія государственныхъ людей, что изъ простаго предрасудка сдѣлались идеаломъ политическихъ сремленій. Даже такіе опыты, какъ паденіе Испанія подъ тяжестью ея завоеваній и сѣверо-американская война, поставившая на краю гибели Англію, не могли вразумить государственныхъ людей, что изъ политика никуда не годится въ примѣненіи къ колоніямъ, что кромѣ страшныхъ возстаній и взаимной ненависти она ничего иного не порождаетъ между народами. Всѣ попытки уничтожить національные типы, нивелировать ихъ различія и антипатіи, увеличивали только ту пропасть, которая раздѣляла побѣдителя отъ побѣжденнаго; эта система вездѣ оканчивалась тѣмъ, что рано или поздно завоеванная страна отлагалась отъ своей метрополи или входила въ нее, какъ разѣдающій ракъ въ зараженный организмъ. Теперь ни теорія, ни практика не раздѣляютъ болѣе того мнѣнія, что можно насильственно сливать разныя народности, или «сажать ихъ на штыки», какъ выражался Шварценбергъ,—для пушаго спокойствія недовольныхъ этой системой. Другой способъ управленія колоніями, посредствомъ власти, сосредоточенной въ метрополи, также оказался неудобнымъ и разорительнымъ. Никакая правительственная система, какъ бы она хороша ни была, не можетъ облагодѣтельствовать страну, которой развитіе и интересы сложились подъ другими условіями; никакая административная мудрость не можетъ предусмотрѣть тѣ нужды и желанія, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго. Предписывать законы метрополи и навязывать дисциплину народу, который не нуждается ни въ томъ, ни въ другомъ — это почти то-же, что съ завязанными глазами махать дубиной на право и на лѣво. Эта система въ сущности хуже первой. Тамъ вооруженная сила дѣлаетъ прямо и открыто то, что здѣсь совершается въ потьмахъ бюрократическихъ канцелярій и интригъ; тамъ всякій поступокъ называется собственнымъ именемъ, а здѣсь подъ либеральными фразами скрывается всякая ложь и нечестность. Только такой способъ колониальнаго управленія могъ заставить Бьюрка бросить въ парламентъ слѣдующую фразу: «разбой называется разбоемъ и, кажется, между нами нѣтъ такихъ малолѣтнихъ, которые-бы приняли грабежъ за челоуѣколюбіе и явный обманъ за истину. Если мы довели Америку до возстанія, то вся тяжѣсть его послѣдствій падаетъ на насъ однихъ». Это было сказано почти сто лѣтъ назадъ, и только те-

перь Англія начинаетъ понимать великій смыслъ этихъ словъ; только теперь, и то въ кругу ея лучшихъ мыслителей, начинаетъ преобладать мнѣніе, что колоніямъ должна быть предоставлена полная внутренняя автономія, безуcильная независимость въ дѣлахъ вѣры, образованія и управленія, если только метрополія желаетъ упрочить свои отношенія къ присоединенной странѣ. Тогда само собою возстановится то социальное равновѣсіе, на которомъ только и возможно свободное соединеніе народовъ. Наука давно приняла это мнѣніе, но политика едва обратила на него свое вниманіе. По всей вѣроятности, утечетъ еще много времени, пока эта истина войдетъ въ общее сознаніе народовъ, и пока горькіе опыты не вразумятъ правителей. А между тѣмъ милліоны людей страдаютъ, гибнутъ въ бесполезныхъ войнахъ или вымираютъ отъ бѣдности и притѣсненія. Въ послѣдніе десять лѣтъ насчитываютъ до сорока различныхъ войнъ, предпринятыхъ западной Европой противъ ея колоній, а сорокъ самыхъ скромныхъ войнъ могли стоить человѣчеству, по меньшей мѣрѣ, пяти хорошихъ сибирскихъ язвъ. На долю Англіи, обладающей огромными внѣшними завоеваніями, всего больше приходится «сажать на штыки» своихъ колониальныхъ подданныхъ. Неизвѣстно пока, что ожидаетъ ее въ колоніяхъ сѣверной Америки, чѣмъ окупится тамъ ея колонициціонная система; но мы указываемъ на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ поучительныхъ фактовъ нашего времени.

Канада имѣетъ поверхность, по меньшей мѣрѣ, въ 750,000 квадратныхъ километровъ, изъ которыхъ населена только десятая часть. Она представляетъ собою прямоугольникъ, окаймленный съ одной стороны атлантическимъ океаномъ, съ другой большими внутренними озерами, и прорѣзанный въ длину рѣкою св. Лавренція, — громадною артеріею, удобною для плаванія самыхъ большихъ кораблей.

Почва канады, замѣчательно плодородная, доставляетъ продукты, которыхъ стоимость въ 1855 году оцѣнивалась въ 500 милліоновъ фр. Въ настоящее время эта цифра, по всей вѣроятности, должна увеличиться, по крайней мѣрѣ, на половину. Но она не заключаетъ

въ себѣ стоимости лѣсныхъ продуктовъ и тѣхъ богатствъ, которыя содержатся въ водахъ залива; необычайно обильная рыбная ловля и рыбный промыселъ даютъ занятіе цѣлому флоту, виѣстностью болѣе, чѣмъ въ миллионѣ тоннъ, плавающему по океану, и внутренней флотиліи, содержащей болѣе 200,000 тоннъ. Лѣса состоятъ изъ деревьевъ разнообразныхъ породъ. Въ рудникахъ находятся металлы, по большей части драгоцѣнные, а такими металлами мы называемъ желѣзо и мѣдь.

Число жителей простирается до 2,750,000 распределенныхъ довольно равномерно между верхнею Канадою (англичане) и нижнею (французы), съ небольшимъ перевѣсомъ (350,000) жителей въ верхней Канадѣ.

То, что первые колонизаторы называли Акадією, соответствуетъ въ настоящее время двумъ провинціямъ будущей конфедераціи: — Новому Брауншвейгу и Новой Шотландіи. Ихъ общая поверхность содержитъ въ себѣ отъ 12 до 15 миллионѣвъ гектаровъ, а народонаселеніе состоятъ изъ 500,000 жителей. Новый Брауншвейгъ представляетъ страну земледѣльческую, покрытую лѣсами, и обильную рыбнымъ промысломъ; Новая Шотландія, менѣе земледѣльческая и лѣсистая, обладаетъ огромными пластами каменнаго угля, большимъ развитіемъ береговъ (1450 километровъ) и народонаселеніе ея состоитъ, можетъ быть, изъ самыхъ лучшихъ моряковъ на свѣтѣ.

Позади Верхняго озера, на С. З. отъ верхней Канады, простирются огромныя плодородныя равнины. Эти территоріи, извѣстныя подъ именемъ Красной Рѣки, заключаютъ въ себѣ только 10,000 жителей: франко-канадцевъ, шотландцевъ и метисовъ — полу-католиковъ, полу-протестантовъ. Объ этой территоріи говорятъ, какъ объ одной изъ будущихъ провинцій новой конфедераціи.

Принявъ въ руководство любопытное сочиненіе г. Рамо (Acadiens et Canadiens), мы бросимъ взглядъ на исторію этой колоніи. Какъ устройство машины можно вполне постигнуть только изъ ея дѣйствія, такъ точно и народъ можно узнать только изъ его біографіи.

Первые французы, поселившіеся въ Акадію, представляли странную смѣсь моряковъ, зимующихъ рыбаковъ, искателей приключеній, солдатъ, работниковъ и даже земледѣльцевъ, привлеченныхъ туда предприимчивыми людьми, жаждавшими денегъ и попробовавшими поселиться въ колоніи. Въ началѣ она была ничѣмъ инымъ, какъ приютомъ авантюристовъ, которыхъ заботы сосредоточивались на

торгѣ мѣхами, рыбной ловлѣ, войнѣ и, вѣроятно, морскомъ разбойничествѣ. Такіе сосѣди должны были очень беспокоить колонпстовъ Новой Англіи, поселившихся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ и почти въ одно время съ ними. Последніе были завистливы и тревожно смотрѣли, какъ французскіе авантюристы укрѣплялись такъ близко отъ ихъ владѣній. Въ теченіе полу-столѣтія происходили безпрерывныя войны, то съ англичанами, то съ различными искателями приключеній, украшавшими себя титуломъ владѣтелей. Продолжительныя войны и бѣдность погубили много людей, потому что при ревизіи 1671 года во всей Акадіи нашлось не болѣе 400 жителей; по оставшіеся въ живыхъ были люди крѣпкаго закала, пустившіе корни въ страну.

По своему происхожденію, жители Акадіи рѣзко отличались отъ обитателей Канады, которые казались выходцами изъ какой-нибудь французской области, пересаженными въ Америку; центръ послѣднихъ всегда образовывался изъ мирныхъ и миролюбивыхъ французскихъ крестьянъ, строго организованныхъ подъ властью ихъ владѣтеля, при помощи духовенства и правительства.

Чтобъ отвязаться отъ олибустьеровъ Акадіи, нападавшихъ въ расплохъ на англичанъ на морѣ и на сушѣ, Бостонъ снарядилъ три экспедиціонныхъ отряда. Третья экспедиція состояла изъ 2,400 солдатъ, въ то время, какъ вся Акадія считала 1484 европейца включая въ это число женщинъ и дѣтей. Эти три экспедиціонные отряда были достигнуты въ лѣсу и изрублены въ куски; но побѣды истощили силы акадцевъ, и въ 1710 году четвертая экспедиція, изъ 4,000 бостонцевъ, въ скоромъ времени одержала верхъ надъ 156 вооруженными людьми. Большая часть учителей была вывезена изъ страны, нѣкоторые спаслись въ лѣсахъ, другіе эмигрировали. Въ 1711 году, утрехтскій миръ, упрочивъ за Англіей обладаніе Акадіею и Новою Землею, навсегда обезопасилъ жителей Новой Англіи отъ вторженія ихъ опасныхъ сосѣдей.

Между тѣмъ, оставшіеся въ странѣ акадцы размножились. Лѣтъ сорокъ послѣ постигшаго бѣдствія число ихъ доходило до 12,500 человекъ. Въ теченіе столѣтія, предшествовавшаго ихъ гибели, акадцы болѣе отличались стремленіемъ къ земледѣлію и промышленности, чѣмъ къ партизанской войнѣ. Около 1680 года они переехали къ Фондійскому заливу и занялись тамъ земледѣліемъ. Эта страна представляла обширныя низменныя пространства частью

потопленные моремъ, но очень плодородныя. Отчего принялись они за тягостную и убыточную обработку этихъ низменностей; между тѣмъ, какъ имъ очень удобно было обрабатывать землю, лежавшую выше, — это можно объяснить только бѣдностью населенія, которое не могло обрабатывать лучшія почвы. Приходилось бороться съ моремъ, подобно голландцамъ, воздвигать плотины, достаточно твердыя для противоудѣйствія непрерывному прибою волнъ. Разница между акадцами и голландцами состояла только въ томъ, что послѣдніе принуждены были трудиться вслѣдствіе обстоятельствъ, тогда какъ акадцы, дѣти жителей приморскихъ и болотистыхъ французскихъ провинцій, казалось, весело шли на эти затрудненія, какъ будто этимъ потомкамъ прежнихъ корса: ровъ необходима была всегда борьба, — борьба или съ людьми, или съ природою.

Для сооруженія этихъ плотинъ, они изобрѣли выгодный способъ прочно возводить насыпи, и держали его въ тайнѣ; потому что когда американцы овладѣли ихъ странюю, то оказались неспособными не только продолжать эти укрѣпленія, но и поддерживать ихъ. Большая-Равнина, вмѣстимостью болѣе тысячи гектаровъ, какъ-бы насильно была выхвачена изъ подъ власти океана. Каждый домъ былъ окруженъ огородамъ и обсаженъ ивами, въ особенности любимыми акадцами. Вся страна была прорѣзана дорогами; жители устроили много гаваней и разгуливали на небольшихъ судахъ и лодкахъ даже внутри своихъ болотистыхъ владѣній, проѣзжая по вырытымъ между плотинами маленькимъ каналамъ. Все доказывало, такимъ образомъ, существованіе благоустроеннаго общества, трудолюбиваго, промышленнаго и бережливаго. Можно предполагать, что его гражданское устройство во многомъ сходствовало съ бытомъ земледѣльческихъ общинъ, существовавшихъ въ прежнее время между крестьянами Сентонжа и центра Франціи.

Среди такой-то спокойной и трудолюбивой жизни, ихъ постигла новая катастрофа, — жестокий и омерзительный поступокъ, память о которомъ до сихъ поръ жива въ Акадіи, — безчестное дѣло, совершенное въ видахъ государственной пользы.

5 сентября 1755 года правительство созвало жителей, подъ предлогомъ сообщенія имъ важной новости. Это извѣстіе принято было съ чувствомъ подозрѣнія во многихъ округахъ, по въ Большой Равнинѣ ему повѣрили. Въ поэмѣ Лонгфелло, «Эванжелина», можно

прочестъ разсказъ объ этомъ горестномъ событіи. Скрытно разставленныя войска окружили жителей и объявили несчастныхъ, что берутъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ. Мужская часть населенія была перевезена на корабли. По мѣрѣ того, какъ приходили другіе корабли, на нихъ перевозили женщинъ и дѣтей... Такимъ образомъ, были взяты въ плѣнъ 4,000 чел., сожжены 400 домовъ и 500 помѣщеній для скота; захвачены 2,000 быковъ, 3,000 коровъ, 5,000 телатъ, 600 лошадей, 12,000 овецъ и 800 свиней. Плѣнники на корабляхъ были направлены въ англійскія колоніи, но оказалось, что эти колоніи не были предварены объ ихъ прибытіи, и во многихъ мѣстахъ имѣли безчеловѣчіе не допустить ихъ до высадки на берегъ. Виргинія отвергла 1,500 несчастныхъ и примѣръ ея нашелъ себѣ подражателей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каролины. Корабль съ 450 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, предназначенныхъ въ Пенсилванію, разбился недалеко отъ Филадельфіи, и правительство не постыдилось захватить и продать ихъ, какъ невольниковъ. Большая часть привезена была изъ Америки въ Англію, гдѣ и содержалась въ плѣну, преимущественно въ Бристолѣ и Ексетерѣ, до окончанія войны. Оставшіеся въ живыхъ, послѣ столькихъ бѣдствій, были отосланы во Францію.

Удивительно-ли, что во французскомъ населеніи Акадіи и Канады распространилась ненависть къ вѣроломству англичанъ и ихъ союзниковъ, колонистовъ—пуританъ Новой Англій? Скажемъ болѣе: англійское правительство имѣло безсовѣстность похвалиться своимъ варварствомъ, дало обѣщаніе уничтожить всѣхъ жителей чужеземной расы, говорившихъ на чужеземномъ языкѣ; начались новыя преслѣдованія, почти столь же отвратительныя, какъ и первое, и въ особенности на островѣ св. Іоанна, который, будучи въ 1760 году населенъ десятию тысячами акадцевъ, десять лѣтъ спустя, считалъ не болѣе 150 семействъ.

Однакожь, со времени американской революціи, акадцы наслаждались спокойствіемъ, которое болѣе не возмущалось. Остатки ихъ населенія снова проникли въ страну и пустили сильныя отпрыски. Рамо вычислилъ, что отъ 400 жителей, избѣжавшихъ гибели въ 1755 и 1765 годахъ, черезъ сто лѣтъ народилось до 71,000 чел.

Нашедшіе спасеніе на прибрежьи залива св. Лаврентія, недалеко отъ ихъ погубшей Акадіи, обратили взоры на океанъ, желая най-

ти въ немъ свою новую отчизну. Предки ихъ снѣли оружіе на плугъ и лопату; они, въ свою очередь, сдѣлались рыбаками и кораблестроителями. По своей врожденной привычкѣ къ морю, они достигли того, что, послѣ своего окончательнаго разсѣянія, легко возобновили сношенія съ самыми отдаленными семействами анадцевъ, и поддерживали другъ съ другомъ связь, общія преданія и даже въ нѣкоторомъ родѣ единство. Въ настоящее время ихъ можно найти повсюду водворившимися на берегу моря; они какъ будто остерегаются предаваться занятіямъ на твердой землѣ, и съ отвращеніемъ рѣшаются селиться во внутренности, не въ виду береговъ.

II.

Исторія Канады менѣе романична, но и менѣе печальна.

Въ началѣ XVII столѣтія негодіанты Сенъ-Мало получили отъ французскаго правительства привилегію на торговлю съ Канадою, съ обязательствомъ, въ свою очередь, учредить тамъ, во имя короля, постоянное пребываніе и ослѣдное населеніе. Въ 1610 году Шапельнъ, сентонжскій дворянинъ, основалъ Квебекъ.

Позднѣе, Даксонъ склонилъ Ришелье на свое предпріятіе и образовалъ общество для поселенія въ Новой-Франціи. Вспыхнувшая въ скоромъ времени война была губительна для только-что возникшей колоніи. Два отряда солдатъ и переселенцевъ съ военными снарядами захвачены въ плѣнъ и Квебекъ взятъ непріателемъ, который и владѣлъ имъ до 1632 г. «Въ то время, говоритъ Шарльвуа, Канада состояла изъ крѣпости Квебекъ, окруженной нѣсколькими деревянными домишками и балаганами, изъ двухъ или трехъ хижинъ на островѣ Монреаль, изъ такого же числа домововъ на Тадусакѣ и нѣсколькихъ мѣстъ на рѣкѣ св. Лаврентія, гдѣ производился торгъ мѣхами и рыбою; все это дополнялось боевыми начатками жилья на «Трехъ Рѣкахъ». Успѣхи колоніи были очень медленны. По ревизіи 1673 г., въ ней находилось только 6,705 жителей, большею частью нормандскихъ эмигрантовъ и уроженцевъ провинціи Пуату. Съ 1685 г. началась несчастная война противъ англо-ирокезцевъ (Cherokees), напавшихъ однажды въ располхъ и умертвившихъ 200 переселенцевъ, война, продолжавшаяся пятнадцать лѣтъ.

Населеніе уменьшилось и стало оправляться только съ 1700 года, и въ особенности со времени утрехтскаго мира, упрочившаго въ 1713 году споконствіе Канадѣ, послѣ 28 лѣтъ всевозможныхъ бѣдствій.

Внутреннее управленіе колоніи было абсолютизмомъ власти представителя короля — губернатора, обращавашагося съ переселенцами почти также деспотически, какъ съ солдатами. Грабительства были непомерныя. Въ нѣсколько лѣтъ губернаторъ могъ нажить громадное состояніе и до тла разорить нѣсколько-сотъ семействъ. Безконтрольное управленіе давало полную возможность поступать произвольно и обманывать королевскую власть на каждомъ шагѣ. Были впрочемъ между губернаторами и люди хорошіе, желавшіе облегчить разоренную страну, но что значили ихъ добрыя намѣренія въ сравненіи съ какою нибудь прихотью госпожи Помпадуръ? Вся колонія была отдана Людовикомъ XV на покрытіе издержекъ по гардеробу его любовницы.

Въ 1739 г. населеніе состояло почти изъ 43,000 жителей, а въ 1761 почти изъ 70,000. Но снова началась война, и англичане поклялись истребить своихъ соперниковъ. Англійскія колоніи, основанныя почти одновременно въ Канадѣ, пополнялись въ теченіе всего предшествовавшаго періода многочисленными и постоянными эмиграціями, и имѣли уже 1,200,000 жителей. Въ то время, какъ Канада никогда не имѣла болѣе 10,000 эмигрантовъ, — англійскія колоніи приняли къ себѣ сто тысячъ человекъ. Французскій генералъ Манкольмъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 4,200 солдатъ, да потомъ, въ теченіе войны прислали ему подкрѣпленіе въ тысячу рекрутовъ. Англійскія-же колоніи, не истощая своихъ силъ до послѣдняго человека, могли выставить 60,000 милиціи, могли отправить въ Канаду столько людей, сколько она считала жителей; и ко всему тому, Англія сочла нужнымъ послать на помощь колоніямъ 30,000 солдатъ. Кто-бы могъ повѣрить, что въ Англіи тогда было всего 12 милліоновъ жителей, а во Франціи почти вдвое больше!

Начало войны благопріятствовало французскимъ переселенцамъ, но всякая побѣда обходилась имъ очень дорого. Версальскій кабинетъ мало заботился о какихъ нибудь десятинахъ «снѣга въ Канадѣ», по любезному выраженію Вольтера, и англійскія войска, рѣшившись, во что-бы ни стало, уничтожить Канаду, снова вступали въ бой, въ большемъ числѣ и съ большимъ ожесточеніемъ. Наконецъ въ 1759 г. они предприняли жестокое нападеніе на эту стра-

ну, которая казалась нѣтъ живою вѣрностью, гдѣ всякій былъ солдатъ по призванію. Англія двинула 50,000 чел., чтобъ покорить страну, населенную 70,000, изъ которыхъ всего 15,000 носили оружіе, а 5,000 составляли гарнизоны. Всѣмъ извѣстно окончаніе борьбы, смерть на полѣ сраженія генераловъ Вольва и Мангольма—двухъ великодушныхъ враговъ,—нерѣшенная побѣда, равнявшаяся для канадцевъ невознагражденному пораженію, взятіе Квебека,—и наконецъ капитуляція 1760 года.

«Никогда еще лучшіе шансы для выигрыша, говоритъ Рамо, не представлялись Франціи; никогда не держала она въ рукахъ удобнѣйшаго случая къ увеличенію своего могущества; ни одна нація не обладала вѣрнѣйшими средствами для защиты своихъ колоній! Положеніе, климатъ, плодородіе почвы, необозримыя пространства земли, переселенцы дѣятельные, отважные, трудолюбивые, въ высшей степени нравственные и религіозные, — все, казалось, соединилось для осуществленія, съ небольшими потерями, этой прекрасной мечты Ришелье, Кольбера и Вобана, — рожденія новой Франціи, сильной и счастливой! И что-же надо было для этого?—Пожертвовать ежегодно небольшою суммою, въ 200,000 франковъ, на поддержку колонизаціи, постоянно нѣтъ въ странѣ отъ 1,000 до 3,000 солдатъ; — и нѣтъ сомнѣнія, что въ 1750 году мы также нѣтъ-бы миллионъ поселенцевъ, которые въ настоящее время составили-бы въ Америкѣ отъ десяти до двѣнадцати миллионъ французовъ. Но что-же было сдѣлано на самомъ дѣлѣ? Населеніе, подаренное любовницѣ на гардеробъ, такъ обнищало, что вслѣдствіе своей бѣдности и угнетенія не могло развиваться даже физически, вымирало тысячами во время войнъ и голода, и кромѣ презрѣнія и ненависти не знало другихъ чувствъ къ своимъ правителямъ. Когда думаешь объ этомъ потерянномъ могуществѣ, когда видишь въ исторіи нашихъ королей узкіе взгляды, нерациональное честолюбіе, постыдныя страсти, которымъ принесли въ жертву, съ такими лишениями, это великолѣпное будущее, то сердце возмущается отъ досады и жалости къ политической системѣ, разорившей силы Франціи и принудившей ее прибѣгнуть къ печальной необходимости революціи.»

Послѣ побѣды, аристократія страны, большая часть негоціантовъ, чиновники и всѣ тѣ, кто хоть сколько нибудь принималъ участіе въ мѣстной администраціи, увлеклись ненавистью къ англичанамъ и увѣренностью, что ихъ владычество будетъ недолговременно, и что

Франція никогда не оставитъ на произволь судьбы такую драгоценную колонию. Прибывъ во Францію и увидѣвъ, что Канада окончательно для нихъ потеряна, ни одинъ изъ нихъ не вздумалъ воротиться; многіе покинули ликвидацию своихъ дѣлъ и всѣ стали отыскивать новый родъ занятій. Англичане поддержали это стремленіе и дали желающимъ всевозможныя удобства возвратиться во Францію. Эта эмиграція не только уменьшала французское населеніе въ Канадѣ, но и оставляла народъ, лишенный средствъ къ политическому существованію и образованію, безъ всякой поддержки, безъ направленія и единства. Съ одной стороны, побѣдители легко воспользовались случаемъ поработить окончательно жителей и не заботились о ненависти канадцевъ; съ другой стороны, они надѣялись поглотить и *англизировать* несчастныхъ крестьянъ, лишенныхъ всякой матеріальной и нравственной опоры. Все заставляетъ насъ думать, что они хотѣли обращаться съ Канадою, какъ обращались съ Ирландіею.

При общемъ упадкѣ умовъ, при общемъ и отчаянномъ пораженіи французской расы, канадцамъ удалось однако не измѣнить самимъ себѣ. Чувство національности, ненависть къ англичанамъ, глубокая привязанность къ своей мѣстности, языку и религіи, внушили этому народу инстинктивное стремленіе къ самосохраненію безъ всякаго матеріальнаго соглашенія. Видимымъ орудіемъ этой пассивной силы сопротивленія было духовенство, тайнымъ, но болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ—самыя страданія населенія. Франко-канадцы, потерпѣвшіеся вдоволь, наконецъ составили однородную сомкнутую массу, постоянно увеличивавшуюся въ неотразимой прогрессіи. Французское населеніе плотно населяло берега рѣки св. Лаврентія, и по обоимъ сторонамъ ея устроило прочныя жилища, сперва немногочисленныя, но вѣрноп примкнутыя одно къ другому; тамъ не было ни англичанъ, ни американцевъ. Жители завели общіе совѣты, на которыхъ обсуждались дѣла цѣлой страны, и если правитель нарушалъ естественныя права гражданъ, между ними находились люди, поднимавшіе голосъ противъ произвола, и чувство оппозиціи было серьезной и постоянной угрозой для деспота.

Началась американская революція, которая, возмутивъ всѣ англійскія колоніи, не оставила другой точки опоры англійскому правительству, кромѣ этой несчастной и презираемой страны. Обѣ стороны заксывали помощи франко-канадцевъ. Вчерашніе побѣжденные, полагавшіе, что равно ненавидятъ обоихъ побѣдителей, теперь разъ-

единенныхъ, на нѣкоторое время оставались въ нерѣшимости. Наконецъ убѣдились, что менѣе имѣютъ причинъ бояться англичанъ, живущихъ вдаль, чѣмъ американцевъ, сосѣдей. Поэтому они отказались вступить въ Союзъ независимости. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ на ихъ рѣшеніе дѣйствовало влияние духовенства, которое служило вождемъ народу. Религіозная ненависть, соединенная съ ненавистью сосѣда къ сосѣду, была сильнѣе внушеніемъ непосредственной выгоды, сильнѣе даже симпатій къ родственному народу, жившему за океаномъ и принявшему также участіе въ этой войнѣ противъ сосѣда. Извѣстно, что европейскіе французы, Лафайетъ и Рошамбо, сражались подлѣ Вашингтона, а франко-канадцы—противъ своихъ братьевъ, вѣстѣ съ Бургономъ и Корнваллисомъ.

Съ этихъ поръ въ развитіи америки началась непонятная путаница. Янки, въ это время представлявшіе собою преувеличенный піетизмъ и меркантилизмъ, на сѣверѣ должны были-бы смѣшать свою кровь, идеи и нравы съ кровью, идеями и нравами франко-канадцевъ, на югѣ.—смѣшаться съ элементомъ, несравненно болѣе симпатичнымъ, чѣмъ ихъ собственный элементъ,—съ франко-испанцами. Примкнувъ къ Соединеннымъ Штатамъ, Канада въ скоромъ времени подготовила-бы торжество независимыхъ колоній, такъ какъ англичане не имѣли-бы ни главной квартиры, ни базиса операций для войны съ колоніями; при помощи этого присоединенія сѣверные штаты получили-бы преобладаніе надъ южными, и рабство было-бы отвергнуто Союзомъ, какъ преступленіе и позоръ. Прибавка, одна только легкая прибавка—и вѣсы склонились-бы на одну сторону. Рабство, сорванное съ дерева свободы, не охватило-бы его болѣе своимъ ядовитымъ покровомъ, и не посмѣло-бы его изсушить, какъ это едва не случилось. Насъ миновала-бы нынѣшняя война, ожесточенная и кровопролитная, для прекращенія которой мы еще ожидаемъ побѣды, достойной столькихъ усилій, жертвъ и страданій. И кто знаетъ, какія запутанности могутъ еще произойти между сѣверными Соединенными Штатами и даже, можетъ быть, съ конфедераціею англійскихъ колоній! а естественное и логическое соединеніе между ними предохранило-бы ихъ, навѣрное, отъ этихъ замѣшательствъ. Во всякомъ случаѣ, присоединившись къ намъ, Канада не сдѣлалась бы политическимъ уродомъ, полу-французскимъ, полу-англійскимъ учрежденіемъ, похожимъ на тѣло о двухъ головахъ, или на одежду средневѣковаго слуги,—красную съ лѣвой стороны и желтую съ правой.

Впрочемъ, послѣдствія этой ложной точки зрѣнія не замедлили проявиться: Американскіе *лоялисты* (законники), не желая признавать *конгресса мятежниковъ*, удалились въ Канаду, гдѣ англійское правительство щедро надѣлило ихъ землями, въ вознагражденіе за ихъ неожиданную вѣрность. Они-то и составили первое ядро англійской эмиграціи въ странѣ.

Впослѣдствіи къ нимъ присоединили множество солдатъ, распущенныхъ по окончаніи войны, и даже старались водворить ихъ въ незанятой части нижней Канады, съ цѣлью подавить французскій элементъ. Новые поселенцы, число которыхъ постоянно увеличивалось прибытіемъ новобранцевъ, мало-по-малу прекратили доступъ въ Верхнюю Канаду французскому населенію, котораго добрыя намѣренія были, такимъ образомъ, оставлены и даже оттоажнуты съ потерей. Англійское правительство снова объявило ему войну. Оно опиралось теперь на лоялистовъ, своихъ старыхъ солдатъ и эмигрантовъ, которые съ тѣхъ поръ стали наводнить Квебекъ къ крайней невыгодѣ франко-канадцевъ. Спекуляторы и торговцы, рабское и деспотическое отродье чиновниковъ питали къ нимъ жестокую вражду; поэтому лишили ихъ занятія всѣхъ должностей и участія въ общественныхъ дѣлахъ и составили преобладающую касту, владычествующую олигархію. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ Нижней-Канады вторую Ирландію, а изъ жителей — плотовъ. Они этого не достигли. Крестьяне канадцы, не смотря на гнетъ, размножались, какъ израилитяне, тѣсно были связаны другъ съ другомъ, образовали все болѣе и болѣе плотную и однородную массу и отказывались принимать нравы, учрежденія, національность и языкъ побѣдителей; они изгоняли изъ среды своей англійскій элементъ, имъ противодействовавшій. Правда, что послѣдній тѣмъ болѣе укрѣплялся въ мѣстностяхъ, лежавшихъ у большихъ озеръ, развивался тамъ при помощи промышленности, торговли, высшаго образованія, дѣятельности и предприимчивости, свойственныхъ англо-саксонцамъ, — словомъ, при помощи всѣхъ тѣхъ качествъ и преимуществъ, которыя составляютъ продуктъ соціального и нравственного превосходства этой націи. Такимъ образомъ, побѣжденная и затѣмъ угнетенная французская колонизація въ настоящее время еле дышетъ въ Америкѣ. Цѣлымъ рядомъ ошибокъ и безразсудныхъ мѣръ французское правительство уничтожило свое вліяніе за океаномъ, и громъ зла ничего не оставило между разоренными населеніями, за облада-

міе которыми оно такъ много заплатило жизни и крови. Жалѣть о томъ, что Франція не имѣеть никакого вліянія въ Соединенныхъ Штатахъ, разумѣется, нечего. Политика ея, кромѣ узкости взглядовъ, примѣняемыхъ къ колоніямъ, кромѣ страсти къ войнѣ и іезуитизма, ничего не давала тѣмъ народамъ, которые попадали подъ ея власть. Эта несчастная политика, желавшая передѣлать всѣ колоніи на образецъ метрополіи, всегда кончалась тѣмъ, что колонія или отпадала, или обращалась въ рабу душившую своего господина... Въ 1862 году Франція израсходовала на свои колоніи, кромѣ Алжира, 22,368,538 франковъ, а собрала съ нихъ 33,040,703 фр. Слѣдовательно государственная касса получила прибыли десять милліоновъ. Но этой официальной цифрой, показанной въ отчетѣ морского министерства, нельзя обольщаться. Если принять въ соображеніе, что колоніи требуютъ отъ Франціи около 30 тысячъ войска, болѣе 3 тысячъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, занятыхъ непродуцируемымъ трудомъ и слѣдов. убыточныхъ въ экономическомъ отношеніи для метрополіи, то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что эта мнимая прибыль на самомъ дѣлѣ составитъ убытокъ по меньшей мѣрѣ въ 100,000 франковъ. И за всѣ эти торжественія Франція почти вездѣ теряла свои колоніи, какъ только владѣнія ея соприкасались съ болѣе здоровыми и свѣжими силами другихъ націй. Такъ и въ колоніяхъ Канады. Не нынче, такъ завтра можетъ составиться тамъ новая конфедерація, которая окончательно поглотитъ французскій элементъ. Но что же собственно такое эта новая конфедерація?

III.

Первое важнѣйшее послѣдствіе сѣверо-американской войны и упроченное въ настоящее время торжество сѣверныхъ штатовъ надъ южными необходимо должно было образовать новую солидарную группу штатовъ, на образецъ федераціи, имѣющей главнымъ центромъ Вашингтонъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мѣстное общественное мнѣніе сильно озабочено этимъ проектомъ. Толковали за и противъ, выслушали сомнительные и трудные нуниты, и мнѣніе большинства жителей согласилось наконецъ въ томъ, что проектъ можетъ и долженъ быть осуществленъ. Волевіе усилывалось и про-

нило даже въ официальные кружки. Говорятъ, что первый толчекъ былъ данъ морскими провинціями, которыя, чувствуя себя слишкомъ слабыми и отдаленными отъ метрополіи, назначили между собою совѣщаніе въ Чарльстоунѣ. Это было въ первыхъ числахъ сентября. Канадцы просили дозволенія присутствовать на конфедераціи и предложили принять въ составъ новаго союза всѣ англійскія колоніи Сѣверной Америки. Предложеніе было принято съ восторгомъ, и депутаты всѣхъ провинцій были снова созваны на собраніе въ городѣ Галифаксѣ (Новая Шотландія), съ цѣлью условиться относительно выбора средствъ для образованія политическаго общества изъ Верхней и Нижней Канады, Акадіи или Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга, Новой земли или Ньюфаундленда и острова принца Эдуарда. Пренія происходили пять дней, сопровождаемыя пиршествами; по старой привычкѣ разсуждать за столомъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни и политики. При содѣйствіи роскошныхъ обѣдовъ, проектъ возбудилъ общій энтузіазмъ, и было рѣшено объѣхать всѣ провинціи и устроить тамъ такія же сборища и банкеты. На островѣ св. Іоанна (Новый Брауншвейгъ) будущіе конфедералисты снова пили за славу и процвѣтаніе будущаго союза. Новое свиданіе было назначено въ Квебекѣ для составленія новаго соціальнаго контракта.

Послѣднія извѣстія сообщаютъ намъ о результатахъ собранія 10 октября и послѣдующихъ дней. Президентомъ на немъ былъ генералъ-губернаторъ Канады, въ качествѣ представителя королевы Великобританіи.

Конференція согласилась относительно главныхъ постановленій статута, который, чтобъ имѣть силу закона, долженъ быть утвержденъ англійскимъ правительствомъ и иѣстными законодательными установленіями.

Союзъ долженъ состоять изъ трехъ отдѣловъ. Первый, обладая 24 голосами, будетъ образованъ изъ Верхней Канады; второй, съ 24 голосами, изъ Нижней; въ третій войдутъ различныя провинціи: Новая Шотландія съ 11 голосами, Новый Брауншвейгъ съ 10, островъ принца Эдуарда съ 3 и Новая Земля съ 4. Итого 76 голосовъ. Впослѣдствіи остальная часть англійской Америки, состоящая изъ территорій Красной Рѣки, британской Колумбіи на слонѣ къ Тихому Океану и острова Ванкувера, можетъ быть присоединена къ конфедераціи, подъ названіемъ 4-го отдѣла, но только въ томъ

случаѣ, когда населеніе этихъ земель и его промышленное значеніе достигнуть извѣстной степени развитія. Каждый изъ этихъ территориальныхъ отдѣловъ составитъ особый штатъ съ своими правами, специальными установленіями и мѣстнымъ правленіемъ. Центральное правительство будетъ состоять изъ представителя английской короны, президента, сената и палаты депутатовъ, избираемыхъ народомъ. Губернаторъ, вспомоществуемый министерствомъ, будетъ пользоваться тою-же властью, какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, съ тою только разницею, что отвѣтственность его будетъ подлежать не народу, а королевѣ; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ постоянно основываться на мнѣніи большинства палаты (извѣстно, что это и составляетъ слабую сторону конституціоннаго устройства). Федеральное правительство имѣетъ высшее наблюденіе за направленіемъ общественныхъ интересовъ, таможенными, мореплаваніемъ, государственными банками, налогами, уголовнымъ и торговымъ законодательствомъ и судопроизводствомъ, почтами, общественными работами, арміею и флотомъ. Съ финансовой точки зрѣнія, соединеніе бюджетовъ различныхъ провинцій не причинитъ важныхъ затрудненій, ибо ни въ одной изъ нихъ не существуетъ значительныхъ податей, и въ каждой государственные доходы превосходятъ расходы.

Самая большая трудность состоитъ въ томъ, чтобы съ точностью опредѣлить отношенія каждаго штата къ центральной власти. Кто долженъ служить жизненнымъ центромъ для новой организаціи: мѣстное-ли правительство или общее собраніе штатовъ? Желаютъ-ли образовать одинъ штатъ, или агрегацію штатовъ; такую-ли федерацію, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или подобную Германскому Союзу?

Опытъ говоритъ, что стремленіе къ единству возрастаетъ съ теченіемъ времени. Увеличивающееся удобство сообщеній, постоянное сближеніе, болѣе прочныя отношенія людей и ихъ интересовъ заставляютъ желать болѣе неразрывнаго соединенія мѣстныхъ установленій съ правительствомъ. Сперва заботятся о мѣстной независимости, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ частныя различія, стремятся къ упрощенію и единству. Это единство, вытекающее изъ взаимныхъ отношеній людей, соединенныхъ въ одно социальное цѣлое и основанное не на угнетеніи, все сравнивающимъ въ одинъ нуль, а на индивидуальности отдѣльныхъ частей, дѣйствующихъ независимо и въ то же время согласно съ общими интересами, такое

единство нисколько не нарушитъ гражданской свободы, безъ которой нѣтъ силы и нравственнаго союза людей.

Но чѣмъ окончатся эти совѣщанія—пока еще неизвѣстно. Останется-ли перевѣсъ въ избирательной системѣ за правительствомъ или за народомъ—этотъ вопросъ еще не рѣшенъ. Дебаты о центральной организаціи законовъ, арміи и флота также отложены на будущее время.

Мѣстопробываніемъ новаго правительства будетъ Оттава, въ англійской Нижней Канадѣ, хотя и недалеко отъ границъ Верхней. Можетъ быть, Монреаль именно и не былъ избранъ для этого, чтобъ еще болѣе нейтрализовать французское вліяніе.

Удивительно, что такое великое дѣло, долженствующее рѣшить будущность этой страны, утверждается не согласіемъ всего народа, до котораго оно касается, а только подачею голосовъ законодательныхъ собраній, которыя, при избраніи своемъ, не получили относительно этого предмета никакихъ уполномочій. Между тѣмъ общественное мнѣніе очевидно на сторонѣ этого проекта, хотя онъ до сихъ поръ и считается тайнымъ, равно какъ и совѣщанія о немъ. Официальнымъ образомъ все это дѣло будетъ объявлено на большомъ банкетѣ въ Монреаль. Во время совѣщанія была оказана большая уступчивость внушеніямъ правительства. Такой образъ дѣйствій можетъ назваться оцень искуснымъ.

Мы не намѣрены высказывать наше мнѣніе объ этой конституціи. Конституція не такая вещь, которая могла бы быть хороша или дурна сама по себѣ. Она имѣетъ цѣну только по отношенію къ людямъ, примѣняющимъ ее на практикѣ. Отъ этихъ людей зависитъ придать ей извѣстный характеръ и измѣнить его, точно такъ, какъ жилецъ можетъ измѣнить видъ своихъ комнатъ, смотря по своимъ средствамъ, занятіямъ, или просто по своему вкусу.

Какъ приняла Англія этотъ проектъ?

Прежде всего политическіе люди задали себѣ вопросъ, не повредить-ли онъ чѣмъ нибудь настоящему положенію дѣла и впадѣнію портомъ въ Галифаксъ, промышленномъ центрѣ страны, богатой каменноугольными копями? „Это мѣсто рожденія угля, восклицаетъ доглядчикъ (Examiner), есть одинъ изъ самыхъ здоровыхъ корней *зубовъ* Великобританіи, и мы не хотимъ, чтобъ у насъ его вырвали!»

Потомъ занялись старымъ вопросомъ о томъ, въ какой степени колонія имѣютъ право располагать сами собой.

Этотъ вопросъ болѣе пятидесяти лѣтъ занимаетъ англійскій парламентъ, рѣшается въ немъ pro и contra, и до сихъ поръ не можетъ изъ пустыхъ словопрений, изъ праздныхъ дебатовъ перейти въ сферу дѣйствительной жизни. Какъ мы уже сказали выше, всѣ мыслящіе люди давно согласились въ томъ, что законодательная и административная опека метрополи надъ колоніями есть величайшее зло для той и другой стороны; что эта система, какъ остатокъ древняго рабства, основаннаго на эксплуатаціи личности, труда и собственности завоевавшихся народовъ, въ общечеловѣческой экономіи падѣлала зла очень много. Намъ нетрудно было-бы доказать статистическими цифрами, если-бъ только цифры могли прибавить что нибудь къ здравому пониманію той истины, что колоніи, строго зависимаы отъ метрополи, постепенно бѣднѣли и вымирали. Всѣ испанскія и французскія населенія въ южной Америкѣ дошли до такой преждевременной дряхлости, а производительность ихъ земли такъ истощилась, что дикіе туземцы, живущіе охотой и кочующіе въ лѣсахъ, несравненно счастливѣе осыдлыхъ жителей колоній. Но въ рутинѣ и недалковидности государственныхъ людей Англіи недостатка никогда не было. Для нихъ географическія карты — пѣмъ, а числа всегда слѣпны. Имъ все равно, строятся-ли многолюдные города среди степей, проводятся-ли желѣзныя дороги въ лѣсахъ и телеграфическія линіи черезъ горы, гдѣ прежде разгуливали медвѣди. Они принаравливаютъ эту доктрину къ колониальной системѣ, которой придерживались еще ихъ отцы и дѣды во время короля Георга III. Считая себя болѣе образованными и практичными, чѣмъ ихъ антиподы, они хотятъ изъ лондонскаго кабинета держать на привязи 20 милліоновъ австралійскихъ и ново-зеландскихъ сеттлеровъ. И они дѣйствовали такъ ловко, что на языкѣ ихъ поселенцевъ *British wit* означаетъ высшую степень глупости, которой можно достигнуть.

Консерваторы старой школы какъ будто не знаютъ дѣйствительнаго положенія вещей. Принадлежа къ партіи закоренѣлыхъ торіевъ, они все еще проповѣдуютъ усмиреніе колоній силою оружія, бывшее въ ходу до возстанія Бостона (они ничего не забыли стараго и ничего не узнали новаго). Они до сихъ поръ не поняли, что величіе Англіи не зависитъ отъ силы оружія, отъ побѣдъ на сушѣ

и морѣ, отъ числа казармъ, крѣпостей и военныхъ тюремъ. Они еще не простили Соединеннымъ Штатамъ ихъ освобожденіе изъ невольничества, ихъ стремленіе увеличатъ болѣе чѣмъ вдвое богатства Англіи.

Заглянемъ, напримѣръ, въ *John Bull*, этотъ провозвѣстникъ англійскихъ предрасудковъ, журналъ до фанатизма преданный описанію конскихъ скачекъ и кулачныхъ боевъ, льстящій, подъ видомъ патріотизма, разнымъ гнуснымъ страстишкамъ своего общества, и собирающій обильную лепту съ великобританской тупости. Вотъ его мнѣніе о колоніяхъ:

„Война въ Соединенныхъ Штатахъ должна-бы, кажется, озарить, омраченные умы нашихъ государственныхъ людей, какъ виговъ, такъ и радикаловъ. Пусть посмотрятъ они на результаты независимости колоній, на конецъ концовъ громкихъ обѣщаній о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, которыя должны бы осуществиться въ Новомъ Свѣтѣ,—странѣ богатой, плодородной и безграничной, гдѣ 50 поколѣній воздержныхъ и промышленныхъ поселенцевъ должны были найти болѣе, чѣмъ обиліе. Между тѣмъ, еще не успѣли смѣниться три поколѣнія, еще не протекла жизнь долговѣчнаго человѣка, какъ уже преемники Вашингтона и Франклина погрузились въ антиконституціонный разбой (constitutional ruffianism) Линкольна, Сьюрда и собратіи. Неужели намъ нельзя предохранить отъ подобной участи колоніи новой Британіи?..

„Къ несчастію, самыя дикія и нелѣпыя идеи пошли въ ходъ, по поводу предполагаемыхъ выгодъ и предполагаемыхъ желаній Англіи, имѣющихъ будто бы цѣлью разрывъ всякихъ сношеній съ колоніями. Дики и даже англичане, достойные быть янками, думаютъ или полагаютъ, будто думаютъ, что уступка Греціи Ионическихъ острововъ служить прекраснымъ примѣромъ для будущей уступки нашихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ братцу Джонатану. Но чѣмъ же со временемъ отблагодаритъ насъ этотъ дюжій братецъ? Успившись на нашъ счетъ (сила, по мнѣнію журнала псовой охоты, заключается въ ширинѣ и долготѣ территоріи), онъ не замедлитъ поставить свой флотъ въ устьяхъ Темзы и взять Лондонъ приступомъ...

„Мы и всѣ патріоты (т. е. псовые охотники и кулачные бойцы) не можемъ безнаказанно дать независимость ни одной изъ своихъ колоній. Въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, Англія съ минуты на минуту ожидала войны съ Соединенными Штатами, — войны, которая

непремѣнно окончилась-бы торжествомъ нашего врага, если-бы мы не содержали постоянныхъ войскъ въ нашихъ колоніяхъ и не упражняли ихъ въ военномъ искусствѣ (т. е. въ охотѣ за дикарями, подобными Китайцамъ и Японцамъ). Ясно, наконецъ, что эта восхваляемая независимость гибельна точно также колоніямъ, какъ и метрополи. Соціальная система нашихъ колоній, лишенная выгоды англійскихъ учрежденій, скоро приметъ характеръ насильственной политики, — политики невѣжественной, хвастливой, шумливой, для обозначенія которой мы не находимъ лучшаго слова, какъ янквизмъ. Если-бы Канада приобрѣла независимость, то, по простетивъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, она сдѣлалась бы жалкою и отвратительною колонією Новой Англіи, а наши честные люди были-бы вѣчно на сторожѣ, — какъ мы были, цѣлые 50 лѣтъ, на сторожѣ въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ!

Такъ думаетъ органъ англійскаго патриотизма, шовинизма и песовой охоты. На самомъ же дѣлѣ, лучшая часть англійской націи убѣждена, что колоніи ея есть величайшій тормозъ для ея внутренняго развитія и благосостоянія. Она ждетъ только случая, какъ-бы освободиться отъ убыточной и опасной опеки. На ней лежить отвѣтственность за все, что происходитъ на берегахъ Ганга, Моррея, Темзы. Войско Англій до комизма непропорціонально огромнымъ владѣніямъ: триста тысячъ чаловѣкъ обязаны подавлять малѣйшія попытки къ возмущенію въ Ирландіи, Сѣверной Америкѣ, Африкѣ, Гвианѣ австрійской колоніи, на островахъ Тихаго океана и Антильскихъ.

Она должна удѣлить часть своихъ войскъ Китаю и Японіи, должна держать ихъ на готовѣ и въ Европѣ, чтобъ парадировать ими передъ Россією, императоромъ Наполеономъ, а въ случаѣ надобности и передъ Италіей. Поэтому выгоды Великобританіи требуютъ, чтобъ колоніи были предоставлены самимъ себѣ, не стоили большихъ издержекъ въ деньгахъ или людяхъ. А въ отношеніи къ численности солдатъ Англіи не особенно любить предаваться роскоши. Тамъ, гдѣ она эксплуатируетъ, — Франція поступаетъ тиранически, и съ нею поступаютъ точно также. Последняя на столько глупа, что изъ своей алжирской колоніи сдѣлала нѣчто въ родѣ военного училища, куда посылаетъ солдатъ учиться стрѣлять въ цѣль изъ человѣческаго мяса. И эта-то богатая и великолѣпная страна, лежащая у ея преддверія, которая могла-бы сдѣлать ее богатѣйшимъ государствомъ въ свѣтѣ, въ настоящее время не что иное, какъ вспомо-

гательное мѣсто для практическихъ военныхъ шолъ Метца и Сентъ-Сира. Въ свою очередь, Англія считаетъ свои колоніи не чѣмъ инымъ, какъ конторами. Куда Франція посылаетъ солдата, который уменьшаетъ ея ресурсы, туда Англія посылаетъ прикащика, который въ сущности дѣлаетъ тоже, что французскій солдатъ. И вотъ почему армія въ 300,000 чел. достаточна Великобританіи для обладанія пятою частью свѣта, въ то время, какъ 600,000 чел. едва достаточны Наполеону III, для того, чтобы держать въ повиновеніи Францію и Алжиръ.

Понятно, что извѣстіе, полученное въ Англіи о новой конфедераціи ея американскихъ колоній, произвело общее безпокойство. Если-бъ дѣло касалось Индіи или Ирландіи, то нечего и говорить, что англійское правительство, увѣренное въ своихъ силахъ, не стало-бы долго разсуждать о томъ, какъ поступить съ этими владѣніями. Но въ Америкѣ положеніе ея совсѣмъ другое. Тутъ она встрѣчается съ могущественнымъ и свободнымъ народомъ, съ которымъ борьба не по силамъ старой Англіи. А борьба эта очень возможна, если Соединенные Штаты примутъ подъ свою защиту новую конфедерацію. Тогда 300,000 англійскаго войска, разбросаннаго по всѣмъ частямъ свѣта, будетъ слишкомъ мало. Вотъ какъ сравниваетъ эти силы *New York Herald*, въ № отъ 10 октября, подсмѣиваясь надъ Джонъ Булемъ.

«Увы! старое доброе время прошло, и Людовикъ XV не сказалъ-бы теперь: Англія воюетъ и платитъ за всѣхъ. Эта старая Англія умерла и похоронена; а нынѣшняя Англія не воюетъ за всѣхъ. Она насилу и себя можетъ защитить. «Times» приводитъ, при соображеніи о военныхъ силахъ Великобританіи, гибельный примѣръ крымской компаніи. По сознанію «Times» Англія не могла-бы выставить достаточное количество людей даже на одно такое сраженіе, которое походило-бы на сраженіе подъ предводительствомъ *Гранта*.

«Но Англія оказала свою слабость и въ болѣе недавнее время, у насъ на глазахъ. Когда произошло дѣло съ *Трентомъ*, она горячилась и бѣсновалась и, чтобъ напугать насъ военною демонстраціею, рѣшилась послать подрѣпленіе своимъ войскамъ въ Канаду. Съ огромными усиліями и большими издержками удалось ей собрать десять тысячъ человекъ, —десять тысячъ человекъ, посланные противъ насъ, были принуждены однакожъ просить у насъ же позволенія перейти черезъ нашу территорію. Они должны были защи-

щать границы владѣній противъ народа, который лишается вдвое болѣе людей въ одномъ сраженіи и едва обращаетъ на это вниманіе (?). Но, говорятъ, у Англіи есть армія волонтеровъ. — Дѣйствительно, она постаралась, во что бы ни стало, возбудить энтузіазмъ и подогрѣть воинскій жаръ Джонъ Буля. Всѣ взрослые люди мужскаго пола обязаны были выстроиться въ шеренги и сдѣлаться карабинерами королевы; но это не вполне удалось: набрали не болѣе 140,000 чел., да и изъ этого числа многіе пропали-бы безъ вѣсти на дорогѣ, если-бъ въ самомъ дѣлѣ пришлось драться.

«Сравнимъ силы, которыя Англія и Канада могутъ выставить противъ насъ.

«Что значить ничтожная толпа въ 10,000 чел., навѣяченныхъ и уродливо наряженныхъ англичанъ, идущихъ противъ арміи Гранта, у котораго въ одну недѣлю можетъ составиться войско въ 100 и, если угодно, въ 200 тысячъ. А что надо сказать о могуществѣ того флота, который можетъ держать въ осажденномъ положеніи весь европейскій берегъ атлантическаго океана, у котораго есть вновь избрѣтенные фрегаты и орудія, одолюющія всякую силу сопротивленія? 140,000 англійскихъ волонтеровъ, соединившихся съ тою частью населенія Канады, которая была-бы въ состояніи взяться за оружіе, разумѣется, представили-бы довольно значительную силу, если-бы даже половина ея и погибла въ лагерѣ, или на полѣ сраженія; но тѣмъ не менѣе взглянемъ на общій характеръ фактовъ, нисколько не измѣняя ихъ. Одинъ только штатъ Нью-Йоркъ выслалъ на войну 300,000 чел.; почти тоже сдѣлала Пенсильванія. Безполезно представлять дальнѣйшія доказательства того, до какой степени бессмысленно сравнивать съ нашими силами военныя силы Англіи и колоній. Нѣтъ сомнѣнія, что придетъ день, когда Канада сброситъ съ себя цѣпи старой метрополіи и воспользуется благими результатами нашихъ учрежденій! Что же касается желанія республиканцевъ Соединенныхъ Штатовъ овладѣть сосѣдними колоніями, то стоитъ-ли говорить, что, имѣя даже на это возможность, они никогда и не подумали-бы объ этомъ».

Такия назидательныя рѣчи не остаются безплодными даже для англійскаго правительства. Не смотря на общее безразличіе и полную готовность парализировать новой союзъ своихъ американскихъ колоній, она старается предохранить себя отъ несприятельныхъ столкновеній съ Соединенными Штатами, не противясь учр-

денію будущей конфедераціи. Торжество американцевъ не есть еще исполнѣннй и установленный фактъ, но уже лордъ Пальмерстонъ и императоръ Наполеонъ ступшевываются, — одинъ со стороны сѣвера, другой со стороны юга, и сторонятся, какъ несостоятельные должники на дорогѣ своихъ кредиторовъ. Мы не станемъ упрекать ни лорда Пальмерстона, ни императора Наполеона за такое благоразуміе.

И такъ мы съ удовольствіемъ смотримъ на это возрождающееся государство, которое обѣщаетъ свергнуть съ себя опеку метрополіи, чтобъ сдѣлаться независимымъ штатомъ, организованнымъ на свой собственный ладъ. Вотъ, говорятъ американцы, родились новые братья. Земля довольно обширна и для нихъ, и для насъ, для маленькой республики подлѣ большой. Языкъ, нравы и климатъ у насъ общіе. Ихъ интересы и учрежденія основаны на свободномъ трудѣ, который играетъ у насъ главную роль. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени Соединенные Штаты расширятъ свои предѣлы, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ рѣки св. Лаврентія. «Канадцы, говоритъ по этому поводу *Нью-йоркская трибуна*, еще чувствуютъ себя подъ покровительствомъ Англій, но только-что сдѣлаются свободною націею, какъ, въ свою очередь, почувствуютъ себя людьми. Теперь они еще считаютъ себя подданными Европы, но только лишь воспользуются исключительнымъ положеніемъ, предоставленнымъ имъ развитіемъ ихъ торговли и промышленности, какъ научатся уважать самихъ себя, а стремленіе къ ихъ собственной пользѣ сдѣлаетъ изъ нихъ американцевъ.»

Одного взгляда на географическую карту достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что большая часть Канады должна быть *американизована*. Между озерами Онтарио, Эрио, Сенъ-Клеромъ, Гурономъ и Симкоэ простирается необычайно плодородная земля, къ которой стремится большая часть колонистовъ англійскаго и шотландскаго происхожденія. Эта область соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества: отличаясь природою острововъ, она съ другой стороны расположена въ центрѣ материка и какъ-бы вставлена между двумя штатами, — Нью-Йоркомъ и Мичиганомъ. Два большихъ города, — Буффало на востокѣ, Детройтъ на западѣ, охраняютъ ее какъ часовые. Продукты, отправляемые изъ Сенъ-Луи и цвѣтущихъ мѣстностей Far West'a проходятъ чрезъ эту часть канадской территоріи, достигаютъ Буффало, Нью-Йорка и Европы и вытѣняются на продукты англійской

фабрикация; янки слѣдуютъ по той же дорогѣ, только въ обратномъ смыслѣ. Люди и вещи постоянно слѣдуютъ по этому пути, а для удобства постоянно увеличивающейся торговли едва достаточно трехъ параллельныхъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ. Между Буффало и Детрономъ поѣзды сбѣгаютъ непрерывно. Интересы канадскихъ жителей тѣсно связаны съ интересами сосѣднихъ штатовъ. Когда будетъ заключенъ новый трактатъ, предложенный американскими торговыми палатами, и учредится свободная мѣна между двумя сосѣдственными народами, тогда часть канадскаго полуострова, включенная въ составъ Америки, будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ складочнымъ мѣстомъ Соединенныхъ Штатовъ; а снѣженіе интересовъ, обусловливаемое общимъ языкомъ, общими нравами и религіею, безъ сомнѣнія, окончится тѣмъ, что соединить всѣ національности въ одинъ и тотъ же единственный народъ.

Что касается канадцевъ французскаго происхожденія, то они навѣрное не такъ легко смѣшаются съ англо-саксонцами Америки. Въ настоящее время существуетъ полнѣйшая несовмѣстность характеровъ между французскими канадцами и янками. Этотъ антагонизмъ происходитъ однако не вслѣдствіе различія расъ. Потомки *мѣстныхъ бродягъ*, которые соединялись съ дикарями и выдавали своихъ дочерей за абенакиевъ, не имѣютъ отвращенія къ прелестнымъ американкамъ, точно такъ, какъ и онѣ смотрятъ довольно ласково на краскокожихъ сосѣдей.

Французъ менѣе чѣмъ кто-либо зараженъ предрасудками расы. Обладая самою характеристичною національностью, онъ считаетъ всѣ другія націи равными себѣ. Но между канадцами и янками существуетъ теологическій споръ, разногласіе въ пониманіи сущности Верховнаго Владыки, которой одинъ придаетъ смыслъ протестантскій, а другой смыслъ католическій, а этого достаточно для нахождения болѣе или менѣе справедливыхъ разнорѣчій. Къ этому надо прибавить различіе и въ политическомъ воспитаніи этихъ народовъ. Франко-канадцы, благодаря постоянной опеке своей метрополіи, не выработали того гражданскаго чувства, которое отличаетъ американцевъ. Первые привыкли ожидать всего отъ правительства, а вторые во всемъ полагаются на самихъ себя.

Такимъ образомъ требуется еще много времени, чтобы изгладить слишкомъ рѣзкія отличія въ характерѣ американцевъ и франко-канадцевъ. Между ними существуетъ такая же разница, какъ

между сѣверянами и южанами. Только житель береговъ рѣки св. Лаврентія пользуется всѣми преимуществами прибрежнаго жителя Миссиссипи, безъ всякихъ неудобствъ своего положенія. У него негръ бѣглець находитъ всегда пріютъ, въ которомъ еще недавно ему отказывали свободные Штаты Америки, даже въ Массачусетсѣ и Бостонѣ. Франко-канадецъ откровененъ, отваженъ, хорошій товарищъ, не прочь хорошо покушать и пользоваться общественными удовольствіями; онъ любитъ танцы и музыку и похожъ на француза прошлаго столѣтія. Можно сказать, что на прибрежьи рѣки св. Лаврентія скорѣе, чѣмъ въ самомъ отечествѣ, найдется удивительно хорошо сохранившійся типъ настоящаго француза. Что-же касается Американца, то пуританизмъ, соединенный съ духомъ денежной спекуляціи, образовалъ изъ него суроваго работника, по преимуществу челоуѣка дѣловаго, ревниваго къ своимъ личнымъ правамъ и всегда готоваго постоять за ихъ неприкосновенность.

Въ Канадѣ, гдѣ родилась первая мысль о конфедераціи, этотъ проектъ естественно послужилъ предметомъ самаго восторженнаго поклоненія. Программа федералистовъ была представлена на судъ публики, съ большою ясностью и искусствомъ, однимъ изъ корреспондентовъ газеты Mail, отъ 18 августа. Она резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: «конфедерація дастъ намъ силу, возвратитъ намъ утраченную національность и, вслѣдствіе этого, приготовитъ намъ блестящую будущность.» Не должно забывать, что уже съ давняго времени отношенія между англичанами-протестантами Нижней Канады и французами-католиками Верхней сдѣлались очень натянутыми. Тѣ и другіе имѣли достаточный поводъ упрекать другъ друга, но жалобы однихъ преимущественно основывались на прошедшемъ, жалобы другихъ на настоящемъ. Французская партія вообще не придерживается духа либерализма. Будучи ревностными католиками, франко-канадцы слушать послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ священниковъ; умственный горизонтъ ихъ простирается не далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе видны съ колокольни ихъ сельской церкви, а политическія умозрѣнія не переходятъ границъ обитаемаго ими участка. Франко-канадецъ, какъ земледѣлецъ, и притомъ земледѣлецъ съ самымъ рутиннымъ взглядомъ на вещи, всегда привязанъ къ землѣ; его душа — рабыня поземельнаго дохода. Колонизація Канады была главнымъ образомъ обязана своимъ существованіемъ землевладѣтелямъ, которымъ губернаторы уступали земли. Часто помѣщикамъ

отправлялись во Францію искать крестьянъ для обработки своихъ земель за извѣстную плату. Эта плата была довольно незначительна. Общность опасностей водворяла между помѣщиками и крестьянами отношенія братства, но не равенства. Священники заключили тѣсный союзъ съ помѣщиками, такъ что свѣтская и духовная власть, дѣйствуя сообща, развили въ невѣжественномъ и простомъ населеніи, вмѣстѣ съ заботами о воздѣлываніи земли и самозащитеніи, привычки патріархальныя, существующія до сихъ поръ и составляющія даже основаніе характера этого страннаго народа. Канадецъ имѣлъ, сравнительно, хорошихъ священниковъ и хорошихъ помѣщиковъ; онъ самъ также добрый малый, и вотъ почему остался до сихъ поръ несовершеннѣйшимъ юношей.

Кажется, этотъ народъ до сихъ поръ видитъ свой идеаль и свое назначеніе въ одномъ лишь обладаніи землею, съ цѣлью имѣть возможность умножать количество своихъ дѣтей; не смотря на свое гнѣніе, онъ возрастаетъ въ постоянно увеличивающейся прогрессіи. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Рамо, искренній другъ поселенцевъ и ихъ краснорѣчивый защитникъ: «послѣ того, какъ политическое управленіе изъ нѣдръ отечества, а потомъ притѣсненія побѣдителя парализировали ихъ общественную дѣятельность, они все еще не могутъ опомниться и остаются слабыми въ своей дѣятельности; у нихъ еще не вывелся муниципальный порядокъ, они не научились пользоваться всѣми удобными случаями для развитія своей дальнѣйшей колонизаціи и улучшенія собственнаго положенія. При всякомъ дѣлѣ они обращаются съ просьбою о вспоможеніи деньгами къ центральному правительству, какъ будто оно въ состояніи дать имъ что нибудь другое, кромѣ того, что само же отъ нихъ потребуетъ. Такимъ образомъ происходитъ бесполезное круговращеніе общественныхъ сихъ и капиталовъ, которыхъ часть теряется при передвиженіи; а между тѣмъ, было бы очень легко избрать одно мѣсто для сбыта продуктовъ, которые отсылались-бы потомъ въ главный центръ, а тотъ, въ свою очередь, перепродавалъ-бы ихъ покупщикамъ».

На образованіе канадцевъ всегда обращалось очень мало вниманія; въ умственномъ развитіи франко-канадцы стоятъ гораздо ниже населенія Верхней-Канады и американцевъ. Въ томъ вина католицизма, ненавидящаго и презирающаго человѣческій разумъ, а слѣдовательно и все то, что стремится къ развитію и совершенствованію.

Извѣстно, что католическіе священники съ большимъ отвращеніемъ допускають необходимость образованія.

Иначе шло образованіе въ англійскихъ колоніяхъ. Основанныя пуританами, людьми суровыми, непреклонными, большею частью съ узкими и грубыми понятіями, но добросовѣстными, жертвовавшими за свои убѣжденія богатствомъ, отечествомъ, жизнью и тѣмъ, что было для нихъ дороже жизни,—штаты Новой Англій населены людьми энергическими. Эти люди раздѣлялись на прочныя общины, которыя и сдѣлались колыбелью многихъ республикъ и федераціи республикъ. Англо-канадецъ, менѣе обходительный и изящный, менѣе, повидимому, равносторонній, но болѣе грубый и суровый, чѣмъ франко-канадецъ, имѣетъ однако такую индивидуальную силу. Такою послѣдній никогда не обладалъ. Онъ кажется менѣе развитъ, но въ дѣйствительности гораздо болѣе свѣдущъ своего соперника; онъ стремится со дня на день къ улучшенію и образованію себя, въ то время, какъ другой не выходитъ изъ обычнаго уровня; онъ оказываетъ большіе успѣхи въ промышленности, занимается торговлею, у него болѣе силы воли, болѣе инициативы, болѣе ответственности; онъ чувствуетъ себя человѣкомъ. Онъ прогрессистъ, а тотъ приверженецъ рутины и консерваторъ. Словомъ, англо-канадецъ олицетворяетъ собою высшую идею человѣческой дѣятельности и возмужалости.

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, что проектъ конфедераціи былъ въ началѣ предложенъ преимущественно противъ французской партіи, которая держала черезъ-чуръ въ большомъ равновѣсіи партію англійскую. Въ палатѣ депутатовъ, въ народѣ, въ совѣтѣ центрального управленія, обѣ силы постоянно нейтрализовали другъ друга. Послѣдствіемъ этого было то, что не только политическое, но и гражданское управленіе становилось невозможнымъ. Всякая важная дѣла оканчивалась мыльнымъ пузыремъ, всякое полезное намѣненіе сейчасъ-же становилось невозможнымъ или бесплоднымъ и всегда по милости той или другой партіи. Большинство, министерства, кабинеты устраивались, разстраивались и снова составлялись на подобіе разноцвѣтныхъ стенокъ въ калейдоскопѣ. А умы волновались, дѣло почти доходило до междоусобной войны, которая, нѣтъ сомнѣнія, вспыхнула-бы тотчасъ по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Именно для разъединенія двухъ партій и для предоставленія одной изъ нихъ преобладающаго вліянія была изобрѣтена эта комбинація. Безполезно говорить, что при ея помощи востор-

жестовала элементъ англійскій, морской, протестантскій, промышленный и торговый надъ элементомъ французскимъ, земледѣльческимъ, католическимъ и консервативнымъ. Поэтому франко-канадцы только въ половину довольны проектомъ конфедераціи, который, по всей вѣроятности, вовлечетъ ихъ въ ненавистный союзъ съ Англіею, постоянно ими отвергавшійся. Но оптимисты утѣшаются мыслью, что они составятъ отдѣльный штатъ, будутъ пользоваться отдѣльнымъ управленіемъ, будутъ имѣть свою палату, свой сенатъ и своего губернатора. Они придають большую цѣну такому раздѣленію и именно потому, что ихъ соединеніе съ Верхнею Канадою произошло помимо ихъ воли, и что они были вовлечены въ возстаніе 1837 года, столь жестоко подавленное англійскимъ правительствомъ.

Итакъ новый вопросъ возникъ въ политическомъ мірѣ, какъ противодѣйствіе войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это вопросъ о конфедераціи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Въ группѣ населеній, стремящихся въ настоящее время къ присоединенію, главнѣйшую роль играютъ протестантизмъ и католицизмъ, англо-канадская раса и франко-канадская. До тѣхъ поръ, пока эти два главные элемента конфедераціи не сольются во едино, они будутъ стремиться къ разединенію. Этому стремленію благоприятствуютъ два явленія:

Англо-канадская раса, какъ элементъ прогрессивный, будетъ стремиться къ соединенію съ населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ которыхъ они ничѣмъ не раздѣлены, кромѣ небольшихъ недоразумѣній и случайныхъ ссоръ.

Франко-канадская раса, своимъ языкомъ, религіею, нравами, увеличивающимся населеніемъ, могла бы одна представить основанія для національности, дѣйствительно способной противоборствовать всепоглощающей силѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но эта раса олицетворяетъ элементъ реакціи. А реакція въ политикѣ — смертная болѣзнь, отъ которой погибли не одно государство, не одна конфедерація.

Когда предполагаемый союзъ осуществится и англійскія колоніи сольются съ сѣверо-американскими штатами, тогда Англія получитъ еще новый урокъ, что колониальная ея система создана только для народовъ малолѣтнихъ и слабыхъ. Какъ только они достигаютъ нѣ-

которой самостоятельности, отложение от метрополии дѣлается естественнымъ результатомъ этой близорукой системы.

Съ открытіемъ великаго закона, найденнаго Дарвиномъ для явленій физическаго міра, *неподвижность* и *застой* сдѣлались немыслимы. Творческая работа природы не прекращается ни на одну минуту; нѣтъ ни одного атома, который не подчинялся бы тѣмъ или другимъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ міроваго движенія. Отъ песчинки и до океана—все живетъ и развивается сообразно съ тѣми условіями, которыя лежатъ въ основаніи органическаго существованія. По всей этой безконечной цѣпи вымирающихъ и вновь возникающихъ формъ проходитъ самая разнообразная и неустанная дѣятельность, дающая, въ общей экономіи природы, новое усовершенствованіе всему, что мы называемъ жизнью.

Въ области социальныхъ явленій дѣйствуетъ тотъ же законъ и та-же экономія человеческихъ силъ. Не смотря на множество противодействующихъ элементовъ, стремившихся задержать умственное и общественное развитіе Европы, въ общемъ итогѣ это развитіе представляетъ успѣхъ. Только одна папская власть стоитъ внѣ этого закона. Прошли вѣка, отжили свою жизнь цѣлыя историческія направленія, самые берега и скалы Средиземнаго моря приняли новый видъ, а католическій Римъ остался неизмѣннымъ и неподвижнымъ, какъ старая развалина, осужденная на медленное гніеніе. Ни открытіе Америки, ни изобрѣтеніе книгопечатанія, ни наука, ни политическіе перевороты въ исторіи Европы—ничто не затронуло въ немъ жизни и не вызвало его къ движенію. Какъ въ X вѣкѣ, такъ и въ XIX, мертвый въ своемъ принципѣ, глухой къ требованіямъ времени и прогресса, онъ не припалъ да и не могъ принять въ себя ничего обновляющаго и двигающаго впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился силы глушить все живое и здоровое, роль его сдѣлалась болѣе чѣмъ жалкою. *Анаемы* его, нѣкогда волновавшія Европу, теперь потеряли всякій смыслъ, и изъ угрозы обратились въ насмѣшку падъ самимъ папствомъ. Что же ожидаетъ его впереди? Устоитъ-ли оно противъ напора событій, которыя со всѣхъ сторонъ подкапываютъ его основаніе и уничтожаютъ одну за другой

изъ его средневѣковыхъ прерогативъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ утвердительно тѣ наивные прогрессисты, которые, подобно Джиюберти, видятъ спасеніе католичества въ его обновленіи посредствомъ реформъ. Однимъ изъ нихъ кажется, что римская церковь, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ традицій, можетъ возвратиться къ тому первобытному состоянію, въ которомъ она еще не знала ни честолюбія свѣтской власти, ни алчности къ золоту, ни политическихъ стремленій. Другіе воображаютъ, что католическій Римъ можетъ соединить въ себѣ старую традицію съ современной цивилизаціей, и подъ вліяніемъ новаго духа времени преобразиться въ универсальный и могущественный органъ нравственнаго и умственнаго развитія народовъ. Такъ думалъ и Пій IX, когда въ 1848 году съ балкона Квиринала провозгласилъ римскому народу знаменитый лозунгъ: «Italia farà da se»; когда онъ серьезно былъ убѣжденъ, что его власть способна къ преобразованіямъ и можетъ согласить живое съ мертвымъ, слабое съ сильнымъ. Но эта мечта, та старая мечта, за которую поплатился жизнью Саванаролла, за которую пострадали многіе гениальные и благородные люди, — оказалась самой нелѣпой мечтой. Теперь стало ясно, что никакія реформы не сласутъ папство, никакая цивилизація не привьетъ своихъ свѣжихъ ростковъ къ этому высохшему дереву. Событія такъ или иначе могутъ отсрочить драматическую развязку, но самая развязка становится неизбежной.

Трактатъ 15 сентября служитъ очевиднымъ доказательствомъ невозможности примирить папство съ современнымъ порядкомъ въ Италіи и въ Европѣ. Авторы этого трактата, написаннаго въ темномъ углу дипломатической канцеляріи, безъ всякихъ справокъ съ общественнымъ мнѣніемъ Италіи и даже безъ вѣдома св. отца, теперь уже видятъ, что они обманулись въ своихъ расчетахъ. Въмѣсто примиренія, они бросили въ политическій міръ новое яблоко раздора. Какъ только былъ опубликованъ этотъ знаменитый договоръ, — въ Туринѣ полилась кровь, и вражда старыхъ партій, только-что заснувшихъ, опять пробудилась. Общественное мнѣніе проникло далѣе буквального смысла договора и замѣтило въ немъ инныя цѣли и намѣренія, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Императоръ Наполеонъ III, подписывая договоръ, думалъ про себя, что если революція низвергнетъ папу, то онъ снова придетъ возстановить его и

вмѣсто одного Рима можетъ захватить въ свои руины половину Италіи. Эта западня со временъ Макиавелли постоянно употреблялась французской политикой въ отношеніи итальянскаго полуострова. Съ другой стороны, король Викторъ Эммануилъ разсуждалъ такимъ образомъ: «я обязался не нападать на Римъ, не трогать моего врага Пія IX, — да мнѣ нѣтъ и надобности этого дѣлать, потому что въ Римѣ все готово для переворота, а всякій переворотъ дѣлаетъ меня полнымъ хозяиномъ не только вѣчнаго города, но и главы его». Впрочемъ я не имѣю особеннаго аппетита добираться до самой сердцевины этого артишока, когда и листья его очень неудобоваримы.

.... Самое забавное то, что оба они должны были во всеуслышаніе и съ высоты дипломатической трибуны провозгласить свои сокровенныя мысли. Г. Друэнъ-де-Лювжъ въ депешѣ крайне рѣзкой и обидной, на сколько это допускаетъ дипломатическій тонъ, напомнилъ, что, по смыслу конвенціи, правительству короля Виктора Эммануила вовсе не было позволено употреблять секретныя маневры и уловки, чтобы избавиться отъ святаго Отца, и что конвенція не обязывала императора рѣшительно ни къ чему относительно Рима въ случаѣ, если-бъ возникли тамъ непредвидѣнные обстоятельства. Итальянское правительство отвѣтило, что оно съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль объ употребленіи секретныхъ маневровъ и уловокъ противъ Пія, и что если конвенція оставляетъ за императоромъ право дѣйствовать, какъ онъ заблагоразсудитъ, въ случаѣ народнаго возстанія въ Римѣ, то она (т. е. конвенція), разумѣется оставляетъ точно такое же право и за Италіей.

И такъ, эта конвенція, которая должна была помирить Италію съ императоромъ и пріобрѣсти для него, въ случаѣ надобности, опору, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, сдѣлала только одно, а именно: поссорила ихъ еще хуже прежняго. Подобнаго рода конвенціи въ бывшее время, можетъ быть, и казались такими умными, когда онѣ покрывались канцелярской тайной и оставались погребенными въ числѣ бумагъ какого нибудь любимца-министра, но теперь, когда приходится подвергать ихъ гласному разсмотрѣнію парламентовъ и всѣхъ европейскихъ газетъ и журналовъ, теперь, когда ихъ критикуютъ и іезуиты, и партія дѣйствія, и реакціонеры, и революціонеры, — теперь онѣ уже рѣшительно никуда не годятся, и только портятъ дѣло. Потому-ли, что простой народъ слишкомъ глупъ, или

потому, что онъ слишкомъ честенъ, во всякомъ случаѣ, онъ или не хочетъ или не можетъ понимать столь двусмысленныхъ вещей.

Партія дѣйствія, которая служитъ самой преданной представительницей народныхъ стремлений, не одобряетъ также конвенція; хотя, по правдѣ сказать, она и колебалась нѣкоторое время прежде чѣмъ рѣшила: согласиться на нее или нѣтъ. Въ газетахъ писали, что Гарibaldi одобряетъ; потомъ объясняли, что хотя онъ и не одобряетъ ее, но не будетъ возставать противъ нее.

Сомнѣнія эти на счетъ Гарibaldi разсѣялись, когда появилось письмо вождя молодой Италіи къ туринцамъ. Авторъ этого письма былъ совершенно правъ, когда указывалъ на то, что если принять конвенцію въ ея буквальномъ смыслѣ, то король Италіи обѣщаетъ въ ней другому государю отказаться отъ народной политики; если-же принять конвенцію со всѣмъ тѣмъ, что въ ней подразумевается, то это просто ловкая увертка, недостойная великой націи. Далѣе говорится, что подобнаго рода уловки унижаютъ и срамятъ того, кто ихъ употребляетъ. Это письмо произвело огромное впечатлѣніе; общественная совѣсть была тронута въ самую болезненную точку. Нѣсколько дней спустя, въ Diritto появилось письмо Гарibaldi. Оно подбросило новую гирию на вѣсы общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что это говорилъ человѣкъ, нѣкогда защищавшій Римъ съ такимъ геройствомъ противъ бонапартистскихъ войскъ, человѣкъ, предпринявшій аспромонтскую экспедицію... Съ человѣкомъ, говорилъ онъ безъ всякаго права удерживающимъ часть чужаго добра, не вступаютъ въ переговоры, не подписываютъ конвенцій, не покупаютъ возврата одной половины имущества цѣною другой; безъ сомнѣнія, было-бы достойнѣе и благоразумнѣе со стороны правительства Виктора Эммануила, если-бы оно, вмѣсто того, чтобы напрашиваться на переговоры относительно Рима, отказалось отъ нихъ наотрѣзъ. Послѣ того какъ парламентъ провозгласилъ Римъ столицей Италіи, г. Нигра не имѣлъ уже права вступать въ переговоры съ человѣкомъ, приказавшимъ своимъ солдатамъ брать этотъ городъ приступомъ, и знамя котораго, обрызганное итальянской кровью, еще развѣвалось надъ итальянской метрополіей.

Это, безъ сомнѣнія, голосъ справедливости, которому нельзя не сочувствовать въ его рѣзкихъ и откровенныхъ протестахъ. Но посмотримъ, что могутъ сказать въ свою пользу сторонники конвенція.

Съ точки зрѣнія чисто практической, туринскій каляпетъ, связавшій себя съ похитителемъ Рима, въ сущности продолжаетъ только свою прежнюю политику компромиссовъ, которые со временемъ могутъ обратиться Сардинію, а въ шѣствѣ съ нею и Италію въ вассальное владѣніе Наполеона III. Туринское правительство разсуждаетъ такъ: выгнать императора мы не можемъ ни въ два часа, ни въ два года. Если онъ готовъ обѣщать намъ, что самъ уйдетъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы не пытались сдѣлать невозможное, то такой договоръ можетъ быть только въ нашу пользу. Если человекъ отниметъ у насъ бумажникъ, то мы совершенно вправѣ предложить ему въ замѣнъ нашъ портъ-монэ, при чемъ мы, конечно, рискуемъ потерять и то и другое. Разумѣется, это сравненіе не относится нисколько къ нашему великодушному союзнику, но оно объясняетъ только нашъ аргументъ. Народы не могутъ руководствоваться абсолютной справедливостью; политика ни что иное, какъ постоянный компромиссъ между справедливостью и полезнымъ между тѣмъ, что пока еще совершенно невозможно и тѣмъ, что сдѣлалось возможнымъ, — между идеаломъ мыслителей и стремленіями массъ.

Вотъ обѣ стороны итальянскаго вопроса. Кромѣ того, нужно еще замѣтить, что противъ компромисса возстали только Гарибальди и еще нѣсколько самыхъ чистыхъ представителей партіи дѣйствія, между тѣмъ какъ огромное большинство, какъ внутри, такъ и внѣ парламента, объявило себя въ пользу конвенціи. Всѣ согласны съ словами сказанными г. Рикасоли по этому поводу: «Что бы мы выиграли безъ конвенціи, и что мы потеряли вслѣдствіе ея?» Въ настоящее время происходятъ парламентскія пренія по поводу конвенціи, произносятся самыя горячія рѣчи, всѣ выражаютъ свое неудовольствіе по поводу этого компромиса и, не смотря на то, конвенція будетъ принята огромнымъ большинствомъ членовъ парламента.

Къ несчастію Италія слишкомъ искусна въ политикѣ. Политическая неволя, въ которой она находилась въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, приучила итальянцевъ скрывать свои мысли; каждый итальянецъ хитеръ какъ макіавель: онъ лавируетъ, и вертитъ, и дѣлаетъ компромисы, и выжидаетъ; ипонятно, что среди всѣхъ этихъ маневровъ откровенность и искренность довольно рѣдки.

По нашему мнѣнію, это просто несчастіе, и Италія была-бы гораздо сильнѣе, если-бы она не одѣвалась то въ лисью, то въ льви-

ную кожу, а осталась бы просто на просто тѣмъ, чѣмъ она есть; эти постоянныя перемѣны въ людяхъ и дѣлахъ, въ идеяхъ и манерахъ, и къ тому еще въ маневрахъ фальшивыхъ, охлаждаютъ общее сечувствіе къ Италіи и къ ея справедливымъ требованіямъ. Прежде всего представляется намъ въ этомъ отношеніи еяція республикански-монархическая или компромиссъ между революціей и реакціей, компромиссъ, который довелъ Виктора-Эммануила до Неаполя, а Гарibaldi до Аспромонте. Благодаря компромиссу съ императоромъ Наполеономъ, человѣка, уничтожившаго римскую республику, называютъ теперь спасителемъ и искупителемъ Италіи. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ существуютъ цѣлыя милліоны людей, которые считаютъ этотъ титулъ совершенно добросовѣстно и истинно прибрѣтеннымъ. Завоеватель Романья отлучается отъ церкви за похищеніе имущества церкви, и въ тоже время онъ увѣряетъ всѣхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ своей безграничной преданности церкви, предлагаетъ заплатить часть долговъ святаго Отца и вмѣстѣ съ тѣмъ дать ему почетный караулъ изъ тѣлохранителей его величества. Викторъ-Эммануиль торжественно обѣщаетъ не нападать на папу и не пускать въ ходъ противъ него никакихъ скрытыхъ уловокъ или маневровъ, а между тѣмъ онъ присягнулъ пролить послѣднюю каплю крови за единство Италіи, и онъ знаетъ, что престолъ и будущность его династіи зависятъ отъ того, останется ли онъ вѣренъ національнымъ стремленіямъ или нѣтъ. Съ другой стороны, король Италіи обѣщалъ уже безчисленное множество разъ, что онъ вступитъ въ Римъ, и что это составляетъ единственную цѣль его политики, а между тѣмъ сомнительно, въ самомъ-ли дѣлѣ ему такъ хочется царствовать въ Канитоліѣ.

Съ наной-бы стороны вы не посмотрѣли на итальянскій вопросъ, вездѣ найдете компромиссъ. Коллегія кардиналовъ въ хлопоты гораздо болѣе изъ-за свѣтской, чѣмъ изъ задуховной власти папы, а въ тоже время многіе революціонеры были бы крайне непріятно поражены упадкомъ католицизма, что лишило-бы папу, а слѣдовательно и Италію, его верховной власти надъ двумя третями всего христіанскаго міра.

Есть люди, думающіе о постройкѣ совершенно новой столицы, чтобы только сохранить за Римомъ величіе его развалинъ и величіе лавшаго католицизма. Есть и такіе, которые пресерьезно носятя съ

проектами гражданского устройства духовенства, какъ будто приходскіе священники уже и безъ того недостаточно похожи на чиновниковъ. Но попробуйте привести въ исполненіе этотъ проектъ и вы увидите, какой поднимется вопль въ самомъ же духовенствѣ, «Какъ, скажете оно, вы покушаетесь на чистоту нашей жизни, на неприкосновенность нашихъ дѣйственныхъ правъ... Известно, что католическая партія обладаетъ настоящею геніальностью въ искусствѣ прикидываться жертвой; одинъ изъ первыхъ уроковъ, который она даетъ своимъ юнымъ ученикамъ, состоитъ въ исторіи страшныхъ истязаній, будто претерпѣваемыхъ ею въ продолженіи многихъ вѣковъ; по ея словамъ, ее мучили язычники, мучили еретики, мучили рационалисты и вольнодумцы, мучили короли, мучили императоры, мучили судьи, народы и націи. Бѣдное католичество! какъ же его истязали евреи, какъ же его пытали мавры, какъ же его казнили альбигойцы, какъ же его въ ночь св. Вароламея рѣзали гугеноты! Это бѣдное католичество, у котораго есть претензіи на неограниченную власть и на самую деспотическую теократію, обижаютъ всё; оно находитъ, что его лишаютъ того, что ему слѣдуетъ по праву, если ему не предоставляютъ полнѣйшаго самодержавія; а вѣдь масса всему этому вѣритъ. Это Тартюфъ сыггранный на всемірной сценѣ. Тартюфъ сидитъ за столомъ гражданского устройства церкви и добрякъ Оргонъ, иначе называемый народомъ или г. Милліонъ угощаетъ его благочестиво. «Тартюфъ съѣлъ жареную курицу, бѣдный человекъ, бѣдный человекъ!» восклицаетъ Милліонъ;— «онъ съѣлъ куропатку, онъ выпилъ блага вина, онъ выпилъ коньяку, абсенту, ликера, и бутылку Grande Chartreuse, онъ выпилъ чашку кофе и выкуривъ послѣобѣденную сигару, бѣдный человекъ, бѣдный человекъ!» Вотъ что добрякъ постоянно повторяетъ съ трогательнымъ самоуничиженіемъ...

Итальянскіе либералы, въ 1864 г. предлагающіе гражданское устройство духовенства, должны были бы помнить, что французская революція на свое несчастіе попробовала того же. Она дала французскому духовенству самую простую, самую разумную и самую благодѣтельную конституцію, какую только можно вообразить себѣ. Для огромной массы низшаго духовенства, жившаго по большей части въ грязной нищетѣ, между тѣмъ какъ прелаты утопали въ роскоши и богатствѣ, учредительное собраніе назначило жалованье,

которое въ то время равнялось почти маленькому состоянію, а именно, сумму 1200 франковъ (вмѣсто прежнихъ 400); а между тѣмъ и высшіе церковные сановники, и простые священники, и вся клерикальная партія возопили по поводу разграбленія церковныхъ имуществъ, и даже до сихъ поръ еще не совсѣмъ угомонились на этотъ счетъ. Отъ нихъ требовали только, чтобы они присягнули на вѣрность республикѣ, которой они служили-бы какъ чиновники, республикѣ, платившей имъ жалованье, а они, не задумываясь, вызвали неждоусобную войну на западъ и наюгъ Франціи. Что же касается священниковъ, согласившихся присягнуть на вѣрность республикѣ, то духовные ихъ начальники поставили ихъ на одну доску съ еретиками и отлученными отъ церкви.

Во всякомъ случаѣ мы никогда не откажемся отъ логичности и возможно-лучшаго упрощенія народнаго вопроса, что въ концѣ концовъ окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и самой разумной политикой. Италия только тогда освободится отъ хаоса затрудненій и непослѣдовательности, въ которомъ она теперь запутана, когда она прямо и откровенно начнетъ стремиться къ осуществленію программы, такъ искусно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно предначертанной графомъ Кавуромъ, и которую еще пять столѣтій тому назадъ великій реформаторъ Арнольдъ Брешиійскій, какъ-бы озаренный лучемъ гения, выразилъ почти въ тѣхъ же словахъ: «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ.»

Итальянское правительство не имѣетъ никакой власти въ Римѣ, а между тѣмъ оно считаетъ Римъ столицею Италиі. Гдѣ-же тутъ логика? Невозможно положительно, чтобы папа и Викторъ Эммануилъ существовали независимыми королями рядомъ другъ съ другомъ, и одинъ мимо другаго, невозможно положительно, чтобы они раздѣлили между собою одинъ городъ на два независимые квартала. Въ самомъ дѣлѣ—два короля въ одномъ городѣ — этого не случалось еще на бѣломъ свѣтѣ. Если король Викторъ Эммануилъ долженъ вступить въ Римъ, то король Пій IX долженъ оставить этотъ городъ. Если-бъ даже Пій оставался королемъ одного только Ватикана, если-бъ даже его держава ограничивалась стѣнами его садовъ, то и тогда Виктору Эммануилу стало-бы тѣсно отъ такого сосѣдства во всемъ обширномъ Римѣ: величіе первосвященника придавило-бы его конституціонную мизерность. Король, будучи толь-

ко свѣтскимъ государемъ, поневоля долженъ - бы былъ уступить первое мѣсто королю, который въ одно и тоже время государь и свѣтскій и духовный. Борьба, наполняющая собою всю исторію среднихъ вѣковъ, борьба между папой и императоромъ, когда-то раздиравшая весь міръ, сосредоточивается теперь въ одномъ родѣ; сегодня споръ не идетъ уже о всей обитаемой землѣ, а только о поверхности нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ; поле битвъ значительно уменьшилось, сдѣлалось даже уже совсѣмъ маленькимъ, но все же оно еще достаточно велико для ударовъ, которые можно предвидѣть; во всякомъ случаѣ еще довольно мѣста для великой побѣды и для жалкаго пораженія. Въ 1848 году римской республикѣ представлялся случай нанести рѣшительный ударъ; но прежде чѣмъ ей удалось поднять мечъ, генералъ Каваньякъ и императоръ Наполеонъ одинъ за другимъ вмѣшались въ дѣло, чтобы спасти свѣтскую власть папы. Теперь такой же случай представляется итальянскому королевству; боицу за итальянское единство судьба вручила этотъ знаменитый мечъ. Но если сердце дрогнетъ у короля Виктора Эммануила, то ненужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть конецъ савойскаго дома.

Время не терпитъ. Конечно, нужно подумать о томъ, какъ вооружить и выучить 400,000 человѣкъ, которые стоятъ въ виду 500,000 солдатъ Австріи. Конечно, нужно подумать о томъ, какъ страна, которая и безъ того бѣдна, будетъ поставлять хлѣбъ и порохъ на эту огромную армію; придется истощить ее еще больше все новыми и новыми налогами, придется продавать государственныя имущества, дѣлать займы и въ тоже время покрывать ежегодный дефицитъ въ двѣсти или триста милліоновъ. А все таки существуетъ вопросъ еще важнѣе этого, вопросъ, который можетъ быть и нельзя еще рѣшить, но въ которомъ, во всякомъ случаѣ, слѣдовало-бы приступить, т. е. страшный вопросъ о церкви и государствѣ, вопросъ, съ которымъ связаны всѣ прочіе, изъ котораго они даже вытекаютъ. Но время не терпитъ. Катастрофа приближается. На горизонтѣ нѣтъ еще признаковъ подходящей бури, но все таки она уже недалеко. А между тѣмъ министры Виктора Эммануила ничего не предпринимаютъ въ виду наступающихъ событий. Вместо того, чтобы *самимъ* припаться за рѣшеніе римскаго вопроса, они все надѣются, что онъ рѣшится какъ-то самъ собою, что императоръ

Наполеонъ будетъ на столько любезенъ, что согласится вывести свое войско изъ Рима, что французамъ рѣшатся наконецъ сдѣлать революцію и убрать своихъ непрошенныхъ защитниковъ Рима вонъ изъ Италіи; они надѣются, что папа убѣжитъ къ баварцамъ въ Мюнхенъ, или къ англичанамъ на островъ Мальту, или въ Минорку на Балеарскіе острова. Затѣмъ, они надѣются, вступить въ Римъ черезъ Porta del Popolo, окружить Капитолій и замокъ Sant-Angelo пьемонтскими штыками, и поставить зуавовъ на часахъ у воротъ опустѣвшаго Ватикана. А когда все это благополучно исполнится, они надѣются, что папа, униженный, потерявшій всякую силу и обѣдѣвшій въ изгнаніи, пойдетъ на сдѣлку съ своимъ милымъ кузеномъ изъ Савоин, который конечно возьмется заплатить его долги, назначить ему пенсію и дать ему даровое помѣщеніе въ старомъ Ватиканѣ, украшенномъ берсагліерами на часахъ. Они еще надѣются — на что, на что только они не надѣются! — что Король Италіи приметъ на себя роль и титулъ цезаря, что папа придастъ этому триумфу новый, небывалый блескъ, и что Римъ, у котораго будетъ въ одно и тоже время великій свѣтскій государь и верховный святитель всего христіанства, больше чѣмъ когда либо будетъ столицей вселенной.

Право, расчетъ Петрушки, надѣявшагося купить вола, и корову и домъ на деньги, вырученныя за кувшинъ молока, были почти благоразумнѣе и основательнѣе въ сравненіи съ фантазіями государственныхъ людей, воображающихъ себѣ, что вопросъ о томъ, какъ сдѣлать Римъ въ одно и тоже время столицей Италіи и католическаго міра, рѣшится самъ собою, вслѣдствіе прогресса общественнаго мнѣнія и цивилизаціи, точно также, какъ они это обѣщали высокопочтенному г. Друэнъ-де-Люнсу. А пока общественное мнѣніе и прогрессъ цивилизаціи не сообщать имъ тайну разважи этого вопроса, итальянскіе дипломаты перечитываютъ Макиавелли, изощряются въ тонкостяхъ и уловкахъ, стараются перехитрить императора своими нотами и контръ-нотами, слѣдятъ за всѣми движеніями Гесса и Бенедекка, приходятъ въ ярость отъ всякаго епископскаго посланія, слегка безпокоятъ неаполитанскихъ камористовъ и разбойниковъ, наблюдаютъ за Бурбономъ и Бурбошкой въ Palazzo Farnese, окружаютъ Капреру гордономъ полицейскихъ агентовъ, слѣдятъ за гарибальдіяцами, противодѣйствуютъ экспедиціи въ Фріуль еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ даже австрійская полиція, и наконецъ они бьются изъ волахъ

сидя, чтобы заключать новые займы и къ концу года представляютъ государственные финансы въ самомъ удовлетворительномъ состояніи.

Бѣдняжки! съ чего только они такъ бьются? Если-бы они въ самомъ дѣлѣ хотѣли искоренить старыя злоупотребленія и принялись-бы за это дѣло серьезно, то они могли-бы рассчитывать и на поддержку общественнаго мнѣнія, но конечно не иначе; если-бы они наконецъ осмѣлились попытаться отдѣлить церковь отъ государства, то конечно съ ними была-бы и развивающаяся цивилизація; если-бы они хотѣли полагаться скорѣе на любовь и преданность народа, чѣмъ на французскихъ зуавовъ, то могли-бы распустить двѣ трети своего войска, сберечь отъ трехъ до четырехъ милліоновъ франковъ въ годъ, и въ тоже время показаться Австріи, какъ вооруженная нація, показать ей два милліона человѣкъ съ двумя милліонами ружей и съ Гарибальди, какъ главнокомандующимъ; но.....но, у итальянскихъ государственныхъ людей для этого слишкомъ много знанія, опытности и умѣнья обдѣлывать дѣла.

Намъ почти нечего прибавлять о событіяхъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи на первомъ планѣ стояло дѣло Мюллера, въ Германіи заключеніе мира съ Даніей, а во Франціи— мѣръ въ Рошфорѣ запретить продавать шампильоны въ подвѣдомственномъ ему городѣ. И больше ничего!

Въ тоже время, когда мы пишемъ эти строки, американскій народъ назначилъ своего президента на новый четырехъ-лѣтній срокъ. Болѣе того, онъ произнесъ торжественное рѣшеніе на счетъ своей будущей судьбы и приговоръ о своемъ политическомъ умѣ и чистотѣ своихъ нравственныхъ побужденій. Задача голосовъ 8-го ноября послужить мѣриломъ силы и его преданности. Если голосованіе было въ пользу Линкольна, то этимъ самымъ американцы заявили свое твердое рѣшеніе продолжать войну и добиться окончательнаго освобожденія негровъ; они доказали, что любятъ и понимаютъ свои республиканскія учрежденія достаточно, чтобы жертвовать для нихъ въ интересѣ будущихъ поколѣній, значительною долею національнаго бо-

гатства и тысячами своих дѣтей. Если-бы, что впрочемъ было невозможно, американцы выбрали въ президенты генерала Макъ-Клеллана, то этимъ фактомъ политическаго самоубійства они бы доказали, что сами уже не знаютъ чего хотять, мира или войны, и что боятся безобоязненно смотрѣть на будущность. Въмѣсто того, чтобы идти прямо на встрѣчу врагамъ и нанести имъ рѣшительный ударъ, они бы подражали глупому страусу, прячущему голову въ травѣ, чтобы только не видѣть опасности, и убаюкивали бы себя совершенно тщетными надеждами на невозможный миръ, они были бы вовлечены, можетъ быть, на пятьдесятъ лѣтъ въ цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ и революцій, скопированныхъ съ современной исторіи Мексики. Но теперь этого не будетъ. Прошлое ручается намъ въ этомъ отношеніи и за будущее. За океаномъ, по крайней мѣрѣ, справедливость и свобода выйдутъ торжествующими изъ этого испытанія.

Что же касается до выборовъ членовъ будущаго конгресса, происшедшихъ въ шести штатахъ, успѣхъ ихъ былъ совершенно удовлетворителенъ и даже превосходилъ всякія ожиданія; изъ числа 66 новоизбранныхъ членовъ, 60 принадлежатъ къ республиканской партіи и будутъ вотировать въ пользу совершеннаго и окончательнаго уничтоженія невольничества. Штатъ Индіана, въ которомъ большинство во всѣхъ прежнихъ выборахъ всегда вотировало за консервативныхъ представителей, на этотъ разъ большинствомъ 25,000 голосовъ выбралъ республиканскихъ кандидатовъ, а между тѣмъ результатъ былъ достигнутъ, хотя на выборахъ не участвовалъ ни одинъ солдатъ, которые всѣ, какъ извѣстно, сочувствуютъ освобожденію негровъ. Пенсильванія, — штатъ изъ котораго Макъ-Клелланъ родомъ и на который больше всего рассчитывали приверженцы невольничества, также стала на сторону освобожденія. Если даже всѣ прочіе штаты не отправятъ на предстоящіе выборы большаго числа республиканскихъ представителей, чѣмъ сколько ихъ было на прошломъ конгрессѣ, все таки можно рассчитывать, что въ пользу мѣры, уничтожающей невольничество, соберутся требуемыя закономъ двѣ трети голосовъ. Въ прежней палатѣ представителей республиканское большинство, вотировавшее въ пользу измѣненія конституціи и немедленнаго освобожденія негровъ, доходило до трехъ пятыхъ числа всѣхъ членовъ, а потому и было недостаточнымъ для проведенія этой мѣры.

Новая конституція Мэриленда одобрена и принята народомъ; такимъ образомъ одинъ изъ прежнихъ южныхъ штатовъ вступаетъ въ общій союзъ свободныхъ сѣверныхъ штатовъ. Все таки окончательно была принята конституція только самымъ слабымъ большинствомъ. Плантадоры, населяющіе южныя графства Мэриленда, которые, потерявъ своихъ рабовъ, держатся тѣмъ крѣпче самаго принципа невольничества, всѣ поголовно присягнули на вѣрность уніи, чтобы только имѣть возможность подавать голосъ противъ нея, и ведутъ за собою цѣлое стадо «нищихъ бѣлыхъ» (mean whites), какъ ихъ называютъ въ южныхъ штатахъ, еще не возстановившихъ своего нравственнаго достоинства, вмѣстѣ съ которыми всѣ они вотировали за удержаніе прежняго порядка вещей и за возстановленіе невольничества. Къ счастью, въ Мэрилендѣ солдаты имѣютъ право голоса. Вслѣдствіе этого большинство все таки осталось въ пользу новой конституціи и немедленнаго уничтоженія невольничества. Явленіе, конечно, небывалое еще, чтобы солдаты голосовали какъ граждане, и употребляли свое вліяніе для поддержанія республиканскихъ учрежденій.

Относительно военныхъ дѣйствій минувшій мѣсяцъ не представляетъ такого интереса какъ предъидущій. Конечно, какъ телеграфъ, вѣрный другъ южанинъ, сообщилъ въ Нью-Йоркъ, а изъ Нью-Йорка и въ Лондонъ и въ Парижъ, всякаго рода извѣстія, долженствовавшія имѣть вліяніе на выборные комитеты въ Америкѣ и на биржи во всемъ мірѣ, то Гудъ совершенно отрѣзалъ всѣ сообщенія Шермана съ базисомъ его дѣйствій, сѣверянскій генералъ Слокумъ былъ принужденъ внезапно оставить Атланту, Сентъ-Луисъ подвергался опасности быть осажденнымъ, то Грантъ или Ботлеръ претерпѣли страшныя пораженія, банды Форреста будто находились въ одно и тоже время чуть не на всѣхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій, и въ окрестностяхъ Чаттаногы и около Мемфиса, и въ въ Кентукки, и на берегахъ Огіо.

Конечно каждая такая ложъ бываетъ изобличена на другой же день, но тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей цѣли, напугиваетъ бязлиливыхъ, наводитъ ужасъ на трусовъ, удерживаетъ капиталы внѣ оборота. Затѣмъ всѣ эти извѣстія доходятъ до Европы, гдѣ, благодаря почти всеобщему незнакомію дѣла, опѣ только рѣдко бываютъ опровергаемы.

Въ настоящее время вся стратегика южанскихъ генераловъ должна состоять въ произведеніи множества атакъ на различные пункты, чтобъ такимъ образомъ маскировать слабость границъ южнаго союза и истощеніе своихъ армій, и чтобъ помѣшать сосредоточенію на одномъ пунктѣ большихъ сѣверянскихъ корпусовъ, которые могли бы нанести рѣшительный ударъ Ричмонду или центральнымъ городамъ Георгіи. Южанскій генералъ Стэрлингъ Прайсъ проникнуть въ самую середину штата Миссури, но онъ, должно быть, зная напередъ, что произведетъ только военную *fantasia*; ибо его 30,000 всадниковъ ограничились тѣмъ, что рысью проѣхали весь штатъ, сжигая фермы и деревни и уничтожая мосты на желѣзныхъ дорогахъ. Такимъ образомъ, они добрались до границъ Канзаса, но тамъ они попали между арміями Розенкранца съ одной, и Кортиса съ другой стороны и должны были уступить послѣ значительной потери; отсюда они продолжали свою кавалькаду къ пустыннымъ предѣламъ индійской территоріи. На восточномъ берегу Миссисипи знаменитый разбойникъ Форрестъ, бывший торговецъ невольниками, все по прежнему воюетъ на манеръ не менѣе знаменитыхъ Крокко и Чириано Ла-Гала и составляетъ краснорѣчивые бюллетени, въ которыхъ самая незначительная встрѣча величается какъ замѣчательная побѣда. Наконецъ, генералъ Гудъ, занявшій мѣсто Борегара, далъ честное слово, что отрѣжетъ сообщеніе Шермана; въ самомъ дѣлѣ, проскользнувъ за хребетъ горъ Лукаутъ (Lookout), ему удалось завладѣть станціею Дольтонъ, а затѣмъ и Резакой, но удержать онъ ихъ могъ только въ продолженіи однихъ сутокъ. Передъ Аллатуной онъ испыталъ кровавое пораженіе и генералъ Шерманъ не успѣлъ даже подойти, какъ его противникъ уже находился въ послѣднемъ бѣгствѣ, направляясь къ горамъ, составляющимъ южную границу штата Теннесси.

Что до генерала Ли, то онъ также сдѣлалъ неудачную диверсію. Узнавъ, что генералъ Шериданъ отправился въ Вашингтонъ послѣ своихъ побѣдъ на р. Шенандоа, онъ счелъ это самымъ удобнымъ временемъ, чтобы направить Лонгстрита противъ сѣверянъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти послѣдніе, пораженные появленіемъ въ одно прекрасное утро новыхъ войскъ, присутствіе которыхъ въ долину Шенандоа они и не подозрѣвали, были разбиты, потеряли двадцать пушекъ, и успѣли сформироваться вновь только около Страсбурга.

Шериданъ узнаеть объ этомъ несчастіи нѣсколькими часами позже, садится на лошадь, галопомъ спѣшить догнать своихъ солдатъ, пробѣгаетъ по рядамъ и принимаетъ отъ нихъ присягу побѣдить въ предстоящей второй битвѣ. «Ну ступайте, отдохните, сварите себѣ кофе, а потомъ — впередъ на непріятеля!» Когда появились южанскіе побѣдители, она уже не увидѣли передъ собою толпы бѣглецовъ. Сѣверяне сами нападаютъ на нихъ и отбрасываютъ ихъ на вершины холмовъ, закрывающихъ въ этомъ мѣстѣ долину. Затѣмъ съ вершинъ сталиваютъ ихъ въ сосѣдній оврагъ. Пораженіе становится общимъ, и войско Шеридана не только отбиваетъ взятые у него въ утренней битвѣ двадцать пушекъ, но захватываетъ еще тридцать другихъ орудій. По правдѣ сказать, дебютъ довольно жалкій для Лонгстрита, который вслѣдствіе раны, полученной въ битвѣ при Споттсильвэніи, не находился уже нѣсколько времени при арміи.

Такимъ-то образомъ южане постепенно теряютъ своихъ солдатъ и одну позицію за другою. Вскорѣ все бѣлое населеніе отъ 16 до 55 лѣтъ будетъ истреблено или изувѣчено на всемъ пространствѣ отпавшихъ штатовъ; но еще остались негры и Джефферсонъ Дэвисъ требуетъ и этихъ послѣднихъ. Онъ и его друзья не удовлетворяются тѣмъ, что повергли сѣверную Америку въ страшную войну, дали возможность разграбить огромныя богатства и причинили смерть какихъ нибудь пяти или шести тысячъ человекъ, — нѣтъ, имъ хочется еще лишить жизни и тѣхъ, силы и тѣло которыхъ подали первый поводъ къ войнѣ. Хозяева уже убиты или ранены, теперь очередь за невольниками! Подъ достаточнымъ присмотромъ бѣлыхъ унтер-офицеровъ, которые въ тоже время будутъ исполнять должность тюремщиковъ, всѣ здоровые невольники должны будутъ идти въ солдаты; но принципъ невольничества нисколько отъ этого не потеряетъ. Конечно, никто не подумаетъ сказать этимъ неграмъ: «Вы также люди, идите сражаться вмѣстѣ съ нами!» Ихъ просто попросятъ у владѣльца, имъ будутъ платить бумажками, потерявшими всякую цѣнность, а затѣмъ дадутъ имъ ружье въ руки и велятъ имъ сражаться за «священныя учрежденія юга» и за рабство своихъ братьевъ. Человѣчество видѣло уже столько ужасовъ и страшныхъ сценъ, что оно, можетъ быть, увидитъ и эту новую подлость безъ особеннаго удивленія. Очень возможно, что придется видѣть, какъ въ южанскихъ арміяхъ негръ будетъ сражаться за неволю своихъ женъ и дѣтей

но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этой борьбѣ между черными окончательная побѣда останется на сторонѣ тѣхъ, которые приобрѣли достоинство свободныхъ людей. И такъ, теперь окончательный триумфъ зависить отъ этой презираемой расы. Да не забудутъ этого бѣлые сѣверяне, да выучатся же они считать братьями этихъ чернокожихъ, на которыхъ они такъ долго смотрѣли какъ на болѣе низкія существа. Если хотять побѣдить, то пусть наконецъ окажутъ себя достойными этой побѣды!

Жанъ Лесернъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Равнодушіе русскаго общества къ экономическимъ вопросамъ.—Басня дровосѣка.—Чѣму научили насъ экономисты?—Рѣчь г. Полевки произнесенная въ обществѣ сельскихъ хозяевъ и защищающая меркантильную систему.—Денежная лаворадка.—Рѣшеніе вопроса: имѣютъ-ли деньги внутреннюю цѣнность и составляютъ-ли онѣ богатство народа.—Къ чему ведетъ насъ экономическая теорія.—Мнѣніе ея есть мнѣніе большинства.—

Непонятное равнодушіе русскаго общества, особенно въ настоящее время, къ экономическимъ вопросамъ можно объяснить только тѣмъ, что экономическія наши понятія не далеко ушли отъ «Деметриад». Мы не создаемъ и не цѣнимъ важности социальныхъ задачъ именно потому, что не понимаемъ ихъ; мы привыкли смотрѣть на свои общественныя отношенія съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что насъ не затрагиваетъ ни одно явленіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга пашей мелкой и незамысловатой жизни; мы не беспокоимъ себя размышленіемъ надъ тѣмъ, что ожидаетъ насъ завтра, и что нами сдѣлано вчера. Поэтому, когда совершается фактъ, вопиющій своею несправедливою или угрожающею кризисомъ, мы просыпаемся и смотримъ на него мутными глазами, какъ на что-то случайное, упавшее съ облаковъ. А между тѣмъ совершившійся фактъ былъ предельно подготовленъ цѣлымъ рядомъ причинъ и послѣдствій, надъ которыми мы сами работали изо всѣхъ силъ; однимъ словомъ, басня того дровосѣка, который, подрубая подъ собою сукъ, падаетъ съ дерева и жалуется своему нечаянному паденію, повторяется съ нашими обществемъ каждый день. Такъ, напримеръ, мы нѣсколько

дѣтъ трудился надъ уничтоженіемъ своего общественнаго кредита, и теперь жалуемся, что не вѣрнимъ другъ другу, что банкротство увеличивается въ ужасающей прогрессіи, что для несостоятельныхъ должниковъ нѣтъ болѣе мѣста въ долговыхъ ямахъ, что торговля и промышленныя операціи терпятъ рѣшительный застой. Все это мы выносимъ на себѣ, жмемся, корчимся, крахтиимъ и даже плачемъ; но спросить себя: *отчего все это? Почему намъ живется дурно?*—не рѣшаемся. Ужъ вѣрно такъ на роду написано, отъ-части намъ наша глупая пословица и совершенно удовлетворяетъ нашъ дѣлительный и пассивный умъ, не любящій тревожить себя никакими вопросами.

Да и тревожить себя чему нечѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если экономическій нашъ смыслъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ поваренной книжкой г-жи Авдѣевой, то откуда же возьмется желаніе разрѣшать задачи, о которыхъ мы и не слышали, ставить вопросы, надъ которыми мы и не задумывались. Повидимому, мы знаемъ ужасно много, мы постоянно произносимъ слова: трудъ, капиталъ, валютный курсъ, экономическое равновѣсіе и даже экономическая справедливость, но все это пустые звуки, дѣтскія погремушки, когда дѣло доходитъ до приѣненія ихъ къ самой жизни. Тутъ мы путаемся, противорѣчимъ себѣ на каждомъ словѣ, отдѣляемся общими фразами и въ концѣ концовъ убѣждаемся сами, что мы ничего не знаемъ. Да и откуда было узнать? Общественною жизнью, въ широкомъ значеніи этого слова, мы жили мало, на взаимные свои интересы смотрѣли почти также, какъ на кость, брошенную двумя барбосами, о великихъ предпріятіяхъ, заявляющихъ передъ человѣчествомъ о національномъ превосходствѣ, не мечтали, въ европейскомъ социальномъ прогрессѣ участвовали только пенькой и салокомъ, и слѣдовательно не имѣли случая выработать себѣ извѣстный взглядъ на экономическія отношенія. Что же касается до научныхъ свѣдѣній, до литературы, воспитывающей общество для социальной дѣятельности, то русская публика слышала отъ своихъ экономистовъ еще меньше дѣльныхъ вещей, чѣмъ сколько преподаетъ ихъ кухонная энциклопедія г-жи Авдѣевой. За исключеніемъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей и «Началъ политической экономіи» Милля, все остальное можно было и не слушать. Болтовня Вернадскихъ, Безобразовыхъ, Шиллей и всей этой скудоумной школы, произведенной на свѣтъ непереваванными мыслинками надъ великой теоріей Адама Смита, не могла

ничего прибавить къ нашему абсолютному невѣжеству въ экономическихъ вопросахъ; она только окончательно перепутала наши понятія, сбивла съ толку даже тѣхъ добрыхъ людей, которые учились экономіи въ барскихъ конторахъ и на сютныхъ дворахъ. Такия финансовыя головы, какъ г. Копоревъ (въ области практической дѣятельности) и г. Шмалъ (въ области теоріи) могли быть продуктомъ величайшаго сумбура, какой только можетъ уложиться въ человѣческой головѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что первый былъ счастливѣе втораго во столько разъ, во сколько откупъ чернилъ невзвѣсныхъ чернилъ, которыми исписываются жалкіе трактаты г. Шмала; но въ результатѣ выходятъ одно и то же; и практика и теорія одинаково нелѣпы. О практикѣ говорить нечего, потому что съ нею мы встрѣчаемся ежеминутно. Что же касается теоріи, то она выставила за себя такихъ защитниковъ, у которыхъ, въ общемъ итогѣ, оказалось не больше толку, чѣмъ у одной Коробочки, вступающей въ коммерческую сдѣлку съ Чичиковымъ.

Послушаемъ, напримеръ, какъ рассуждаетъ г. Полетика о нашихъ экономическихъ нуждахъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи общества сельскихъ хозяевъ, предложившаго вопросъ о томъ: можетъ-ли быть Россія исключительно земледѣльческимъ государствомъ? Петербургскія Вѣдомости, напечатавшія эту рѣчь, называютъ ее *замѣчательною*; и мы не сомнѣваемся, что она была принята за таковую большинствомъ слушателей того общества, гдѣ ораторствовалъ г. Полетика. По мнѣнію его, въ послѣдніе семь лѣтъ мы отклонились отъ истинной экономической задачи, которую указали намъ наши лучшіе государственные люди и «вотъ, восклицаетъ г. Полетика, до какихъ мы дошли результатовъ: торговля въ застоѣ; денежный рынокъ разбитъ на голову; фабрики, такъ успѣшно подвигавшіяся при мудромъ зѣждительствѣ гр. Канкринна, на половину закрыты; свеклосахарная промышленность еле дышитъ; овцеводство сдѣлалось невыгоднымъ; горнозаводская промышленность уничтожена вовсе. Что же насъ заставило сойти съ нашей прежней дороги? Вынуждались-ли мы къ тому обстоятельствами? Удостоверились-ли опытомъ въ ошибочности нашего прежняго разсчета? Ничего не бывало! Намъ понравилась теорія о всеобщей свободѣ торговли. Мы увлеклись новымъ ученіемъ». (С. Петерб. Вѣдом. 1864. № 272). А это новое ученіе, надѣлавшее намъ столько бѣдъ, привезено изъ коварной Англіи. Сначала мнѣ казалось, что г. Полетика, недавно читавшій публично

дяди о желѣзной промышленности и принадлежіи къ тому выводу, что государство, производящее мало желѣза, не можетъ имѣть ни цивилизаціи, ни гражданской свободы, — и на сто разъ, всѣ наши несчастія свалить на желѣзо; выходятъ иначе, и выносе всему европейская свободная торговля. Слѣдоват. надо отбѣгать Россіи таможенныя, возвышенныя тарифы на заграничныя продукты, наложить распоряженіе на нѣкоторые произведенія, и такимъ манеромъ завести у себя фабричную мануфактурную промышленность. Кто-бы могъ подумать, что въ обществѣ сельскихъ хозяевъ, въ 1864 году, дантъ возмущенныя меркантильной системы, которую самые отсталые эконогисты считаютъ надолгою мавсоеда? Кому-бы могло придти въ голову, промѣ г. Полетина, называть гѣнь этой варварской системы, которая, кромѣ нищеты и стѣсненія нилго не оставила по себѣ въ памяти народовъ и которую, какъ гнойную язву, пришлось вырывать нѣтъ съ живымъ мясомъ изъ человечества? И какъ это смелая газета рѣшилась называть это словозверженіе *замѣчательнымъ*? Поминать и она, что развивая логически теорію г. Полетина, надо возвратиться къ XVII столѣтію, когда наши милые предки мажлху запрени себя отъ всякаго басурманскаго ваянія и не пріѣзжало художника или ученаго смотрѣли какъ на *поганого еретика*. До такой ультра-патріотической нелѣпости не дошелъ даже такой велич.искусный мужъ, какъ г. Асаковъ. Предаваясь велию плачу о томъ, что 50,000 русскихъ неостоянно живутъ за границей, онъ ударился отъ мысли извращенія выѣзда, а вознегодовалъ только на то, что эти 50,000 людей испугались дѣятельности въ отечествѣ и предприняли вести арзанную и роскошную жизнь на улицахъ разлѣннаго запада. Даже «Московскія Вѣдомости» и по обязанности полемизирующій съ ними «Голосъ» нашли неудобнымъ для себя поддержать чей-то безобразный проектъ объ увеличеніи налога на заграничныя паспорта. Но г. Полетина храбрѣ самого г. Каткова и будто-бы ошесирующаго яну т. Краевского. Отчего мы бѣдны? — спрашиваетъ г. Полетина; отчего у насъ нѣтъ денегъ? Оттого, отвѣчаетъ онъ, что «богѣ всего намъ понравилось, въ новомъ ученіи, что деньги есть товаръ. Товаръ, разсуждали мы, надо продавать какъ можно болѣе, и воть вѣтъ нащ. деньги, безъ остатка, отиравались за границу». Достаточно сказать одну такую фразу, чтобы обличить въ себѣ племнѣйшее незнаніе самыхъ элементарныхъ началъ соціальной экономіи. Видно, что

въ головѣ г. Полетика нѣтъ ни одной путной идеи о томъ, о чемъ онъ рѣшается ораторствовать; все, что выработала экономическая наука за послѣдніа пятьдесятъ лѣтъ, то совершенно неизвѣстно ему; г. Полетика находится еще въ половинѣ XVIII вѣка по своимъ экономическимъ свѣдѣніямъ. Для него деньги—богатство и главный рычагъ экономического движенія. Такъ какъ г. Полетика рассуждаетъ такъ не одинъ, а выветъ съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, то я долженъ остановиться на этомъ пунктѣ.

Въ теоріи вопросъ очень ясенъ. Въ чемъ назначеніе денегъ? Платить за тѣ вещи или услуги, которыя мы приобретаемъ, или выражаясь экономическимъ языкомъ, служить мѣриломъ цѣнности и посредникомъ мѣны. Съ этимъ согласны даже такіе экономисты, какъ г. Полетика. Но за тѣмъ начинается разногласіе и совершенно бесполезное словопрение. Одни говорятъ, чтобъ вполнѣ удовлетворять этому назначенію, деньгамъ нужна только условная цѣнность. Ихъ сила—въ обществѣ признаки ихъ. Я признаю рубль рублемъ только потому, что онъ для всѣхъ другихъ имѣетъ ту-же цѣнность и даетъ мнѣ нужныхъ для меня вещей на рубль. Но простая мѣна вещей и услугъ, при сложныхъ социальныхъ отношеніяхъ, неудобна, то надо было установить условные знаки, опредѣляющіе относительную цѣнность; и вотъ начало и значеніе денегъ. Другіе на это возражаютъ: нѣтъ, силу денегъ составляетъ ихъ внутренняя цѣнность. Рубль только потому считается рублемъ, что содержитъ опредѣленное количество золота или серебра, дѣйствительно и постоянно стоящихъ рубль; иначе никто не согласился-бы признать его рублемъ и никто не сталъ-бы принимать его за опредѣленную цѣнность. Такъ думала меркантильная рутинна и на основаніи этого общепринятаго предразсудка построила всю систему кредитныхъ учрежденій, такъ называемаго торговаго баланса и воображаемаго равновѣсія между металлическимъ фондомъ и бумажными денежными знаками.

Но нелѣпость этой системы можетъ поддерживаться еще практикой, а наука давно отвергла ее. Если смотрѣть на золото и серебро съ экономической точки зрѣнія, со стороны пользы, какъ главного и высшаго начала социальной науки, то благородные металлы теряютъ всякую внутреннюю цѣнность; по влиянію своему на производство и на увеличеніе капитала, они стоятъ гораздо ниже мѣди и желѣза. Для дикаря они имѣютъ меньшую цѣну, чѣмъ раковины, потому что дикарь находитъ для себя полезнѣе раковины,

цѣны золота и серебра. Точно также рассуждало бы и образованное общество, если-бы члены его условились принимать для выраженія денежной единицы другое вещество. Съ той минуты, какъ только золото и серебро перестаютъ быть деньгами, цѣна ихъ, вѣроятно, упала бы ниже мѣди. Какъ предметы роскоши, они могли бы удерживать за собой относительную цѣнность, подобно цвѣтнымъ стекламъ и бусамъ, плѣняющимъ воображеніе Готтентота; но экономическая наука не имѣетъ ничего общаго съ требованіями эстетики. Что благородные металлы не имѣютъ въ себѣ той внутренней и постоянной цѣнности, какую приписываютъ имъ экономисты, это подтверждается и тѣмъ, что количество ихъ въ послѣднее время стало возрастать въ огромныхъ размѣрахъ, а по мѣрѣ накопленія и цѣна ихъ стала сильно колебаться. Колебаніе это особенно замѣтно на повышеніи товарныхъ цѣнъ. Такъ Кольбъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, доказываетъ, что въ 1856 году во Франціи на 141 франкъ можно было купить вещей не болѣе того, сколько за десять лѣтъ прежде покупалось за 100 фр. *Въ той же пропорціи упала и цѣнность денегъ.* Точно къ такому же результату можно придти вездѣ, гдѣ есть возможность прослѣдить за нѣсколькими лѣтъ относительное повышеніе цѣнъ на товары. Но и это обстоятельство не убѣждаетъ экономистовъ въ томъ, что они противорѣчатъ главнымъ догматамъ своего ученія: *Золото и серебро не составляютъ богатства.* Эта истина, высказанная отцемъ экономической школы, Адамомъ Смитомъ, на повалъ убила меркантильную систему и обратилась въ краеугольный камень политической экономіи. Кто рѣшился-бы утверждать теперь, что богатство государства зависитъ отъ количества находящагося въ немъ золота и серебра, тотъ былъ бы осмѣянъ не только въ обществѣ сельскихъ хозяевъ, но и въ собраніи двухъ—трехъ смышлевыхъ школьничковъ. А между тѣмъ г. Полетика удостоивается у насъ рукоплесканій и рѣчь его называется замѣчательною.

Но за г. Полетику и его единомышленниковъ, повидимому, стоитъ почтенная практика, неразлучная подруга рутины. Дѣйствительно, когда дѣло доходитъ до практическаго примѣненія истины, высказанной Адамомъ Смитомъ, всѣ становятся въ тупикъ и экономическія понятія начинаютъ путаться и противорѣчить себѣ. Наука говоритъ одно, а практика другое; но если-бы практика и оправдывала дакую-нибудь нелѣпость, то изъ этого не слѣдуетъ, что ложь пере-

стать бытъ ложью. На практику опирались американскіе плантаторы; но кто-же изъ мыслящихъ людей могъ согласиться съ этимъ, и легче-ли было Америкѣ оттого, что чудовищный предрасудокъ рабства оправдывался практическими цѣлями?

Въ вопросѣ о деньгахъ, какъ о дѣйствительномъ богатствѣ, имѣющемъ внутреннюю цѣнность, самая практика плохо поддерживаетъ экономистовъ. Сказано выше, что золото и серебро, какъ главные представители мѣны, теряютъ свою постоянную цѣнность. Рядомъ съ этимъ явленіемъ совершается другое — вытѣсненіе металлическихъ знаковъ бумажными. Развитіе промышленности и быстрота орговыхъ оборотовъ съ каждымъ годомъ подрываютъ господствующій авторитетъ золота и серебра. Это фактъ безспорный, и окончательно рѣшающій разніе между меркантилистами и ихъ противниками. Но развѣ практика не доказываетъ, возражаютъ экономисты, не только колебанія и совершеннаго упадка бумажныхъ денегъ, какъ это случилось съ великолѣпной спекуляціей Ло, съ французской республикой, съ Австріей и проч.? Къ сожалѣнію, узость взгляда и на этотъ разъ сбиваетъ съ толку практиковъ. Дѣйствительно, ассигнаціи часто падали; но что было причиною ихъ паденія? Негодность ихъ или неблагоприятныя условія, сопровождавшія ихъ?— Это одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, всторый обходятъ экономисты глубокимъ молчаніемъ. На дѣлѣ сказывается, что всякій разъ ассигнаціи принимались превосходно и обращались не только наравнѣ съ монетою, но даже съ лажемъ, Паденіе ихъ было вызываемо увеличеніемъ ихъ количества, сверхъ дѣйствительной потребности, существующей на нихъ. Это явленіе вполне понятное. Назначеніе денегъ—быть посредникомъ мѣны; значить количество, ихъ должно обуславливаться *потребностію* въ нихъ, опредѣляемою состояніемъ народной дѣятельности. Какъ только онѣ превышаютъ эту потребность, онѣ должны подчиняться общему экономическому закону, т. е. падать въ цѣнѣ. Ложная теорія вела къ ложнымъ результатамъ. Во Франціи, во время республики, и ассигнацій было выпущено на 45 1/2 миллиардовъ, когда цѣнность національныхъ имуществъ не превышала 2 1/2 миллиардовъ. Понятно, что такое количество бумажныхъ знаковъ, далеко стояло выше дѣйствительной потребности въ нихъ; и онѣ упали. Кроме того надѣ имѣть въ виду и другое обстоятельство; ассигнаціи, какъ и металлъ, составляютъ государственныи монополь; правительство главный потребитель ихъ, и каждый новый выпускъ слу-

лать признакомъ усиленныхъ расходовъ и не советѣть прочнаго состоянія дѣлу. Это обстоятельство, конечно, вліяло на всѣхъ; итѣннѣе дѣло съ правительствомъ, а въ такомъ положеніи прямо или косвенно находится все населеніе страны. Понятно, что при такихъ условіяхъ народная дѣятельность должна не усиливаться, а ослабѣвать; слѣдовательно, количество орудій мѣны увеличивалось въ то время, когда потребность на нихъ уменьшалась; и потому денежные знаки падали въ цѣнѣ. Собирая это обстоятельство, можно убѣдиться, что паденіе ассигнацій зависитъ не отъ матеріала, изъ котораго ихъ дѣлаютъ, а отъ общихъ экономическихъ условий. Съ золотомъ и серебромъ, въ подобномъ случаѣ, повторяется тоже самое. Во Франціи за послѣдніе десять лѣтъ количество монеты увеличилось на $1\frac{1}{2}$ миллиарда, а цѣнность ея упала на 30%. Что же было-бы при внезапномъ увеличеніи металлическаго фонда до 45 миллиардовъ? Удивительно-ли, что за 70 лѣтъ прежде, когда народная дѣятельность была несравненно слабѣе, чѣмъ теперь, внезапный наплывъ такой массы денегъ уронилъ ихъ цѣнность? Но винить въ этомъ бумагу рѣшительно нѣтъ никакого основанія. И какъ-бы практика не искажала факты, но экономическій законъ остается въ полноѣ своей силѣ: изъ чего-бы деньги не были сдѣланы, количество ихъ должно быть пропорціонально потребности въ нихъ, а потребность обусловливается развитіемъ народной дѣятельности. Какъ только эта потребность дѣлается ниже наличнаго обращенія денегъ, онѣ падаютъ, будь онѣ золотомъ или бумагой.

Но бумага можетъ обращаться, говорятъ экономисты, только какъ представитель металла, а потому банки, выпуская билеты, должны держаться извѣстной пропорціи между ними и наличнымъ фондомъ. Статистика показываетъ, что эта пропорція обыкновенно выражается какъ 3 : 1. Банки такъ и поступаютъ. Но если билеты принимаются какъ деньги, только въ силу того, что они представляютъ металлъ, то высшая нормальная пропорція ихъ къ фонду должна быть, какъ 1 : 1 чего на самомъ дѣлѣ нигдѣ не бываетъ. А между тѣмъ эту воображаемую пропорцію вѣрятъ всѣ практическіе люди. Нѣтъ сомнѣній, что пропорція необходима,—но только не между бумажными и металлическими деньгами, а между всякаго рода деньгами и суммой народной дѣятельности. Если дѣятельность ничтожна, а денегъ выпускается много, тогда равновѣсіе нарушается и наступаетъ радикальный финансовый кризисъ. Но для опредѣленія этого равновѣсія нѣтъ никакихъ научныхъ дан-

ныхъ. Даже приблизительно неизвѣстно, сколько и какихъ денегъ обращается въ той или другой сторонѣ и какія существуетъ суммы сдѣлокъ, для которыхъ онѣ служатъ. Нельзя съ точностію опредѣлить, что входитъ въ составъ денегъ. Современная спекуляція создала громадную массу такъ называемыхъ бумажныхъ цѣнностей, акцій, облигацій и другихъ процентныхъ билетовъ. Между ними и деньгами стараются провести рѣзкое различіе, а между тѣмъ очень часто этого различія вовсе не существуетъ. Такимъ образомъ, вопросъ усложняется и путаница доходитъ до того, что правильно смотрѣть на экономическія явленія почти невозможно. Такъ у насъ недавно случился замѣчательный фактъ. Въ то время, какъ экономисты оплакивали нашъ рынокъ, переполненный кредитными билетами и совѣтовали извлечь ихъ изъ обращенія, московское купечество, жалующееся на недостатокъ денежныхъ знаковъ, просило новаго выпуска. Кажется, одного этого факта было бы достаточно для того, чтобы вразумить нашихъ экономистовъ, если-бъ только рутинна способность была вразумляться чѣмъ бы то ни было.

Въ Россіи финансовая система въ высшей степени благопріятствуетъ правильной организаціи кредита, хотя мы не упустили ни одного случая, чтобы своротить его съ прямого пути и подготовить въ будущемъ массу серьезныхъ кризисовъ. Дѣло въ томъ, что послѣ Крымской войны у насъ находилось въ обращеніи 700 милліоновъ ассигнаціями и пропорція между металлическимъ фондомъ и бумажками относилась, какъ 1: 7. Это обстоятельство должно ошеломить любаго изъ нашихъ финансистовъ; а между тѣмъ эти 700 милліоновъ обращались въ народъ безъ всякаго затрудненія. Этого мало: они оказали Россіи существенную услугу въ самую критическую ея эпоху. Если-бъ въ то время держались строго экономической теоріи, то вмѣсто выпуска кредитныхъ билетовъ, нужно было бы дѣлать займы. Положеніе самое незавидное. Во-первыхъ, трудно было занять, находясь въ враждебныхъ отношеніяхъ къ двумъ самымъ богатымъ странамъ Европы, во-вторыхъ, долгъ увеличился бы, по меньшей мѣрѣ, на 100 милліоновъ, сравнительно съ кредитными билетами, да сверхъ того прибавилось бы, въ видѣ процентовъ, не менѣе, 25 милліоновъ ежегодныхъ вѣчныхъ платежей. Что же могло ожидать насъ при другихъ неудачахъ, въ виду богатаго непріятеля? Оцѣнить вѣроятность всѣхъ жертвъ, которыя бы пришлось понести намъ, почти невозможно. Но мы

были спасены нашей патриархальной кредитной системой; не будь ея, мы потеряли бы жесточайшее банкротство. И если-бъ, слѣдуя теоріи экономистовъ и не желая нарушать пропорціи между металлическими фондомъ и ассигнаціями, не выпустили бы кредитныхъ билетовъ, то разыграли бы роль того богатыря, который съ камнемъ за пазухой пускался въ далекія путешествія. Но послѣ войны были оофициально превращены разнѣмъ билетовъ на монету. Вся масса ихъ болѣе 600, а потомъ болѣе 700 милліоновъ обратились въ ассигнаціи или, по ученію экономистовъ, въ ничего нестоющую бумагу. И однако они по прежнему продолжаютъ обращаться. Говорили о ихъ паденіи, нѣкоторые даже предсказывали размѣръ пониженія; но что значило все это: сравнительно съ громаднымъ фактомъ: обращенія неразмѣнчиваемыхъ 700 милліоновъ бумажныхъ знаковъ среди такого бѣднаго населенія, какъ наше? И въ это самое время московское купечество потребовало новаго выпуска ассигнацій. Для людей, понимающихъ всю важность кредитной системы, этотъ фактъ совершенно понятенъ, если-бъ умѣли пользоваться имъ, то мы развѣшили-бы множество вопросовъ, о которые спотыкаемся на каждомъ шагу, и не испытали-бы той денежной лихорадки, которая въ послѣдніе годы бросала насъ то въ жаръ, то въ ознобъ.

Такимъ образомъ, и наука и практика ясно доказываютъ цѣльность экономической теоріи, основывающей народное богатство на деньгахъ и приписывающей имъ внутреннюю цѣнность. Ни того, ни другаго значенія онѣ не имѣютъ, и если защитники меркантильной системы желаютъ быть послѣдовательными, то пусть откажутся отъ всякой солидарности съ современными требованіями экономического прогресса или, не останавливаясь ни передъ какими результатами, возобновляютъ варварскія времена международныхъ разбоевъ и безусловной эксплуатаціи челоуѣческаго труда капиталомъ. Компромисса тутъ не можетъ быть никакого; ни японская, ни европейская практика не могутъ оправдать ученія, ведущаго людей къ безсилію и нищетѣ. Если деньги—дѣйствительное богатство народа, то пусть экономисты поддерживаютъ спекуляцію, ажіотажъ, лихоимство, банкротство, ложь и обманъ взаимныхъ общественныхъ отношеній,—однимъ словомъ все, что логически вытекаетъ изъ ихъ теоріи. Никакія либеральныя фразы, никакое лицемеріе передъ истиной не проведетъ того, кто привыкъ вглядываться въ экономическіе вопросы безъ предубѣжденія и поклоненія рутинѣ.

Но надо сознаться, что не одни банкиры, биржевые игроки и всёхъ сортовъ спекуляторы раздѣляютъ мнѣніе нашихъ меркантилистовъ; большинство общества, думающаго ходячими идеями своего времени, также стоитъ на сторонѣ общепринятаго предрассудка. Оно также, какъ и г. Полетина, разсуждаетъ, что мѣриломъ народнаго благосостоянія служить деньги, что страна, не имѣющая много денегъ, бѣдна, что законецъ замѣнять монету бумажными знаками—значить разорять общество. Это мы слышимъ ежеминутно; эти идеи распространены въ нашихъ головахъ, какъ мѣдные пятаки въ карманахъ. И если вы докажете, какъ $2 + 2 = 4$, что Россія бѣдна не оттого, что у нея мало денегъ, что она не разбогатѣетъ ни на волосъ, если ея 700 милліоновъ кредитными билетами обратить въ звонкую монету, вашу мысль назовутъ утопіей или злонамѣреннымъ желаніемъ идти противъ существующаго порядка вещей. Эта узкость взгляда и привычка думать чужими мыслями сопровождаются плачевными послѣдствіями въ нашей практической жизни. Всякій разъ, какъ мы попадали на болѣе рациональный путь разрѣшенія социальныхъ вопросовъ, насъ отталкивало отъ этого пути, и мы чувствовали, что намъ легче идти окольной, чѣмъ прямой дорогой; и потому ни одно дѣйствительно полезное предпріятіе не удалось намъ, какъ слѣдовало бы ожидать. Для примѣра можно указать хоть на земскіе банки. Учрежденіе ихъ было значительной уступкой въ пользу общественной кредитной организаціи и въ подрывъ монополіи нашихъ государственныхъ банковъ, — вызывомъ принять участіе въ нашихъ существенныхъ интересахъ, но большинство отнеслось къ этому дѣлу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Экономисты наговорили много разнаго вздору по этому поводу, и общество, насъ сквозь пропитанное меркантильными понятіями, не разглядѣло серьезныхъ выгодъ за своими мелкими расчётами. И земскіе банки остались не при чемъ. Та же участь постигла большую часть нашихъ компанейскихъ ассоціацій. Составлялись онѣ быстро, планы и программы ихъ писались краснорѣчиво, общество смотрѣло на нихъ съ довѣріемъ, повидимому, все ручалось за успѣхъ, но не доставало одного яснаго и широкаго взгляда на экономическую сторону ихъ, и онѣ полопались, какъ мыльные пузыри. Поэтому я глубоко убѣжденъ, что до тѣхъ поръ, пока мы не очистимъ своихъ экономическихъ понятій отъ меркантильной чешушки, пока наша журналистика не перестанетъ переливать мѣзъ пустаго въ порожнее, со словъ экономической теоріи, социальная

наша деятельность будет попадать изъ буфера въ рогожку. При настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни есть два пути, которыми можно прийти къ уразумѣнію настоящей необходимости экономическаго быта и облегчить его не политическими, а радикальными средствами. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ книжкахъ нашего журнала.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОНЪ.

Къ № 10-му.

- Въ г. Жидору г. Виноградову.** Жалоба ваша на недопученіе №№ 1 и 6 сообщена въ Газ. Экспед. Означенные №№ посланы вамъ *вторично*.
- Въ г. Щири, г. жль Лесевичъ.** Жалоба ваша на недопученіе №№ 3 и 8 была сообщена въ Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 3 посланъ вамъ 23 апрѣля при описѣ на Курскъ за № 49, а № 8 октября 8-го за № 58. Кромѣ того означенные №№ посланы редакцію вамъ *вторично*.
- Въ Екатеринаславль г. Скуба.** Жалоба ваша на недопученіе № 6-го была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 6-й былъ посланъ вамъ 31-го іюля въ числѣ 12 экзмп. въ тѣхъ за № 31-мъ и изъ возвращенной карты видно, что онъ полученъ 11-го августа. Кромѣ того № 6 посланъ вамъ редакцію *вторично*.
- Въ Цолтаву г. Бабаніу.** Жалоба ваша на недопученіе № 10 за 1863 г. была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что онъ былъ посланъ вамъ въ числѣ 9-ти экз. декабря 9-го за № 56-мъ. № 10-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ Царевъ г. Душкину.** Жалоба ваша на недопученіе № 8 сообщена Газетной Экспедиціи и ожидается отвѣтъ; № 8-й носылается вамъ *вторично*.
- Въ Нарчицкѣ г. Переломову.** Жалоба ваша на недопученіе №№ 6, 7, 8 и 9-го была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 6-й посланъ вамъ 31-го іюля, № 7-й—сентября 4-го, № 8—октября 8-го и № 9—ноября 12-го. Кромѣ того № 6 посланъ вамъ *вторично*.
- Въ г. Слуцькѣ г. фонъ-Шульцъ.** Жалоба ваша на недопученіе №№ 8 и 9 сообщена Газетной Экспедиціи и ожидается отвѣтъ.
- Въ Красноставѣ г. Котельникову.** Жалоба ваша на недопученіе №№ 8 и 9 была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 8-й посланъ вамъ октября 8-го, а № 9—ноября 12-го.
- Въ Казань г. Кузавину.** Жалоба ваша на недопученіе № 9-го сообщена Газ. Экспед., № 6-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ ст. Старо-Корсунскую библ. Тверскаго др. № 15 полка.** Жалоба ваша на недопученіе № 6-го сообщена Газ. Эксп. № 6-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ 1-й гренадерскій стрѣльковый Гер. Менкл. Стрѣльчатого баталіонъ.** Жалоба ваша на недопученіе № 7-го была сообщена Газетной Экспедиціи, которая отвѣтила, что № 7-й посланъ въ Экспедицію 4 сентября и, какъ видно изъ возвращенной карты, полученъ тамъ 20 сентября.
- Въ Бузульму г. смотрителю Бузульскихъ училищъ.** Деньги 8 руб. получены; книжки вамъ высланы 25-го ноября. На условія ваши относительно подписки на «Русское Слово» въ 1865 году редакція согласна.
- Въ Минусинскѣ г. Самохвалову.** Денегъ на подписку на 1865 годъ отъ васъ не получено №№ же будутъ вамъ высылаться по мѣрѣ выхода ихъ.

Въ Москву, бібліотеку Ростовскаго гренадерскаго полка. На жалобу вашу о неполученіи №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 Газетная Экспедиція отвѣтила, что первые пять номеровъ посланы вамъ въ Вильманстрандъ и, какъ изъ возвращенныхъ картъ видно, получены тамъ, именно: № 1-й полученъ въ Вильманстрандъ 10 марта, № 2-й—апрѣля 7-го, № 3-й—мая 8-го, № 4-й—юня 12-го, № 5-й іюля 14-го, № же 6-й посланъ вамъ, въ Красное Село и полученъ тамъ 30-го іюля. При этомъ Гав. Эисп. сообщаетъ, что о скорѣйшемъ удовлетвореніи васъ представлено Спб. почтамту.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА» ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

Отъ кого.

сколько.

Отъ г. казначея канцеляріи новгородскаго и бес. ген. губернатора 52 р. за послѣднюю треть.

Отъ г. Лукомскаго 5 р. 25 к. за послѣднюю треть и сентябрьскую книжку, 6 руб., за вторую треть.

Отъ г. Лузгина 6 рублей, за вторую треть.

Отъ г. штат. смотрителя Елабужскаго училища 4 р., за послѣднюю треть.

Отъ директора херс. гимназіи 14 р. за высылку Рус. Сл. въ 1864 году.

Отъ г. казначея тюльскаго палаты уголовного и гражданскаго суда 112 руб.

Отъ г. Скрипичина 14 руб. за высылку Русскаго Слова за 1864 годъ.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1865 ГОДЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

Отъ кого

сколько (по разсрочкѣ):

Отд. нарвнкой легкой бат. 40 арт. бригады 7 рублей за 1 экземпляръ.

Отъ Пермской губл. бібліотеки 14 рублей (по разср.) за 2 —

Отъ управ. казанскимъ земл. училищемъ и фермою 14 р. — 1 —

Отъ нижегородской казенной палаты . . . 14 р. — 1 —

Отъ начальника стрѣлковыхъ ротъ въ Велювъ 14 р. — 1 —

ОБЪ ИЗДАНИИ

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

въ 1862 году.

Въ будущемъ году „Библиотека для Чтенія“ будетъ издаваться по той же программѣ и будетъ посвящена преимущественно главной задачѣ нашей эпохи, внутреннему развитію русской жизни. Держась независимо отъ всѣхъ журнальныхъ партій, не отдавая себя въ кабалу теоріи, мы постараемся искать рѣшенія возникающихъ вопросовъ въ смыслѣ практическомъ, осуществимомъ, а не въ однихъ отвлеченныхъ формулахъ. Матеріальнымъ интересамъ общества: сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности и пр. мы отводимъ значительное мѣсто въ нашемъ журналѣ.

Чтобы имѣть возможность ближе слѣдить за практическими задачами современности, мы еще въ декабрѣ прошлаго года испросили себѣ разрѣшеніе г. Министра Вн. Дѣлъ выходить не одинъ разъ въ мѣсяцъ, но каждыя двѣ недѣли. Въ нынѣшнемъ году обстоятельства помѣшали намъ воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ, но въ будущемъ, если двухнедѣльный выходъ дѣйствительно будетъ достигать цѣли и не повлечетъ за собою особенныхъ затрудненій, мы станемъ выходить по двѣ книжки ежемѣсячно, въ началѣ и срединѣ каждаго мѣсяца. Въ противномъ случаѣ, мы оставляемъ за собою право вернуться къ настоящей формѣ изданія, т. е. одною книжкою въ мѣсяцъ.

Кромѣ большинства лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ нашемъ журналѣ, въ нынѣшнемъ году, мы приобрѣли еще многихъ другихъ сотрудниковъ, и постоянно заботимся объ увеличеніи силъ редакціи.

А. Н. Островскій обѣщаль намъ въ началу 1865 года одну изъ своихъ новыхъ комедій. Мы имѣемъ обѣщаніе *И. С. Тургенева* помѣстить въ нашемъ журналѣ повѣсть. *Н. И. Костомаровъ* передалъ намъ свои лекціи: „Брестъ-Литовская Унія, отрывокъ изъ исторіи казачества“.

Кромѣ того, въ первыхъ книжкахъ будущаго года мы помѣстимъ

„Земскія силы“ романъ П. Д. Боборыкина. Повѣсть М. Стебни-
 каю. Разсказъ В. Крестовскаго (автора: „Въ ожиданіи лучшаго“)
 Автобіографію П. И. Якушкина. Очерки И. Весельева. „О русской
 промышленности въ древней Россіи“ Н. Я. Аристовъ. „Записки
 Горсея о Россіи XVI вѣка“, съ предисловіемъ и примѣчаніями
 Н. И. Костоморова. Разсказъ И. С. Генслера. Рядъ статей пред-
 сѣдателя Нижегородскаго, Ирарочскаго, Бирлеваго комитета А. П.
 Шурова, подъ общимъ заглавіемъ: „Значеніе Нижегородской ар-
 марки и ея отношенія къ внутренней торговлѣ и промышленности“.
 Рядъ статей И. Т. Сумарокова о внутреннихъ, провинціальныхъ
 и преимущественно землевладѣльческихъ интересахъ, подъ общимъ
 названіемъ: „Деревенскія нивыма“. Это все постоянныя, критиче-
 скіе обзоры нашей сельско-хозяйственной литературы. Посто-
 янныя, по примѣру предыдущихъ двухъ лѣтъ, критическія статьи
 по поводу текущихъ явленій нашей научной литературы Е. Н.
 Эдельсона.

Мы просимъ гг. погородныхъ адресовать свои требованія:

Исключительно: Въ редакцію „БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ“, помѣщеніе которой всегда извѣстно Почтамту.

Подписка отъ жителей столицъ принимается:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторахъ журнала „Библиотека для Чтенія“, при книжныхъ магазинахъ В. П. Печаткина и И. Ф. Келчевева на Невск. пр., противъ Гостин. двора, въ д. Армянской церкви. А. Ф. Базунова, на Невскомъ, въ домъ Энгельгардта.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала „Библиотека для Чтенія“, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, противъ университетской типографіи, въ домъ Заградскаго.

Выходя двумя книжками въ мѣсяцъ, мы находимъ возможнымъ оставить подписную цѣну прежнюю:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:
 15 рублей серебромъ.

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ИЛИ ДОСТАВКОЮ:
 16 рублей 50 копѣекъ серебромъ.

